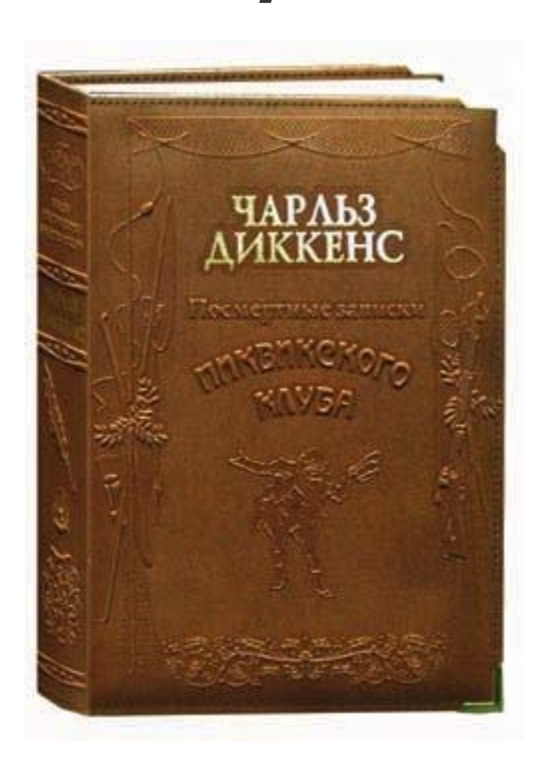
Диккенс Чарльз

Посмертные записки Пиквикского клуба



ПРЕДИСЛОВИЕ

[1]В предисловии к первому изданию «Посмертных Записок Пиквикского Клуба» было указано, что их цель – показать занимательных героев и занимательные приключения; что в ту пору автор и не пытался развить замысловатый сюжет и даже не считал это осуществимым, так как «Записки» должны были выходить отдельными выпусками, и что по мере продвижения работы он постепенно отказался от самой фабулы Клуба, ибо она явилась помехой. Что касается одного из этих пунктов, то впоследствии опыт и работа кое-чему меня научили и теперь, пожалуй, я предпочел бы, чтобы эти главы были связаны между собой более крепкой нитью, однако они таковы, какими были задуманы.

Мне известны различные версии возникновения этих Пиквикских Записок, и для меня, во всяком случае, они отличались прелестью, полной неожиданности. Появление время от времени подобных домыслов дало мне возможность заключить, что мои читатели интересуются этим вопросом, а потому я хочу рассказать о том, как родились эти Записки.

Был я молод – мне было двадцать два – двадцать три года, – когда мистеры Чепмен и Холл, обратив внимание на кое-какие произведения, которые я помещал тогда в газете «Морнинг Кроникл» или писал для «Олд Монсли Мегезин» (позже была издана серия их в двух томах с иллюстрациями мистера Джорджа Круктенка), явились ко мне с предложением написать какое-нибудь сочинение, которое можно издать отдельными выпусками ценой в шиллинг – в то время я, да, вероятно, и другие знали о таких выпусках лишь по смутным воспоминаниям о каких-то нескончаемых романах, издаваемых в такой форме и

распространяемых странствующими торговцами по всей стране, – помню, над иными из них я проливал слезы в годы моего ученичества в школе Жизни.

Когда я распахнул свою дверь в Фарнивел-Инн перед компаньоном, представителем фирмы, я признал в нем того самого человека, – его я никогда не видел ни до, ни после этого, – из чьих рук купил два-три года назад первый номер Мегезина, в котором со всем великолепием было напечатано первое мое вдохновенное произведение из «Очерков» под заглавием «Мистер Миннс и его кузен»; однажды вечером, крадучись и дрожа, я со страхом опустил его в темный ящик для писем в темной конторе в конце темного двора на Флит-стрит. По сему случаю я отправился в Вестминстер-Холл и зашел туда на полчаса, ибо глаза мои так затуманились от счастья и гордости, что не могли выносить вид улицы, да и нельзя было показываться на ней в таком состоянии. Я рассказал моему посетителю об этом совпадении, которое показалось нам обоим счастливым предзнаменованием, после чего мы приступили к делу.

Сделанное мне предложение заключалось в том, чтобы я ежемесячно писал нечто такое, что должно явиться связующим звеном для гравюр, которые создаст мистер Сеймур, и то ли у этого превосходного художника-юмориста, то ли у моего посетителя возникла идея, будто наилучшим способом для подачи этих гравюр явится «Клуб Нимрода», члены которого должны охотиться, удить рыбу и всегда при этом попадать в затруднительное положение из-за отсутствия сноровки. Подумав, я возразил, что хотя я родился и рос в провинции, но отнюдь не склонен выдавать себя за великого спортсмена, если не считать области передвижения во всех видах что идея эта отнюдь не нова и была не раз уже использована; что было бы гораздо лучше, если бы гравюры естественно возникали из текста, и что мне хотелось бы идти своим собственным путем с большей свободой выбирать людей и сцены из английской жизни, и я боюсь, что в конце концов я так и поступлю, независимо от того, какой путь изберу для себя, приступая к делу. С моим мнением согласились, я задумал мистера Пиквика и написал текст для первого выпуска, а мистер Сеймур, пользуясь гранками, нарисовал заседание Клуба и удачный портрет его основателя – сей последний был создан по указаниям мистера Эдуарда Чепмена, описавшего костюм и внешний вид реального лица, хорошо ему знакомого. Памятуя о первоначальном замысле, я связал мистера Пиквика с Клубом, а мистера Уинкля ввел специально для мистера Сеймура. Мы начали с выпусков в двадцать четыре страницы вместо тридцати двух и с четырех иллюстраций вместо двух. Внезапная, поразившая нас смерть мистера Сеймура, – до выхода из печати второго выпуска, – привела к незамедлительному решению вопроса, уже назревавшего: выпуск был издан в тридцать две страницы только с двумя иллюстрациями, и такой порядок сохранился до самого конца.

С большой неохотой я вынужден коснуться туманных и бессвязных утверждений, сделанных якобы в интересах мистера Сеймура, будто он принимал какое-то участие в замысле этой книги или каких-то ее частей, о чем не указано с надлежащей определенностью в предшествующих строках. Из уважения к памяти брата-художника и из уважения к самому себе я ограничусь здесь перечислением следующих фактов:

Мистер Сеймур не создавал и не предлагал ни одного эпизода, ни одной фразы и ни единого слова, которые можно найти в этой книге. Мистер Сеймур скончался, когда были опубликованы только двадцать четыре страницы этой книги, а последующие сорок восемь еще не были написаны. Никогда я не видел почерка мистера Сеймура. И только один раз в жизни я видел самого мистера Сеймура, а было это за день до его смерти, и тогда он не делал никаких предложений. Видел я его в присутствии двух человек, ныне здравствующих, которым прекрасно известны все эти факты, и их письменное свидетельство находится у меня. И, наконец, мистер Эдуард Чепмен (оставшийся в живых компаньон фирмы Чепмен и Холл) изложил в письменной форме, из предосторожности, то, что ему лично известно о происхождении и создании этой книги, о чудовищности упомянутых необоснованных утверждений и о явной невозможности (детально проверенной) какого бы то ни было их

правдоподобия. Следуя принятому мною решению быть снисходительным, я не буду цитировать сообщение мистера Эдуарда Чепмена о том, как отнесся его компаньон, ныне покойный, к упомянутым претензиям.

«Боз», мой псевдоним в «Морнинг Кроникл» и в «Олд Монсли Мегезин», появившийся и на обложке ежемесячных выпусков этой книги и впоследствии еще долго остававшийся за мной, – прозвище моего любимого младшего брата, которого я окрестил «Мозес» в честь векфилдского священника; это имя в шутку произносили в нос, оно превратилось в Бозес и уменьшительно – в Боз. Это было словечко из домашнего обихода, хорошо знакомое мне задолго до того, как я стал писателем, и потому-то я выбрал его для себя.

О мистере Пиквике говорили, что, по мере того как развертывались события, в характере его произошла решительная перемена и что он стал добрее и разумнее. По моему мнению, такая перемена не покажется моим читателям надуманной или неестественной, если они вспомнят, что в реальной жизни особенности и странности человека, в котором есть что-то чудаковатое, обычно производят на нас впечатление поначалу, и, только познакомившись с ним ближе, мы начинаем видеть глубже этих поверхностных черт и узнавать лучшую его сторону.

Если найдутся такие благонамеренные люди, которые не замечают разницы (а иные ее не заметили, когда только что появились в печати «Пуритане»[2] между религией и ханжеством, между благочестием истинным и притворным, между смиренным почитанием великих истин Писания и оскорбительным внедрением буквы Писания – но не духа его – в самые банальные разногласия и в самые пошлые житейские дела, – пусть эти люди уразумеют, что в настоящей книге сатира направлена всегда против последнего явления и никогда против первого. Далее: в этой книге последнее явление изображено в сатирическом виде, как несовместимое с первым (что подтверждает опыт), не поддающееся слиянию с ним, как самая губительная и зловредная ложь, хорошо знакомая в человеческом обществе, – где бы ни находилась в настоящее время ее штаб-квартира – в Экстер-Холле[3], или в Эбенезер Чепл[4], или в обоих этих местах. Пожалуй, лишнее продолжать рассуждения на эту тему, столь самоочевидную, но всегда уместно протестовать против грубой фамильярности со священными понятиями, о которых глаголят уста и молчит сердце, или против смешения христиан с любой категорией людей, которые, по словам Свифта, религиозны ровно настолько, чтобы ненавидеть, и недостаточно для того, чтобы любить друг друга.

Просматривая страницы этого нового издания, я с любопытством и интересом установил, что важные социальные изменения к лучшему произошли вокруг нас почти незаметно с той поры, как была написана эта книга. Однако все еще надлежит ограничить своеволие адвокатов и хитроумные их уловки, которыми они доводят до обалдения присяжных. По-прежнему также представляется возможным ввести улучшения в систему парламентских выборов (и, быть может, даже в самый Парламент). Но правовые реформы остригли когти мистерам Додсону и Фоггу; в среду их клерков проник дух самоуважения, взаимной терпимости, просвещения и сотрудничества во имя благих целей; пункты, далеко отстоящие друг от друга, сблизились для удобства и выгоды народа и ради уничтожения в будущем полчища мелочных предрассудков, зависти, слепоты, от которых всегда страдал только народ; изменены законы о тюремном заключении за долги, а тюрьма Флит снесена!

Кто знает, может быть, к тому времени, когда реформы будут проведены до конца, обнаружится, что в Лондоне и в провинции есть судьи, которые обучены ежедневно пожимать руку Здравому смыслу и Справедливости; что даже Законы о бедных смилостивились над слабыми, престарелыми и несчастными; что школы, основанные на широких принципах христианства, являются наилучшим украшением сей цивилизованной страны от края и до края, что тюремные двери запирают снаружи не менее крепко и тщательно, чем заперты они изнутри; что последний бедняк имеет право требовать создания повсюду условий пристойной и здоровой жизни в такой же мере, в какой они обязательны для благополучия богачей и

государства; что какие-то мельчайшие учреждения и организации – более ничтожные, чем капли в великом океане человечества, грохочущем вокруг них, не вечно будут насылать по своей воле Лихорадку и Чахотку на творения божьи или игрой на своих скрипочках сопровождать Пляску Смерти.

ГЛАВА I.

Пиквикисты

Первый луч, озаряющий мрак и заливающий ослепительным светом тьму, коей окутано было начало общественной деятельности бессмертного Пиквика, воссиял при изучении нижеследующей записи в протоколах Пиквикского клуба, которую издатель настоящих записок предлагает читателю с величайшим удовольствием как свидетельство исключительного внимания, неутомимой усидчивости и похвальной проницательности, проявленных им при исследовании многочисленных вверенных ему документов:

«Мая 12, года 1827. Председательствующий Джозеф Смиггерс, эсквайр[5], В. П. Ч. П. К. В нижеследующем постановлении единогласно принято:

что названная ассоциация заслушала с чувством глубокого удовлетворения и безусловного одобрения сообщение Сэмюела Пиквика, эсквайра, П. Ч. П. К., озаглавленное: „Размышления об истоках Хэмстедских прудов с присовокуплением некоторых наблюдений по вопросу о Теории Колюшки‟; за что названная ассоциация выражает живейшую благодарность означенному Сэмюелу Пиквику, эсквайру, П. Ч. П. К.; что названная ассоциация, отдавая себе полный отчет в пользе, каковая должна воспоследовать для науки от заслушанного труда, – не меньшей, чем от неутомимых изысканий Сэмюела Пиквика, эсквайра, П. Ч. П. К., в Хорнси, Хайгете, Брикстоне и Кемберуэле[6], – не может не выразить глубокой уверенности в неоценимости благ, которые последуют, буде этот ученый муж для прогресса науки и в просветительных целях перенесет свои исследования в области более широкие, раздвинет границы своих путешествий и, следовательно, расширит сферу своих наблюдений; что, исходя из этого, названная ассоциация всесторонне обсудила предложение вышеупомянутого Сэмюела Пиквика, эсквайра, П. Ч. П. К., и трех других пиквикистов, поименованных ниже, об организации в составе Объединенных пиквикистов нового отдела под названием Корреспондентское общество Пиквикского клуба; что указанное предложение принято и одобрено названной ассоциацией, что Корреспондентское общество Пиквикского клуба сим учреждается, что вышеупомянутый Сэмюел Пиквик, эсквайр, П. Ч. П. К., Треси Тапмен, эсквайр, Ч. П. К., Огастес Снодграсс, эсквайр. Ч. П. К., и Натэниел Уинкль, эсквайр, Ч. П. К., сим назначаются и утверждаются членами означенного общества и что на них возлагается обязанность препровождать время от времени в Пиквикский клуб в Лондоне достоверные отчеты о своих путешествиях, изысканиях, наблюдениях над людьми и нравами и обо всех своих приключениях, совокупно со всеми рассказами и записями, повод к коим могут дать картины местной жизни или пробужденные ими мысли; что названная ассоциация с искренней признательностью приветствует устанавливаемый для каждого члена Корреспондентского общества принцип оплачивать собственные путевые издержки и не усматривает препятствий к тому, чтобы члены указанного общества занимались своими изысканиями, сколь бы они ни были продолжительны, на тех же условиях; что до сведения членов вышеуказанного Корреспондентского общества должно быть доведено и сим доводится, что их предложение оплачивать посылку писем и доставку посылок было обсуждено ассоциацией; что означенная ассоциация считает такое предложение достойным великих умов, его породивших, и сим выражает свое полное согласие.

Посторонний наблюдатель, добавляет секретарь, чьим заметкам мы обязаны нижеследующими сведениями, посторонний наблюдатель не нашел бы ничего особо примечательного в плешивой голове и круглых очках, обращенных прямо к лицу секретаря во

время чтения приведенных выше резолюций, но для тех, кто знал, что под этим черепом работает гигантский мозг Пиквика, а за этими стеклами сверкают лучезарные глаза Пиквика, зрелище представлялось поистине захватывающим. Восседал муж, проникший до самых истоков величественных Хэмстедских прудов, ошеломивший весь ученый мир своей Теорией Колюшки, восседал спокойный и недвижный, как глубокие воды этих прудов в морозный день или как одинокий представитель этого рода рыб на самом дне глиняного кувшина. А сколь захватывающим стало зрелище, когда знаменитый муж, вдруг преисполнившись жизни и воодушевления, лишь только единодушный призыв: „Пиквик!‟ – исторгся из груди его последователей, медленно взобрался на уиндзорское кресло в котором перед тем восседал, и обратился к членам им же основанного клуба! Какой сюжет для художника являет Пиквик, одна рука коего грациозно заложена под фалды фрака, другая размахивает в воздухе в такт пламенной речи; занятая им возвышенная позиция, позволяющая лицезреть туго натянутые панталоны и гетры, которые – облекай они человека заурядного – не заслуживали бы внимания, но когда в них облекся Пиквик, вдохновляли, если можно так выразиться, на невольное благоговение и почтение: Пиквик в кругу мужей, которые добровольно согласились делить с ним опасности его путешествий и коим предназначено разделить славу его открытий. По правую от него руку сидит мистер Треси Тапмен, слишком впечатлительный Тапмен, сочетавший с мудростью и опытностью зрелых лет юношеский энтузиазм и горячность в самой увлекательной и наиболее простительной человеческой слабости – в любви. Время и аппетит увеличили объем этой некогда романтической фигуры; размеры черного шелкового жилета становились более и более внушительными; дюйм за дюймом золотая цепь от часов исчезала из поля зрения Тапмена; массивный подбородок мало-помалу переползал через край белоснежного галстука, по душа Тапмена не ведала перемены: преклонение перед прекрасным полом оставалось его преобладающей страстью. По левую руку от своего великого вождя сидит поэтический Снодграсс, а рядом с ним – спортсмен Уинкль; первый поэтически закутан в таинственный синий плащ с собачьей опушкой, второй придает своей персоной невиданный блеск повой зеленой охотничьей куртке, клетчатому галстуку и светло-серым панталонам в обтяжку».

Торжественная речь мистера Пиквика по данному поводу, равно как и дебаты, вошла в протоколы клуба. И то и другое обнаруживает сильное сходство с дискуссиями других прославленных корпораций; а так как всегда интересно провести параллель между деятельностью великих людей, мы переносим протокольную запись на эти страницы.

«Мистер Пиквик заметил (говорит секретарь), что слава любезна сердцу каждого. Слава поэта любезна сердцу его друга Снодграсса; слава победителя в равной мере любезна его другу Тапмену, а жажда добиться славы во всех видах спорта на суше, на море и в воздухе обуревает его друга Уинкля. Он (мистер Пиквик) не может отрицать, что беззащитен перед человеческими страстями, человеческими чувствами (одобрение) быть может, и человеческими слабостями (громкие крики: „Нет!‟); но вот что он хочет сказать: если когда-нибудь и вспыхивал в его груди огонь тщеславия – жажда принести пользу роду человеческому брала верх, и этот огонь угасал. Похвала людей для него – угроза поджога[7], любовь к человечеству – страхование от огня. (Бурные рукоплескания.) Да, он испытал некую гордость – он открыто признает это, и пусть этим воспользуются его враги, – он испытал некую гордость, даруя миру свою Теорию Колюшки, стяжала она ему славу или не стяжала. (Возглас: „Стяжала!‟ Шумное одобрение.) Да, он готов согласиться с почтенным пиквикистом, чей голос он только что слышал: она стяжала славу; но если славе этого трактата суждено было проникнуть в самые дальние углы земного шара, его авторская гордость не может сравниться с той гордостью, с какою он взирает вокруг себя в сей знаменательный момент своей жизни.

(Рукоплескания.) Он – человек незначительный. („Нет! Нет!“) Все же он не может не чувствовать, что избран сочленами на дело почетное, хотя и сопряженное с некоторыми опасностями. Путешествия протекают очень беспокойно, и умы кучеров неуравновешенны. Пусть джентльмены бросят взгляд в дальние края и присмотрятся к тому, что совершается вокруг них. Повсюду пассажирские кареты[8] опрокидываются, лошади пугаются и несут, паровые котлы взрываются, суда тонут. (Рукоплескания, голос: „Нет!“) Нет?.. (Аплодисменты.) Пусть почтенный пиквикист, произнесший так громко „нет“, выступит и попробует это отрицать. (Одобрения.) Кто произнес „нет“? (Овации.) Какой-нибудь тщеславный и оскорбленный в своем самолюбии человек... чтобы не сказать – галантерейщик (овации), завидующий тем похвалам, каких удостоились – пусть незаслуженно – его (мистера Пиквика) ученые исследования, и уязвленный порицаниями, коими встречены были жалкие его попытки соперничества, прибегает к этому презренному и клеветническому способу...

Мистер Блоттон (из Олдгета) говорит к порядку заседания. Не на него ли намекает почтенный пиквикист? („К порядку!“, „Председатель!“, „Да!“, „Нет!“, „Продолжайте!“, „Довольно!“, „Довольно!“) Мистер Пиквик не дает смутить себя криками. Он намекал именно на почтенного джентльмена. (Сильное возбуждение.) Мистер Блоттон хочет только отметить, что он с глубоким презрением отвергает непристойное и лживое обвинение почтенного джентльмена. (Громкое одобрение.) Почтенный джентльмен – хвастун! (Полное смятение, громкие крики: „Председатель!“, „К порядку!“.) Мистер Снодграсс говорит к порядку заседания. Он обращается к председателю. („Слушайте!“) Он хочет знать, неужели не положат конец недостойной распре между членами клуба? („Правильно!“) Председатель вполне уверен, что почтенный пиквикист возьмет назад свое выражение.

Мистер Блоттон заверяет, что, при всем уважении к председателю, не возьмет своего выражения назад.

Председатель считает споим непреложным долгом просить почтенного джентльмена, надлежит ли понимать выражение, которое у него сорвалось, в общепринятом смысле.

Мистер Блоттон, не колеблясь, отвечает отрицательно – он употребил выражение в пиквикистском смысле. („Правильно! Правильно!“) Он вынужден заявить, что персонально он питает глубочайшее уважение к почтенному джентльмену и считает его хвастуном исключительно с пиквикистской точки зрения. („Правильно! Правильно!“) Мистер Пиквик считает себя вполне удовлетворенным этим искренним, благородным и исчерпывающим объяснением своего почтенного друга. Он просит принять во внимание, что его собственные замечания надлежит толковать только в пиквикистском смысле. (Рукоплескания.)»

На этом протокол заканчивается, как заканчиваются, мы не сомневаемся, и дебаты, раз они завершились столь удовлетворительно и вразумительно.

Официального изложения фактов, предлагаемых вниманию читателя в следующей главе, у нас нет, но они тщательно проверены на основании писем и других рукописных свидетельств, подлинность которых настолько не подлежит сомнению, что оправдывает изложение их в повествовательной форме.

ГЛАВА II

Первый день путешествия и приключения первого вечера с вытекающими из них последствиями

Солнце – этот исполнительный слуга – едва только взошло и озарило утро тринадцатого мая тысяча восемьсот двадцать седьмого года, когда мистер Сэмюел Пиквик наподобие другого солнца воспрянул ото сна, открыл окно в комнате и воззрился на мир, распростертый внизу.

Госуэлл-стрит лежала у ног его, Госуэлл-стрит протянулась направо, теряясь вдали, Госуэлл-стрит простиралась налево и противоположная сторона Госуэлл-стрит была перед ним.

«Таковы, – размышлял мистер Пиквик, – и узкие горизонты мыслителей, которые довольствуются изучением того, что находится перед ними, и не заботятся о том, чтобы проникнуть в глубь вещей к скрытой там истине. Могу ли я удовольствоваться вечным созерцанием Госуэлл-стрит и не приложить усилий к тому, чтобы проникнуть в неведомые для меня области, которые ее со всех сторон окружают?» И мистер Пиквик, развив эту прекрасную мысль, начал втискивать самого себя в платье и свои вещи в чемодан. Великие люди редко обращают большое внимание на свой туалет. С бритьем, одеванием и кофе покончено было быстро; не прошло и часа, как мистер Пиквик с чемоданом в руке, с подзорной трубой в кармане пальто и записной книжкой в жилетном кармане, готовой принять на свои страницы любое открытие, достойное внимания, – прибыл на стоянку карет Сент-Мартенс-Ле-Гранд.

– Кэб! – окликнул мистер Пиквик.

– Пожалуйте, сэр! – заорал странный образчик человеческой породы, облаченный в холщовую блузу и такой же передник, с медной бляхой и номером на шее, словно был занумерован в какой-то коллекции диковинок. Это был уотермен[9].

– Пожалуйте, сэр! Эй, чья там очередь?

«Очередной» кэб был извлечен из трактира, где он курил свою очередную трубку, и мистер Пиквик со своим чемоданом ввалился в экипаж.

– «Золотой Крест», – приказал мистер Пиквик.

– Дел-то всего на один боб[10], Томми, – хмуро сообщил кэбмен своему другу уотермену, когда кэб тронулся.

– Сколько лет лошадке, приятель? – полюбопытствовал мистер Пиквик, потирая нос приготовленным для расплаты шиллингом.

– Сорок два, – ответил возница, искоса поглядывая на него.

– Что? – вырвалось у мистера Пиквика, схватившего свою записную книжку.

Кэбмен повторил. Мистер Пиквик испытующе воззрился на него, но черты лица возницы были недвижны, и он немедленно занес сообщенный ему факт в записную книжку.

– А сколько времени она ходит без отдыха в упряжке? – спросил мистер Пиквик в поисках дальнейших сведений.

– Две-три недели, – был ответ.

– Недели?! – удивился мистер Пиквик и снова вытащил записную книжку.

– Она стоит в Пентонвилле[11], – заметил равнодушно возница, – но мы редко держим ее в конюшне, уж очень она слаба.

– Очень слаба! – повторил сбитый с толку мистер Пиквик.

– Как ее распряжешь, она и валится на землю, а в тесной упряжи да когда вожжи туго натянуты она и не может так просто свалиться; да пару отменных больших колес приладили; как тронется, они катятся на нее сзади; и она должна бежать, ничего не поделаешь!

Мистер Пиквик занес каждое слово этого рассказа в свою записную книжку, имея в виду сделать сообщение в клубе об исключительном примере выносливости лошади в очень тяжелых жизненных условиях.

Едва успел он сделать запись, как они подъехали к «Золотому Кресту».

Возница соскочил, и мистер Пиквик вышел из кэба. Мистер Тапмен, мистер Снодграсс и мистер Уинкль, нетерпеливо ожидавшие прибытия своего славного вождя, подошли его приветствовать.

– Получите, – протянул мистер Пиквик шиллинг вознице.

Каково же было удивление ученого мужа, когда этот загадочный субъект швырнул монету на мостовую и в образных выражениях высказал пожелание доставить себе удовольствие – рассчитаться с ним (мистером Пикником).

– Вы с ума сошли, – сказал мистер Снодграсс.

– Или пьяны, – сказал мистер Уинкль.

– Вернее, и то и другое, – сказал мистер Тапмен.

– А ну, выходи! – сказал кэбмен и, как машина, завертел перед собой кулаками. – Выходи... все четверо на одного.

– Ну, и потеха! За дело, Сэм! – поощрительно закричали несколько извозчиков и, бурно веселясь, обступили компанию.

– Что за шум, Сэм? – полюбопытствовал джентльмен в черных коленкоровых нарукавниках.

– Шум! – повторил кэбмен. – А зачем понадобился ему мой номер?

– Да ваш номер мне совсем не нужен! – отозвался удивленный мистер Пиквик.

– А зачем вы его занесли? – не отставал кэбмен.

– Я никуда его не заносил! – возмутился мистер Пиквик.

– Подумайте только, – апеллировал возница к толпе, – в твой кэб залезает шпион и заносит не только твой номер, но и все, что ты говоришь, в придачу (Мистера Пиквика осенило: записная книжка.)

– Да ну! – воскликнул какой-то другой кэбмен.

– Верно говорю! – подтвердил первый. – А потом распалил меня так, что я в драку полез, а он и призвал трех свидетелей, чтобы меня поддеть. Полгода просижу, а проучу его! Выходи!

И кэбмен швырнул шляпу оземь, обнаруживая полное пренебрежение к личной собственности, сбил с мистера Пиквика очки и, продолжая атаку, нанес первый удар в нос мистеру Пиквику, второй – в грудь мистеру Пиквику, третий – в глаз мистеру Снодграссу, четвертый, разнообразия ради, – в жилет мистеру Тапмену, затем прыгнул сперва на мостовую, потом назад, на тротуар, и в заключение вышиб весь временный запас воздуха из груди мистера Уинкля – все это в течение нескольких секунд.

– Где полисмен?! – закричал мистер Снодграсс.

– Под насос их! – посоветовал торговец горячими пирожками.

– Вы поплатитесь за это, – задыхался мистер Пиквик.

– Шпионы![12] – орала толпа.

– А ну, выходи! – кричал кэбмен, не переставая вертеть перед собой кулаками.

До этого момента толпа оставалась пассивным зрителем, но когда пронеслось, что пиквикисты – шпионы, и толпе начали с заметным оживлением обсуждать вопрос, не осуществить ли им в самом деле предложение разгоряченного пирожника, и трудно сказать, на каком насилии над личностью решили бы остановиться, если бы скандал не был прерван неожиданным вмешательством нового лица.

– Что за потеха? – спросил довольно высокий худощавый молодой человек в зеленом фраке, вынырнувший внезапно из каретного двора гостиницы.

– Шпионы! – снова заревела толпа.

– Мы не шпионы! – завопил мистер Пиквик таким голосом, что человек беспристрастный не мог бы усомниться в его искренности.

– Так, значит, не шпионы? Нет? – обратился молодой человек к мистеру Пиквику, уверенным движением локтей раздвигая физиономии собравшихся, чтобы проложить себе дорогу сквозь толпу.

Ученый муж торопливо изъяснил истинное положение вещей.

– Идемте! – проговорил зеленый фрак, силою увлекая за собой мистера Пиквика и не переставая болтать. Номер девятьсот двадцать четвертый, возьмите деньги, убирайтесь – почтенный джентльмен – хорошо его знаю – без глупостей – сюда, сэр, – а где ваши друзья? – сплошное недоразумение – не придавайте значения – с каждым может случиться – в самых благопристойных семействах – не падайте духом – не повезло – засадить его – заткнуть ему глотку – узнает, чем пахнет, – ну и канальи!

И, продолжая нанизывать подобного рода бессвязные фразы, извергаемые с чрезвычайной стремительностью, незнакомец прошел в зал для пассажиров, куда непосредственно за ним последовал мистер Пиквик со своими учениками.

– Лакей! – заорал незнакомец, неистово потрясая колокольчиком. Стаканы – грог[13] горячий, крепкий, сладкий, на всех – глаз подбит, сэр? – лакей! – сырой говядины джентльмену на глаз – сырая говядина – лучшее средство от синяков, сэр, – холодный фонарный столб – очень хорошо – но фонарный столб неудобно – чертовски глупо стоять полчаса на улице, приложив глаз к фонарному столбу, – ха-ха! – не так ли? – отлично!

И незнакомец, не переводя дыхания, одним глотком опорожнил полпинты грога и бросился в кресло с такой непринужденностью, как будто ничего необычайного не произошло.

Пока трое его спутников осыпали изъявлениями благодарности своего нового знакомого, у мистера Пиквика было достаточно времени рассмотреть его внешность и костюм.

Он был среднего роста, но благодаря худобе и длинным ногам казался значительно выше. В эпоху «ласточкиных хвостов» его зеленый фрак был щегольским одеянием, но, по-видимому, и в те времена облекал джентльмена куда более низкорослого, ибо сейчас грязные и выцветшие рукава едва доходили незнакомцу до запястья. Фрак был застегнут на все пуговицы до самого подбородка, грозя неминуемо лопнуть на спине; шею незнакомца прикрывал старомодный галстук, на воротничок рубашки не было и намека. Его короткие черные панталоны со штрипками были усеяны теми лоснящимися пятнами, которые свидетельствовали о продолжительной службе, и были туго натянуты на залатанные и перелатанные башмаки, дабы скрыть грязные белые чулки, которые тем не менее оставались на виду. Из-под его измятой шляпы с обеих сторон выбивались прядями длинные черные волосы, а между обшлагами фрака и перчатками виднелись голые руки. Худое лицо его казалось изможденным, но от всей его фигуры веяло полнейшей самоуверенностью и неописуемым нахальством.

Таков был субъект, на которого мистер Пиквик взирал сквозь очки (к счастью, он их нашел); и когда друзья мистера Пиквика исчерпали запас признательности, мистер Пиквик в самых изысканных выражениях поблагодарил его за только что оказанную помощь.

– Пустяки! – сразу прервал его незнакомец. – Не о чем говорить – ни слова больше – молодчина этот кэбмен – здорово работал пятерней – но будь я вашим приятелем в зеленой куртке – черт возьми – свернул бы ему шею – ей-богу – в одно мгновение – да и пирожнику вдобавок – зря не хвалюсь.

Этот набор слов прерван был появлением рочестерского кучера, объявившего, что Комодор[14] сейчас отойдет.

– Комодор? – воскликнул незнакомец, вскакивая с места. – Моя карета – место заказано – наружное – можете заплатить за грог – нужно менять пять фунтов – серебро фальшивое – брамеджемские пуговицы[15] – не таковский – не пройдет.

И он лукаво покачал головой.

Случилось так, что мистер Пиквик и его спутники решили сделать в Рочестере[16] первую остановку; сообщив новоявленному знакомому, что они едут в тот же город, они заняли наружные задние места, чтобы сидеть всем вместе.

– Наверху вместе с вами, – проговорил незнакомец, подсаживая мистера Пиквика на крышу со стремительностью, которая грозила нанести весьма существенный ущерб степенности этого джентльмена.

– Багаж, сэр? – спросил кучер.

– Чей? Мой? Со мною вот пакет в оберточной бумаге, и только – остальной багаж идет водой – ящики заколоченные – величиной с дом – тяжелые, чертовски тяжелые! – отвечал незнакомец, стараясь засунуть в карман пакет в оберточной бумаге, внушавший подозрение, что содержимым его были рубашка и носовой платок.

– Головы, головы! Берегите головы! – кричал болтливый незнакомец, когда они проезжали под низкой аркой, которая в те дни служила въездом в каретный двор гостиницы. – Ужасное место – страшная опасность – недавно – пятеро детей – мать – женщина высокая, ест сандвич – об арке забыла – кррак – дети оглядываются – мать без головы – в руке сандвич – нечем есть – глава семьи обезглавлена – ужасно, ужасно! – Рассматриваете Уайтхолл[17], сэр? Прекрасное место – маленькое окно – там тоже кое-кому голову сняли – а, сэр? – он тоже зазевался – а, сэр? а?

– Я размышлял, – сказал мистер Пиквик, – о странной превратности человеческой судьбы.

– О! Понимаю! Сегодня входишь во дворец через дверь, завтра вылетаешь в окно. Сэр – философ?

– Наблюдатель человеческой природы, сэр, – ответил мистер Пикник.

– Ну? Я – тоже. Как и большинство людей, у которых мало дела и еще меньше дохода. Сэр – поэт?

– У моего друга мистера Снодграсса большая склонность к поэзии, – ответил мистер Пиквик.

– Как и у меня, – сказал незнакомец. – Эпическая поэма – десять тысяч строк – июльская революция – сочинил на месте происшествия – Марс Днем, Аполлон ночью – грохот орудий, бряцание лиры...

– Вы были свидетелем этого замечательного события, сэр? – спросил мистер Снодграсс.

– Свидетелем? Еще бы[18] – заряжаю мушкет – заряжаюсь идеей – бросился в винный погребок – записал – назад – бац! бац! – новая идея – слова в погребок – перо и чернила – снова назад – режь, руби – славное время, сэр.

Он неожиданно повернулся к мистеру Уинклю:

– Спортсмен, сэр?

– Немного, сэр, – ответил этот джентльмен.

– Прекрасное занятие, сэр, – превосходное занятие – собаки, сэр?

– Сейчас нет.

– Что вы! Займитесь собаками – прекрасные животные – умные твари – был у меня пес – пойнтер – удивительное чутье – однажды вышли на охоту – огороженное место – свистнул – собака ни с места – снова свистнул – Понто! – ни с места: как вкопанная – зову – Понто! Понто! – не двигается – собака приросла к месту – уставилась на забор – взглянул и я – вижу объявление: «Сторожу приказано убивать собак, проникших за эту ограду», – не пошла – изумительный пес, редкий был пес – весьма!

– Факт исключительный! – заметил мистер Пиквик. – Позвольте записать.

– Пожалуйста, сэр, сколько угодно. Сотни рассказов об этой собачке. Хорошенькая девочка, сэр? (Сие относилось к мистеру Треси Тапмену, расточавшему отнюдь не пиквикистские взгляды юной леди, стоявшей у дороги.)

– Очень! – согласился мистер Тапмен.

– Ну, англичанки не так хороши, как испанки, – прелестные создания – волосы – черные как смоль – глаза черные – стройные фигуры – чудные создания – красавицы!

– Вы были в Испании, сэр? – спросил мистер Тапмен.

– Жил там целую вечность.

– Много одержали побед, сэр? – допытывался мистер Тапмен.

– Побед? Тысячи! – Дон Болеро Фицгиг-Гранд – единственная дочь – донна Христина – прелестное создание – любила меня до безумия – ревнивый отец – великодушная дочь – красивый англичанин – донна Христина в отчаянии – синильная кислота – у меня в чемодане желудочный зонд – сделали промывание – старик Болеро Фицгиг в восторге – соглашается на наш союз – руки соединены и море слез – и романтическая история – весьма!

– Эта леди теперь в Англии, сэр? – полюбопытствовал мистер Тапмен, на которого описание ее прелестей произвело сильнейшее впечатление.

– Умерла, сэр, умерла, – сказал незнакомец, прикладывая к глазу остаток древнего батистового платочка, – не могла оправиться после промывания – слабый организм – пала жертвой.

– А отец? – задал вопрос поэтический мистер Снодграсс.

– Угрызения совести и отчаяние – внезапное исчезновение – город только об этом и говорит – ищут повсюду – безуспешно – вдруг перестал бить фонтан на главной площади – недели идут – засорился – рабочие начинают чистить – вода выкачана – нашли тестя – застрял головой вперед в трубе – полная исповедь в правом сапоге – вытащили, и фонтан забил попрежнему.

– Вы позволите мне записать эту романтическую историю, сэр? – спросил потрясенный мистер Снодграсс.

– Сколько угодно, сэр, сколько угодно, еще пятьдесят таких, если они вам по вкусу, – необыкновенная у меня жизнь – любопытная биография – ничего исключительного, но все же необычно.

В таком духе, – а в виде вводных предложений пропуская по стаканчику эля, когда меняли лошадей, – разглагольствовал незнакомец, пока они не достигли Рочестерского моста, и за это время записные книжки мистера Пиквика и мистера Снодграсса вместили немало его приключений.

– Величественные развалины! – воскликнул мистер Огастес Снодграсс с отличавшим его поэтическим пылом, когда перед ними открылся вид красивого старого замка.

– Какая находка для любителя древности! – вырвалось из уст мистера Пиквика, когда он приставил к глазу подзорную трубу.

– Прекрасное место, – сказал незнакомец, – славная руина – хмурые стены – шаткие своды – темные закоулки – лестницы вот-вот рухнут – древний собор – затхлый запах – древние ступени стерты ногами пилигримов – маленькие саксонские двери[19] – исповедальни, словно будки театральных кассиров – чудной народ эти монахи – папы и лорды – казначеи и всякого рода старцы с толстыми, красными физиономиями и сломанными носами – колеты буйволовой кожи – кремневые ружья – саркофаг – прекрасное место – древние легенды – странные истории – чудесно!

И незнакомец продолжал монолог, пока они не подъехали к гостинице «Бык» на Хайстрит, куда подкатила карета.

– Вы остановитесь здесь, сэр? – спросил мистер Уинкль.

– Здесь? – Нет – вам советую – хорошее заведение – прекрасные постели – рядом гостиница Райта, дорого – очень дорого – только посмотришь на слугу, приписывается полкроны к счету – обедаете у друзей, насчитывают еще больше, чем если б вы обедали в гостинице, – странные типы – весьма!

Мистер Уинкль прошептал несколько слов мистеру Пиквику; шепот перешел от мистера Пиквика к мистеру Снодграссу, от мистера Снодграсса к мистеру Тапмену, и они обменялись знаками согласия. Мистер Пиквик обратился к незнакомцу:

– Сегодня утром, сэр, вы оказали нам важную услугу. Разрешите хоть как-нибудь вас отблагодарить. Мы просим оказать нам честь отобедать с нами.

– С большим удовольствием – не смею распоряжаться, но жареная курица с грибами – превосходная вещь! В котором часу?

– Позвольте, – вытаскивая часы, ответил мистер Пиквик. – Сейчас около трех. Назначим на пять?

– Очень удобно, – сказал незнакомец, – ровно в пять – а пока всего хорошего.

И, приподняв на несколько дюймов помятую шляпу и небрежно надев се набекрень, незнакомец, с торчащим из кармана пакетом в оберточной бумаге, быстро прошел по двору и свернул на Хай-стрит.

– Очевидно, он изъездил много стран и пристально наблюдал людей и события, – сказал мистер Пиквик.

– Мне бы хотелось взглянуть на его поэму, – сказал мистер Снодграсс.

– А мне бы очень хотелось видеть эту собаку, – сказал мистер Уинкль.

Мистер Тапмен не сказал ничего. По думал он о донне Христине, о зонде для промывания желудка и о фонтане. Слезы навернулись у него на глазах.

Заняв отдельную гостиную, осмотрев спальни, заказав обед, они все вместе отправились обозревать город и ближайшие окрестности.

Внимательно читая заметки мистера Пикника о четырех городах – Страуде, Рочестере, Четеме и Бромтоне, мы не нашли, чтобы его впечатления существенно отличались от впечатлений других путешественников, побывавших в тех же городах. Мы слегка сокращаем его описание.

«Главное, что водится в этих городах, – пишет мистер Пиквик, – это, по-видимому, солдаты, матросы, евреи, мел, креветки, офицеры и портовые чиновники. На более людных улицах выставлены на продажу: разная рухлядь, леденцы, яблоки, камбала и устрицы. Улицы имеют оживленный вид, чему главным образом способствует веселый нрав военных. Для ума, вдохновленного любовью к человечеству, является истинным наслаждением созерцать этих храбрецов, бродящих по улицам и пошатывающихся от избытка жизненных сил и горячительных напитков, особенно если мы вспомним, что следовать за ними и обмениваться с ними шутками доставляет дешевое и невинное развлечение подрастающего поколения. Ничто (добавляет мистер Пиквик) не может нарушить их добродушия. За день до моего приезда один из них был оскорблен самым грубым образом в трактире. Буфетчица наотрез отказалась отпустить ему новую порцию напитков, в ответ на что он (разумеется, шутя) извлек свой штык и ранил ее в плечо. И все же славный малый сам пришел на следующее утро в трактир и выразил готовность не придавать значения этому делу и позабыть то, что произошло.

Потребление табаку в этих городах, – продолжает мистер Пиквик, – должно быть, очень значительно. Улицы пропахли табачным дымом, и этот запах, вероятно, чрезвычайно приятен любителям курения. Поверхностный наблюдатель обратит, пожалуй, внимание на грязь, отличающую эти города; но тот, для кого она свидетельствует об уличном движении и о расцвете торговли, будет вполне удовлетворен».

Ровно в пять часов явился незнакомец, а немного спустя и обед. Со своим пакетом в оберточной бумаге незнакомец расстался, но никаких перемен в его внешности не произошло; и говорлив он был еще больше, если это только возможно.

– А тут что? – спросил он, когда слуга снял крышку с одного из блюд.

– Камбала, сэр.

– А, камбала! – превосходная рыба – идет из Лондона – владельцы пассажирских карет устраивают политические обеды – доставка камбалы – десятками корзин – ловкие ребята – стаканчик вина, сэр?

– С удовольствием, – согласился мистер Пиквик; и незнакомец выпил сперва за его здоровье, затем за здоровье мистера Снодграсса, затем за здоровье мистера Тапмена, затем за здоровье мистера Уинкля и, наконец, за всех вместе; и все это проделал так же стремительно, как болтал.

– Чертовская сутолока на лестнице, – лакей, – сказал он. – Скамейки наверх – плотники вниз – лампы, стаканы, арфы. Что-нибудь готовится?

– Бал, сэр, – ответил слуга.

– Ассамблея, а?

– Нет, сэр, не ассамблея, сэр. Бал с благотворительной целью, сэр.

– Не знаете ли, сэр, много в этом городе хорошеньких женщин? – с великим интересом спросил мистер Тапмен.

– Блистательны! – Превосходны! Кент[20], сэр! – Кто не знает Кента! – Яблоки, вишни, хмель и женщины. Стаканчик вина, сэр?

– С большим удовольствием, – согласился мистер Тапмен.

Незнакомец налил и выпил.

– Мне бы очень хотелось посетить, – молвил мистер Тапмен, подразумевая бал. – Очень бы хотелось.

– Билеты в буфете, полгинеи, сэр, – ввернул слуга.

Мистер Тапмен снова выразил горячее желание побывать на балу; но, не встретив сочувствия в помутившихся глазах мистера Снодграсса и в отсутствующем взгляде мистера Пиквика, он утешился, отдав должное портвейну и десерту, появившимся на столе.

Слуга удалился, и компания осталась наслаждаться приятным послеобеденным препровождением времени.

– Прошу прощения, сэр, – начал незнакомец, – бутылка оплачена – пустите – по кругу – по солнцу – пить до дна.

И он осушил стакан, который наполнил минуты две назад, и налил другой с видом человека, весьма к этому привычного.

Вино было выпито, потребовали еще. Гость говорил, пиквикисты слушали. С каждой секундой мистер Тапмен все пламенней мечтал о бале. Выражение всепоглощающей доброты разливалось на лице мистера Пиквика; а мистер Уинкль и мистер Снодграсс заснули крепким сном.

– А наверху уже началось, – сказал незнакомец. Слушайте – настраивают скрипки – арфу – поехали!

Звуки, доносившиеся сверху, возвестили о начале первой кадрили.

– Как бы мне хотелось пойти! – снова молвил мистер Тапмен.

– И я не прочь, – сказал незнакомец, – проклятый багаж – везут на баркасах – не в чем идти – досадно! – досадно!

Одним из основных начал пиквикистской теории была доброжелательность, и этому благородному принципу мистер Треси Тапмен следовал с большим рвением, чем кто бы то ни было. В протоколах клуба почти в невероятном количестве упоминаются случаи, когда этот превосходный джентльмен направлял объекты благотворительности к другим членам клуба за поношенным платьем или за денежным пособием.

– Я бы с удовольствием одолжил вам для этого дела свой костюм, – начал мистер Треси Тапмен, – но вы худощавы, тогда как я...

– Толстоват – как Бахус в зрелом возрасте – снял листья, слез с бочки и облачился в сукно, а? – Ха-ха! Не валяно, а напялено? Переправьте бутылку.

Задел ли мистера Тапмена повелительный топ, каким было выражено требование переправить вино, с которым незнакомец тут же покончил, или он весьма справедливо почувствовал себя шокированным тем, что влиятельного члена Пиквикского клуба нагло сравнили с Бахусом, слезшим с бочки, – этот вопрос достаточно не выяснен. Он передал бутылку, кашлянул дважды и несколько секунд пристально смотрел на незнакомца; но, так как этот субъект оставался вполне спокойным и совершенно безмятежным под его испытующим взглядом, он постепенно смягчился и снова вернулся к теме о бале.

– Я хотел сказать, сэр, – начал он, – если мой костюм вам широк, то костюм моего Друга мистера Уинкля, пожалуй, будет впору.

Незнакомец взглядом снял мерку с мистера Уинкля и, просияв, удовлетворенно бросил:

– В самую пору!

Мистер Тапмен огляделся вокруг. Вино, возымевшее снотворное действие на мистера Снодграсса и мистера Уинкля, отуманило мозг мистера Пиквика. Сей джентльмен постепенно проходил все те стадии, какие предшествуют летаргии, вызванной обедом. Он прошел все этапы, спускаясь с высот бурной веселости в глубины отчаяния, а из глубин отчаяния снова возносясь на вершины веселья. Подобно уличному газовому фонарю, когда ветер задувает в трубку, он на момент вспыхнул неестественно ярким светом, затем потускнел так, что едва можно было его различить, после короткого перерыва снова разгорелся, опять замигал и замерцал и, наконец, угас окончательно. Голова его поникла на грудь: и только непрерывный храп да наступавшие время от времени короткие вдохи, напоминавшие припадки удушья, оставались единственными доступными слуху указаниями на присутствие великого мужа.

Желание попасть на бал и оценить красоту кентских леди томило мистера Тапмена. Желание захватить с собой нового знакомого было не менее сильно. Города и его обитателей он не знал, а новый приятель настолько был в курсе дела, что казалось, жил в этих краях с самого детства. Мистер Уинкль спал, а мистер Тапмен был достаточно опытен в таких делах и знал, что в момент пробуждения тот – согласно природе вещей – способен только на одно – рухнуть в постель. Он пребывал в нерешительности.

– Налейте себе и передайте бутылку, – напомнил неутомимый гость.

Мистер Тапмен совершил то, что от него требовалось, И добавочный стимул последнего стакана подсказал ему решение.

– К Уинклю можно попасть через мою спальню, – сказал он, – если я его сейчас разбужу, все равно он не поймет, что мне от него нужно; но я знаю, что у него в саквояже есть фрачная пара, и если вы ее наденете на бал, а затем, когда мы вернемся, снимете, я уложу ее в саквояж, вовсе не беспокоя его по этому поводу.

– Превосходно, – одобрил гость, – великолепный план – глупейшее положение – четырнадцать костюмов в багаже, а приходится надевать чужой – замечательная идея – весьма!

– Нужно купить билеты, – решил мистер Тапмен.

– Не стоит дробить гинею – бросим жребий, кому платить за обоих – я называю; вы пускайте – раз – женщина, женщина, очаровательная женщина! И соверен упал кверху драконом[21] (из любезности наименованным женщиной).

Мистер Тапмен позвонил, купил билеты и приказал подать свечи. Через четверть часа новый знакомец был полностью облачен во фрачную пару мистера Натэниела Уинкля.

– Это новый фрак, – объяснил мистер Тапмен, пока гость с большим удовлетворением разглядывал себя в стенное зеркало. – Первый фрак со значком нашего клуба! – И он обратил внимание приятеля на большой позолоченный значок, в центре которого красовался бюст мистера Пиквика, а по сторонам его инициалы П. К.

– П. К.? – спросил тот. – Странное украшение – портрет этого старикана и П. К.? Что это значит П. К.? Прескверный костюм, а?

Мистер Тапмен с важностью и не без раздражения раскрыл таинственные инициалы.

– Талия коротковата? – сказал новый знакомец, вертясь перед зеркалом, чтобы разглядеть пуговицы на талии, которые пришлись чуть не на середину спины. – Как у почтальона – смешные у них кафтаны – одного размера – без примерки – таинственное предопределение – малорослым достаются длинные кафтаны – высоким короткие.

Болтая без умолку, новый приятель мистера Тапмена оправил свой фрак, вернее фрак мистера Уинкля, и в сопровождении мистера Тапмена поднялся по лестнице, ведущей в зад.

– Ваши фамилии, сэр? – спросил лакей у двери.

Только что мистер Тапмен собрался сообщить свое имя, как вмешался его товарищ.

– Никаких имен! – И затем зашептал мистеру Тапмену: – Не надо имен – не известны – славные имена, но широкой публике не известны – для маленькой вечеринки превосходные имена, но на балу не произведут впечатления – инкогнито, вот что надо! – Джентльмены из Лондона – знатные путешественники – вот!

Дверь распахнулась, и мистер Треси Тапмен с незнакомцем вошли в зал. Это была длинная комната со скамьями, обтянутыми малиновой материей, и со стеклянными люстрами, в которых торчали восковые свечи. Музыканты были тщательно спрятаны на закрытой эстраде, и несколько пар отплясывало по всем правилам кадриль. В соседней комнате расставлено было два ломберных стола, за которыми сражались в вист четыре пожилых леди и соответствующее число толстых джентльменов.

Кадриль кончилась, танцующие стали прогуливаться по залу, и мистер Тапмен с приятелем поместились в углу, чтобы обозреть собравшихся.

– Очаровательные женщины! – заметил мистер Тапмен.

– Погодите минутку, – сказал незнакомец. – Сейчас здесь забавные типы, – которые познатней, еще не пришли, – странное местечко – портовые чиновники, которые повыше рангом, знать не хотят портовых чиновников рангом пониже – чиновники рангом пониже знать не хотят мелких помещиков – мелкие помещики знать не хотят купцов – начальник порта знать не хочет никого.

– Кто этот мальчишка с красными глазками, блондин, в маскарадном костюме? – спросил мистер Тапмен.

– Тсс! – Красные глазки – маскарадный костюм – мальчишка – чепуха – прапорщик Девяносто седьмого полка – почтенный Уилмот Снайпс – благородная фамилия – Снайпс – весьма!

– Сэр Томас Клаббер, леди Клаббер и мисс Клаббер! – громовым голосом провозгласил лакей.

По залу прошел шепот, когда показались высокий джентльмен в синем фраке с блестящими пуговицами, объемистая леди в синем шелковом платье и две молодые леди, столь же объемистые, в модных платьях того же цвета.

– Правительственный комиссар – начальник порта – важная особа – весьма важная особа, – зашептал новый знакомый в ухо мистеру Тапмену, пока благотворительный комитет провожал сэра Томаса Клаббера с семейством в почетный угол зала.

Почтенный Уилмот Снайпс и другие избранные джентльмены бросились приветствовать двух мисс Клаббер, а сэр Томас Клаббер стоял прямой, как палка, и величественно взирал поверх своего черного галстука на собравшееся общество.

– Мистер Смити и миссис Смити с дочерьми, – доложил лакей.

– Кто такой мистер Смити? – прошептал мистер Таимен.

– Служит в порту, – ответил новый знакомец.

Мистер Смити почтительно поклонился сэру Томасу Клабберу, а сэр Томас Клаббер с подчеркнутой снисходительностью ответил на поклон. Леди Клаббер бросила через лорнет высокомерный взгляд на миссис Смити с семейством, а миссис Смити в свою очередь пронзила миссис Как-ее-бишь, чей муж вовсе не служил в порту.

– Полковник Балдер, миссис Балдер и мисс Балдер! – так возвестили о вновь прибывших.

– Начальник гарнизона, – шепнул приятель мистера Тапмена в ответ па вопрошающий взгляд последнего.

Две мисс Клаббер радостно встретили мисс Балдер; с чрезвычайной горячностью приветствовали друг друга полковница Балдер и леди Клаббер; полковник Балдер и сэр Томас Клаббер позаимствовались друг у друга понюшкой табаку и при этом очень походили на двух Александров Селькирков[22] «повелителей всего, что объемлет глаз».

Пока городская знать – Балдеры, Клабберы, Снайпсы – блюла свое достоинство в почетном конце зала, другие классы общества подражали се примеру в других частях зала. Менее аристократические офицеры 97-го полка уделяли свое внимание менее важным семьям портовых чиновников. Жены законоведов и жена винного торговца возглавляли общество рангом пониже (супруга пивовара бывала у Балдеров); а миссис Томлинсон, содержательница почтовой конторы, казалось с общего согласия, предводительствовала купечеством.

Одним из самых популярных членов своего кружка был маленький толстый джентльмен с бахромой торчащих черных волос, окаймлявших большую плешь, доктор Слеммер, военный врач 97-го полка. Доктор угощался табачком из всех табакерок, со всеми болтал, хохотал, танцевал, шутил, играл в вист – всюду поспевал. Ко всем своим многообразным занятиям маленький доктор присовокуплял еще одно, более важное: он, не щадя сил, оказывал самое неослабное внимание маленькой пожилой вдове, чье роскошное платье и обилие украшений обещали лакомое добавление к скромному докторскому жалованью.

Именно на доктора и на вдову устремлены были взгляды мистера Тапмена и его приятеля, когда последний прервал молчание.

– Денег тьма – старуха – надутый доктор – прекрасная идея – чертовски весело, – срывались с его уст маловразумительные словосочетания.

Мистер Тапмен испытующе посмотрел на пего.

– Пойду танцевать со вдовой, – заявил тот.

– Кто она? – спросил мистер Тапмен.

– Понятия не имею – вижу первый раз в жизни – оттеснить доктора – попробуем.

И незнакомец пересек комнату и, облокотившись о каминную доску, устремил на толстую физиономию старой леди взор, полный почтительного и меланхолического восхищения.

Мистер Тапмен взирал безгласно и удивленно. Его приятель быстро преуспевал; маленький доктор танцевал с какой-то другой леди; вдова уронила веер, приятель поднял его и вручил ей – улыбка – поклон – реверанс несколько слов. Затем он смело подошел к

распорядителю и вернулся вместе с ним к вдове; краткая пантомима представления; новый знакомец мистера Тапмена занял место в кадрили рядом с миссис Баджер.

Сколь ни велико было удивление мистера Тапмена перед этой стремительностью действий, изумление доктора было неизмеримо больше. Незнакомец был молод – вдова польщена. Она перестала замечать ухаживания доктора, а негодование последнего не производило на его невозмутимого соперника ни малейшего впечатления. Доктор Слеммер остолбенел. Он, доктор Слеммер 97-го полка, вытеснен мгновенно, и кем? – субъектом, которого никто раньше не видел и которого никто здесь не знал. Доктор Слеммер – доктор Слеммер 97-го полка – отвергнут! Неслыханно! Быть не может! Но – увы! – это так. Что это? Представляет своего приятеля? Глазам не верится!

Он посмотрел снова и с горечью убедился, что зрение его не обманывает: миссис Баджер танцевала с мистером Треси Тапменом – ошибиться было невозможно; вдова с необычайной живостью носилась по залу, а мистер Треси Тапмен приплясывал около нее. Лицо его выражало необычайную торжественность. Он танцевал так (как танцуют многие), словно кадриль – не веселая забава, а жестокое испытание для наших чувств, требующее непреклонной выдержки.

Терпеливо и молча доктор выносил и это и все, что последовало: угощение нигесом[23], заботу о стаканах, добывание печенья и кокетничанье; но через несколько секунд после того, как незнакомец исчез, чтобы проводить миссис Баджер до кареты, доктор молниеносно вылетел из комнаты, и долго сдерживаемое негодование изошло потом, проступившим сквозь каждую пору его физиономии.

Незнакомец вернулся, мистер Тапмен был с ним. Незнакомец что-то ему шептал и смеялся. Маленький доктор жаждал его крови. Он ликует! Он одержал победу!

– Сэр, – произнес он грозно, протягивая свою визитную карточку и отступая в угол вестибюля, – меня зовут Слеммер, доктор Слеммер, сэр, Девяносто седьмого полка, Четемские казармы... Моя карточка, сэр... – Он хотел еще что-то прибавить, но задохнулся от бешенства.

– Слеммер? – холодно переспросил незнакомец. Очень рад – вы внимательны – но я не болен, Слеммер – когда заболею – позову вас.

– Вы... вы проходимец, сэр! – задыхался взбешенный доктор. – Трус! Лгун! Э... Э.. потрудитесь дать мне свою карточку, сэр!

– А, понимаю, – бормотал незнакомец, – здесь слишком крепкий нигес – щедрый хозяин – весьма неблагоразумно – весьма – лимонад лучше – в комнатах жарко – пожилые джентльмены – утром будет голова трещать – прискорбно – прискорбно...

И он слегка попятился.

– Вы остановились в этой гостинице, сэр, – бесновался маленький доктор, – сейчас вы пьяны, сэр, утром вы обо мне услышите. Я разыщу вас, сэр! Разыщу, где бы вы ни были!

– Скорей всего, где меня не будет, – невозмутимо ответил незнакомец.

Доктор Слеммер бросил на него кровожадный взгляд и, негодуя, напялил на себя с размаху шляпу. Мистер Тапмен с приятелем поднялись в спальню мистера Тапмена, дабы вернуть одеяние ничего не подозревавшему мистеру Уинклю.

Этот джентльмен спал непробудным сном, и костюм скоро был водворен на место. Незнакомец пребывал в крайне веселом расположении духа, а мистеру Треси Тапмену, возбужденному вином, нигесом, огнями и лицезрением леди, все происшедшее казалось изысканной шуткой; после попыток отыскать в своем ночном колпаке отверстие, предназначенное для головы, мистер Треси Тапмен, надевая ночной колпак, опрокинул подсвечник и, совершив ряд сложных эволюций, добрался до постели и моментально погрузился в сон.

Едва только пробило на следующее утро семь часов, как всеобъемлющий дух мистера Пиквика был выведен из бессознательного состояния, в которое погрузил его ночной сон, громким стуком в дверь.

– Кто там? – приподнимаясь на постели, спросил мистер Пиквик.

– Коридорный, сэр.

– Что нужно?

– Сэр, не можете ли вы сказать, кто из ваших знакомых джентльменов носит светло-синий фрак с золоченым значком и с буквами П. К. на нем?

«Должно быть, он взял почистить платье и позабыл, чье оно», – подумал мистер Пиквик и ответил:

– Мистер Уинкль, третья комната направо.

– Благодарю вас, сэр, – ответил коридорный, удаляясь.

– В чем дело? – закричал мистер Тапмен, когда громкий стук в дверь пробудил его от глубокого сна.

– Мне нужен мистер Уинкль! – послышался голос коридорного.

– Уинкль! Уинкль! – крикнул мистер Тапмен мистеру Уинклю, который спал в соседней комнате.

– Алло! – отозвался слабый голос с постели.

– Вас кто-то спрашивает... там у двери... – С трудом выдавив из себя эти слова, мистер Тапмен повернулся на другой бок и снова заснул.

– Спрашивает? – повторил мистер Уинкль, спрыгивая с постели и натягивая на себя необходимые принадлежности туалета. – Спрашивает? Кто бы это мог спрашивать меня так далеко от Лондона?

– Джентльмен ждет в столовой. – сказал коридорный, когда мистер Уинкль открыл дверь. – Джентльмен говорит, что ему обязательно нужно вас видеть и задержит он вас недолго.

– Странно, – пробормотал мистер Уинкль. – Я сейчас приду.

Он поспешно надел халат, закутался в плед и спустился по лестнице. Старуха и двое служителей занимались уборкой в столовой, у окна стоял офицер в мундире. Он повернулся при входе мистера Уинкля и чопорно поклонился. Приказав слугам выйти и плотно прикрыв за ними дверь, он сказал:

– Мистер Уинкль, если не ошибаюсь?

– Да, меня зовут Уинкль, сэр.

– Надеюсь, вас не удивит, сэр, если я скажу, что пришел к вам по поручению моего друга, доктора Слеммера Девяносто седьмого полка.

– Доктора Слеммера? – переспросил мистер Уинкль.

– Доктора Слеммера. Он поручил мне довести до вашего сведения его мнение, что вы вели себя вчера вечером не по-джентльменски и (добавил он) что ни один джентльмен не может позволить себе такого поведения по отношению к другому джентльмену.

Удивление мистера Уинкля было столь непритворным и очевидным, что не ускользнуло от внимания друга доктора Слеммера; поэтому он продолжал:

– Мой друг, доктор Слеммер, просил меня прибавить, что, по его убеждению, вчера вечером вы были и состоянии опьянения и, может быть, не отдаете себе отчета в степени оскорбления, вами нанесенного. Он поручил мне также заявить, что в случае ссылки на это обстоятельство, как на оправдание вашего поведения, он согласен принять ваше письменное извинение, которое я вам продиктую.

– Письменное извинение? – повторил мистер Уинкль в крайнем возбуждении.

– Разумеется, последствия отказа вам ясны, – холодно добавил посетитель.

– Вы уверены, что это поручение относится именно ко мне? – спросил мистер Уинкль, чей рассудок пребывал в результате этого необычайного объяснения в самом безнадежном смятении.

– Я сам не присутствовал при этом, – ответил посетитель, – но так как вы наотрез отказались вручить свою визитную карточку доктору Слеммеру, этот джентльмен просил меня установить личность владельца не совсем обычного фрака – светло-синего с позолоченным значком, на котором изображен бюст и литеры П. К.

Мистер Уинкль, услышав столь детальное описание своего фрака, вздрогнул от изумления. Друг доктора Слеммера продолжал:

– Из расспросов в гостинице я узнал, что владелец этого фрака прибыл вчера днем вместе с тремя другими джентльменами. Я тотчас же послал слугу к джентльмену, который, по-видимому, возглавляет компанию, а он указал на вас.

Если бы башня Рочестерского замка вдруг снялась с места и остановилась против окна, у которого стоял мистер Уинкль, его удивление было бы ничтожно по сравнению с тем глубоким изумлением, какое он испытывал, слушая приведенные выше слова. Вдруг ему пришло на ум, что фрак украден.

– Будьте добры, подождите одну секунду, – проговорил он.

– Пожалуйста, – ответил непрошенный посетитель.

Мистер Уинкль мигом взлетел по лестнице и дрожащими руками открыл саквояж. Фрак покоился на своем месте, но после тщательного осмотра оказалось, что кто-то несомненно надевал его прошлой ночью.

– Так и есть! – пролепетал мистер Уинкль, роняя фрак. – Я выпил после обеда слишком много вина, и мне смутно помнится, я выходил на улицу и курил сигару. Факт налицо – я был очень пьян; вероятно, я переоделся... куда-нибудь вышел... и кого-то оскорбил... Да, конечно, так оно и есть, и ужасные последствия – этот посетитель.

Вслед за сим мистер Уинкль направился в столовую с мрачной и страшною решимостью принять вызов воинственного доктора Слеммера и приготовился к наихудшему...

К этому решению мистера Уинкля вынуждали различные соображения, главным из коих была его репутация в клубе. Всегда он считался высшим авторитетом по всем вопросам спорта и физической тренировки, преследующей цели наступательные, оборонительные и просто безобидные; и если он уклонится от этого первого испытания – на глазах вождя, – авторитет его будет потерян навсегда. Кроме того, он не раз слыхал от лиц, в эти дела посвященных, что благодаря уговору секундантов пистолеты редко заряжались пулями; и, наконец, он решил, что, если он обратится к мистеру Снодграссу с просьбой быть секундантом и в пламенных выражениях нарисует ему опасность положения, этот джентльмен, по всей вероятности, сообщит обо всем мистеру Пиквику который тотчас же поставит в известность местные власти и спасет своего ученика от смерти или увечья.

С этими мыслями он вернулся в столовую и заявил о своем намерении принять вызов доктора.

– Угодно вам назвать одного из ваших друзей, с которыми я мог бы условиться о времени и месте встречи? – спросил офицер.

– Это совершенно излишне, – возразил мистер Уинкль, – назначьте время и место, и я явлюсь туда в сопровождении своего друга.

– Скажем... сегодня вечером, на закате? – предложил офицер небрежным тоном.

– Очень хорошо, – ответил мистер Уинкль, думая про себя, что это очень плохо.

– Вы знаете форт Питта?[24]

– Да, видел вчера.

– Потрудитесь тогда выйти в поле, которое тянется вдоль рва, и свернуть по тропинке влево, пока не дойдете до угла форта, затем идите прямо, пока не увидите меня. Я провожу вас в уединенное место, где мы завершим все дело, не боясь никакой помехи.

«Не боясь помехи!» – пронеслось в голове мистера Уинкля.

– Кажется, все, – сказал офицер.

– Думаю, что так, – согласился мистер Уинкль.

– Честь имею кланяться.

– Честь имею кланяться.

И офицер, весело насвистывая, вышел.

Завтрак прошел не слишком оживленно. Мистер Тапмен после непривычной для него беспутной ночи был не в состоянии подняться с постели; мистер Снодграсс, казалось, пребывал в поэтическом унынии, и даже мистер Пиквик проявил необычную любовь к молчанию и содовой воде. Мистер Уинкль с нетерпением ждал удобного случая. Долго ждать не пришлось. Мистер Снодграсс предложил осмотреть замок, и так как, кроме мистера Уинкля, никто не изъявил желания, то они и отправились вдвоем.

– Снодграсс, – проговорил мистер Уинкль, когда они оставили за собой людную улицу, – милый Снодграсс, можете ли вы хранить тайну?

Говоря это, он крепко надеялся, что тот не может.

– Могу! – был ответ. – Я могу дать клятву...

– Нет, нет! – воскликнул Уинкль, пришедший в ужас при мысли, что его друг поклянется не выдавать его. – Не клянитесь, в этом нет необходимости.

Мистер Снодграсс опустил руку, в поэтическом порыве воздетую было к облакам, которые он хотел призвать в свидетели, и приготовился внимательно слушать.

– Дорогой друг, мне нужна ваша помощь в деле чести, – вымолвил мистер Уинкль.

– Рассчитывайте на меня!

И мистер Снодграсс стиснул руку друга.

– С доктором – с доктором Слеммером Девяносто седьмого полка, – продолжал мистер Уинкль, стараясь изо всех сил говорить торжественно, – дуэль с офицером, у которого секундант тоже офицер... Сегодня на закате, в пустынном месте, за фортом Питта.

– Я к вашим услугам, – был ответ мистера Снодграсса.

Он был удивлен, но нисколько не огорчен. Поразительно, какое хладнокровие проявляют в таких случаях все, кроме дуэлянтов! Об этом мистер Уинкль позабыл. О чувствах приятеля он судил по своим.

– Последствия могут быть ужасны, – сказал мистер Уинкль.

– Надеюсь, что нет, – отозвался мистер Снодграсс.

– Доктор, по-видимому, хороший стрелок.

– Да, эти военные хорошо стреляют, – спокойно согласился мистер Снодграсс. – Но ведь и вы тоже, но так ли?

Мистер Уинкль ответил утвердительно. Установив, что мистер Снодграсс не слишком встревожен, он изменил тактику.

– Снодграсс, – продолжал он, и голос его задрожал, – если я паду мертвым, вы найдете в пакете, который я вам вручу, письмо к моему... моему отцу.

И этот путь не годился. Мистер Снодграсс был тронут, но взял на себя доставку письма с такой готовностью, словно был двухпенсовым письмоносцем[25].

– Если я паду мертвым, – продолжал мистер Уинкль, – или если доктор падет мертвым, вы, мой друг, окажетесь соучастником в этом деле. Могу ли я обрекать своего друга на ссылку... быть может, на вечную ссылку!

Мистер Снодграсс колебался только один момент, но героизм его выдержал испытание.

– Во имя дружбы я готов подвергнуть себя любым опасностям! – воскликнул он восторженно.

О, как мистер Уинкль мысленно проклинал его дружескую преданность, пока они молча шагали рядом, погрузившись каждый в свои размышления! Время шло, и мистер Уинкль начал приходить в отчаяние.

– Снодграсс! – сказал он, вдруг остановившись. – Не вздумайте обмануть меня... Не сообщайте об этом властям... Не помышляйте обращаться к констеблям, чтобы они арестовали меня или доктора Слеммера Девяносто седьмого полка, квартирующего в настоящее время в Четемских казармах, и тем самым помешали дуэли. Заклинаю вас, не делайте этого!

Мистер Снодграсс с жаром схватил руку друга и с энтузиазмом воскликнул:

– Ни за что на свете!

Дрожь прошла по телу мистера Уинкля, когда он проникся убеждением, что у него нет надежды вызвать какие-либо опасения у своего друга и что он обречен стать живой мишенью.

После того как мистеру Снодграссу были объяснены все формальности и ящик с дуэльными пистолетами был взят напрокат у рочестерского оружейника совокупно с достаточным запасом пороха, пуль и пистонов, оба друга вернулись в гостиницу – мистер Уинкль, дабы поразмыслить о предстоящем поединке, а мистер Снодграсс – привести в порядок смертоносное оружие, чтобы можно было им воспользоваться.

Был унылый и душный вечер, когда они снова вышли из дому для свершения трудного дела. Не желая обращать на себя внимание прохожих, мистер Уинкль задрапировался в широкий плащ, а мистер Снодграсс под своим плащом скрыл орудия смертоубийства.

– Все захватили с собой? – взволнованно спросил мистер Уинкль.

– Все, – ответил мистер Снодграсс. – Боевых запасов вполне достаточно, на случай если первые выстрелы будут безрезультатны. В ящике четверть фунта пороха, а в кармане у меня две газеты для пыжей.

Такие дружеские заботы могли вызвать только признательность. Надо думать, что благодарность мистера Уинкля действительно была слишком глубока, чтобы найти себе подходящее выражение, ибо он ни слова не проронил и продолжал идти... не слишком спеша.

– Мы пришли как раз вовремя, – заметил мистер Снодграсс, когда они перелезли через забор первого поля, – солнце на закате.

Мистер Уинкль взглянул на опускавшийся солнечный диск и горестно подумал о том, что, быть может, и сам он скоро «закатится».

– А вот и офицер! – воскликнул он через несколько минут.

– Где? – спросил мистер Снодграсс.

– Вот... джентльмен в синем плаще.

Мистер Снодграсс посмотрел туда, куда указывал перстом его друг, и увидел фигуру в плаще. Офицер дал понять жестом, что их увидел. Друзья следовали по его стопам в нескольких шагах от него.

Вечер с каждой минутой становился более унылым, ветер печально свистел в пустынном поле, словно где-то далеко великан свистом звал собаку. Мрачная картина удручающе подействовала на мистера Уинкля. Когда они шли мимо рва, он вздрогнул – ров казался огромной могилой.

Внезапно офицер свернул с тропинки, перелез через частокол, пробрался сквозь живую изгородь и очутился в пустынном поле. Там ждали два джентльмена: один – маленький, толстый, с черными волосами, другой представительный мужчина в сюртуке, обшитом тесьмой, хладнокровно восседавший на складном стуле.

– Наш противник и врач, – предположил мистер Снодграсс. – Глотните бренди.

Мистер Уинкль жадно схватил протянутую плетеную фляжку и проглотил изрядную порцию укрепляющего напитка.

– Мой друг, сэр, мистер Снодграсс, – представил приятеля мистер Уинкль, когда офицер подошел к ним.

Друг доктора Слеммера отвесил поклон и вытащил ящик, весьма похожий на тот, который нес с собой мистер Снодграсс.

– Полагаю, что нам говорить не о чем, сэр, – холодно заметил он, открывая ящик, – предложение извиниться было вами решительно отклонено.

– Не о чем, сэр, – отвечал мистер Снодграсс, которому становилось как-то не по себе.

– Приступим! – сказал офицер.

– Конечно, – согласился мистер Снодграсс.

Отмерив дистанцию, с приготовлениями покончили.

– Эти пистолеты лучше ваших, – сказал секундант противника, протягивая принесенное оружие. – Вы видели, как я их заряжал. Не возражаете?

– Что вы! – воскликнул мистер Снодграсс.

Это предложение вывело его из немаловажного затруднения, ибо сведения мистера Снодграсса о том, как заряжают пистолеты, были довольно туманны и неопределенны.

– Ну, теперь мы можем их расставить по местам, – продолжал офицер равнодушным тоном, словно дуэлянты были шахматными фигурами, а секунданты игроками.

– Конечно, конечно! – подхватил мистер Снодграсс. Он согласился бы на любое предложение, ибо ничего не смыслил в подобного рода делах.

Офицер направился к доктору Слеммеру, а мистер Снодграсс подошел к мистеру Уинклю.

– Все готово! – сказал он, протягивая мистеру Уинклю пистолет. – Дайте ваш плащ.

– Мой пакет у вас, дорогой друг? – прошептал бедный Уинкль.

– Да, все в порядке. Будьте хладнокровны и цельте ему в плечо.

Мистеру Уинклю показалось, что этот совет ничем не отличается от тех, которые неизменно дают уличные зрители малышу, ввязавшемуся в драку: «Смелей, поколоти его!» – совет превосходный, если только знаешь, как им воспользоваться. Молча мистер Уинкль снял свой плащ – этот плащ всегда приходилось долго расстегивать – и взял пистолет. Секунданты отступили в сторону, то же самое сделал джентльмен, сидевший на складном стуле, и противники начали приближаться друг к другу.

Мистер Уинкль всегда отличался крайним человеколюбием. И можно предположить, что, достигнув роковой черты, он закрыл глаза именно потому, что не хотел сознательно искалечить существо себе подобное; то обстоятельство, что глаза его были закрыты, помешало ему заметить очень странное и непонятное поведение доктора Слеммера. Сей джентльмен выступил вперед, вытаращил глаза, отступил назад, протер глаза, снова вытаращил их и, наконец, крикнул:

– Стойте, стойте!

– Что это значит? – спросил доктор Слеммер, когда его приятель и мистер Снодграсс подбежали к нему. – Это не тот.

– Не тот? – сказал секундант доктора Слеммера.

– Не тот? – сказал мистер Снодграсс.

– Не тот? – сказал джентльмен со складным стулом под мышкой.

– Конечно, не тот, – ответил маленький доктор. – Это не то лицо, которое оскорбило меня вчера вечером.

– Странная вещь! – воскликнул офицер.

– Очень! – подтвердил джентльмен со стулом. – Вопрос только в том, не должны ли мы формально считать этого джентльмена, раз он начал поединок, тем самым субъектом, который оскорбил вчера вечером нашего друга, доктора Слеммера, независимо от того, действительно ли он является этим субъектом, или нет.

Высказав такую мысль с видом весьма загадочным и мудрым, джентльмен со стулом запустил в нос большую понюшку и окинул присутствующих глубокомысленным взглядом человека, авторитетного в подобных делах.

Мистер Уинкль сразу открыл глаза, а также навострил уши, лишь только услышал, что противник призывает к прекращению враждебных действий; уловив из последующих слов противника, что, несомненно, произошла ошибка, он моментально сообразил, сколь выгодно для его репутации скрыть истинные причины, побудившие его выйти на дуэль. Поэтому он храбро выступил вперед и заявил:

– Я – не то лицо, которое вы имеете в виду. Я это знаю.

– С таком случае это оскорбление для доктора Слеммера, – решил джентльмен со стулом, – достаточное основание немедленно продолжать дуэль.

– Успокойтесь, Пейн, – перебил секундант доктора. – Отчего же, сэр, вы не сказали мне об этом сегодня утром?

– Ну конечно... конечно! – с негодованием подхватил джентльмен со стулом.

– Прошу вас, Пейн, успокойтесь, – снова вмешался секундант. – Итак, сэр, могу я повторить свой вопрос?

– Потому, сэр, – ответил мистер Уинкль, успевший обдумать ответ, – потому, сэр, что вы мне сказали, будто тот невоспитанный и пьяный субъект был одет во фрак, который я не только имею честь носить, но и сам изобрел, предложив его для членов Пиквикского клуба в Лондоне. Я считаю своим долгом защищать честь мундира – вот почему я без всяких объяснений принял вызов.

– Уважаемый сэр, – сказал маленький доктор, подходя и протягивая руку, – я высоко ценю вашу храбрость. И позвольте мне сказать, сэр, что я восхищен вашим поведением и крайне сожалею, что напрасно потревожил вас, пригласив сюда.

– О, не стоит говорить об этом, сэр! – воскликнул мистер Уинкль.

– Я польщен знакомством с вами, сэр, – продолжал маленький доктор.

– Мне доставляет величайшее наслаждение познакомиться с вами, сэр, – отвечал мистер Уинкль.

Тут доктор и мистер Уинкль пожали друг другу руку, затем мистер Уинкль пожал руку лейтенанту Теплтону (секунданту доктора), затем мистер Уинкль пожал руку джентльмену со стулом, и, наконец, мистер Уинкль пожал руку мистеру Снодграссу. Сей последний джентльмен был восхищен геройским поведением своего доблестного друга.

– Теперь, мне кажется, мы можем разойтись, – сказал лейтенант Теплтон.

– Разумеется, – согласился доктор.

– Если мистер Уинкль, – вставил джентльмен со стулом, – не считает себя оскорбленным вызовом; в противном случае, я думаю, он имеет право на удовлетворение.

Мистер Уинкль самоотверженно заявил, что считает себя полностью удовлетворенным.

– А может быть, секундант мистера Уинкля почитает себя обиженным моими замечаниями, сделанными в начале нашей встречи, – в таком случае я буду счастлив дать ему немедленно удовлетворение, – заключил джентльмен со стулом.

Мистер Снодграсс поспешил признать, что крайне обязан джентльмену за столь любезное предложение, которое должен, однако, отклонить, ибо совершенно удовлетворен всем происшедшим. Секунданты заперли свои ящики, и вся компания, покидая место поединка, была более оживлена, чем в момент прибытия сюда.

– Вы предполагаете долго прожить здесь? – спросил доктор Слеммер мистера Уинкля, когда они дружески двинулись вместе в путь.

– Думаю, уедем послезавтра, – последовал ответ.

– Вы и ваш друг доставили бы мне большое удовольствие, если бы посетили меня, и мы провели бы приятный вечерок после этой досадной ошибки. Сегодня вечером вы свободны? – спросил маленький доктор.

– У нас здесь есть друзья, – ответил мистер Уинкль, – и мне бы не хотелось расставаться с ними на вечер. Может быть, вы со своим другом присоединитесь к нам в «Быке»?

– Охотно! – согласился тот. – Не будет ли слишком поздно, если часов в десять мы зайдем на полчасика?

– Что вы! Конечно нет! Я буду счастлив познакомить вас с моими друзьями, мистером Пиквиком и мистером Тапменом.

– Вы меня крайне обяжете, – сказал доктор, нимало не подозревая, кто такой мистер Тапмен.

– Значит, вы придете? – спросил мистер Снодграсс.

– Непременно!

Тем временем они вышли на большую дорогу, обменялись сердечными приветствиями, и компания разделилась. Доктор Слеммер с друзьями направился к казармам, а мистер Уинкль, в сопровождении своего друга, мистера Снодграсса, возвратился в гостиницу.

ГЛАВА III.

Новое знакомство. Рассказ странствующего актера. Досадная помеха и неприятная встреча

У мистера Пиквика возникли некоторые опасения, вызванные необычным отсутствием двух его друзей, чье таинственное поведение в течение целого утра отнюдь не давало повода к уменьшению его тревоги. Тем с большей радостью встал он, чтобы поздороваться с ними, когда они вошли, и тем с большим интересом осведомился, что могло их задержать. В ответ на его вопросы мистер Снодграсс собрался дать исторический обзор событий, только что изложенных, как вдруг запнулся, заметив, что здесь присутствуют не только мистер Тапмен и вчерашний их товарищ по пассажирской карете, но еще какой-то незнакомец, не менее странного вида. Это был изможденный человек с желтоватым лицом и глубоко запавшими глазами, которые казались еще более странными, чем создала их природа, благодаря прямым черным волосам, ниспадавшим ему на лицо. Глаза у него отличались почти неестественным блеском и пронзительной остротою, скулы торчали, а челюсти выдавались так, что наблюдатель мог бы предположить, будто каким-то сокращением мускулов он вдруг втянул щеки, если бы полуоткрытый рот и неподвижная физиономия не свидетельствовали о том, что такова была обычная его внешность. Шею он обмотал зеленым шарфом, длинные концы которого спускались ему на грудь и виднелись сквозь обтрепанные петли старого жилета. Верхней одеждой служил ему длинный черный сюртук, под которым были широкие темные панталоны и высокие сапоги, быстро приближавшиеся к стадии полного разрушения.

На этом странном субъекте остановился взгляд мистера Уинкля, и на него указал рукой мистер Пиквик, проговорив:

– Друг нашего друга. Сегодня утром мы узнали, что наш Друг связан со здешним театром, хотя и не имеет желания доводить это до всеобщего сведения, а этот джентльмен является представителем той же профессии. Когда вы вошли, он как раз собирался развлечь нас связанным с нею небольшим рассказом.

– Масса рассказов, – сказал вчерашний незнакомец в зеленом фраке, приближаясь к мистеру Уинклю и говоря тихо и конфиденциально. – Чудак – выполняет тяжелую работу – не актер – странный человек – всякие бедствия – «мрачный Джимми» – мы так его называем.

Мистер Уинкль и мистер Снодграсс вежливо приветствовали джентльмена, носившего изысканное прозвище «мрачный Джимми», и по примеру остальной компании заказали грот и уселись за стол.

– А теперь, сэр, – сказал мистер Пиквик, – не угодно ли вам будет приступить к обещанному повествованию?

Мрачный субъект вынул из кармана грязную свернутую в трубку рукопись и, обращаясь к мистеру Снодграссу, который только что извлек свою записную книжку, произнес глухим голосом, вполне соответствовавшим его внешности:

– Вы – поэт?

– Я... я... до некоторой степени, – ответил мистер Снодграсс, слегка смущенный неожиданным вопросом.

– А! Для жизни поэзия – то же, что музыка и свет для сцены; у одной отнимите мишурные ее украшения, у другой – ее иллюзии, и останется ли хоть что-нибудь ценное в жизни и на сцене, ради чего стоило бы жить и волноваться?

– Совершенно верно, сэр! – отозвался мистер Снодграсс.

– Находиться перед рампой, – продолжал мрачный субъект, – то же, что присутствовать на приеме при дворе и восхищаться шелковыми платьями пестрой толпы; находиться за рампой – значит превратиться в тех, кто создает это великолепие, – заброшенных и никому неведомых, – тех, кому предоставляется право по произволу судьбы утонуть или выплыть, умереть с голоду или жить.

– Верно! – произнес мистер Снодграсс, ибо ввалившиеся глаза мрачного субъекта устремлены были на него, и он почитал нужным что-нибудь сказать.

– Начинайте, Джимми, – сказал испанский путешественник, – как черноокая Сьюзен[26] – весь в Даунсе – нечего каркать – выскажитесь – смотрите веселей.

– Не приготовите ли вы себе еще стакан, сэр, прежде чем начать? – предложил мистер Пиквик.

Мрачный субъект последовал совету и, смешав в стакане бренди с водою, выпил не спеша половину, развернул рукопись и начал излагать, то читая, то рассказывая, нижеследующее происшествие, сообщение о котором мы находим в протоколах клуба под названием «Рассказ странствующего актера».

РАССКАЗ СТРАНСТВУЮЩЕГО АКТЕРА

«Нет ничего чудесного в том, что я собираюсь рассказать, – начал мрачный субъект, – нет в этом и ничего из ряда вон выходящего. Нужда и болезнь – явления столь заурядные на многих этапах жизни, что заслуживают не больше внимания, чем принято уделять самым обыкновенным изменениям в человеческой природе. Эти заметки я набросал потому, что объектом их является человек, которого я хорошо знал в течение многих лет. Я следил, как он постепенно опускался, пока, наконец, не впал в крайнюю нищету, из которой уже не выкарабкался.

Человек, о котором я говорю, был маленький пантомимный актер и горький пьяница, как многие представители этой профессии. В лучшие дни, когда беспутная жизнь еще не лишила его сил и болезнь не изнурила, получал он хорошее жалование и, будь он осторожен и благоразумен, пожалуй, продолжал бы его получать в течение еще нескольких лет – немногих, ибо люди эти или рано умирают, или, чрезмерно расходуя энергию, теряют преждевременно физические силы, от которых всецело зависит их существование. Однако порочная его наклонность приобрела такую власть над ним, что оказалось невозможным давать ему те роли, в которых он действительно был полезен театру. Трактир имел для него притягательную силу, и с нею он не мог бороться. Запущенная болезнь и безысходная бедность должны были выпасть ему на долю неизбежно, как сама смерть, если бы он продолжал идти упорно этим путем; он и в самом деле упорствовал, и о последствиях можно догадаться. Он не мог получить ангажемент и нуждался в куске хлеба.

Каждый, кто хоть сколько-нибудь знаком с театральной жизнью, знает, какая орава оборванных бедняков толчется за кулисами любого большого театра, это не актеры, получившие ангажемент, – это кордебалет, статисты, акробаты словом, те, которых принимают для выступления в пантомимах или в пасхальном спектакле, а затем увольняют, пока снова не понадобятся их услуги для какой-нибудь постановки, требующей много участников. Такую же жизнь вынужден был вести этот человек; подвизаясь каждый вечер в каком-нибудь маленьком театре, он зарабатывал несколько лишних шиллингов в неделю и имел возможность удовлетворять старую наклонность. Но и этот источник вскоре для него иссяк. Безалаберность его была слишком велика, он лишился даже такого ничтожного заработка, дошел до того, что ему буквально грозила голодная смерть, и лишь изредка выпрашивал какую-нибудь мелочь взаймы у старых товарищей или добивался выступления в уличных театриках; и когда случалось ему что-нибудь заработать, деньги он тратил по-старому.

Больше года никто не знал, как ухитряется он сводить концы с концами. Приблизительно в это время я был приглашен для нескольких выступлений в одном из театров на Сарийской стороне[27] Темзы, и здесь я увидел этого человека, которого потерял было из виду, так как я разъезжал по провинции, а он прозябал где-то в закоулках Лондона. Я уже оделся, чтобы идти домой, и шел по сцене, направляясь к выходу, когда он хлопнул меня по плечу. Никогда не забуду того отталкивающего зрелища, какое представилось моим глазам, когда я оглянулся. Он был одет для выступления в пантомиме в нелепейший костюм клоуна. Призрачные фигуры в „Пляске смерти", чудовищные образы, запечатленные на холсте искуснейшим художником, не были столь жуткими. Раздувшееся его тело и сухопарые ноги – уродство их увеличивалось во сто раз от фантастического костюма, – мутные глаза, резко выделявшиеся на фоне белил, которые густым слоем покрывали его лицо, трясущаяся голова в причудливом уборе и длинные костлявые руки, натертые мелом, – все это придавало ему отвратительный и неестественный вид, о котором никакой описание не даст полного представления и который я и по сей день вспоминаю с содроганием. Голос его звучал глухо и дрожал, когда он отвел меня в сторону и отрывисто сообщил длинный перечень болезней и лишений, закончив, по обыкновению, настойчивой просьбой ссудить ничтожную сумму. Я сунул ему в руку несколько шиллингов и, уходя, слышал взрыв смеха, которым встречен был первый его трюк на сцене.

Спустя несколько дней какой-то мальчик вручил мне грязный обрывок бумаги, где было нацарапано несколько слов карандашом; меня уведомляли, что человек этот опасно заболел и просит, чтобы я зашел к нему на квартиру на такой-то улице, – не припомню сейчас ее названия, – находящейся неподалеку от театра. Я обещал исполнить просьбу, как только освобожусь, и, когда опустился занавес, отправился в свое печальное путешествие.

Было поздно, так как я играл в последней пьесе; а по случаю бенефиса представление тянулось дольше, чем обычно. Была темная холодная ночь с пронизывающим, сырым ветром, под напором которого дождь тяжело стучал в окна и стены домов. В узких и безлюдных улицах стояли лужи, а так как от резкого ветра потухло большинство немногочисленных фонарей, то

прогулка эта была не только неприятной, но и весьма рискованной. Однако мне посчастливилось не сбиться с дороги и без особых затруднений отыскать дом, который был указан в записке, – угольный сарай, над которым был надстроен один этаж, где в задней комнате лежал тот, кого я разыскивал.

На лестнице меня встретила жалкая женщина, жена этого человека, и, сообщив, что он только что впал в забытье, ввела меня тихонько в комнату и поставила для меня стул у кровати. Больной лежал, повернувшись лицом к стене, и, так как на мой приход он не обращал ни малейшего внимания, у меня было время осмотреть место, куда я попал.

Он лежал на старой откидной кровати. У изголовья висела рваная клетчатая занавеска, служившая защитой от ветра, который проникал в эту убогую комнату сквозь многочисленные щели в двери, и занавеска все время развевалась. На заржавленной поломанной решетке камина тлели угли; перед ним был выдвинут старый покрытый пятнами треугольный стол, на котором стояли склянки с микстурой, треснутый стакан, какие-то мелкие домашние вещи. На полу, на импровизированной постели, спал ребенок, а возле него на стуле сидела женщина. На полке были расставлены тарелки и чашки с блюдцами; под нею висели балетные туфли и пара рапир. Больше ничего не было в комнате, кроме каких-то лохмотьев и узлов, валявшихся по углам.

Я успел рассмотреть все эти мелкие детали и заметить тяжелое дыхание и лихорадочную дрожь больного, прежде чем он обратил внимание на мое присутствие. В беспокойных попытках улечься поудобнее он свесил руку с кровати, и она коснулась моей руки. Он вздрогнул и тревожно заглянул мне в лицо.

– Джон, это мистер Хатли, – сказала его жена. – Мистер Хатли, за которым ты посылал сегодня, помнишь?

– А... – протянул больной, проводя рукою по лбу. Хатли... Хатли... Дайте вспомнить. – В течение нескольких секунд он, казалось, старался собраться с мыслями, потом крепко схватил меня за руку и сказал: – Не бросайте меня, старина, не бросайте. Она меня убьет, я знаю, что убьет.

– Давно он в таком состоянии? – спросил я у его плачущей жены.

– Со вчерашнего вечера, – ответила она. – Джон, Джон, неужели ты меня не узнаешь?

– Не подпускайте ее ко мне! – содрогнувшись, сказал больной, когда она склонилась к нему. – Уведите се, я не могу ее видеть. – В смертельном испуге он не спускал с нее дикого взора, потом стал шептать мне на ухо: – Я колотил ее, Джем... вчера ее побил, да и раньше бил не раз. Я морил голодом и ее и мальчика, а теперь, когда я слаб и беспомощен, она меня убьет за это, Джем... знаю, что убьет. Вы бы убедились в этом, если бы видели, как она плакала. Не подпускайте ее ко мне!

Он разжал руку и в изнеможении откинулся на подушку.

Я слишком хорошо понимал, что это значит. Если бы хоть на секунду возникли у меня какие-нибудь сомнения, один взгляд, брошенный на бледную и изможденную женщину, объяснил бы мне истинное положение вещей.

– Отойдите лучше, – сказал я этой несчастной. – Ему вы помочь не можете. Пожалуй, он успокоится, если не будет вас видеть.

Она отошла. Через несколько секунд он открыл глаза и тревожно осмотрелся по сторонам.

– Она ушла? – взволнованно осведомился он.

– Да, да, – ответил я. – Она вас не обидит.

– А я вам говорю, Джем, что она обижает меня, тихо сказал он. – Глаза у нее такие, что меня охватывает смертельный страх, я чуть с ума не схожу. Всю прошлую ночь ее большие, широко раскрытые глаза и бледное лицо преследовали меня, я отворачивался, они были передо мною, и каждый раз, когда я просыпался, она сидела у кровати и смотрела на меня. –

Он притянул меня к себе и прошептал глухо и тревожно: – Джем, должно быть, это злой дух... дьявол. Тише! Я это знаю. Будь она женщиной, она бы давным-давно умерла. Ни одна женщина не вынесла бы того, что вынесла она.

С болью в сердце подумал я о том, как жесток и черств был этот человек в течение многих лет, если могла им овладеть такая мысль. Мне нечего было ему ответить, да и кто мог бы принести надежду или утешение жалкому существу, находившемуся передо мной?

Я просидел у него больше двух часов, а он все время метался, тихонько вскрикивая от боли или волненья, тревожно размахивая руками и ворочаясь с боку на бок. Наконец, он погрузился в то полубессознательное состояние, когда память в смятении переходит от картины к картине и с места на место, ускользая от контроля разума, но не освободившись от неописуемого ощущения испытываемых страданий. Убедившись в этом на основании бессвязного бреда и зная, что в ближайшее время лихорадка вряд ли усилится, я расстался с ним, обещав несчастной его жене вернуться завтра к вечеру и, в случае необходимости, провести всю ночь с больным.

Я сдержал слово. За последние сутки произошла потрясающая перемена. Глаза, хотя и глубоко запавшие, с тяжелыми веками, сверкали, и жутко было видеть этот блеск. Губы запеклись и потрескались; от жара высохла и стала шершавой кожа, и дикий, нечеловеческий страх отражался на его лице, еще резче подчеркивая гибельное действие недуга. Жар был у него очень сильный.

Я занял то же место, что и накануне, и просидел несколько часов, прислушиваясь к звукам, которые могли потрясти сердце самого бесчувственного человека, к ужасному бреду умирающего. Я слышал мнение врача и понимал, что надежды нет никакой: я сидел у смертного одра. Я видел, как в мучительном жару извивалось это исхудавшее тело, которое несколько часов назад корчилось на потеху буйной галерки, я слышал пронзительный смех клоуна, переходивший в тихий шепот умирающего.

Тяжело и трогательно следить за тем, как память обращается к повседневным занятиям и обязанностям здорового человека, когда перед вами лежит его слабое и беспомощное тело; но если характер этих занятий резко противоречит всему, что мы связываем с представлением о могиле или с возвышенными идеями о смерти, впечатление создается бесконечно более сильное. Театр и трактир вот о чем бредил несчастный. Чудилось ему – был вечер, он должен играть в вечернем спектакле, поздно, он торопится выйти из дому. Зачем его удерживают, не дают уйти?.. Он лишится заработка... Ему нужно идти. Нет! Его не пускают. Он закрыл лицо горячими руками и тихо сетовал на собственную свою слабость и жестокость преследователей. Короткая пауза, и он выкрикнул какие-то вирши – последние им заученные. Он приподнялся на кровати, вытянул тощие ноги, вертелся, принимая нелепые позы; он играл роль – он был на сцене. Минутное молчание – и он тихо затянул припев разухабистой песни. Наконец-то добрался он до старого пристанища: как жарко в зале! Он был болен, очень болен, ну а сейчас он здоров и счастлив. Наполните ему стакан. Кто выбил у него стакан из рук? Опять тот же, кто и раньше его преследовал. Он упал на подушку и громко застонал. Краткий период забытья, а затем начались его скитания по нескончаемому лабиринту низких сводчатых комнат таких низких, что иногда приходилось пробираться на четвереньках; было душно и темно, и куда бы он ни сворачивал – всюду натыкался на препятствия. Вот какие-то насекомые, мерзкие извивающиеся твари, таращат на него глаза и кишат в воздухе, жутко поблескивая в глубоком мраке. Стены и потолок словно движутся – так много на них пресмыкающихся... склеп раздвигается до необъятных размеров... мелькают страшные тени, а среди них люди, которых он когда-то знал, но лица их отвратительно искажены усмешками и гримасами; они прижигают его раскаленным железом, стягивают ему голову веревками, пока не хлынула кровь; он отчаянно боролся за жизнь.

После одного из таких пароксизмов, когда я с великим трудом удерживал его в постели, он погрузился, по-видимому, в дремоту. Устав от бессонницы и напряжения, я на несколько

минут закрыл глаза, как вдруг почувствовал, что кто-то вцепился мне в плечо. Я мгновенно проснулся. Он приподнялся, стараясь сесть в постели, – лицо его страшно изменилось, но сознание вернулось к нему, так как он, очевидно, узнал меня. Ребенок, которого давно уже разбудил его бред, вскочил с постели и, закричав от испуга, бросился к отцу; мать поспешила схватить его на руки, чтобы отец в припадке безумия не ушиб его, но в ужасе от происшедшей с больным перемены остановилась, остолбенев, у кровати. Он судорожно сжал мне плечо и, ударяя себя другою рукою в грудь, сделал отчаянную попытку заговорить. Попытка не удалась; он простер к ним руки и снова попробовал заговорить. Из горла вырвались хрипы... глаза расширились... короткий приглушенный стон... и он упал навзничь мертвый!»

С величайшим удовольствием сообщили бы мы мнение мистера Пиквика о вышеизложенной истории. Мы нимало не сомневаемся о том, что нам представилась бы возможность познакомить с ним наших читателей, если бы не одно злополучное обстоятельство.

Мистер Пикник поставил на стол стакан, который он к концу повествования держал в руке, и только что собрался заговорить, – ссылаясь на записную книжку мистера Снодграсса, мы смеем утверждать, что он уже рот открыл, – как вдруг в комнату вошел лакей и доложил:

– Какие-то джентльмены, сэр.

Можно думать, что мистер Пиквик в тот момент, когда его прервали, готовился высказать замечания, которые если и не зажгли бы Темзы, то во всяком случае озарили бы мир, ибо он сурово воззрился на физиономию лакея, а затем окинул взглядом всю компанию, словно требовал сведений о вновь прибывших.

– О! – воскликнул мистер Уинкль, вставая. – Это мои приятели. Просите их! Очень симпатичные люди, добавил, мистер Уинкль, когда лакей удалился. Офицеры Девяносто седьмого полка, сегодня утром я с ними познакомился при довольно странных обстоятельствах. Вам они очень понравятся.

Мистер Пиквик немедленно обрел утраченное спокойствие.

Лакей вернулся и ввел в комнату трех джентльменов.

– Лейтенант Теплтон, – сказал мистер Уинкль. Лейтенант Теплтон – мистер Пиквик; доктор Пейн – мистер Пиквик; мистер Снодграсс – с ним вы уже знакомы; мой друг мистер Тапмен – доктор Пейн; доктор Слеммер – мистер Пиквик; мистер Тапмен – доктор Сле...

Тут мистер Уинкль запнулся, ибо на физиономиях как мистера Тапмена, так и доктора отразилось сильное волнение.

– Этого джентльмена я уже встречал, – с ударением сказал доктор.

– Вот как! – воскликнул мистер Уинкль.

– И... и этого человека тоже, если не ошибаюсь, – добавил доктор, устремив испытующий взгляд на незнакомца в зеленом фраке. – Вчера вечером я сделал этому субъекту одно весьма настоятельное предложение, которое он счел уместным отклонить.

С этими словами доктор грозно посмотрел на незнакомца и шепнул что-то своему другу, лейтенанту Теплтону.

– Не может быть! – воскликнул этот джентльмен, когда замер шепот. – Я утверждаю! – возразил доктор Слеммер.

– Вы обязаны рассчитаться с ним сейчас же! – внушительно пробормотал владелец складного стула.

– Не волнуйтесь, Пейн, – вмешался лейтенант. – Разрешите вас спросить, сэр, – обратился он к мистеру Пиквику, который был весьма озадачен этой неучтивой интермедией, – разрешите вас спросить, принадлежит ли этот человек к вашей компании?

– Нет, сэр, – ответил мистер Пиквик. – Он – наш гость.

– Если не ошибаюсь, он состоит членом вашего клуба? – осведомился лейтенант.

– Никоим образом, – сказал мистер Пиквик.

– И он не носит значка вашего клуба? – продолжал лейтенант.

– Нет! – отвечал изумленный мистер Пиквик.

Лейтенант Теплтон круто повернулся к своему другу доктору Слеммеру, слегка пожав плечами, словно не совсем доверял его памяти. У маленького доктора вид был гневный, но озадаченный, а мистер Пейн злобно взирал на лучезарную физиономию ничего не подозревавшего мистера Пиквика.

– Сэр! – сказал доктор, внезапно обратившись к мистеру Тапмену, таким тоном, что этот джентльмен вздрогнул, как будто ему в икру коварно воткнули булавку. – Вчера вечером вы были здесь на балу?

Мистер Тапмен слабо прошептал «да», не спуская в то же время глаз с мистера Пиквика.

– Этот человек вас сопровождал? – продолжал доктор, указывая на незнакомца, оставшегося невозмутимым.

Мистер Тапмен подтвердил этот факт.

– Итак, сэр, – сказал доктор незнакомцу, – я вас спрашиваю еще раз, в присутствии этих джентльменов, угодно ли вам вручить мне вашу визитную карточку и дать мне возможность обращаться с вами, как с джентльменом, или вы вынудите меня расправиться с вами самолично и незамедлительно?

– Позвольте, сэр! – сказал мистер Пиквик. – Не получив некоторых объяснений, я не могу допустить дальнейшего развития этой истории. Тапмен, расскажите, в чем дело.

После такого торжественного призыва к нему лично мистер Тапмен вкратце изложил суть дела; слегка коснулся вопроса о позаимствованном фраке; распространился на тему о том, что все произошло «после обеда»; в заключение добавил несколько покаянных слов и предоставил незнакомцу оправдываться по мере собственных сил и умения.

Тот, казалось, готов был приступить к делу, как вдруг лейтенант Теплтон, посматривавший на него с большим любопытством, спросил, не скрывая презрения:

– Не видал ли я вас в театре, сэр?

– Несомненно, – ответил незнакомец, нимало не смутясь.

– Это странствующий актер! – презрительно сказал лейтенант, обращаясь к доктору Слеммеру. – Он играет в пьесе, которая идет завтра вечером в Рочестерском театре для офицеров Пятьдесят второго полка. Вы не можете требовать от него удовлетворения, Слеммер... это невозможно!

– Никак! – с достоинством заметил Пейн.

– Сожалею, что поставил вас в такое неприятное положение, – обратился лейтенант Теплтон к мистеру Пиквику. – Разрешите вам сказать, что во избежание повторения подобных сцен следует быть более осмотрительным в выборе друзей. Прощайте, сэр! – И лейтенант быстро вышел из комнаты.

– А мне разрешите сказать, сэр, – произнес вспыльчивый доктор Пейн, – что, будь я Теплтоном или будь я Слеммером, я дернул бы за нос вас, сэр, и всех ваших друзей. Да, сэр, всех. Меня зовут Пейн, сэр, доктор Пейн Сорок третьего полка. Прощайте, сэр.

Закончив свою речь и произнеся последние два слова на высокой ноте, он величественно прошествовал вслед за своим другом; за ним по пятам шел доктор Слеммер, который не сказал ничего и удовольствовался лишь тем, что испепелил компанию одним взглядом.

В продолжение вышеизложенных вызывающих речей крайнее недоумение и ярость распирали благородную грудь мистера Пикника, грозя разорвать его жилет. Оп стоял

окаменевший и смотрел в пространство. Стук захлопнувшейся двери заставил его опомниться. Ярость была написана на его лице, и глаза пылали, когда он ринулся вперед. Уже рука его коснулась дверной ручки; еще секунда – и она впилась бы в горло доктора Пейна 43-го полка, если бы мистер Снодграсс не ухватил своего высокочтимого наставника за фалды фрака и не оттащил от двери.

– Держите его! – кричал мистер Снодграсс. – Уинкль, Тапмен! Он не смеет из-за этого подвергать опасности свою драгоценную жизнь.

– Пустите меня! – сказал мистер Пиквик.

– Держите его крепко! – кричал мистер Снодграсс: и соединенными усилиями всей компании мистер Пиквик был водружен в кресло.

– Оставьте его в покое, – сказал незнакомец в зеленом фраке. – Грогу – забавный старый джентльмен – какой вздор – проглотите-ка этого – ах! – отличное лекарство.

Проверив предварительно доброкачественность смеси, приготовленной мрачным субъектом, незнакомец поднес стакан к губам мистера Пиквика, и остаток содержимого быстро исчез.

Наступила короткая пауза; грог сделал свое дело; добродушная физиономия мистера Пиквика быстро обрела свойственное ей выражение.

– Они недостойны вашего внимания, – сказал мрачный гость.

– Вы правы, сэр, – ответил мистер Пиквик. – Я стыжусь, что так погорячился. Придвигайтесь к столу, сэр.

Мрачный субъект с готовностью повиновался; круг снова сомкнулся за столом, и гармония восстановилась. Какая-то затаенная досада, пожалуй, нашла себе пристанище в груди мистера Уинкля, вызванная, быть мажет. временным захватом его фрака, хотя вряд ли разумно будет предположить, что такое пустячное обстоятельство могло возбудить хотя бы и мимолетное раздражение в груди пиквикиста. Во всех же остальных отношениях благодушие было вновь обретено полностью, и вечер закончился так же весело, как начался.

ГЛАВА IV.

Полевые маневры и бивуак; еще новые друзья и приглашение поехать за город

Многие писатели проявляют не только неразумное, но и поистине постыдное нежелание отдавать должное тем источникам, из которых они черпают ценный материал. Нам такое нежелание чуждо. Мы лишь стремимся честно исполнить ответственную обязанность, вытекающую из наших издательских функций; и сколь бы при других обстоятельствах честолюбие ни побуждало нас притязать на авторство по отношению к этим приключениям, уважение к истине воспрещает нам претендовать на что-либо большее, чем заботливое приведение их в порядок и беспристрастное изложение. Пиквикские документы являются нашим Нью-Риверским водоемом[28], а нас можно было бы сравнить с Нью-Риверской компанией. Трудами других создан для нас огромный резервуар существеннейших фактов. Мы же только подаем их и пускаем чистой и легкой струей при помощи этих выпусков – на благо людей, жаждущих пиквикской мудрости.

Действуя в таком духе и твердо опираясь на принятое нами решение воздать должное тем источникам, к коим мы обращались, заявляем открыто, что записной книжке мистера Снодграсса обязаны мы фактами, занесенными в эту и последующую главы, – фактами, к изложению которых, очистив ныне свою совесть, мы приступаем без дальнейших комментариев.

На следующее утро жители Рочестера и примыкающих к нему городов рано поднялись с постели в состоянии крайнего волнения и возбуждения. На линии укреплений должен был состояться большой военный смотр. Орлиное око командующего войсками будет наблюдать

маневры полудюжины полков; были возведены временные фортификации, будет осаждена и взята крепость и взорвана мина.

Мистер Пиквик был восторженным поклонником армии, о чем, быть может, догадались наши читатели, основываясь на тех кратких выдержках, какие даны нами из его описания Четема. Ничто не могло привести его в такое восхищение, ничто не могло так гармонировать с чувствами каждого из его спутников, как предстоящее зрелище. Вот почему они вскоре тронулись в путь и направились к месту действия, куда уже со всех сторон стекались толпы народа.

Вид плаца свидетельствовал о том, что предстоящая церемония будет весьма величественной и торжественной. Были расставлены часовые, охранявшие плацдарм, и слуги на батареях, охранявшие места для леди, и бегали по всем направлениям сержанты с книгами в кожаных переплетах под мышкой, и полковник Балдер в полной парадной форме верхом галопировал с места на место, и осаживал свою лошадь, врезавшись в толпу, и заставлял ее гарцевать и прыгать, и кричал весьма грозно, и довел себя до того, что сильно охрип и сильно раскраснелся без всякой видимой причины или повода. Офицеры бегали взад и вперед, сначала переговаривались с полковником Балдером, затем отдавали распоряжения сержантам и, наконец, исчезли; и даже солдаты выглядывали из-за своих лакированных кожаных воротников с видом загадочно-торжественным, который ясно указывал на исключительный характер события.

Мистер Пиквик со своими тремя спутниками поместился в первом ряду толпы и терпеливо ждал начала церемонии. Толпа росла с каждой секундой; и в течение следующих двух часов внимание их было поглощено теми усилиями, какие приходилось им делать, чтобы удержать завоеванную позицию. Иногда толпа вдруг напирала сзади, и тогда мистера Пиквика выбрасывало на несколько ярдов вперед с быстротой и эластичностью, отнюдь не соответствовавшими его степенной важности; иногда раздавался приказ «податься назад», и приклад ружья либо опускался на большой палец на ноге мистера Пиквика, напоминая об отданном распоряжении, либо упирался ему в грудь, обеспечивая этим немедленное выполнение приказа. Какие-то веселые джентльмены слева, напирая гуртом и придавив мистера Снодграсса, претерпевавшего нечеловеческие муки, желали узнать, «куда он прет», а когда мистер Уинкль выразил крайнее свое негодование при виде этого ничем не вызванного натиска, кто-то из стоявших сзади нахлобучил ему шляпу на глаза и спросил, не соблаговолит ли он спрятать голову в карман. Все эти остроумные шуточки, а также непонятное отсутствие мистера Тапмена (который внезапно исчез и обретался неведомо где) создали для пиквикистов ситуацию в целом скорее незавидную, чем приятную или желательную.

Наконец, по толпе пробежал тот многоголосый гул, который обычно возвещает наступление ожидаемого события. Все взоры обратились к форту – к воротам для вылазки. Несколько секунд напряженного ожидания – и в воздухе весело затрепетали знамена, ярко засверкало оружие на солнце: колонна за колонной вышли на равнину. Войска остановились и выстроились; команда пробежала по шеренге, звякнули ружья, и войска взяли на караул; командующий в сопровождении полковника Балдера и свиты офицеров легким галопом поскакал к фронту. Заиграли все военные оркестры; лошади встали на дыбы, галопом поскакали назад и, размахивая хвостами, понеслись по всем направлениям; собаки лаяли, толпа вопила, солдаты взяли ружья к ноге, и на всем пространстве, какое мог охватить глаз, ничего не видно было кроме красных мундиров и белых штанов, застывших в неподвижности.

Мистер Пиквик, путаясь в ногах лошадей и чудесным образом выбираясь из-под них, был столь этим поглощен, что не располагал досугом созерцать разыгрывающуюся сцену, пока она не достигла стадии, только что нами описанной. Когда, наконец, он получил возможность утвердиться на ногах, радость его и восторг были беспредельны.

– Может ли быть что-нибудь восхитительнее? – спросил он мистера Уинкля.

– Нет, не может, – ответил этот джентльмен, только что освободившийся от низкорослого субъекта, который уже с четверть часа стоял у него на ногах.

– Это поистине благородное и ослепительное зрелище, – сказал мистер Снодграсс, в чьей груди быстро разгоралась искра поэзии: – доблестные защитники страны выстроились в боевом порядке перед мирными ее гражданами; их лица выражают не воинственную жестокость, но цивилизованную кротость, в их глазах вспыхивает не злобный огонь грабежа и мести, но мягкий свет гуманности и разума!

Мистер Пиквик вполне оценил дух этой похвальной речи, но не мог до конца с нею согласиться, ибо мягкий свет разума горел слабо в глазах воинов, так как после команды «смирно!» зритель видел только несколько тысяч пар глаз, уставившихся прямо перед собой и лишенных какого бы то ни было выражения.

– Теперь мы занимаем превосходную позицию, – сказал мистер Пиквик, осматриваясь по сторонам.

Толпа вокруг них постепенно рассеялась, и поблизости не было почти никого.

– Превосходную! – подтвердили и мистер Снодграсс и мистер Уинкль.

– Что они сейчас делают? – осведомился Пиквик, поправляя очки.

– Я... я склонен думать, – сказал мистер Уинкль, меняясь в лице, – я склонен думать, что они собираются стрелять.

– Вздор! – поспешно проговорил мистер Пиквик.

– Я... я, право же, думаю, что они хотят стрелять, – настаивал мистер Снодграсс, слегка встревоженный.

– Не может быть, – возразил мистер Пиквик.

Едва произнес он эти слова, как все шесть полков прицелились из ружей, словно у всех была одна общая мишень, – и этой мишенью были пиквикисты, – и раздался залп, самый устрашающий и оглушительный, какой когда-либо потрясал землю до самого ее центра или пожилого джентльмена до глубины его существа.

При таких затруднительных обстоятельствах мистер Пиквик – под градом холостых залпов и под угрозой атаки войск, которые начали строиться с противоположной стороны, – проявил полное хладнокровие и самообладание, каковые являются неотъемлемыми принадлежностями великого духа. Он схватил под руку мистера Уинкля и, поместившись между этим джентльменом и мистером Снодграссом, настойчиво умолял их вспомнить о том, что стрельба не грозит им непосредственной опасностью, если исключить возможность оглохнуть от шума.

– А... а что, если кто-нибудь из солдат по ошибке зарядил ружье пулей? – возразил мистер Уинкль, бледнел при мысли о такой возможности, им же самим измышленной. – Я только что слышал – что-то просвистело к воздухе, и очень громко: под самым моим ухом.

– Не броситься ли нам ничком на землю? – предложил мистер Снодграсс.

– Нет, нет... все уже кончено, – сказал мистер Пиквик.

Быть может, губы его дрожали и щеки побледнели, но ни одно слово, свидетельствующее об испуге или волнении, не сорвалось с уст этого великого человека.

Мистер Пиквик был прав: стрельба прекратилась. По едва он успел поздравить себя с тем, что догадка его правильна, как вся линия пришла в движение: хрипло пронеслась команда, и, раньше чем кто-нибудь из пиквикистов угадал смысл этого нового маневра, все шесть полков с примкнутыми штыками перешли в наступление, стремительно бросившись к тому самому месту, где расположился мистер Пиквик со своими друзьями.

Человек смертен, и есть предел, за который не может простираться человеческая храбрость. Мистер Пиквик глянул сквозь очки на приближающуюся лавину, а затем решительно повернулся к ней спиной, – не скажем – побежал: во-первых, это выражение

пошло; во-вторых, фигура мистера Пиквика была отнюдь не приспособлена к такому виду отступления. Он пустился рысцой, развив такую скорость, на какую только способны были его ноги, такую скорость, что затруднительность своего положения мог оценить в полной мере, когда было уже слишком поздно.

Неприятельские войска, чье появление смутило мистера Пиквика несколько секунд назад, выстроились, чтобы отразить инсценированную атаку войск, осаждающих крепость; и в результате мистер Пиквик со своими приятелями внезапно очутился между двумя длиннейшими шеренгами, из коих одна быстрым шагом приближалась, а другая в боевом порядке ждала столкновения.

– Эй! – кричали офицеры надвигающейся шеренги.

– Прочь с дороги! – орали офицеры неподвижной шеренги.

– Куда нам идти? – вопили всполошившиеся пиквикисты.

– Эй-эй-эй! – было единственным ответом.

Секунда смятения, тяжелый топот ног, сильное сотрясение, заглушенный смех... С полдюжины полков уже удалились на полтысячи ярдов, а подошвы мистера Пиквика продолжали мелькать в воздухе.

Мистер Снодграсс и мистер Уинкль совершили вынужденные курбеты с замечательным проворством, и первое, что увидел этот последний, сидя на земле и вытирая желтым шелковым носовым платком животворную струю, лившуюся из носа, был его высокочтимый наставник, преследовавший свою собственную шляпу, которая, шаловливо подпрыгивая, уносилась вдаль.

Погоня за собственной шляпой является одним из тех редких испытаний, смешных и печальных одновременно, – которые вызывают мало сочувствия. Значительное хладнокровие и немалая доза благоразумия требуются при поимке шляпы. Не следует спешить – иначе вы перегоните ее; не следует впадать в другую крайность – иначе окончательно ее потеряете. Наилучший способ – бежать полегоньку, не отставая от объекта преследования, быть осмотрительным и осторожным, ждать удобного случая, постепенно обгоняя шляпу, затем быстро нырнуть, схватить ее за тулью, нахлобучить на голову и все время благодушно улыбаться, как будто вас это забавляет не меньше, чем всех остальных.

Дул приятный ветерок, и шляпа мистера Пиквика весело катилась вдаль. Ветер пыхтел, и мистер Пиквик пыхтел, а шляпа резво катилась и катилась, словно проворный дельфин на волнах прибоя, и она укатилась бы далеко от мистера Пиквика, если бы по воле провидения не появилось на ее пути препятствие как раз в тот момент, когда этот джентльмен готов был бросить ее на произвол судьбы.

Мистер Пиквик был в полном изнеможении и хотел уже отказаться от погони, когда порыв ветра отнес шляпу к колесу одного из экипажей, стоявших на том самом месте, к которому он устремлялся. Мистер Пиквик, оценив благоприятный момент, быстро рванулся вперед, завладел своей собственностью, водрузил ее на голову и остановился, чтобы перевести дух. Не прошло и полминуты, как он услышат голос, нетерпеливо окликавший его по имени, и тотчас же узнал голос мистера Тапмена, и подняв голову, увидел зрелище, преисполнившее его удивлением и радостью.

В четырехместной коляске, из которой по случаю тесноты были выпряжены лошади, стоял дородный пожилой джентльмен в синем сюртуке с блестящими пуговицами, в плисовых штанах и в высоких сапогах с отворотами, затем две юных леди в шарфах и перьях, молодой джентльмен, по-видимому влюбленный в одну из юных леди в шарфах и перьях, леди неопределенного возраста, по всей видимости тетка упомянутых леди, и мистер Тапмен, державшийся столь непринужденно и развязно, словно с первых дней младенчества был членом этой семьи. К задку экипажа была привязана внушительных размеров корзина – одна из тех корзин, которые всегда пробуждают в созерцательном уме мысли о холодной птице, языке и бутылках вина, а на козлах сидел жирный краснолицый парень, погруженный в

дремоту. Каждый мыслящий наблюдатель с первого взгляда мог определить, что его обязанностью является распределение содержимого упомянутой корзины, когда настанет для его потребления подходящий момент.

Мистер Пиквик торопливо окидывал взглядом эти интересные детали, когда его снова окликнул верный ученик.

– Пиквик! Пиквик! – восклицал мистер Тапмен. – Залезайте сюда! Поскорей!

– Пожалуйте, сэр, милости просим, – сказал дородный джентльмен. – Джо! Несносный мальчишка... Он опять заснул... Джо, опусти подножку.

Жирный парень не спеша скатился с козел, опустил подножку и держал дверцу экипажа приветливо открытой. В этот момент подошли мистер Снодграсс и мистер Уинкль.

– Всем хватит места, джентльмены, – сказал дородный джентльмен. – Двое в экипаже, один на козлах. Джо, освободи место на козлах для одного из этих джентльменов. Ну, сэр, пожалуйте! – И дорожный джентльмен протянул руку и втащил в коляску сперва мистера Пиквика, а затем мистера Снодграсса. Мистер Уинкль влез на козлы, жирный парень, переваливаясь, вскарабкался на тот же насест и мгновенно заснул.

– Очень рад вас видеть, джентльмены, – сказал дородный джентльмен. – Я вас очень хорошо знаю, хотя вы меня, быть может, и не помните. Прошлой зимой я провел несколько вечеров у вас в клубе... Встретил здесь сегодня утром моего друга мистера Тапмена и очень ему обрадовался. Как же вы поживаете, сэр? Вид у вас цветущий.

Мистер Пиквик поблагодарил за комплимент и дружески погнал руку дородному джентльмену в сапогах с отворотами.

– Ну, а вы как себя чувствуете, сэр? – продолжал дородный джентльмен, с отеческой заботливостью обращаясь к мистеру Снодграссу. – Прекрасно, да? Ну, вот и отлично, вот и отлично. А вы, сэр? (Обращаясь к мистеру Уинклю.) Очень рад, что вы хорошо себя чувствуете, очень и очень рад. Джентльмены, эти девицы – мои дочери, а это моя сестра, мисс Рейчел Уордль. Она – мисс, хотя и не так понимает свою миссию... Что, сэр как? – И дородный джентльмен игриво толкнул мистера Пиквика локтем в бок и от души расхохотался.

– Ах, братец! – с укоризненной улыбкой воскликнула мисс Уордль.

– Да ведь я правду говорю, – возразил дородный джентльмен, – никто не может это отрицать. Прошу прощенья, джентльмены, вот это мой приятель мистер Трандль. Ну-с, а теперь, когда все друг с другом знакомы, я предлагаю располагаться без всяких стеснений, и давайте-ка посмотрим, что там такое происходит. Вот мой совет.

С этими словами дородный джентльмен надел очки, мистер Пиквик взял подзорную трубу, и все находящиеся в экипаже встали и через головы зрителей начали созерцать военные эволюции.

Это были изумительные эволюции: одна шеренга палила над головами другой шеренги, после чего убегала прочь, затем эта другая шеренга палила над головами следующей и в свою очередь убегала; войска построились в каре, а офицеры поместились в центре; потом спустились по лестницам в ров и вылезли из него с помощью тех же лестниц; сбили баррикады из корзин и проявили величайшую доблесть. Инструментами, напоминающими гигантские швабры, забили снаряды в пушки; и столько было приготовлений к пальбе и так оглушительно прогремел залп, что воздух огласился женскими воплями. Юные мисс Уордль так перепугались, что мистер Трандль буквально вынужден был поддержать одну из них в экипаже, в то время как мистер Снодграсс поддерживал другую, а у сестры мистера Уордля нервическое возбуждение достигло столь ужасных размеров, что мистер Тапмен счел совершенно необходимым обвить рукой ее стан, дабы она не упала. Все были взволнованы, кроме жирного парня; он же спал сладким сном, словно рев пушек с детства заменял ему колыбельную.

– Джо! Джо! – кричал дородный джентльмен, когда крепость была взята, а осаждающие и осажденные уселись обедать. – Несносный мальчишка, он опять заснул! Будьте так добры, ущипните его, сэр... пожалуйста, за ногу, иначе его не разбудишь... очень вам благодарен. Развяжи корзину, Джо!

Жирный парень, которого мистер Уинкль успешно разбудил, ущемив большим и указательным пальцами кусок ляжки, снова скатился с козел и начал развязывать корзину, проявляя больше расторопности, чем можно было ждать от него, судя по его пассивности до сего момента.

– А теперь придется немного потесниться, – сказал дородный джентльмен.

Посыпались шутки по поводу того, что в тесноте у леди изомнутся рукава платьев, послышались шутливые предложения, вызвавшие яркий румянец на щеках леди, – посадить их к джентльменам на колени, и, наконец, все разместились в коляске. Дородный джентльмен начал передавать в экипаж различные вещи, которые брал из рук жирного парня, поднявшегося для этой цели на задок экипажа.

– Ножи и вилки, Джо!

Ножи и вилки были поданы; леди и джентльмены в коляске и мистер Уинкль на козлах были снабжены этой полезной утварью.

Тарелки, Джо, тарелки!

Повторилась та же процедура, что и при раздаче ножей и вилок.

– Теперь птицу, Джо. Несносный мальчишка – он опять заснул! Джо! Джо! (Несколько ударов тростью по голове, и жирный парень не без труда очнулся от летаргии.) Живей, подавай закуску!

В этом последнем слове было что-то, заставившее жирного парня встрепенуться. Он вскочил; его оловянные глаза, поблескивавшие из-за раздувшихся щек, жадно впились в съестные припасы, когда он стал извлекать их из корзины.

– Ну-ка, пошевеливайся, – сказал мистер Уордль, ибо жирный парень любовно склонился над каплуном и, казалось, не в силах был с ним расстаться. Парень глубоко вздохнул и, бросив пламенный взгляд на аппетитную птицу, неохотно передал ее своему хозяину.

– Правильно... смотри в оба. Давай язык... паштет из голубей. Осторожнее, не урони телятину и ветчину... Не забудь омары... Вынь салат из салфетки... Давай соус.

Эти распоряжения срывались с уст мистера Уордля, пока он вручал упомянутые блюда, переправляя всем тарелки в руки и на колени.

– Чудесно, не правда ли? – осведомился сей жизнерадостный джентльмен, когда процесс уничтожения пищи начался.

– Чудесно! – подтвердил мистер Уинкль, сидя на козлах и разрезая птицу.

– Стакан вина?

– С величайшим удовольствием.

– Возьмите-ка бутылку к себе на козлы.

– Вы очень любезны.

– Джо!

– Что прикажете, сэр? (На сей раз он не спал, ибо только что ухитрился стянуть пирожок с телятиной.)

– Бутылку вина джентльмену на козлах. Очень рад нашей встрече, сэр.

– Благодарю вас. – Мистер Уинкль осушил стакан и поставил бутылку подле себя на козлы.

– Разрешите, сэр, выпить за ваше здоровье? – обратился мистер Трандль к мистеру Уинклю.

– Очень приятно, – ответил мистер Уинкль, и оба джентльмена выпили.

Затем выпили по стаканчику все, но исключая и леди.

– Как наша милая Эмили кокетничала с чужим джентльменом! – шепнула своему брату, мистеру Уордлю, тетка, старая дева, со всей завистью, на которую способна тетка и старая дева.

– Ну, так что же? – отозвался веселый пожилой джентльмен. – Мне кажется, это очень естественно... ничего удивительного. Мистер Пиквик, не угодно ли вина, сэр?

Мистер Пиквик, глубокомысленно исследовавший начинку паштета, с готовностью согласился.

– Эмили, дорогая моя, – покровительственно сказала пребывающая в девичестве тетушка, – не говори так громко, милочка.

– Ах, тетя!

– Тетка и этот старенький джентльмен разрешают себе все, а другим ничего, – шепнула мисс Изабелла Уордль своей сестре Эмили.

Молодые леди весело засмеялись, а старая попыталась скроить любезную мину, но это ей не удалось.

– Молодые девушки так бойки, – сказала мисс Уордль мистеру Тапмену таким соболезнующим тоном, словно оживление являлось контрабандой, а человек, не скрывавший его, совершал великое преступление и грех.

– О да! – отозвался мистер Тапмен, не уяснив себе, какого ответа от него ждут. – Это очаровательно.

– Гм... – недоверчиво протянула мисс Уордль.

– Разрешите? – самым слащавым тоном сказал мистер Тапмен, прикасаясь одной рукой к пальцам очаровательной Рейчел, а другой приподнимая бутылку. – Разрешите?

– О, сэр!

Мистер Тапмен имел весьма внушительный вид, а Рейчел выразила опасение, не возобновится ли пальба, ибо и таком случае ей придется еще раз прибегнуть к его поддержке.

– Как вы думаете, можно ли назвать моих милых племянниц хорошенькими? – шепотом спросила мистера Тапмена любящая тетушка.

– Пожалуй, если бы здесь не было их тетушки, – ответил находчивый пиквикист, сопровождая свои слова страстным взглядом.

– Ах, шалун... но серьезно... Если бы цвет лица у них был чуточку лучше, они могли бы показаться хорошенькими... при вечернем освещении?

– Да, пожалуй, – равнодушным тоном проговорил мистер Тапмен.

– Ах, какой вы насмешник... Я прекрасно знаю, что вы хотели сказать.

– Что? – осведомился мистер Тапмен, который ровно ничего не хотел сказать.

– Вы подумали о том, что Изабелла горбится... да, да, подумали! Вы, мужчины, так наблюдательны! Да, она горбится, этого нельзя отрицать, и уж, конечно, ничто так не уродует молодых девушек, как эта привычка горбиться. Я ей часто говорю, что пройдет несколько лет и на нее страшно будет смотреть. Да и насмешник же вы!

Мистер Тапмен ничего не имел против такой репутации, приобретенной по столь дешевой цене, он приосанился и загадочно улыбнулся.

– Какая саркастическая улыбка! – с восхищением сказала Рейчел. – Право же, я вас боюсь.

– Боитесь меня?

– О, вы от меня ничего не скроете, я прекрасно знаю, что значит эта улыбка.

– Что? – спросил мистер Тапмен, который и сам этого не знал.

– Вы хотите сказать, – понизив голос, продолжала симпатичная тетка, вы хотели сказать, что сутулость Изабеллы не такое уж большое несчастье по сравнению с развязностью Эмили. А Эмили очень развязна! Вы не можете себе представить, до чего это меня иногда огорчает! Я часами плачу, а мой брат так добр, так доверчив, он ничего не замечает, я совершенно уверена, что это разбило бы ему сердце. Быть может, всему виной только манера держать себя хотелось бы мне так Думать... Я утешаю себя этой надеждой... (Тут любящая тетушка испустила глубокий вздох и уныло покачала головой.)

– Ручаюсь, что тетка говорит о нас, – шепнула мисс Эмили Уордль своей сестре, – я в этом уверена, у нее такая злющая физиономия.

– Ты думаешь? – отозвалась Изабелла. – Гм... Дорогая тетя!

– Что, милочка?

– Тетя, я так боюсь, что вы простудитесь... пожалуйста, наденьте платок, закутайте вашу милую старую голову... право же, нужно беречь себя в ваши годы!

Хотя расплата была произведена той же монетой и по заслугам, но вряд ли можно было придумать месть более жестокую. Неизвестно, в какой форме излила бы тетка свое негодование, не вмешайся мистер Уордль, который, ничего не подозревая, переменил тему разговора, энергически окликнув Джо.

– Несносный мальчишка, – сказал пожилой джентльмен, – он опять заснул!

– Удивительный мальчик! – произнес мистер Пиквик. – Неужели он всегда так спит?

– Спит! – подтвердил старый джентльмен. – Он всегда спит. Во сне исполняет приказания и храпит, прислуживая за столом.

– В высшей степени странно! – заметил мистер Пиквик.

– Да, очень странно, – согласился старый джентльмен. – Я горжусь этим парнем... ни за что на свете я бы с ним не расстался. Это чудо природы! Эй, Джо, Джо, убери посуду и откупорить еще одну бутылку, слышишь?

Жирный парень привстал, открыл глаза, проглотил огромный кусок пирога, который жевал в тот момент, когда заснул, и не спеша исполнил приказание своего хозяина: собрал тарелки и уложил их в корзинку, пожирая глазами остатки пиршества. Была подана и распита еще одна бутылка; опять привязали корзину, жирный парень занял свое место на козлах, очки и подзорная труба снова были извлечены. Тем временем маневры возобновились. Свист, стрельба, испуг леди, а затем, ко всеобщему удовольствию, была взорвана и мина. Когда дым от взрыва рассеялся, войска и зрители последовали этому примеру и тоже рассеялись.

Не забудьте, – сказал пожилой джентльмен, пожимая руку мистеру Пиквику и заканчивая разговор, начатый во время заключительной стадии маневров, завтра вы у нас в гостях.

– Непременно, – ответил мистер Пиквик.

– Адрес у вас есть?

– Менор Фарм, Дингли Делл[29], – отозвался мистер Пиквик, заглянув в записную книжку.

– Правильно, – подтвердил старый джентльмен. – И помните, я вас отпущу не раньше чем через неделю и позабочусь о том, чтобы вы увидели все достойное внимания. Если вас интересует деревенская жизнь, пожалуйте ко мне, и я дам вам ее в изобилии. Джо! – Несносный мальчишка: он опять заснул! Джо, помоги Тому заложить лошадей!

Лошадей впрягли, кучер влез на козлы, жирный парень поместился рядом с ним, распрощались, и экипаж отъехал. Когда пиквикисты в последний раз оглянулись, заходящее солнце бросало яркий отблеск на лица сидевших в экипаже и освещало фигуру жирного парня. Голова его поникла на грудь, он спал сладким сном.

ГЛАВА V,

краткая, повествующая, между прочим, о том, как мистер Пиквик вызвался править, а мистер Уинкль – ехать верхом, и что из этого получилось

Ясным и чистым было небо, благоуханным – воздух, и все вокруг являлось во всей своей красе, когда мистер Пиквик облокотился о перила Рочестерского моста, созерцая природу и дожидаясь завтрака. Пейзаж в самом деле мог очаровать и менее созерцательную душу, чем та, перед которой он расстилался.

Слева от наблюдателя находилась полуразрушенная стена, во многих местах пробитая и кое-где грузно нависавшая над узким берегом. Водоросли длинной бахромой повисли на зазубренных и острых камнях, трепеща при малейшем дуновении ветра, и зеленый плющ горестно обвился вокруг темных и разрушенных бойниц. За стеной вставал древний замок – башни его были без кровли, а массивные стены грозили рухнуть, но он горделиво возвещал нам о былой силе и мощи, когда лет семьсот назад он оглашался бряцанием оружия и шумом празднеств и оргий. По обеим сторонам тянулись, уходя вдаль, берега Медуэй, покрытые нивами и пастбищами, виднелись ветряные мельницы, церкви, и эта красочная панорама казалась еще прекраснее от изменчивых теней, которые быстро пробегали по ней, когда легкие и расплывчатые облачка таяли в лучах утреннего солнца. Река, отражая чистую синеву неба, сверкала и искрилась, бесшумно струясь, и с ясным прозрачным журчанием погружались в воду весла рыбаков, когда тяжелые, но живописные лодки медленно скользили вниз по течению.

От приятных грез, навеянных раскинувшимся перед ним пейзажем, мистера Пиквика пробудил глубокий вздох и прикосновение к плечу. Он оглянулся: возле него стоял мрачный субъект.

– Созерцаете картину природы? – осведомился мрачный субъект.

– Да, – сказал мистер Пиквик.

– И поздравляете себя с тем, что так рано встали?

Мистер Пиквик кивнул в знак согласия.

– Ах, следовало бы вставать пораньше, чтобы видеть солнце во всем его великолепии, ибо редко сияет оно так ослепительно в течение целого дня. Утро дня и утро жизни слишком сходны.

– Вы правы, сэр, – согласился мистер Пиквик.

– Говорят: «Утро слишком прекрасно, чтобы длиться», – Продолжал мрачный субъект. – То же самое можно сказать и о повседневном нашем существовании. Боже! Чего бы я не сделал, чтобы вернуть дни детства или забыть о них навеки!

– Вы пережили много горя, сэр, – сочувственно заметил мистер Пиквик.

– Да, – поспешно подтвердил мрачный субъект. Да, я пережил больше, чем могут себе представить те, кто видит меня теперь.

На секунду он умолк, потом отрывисто спросил:

– Не мелькала ли у вас мысль в такое утро, как сегодня, что было бы блаженством и счастьем броситься в воду и утонуть?

– Помилуй бог, нет! – ответил мистер Пиквик, отступая от перил, ибо у него возникло опасение, как бы мрачный субъект, эксперимента ради, не столкнул его вниз.

– А я часто об этом думал, – продолжал мрачный субъект, не заметив его движения. – Тихая прохладная вода как будто сулит мне отдых и покой. Прыжок, плеск, недолгая борьба, взбаламученные волны постепенно уступают место легкой ряби, вы погребены в водяной могиле, и вместе с вами погребены ваши горести и несчастья.

Ввалившиеся глаза мрачного субъекта ярко вспыхнули, но минутное возбуждение быстро угасло, он спокойно отвернулся и сказал:

– Довольно об этом. Мне бы хотелось обсудить с вами другой предмет. В тот вечер вы мне предложили прочесть рукопись и внимательно слушали чтение.

– Совершенно верно, – подтвердил мистер Пиквик, – и я несомненно полагал...

– Мнения меня не интересуют, – перебил мрачный субъект, – и я в них не нуждаюсь. Вы путешествуете для собственного удовольствия и обогащения знаниями. Что вы скажете, если я вам пришлю занятную рукопись – заметьте, занятной я ее называю не потому, что она ужасна или невероятна, нет, она занятна как романтическая страница подлинной жизни. Не огласите ли вы ее в клубе, о котором столь часто говорите?

– Конечно, если вы желаете, – ответил мистер Пиквик, – и она будет занесена в протоколы.

– Вы ее получите, – заявил мрачный субъект. – Ваш адрес? – И, узнав от мистера Пиквика предполагаемый маршрут, он старательно занес его в свою засаленную записную книжку, затем, отклонив настойчивое приглашение мистера Пиквика позавтракать вместе, расстался с ним у двери гостиницы и медленно побрел прочь.

Спутники мистера Пиквика поджидали его к завтраку, который был уже готов, и все блюда заманчиво расставлены. Уселись за стол, а засим поджаренная ветчина, яйца, чай, кофе и всякая всячина начали исчезать с быстротой, свидетельствовавшей как о превосходном качестве продуктов, так и о прекрасном аппетите всей компании.

– Ну-с, поговорим о Менор Фарм, – сказал мистер Пиквик. – Как мы туда поедем?

– Не посоветоваться ли нам со слугою? – предложил мистер Тапмен, после чего слуга был призван.

– Дингли Делл, джентльмены?.. Пятнадцать миль, джентльмены... по проселочной дороге... Дорожную коляску, сэр?

– В дорожной коляске могут поместиться только двое, – возразил мистер Пиквик.

– Совершенно верно, сэр, прошу прощенья, сэр. Прекрасный четырехколесный экипаж, сэр, сиденье сзади для двух, одно место впереди для джентльмена, который правит. Ах, прошу прощенья, сэр, – экипаж трехместный.

– Что же нам делать? – спросил мистер Снодграсс.

– Может быть, один из джентльменов пожелает ехать верхом, сэр? – редложил слуга, посматривая на мистера Уинкля. – Очень хороши верховые лошади, сэр, любой из слуг мистера Уордля может отвести лошадь назад, когда отправится в Рочестер.

– Отлично, – сказал мистер Пиквик. – Уинкль, хотите прокатиться верхом?

В тайниках души мистера Уинкля возникли серьезные опасения, касающиеся его умения ездить верхом, но ему во что бы то ни стало хотелось их скрыть, а посему он и ответил тотчас же и очень решительно:

– Конечно. Я буду в восторге.

Мистер Уинкль бросил вызов судьбе. Иного выхода у него не было.

– Велите подать лошадей к одиннадцати часам, – распорядился мистер Пиквик.

– Слушаю, сэр, – ответил слуга.

Слуга удалился, завтрак был окончен, и путешественники поднялись каждый в свою комнату, чтобы уложить костюмы, которые хотели взять с собой.

Мистер Пиквик покончил со всеми приготовлениями и из-за оконных занавесок столовой взирал на прохожих, когда вышел слуга и доложил, что лошади поданы. Сообщение это было подтверждено самим экипажем, который не замедлил появиться перед окнами вышеупомянутой половой.

Это был диковинный зеленый ящичек на четырех колесах, с низким двухместным сиденьем, напоминающим плетенку для винных бутылок, с высоким насестом спереди для

одного человека, влекомый гигантской бурой лошадью, которая обнаруживала великолепный по своей симметрии костяк. Тут же стоял конюх, держа за повод оседланную для мистера Уинкля другую рослую лошадь, по-видимому, близкую родственницу животного, впряженного в экипаж.

– Господи помилуй! – воскликнул мистер Пиквик, когда они стояли на тротуаре и ждали, пока уложены будут в экипаж их вещи. – Господи помилуй, а кто ж будет править? Об этом я и не подумал.

– Вы конечно, – сказал мистер Тапмен.

– Разумеется, – сказал мистер Снодграсс.

– Я! – воскликнул мистер Пиквик.

– Не извольте беспокоиться, сэр, – вмешался конюх. – Доверьтесь ей, сэр, спокойно: грудной младенец – и тот с ней справится.

– А она не пуглива? – осведомился мистер Пиквик.

– Пуглива, сэр? Покажите ей воз обезьян с обожженными хвостами – она и то не испугается.

Такой отзыв рассеивал все сомнения. Мистер Тапмен и мистер Снодграсс влезли в ящик, мистер Пиквик взобрался на насест и поставил ноги на обитую клеенкой подножку, приспособленную специально для этой цели.

– Ну, Блестящий Уильям, – сказал конюх своему подручному, – подай джентльмену вожжи.

Блестящий Уильям (должно быть, этим прозвищем он был обязан своим прилизанным волосам и лоснящейся физиономии) вложил вожжи в левую руку мистера Пиквика, а старший конюх сунул ему хлыст в правую руку.

– Тпру! – закричал мистер Пиквик, когда рослое животное попятилось, не скрывая своего намерения ввалиться через окно в столовую.

– Тпру! – отозвались из ящика мистер Тапмен и мистер Снодграсс.

– Ничего! Это ей порезвиться вздумалось, джентльмены, – ободряюще заметил старший конюх. – Придержи-ка ее, Уильям.

Подручный укротил буйный нрав животного, а конюх поспешил на помощь к мистеру Уинклю.

– С этой стороны пожалуйте, сэр.

– Провалиться мне на этом месте, если джентльмен не собирался влезть не с той стороны, – ухмыляясь, шепнул форейтор на ухо официанту, веселившемуся от всей души.

Мистер Уинкль, следуя инструкции, уселся в седло, по с таким трудом, словно ему пришлось карабкаться на борт первоклассного военного судна.

– Все в порядке? – осведомился мистер Пиквик, предчувствуя в глубине души, что о порядке и речи быть не может.

– Все в порядке, – слабым голосом ответил мистер Уинкль.

– Пошел! – крикнул конюх. – Держите вожжи, сэр.

И вот на потеху всего двора повозка и верховой конь помчались: одна – с мистером Пикником на козлах, другой – с мистером Уинклем на спине.

– Отчего это она идет как-то боком? – обратился мистер Снодграсс из ящика к мистеру Уинклю в седле.

– Понятия не имею, – ответил мистер Уинкль.

Его лошадь несло по улице самым загадочным образом: боком вперед, головой к одной стороне улицы и хвостом – к другой.

Мистер Пиквик этого не видел и не имел времени заметить что бы то ни было, так как все его внимание было сосредоточено на лошади, впряженной в повозку и проявлявшей своеобразные наклонности, весьма интересные для постороннего наблюдателя, но отнюдь не столь занимательные для лиц, сидевших в экипаже. Не говоря уже о весьма неприятной и раздражающей привычке задирать голову и натягивать вожжи так, что мистеру Пиквику великого труда стоило удерживать их в руке, лошадь проявляла странную склонность внезапно бросаться в сторону, останавливаться, а затем в течение нескольких минут мчаться вперед с быстротой, исключающей всякую возможность управлять экипажем.

– Что она хочет показать этим? – спросил мистер Снодграсс, когда лошадь в двадцатый раз проделала этот маневр.

– Не знаю, – отозвался мистер Тапмен. – Я бы сказал, что она пуглива, а как по-вашему?

Мистер Снодграсс хотел что-то ответить, когда его прорвал возглас мистера Пиквика.

– Тпру! – воскликнул сей джентльмен. – Я уронил хлыст.

– Уинкль! – сказал мистер Снодграсс, когда всадник на рослой лошади подъехал к ним рысцой, в шляпе, надвинутой на самые уши, и сотрясаясь всем телом от резких движений, словно вот-вот рассыплется на кусочки, – Уинкль, будьте добры, поднимите хлыст.

Мистер Уинкль натягивал поводья огромной лошади, пока лицо у него не почернело; ухитрившись, наконец, остановить лошадь, он слез, подал мистеру Пиквику хлыст и, схватив поводья, приготовился снова вскочить в седло.

Захотелось ли рослой лошади, отличавшейся природной игривостью, невинно пошалить с мистером Уинклем, или она сообразила, что не менее приятную прогулку может совершить и без всадника, – эти вопросы мы, конечно, не в силах разрешить окончательно и определенно. Какими бы мотивами ни руководствовалось животное, несомненным остается один факт: едва схватил мистер Уинкль поводья, как лошадь перебросила их через голову и на всю их длину отскочила назад.

– Милая скотинка, – вкрадчиво сказал мистер Уинкль, – милая скотинка, добрая старая лошадка!

Но «милая скотинка» презирала лесть: чем упорнее старался мистер Уинкль к ней подойти, тем настойчивее она отступала, и, несмотря на уговоры и улещиванье, мистер Уинкль и лошадь кружились на одном месте в течение десяти минут, а по прошествии этого времени расстояние между ними отнюдь не уменьшилось, – положение неприятное при любых обстоятельствах, а тем более на безлюдной дороге, где никто не придет на помощь.

– Что мне делать? – крикнул мистер Уинкль после длительного кружения на одном месте. – Что мне делать? Я не могу к ней подойти.

– Ведите ее на поводу, пока мы не доберемся до заставы, – ответил мистер Пиквик.

– Да она не хочет идти! – завопил мистер Уинкль. Вылезайте и подержите ее.

Мистер Пиквик – сама доброта и человеколюбие – бросил вожжи на спину своей лошади и, спустившись с козел, заботливо повернул повозку к придорожным кустам на тот случай, если кто проедет по дороге, после чего поспешил на помощь к своему злополучному спутнику, оставив мистера Тапмена и мистера Снодграсса в экипаже.

Едва завидев мистера Пиквика, приближавшегося с хлыстом в руке, лошадь перестала упорно кружиться на одном месте и начала отступать столь решительно, что потащила за собой мистера Уинкля, не выпускавшего поводьев, и заставила его бежать в ту сторону, откуда они только что приехали. Мистер Пиквик бросился на помощь, но чем быстрее устремлялся он вперед, тем быстрее бежала от него лошадь. Послышался топот копыт, заклубилась пыль, и мистер Уинкль, едва не вывихнувший руки, благоразумно бросил повод. Лошадь остановилась, посмотрела, тряхнула головой, повернулась и спокойно побежала рысью домой в Рочестер,

предоставив мистеру Уинклю и мистеру Пиквику с немым отчаянием взирать друг на друга. Какой-то дребезжащий звук привлек их внимание. Они встрепенулись.

– Господи помилуй! – воскликнул несчастный мистер Пиквик. – И другая лошадь убегает!

Это была истинная правда. Шум испугал лошадь, а вожжи лежали у нее на спине. Результаты угадать нетрудно. Она сорвалась с места, увлекая за собой четырехколесный экипаж с мистером Тапменом и мистером Снодграссом. Скачка продолжалась недолго. Мистер Тапмен прыгнул в кусты, мистер Снодграсс последовал его примеру; лошадь разбила четырехколесную повозку о деревянный мост, – кузов отделился от колес, ящик сорвался, и лошадь остановилась как вкопанная, созерцая произведенное ею разрушение.

Первой заботой двух уцелевших друзей было извлечь своих злополучных спутников из кустов, где они застряли, – процесс, который доставил им несказанное удовольствие, когда они убедились, что никто не получил никаких повреждений, если не считать нескольких дыр на платье и легких царапин, нанесенных колючками. Следующей их заботой было выпрячь лошадь. По окончании этой сложной операции компания медленно побрела вперед, ведя за собой лошадь, а повозку бросив на произвол судьбы.

Через час ходьбы путешественники увидели маленький придорожный трактир – перед домом два вяза, водопойная колода для лошадей и столб с вывеской, позади несколько бесформенных стогов сена, сбоку огород, а вокруг разбросанные в странном беспорядке ветхие сараи и надворные строения. На огороде работал рыжеволосый человек. Мистер Пиквик громко окликнул его:

– Эй! Послушайте!

Рыжеволосый выпрямился, заслонил глаза рукой и посмотрел пристально и холодно на мистера Пиквика и его спутников.

– Эй! Послушайте! – повторил мистер Пиквик.

– В чем дело? – отозвался рыжеволосый.

– Далеко отсюда до Дингли Делла?

– Добрых семь миль.

– Дорога хорошая?

– Плохая.

Дав сей краткий ответ и удовлетворив, по-видимому, свое любопытство еще одним пристальным взглядом, рыжеволосый снова принялся за работу.

– Мы бы хотели на время оставить здесь эту лошадь, – сказал мистер Пиквик. – Можно?

– Лошадь хотите здесь оставить? – повторил рыжеволосый, опираясь на лопату.

– Ну да, – ответил мистер Пиквик, который уже успел подойти вместе с лошадью к изгороди.

– Хозяйка! – заорал человек с рыжими волосами, выйдя из огорода и в упор глядя на лошадь. – Хозяйка!

На зов явилась высокая костлявая женщина, прямая, как палка, в грубой синей накидке, с талией под мышками.

– Скажите, любезная, можно оставить здесь эту лошадь? – вкрадчиво спросил мистер Тапмен, выступая вперед.

Женщина очень пристально разглядывала всю компанию, а рыжеволосый шепнул ей что-то на ухо.

– Нет, – ответила она, подумав. – Боюсь.

– Боитесь! – воскликнул мистер Пиквик. – Чего может бояться эта женщина?

– Недавно мы из-за этого попали в беду, – сказала женщина, поворачивая к дому. – Не о чем тут толковать.

– В высшей степени странно! – воскликнул удивленный мистер Пиквик.

– Мне... мне кажется, – шепнул мистер Уинкль окружившим его друзьям, – мне кажется, они подозревают, что эту лошадь мы приобрели какими-то нечестными путями.

– Что?! – в порыве негодования воскликнул мистер Пиквик.

Мистер Уинкль смущенно повторил свою догадку.

– Эй, послушайте! – крикнул рассерженный мистер Пиквик. – Вы что, думаете – мы эту лошадь украли?

– Ясное дело украли, – ответил рыжеволосый, оскалив зубы так, что рот растянулся от одного слухового органа до другого. С этими словами он вошел в дом и захлопнул за собой дверь.

– Это похоже на сон! – кипятился мистер Пиквик. – На отвратительный сон. Тащиться целый день с ужасной лошадью, от которой не можешь отделаться!

Пиквикисты мрачно и уныло пошли прочь, а рослое четвероногое, к которому все они чувствовали безграничное отвращение, плелось за ними по пятам.

Уже наступал вечер, когда четверо друзей и их четвероногий спутник свернули на боковую дорогу, ведущую к Менор Фарм; и даже теперь, когда они были так близки к цели, удовольствие, которое могли бы они испытать при иных обстоятельствах, оказалось в значительной мере отравленным размышлениями о том, какой странный у них вид и сколь нелепо их положение. Изорванные костюмы, исцарапанные лица, запыленные ботинки, измученный вид и в довершение всего лошадь. О, как проклинал мистер Пиквик эту лошадь! Время от времени он бросал на благородное животное взгляды, горящие ненавистью и жаждой мести; не раз принимался высчитывать, каковы будут издержки, если он перережет ей горло, и им овладевало с удесятеренной силой искушение убить се или отпустить на все четыре стороны. От этих ужасных мыслей его отвлекли две фигуры, внезапно появившиеся за поворотом дороги. Это был мистер Уордль и верный его паж, жирный парень.

– Где же это вы запропастились? – спросил гостеприимный пожилой джентльмен. – Я вас весь день поджидал. Однако вид у вас потрепанный. Как! Царапины! Ничего серьезного, надеюсь, нет? Ну, я очень рад, очень рад это слышать. Так, значит, вы опрокинулись? Ничего! Обычная история в этих краях. Джо! – Он опять спит! – Джо, возьми у джентльмена лошадь и отведи ее в конюшню, Жирный парень, тяжело ступая, поплелся за ними вместе с лошадью, а пожилой джентльмен добродушно выражал сочувствие своим гостям, узнав об их приключениях ровно столько, сколько они сочли нужным сообщить, и повел их прежде всего на кухню.

– Здесь мы вас приведем в порядок, – сказал пожилой джентльмен, – а затем я вас представлю обществу, собравшемуся в гостиной. Эмма, подай черри-бренди, Джейн, иголку с ниткой! Полотенец и воды, Мэри! Ну, девушки, пошевеливайтесь!

Три-четыре проворных девушки бросились отыскивать требуемые вещи, а два большеголовых круглолицых представителя мужского пола покинули свои места у очага (ибо, хотя вечер был майский, их тянуло к огоньку не меньше, чем на святках) и нырнули в какие-то темные углы, откуда быстро извлекли ваксу и с полдюжины щеток.

– Пошевеливайтесь! – повторил пожилой джентльмен, но это приказание оказалось совершенно излишним, так как одна девушка уже наливала черри-бренди, другая принесла полотенца, а один из слуг, ухватив внезапно за ногу мистера Пиквика и подвергая его опасности потерять равновесие, чистил ему башмак, пока мозоли не раскалились докрасна, в то время как другой чистил мистера Уинкля тяжелой платяной щеткой, насвистывая при этом, как имеют обыкновение насвистывать конюхи, отчищая лошадь скребницей.

Покончив с омовениями, мистер Снодграсс, стоя спиной к камину и с истинным наслаждением попивая черри-бренди, осматривал кухню. Он описывает ее, как просторное

помещение с красным кирпичным подом и вместительным очагом; потолок украшали окорока, свиная грудинка, связки луковиц. Степы были декорированы охотничьими хлыстами, несколькими уздечками, седлом и старым, заржавленным мушкетоном, под которым красовалась надпись, возвещавшая, что он «заряжен», – если верить свидетельству того же источника, – уже по крайней мере полстолетия. В углу важно тикали старинные часы с недельным заводом, отличавшиеся нравом степенным и уравновешенным, а на одном из многочисленных крючков, украшавших кухонный шкаф, висели серебряные карманные часы, не менее древние.

– Готовы? – осведомился пожилой джентльмен, когда его гости были вымыты, заштопаны, вычищены и подкреплены бренди.

– Вполне, – ответил мистер Пикник.

– В таком случае идемте!

И компания, миновав несколько темных коридоров, где к ней присоединился мистер Тапмен, который замешкался, чтобы сорвать поцелуй у Эммы, должным образом вознаградившей его толчками и царапинами, приблизилась к двери гостиной.

– Добро пожаловать, джентльмены! – промолвил гостеприимный хозяин, распахивая дверь и проходя вперед, чтобы представить гостей. – Добро пожаловать в Менор Фарм!

ГЛАВА VI.

Старомодная игра в карты. Стихи священника. Рассказ о возвращении каторжника

При входе мистера Пиквика с друзьями гости, собравшиеся в старой гостиной, встали им навстречу; и пока шла церемония представления, сопровождавшаяся всеми обязательными формальностями, у мистера Пиквика было время рассмотреть лица и поразмыслить о характерах и стремлениях людей, его окружавших, – привычка, которой он, наряду со многими великими людьми, предавался с наслаждением.

Очень старая леди в величественном чепце и выцветшем шелковом платье не кто иная, как мать мистера Уордля, – занимала почетное место в углу, справа от камина; стены были украшены предметами, свидетельствовавшими о том, что в молодости она была воспитана подобающим образом и о своем воспитании не забыла и на старости лет, – тут были весьма древние вышивки, шитые шерстью пейзажи такой же давности и алые шелковые покрышки на чайник более современного происхождения. Тетка, две юных леди и мистер Уордль соперничали друг с другом, ревностно и неустанно оказывая знаки внимания старой леди: одна держала ее слуховой рожок, другая – апельсин, третья флакон с нюхательной солью, а четвертый усердно поправлял и взбивал подушки, водруженные за ее спиной. Против нее, по другую сторону камина, восседал лысый, старый джентльмен с благожелательным и добродушным выражением лица священник Дингли Делла, а рядом с ним – его жена, полная, румяная старая леди, у которой был такой вид, словно она не только постигла искусство и тайну домашнего изготовления ароматных настоек на благо и удовольствие ближним, но и сама при случае весьма не прочь была их отведать. В одном углу человечек, с лицом проницательным и похожим на рипстонский ранет[30], беседовал с толстым старым джентльменом, и еще два-три пожилых джентльмена, и еще две-три пожилых леди неподвижно сидели навытяжку, пристально разглядывая мистера Пиквика и его спутников.

– Мистер Пиквик, маменька! – заорал во весь голос мистер Уордль.

– А! – сказала старая леди, покачивая головой. – Ничего не слышу.

– Мистер Пиквик, бабушка! – дружно прокричали обе юные леди.

– А! – отозвалась старая леди. – Ну, да это неважно, полагаю, что ему никакого дела нет до такой старухи, как я.

– Уверяю вас, сударыня, – начал мистер Пиквик, пожимая руку старой леди и говоря так громко, что добродушное лицо его приняло от напряжения карминный оттенок, – уверяю вас, сударыня, ничто не доставляет мне такого удовольствия, как знакомство с леди столь почтенного возраста, возглавляющей такую славную семью и имеющей столь моложавый и цветущий вид.

– А... – сказала, помолчав, старая леди, – все это прекрасно, да только я его не слышу.

– Бабушка сейчас немного расстроена, – понизив голос, сообщила мисс Изабелла Уордль, – по потом она еще поговорит с вами.

Мистер Пиквик кивнул головой в знак готовности подчиниться капризу старческой немощи и вступил в общий разговор с другими членами кружка.

– Очаровательное местоположение! – сказал мистер Пиквик.

– Очаровательное! – откликнулись мистеры Снодграсс, Тапмен и Уинкль.

– Да, бесспорно, – согласился мистер Уордль.

– Во всем Кенте не найдется лучшего местечка, сэр, – заметил проницательный человечек с лицом, похожим на ранет, – да, сэр, не найдется, уверен, что не найдется.

И проницательный человечек торжествующе осмотрелся по сторонам, словно кто-то усиленно ему возражал, но он в конце концов одержал над ним верх.

– Лучшего местечка не найдется во всем Кенте, – повторил он, помолчав.

– За исключением Маллинс Медоус, – глубокомысленно заметил один толстяк.

– Маллинс Медоус! – с глубоким презрением воскликнул первый.

– Да, Маллинс Медоус! – повторил толстяк.

– Прекрасный участок, – вмешался другой толстяк,

– Совершенно верно, – подтвердил третий толстяк.

– Это всем известно, – согласился дородный хозяин.

Проницательный человечек недоверчиво осмотрелся по сторонам, но, убедившись, что остается в меньшинстве, скроил соболезнующую физиономию и больше уже не проронил ни слова.

– О чем они говорят? – громко осведомилась старая леди у одной из своих внучек, ибо, как большинство глухих, она, казалось, не допускала возможности, что ее могут услышать.

– О наших местах, бабушка.

– А что с ними такое? Ничего ведь не случилось?

– Нет. Мистер Миллер говорил, что наш участок лучше, чем Маллинс Медоус.

– А что он в этом понимает? – вознегодовала старая леди. – Миллер – нахал и много о себе думает, можете передать ему мое мнение.

И старая леди, нимало не подозревая, что говорит отнюдь не шепотом, выпрямилась и пригвоздила взглядом проницательного преступника.

– Ну-ну, – засуетился хозяин, естественно желая переменить тему разговора. – А что, если бы нам сыграть роббер, мистер Пиквик?

– Я был бы очень рад, – ответил сей джентльмен, – но прошу вас, не затевайте для меня одного.

– Уверяю вас, маменька с удовольствием разыграет роббер, – возразил мистер Уордль. – Не так ли, маменька?

Старая леди, которая при обсуждении этой темы оказалась менее глухой, чем в других случаях, ответила утвердительно.

– Джо, Джо! – крикнул старый джентльмен. – Джо... несносный... Ах, вот он! Разложи ломберные столы.

Летаргический юноша ухитрился без дальнейших понуканий разложить два ломберных стола, один для игры в «Папесса Иоанна», другой для виста. За вист сели мистер Пиквик и старая леди, мистер Миллер и толстый джентльмен; остальные разместились за другим столом.

Роббер разыгрывался со всей серьезностью и степенностью, какие приличествуют занятию, именуемому «вистом», – торжественному обряду, к коему, на наш взгляд, весьма непочтительно и неприлично применять слово «игра». А за другим столом, где шла «салонная» игра, веселились столь бурно, что мешали сосредоточиться мистеру Миллеру, который был поглощен вистом меньше, чем следовало, и ухитрился совершить немало серьезных преступлений и промахов, возбудивших в высокой степени гнев толстого джентльмена и в такой же степени улучшивших расположение духа старой леди.

– Ну вот! – с торжеством провозгласил преступный Миллер, беря леве́ к концу партии. – Льщу себя надеждой, что лучше сыграть невозможно, больше нельзя было взять ни одной взятки.

– Миллеру нужно было перекрыть бубны козырем, не правда ли, сэр? – заметила старая леди.

Мистер Пиквик кивнул в знак согласия.

– В самом деле? – спросил злополучный игрок, нерешительно обращаясь к своему партнеру.

– Несомненно, сэр, – грозно ответил толстый джентльмен.

– Очень сожалею, – сказал удрученный Миллер.

– Велика польза от ваших сожалений! – проворчал толстый джентльмен.

– Два онера, итого восемь у нас, – сказал мистер Пиквик.

Новая сдача.

– Есть у нас роббер? – осведомилась старая леди.

– Есть, – ответил мистер Пиквик. – Двойной, простой, и к робберу.

– Ну и везет! – сказал мистер Миллер.

– Ну и карты! – сказал толстый джентльмен.

Торжественное молчание: мистер Пиквик весел, старая леди серьезна, толстый джентльмен придирчив, а мистер Миллер запуган.

– Еще раз двойной, – сказала старая леди и с торжеством отметила это обстоятельство, положив под подсвечник шестипенсовик и стертую монету в полпенни.

– Двойной, сэр, – сказал мистер Пиквик.

– Я это вижу, сэр, – резко ответил ему толстый джентльмен.

Следующая игра с такими же результатами сопровождалась тем, что злополучный Миллер не снес требуемой масти, по каковому поводу толстый джентльмен пришел в состояние крайнего возбуждения, длившееся до конца игры, после чего он удалился в угол и в продолжение часа и двадцати семи минут не проронил ни слова; по истечении этого времени он вышел из своего убежища и с видом человека, который готов по-христиански простить все обиды, предложил мистеру Пиквику понюшку табаку. Слух у старой леди значительно улучшился, а злополучный мистер Миллер чувствовал себя выброшенным из родной стихии, как дельфин, посаженный в караульную будку.

А за другим столом весело шла некоммерческая игра; Изабелла Уордль и мистер Трандль объявили себя партнерами, то же сделали Эмили Уордль и мистер Снодграсс, и даже мистер Тапмен и незамужняя тетушка организовали акционерное общество фишек и любезностей. Мистер Уордль был в ударе, и так забавно вел игру, а пожилые леди так зорко следили за своими выигрышами, что смех не смолкал за столом. Была тут одна пожилая леди, которой аккуратно каждую игру приходилось платить за полдюжины карт, что неизменно вызывало

общий смех; а когда пожилая леди насупилась, раздался хохот, после чего лицо пожилой леди постепенно начало проясняться, и кончилось тем, что она захохотала громче всех. Затем, когда у незамужней тетушки оказался «марьяж» и юные леди снова расхохотались, незамужняя тетушка собиралась надуться, но, почувствовав, что мистер Тапмен пожимает ей руку под столом, тоже просияла и посмотрела столь многозначительно, словно для нее «марьяж» был не так недоступен, как думают некоторые особы. Тут все снова захохотали, и громче всех старый мистер Уордль, который наслаждался шуткой не меньше, чем молодежь.

Если говорить о мистере Снодграссе, то он только и делал, что нашептывал поэтические сентенции на ухо своей партнерше, что настроило одного старого джентльмена на шутливый лад по поводу партнеров за карточным столом и партнеров в жизни и заставило вышеупомянутого старого джентльмена сделать на этот счет несколько замечаний, сопровождаемых подмигиваниями и хихиканьем и развеселивших все общество, а в особенности жену старого джентльмена. Мистер Уинкль выступил с остротами, хорошо известными в городе, но вовсе не известными в деревне, и так как все от души смеялись и высказывали свое одобрение, то мистер Уинкль был весьма польщен и доволен. Добродушный священник взирал благосклонно, ибо при виде счастливых лиц за столом добрый старик тоже чувствовал себя счастливым; и хотя веселились, быть может, слишком бурно, зато от души, а не для виду. А в конце концов только такое веселье имеет цену.

В этих беззаботных развлечениях быстро промелькнул вечер, а когда было покончено с сытным, хотя и простым ужином и маленькое общество расположилось дружеским кружком у камелька, мистер Пиквик отметил, что никогда еще не был он так счастлив и никогда так полно не наслаждался ускользающими мгновениями.

– Да, да, это то, что я люблю, – сказал гостеприимный хозяин, торжественно восседавший рядом со старой леди, держа ее руку в своей. Счастливейшие минуты моей жизни пролетели у этого старого камина, и я так к нему привязан, что каждый вечер развожу в нем пылающий огонь, пока он не разгорится до невыносимого жара. И моя милая старая маменька, когда была девочкой, не раз сиживала вон на той скамеечке перед камином. Верно, маменька?

Непрошеная слеза, которую вызывают воспоминания о былом и о давно ушедшем счастье, скатилась по щеке старой леди, и она с меланхолической улыбкой кивнула головой.

– Не осудите меня, мистер Пиквик, за болтовню об этом старом камине, – помолчав, продолжал хозяин, – я его горячо люблю и другого не знаю. Старые дома и поля кажутся мне живыми друзьями, так же как и паша маленькая церковь, обвитая плющом, о котором – к слову сказать – наш добрый друг сочинил стихотворение вскоре по приезде в наши края. Мистер Снодграсс, разрешите наполнить ваш стакан?

– Он полон, благодарю вас, – ответил этот джентльмен, чье поэтическое любопытство было весьма возбуждено последним замечанием хозяина. – Простите, вы упомянули стихотворение о плюще?

– Об этом вы должны спросить вашего друга, – многозначительно ответил хозяин, кивнув в сторону священника.

– Мне бы очень хотелось услышать это стихотворение, сэр, – сказал мистер Снодграсс.

– Уверяю вас, это так, пустячок, – ответил священник, – я был молод, когда сочинил его, и в этом единственное мое оправдание. Но если вам угодно, вы его услышите.

Разумеется, в ответ раздался шепот заинтересованных слушателей, и старый джентльмен – с помощью подсказывавшей ему жены – прочел следующие строфы.

– Я их назвал, – сказал он,

ЗЕЛЕНЫЙ ПЛЮЩ

О причудлив ты, мой зеленый плющ,

Проползая среди руин,
За отборной пищей гонишься ты
В невеселом своем дому.
Камень должен сгнить, обветшать стена,
И тогда ты возлюбишь их,
А тончайшая вековая пыль
Будет лакомством для тебя.
Стелешься там, где жизни пет,
Древний гость, мой зеленый плющ.
Быстро вьешься ты, хотя крыльев нет,
Сердце верное у тебя.
Как ты льнешь к нему, как туго обвил
Друга милого – вечный дуб!
Как влачишься ты по сырой земле
И тихонько шуршишь в листве,
Когда, ласково обнимая, льнешь
К праху тучному у могил!
Стелешься там, где прах и тлен,
Древний гость, мой зеленый плюш.
Пронеслись века, память стерла их,
И народы ушли с земли,
Но не блекнет только зеленый плющ
Он, как встарь, и сочен и свеж.
Одинокий, отважный древний плющ
Силу черпает в днях былых:
Для того же и возводится дом,
Чтобы плющ питать и растить.
Стелешься, где прошли века,
Древний гость, мой зеленый плющ.

Пока старый джентльмен вторично читал эти строки, чтобы дать мистеру Снодграссу возможность их записать, мистер Пиквик с величайшим интересом изучал черты его лица. Когда старый джентльмен кончил диктовать, а мистер Снодграсс спрятал записную книжку в карман, мистер Пиквик заговорил:

– Простите меня, сэр, если я, будучи столь мало с нами знаком, осмелюсь сделать одно замечание: я думаю, что такой человек, как вы, несомненно наблюдал за время своего служения церкви много сцен и событий, достойных запоминания.

– Кое-что я, конечно, имел случай наблюдать, – ответил старый джентльмен, – но поскольку сфера моей деятельности весьма ограничена, то события и действующие лица не представляли собой ничего из ряда вон выходящего.

– Однако вы сделали кое-какие записи, касающиеся Джона Эдмондса, не так ли? – осведомился мистер Уордль, которому явно хотелось демонстрировать своего друга в назидание новым гостям.

Старый джентльмен слегка кивнул в знак согласия и хотел заговорить о другом, но мистер Пиквик сказал:

– Прошу прощенья, сэр, разрешите спросить, кто был этот Джон Эдмондс?

– Я хотел задать тот же вопрос, – с жаром вставил мистер Снодграсс.

– Теперь уж вам не отвертеться, – сказал веселый хозяин. – Рано или поздно вы должны будете удовлетворить любопытство этих джентльменов, так воспользуйтесь же удобным случаем и сделайте это сейчас.

Старый джентльмен добродушно улыбнулся и выдвинулся вперед на своем стуле; остальные ближе сдвинули стулья, в особенности мистер Тапмен и незамужняя тетушка, которые, быть может, были туговаты на ухо; старую леди вооружили слуховым рожком, а мистер Миллер (который заснул во время чтения стихов) очнулся от сна, получив предостерегающий щипок под столом от бывшего своего партнера, степенного толстого джентльмена, после чего старый священник без всяких предисловий начал следующий рассказ, который мы берем на себя смелость озаглавить:

«ВОЗВРАЩЕНИЕ КАТОРЖНИКА»

Когда я ровно двадцать пять лет назад поселился в этой деревне, заговорил старый джентльмен, – наихудшей репутацией среди моих прихожан пользовался некто Эдмондс, арендовавший неподалеку отсюда маленькую ферму. Он был угрюмым, злым, дурным человеком, жизнь вел праздную и распутную, нрав имел жестокий. За исключением нескольких ленивых и беспечных бродяг, с которыми он проводил время на полях либо пьянствовал в трактире, не было у него ни друзей, ни знакомых; никто не хотел разговаривать с этим человеком, которого боялись многие, а ненавидели все, – и все сторонились Эдмондса.

Когда я только что сюда приехал, у него была жена и единственный сын лет двенадцати. О жестоких страданиях этой женщины, о кротости и терпении, с которыми она их переносила, о трепетной заботливости, с какой воспитывала мальчика, никто и понятия не имеет. Да простит мне небо мою догадку, если она жестока, но в глубине души я твердо верю, что этот человек систематически, в течение многих лет старался разбить сердце своей жены. Но она переносила все ради сына и – многим это может показаться странным – ради отца своего ребенка, ибо хоть и был он зверем и обращался с ней жестоко, но когда-то она его любила, и воспоминание о том, кем он для нее был, пробуждало в ее груди чувство снисходительности и покорности перед лицом страдания – чувство, которое непонятно ни одному живому существу, кроме женщины.

Они были очень бедны – да и не могло быть иначе, раз муж вед такой образ жизни; но неустанное и неослабное прилежание жены, работавшей и в ранний и в поздний час, утром, в полдень и ночью, спасало их от крайней нужды. Труды ее вознаграждались плохо. Люди, проходившие мимо ее жилища вечером или в поздний час ночи, рассказывали, что до них доносились стоны и рыдания несчастной женщины и глухие удары, и не раз уже за полночь мальчик стучался в дверь соседа, к которому его посылали, чтобы спасти от пьяного, озверевшего отца.

Бедная женщина, которой часто не удавалось скрыть следы побоев, аккуратно посещала нашу маленькую церковь. Каждое воскресенье, утром и после полудня, она занимала вместе со своим мальчиком всегда одну и ту же скамью; и хотя оба были бедно одеты, – значительно хуже, чем большинство их соседей, нуждавшихся еще более, чем они, – одежда их всегда была чистой и опрятной. Все и каждый приветствовали добрым словом «бедную миссис Эдмондс», и, бывало, измученное ее лицо освещалось чувством глубокой благодарности, когда по окончании службы она останавливалась в аллее вязов, ведущей к церкви, и перебрасывалась несколькими словами с соседом либо, замешкавшись, смотрела с материнской гордостью и любовью на здорового мальчугана, резвившегося со своими приятелями. В такие минуты ее измученное лицо озарялось глубокой благодарностью, и она казалась если не беззаботной и счастливой, то по крайней мере спокойной и довольной.

Прошло пять-шесть лет, мальчик стал здоровым, рослым юношей. Годы, укрепившие хрупкое тело ребенка и влившие в него мужественную силу, согнули спину матери и отняли силу у ее ног; рука, которая должна была бы ее поддерживать, уже не сжимала ее руки, лицо, которое должно было радовать ее, уже не было обращено к ее лицу. Она сидела на старой своей скамье, но место подле нее оставалось незанятым. По-прежнему раскрывала она заботливо библию, отыскивая нужные места и загибая страницы, но не было того, кто бы читал ее вместе с нею, и крупные слезы капали на книгу, и слова расплывались перед ее глазами. Соседи относились к ней так же ласково, как и встарь, но она отворачивалась, избегая их приветствий. Уже не замедляла она шагов в аллее старых вязов – не было у нее бодрой надежды на счастье. Безутешная женщина надвигала чепец на лицо и торопливо удалялась.

Нужно ли говорить вам о том, что юноша, который, оглядываясь на раннее свое детство, запечатленное в памяти, и пронося воспоминания сквозь жизнь, не мог припомнить ничего, что бы не было так или иначе связано с бесконечными добровольными лишениями, перенесенными матерью ради него, с обидами, оскорблениями и побоями, которые только ради него она претерпевала, – нужно ли говорить вам, что он, безрассудно пренебрегая разбитым ее сердцем, угрюмо, злобно забывая все, что она для него сделала и перенесла, связался с отъявленными негодяями и в безумии своем безудержно устремился по тропе, которая должна была привести его к смерти, ее – к позору? Горе человеческой природе! Мы давно уже это предвидели.

Вскоре должна была исполниться мера скорбей и страданий несчастной женщины. В окрестностях были совершены многочисленные преступления; виновных не нашли, и это придало им смелости. Дерзкий грабеж, сопровождавшийся отягчающими вину обстоятельствами, побудил усилить бдительность и энергически приступить к розыскам, на что не рассчитывали преступники. Подозрение пало на молодого Эдмондса и его трех товарищей. Его арестовали, заключили в тюрьму, судили, приговорили к смерти.

По сей день звучит в моих ушах дикий, пронзительный женский вопль, раздавшийся в зале суда, когда был вынесен приговор. Этот вопль поразил ужасом сердце преступника, который оставался равнодушным к суду, к приговору, даже к неминуемой смерти. Губы, упрямо сжатые, задрожали и невольно раскрылись, лицо его стало пепельно-серым, когда из всех пор выступил холодный пот; дрожь пробежала по мускулистому телу преступника, и он, шатаясь, опустился на скамью.

В порыве душевной муки несчастная мать упала к моим ногам и страстно молила всемогущего, который до сей поры помогал ей переносить все невзгоды, – молила взять ее из мира скорби и печали и пощадить жизнь единственного ее ребенка. За этим последовал взрыв отчаяния и мучительная борьба, какой, надеюсь, никогда я больше не увижу. Я знал, что в этот час разбилось ее сердце, но ни жалобы, ни ропота я от нее не слышал.

Грустно было видеть, как эта женщина изо дня в день приходила на тюремный двор, ревностно стараясь своей любовью и мольбами смягчить жестокое сердце упрямого сына. Все было тщетно. Он оставался угрюмым, непреклонным и равнодушным. Даже неожиданная замена смертной казни четырнадцатью годами ссылки на каторжные работы не сломила его озлобленного упрямства.

Но дух смирения и выносливости, который так долго поддерживал его мать, не мог побороть физическую слабость и недуги. Она заболела. Она заставила себя подняться с постели, чтобы еще раз навестить сына, по силы ей изменили, и в изнеможении она упала на землю.

Вот тогда-то подверглись испытанию хваленое хладнокровие и равнодушие юноши; его постигло тяжкое возмездие, и он едва не сошел с ума. День миновал, а мать его не навестила; пролетел второй день, третий, и она не пришла к нему; настал вечер, он не видел ее, а через двадцать четыре часа его увезут от нее – быть может, навеки. О, с какой силой захлестнули

его давно забытые мысли о прошлом, когда он метался по узкому двору, как будто эти метания могли ускорить для него получении сведений о ней, с какою горечью почувствовал он свою беспомощность и одиночество, когда узнал, наконец, правду! Его мать, единственное родное ему существо, лежала больная – быть может, умирающая – на расстоянии мили от него. Будь он свободен, не закован в кандалы, через несколько минут он очутился бы подле нее. Он подбежал к воротам, вцепился руками в железную решетку, в отчаянии сотрясал ее так, что она гудела, потом бросился на толстую стену, будто хотел проложить путь сквозь камни, но прочная стена издевалась над жалкими его усилиями, и, заломив руки, он заплакал, как ребенок.

Я принес в тюрьму материнское прощение и благословение сыну, а ей, лежавшей на одре болезни, сообщил о его раскаянии и передал страстную мольбу о прощении. С жалостью и состраданием я прислушивался к словам раскаявшегося преступника, мечтавшего о том, как он по возвращении своем будет утешать и покоить мать. Я не сомневался, что мать его уйдет из этого мира значительно раньше, чем он доберется до места своего назначения.

Его увезли ночью. Спустя несколько недель душа бедной женщины вознеслась – я твердо верю и надеюсь – в обитель вечного блаженства и покоя. Над ее останками я совершил погребальную службу. Она лежит на нашем маленьком кладбище. На ее могиле нет плиты. Ее горести были известны людям, добродетели – богу.

Перед отправкой каторжника было условлено, что он напишет матери, как только получит на это разрешение, и письмо адресует на мое имя. Отец решительно отказался увидеться с сыном с момента его ареста, ему было все равно, жив он или умер. Прошло много лет, и я не имел никаких сведений о каторжнике: истекло больше половины назначенного срока, и, не получив ни одного письма, я решил, что он умер, – пожалуй, хотелось мне на это надеяться.

По прибытии в колонию Эдмондс был отправлен далеко в глубь страны, и, быть может, этим-то и объясняется тот факт, что ни одно из отправленных им писем до меня не дошло. Там прожил он все четырнадцать лет. По истечении этого срока, оставаясь верным старому своему решению и клятве, данной матери, он вернулся в Англию, преодолев бесчисленные трудности, и пешком отправился в родную деревню.

Был ясный августовский воскресный вечер, когда Джон Эдмондс вошел в деревню, которую семнадцать лет назад покинул со стыдом и позором. Кратчайший путь лежал через кладбище. У него забилось сердце, когда он иступил за ограду. Высокие старые вязы, пропуская сквозь листву яркий луч заходящего солнца, падавший на тенистую дорожку, воскресили воспоминания детства. Он увидел самого себя, цепляющегося за руку матери и мирно идущего в церковь. Вспомнил, как, бывало, заглядывал в ее бледное лицо и как часто у нее на глазах выступали слезы, когда она смотрела на него, слезы, обжигавшие ему лоб, когда она наклонялась, чтобы поцеловать его и он тоже начинал плакать, хотя в ту пору и не подозревал о том, какие это было горькие слезы. Он вспомнил, как часто бегал по этой дорожке вместе с веселыми товарищами, то и дело оглядываясь, чтобы увидеть улыбку матери, услышать ее кроткий голос. И тогда словно поднялась завеса над его воспоминаниями и всплыли в памяти ласковые слова, оставшиеся без ответа, забытые предостережения, нарушенные им обещания; мужество покинуло его, страдания его были невыносимы.

Он вошел в церковь. Вечерняя служба кончилась, прихожане разошлись, но церковь еще не была закрыта. Гулко раздавались шаги в невысоком здании, и здесь была такая тишина, что он почти испугался своего одиночества. Он осмотрелся по сторонам. Все было по-прежнему. Церковь показалась ему меньше, чем раньше, но остались те же старые памятники, на которые он столько раз смотрел с детским благоговением, маленькая кафедра с выцветшей подушкой, престол, перед которым он так часто повторял заповеди, почитаемые в детстве и забытые в годы зрелости. Он подошел к старой скамье; она казалась холодной и покинутой. Унесли подушку, исчезла библия. Быть может, теперь его мать занимала другую скамью, для людей

победнее, или хворала и не могла одни дойти до церкви. Он не смел подумать о том, чего боялся. Холод пробежал у него по спине, он дрожал, направляясь к выходу.

В дверях он встретил старика, входившего в церковь. Эдмондс отшатнулся – он хорошо его знал, много раз видел он, как тот роет могилы на кладбище. Что скажет он вернувшемуся каторжнику?

Старик посмотрел на незнакомое ему лицо, сказал «добрый вечер» и медленно прошел дальше. Он забыл его.

Эдмондс спустился с холма и вошел в деревню. Было тепло, люди сидели у дверей своих домов или гуляли в маленьких садиках, наслаждаясь ясным вечером и отдыхом от работы. Многие поглядывали на него, и он много раз боязливо озирался: узнают ли его, сторонятся ли? Чуть не в каждом доме были чужие лица. Некоторых он узнал. Это были его школьные товарищи – в последний раз он их видел мальчиками, – растолстевшие, окруженные ватагой веселых ребят; в слабом и немощном старике, сидевшем в кресле у двери коттеджа, узнал он человека, которого помнил здоровым и сильным работником; по все они его забыли, и он шел никем не узнанный.

Последние мягкие лучи заходящего солнца упали на землю, бросая яркий отблеск на желтые снопы пшеницы и удлиняя тени фруктовых деревьев, когда он остановился перед старым домом, где прошло его детство, – перед домом, к которому стремился с бесконечной любовью в течение долгих, томительных лет заключения и тоски. Частокол был низкий, хотя он прекрасно помнил то время, когда этот же частокол казался ему высокой стеной; он заглянул в старый сад. Огородных растений и ярких цветов было в нем больше, чем в прежние времена, но старые деревья уцелели, – вон то самое дерево, под которым он сотни раз лежал, устав от беготни на солнцепеке, и чувствовал, как подкрадывается к нему сладкий безмятежный сон – сон счастливого детства. В доме разговаривали. Он прислушался, но голоса показались ему чужими, он их не узнавал. И звучали они весело; а ведь он прекрасно знал, что в разлуке с ним его бедная старуха мать не может веселиться, и он отошел. Открылась дверь, и шумно, с громкими криками выбежала группа детей, в дверях появился отец с маленьким мальчиком на руках, и дети окружили его, хлопая в ладоши, увлекая за собой, чтобы втянуть в веселую игру. Каторжник подумал о том, сколько раз на этом самом месте ежился он от страха при виде своего отца. Вспомнил, как часто он дрожа закрывался с головой одеялом и слышал грубые слова, удары и вопли матери. Уходя отсюда, он громко разрыдался от душевной боли, но сжал кулаки и в безумной тоске стиснул зубы.

Так вот оно – возвращение, о котором он мечтал на протяжении многих мучительных лет, и ради этого перенес столько страданий! Ни одной приветственной улыбки, ни одного взгляда, несущего прощение, нет дома, где бы нашел он приют, нет руки, которая протянулась бы ему на помощь, – а ведь пришел он в свою родную деревню! По сравнению с этим одиночеством, что значило одиночество в диких дремучих лесах, где не встретить человека!

Он понял, что там, в далекой стране изгнания и позора, представлял себе родную деревню такой, какою ее покинул, не думал о том, как изменится она за время его отсутствия. Печальная действительность больно его ударила, и глубокое уныние овладело им. У него не хватило мужества наводить справки или явиться к тому единственному человеку, который, по всей вероятности, встретит его ласково и сочувственно. Медленно побрел он дальше; словно чувствуя себя виноватым, он избегал проезжей дороги, свернул на луг, хорошо ему знакомый, закрыл лицо руками и бросился на траву.

Он не заметил, что возле него на насыпи лежит какой-то человек. Когда тот повернулся, чтобы украдкой взглянуть на пришельца, одежда его зашуршала, и Эдмондс поднял голову.

Человек уселся на земле. Это был сгорбленный старик с морщинистым желтым лицом, обитатель работного дома, если судить по одежде. Он казался очень старым, но дряхлостью своей был, по-видимому, обязан распутной жизни или болезням, а не прожитым годам. Он в

упор смотрел на незнакомца, и через несколько секунд какой-то странный, тревожный огонек загорелся в его тусклых и сонных глазах, и казалось, они вот-вот выскочат из орбит. Эдмондс приподнялся, встал на колени и пристально стал вглядываться в лицо старика. Они молча смотрели друг на друга.

Старик смертельно побледнел. Задрожав всем телом, он с трудом поднялся. Эдмондс вскочил. Тот отступил на шаг. Эдмондс двинулся к нему.

– Я хочу услышать ваш голос, – хрипло, прерывисто сказал каторжник.

– Не подходи! – крикнул старик и присовокупил страшное проклятие.

Каторжник ближе подошел к нему.

Тот взвизгнул:

– Не подходи! – Обезумев от ужаса, он поднял палку и нанес Эдмондсу тяжелый удар по лицу.

– Отец... дьявол! – сквозь стиснутые зубы пробормотал каторжник. Он рванулся вперед, схватил старика за горло, – но это был его отец, и руки его бессильно опустились.

Старик громко завопил. Этот вопль пронесся над пустынными полями, словно завывание злого духа. Лицо его почернело; из носа и изо рта хлынула кровь и окрасила траву в густой, темно-красный цвет; он зашатался и упал. У него лопнул кровеносный сосуд, и он был мертв раньше, чем сын попытался его поднять.

В том уголке кладбища, – помолчав, сказал старый джентльмен, – в том уголке кладбища, о котором я упоминал выше, похоронен человек, служивший у меня в течение трех лет после этих событий и проявивший такое глубокое раскаяние и смирение, какие редко приходится наблюдать. При его жизни никто, кроме меня, не знал, кто он такой и откуда пришел. Это был Джон Эдмондс, вернувшийся каторжник.

ГЛАВА VII.

О том, как мистер Уинкль, вместо того чтобы метить в голубя и попасть в ворону, метил в ворону и ранил голубка; как клуб крикетистов Дингли Делла состязался с, объединенным Магльтоном и как Дингли Делл давал обед в честь объединенных магльтонцев, а также о других интересных и поучительных вещах

Утомительный ли день, полный приключений, или снотворное действие, вызванное рассказом священника, повлияли так сильно на мистера Пиквика, но когда его провели в уютную спальню, не прошло и пяти минут, как он погрузился в крепкий сон без сновидений, из которого его вывело только утреннее солнце, укоризненно бросавшее яркие лучи в его комнату. Мистер Пиквик отнюдь не был лежебокой; он вскочил с постели, как выскакивает пылкий воин из своей палатки.

– Приятное, приятное местечко! – прошептал восторженный джентльмен, открывая окно. – Может ли тот, кто однажды почувствовал влияние подобного пейзажа, жить, созерцая изо дня в день кирпичи и черепицы? Можно ли влачить существование там, где петух встречается только в виде флюгера, где о Пане напоминает только панель и где зелень – только в зеленной лавке? Кто может вынести прозябание в таком месте? Кто, спрашиваю я, может это выдержать? И, руководствуясь весьма похвальными прецедентами, мистер Пиквик долго вопрошал самого себя, после чего высунул голову из окна и огляделся по сторонам.

Густой сладкий запах сена, сложенного в стога, поднимался к окну его комнаты; цветочные клумбы под окном насыщали воздух своими ароматами; ярко-зеленые лужайки были покрыты утренней росой, которая сверкала на каждом листочке, трепетавшем под легким ветерком, а птицы пели так, словно каждая искрящаяся росинка была для них источником вдохновения.

Мистер Пиквик погрузился в упоительные и сладкие мечты.

– Эй, послушайте! – долетел до него чей-то оклик.

Он посмотрел направо, но никого там не увидел; его глаза обратились налево и пронизали далекое пространство; он возвел их к небу, но там в нем не нуждались, наконец, сделал то, с чего начал бы всякий заурядный человек, а именно посмотрел в сад и увидел мистера Уордля.

– Как поживаете? – осведомился добродушный хозяин, дыша полной грудью в предвкушении наслаждений. – Чудесное утро, не правда ли? Рад, что вы так рано встали. Спускайтесь-ка поживее и приходите сюда. Я буду вас ждать.

Мистер Пиквик не заставил повторять приглашение. В десять минут он закончил свой туалет и по истечении этого времени находился уже в обществе пожилого джентльмена.

– Послушайте! – сказал в свою очередь мистер Пиквик, заметив, что его спутник держит ружье, а другое лежит на траве. – Что это вы задумали?

– Мы с нашим другом хотим перед завтраком пострелять грачей, – ответил хозяин. – Он, кажется, прекрасный стрелок.

– Я слыхал от него, что он превосходно стреляет, – отозвался мистер Пиквик, – по никогда еще не видал.

– Что же это он не идет? – заметил хозяин. – Джо, Джо!

Из дома вышел жирный парень, который благодаря бодрящему утреннему воздуху был погружен в дремоту не больше, чем на три четверти с дробью.

– Ступайте наверх и скажите джентльмену, что он найдет меня и мистера Пиквика в грачевнике. Проводите джентльмена туда, слышите?

Парень пошел исполнять приказание, а хозяин, неся оба ружья, словно новый Робинзон Крузо, направился к садовой калитке.

– Вот наше место, – объявил пожилой джентльмен, останавливаясь в аллее после нескольких минут ходьбы. Дальнейшее разъяснение было излишним, ибо неумолчное карканье ничего не подозревавших грачей выдавало их местопребывание.

Пожилой джентльмен положил одно ружье на землю, а другое зарядил.

– Вот они, – сказал мистер Пиквик, когда вдали появились фигуры мистера Тапмена, мистера Снодграсса и мистера Уинкля.

Жирный парень, не совсем уверенный в том, которого джентльмена следует позвать, проявил исключительную сообразительность и, по избежание возможной ошибки, позвал всех троих.

– Пожалуйте! – крикнул пожилой джентльмен, обращаясь к мистеру Уинклю. – Такому страстному охотнику, как вы, полагается давным-давно быть на ногах, даже ради такого пустяка.

Мистер Уинкль ответил принужденной улыбкой и взял готовое ружье с таким выражением лица, которое скорее приличествовало бы грачу, терзаемому предчувствием насильственной смерти. Это могла быть и охотничья страсть, но она почему-то разительно смахивала на уныние.

Пожилой джентльмен дал знак, и двое оборванных мальчуганов, которые были препровождены сюда под надзором юного Ламберта[31], тотчас же полезли на деревья.

– Зачем здесь эти ребята? – отрывисто спросил мистер Пиквик.

Он был встревожен, ибо, наслышавшись о бедственном положении земледельческого населения, предположил, что деревенские ребята вынуждены с риском для жизни искать заработка, служа мишенью неопытным стрелкам.

– Это только для начала игры, – смеясь, ответил мистер Уордль.

– Для чего? – переспросил мистер Пиквик.

– Да, проще говоря, для того, чтобы вспугнуть грачей.

– Ах, вот что! И это все?

– Вы удовлетворены?

– Вполне.

– Отлично! Мне начинать?

– Пожалуйста, – ответил мистер Уинкль, радуясь некоторой отсрочке.

– В таком случае отойдите в сторону. За дело!

Мальчишка закричал и начал раскачивать ветку, на которой было гнездо. С полдюжины молодых грачей, неистово крича, вылетели, чтобы разузнать, в чем дело. Пожилой джентльмен ответил выстрелом. Одна птица упала, остальные разлетелись.

– Поднимите ее, Джо, – сказал пожилой джентльмен.

На лице юноши засияла улыбка. В воображении его пронеслось смутное видение паштета из грачей. Унося птицу, он смеялся, – это был увесистый грач.

– Ну-с, мистер Уинкль, палите, – сказал хозяин, снова заряжая свое ружье.

Мистер Уинкль выступил вперед и прицелился. Мистер Пиквик и его друзья невольно съежились, опасаясь, как бы не посыпались на них убитые грачи, ибо никто не сомневался в том, что грачи посыплются градом после смертоносного выстрела мистера Уинкля. Наступило торжественное молчание... громкий крик... хлопанье крыльев... что-то слабо щелкнуло.

– Что случилось? – воскликнул пожилой джентльмен.

– Не стреляет? – осведомился мистер Пиквик.

– Осечка! – объявил мистер Уинкль, который очень побледнел – должно быть, от разочарования.

– Странно, – сказал пожилой джентльмен, беря ружье. – Никогда еще не давало оно осечки. А что же это я не вижу никаких следов пистона?

– Черт возьми! – воскликнул мистер Уинкль. – Я и забыл о пистоне.

Эта маленькая оплошность была исправлена. Мистер Пиквик снова съежился. Мистер Уинкль с видом решительным и непреклонным выступил вперед; мистер Тапмен выглядывал из-за дерева.

Мальчишка закричал; вылетело четыре птицы. Мистер Уинкль выстрелил.

Раздался вопль, скорее человеческий, чем птичий, вопль, исторгнутый физической болью. Мистер Тапмен спас жизнь многих невинных птиц, приняв часть заряда и левую руку.

Нет слов описать поднявшуюся суматоху. Рассказать, как мистер Пиквик в порыве чувств назвал мистера Уинкля «негодяем», как мистер Тапмен лежал распростертый на земле и как пораженный ужасом мистер Уинкль опустился возле него на колени, как мистер Тапмен в забытьи выкрикивал чье-то женское имя, затем открыл сперва один глаз, потом другой, после чего упал навзничь и закрыл оба глаза, – описать эту сцену со всеми подробностями не легче, чем изобразить, как несчастный постепенно приходил в себя, как перевязали ему руку носовыми платками и как встревоженные друзья медленно повели его, поддерживая под руки.

Они приближались к дому. У калитки сада стояли леди, поджидая их к завтраку. Появилась незамужняя тетушка: она улыбнулась и сделала знак, чтобы они ускорили шаги. Было ясно, что она понятия не имеет о катастрофе. Бедняжка! Бывают моменты, когда неведение воистину блаженно.

Они подошли ближе.

– Что случилось со старичком? – проговорила Изабелла Уордль.

Незамужняя тетушка не обратила внимания на эти слова, она думала, что они относятся к мистеру Пиквику. В ее глазах Треси Тапмен был юношей; его возраст она рассматривала в уменьшительное стекло.

– Не пугайтесь! – крикнул старый хозяин, не желая тревожить дочерей.

Маленькая группа тесно обступила мистера Тапмена, и леди не могли разглядеть, что именно произошло.

– Не пугайтесь, – повторил хозяин.

– Что случилось? – завизжали леди.

– С мистером Тапменом случилось маленькое несчастье, вот и все.

Незамужняя тетушка испустила пронзительный вопль, разразилась истерическим смехом и упала навзничь и объятия племянниц.

– Облейте ее холодной водой, – сказал старый джентльмен.

– Нет, нет, – пролепетала незамужняя тетушка. – Мне уже лучше. Белла, Эмили, врача! Он ранен?.. Умер? Он... ха-ха-ха!

Тут с незамужней тетушкой начался припадок – номер второй истерического смеха вперемежку с воплями.

– Успокойтесь, – вымолвил мистер Тапмен, чуть не до слез растроганный этим проявлением сочувствия. – Дорогая, дорогая моя леди, успокойтесь.

– Это его голос! – воскликнула незамужняя тетушка, причем обнаружились серьезные симптомы, предвещающие припадок номер третий.

– Умоляю вас, не волнуйтесь, дорогая леди, – успокоительно заговорил мистер Тапмен. – Уверяю вас, я ранен очень легко.

– Так вы не умерли! – восклицала истерическая леди. – О, скажите, что вы не умерли!

– Не дури, Рейчел! – вмешался мистер Уордль, проявляя некоторую грубость, не совсем уместную, если принять во внимание поэтичность этой сцены. – Ну на какой черт ему говорить, что он не умер?

– Нет, нет, я не умер! – заявил мистер Тапмен. – Я не нуждаюсь ни в чем, кроме вашей помощи. Разрешите мне опереться на вашу руку. – Шепотом он добавил: – О мисс Рейчел!

Взволнованная дева приблизилась и подала ему руку. Они вошли в гостиную, где был подан завтрак. Мистер Треси Тапмен нежно прижал ее руку к своим губам и опустился на диван.

– Вам дурно? – встревожилась Рейчел.

– Нет, – ответил мистер Тапмен. – Ничего. Сейчас все пройдет.

Он закрыл глаза.

– Спит! – прошептала незамужняя тетушка. (Органы его зрения были сомкнуты не больше двадцати секунд.) – Милый... милый... мистер Тапмен!

Мистер Тапмен вскочил.

– О, повторите эти слова! – воскликнул он.

Леди вздрогнула.

– Конечно, вы не могли их расслышать! – стыдливо сказала она.

– О, я расслышал! – возразил мистер Тапмен. Повторите их. Если вы хотите, чтобы я выздоровел, повторите их!

– Тише! – шепнула леди. – Брат!

Мистер Треси Тапмен принял прежнюю позу. В комнату вошел мистер Уордль в сопровождении хирурга.

Рука была исследована, рана перевязана и признана очень легкой. Успокоив таким образом душевную тревогу, компания принялась успокаивать разыгравшийся аппетит, и физиономии снова прояснились. Один лишь мистер Пиквик был молчалив и сдержан. Сомнение и недоверие отражались на его лице. Его вера в мистера Уинкля была поколеблена – весьма поколеблена – событиями этого утра.

– Вы играете в крикет? – обратился мистер Уордль к меткому стрелку.

При других обстоятельствах мистер Уинкль ответил бы утвердительно. Но, понимая неловкость своего положения, он скромно сказал:

– Нет.

– А вы, сэр? – осведомился мистер Снодграсс.

– Когда-то играл, – ответил хозяин, – а теперь бросил это дело. Я состою членом здешнего клуба, хотя сам не играю.

– Кажется, на сегодня назначен грандиозный матч, – заметил мистер Пиквик.

– Совершенно верно, – подтвердил хозяин. – Конечно, вы бы не прочь были посмотреть?

– Я, сэр, – ответил мистер Пиквик, – с наслаждением созерцаю все виды спорта, если можно им предаваться, ничем не рискуя, и если беспомощные попытки неопытных игроков не угрожают жизни окружающих.

Мистер Пиквик сделал паузу и пристально посмотрел на мистера Уинкля, который затрепетал под испытующим взглядом своего наставника. Спустя несколько минут великий человек отвел глаза и добавил:

– Можем ли мы поручить нашего раненого друга заботам леди?

– В лучших руках вы не могли бы меня оставить, – заметил мистер Тапмен.

– Совершенно верно, – прибавил мистер Снодграсс.

Итак, было решено, что мистер Тапмен останется дома на попечении особ женского пола, а остальные гости, под предводительством мистера Уордля, отправятся туда, где назначено было состязание в ловкости, которое весь Магльтон пробудило от спячки, а Дингли Делл заразило лихорадочным возбуждением.

Так как пройти нужно было не больше двух миль по тенистым дорогам и лесным тропинкам, а темой для разговора служил восхитительный пейзаж, развертывавшийся по обеим сторонам, то мистер Пиквик, очутившись на главной улице города Магльтона, готов был пожалеть о том, что они так быстро шли.

Все, кто одарен любовью к топографии, прекрасно знают, что Магльтон корпоративный город[32] с мэром, гражданами, пользующимися избирательным правом, и фрименами[33]; и всякий, кто познакомится с обращениями мэра к гражданам, или граждан к мэру, или граждан и мэра к корпорации, или всех их к парламенту, узнает то, что давно следовало бы знать, а именно: Магльтон древний и верноподданный парламентский город, сочетающий ревностную защиту христианских принципов с благочестивой преданностью торговым правам; в доказательство чего мэр, корпорация и прочие жители представили в разное время не меньше тысячи четырехсот двадцати петиций против торговли неграми за границей и ровно столько же петиций против какого бы то ни было вмешательства в фабричную систему у себя на родине, шестьдесят восемь – за продажу церковных бенефиций и восемьдесят шесть – за запрещение уличной торговли по воскресеньям.

Мистер Пиквик стоял на главной улице этого знаменитого города и с большим интересом и любопытством созерцал развернувшуюся картину. Перед ним правильным четырехугольником расстилалась базарная площадь; в центре ее находилась большая гостиница с вывеской, на которой было изображено существо, весьма обычное в искусстве но редко встречающееся в природе, а именно – синий лев с тремя поднятыми кривыми лапами, балансировавший на острие среднего когтя четвертой лапы. Тут же поблизости была контора аукционера и страхования от огня, зерновая торговля, бельевой магазин, лавки винокура, шорника, магазины колониальных товаров и обуви – этот последний был приспособлен также для снабжения жителей шляпами мужскими и дамскими, одеждой, зонтиками из бумажной материи и полезными знаниями. Здесь же стоял и красный кирпичный дом с мощеным двориком впереди, явно принадлежавший адвокату, и еще один красный кирпичный дом, с

жалюзи и большой медной дощечкой на дверях, на которой весьма разборчиво было написано, что этот дом принадлежит лекарю. Несколько молодых людей направлялись к крикетному полю, а два-три лавочника, стоя у дверей своих лавок, имели такой вид, словно им хотелось отправиться туда же, что, впрочем, они могли бы сделать, не рискуя упустить значительное число покупателей.

Мистер Пиквик, приостановившийся, чтобы произвести эти наблюдения и в подходящее время занести их в свою записную книжку, поспешил догнать друзей, которые свернули с главной улицы и уже приближались к полю битвы.

Воротца были расставлены; были также раскинуты две-три палатки, где состязающиеся команды могли отдохнуть и освежиться. Матч еще не начался. Два-три динглиделлца и маглтонца с величественным видом забавлялись, небрежно перебрасывая мяч; еще несколько джентльменов, одетых так же, как и первые, в соломенные шляпы, фланелевые куртки и белые штаны, костюм, придававший им вид каменотесов-любителей, расположились вокруг палаток. Гости мистера Уордля, под его предводительством, подошли к одной из них.

Десятками возгласов «Как поживаете?» было встречено появление пожилого джентльмена; соломенные шляпы поднялись и фланелевые куртки склонились, когда он представил своих гостей – джентльменов из Лондона, страстно желающих присутствовать при состязании, которое – в чем он нимало не сомневается доставит им живейшее удовольствие.

– Я бы вам посоветовал, сэр, войти в палатку, – заметил один весьма тучный джентльмен, чье туловище было очень похоже на половину гигантского свертка фланели, покоящегося на двух надутых воздухом наволочках.

– Вам будет гораздо удобнее здесь, сэр, – добавил второй тучный джентльмен, который сильно смахивал на другую половину вышеупомянутого свертка фланели.

– Вы очень любезны, – ответил мистер Пиквик.

– Пожалуйте сюда, – продолжал первый, – здесь подсчитывают очки, это лучшее местечко на всем поле.

И крикетист, пыхтя, повел их в палатку.

– Превосходная игра – славный спорт – полезные упражнения – весьма!

Эти слова поразили слух мистера Пиквика, вошедшего в палатку, и первое, что представилось его взорам, был облаченный в зеленый фрак спутник по рочестерской карете, разглагольствовавший в назидание избранному кружку лучших маглтонцев и к немалому их удовольствию. В его костюме произошли некоторые изменения к лучшему, он надел сапоги, но не узнать его было нельзя.

Незнакомец мгновенно признал своих друзей; рванувшись вперед, он схватил мистера Пиквика за руку и со свойственной ему порывистостью потащил его к стулу, болтая при этом так, словно все приготовления к игре производились под особым его покровительством и руководством.

– Сюда – сюда – превосходная затея – море пива – огромные бочки; горы мяса – целые туши; горчица – возами; чудесный денек – присаживайтесь – будьте как дома – рад вас видеть – весьма!

Мистер Пиквик сел, как было ему предложено, и мистер Уинкль с мистером Снодграссом тоже подчинились настояниям таинственного друга. Мистер Уордль молча смотрел и дивился.

– Мистер Уордль – мой друг, – представил мистер Пиквик.

– Ваш друг! – Дорогой сэр, как поживаете? – Друг моего друга – дайте мне вашу руку, сэр.

И незнакомец с жаром, приличествующим многолетней дружбе, схватил руку мистера Уордля, отступил затем на шаг, как бы желая лучше разглядеть его лицо и фигуру, и снова пожал ему руку едва ли не с большим пылом, чем в первый раз.

– А как вы здесь очутились? – спросил мистер Пиквик с улыбкой, в которой благорасположение боролось с удивлением.

– Как? – отозвался незнакомец. – остановился в «Короне» – «Корона» в Маглтоне – компанию – фланелевые куртки – белые штаны – сандвичи с анчоусами – жареные почки с перцем – превосходные ребята – чудесно!

Мистер Пиквик, в достаточной мере изучивший стенографическую систему незнакомца, понял из этих стремительных и бессвязных слов, что тот каким-то образом завязал знакомство с объединенными маглтонцами и сумел превратить его в добрые товарищеские отношения, после чего добиться приглашения было уже легко. Удовлетворив свое любопытство и надев очки, мистер Пиквик приготовился наблюдать игру, которая только что началась.

Игру начинал объединенный Маглтон. Внимание напряглось, когда мистер Дамкинс и мистер Поддер, два прославленнейших члена этого превосходнейшего клуба, прошествовали, с битой в руке, каждый к своим воротцам. Мистер Лаффи – лучшее украшение Дингли Делла – был избран бросать шар против грозного Дамкинса, а мистеру Страглсу поручили исполнять ту же приятную обязанность по отношению к доселе непобедимому Поддеру. Несколько игроков должны были «караулить» в разных частях поля, и каждый принял соответствующую позу опершись обеими руками о колени и наклонившись так, словно он подставлял спину неумелому любителю чехарды. Все настоящие игроки в крикет принимают именно такую позу, и весьма распространено мнение, что при всякой другой позе немыслимо караулить надлежащим образом.

Судьи поместились за воротцами; счетчики приготовились отмечать перебежки; наступила глубокая тишина. Мистер Лаффи отступил за воротца неподвижного Поддера и несколько секунд держал мяч у правого глаза. Дамкинс уверенно ждал полета мяча, не отрывая глаз от Лаффи.

– Подаю! – внезапно крикнул боулер[34].

Мяч, вырвавшись из его руки, полетел прямо и быстро к средней спице ворот.

Зоркий Дамкинс был начеку, он припал на конец биты и метнул мяч через головы скаутов, наклонившихся достаточно низко.

– Бегите, бегите... еще раз. Ну же, отбивайте, отбивайте... стойте еще раз – нет – да – нет – отбивайте его, отбивайте!

Эти возгласы последовали за ударом, в результате которого объединенный Маглтон приобрел два очка. И Поддер не зевал, увенчивая лаврами себя и объединенный Маглтон. Он задерживал сомнительные мячи, пропускал плохие, принимал хорошие и заставлял их летать по всему полю. Скауты изнемогали от жары и усталости; боулеры сменяли друг друга, боулируя до боли в руках; но Дамкинс и Поддер оставались непобедимыми. Если какой-нибудь пожилой джентльмен старался задержать мяч, этот последний проскакивал у него между ногами или проскальзывал сквозь пальцы. Если джентльмен худощавый пытался его поймать, мяч ударял его по носу и, весело отскочив, развивал еще большую скорость, а глаза худощавого джентльмена наполнялись слезами, и он корчился от боли. Когда мяч летел прямо к воротцам, Дамкинс его опережал. Словом, когда Дамкинс был пойман и Поддер был сбит, объединенный Маглтон насчитывал пятьдесят четыре очка, а достижения динглиделлцев были столь же бледны, как и их физиономии. Слишком неравны были шансы, чтобы надеяться на реванш. Тщетно неистовый Лаффи и восторженный Страглс делали все, что подсказывали им опыт и мастерство, чтобы отвоевать для Дингли Делла пространство, потерянное им в ходе борьбы. Ничто не помогло, и после непродолжительного сопротивления Дингли Делл сдался и признал превосходство объединенного Маглтона.

Тем временем незнакомец ел, пил и болтал без устали. При каждом хорошем ударе он выражал игроку свое удовольствие и одобрение самым снисходительным и покровительственным тоном, который не мог не польстить заинтересованной стороне; а при

каждой неудачной попытке поймать или задержать мяч не скрывал своей досады, бросая по адресу злополучного субъекта такие слова: «Ах, ах! глупо!», «Дырявые руки», «Растяпа», «Хвастун» и другие подобные же восклицания, которые, по-видимому, упрочили за ним в глазах всех присутствующих репутацию превосходнейшего и непогрешимого судьи, посвященного во все тайны великого искусства благородной игры в крикет.

– Чудесная игра – прекрасно играли – великолепные удары, – говорил незнакомец по окончании игры, когда представители обеих команд ввалились в палатку.

– А вы играли в крикет, сэр? – осведомился мистер Уордль, которого очень забавляла его болтливость.

– Играл? Ну, еще бы – сотни раз – не здесь – в Вест-Индии – увлекательная игра – возбуждающая – весьма!

– Должно быть, жарко играть в таком климате? – заметил мистер Пиквик.

– Жарко? – Как в пекле – накалено – жжет. Участвовал однажды в матче – бессменно у ворот – с другом полковником – сэр Томас Блезо – кто сделает больше перебежек – бросили жребий – мне начинать – семь часов утра – шесть туземцев караульщиками – начал – держусь – жара убийственная – туземцы падают в обморок – пришлось унести – вызвали полдюжины новых – и эти в обмороке – Блезо боулирует – его поддерживают два туземца – не может выбить меня – тоже в обморок – снял полковника – не хотел сдаваться – верный слуга – Квенко Самба – остается последний – солнце припекает – бита в пузырях – мяч почернел – пятьсот семьдесят перебежек – начинаю изнемогать – Квенко напрягает последние силы – выбивает меня – принимаю ванну и иду обедать.

– А что сталось с этим... как его? – осведомился мистер Уордль.

– Блезо?

– Нет, с другим джентльменом.

– Квенко Самба?

– Да, сэр.

– Бедняга Квенко – так и не оправился – меня выбил – себя убил – умер, сэр!

Тут незнакомец уткнулся носом в коричневую кружку; хотел ли он скрыть свое волнение, или отведать се содержимое – мы судить не беремся. Знаем только, что он вдруг оторвался от кружки, вздохнул протяжно и глубоко и с тревогой поднял голову, когда два главнейших члена Динглиделлского клуба приблизились к мистеру Пиквику и сказали:

– Сэр, мы собираемся устроить скромный обед в «Синем Льве»; надеемся, что вы с вашими друзьями присоединитесь к нам.

– Конечно, – сказал мистер Уордль, – в число наших друзей мы включим и мистера... – И он повернулся к незнакомцу.

– Джингль, – сообщил этот расторопный джентльмен, тотчас же поняв намек. – Джингль – Альфред Джингль, эсквайр, из поместья Голое место.

– Я буду очень рад, – сказал мистер Пикник.

– Я тоже, – объявил мистер Альфред Джингль, одной рукой беря под руку мистера Пиквика, а Другой – мистера Уордля и конфиденциально нашептывая на ухо первому джентльмену: – Чертовски хороший обед – холодный, но превосходный – утром заглянул и зал – птица и паштеты и всякая всячина – чудесные ребята – вдобавок хороший тон – воспитанные – весьма!

Когда все предварительные церемонии были исполнены, компания, разбившись на маленькие группы по два-три человека, отправилась в город, и не прошло и четверти часа, как все уже сидели в большом зале маглтонской гостиницы «Синий Лев». Председательствовал мистер Дамкинс, а мистер Лаффи исполнял обязанности его заместителя.

Зал наполнился громким говором и стуком ножей, вилок и тарелок, метались три бестолковых лакея, и быстро исчезали сытные яства; во всем, что так или иначе способствовало суматохе, мистер Джингль принимал участие, с успехом заменяя по крайней мере полдюжины простых смертных. Когда каждый съел столько, сколько мог вместить, скатерть была снята, и на столе появились стаканы, бутылки и десерт; лакеи удалились, чтобы «привести все в порядок» – иными словами, воспользоваться в собственных своих интересах остатками яств и напитков, какими им удалось завладеть.

Среди последовавшего засим общего говора и смеха пребывал в полном молчании лишь один маленький человек с одутловатой физиономией, которая явно предупреждала: «Не говорите мне ничего, или я буду вам возражать»; когда разговор стихал, он осматривался по сторонам, словно готовясь произнести нечто весьма значительное, и время от времени покашливал отрывисто и с невыразимым величием. Наконец, улучив момент, когда шум поутих, человечек произнес очень громко и торжественно:

– Мистер Лаффи!

Все и каждый погрузились в глубокое молчание, когда названный джентльмен откликнулся:

– Сэр?

– Я хочу обратиться к вам с несколькими словами, сэр, если вы предложите джентльменам наполнить стаканы.

Мистер Джингль покровительственно крикнул: «Слушайте, слушайте», – на что откликнулись все присутствующие, и когда стаканы были наполнены, заместитель председателя провозгласил с видом глубокомысленным:

– Мистер Стэпл.

– Сэр, – сказал, вставая, человечек, – с тем, что я имею сказать, я хочу обратиться к вам, а не к нашему достойному председателю, ибо наш достойный председатель является в некоторой мере – я бы мог сказать: в значительной мере – объектом того, что я намерен сказать или – если можно так сказать – что я намерен...

– Изложить, – подсказал мистер Джингль.

– Вот именно, изложить, – продолжал человечек. Очень благодарен моему почтенному другу, если он разрешит мне называть его этим именем (четыре «правильно» и одно «конечно» – из уст мистера Джингля). Сэр, я – деллец, динглиделлец. (Одобрительные возгласы.) Я не могу претендовать на честь почитаться жителем Маглтона, и, признаюсь откровенно, сэр, я не домогаюсь этой чести, и я вам объясню, сэр, почему («слушайте!»): за объединенным Маглтоном я охотно признаю все те почести и отличия, на которые он вправе претендовать, – они слишком многочисленны и слишком хорошо известны, чтобы нуждаться в перечислении. Но, сэр, не забывая о том, что объединенный Маглтон породил Дамкинса и Поддера, будем помнить всегда, что Дингли Делл может похвалиться Лаффи и Страглсом. (Овации.) Пусть не подумают, будто я хочу умалить достоинства двух первых джентльменов. Сэр, я завидую чувствам, обуревающим их по случаю сегодняшнего события. (Одобрение.) Вероятно, каждый слушающий меня джентльмен знает, какой ответ дал императору Александру некий оригинал, который, употребляя заурядный образ, ютился в бочке. «Не будь я Диогеном, – сказал он, – я бы хотел быть Александром». И я нахожу, что эти джентльмены могут сказать: «Не будь я Дамкинсом, я бы хотел быть Лаффи, не будь я Поддером, я бы хотел быть Страглсом». (Общий восторг.) Но, джентльмены Маглтона! В одном ли только крикете проявляют свое превосходство ваши сограждане? Разве не приходилось вам слышать о Дамкинсе как об олицетворении твердости характера? Разве вы не привыкли связывать имя Поддера с защитою прав собственности? (Громкие аплодисменты.) Когда вы вели борьбу за свои права, свободу и привилегии, разве не возникали у вас, хотя бы на секунду, опасения и вы не предавались отчаянию? И когда пребывали вы в унынии, разве не имя Дамкинса вновь раздувало в вашей

груди пламя, готовое угаснуть, и разве не достаточно было одного слова из уст этого человека, чтобы вновь запылало яркое пламя, словно никогда оно не угасало? (Бурные овации.) Джентльмены, два имени – Дамкинс и Поддер – я предлагаю окружить сияющим ореолом восторженных рукоплесканий!

Тут человечек умолк, и все присутствующие начали кричать и стучать по столу, каковому занятию предавались с небольшими перерывами весь остаток вечера. Тосты следовали за тостами. Мистер Лаффи и мистер Страглс, мистер Пиквик и мистер Джингль – все по очереди служили объектами неумеренных похвал, и каждый по установленному порядку отвечал благодарностью за честь, которой удостоился.

Преисполненные энтузиазма к благородному делу, которому мы себя посвятили, мы почувствовали бы невыразимую гордость и уверенность в том, что нами совершено нечто обеспечивающее нам бессмертие, коего в настоящее время мы лишены, имей мы возможность предложить нашим ревностным читателям хотя бы самый поверхностный отчет об этих речах. Мистер Снодграсс сделал, по обыкновению, великое множество записей, которые несомненно доставили бы весьма полезные и ценные сведения, но от пламенного ли красноречия, или от возбуждающего действия вина рука сего джентльмена была до такой степени нетверда, что почерк его едва можно разобрать, а содержание записей и вовсе не вразумительно. Благодаря терпеливому исследованию нам удалось прочесть некоторые слова, имеющие слабое сходство с именами ораторов, и мы можем также различить запись какой-то песни (каковую пел, должно быть, мистер Джингль), где часто и с небольшими интервалами повторяются слова: «чаша», «искрится», «рубин», «веселый» и «вино». Кажется нам, в самом конце заметок мы встречаем какой-то туманный намек на «вареные кости», а затем мелькают слова: «холодный» и «на дворе»; по поскольку все гипотезы, какие мы могли бы создать, исходя из этих данных, будут неизбежно основаны на догадке, мы не склонны предаваться умозаключениям, поводом к которым могут послужить эти данные.

Вот почему мы возвращаемся к мистеру Тапмену; добавим только, что за несколько минут до полуночи слышно было, как собрание знаменитостей Дингли Делла и Маглтона распевало с большим чувством и воодушевлением прекрасную и трогательную национальную песню:

Не разойдемся до утра, Не разойдемся до утра, Не разойдемся до утра.

Пока не забрезжит свет!

ГЛАВА VIII,

ярко иллюстрирующая мысль, что путь истинной любви – не гладкий рельсовый путь

Мирное уединение Дингли Делла, присутствие стольких представительниц прекрасного пола, заботы и беспокойство, ими проявляемое, – все это благоприятствовало росту и развитию тех нежных чувств, какие природа заложила в груди мистера Треси Тапмена и каковым, по-видимому, суждено было ныне сосредоточиться на одном прелестном объекте. Юные леди были миловидны, приветливы, характер их не оставлял желать лучшего, но в этом возрасте они отнюдь не могли претендовать на то достоинство в манере держать себя, на то «не тронь меня» в осанке, на то величие во взоре, которые отличали незамужнюю тетушку от всех женщин когда-либо виденных мистером Тапменом. Ясно, что было что-то родственное в их натуре, что-то таинственно созвучное в их сердцах. Ее имя было первым словом, сорвавшимся с уст мистера Тапмена, когда он, раненый, лежал на траве; и ее истерический смех был первым звуком, коснувшимся его ушей, когда его привели домой. Но проистекало ли ее волнение из милой и женственной чувствительности, неугасимой ни при каких обстоятельствах, или было оно порождено более пылким и страстным чувством, которое мог пробудить только он, единственный из смертных? Эти сомнения терзали его мозг, когда он лежал простертый на диване; эти сомнения он намерен был разрешить немедленно и раз навсегда.

Был вечер. Изабелла и Эмили вышли погулять с мистером Трандлем; старая глухая леди заснула в своем кресле; из отдаленной кухни доносилось тихо и монотонно храпенье жирного парня; шустрые служанки вертелись у кухонной двери, наслаждаясь приятным вечером и радостями флирта, проводимого по всем правилам с какими-то увальнями, состоявшими при ферме; а интересная пара сидела всеми забытая, всех забывшая, мечтая лишь друг о друге; короче говоря, они сидели, напоминая пару сложенных лайковых перчаток, прильнув друг к другу.

– Я позабыла о моих цветах, – сказала тетушка.

– Полейте их сейчас, – настойчиво посоветовал мистер Тапмен.

– Вы простудитесь, уже вечер, – нежно возразила незамужняя тетушка.

– О нет! – сказал мистер Тапмен, поднимаясь с места. – Мне это пойдет на пользу. Разрешите вас сопровождать.

Леди поправила повязку, которая поддерживала левую руку юного кавалера, приняла предложенную ей правую руку и повела его в сад.

В дальнем углу сада находилась беседка, заросшая жимолостью, жасмином и вьющимися растениями, – одно из тех приятных убежищ, которые возводятся гуманными людьми для удобства пауков.

Незамужняя тетушка взяла валявшуюся в углу большую лейку и хотела выйти из беседки. Мистер Тапмен удержал ее и усадил на скамье рядом с собою.

– Мисс Уордль! – сказал он.

Незамужняя тетушка затрепетала, а камешки, случайно попавшие в большую лейку, затарахтели, как детская погремушка.

– Мисс Уордль, – сказал мистер Тапмен, – вы – ангел!

– Мистер Тапмен! – воскликнула Рейчел и сделалась такой же красной, как лейка.

– Больше, чем ангел! – сказал красноречивый пиквикист. – Мне это слишком хорошо известно.

– Говорят, все женщины – ангелы, – игриво прошептала леди.

– Кто же в таком случае вы? И с кем могу я вас сравнить? – возразил мистер Тапмен. – Встречал ли кто-нибудь женщину, похожую на вас? Где еще мог бы я найти столь редкое соединение прекрасных качеств и красоты? Где мог бы я искать... О! – Тут мистер Тапмен умолк и пожал руку, державшую ручку счастливой лейки.

Леди отвернулась.

– Мужчины такие обманщики, – чуть слышно прошептала она.

– Верно! – подхватил мистер Тапмен. – Но не все. На свете есть по крайней мере одно существо, которое никогда не изменится, одно существо, которое радо было бы посвятить всю свою жизнь вашему счастью, которое живет только ради ваших глаз, дышит только ради вашей улыбки, несет тяжкое бремя жизни только ради вас.

– Если бы можно было найти такого человека... – начала леди.

– Но найти его можно, – перебил пылкий мистер Тапмен. – Он уже найден. Мисс Уордль, он здесь.

И не успела незамужняя тетушка угадать его намерение, как мистер Тапмен упал на колени к ее ногам.

– Мистер Тапмен, встаньте! – воскликнула Рейчел.

– Никогда! – последовал доблестный ответ. – О Рейчел! – Он схватил ее податливую руку и прижал к губам; лейка упала на землю. – О Рейчел, скажите, что любите меня!

– Мистер Тапмен, – отвернувшись, прошептала незамужняя тетушка, – я едва могу выговорить эти слова, но... но... я не совсем равнодушна к вам.

Едва услышав это признание, мистер Тапмен приступил к совершению того, на что его толкало восторженное чувство и что, насколько нам известно (ибо мы мало осведомлены в такого рода вещах), всегда делают люди при данных обстоятельствах. Он вскочил и, обвив рукой шею незамужней тетушки, запечатлел на ее устах множество поцелуев, каковые она, после требуемых приличием борьбы и сопротивления, принимала так спокойно, что нельзя предугадать, сколько бы еще мог запечатлеть их мистер Тапмен, если бы леди весьма непритворно не вздрогнула и не воскликнула испуганным голосом:

– Мистер Тапмен, за нами следят! Нас увидели!

Мистер Тапмен оглянулся. Перед ними, не шевелясь, стоял жирный парень и, выпучив большие круглые глаза, смотрел в беседку, но на его лице не отражалось и тени того, что самый опытный физиономист мог бы назвать изумлением, любопытством или каким-либо другим чувством, волнующим человеческое сердце. Мистер Таимся смотрел на жирного парня, а жирный парень уставился на него, и чем дольше созерцал мистер Тапмен безучастную физиономию жирного парня, тем тверже убеждался, что тот либо ничего не видел, либо не понял того, что происходило.

Находясь под этим впечатлением, он весьма решительно спросил:

– Что вам понадобилось здесь, сэр?

– Ужин готов, сэр, – немедленно последовал ответ.

– Вы только что явились сюда, сэр? – осведомился мистер Тапмен, пронизывая его взглядом.

– Только что, – ответил жирный парень.

Мистер Тапмен еще раз посмотрел на него очень пристально, но тот и глазом не моргнул, ни один мускул на его лице не дрогнул.

Мистер Тапмен взял под руку незамужнюю тетушку и направился к дому, жирный парень следовал за ними.

– Он ничего не заметил! – шепнул мистер Тапмен.

– Ничего, – отозвалась незамужняя тетушка.

Сзади раздался какой-то звук, напоминающий приглушенное хихиканье. Мистер Тапмен быстро оглянулся. Нет, это не мог быть жирный парень, на его физиономии не было и признака веселья, да и вообще весь его облик ничего, кроме упитанности, не обнаруживал.

– Должно быть, он крепко спал, – прошептал мистер Тапмен.

– Я в этом нимало не сомневаюсь, – ответила незамужняя тетушка.

Оба весело засмеялись.

Мистер Тапмен ошибся. Жирный парень на этот раз не спал. Он бодрствовал, бодрствовал в полной мере и видел все, что происходило.

За ужином никто не пробовал завязать общую беседу. Старая леди ушла спать. Изабелла Уордль всецело посвятила себя мистеру Трандлю, внимание незамужней тетушки было сосредоточено на мистере Тапмене, а мысли Эмили, казалось, заняты были каким-то далеким предметом, – быть может, они не покидали отсутствующего мистера Снодграсса.

Пробило одиннадцать часов, двенадцать, час, а джентльмены не возвращались. На всех лицах отражалась тревога. Что, если их подстерегли и ограбили? Не послать ли людей с фонарями по всем дорогам, какими они могли возвращаться домой? Или, быть может, они... Вот они! Почему они так запоздали? Чужой голос к тому же! Кто это может быть! Все бросились в кухню, куда ввалились гуляки, и подлинное положение дел немедленно выяснилось.

Мистер Пиквик, засунув руки в карманы и сдвинув шляпу на левый глаз, стоял, прислонившись к буфету, покачивал из стороны в сторону головой и непрерывно расточал самые ласковые и благосклонные улыбки без всякой видимой причины или повода; старый

мистер Уордль с пылающим лицом пожимал руку незнакомому джентльмену, бормоча заверения в вечной дружбе; мистер Уинкль, прислонившись к футляру часов с недельным заводом, слабым голосом призывал кару на голову любого члена семьи, который намекнет на то, что ему не худо бы лечь спать, а мистер Снодграсс опустился на стул, и каждая черта его выразительного лица выдавала самую глубокую и безнадежную печаль, какую только может вообразить человеческий ум.

– Что случилось? – осведомились три леди.

– Ничего не случилось, – ответил мистер Пиквик. – Мы... мы... в порядке. Слышите, Уордль, мы в порядке, да?

Ну, еще бы, – отозвался веселый хозяин. – Дорогие мои, вот мой друг мистер Джингль... друг мистера Пиквика, мистер Джингль, случайная встреча... маленький визит.

– Сэр, с мистером Снодграссом что-то случилось? – тревожно осведомилась Эмили.

– Ничего не случилось, сударыня, – ответил незнакомец. – Обед у крикетистов – чудесная компания – превосходные песни – старый портвейн – кларет – хорошо – весьма хорошо – вино, сударыня, – вино.

– Вовсе не вино, – прерывающимся голосом пробормотал мистер Снодграсс, – это семга (почему-то в таких случаях вино никогда не бывает виновато).

– Не лучше ли им лечь в постель, сударыня? – спросила Эмма. – Двое слуг отведут джентльменов наверх.

– Я спать не лягу, – твердо сказал мистер Уинкль.

– Ни один живой человек меня не поведет, – решительно заявил мистер Пиквик все с тою же улыбкой.

– Ура! – слабо выкрикнул мистер Уинкль.

– Ура! – отозвался мистер Пиквик и, сняв шляпу, бросил ее на пол, а затем словно рехнулся и швырнул очки на середину кухни. После такой остроумной выходки он от души расхохотался.

– Разопьем... еще... бутылочку... – провозгласил мистер Уинкль, начав очень громко, а кончив чуть слышно. Голова его свесилась на грудь, и, бормоча свое непреложное решение не ложиться спать, а также кровожадно сожалея о том, что утром не «покончил со старым Тапменом», он погрузился в сон и в таком состоянии был доставлен в свою комнату двумя молодыми великанами, действовавшими под личным надзором жирного парня, чьим заботам доверил свою особу и мистер Снодграсс.

Мистер Пиквик принял предложенную ему мистером Тапменом руку и мирно удалился, улыбаясь благодушнее, чем когда бы то ни было; мистер Уордль, трогательно распрощавшись со всей семьей, словно ему предстояло немедленно идти на казнь, удостоил мистера Трандля чести проводить его наверх и вышел, тщетно пытаясь сохранить вид внушительный и торжественный.

– Какая неприличная сцена! – промолвила незамужняя тетушка.

– Отвратительная! – воскликнули обе юные леди.

– Ужасно – ужасно! – подхватил с глубокомысленной миной мистер Джингль; своих товарищей он опередил примерно на полторы бутылки. – Тяжелое зрелище – весьма!

– Какой любезный мужчина! – шепнула мистеру Тапмену незамужняя тетушка.

– И недурен собой! – добавила Эмили Уордль.

– О, несомненно! – согласилась незамужняя тетушка.

Мистер Тапмен вспомнил рочестерскую вдову, и его душою овладела тревога. Последовавший затем получасовой разговор отнюдь не мог успокоить его смятенный дух. Новый гость оказался весьма словоохотливым и рассказал почти столько же анекдотов,

сколько отпустил комплиментов. Мистер Тапмен чувствовал: по мере того как растет популярность Джингля, он (Тапмен) все дальше отступает в тень. Смех его звучал принужденно, веселость была притворной; и, когда, наконец, пылающая его голова опустилась на подушку, он испытал злорадное наслаждение, подумав о том, как приятно было бы зажать в этот момент голову Джингля между периной и матрацем.

На следующее утро неутомимый незнакомец встал рано, и, в то время как его спутники, обессиленные ночным кутежом, еще покоились в постели, он весьма успешно старался поддержать за завтраком веселое расположение духа. Его попытка оказалась столь удачной, что даже старая глухая леди потребовала, чтобы две-три лучших его остроты были ей сообщены в слуховой рожок, и снисходительно поведала незамужней тетушке, что «он (Джингль) сущий повеса». Это мнение целиком разделяли все присутствовавшие члены ее семьи.

Ясным летним утром старая леди имела обыкновение удаляться в беседку, в которой отличился мистер Тапмен; ее прогулка совершалась следующим образом: прежде всего жирный парень снимал с гвоздя за дверью, ведущей в спальню старой леди, плотный черный атласный чепец, теплый бумажный платок и толстую палку с массивной ручкой; затем старая леди не спеша надевала чепец и платок, опиралась одной рукой на палку, а другой – на плечо жирного парня, и медленно шла в беседку, где жирный парень предоставлял ей наслаждаться в уединении свежим воздухом в течение получаса, а по прошествии этого срока возвращался и вел ее домой.

Старая леди была очень аккуратна и очень пунктуальна, и так как эта церемония, вот уже три года, повторялась каждое лето без малейшего уклонения от установленной формы, то она немало удивилась, заметив в это утро, что жирный парень, вместо того чтобы покинуть беседку, отошел на несколько шагов, внимательно осмотрелся по сторонам и приблизился к ней с величайшими предосторожностями и с видом крайне таинственным.

Старая леди была пуглива – как и большинство старых леди, – и в первую минуту у нее мелькнула мысль, что разбухший парень хочет нанести ей какое-нибудь тяжелое повреждение в надежде завладеть ее наличными деньгами. Она готова была крикнуть, позвать на помощь, но старость и недуги давно уже лишили ее возможности кричать, поэтому за каждым его движением она следила с глубоким ужасом, который отнюдь не уменьшился, когда он подошел к ней вплотную и заорал в ухо взволнованным и, как почудилось ей, угрожающим голосом:

– Хозяйка!

Случилось так, что в этот самый момент мистер Джингль прогуливался по саду неподалеку от беседки. Он услышал возглас; «Хозяйка!» – и остановился, чтобы послушать, что будет дальше. У него было три основания поступить так. Во-первых, он был любопытен, а делать ему было нечего, во-вторых, он не отличался щепетильностью, и, в-третьих (и последних), его заслоняли цветущие кусты. Итак, он стоял и слушал.

– Хозяйка! – орал жирный парень.

– В чем дело, Джо? – дрожа, спросила старая леди. – Право же, Джо, для тебя я была хорошей хозяйкой. Кроме добра, ты ничего от меня не видел. Тебя никогда не заставляли слишком много работать, и всегда ты ел досыта.

Этот последний довод затронул самую чувствительную струну в сердце жирного парня. Казалось, он был растроган и с чувством сказал:

– Да, это я знаю.

– Ну, так что же ты от меня хочешь? – приободрившись, спросила старая леди.

– Я хочу, чтобы у вас мурашки по спине забегали, – ответил жирный парень.

Такая манера проявлять благодарность казалась весьма жестокой, а так как старая леди в точности не знала, каким путем можно добиться подобного результата, то ее опасения вернулись.

– Как вы думаете, что я видел вчера вечером в этой самой беседке? – осведомился парень.

– Господи помилуй! Что же ты видел? – воскликнула старая леди, встревоженная торжественным тоном дородного юноши.

– Чужой джентльмен – тот, у которого рука повреждена, – целовал и обнимал...

– Кого, Джо? Надеюсь, не служанку?

– Хуже! – заорал жирный парень в ухо старой леди.

– Неужели одну из моих внучек?

– Хуже!

– Неужели еще хуже, Джо? – спросила старая леди, считая, что она дошла до крайнего предела злодейства. – Кто же это был, Джо? Я должна знать.

Жирный парень опасливо огляделся по сторонам и, закончив свой обзор, прокричал в ухо старой леди:

– Мисс Рейчел!

– Что?! – взвизгнула старая леди. – Говори громче!

– Мисс Рейчел! – заревел жирный парень.

– Моя дочь?

В подтверждение своих слов парень несколько раз кивнул, и его жирные щеки затрепетали, как бланманже.

– И она это допустила! – воскликнула старая леди.

Жирный парень, ухмыляясь, прокричал:

– Я видел, как она сама его целовала.

Если бы мистер Джингль из своего укромного уголка увидел, с какой физиономией выслушала это сообщение старая леди, весьма возможно, что неудержимый взрыв хохота выдал бы его присутствие в непосредственной близости к беседке. Он внимательно слушал. До него долетели отрывки гневных фраз, вроде: «Без моего разрешения!», «В ее годы!», «Несчастная я старуха!», «Могла бы подождать моей смерти», а затем он услышал, как заскрипели по песку башмаки жирного парня, когда тот удалялся, оставив старую леди в одиночестве.

Быть может, такое совпадение покажется поразительным, но факт остается фактом: накануне вечером, через пять минут после прибытия в Менор Фарм, мистер Джингль решил, не мешкая, повести осаду сердца незамужней тетушки. У него хватило наблюдательности наметить, что его развязные манеры отнюдь не были не приятны прекрасному объекту задуманной атаки, и он не без основания подозревал, что леди обладает качеством, наиболее желанным, – располагает маленьким независимым состоянием. Он мгновенно уловил настоятельную необходимость тем или иным способом вытеснить соперника и решил приступить безотлагательно к действиям, направленным для достижения этой цели. Фильдинг говорит, что мужчина – огонь, а женщина – пучок пеньки, и князь тьмы их соединяет. Мистер Джингль знал, что для незамужних теток молодые люди то же, что для пороха – зажженный газ, и решил, не теряя времени, произвести взрыв.

Обдумывая это важное решение, он выбрался из засады и под прикрытием вышеупомянутых кустов приблизился к дому. Казалось, фортуна намерена была покровительствовать его замыслу. Издали он увидел, что мистер Тапмен вместе с другими джентльменами вышел из сада через боковую калитку, а юные леди, как было ему известно, позавтракав, ушли из дому. Путь был свободен.

Дверь в гостиную была полуоткрыта. Он заглянул туда. Незамужняя тетушка занималась вязаньем. Он кашлянул; она подняла взор и улыбнулась. Нерешительность была несвойственна характеру мистера Альфреда Джингля. Он таинственно приложил палец к губам, вошел и закрыл дверь.

– Мисс Уордль, – с притворной серьезностью начал мистер Джингль, простите вторжение – краткое знакомство – нет времени для церемоний – все открыто.

– Сэр! – воскликнула незамужняя тетушка, изумленная этим неожиданным появлением и опасаясь, не сошел ли он с ума.

– Тише, – театральным шепотом произнес мистер Джингль, – здоровенный парень – лицо, как булка, – глаза круглые – каналья!

Тут он выразительно покачал головой, а незамужняя тетушка затрепетала от волнения.

– Вы, кажется, намекаете на Джозефа, сэр? – спросила она, стараясь сохранить невозмутимый вид.

– Да, сударыня. – черт бы побрал этого Джо! – предатель, собака Джо! – рассказал старой леди – старая леди в бешенстве – в диком – в ярости – вне себя – беседка – Тапмен – поцелуи и объятия – и всякое такое – э, сударыня, – э?

– Мистер Джингль, – сказала незамужняя тетушка, – если вы, сэр, явились сюда для того, чтобы меня оскорблять...

– Отнюдь – нимало, – нагло возразил мистер Джингль, – случайно подслушал – пришел предупредить об опасности – предложить услуги – предотвратить скандал. Все равно – считайте оскорблением – ухожу.

И он повернулся, словно собираясь привести угрозу в исполнение.

– Что же мне делать? – заливаясь слезами, воскликнула бедная старая дева. – Брат придет в бешенство.

– Несомненно, – приостановившись, сказал мистер Джингль, – в неистовство...

– О мистер Джингль, что мне сказать? – воскликнула незамужняя тетушка, вторично отдавшись приступу отчаяния.

– Скажите, что это ему приснилось, – спокойно ответил мистер Джингль.

Луч утешения проник в душу незамужней тетушки, когда она услышала этот совет.

Мистер Джингль заметил это и воспользовался благоприятным моментом.

– Вздор! – легче легкого – шалопай мальчишка – очаровательная женщина – толстого мальчишку высекут – вам поверят – конец делу – все уладилось.

Возможность ли избежать последствий неудобного разоблачения восхитила старую деву, или страдании потеряли свою остроту, когда ее назвали «очаровательной женщиной», этого мы не знаем. Она слегка покраснела и бросила благодарный взгляд на мистера Джингля.

Этот пронырливый джентльмен глубоко вздохнул, минуты две не спускал глаз с лица старой девы, мелодраматически вздрогнул и вдруг отвел взгляд.

– Вы, кажется, страдаете, мистер Джингль, – жалобным тоном сказала леди. – Позвольте мне, в благодарность за ваше великодушное вмешательство, осведомиться о причине этих страданий и попытаться их облегчить.

– Ха! – воскликнул мистер Джингль, снова вздрогнув. – Облегчить! – Облегчить мои страдания, когда ваша любовь отдана человеку, который не ценит этого блаженства – который даже сейчас строит свои планы... воспользовался чувствами племянницы того создания, которое... но нет – он мой друг – не буду разоблачать его пороки. – Мисс Уордль, – прощайте!

Закончив эту речь, самую связную из когда-либо им произнесенных, мистер Джингль приложил к глазам остатки носового платка, о котором мы уже упоминали, и повернулся к двери.

– Останьтесь, мистер Джингль! – энергически потребовала незамужняя тетушка. – Вы намекнули на мистера Тапмена, объяснитесь!

– Никогда! – воскликнул мистер Джингль профессиональным (то есть театральным) тоном. – Никогда!

И, как бы в доказательство того, что он не желает подвергаться допросу, мистер Джингль придвинул стул вплотную к стулу незамужней тетушки и уселся.

– Мистер Джингль! – сказала тетушка. – Я вас умоляю, заклинаю, если есть какая-то страшная тайна, имеющая отношение к мистеру Тапмену, откройте ее.

– Могу ли я, – начал мистер Джингль, устремив взгляд на тетушку, – могу ли я видеть – прелестное создание приносится в жертву – чудовищной жадности!

В течение нескольких секунд он, казалось, боролся с противоречивыми чувствами, а затем глухо произнес:

– Тапмен добивается только ваших денег.

– Негодяй! – энергически воскликнула старая дева.

(Сомнения мистера Джингля рассеялись: деньги у нее были.)

– Мало того, – продолжал Джингль, – он любит другую.

– Другую! – возопила старая дева. – Кого?

– Маленького роста – черные глазки – вашу племянницу Эмили.

Наступило молчание.

Если существовала на свете особа, которая могла вызвать у незамужней тетушки чувство ревности смертельной и неискоренимой, то такой особой была эта самая племянница. Румянец залил лицо и шею тетушки, молча и с невыразимым презрением она тряхнула головой. Потом, закусив тонкие губы и задрав нос, сказала:

– Этого быть не может. Не верю.

– Наблюдайте за ними, – предложил Джингль.

– Буду наблюдать, – ответила тетушка.

– Следите за его взглядами.

– Буду следить.

– За его нашептыванием.

– Буду.

– За обедом он сядет рядом с ней.

– Пусть.

– Будет говорить ей комплименты.

– Пусть.

– Будет за ней ухаживать.

– Пусть.

– И бросит вас.

– Бросит меня! – взвизгнула незамужняя тетушка. Он бросит меня! – И она затряслась от злости и разочарования.

– И тогда вы убедитесь? – спросил Джингль.

– Да.

– И будете стойки?

– Да.

– И после этого не примиритесь с ним?

– Никогда.

– Изберете кого-нибудь другого?

– Да.

– Изберете?

Мистер Джингль упал на колени и в этой позе оставался в течение пяти минут; встал он признанным возлюбленным незамужней тетушки – при условии, что вероломство мистера Тапмена будет обнаружено и доказано.

На мистере Альфреде Джингле лежало бремя доказательств, и он собрал улики в тот же день за обедом. Незамужняя тетушка едва могла поверить своим глазам: мистер Треси Тапмен уселся рядом с Эмили, делал ей глазки, нашептывал и улыбался, соперничая с мистером Снодграссом. Ни словом, ни взглядом, ни кивком не подарил он ту, которая накануне вечером была владычицей его сердца.

«Черт бы побрал этого парня! – думал старый мистер Уордль,, который узнал обо всем от матери. – Черт бы побрал этого парня! Ну, конечно, он спал. Все это одна фантазия».

«Предатель! – думала незамужняя тетушка. – Милый мистер Джингль меня не обманывал. Ух, как я ненавижу этого злодея!»

Нижеследующий разговор объяснит нашим читателям эту, казалось бы, непостижимую перемену в поведении мистера Треси Тапмена.

Время – вечер; место действия – сад. По боковой дорожке прогуливались двое: один – невысокий и толстый, другой – рослый и тощий. Это были мистер Тапмен и мистер Джингль. Разговор начал толстый.

– Как я держал себя? – осведомился он.

– Блистательно – замечательно – мне самому лучше не сыграть – завтра вы должны повторить ту же роль – каждый вечер, впредь до нового распоряжения.

– Рейчел все еще на этом настаивает?

– Конечно – ей это неприятно – ничего не поделаешь – нужно рассеять подозрения – боится брата – говорит, другого выхода нет – еще несколько дней – старики успокоятся – подарит вам блаженство.

– Она ничего не просила мне передать?

– Любовь – горячую любовь – нежнейшие приветы – и самую неизменную привязанность. Может быть, я от вас могу что-нибудь передать?

– Дорогой друг, – ответил ничего не ведавший мистер Тапмен, с жаром пожимая руку «другу», – передайте пламенную мою любовь, объясните, как трудно мне притворяться, передайте наилучшие пожелания. Но не забудьте добавить, что я понимаю необходимость последовать совету, который она сегодня утром передала мне через вас. Скажите, что я преклоняюсь перед ее благоразумием и восхищаюсь ее осторожностью.

– Передам. Еще что-нибудь?

– Больше ничего. Добавьте только, что я страстно жду того мгновения, когда назову ее своей и когда исчезнет необходимость притворяться.

– Конечно, конечно. Еще что?

– О друг мой! – воскликнул бедный мистер Тапмен, снова пожимая руку приятелю. – Примите искреннейшую мою благодарность за вашу бескорыстную доброту и простите меня, если я когда-нибудь хотя бы мысленно оскорбил вас подозрением, будто вы можете стать мне поперек дороги. Дорогой мой друг, удастся ли мне когда-нибудь вас отблагодарить?

– Не стоит об этом говорить, – отозвался мистер Джингль. Но вдруг запнулся, словно о чем-то вспомнил, и добавил: – Кстати – не можете ли одолжить мне десять фунтов, а? – исключительный случай, верну через три дня.

– Думаю, что могу, – с готовностью ответил мистер Таимен. – На три дня, говорите вы?

– Только на три дня – тогда все уладится – никаких затруднений.

Мистер Тапмен отсчитал приятелю деньги, а тот опустил их монета за монетою в карман, после чего оба направились к дому.

– Будьте осторожны, – сказал мистер Джингль. – Ни единого взгляда.

– Ни единого знака, – сказал мистер Тапмен.

– Ни слова.

– Ни звука.

– Все ваше внимание племяннице – с теткой скорее грубоваты – единственный способ обмануть стариков.

– Постараюсь, – вслух сказал мистер Тапмен.

«Я тоже постараюсь». – мысленно сказал мистер Джингль, и оба вошли в дом.

Сцена, разыгранная за обедом, повторилась и вечером, а также в течение следующих трех дней и вечеров. На четвертый день хозяин был в прекрасном расположении духа, ибо убедился в том, что обвинение против мистера Тапмена ни на чем не обосновано. Доволен был мистер Тапмен, ибо мистер Джингль сообщил ему, что решительный момент приближается. Доволен был мистер Пиквик, ибо он редко бывал чем-нибудь недоволен. Недоволен был мистер Снодграсс, ибо он начал ревновать к мистеру Тапмену. Довольна была старая леди, ибо она выигрывала в вист. Довольны были мистер Джингль и мисс Уордль – в силу оснований, достаточно важных в столь чреватой событиями истории, чтобы о них рассказать в особой главе.

ГЛАВА IX.

Открытие и погоня

Ужин был подан, стулья придвинуты к столу, бутылки, кувшины и стаканы расставлены на буфете, и все предвещало приближение самого веселого часа в течение всего дня.

– Где же Рейчел? – спросил мистер Уордль.

– И Джингль? – добавил мистер Пиквик.

– Верно! – воскликнул хозяин. – Странно, что я до сих пор не заметил его отсутствия. Право, я вот уже по крайней мере два часа как не слышу его голоса. Эмили, милая, позвони.

На звонок явился жирный парень.

– Где мисс Рейчел?

На это он не мог ответить.

– Ну, а где мистер Джингль?

Этого он не знал.

Все с недоумением посмотрели друг на друга. Было поздно – двенадцатый час. Мистер Тапмен посмеивался в рукав. Они где-нибудь, задержались, беседуя о нем! Ха! Чудесная выдумка – забавно!

– Не беда, – помолчав, сказал мистер Уордль, – конечно, они сейчас придут. Я никогда и ни для кого не откладываю ужина.

– Прекрасное правило, – заметил мистер Пиквик, – превосходное.

– Пожалуйста, садитесь, – сказал хозяин.

– Благодарю вас, – ответил мистер Пиквик; и они уселись.

На столе красовался гигантский кусок холодного ростбифа, и мистер Пиквик получил солидную порцию. Он поднес вилку к губам и только раскрыл рот, чтобы отправить туда кусок мяса, как из кухни долетел многоголосый гул. Мистер Пиквик замер и положил вилку. Мистер Уордль тоже замер и машинально разжал руку, сжимавшую нож, который так и остался вонзенным в ростбиф. Он посмотрел на мистера Пиквика. Мистер Пиквик посмотрел на него.

В коридоре послышались тяжелые шаги; дверь распахнулась, и в комнату ворвался слуга, который в день прибытия мистера Пиквика чистил ему сапоги, а вслед за ним ввалились жирный парень и остальные слуги.

– Черт побери, что это значит? – воскликнул хозяин.

– Эмма, уж не показался ли огонь в кухонном дымоходе? – осведомилась старая леди.

– Ах, нет, бабушка! – крикнули обе юные леди.

– Что случилось? – заревел хозяин дома.

Слуга перевел дух и робко проговорил:

– Они уехали, хозяин... так-таки и уехали, сэр.

(Было замечено, что в этот момент мистер Тапмен положил нож и вилку и очень побледнел.)

– Кто уехал? – сердито спросил мистер Уордль.

– Мистер Джингль и мисс Рейчел, в дорожной карете из «Синего Льва» в Магльтоне. Я был там, но не мог их задержать. Вот я и прибежал рассказать вам.

– Я дал ему денег на дорогу! – закричал мистер Тапмен, вскакивая, как сумасшедший. – Он у меня выманил десять фунтов!.. Задержите его!.. Он меня одурачил! Я этого не допущу! Я с ним расплачусь, Пиквик! Я этого не потерплю!

Испуская такого рода бессвязные восклицания, злополучный джентльмен в припадке бешенства кружился по комнате.

– Да сохранит нас бог! – воскликнул мистер Пикник, с ужасом и изумлением наблюдая необычайные движения своего друга. – Он помешался! Что нам делать?

– Что делать? – подхватил дородный хозяин, который расслышал только последние слова. – Запрягайте лошадь в двуколку! Я возьму карету в «Синем Льве» и помчусь прямо за ними. Где этот злодей Джо? – воскликнул он, когда слуга побежал исполнять приказание.

– Здесь, но я не злодей, – раздался голос.

Это был голос жирного парня.

– Дайте мне расправиться с ним, Пиквик! – закричал мистер Уордль, бросаясь на злополучного юношу. – Его подкупил этот мошенник Джингль, чтобы навести меня на ложный след дурацкими небылицами о моей сестре и вашем друге Тапмене. (Тут мистер Тапмен упал на стул.) Дайте мне расправиться с ним!

– Не пускайте его! – завизжали все женщины, но их возгласы не заглушали всхлипываний жирного парня.

– Не смейте меня удерживать! – кричал старик. – Уберите ваши руки, мистер Уинкль! Мистер Пиквик, пустите меня, сэр!

В этом хаосе и суматохе великолепное зрелище являла философски благодушная физиономия мистера Пикника, хотя и покрасневшая слегка от напряжения, когда он стоял, крепко обхватив руками обширную талию дородного хозяина, сдерживая таким образом бурное проявление его страстей, в то время как жирного парня, царапая и теребя, выталкивали из комнаты толпившиеся там женщины. Мистер Пиквик не разжимал рук, пока не вошел слуга, доложивший, что двуколка подана.

– Не отпускайте его одного! – завизжали женщины. – Он кого-нибудь убьет!

– Я еду с ним, – заявил мистер Пиквик.

– Вы – славный человек, Пиквик! – воскликнул хозяин, пожимая ему руку. – Эмма, дайте мистеру Пиквику какой-нибудь шарф на шею. Пошевеливайтесь! Позаботьтесь о бабушке, дочки, ей дурно. Ну, что, готовы?

Рот и подбородок мистера Пиквика были поспешно обмотаны шарфом, шляпа надета на голову, пальто переброшено через руку, и мистер Пиквик дал утвердительный ответ.

Они вскочили в двуколку.

– Гони вовсю, Том! – крикнул хозяин, и они помчались по узким проселкам, подпрыгивая на выбоинах, задевая за живые изгороди, тянувшиеся с обеих сторон, и рискуя в любой момент разбиться.

– На сколько они нас опередили? – крикнул Уордль, когда они подъехали к воротам «Синего Льва», где, несмотря на позднее время, собралась небольшая толпа.

– Не больше чем на три четверти часа, – отвечали все.

– Карету и четверку! Живо! Двуколку доставите после!

– Ну, ребята! – закричал хозяин гостиницы. – Карету и четверку! Поторапливайтесь! Не зевать!

Конюхи и форейторы пустились бегом. Мелькали фонари, метались люди; копыта лошадей цокали по плохо вымощенному двору; с грохотом выкатилась карета из сарая; шум, суета.

– Подадут когда-нибудь карету? – кричал Уордль.

– Она уже на дворе, сэр, – ответил конюх.

Карету подали, лошадей впрягли, форейторы вскочили на них, путники мигом влезли в карету.

– Помните, перегон в семь миль – полчаса! – кричал Уордль.

– В путь!

Форейторы пустили в ход хлыст и шпоры, лакеи кричали, конюхи подбадривали, и лошади бешено помчались.

«Недурное положение, – подумал мистер Пиквик, улучив минутку для размышлений. – Недурное положение для президента Пиквикского клуба. Сырая карета... бешеные лошади... пятнадцать миль в час... и вдобавок в полночь».

На протяжении первых трех-четырех миль оба джентльмена не произнесли ни слова, ибо каждый был слишком поглощен своими думами, чтобы обращаться с какими-либо замечаниями к спутнику. Но когда они проехали это расстояние и лошади, разгорячившись, взялись за дело не на шутку, мистер Пиквик, возбужденный быстрой ездой, не мог долее хранить мертвое молчание.

– Мне кажется, мы непременно их настигнем, – сказал он.

– Надеюсь, – ответил его спутник.

– Славная ночь, – продолжал мистер Пиквик, глядя на ярко сиявшую луну.

– Тем хуже, – возразил Уордль, – потому что при лунном свете им легче удрать от нас, а нам луна не долго будет светить. Она закатится через час.

– Пожалуй, не очень-то будет приятно мчаться во весь опор в темноте? – осведомился мистер Пиквик.

– Несомненно, – сухо ответил его друг.

Возбуждение, охватившее мистера Пиквика, начало понемногу спадать, когда он подумал о неудобствах и опасностях экспедиции, в которую столь легкомысленно пустился. Он очнулся от громких криков переднего форейтора.

– Ио-ой-йо-йо-йо! – кричал первый форейтор.

– Ио-йо-йо-йо-йо! – кричал второй.

– Ио-йо-йо-йо-йо! – бодро подхватил сам старик Уордль, высунув из окна кареты голову и часть туловища.

– Ио-йо-йо-йо-йо! – присоединился к хору и мистер Пиквик, хотя понятия не имел, какой в этом смысл. И под эти «йо-йо» всех четверых карета остановилась.

– В чем дело? – осведомился мистер Пиквик.

– Застава, – ответил Уордль. – Мы наведем справки о беглецах.

Минут через пять, потраченных на непрерывный стук и оклики, из сторожки вышел старик в рубахе и штанах и поднял шлагбаум.

– Давно ли проехала здесь дорожная карета? – осведомился мистер Уордль.

– Давно ли?

– Да.

– Вот уж этого я хорошенько не знаю. Не так, чтобы очень давно, но нельзя сказать, что недавно, этак, пожалуй, середка на половину.

– Может быть, здесь и вовсе не проезжало никаких карет?

– Да нет, проехала одна.

– А давно, друг мой? – вмешался мистер Пиквик. – Час назад?

– Да, пожалуй, что так.

– Или два часа? – спросил форейтор, сидевший на задней лошади.

– А кто его знает, может и два.

– Вперед, ребята, погоняйте! – крикнул вспыльчивый пожилой джентльмен.

– Нечего нам тратить здесь время на этого старого идиота!

– Идиот! – ухмыляясь, воскликнул старик, стоя посреди дороги перед полуопущенным шлагбаумом и провожая взглядом быстро уносившуюся карету. Э, нет, не такой уж я идиот! Вы тут десять минут потеряли и ничего путного не узнали. Если все сторожа, получив по гинее, постараются ее отработать не хуже, чем я, – не догнать вам, старый пузан, этой кареты до Михайлова Дня!

И, еще раз ухмыльнувшись, старик закрыл ворота, вошел в дом и запер за собой дверь на засов.

Тем временем карета, не уменьшая скорости, летела к концу перегона. Луна, как и предсказывал мистер Уордль, скоро зашла, тяжелые, темные гряды облаков, постепенно затягивая небо, слились над головой в сплошную темную массу, и крупные дождевые капли, барабанившие в окна кареты, казалось, возвещали путникам приближение ненастной ночи. Ветер, дувший им прямо в лицо, яростно проносился вдоль узкой дороги и уныло завывал, раскачивая окаймлявшие ее деревья. Мистер Пиквик запахнул пальто, примостился поудобнее в углу кареты и заснул крепким сном, от которого очнулся, когда экипаж остановился, зазвенел колокольчик конюха и раздался громкий крик:

– Лошадей, живо!

Но здесь снова произошла задержка. Форейторы спали таким подозрительно крепким сном, что понадобилось пять минут на каждого, чтобы разбудить их. Конюх затерял ключ от конюшни, а когда его, наконец, нашли, два заспанных помощника перепутали упряжь, и пришлось заново перепрягать лошадей. Будь мистер Пиквик здесь один, эти многочисленные препятствия заставили бы его немедленно прекратить погоню, но не так-то легко было устрашить старого Уордля; он с такой энергией взялся за дело, одного угощая толчком, Другого пинком, тут застегивая пряжку, там подтягивал цепь, что карета была готова значительно раньше, чем можно было надеяться при наличии стольких затруднений.

Они продолжали путь, и, разумеется, перспективы были отнюдь не утешительны. До станции оставалось пятнадцать миль, ночь была темная, ветер – сильный, и дождь лил потоками. Невозможно было с достаточной быстротой подвигаться вперед, одолевая столько препятствий. Был уже час ночи. Чтобы добраться до станции, понадобилось почти два часа. Но здесь выяснилось одно обстоятельство, которое вновь пробудило надежду и воскресило бодрость.

– Когда приехала эта карета? – закричал старик Уордль, выскакивая из своего экипажа и указывая на облепленную жидкой грязью карету, стоявшую во дворе.

– Четверти часа еще не прошло, сэр, – ответил конюх, которому был задан этот вопрос.

– Леди и джентльмен? – задыхаясь от нетерпения, спросил мистер Уордль.

– Да, сэр.

– Высокий джентльмен во фраке, длинноногий, худой?

– Да, сэр.

– Пожилая леди, худое лицо, костлявая, да?

– Да, сэр.

– Ей-богу, это наша парочка, Пиквик! – воскликнул пожилой джентльмен.

– Они бы раньше здесь были, – сообщил конюх, – да у них постромки порвались.

– Они! – заявил Уордль. – Клянусь Юпитером, они! Живо карету и четверку! Мы их догоним еще до следующей станции. Ребята, каждому по гинее! Живей! Пошевеливайтесь, молодцы!

Выкрикивая такие увещания, пожилой джентльмен метался по двору, суетился и пребывал в таком возбуждении, что оно передалось и мистеру Пиквику; и, заразившись им, сей джентльмен бросился помочь запрягавшим в сложных манипуляциях со сбруей и запутался между лошадьми и колесами экипажа, твердо, веря, что этим он может существенно ускорить приготовления к дальнейшему путешествию.

– Влезайте, влезайте! – кричал старик Уордль, забираясь в карету, поднимая подножку и захлопывая за собой дверцу. – Торопитесь! Скорее!

И не успел мистер Пиквик сообразить, в чем дело, как почувствовал, что рывок пожилого джентльмена с одной стороны и толчок конюха – с другой вбросили его в карету с противоположной стороны, и они снова помчались.

– Ну, уж теперь-то мы не стоим на одном месте! – возликовал пожилой джентльмен.

Они и в самом деле не стояли на одном месте, о чем мог засвидетельствовать мистер Пиквик, ежеминутно наталкивавшийся то на твердую стенку кареты, то на своего соседа.

– Держитесь! – посоветовал дородный старик, когда мистер Пиквик, нырнув, уткнулся головой в его широкую грудь.

– Никогда еще не испытывал я такой встряски, – сообщил мистер Пиквик.

– Не беда, – отозвался его спутник, – скоро это кончится. Держитесь крепче.

Мистер Пиквик постарался устроиться поплотнее в своем углу; карета неслась еще быстрее.

Они проехали таким образом около трех миль, как вдруг мистер Уордль, через каждые две-три минуты высовывавшийся из окна, повернул к мистеру Пиквику забрызганное грязью лицо и, задыхаясь от волнения, воскликнул:

– Вот они!

Мистер Пиквик высунул голову из своего окна. Да, впереди на небольшом расстоянии от них мчалась галопом четверка лошадей, запряженных в карету!

– Вперед, вперед! – завопил пожилой джентльмен. – Каждому по две гинеи, ребята! Не упустить их! Догоняйте, догоняйте!

Лошади первой кареты пустились во весь опор, а лошади мистера Уордля мчались за ними бешеным галопом.

– Я вижу его голову! – рассвирепев, воскликнул старик. – Черт меня возьми, я вижу его голову!

– И я вижу, – подтвердил мистер Пиквик, – это он!

Мистер Пиквик не ошибся. В окне кареты ясно видна была физиономия мистера Джингля, сплошь покрытая летевшей с колес грязью; а рука его, которой он неистово размахивал, обращаясь к форейторам, призывала их напрячь все силы.

Возбуждение дошло до предела. Поля, деревья, изгороди проносились мимо, словно подхваченные вихрем, с такою быстротой летели лошади. Они почти поравнялись с первой каретой. Даже стук колес не мог заглушить голос Джингля, понукавшего форейторов. Старый мистер Уордль бесился от ярости и нетерпения. Он десятки раз выкрикивал «мошенник» и «негодяй», сжимал кулаки и выразительно грозил ими объекту своего негодования, по мистер Джингль отвечал только презрительной улыбкой, а на угрозы отозвался ликующим возгласом, когда его лошади, в ответ на усиленное вмешательство хлыста и шпор, развили еще большую скорость и опередили преследователей.

Мистер Пиквик только что втянул голову в карету, а мистер Уордль, устав кричать, последовал его примеру, как вдруг страшный толчок швырнул обоих к передней стенке экипажа. Сотрясение... громкий треск... Колесо отлетело, и карета опрокинулась.

После нескольких секунд смятения и растерянности, когда лошади рвались вперед, сыпались стекла и больше ничего нельзя было разобрать, мистер Пиквик почувствовал, что его энергически вытаскивают из разбитой кареты; и как только он встал на ноги и сбросил с головы завернувшиеся полы пальто, которые препятствовали пользоваться очками, ему открылись во всей полноте размеры постигшего их несчастья.

Старый мистер Уордль без шляпы, в изорванном костюме стоял около него, а у их ног валялись обломки кареты. Форейторы успели перерезать постромки и стояли теперь возле своих лошадей, облепленные грязью и взлохмаченные от бешеной езды. Впереди, ярдах в ста, виднелась другая карета – она остановилась, когда раздался треск. Форейторы, ухмыляясь во весь рот, взирали на противников со своих седел, а мистер Джингль с явным удовольствием созерцал картину крушения из окна кареты. Загорался день, и в серых лучах рассвета можно было разглядеть все подробности.

– Эй, вы! – крикнул бесстыжий Джингль. – Никто не пострадал? – пожилые джентльмены – немалый вес – опасное предприятие – весьма!

– Негодяй! – заревел Уордль.

– Ха-ха! – ответил Джингль; затем, многозначительно подмигивая и указывая большим пальцем внутрь кареты, добавил: – Послушайте – она прекрасно себя чувствует – шлет поклон – просит, чтобы вы себя не утруждали – поцелуйте Таппи – не хотите ля влезть на запятки? – Вперед, ребята!

Форейторы выпрямились в седлах, и карста загрохотала; мистер Джингль, высунувшись из окна, насмешливо махал белым носовым платочком.

Приключение не могло смутить спокойный и уравновешенный дух мистера Пиквика – даже опрокинувшаяся карета. Однако подлость человека, который сначала взял деньги у верного его ученика, а затем позволил себе сократить его фамилию в «Таппи», переполнила чашу терпения. Он с трудом перевел дыхание, покраснел до самых очков и проговорил медленно и выразительно:

– Если я еще когда-нибудь встречу этого человека, я...

– Да, да, все это прекрасно, – перебил Уордль, – но, пока мы тут стоим да разговариваем, они получат лицензию[35] и заключат брачный союз в Лондоне.

Мистер Пиквик умолк, а жажду мести спрятал в бутылку и закупорил ее.

– Далеко ли до станции? – обратился мистер Уордль к одному из форейторов.

– Шесть миль. Верно, Том?

– Малость побольше.

– Малость побольше шести миль, сэр.

– Ничего не поделаешь, Пиквик, – сказал Уордль, придется идти пешком.

– Ничего не поделаешь! – отозвался сей великий муж.

Отправив вперед одного из форейторов верхом на лошади, чтобы вытребовать новый экипаж и лошадей и оставив разбитую карету на попечение второго форейтора, мистер Пиквик и мистер Уордль мужественно продолжали путь пешком, обмотав предварительно шарф вокруг шеи и надвинув шляпу на глаза, чтобы защититься насколько возможно от проливного дождя, который хлынул снова после небольшого перерыва.

ГЛАВА X,

разрешающая все сомнения (если таковые имели место) относительно бескорыстия мистера Джингля

Есть в Лондоне немало старых гостиниц – они служили приютом для прославленных карет в те дни, когда кареты совершали свои путешествия более торжественно и более степенно, чем в наше время; теперь эти гостиницы пришли в упадок и служат лишь для остановок и погрузки прибывающих из провинции возов. Читатель тщетно искал бы один из этих старинных заезжих дворов среди «Золотых Крестов», «Быков и Пастей», которые вздымают свои величественные фасады на парадных улицах Лондона. Чтобы натолкнуться на какое-нибудь из этих древних пристанищ, он должен направить свои стопы в более уединенные кварталы города, и там, в каких-нибудь глухих закоулках, найдет он несколько домов, которые продолжают стоять с мрачным упорством, окруженные современными постройками.

В Боро[36] еще уцелело с полдюжины старых гостиниц, которые сохранили внешние свои черты неизменными и спаслись от муниципальной мании благоустройства и спекулятивной горячки. Огромные, несуразные, странные эти здания, с галереями, коридорами и лестницами, достаточно широкими и ветхими, чтобы доставить материал для сотни рассказов о привидениях, – в случае, если мы будем доведены до прискорбной необходимости измышлять таковые, а мир просуществует достаточно долгий срок, дабы исчерпать бесчисленные правдивые легенды связанные со старым Лондонским мостом и ближайшими его окрестностями на Сарийской стороне.

Ранним утром, наступившим вслед за событиями, изложенными в последней главе, во дворе одной из этих славных гостиниц – а именно во дворе знаменитой гостиницы «Белый Олень» – какой-то человек усердно занимался чисткой сапог. На нем был полосатый жилет с синими стеклянными пуговицами и черные коленкоровые нарукавники, серые штаны и гамаши. Ярко-красный платок, завязанный небрежно и неискусно, обвивал его шею, а старая белая шляпа была беззаботно сдвинута набекрень. Перед ним выстроились два ряда сапог, один ряд чистый, другой грязный, и, пополняя первый ряд, он каждый раз отрывался от работы и с явным удовольствием созерцал достигнутые результаты.

Во дворе не было и следов той суеты и оживления, какие всегда характерны для гостиницы с большим каретным двором. Три-четыре подводы, нагруженные товарами чуть ли не до второго этажа дома, помещались под высоким навесом, занимавшим один конец двора; да еще одна подвода, которой предстояло, должно быть, отправиться в это же утро, стояла на открытом месте. С двух сторон двора шли вдоль комнат для приезжих два яруса галереи с неуклюжими старыми перилами, и два ряда колокольчиков, защищенных от непогоды маленькой покатой крышей, болтались над дверью, ведущей в буфетную и столовую. Несколько двуколок и дорожных карст были загнаны в маленькие сараи и под навесы; а тяжелый топот ломовой лошади и звяканье цепи, время от времени доносившиеся из дальнего конца двора, возвещали каждому интересующемуся этим вопросом, что именно в той стороне находится конюшня. Если мы добавим, что несколько парней в рабочих блузах спали на громоздких тюках, мешках с шерстью и тому подобных предметах, валявшихся на кучах соломы, мы с достаточной полнотой изобразим общий вид двора гостиницы «Белый Олень» на Хай-стрит в Боро в то утро, о котором идет речь.

Громкий звон колокольчика вызвал на верхнюю галерею кокетливую горничную, которая, постучав в дверь одной из комнат и получив оттуда какое-то приказание, крикнула, наклонившись через перила:

– Сэм!

– Что? – отозвался человек в белой шляпе.

– Номеру двадцать второму нужны сапоги.

– Спросите номер двадцать второй, хочет он получить их сейчас или подождет, – последовал ответ.

– Ну, не дурите, Сэм, – заискивающе сказала девушка. – Сапоги нужны джентльмену сию же минуту.

– Ладно, я знаю, вы умеете сладко петь, – сказал чистильщик сапог. – Поглядите-ка на эти-вот сапоги: одиннадцать пар сапог да один башмак из номера шестого, с деревянной ногой. Одиннадцать пар должны быть готовы к половине девятого, башмак к девяти. Кто такой номер двадцать второй, чтобы все ему уступали? Э, нет, в порядке очереди, как говорил Джек Кеч[37], вздергивая людей на виселицу: простите, что заставляю вас ждать, сэр, но сейчас я вами займусь.

С этими словами человек в белой шляпе с удвоенным рвением принялся чистить сапог.

Раздался другой громкий звонок – и на противоположной галерее появилась выбежавшая впопыхах старая хозяйка «Белого Оленя».

– Сэм! – крикнула она. – Где этот лодырь, этот лентяй?.. Ах, вот вы где, Сэм! Почему же вы не отвечаете?

– Было бы невежливо отвечать, пока вы не замолчали, – проворчал Сэм.

– Сейчас же вычистите эти башмаки для номера семнадцатого и отнесите их в отдельную гостиную, номер пятый, второй этаж.

Хозяйка швырнула на двор пару дамских башмаков и улетучилась.

– Номер пятый, – сказал Сэм, подбирая башмаки, и, достав из кармана кусок мела, сделал отметку на подошве. – Дамские башмаки и отдельная гостиная! Ну, уж она-то, верно, не на подводе прикатила.

– Она приехала сегодня спозаранку! – крикнула девушка, которая еще стояла, перегнувшись через перила галереи. – Приехала с джентльменом в наемной карете, вот ему-то и нужны сапоги, вычистите их поскорей, и конец делу.

– Что же вы раньше-то не сказали! – с превеликим негодованием воскликнул Сэм, выуживая вышеупомянутые сапоги из находившейся перед ним кучи. – Я думал, ему регулярная цена три пенса. Отдельная гостиная! И вдобавок леди! Если он хоть сколько-нибудь похож на джентльмена, это ему обойдется шиллинг в день, не считая отдельных поручений.

Подхлестываемый утешительными соображениями, мистер Сэмюел столь рьяно работал щеткой, что через несколько минут и сапоги и башмаки, покрытые глянцем, который преисполнил бы завистью душу любезного мистера Уоррена (ибо в «Белом Олене» употребляли ваксу Дэя и Мартина[38]), появились у двери номера пятого.

– Войдите! – раздался мужской голос в ответ на стук Сэма.

Сэм отвесил изысканнейший поклон и очутился в присутствии леди и джентльмена, сидевших за завтраком. Услужливо расставив сапоги джентльмена справа и слева от него, а башмаки справа и слева от леди, он попятился к двери.

– Коридорный! – сказал джентльмен.

– Сэр? – отозвался Сэм, закрывая дверь и придерживая рукой дверную ручку.

– Не знаете ли вы – как это называется? – Докторс-Коммонс[39]?

– Да, сэр.

– Где это находится?

– Улица собора св. Павла, сэр. Вход под низкой аркой, на одном углу книжная лавка, на другом – гостиница, а посередке – два привратника, зазывалы.

– Зазывалы!? – удивился джентльмен.

– Да, зазывалы, – ответил Сэм. – Два молодца в белых фартуках, хватаются за шляпы, когда вы входите: «За лицензиями, сэр, за лицензиями?» Чудные ребята, сэр, да и хозяева их тоже – прокторы[40] прямо для Олд-Бейли[41]... без промаха!

– Что они там делают? – осведомился джентльмен.

– Делают? Вас, сэр, обделают! А бывает и похуже. Такое вбивают в головы старым джентльменам, что тем и не снилось. Мой отец – кучер. Овдовел, а тучный – с какой стороны ни подойти, – до чего тучный! Умерла его хозяйка и оставила ему четыреста фунтов. Вот он и пошел в Коммонс посоветоваться с законником и выправить капитал, расфрантился – сапоги с отворотами, букет в петлице, широкополая шляпа, зеленый шарф, – совсем джентльмен. Проходит под аркой и думает, куда бы ему поместить денежки. Тут подскакивает зазывала, хватается за шляпу: «Лицензия, сэр, лицензия?» – «Что это такое?» спрашивает отец. «Лицензия, сэр», – отвечает тот. «Какая такая лицензия?» «На вступление в брак», – объясняет зазывала. «Да я, черт побери, – говорит отец, – и не думал об этом». – «А я думаю, что вам нужна лицензия, сэр», говорит зазывала. Отец остановился и призадумался. «Нет, говорит, черт подери, слишком я стар, да и размеры у меня неподходящие». «Ничуть не бывало, сэр», – говорит зазывала. «Думаете, подходящие?» – спрашивает отец. «Ясное дело, сэр, – отвечает тот, – в понедельник мы женили джентльмена вдвое против вас объемистей». – «Да ну?» – говорит отец. «Будьте уверены, женили, – говорит тот, – вы перед ним младенец... Сюда, сэр, сюда». Ну, мой отец и пошел за ним, как ручная обезьяна за шарманкой, и входит в какую-то комнатку окнами во двор, кругом куча грязных бумаг и жестянок, сидит какой-то крючок и делает вид, будто занят. «Прошу присесть, сэр, – говорит юрист, пока я показания с вас сниму». – «Благодарю вас, сэр», говорит отец, садится, разинул рот и таращит глаза па имена, выписанные на ящиках. «Ваше имя, сэр?» – спрашивает юрист. «Тони Уэллер», – отвечает отец. «Какого прихода[42]?» – спрашивает юрист. «Прекрасная Дикарка», – отвечает отец, потому что он всегда останавливался там с лошадьми, а в приходах он и в самом деле ничего не разумел. «А как зовут леди?» – спрашивает юрист. Тут отца огорошило: «Черт побери, откуда же я знаю!» – говорит он. «Не знаете!» – говорит юрист. «Не больше вас, – отвечает отец. – А не могу я вставить это потом?» – «Никак нельзя!» – говорит юрист. «Ну, ничего не поделаешь, – подумав минутку, говорит отец. Пишите, мистер, Кларк». – «Какая Кларк?» – спрашивает юрист, обмакнув перо в чернила. «Сьюзен Кларк, „Маркиз Гренби“, Доркинг, – говорит отец, – она пойдет за меня наверняка, если я попрошу. Я ни слова ей не говорил, а знаю, что пойдет». Выправили лицензию, а она и в самом деле пошла за него, а что еще хуже, и теперь его обхаживает; а мне из четырехсот фунтов так ничего и не досталось, такое невезение. Прошу прощения, сэр, добавил Сэм, окончив рассказ, – но стоит мне натолкнуться на эту-вот обиду, и я покатился, как новая тачка со смазанным колесом.

Сэм подождал секунду, чтобы узнать, не нуждаются ли в его услугах, и вышел из комнаты.

– Половина десятого – пора идти – сразу – в путь, – сказал джентльмен.

Едва ли есть надобность говорить читателю, что это был мистер Джингль.

– Пора? Куда идти? – кокетливо спросила незамужняя тетушка.

– Идти за лицензией, прелестнейший ангел, – предупредить в церкви – назвать вас завтра своей, – ответил мистер Джингль, пожимая руку тетушке.

– Лицензия! – краснея, сказала Рейчел.

– Лицензия! – повторил мистер Джингль. – Вмиг за лицензией помчусь, вмиг, тили-бом, я возвращусь!

– Как вы стремительны! – сказала Рейчел.

– Моя стремительность – ничто – а вот часы, дни, недели, месяцы, годы – когда мы соединимся – они полетят – стрелой – помчатся – как паровоз – тысяча лошадиных сил – никакого сравнения.

– Нельзя ли... нельзя ли нам обвенчаться до завтрашнего дня? – осведомилась Рейчел.

– Невозможно – немыслимо – предупредить в церкви – добыть лицензию сегодня – обряд совершается завтра.

– Я смертельно боюсь, как бы брат не нашел нас! – сказала Рейчел.

– Найти – вздор – совершенно сбит крушением – кроме того – тысяча предосторожностей – и дорожная карста брошена – пешком – наняли городскую – доставлены в Боро – последнее место, куда заглянет – ха-ха! – блестящая идея!

– Не уходите надолго, – нежно сказала старая дева, когда мистер Джингль напялил на себя свою измятую шляпу.

– Уйти надолго от вас, жестокая чародейка! – И мистер Джингль игриво подскочил к незамужней тетушке, запечатлел на ее устах целомудренный поцелуй и, приплясывая, вышел из комнаты.

– Какой милый! – сказала старая дева, когда закрылась за ним дверь.

– Смешная старуха, – сказал мистер Джингль, шагая по коридору.

Тягостно думать о вероломстве наших ближних, а посему мы не будем распутывать клубок мыслей мистера Джингля, направившего свои стопы к Докторс-Коммонс. Для наших целей вполне достаточно, если мы сообщим, что, избежав западни драконов в белых фартуках, охраняющих вход в эту заколдованную обитель, он благополучно добрался до кабинета генерального викария и, получив в высшей степени лестное послание на пергаменте от архиепископа Кентерберийского «с наилучшими пожеланиями своим верным и возлюбленным Альфреду Джинглю и Рейчел Уордль», заботливо спрятал магический документ в карман и с торжеством направил свои стопы обратно в Боро.

Он был еще на пути к «Белому Оленю», когда два толстых джентльмена и один тощий вошли во двор и огляделись по сторонам в поисках заслуживающего доверия человека, у которого можно было бы навести некоторые справки. Случилось так, что в этот самый момент мистер Сэмюел Уэллер наводил блеск на цветные отвороты сапог, являвшихся личной собственностью фермера, который после утомительных занятий на рынке Боро подкреплялся легким завтраком, состоявшим из двух-трех фунтов холодного ростбифа и одной-двух кружек портера; именно к мистеру Сэмюелу Уэллеру прямехонько подошел тощий джентльмен.

– Друг мой, – начал тощий джентльмен.

«Он, видно, любит получать советы на даровщинку, – подумал Сэм, – иначе он не воспылал бы любовью ко мне». Но вслух он сказал только:

– Что угодно, сэр?

– Друг мой, – миролюбивым топом заговорил тощий джентльмен, – много у вас в гостинице сейчас постояльцев. Дела небось по горло, а?

Сэм украдкой посмотрел на вопрошавшего. Это был маленький сухопарый человек со смуглым высохшим лицом и беспокойными черными глазками, которые все время подмигивали и поблескивали по обеим сторонам пытливого носика, словно вели с этим органом вечную игру в прятки. Он был одет в черное, ботинки блестели у него так же, как и глаза, на нем была белоснежная рубашка с брыжами и узкий белый галстук. Из кармана для часов спускалась золотая цепочка с печатками. Черные лайковые перчатки он снял и держал в руках; разговаривая, он засовывал руку под фалды фрака, с видом человека, который привык задавать труднейшие вопросы.

– Дела по горло, а? – спросил маленький человек.

– Да ничего себе, сэр, – ответил Сэм. – В трубу не вылетим, да и капитала не сколотим. Едим вареную баранину без каперсов, а дадут жаркое – о хрене не думаем.

– Э, да вы шутник! – сказал маленький человек.

– У меня старший брат страдал этой болезнью, – заметил Сэм, может, она прилипчива – мы, бывало, часто спали вместе.

– Занятный у вас старый дом, – продолжал маленький человек, озираясь по сторонам.

– Пришли вы нам весточку о вашем прибытии, мы бы его отремонтировали, – ответил невозмутимый Сэм.

Казалось, маленький человек был сбит с толку такими репликами, и между ним и двумя толстыми джентльменами состоялось краткое совещание. В заключение этого совещания маленький человек взял понюшку табаку из продолговатой серебряной табакерки и, видимо, собирался возобновить разговор, но тут в дело вмешался один из толстых джентльменов, который, помимо благодушной физиономии, обладал еще парою очков и парою черных гетр.

– Дело вот в чем, – сказал благодушный джентльмен, – вот этот мой друг (он указал на другого толстого джентльмена) даст вам полгинеи, если вы ответите на два-три...

– Ну-ну, уважаемый сэр... уважаемый сэр, – перебил маленький человек, – прошу покорно, уважаемый сэр, в делах такого рода нужно в первую очередь соблюдать следующий принцип: если вы передаете дело в профессиональные руки, вы никоим образом не должны вмешиваться в процесс его ведения, вы implicite должны оказывать ему полное доверие. В самом деле, мистер (он повернулся к другому толстому джентльмену и добавил)... я забыл фамилию вашего друга.

– Пиквик, – подсказал мистер Уордль, ибо это был не кто иной, как сей жизнерадостный джентльмен.

– Ах, Пиквик... в самом деле, мистер Пиквик, уважаемый сэр, извините меня... я буду счастлив выслушать любое ваше приватное указание, которое вы выскажете как amicus curiae[43], но согласитесь, что не подобает вам вмешиваться в порученное мне дело и вдобавок выставлять такой аргумент ad captandum[44], как предложение полугинеи. В самом деле, уважаемый сэр, в самом деле... – И маленький человек взял солидную понюшку табаку и принял весьма глубокомысленный вид.

– Сэр, единственное мое желание, – сказал мистер Пиквик, – как можно скорее покончить с этим весьма неприятным делом.

– Совершенно верно, совершенно верно, – заметил маленький человек.

– И с этой целью, – продолжал мистер Пиквик, – я воспользовался аргументом, который, как подсказывает мне мое знание людей, является наиболее убедительным во всех случаях жизни.

– Правильно! – заговорил маленький человек. – Прекрасно, прекрасно, но вам следовало бы намекнуть об этом мне. Уважаемый сэр, я нимало не сомневаюсь в том, что вы можете не знать, какое беспредельное доверие надлежит оказывать человеку нашей профессии. Если необходимо в данном случае сослаться на авторитет, то разрешите мне, уважаемый сэр, напомнить вам небезызвестный казус у Бариуэлла...

– Не тревожьте Джорджа Барнуэлла[45], – перебил Сэм, с недоумением прислушивавшийся к этому краткому диалогу. – Все знают, какой это был казус, но мое мнение, заметьте, что молодая женщина заслужила виселицу куда больше, чем он. Ну, да все это ни туда, ни сюда. Вы хотите дать мне полгинеи. Отлично, я согласен, лучше я не могу ответить, не так ли, сэр? (Мистер Пиквик улыбнулся.) А следующий вопрос вот какой: какого дьявола вам от меня нужно? – как сказал человек, когда ему явилось привидение.

– Мы хотим знать... – начал мистер Уордль.

– Э, нет, уважаемый сэр... уважаемый сэр, – перебил деловой маленький человек.

Мистер Уордль пожал плечами и умолк.

– Мы хотим знать, – торжественно начал маленький человек, – и с этим вопросом обращаемся к вам, чтобы не подымать тревоги в доме... мы хотим знать, кто у вас здесь в настоящее время проживает?

– Кто проживает в этом доме! – повторил Сэм, в воображении которого постояльцы всегда были представлены той специальной частью своего туалета, которая находилась под непосредственным его наблюдением. – Есть у нас деревянная нога в номере шестом, есть у нас пара ботфорт в тринадцатом, есть у нас две пары полусапог в торговом, есть у нас эти-вот сапоги с цветными отворотами в комнатке за буфетной да еще пять пар с отворотами в столовой.

– И это все? – спросил маленький человек.

– Постойте-ка минутку! – добавил Сэм, вдруг припомнив. – Да, есть у нас к тому же пара веллингтоновских сапог, изрядно поношенных, и пара дамских башмаков – в номере пятом.

– Какие это башмаки? – быстро осведомился Уордль, который, так же как и мистер Пиквик, был приведен в недоумение своеобразным перечнем приезжих.

– Провинциальной работы, – ответил Сэм.

– Есть на них фамилия сапожника?

– Браун.

– Откуда?

– Из Магльтона.

– Это они! – воскликнул Уордль. – Клянусь небом, мы их нашли.

– Тсс! – сказал Сэм. – Веллингтоновские пошли в Докторс-Коммонс.

– Что вы! – сказал маленький человек.

– Ну да, за лицензией.

– Мы подоспели как раз вовремя! – воскликнул Уордль. – Проводите нас в ее комнату, нельзя терять ни секунды.

– Умоляю вас, уважаемый сэр... умоляю вас! – перебил маленький человек.

– Будьте осторожны!

Он достал из кармана красный шелковый кошелек и, извлекая соверен, пристально посмотрел на Сэма.

Сэм выразительно ухмыльнулся.

– Проводите нас без доклада, – сказал маленький человек, – а это вам...

Сэм бросил цветные сапоги в угол и пошел по темному коридору, а затем вверх по широкой лестнице. В конце второго коридора он остановился и протянул руку.

– Получите, – прошептал поверенный[46], опуская монету в руку проводника.

Тот прошел еще несколько шагов, за ним следовали оба друга и их юридический советчик.

Сэм остановился у двери.

– Здесь? – шепотом спросил маленький джентльмен.

Сэм утвердительно кивнул головой.

Старый Уордль открыл дверь, и все трое вошли в комнату как раз в тот момент, когда мистер Джингль, который только что вернулся, показывал лицензию незамужней тетушке.

Старая дева пронзительно взвизгнула и, упав на стул, закрыла лицо руками. Мистер Джингль скомкал бумагу и сунул в карман.

Непрошеные гости вышли на середину комнаты.

– Вы... вы отъявленный негодяй, вот вы кто! – задыхаясь от гнева, вскричал Уордль.

– Уважаемый сэр, уважаемый сэр, – вмешался маленький человек, кладя шляпу на стол, – умоляю, будьте благоразумны, умоляю... Оскорбление личности... иск о возмещении убытков. Успокойтесь, уважаемый сэр, умоляю...

– Как вы смели увезти мою сестру из моего дома? – спросил пожилой джентльмен.

– Так... так... отлично, – одобрил маленький джентльмен. – Об этом вы можете спросить. Как вы смели, сэр? А, сэр?

– А вы тут какого дьявола, кто вы такой? – осведомился мистер Джингль таким свирепым тоном, что маленький джентльмен невольно попятился.

– Вы, негодяй, спрашиваете, кто он такой? – вмешался Уордль. – Это мой поверенный, мистер Перкер, из Грейз-Инна. Перкер, я этого молодца буду преследовать по закону... подам в суд... я его, я... я... я его уничтожу! А тебе, Рейчел, – продолжал мистер Уордль, резко повернувшись к сестре, тебе, в твои годы, следовало бы быть умнее. Как это тебе взбрело в голову бежать с бродягой, опозорить семью и обречь себя на несчастье? Надевай шляпу и домой! Сейчас же наймите карету и принесите счет этой леди, слышите... слышите?

– Слушаю, сэр, – отозвался Сэм, явившийся в ответ на неистовый звонок Уордля с быстротой, которая показалась бы чудесной всякому, кто не знал, что в продолжение этой беседы глаз Сэма не отрывался от замочной скважины.

– Надевай шляпу! – повторил Уордль.

– Не слушайтесь! – вмешался Джингль. – Покиньте эту комнату, сэр, – вам здесь делать нечего – леди вправе распоряжаться собой – ей больше двадцати одного года.

– Больше двадцати одного года! – презрительно воскликнул Уордль. – Больше сорока одного!

– Неправда! – завопила в ответ незамужняя тетушка, которая в порыве негодования забыла даже о своем решении упасть в обморок.

– Правда! – возразил Уордль. – Вам все пятьдесят!

Тут незамужняя тетушка испустила громкий вопль и лишилась чувств.

– Стакан воды, – попросил добрейший мистер Пиквик, призывая хозяйку гостиницы. – Стакан воды! – вскричал взбешенный Уордль. Принесите ведро да окатите ее хорошенько, это ей пойдет на пользу, она получит по заслугам.

– Фуй, вы изверг! – воскликнула сердобольная хозяйка. – Ах, бедняжка!

И, восклицая на все лады: «Ну вот, вот, милочка... выпейте немножко... это поможет вам... не нужно так расстраиваться... вот умница...» и т.д. и т.д., хозяйка с помощью горничной начала смачивать уксусом лоб, похлопывать по рукам, щекотать в носу и расшнуровывать корсет незамужней тетушки, не забывая и обо всех прочих успокоительных средствах, какие обычно применяют сострадательные особы женского пола по отношению к леди, старающимся взвинтить себя до истерики.

– Карета подана, сэр, – доложил Сэм, появляясь в дверях.

– Идемте! – крикнул Уордль. – Я снесу ее вниз.

При этом предложении истерика возобновилась с удвоенной силой.

Хозяйка готова была выступить с самым энергическим протестом против такого образа действий и уже осведомилась с негодованием у мистера Уордля, не мнит ли он себя творцом вселенной, как вдруг в дело вмешался мистер Джингль.

– Коридорный, ступайте за полисменом! – сказал он.

– Постойте, постойте! – воскликнул маленький мистер Перкер. – Взвесьте, сэр, взвесьте...

– Нечего мне взвешивать, – возразил Джингль. – Она сама себе госпожа, посмотрим, кто посмеет ее увести, если она этого не желает.

– Я не хочу, чтобы меня уводили, – пробормотала незамужняя тетушка. – Я этого не желаю. (Снова отчаянный припадок.)

– Уважаемый сэр! – сказал вполголоса маленький человек, отводя в сторону мистера Уордля и мистера Пиквика. – Мы в весьма щекотливом положении. Прискорбный случай... да... В моей практике не было такого, но в самом деле, уважаемый сэр, не в нашей власти контролировать поступки этой леди. Я вас заблаговременно предупредил, уважаемый сэр, что нам ничего не остается, как пойти на компромисс.

Наступило непродолжительное молчание.

– Какого рода компромисс могли бы вы посоветовать? – осведомился мистер Пиквик.

– Видите ли, уважаемый сэр, наш друг очутился в неприятном положении... весьма неприятном. Нам придется пойти на некоторые денежные жертвы.

– Пойду на любые, только бы не допустить такого позора и только бы эта глупая женщина не сделала себя несчастной на всю жизнь, – заявил Уордль.

– Думаю, что дело можно уладить, – сказал суетливый человечек. – Мистер Джингль, не угодно ли вам на секунду пройти вместе с нами в другую комнату?

Мистер Джингль согласился, и квартет перешел в свободную комнату.

– Ну-с, сэр, – начал маленький человек, старательно прикрыв за собою дверь, – неужели не найдется способа уладить это дело?.. Пожалуйте сюда, сэр, на одну секунду... к этому окну, сэр, где нам двоим никто не помешает... сюда, сэр, сюда, умоляю вас, присядьте, сэр. Ну-с, уважаемый сэр, говоря между нами, мы с вами прекрасно знаем, уважаемый сэр, что вы бежали с этой леди, польстившись на ее деньги. Не хмурьтесь, сэр, не хмурьтесь, я говорю: между нами, мы с вами это знаем. Мы оба – люди бывалые, и нам прекрасно известно, что наши друзья, здесь присутствующие, не... а?

Лицо мистера Джингля постепенно прояснилось, и он даже слегка подмигнул левым глазом.

– Отлично, отлично! – продолжал маленький человек, заметив произведенное им впечатление. – А теперь запомните следующее: за исключением нескольких сот фунтов у этой леди нет ничего или почти ничего, до смерти ее матери... милейшая пожилая леди, уважаемый сэр.

– Она стара! – кратко, но выразительно вставил мистер Джингль.

– Пожалуй, – кашлянув, сказал законовед. – Вы правы, уважаемый сэр, она довольно стара. Но происходит она из древнего рода, уважаемый сэр, древнего в любом смысле этого слова. Основатель рода прибыл в Кент, когда Юлий Цезарь вторгался в Британию, и с той поры только один член рода не дожил до восьмидесяти пяти лет, да и то потому, что был обезглавлен одним из Генрихов. В настоящее время, уважаемый сэр, пожилой леди еще нет семидесяти трех лет.

Маленький человек приостановился и взял понюшку табаку.

– Дальше! – воскликнул мистер Джингль.

– А дальше, уважаемый сэр... не нюхаете?.. А, тем лучше... разорительная привычка... Итак, уважаемый сэр, вы красивый молодой человек, светский человек, вы могли бы создать себе положение, будь у вас деньги, а?

– Дальше, – повторил мистер Джингль.

– Вы меня понимаете?

– Не совсем.

– Не находите ли вы... уважаемый сэр, я поясню вам, не думаете ли вы... что пятьдесят фунтов и свобода более соблазнительны, чем мисс Уордль и ожидание?

– Не пройдет! Не возьму и вдвое больше, – сказал мистер Джингль, вставая.

– Ну-ну, уважаемый сэр, – запротестовал маленький юрист, удерживая его за пуговицу. – Пятьдесят фунтов – кругленькая сумма... человек с вашими способностями в одну секунду ее утроит... Поверьте мне... многое можно сделать с пятьюдесятью фунтами, уважаемый сэр.

– Еще больше со ста пятьюдесятью, – холодно возразил Джингль.

– Отлично, уважаемый сэр, не стоит тратить время на такие пустяки, – произнес маленький человек, – скажем... скажем... семьдесят.

– Не пройдет! – сказал мистер Джингль.

– Не уходите, уважаемый сэр, умоляю, не спешите, – сказал маленький человек. – Восемьдесят, идет?.. Я сейчас же выпишу чек.

– Не пройдет! – повторил мистер Джингль.

– Отлично, уважаемый сэр, отлично! – продолжал маленький человек, все еще удерживая его. – Скажите мне точно, сколько вы хотите.

– Дорогое предприятие, – сказал мистер Джингль. Деньги из кармана – почтовые лошади девять фунтов; лицензия три – уже двенадцать – отступных сто – сто двенадцать – задета честь – потеряна леди...

– Да, уважаемый сэр, конечно, – глубокомысленно подтвердил маленький человек, – о последних двух пунктах можно и не упоминать. Так что двенадцать... ну, скажем, сто – идет?

– И двадцать, – сказал мистер Джингль.

– Довольно, довольно, я вам выпишу чек, – сказал маленький человек и для этой цели присел к столу. – Его оплатят послезавтра, а мы тем временем можем увезти леди, – добавил он, бросив взгляд в сторону мистера Уордля.

Тот сердито кивнул головой.

– Сто! – сказал маленький джентльмен.

– И двадцать! – сказал мистер Джингль.

– Уважаемый сэр! – запротестовал маленький джентльмен.

– Дайте ему, – вмешался мистер Уордль, – и пусть убирается.

Чек был выписан маленьким джентльменом и спрягав в карман мистером Джинглем.

– А теперь убирайтесь отсюда! – сказал мистер Уордль, поднимаясь с места.

– Уважаемый сэр! – снова повторил маленький человек.

– И помните, – продолжал мистер Уордль, – ничто в мире – даже забота о семье – не заставило бы меня пойти на этот компромисс, не будь я уверен в том, что в ту минуту, когда у вас в кармане очутятся деньги, вы попадете черту в лапы, пожалуй, еще быстрее, чем без денег...

– Уважаемый сэр! – снова повторил маленький человек.

– Успокойтесь, Перкер, – отозвался Уордль. – Убирайтесь вон, сэр!

– Немедленно в путь! – ответил не ведавший стыда Джингль. – Бай-бай, Пиквик!

Если бы какой-нибудь беспристрастный зритель мог наблюдать в конце этой беседы физиономию прославленного мужа, чье имя украшает заглавный лист этого произведения, он, несомненно, преисполнился бы изумлением, видя, что огонь негодования, сверкавший в его глазах, не расплавил стекол его очков, – так величествен был его гнев. Ноздри его раздулись и кулаки невольно сжались, когда он услышал, что негодяй обращается к нему. Но он снова сдержался – он не испепелил его.

– Вот она, – продолжал закоснелый злодей, швыряя лицензию к ногам мистера Пиквика, – замените имя – отвезите домой леди – пригодится Таппи.

Мистер Пиквик был философ, но в конце концов философы – те же люди, только в доспехах. Стрела попала в цель, проникла сквозь его философическую броню в самое сердце.

В припадке бешенства он швырнул в пространство чернильницу и ринулся вслед за нею. Но мистер Джингль исчез, а мистер Пиквик очутился в объятиях Сэма.

– Эхма! – сказал этот оригинальный слуга. – Видно, в ваших краях, сэр, мебель дешева. Самопишущие чернила, расписались за вас на стенке. Успокойтесь, сэр, что толку гнаться за человеком, которому повезло и который тем временем уже убрался на другой конец Боро?

Ум мистера Пиквика, как у всех истинно великих людей, был открыт голосу убеждения. Выводы у него были быстрые и твердые, ему достаточно было секунды размышления, чтобы убедиться в бессилии своей ярости. Его гнев угас так же быстро, как вспыхнул.

Мистер Пиквик перевел дух и благосклонным взглядом окинул своих друзей.

Говорить ли о жалобах и стенаниях, раздавшихся после того, как мисс Уордль увидела, что покинута неверным Джинглем? Извлекать ли на свет мастерское изображение этой душу раздирающей сцены, сделанной мистером Пиквиком? Перед нами – его записная книжка, которая орошена слезами, вызванными человеколюбием и сочувствием; одно слово – и она в руках наборщика. Но нет! Вооружимся стойкостью! Не будем терзать сердце читателя изображением таких страданий!

Медленно и грустно два друга и покинутая леди совершали на следующий день обратный путь в громоздкой магльтонской карете. Мрачно спустились тусклые и хмурые тени летней ночи, когда они вернулись в Дингли Делл и остановились у ворот Менор Фарм.

ГЛАВА XI,

которая заключает в себе еще одно путешествие и археологическое открытие, оповещает о решении мистера Пиквика присутствовать на выборках и содержит рукопись старого священника

Мирная и покойная ночь в глубокой тишине Дингли Делла и утренние часы, проведенные на свежем благоуханном воздухе, полностью восстановили силы мистера Пиквика, изгладив следы телесной усталости и душевных потрясений. Знаменитый муж провел двое суток в разлуке со своими друзьями и приверженцами; и человек с заурядной фантазией не может вообразить, с какой радостью и восторгом приветствовал он мистера Уинкля и мистера Снодграсса, когда встретил этих джентльменов, возвращаясь с утренней прогулки. Радость была взаимной, ибо кто мог взирать на лучезарное лицо мистера Пиквика, не испытывая при этом удовольствия? Но словно какое-то облако нависло над его спутниками; великий муж не мог его не заметить и терялся в догадках. У обоих вид был таинственный – настолько необычный, что вызывал тревогу.

– А как поживает... – начал мистер Пиквик, пожав руку своим ученикам и обменявшись горячими приветствиями, – как поживает Тапмен?

Мистер Уинкль, к которому был обращен этот вопрос, ничего не ответил. Он отвернулся и как будто погрузился в меланхолические размышления.

– Снодграсс, – настойчиво повторил мистер Пиквик, – как поживает наш друг, не болен ли он?

– Нет, – ответил мистер Снодграсс, и слеза затрепетала на его чувствительных веках, как дождевая капля на оконной раме. – Нет, он не болен.

Мистер Пиквик остановился и посмотрел на обоих своих друзей по очереди.

– Уинкль, Снодграсс, – сказал мистер Пиквик, – что это значит? Где наш друг? Что случилось? Говорите – я вас умоляю, заклинаю, нет, я требую говорите!

В голосе мистера Пиквика слышались такая торжественность и такое достоинство, что им нельзя было противостоять.

– Он нас покинул, – сказал мистер Снодграсс.

– Покинул! – воскликнул мистер Пиквик. – Покинул!

– Покинул, – повторил мистер Снодграсс.

– Где же он? – вскричал мистер Пиквик.

– Мы можем только строить догадки на основании этого сообщения, – отозвался мистер Снодграсс, извлекая из кармана письмо и вручая его своему другу. – Вчера утром, когда было получено письмо мистера Уордля, извещавшее о том, что вы вернетесь к вечеру домой с его сестрой, меланхолия, которая еще накануне овладела нашим другом, заметно усилилась. Вскоре после этого он исчез, целый день его никто не видел, а под вечер конюх из «Короны» в Магльтоне принес это письмо. Оно было оставлено ему утром со строгим приказом не передавать до вечера.

Мистер Пиквик развернул послание. Оно было написано рукой его друга и сообщало следующее:

«*Дорогой мой Пиквик, Вы, дорогой мой друг, пребываете за пределами многих человеческих недостатков и слабостей, в которых повинны простые смертные. Вы не знаете, что это значит, когда тебя покидает прелестное и очаровательное создание и вдобавок ты падаешь жертвой козней негодяя, который под маской дружбы скрывал коварную усмешку. Надеюсь, вы никогда этого не узнаете.*

Все письма на адрес: „Кожаная Фляга", Кобем, Кент, будут мне пересланы... если я буду еще влачить существование. Я на время удалюсь от мира, который стал мне ненавистен. Если я совсем из него удалюсь... пожалейте меня, простите. Жизнь, дорогой мой Пиквик, стала для меня невыносимой. Дух, горящий в нас, подобен крюку носильщика, который поддерживает тяжелый груз мирских забот и тревог, а когда дух нам изменяет, ноша становится непосильно тяжелой. Мы падаем под ней. Можете сказать Рейчел... Ах, это имя!.. Треси Тапмен».

– Мы должны сейчас же отсюда уехать, – сказал мистер Пиквик, складывая письмо. – После того, что произошло, нам во всяком случае неприлично было бы здесь оставаться, а кроме того, мы обязаны отправиться на поиски нашего друга.

И с этими словами мистер Пиквик направился к дому.

О намерении его узнали очень скоро. Настойчиво уговаривали остаться, но мистер Пиквик был непоколебим. Дела, говорил он, требуют его непосредственного участия.

При этом присутствовал старый священник.

– Неужели вы уезжаете? – спросил он, отводя в сторону мистера Пиквика.

Мистер Пиквик снова объявил о своем решении.

– В таком случае, – сказал старый джентльмен, вот небольшая рукопись, которую я надеялся иметь удовольствие вам прочесть. После смерти одного из моих друзей, врача, служившего в убежище для умалишенных нашего графства, я нашел эту рукопись среди различных бумаг, которые имел право уничтожить или сохранить но своему усмотрению. Вряд ли рукопись является подлинной, но написана она не рукой моего друга. Как бы там ни было – подлинное ли это произведение сумасшедшего, или канвой для него послужил бред какого-нибудь несчастного (последнее предположение я считаю более вероятным), прочтите его и судите сами.

Мистер Пиквик взял рукопись и расстался с благожелательным старым джентльменом, заверив его в своем расположении и уважении.

Более трудным делом было распрощаться с обитателями Менор Фарм, которые принимали их с таким радушием и добротой. Мистер Пиквик расцеловал юных леди – мы готовы были сказать: как родных дочерей, но, пожалуй, такое сравнение не совсем уместно, ибо он проявил при этом прощании, быть может, несколько больше теплоты, – и с сыновней любовью обнял

старую леди, а затем благодушно потрепал по румяным щечкам служанок, сунув каждой в руку и более существенные знаки своего благоволения. Еще задушевнее и продолжительнее был обмен сердечными излияниями с добрым старым хозяином и мистером Трандлем; и трем друзьям удалось вырваться от радушных хозяев лишь тогда, когда мистер Снодграсс, которого несколько раз окликали, вынырнул, наконец, из темного коридора, откуда вскоре вслед за ним вышла Эмили (чьи блестящие глаза были необычно тусклы). Много раз оглядывались они на Менор Фарм, медленно от него удаляясь, и много воздушных поцелуев послал мистер Снодграсс, заметив что-то весьма похожее на дамский носовой платок, который развевался в одном из окон верхнего этажа, пока, наконец, старый дом не скрылся за поворотом дороги.

В Маглтоне они наняли экипаж до Рочестера. К тому времени, когда они туда добрались, острота печали настолько притупилась, что не помешала им превосходно пообедать; после полудня, получив необходимые сведения, касающиеся дороги, трое друзей отправились пешком в Кобем.

Это была очаровательная прогулка: день был чудесный, июньский, а дорога шла густым, тенистым лесом, где дул прохладный ветерок, мягко шелестя в листве, и раздавалось пение птиц, сидевших на ветках. Плющ и мох толстыми гирляндами ползли по стволам старых деревьев, а нежный зеленый дерн шелковым ковром устилал землю. Они вошли в парк, где высился старинный замок, построенный в причудливом и живописном стиле елизаветинской эпохи. Здесь тянулись длинные аллеи величественных дубов и вязов; большие стада ланей щипали свежую траву; изредка пробегал испуганный заяц с быстротою тени, отбрасываемой легкими облачками, которые проносились, как дыхание лета над солнечным пейзажем.

– Если бы в эти края, – заметил мистер Пиквик, озираясь по сторонам, – если бы в эти края стекались все страдающие недугом нашего друга, думаю, к ним очень скоро вернулась бы былая привязанность к миру.

– Я тоже так думаю, – сказал мистер Уинкль.

– И, право же, – добавил Пиквик, когда после получасовой ходьбы они вошли в деревню, – право же, это местечко, на которое пал выбор мизантропа, является одним из приятнейших и очаровательнейших уголков, какие случалось мне видеть.

В том же духе высказались и мистер Уинкль с мистером Снодграссом.

Узнав дорогу к «Кожаной Фляге», чистенькому и просторному деревенскому трактиру, три путешественника явились туда и тотчас же осведомились о джентльмене по фамилии Тапмен.

– Том, проводите этих джентльменов в гостиную, – сказала хозяйка.

Дюжий деревенский парень открыл дверь в конце коридора, и три друга вошли в длинную и низкую комнату, которая была заставлена великим множеством мягких кожаных стульев фантастической формы с высокими спинками и украшена всевозможными старыми портретами и грубо раскрашенными гравюрами, насчитывающими немало лет. В дальнем конце комнаты стоял стол, покрытый белой скатертью и заставленный жареной птицей, свиной грудинкой, элем и т. п.; за столом сидел мистер Тапмен, который меньше всего был похож на человека, распрощавшегося с миром.

При виде своих друзей сей джентльмен положил нож и вилку и с горестным видом двинулся им навстречу.

– Я не надеялся видеть вас здесь, – сказал он, пожимая руку мистеру Пиквику. – Вы очень любезны!

– Ах! – произнес мистер Пиквик, садясь и вытирая со лба пот, выступивший от ходьбы. – Кончайте обедать и выйдем побродить. Я хочу побеседовать с вами наедине.

Мистер Тапмен подчинился высказанному желанию, а мистер Пиквик, освежившись солидной порцией эля, ждал, когда друг покончит с трапезой. Обед был быстро поглощен, и они вместе вышли из дому.

В течение получаса видны были их фигуры, шагавшие взад и вперед по кладбищу, пока мистер Пиквик старался сломить решение своего приятеля. Бесполезно было бы повторять его аргументы, ибо какой язык может передать ту энергию и силу, которую в них вдохнул великий человек, их породивший? Надоело ли уже мистеру Тапмену уединение, или он не в силах был устоять перед красноречивым призывом, к нему обращенным, – значения не имеет, ибо конце концов он не устоял.

По его словам, ему мало дела до того, где он будет влачить жалкие остатки дней своих, но раз его друг придает такое значение участию его скромной особы в их скитаниях, то он готов скитаться бок о бок с ним.

Мистер Пиквик улыбнулся; они обменялись рукопожатием и пошли назад, к своим спутникам.

Вот тут-то мистер Пиквик и сделал то бессмертное открытие, которое останется навсегда предметом гордости для его друзей и зависти для археологов всех стран. Они миновали дверь своей гостиницы и прошли дальше но деревенской улице, прежде чем успели себе отдать отчет в том, где они находятся. Когда они повернули назад, взгляд мистера Пиквика упал на небольшой обломок камня, до половины ушедший в землю, перед дверью коттеджа. Он остановился.

– Очень странно, – сказал мистер Пиквик.

– Что странно? – осведомился мистер Тапмен, с любопытством разглядывая все ближайшие предметы, кроме того, о котором шла речь. – Ах, боже мой, что случилось?

Это восклицание было вызвано крайним его удивлением при виде мистера Пиквика, который в восторге от сделанного им открытия бросился на колени перед небольшим камнем и начал смахивать с него пыль носовым платком.

– Тут какая-то надпись, – сказал мистер Пиквик.

– Неужели? – воскликнул мистер Тапмен.

– Я различаю, – продолжал мистер Пикник, изо всех сил продолжая тереть камень и пристально рассматривая его сквозь очки, – я различаю крест и букву Б, а потом Т. Это очень важно, – добавил он, поднимаясь с колен. – Это какая-то древняя надпись, существовавшая, быть может, задолго до того, как здесь были построены старинные богадельни. Ее нужно сохранить.

Он постучал в дверь коттеджа. Вышел работник.

– Друг мой, не знаете ли, как очутился здесь этот камень? – благосклонно осведомился мистер Пиквик.

– Не знаю, сэр, – вежливо ответил работник, – он тут лежал, когда я еще на свет не родился, да и никого из нас еще здесь не было.

Мистер Пиквик с торжеством посмотрел на своего спутника.

– Вы... вы... вряд ли им дорожите, – дрожа от волнения, проговорил мистер Пиквик. – Не согласитесь ли вы его продать?

– Да кто ж его купит? – спросил работник, и при этом на лице его появилось такое выражение, которое он считал, должно быть, лукавым.

– Я сию же минуту дам вам за него десять шиллингов, – предложил мистер Пикник, – если вы его немедленно выкопаете для меня.

Легко себе представить изумление всей деревни, когда мистер Пиквик, не щадя сил (чтобы извлечь его на поверхность достаточно было разок налечь на лопату), собственноручно перенес камень в гостиницу и, старательно отмыв, положил на стол.

Радость и восторг пиквикистов были безграничны, когда их терпение и настойчивость, отмывание и отскребывание увенчались успехом. Камень был шероховатый и с трещинами, а буквы нацарапаны криво и неровно, но часть надписи легко удалось разобрать:

БИЛСТ

+

АМ

ПСЕГ

О. Р.

УКА

Глаза у мистера Пиквика блестели от восхищения, когда он сидел и пожирал глазами открытое им сокровище. Была достигнута желанная цель его честолюбивых стремлений. В том графстве, которое славилось обилием остатков старины, в той деревне, где еще существовали памятники далекого прошлого, он – он, президент Пиквикского клуба, – открыл странную и любопытную надпись неоспоримой древности, совершенно ускользнувшую от внимания многих ученых, которым удалось побывать здесь до него. Он едва верил своим глазам.

– Это... это заставляет меня принять решение, – сказал он. – Завтра же мы возвращаемся в Лондон.

– Завтра! – воскликнули восхищенные ученики.

– Завтра! – подтвердил мистер Пиквик. – Это сокровище должно быть немедленно доставлено туда, где его тщательно исследуют и надлежащим образом истолкуют. Есть у меня еще одно основание для принятого мною решения. Через несколько дней в Итенсуиллском округе состоятся выборы в парламент, агентом одного из кандидатов состоит мистер Перкер, джентльмен, с которым я на днях познакомился. Мы увидим во всех подробностях и изучим зрелище, столь интересное для каждого англичанина.

– Верно! – с воодушевлением подхватили три друга.

Мистер Пиквик окинул взглядом своих друзей. Привязанность и рвение учеников зажгли в его груди огонь энтузиазма. Он был их вождь, и он чувствовал это.

– Отпразднуем это счастливое событие за стаканом доброго вина, – сказал он.

Его предложение, так же как и предыдущее, было встречено единодушными аплодисментами. Собственноручно положив драгоценный камень в маленький сосновый ящик, купленный специально для этой цели у хозяйки, мистер Пиквик поместился в кресле во главе стола; и вечер был посвящен веселью и дружеской беседе.

Был двенадцатый час – поздний час для деревушки Кобем, – когда мистер Пиквик удалился в приготовленную для него спальню. Он распахнул решетчатое окно и, поставив свечу на стол, отдался размышлениям о волнениях и суматохе последних двух дней.

Время и место благоприятствовали созерцательности. Мистер Пиквик очнулся, когда на церковных часах пробило полночь. Торжественно прозвучал в его ушах первый удар, но, когда замер бой часов, тишина показалась невыносимой; он почувствовал себя так, словно потерял друга. Нервы его были натянуты и возбуждены; торопливо раздевшись и поставив свечу на камин, он улегся в постель.

Всякий по опыту знает то неприятное душевное состояние, когда ощущение физической усталости тщетно борется с бессонницей. В таком состоянии находился мистер Пиквик; он перевернулся сначала на один бок, потом – на другой; он упорно закрывал глаза, словно уговаривая себя заснуть. Это ни к чему не привело. Было ли тому виной непривычное физическое утомление, жара, грог или незнакомая постель, но только мысли его с мучительным упорством возвращались к мрачным картинам, развешанным внизу, и к связанным с ними старинным легендам, о которых в тот вечер шла речь. Промучившись с полчаса, он пришел к неутешительному заключению, что ему все равно не заснуть, поэтому он

встал и надел кое-какие принадлежности туалета. «Все лучше, чем лежать и представлять себе всякие ужасы», – подумал он. Он выглянул в окно было очень темно. Он прошелся по комнате и почувствовал себя очень одиноким.

Несколько раз он прошел от двери до окна и от окна до двери, как вдруг вспомнил о рукописи священника. Это была блестящая мысль. Быть может, рукопись и не заинтересует его, но зато усыпит. Он достал ее из кармана и, придвинув столик к кровати, снял нагар со свечи, надел очки и приступил к чтению. Почерк был странный, а бумага покрыта пятнами. Прочтя заглавие, он вздрогнул и невольно окинул внимательным взглядом комнату. Но, поразмыслив о том, как нелепо поддаваться таким чувствам, он снова снял нагар со свечи и стал читать следующее:

РУКОПИСЬ СУМАСШЕДШЕГО

«Да, сумасшедшего! Как поразило бы меня это слово несколько лет назад! Какой пробудило бы оно ужас, который, бывало, охватывал меня так, что кровь закипала в жилах, холодный пот крупными каплями покрывал кожу и от страха дрожали колени! А теперь оно мне нравится. Это прекрасное слово. Покажите мне монарха, чей нахмуренный лоб вызывает такой же страх, какой вызывает горящий взгляд сумасшедшего, монарха, чья веревка и топор так же надежны, как когти безумца. Хо-хо! Великое дело – быть сумасшедшим! На тебя смотрят, как на дикого льва сквозь железную решетку, а ты скрежещешь зубами и воешь долгой тихой ночью под веселый звон тяжелой цепи, и катаешься, и корчишься на соломе, опьяненный этой славной музыкой! Да здравствует сумасшедший дом! О, это чудесное место!

Помню время, когда я боялся сойти с ума, когда, бывало, просыпался внезапно и падал на колени и молил избавить меня от проклятья, тяготевшего над моим родом, когда бежал от веселья и счастья, чтобы спрятаться в каком-нибудь уединенном месте и проводить томительные часы, следя за развитием горячки, которая должна была пожрать мой мозг. Я знал, что безумие смешано с самой кровью моей и проникло до мозга костей, знал, что одно поколение сошло в могилу, не тронутое этой страшной болезнью, а я – первый, в ком она должна возродиться. Я знал, что так должно быть, так бывало всегда, и так всегда будет, и когда я сидел в людной комнате, забившись в темный угол, и видел, как люди перешептываются, показывают на меня и посматривают в мою сторону, я знал, что они говорят друг другу о человеке, обреченном на сумасшествие, и, крадучись, я уходил и тосковал в одиночестве.

Так жил я годы, долгие-долгие годы. Здесь ночи тоже бывают иногда длинными, очень длинными; но они – ничто по сравнению с теми беспокойными ночами и страшными снами, какие снились мне в те годы. Я холодею, вспоминая о них. Большие темные фигуры с хитрыми, насмешливыми лицами прятались по всем углам комнаты, а по ночам склонялись над моей кроватью, толкая меня к безумию. Они нашептывали мне о том, что пол в старом доме, где умер отец моего отца, запятнан его кровью, пролитой им самим в припадке буйного помешательства. Я затыкал пальцами уши, но голоса визжали в моей голове, их визг звенел в комнате, вопил о моем деде, в поколении, предшествовавшем ему, безумие оставалось скрытым, но дед моего деда годы прожил с руками, прикованными к земле, дабы не мог он себя самого разорвать в клочья. Я знал, что они говорят правду, знал прекрасно. Я это открыл много лет назад, хотя от меня пытались утаить истину. Ха-ха! Меня считали сумасшедшим, но я был слишком хитер для них.

Наконец, оно пришло, и я не понимал, как мог я этого бояться. Теперь я свободно мог посещать людей, смеяться и шутить с лучшими из них. Я знал, что я сумасшедший, но они этого даже не подозревали. Как я восхищался самим собой, своими тонкими проделками, потешаясь над теми, кто, бывало, шушукался и косился на меня, когда я не был сумасшедшим,

а только боялся, что когда-нибудь сойду с ума! А как весело я хохотал, когда оставался один и думал о том, как хорошо храню я свою тайну и как быстро отшатнулись бы от меня добрые мои друзья, узнай они истину! Обедая с каким-нибудь славным веселым малым, я готов был кричать от восторга при мысли о том, как побледнел бы он и обратился в бегство, если бы узнал, что милый друг, сидевший подле него, натачивая сверкающий нож;, был сумасшедшим, который имеет полную возможность да, пожалуй, и не прочь вонзить ноя: ему в сердце. О, это была веселая жизнь!

Я разбогател, мне достались большие деньги, и я предался развлечениям, прелесть которых увеличивалась в тысячу раз благодаря моей тайне, столь искусно хранимой. Я унаследовал поместье. Правосудие – даже само правосудие с орлиным оком – было обмануто и в руки сумасшедшего отдало оспариваемое наследство. Где же была проницательность зорких и здравомыслящих людей? Где была сноровка юристов, ловко подмечающих малейший изъян? Хитрость сумасшедшего всех обманула.

У меня были деньги. Как ухаживали за мной! Я тратил их расточительно. Как меня восхваляли! Как пресмыкались передо мной три гордых и властных брата! Да и старый, седовласый отец – какое внимание, какое уважение, какая преданная дружба, – о, он боготворил меня! У старика была дочь, у молодых людей – сестра, и все пятеро были бедны. Я был богат, и, женившись на девушке, я увидел торжествующую усмешку, осветившую лица ее неимущих родственников, когда они думали о своем прекрасно проведенном плане и доставшейся им награде. А ведь улыбаться-то должен был я. Улыбаться? Нет, хохотать и рвать на себе волосы и с радостными криками кататься по земле. Они и не подозревали, что выдали ее замуж за сумасшедшего.

Позвольте-ка... А если бы они знали, была ли бы она спасена? На одной чаше весов – счастье сестры, на другой – золото ее мужа. Легчайшая пушинка, которая улетает от моего дуновенья, – и славная цепь, которая теперь украшает мое тело!

Но в одном пункте я обманулся, несмотря на все мое лукавство. Не будь я сумасшедшим... ибо хотя мы, сумасшедшие, достаточно хитры, по иной раз становимся в тупик... не будь я сумасшедшим, я догадался бы, что девушка предпочла бы лежать холодной и недвижимой в мрачном, свинцовом гробу, чем войти в мой богатый, сверкающий дом невестой, которой псе завидуют. Я знал бы, что ее сердце принадлежит другому – юноше с темными глазами, чье имя – я это слышал – шептала она тревожно во сне; знал бы, что она принесена мне в жертву, чтобы избавить от нищеты седого старика и высокомерных братьев.

Фигуры и лица стерлись теперь в моей памяти, но я знаю, что девушка была красива. Я это *знаю*, ибо в светлые лунные ночи, когда я вдруг просыпаюсь и вокруг меня тишина, я вижу: тихо и неподвижно стоит в углу этой палаты легкая и изможденная фигура с длинными черными полосами, струящимися вдоль спины и развеваемыми дуновением неземного ветра, а глаза ее пристально смотрят на меня и никогда не мигают и не смыкаются. Тише! Кровь стынет у меня в сердце, когда я об этом пишу. Это *она*; лицо очень бледно, блестящие глаза остекленели, но я их хорошо знаю. Она всегда неподвижна, никогда не хмурится и не гримасничает, как те другие, что иной раз наполняют мою палату; но для меня она страшнее даже, чем те призраки, которые меня искушали много лет назад, – она приходит прямо из могилы и подобна самой смерти.

В течение чуть ли не целого года я видел, что лицо ее становится все бледнее, в течение чуть ли не целого года я видел, как скатываются слезы по ее впалым щекам, но причина была мне неизвестна. Наконец, я ее узнал. Дольше нельзя было скрывать это от меня. Она меня не любила; я и не думал, что она меня любит; она презирала мое богатство и ненавидела роскошь, в которой жила, – этого я не ждал. Она любила другого. Эта мысль не приходила мне в голову. Странные чувства овладели мной, и мысли, внушенные мне какою-то тайной силой, терзали мой мозг. Ненависти к ней я не чувствовал, однако ненавидел юношу, о котором она все еще тосковала. Я жалел, да, жалел ее, ибо холодные себялюбивые родственники обрекли

ее на несчастную жизнь. Я знал долго она не протянет, но мысль, что она еще успеет дать жизнь какому-нибудь злополучному существу, обреченному передать безумие своим потомкам, заставила меня принять решение. Я решил ее убить.

В течение многих недель я думал о яде, затем об утоплении и, наконец, о поджоге. Великолепное зрелище – величественный дом, объятый пламенем, и жена сумасшедшего, превращенная в золу. Подумайте, какая насмешка – большое вознаграждение и какой-нибудь здравомыслящий человек, болтающийся на виселице за поступок, им не совершенный! А всему причиной – хитрость сумасшедшего! Я часто обдумывал этот план, но в конце концов отказался от него. О, какое наслаждение день за днем править бритву, пробовать отточенное лезвие и представлять себе ту глубокую рану, какую можно нанести одним ударом этого тонкого сверкающего лезвия!

Наконец, старые призраки, которые так часто посещали меня прежде, стали нашептывать, что час настал, и вложили в мою руку открытую бритву. Я крепко се зажал, потихоньку встал с постели и наклонился над спящей женой. Лицо ее было закрыто руками. Я мягко их отвел, и они беспомощно упали ей на грудь. Она плакала – слезы еще не высохли на щеках. Лицо было спокойно и безмятежно, и когда я смотрел на нее, тихая улыбка осветила это бледное лицо. Осторожно я положил руку ей на плечо. Она вздрогнула, но это было во сне. Снова я склонился к ней. Она вскрикнула и проснулась.

Одно движение моей руки – и больше никогда она не издала бы ни крика, ни звука. Но я задрожал и отшатнулся. Ее глаза впились в мои. Не знаю, чем это объяснить, но они усмирили и испугали меня; я затрепетал от этого взгляда. Она встала с постели, все еще глядя на меня пристально, не отрываясь. Я дрожал; бритва была в моей руке, но я не мог пошевельнуться. Она направилась к двери. Дойдя до нее, она повернулась и отвела взгляд от моего лица. Чары были сняты. Одним прыжком я был около нее и схватил ее за руку. Она упала, испуская вопли.

Теперь я мог убить ее – она не сопротивлялась; но в доме поднялась тревога. Я услышал топот ног на лестнице. Я положил на место бритву, отпер дверь и громко позвал на помощь.

Вошли люди, подняли ее и положили на кровать. Несколько часов она лежала без сознания, а когда жизнь, зрение и речь вернулись к ней, оказалось, что она потеряла рассудок и бредила дико и исступленно.

Призвали докторов – великих людей, которые в удобных экипажах подъезжали к моей двери, на прекрасных лошадях и с нарядными слугами. Много недель они провели у ее постели. Собрались на консультацию и тихо и торжественно совещались в соседней комнате. Один из них, самый умный и самый знаменитый, отвел меня в сторону и, попросив приготовиться к худшему, сказал мне, – мне, сумасшедшему! – что моя жена сошла с ума. Он стоял рядом со мной у открытого окна, смотрел мне в лицо, и его рука лежала на моей. Одно усилие – и я мог швырнуть его вниз, на мостовую. Вот была бы потеха! Но это угрожало моей тайне, и я дал ему уйти. Спустя несколько дней мне сказали, что я должен держать ее под надзором, должен приставить к ней сторожа. Это сказали мне! Я ушел в поля, где никто не мог меня услышать, и веселился так, что хохот мой звенел в воздухе.

На следующий день она умерла. Седой старик проводил ее до могилы, а гордые братья пролили слезу над бездыханным трупом той, на чьи страдания при жизни взирали с ледяным спокойствием. Все это питало тайную мою веселость, и когда мы ехали домой, я смеялся, прикрывшись белым носовым платком, пока слезы не навернулись мне на глаза.

Но хотя я достиг цели и убил ее, я был в смятении и тревоге: я чувствовал, что недалеко то время, когда моя тайна будет открыта. Я не мог скрыть дикую радость, которая бурлила во мне и заставляла меня, когда я один оставался дома, вскакивать, хлопать в ладоши, плясать и кружиться и громко реветь. Когда я выходил из дому и видел суетливую толпу, двигающуюся по улицам, или шел в театр, слушал музыку и глядел на танцующих людей, меня охватывал такой восторг, что я готов был броситься к ним, растерзать их в клочья и выть в упоении. Но

я только скрежетал зубами, топал ногами, вонзал острые ногти в ладони. Я сдерживал себя, и никто еще не знал, что я сумасшедший.

Помню – и это одно из последних моих воспоминаний, ибо теперь реальное я смешиваю со своими грезами, и столько у меня здесь дела и так меня всегда торопят, что нет времени отделить одно от другого и разобраться в каком-то странном хаосе действительности и грез, помню, как выдал я, наконец, тайну. Ха-ха! Чудится мне – я и сейчас вижу их испуганные взгляды, помню, как легко оттолкнул их и сжатыми кулаками бил по бледным лицам, а потом умчался, как вихрь, и оставил их, кричащих и воющих, далеко позади. Сила гиганта рождается во мне, когда я об этом думаю. Вот, видите, как гнется под яростным моим напором этот железный прут. Я мог бы сломать его, как ветку, но здесь такие длинные галереи и так много дверей – вряд ли нашел бы я здесь дорогу; а если бы даже нашел, то, знаю, внизу есть железные ворота, и эти ворота они всегда держат на запоре. Они знают, каким я был хитрым сумасшедшим, и гордятся тем, что могут меня выставить напоказ.

Позвольте-ка... да, меня не было дома. Вернулся я поздно вечером и узнал, что меня ждет высокомернейший из трех ее высокомерных братьев, – „по неотложному делу‟, сказал он. Я это прекрасно помню. Я ненавидел его так, как только может ненавидеть сумасшедший. Много раз руки мои готовы были его растерзать. Мне сказали, что он здесь. Я быстро взбежал по лестнице. Он хотел сказать мне несколько слов. Я отослал слуг. Час был поздний, и мы остались наедине – впервые.

Сначала я старался на него не смотреть, ибо знал то, о чем он не подозревал, – и я гордился этим знанием, знал, что огонь безумия горит в моих глазах. Несколько минут мы сидели молча. Наконец, он заговорил. Мои недавние легкомысленные похождения и странные слова, брошенные мною сейчас же после смерти его сестры, были оскорблением ее памяти. Сопоставляя многие обстоятельства, которые сначала ускользнули от его внимания, он предположил, что я дурно обращался с нею. Он желал знать, вправе ли он заключить, что я хотел очернить ее память и оказать неуважение се семье. Мундир, который он носит, обязывает его потребовать у меня объяснения.

Этот человек служил в армии и за свой чин заплатил моими деньгами и несчастьем своей сестры! Это он руководил заговором, составленным с целью поймать меня в ловушку и завладеть моим состоянием. Это он – он больше, чем кто бы то ни было, – принуждал свою сестру выйти за меня замуж, зная прекрасно, что ее сердце отдано какому-то пискливому юноше. Мундир его обязывает! Не мундир, а ливрея его позора! Я не удержался и посмотрел на него, но не сказал ни слова.

Я заметил, как изменилось его лицо, когда он встретил мой взгляд. Он был смелым человеком, но румянец сбежал с его лица, и он отодвинул свой стул. Я ближе придвинулся к нему и, засмеявшись, – мне было очень весело, заметил, что он вздрогнул. Я почувствовал, как овладевает мною безумие. Он боялся меня.

– Вы очень любили свою сестру, когда она была жива, – сказал я, – очень любили.

Он растерянно огляделся, я видел, как его рука вцепилась в спинку стула, но он ничего не сказал.

– Вы негодяй! – воскликнул я. – Я вас разгадал! Я открыл ваш дьявольский заговор, составленный против меня, я знаю, что ее сердце принадлежало другому прежде, чем вы принудили ее выйти за меня. Я это знаю, знаю!

Он вдруг вскочил, замахнулся па меня стулом и приказал мне отойти... ибо я упорно приближался к нему во время разговора.

Я не говорил, а кричал, чувствуя, что буйные страсти клокочут у меня в крови, а старые призраки шепчутся и соблазняют меня растерзать его в клочья.

– Проклятый! – крикнул я, вскакивая и бросаясь па него. – Я ее убил! Я – сумасшедший! Смерть тебе! Крови! Крови! Я жажду твоей крови.

Одним ударом я отбросил стул, который он в ужасе швырнул в меня, и мы сцепились; с тяжелым грохотом катались мы с ним по полу.

Это была славная борьба; ибо он, рослый, сильный человек, дрался, спасая свою жизнь, а я, сильный своим безумием, жаждал покончить с ним. Я знал, что никакая сила не может сравняться с моей, и я был прав. Прав, хотя и безумен! Его сопротивление ослабевало. Я придавил ему грудь коленом и крепко сжал обеими руками его мускулистую шею. Лицо у него побагровело, глаза выскакивали из орбит, и, высунув язык, он словно издевался надо мной. Я крепче сдавил ему горло.

Вдруг дверь с шумом распахнулась, и ворвалась толпа, крича, чтобы задержали сумасшедшего.

Моя тайна была открыта, и все мои усилия были направлены теперь к тому, чтобы отстоять свободу. Я вскочил раньше, чем кто-либо успел меня схватить, я бросился в толпу нападающих и сильной рукой расчистил себе дорогу, словно у меня был топор, которым я рубил направо и налево. Я добрался до двери, перепрыгнул через перила, еще секунда – и я был на улице.

Я мчался во весь дух, и никто не смел меня остановить. Я услышал топот ног за собою и ускорил бег. Шум погони был слышен слабее и слабее и, наконец, замер вдали, а я все еще несся вперед, через болота и ручьи, прыгал через изгороди и стены, с диким воплем, который был подхвачен странными существами, обступившими меня со всех сторон, и громко разнесся, пронзая воздух. Демоны несли меня на руках, они мчались вместе с ветром, сметая холмы и изгороди, и кружили меня с такой быстротой, что у меня в голове помутилось, и, наконец, отшвырнули прочь от себя, и я тяжело упал на землю. Очнувшись, я увидел, что нахожусь здесь – здесь, в этой серой палате, куда редко проникает солнечный свет, куда лунные лучи просачиваются для того только, чтобы осветить темные тени вокруг меня и эту безмолвную фигуру в углу. Бодрствуя, я слышу иногда странные вопли и крики, оглашающие этот большой дом. Что это за крики, я не знаю, но не эта бледная фигура испускает их, и она их не слышит. Ибо, как только спускаются сумерки и до первых проблесков рассвета, она стоит недвижимо, всегда на одном и том же месте, прислушиваясь к музыкальному звону моей железной цепи и следя за моими прыжками на соломенной подстилке».

В конце рукописи была сделана другим почерком следующая приписка:

«Несчастный, чей бред записан здесь, являет собой печальный пример, свидетельствующий о пагубных результатах ложно направленной – с юношеских лет – энергии и длительных излишеств, последствия которых уже нельзя было предотвратить. Бессмысленный разгул, распутство и кутежи в дни молодости вызвали горячку и бред. Результатом последнего была странная иллюзия, основанная на хорошо известной медицинской теории, энергически защищаемой одними и столь же энергически опровергаемой другими, иллюзия, будто наследственное безумие – удел его рода. Это привело к меланхолии, которая со временем развилась в душевное расстройство и закончилась буйным помешательством. Есть основания предполагать, что события, им изложенные, хотя искажены его расстроенным воображением, однако не являются его измышлением. Тем, кто знал пороки его молодости, остается лишь удивляться тому, что страсти, не обуздываемые рассудком, не приведи его к совершению еще более страшных деяний».

Свеча мистера Пиквика догорала в подсвечнике в то время, как он дочитывал рукопись старого священника; а когда свет вдруг угас, даже не мигнув в виде предупреждения, спустившаяся тьма потрясла его натянутые нервы. Торопливо сбросив с себя те

принадлежности туалета, которые он надел, вставая с беспокойного ложа, и пугливо оглядевшись, мистер Пиквик снова поспешно забрался под одеяло и не замедлил заснуть.

Когда он проснулся, солнце бросало яркие лучи в его комнату. Было позднее утро. Тоска, угнетавшая его ночью, рассеялась вместе с темными тенями, которые окутывали пейзаж, а мысли и чувства были светлы и радостны, как утро. После сытного завтрака четыре джентльмена в сопровождении человека, который нес камень в сосновом ящике, отправились пешком в Грейвзенд. В этот город прибыли они к часу дня (багаж они приказали послать из Рочестера прямо в Сити), здесь им посчастливилось получить наружные места в пассажирской карете, и в тот же день они прибыли в добром здравии и расположении духа в Лондон.

Следующие три-четыре дня были посвящены приготовлениям к поездке в Итенсуилл. Так как все, что относится к этому важному предприятию, требует особой главы, то те несколько строк, какие нам остались для окончания настоящей главы, мы можем посвятить краткому изложению истории антикварной находки.

Из протоколов клуба мы узнаем, что вечером на следующий день по приезде мистер Пиквик на общем собрании клуба прочел доклад о сделанном открытии и высказал множество остроумных и ученых умозрительных догадок о смысле надписи. Из того же источника мы узнаем, что искусный художник старательно скопировал любопытные письмена, выгравированные на камне, и презентовал рисунок Королевскому антикварному обществу и другим ученым корпорациям; что полемика, заострившая перья на этом предмете, породила зависть и недоброжелательство и что сам мистер Пиквик написал брошюру, содержавшую девяносто шесть страниц самой мелкой печати и двадцать семь различных толкований надписи; что три престарелых джентльмена лишили наследства своих старших сыновей, осмелившихся усомниться в древности надписи, и что один энтузиаст преждевременно покончил все счеты с жизнью, отчаявшись постигнуть смысл этих письмен; что мистер Пиквик за свое открытие был избран почетным членом семнадцати отечественных и иностранных обществ, что ни одно из семнадцати обществ ничего не могло понять в надписи, но что все семнадцать сходились в признании се весьма достопримечательной.

Правда, мистер Блоттон – и это имя будет заклеймено вечным презрением тех, кто чтит все таинственное и возвышенное, – мистер Блоттон, говорим мы, проявляя недоверие и придирчивость, свойственные умам низменным, позволил себе рассматривать открытие с точки зрения равно унизительной и нелепой. Мистер Блоттон, побуждаемый презренным желанием очернить бессмертное имя Пиквика, лично отправился в Кобем, а по возвращении саркастически заметил в речи, произнесенной в клубе, что он видел человека, у которого был куплен камень, что этот человек считает камень древним, но решительно отрицает древность надписи, ибо, по его словам, он сам кое-как вырезал се в часы безделья, и из букв составляется всего-навсего следующая фраза: «Билл Стампс, его рука»; что мистер Стампс, не искушенный в грамоте и имевший обыкновение руководствоваться скорее звуковой стороной слов, чем строгими правилами орфографии, опустил «л» в своем имени.

Пиквикский клуб (как и следовало ожидать от столь просвещенного учреждения) принял это заявление с заслуженным презрением, исключил из состава членов самонадеянного и строптивого Блоттона и постановил преподнести мистеру Пикнику очки в золотой оправе в знак своего доверия и уважения; в ответ на что мистер Пиквик заказал написать свой портрет масляными красками и велел повесить его в зале заседаний клуба, каковой портрет, кстати, он не пожелал уничтожить, когда стал несколькими годами старше.

Мистер Блоттон был изгнан, но не побежден. Он тоже написал брошюру, обращенную к семнадцати ученым обществам, отечественным и иностранным, в которой снова изложил сделанное им заявление и весьма прозрачно намекнул, что названные семнадцать ученых обществ – «шарлатанские учреждения». Так как этим актом было вызвано моральное негодование семнадцати ученых обществ, отечественных и иностранных, то на свет появились новые брошюры; ученые общества иностранные завязывали переписку с учеными обществами

отечественными; отечественные ученые общества переводили брошюры иностранных ученых обществ на английский язык; иностранные ученые общества переводили брошюры отечественных ученых обществ на всевозможные языки; и так возникла пресловутая научная дискуссия, хорошо известная всему миру под названием «Пиквикская полемика».

Но эта низкая попытка опозорить мистера Пиквика обрушилась на голову клеветника. Семнадцать ученых обществ единогласно признали самонадеянного Блоттона невежественным придирой и еще с большим рвением стали выпускать трактаты. А камень и по сей день остается... неразгаданным памятником величия мистера Пиквика и вечным трофеем, свидетельствующим о ничтожестве его врагов.

ГЛАВА XII,

повествующая о весьма важном поступке мистера Пиквика: событие в его жизни не менее важное, чем в этом повествовании

Помещение, занимаемое мистером Пиквиком на Госуэлл-стрит, хотя и скромное, было не только весьма опрятно и комфортабельно, но и специально приспособлено для местожительства человеку его дарований и наблюдательности. Приемная его находилась во втором этаже, окнами на улицу; спальня – в третьем и также выходила на улицу; поэтому, сидел ли он за письменным столом в своей гостиной, стоял ли перед зеркалом в своей опочивальне, – равно мог он наблюдать человеческую природу во всех ее многообразных проявлениях на этой столь же населенной, сколь излюбленной населением улице. Его квартирная хозяйка миссис Бардл – вдова и единственная душеприказчица таможенного чиновника – была благообразной женщиной с хлопотливыми манерами и приятной наружностью, с природными способностями к стряпне, которые благодаря изучению и долгой практике развились в исключительный талант. В доме не было ни детей, ни слуг, ни домашней птицы. Единственными его обитателями, кроме миссис Бардл, были взрослый мужчина и маленький мальчик; первый – жилец, второй – отпрыск миссис Бардл. Взрослый мужчина всегда являлся домой ровно в десять часов вечера и немедленно ложился в миниатюрную кровать, помещавшуюся в задней комнате; арена же детских игр и гимнастических упражнений юного Бардла ограничивалась соседними тротуарами и сточными канавами. Чистота и покой царили во всем доме; и воля мистера Пиквика была в нем законом.

Всякому, кто был знаком с этими правилами домашнего распорядка в доме и кто хорошо знал удивительную уравновешенность мистера Пиквика, вид его и поведение утром накануне дня, назначенного для отъезда в Итенсуилл, должны были показаться в высшей степени таинственными и необъяснимыми. Он тревожно шагал взад и вперед по комнате, чуть не через каждые три минуты высовывался из окна, все время посматривал на часы и проявлял много других признаков нетерпения, отнюдь ему несвойственного. Было ясно, что ожидается какое-то событие великой важности, но что это за событие – не имела возможности угадать сама миссис Бардл.

– Миссис Бардл! – произнес, наконец, мистер Пиквик, когда эта славная женщина закончила затянувшуюся уборку комнат.

– Сэр? – отозвалась миссис Бардл.

– Ваш мальчик очень долго не возвращается.

– Да ведь до Боро далеко, сэр, – возразила миссис Бардл.

– Да, совершенно верно, – сказал мистер Пиквик, далеко.

Мистер Пиквик погрузился в молчание, а миссис Бардл снова принялась стирать пыль.

– Миссис Бардл, – произнес мистер Пиквик по прошествии нескольких минут.

– Сэр? – снова отозвалась миссис Бардл.

– Как вы думаете, расходы на содержание двух человек значительно превышают расходы на одного?

– Ах, мистер Пиквик! – сказала миссис Бардл, краснея до самой оборки чепца, ибо ей почудилось, будто она уловила в глазах жильца нечто вроде матримониального огонька. – Ах, мистер Пиквик, к чему этот вопрос?

– Ну, а все-таки, как вы думаете? – настаивал мистер Пиквик.

– Это зависит... – начала миссис Бардл, придвигая пыльную тряпку к самому локтю мистера Пиквика, покоившемуся на столе, – видите ли, мистер Пиквик, многое зависит от человека; если это особа бережливая и осмотрительная, сэр...

– Вы совершенно правы, – сказал мистер Пиквик, – но, мне кажется, особа, которую я имею в виду (тут он очень пристально посмотрел на миссис Бардл), наделена этими качествами; и вдобавок прекрасно знает жизнь и отличается острым умом, что может быть для меня в высшей степени полезно.

– Ах, мистер Пиквик! – повторила миссис Бардл, снова зарумянившись до оборки чепца.

– Я в этом уверен, – продолжал мистер Пиквик с возрастающей энергией, что случалось с ним всегда, когда он затрагивал интересовавшую его тему, – да, уверен, и, сказать вам правду, миссис Бардл, я уже принял решение.

– Ах, боже мой, сэр! – воскликнула миссис Бардл.

– Вам может показаться странным, – любезно заметил мистер Пиквик, бросив добродушный взгляд на свою собеседницу, – что я с вами не посоветовался и даже не заговаривал об этом до тех пор пока не отослал сегодня утром из дому вашего сынишку, а?

Миссис Бардл могла ответить только взглядом. Давно уже боготворила она издали мистера Пиквика, а сейчас ее вдруг вознесли на вершину, до которой никогда не смели долетать даже самые нелепые и сумасбродные ее надежды. Мистер Пиквик собирается сделать ей предложение... он, действует обдуманно... отослал ее мальчугана в Боро, чтобы избавиться от него... какая предусмотрительность... какое внимание!

– Ну, что же вы по этому поводу думаете? – спросил мистер Пиквик.

– О мистер Пиквик, – отозвалась миссис Бардл, дрожа от волнения, – вы очень добры, сэр.

– Вы избавитесь от многих хлопот, не так ли? – продолжал мистер Пиквик.

– О! О хлопотах я никогда не думала, сэр, – ответила миссис Бардл, – и, конечно, я готова хлопотать больше, чем когда бы то ни было, чтобы только угодить вам. Но как вы добры, мистер Пиквик, – столько внимания к моему одиночеству.

– Совершенно верно, – сказал мистер Пиквик. – Я об этом и не подумал. Теперь вам всегда будет с кем посидеть, когда я приезжаю в Лондон. Само собою разумеется.

– Я должна считать себя очень счастливой женщиной, – заявила миссис Бардл.

– А ваш сынок... – начал мистер Пиквик.

– Да благословит его бог! – вставила миссис Бардл, всхлипнув в приливе материнских чувств.

– Теперь и у него будет товарищ, – продолжал мистер Пиквик, – веселый товарищ, в этом я уверен, он вашего сынка за неделю обучит таким штукам, каким тот и за год бы не научился, – и мистер Пиквик благодушно улыбнулся.

– Ах, мой милый... – произнесла миссис Бардл.

Мистер Пиквик вздрогнул.

– О милый, дорогой, славный мой шутник! – воскликнула миссис Бардл и без дальнейших церемоний встала со стула и обвила руками шею мистера Пиквика, сопровождая свои действия водопадом слез и всхлипов.

– Господи помилуй! – воскликнул пораженный мистер Пиквик. – Миссис Бардл, милая моя... боже мой, ну и положение... умоляю вас, будьте благоразумны. Миссис Бардл, оставьте – вдруг кто-нибудь войдет...

– О, пусть входит! – самозабвенно воскликнула миссис Бардл. – Я вас никогда не покину! Милый, славный, добрая душа! – И с этими словами миссис Бардл еще крепче обхватила мистера Пиквика.

– Помилосердствуйте! – неистово отбивался мистер Пиквик. – Я слышу, кто-то поднимается по лестнице. Оставьте меня, оставьте, это – ваш сын, оставьте...

Но как мольбы, так и протесты не достигли цели, ибо миссис Бардл потеряла сознание в объятиях мистера Пиквика, и не успел он усадить ее в кресло, как в комнату вошел юный Бардл, а вслед за ним мистер Тапмен, мистер Уинкль и мистер Снодграсс.

Мистер Пиквик остолбенел и лишился дара речи. Он стоял, держа в объятиях драгоценную ношу, и тупо глядел на физиономии своих друзей, даже не пытаясь с ними поздороваться или дать объяснение. Те в свою очередь уставились на него, а юный Бардл в свою очередь уставился на всех присутствующих.

Изумление пиквикистов было так велико, а замешательство мистера Пиквика столь безгранично, что они могли бы остаться в тех же позах, пока леди не пришла с себя, если бы тому не помешало в высшей степени прекрасное и трогательное выражение сыновней привязанности со стороны ее юного отпрыска. Одетый в узкий костюм из полосатого плиса с медными пуговицами солидных размеров, он стоял сначала у двери, изумленный и растерянный; но мало-помалу в его еще незрелом мозгу зародилась мысль, будто матери был нанесен какой-то ущерб, и, считая мистера Пиквика виновником, он издал устрашающий и дикий вопль и, наклонив голову и рванувшись вперед, атаковал спину и ноги бессмертного джентльмена, награждая его ударами и щипками, какие только позволяли сила его рук и крайнее возбуждение.

– Уберите этого чертенка! – простонал измученный мистер Пиквик. – Он взбесился!

– Что случилось? – вопросили три ошеломленных пиквикиста.

– Не знаю, – раздраженно ответил мистер Пиквик. Уберите мальчика! (Тут мистер Уинкль оттащил в дальний конец комнаты занятного юнца, продолжавшего вопить и отбиваться.) А теперь помогите отвести эту женщину вниз. – Ах, мне уже лучше... – слабо простонала миссис Бардл.

– Разрешите проводить вас вниз, – предложил всегда галантный мистер Тапмен.

– Благодарю вас, сэр... благодарю вас! – истерически выкрикнула миссис Бардл, после чего была отведена вниз вместе со своим любящим сыном.

– Постигнуть не могу, – сказал мистер Пиквик, когда его друг вернулся, – постигнуть не могу, что случилось с этой женщиной. Я объявил всего-навсего о своем намерении нанять слугу, а с ней случился весьма странный припадок, который вы изволили наблюдать. Очень странно.

– Очень! – подтвердили трое друзей.

– Поставила меня в чрезвычайно неловкое положение, – продолжал мистер Пиквик.

– Очень неловкое! – ответствовали его ученики, тихонько покашливая и недоверчиво переглядываясь.

Такое поведение не ускользнуло от внимания мистера Пиквика. Он заметил их недоверие. Ясно, что они его подозревали.

– Там, в коридоре, ждет какой-то человек, – сказал мистер Тапмен.

– Это тот самый, о котором я вам говорил, – подхватил мистер Пиквик. – Сегодня утром я послал за ним в Боро. Снодграсс, сделайте милость, велите ему войти.

Мистер Снодграсс исполнил просьбу, и перед ними тотчас же предстал мистер Сэмюел Уэллер.

– А... надеюсь, вы меня помните? – осведомился мистер Пиквик.

– Как не помнить! – ответил Сэм, покровительственно подмигнув. – Скверная история, но куда вам до этого типа! Нюхнул раз, два, да и...

– Сейчас это к делу не относится, – поспешно перебил мистер Пиквик. – Я хочу поговорить с вами о другом. Садитесь.

– Благодарю вас, сэр, – отозвался Сэм и, не дожидаясь вторичного приглашения, сел, положив предварительно свою старую белую шляпу на площадке за дверью. – Не очень хороша на вид, – заметил Сэм, – но удивительна в носке и, пока не обломались поля, служила прекрасной кровлей. Зато без них легче, это раз, и каждая дырка дает проход воздуху, это два. Прямо скажу: это не шляпа, а сито с вентиляцией – так я ее называю!

Разразившись этой сентенцией, мистер Уэллер приятно улыбнулся всем пиквикистам.

– А теперь поговорим о деле. Я за вами послал, посоветовавшись с этими джентльменами, – сказал мистер Пиквик.

– Вот именно, сэр, – вставил Сэм, – выкладывай, да поживей, как сказал отец сыну, когда тот проглотил фартинг.

– Прежде всего мы хотели бы знать, – начал мистер Пиквик, – имеются ли у вас основания быть недовольным своим местом?

– Раньше, чем отвечать на этот вопрос, джентльмены, – сказал Сэм, – я бы хотел прежде всего узнать, думаете ли вы предложить мне лучшее.

Луч тихого благоволения озарил лицо мистера Пиквика, давшего такой ответ:

– Я не прочь взять вас к себе на службу.

– К вам? – воскликнул Сэм.

Мистер Пиквик утвердительно кивнул головой.

– Жалованье? – осведомился Сэм.

– Двенадцать фунтов в год, – ответил мистер Пиквик.

– Платье?

– Две смены.

– Работа?

– Прислуживать мне и путешествовать вместе со мной и этими джентльменами.

– Снимайте билетик, – выразительно заметил Сэм, – сдан одинокому джентльмену, условия по договору.

– Значит, вы согласны? – спросил мистер Пиквик.

– Безусловно, – ответил Сэм. – Если платье будет мне впору, как и место, все сойдет.

– Вы, конечно, можете представить рекомендацию? – поинтересовался мистер Пиквик.

– Справьтесь об этом у хозяйки «Белого Оленя», сэр, – отозвался Сэм.

– Можете вы прийти сегодня же вечером?

– Если платье готово, я влезу в него хоть сейчас, – с живостью заявил Сэм.

– Приходите к восьми часам вечера, – сказал мистер Пиквик. – И если рекомендация окажется удовлетворительной, о платье мы позаботимся.

Если не считать одной единственной шалости, в которой участвовала в равной мере одна из служанок, поведение мистера Уэллера оказалось столь безупречным, что мистер Пиквик счел вполне возможным заключить соглашение в тот же вечер. Со всею стремительностью и энергией, характеризовавшими как общественную деятельность, так и частную жизнь этого замечательного человека, мистер Пиквик тотчас же повел своего нового слугу в одно из тех

удобных заведений, где продается новое и поношенное мужское платье и где обходятся без затруднительной и неприятной формальности, именуемой примеркой; ночь еще не спустилась, а мистер Уэллер получил уже в свое распоряжение серый фрак с пуговицами, украшенными буквами П. К., черную шляпу с кокардой, пестрый полосатый жилет, светлые штаны и гетры и столько других необходимых вещей, что перечислить их не представляется возможным.

– Итак, – заметил сей внезапно преобразившийся субъект, заняв на следующее утро наружное место в итенсуиллской карете, – хотел бы я знать, кем полагается мне быть – лакеем, грумом, егерем или торговцем семенами! Вид у меня такой, будто я смесь всех четверых! Ну, не беда! Перемена климата, много развлечений, мало дела, и я все это мне подходит при моей необыкновенной хворости. Итак, да здравствуют пиквикисты! – скажу я.

ГЛАВА XIII.

Некоторые сведения об Итенсуилле: о его политических партиях и о выборах члена, долженствующего представительствовать в парламенте этот древний, верноподданный и патриотический город

Мы откровенно признаемся, что до того момента, пока мы не погрузились в многотомные документы Пиквикского клуба, нам никогда не приходилось слышать об Итенсуилле; с такой же искренностью мы признаемся, что тщетно искали в настоящее время доказательств действительного существования этого городка. Зная, с какой глубокой верой следует относиться к каждой заметке и заявлению мистера Пиквика, и не помышляя довериться нашей памяти в ущерб утверждениям сего великого мужа, мы обращались по интересующему нас вопросу ко всем авторитетным источникам, которые удалось нам разыскать. Мы тщательно изучали все названия, помещенные в Таблицах А и Б[47], но не встретили названия «Итенсуилл»; мы внимательно исследовали каждый уголок на географических картах графств, изданных в интересах общества нашими выдающимися издателями, но наши поиски не привели ни к каким результатам. Посему мы склонны предположить, что мистер Пиквик из опасения кого-нибудь обидеть и из деликатности, столь примечательной в глазах всех, кто хорошо его знал, намеренно поставил вместо настоящего вымышленное название того города, в котором производил свои наблюдения. Наше предположение подтверждается одним обстоятельством, на первый взгляд крайне незначительным и незаметным, но если на него взглянуть с указанной точки зрения, оно не может не остановить на себе внимания. В записной книжке мистера Пиквика мы можем разобрать заметку, что места для него и его учеников заказаны были в норвичской карете; но эта заметка была потом зачеркнута, словно для того, чтобы скрыть даже направление, в котором надлежало бы искать этот город. Мы не рискнем делать на этот счет никаких догадок, а непосредственно перейдем к своему повествованию, довольствуясь материалами, которыми нас снабдили его герои.

Можно думать, что население Итенсуилла, как и многих других городков, приписывало себе исключительное и особое значение и что каждый житель Итенсуилла, сознавая, сколь важен его личный пример, долгом своим почитал примкнуть душою и сердцем к одной из двух великих партий, на которые делилось население, – к партии Синих или к партии Желтых[48].

Синие не упускали случая стать в оппозицию Желтым, а Желтые не упускали случая стать в оппозицию Синим, вследствие чего, где бы ни встречались Желтые и Синие – на публичном собрании, в зале городского совета, на рынке или на ярмарке, – споры и крепкие словечки оглашали воздух. Излишне добавлять, что благодаря этим раздорам каждый вопрос в Итенсуилле становился вопросом партийным. Если Желтые предлагали сделать новую стеклянную крышу над рынком, Синие собирали митинги и проваливали это предложение; если Синие предлагали установить новый водопроводный насос на главной улице города, Желтые восставали все как один, пораженные такой чудовищной затеей. В городе были Синие лавки и Желтые лавки, Синие гостиницы и Желтые гостиницы, и даже в церкви были боковые нефы – Желтый и Синий.

Разумеется, было важно и настоятельно необходимо, чтобы у каждой из этих мощных партий был свой излюбленный печатный орган, выражавший ее мнения; соответственно в городе издавалось две газеты: «Итенсуиллская газета» и «Итенсуиллский независимый»; первая защищала принципы Синих, вторая решительно отстаивала взгляды Желтых. Прекрасные это были газеты! Что за передовые статьи и какая пламенная полемика! «Наш недостойный собрат Газета», «Эта позорная и подлая газетка Независимый», «Этот лживый и непристойный Независимый», «Этот злостный клеветнический листок Газета» и подобные разжигающие оскорбления были в изобилии рассеяны на столбцах каждой из них, в каждом номере, пробуждая чувства пламенного восхищения и негодования в сердцах горожан.

Мистер Пиквик, со свойственными ему прозорливостью и чутьем, избрал самый подходящий момент для посещения этого города. Никогда еще борьба партий в нем не достигала такого ожесточения. Почтенный Сэмюел Сламки из Сламки-Холла был кандидатом Синих, а Горацио Физкин, эсквайр из Физкин-Лоджа[49] близ Итенсуилла выдвинут был друзьями отстаивать интересы Желтых. «Газета» предупреждала избирателей Итенсуилла, что глаза не одной только Англии, но всего цивилизованного мира устремлены на них; а «Независимый» грозно вопрошал, остаются ли избиратели Итенсуилла по-прежнему славными гражданами, каковыми их всегда считали, или низкими и раболепными орудиями, недостойными называться англичанами и пользоваться благословенной свободой. Такого волнения в городе еще никогда не бывало.

Был поздний вечер, когда мистер Пиквик с друзьями при помощи Сэма спустились с крыши итенсуиллской кареты. Большие синие шелковые флаги развевались из окон гостиницы «Городской Герб», а плакаты в каждом окне возвещали гигантскими буквами, что комитет почтенного Сэмюела Сламки заседает здесь ежедневно. Толпа зевак собралась на улице, внимая охрипшему человеку, который столь рьяно превозносил с балкона мистера Сламки, что лицо его стало пунцовым; но силу и остроту его аргументов несколько ослаблял неумолчный грохот четырех огромных барабанов, поставленных комитетом мистера Физкина на углу улицы. Рядом с этим человеком стоял маленький подвижный джентльмен; во время пауз он снимал шляпу и делал знак толпе, чтобы она аплодировала, что и было аккуратно выполняемо с большим энтузиазмом; так как краснолицый джентльмен продолжал говорить, пока его лицо не раскраснелось до последней степени, то казалось, что цели он достиг с таким же успехом, как если бы кто-нибудь его слышал.

Выйдя из кареты, пиквикисты очутились среди честных и независимых, немедленно испустивших три оглушительных «ура», которые, будучи подхвачены всей толпой (ибо толпе отнюдь не обязательно знать, чем вызваны крики), разрослись в такой торжествующий рев, который заставил умолкнуть даже краснолицего человека на балконе.

– Ура! – гаркнула в заключение толпа.

– Еще разок! – крикнул маленький заправила на балконе, и толпа снова заорала, словно у нее были чугунные легкие со стальным механизмом.

– Да здравствует Сламки! – вторил мистер Пикник, снимая шляпу.

– Долой Физкина! – орала толпа.

– Долой! – кричал мистер Пикник.

– Ура!

И снова поднялся такой рев, словно ревел целый зверинец, как ревет он, когда слон звонит в колокол, требуя завтрак.

– Кто этот Сламки? – прошептал мистер Тапмен.

– Понятия не имею, – отозвался так же тихо мистер Пиквик. – Тес... Не задавайте вопросов. В таких случаях надо делать то, что делает толпа.

– Но, по-видимому, здесь две толпы, – заметил мистер Снодграсс.

– Кричите с тою, которая больше, – ответил мистер Пиквик.

Фолианты – и те ничего не могли бы прибавить к этому.

Они вошли в гостиницу – горланящая толпа расступилась и пропустила их. Прежде всего надлежало позаботиться о ночлеге.

– Можем мы здесь получить постели? – спросил мистер Пиквик лакея.

– Не знаю, сэр, – ответил тот. – Боюсь, все занято, сэр. Сейчас наведу справки, сэр.

Через минуту он вернулся и спросил, Синие ли джентльмены. Так как ни мистер Пиквик, ни его друзья не были заинтересованы ни в одном из кандидатов, ответить на этот вопрос было затруднительно. Столкнувшись с такой дилеммой, мистер Пиквик вспомнил о своем новом друге, мистере Перкере.

– Вы знаете джентльмена по имени Перкер? – спросил он.

– Как же, сэр, знаю! Это – агент почтенного мистера Сэмюела Сламки.

– Он, кажется, Синий?

– Конечно, сэр.

– В таком случае и мы Синие, – сказал мистер Пиквик; но, заметив, что лакей колеблется, услышав такое заявление, он вручил ему визитную карточку и попросил тотчас же передать ее мистеру Перкеру, если он находится здесь.

Лакей ретировался и скоро вернулся, предложив мистеру Пиквику следовать за ним. Он ввел его в большую комнату во втором этаже, где за длинным столом, заваленным бумагами и книгами, восседал мистер Перкер.

– А, уважаемый сэр! – сказал маленький джентльмен, подходя к нему. – Очень рад вас видеть, уважаемый сэр, очень рад. Прошу садиться. Итак, вы не отказались от своего намерения. Вы приехали посмотреть выборы... а?

Мистер Пиквик ответил утвердительно.

– Жаркая борьба, уважаемый сэр, – заметил человечек.

– Очень приятно! – сказал мистер Пиквик, потирая руки. – Очень приятно наблюдать горячий патриотизм, с какой бы стороны он ни проявлялся. Вы говорите, жаркая борьба?

– О да! – ответил человечек. – Очень жаркая. Мы заняли все гостиницы в городе, а противнику оставили только пивные. Ловкий политический ход, уважаемый сэр, а?

И маленький джентльмен самодовольно усмехнулся и угостился изрядной понюшкой табаку.

– А каков может быть исход выборов? – осведомился мистер Пиквик.

– Не ясно, уважаемый сэр, в настоящее время еще не ясно. Тридцать три избирателя заперты людьми Физкина в каретном сарае «Белого Оленя».

– В каретном сарае! – ахнул мистер Пиквик, пораженный этим вторым политическим ходом.

– Да, их держат под замком, пока они не понадобятся, – продолжал маленький человек. – Вы понимаете, делается это для того, чтобы мы их не завербовали; но если бы мы и добрались до них – все равно толку никакого, потому что их умышленно спаивают. Ловкий человек – агент Физкина... очень ловкий.

Мистер Пиквик широко раскрыл глаза, но не сказал ни слова.

– Тем не менее, – мистер Перкер понизил голос почти до шепота, – мы не теряем надежды. Вчера мы устроили маленькую вечеринку... сорок пять особ женского пола, уважаемый сэр... и каждой мы подарили перед уходом зеленый зонтик.

– Зонтик! – воскликнул мистер Пиквик.

– Вот именно, сэр, вот именно. Сорок пять зеленых зонтиков, семь шиллингов шесть пенсов штука. Все женщины любят украшения... поразительный эффект имели эти зонтики. Они обеспечили нам голоса всех мужей и доброй половины братьев... Это побивает чулки, фланель и все эти пустяки. Моя идея, уважаемый сэр! В град, в дождь, в солнцепек вам не пройти по улице и десятка ярдов, не встретив с полдюжины зеленых зонтиков.

Тут маленьким джентльменом овладел припадок веселых судорог, который прекратился только при появлении третьего лица.

Это был высокий тощий мужчина с рыжеволосой головой, начавшей лысеть, и с лицом, на котором торжественное сознание собственной значительности сочеталось с бездонным глубокомыслием. Он был облачен в длинный коричневый сюртук, черный суконный жилет и мышиного цвета панталоны. На жилете у него болтался лорнет, на голове была шляпа с очень низкой тульей и широкими полями. Вошедший был представлен мистеру Пиквику как редактор «Итенсуиллской газеты» – мистер Потт.

После нескольких вступительных слов мистер Потт повернулся к мистеру Пиквику и торжественно произнес:

– Эта борьба вызывает большой интерес в столице, сэр?

– Мне кажется, вызывает, – ответил мистер Пиквик.

– Смею думать, – продолжал Потт, ища взглядом подтверждения со стороны мистера Перкера, – смею думать, что моя статья в последнем субботнем номере до известной степени этому способствовала.

– Не может быть ни малейших сомнений! – подтвердил маленький джентльмен.

– Пресса – могущественное орудие, сэр! – сказал Потт.

Мистер Пиквик выразил полнейшее согласие с этим положением.

– Но надеюсь, сэр, – продолжал Потт, – я никогда не злоупотреблял той великой властью, которой обладаю. Надеюсь, сэр, что я никогда не направлял врученного мне благородного орудия против священного лона частной жизни или в чувствительное сердце личной репутации... Надеюсь, сэр, что я посвятил свою энергию... попыткам... может быть, слабым, да, да, слабым... внушать те принципы... которые... которые...

Тут редактор «Итенсуиллской газеты», по-видимому, запутался, мистер Пиквик пришел ему на помощь и сказал:

– Ну, конечно.

– Позвольте мне, сэр, – сказал Потт, – спросить вас, человека беспристрастного, как относится общественное мнение Лондона к моей борьбе с «Независимым»?

– Несомненно, с огромным интересом, – вмешался мистер Перкер с лукавой улыбкой, по всей вероятности случайной.

– Эта борьба, – продолжал Потт, – будет длиться, сколько у меня хватит сил, здоровья и той доли таланта, которой я одарен. От этой борьбы, сэр, пусть она даже внесет смятение в умы людей и разожжет страсти, пусть они не смогут из-за нее выполнять повседневные обязанности, – от этой борьбы, сэр, я не откажусь, пока не раздавлю своей пятой «Итенсуиллский независимый». Я хочу, сэр, чтобы Лондон и вся страна знали, что на меня можно положиться, что я их не покину, что я решил биться, сэр, до конца!

– Ваше поведение, сэр, очень благородно, – произнес мистер Пиквик и пожал руку великодушному Потту.

– Я вижу, сэр, вы человек умный и талантливый, – сказал мистер Потт, едва переводя дух после своей пылкой патриотической декларации. – Я в высшей степени счастлив, сэр, познакомиться с таким человеком.

– А я, – ответил мистер Пиквик, – весьма польщен таким мнением. Разрешите мне, сэр, познакомить вас с моими спутниками, корреспондентами клуба, основанием которого я могу гордиться.

– Я буду в восторге, – сказал мистер Потт.

Мистер Пиквик удалился и, вернувшись со своими друзьями, представил их по всем правилам редактору «Итенсуиллской газеты».

– Теперь, дорогой мой Потт, – сказал маленький мистер Перкер, – возникает вопрос, как нам поступить с нашими друзьями.

– Полагаю, мы можем остановиться в этой гостинице, – сказал мистер Пиквик.

– В гостинице нет ни одной свободной кровати, уважаемый сэр, ни единой кровати.

– Чрезвычайно затруднительное положение, – заметил мистер Пиквик.

– Чрезвычайно! – подтвердили его спутники.

– Мне пришел в голову один план, – сказал мистер Потт, – который, мне кажется, можно с успехом привести в исполнение. В «Павлине» есть две кровати, а я беру на себя смелость заявить от имени миссис Потт, что она рада будет дать пристанище мистеру Пиквику – и одному из его друзей, если два других джентльмена не возражают против того, чтобы им со слугою устроиться в «Павлине».

После некоторых настояний со стороны мистера Потта и повторных отказов со стороны мистера Пиквика, не считавшего возможным причинять неудобства или хлопоты любезной супруге мистера Потта, было решено, что это единственно осуществимый план, на каком можно остановиться. На нем и остановились, а засим, пообедав вместе в «Городском Гербе», друзья расстались: мистер Тапмен и мистер Снодграсс пошли к «Павлину», а мистер Пиквик и мистер Уинкль направили свои стопы к дому мистера Потта, условившись заранее, что утром они все соберутся в «Городском Гербе» и будут сопровождать процессию почтенного Сэмюела Сламки до того места, где будут провозглашаться кандидаты.

Семейный круг мистера Потта ограничивался им самим и его женой. У всех, кого мощный гений вознес на большую высоту, обычно имеется какая-нибудь маленькая слабость, несовместимая с основными чертами их характера и тем более примечательная. Если мистер Потт имел какую-нибудь слабость, то, быть может, заключалась она в том, что он, пожалуй, слишком подчинялся влиянию своей жены, которая, не без презрения, главенствовала над ним. Мы не считаем себя вправе как-либо подчеркивать этот факт, ибо в данном случае самые пленительные уловки миссис Потт были пущены в ход для встречи двух джентльменов.

– Моя дорогая, – сказал мистер Потт, – мистер Пиквик... мистер Пиквик из Лондона.

Миссис Потт ответила на отеческое рукопожатие мистера Пиквика очаровательной улыбкой; мистер Уинкль, который вовсе не был представлен, шаркал ногами и кланялся, забытый в темном углу комнаты.

– Потт, друг мой... – сказала миссис Потт.

– Жизнь моя! – отозвался мистер Потт.

– Пожалуйста, представь другого джентльмена.

– Тысяча извинений! – сказал мистер Потт. – Разрешите... миссис Потт, мистер...

– Уинкль, – подсказал мистер Пиквик.

– Уинкль! – повторил мистер Потт, и церемония представления была закончена.

– Мы должны извиниться перед вами, сударыня, – начал мистер Пиквик, – в том, что без всякого предупреждения нарушаем ваш домашний покой.

– Прошу вас, не говорите об этом, сэр, – с живостью отвечала дражайшая половина мистера Потта. – Уверяю вас, для меня настоящий праздник увидеть новые лица! Я живу изо дня в день и неделю за неделей в этом скучном месте, никого не видя.

– Никого, дорогая моя! – лукаво воскликнул мистер Потт.

– Никого, кроме *тебя*, – резко отпарировала миссис Потт.

– Знаете, мистер Пиквик, – сказал хозяин в пояснение к жалобе своей жены, – мы до известной степени лишены многих развлечений и удовольствий, которыми могли бы пользоваться при иных условиях. Мое общественное положение редактора «Итенсуиллской газеты», тот вес, каким эта газета пользуется в стране, мое постоянное пребывание в водовороте политики...

– Пи, друг мой... – перебила миссис Потт.

– Жизнь моя... – отозвался редактор.

– Мне бы хотелось, друг мой, чтобы ты попробовал найти какую-нибудь тему для разговора, в которой джентльмены могли бы принять участие.

– Но, милочка... – с великим смирением возразил мистер Потт, – мистер Пиквик этим интересуется.

– И благо ему, если он может этим интересоваться, – выразительно сказала миссис Потт. – А мне до смерти надоела ваша политика, ссоры с «Независимым» и весь этот вздор. Я просто удивляюсь, Пи, что ты лезешь со своими глупостями!

– Но, дорогая моя... – начал мистер Потт.

– Ах, вздор, и слушать не хочу, – прервала миссис Потт. – Вы играете и экарте, сэр?

– Я буду счастлив научиться под вашим руководством, – ответил мистер Уинкль.

– В таком случае придвиньте вон тот столик к окну, чтобы я не слыхала больше об этой прозаической политике.

– Джейн, – сказал мистер Потт служанке, которая внесла свечи, – пойдите вниз в контору и принесите мне пачку номеров «Газеты» за тысячу восемьсот двадцать восьмой год. Я хочу прочесть вам, – добавил редактор, обращаясь к мистеру Пикнику, – я хочу прочесть вам сейчас несколько передовых статей, которые я написал в то время о затее Желтых, задумавших назначить нового сборщика пошлин у одной из наших застав... Полагаю, они вас развлекут.

– Да, мне бы очень хотелось послушать, – сказал мистер Пиквик.

Была доставлена пачка газет, и редактор сел рядом с мистером Пиквиком.

Мы тщетно рылись в записной книжке мистера Пиквика в надежде найти хотя бы краткое изложение этих прекрасных статей. Мы имеем все основания предполагать, что он был в полном восхищении от силы и свежести их стиля; во всяком случае мистер Уинкль отметил тот факт, что глаза мистера Пиквика были закрыты, как бы от чрезмерного удовольствия, все время, пока длилось чтение.

Приглашение к ужину положило конец игре в экарте и ознакомлению с красотами «Итенсуиллской газеты». Миссис Потт была в прекраснейшем состоянии духа и в высшей степени любезна. Мистер Уинкль успел в значительной мере снискать се расположение, и она не задумалась сообщить ему конфиденциально, что мистер Пиквик – «прелестный старичок». Это выражение отличается фамильярностью, которую очень немногие из тех, кто был близко знаком с этим колоссального ума человеком, осмелились бы себе позволить. Однако мы его сохранили, ибо оно является трогательным и убедительным показателем того уважения, с каким относились к нему все слои общества, и той легкости, с какой он находил путь ко всем сердцам и чувствам.

Был поздний час – много времени спустя, после того как мистер Тапмен и мистер Снодграсс заснули в сокровенных тайниках «Павлина», – когда два друга удалились на отдых. Дремота вскоре окутала сознание мистера Уинкля, но его чувства были взбудоражены и восхищение зажжено; и в течение многих часов, когда сон стер для него восприятие всех земных предметов, лицо и фигура любезной миссис Потт рисовались снова и снова его смятенному воображению.

Шум и суета, возвестившие о наступлении утра, могли вытеснить из головы самого романтического мечтателя в мире все ассоциации, кроме тех, которые непосредственно связывались с быстро приближавшимися выборами. Бой барабанов, звуки рожков и труб, крики людей и топот лошадей гулко проносились вдоль улиц с самого рассвета, а случайные стычки между застрельщиками обеих партий оживляли приготовления и вместе с тем приятно их разнообразили.

– Ну, Сэм, – сказал мистер Пиквик своему камердинеру, появившемуся в дверях спальни, когда он заканчивал свой туалет, – сегодня, кажется, весь город на ногах.

– Сущая потеха, сэр, – отвечал мистер Уэллер. – Наши собрались в «Городском Гербе» и уже надорвали себе глотки.

– А! – сказал мистер Пиквик. – До такой степени они преданы своей партии, Сэм?

– В жизни не видал такой преданности, сэр.

– Деятельные люди? – сказал мистер Пиквик.

– На редкость, – ответил Сэм. – Еще никогда не видал, чтобы люди столько ели и пили. Дивлюсь, как они не боятся лопнуть.

– Это излишняя доброта здешних помещиков, – заметил мистер Пиквик.

– Похоже на то, – коротко ответил Сэм.

– Они производят впечатление славных, свежих, здоровых ребят, – сказал мистер Пиквик, выглядывая из окна.

– Еще бы не свежих, – отозвался Сэм, – я с двумя лакеями из «Павлина» здорово откачивал независимых избирателей после их вчерашнего ужина.

– Откачивали независимых избирателей! – воскликнул мистер Пиквик.

– Ну, да, – ответил его слуга, – спали, где упали, утром мы вытащили их одного за другим и – под насос, а теперь они, регулярно, в полном порядке. По шиллингу с головы комитет выдал за эту работу.

– Быть не может! – воскликнул пораженный мистер Пиквик.

– Помилуй бог, сэр, – сказал Сэм, – где же это вас крестили, да не докрестили? Да это еще пустяки.

– Пустяки? – повторил мистер Пиквик.

– Сущие пустяки, сэр, – отвечал слуга. – Вечером накануне последних выборов противная партия подкупила служанку в «Городском Гербе», чтобы она фокус-покус устроила с грогом четырнадцати избирателям, которые остановились в гостинице и еще не голосовали.

– Что значит устроить фокус-покус с грогом? – осведомился мистер Пиквик.

– Подлить снотворного, – отвечал Сэм. – Будь я проклят, если она не усыпила их всех так, чтоб они опоздали на двенадцать часов к выборам! Одного для пробы положили на носилки и доставили к палатке, где голоса подавались, да не прошло – не допустили голосовать! Тогда его отправили обратно и опять уложили в постель.

– Странные приемы, – сказал мистер Пиквик, не то разговаривая сам с собой, не то обращаясь к Сэму.

– И наполовину не такие странные, сэр, как одно чудесное происшествие, что случилось с моим собственным отцом во время выборов в этом самом городе, – отозвался Сэм.

– А что такое? – полюбопытствовал мистер Пиквик.

– А вот, ездил он сюда прежде с каретой, – начал Сэм, – подошли выборы, одна партия и наняла его доставить избирателей из Лондона. Вечером, накануне отъезда, комитет другой партии посылает за ним потихоньку, он идет за посланным, тот вводит его в большую комнату... множество джентльменов, горы бумаг, перья, чернила и все такое. «А, мистер Уэллер, – говорит джентльмен, сидящий в кресле, – очень рад вас видеть, сэр, как

поживаете?» – «Очень хорошо, благодарю вас, сэр, – говорит отец, – надеюсь, и вы чувствуете себя недурно?» – «Ничего себе, благодарю вас, сэр, – говорит джентльмен, – присаживайтесь, мистер Уэллер... пожалуйста, присаживайтесь, сэр». Вот отец присаживается, и уставились они с джентльменом друг на друга. «Вы меня не помните?» – говорит джентльмен. «Не могу сказать, чтобы помнил», – говорит отец. «О, я вас знаю, – говорит джентльмен, – знал вас, когда вы мальчиком были», – говорит он. «Ну, а я вас не помню», – говорит отец. «Это очень странно», – говорит джентльмен. «Очень», – говорит отец. «Должно быть, у вас плохая память, мистер Уэллер», – говорит джентльмен. «Да, память очень плохая», – говорит отец. «Я так и думал», – говорит джентльмен. Ну, тут наливает он ему стакан вина и обхаживает его, говорит, как он, мол, хорошо лошадьми правит; отец, регулярно, разошелся, а под конец тот сует ему в руку билет в двадцать фунтов. «Очень плохая дорога отсюда до Лондона», – говорит джентльмен. «Местами дорога тяжелая», – говорит отец. «Особенно около канала, кажется», – говорит джентльмен. «Место пакостное, это правильно», говорит отец. «Ну-с, мистер Уэллер, – говорит джентльмен, – мы знаем, что кучер вы прекрасный и с лошадьми можете сделать что хотите. Все мы вас очень любим, мистер Уэллер; так что если произойдет несчастный случай, когда вы повезете сюда этих вот избирателей, и если они вывалятся в канал без вредных последствий, так эти деньги берите себе», – говорит он. «Джентльмен, вы очень добры, – говорит отец, – и за ваше здоровье я выпью еще стакан вина», – говорит он. Выпил, а потом спрятал деньги и откланялся. Вы не поверите, сэр, – продолжал Сэм, с невыразимым бесстыдством глядя на своего хозяина, что в тот самый день, как поехал он с этими избирателями, его карета и опрокинулась на том вот самом месте, и все до единого высыпались в канал.

– И все они благополучно выбрались оттуда? – быстро спросил мистер Пиквик.

– Как же... – очень медленно отвечал Сэм, – похоже на то, что одного старого джентльмена не досчитались, знаю, что нашли его шляпу, а не совсем уверен, была при ней его голова или нет. Но вот тут-то самое странное и удивительное совпадение, по-моему: после того, что сказал этот джентльмен, карета отца опрокинулась на том самом месте и в тот самый день!

– Да, несомненно, это очень странное обстоятельство, – сказал мистер Пиквик. – Но почистите-ка мне шляпу. Сэм, я слышу, что мистер Уинкль зовет меня завтракать.

С этими словами мистер Пиквик спустился в гостиную, где увидел, что завтрак подан и семья в сборе. Позавтракали на скорую руку; у каждого джентльмена шляпа была украшена огромной синей кокардой, сделанной прелестными ручками самой миссис Потт; так как мистер Уинкль вызвался сопровождать эту леди на крышу дома, смежного с платформой, то мистер Пиквик и мистер Потт отправились вдвоем в «Городской Герб», где из заднего окна один из членов комитета мистера Сламки обращался с речью к шести мальчишкам и одной девочке, величая их непрестанно внушительным титулом «мужей итенсуиллских», на что шесть вышеупомянутых мальчишек отвечали громкими криками.

Конный двор недвусмысленно свидетельствовал о славе и могуществе итенсуиллских Синих. Здесь была целая армия синих флагов – одни с одним древком, другие с двумя демонстрировали подобающие лозунги золотыми буквами в четыре фута длиною и соответствующей толщины. Здесь был большой оркестр из труб, фаготов и барабанов, по четыре музыканта в ряду; они добросовестно зарабатывали свои деньги, в особенности очень мускулистые барабанщики. Здесь были отряды констеблей[50] с синими жезлами, двадцать членов комитета с синими шарфами и толпа избирателей с синими кокардами. Здесь были избиратели верхом и избиратели пешие. Здесь была открытая коляска, запряженная четверкой, для почтенного Сэмюела Сламки; и здесь были четыре коляски, запряженные парой, для его друзей и приверженцев. Флаги шелестели, оркестр играл, констебли ругались, двадцать членов комитета препирались, толпа орала, лошади пятились, форейторы потели; все и все, что здесь собралось, старались исключительно ради пользы, выгоды, чести и славы

почтенного Сэмюела Сламки, из Сламки-Холла, одного из кандидатов для представительства города Итенсуилла в палате общин парламента Соединенного королевства.

Долго и громко раздавались крики «ура», и величественно шелестело одно из синих знамен с начертанными на нем словами: «Свобода печати», когда рыжая голова мистера Потта была замечена и одном из окон стоявшею внизу толпою; и безгранично возрос энтузиазм, когда сам почтенный Сэмюел Сламки, в сапогах с отворотами и в синем галстуке, выступил вперед, пожал руку вышеназванному Потту и мелодраматическими жестами демонстрировал перед толпой свою несказанную признательность «Итенсуиллской газете».

– Все ли готово? – спросил почтенный Сэмюел Сламки мистера Перкера.

– Все, уважаемый сэр, – был ответ маленького джентльмена.

– Ничего, надеюсь, не забыли? – сказал достопочтенный Сэмюел Сламки.

– Все сделано, уважаемый сэр, все до последней мелочи. На улице у двери находятся двадцать человек, хорошо вымытых, вы им пожмете руки, и шестеро грудных младенцев – вы их погладите по головке и спросите, сколько каждому из них месяцев. Будьте особенно внимательны к детям, уважаемый сэр, не забывайте, что это всегда производит огромное впечатление.

– Я об этом позабочусь, – сказал почтенный Сэмюел Сламки.

– И, пожалуй, уважаемый сэр, – добавил предусмотрительный маленький человек, – пожалуй, если бы вы *могл*и – я не говорю, что это обязательно, но если м вы могли *поцеловать одного из них*, это произвело бы огромное впечатление на толпу.

– Разве не тот же получится эффект, если это сделает пропонент или секундант? – осведомился почтенный Сэмюел Сламки.

– Боюсь, что нет, – отвечал агент, – если вы это сами сделаете, уважаемый сэр, мне кажется, это создаст вам большую популярность.

– Очень хорошо, – покорно сказал почтенный Сэмюел Сламки, – значит, это должно быть сделано. Вот и все.

– Стройтесь в процессию! – кричали двадцать членов комитета.

Под восторженные крики собравшейся толпы оркестр, констебли, члены комитета, избиратели, всадники и экипажи заняли свои места; в коляски влезло столько джентльменов, сколько могло уместиться в них стоя; а экипаж, предназначенный для мистера Перкера, вместил еще мистера Пиквика, мистера Тапмена и мистера Снодграсса, не считая полудюжины членов комитета.

Наступил момент страшного напряжения, когда процессия ждала, чтобы почтенный Сэмюел Сламки вошел в свой экипаж. Вдруг толпа разразилась громкими криками «ура».

– Вышел! – сказал маленький мистер Перкер чрезвычайно возбужденно, тем более что занимаемая ими позиция лишала его возможности видеть, что происходит впереди.

Новое «ура», еще громче.

– Пожимает руки! – крикнул маленький агент.

Новое «ура», еще сильнее.

– Гладит детей по головке, – сказал мистер Перкер, дрожа от волнения.

Взрыв аплодисментов потрясает воздух.

– Целует ребенка! – восхищенно воскликнул маленький джентльмен.

Второй взрыв.

– Целует другого! – задыхался взволнованный агент.

Третий взрыв.

– Целует всех! – взвизгнул восторженный маленький джентльмен.

И, приветствуемая оглушительными криками толпы, процессия тронулась в путь.

Каким образом и по каким причинам она смешалась с другой процессией и как в конце концов выпутались из сумятицы, за этим воспоследовавшей, описывать мы не беремся, тем более что в самом, начале суматохи шляпа мистера Пиквика одним толчком древка желтого знамени была нахлобучена ему на глаза, нос и рот. Когда ему удавалось хоть что-то разглядеть, – пишет он, вокруг себя он видел злобные физиономии, огромное облако пыли и густую толпу сражающихся. Он описывает, как был выброшен из экипажа какою-то невидимой силой и лично принял участие в кулачной расправе, но с кем, как и почему он решительно не в состоянии установить. Затем он почувствовал, как стоявшие сзади подтолкнули его на какие-то деревянные ступеньки, и, водрузив шляпу на место, он оказался в кругу друзей в самых первых рядах левого крыла платформы. Правое было предоставлено партии Желтых, а центр – мэру и его чиновникам, один из коих – толстый герольд Итенсуилла – звонил в колокольчик необычайных размеров, дабы воцарилась тишина. Тем временем мистер Горацио Физкин и почтенный Сэмюел Сламки, прижимая руки к сердцу, кланялись с величайшей приветливостью взбаламученному морю голов, затопившему открытое перед ними пространство, откуда поднималась такая буря стонов, криков, воплей и улюлюканья, которая сделала бы честь землетрясению.

– А вот и Уинкль! – сказал мистер Тапмен, потянув своего друга за рукав.

– Где? – спросил мистер Пиквик, надевая очки, которые, по счастью, хранил до сей поры в кармане.

– Вон там, – ответил мистер Тапмен, – на крыше того дома.

И действительно, в свинцовом желобе черепичной крыши комфортабельно восседали на двух стульях мистер Уинкль и миссис Потт, размахивая носовыми платками в знак приветствия, – любезность, на которую мистер Пиквик ответил, послав леди воздушный поцелуй.

Процедура еще не началась; а так как праздная толпа обычно расположена к шуткам, то достаточно было этого невинного поступка, чтобы их вызвать.

– Ах он старый греховодник, – кричал чей-то голос, – волочится за девчонками!

– Ого, достопочтенный плут! – подхватил другой.

– Напялил очки – замужнюю женщину разглядывать! – кричал третий. – Да он подмигивает ей своим блудливым глазом! – орал четвертый.

– Присматривай за женою, Потт! – ревел пятый.

За этим последовал взрыв смеха.

Так как эти насмешки сопровождались возмутительными сравнениями мистера Пиквика со старым бараном и различными остротами в таком же духе и вдобавок угрожали задеть репутацию ни в чем не повинной леди, возмущение мистера Пиквика достигло наивысшей степени; но в эту минуту раздался призыв к соблюдению тишины, и он удовлетворился тем, что опалил толпу взглядом, выражавшим сожаление о такой развращенности их умов; в ответ на это раздался еще более буйный хохот.

– Тише! – орали спутники мэра.

– Уиффин, водворите спокойствие! – распорядился мэр с торжественным видом, приличествующим его высокому положению.

Подчиняясь приказанию, герольд исполнил второй концерт на колокольчике, после чего какой-то джентльмен в толпе крикнул: «Пышки, пышки!» – что послужило поводом к новому взрыву смеха.

– Джентльмены! – выкрикнул мэр, напрягая изо всех сил голос. – Джентльмены! Собратья, избиратели города Итенсуилла! Мы сошлись здесь сегодня, чтобы избрать представителя на место нашего покойного...

Тут речь мэра была прервана голосом из толпы.

– Да здравствует мэр! – кричал кто-то. – И пускай он не покидает своей скобяной лавки, где выколачивает денежки!

Этот намек на профессиональные занятия оратора был встречен бурей восторга, которая под аккомпанемент колокольчика заглушила продолжение речи оратора, за исключением последней фразы, выражавшей благодарность собравшимся за терпеливое внимание, с которым они выслушали его от начала до конца, каковое изъявление благодарности вызвало новый взрыв ликования, не затихавший в течение четверти часа.

Засим высокий худой джентльмен в белом и очень жестком галстуке, после настойчивых пожеланий толпы, чтобы он «послал домой узнать, не оставил ли он свой голос под подушкой», попросил разрешения назвать самое подходящее лицо для представительства в парламенте. И когда он провозгласил, что таковым является Горацио Физкин, эсквайр из Физкин-Лоджа, близ Итенсуилла, физкивисты зааплодировали, а сламкисты орали так долго и так оглушительно, что и он и секундант могли бы с успехом вместо речи затянуть веселые куплеты, – никто бы этого и не заметил.

После того как друзья Горацио Физкина, эсквайра, закончили свое выступление, невысокий раздражительный краснолицый джентльмен вышел вперед и предложил другое самое подходящее лицо для представительства в парламенте от избирателей Итенсуилла; и краснолицый джентльмен преуспел бы в этом как нельзя лучше, не будь он слишком раздражителен, чтобы должным образом отвечать на веселье толпы. По после нескольких выразительных фраз краснолицый джентльмен перешел от изобличения тех голосов в толпе, которые его прерывали, к обмену дерзостями с джентльменами на платформе; вслед за сим поднялся такой рев, который привел его к необходимости выразить свои чувства энергической пантомимой, что он и сделал, уступая место секунданту, который читал речь по рукописи в течение получаса, и его нельзя было остановить, потому что он передал ее уже в «Итенсуиллскую газету», и «Итенсуиллская газета» напечатала ее от слова до слова.

Затем Горацио Физкин, эсквайр из Физкин-Лоджа, близ Итенсуилла, появился собственной персоной, чтобы лично обратиться к избирателям. Едва он выступил, как оркестр, нанятый почтенным Сэмюелом Сламки, заиграл с такой силой, в сравнении с которой утренняя его энергия была ничтожна; в ответ на это Желтая толпа начала обрабатывать головы Синей толпы, а Синяя толпа попыталась освободиться от неприятного соседства Желтой толпы; после чего воспоследовала толкотня, борьба и свалка, воздать должное коим мы можем не в большей мере, чем мог воздать мэр, хотя он и отдал строгий приказ двенадцати констеблям схватить зачинщиков, число которых простиралось примерно до двухсот пятидесяти человек. По мере развития этих событий ярость и бешенство Физкина, эсквайра из Физкин-Лоджа, и его друзей возрастали, пока, наконец, Горацио Физкин, эсквайр из Физкин-Лоджа, не обратился с вопросом к своему противнику, почтенному Сэмюелу Сламки из Сламки-Холла, не играет ли оркестр с его согласия, и когда почтенный Сэмюел Сламки уклонился от ответа, Горацио Физкин, эсквайр из Физкин-Лоджа, потряс кулаком перед лицом почтенного Сэмюела Сламки из Сламки-Холла; после чего почтенный Сэмюел Сламки, чья кровь вскипела, вызвал Горацио Физкина, эсквайра, на смертный поединок. При этом нарушении всех известных правил и прецедентов мэр скомандовал исполнить новую фантазию на председательском колокольчике и объявил, что прикажет привести к себе обоих – Горацио Физкина, эсквайра из Физкин-Лоджа, и почтенного Сэмюела Сламки из Сламки-Холла – и заставит их поклясться в сохранении мира. В ответ на это грозное предостережение в дело вмешались сторонники обоих кандидатов, и после того как приверженцы двух партий проспорили друг с другом в течение трех четвертей часа, Горацио Физкин, эсквайр, коснулся своей шляпы и взглянул на почтенного Сэмюела Сламки; почтенный Сэмюел Сламки коснулся своей шляпы и взглянул на Горацио Физкина, эсквайра; оркестр умолк; толпа несколько успокоилась, и Горацио Физкину, эсквайру, было позволено продолжать свою речь.

Речи обоих кандидатов, хотя и отличались одна от другой во всех прочих отношениях, воздавали цветистую дань заслугам и высоким достоинствам итенсуиллских избирателей. Каждый выражал убеждение, что более независимых, более просвещенных, более горячих в делах общественных, более благородно мыслящих, более неподкупных людей, чем те, кто обещал за него голосовать, еще не видел мир; каждый туманно высказывал свои подозрения, что избиратели, действующие в противоположных ему интересах, обладают скотскими слабостями и одурманенной головой, лишающей их возможности выполнить важнейшие обязанности, на них возложенные. Физкин выразил готовность делать все, что от него потребуют; Сламки – твердое намерение не делать ничего, о чем бы его ни просили. Оба говорили о том, что торговля, промышленность, коммерция, процветание Итенсуилла ближе их сердцам, чем что бы то ни было на свете; и каждый располагал возможностью утверждать с полной уверенностью, что именно он – тот, кто подлежит избранию.

Был произведен подсчет поднятых рук; мэр решил в пользу почтенного Сэмюела Сламки из Сламки-Холла. Горацио Физкин, эсквайр из Физкин-Лоджа, потребовал поименной подачи голосов, и поименная подача голосов была назначена. Засим голосовали выражение благодарности мэру за то, что он безупречно председательствовал, а мэр, искренне желая безупречно *председательствовать (ибо в течение всей церемонии ой стоял)*, поблагодарил собравшихся. Процессии перестроились, экипажи медленно проехали сквозь толпу, а толпа, отдаваясь своим чувствам, вопила и кричала вслед все, что ей заблагорассудится.

Пока происходили выборы, город пребывал в лихорадочном возбуждении. Все было проведено в самом либеральном и очаровательном стиле. Продукты, подлежащие акцизу, продавались во всех трактирах удивительно дешево, рессорные фургоны разъезжали по улицам для удобства избирателей, охваченных временным головокружением, – эта эпидемия распространилась среди избирателей во время избирательной борьбы в самых устрашающих размерах, вследствие чего на каждом шагу можно было видеть избирателя, возлежавшего на мостовой в состоянии полного бесчувствия. Небольшая группа избирателей воздерживалась от участия в избирательной кампании до самого последнего момента. Это были расчетливые и рассудительные люди, все еще не убежденные доводами ни одной из партий, хотя они и совещались часто с обеими. За час до конца подача голосов мистер Перкер стал домогаться чести приватного свидания с этими людьми, понятливыми, благородными; согласие на свидание было дано. Доводы мистера Перкера были кратки, но убедительны. Эти люди отправились к месту подачи голосов всей группой; а когда избиратели оттуда выбрались, почтенный Сэмюел Сламки из Сламки-Холла оказался выбранным.

ГЛАВА XIV,

содержащая, краткое описание компании, собравшейся в «Павлине», и повесть, рассказанную торговым агентом

От созерцания борьбы и сутолоки политической жизни приятно обратиться к безмятежному покою жизни семейной. Не будучи по существу рьяным приверженцем ни единой из партий, мистер Пикник тем не менее заразился энтузиазмом мистера Потта настолько, что все свое время и внимание отдавал делам, описание которых дано в последней главе, составленной на основании его собственных заметок. Пока он был поглощен этим занятием, не терял времени даром и мистер Уиккль, – он посвящал его приятным прогулкам и маленьким загородным экскурсиям с миссис Потт, не упускавшей случая скрасить томительное однообразие жизни, на которое она постоянно жаловалась. Таким образом, оба эти джентльмена прижились в доме редактора, в то время как мистер Тапмен и мистер Снодграсс были в значительной степени предоставлены самим себе. Питая весьма слабый интерес к делам общественным, они коротали свой досуг главным образом за теми развлечениями, какие можно было найти в «Павлине» и которые ограничивались китайским бильярдом, находившимся в первом этаже, и кегельбаном, удаленным на задний двор. В тайну и прелесть этих двух игр, куда более туманных, чем предполагают простые смертные, посвятил их мистер

Уэллер, в совершенстве постигший такого рода забавы. Благодаря этому они могли коротать время и не ощущать гнетущей его тяжести, хотя и были большей частью лишены полезного и приятного общества мистера Пиквика.

Однако всего занятнее бывало в «Павлине» по вечерам, что заставляло двух друзей отклонять даже приглашения даровитого, хотя и скучного Потта. Как раз по вечерам «коммерческая комната» служила местом сборища для кружка людей, чьи характеры и нравы с наслаждением наблюдал мистер Тапмен, чьи слова и дела имея обыкновение заносить в свою книжку мистер Снодграсс.

Всем известно, что такое комнаты для торговых агентов. Комната в «Павлине» по существу ничем не отличилась от такого рода помещений: иными словами, это была большая комната, скудно убранная, обстановка которой в прежние времена была несомненно лучше, чем теперь, – с огромным столом посредине и множеством столиков по углам, с обширной коллекцией разнокалиберных стульев и старым турецким ковром, который занимал в этой просторной комнате столько же места, сколько занял бы дамский носовой платок, разостланный на полу караульни. Две-три огромные географические карты украшали стены; в углу на длинном ряде колышков болтались неуклюжие, пострадавшие от непогоды балахоны с замысловатыми капюшонами. Каминная полка была украшена деревянной чернильницей с огрызком пера внутри и с половинкой облатки на ней, путеводителем и адресной книгой, историей графства без переплета и останками форели в стеклянном гробу. Воздух был насыщен табачным дымом, который придавал грязноватую окраску всей комнате, а в особенности пыльным красным занавескам на окнах. Буфетная служила пристанищем для самых разнообразных предметов, среди которых наибольшее внимание обращали на себя судок с очень мутной соеей, козлы, два-три кнута, столько же дорожных пледов, поднос с ножами и вилками и горчица.

Здесь-то и пребывали мистер Тапмен и мистер Снодграсс вечером по окончании выборов, вместе с другими временными обитателями гостиницы проводя досуг за куреньем и выпивкой.

– Ну-с, джентльмены, – сказал дородный, крепкий мужчина лет сорока, об одном глазе – очень блестящем черном глазе, который поблескивал и плутовски и добродушно, – ну-с, джентльмены, выпьем за наши собственные благородные особы. Я всегда предлагаю компании этот тост, а сам пью за здоровье Мэри. Верно, Мэри?

– Не приставайте ко мне, противный! – отозвалась служанка, явно польщенная комплиментом.

– Не уходите, Мэри, – продолжал человек с черным глазом.

– Отстаньте, нахал! – оборвала юная особа.

– Не горюйте, Мэри! – крикнул одноглазый, когда девушка вышла из комнаты. – Скоро я к вам приду. Будьте бодрее, милочка!

Тут он без особых затруднений начал подмигивать всей компании единственным глазом, к превеликому удовольствию пожилого субъекта с грязной физиономией и глиняной трубкой.

– Забавные создания – эти женщины, – сказал грязнолицый субъект, когда водворилось молчание.

– Да, что и говорить, – откликнулся, затягиваясь сигарой, человек с багровым лицом.

После этих философических замечаний разговор снова оборвался.

– А все-таки, есть на свете вещи и почуднее женщины, – сказал человек с черным глазом, медленно набивая большую голландскую трубку с очень вместительной головкой.

– Вы женаты? – осведомился человек с грязным лицом.

– Не могу сказать этого о себе.

– Я так и думал.

И грязнолицый радостно захохотал над своею же собственной репликой, а его примеру последовал человек с мягким голосом и благодушной физиономией, который считал своим долгом соглашаться со всеми.

– А все-таки, джентльмены, – сказал восторженный мистер Снодграсс, – в нашей жизни женщины являются великой опорой и утешением!

– Совершенно верно! – тотчас же согласился благодушный джентльмен.

– Когда они в хорошем расположении духа, – вставил грязнолицый.

– И это верно, – сказал благодушный.

– Я восстаю против такой оговорки, – возразил мистер Снодграсс, чьи мысли мгновенно обратились к Эмили Уордль, – восстаю с презрением... с негодованием. Покажите мне человека, который смеет говорить против женщин как таковых, и я ему напрямик скажу, что он – не мужчина!

И мистер Снодграсс вынул изо рта сигару и энергически ударил кулаком по столу.

– Вот это прекрасный довод, – объявил благодушный.

– Довод, включающий положение, которое я отрицаю, – перебил субъект с грязной физиономией.

– И ваше замечание также весьма справедливо, сэр, – сказал благодушный.

– За ваше здоровье, сэр! – воскликнул одноглазый торговый агент, одобрительно кивая мистеру Снодграссу.

Мистер Снодграсс поблагодарил.

– Всегда люблю послушать хорошие доводы, – сказал торговый агент, – убедительные, вроде вашего... очень поучительно. Ну, а этот маленький спор о женщинах напомнил мне одну историю, которую я слыхал от старика дяди. Вот потому-то я и заметил, что бывают на свете вещи почуднее женщин.

– Хотел бы я услышать эту историю, – заметил краснолицый человек с сигарой.

– Да ну? – лаконически отозвался агент, продолжая курить с большим увлечением.

– Хотел бы и я послушать, – сказал мистер Тапмен, до сей поры не раскрывавший рта.

Он всегда стремился расширить свой кругозор.

– И вам хотелось бы? Ну, в таком случае я расскажу. А впрочем, нет!.. Знаю, что вы все равно не поверите, – объявил человек с плутовским глазом, сообщая этому органу на сей раз еще более плутовское выражение.

– Конечно, поверю, раз вы говорите, что это правда, – возразил мистер Тапмен.

– Ну-с, на таких условиях я начну рассказ, – ответил агент. – Слыхали вы когда-нибудь о крупной торговой фирме «Билсон и Сдам»? А впрочем, неважно, если и не слыхали, потому что они давненько уже ее прикрыли. Восемьдесят лет прошло с тех пор, как приключилась эта история с агентом фирмы «Билсон и Сдам», а был он закадычным другом моего дяди, и дядя рассказал эту историю мне. У нее странное название, но обыкновенно он ее называл:

«ПРИКЛЮЧЕНИЕ ТОРГОВОГО АГЕНТА»

и рассказывал ее примерно так:

«Однажды зимним вечером, часов в пять, когда только-только начало смеркаться, на дороге, что тянется по песчаным холмам Мальборо[51] в направлении к Бристолю, можно было увидеть человека в двуколке, понукавшего усталую лошадь. Я говорю – можно было увидеть, и не сомневаюсь, что его и увидали бы, случись здесь проходить кому-нибудь, кто не слеп; но погода была такая скверная, а вечер такой сырой и холодный, что на дороге не было ничего,

кроме воды, и путник подвигался помаленьку вперед посредине дороги, одинокий и порядком приунывший. Если бы какой-нибудь торговый агент тех времен заметил маленькую ненадежную двуколку с кузовом цвета глины и красными колесами, а также злую, норовистую гнедую рысистую кобылу, которая, казалось, происходила от лошади мясника и пони двухпенсового почтальона, он сразу узнал бы в этом путнике не кого иного, как Тома Смарта из крупной фирмы „Билсон и Сдам‟, Кейтетон-стрит, Сити. Но так как ни один торговый агент его не видел, то никто ничего об этом и не знал; и вот Том Смарт, его двуколка цвета глины, с красными колесами, и злая рысистая кобыла подвигались вместе вперед, храня про себя свою тайну; и никому никакой прибыли от этого не было.

Даже на нашей скучной планете есть много мест получше, чем холмы Мальборо, когда там дует сильный ветер. А если вы сюда еще прибавите пасмурный зимний вечер, грязную мокрую дорогу и проливной дождь да еще испытаете их действие на собственной персоне, вы оцените глубокий смысл этого замечания. Ветер дул не в лицо и не в спину, – хотя и это не особенно приятно, – а как раз поперек дороги, так что дождь лил струями, косыми, как линейки, которые проводят в школьных тетрадках, чтобы мальчики хорошо писали косым почерком. На секунду ветер стихал, и путник начинал обольщаться надеждой, что ураган, истощив запас злости, прилег на отдых, как вдруг ууу! – вдали раздавался вой и свист, и ветер мчался над вершинами холмов, рыскал по равнине и, напрягая все силы по мере своего приближения, в бурном порыве обрушивался на лошадь и человека, забивал им в уши острые струи дождя и пронизывал до костей своим холодным, сырым дыханием. Покинув их, он уносился далеко-далеко, с оглушительным ревом, словно высмеивая их слабость и упиваясь сознанием своей силы и могущества.

Гнедая кобыла, опустив уши, шлепала по воде и по грязи, изредка потряхивая головой, точно она возмущалась этим неджентльменским поведением стихий, однако не замедляла шага, пока порыв ветра, своим бешенством превосходивший все прежние атаки, не заставил ее вдруг остановиться и твердо упереться всеми четырьмя ногами в землю, чтобы ее не сдуло ветром. И это счастье, что она так поступила, ибо злая кобыла была такой легкой, двуколка была такой легкой да и Том Смарт был такого легкого веса, что, если бы ветер сдул ее, им всем вместе неизбежно пришлось бы катиться и катиться, пока они не достигнут края земли или ветер не стихнет; и в том и в другом случае весьма вероятно, что злая кобыла, двуколка цвета глины, с красными колесами, и Том Смарт оказались бы в дальнейшем непригодными к работе.

– Черт бы побрал мои штрипки и баки! – говорит Том Смарт (у Тома была прескверная привычка ругаться). – Черт бы побрал мои штрипки и баки, – говорит Том, – если кому-нибудь эта погода приятна, черт бы ее поддувал!

Вероятно, вы меня спросите, почему Том Смарт, которого и так уже чуть было не сдуло, изъявил желание еще раз подвергнуться той же процедуре. На это я ответить не могу, знаю только, что так выразился Том Смарт, – по крайней мере дяде моему он всегда рассказывал, что выразился точь-в-точь так, стало быть, так оно есть.

– Черт бы ее поддувал! – говорит Том Смарт, и кобыла заржала, как будто и она была точно такого же мнения.

– Бодрей, старушка! – сказал Том, поглаживая кнутом шею гнедой кобылы.

– Так мы далеко не уедем в такую погодку. Только бы нам до какого-нибудь дома добраться, там мы и остановимся, а потому, чем быстрее ты пойдешь, тем скорее это кончится. Ну-ну, старушка, поживей... поживей!

Умела ли злая кобыла, хорошо знавшая голос Тома, угадывать его мысли по интонации, или она убедилась, что стоять на месте холоднее, чем двигаться, на это я, конечно, не могу ответить. Но вот что мне известно: не успел Том выговорить последнее слово, как она навострила уши и понеслась с такой быстротой и помчала двуколку цвета глины с таким

грохотом, что, казалось, красные спицы колес все до единой разлетятся по траве, покрывавшей холмы Мальборо; и даже Том – уж на что был кучер! – не мог ее остановить или придержать, пока она по собственному желанию не остановилась перед гостиницей, справа от дороги, на расстоянии около четверти мили от того места, где кончаются холмы.

Том бросил вожжи конюху, сунул кнут в козлы и быстро окинул взглядом верхние окна дома. Это был своеобразный старый дом, сложенный из каких-то камней, между которыми были вставлены перекрещивавшиеся балки, с выступавшими фронтонами над окнами, с низкой дверью под темным навесом и с двумя крутыми ступенями, ведущими вниз, вместо той полдюжины низких ступенек, которые в домах нового фасона ведут вверх. Впрочем, дом казался уютным: в окно буфетной был виден яркий приветливый свет, блестящая полоса которого пересекала дорогу и освещала даже живую изгородь по другую сторону ее; в окне напротив виднелся красный мерцающий свет, который то угасал, то вспыхивал ярко, пробираясь сквозь спущенные занавески и свидетельствуя о том, что в камине пылает огонь. От глаз опытного путешественника не ускользнули эти мелочи, и Том выскочил из двуколки с быстротой, на какую только были способны его окоченевшие ноги, и вошел в дом.

Пяти минут не прошло, как он уже расположился в комнате напротив буфетной – в той самой комнате, где воображение еще раньше нарисовало ему пылающий камин, – и сидел перед подлинным, осязаемым буйным огнем, в который был брошен чуть ли не бушель угля и такое количество хвороста, что его хватило бы на несколько приличных кустов крыжовника, – хвороста, нагроможденного чуть ли не до каминной трубы, где огонь гудел и трещал так, что от одних звуков должно было согреться сердце у всякого разумного человека. Было очень уютно, но это еще не все: кокетливо одетая девушка с блестящими глазками и изящными ножками покрывала стол очень чистой белой скатертью; а так как Том сидел, положив ноги в туфлях на каминную решетку, спиною к открытой двери, он видел в зеркале над камином чарующую перспективу буфетной, где в самом соблазнительном и аппетитном порядке стояли на полках ряды зеленых бутылок с золотыми ярлыками, банок с пикулями и вареньем, сыров, вареных окороков и ростбифов. Это также было уютно, но и это еще не все: в буфетной за самым изящным столиком, придвинутым к самому яркому камельку, пила чай полная и красивая вдовушка лет сорока восьми или в этом роде, с лицом таким же уютным, как буфетная, – несомненно хозяйка заведения и верховная правительница всех этих приятных владений. Однако только темное пятно портило очаровательную картину, и этим пятном был рослый мужчина очень рослый, в коричневом сюртуке с блестящими узорчатыми металлическими пуговицами, мужчина с черными баками и черными волнистыми волосами, распивавший чай вместе с вдовою и, как всякий мало-мальски проницательный наблюдатель мог догадаться, довольно успешно склонявший вдову перестать быть вдовою и даровать ему право усесться в буфетной на весь остаток его земного бытия.

Том Смарт отнюдь не отличался раздражительным или завистливым нравом, но бог весть почему этот рослый мужчина в коричневом сюртуке с блестящими узорчатыми металлическими пуговицами взбудоражил тот небольшой запас желчи, какой входил в его состав, и привел Тома Смарта в крайнее негодование, в особенности когда он со своего места перед зеркалом время от времени замечал, что между рослым мужчиною и вдовою совершается обмен фамильярными любезностями, позволявшими предполагать, что расположение вдовы к нему отличается такими же размерами, как и его рост. Том любил горячий пунш – я даже могу сказать, что он очень любил горячий пунш, – и вот, позаботившись о том, чтобы норовистая кобыла получила хороший корм и стойло, и оказав честь превосходному маленькому обеду, который вдова подала ему собственноручно, Том потребовал стакан пунша для пробы. Ну, а если было что-нибудь во всей области кулинарного искусства, что вдова умела приготовлять лучше всего прочего, то это был именно названный напиток; первый стакан так пришелся по вкусу Тому Смарту, что он, не теряя времени, потребовал второй. Горячий пунш – приятный напиток, джентльмены, весьма приятный напиток при любых обстоятельствах, а в этой уютной

старой гостиной, перед огнем, гудевшим в камине, когда ветер снаружи дул с такой силой, что трещали балки старого дома, Том Смарт нашел его поистине восхитительным. Он потребовал еще стакан, а затем еще, – кто его знает, не потребовал ли он после этого еще один, – но чем больше он пил горячего пунша, тем больше думал о рослом мужчине.

– Черт бы его побрал, этого нахала! – сказал самому себе Том. – Что ему тут делать в этой уютной буфетной? Ну, и подлая же у него рожа! Будь у вдовы больше вкуса, она могла бы подцепить кого-нибудь получше.

Тут Том перевел глаза от зеркального стекла над камином к стеклянному стакану на столе; а так как он тем временем расчувствовался, то и осушил четвертый стакан пунша и потребовал пятый.

Том Смарт, джентльмены, тяготел к тому, чтобы быть на виду. Давненько уже мечтал он расположиться за своей собственной стойкой, в зеленом сюртуке, коротких полосатых штанах и сапогах с отворотами. У него была большая склонность председательствовать за веселым обедом, и он часто думал о том, как отличился бы он за разговором в своем собственном трактире и какой блестящий пример мог бы подать своим клиентам по части выпивки. Все эти мысли проносились в голове Тома, когда он сидел у гудящего камина, попивая горячий пути, и он почувствовал весьма справедливое и уместное негодование по поводу того, что у рослого мужчины все шансы завладеть таким прекрасным заведением, тогда как он, Том Смарт, был так далек от этого. Наконец, рассмотрев за двумя последними стаканами вопрос о том, нет ли у него полного основания затеять ссору с рослым мужчиной, ухитрившимся снискать расположение полной и красивой вдовы. Том Смарт пришел к приятному заключению, что он – несчастный, всеми обиженный человек и лучше всего ему лечь спать.

Кокетливая девушка повела Тома наверх по широкой старинной лестнице, по пути заслоняя рукою свечу от сквозного ветра, который мог бы, и не задувая свечи, найти себе место для прогулок в этом старом доме, где можно было заблудиться. Но он все-таки не задул, и этим воспользовались враги Тома, утверждая, будто свечу задул не ветер, а Том, и будто, когда он делал вид, что хочет ее зажечь, он на самом деле целовал девушку. Как бы ни было, новый свет был возжен, и Тома препроводили по лабиринту комнат и коридоров в помещение, приготовленное для его особы; девушка, пожелав ему спокойной ночи, удалилась.

Это была хорошая, просторная комната с большими стенными шкафами, кроватью, которая могла служить ложем для целого пансиона, и – стоит ли упоминать? – еще с двумя дубовыми шкафами, в которых поместился бы обоз маленькой армии. Но больше всего воображение Тома было потрясено странным, мрачного вида креслом с высокой спинкой, самой фантастической резьбой, с подушкой, обитой розовой материей с разводами; ножки его заканчивались круглыми шишками, старательно обернутыми красной шерстяной материей, словно это были пальцы, пораженные подагрой. Про всякое другое необычное кресло Том подумал бы только: „Какое чудное кресло", – и делу конец, но в этом исключительном кресле было что-то – хотя он не мог бы сказать, что именно, столь странное и столь непохожее на все другие предметы меблировки, которые он когда-либо видел, что оно, казалось, зачаровывало его. Он сел у камина и около получаса пялил глаза на старое кресло. Черт бы его побрал, это кресло!

Такое это было старое чудовище, что он не мог глаз от него оторвать.

– Ну, – сказал Том, медленно раздеваясь и ни на минуту не спуская глаз со старого кресла, которое с таинственным видом стояло у кровати, – сколько живу на свете, не видывал такой диковинной штуки! Очень странно, – продолжал Том, рассудительность которого возросла от пунша, – очень странно!

Том глубокомысленно покачал головой и снова взглянул на кресло. Впрочем, он так ничего и не мог понять, а потому улегся в постель, укрылся потеплее и заснул.

Через полчаса Том вздрогнул и проснулся – ему привиделся нелепый сон: рослые мужчины и стаканы с пуншем; первое, что представилось его бодрствующему сознанию, было удивительное кресло.

– Не буду больше на него смотреть, – сказал Том, зажмурился и стал себя убеждать, что опять засыпает. Не тут-то было: диковинные кресла плясали перед его глазами, брыкались, перепрыгивали друг через друга и всячески дурачились.

– Лучше уж смотреть на одно настоящее кресло, чем на несколько дюжин фальшивых, – сказал Том, высовывая голову из-под одеяла.

Оно стояло на месте; при свете камина можно было ясно различить его вызывающий вид.

Том пристально рассматривал кресло, и вдруг на его глазах с ним произошло изумительное превращение. Резьба на спинке постепенно приняла очертания и выражение старого, сморщенного человеческого лица, подушка, обитая розовой материей, стала старинным жилетом с отворотами, круглые шишки разрослись в пару ног, обутых в красные суконные туфли, и все кресло превратилось в подбоченившегося, очень безобразного старика, джентльмена прошлого века. Том уселся в постели и протер глаза, чтобы избавиться от наваждения. Но не тут-то было! Кресло стало безобразным старым джентльменом, и – мало того – сей джентльмен подмигивал Тому Смарту.

Том по природе своей был парень вспыльчивый и беззаботный, а к тому же выпил пять стаканов горячего пунша, поэтому хотя он и струхнул, однако же начал сердиться, заметив, что старый джентльмен с таким бесстыдным видом подмигивает ему и строит глазки. Наконец, он решил, что больше этого не потерпит; а так как старая рожа продолжала настойчиво подмигивать, Том сердитым голосом спросил:

– Какого черта вы мне подмигиваете?

– Мне это доставляет удовольствие, Том Смарт, – ответило кресло или старый джентльмен (называйте как хотите).

Впрочем, услышав голос Тома, он перестал подмигивать и начал скалить зубы, как престарелая обезьяна.

– Откуда вы знаете мое имя, старая образина? – спросил Том Смарт, несколько озадаченный, но делая вид, будто это ему нипочем.

– Ну-ну, Том! – сказал старик. – Так не разговаривают с солидным красным деревом из Испании. Будь я обшит простой фанерой, вы не могли бы хуже со мной обращаться!

При этом у старого джентльмена был такой грозный вид, что Том струсил.

– У меня и в мыслях не было оскорблять вас, сэр, – сказал Том куда смирнее, чем говорил вначале..

– Ладно, ладно, – отозвался старик, – быть может, и так... быть может, и так. Том...

– Сэр?

– Я все о вас знаю, Том... все. Вы бедны, Том.

– Да, что и говорить, – согласился Том. – Но откуда вы это знаете?

– Неважно, – сказал старый джентльмен. – Вы слишком любите пунш, Том.

Том Смарт хотел было сообщить, что даже и капли не отведал с прошлогоднего дня рождения, но, когда встретился глазами со старым джентльменом, у того был такой проницательный вид, что Том вспыхнул и промолчал.

– Том, – продолжал старый джентльмен, – а ведь вдова-то красивая женщина... на редкость красивая женщина, а, Том?

Тут старик закатил глаза к небу, дрыгнул худенькой ножкой и скроил такую противную влюбленную мину, что Том возмутился его легкомысленным поведением... В таком преклонном возрасте!

– Я – ее опекун, Том, – сказал старый джентльмен.

– Вот как! – отозвался Том Смарт.

– Я знал ее мать. Том, – сказал старик, – и бабушку. Она меня очень любила, Том... сшила мне этот жилет.

– Вот как! – отозвался Том Смарт.

– И эти туфли, – добавил старикашка, приподнимая одну из красных суконных обмоток. – Но вы и не заикайтесь об этом, Том. Не хочется мне, чтобы всем стало известно, как она была ко мне привязана. Это может вызвать недоразумения в семье.

У старого плута был такой нахальный вид, что Том Смарт готов был усесться на него без всяких угрызений совести, о чем он сам заявлял впоследствии.

– Было время, когда я имел большой успех у женщин, Том, – продолжал старый распутник, – сотни красивых женщин часами сиживали у меня на коленях. Что вы на это скажете, бездельник, а?

Старый джентльмен собирался рассказать о своих похождениях в дни юности, но тут напал на него такой мучительный приступ потрескиванья, что он не в силах был продолжать.

„Поделом тебе, старый хрыч", – подумал Том Смарт, но ни словечка не проронил.

– Ах! – снова начал старик. – Теперь я частенько этим страдаю. Я старею, Том, я разваливаюсь, можно сказать, на части. И вдобавок я перенес операцию – мне вставили какой-то кусочек в спину. Это было суровое испытание, Том.

– Охотно верю, сэр, – отозвался Том Смарт.

– А впрочем, это к делу не относится, – заметил старый джентльмен. – Том! Я хочу, чтобы вы женились на вдове.

– Я, сэр? – сказал Том.

– Вы, – подтвердил старик.

– Бог да благословит ваши почтенные седины! – сказал Том (у старика еще сохранились пучки конского волоса). – Бог да благословит ваши почтенные седины, но она меня не захочет.

И Том невольно вздохнул, вспомнив о буфетной.

– Не захочет? – резко переспросил старый джентльмен.

– Вот именно! – сказал Том. – У нее другой на примете. Рослый мужчина, чертовски рослый мужчина, с черными баками.

– Том, – заявил старый джентльмен, – она ему никогда не достанется.

– Не достанется? – переспросил Том. – Если бы вы, сэр, стояли в буфетной, вы говорили бы другое.

– Вздор, вздор! – перебил старый джентльмен. Я все это знаю.

– Что? – спросил Том.

– Поцелуи за дверью и тому подобное, Том, – сказал старый джентльмен.

И он слова бесстыдно подмигнул, что очень разозлило Тома, потому что, как вы знаете, джентльмены, неприятно бывает слушать, когда о таких вещах рассуждает старик, которому пора уж взяться за ум... Хуже быть ничего не может.

– Я все об этом знаю, Том, – продолжал старый джентльмен. – Насмотрелся на своем веку, и столько парочек перевидал, Том, что даже говорить вам не хочу. А кончалось это всегда пустяками.

– Должно быть, вы видели много любопытного, – заметил Том, бросив на него проницательный взгляд.

– Можете в этом не сомневаться, Том, – ответил старик, очень хитро подмигивая. – Я – последний представитель нашей семьи, Том, – добавил он с меланхолическим вздохом.

– А семья была большая? – спросил Том Смарт.

– Нас было двенадцать молодцов, Том, – ответил старый джентльмен, славные, красивые ребята с прямыми спинками – просто загляденье! Не то что ваши теперешние недоноски. Все мы были с ручками и отполированы так, что сердце радовалось, – но, может быть, мне не следует так говорить о себе.

– А где же остальные, сэр? – осведомился Том Смарт.

Старый джентльмен потер локтем глаз и ответил:

– Скончались, Том, скончались. Служба у нас была тяжелая, Том, и не все отличались моим сложением. У них начались ревматические боли в ногах и руках, и их отправили на кухню и в другие больницы. А один из них от долгой службы и грубого обращения буквально лишился рассудка – развихлялся так, что пришлось его сжечь. Возмутительная история, Том.

– Ужасная! – согласился Том Смарт.

Старик сделал паузу, стараясь овладеть собой. Потом снова заговорил:

– А впрочем, Том, я уклоняюсь в сторону. Том, этот рослый парень гнусный авантюрист. Стоит ему жениться на вдове, и он тотчас продаст всю обстановку и удерет. А что за этим последует? Вдова будет покинута и обречена на нищету, а я насмерть простужусь в лавке какого-нибудь старьевщика.

– Да, но...

– Не перебивайте меня! – сказал старый джентльмен. – О вас, Том, у меня составилось совсем иное представление. Я знаю прекрасно, что, раз обосновавшись в трактире, вы его не покинете, пока в его стенах есть что выпить.

– Очень вам признателен, сэр, за доброе обо мне мнение, – промолвил Том Смарт.

– А стало быть, – безапелляционным тоном заключил старый джентльмен, – вдова достанется вам, а не ему.

– Да что же может ему помешать? – заволновался Том Смарт.

– Разоблачение! – ответил старый джентльмен. – Он уже женат.

– Как же я это докажу? – воскликнул Том, чуть не выпрыгнув из кровати.

Старик высвободил одну руку, опиравшуюся на бедро, указал на дубовый шкаф и тотчас же принял прежнюю позу.

– Он и не подозревает о том, что в правом кармане штанов, висящих в этом шкафу, им забыто письмо, в котором безутешная жена умоляет его вернуться к ней и к шести – заметьте, Том, – к шести ребятам, и все они мал мала меньше.

Как только старый джентльмен торжественно произнес эти слова, черты его лица начали расплываться, а фигура – окутываться дымкой. У Тома Смарта потемнело в глазах. Казалось, старик постепенно превращается в кресло, розовый жилет уподобляется подушке, красные туфли съеживаются в красные суконные шишечки. Огонь в камине тихо угас, а Том Смарт откинулся на подушку и погрузился в сон.

Утро пробудило Тома от летаргического сна, который сковал его в момент исчезновения старика. Он уселся в постели и в течение нескольких минут тщетно пытался восстановить в памяти события прошлой ночи. И вдруг они хлынули на него потоком. Он посмотрел на кресло; что и говорить, вид его был фантастический и мрачный. Но только самое буйное воображение позволяло найти у него хоть какое-нибудь сходство со стариком.

– Как поживаете, старина? – осведомился Том. При дневном свете он был храбрее, как и большинство людей.

Кресло оставалось неподвижным и ни слова не проронило.

– Скверное утро, – сказал Том.

Нет, кресло не желало вступать в разговор.

– Вы на какой шкаф показывали? Уж это-то можете мне сказать, – продолжал Том.

Как бы не так, джентльмены, кресло ни словечка не промолвило!

– В конце концов не так уж трудно открыть шкаф, – заметил Том, решительно вставая с кровати.

Он подошел к одному из шкафов. Ключ торчал в замке; он повернул его и открыл дверцы. Там в самом деле висели штаны. Он засунул руку в карман и извлек письмо – то самое, о котором говорил старый джентльмен!

– Странная штука! – сказал Том Смарт, взглянув сперва на кресло, затем на шкаф, затем на письмо, затем снова на кресло. – Очень странная, повторил Том.

Но так как ни в одном из этих предметов не было ничего, что уменьшало бы эту странность, он решил, что ничто не мешает ему одеться и тотчас же покончить счеты с рослым мужчиною... только бы выйти из затруднительного положения, в каком он очутился.

Спускаясь вниз. Том хозяйским оком осматривал комнаты, попадавшиеся ему на пути, и размышлял о том, что не за горами, пожалуй, тот час, когда это помещение со всей обстановкой сделается его собственностью. Рослый мужчина, совсем как у себя дома, стоял в маленькой уютной буфетной, заложив руки за спину. Он рассеянно осклабился, взглянув на Тома. Посторонний наблюдатель мог бы объяснить эту улыбку желанием показать белые зубы, но Том Смарт подумал, что у рослого мужчины в том месте, где полагается быть мозгам, вспыхнуло сознание торжества. Том засмеялся ему в лицо и послал за хозяйкой.

– Доброе утро, сударыня! – сказал Том Смарт, закрывая дверь маленькой гостиной, как только вошла вдова.

– Доброе утро, сэр! – отвечала вдова. – Что угодно на завтрак, сэр?

Том обдумывал, как приступить к делу, и ничего не ответил.

– Есть очень хорошая ветчина, – сказала вдова, и превосходная холодная птица, нашпигованная салом. – Прикажете подать, сэр?

Эти слова вывели Тома из задумчивости. Его восхищение вдовой росло по мере того, как она говорила. Заботливое создание! Предусмотрительная хозяйка!

– Сударыня, кто этот джентльмен там, в буфетной? – осведомился Том.

– Его зовут Джинкинс, сэр, – слегка краснея, отвечала вдова.

– Рослый мужчина, – заметил Том.

– Очень красивый мужчина, сэр, – отозвалась вдова, – и очень милый джентльмен.

– Вот как! – сказал Том.

– Еще чего-нибудь желаете, сэр? – полюбопытствовала вдова, несколько смущенная замечанием Тома.

– Ну, конечно, – заявил Том, – сударыня, будьте добры, дорогая моя, присядьте на минутку.

Вдова, казалось, была очень удивлена, однако села; Том также присел рядом с нею.

Не знаю, как это случилось, джентльмены, – да и дядя, бывало, говорил мне, что даже Том Смарт не знал, как это случилось, – но, как бы то ни было, ладонь Тома опустилась на руку вдовы, где и оставалась, пока он разговаривал.

– Сударыня, дорогая моя, – начал Том Смарт – он был мастер любезничать, – сударыня, вы заслуживаете самого превосходного супруга... в этом я уверен.

– Ах, боже мой, сэр! – вскрикнула вдова, да и как ей было не вскрикнуть: такая манера вести разговор была довольно необычной, чтобы не сказать – ошеломляющей, в особенности если не упускать из виду того факта, что вплоть до вчерашнего вечера Том в глаза ее не видал. – Ах, боже мой, сэр!

– Я презираю лесть, сударыня, – продолжал Том Смарт. – Вы заслуживаете идеального супруга, и кто бы это ни был, он будет счастливейшим человеком.

С этими словами Том невольно перевел взгляд с лица вдовы на окружавшую обстановку.

Вдова была озадачена еще больше и хотела встать. Том нежно пожал ей руку, словно желая удержать, и она осталась сидеть. Мой дядя, джентльмены, говаривал, что вдовы редко бывают пугливы.

– Право же, я вам очень признательна, сэр, за ваше доброе мнение, – усмехнувшись, сказала пригожая хозяйка, – и если я когда-нибудь выйду еще раз замуж...

– Если, – перебил Том Смарт, пронзительно поглядывая на нее уголком левого глаза. – Если...

– Ну, ладно, – сказала вдова и, не выдержав, рассмеялась. – Когда я выйду замуж, надеюсь, муж у меня будет такой, какого вы мне желаете.

– То есть Джинкинс? – вставил Том.

– Ах, боже мой, сэр! – воскликнула вдова.

– О, не говорите мне, я его знаю, – объявил Том.

– Я уверена, что те, кто его знает, ничего дурного о нем сказать не могут, – заметила вдова, задетая таинственным тоном собеседника.

– Гм!.. – отозвался Том Смарт.

Вдова решила, что настало время расплакаться, и поэтому вынула носовой платок и пожелала узнать, имеет ли Том намерение ее оскорбить и считает ли он достойным джентльмена порочить репутацию другого джентльмена за его спиной; почему – если у него есть что сказать – он не скажет ему этого прямо в лицо, как мужчина мужчине, вместо того чтобы пугать бедную, слабую женщину, и так далее.

– Я и ему успею сказать, – ответил Том, – но сначала хочу, чтобы вы меня выслушали.

– Что же это такое? – осведомилась вдова, пристально глядя в лицо Тому.

– Я вас удивлю, – предупредил Том, опуская руку в карман.

– Если вы скажете, что у него нет денег, – перебила вдова, – мне это известно, и вы можете не трудиться.

– Вздор, чепуха, это мелочь, – возразил Том Смарт, – у меня у самого нет денег. Не в этом дело.

– Ах, боже мой, что же это может быть! – воскликнула бедная вдова.

– Не пугайтесь, – сказал Том Смарт.

Он медленно вытащил письмо, развернул его и недоверчиво спросил:

– Визжать не будете?

– Нет, нет! – отвечала вдова. – Покажите мне.

– В обморок не упадете и никаких глупостей делать не будете? – продолжал Том.

– Нет, нет! – поспешно сказала вдова.

– И не побежите расправляться с ним? – добавил Том. – Я сделаю это за вас, а вы поберегите свои силы.

– Хорошо, хорошо! – перебила вдова. – Покажите.

– Извольте! – сказал Том Смарт и вручил письмо вдове.

Джентльмены, дядя рассказывал, что, по словам Тома Смарта, вопли вдовы, узнавшей содержание письма, могли пронзить каменное сердце. А Том был очень мягкосердечен, и они пронзили его насквозь. Вдова качалась из стороны в сторону и заламывала руки.

– Ох, какие обманщики и негодяи мужчины! – восклицала она.

– Ужасные обманщики, сударыня, но вы не волнуйтесь, дорогая моя, – успокаивал Том Смарт.

– Как мне не волноваться! – вопила вдова. – Никогда не найду я человека, которого могла бы так сильно полюбить!

– О, конечно, найдете, душенька, – отвечал Том Смарт, проливая крупные слезы из жалости к злополучной вдове.

В порыве сострадания он обвил рукою стан вдовы, а вдова, вне себя от горя, сжала ему руку. Потом посмотрела ему в лицо и улыбнулась сквозь слезы. Том наклонился, заглянул ей в глаза и тоже улыбнулся сквозь слезы.

Так никогда и не удалось мне узнать, джентльмены, поцеловал Том вдову в этот знаменательный момент или не поцеловал. Дяде моему он всегда говорил, что не поцеловал, ну, а я все-таки сомневаюсь. Говоря между нами, джентльмены, я склонен думать, что он ее поцеловал.

Как бы там ни было, по полчаса спустя Том вытолкал за дверь очень рослого мужчину, а месяц спустя женился на вдове. Много лет подряд разъезжал он по округе на своей норовистой кобыле, запряженной в двуколку цвета глины, с красными колесами, а потом бросил свое дело и уехал с женой во Францию; старый дом был тогда снесен».

– Разрешите спросить вас, – осведомился любознательный старый джентльмен, – что сталось с креслом?

– Видите ли, – ответил одноглазый агент, – известно только то, что оно сильно трещало в день свадьбы, но Том Смарт так и не мог узнать, трещало оно от удовольствия или от телесной немощи. Впрочем, он склонен был предположить последнее, так как с тех пор кресло не проронило ни слова.

– И этой истории все поверили? – спросил грязнолицый субъект, набивая трубку.

– Все, кроме врагов Тома, – ответил торговый агент. – Одни утверждали, что Том все выдумал; другие говорили, будто он был пьян, и это ему почудилось, и будто он по ошибке взял чужие штаны, но врагам его никто не верил.

– Том настаивал, что все это правда?

– Все до последнего слова.

– А ваш дядя?

– Верил всему.

– Должно быть, славные были ребята – они оба, – заметил грязнолицый.

– Да, что и говорить, – согласился торговый агент, – ребята были очень славные!

ГЛАВА XV,

в которой даются верные, портреты двух выдающихся особ и точное описание парадного завтрака в их доме и владения, каковой парадный завтрак приводит ко встрече со старыми знакомыми и к началу следующей главы

Мистер Пиквик начал уже испытывать некоторые угрызения совести, вследствие того что позабыл о своих друзьях, находившихся в «Павлине», и на третье утро после выборов он только-только собрался пойти и навестить их, но тут верный слуга подал ему визитную карточку, на которой было выгравировано:

Миссис Лио Хантер.

Логовище Итенсуилл.

– Там ждут, – лаконически доложил Сэм.

– Именно меня, Сэм? – осведомился мистер Пиквик.

– Ему нужны только вы, больше никто ему не нужен, как говорил личный секретарь дьявола, уволакивая доктора Фауста, – ответил мистер Уэллер.

– Ему? Разве это джентльмен? – спросил мистер Пиквик.

– Если не джентльмен, то очень хорошая подделка под пего, – ответил мистер Уэллер.

– Но эта визитная карточка принадлежит леди, – сказал мистер Пиквик.

– Во всяком случае, мне ее дал джентльмен, – возразил Сэм, – он ждет в гостиной, говорит, что готов ждать целый день, только бы вас увидеть.

Узнав о такой решимости, мистер Пиквик спустился в гостиную, где сидел степенный человек, который при его появлении вскочил и с глубоким почтением произнес:

– Если не ошибаюсь, мистер Пикник?

– Он самый.

– Разрешите мне, сэр, удостоиться чести пожать вам руку. Вашу руку! – сказал посетитель.

– Очень приятно! – ответил мистер Пиквик.

Незнакомец пожал протянутую руку и продолжал:

– Сэр, мы слышали о вашей славе. Шум, поднятый вокруг вашей археологической дискуссии, достиг слуха миссис Лио Хантер – моей жены, сэр. Я – мистер Лио Хантер...

Незнакомец приостановился, словно ждал, что мистер Пиквик будет ошеломлен этим сообщением; но тот хранил полное спокойствие, и незнакомец снова заговорил:

– Моя жена, сэр, миссис Лио Хантер, почитает за честь поддерживать знакомство с теми, кто прославился своими трудами и талантами. Разрешите мне, сэр, поместить на почетном месте в этом списке имена мистера Пиквика и его собратьев – членов клуба, им основанного.

– Я буду чрезвычайно рад познакомиться с такой достойной леди, сэр, – отвечал мистер Пиквик.

– Сэр, вы с нею познакомитесь, – отвечал степенный человек. – Завтра, сэр, мы устраиваем торжественный завтрак – une fete champetre – для большого числа лиц, прославившихся своими трудами и талантами. Сэр, доставьте миссис Лио Хантер удовольствие видеть вас в Логовище.

– Весьма охотно, – ответил мистер Пиквик.

– Миссис Лио Хантер часто устраивает такие завтраки, сэр, – продолжал новый знакомый, – «пиры ума», сэр, – «души веселье», как выразился весьма прочувственно и оригинально поэт, поднесший миссис Лио Хантер сонет, посвященный ее завтракам.

– Он тоже прославился своими трудами и талантами? – полюбопытствовал мистер Пиквик.

– Конечно, сэр! – ответил степенный человек. – Все знакомые миссис Лио Хантер – знаменитости. Других знакомых у нее нет – в этом проявляется ее честолюбие.

– Благородное честолюбие, – заметил мистер Пиквик.

– Когда я сообщу миссис Лио Хантер, что эти слова сорвались с *ваши*х уст, сэр, она будет гордиться, – заявил степенный человек. – Кажется, сэр, вас сопровождает джентльмен, создавший несколько прекрасных стихотворений?

– Мой друг мистер Снодграсс питает большое пристрастие к поэзии, – ответил мистер Пиквик.

– Как и миссис Лио Хантер. Поэзию она любит до безумия, сэр, она обожает ее... Могу сказать, что мысли и душа ее проникнуты и насыщены поэзией. Она сама создала несколько восхитительных стихотворений, сэр. Быть может, вам, сэр, встречалась ее «Ода издыхающей лягушке»?

– Боюсь, что... не встречалась, – сказал мистер Пиквик.

– Это удивительно, сэр! – заявил мистер Лио Хантер. – Она произвела сенсацию. Она была подписана буквою «Л» и восемью звездочками и в первый раз напечатана в «Журнале для леди». Начинается она так:

О лягушка! Припадая На живот и замирая, Возлежишь ты, издыхая, На бревне, О, горе мне!

– Превосходно! – сказал мистер Пиквик.

– Восхитительно! – подхватил мистер Лио Хантер. – Так просто!

– Очень просто, – сказал мистер Пиквик.

– Следующая строфа еще трогательнее. Прочесть?

– Пожалуйста, – сказал мистер Пиквик.

– Вот как она звучит, – продолжал степенный мистер Хантер еще более степенным тоном, Детский шум и детский крик До твоих болот проник.

И конец тебя настиг На бревне, О, горе мне!

– Тонко выражено, – сказал мистер Пиквик.

– Безукоризненно, сэр! – сказал мистер Лио Хантер. – Но вы бы послушали, как читает эту оду миссис Лио Хантер! Она умеет показать ее с лучшей стороны. Завтра утром, сэр, она будет декламировать ее в костюме.

– В костюме?

– В костюме Минервы. Ах, да! Я забыл сказать: завтрак будет костюмированный.

– Ах, боже мой! – сказал мистер Пиквик, бросив взгляд на собственную фигуру. – Право же, я никак не могу...

– Почему, сэр, почему? – воскликнул мистер Лио Хантер. – У Соломона Лукаса, еврея с Хай-стрит, множество маскарадных костюмов. Подумайте, сэр, предоставляется вам на выбор: Платон, Зенон, Эпикур, Пифагор. Все они основатели клубов.

– Мне это известно, – сказал мистер Пиквик, – но так как я не могу соперничать с этими великими людьми, то и не смею облачаться в их одежды.

Степенный человек глубоко задумался на несколько секунд и затем сказал:

– Поразмыслив, сэр, я готов допустить, что миссис Лио Хантер приятнее будет, если ее гости увидят столь знаменитого джентльмена в его собственном костюме, а не в маскарадном. Я беру на себя смелость сделать для вас исключение... Да, я не сомневаюсь, что могу обещать вам это от имени миссис Лио Хантер.

– В таком случае, – сказал мистер Пиквик, – я приду с величайшим удовольствием.

– Но я отнимаю у вас время, сэр, – спохватился вдруг степенный гость. – Я знаю, сколь оно драгоценно, сэр. Не буду вас задерживать. Значит, я скажу миссис Лио Хантер, что она может ждать вас и ваших знаменитых друзей! До свиданья, сэр. Я горжусь тем, что удостоился лицезреть столь выдающуюся особу. Ни шагу, сэр, ни слова!

И, не давая мистеру Пикнику времени протестовать или возражать, мистер Лио Хантер степенно удалился.

Мистер Пиквик взял шляпу и направил свои стопы к «Павлину». Мистер Уинкль уже успел принести туда весть о костюмированном бале.

– Миссис Потт тоже там будет, – этими словами встретил он своего наставника.

– Вот как! – отозвался мистер Пиквик.

– В костюме Аполлона, – продолжал мистер Уинкль. – Но Потт возражает против тупики.

– Он прав... он совершенно прав, – решительно сказал мистер Пиквик.

– Да, и потому она наденет белое атласное платье с золотыми блестками.

– Пожалуй, никто не догадается, кого она изображает. Как вы думаете? – спросил мистер Снодграсс.

– Конечно, догадаются! – с негодованием возразил мистер Уинкль. – Ведь в руках у нее будет лира.

– Верно, я об этом забыл, – сказал мистер Снодграсс.

– А я оденусь разбойником, – вмешался мистер Тапмен.

– Что?! – сказал мистер Пиквик и даже привскочил.

– Разбойником, – робко повторил мистер Тапмен.

– Неужели вы хотите сказать, – начал мистер Пиквик, внушительно и строго взирая на своего друга, – неужели вы хотите сказать, мистер Тапмен, что намерены нарядиться в зеленую бархатную куртку с двухдюймовыми фалдочками?

– Да, я намерен, сэр, – с жаром ответил мистер Тапмен. – И почему бы мне не нарядиться?

– Потому, сэр, – сказал мистер Пиквик, заметно разгорячившись, – потому, что вы слишком стары, сэр.

– Слишком стар! – воскликнул мистер Тапмен.

– А если нужны еще основания, – продолжал мистер Пиквик, – потому, что вы слишком толсты, сэр.

– Сэр! – побагровев, сказал мистер Тапмен. – Это оскорбление.

– Сэр, – тем же тоном отвечал мистер Пиквик, – если вы появитесь передо мной в зеленой бархатной куртке с двухдюймовыми фалдами, это будет более серьезное оскорбление.

– Сэр, вы грубиян, – сказал мистер Таимся.

– Сэр, – сказал мистер Пиквик, – вы сами грубиян!

Мистер Тапмен шагнул вперед и в упор посмотрел па мистера Пиквика. Мистер Пиквик отвечал таким же взглядом, сосредоточенным в фокус благодаря очкам, и смело бросил вызов. Мистер Снодграсс и мистер Уинкль безмолвствовали, потрясенные столкновением двух таких мужей.

– Сэр. – низким, глухим голосом сказал мистер Тапмен, помолчав несколько секунд, – вы меня назвали старым.

– Назвал, – подтвердил мистер Пиквик.

– И толстым.

– Могу повторить.

– И грубияном.

– Вы и есть грубиян!

Зловещая пауза.

– Моя привязанность к вашей особе, сэр, – голосом, дрожащим от волнения, заговорил мистер Тапмен, засучивая в то же время рукава, – велика... очень велика... однако этой самой особе я должен отомстить немедленно.

– Начинайте, сэр! – ответил мистер Пиквик.

Возбужденный этим диалогом, героический муж поспешил встать в позу человека, разбитого параличом, предполагая, вероятно, как заключили двое свидетелей, что таковой должна быть оборонительная позиция.

– Как! – воскликнул мистер Снодграсс, внезапно обретая дар речи, утраченный было под влиянием крайнего изумления, и бросаясь между двумя противниками с риском получить от каждого по удару в висок. – Как! Мистер Пиквик, ведь на вас взирает весь мир! Мистер Тапмен! Ведь вы наравне со всеми нами озарены блеском его бессмертного имени! Стыдитесь, джентльмены, стыдитесь!

Пока говорил его юный друг, непривычные морщины, проведенные мимолетной вспышкой гнева на ясном и открытом челе мистера Пиквика, постепенно исчезали, как исчезают следы карандаша от мягкого прикосновения резинки. Друг еще не умолк, а на лице мистера Пиквика уже появилось свойственное ему благожелательное выражение.

– Я погорячился, – сказал мистер Пиквик, – слишком погорячился. Тапмен, вашу руку.

Темное облако сбежало с лица мистера Тапмена, когда он крепко пожимал руку своему Другу.

– Я тоже погорячился, – заявил он.

– Нет! – перебил мистер Пиквик. – Вина моя. Вы наденете зеленую бархатную куртку?

– Нет! – отвечал мистер Тапмен.

– Наденьте, сделайте такое одолжение, – возразил мистер Пиквик.

– Хорошо, хорошо, надену, – сказал мистер Тапмен.

В результате было решено, что мистер Тапмен, мистер Уинкль и мистер Снодграсс – все трое наденут маскарадные костюмы. Таким образом, растаявший под влиянием своего добросердечия, мистер Пиквик дал согласие на то, против чего восставал его здравый смысл. Более разительную иллюстрацию его доброты вряд ли можно было бы придумать, даже если бы события, изложенные на этих страницах, были целиком вымышлены.

Мистер Лио Хантер не преувеличил ресурсов мистера Соломона Лукаса. Гардероб у него был разнообразный, весьма разнообразный, пожалуй не строго классический, не совсем новый, и не содержал он ни одного костюма, сделанного в стиле какой-либо эпохи, но зато все костюмы были более или менее усеяны блестками; а что может быть красивее блесток! Можно выдвинуть возражение: блестки не приспособлены к дневному свету, но всем известно, что они сверкали бы при лампах; и, стало быть, яснее ясного, что если люди дают костюмированные балы днем и костюмы имеют не такой красивый вид, как при вечернем освещении, то вина лежит исключительно на тех, кто дает костюмированный бал, и блестки тут ни в чем не повинны. Таковы были убедительные доводы мистера Соломона Лукаса, и под влиянием таких рассуждений мистер Тапмен, мистер Уинкль и мистер Снодграсс начали облекаться в костюмы, которые мистер Лукас, руководствуясь своим вкусом и опытом, рекомендовал как наиболее соответствующие данным обстоятельствам.

Экипаж для пиквикистов нанят был в «Городском Гербе»; из той же сокровищницы была вытребована коляска, чтобы доставить мистера и миссис Потт во владения миссис Лио Хантер, о которых мистер Потт, деликатно выражая свою признательность за полученное приглашение, уже писал в «Итенсуиллской газете», с уверенностью предсказывая, что «явлено будет зрелище восхитительное и чарующее, ослепительный блеск красоты и таланта, гостеприимство щедрое и безграничное, а главное – великолепие, смягченное изысканнейшим вкусом, и пышность, утонченная благодаря полной гармонии и целомудреннейшему содружеству, – пышность, по сравнению с которой баснословная роскошь восточной сказочной страны покажется столь же темной и мрачной, как и умонастроение того желчного и жалкого существа, которое осмелилось запятнать ядом зависти приготовления, сделанные добродетельной и весьма выдающейся леди, на чей алтарь возлагаем мы эту смиренную дань восхищения». Этот последний пассаж, полный сарказма, был направлен против «Независимого», который, не получив приглашения, высмеивал на протяжении четырех номеров всю затею, прибегая к самому крупному шрифту и печатая все прилагательные с прописной буквы.

Настало утро.

Приятно было созерцать мистера Тапмена в полном костюме разбойника: в очень узкой куртке, которая делала его плечи и спину похожими на подушечки для булавок; верхняя часть его ног была упакована в бархатные штанишки, нижняя – хитро обмотана сложной сетью бинтов, к которой все разбойники питают особое пристрастие. Приятно было видеть его честную, простодушную физиономию, высовывающуюся из открытого воротника рубашки, украшенную великолепными усами и разрисованную жженой пробкой, и созерцать шляпу и форме сахарной головы, декорированную разноцветными лентами, которую он был вынужден держать на коленях, ибо ни в один нам известный крытый экипаж не вошел бы человек,

задумавший поместить такую шляпу в пространстве между своею головой и крышею экипажа. Не менее забавен и мил был мистер Снодграсс в голубых атласных буфах и плаще, в белом шелковом трико и туфлях и в греческом шлеме, каковой костюм, как всякому известно (а если не всякому, то мистеру Соломону Лукасу), являлся несомненным, подлинным и повседневным одеянием трубадуров с древнейших времен и до окончательного их исчезновения с лица земли. Все это было приятно видеть, но каково же было ликование толпы, когда крытый экипаж остановился позади колесницы мистера и миссис Потт, которая в свою очередь остановилась перед дверью мистера Потта, а эта последняя распахнулась, и показался великий Потт, наряженный русским приставом, со страшным кнутом в руке – изящный символ суровой и непреклонной мощи «Итенсуиллской газеты» и страшных ударов, наносимых ею врагам общества.

– Браво! – воскликнули из коридора мистер Тапмен и мистер Снодграсс при виде ходячей аллегории.

– Браво! – раздался в коридоре голос мистера Пиквика.

– Ура! Да здравствует Потт! – орала толпа.

Под эти приветственные возгласы мистер Потт сел в коляску, улыбаясь с видом благосклонного достоинства, явно свидетельствовавшим о том, что он сознает свою мощь и умеет ею пользоваться.

Затем вышла из дома миссис Потт, которая была бы очень похожа на Аполлона, если бы на ней не было платья; ее сопровождал мистер Уинкль, который в своем светло-красном фраке мог бы быть безошибочно принят за спортсмена, если бы у него не было столь же разительного сходства с почтмейстером. Последним шествовал мистер Пиквик, которого мальчишки приветствовали столь же бурно, предполагая, быть может, что его панталоны в обтяжку и гетры относятся к средневековым реликвиям.

Наконец, оба экипажа покатили к владениям миссис Лио Хантер. Мистер Уэллер (который должен был прислуживать за завтраком) помещался на козлах того экипажа, в котором находился его хозяин.

Все до единого – мужчины, женщины, мальчики, девочки и младенцы, собравшиеся поглазеть на гостей в маскарадных костюмах, – завизжали от восторга, когда мистер Пиквик торжественно проследовал в сад под руку с разбойником и трубадуром. А какие раздались ликующие возгласы, когда мистер Тапмен стал водружать на голову конусообразную шляпу, дабы в полном блеске появиться в саду!

Приготовления были сделаны в самом восхитительном стиле, они вполне оправдывали пророческие слова Потта о роскоши восточной сказочной страны и явно опровергали злостные замечания пресмыкающегося «Независимого». Сад размером не меньше акра с четвертью – был переполнен приглашенными. Никто никогда еще не видывал такою изобилия красоты, элегантности и литературных талантов! Здесь была молодая леди к костюме султанши, «делавшая» поэзию в «Итенсуиллской газете»; она опиралась на руку молодого джентльмена, который «делал» критику и, как подобает, нарядился в фельдмаршальскую форму – только без фельдмаршальских сапог. Здесь был сонм гениев, и каждый рассудительный человек почел бы за честь встретиться с ними. Мало того, здесь было с полдюжины львов[52] из Лондона – писателей, настоящих писателей, которые написали целые книги и затем напечатали, а здесь вы могли их созерцать; они прогуливались, как простые смертные, улыбались и болтали, да, болтали порядочный вздор, несомненно с благим намерением быть понятыми окружающей их вульгарной толпой. Кроме того, здесь был музыкальный ансамбль в картонных шляпах: четыре певца из неведомой страны, одетых в свои национальные костюмы, да дюжина наемных лакеев в своих национальных костюмах – и к тому же очень грязных. И, главное, здесь была миссис Хантер, одетая Минервой, принимавшая гостей и сиявшая от гордости и удовольствия при виде такого изысканного общества.

– Мистер Пиквик, сударыня, – доложил слуга, когда этот джентльмен приблизился к руководившей торжеством богине, держа шляпу в руке и в сопровождении разбойника и трубадура по бокам.

– Как! Где?! – вскакивая с места, вскричала миссис Лио Хантер с притворным восторгом и изумлением.

– Здесь, – сказал мистер Пиквик. – Неужели я имею счастье лицезреть самого мистера Пиквика! – воскликнула миссис Лио Хантер.

– Он самый, сударыня, – с низким поклоном ответил мистер Пиквик. – Разрешите мне представить автору «Издыхающей лягушки» моих друзей – мистер Тапмен, мистер Уинкль, мистер Снодграсс.

Очень немногие, кроме тех, кто испытал это на себе, знают, как трудно кланяться в зеленых бархатных штанишках, узкой куртке и высокой шапке, или в голубых атласных буфах и белом шелковом трико, или в коротких вельветовых штанах и сапогах с отворотами, когда все эти принадлежности туалета сшиты не по мерке и нимало не приспособлены друг к другу и к фигуре, которую облекают. Никто еще не видывал таких судорог, от которых скрючился мистер Тапмен, старавшийся держаться свободно и грациозно, и таких замысловатых поз, какие принимали его костюмированные друзья.

– Мистер Пиквик, – сказала миссис Лио Хантер, – вы должны дать мне слово, что не будете отходить от меня в течение всего дня. Здесь сотни людей, которых я во что бы то ни стало должна вам представить.

– Вы очень любезны, сударыня, – отвечал мистер Пиквик.

– Во-первых, вот мои девчурки, я о них почти забыла, – продолжала Минерва, небрежно указывав на двух великовозрастных девиц, одну лет двадцати, другую года на два старше, одетых в детские платьица – для того ли чтобы им казаться юными, или для того, чтобы их мамаша казалась моложе, этого пункта мистер Пиквик нам не разъясняет.

– Они премиленькие, – заметил мистер Пиквик, когда представленные ему малютки удалились.

– Они очень похожи на свою маму, сэр, – величественно изрек мистер Потт.

– Ах вы проказник! – воскликнула миссис Лио Хантер, игриво хлопнув редактора веером по руке. (Минерва была с веером!)

– Ну, конечно, дорогая моя миссис Хантер, – сказал мистер Потт, состоявший в Логовище на ролях присяжного трубача. – Вы прекрасно знаете, что в прошлом году, когда ваш портрет появился на выставке Королевской академии, все спрашивали, чей это портрет – ваш или вашей младшей дочери; вы так похожи друг на друга, что различить вас немыслимо.

– Хорошо, пусть будет так, но зачем это повторять при чужих? – сказала миссис Лио Хантер, еще раз ударив веером дремлющего льва «Итенсуиллской газеты».

– Граф, граф! – вдруг взвизгнула она, обращаясь к проходившему мимо субъекту в иностранном мундире и с огромными баками.

– А? Ви меня зовете? – оглянулся граф.

– Я хочу познакомить двух поистине умных людей, – сказала миссис Лио Хантер. – Мистер Пиквик, позвольте вас представить графу Сморлторку!

Затем она быстро шепнула мистеру Пиквику:

– Знатный иностранец... собирает материалы для большой работы об Англии... Гм!.. Граф Сморлторк, мистер Пиквик.

Мистер Пиквик с подобающим почтением приветствовал столь великого человека, а граф вытащил записную книжку.

– Как ви сказали, миссис Хант? – осведомился он, милостиво улыбаясь восхищенной миссис Лио Хантер. – Пиг-Виг или Биг-Виг?.. Так зовете ви... адвокаты... Понимаю, именно Биг-Виг... Большой парик[53]. – И граф собирался занести мистера Пикника в свою книжечку как джентльмена из тех что носят длинные мантии и фамилия которого произошла от его профессиональных занятий, но тут вмешалась миссис Лио Хантер.

– Нет, нет, граф, – сказала она. – Пикник.

– А, понимаю, – ответил граф. – Пик – имя, Вике – фамилия. Хорошо, очень хорошо, – Пик Вике. Как поживаете, Вике?

– Благодарю вас, прекрасно, – с обычной своей любезностью отвечал мистер. Пиквик. – Давно ли вы в Англии?

– Давно... очень давно... больше две недели.

– И долго еще пробудете здесь?

– Одна неделя.

– Вам придется поработать, – с улыбкой заметил мистер Пиквик, – чтобы собрать за это время все нужные материалы. – Э, они собрались, – объявил граф.

– Вот как! – удивился мистер Пиквик.

– Здесь! – добавил граф, многозначительно хлопнув себя по лбу. – Дома большая книга... полная от заметок... музыка, живопись, наука, поэзия, политик – все. . – Слово «политика», сэр, – сказал мистер Пиквик, – заключает в себе целую науку немалого значения...

– А! – воскликнул граф, снова извлекая книжечку. – Очень хорошо... прекрасные слова начать главу. Глава сорок семь: Политик. Слово «политик» выключает собой...

И в книжечку графа Сморлторка было занесено замечание мистера Пиквика с теми вариациями, какие подсказывала пылкая фантазия графа пли недостаточное знание языка.

– Граф! – начала миссис Лио Хантер.

– Миссис Хант? – отозвался граф.

– Вот это мистер Снодграсс, друг мистера Пиквика и поэт.

– Постой! – воскликнул граф, снова хватаясь за книжечку. – Раздел – поэзия... глава: Друзья от литература... фамилия – Сноуграс. Очень хорошо. Был представленный Сноуграс... великий поэт, друг Пика Цикса... через миссис Хант, который написал второе сладкое стихотворение. Как его имя? Лягушка... Изнывающий лягушка... хорошо, очень хорошо.

И граф спрятал записную книжку и удалился с поклонами и приветствиями, очень довольный тем, что ему удалось пополнить запас сведений столь важным и ценным материалом.

– Чудесный человек – граф Сморлторк! – сказала миссис Лио Хантер.

– Трезвый философ, – добавил мистер Потт.

– Ум ясный и проницательный, – продолжал мистер Снодграсс.

Хор гостей подхватил хвалебную песнь в честь графа Сморлторка и, глубокомысленно покачивая головами, провозгласил:

– Оч-чень!

Так как восхищение, вызванное графом Сморлторком, было весьма велико, то и чествовали бы его, быть может, до конца празднества, если бы четыре певца из неведомой страны не выстроились для живописности перед маленькой яблоней и не начали петь свои национальные песни, которые, по-видимому, особых трудностей для исполнения не представляли, ибо весь секрет их как будто заключался в том, что три певца из неведомой страны должны были стонать, а четвертый – ныть. По окончании этого интересного концерта, вызвавшего громкие аплодисменты всего общества, какой-то подросток начал пролезать между перекладинами стула, прыгал через него и проползал под ним, катался с ним по земле

и проделывал решительно, все, только, не сидел на нем, затем сделал галстук из собственных ног и обвязал его вокруг шеи, после чего демонстрировал, с какою легкостью можно придать человеческому существу сходство с раздувшейся жабой, – все эти подвиги вызвали восторг и изумление собравшихся зрителей.

Вслед за сим послышался голос миссис Потт, невнятно чирикавшей нечто, названное из вежливости романсом. Все это строго соответствовало классическому стилю и роли, ибо Аполлон сам был композитором, а композиторы очень редко умеют исполнять произведении как свои, так и чужие. Затем воспоследовала декламация миссис Лио Хантер, читавшей прославленную «Оду издыхающей лягушке», которую она повторила на бис и прочла бы и в третий раз, если бы большинство гостей, по мнению коих давным-давно наступило время слегка перекусить, не заявило, что злоупотреблять добротой миссис Лио Хантер поистине постыдно. И хоти миссис Лио Хантер изъявила полную готовность еще раз декламировать оду, ее добрые и заботливые друзья и слышать об этом не хотели; а когда распахнулась дверь столовой, все, кто бывал здесь раньше, устремились туда с величайшей поспешностью; у миссис Лио Хантер было заведено посылать приглашения ста персонам, а завтрак готовить на пятьдесят, или, иными словами, кормить только самых выдающихся львов и предоставлять менее значительным зверям самим заботиться о себе.

– Где же мистер Потт? – спросила миссис Лио Хантер, разместив вокруг себя упомянутых львов.

– Я – здесь! – отозвался редактор из отдаленнейшего конца комнаты, где для него не было никаких надежд на завтрак, если хозяйка о нем не позаботится.

– Не хотите ли пожаловать сюда?

– Ах, прошу вас, не беспокойтесь о нем, – самым любезным тоном сказала миссис Потт, – вы создаете себе ненужные хлопоты, миссис Хантер. Ведь тебе и там очень хорошо, не правда ли, дорогой мой?

– Конечно, милочка, – с мрачной улыбкой отвечал несчастный мистер Потт.

Увы, что толку от кнута! Мощная рука, которая с такой нечеловеческой силой обрушивалась на общественные репутации, была парализована властным взглядом миссис Потт.

Миссис Лио Хантер с торжеством оглядела собравшихся. Граф Сморлторк деловито отмечал в своей записной книжке поданные блюда; мистер Тапмен угощал нескольких львиц салатом из омаров, превосходя грацией всех известных доселе разбойников; мистер Снодграсс, срезав молодого джентльмена, который резал авторов на страницах «Итенсуиллской газеты», был поглощен страстной дискуссией с молодой леди, которая «делала» поэзию; а мистер Пиквик старался угодит всем и каждому. Казалось, избранное общество было и полном составе, как вдруг мистер Лио Хантер – на чьей обязанности в таких случаях было стоять у дверей и разговаривать с менее важными особами, – мистер Лио Хантер возвестил:

– Дорогая моя, здесь мистер Чарльз Фиц-Маршалл!

– Ах, боже мой, – воскликнула миссис Лио Хантер, – с каким нетерпением я его ждала! Пожалуйста, потеснитесь, дайте пройти мистеру Фиц-Маршаллу. Дорогой мой, скажите мистеру Фиц-Маршаллу, чтобы он сейчас же подошел ко мне, я его побраню за то, что он так опоздал.

– Иду, сударыня, – раздался голос. – Спешу по мере сил – толпы народа – комната переполнена – трудная работа – весьма!

Нож и вилка выпали из рук мистера Пиквика. Он посмотрел через стол на мистера Тапмена, который тоже выронил нож и вилку и имел такой вид, словно без дальнейших разговоров готов провалиться сквозь землю.

– А! – слышался голос, когда обладатель его прокладывал себе дорогу между последними двадцатью пятью турками, офицерами, рыцарями и Карлами Вторыми, которые отделяли его от стола. – Настоящий каток для белья – патент Бейкера – ни одной морщинки на костюме после такого тискания – выгладят белье, пока дойду, – ха-ха, идея недурная – впрочем, довольно необычно, утюжат на тебе самом – мучительная процедура – весьма!

Произнося эти отрывочные фразы, молодой человек в форме морского офицера проложил себе путь к столу, и перед пораженными пиквикистами предстал собственной своей персоной мистер Альфред Джингль.

Злодей едва успел пожать протянутую руку миссис Лио Хантер, когда глаза его встретились с негодующими очками мистера Пиквика.

– Вот те на! – воскликнул Джингль. – Совсем забыл – распоряжения форейтору – сейчас отдам – вернусь через минуту.

– Мистер Фиц-Маршалл, лакей или мистер Хантер сделают это в одну секунду, – заметила миссис Лио Хантер.

– Нет, нет – я сам – один момент! – возразим Джингль.

С этими словами он исчез и толпе.

– Разрешите нас спросить, сударыня, – сказал возбужденно мистер Пикник, вставая с места, – кто этот молодой человек и где он проживает?

– Это богатый джентльмен, мистер Пиквик, – отвечала миссис Лио Хантер, – с которым я очень хочу вас познакомить. Граф будет от него в восторге.

– Да, да, – поспешно проговорил мистер Пиквик, – а проживает он...

– В настоящее время в Бери, в гостинице «Ангел».

– В Бери?

– В Бери Сент Эдмондс[54], в нескольких милях отсюда. Ах, боже мой, мистер Пиквик, неужели вы хотите нас покинуть? Нет, нет, мистер Пиквик, право же, вы не можете уйти так рано!

По задолго до того, как миссис Лио Хантер произнесла последние слова, мистер Пиквик ринулся сквозь толпу и добрался до сада, где в скором времени присоединился к нему мистер Тапмен, следовавший по пятам за своим другом.

– Бесполезно! – сказал мистер Тапмен. – Он ушел!

– Знаю! – отозвался мистер Пиквик. – И последую за ним.

– Последуете за ним! Куда? – осведомился мистер Тапмен.

– В гостиницу «Ангел», в Бери, – с живостью ответил мистер Пиквик. – Откуда нам знать, кого он там обманывает? Однажды он уже обманул достойного человека, и мы, хотя и не по своей вине, были тому причиной. Но больше он никого не обманет, поскольку это от меня зависит. Я его разоблачу... Сэм! Где же мой слуга?

– Я здесь, сэр! – отозвался мистер Уэллер, выходя из уединенного местечка, где он смаковал бутылку мадеры, которую часа два назад утащил со стола, накрытого к завтраку. – Ваш слуга здесь, сэр. Горд титулом, как говорил Живой шкилет, когда его показывали публике.

– Немедленно следуйте за мной! – приказал мистер Пиквик. – Тапмен, если я задержусь в Бери, вы можете ко мне приехать, когда я напишу. А пока до свиданья!

Возражать не имело смысла. Мистер Пиквик был возбужден, и решение его принято. Мистер Тапмен вернулся к своим приятелям и через час утопил воспоминания о мистере Альфреде Джингле или мистере Чарльзе Фиц-Маршалле, и в бутылке шампанского и в веселой кадрили. А в это время мистер Пиквик и Сэм Уэллер, сидя на крыше пассажирской кареты, с каждой минутой поглощали пространство, отделявшее их от доброго старого города Бери Сент Эдмондс.

ГЛАВА XVI,
слишком изобилующая приключениями, чтобы можно были кратко их изложить

Нет такого месяца в году, когда бы лик природы был прекраснее, чем в августе. Много прелести есть у весны, и май – лучезарный месяц цветов, но чары этого времени года подчеркнуты контрастом с зимней порой. У августа нет такого преимущества. Он приходит, когда мы помним только о ясном небе, зеленых полях и душистых цветах, когда воспоминание о снеге, льде и холодных ветрах стерлось в памяти так же, как исчезли они с лица земли, – и все-таки какое это чудесное время! Во фруктовых садах и на нивах звенят голоса тружеников, деревья клонятся под тяжестью сочных плодов, пригибающих ветви к земле, а хлеба, красиво связанные в снопы или волнующиеся от малейшего дуновения ветерка, словно задабривающие серп, окрашивают пейзаж в золотистые тона. Как будто мягкая томность окутывает всю землю; и кажется, будто влияние этого времени года распространяется даже на телегу, – только глаз замечает замедленное ее движение по сжатому полю, но ни один резкий звук не касается слуха.

Когда карета быстро катится мимо полей и фруктовых садов, окаймляющих дорогу, группы женщин и детей, наполняющих решета плодами или подбирающих разбросанные колосья, на секунду отрываются от работы и, заслоняя смуглые лица загорелыми руками, смотрят с любопытством на путешественников, а какой-нибудь здоровый мальчуган – он слишком мал для работы, но такой проказник, что его нельзя оставить дома, – выкарабкивается из корзины, куда его посадили для безопасности, и барахтается и визжит от восторга. Жнец прерывает работу и стоит, сложа руки, глядя на несущийся мимо экипаж; а рабочие лошади бросают на красивую упряжку сонный взгляд, который говорит так ясно, как только может быть ясен взгляд лошади: «Поглазеть на это очень приятно, но медленная ходьба по тучной земле в конце концов лучше, чем такая жаркая работа на пыльной дороге». На повороте дороги вы оглядываетесь. Женщины и дети вернулись к работе; снова согнулась спина жнеца; плетутся клячи, и снова все пришло в движение.

Такое зрелище не могло не повлиять на прекрасно дисциплинированный ум мистера Пиквика. Сосредоточившись на решении разоблачать истинную природу гнусного Джингля везде, где бы тот ни осуществлял свои мошеннические замыслы, он сидел сначала молчаливый и задумчивый, измышляя наилучшие средства для достижения цели. Постепенно внимание его начали привлекать окружающие предметы; и, наконец, поездка стала доставлять ему такое удовольствие, словно он ее предпринял ради приятнейшей цели.

– Чудесный вид, Сэм, – сказал мистер Пиквик.

– Почище дымовых труб, сэр, – отвечал мистер Уэллер, притронувшись к шляпе.

– Пожалуй, вы за всю свою жизнь, Сэм, только и видели, что дымовые трубы, кирпичи да известку, – с улыбкой произнес мистер Пиквик.

– Я не всегда был коридорным, сэр, – покачав головой, возразил мистер Уэллер. – Когда-то я работал у ломовика.

– Давно это было? – полюбопытствовал мистер Пиквик.

– А вот как вышвырнуло меня вверх тормашками в мир поиграть в чехарду с его напастями, – ответил Сэм. – Поначалу я работал у разносчика, потом у ломовика, потом был рассыльным, потом коридорным. А теперь я – слуга джентльмена. Может быть, настанет когда-нибудь время, и сам буду джентльменом с трубкой во рту и беседкой в саду. Кто знает? Я бы не удивился.

– Да вы философ, Сэм, – сказал мистер Пиквик.

– Должно быть, это у нас в роду, сэр, – ответил мистер Уэллер. – Мой отец очень налегает теперь на это занятие. Мачеха ругается, а он свистит. Она приходит в раж и ломает ему трубку,

а он выходит и приносит другую. Она визжит во всю глотку и – в истерику, а он преспокойно курит, пока она не придет и себя. Это философия, сэр, не правда ли?

– Во всяком случае, очень недурная замена, – смеясь, ответил мистер Пиквик. – Должно быть, она вам сослужила службу, Сэм, в вашей беспокойной жизни?

– Сослужила, сэр! – воскликнул Сэм. – Что и говорить! Когда я удрал от разносчика, а к ломовику еще не нанялся, я две недели жил в немеблированных комнатах.

– В немеблированных комнатах? – переспросил мистер Пиквик.

– Да... под арками моста Ватерлоо. Прекрасное место, чтобы поспать... Десять минут ходьбы от всех общественных учреждений, а если и можно что-нибудь сказать против него, так только одно: ситивация чересчур воздушная. Диковинные вещи я там видел!

– Этому я охотно верю, – сказал мистер Пиквик, весьма заинтересованный.

– Такие вещи, сэр, – продолжал мистер Уэллер, – которые проникли бы в ваше доброе сердце и пронзили бы его насквозь. Регулярных бродяг вы там не увидите, будьте спокойны, они умеют устраивать свои дела. Нищие помоложе, мужчины и женщины, – те, что еще не продвинулись в своей профессии, – проживают там иногда; а обыкновенно в темные закоулки таких заброшенных мест забиваются умирающие с голоду, бездомные люди – жалкие люди, которым двухпенсовая веревка не по карману.

– Сэм, что это за двухпенсовая веревка? – осведомился мистер Пикник.

– Двухпенсовая веревка, сэр, – ответил мистер Уэллер, – это попросту дешевая ночлежка, по два пенса за койку.

– Почему же постель называется – веревкой? – спросил мистер Пиквик.

– Да благословит бог вашу невинность, сэр, не в этом дело, – ответил Сэм. – Когда леди и джентльмены, которые содержат этот отель, только начинали дело, они делали постели на полу, но это, знаете ли, невыгодно, потому что ночлежники валялись полдня, вместо того чтобы скромно выспаться на два пенса. Ну, а теперь хозяева протягивают во всю длину комнаты две веревки, футов шесть одна от другой и фута три от пола, а постели делаются из полотнищ грубой материи, натянутых на веревки.

– Вот как! – сказал мистер Пиквик.

– Именно так! – подтвердил мистер Уэллер. – Выдумка отменная. Утром в шесть часов веревки с одного конца отвязывают, и ночлежники валятся все на пол. Ну, значит, сразу просыпаются, очень спокойно встают и убираются! Прошу прощения, сэр. – сказал Сэм, внезапно прерывая свою болтовню, – это Бери Сент Эдмондс?

– Да, – ответил мистер Пиквик.

Карета загрохотала по прекрасно вымощенным улицам красивого города, на вид – процветающего и чистенького, и остановилась перед большой гостиницей, помещавшейся на широкой улице, почти напротив старого аббатства.

– А это «Ангел»! – сказал мистер Пиквик, взглянув вверх. – Мы здесь выйдем, Сэм. Но необходимо соблюдать некоторую осторожность. Займите номер и не называйте моей фамилии. Понимаете?

– Будьте благонадежны, сэр! – хитро подмигнув, ответил мистер Уэллер, и, вытащив чемодан мистера Пиквика из заднего ящика кареты, куда он второпях был брошен, когда они заняли места в итенсуиллской карете, мистер Уэллер исчез, чтобы исполнить распоряжение. Номер был тотчас снят, и мистер Пиквик был введен без промедления.

– Теперь, Сэм, – сказал мистер Пиквик, – нам прежде всего следовало бы...

– Заказать обед, сэр, – подсказал мистер Уэллер. – Уже очень поздно, сэр.

– Верно! – сказал мистер Пиквик, взглянув на часы. – Вы правы, Сэм.

– И если разрешите вам посоветовать, сэр, – добавил мистер Уэллер, – я бы после этого хорошенько отдохнул за ночь и до утра не стал бы наводить справки об этом пройдохе. Ничто так не освежает, как сон, сэр, как сказала служанка, собираясь выпить полную рюмку опия.

– Думаю, что вы правы, Сэм, – сказал мистер Пиквик. – Но сначала я должен удостовериться, что он в этом доме и не собирается уехать.

– Предоставьте это мне, сэр, – сказал Сэм. – Разрешите заказать для вас сытный обед – и навести справки внизу, пока его приготовят; я, сэр, могу в пять минут выудить любой секрет у коридорного.

– Так и поступите, – сказал мистер Пиквик, и мистер Уэллер немедленно удалился.

Через полчаса мистер Пиквик сидел за весьма удовлетворительным обедом, а через три четверти часа мистер Уэллер вернулся с известием, что мистер Чарльз Фиц-Маршалл приказал оставить за ним его комнату впредь до дальнейших распоряжений. Он собирался провести вечер в гостях, где-то по соседству, велел коридорному не ложиться до его возвращения, а своего слугу взял с собой.

– Теперь, сэр, – заявил мистер Уэллер, закончив свое донесение, – если мне удастся потолковать поутру с этим-вот слугою, он все мне расскажет о своем хозяине.

– Почему вы так думаете? – спросил мистер Пиквик.

– Помилуй бог, сэр, на то и существуют слуги! – ответил мистер Уэллер.

– Ах да, я об этом забыл, – сказал мистер Пиквик. – Хорошо.

– Тогда вы решите, как поступить, сэр, и мы соответственно начнем действовать.

По-видимому, этот план был наилучший, и в конце концов на нем остановились. Мистер Уэллер, с разрешения своего хозяина, отправился провести вечер по собственному усмотрению; вскоре затем он был единогласно избран собравшейся компанией на председательское место в распивочной, на каковом почетном посту снискал такое расположение джентльменов завсегдатаев, что взрывы хохота и одобрения проникали в спальню мистера Пиквика и сократили по меньшей мере на три часа его нормальный отдых.

Рано поутру, когда мистер Уэллер разгонял последние остатки возбуждения, вызванного вечерним пиршеством, при посредстве душа за полпенни (соблазнив предложением этой монеты молодого джентльмена, пристроенного к конюшенному ведомству, окатывать ему из насоса голову и лицо, пока он окончательно не оправится), его внимание было привлечено молодым человеком в ливрее цвета шелковицы, который сидел на скамейке во дворе и читал, по-видимому, сборник гимнов с видом глубоко сосредоточенным; тем не менее время от времени он поглядывал украдкой на человека под насосом, как будто заинтересованный его операциями.

«Ну и чудной парень, как я погляжу!» – подумал мистер Уэллер, как только встретил взгляд незнакомого человека в шелковичной ливрее, у которого было широкое, желтое, некрасивое лицо, глубоко запавшие глаза и гигантская голова, с которой свисали космы гладких черных волос. «Ну и чудной же парень!» – подумал мистер Уэллер, подумал и продолжал умываться, размышляя уже о другом.

Однако молодой человек упорно переводил взгляд со своей книги гимнов на Сэма и с Сэма на книгу гимнов, как будто хотел начать разговор. Тогда Сэм, чтобы дать повод к этому, спросил, фамильярно кивая ему:

– Как поживаете, командир?

– Я счастлив, что могу сказать – прекрасно, сэр, – неторопливо и вдумчиво ответил молодой человек, закрывая книгу. – Надеюсь, и вы также, сэр?

– Ну, не чувствуй я себя, как ходячая бутылка бренди, я бы тверже держался сегодня на ногах, – ответил Сэм. – Вы стоите в этой гостинице, старина?

Шелковичный субъект отвечал утвердительно.

– Почему вас не было вчера с нами? – осведомился Сэм, вытирая лицо полотенцем. – Вы как будто весельчак... на вид общительны, как живая форель в липовой корзинке, – добавил мистер Уэллер про себя.

– Вчера мы с хозяином были в гостях, – отвечал незнакомец.

– Как его зовут? – полюбопытствовал мистер Уэллер, сильно раскрасневшись от внезапного волнения и упражнения с полотенцем.

– Фиц-Маршалл, – ответил шелковичный субъект.

– Дайте вашу руку, – сказал мистер Уэллер, подходя к нему, – я хочу с вами познакомиться. Мне правится ваше лицо.

– Это очень странно, – простодушно заметил шелковичный субъект. – Мне ваше так понравилось, что я хотел заговорить с вами, как только увидел вас под насосом.

– Да ну?

– Честное слово. Ну, не чудно ли это?

– Очень удивительно, – сказал Сэм, мысленно радуясь податливости незнакомца. – Как вас зовут, патриарх?

– Джоб.

– Какое прекрасное имя! Единственное, насколько мне известно, от которого нет уменьшительного. А дальше как?

– Троттер, – сказал незнакомец. – А вас как?

Сэм хранил в памяти наставления хозяина и ответил:

– Меня зовут Уокер[55], моего хозяина – Уилкинс. Не хотите ли промочить сейчас горло, мистер Троттер?

Мистер Троттер согласился на это приятное предложение и, опустив книгу в карман, отправился вместе с мистером Уэллером в распивочную, где они вскоре занялись обсуждением веселящего напитка, составленного путем смешения в оловянном сосуде определенного количества британского джина с ароматной эссенцией гвоздики.

– Хорошее у вас место? – полюбопытствовал Сэм, вторично наполняя стакан своего собутыльника.

– Плохое, – сказал Джоб, причмокивая губами, – очень плохое.

– Да что вы! – сказал Сэм.

– Верно. Хуже всего то, что мой хозяин собирается жениться.

– Не может быть!

– Но это так, и еще хуже то, что он собирается удрать с ужасно богатой наследницей из пансиона.

– Ну и дракон! – воскликнул Сэм – снова наполняя стакан приятелю. Должно быть, какой-нибудь пансион здесь, в городе?

Хотя этот вопрос был задан самым небрежным тоном, какой только можно вообразить, мистер Джоб Троттер ясно показал жестами, что от него не укрылось желание нового друга выудить ответ. Он осушил стакан, посмотрел таинственно на приятеля, подмигнул по очереди своими крошечными глазками и сделал движение рукой, словно приводил в действие воображаемый, насос, тем самым давая понять, что, по его (мистера Троттера) соображению, мистер Сэмюел Уэллер хочет нечто из него выкачать.

– Нет, нет, – сказал в заключение мистер Троттер, – об этом не говорят первому встречному. Это секрет... большой секрет, мистер Уокер.

Сказав это, шелковичный субъект перевернул стакан вверх дном, дабы напомнить своему приятелю, что ему нечем утолить жажду. Сэм понял намек и, оценив деликатность, с какою он

был сделан, приказал вновь наполнить оловянный сосуд. Глазки шелковичного субъекта засверкали.

– Так это секрет? – проговорил Сэм.

– Похоже на то, – ответил шелковичный субъект, с довольной миной потягивая свой напиток.

– Должно быть, ваш хозяин очень богат? – сказал Сэм.

Мистер Троттер улыбнулся и, держа стакан в левой руке, правой раза четыре похлопал по карману своих шелковичных невыразимых, давая этим понять, что его хозяин мог бы сделать то же самое, никого не потревожив звоном монеты.

– А, вот оно что! – сказал Сэм.

Шелковичный субъект многозначительно кивнул.

– Ну, а не сдается ли вам, старина, – продолжал мистер Уэллер, – что вы окажетесь сущим негодяем, если позволите своему хозяину провести молодую леди?

– Я это знаю, – сказал Джоб Троттер, обращая к своему собеседнику удрученную физиономию и тихонько охая. – Я это знаю, и вот это-то меня больше всего сокрушает. Но что же мне делать?

– Что делать! – воскликнул Сэм. – Открыть все начальнице и выдать своего хозяина.

– Кто мне поверит? – возразил Джоб Троттер. – Молодая леди считается образцом невинности и скромности. Она станет это отрицать, мой хозяин тоже. Кто мне поверит? Я потеряю место, и меня обвинят в заговоре или еще в чем-нибудь. Вот все, что я получу за доброе побуждение.

– Это смахивает на правду, – задумчиво сказал Сэм, – да, пожалуй, смахивает на правду.

– Если бы я знал какого-нибудь почтенного джентльмена, который взялся бы за это дело, – продолжал мистер Троттер, – тогда у меня была бы надежда помешать побегу, но тут, мистер Уокер, опять та же загвоздка. В этом чужом городе я ни одного джентльмена не знаю, да если бы и знал, десять против одного, что он не поверит моему рассказу.

– Пойдемте со мной! – воскликнул Сэм, внезапно вскакивая и хватая шелковичного субъекта за руку. – Мой хозяин – вот кто вам нужен.

И, преодолев слабое сопротивление со стороны Джоба Троттера, Сэм повел своего новообретенного друга в комнату мистера Пиквика, которому представил его вместе с кратким изложением диалога, только что нами приведенного.

– Мне очень жалко предавать моего хозяина, сэр, – сказал Джоб Троттер, прикладывая к глазам розовый клетчатый носовой платочек величиною не больше шести квадратных дюймов.

– Такие чувства делают вам честь, – заметил мистер Пиквик, – но тем не менее это ваш долг.

– Знаю, что это мой долг, сэр, – согласился Джоб с большим чувством. Нам всем следовало бы исполнять свой долг, сэр, и я смиренно стараюсь исполнить свой, сэр, но это тяжелое испытание – предать хозяина, сэр, чье платье вы носите и чей хлеб едите, хотя бы он был мошенник, сэр.

– Вы очень хороший человек, – сказал глубоко растроганный мистер Пиквик, – честный человек.

– Ну-ну! – вмешался Сэм, который взирал на слезы мистера Троттера с заметным нетерпением. – Прекратите эту-вот поливку. Толку от нее не будет никакого.

– Сэм, – укоризненно сказал мистер Пиквик, – я с сожалением замечаю, что вы не питаете никакого уважения к чувствам этого молодого человека.

– Чувства у него отличные, сэр, – отвечал мистер Уэллер, – очень даже прекрасные, и просто жалость, если он их зря растратит, вот я и думаю, что лучше бы он их припрятал в

своей груди и не давал им превращаться в горячую воду, особливо если нет от них никакого толку. Слезы никогда еще часов не заводили и паровой машины не двигали. В следующий раз, как пойдете в гости, молодой человек, набейте этими-вот мыслями свою трубку, а сейчас спрячьте-ка в карман этот кусок розовой бумажной материи. Не так уж он красив, чтобы вы им размахивали, как канатный плясун.

– Мой слуга по-своему прав, – сказал мистер Пиквик, обращаясь к Джобу, – хотя его манера выражать свое мнение грубовата, а иной раз непонятна.

– Он, сэр, совершенно прав, – заявил мистер Троттер, – я больше не буду распускаться.

– Отлично, – сказал мистер Пиквик. – Ну, а где же находится этот пансион?

– Это большой старый дом из красного кирпича в самом предместье, сэр, – отвечал Джоб Троттер.

– А когда этот гнусный замысел будет приведен в исполнение? – продолжал мистер Пиквик. – Когда должен состояться побег?

– Сегодня ночью, сэр, – ответил Джоб.

– Сегодня ночью! – воскликнул мистер Пиквик.

– В эту самую ночь, сэр, – отвечал Джоб Троттер. – Вот что меня так тревожит.

– Надо немедленно принять меры! – заявил мистер Пиквик. – Я сейчас же повидаюсь с начальницей заведения.

– Прошу прощенья, сэр, но такие действия ни к чему не приведут, – возразил Джоб.

– Почему? – осведомился мистер Пиквик.

– Мой хозяин, сэр, очень хитрый человек.

– Я это знаю, – сказал мистер Пиквик.

– И он так обвился вокруг сердца старой леди, сэр, – продолжал Джоб, – что она ничему плохому о нем не поверит, даже если вы станете на колени и будете клясться, в особенности раз у вас нет никаких доказательств, кроме слов слуги, о котором она может знать только то (а мой хозяин непременно так скажет), что он был рассчитан за какую-то провинность и делает это в отместку.

– Что же в таком случае предпринять? – спросил мистер Пиквик.

– Старую леди ничем не убедишь, если он не будет захвачен при побеге, сэр, – ответил Джоб.

– Все эти старые кошки непременно хотят удариться головой об жернов, – заметил в скобках мистер Уэллер.

– Но я боюсь, что это чрезвычайно трудно – захватить его при побеге, – сказал мистер Пиквик.

– Не знаю, сэр, – сказал мистер Троттер, на секунду призадумавшись. – Мне кажется, это можно было бы сделать очень просто.

– Как? – задал вопрос мистер Пиквик.

– Да мой хозяин и я договорились с двумя служанками, и в десять часов они нас спрячут в кухне. Когда в доме все улягутся спать, мы выйдем из кухни, а молодая леди выйдет из своей спальни. Дорожная карета будет ждать, и мы тотчас укатим.

– Ну? – сказал мистер Пиквик.

– Ну, вот я и подумал, сэр, что если бы вы поджидали в саду, один...

– Один, – повторил мистер Пиквик. – Почему один?

– Старая леди, понятно, будет недовольна, – ответил Джоб, – если такое неприятное открытие произойдет на глазах посторонних и лишних людей. Да и молодая леди, сэр, – подумайте об ее чувствах!

– Вы совершенно правы, – сказал мистер Пиквик. – Это соображение свидетельствует о деликатности ваших чувств. Продолжайте. Вы совершенно правы.

– Так вот, сэр, я и подумал, что, если вы подождете один в саду и я вас впущу ровно в половине двенадцатого через дверь в конце коридора, выходящую в сад, вы поспеете как раз вовремя и поможете мне разрушить замыслы этого дурного человека, к которому я, по несчастью, попал в лапы.

Мистер Троттер глубоко вздохнул.

– Не огорчайтесь по этому поводу, – сказал мистер Пиквик. – Будь у него хоть крупица той деликатности, которая отличает вас, невзирая на ваше скромное положение, я бы еще мог возлагать на него некоторые надежды.

Джоб Троттер низко поклонился, и, несмотря на замечания мистера Уэллера, слезы снова выступили у него на глазах.

– Никогда еще не видывал такого парня, – сказал Сэм. – Будь я проклят, если у него в голове нет водопровода, который всегда работает.

– Сэм, придержите язык, – сказал мистер Пиквик очень строго.

– Слушаю, сэр, – отвечал мистер Уэллер.

– Мне этот план не нравится, – сказал мистер Пиквик после глубокого размышления. – Почему бы мне не снестись с друзьями молодой леди?

– Потому что они живут в ста милях отсюда, сэр, – ответил Джоб Троттер.

– Вот так загвоздка! – сказал мистер Уэллер в сторону.

– Ну, а этот сад? – продолжал мистер Пиквик. – Как я туда проберусь?

– Ограда очень низкая, сэр, а ваш слуга поможет вам взобраться.

– Мой слуга поможет мне взобраться, – машинально повторил мистер Пиквик. – А вы наверное будете возле той двери, о которой говорите?

– Ошибки быть не может, сэр, там только одна дверь, которая выходит в сад. Постучите в нее, когда услышите бой часов, и я тотчас открою.

– Мне этот план не нравится, – повторил мистер Пикник, – но, раз я другого не могу придумать и раз на карту поставлено счастье всей жизни молодой леди, я согласен. Я буду там.

Таким образом, во второй раз природная доброта мистера Пиквика вовлекла его в предприятие, от которого он с великой охотой держался бы в стороне.

– Как называется этот дом? – спросил мистер Пиквик.

– Вестгет-Хаус, сэр. Вы повернете немного вправо, когда дойдете до конца города, дом стоит особняком, в стороне от дороги, на воротах – медная доска с названием.

– Я его знаю, – сказал мистер Пиквик. – Я обратил на него внимание раньше, когда был в этом городе. Можете на меня положиться.

Мистер Троттер отвесил еще один поклон и хотел удалиться, а мистер Пиквик сунул ему в руку гинею.

– Вы славный малый, – сказал мистер Пиквик, – я восхищаюсь вашим добрым сердцем. Не благодарите. Помните: одиннадцать часов.

– Будьте спокойны, не забуду, сэр, – отвечал Джоб Троттер.

С этими словами он вышел из комнаты в сопровождении Сэма.

– Послушайте, – сказал тот, – совсем не плохая штука – это-вот хныканье. За такую хорошую плату я готов плакать, как водосточная труба в ливень. Как вы это проделываете?

– Это исходит от сердца, мистер Уокер, – торжественно ответил Джоб. – Прощайте, сэр.

«Чудак слабонервный, а все-таки мы из него вытянули все», – подумал мистер Уэллер, когда Джоб удалился.

О том, что думал мистер Троттер, мы сказать с точностью не можем, ибо сие нам неведомо.

Прошел день, настал вечер, и около десяти часов Сэм Уэллер доложил, что мистер Джингль и Джоб вышли вместе, что их вещи уложены и что они заказали карету. Заговор, по-видимому, приводится в исполнение по плану, изложенному мистером Троттером.

Пробило половина одиннадцатого – время, когда мистеру Пиквику надлежало приступить к исполнению деликатной миссии. От предложенного Сэмом пальто он отказался, чтобы не было никаких помех при перелезании через ограду, и отправился в путь, сопровождаемый своим слугой.

Луна взошла, но скрывалась за облаками. Была прекрасная сухая ночь, по удивительно темная. Тропинки, изгороди, поля, дома и деревья были окутаны тьмой. Было жарко и душно, зарницы слабо вспыхивали над линией горизонта, и только они одни оживляли тусклый сумрак, все обволакивавший, – не слышно было никаких звуков, кроме отдаленного лая какой-то беспокойной собаки.

Они нашли дом, прочитали медную табличку, обошли вокруг ограды и остановились там, где кончался сад.

– Вы вернетесь в гостиницу, Сэм, когда поможете мне перелезть, – сказал мистер Пиквик.

– Слушаю, сэр.

– И будете ждать моего возвращения.

– Конечно, сэр.

– Возьмите меня за ногу и, когда я скажу «вверх», осторожно меня поднимите.

– Да, сэр.

Покончив с приготовлениями, мистер Пиквик ухватился рукой за верхушку ограды и скомандовал «вверх», что и было исполнено буквально. Позаимствовало ли его тело гибкость, свойственную его уму, пли представление мистера Уэллера об осторожном подсаживании было несколько грубее, чем представление мистера Пиквика, – как бы там ни было, по непосредственным результатом его услуги было то, что сей бессмертный джентльмен перелетел через ограду прямо на клумбу, где, примяв предварительно три куста крыжовника и розовый куст, растянулся на земле во весь рост.

– Надеюсь, вы ничего себе не повредили, сэр? – громким шепотом спросил Сэм, как только оправился от изумления, вызванного таинственным исчезновением хозяина.

– Я-то себе конечно, не повредил, Сэм, – отвечал мистер Пиквик из-за ограды, – но склонен думать, что вы мне повредили.

– Надеюсь, что нет, сэр, – отозвался Сэм.

– Ничего, всего несколько царапин, – сказал мистер Пиквик, вставая. Ступайте, а то нас услышат.

– Прощайте, сэр.

– Прощайте.

Сэм Уэллер осторожно удалился, оставив мистера Пиквика одного в саду.

Время от времени огни вспыхивали в различных окнах дома или появлялись на лестнице; обитатели дома, видимо, готовились ко сну. Не рискуя раньше условленного часа подходить слишком близко к двери, мистер Пиквик приютился в углу ограды и ждал его приближения.

Ситуация была такова, что легко могла подействовать угнетающе на многих людей. Мистер Пиквик, однако, не чувствовал ни угнетенности, ни беспокойства. Он знал, что намерения у него благие, и всецело полагался на высоконравственного Джоба. Конечно, было

тоскливо, скучно, чтобы не сказать – жутко, но человек, склонный к созерцанию, всегда может заняться размышлениями. Мистер Пиквик доразмышлялся до того, что погрузился в дремоту, как вдруг его разбудили куранты на соседней церкви, пробившие условленный час – половину двенадцатого.

«Пора!» – подумал мистер Пиквик, осторожно поднимаясь на ноги. Он взглянул на дом. Огни погасли, и ставни были закрыты – несомненно все улеглись. Он подошел на цыпочках к двери и тихонько постучал. Спустя две-три минуты, не дождавшись ответа, он снова постучал, несколько громче, и снова еще громче.

Наконец, на лестнице послышались шаги, а затем сквозь замочную скважину блеснуло пламя свечи. Долго возились с цепью и засовами, и вот дверь стала медленно открываться.

Дверь открывалась наружу; и по мере того как она открывалась шире и шире, мистер Пиквик отступал за нее дальше и дальше. Каково же было его изумление, когда, соблюдая осторожность, он чуть-чуть высунулся и увидел, что человек, открывавший дверь, был... не Джоб Троттер, а служанка со свечою в руке!

Мистер Пиквик снова втянул голову с живостью, свойственной превосходному мелодраматическому актеру Панчу, когда тот подстерегает тупоголового комедианта с жестяной музыкальной шкатулкой.

– Должно быть, Сара, это была кошка, – сказала девушка, обращаясь к кому-то в доме. – Кис-кис-кис!

Но так как этот ласковый зов не выманил никакого животного, девушка не спеша закрыла дверь и снова ее заперла, оставив в саду мистера Пиквика, который вытянулся во весь рост и прижался к стене.

«Очень странно, – подумал мистер Пиквик. – Вероятно, они засиделись дольше, чем обычно. Чрезвычайно некстати они выбрали именно эту ночь... чрезвычайно».

С такими мыслями мистер Пиквик осторожно удалился в угол сада, где прятался раньше, и стал дожидаться момента, когда можно будет безопасно повторить сигнал.

Он не пробыл здесь и пяти минут, как за яркой вспышкой молнии последовал оглушительный удар грома, который загрохотал и с ужасающим шумом раскатился вдали; затем снова вспышка молнии, ярче, чем первая, и второй удар грома, оглушительнее, чем предыдущий; а затем полил дождь с силой и бешенством, сметавшими все на своем пути.

Мистер Пиквик прекрасно знал, что дерево – опасный сосед во время грозы. Дерево находилось справа от него, дерево слева, третье перед ним и четвертое сзади. Останься он на месте, он рискует стать жертвой несчастного случая; выйди он на середину сада, он, рискует попасть в руки констебля. Раза два он пытался перелезть через ограду, но так как на сей раз у него не было других подпорок, кроме тех, какими его снабдила природа, то единственным результатом его отчаянных попыток было появление множества очень неприятных царапин па коленях и бедрах, а также весьма обильной испарины.

– Какое ужасное положение! – сказал мистер Пикник, приостановившись, чтобы вытереть лоб после этих упражнений. Он взглянул на дом – всюду было темно. Должно быть, теперь все улеглись. Он попробует снопа дать сигнал.

Он прошел на цыпочках по сырому песку и постучал в дверь.

Затаив дыхание, он стал слушать через замочную скважину.

Ответа никакого. Очень странно. Снова стук. Он опить прислушался. В доме раздался тихий шепот, и затем послышался крик:

– Кто там?

«Это не Джоб, – подумал мистер Пиквик, поспешно прижимаясь снова к стене. – Это женщина».

Едва успел он прийти к такому заключению, как над лестницей распахнулось окно и три-четыре женских голоса повторили вопрос:

– Кто там?

Мистер Пиквик не смел шевельнуть ни рукой, ни ногой. Было ясно, что проснулся весь дом. Он решил оставаться на месте, пока тревога не уляжется, а затем сделать сверхъестественное усилие и перелезть через ограду или погибнуть при этой попытке.

Подобно всем решениям мистера Пиквика, это явилось наилучшим, какое можно было принять при данных обстоятельствах; но, к сожалению, оно зиждилось на предположении, что в доме не рискнут снова открыть дверь. Каково же было его отчаяние, когда он услышал, что цепь и засовы снимают, и увидел, как дверь медленно открывается шире и шире! Шаг за шагом отступал он к стене. Что делать! Препятствие в виде его собственной персоны мешало двери распахнуться настежь.

– Кто там? – завизжал с лестницы целый хор сопрано, в состав которого входили голоса старой девы – начальницы заведения, трех воспитательниц, пяти служанок и тридцати воспитанниц. Все они были полураздеты, а на головах лес папильоток.

Конечно, мистер Пиквик не ответил на вопрос: «Кто там?» – и послышался новый припев хора: «О боже, как страшно!»

– Кухарка! – сказала леди-настоятельница, благоразумно оставшаяся на самом верху лестницы, в арьергарде. – Кухарка, почему вы не выйдете в сад?

– Простите, сударыня, я боюсь, – ответила кухарка.

– Ах, боже, как глупа эта кухарка! – воскликнули тридцать воспитанниц.

– Кухарка! – сказала с большим достоинством леди-настоятельница. – Молчите! Я требую, чтобы вы сейчас же вышли в сад!

Кухарка расплакалась, а горничная сказала: «Стыдно!» – за каковое соучастие получила тут же предупреждение об увольнении через месяц.

– Вы слышите, кухарка? – сказала леди-настоятельница, нетерпеливо топая ногой.

– Вы слышите, кухарка, что говорит ваша хозяйка? – сказали три воспитательницы.

– Какая наглая особа эта кухарка! – сказали тридцать воспитанниц.

Злополучная кухарка, столь энергически понукаемая, сделала два шага вперед и, держа свечу так, что перед собой ровно ничего не могла видеть, заявила, будто там никого нет и, по всей вероятности, это ветер. Собрались было уже закрыть дверь, как вдруг одна любопытная воспитанница, заглянув в щель между дверными петлями, разразилась ужасными воплями, которые заставили мгновенно отступить кухарку и горничную, а вслед за ними и всех наиболее храбрых воспитанниц.

– Что случилось с мисс Смитерс? – спросила леди-настоятельница, когда вышеназванная мисс Смитерс впала в истерику в четыре девических силы.

– Ах, боже, милая мисс Смитерс! – воскликнули остальные двадцать девять воспитанниц.

– О, мужчина... мужчина... за дверью! – возопила мисс Смитерс.

Едва леди-настоятельница услышала этот устрашающий вопль, она ретировалась в свою спальню, заперла дверь, дважды повернув ключ, и комфортабельно упала в обморок. Воспитанницы, воспитательницы и служанки стремглав бросились вверх по лестнице, налетая друг на друга; никогда еще не бывало таких воплей, обмороков и такого смятения. В разгар суматохи мистер Пиквик вынырнул из своего убежища и предстал перед ними.

– Леди... дорогие леди! – промолвил мистер Пиквик.

– О, он называет нас дорогими! – воскликнула самая старая и безобразная воспитательница. – О, негодяй!

– Леди! – закричал мистер Пиквик, доведенный до отчаяния опасностью своего положения. – Выслушайте меня. Я не грабитель. Мне нужна хозяйка дома.

– О, какие свирепое чудовище! – взвизгнула другая воспитательница. Ему нужна мисс Томкинс!

Поднялся общий визг.

– Ударьте в сигнальный колокол! – крикнуло несколько голосов.

– Не надо, не надо! – вскричал мистер Пиквик. – Посмотрите на меня. Разве я похож на грабителя? Дорогие мои леди, вы можете связать меня по рукам и по ногам или запереть в чулан, если вам угодно. Только выслушайте, что я вам скажу... только выслушайте меня.

– Как вы попали и наш сад? – растерянно пролепетала горничная.

– Попросите сюда начальницу, и я расскажу ей все... все, – сказал мистер Пиквик, напрягая легкие до крайнего предела. – Попросите ее... успокойтесь только и попросите ее, и вы узнаете все.

Внешность мистера Пиквика или манеры, а может быть, соблазн – столь непреодолимый для женской натуры – услышать нечто, в данный момент окутанное тайной, привели наиболее разумных обитательниц дома (каких-нибудь четыре особы) в состояние сравнительного спокойствия. Для испытания правдивости мистера Пикника они предложили, чтобы он немедленно согласился подвергнуться лишению свободы, – если он согласен вести беседу с мисс Томкинс изнутри чулана, где приходящие воспитанницы вешают шляпы и сумочки с завтраком, то должен войти туда добровольно, что он и сделал, после чего его тщательно там заперли.

Это оживило всех. И когда мисс Томкинс пришлют в себя и сошла вниз, совещание началось.

– Мужчина! Что вы делали у меня в саду? – слабым голосом спросила мисс Томкинс.

– Я пришел предупредить вас, что одна из ваших молодых леди собиралась сбежать сегодня ночью, – ответил мистер Пиквик из чулана.

– Сбежать! – воскликнули мисс Томкинс, три воспитательницы, тридцать воспитанниц и пять служанок. – С кем?

– С вашим другим, мистером Чарльзом Фиц-Маршалом.

– С моим другом? – Я не знаю такого человека.

– В таком случае с мистером Джинглем,

– Никогда в жизни не слыхала этой фамилии.

– Значит, меня обманули и одурачили! – воскликнул мистер Пиквик. – Я стал жертвой заговора... гнусного и низкого заговора. Пошлите в «Ангел», сударыня, если вы мне не верите. Пошлите в «Ангел» за слугою мистера Пиквика, умоляю вас, сударыня.

– Вероятно, он человек порядочный. Вы слышите – он держит слугу, – сказала мисс Томкинс учительнице чистописания и арифметики.

– По моему мнению, мисс Томкинс, – сказала учительница чистописания и арифметики, – слуга держит его. Я думаю, что он сумасшедший, мисс Томкинс, а тот при нем сторожем.

– Мне кажется, вы совершенно правы, мисс Гуин, – ответствовала мисс Томкинс. – Пошлите двух служанок в «Ангел», а другие останутся здесь охранять нас.

Таким образом, две служанки были посланы в «Ангел» на поиски мистера Сэмюела Уэллера, а три остались охранять мисс Томкинс, трех воспитательниц и тридцать воспитанниц. А мистер Пиквик уселся в чулане, под сенью сумочек, и ждал возвращения посланных, вооружившись всем благоразумием и мужеством, какие только мог призвать на помощь.

Прошло полтора часа, прежде чем они вернулись, а когда, наконец, пришли, мистер Пиквик услышал, кроме голоса мистера Сэмюела Уэллера, еще два голоса, чьи интонации

показались ему знакомыми, но кому принадлежали они, он ни за какие блага не мог припомнить.

Последовал очень краткий разговор. Дверцу отперли. Мистер Пиквик вышел из чулана и очутился перед всем населением Вестгет-Хауса, перед мистером Сэмюелом Уэллером и... старым Уордлем, а также его будущим зятем, мистером Трандлем!

– Дорогой мой друг! – воскликнул мистер Пиквик, бросаясь вперед и хватая мистера Уордля за руку. – Дорогой мой друг, умоляю вас, ради самого неба, объясните этой леди печальное и ужасное положение, в какое я поставлен. Вы, вероятно, знаете уже обо всем от моего слуги, скажите им, дорогой мой, что я во всяком случае не грабитель и не сумасшедший!

– Я это сказал, дорогой мой друг... я это уже сказал, – ответил мистер Уордль, пожимая правую руку своему другу, в то время как мистер Трандль пожимал левую.

– А если кто-нибудь скажет или сказал, что это не так, – вмешался мистер Уэллер, выступая вперед, – тот говорит неправду, которая на правду нисколько не похожа, а наоборот, совсем не похожа. А сколько бы ни было здесь молодцов, которые так говорят, я буду счастлив доказать, что они ошибаются, – в этой самой комнате, если эти почтенные леди будут так добры удалиться и подавать их сюда по одному.

Сделав с большой непринужденностью этот вызов, мистер Уэллер выразительно ударил кулаком по раскрытой ладони и дружески подмигнул мисс Томкинс, которая пришла в неописуемый ужас, услышав предположение, будто в границах Вестгет-Хауса, пансиона для юных леди, могут находиться какие-то молодцы.

Объяснение мистера Пиквика с мисс Томкинс, так как оно частично уже имело место, закончилось быстро. Но ни по пути в гостиницу, куда он направился в сопровождении своих друзей, ни позже, когда мистер Пиквик сидел за ужином перед пылающим камином, в котором он больше всего нуждался, нельзя было вытянуть из него ни единого слова. Он казался ошеломленным и озадаченным. Один-единственный раз он повернулся к мистеру Уордлю и спросил:

– Как вы сюда попали?

– Мы с Трандлем приехали сюда, чтобы хорошенько поохотиться первого числа, – отвечал Уордль. – Мы прибыли ночью и с изумлением узнали от вашего слуги, что и вы находитесь здесь. Но я рад вас видеть, – добавил старик, хлопнув его по спине. – Я рад вас видеть. У нас будет веселая охота первого числа, и Уинклю мы дадим еще один шанс, – верно, старина?

Мистер Пиквик не дал никакого ответа; он даже не осведомился о своих друзьях в Дингли Делле и вскоре после этого отправился спать, распорядившись, чтобы Сэм пришел спять нагар со свечи, когда он позвонят.

Спустя некоторое время раздался звонок, и мистер Уэллер явился,

– Сэм! – сказал мистер Пиквик, выглядывая из-под одеяла.

– Сэр? – сказал мистер Уэллер.

Мистер Пиквик некоторое время молчал; мистер Уэллер снял нагар со свечи.

– Сэм! – повторил мистер Пиквик, словно делая над собой отчаянное усилие.

– Сэр? – повторил мистер Уэллер.

– Где этот Троттер?

– Джоб, сэр?

– Да.

– Уехал, сэр.

– Со своим хозяином, надо думать?

– Друг, или хозяин, или кто бы он ни был, а они уехали вместе, – ответил мистер Уэллер. – Ну и парочка, сэр!

– Джингль, мне кажется, догадался о моем намерении и подбил парня рассказать эту историю, – задыхаясь, выговорил мистер Пиквик.

– Так оно и есть, сэр, – ответил мистер Уэллер.

– Конечно, все было ложью?

– Все, сэр! – ответил мистер Уэллер. – Регулярное надувательство, сэр, ловкая проделка.

– Не думаю, что он так легко ускользнет от нас и следующий раз, Сэм, – сказал мистер Пиквик.

– Не думаю, сэр.

– Когда бы я ни встретил опять этого Джингля, – сказал мистер Пиквик, приподнимаясь в постели и нанося жестокий удар подушке, – я с ним лично расправлюсь и предам все дело огласке, чего он вполне заслуживает. Я сделаю это, или мое имя – не Пиквик!

– А попадись он только мне в руки, этот тихоня с черными волосами, – сказал Сэм, – если я не выкачаю у него из глаз тут же на месте воды, без всякого обмана, мое имя – не Уэллер! Спокойной ночи, сэр!

ГЛАВА XVII,

показывающая, что приступ ревматизма в некоторых случаях действует возбудительно на творческий ум

Хотя по своему телосложению мистер Пиквик в состоянии был вынести весьма значительное напряжение и утомление, однако он не устоял перед сочетанием напастей, которым подвергся в достопамятную ночь, описанную в предыдущей главе. Процесс ночного купанья на воздухе и обсыханья в чулане столь же опасен, сколь и своеобразен. Приступ ревматизма приковал мистера Пиквика к постели.

Но хотя телесные силы великого человека, таким образом, подвергались немалому испытанию, духовная его энергия сохраняла изначальную спою свежесть. Состояние его духа было напряженное, бодрость вновь была обретена. Даже раздражение, вызванное недавним приключением, покинуло его, и он без гнева и без смущения мог присоединиться к веселому смеху, каким разражался мистер Уордль при малейшем намеке на это приключение. Но мало этого. В течение двух дней, что мистер Пиквик был прикован к постели. Сэм был его несменяемой сиделкой. В первый день он старался забавлять хозяина анекдотами и беседой; на второй день мистер Пиквик потребовал ящик с письменными принадлежностями, перо и чернила и был очень занят в течение целого дня. На третий день, когда он уже мог сидеть у себя в спальне, он отправил своего слугу к мистеру Уордлю и мистеру Трандлю с приказанием передать им, что они окажут ему большое одолжение, если согласятся распить у него вечером бутылку вина. Приглашение было принято с большой охотой; и когда они сидели за стаканами вина, мистер Пиквик, не раз заливаясь румянцем, предложил их вниманию следующую маленькую повесть, которая являла собой обработанную им во время болезни запись безыскусственного рассказа мистера Уэллера.

«ПРИХОДСКИЙ КЛЕРК». Повесть об истинной любви

В очень маленьком провинциальном городке, на значительном расстоянии от Лондона, жил некогда маленький человек по имени Натэниел Пипкин, который был приходским клерком в маленьком городке и жил в маленьком доме па маленькой Хай-стрит, в десяти минутах ходьбы от маленькой церкви, и которого можно было застать ежедневно от девяти до четырех внедряющих свой маленький запас знаний в маленьких мальчиков. Натэниел Пипкин был кротким, безобидным, добродушным созданием со вздернутым носом и кривыми ногами, слегка

косившим и прихрамывавшим; он делил свое время между церковью и своей школой, искрение веря, что никогда не существовало на лице земли такого умного человека, как приходский священник, такого внушительного помещения, как ризница, или такого упорядоченного учебного заведения, как его собственное. Только один-единственный раз в жизни Натэниел Пипкин видел епископа настоящего епископа, у которого были батистовые рукавчики, а на голове парик. Он видел, как тот ходил, и он слышал, как тот говорил на конфирмации, и когда во время этой величественной церемонии вышеупомянутый епископ положил руку ему па голову, Натэниел Пипкин был столь преисполнен почтения и благоговейного ужаса, что тут же упал в обморок и был вынесен из церкви сторожем.

Это было великое событие, ошеломляющее событие в жизни Натэниела Пипкина, и оно было единственным, какое замутило тихий поток его спокойного существования, покуда в один прекрасный день он не отвел в рассеянности глаза от доски, на которой писал головоломную задачу на правило сложения для провинившегося шалуна, и его взгляд внезапно не остановился на румяном лицо Мерайи Лобс, единственной дочери старого Лобса, важного шорника, жившего по другую сторону улицы.

Глаза мистера Пипкина останавливались на хорошеньком личике Мерайи Лобс много раз, когда он встречал ей в церкви или где-нибудь в других местах; но глаза Мерайи Лобс никогда не были такими блестящими, щеки Мерайи Лобс никогда не были такими румяными, как в этот именно день. Не удивительно, что Натэниел Пипкин не мог отвести глаз от лица мисс Лобс; не удивительно, что мисс Лобс, поймав на себе пристальный взгляд молодого человека, отвернулась от окна, из которого выглядывала, закрыла его и спустила штору; не удивительно, что Натэниел Пипкин немедленно вслед за этим набросился на юного шалуна, который раньше провинился, и отшлепал и отколотил его со всей возможной добросовестностью. Все это было очень естественно, и удивляться тут совершенно нечему.

Однако есть чему удивиться, если человек такого робкого нрава и нервического темперамента, как мистер Натэниел Пипкин, а главное – человек с такими ничтожными доходами, осмеливался, начиная с этого дня, домогаться руки и сердца единственной дочери вспыльчивого старого Лобса – старого Лобса, важного шорника, который мог бы купить целую деревню одним росчерком пера и даже не заметить издержек, старого Лобса, который, как было хорошо известно, имел уйму денег, помещенных в банке ближайшего базарного городка, старого Лобса, у которого, по слухам, были несметные и неистощимые сокровища, накопленные в маленьком железном сейфе с большой замочной скважиной, находившемся над каминной полкой в задней комнате, старого Лобса, который, как было хорошо известно, украшал в праздничные дни свой обеденный стол чайником, молочником и сахарницей из чистого серебра, каковые – он похвалялся в гордыне сердца своего – должны были стать собственностью его дочери, когда та найдет себе мужа по вкусу. Я повторяю, – ибо это вызывает глубокое изумление и крайнее недоумение, – что Натэниел Пипкин имел дерзость скосить глаза в ту сторону. Но, как известно, любовь слепа, известно также, что Натэниел Пипкин слегка косил, и, быть может, именно эти два обстоятельства взятые вместе помешали ему увидеть все дело в настоящем свете.

Если бы у старого Лобса было хотя бы самое отдаленное или туманное представление о чувствах Натэниела Пипкина, он бы попросту сровнял школу с землей, или стер учителя с лица земли, или совершил какой-нибудь другой оскорбительный и чудовищный поступок, в равной мере жестокий и неистовый, ибо он был ужасным стариком, этот Лобс, когда задевали его гордость или в нем вскипала кровь. А ругался он! Такие вереницы проклятий катились иной раз с грохотом через улицу, когда он обличал леность своего костлявого подмастерья на тонких ногах, что Натэниела Пипкина с ног до головы охватывала от ужаса дрожь и волосы на головах его учеников вставали дыбом от страха.

Ну, так вот, день за днем, когда кончались занятия в школе и ученики расходились, Натэниел Пипкин садился у окна на улицу и, делая вид, будто читает книгу, бросал косые

взгляды через улицу в надежде увидеть блестящие глазки Мерайи Лобс; и не просидел он таким образом и двух-трех дней, как в верхнем окне появились блестящие глазки, тоже прикованные, по-видимому, к книге. Это было восхитительно и радовало сердце Натэниела Пипкина. Ради этого стоило просиживать здесь часами и смотреть на хорошенькое личико, когда глазки были опущены; по когда Мерайя Лобс начинала отрывать глаза от книги и бросать лучистые взгляды в сторону Натэниела Пипкина, его восторг и упоение были буквально безграничны. Однажды, зная, что старого Лобса нет дома, Натэниел Пипкин дерзнул, наконец, послать воздушный поцелуй Мерайе Лобс, а Мерайя Лобс, вместо того чтобы закрыть окно и опустить штору, послала воздушный поцелуй ему и улыбнулась. Вот почему Натэниел Пипкин решил – будь что будет, а он откроет свои чувства без дальнейшего промедления!

Никогда еще не украшали землю более изящная ножка и веселое сердце, более милое личико и хрупкая фигурка, чем у Мерайи Лобс, дочери старого шорника. В ее блестящих глазках играл плутовской огонек, который воспламенил бы сердце, значительно менее чувствительное, чем сердце Натэниела Пипкина; и в ее веселом смехе звучала такая радостная нота, что самый суровый мизантроп должен был улыбнуться, ее услышав. Даже сам старик Лобс, в минуту крайнего раздражения, не мог противиться ласкам своей хорошенькой дочери; а когда она и ее кузина Кейт – лукавая, очаровательная маленькая особа с дерзким взглядом – вместе вели атаку на старика, что, сказать по правде, делали они очень часто, он не мог им отказать ни в чем, потребуй они даже часть несметных и неистощимых сокровищ, укрытых от дневного света в железном сейфе.

У Натэниела Пипкина сильно забилось сердце, когда он увидел эту соблазнительную парочку ярдах в ста впереди летним вечером, на том самом поле, по которому он много раз бродил до наступления темноты, размышляя о красоте Мерайи Лобс. Но хотя не раз думал он о том, как живо и легко подойдет к Мерайе Лобс и расскажет ей о своей страсти, если только ему удастся ее встретить, оп почувствовал теперь, когда она неожиданно появилась перед ним, что вся кровь бросилась ему в лицо, к явному ущербу для его ног, которые, лишившись своей обычной доли крови, задрожали. Когда девушки останавливались сорвать цветок или послушать пение птицы, Натэниел Пипкин также останавливался и делал вид, что погружен в размышления, и это соответствовало действительности, ибо он думал о том, что же ему делать, когда они повернут назад – а это было неизбежно – и встретятся с ним лицом к лицу. Но хотя ему страшно было их догнать, он не согласился бы потерять их из виду; вот почему, когда они ускоряли шаги, и он ускорял шаги, когда они замедляли их, и он замедлял, когда они останавливались, и он останавливался; и так они могли бы продолжать свою прогулку до наступления темноты, если бы Кейт не оглянулась украдкой и не поманила ободряюще Натэниела Пипкина. В манерах Кейт было что-то, чему нельзя было противостоять, и вот Натэниел Пипкин пошел на зон; Натэниел Пипкин густо краснел, а коварная маленькая кузина неудержимо смеялась; Натэниел Пипкин преклонил колени на покрытой росой траве и объявил о своем решении остаться коленопреклоненным навеки, если ему не будет разрешено встать признанным возлюбленным Мерайи Лобс. В ответ на это в тихом вечернем воздухе зазвенел веселый смех Мерайи Лобс, – впрочем, нимало как будто не потревожив тишины, так приятно он звучал, – коварная маленькая кузина засмеялась еще безудержнее, а Натэниел Пипкин покраснел гуще, чем когда бы то ни было. Наконец, Мерайя Лобс, побуждаемая к смелости беззаветной любовью маленького человека, отвернула головку и шепотом попросила кузину сказать, – или во всяком случае Кейт *сказала*, – что она чувствует себя весьма польщенной вниманием мистера Пипкина, что ее рукой и сердцем распоряжается ее отец, но что все должны признать достоинства мистера Пипкина. Так как все это было сказано с большой серьезностью и так как Натэниел Пипкин возвращался домой с Мерайей Лобс и пробовал добиться поцелуя при прощанье, то он лег спать счастливым человеком, и всю ночь ему снилось, что он смягчает сердце старого Лобса, открывает денежный сундук и, женится на Мерайе.

На следующий день Натэниел Пипкин видел, что старый Лобс уехал на своем старом сером пони, и после многих сигналов, подаваемых из окна маленькой коварной кузиной, цель и смысл которых он никак не мог понять, костлявый подмастерье на топких ногах явился сообщить, что его хозяин не вернется домой до утра и что леди ждут мистера Пипкина к чаю ровно в шесть часов. Как проходили в тот день уроки, об этом ни Натэниел Пипкин, ни его ученики не могли бы сказать больше, чем вы; но так или иначе, а они кончились, и когда мальчики разошлись, Натэниел Пипкин ровно в шесть часов оделся, не упустив ни одной мелочи. Нельзя сказать, чтобы он долго выбирал, какой костюм надеть, ибо никакого выбора ему не представлялось; но надеть костюм так, чтобы, предварительно вычистив, придать ему блеск, было делом чрезвычайно трудным и важным.

Собралось очень приятное маленькое общество, состоявшее из Мерайи Лобс, ее кузины Кейт и трех-четырех веселых, добродушных, румяных девушек. Натэниел Пипкин увидел наглядное подтверждение того факта, что слухи о сокровищах старого Лобса не были преувеличены. Настоящий массивный серебряный чайник, молочник и сахарница красовались на столе, настоящие серебряные чайные ложки, настоящие фарфоровые чашки и такие же тарелки для печенья и гренок... Единственным темным пятном на всем этом был кузен Мерайи Лобс – брат Кейт, которого Мерайя Лобс звала Генри и который, казалось, целиком завладел вниманием Мерайи Лобс, заняв с нею один угол стола. Весьма приятно видеть родственную любовь, но с нею можно зайти, пожалуй, слишком далеко, и Натэниел Пипкин невольно подумал, что Мерайя Лобс, должно быть, исключительно привязана к своим родственникам, если она оказывает им всем такое же внимание, как этому кузену. После чаю, когда маленькая коварная кузина предложила играть в жмурки, случилось почему-то так, что Натэниел Пипкин почти все время водил, и когда бы ни попадался ему под руку кузен, Натэниел Пипкин неизменно убеждался, что Мерайя Лобс находится тут же. И хотя маленькая коварная кузина и другие девушки щипали его, дергали за волосы, подставляли стулья и дразнили, Мерайя Лобс, казалось, не подходила к нему вовсе. А один раз – один раз – Натэниел Пипкин готов был поклясться, что он слышал звук поцелуя, затем слабые протесты Мерайи Лобс и приглушенный смех ее подруг. Все это было странно, очень странно, и нельзя предсказать, что мог бы или чего не мог бы к результате сделать Натэниел Пипкин, если бы его мысли не были внезапно направлены в новое русло.

Причиной, которая направила его мысли в новое русло, послужил громкий стук в парадную дверь, а человек, громко стучавший и парадную дверь, был не кто иной, как сам старый Лобс, который неожиданно вернулся и стучал, как гробовщик, потому что хотел есть. Не успел костлявый подмастерье на тонких ногах принести тревожную весть, как девушки на цыпочках побежали наверх, в комнату Мерайи Лобс, а кузен и Натэниел были втиснуты в два стенных шкафа в гостиной, за неимением лучшего потайного местечка; а когда Мерайя Лобс и маленькая коварная кузина спрятали их и привели комнату в порядок, они открыли дверь старому Лобсу, который так ни на секунду и не переставал стучать.

К несчастью, старый Лобс очень проголодался и был чудовищно зол. Натэниел Пипкин слышал, как он ворчал, словно старая охрипшая цепная собака, а стоило войти в комнату злополучному подмастерью на тонких ногах, как старый Лобс неизменно начинал ругать его, словно лютый сарацин, хотя, по-видимому, единственной его целью и намерением было облегчить свою грудь, отделавшись от избытка ругательств. Наконец, на стол был подан ужин, который предварительно разогрели, и старый Лобс набросился на него по всем правилам; покончив с этим делом в один момент, он поцеловал дочь и потребовал трубку.

Природа устроила колени Натэниела Пипкина так, что они находились в очень близком соседстве, но когда он услышал, что старый Лобс требует трубку, они застучали, как будто хотели стереть друг друга в порошок; ибо в этом самом шкафу, где он стоял, на двух крючках висела та самая большая трубка с коричневым чубуком и серебряной головкой, которую он видел во рту старого Лобса аккуратно каждый день и каждый вечер в течение последних пяти

лет. Две девушки стали искать трубку внизу, искали трубку наверху и всюду, но только не там, где, как они знали, находилась трубка, а старый Лобс тем временем бушевал самым неописуемым образом. Наконец, он вспомнил о стенном шкафе и подошел к нему. Не было никакого смысла такому маленькому человеку, как Натэниел Пипкин, тянуть дверцу внутрь, когда такой большой, сильный мужчина, как старый Лобс, тянул ее наружу. Старый Лобс рванул ее разок и открыл настежь, – обнаружив Натэниела Пипкина, который стоял прямой, как палка, и дрожал от страха с головы до пят. Помилуй бог, каким ужасным взглядом окинул его старый Лобс, когда вытащил за шиворот и держал на расстоянии вытянутой руки!

– Какого черта вам здесь нужно? – страшным голосом спросил старый Лобс.

Натэниел Пипкин не мог дать никакого ответа, и потому старый Лобс раскачивал его взад и вперед в течение двух-трех минут, дабы привести его мысли в порядок.

– Что вам здесь нужно? – заревел Лобс. – Чего доброго, вы явились за моей дочерью?

Старый Лобс сказал это только в насмешку, ибо он не думал, чтобы самонадеянность смертного могла завести Натэниела Пипкина так далеко. Каково же было его негодование, когда бедняга ответил:

– Да, мистер Лобс. Я пришел за вашей дочерью. Я люблю ее, мистер Лобс.

– Ах вы плаксивый, криворотый, жалкий негодяй! – ахнул старый Лобс, ошеломленный страшным признанием. – Что вы под этим подразумеваете? Отвечайте прямо! Проклятье! Я вас задушу!

Не было ничего невероятного в том, что старый Лобс в припадке бешенства привел бы эту угрозу в исполнение, если бы его руку не остановило весьма неожиданное явление – а именно кузен, который, выйдя из своего шкафа и подойдя к старому Лобсу, сказал:

– Сэр, я не могу допустить, чтобы этот безобидный человек, приглашенный сюда по какой-то девичьей причуде, брал на себя весьма благородным образом вину (если это вина), которая лежит на мне и которую я готов признать. Я люблю вашу дочь, сэр, и я пришел сюда с целью повидаться с нею.

Тут старый Лобс раскрыл глаза очень широко, но не шире чем Натэниел Пипкин.

– Вы? – произнес старый Лобс, овладей, наконец, дыханием, чтобы вымолвить слово.

– Я.

– Но я давно отказал вам от дома.

– Да, вы отказали. Иначе я не пришел бы сюда тайком сегодня вечером.

Мне грустно говорить это о старом Лобсе, но я думаю, что он поколотил бы кузена, если бы его хорошенькая дочка, блестящие глаза которой наполнились слезами, не вцепилась ему в руку.

– Не удерживайте его, Мерайя, – сказал молодой человек, – если у него есть желание меня ударить, пусть ударит. Ни за какие блага в мире я не трону ни единого волоса на его седой голове.

Старик опустил глаза, услышав этот упрек, и встретил взгляд своей дочери. Я уже упоминал раз или два, что глаза у нее были очень блестящие, и хотя теперь они наполнились слезами, однако не стали менее выразительными. Старый Лобс отвернулся, словно желал избежать их влияния, и тут, по воле судьбы, его взгляд упал па лицо маленькой коварной кузины, которая, побаиваясь за брата и в то же время подсмеиваясь над Натэниелом Пипкиным, состроила такую очаровательную мину, слегка испуганную вдобавок, что па нее стоило посмотреть и старому и молодому. Затем она умоляюще продела свою руку под руку старика и прошептала ему что-то па ухо; старый Лобс ничего не мог поделать, – он расплылся в улыбку, и в то же самое время по щеке у него скатилась слеза.

Минут пять спустя из комнаты Мерайи появились девицы; они хихикали и смущались; когда молодежь обрела полное счастье, старый Лобс достал свою трубку и закурил ее; и

любопытно одно обстоятельство, касающиеся именно этой трубки табаку: она оказалась самой умиротворяющей и приятной трубкой, какую он когда-либо курил.

Натэниел Пипкин счел наилучшим хранить свою тайну и благодаря этому вошел постепенно в милость к старому Лобсу, который со временем научил его курить, и в течение многих последующих лет они сиживали в саду ясными вечерами, весьма торжественно покуривая и попивая. Он скоро оправился от своей страсти, ибо мы находим его имя в приходской книге, где он расписался как свидетель бракосочетания Мерайи Лобс и ее кузена; выяснилось также, на основании других документов, что в ночь свадьбы он был посажен в деревенскую тюрьму, ибо совершил на улице, в состоянии опьянения, ряд эксцентрических поступков, в чем его поддерживал и к чему его подстрекал костлявый подмастерье на тонких ногах.

ГЛАВА XVIII,

вкратце поясняющая два пункта: во-первых, силу истерики и, во-вторых, силу обстоятельств

В течение двух дней, следовавших за завтраком у миссис Хантер, пиквикисты оставались в Интенсуилле, с беспокойством ожидая вестей от своего досточтимого вождя. Мистеру Тапмену и мистеру Снодграссу было по-прежнему предоставлено развлекаться по-своему, ибо мистер Уинкль, уступая самому настойчивому приглашению, продолжал жить в доме мистера Потта и посвящать свой досуг обществу его очаровательной супруги. Не раз и сам мистер Потт присоединялся к ним для довершения их блаженства. Глубоко погруженный в размышления об общественном благе и о посрамлении «Независимого», этот великий муж редко решался снизойти с высоты своего ума к скромному уровню умов ординарных. Но на сей раз, как бы подчеркивая свое расположение к любому последователю мистера Пикника, он снисходил, уступал, спускался со своего пьедестала и шагал по земле, милостиво приноравливая свои замечания к разумению стада и, если судить не по духу, а по форме, казалось, сопричислял себя к этому стаду.

При таком отношении сего знаменитого общественного деятеля к мистеру Уинклю легко себе представить крайнее удивление, изобразившееся на лице этого джентльмена, сидевшего в столовой за утренним завтраком, когда дверь быстро распахнулась и столь же быстро захлопнулась за мистером Поттом, который величественно направился к нему и, оттолкнув протянутую руку, заскрежетал зубами, словно хотел отточить то, что собирался произнести, и воскликнул скрипучим голосом:

– Змея!

– Сэр! – воскликнул мистер Уинкль, вставая с кресла.

– Змея, сэр! – повторил мистер Потт, возвышая голос, а затем внезапно понижая: – Я сказал, змея, сэр, – понимайте как знаете.

Если вы расстались с человеком друзьями в два часа ночи, а он встречает вас утром в половине десятого и вместо приветствия называет вас змеей, есть основания заключить, что за это время случилось нечто неприятное. Эта мысль пришла в голову мистеру Уинклю. Он ответил мистеру Потту ледяным взглядом и, следуя совету сего джентльмена, старался «понять как знает», что такое змея. Однако из этого ничего не вышло, и после нескольких минут глубокого молчания он сказал:

– Змея, сэр... змея, мистер Потт! Что вы хотите сказать, сэр?.. Это шутка!

– Шутка, сэр! – закричал мистер Потт, сделав жест, выражавший горячее желание запустить чайником из британского металла в голову гостя. – Шутка, сэр... По нет, я буду сдержан! Я буду сдержан, сэр!

И, в доказательство своей сдержанности, мистер Потт с пеной у рта бросился в кресло.

– Дорогой сэр! – выкликнул мистер Уинкль.

– Дорогой сэр! – подхватил Потт. – Как вы смеете, сэр, обращаться ко мне со словами «дорогой сэр»? Как вы смеете, говоря это, смотреть мне в глаза, сэр?

– В таком случае, сэр, мне остается спросить, – ответил мистер Уинкль, – как вы смеете смотреть мне в глаза и называть меня змеей, сэр?

– Потому что вы змея! – отвечал мистер Потт.

– Докажите это, сэр! – горячо сказал мистер Уинкль. – Докажите!

Мрачное облако пронеслось по глубокомысленному лицу издателя, когда он вытащил из кармана утренний номер «Независимого» и, ткнув пальцем в какую-то заметку, шнырнул газету через стол мистеру Уинклю.

Сей джентльмен взял се и прочел следующее:

«Наш невежественный и мерзкий противник в отвратительных заметках по поводу последних выборов в нашем городе осмелился вторгнуться в святилище частной жизни и коснулся крайне недвусмысленным образом личных дел нашего бывшего кандидата и нашего будущего представителя, несмотря на гнусно подстроенное его поражение – мистера Физкина. Чего добивается наш подлый противник? Что сказал бы этот грубиян, если бы мы пренебрегли, подобно ему, общественной благопристойностью и приподняли завесу, которая, к счастью для него, защищает его личную жизнь от насмешек, чтобы не сказать омерзения? Что, если бы мы указали и комментировали факты и обстоятельства, которые хорошо известны и замечены всеми, кроме нашего слепого, как крот, противника?.. Что, если бы мы обнародовали следующее излияние, которое мы получили, когда начали писать эту статью, от талантливого согражданина и сотрудника:

„МЕДНЫЙ ЛОБ"

Коли знал бы П...
Как много забот
Рогатым состоять супругом,
То сделал бы, поверь,
Чего нельзя теперь,
И свел ее до свадьбы с Уинклем-другом.»

– Какие рифмы к слову «забот», негодяй? – торжественно вопросил мистер Потт.

– Какие рифмы к слову «забот»? – повторила миссис Потт, чье появление в этот момент предупредило ответ. – Скажем – Потт!

Говоря это, миссис Потт ласково улыбнулась ошарашенному пиквикисту и протянула ему руку. Взволнованный молодой человек в смущении готов был пожать поданную ему руку, если бы не вмешался негодующий Потт.

– Назад, сударыня, назад! – крикнул редактор. – Пожимать ему руку на моих глазах!

– Мистер Потт! – сказала удивленная леди.

– Несчастная женщина, смотрите! – воскликнул супруг. – Смотрите, сударыня, – «Медный лоб». «Медный лоб» – это я. «Она» – это вы, сударыня... вы!

В порыве бешенства, сопровождаемого чем-то вроде дрожи, вызванной выражением лица его супруги, Потт бросил свежий номер «Итенсуиллского независимого» к ее ногам.

– Однако, сэр, – сказала удивленная миссис Потт, наклоняясь, чтобы поднять газету. – Однако, сэр!

Мистер Потт вздрогнул под презрительным взглядом своей супруги. Он делал отчаянные усилия подвинтить свою храбрость, но она быстро развинчивалась.

Ничего нет ужасного в этой краткой реплике: «Однако, сэр!» – когда приходится ее читать, но тон, каким она была произнесена, и взгляд, ее сопровождавший, казалось, прямо указывали па отмщение, долженствующее обрушиться на голову Потта, и произвели на него соответствующее впечатление. Самый неопытный наблюдатель мог бы обнаружить в его взволнованной физиономии готовность уступить свои веллингтоновские сапоги любому бесстрашному заместителю, который согласился бы в данный момент стоять в них перед миссис Потт.

Миссис Потт прочла статью, испустила громкий кряк и грохнулась на ковер у камина, визжа и колотя каблуками, так что нельзя было сомневаться в характере ее чувств по данному поводу.

– Моя милая, – сказал устрашенный Потт, – я ведь не говорил, что верю этому... Я... – но голос несчастного утонул в визге его супруги.

– Миссис Потт, сударыня, позвольте и мне... умоляю вас, успокойтесь! – сказал мистер Уинкль, но вопли и стук участились и стали еще громче.

– Дорогая моя, – сказал мистер Потт, – мне очень жаль. Если ты не думаешь о своем здоровье, подумай хотя бы обо мне, дорогая. Перед домом соберется толпа.

По чем настойчивей умолял мистер Потт, тем неистовей были вопли.

К счастью, однако, при особе миссис Потт состояла телохранительница, некая молодая леди, прямой обязанностью коей было заведование ее туалетом, но крайне полезная во многих случаях жизни и больше всего в этой специальной области, где ее госпоже требовались поддержка и содействие в любой ее склонности противоречить желаниям несчастного Потта. В надлежащий срок вопли достигли слуха молодой леди и привели ее в комнату с быстротой, которая существенно угрожала привести в беспорядок ее локончики, затейливо свисавшие из-под чепчика.

– О моя дорогая миссис! – восклицала телохранительница, стремительно опускаясь на колени рядом с распростертой на полу миссис Потт. – О моя дорогая миссис! Что случилось?

– Ваш хозяин... ваш жестокий хозяин... – бормотала страдалица.

Потт явно начал сдаваться.

– Какой позор! – укоризненно сказала телохранительница. – Я знаю, он сведет вас в могилу, сударыня. Бедный ангел!

Он сдавался все заметнее. Противник продолжал атаку.

– Ох, не оставляйте меня... не оставляйте меня, Гудуин! – лепетала миссис Потт, судорожно цепляясь за руку упомянутой Гудунн. – Вы – единственное существо, которое меня любит, Гудуин!

После этого трогательного обращения Гудуин разыграла маленькую семейную трагедию собственного сочинения и пролила обильные слезы.

– Никогда, сударыня... никогда, – сказала Гудуин. – О сэр, вам следует быть заботливее... внимательнее, вы не знаете, как вы обижаете миссис. Когда-нибудь вы об этом пожалеете, я знаю, что пожалеете, и всегда это знала.

Несчастный Потт робко поднял глаза, но ничего из сказал.

– Гудуин, – позвала миссис Потт слабым голосом.

– Сударыня? – отозвалась Гудуин.

– Если бы вы только знали, как я любила этого человека!

– Не расстраивайте себя воспоминаниями, сударыня! – сказала телохранительница.

У Потта был совершенно перепуганный вид. Пришла пора, когда оставалось только прикончить его.

– А теперь, – рыдала миссис Потт, – теперь, после всего, что было, с тобой так обращаются, так позорят и оскорбляют в присутствии третьего лица, и это лицо – посторонний человек. Но я этого не потерплю! Гудуин, – продолжала миссис Потт, приподнимаясь в объятиях своей союзницы, – мой брат, лейтенант, заступится за меня. Я разведусь с ним, Гудуин!

– Он этого заслуживает, сударыня, – сказала Гудуин.

Какие бы мысли ни пробудила в уме мистера Потта угроза о разводе, он их скрыл и удовлетворился тем, что сказал с великим смирением:

– Моя дорогая, ты меня выслушаешь?

Единственным ответом был новый взрыв рыданий, и миссис Потт с возрастающей истеричностью начала требовать, чтобы ей сообщили, зачем она родилась на свет божий, и чтобы ей дали целый ряд сведений того же рода.

– Дорогая моя, – увещевал мистер Потт, – не поддавайся этим горьким чувствам. Я ни на минуту не поверил, что для этой заметки есть какие-либо основания, дорогая... Это невозможно! Я только рассердился, моя милая... Можно сказать, был в бешенстве... оттого, что шайка «Независимого» осмелилась это напечатать, вот и все!

Мистер Потт бросил умоляющий взгляд на безвинного виновника несчастья, словно просил его не упоминать о змее.

– А какие шаги, сэр, намереваетесь вы предпринять, чтобы получить удовлетворение? – осведомился мистер Уинкль, обретая смелость по мере того, как он видел, что Потт ее теряет.

– О Гудуин! – пролепетала миссис Потт. – Он собирается отхлестать редактора «Независимого»... собирается, Гудуин?

– Тише, тише, сударыня, прошу вас, успокойтесь. – ответила телохранительница. – Конечно, отхлещет, раз вы этого хотите, сударыня.

– Обязательно! – сказал Потт, уловив в поведении супруги симптомы нового обморока. – Конечно, я его отхлещу!

– Когда, Гудуин? – осведомилась миссис Потт, еще не решив, как ей быть с обмороком.

– Разумеется, немедленно, – сказал мистер Потт. – Сегодня!

– О Гудуин, – продолжала миссис Потт, – это единственный способ ответить на клевету и восстановить мою честь в глазах общества.

– Ну, конечно, сударыня, – отвечала Гудуин. – Ни один мужчина, если только он мужчина, сударыня, не может отказаться.

Так как истерика все еще носилась в воздухе, мистер Потт подтвердил, что не откажется, но миссис Потт была так потрясена при одной мысли о павшем на нее подозрении, что еще с полдюжины раз собиралась устроить припадок и, вне всякого сомнения, лишилась бы чувств, если бы не беспрерывная поддержка со стороны неутомимой Гудуин и не повторные мольбы о прощении побежденного Потта. Когда, наконец, несчастный был запуган вконец и унижен до подобающего ему уровня, миссис Потт пришла в себя, и они приступили к завтраку.

– Вы, конечно, не допустите, мистер Уинкль, чтобы эта презренная газетная клевета сократила время вашего пребывания у нас? – спросила миссис Потт, улыбаясь сквозь слезы.

– Надеюсь, что нет, – сказал мистер Потт, одержимый при этих словах горячим желанием, чтобы его гость подавился гренком, который тот подносил в этот момент ко рту, и тем самым основательно сократил свое пребывание у них.

– Надеюсь, что нет.

– Вы очень добры, – ответил мистер Уинкль, – но от мистера Пиквика получено письмо – об этом я узнал из записки мистера Тапмена, которая была доставлена мни сегодня утром, когда я еще спал, – в нем мистер Пиквик просит нас встретиться с ним сегодня в Бери. Мы отправляемся с каретой в полдень.

– Но вы вернетесь? – спросила миссис Потт.

– О, конечно! – ответил мистер Уинкль.

– Вы уверены? – сказала миссис Потт, украдкой посылая нежный взгляд гостю.

– Совершенно, – отозвался мистер Уинкль.

Завтрак прошел в молчании, ибо каждый был погружен в мысли о личных неприятностях. Миссис Потт сожалела о потере своего кавалера; мистер Потт о своем опрометчивом обещании отхлестать «Независимого»; мистер Уинкль – о том, что невольно поставил себя в такое щекотливое положение. Наступил полдень, и после многочисленных «до свиданья» и обещаний вернуться он вырвался от гостеприимных супругов.

«Если он вернется, я его отравлю», – думал мистер Потт, направляясь в свой маленький кабинет, где он фабриковал громовые стрелы.

«Если я когда-нибудь еще вернусь сюда и снова буду водиться с этими людьми, – думал мистер Уинкль, держа путь к „Павлину", – я заслуживаю того, чтобы меня самого отхлестали... вот и все!»

Друзья его уже собрались к отъезду, карета была наготове, и через полчаса они пустились в путешествие той самой дорогой, какой ехали недавно мистер Пиквик и Сэм и поэтическое описание которой, сделанное мистером Снодграссом, мы не намерены приводить, так как кое-что о ней уже было сказано нами.

Мистер Уэллер встретил их у дверей «Ангела», и когда этот джентльмен провел их в комнату мистера Пиквика, они, к немалому удивлению мистера Уинкля и мистера Снодграсса и к немалому замешательству мистера Тапмена, застали там старого Уордля и Трандля.

– Как поживаете? – спросил пожилой джентльмен, пожимая руку мистеру Тапмену. – Не удручайтесь и не принимайте этого близко к сердцу, ничего не поделать, дружище. В ее интересах я бы хотел, чтобы она стала вашей, в ваших собственных – я очень рад, что этого не случилось. Такой молодой человек, как вы, не упустит своего... а?

Высказав это утешительное соображение, Уордль хлопнул мистера Тапмена по спине и добродушно рассмеялся.

– А вы как поживаете, любезные друзья? – спросил пожилой джентльмен, пожимая руки одновременно мистеру Уинклю и мистеру Снодграссу. – Сию минуту я говорил Пиквику, что нам нужно было бы всем собраться на рождество. У нас будет свадьба... на этот раз настоящая свадьба.

– Свадьба? – воскликнул мистер Снодграсс бледнея.

– Да, свадьба. Но не пугайтесь. – сказал добродушный пожилой джентльмен. – это только Трандль и Белла.

– О, вот как! – воскликнул мистер Снодграсс, освобождаясь от мучительных сомнений, теснивших его грудь. – Поздравляю вас, сэр. А как поживает Джо?

– О, прекрасно! – ответил пожилой джентльмен. – Пребывает по сне, по обыкновению.

– А ваша матушка, а священник и все остальные?

– Великолепно.

– Где... – произнес с усилием мистер Тапме, – где... она, сэр? – Он отвернулся и закрыл лицо рукой.

– Она? – переспросил пожилой джентльмен, лукаво кивая головою. – Вы имеете в виду мою незамужнюю родственницу... а?

Мистер Тапмен кивком головы дал понять, что его вопрос относился к обманутой Рейчел.

– О, она уехала, – сказал пожилой джентльмен. – Она живет довольно далеко у родственников. Она не могла ужиться с девочками, и я отправил ее. Но вот и обед! Вы, должно быть, проголодались с дороги. А я и без дороги голоден, а потому – к делу!

Обеду было оказано должное внимание, и когда после трапезы они сидели за столом, мистер Пиквик к вящему возмущению и ужасу своих последователей рассказал о пережитом им приключении и об успехе, увенчавшем гнусные ухищрения дьявольского Джингля.

– А приступ ревматизма, схваченного мною в этом саду, заставляет меня хромать до сих пор, – сказал в заключение мистер Пиквик.

– У меня также было приключение, – сказал, улыбаясь, мистер Уинкль, и на вопрос мистера Пиквика он ответил рассказом о злостной клевете «Итенсуиллского независимого» и последовавшем возмущении их друга, редактора.

Чело мистера Пиквика омрачалось по мере того, как рассказывал мистер Уинкль. Друзья заметили это, и когда мистер Уинкль кончил, наступило глубокое молчание. Мистер Пиквик выразительно ударил по столу кулаком и произнес следующее.

– Не удивительно ли, – сказал мистер Пиквик, – что мы не можем, по-видимому, войти ни в один дом, чтобы не навлечь на него какие-нибудь неприятности? Не свидетельствует ли, спрашиваю я, о нескромности или, что еще хуже, о порочности – да, я должен это сказать! – моих последователей то обстоятельство, что, под чьим бы кровом они ни поселились, они нарушают покой и благополучие какой-нибудь доверчивой женской души? Но явствует ли это, говорю я...

По всей вероятности, мистер Пиквик продолжал бы в таком тоне еще долго, если бы появление Сэма с письмом в руках не заставило его прервать поток красноречия. Он вытер лоб носовым платком, снял очки, протер их и снова надел; его голос вновь обрел обычную мягкость, когда он спросил:

– Что это у вас, Сэм?

– Только что был на почте и нашел это-вот письмо, оно лежит там уж два дня, – ответил мистер Уэллер. – Запечатано облаткой, и адрес написан крупным почерком.

– Не знаю этого почерка, – сказал мистер Пиквик, распечатывая письмо. – Боже милосердный! Что это? Должно быть, шутка, это... это... не может этого быть?

– Что случилось? – воскликнули все в один голос.

– Никто не умер? – спросил Уордль, встревоженный испуганным лицом мистера Пиквика.

Мистер Пиквик ничего не ответил: бросив письмо через стол и предложив мистеру Тапмену прочесть вслух, он откинулся на спинку кресла, – лицо его выражало такое бессмысленное удивление, что жутко было смотреть.

Мистер Тапмен дрожащим голосом прочел письмо следующего содержания:

«*Фрименс-Корт. Корнхилл, августа 28 1830 г.*

Бардл против Пиквика

Сэр.

Уполномоченные миссис Мартой Бардл начать против вас дело о нарушении брачного обещания, убытки от какового нарушения истица определяет в полторы тысячи фунтов, доводим до вашего сведения, что приказ о возбуждении дела против вас в Суде Общих Тяжб[56] *выдан; просим поставить нас с обратной почтой в известность об имени вашего поверенного в Лондоне, коему будет поручено ведение этого дели с вашей стороны.*

Пребываем, сэр, Вашими покорными слугами

Додсон и Фогг.

Мистеру Сэмюелу Пиквику».

Немое изумление, с каким каждый взирал па соседа и на мистера Пиквика, было столь выразительно, что, казалось, все боялись заговорить. В конце концов молчание было нарушено мистером Тапменом.

Додсон и Фогг, – повторил он машинально.

– Бардл и Пиквик, – сказал мистер Снодграсс раздумчиво.

– Покой и благополучие доверчивой женской души, – пробормотал мистер Уинкль с рассеянным видом.

– Это заговор! – сказал мистер Пиквик, когда к нему возвратился, наконец, дар речи. – Гнусный заговор этих двух жадных поверенных – Додсона и Фогга! Миссис Бардл никогда бы на это не пошла, это не в ее характере... И повода у нее нет. Какая нелепость!.. Какая нелепость!

– О ее характере, – сказал Уордль с улыбкой, – вы, конечно, судить можете. Я не хочу вас обескураживать, но должен сказать, что об ее притязаниях Додсон и Фогг судить могут лучше, чем любой из нас.

– Это подлая попытка вымогательства! – сказал мистер Пиквик.

– Надеюсь, что так, – отозвался Уордль, сухо покашливая.

– Слышал ли кто когда-нибудь, чтобы я говорил с ней иначе, чем полагается говорить жильцу с квартирной хозяйкой? – продолжал мистер Пиквик с подъемом. – Видел ли кто когда-нибудь меня с нею? Даже друзья мои, присутствующие здесь, никогда...

– Если не считать одного раза, – сказал мистер Тапмен.

Мистер Пиквик изменился в лице.

– Ну? – сказал Уордль. – Это важно. Надеюсь, ничего подозрительного не было?

Мистер Тапмен с опаской посмотрел на своего вождя.

– Ну, конечно, – сказал он, – ничего подозрительного. Но... заметьте, я не знаю, как это вышло... она несомненно была в его объятиях.

– Боже милосердный! – воскликнул мистер Пиквик, когда в уме его воскресло яркое воспоминание об этой сцене. – Какое ужасное стечение обстоятельств! Так и есть... так и есть.

– И наш друг ее утешал, – прибавил мистер Уинкль не без ехидства.

– Это правда, – сказал мистер Пиквик. – Не буду отрицать. Это правда.

– Вот те на! – воскликнул Уордль. – Для дела, в котором нет ничего подозрительного, это кажется довольно странным, не правда ли, Пиквик? Ах, хитрец... хитрец! – И он захохотал так, что посуда в шкафу зазвенела.

– Какое ужасное недоразумение! – воскликнул мистер Пиквик, хватаясь за голову. – Уинкль... Тапмен... Я прошу простить мне замечания, которые я только что сделал. Все мы жертвы обстоятельств, а я в особенности.

После этого извинения мистер Пиквик закрыл лицо руками и предался размышлениям. Уордль подмигивал и кивал остальным членам компании, описав полный круг.

– Так или иначе, я хочу, чтобы все разъяснилось, – сказал мистер Пиквик, поднимая голову и колотя кулаками по столу. – Я должен видеть Додсона и Фогга! Завтра же я еду в Лондон.

– Только не завтра, – сказал Уордль, – вы еще сильно хромаете.

– Хорошо, послезавтра.

– Послезавтра – первое сентября, и вы обещали непременно поехать с нами по крайней мере до поместья сэра Джеффри Маннинга и присоединиться к нам за завтраком, если не пожелаете принять участие в охоте.

– Хорошо, через два дня, – сказал мистер Пиквик. – В четверг. Сэм!

– Сэр? – отозвался мистер Уэллер.

– Закажите два наружных места в Лондон на четверг на утро – для себя и для меня.

– Слушаю, сэр.

Мистер Уэллер вышел и медленным шагом отправился выполнять поручение, заложив руки в карманы и уставившись взглядом в землю.

– Странный человек – мой повелитель! – говорил мистер Уэллер, медленно идя по улице. – Ухаживать за миссис Бардл... а у нее еще сынишка в придачу... И всегда это приключается с этакими-вот старичками, какими бы па вид ни казались они степенными. А все-таки я не думал, чтобы он на это пошел... А все-таки я не думал, чтобы он на это пошел!

И, рассуждая в таком духе, мистер Сэмюел Уэллер направил свои стопы к конторе пассажирских карст.

ГЛАВА XIX.

Приятный день, неприятно окончившийся

Птицы, которые, к счастью, для собственного душевного спокойствия и благополучия, пребывали в блаженном неведении тех приготовлений, какие делались, чтобы поразить их первого сентября, приветствовали утро этого дня как самое приятное утро в эту пору года. Молодые куропатки, самодовольно разгуливавшие по жнивью со всем хвастливым фанфаронством молодости, и более взрослые куропатки, следившие круглым глазком, с презрительным видом умудренных опытом птиц, за легкомысленным поведением младших, равно не подозревали о надвигающейся гибели и весело и радостно нежились в свежем утреннем воздухе, а несколько часов спустя были повержены в прах. Но мы впадаем в чувствительность. Будем продолжать.

Итак, говоря языком простым и прозаическим, наступило прекрасное утро, – столь прекрасное, что едва можно было поверить, будто немногие месяцы английского лета уже пролетели. Живые изгороди, поля и деревья, холмы и вересковая долина являли взору непрерывно меняющиеся оттенки сочного, ярко-зеленого цвета; вряд ли хотя бы один лист упал, вряд ли хотя бы одна желтая крапинка, сливаясь с тонами лета, предупреждала вас о наступлении осени. Небо было безоблачное, солнце сияло яркое и теплое; в воздухе звенело пение птиц, жужжали насекомые, а деревенские сады, пестревшие цветами всех оттенков, ярких и прекрасных, искрились в густой росе, как клумбы сверкающих драгоценных камней. На всем лежал отпечаток лета, и ни одна из его великолепных красок еще не поблекла.

Таково было утро, когда открытый экипаж, в котором находились трое пиквикистов (мистер Снодграсс предпочел остаться дома), мистер Уордль и мистер Трандль, с Сэмом Уэллером на козлах рядом с кучером, остановился на краю дороги у ворот, перед которыми стояли высокий сухопарый дозорщик и мальчик в башмаках и кожаных гетрах, каждый с сумкою внушительных размеров; два пойнтера сопровождали их.

– Послушайте, – прошептал мистер Уинкль, обращаясь к Уордлю, когда дозорщик опустил подножку экипажа, – неужели они думают, что мы настреляем столько дичи, чтобы наполнить эти сумки?

– Наполнить? – воскликнул старый Уордль. – Господи помилуй, ну, конечно! Вы одну, я другую. Наполним, да еще в карманах наших охотничьих курток поместится столько же.

Мистер Уинкль вылез из экипажа, ничего не ответив на это замечание, но про себя подумал, что, если его друзья останутся на открытом воздухе, пока он не наполнит сумки, они серьезно рискуют схватить насморк.

– Эй, Джуно, сюда, старуха! Куш, Деф, куш! – говорил Уордль, лаская собак. – Сэр Джеффри, конечно, еще в Шотландии, Мартин?

Рослый дозорщик отвечал утвердительно и с некоторым удивлением перевел взгляд с мистера Уинкля, который держал свое ружье так, словно хотел, чтобы карман куртки избавил

его от необходимости нажать спуск, на мистера Тапмена, который держал свое ружье так, словно боялся его, – и нет никакого реального основания сомневаться в том, что он действительно боялся.

– Мои друзья еще не вполне освоились с такого рода забавой, Мартин, – сказал Уордль, заметивший этот взгляд. – Век живи, век учись, знаете ли. Скоро они будут хорошими стрелками. А впрочем, прошу прощенья у моего друга Уинкля, он уже имеет некоторый опыт.

В ответ па этот комплимент мистер Уинкль слабо улыбнулся поверх своего синего галстука и начал производить манипуляции ружьем такие загадочные, что, будь оно заряжено, он неизбежно был бы убит на месте.

– Не вздумайте так обращаться с ружьем, когда оно будет заряжено, сэр, – проворчал рослый дозорщик, – или будь я проклят, если вы не превратите кого-нибудь из нас в кусок холодного мяса.

Мистер Уинкль после такого предостережения поспешил изменить положение ружья и при этом ухитрился привести ствол в соприкосновение с головой мистера Уэллера.

– Эх! – воскликнул Сэм, поднимая сбитую шляпу и потирая висок. – Помилуйте, сэр! Если вы этак приметесь за дело, вы одним выстрелом наполните одну из этих сумок, и даже с избытком.

Тут мальчик в кожаных гетрах весело расхохотался, но тотчас попробовал сделать вид, будто это не он, а мистер Уинкль величественно нахмурился.

– Мартин, где вы велели ждать нас с закуской? – осведомился Уордль.

– На склоне холма Одинокое Дерево в двенадцать часов, сэр.

– Там кончается поместье сэра Джеффри?

– Да, сэр, но этот участок примыкает к его земле. Это земля капитана Болдуига, но никто нам не помешает, а лужайка там славная.

– Отлично, – сказал старый Уордль. – Чем раньше мы тронемся в путь, тем лучше. Стало быть, вы присоединитесь к нам в полдень, Пиквик?

Мистеру Пиквику очень хотелось видеть охоту, тем более что он несколько опасался за целость и сохранность мистера Уинкля. К тому же в такое приятное утро было очень мучительно возвращаться назад и предоставить друзьям развлекаться без него. Поэтому мистер Пиквик ответил очень унылым тоном:

– Да, пожалуй, так и придется сделать.

– Разве джентльмен не охотник, сэр? – осведомился долговязый дозорщик.

– Нет, и вдобавок он хромает, – ответил Уордль.

– Мне бы очень хотелось остаться с вами, – сказал мистер Пиквик. – Очень!

Последовала краткая пауза, выражавшая соболезнование.

– По ту сторону изгороди стоит тачка, – сказал мальчик. – Если бы слуга джентльмена катил ее по тропинкам, он бы от нас не отставал, а мы бы переносили тачку через все перелазы.

– Самое подходящее дело, – заявил мистер Уэллер, который был лицом заинтересованным, поскольку ему страстно хотелось видеть охоту, – самое подходящее дело. Хорошо сказано, малыш. Я моментально ее притащу.

Но тут возникло затруднение. Долговязый дозорщик решительно восстал против включения в охотничью компанию джентльмена в тачке, видя в этом грубое нарушение всех установленных правил и прецедентов.

Затруднение было серьезное, непреодолимое. Когда на дозорщика воздействовали с помощью лести и мзды и когда он облегчил душу, щелкнув по голове изобретательного юнца за то, что тот предложил воспользоваться тачкой, – мистера Пиквика усадили в нее, и все

тронулись в путь; Уордль и рослый дозорщик шли впереди, а мистер Пиквик в тачке, приводимой в движение Сэмом, замыкал шествие.

– Стойте, Сэм! – сказал мистер Пиквик, когда они пересекали первое поле.

– Ну, что еще случилось? – осведомился Уордль.

– Эта тачка не подвинется ни на шаг вперед, – решительно заявил мистер Пиквик, – пока Уинкль не будет нести своего ружья иначе.

– Да как же мне его нести? – спросил несчастный Уинкль.

– Несите его дулом вниз, – ответил мистер Пиквик.

– Это не принято у спортсменов, – возразил Уинкль.

– Мне нет дела до того, принято это у спортсменов или не принято. – отвечал мистер Пиквик, – я не желаю, чтобы ради соблюдения приличий меня застрелили в тачке.

– Я уверен, что джентльмен не успокоится, пока не всадит в кого-нибудь заряда, – проворчал долговязый.

– Хорошо, хорошо, мне все равно! – сказал бедный Уинкль, поворачивая ружье прикладом вверх. – Ну вот!

– Все что угодно за спокойную жизнь! – изрек мистер Уэллер, и они снова тронулись в путь.

– Стойте! – крикнул мистер Пиквик, когда они прошли несколько ярдов.

– Ну, что еще? – спросил Уордль.

– Ружье в руках Тапмена небезопасно, решительно небезопасно! – сказал мистер Пиквик.

– Как? Что? Небезопасно? – воскликнул с большой тревогой мистер Тапмен.

– Да, раз вы его так держите, – отвечал мистер Пиквик. – Мне очень неприятно снова вмешиваться, но я не соглашусь ехать дальше, пока вы не будете держать его так же, как Уинкль.

– Лучше, если вы примете этот совет, сэр, – сказал рослый дозорщик, – иначе вы можете всадить заряд в самого себя или в кого-нибудь другого.

Мистер Тапмен с самой учтивой поспешностью повернул должным образом ружье, и компания снова двинулась вперед. Оба любителя охоты шагали с опущенными дулом вниз ружьями, как солдаты на королевских похоронах.

Собаки вдруг остановились как вкопанные, и охотники, ступив шаг вперед, тоже остановились.

– Что это случилось у собак с ногами? – прошептал мистер Уинкль. – Как странно они стоят!

– Нельзя ли потише! – шепотом отозвался Уордль. – Вы не видите, что они делают стойку?

– Делают стойку? – повторил мистер Уинкль, осматриваясь по сторонам, словно надеясь обнаружить какие-то исключительные красоты в пейзаже, к которым умные животные старались привлечь особое внимание. – Делают стойку? А зачем же им стоять?

– Не зевайте! – сказал Уордль, который в этот волнующий момент пропустил вопрос мимо ушей. – Ну!

Раздалось громкое хлопанье крыльев, заставившее мистера Уинкля отскочить, точно его самого подстрелили. «Бах, бах!» – прозвучали два выстрела. Дым быстро пронесся над полем и заклубился в воздухе.

– Где они? – воскликнул мистер Уинкль, который, находясь в состоянии крайнего возбуждения, вертелся, как волчок. – Где они? Скажите, когда стрелять. Где они? Где они?

– Где они? – повторил Уордль, поднимая двух птиц, которых собаки притащили к его ногам. – Да вот они.

– Нет, нет, я говорю о других! – сказал ошеломленный Уинкль.

– Сейчас уже довольно далеко от нас, – ответил Уордль, спокойно заряжая ружье.

– Вероятно, минут через пять мы наткнемся на другой выводок, – сказал рослый дозорщик. – Если джентльмен начнет стрелять сейчас, пожалуй он выпустит заряд как раз к тому времени, когда они взлетят.

– Ха-ха-ха! – расхохотался мистер Уэллер.

– Сэм! – сказал мистер Пиквик, сочувствуя своему сконфуженному и растерянному ученику.

– Сэр?

– Не смейтесь.

– Слушаю, сэр.

В виде компенсации мистер Уэллер, стоя за тачкой, состроил гримасу исключительно для увеселения мальчика в гетрах, разразившегося громким смехом и немедленно получившего удар кулаком от рослого дозорщика, которому нужен был предлог отвернуться, чтобы скрыть улыбку.

– Браво, старина! – сказал Уордль мистеру Тапмену. – На этот раз вы несомненно выстрелили.

– О да! – отвечал мистер Тапмен с понятной гордостью. – Я спустил курок.

– Прекрасно, в следующий раз вы что-нибудь подстрелите, если будете смотреть в оба. Это очень легко, не правда ли?

– Да, это очень легко, – согласился мистер Тапмен. – А все-таки как больно бьет в плечо! Меня едва не опрокинуло. Я понятия не имел, что эти маленькие ружья так отдают.

– Ах, вот что! – улыбаясь, отозвался пожилой джентльмен. – Со временем вы к этому привыкнете. Ну что, все готовы? Все обстоит благополучно с тачкой?

– Все в порядке, сэр, – ответил мистер Уэллер.

– В таком случае вперед!

– Держитесь крепко, сэр, – сказал Сэм, берясь за тачку.

– Держусь, – сказал мистер Пиквик, и они двинулись дальше, развив соответствующую скорость.

– Теперь задержите эту тачку! – крикнул Уордль, когда ее перетащили через перелаз на другое поле и мистер Пиквик был снова в нее водворен.

– Все в порядке, сэр, – ответил мистер Уэллер приостанавливаясь.

– Ну, Уинкль, – сказал пожилой джентльмен, – ступайте осторожно за мною и постарайтесь не опоздать на этот раз.

– Будьте покойны, – отозвался мистер Уинкль. – Они делают стойку?

– Нет, нет! еще нет! тише! тише!

Они осторожно подвигались вперед и подошли бы очень тихо, если бы мистер Уинкль, совершая какие-то весьма сложные манипуляции со своим ружьем, случайно не выпалил в самый критический момент над головой мальчика, как раз в то самое место, где находился бы мозг рослого дозорщика, будь тот на месте мальчика.

– Да на кой черт вы стреляли? – воскликнул старый Уордль, когда птицы улетели, нимало не пострадав.

– В жизни не видал такого ружья, – отвечал бедный мистер Уинкль, разглядывая замок, как будто это могло исправить дело. – Оно стреляет само. Стреляет, да и только.

– Стреляет, да и только! – повторил Уордль слегка раздраженным тоном. Хотел бы я, чтобы оно само что-нибудь застрелило.

– Оно и застрелит, сэр, – заметил дозорщик тихим пророческим тоном.

– Что вы хотите этим сказать, сэр? – сердито спросил мистер Уинкль.

– Ничего, сэр, ничего, – отвечал дозорщик, – а мать вот этого мальчика получит кое-какие блага от сэра Джеффри, если мальчик будет убит на его земле. Заряжайте, сэр, заряжайте.

– Отнимите у него ружье! – кричал из тачки мистер Пиквик, устрашенный мрачными намеками дозорщика, – Пусть кто-нибудь отнимет у него ружье, слышите?

Никто, однако, не вызвался исполнить приказание, и мистер Уинкль, бросив строптивый взгляд на мистера Пиквика, зарядил ружье и продолжал путь имеете с другими.

Мы вынуждены, опираясь на авторитет мистера Пиквика, заявить, что приемы мистера Тапмена отличались значительно большей осторожностью и осмотрительностью, чем приемы, усвоенные мистером Уинклем. Тем не менее это нисколько не умаляет значительного авторитета сего последнего джентльмена во всех вопросах, связанных со спортом; ибо, – как правильно замечает мистер Пиквик, – с незапамятных времен почему-то случалось так, что многие из наилучших и способнейших философов, которые были истинными светочами науки в области теории, оказывались совершенно неспособными применять эти теории на практике.

Метод мистера Тапмена, подобно многим нашим замечательнейшим открытиям, был чрезвычайно прост. С быстротой и проницательностью гения он сразу подметил, что нужно придерживаться двух важнейших правил: первое – стрелять так, чтобы не причинить вреда самому себе, и второе – стрелять так, чтобы не подвергать опасности окружающих; ясно, что наилучший способ, когда преодолена трудность самого выстрела, заключается в том, чтобы плотно зажмурить глаза и палить в воздух.

Случилось так, что, совершив этот подвиг, мистер Тапмен открыл глаза и увидел, как падала на землю подстреленная жирная куропатка. Он собирался поздравить мистера Уордля с неизменным успехом, но этот джентльмен приблизился к нему и с жаром пожал ему руку.

– Тапмен, – сказал пожилой джентльмен, – вы наметили именно эту птицу?

– Нет, – сказал мистер Тапмен, – нет.

– Наметили, – возразил мистер Уордль. – Я видел... я заметил, как вы ее выбрали... я обратил внимание на вас, когда вы подняли ружье и прицелились, и вот что я скажу: лучший стрелок не сделал бы этого с большим искусством. Вы вовсе не такой новичок, каким я считал вас, Тапмен, – вы охотились раньше.

Тщетно возражал мистер Тапмен с улыбкой самоотречения, что он никогда не охотился. Даже улыбка была принята как доказательство противоположного, и с этого дня его репутация была установлена. Это не единственная репутация, приобретенная с такою ловкостью, и столь счастливое стечение обстоятельств бывает не только во время охоты на куропаток.

Между тем мистер Уинкль палил, гремел и пускал дым, не достигая никаких осязательных результатов, достойных упоминания: то посылал заряд в воздух, то предоставлял ему скользить так низко над поверхностью земли, что жизнь двух собак все время находилась в некоторой опасности. Его манера стрелять как пример стрельбы фантастической – была очень изменчива и любопытна; как демонстрирование стрельбы в цель, она была, пожалуй, неудачна. Считается признанной аксиомой, что «всякой пуле своя доля». Если она применима в равной степени к дроби, то дробинки мистера Уинкля были несчастными подкидышами, лишенными естественных прав, обреченными скитаться по миру и обездоленными.

– Ну, – сказал Уордль, подходя к тачке и вытирая пот, струившийся по его веселой красной физиономии, – горячий денек, не правда ли?

– Да, что и говорить, – отозвался мистер Пиквик. – Солнце ужасно припекает, даже я это чувствую. Не представляю себе, каково приходится вам.

– Да. – сказал пожилой джентльмен, – довольно жарко. Но уже первый час. Видите вон тот зеленый холм?

– Конечно.

– Там мы будем завтракать. И клянусь Юпитером, мальчик с корзинкой уже там – точен, как часовой механизм.

– Совершенно верно, – просияв, сказал мистер Пиквик. – Славный малый! Сейчас дам ему шиллинг. Ну, Сэм, катите меня.

– Держитесь, сэр, – сказал мистер Уэллер, оживившись от предвкушения завтрака. – Прочь с дороги, кожаные гетры! Если вы дорожите моей жизнью, не опрокиньте меня, как говорил джентльмен вознице, когда тот вез его на Тайбурн[57].

И, разбежавшись, мистер Уэллер легко покатил своего хозяина к зеленому холму, ловко вывалил его у самой корзины и принялся ее распаковывать с величайшим проворством.

– Телятина в тесте, – беседовал сам с собой мистер Уэллер, раскладывая съестные припасы на траве. – Очень хорошая штука – телятина в тесте, если вы знаете леди, которая ее готовила, и совершенно уверены, что это не кошатина, а в конце концов не все ли равно, если кошка так похожа на телятину, что даже сами пирожники не могут отличить.

– Не могут, Сэм? – спросил мистер Пиквик.

– Не могут, сэр, – отвечал мистер Уэллер, прикасаясь рукою к шляпе. Когда-то я жил в одном доме с пирожником, сэр, и очень он был хороший человек – регулярная голова вдобавок, – паштеты умел выделывать из чего угодно. «У вас много кошек, мистер Брукс», – говорю я ему, когда подружился с ним. «Да, говорит, у меня их очень много», – говорит. «Должно быть, очень любите кошек», – говорю. «Не я, а другие любят, – говорит и подмигивает мне, – а впрочем, сейчас не их сезон, подождем зимы», – говорит. «Не их сезон!» говорю. «Да, говорит, фрукты в сезон – кошки вон». – «Что вы хотите этим сказать?» – говорю. «Что хочу сказать? – говорит. – Да то, что я никогда не войду в союз мясников, чтобы повышать цену на мясо, – говорит. – Мистер Уэллер, – говорит он, жмет мне руку очень крепко и шепчет на ухо: – Вы этого никогда не повторяйте, но все дело в том, чтобы их подсезонить. От этого они все превращаются в благородных животных, – говорит и показывает на очень хорошенького серого котенка, – и я их сезоню под бифштекс, телятину или почки, смотря по спросу. Я вам больше скажу, – говорит он, – телятину я могу сделать бифштексом, бифштекс – почками, либо и то и другое – бараниной в один момент, как только изменится спрос на рынке и аппетиты потребуют разнообразия».

– Должно быть, это был очень изобретательный молодой человек, Сэм, – заметил с легкой дрожью мистер Пиквик.

– Вот именно, сэр, – ответил мистер Уэллер, продолжая выгружать корзину, – и паштеты были прекрасные. Язык – очень хорошая штука, если это не женский язык. Хлеб, окорок ветчины – ну и картина!.. Холодный ростбиф нарезанный – очень хорошо! А что в этих глиняных кувшинах, молодой повеса?

– В одном пиво, – сказал мальчик, снимая с плеча две больших глиняных бутыли, связанные кожаным ремнем, – в другом холодный пунш.

– А завтрак получился очень недурной, – заметил мистер Уэллер, с большим удовлетворением обозревая расставленные им закуски. – Ну-с, джентльмены, милости просим, как сказали, примкнув штыки, англичане французам.

Второго приглашения не понадобилось, чтобы побудить компанию воздать должное трапезе; не пришлось также настаивать, чтобы мистер Уэллер, рослый дозорщик и двое мальчиков расположились на траве неподалеку и начали уничтожать соответствующее количество яств. Старый дуб предоставил свою тень охотникам, а перед ними расстилалась широкая перспектива полей и лугов, пересеченных живыми изгородями и пышно декорированных лесом.

– Восхитительно, поистине восхитительно! – воскликнул мистер Пиквик, на чьем выразительном лице кожа под действием солнца быстро начала лупиться.

– Верно, верно, старина! – отозвался Уордль. – Ну-ка, стаканчик пунша!

– С большим удовольствием, – сказал мистер Пиквик, и довольная его физиономия, когда, пунш был выпит, подтверждала искренность ответа.

– Хорошо! – причмокивая, сказал мистер Пиквик. – Очень хорошо. Выпью еще стаканчик. Холодный, очень холодный. Ну-с, джентльмены, – продолжал мистер Пиквик, все еще не выпуская из рук кувшина, – тост! За наших друзей в Дингли Делле.

Тост был принят под громкие возгласы.

– Я вам скажу, что я намерен сделать, чтобы наловчиться в стрельбе, – начал мистер Уинкль, который ел ветчину с хлебом, пользуясь складным ножом.

– Я посажу чучело куропатки на столб и буду упражняться, начну с небольшого расстояния и постепенно буду его увеличивать. Мне кажется, это превосходная практика.

– Я знаю одного джентльмена, сэр, – сказал мистер Уэллер, – который так и сделал и начал с двух ярдов, но больше ему не пришлось стрелять, потому что начисто сдул птицу с первого же выстрела, так что и перышка ее никто с тех пор не видал.

– Сэм! – сказал мистер Пиквик.

– Сэр? – отозвался мистер Уэллер.

– Будьте добры, приберегите свои анекдоты, пока они не потребуются.

– Слушаю, сэр.

При этом мистер Уэллер так искусно подмигнул глазом, не заслоненным кружкой пива, которую он поднес к губам, что с двумя мальчиками сделались конвульсии и даже долговязый дозорщик снисходительно улыбнулся.

– Да, это, несомненно, превосходнейший холодный пунш, – сказал мистер Пиквик, многозначительно поглядывая на глиняную бутыль, – а день чрезвычайно жаркий, и... Тапмен, мой дорогой друг, стаканчик пунша?

– С величайшим наслаждением, – ответил мистер Тапмен, и, осушив этот стаканчик, мистер Пиквик выпил еще один, но лишь затем, чтобы узнать, нет ли в пунше апельсинной корки, ибо от апельсинной корки ему всегда бывало худо; убедившись, что ее нет, мистер Пикник выпил еще стаканчик за здоровье отсутствующего друга, а затем почувствовал безусловную необходимость выпить за неизвестного составителя пунша.

Это непрерывное осушение стаканчиков возымело заметное действие на мистера Пиквика; его физиономия сияла самыми солнечными улыбками, губы подергивались от смеха, в глазах светилось благодушное веселье. Уступая мало-помалу действию возбуждающего напитка, оказывавшего особенное влияние благодаря жаре, мистер Пиквик выразил сильное желание вспомнить песенку, которую слышал в детстве, и, так как попытка оказалась неудачной, попробовал подстегнуть свою память еще несколькими стаканчиками пунша, каковые, по-видимому, оказали как раз обратное действие; ибо, забыв слова песни, он начал забывать и членораздельное произношение слов; в заключение он встал, желая обратиться к обществу с красноречивым спичем, но свалился в тачку и моментально заснул крепким сном.

Когда корзину вновь увязали и выяснилась полная невозможность вывести мистера Пиквика из оцепенения, стали совещаться, как поступить: отвезти ли мистеру Уэллеру своего хозяина назад, или оставить его на месте пока они не соберутся в обратный путь. В конце, концов остановились на последнем решении; и так как предстоящая экспедиция должна была занять не больше часу и так как мистер Уэллер очень настойчиво просил их взять его с собой, решено было оставить мистера Пиквика спать в тачке и зайти за ним на обратном пути. Таким образом, они пустились в путь, а мистер Пиквик с полным комфортом храпел в тени.

Нет никаких разумных оснований сомневаться в том, что мистер Пиквик все храпел бы и храпел в тени, пока не вернутся его друзья или, в случае их опоздания, пока не спустятся на землю вечерние тени, – при условии, конечно, что его покой ничем не будет нарушен. По его покой был нарушен. И вот как это произошло.

Капитан Болдуиг был маленький сердитый человек в синем сюртуке и жестком черном галстуке; когда он снисходил до прогулки по своим владениям, то совершал ее в обществе толстой трости с медным наконечником, а также садовника и его помощника с раболепными физиономиями, которым (садовникам, не трости) капитан Болдуиг отдавал приказания со всем подобающим величием и строгостью; ибо свояченица капитана Болдуига была замужем за маркизом, дом капитана был виллой, а земля его «владениями», и все это было очень внушительно, даже величественно.

Мистер Пиквик не проспал и получаса, как явился маленький капитан Болдуиг в сопровождении двух садовников, шагая со всей быстротой, какую допускали его осанка и важность. Приблизившись к дубу, капитан Болдуиг остановился, глубоко перевел дух и окинул взглядом расстилавшийся перед ним пейзаж, словно этот пейзаж должен был испытывать великое удовольствие от того, что капитан Болдуиг обращает на него внимание; засим он выразительно ударил по земле тростью и позвал старшего садовника.

– Хант! – сказал капитан Болдуиг.

– Что прикажете, сэр? – сказал садовник.

– Завтра утром утрамбовать здесь, слышите, Ханг.

– Слушаю, сэр.

– И позаботьтесь о том, чтобы содержать это место в полном порядке. Слышите, Хант?

– Слушаю, сэр.

– И напомните мне сделать объявление о нарушителях права владения, пороховых ловушках[58] и тому подобном, чтобы сюда не лазили. Слышите, Хант... Слышите?..

– Не забуду, сэр.

– Прошу прощенья, сэр, – сказал второй садовник, приподнимая шляпу.

– В чем дело, Уилкинс? – спросил капитан Болдуиг.

– Прошу прошенья, сэр, но, мне кажется, здесь кто-то уже побывал сегодня.

– Ка-ак! – сказал капитан, грозно озираясь.

– Да, сэр, мне кажется, здесь обедали, сэр.

– Проклятье! Какая наглость! Совершенно верно! – сказал капитан Болдуиг, когда его взгляд упал на корки хлеба и объедки, валявшиеся на траве. – Здесь действительно жрали. Хотел бы я застать этих бродяг! – воскликнул капитан Болдуиг, сжимая свою толстую трость.

– Прошу прощенья, сэр, – сказал Уилкинс, – но...

– Что «но»? А? – заревел капитан, и, следуя за робким взглядом Уилкинса, его глаза остановились на тачке и мистере Пиквике.

– Кто вы такой, негодяй? – спросил капитан, тыкая толстой тростью в мистера Пиквика. – Как ваше имя?

– Холодный пу...унш... – пробормотал мистер Пиквик, снова погружаясь в сон.

– Что? – вопросил капитан Болдуиг.

Никакого ответа.

– Как он себя назвал? – спросил капитан.

– Кажется, Панч, сэр, – ответил Уилкинс.

– Вот наглость, черт подери, вот наглец! – воскликнул капитан Болдуиг.

– Он только притворяется, будто спит! – яростно кричал капитан Болдуиг. – Он пьян! Пьяный плебей! Увезите его, Уилкинс, увезите его немедленно!

– Куда прикажете, сэр? – робко осведомился Уилкинс.

– К черту! – отвечал капитан Болдуиг.

– Очень хорошо, сэр, – сказал Уилкинс.

– Стойте! – сказал капитан.

Уилкинс послушно остановился.

– Отвезите его, – сказал капитан, – в загон для скота, и посмотрим, назовет ли он себя Панчем, когда очнется. Я не позволю над собой издеваться, я не позволю над собой издеваться! Увезите его!

И мистера Пиквика увезли, подчиняясь категорическому предписанию, а величественный капитан Болдуиг, пыжась от негодования, продолжал прогулку.

Трудно передать изумление охотников, когда они, вернувшись, обнаружили, что мистер Пиквик исчез вместе со своею тачкой. Случай был весьма таинственный и необъяснимый. Ибо одно то, что хромой человек вдруг встал на ноги и ушел, было фактом чрезвычайным; но если он вдобавок покатил перед собой для развлечения тяжелую тачку – случай казался поистине сверхъестественным. Все вместе и каждый поодиночке они обшарили все уголки и закоулки; они кричали, свистали, хохотали, звали – и все безрезультатно. Мистер Пиквик пропал бесследно. После нескольких часов бесплодных поисков они пришли к печальному выводу, что придется вернуться домой без него.

Между тем мистер Пиквик, по-прежнему спавший в своей тачке, был отвезен в загон для скота и бережно водворен там, к невыразимому восторгу не только всех деревенских мальчишек, но и трех четвертей взрослого населения, собравшегося в ожидании его пробуждения. Если одно его появление в тачке доставило им величайшее удовольствие, то во сколько же раз усилился их восторг, когда, после нескольких невнятных возгласов: «Сэм!» – он приподнялся, сел в тачке и с неописуемым удивлением воззрился па лица, перед ним находившиеся.

Крики толпы были, конечно, сигналом его пробуждения; его невольный вопрос: «Что случилось?» – вызвал новый взрыв криков, пожалуй еще более громкий.

– Вот так потеха! – ревела толпа.

– Где я? – воскликнул мистер Пиквик.

– В загоне, – отвечали голоса.

– Как я сюда попал? Что со мной было? Откуда меня привезли? Выпустите меня! – кричал мистер Пиквик. – Где мой слуга? Где мои друзья?

– Какие еще друзья! Ура! – И в мистера Пиквика полетели брюква, картофель, яйца и другие знаки игривого расположения духа.

Трудно сказать, сколь долго тянулась бы эта сцепа и сколько пришлось бы претерпеть мистеру Пиквику, если бы быстро мчавшийся мимо загона экипаж не остановился и из него не вышли старик Уордль и Сэм Уэллер: первый значительно быстрей, чем можно это описать и даже прочесть, проложил себе дорогу к мистеру Пиквику и усадил его в экипаж как раз в тот момент, когда второй, вступив в единоборство с бидлом[59], закончил третий и последний раунд.

– Бегите к судье! – раздались голоса.

– Вот-вот, бегите, – сказал мистер Уэллер, вскакивая на козлы. – Привет от меня, привет от мистера Уэллера судье, и скажите ему, что я намял бока его бидлу, а если он назначит нового, я зайду завтра, чтобы и тому намять бока. Погоняйте, старина!

– Как только приеду в Лондон, подам жалобу на этого капитана Болдуига и привлеку его к суду за незаконное задержание, – сказал мистер Пиквик, когда экипаж выехал из города.

– Кажется, мы вторглись в чужие владения, – заметил Уордль.

– Мне все равно, – отвечал мистер Пиквик, – я подам в суд.

– Нет, не подадите, – возразил Уордль.

– Подам, клянусь... – Но, заметив насмешливое выражение лица Уордля, мистер Пиквик запнулся и спросил: – А что?

– Да то, – сказал старый Уордль, заливаясь смехом, – что дело можно обратить против кое-кого из нас и сказать, что мы выпили слишком много холодного пунша.

Как ни удерживался мистер Пиквик, но на лице его появилась улыбка, улыбка уступила место смеху, смех – хохоту; хохотали все. А для того чтобы поддержать хорошее расположение духа, остановились у первой придорожной таверны и потребовали по стаканчику грога для всех и большой стакан экстраординарной крепости для мистера Сэмюела Уэллера.

ГЛАВА XX,

повествующая о том, какими дельцами были Додсон и Фогг, и какими повесами их клерки, и как происходило трогательное свидание мистера Уэллера с его давно пропавшим родителем; а также о том, какое избранное общество собралось в «Сороке и Пне» и какой превосходной будет следующая глава

В нижнем этаже мрачного дома в, самом дальнем конце Фрименс-Корта, на Корнхилле, сидело четверо клерков фирмы Додсона и Фогга, двух поверенных[60] его величества при Суде Королевской Скамьи[61], Общих Тяжб в Вестминстере и верховного Канцлерского суда[62]; у вышеупомянутых клерков во время дневных занятий было столько же надежды уловить проблески небесного света и солнца, сколько и у человека, посаженного на дно достаточно глубокого колодца; и притом они не могли увидеть днем звезды, каковой возможности не лишает пребывание в колодце.

Комната для клерков в конторе Додсона и Фогга была темной, сырой, затхлой, и в ней находились: высокая деревянная перегородка, долженствовавшая заслонять клерков от взглядов непосвященных, два старых деревянных стула, очень громко тикающие часы, календарь, стойка для зонтов, вешалка и несколько полок, заваленных перенумерованными связками грязных бумаг, старыми сосновыми ящиками с бумажными наклейками и, пустыми, всех видов и размеров, глиняными бутылками из-под чернил. Стеклянная дверь выходила в коридор, выводивший во двор. С наружной стороны этой стеклянной двери в пятницу утром, наступившим после событий, правдиво изложенных в предыдущей главе, и предстал мистер Пиквик в сопровождении Сэма Уэллера.

– Входите, что же вы! – раздался голос из-за перегородки в ответ на тихий стук мистера Пиквика.

Мистер Пиквик и Сэм вошли.

– Мистер Додсон или мистер Фогг дома, сэр? – вежливо осведомился мистер Пиквик, направляясь со шляпой в руке к перегородке.

– Мистера Додсона нет дома, а мистер Фогг очень занят, – ответил голос, и в то же время голова с пером за ухом, – та, которой принадлежал этот голос, – показалась из-за перегородки перед мистером Пиквиком.

Это была неопрятная голова, на которой рыжеватые волосы, тщательно разделенные боковым пробором и напомаженные, завивались полукруглыми хвостиками, обрамлявшими плоскую физиономию, украшенную парой маленьких глазок, очень грязным воротничком сорочки и порыжевшим черным галстуком.

– Мистера Додсона нет дома, а мистер Фогг очень занят, – сказал человек, которому принадлежала голова.

– Когда вернется мистер Додсон, сэр? – осведомился мистер Пиквик.

– Не могу вам сказать.

– Скоро ли освободится мистер Фогг, сэр?

– Не знаю.

Тут человек принялся преспокойно чинить перо, а другой клерк, который размешивал зейдлицкий порошок[63] под крышкой своей конторки, одобрительно засмеялся.

– В таком случае я подожду, – сказал мистер Пиквик.

Ответа не последовало. Мистер Пиквик уселся без приглашения и стал слушать громкое тиканье часов и приглушенный разговор клерков.

– Вот была потеха, правда? – сказал джентльмен в коричневом фраке с медными пуговицами, в закапанных брюках мышиного цвета и блюхеровских башмаках[64], заканчивая рассказ о своих похождениях прошлой ночью.

– Здорово, чертовски здорово! – сказал человек с зейдлицким порошком.

– Том Каминс председательствовал, – продолжал человек в коричневом фраке. – В половине пятого я добрался до Сомерс-Тауна[65] и до того нагрузился, что никак не мог попасть ключом в замочную скважину, пришлось разбудить старуху. Интересно, что сказал бы старый Фогг, если бы узнал об этом. Пожалуй, выставил бы?

Это веселое предположение вызвало дружный смех всех клерков.

– Сегодня утром была потеха с Фоггом, – сказал человек в коричневом фраке. – Пока Джек разбирал бумаги, а вы оба ушли вносить гербовый сбор, Фогг был здесь, распечатывал письма, когда пришел, знаете, этот самый, против которого у нас сеть судебный приказ[66] в Кемберуэл[67]... Как его фамилия?

– Ремси, – подсказал клерк, который отвечал мистеру Пиквику.

– Да, Ремси... Довольно-таки потрепанный клиент. «Ну, сэр, – говорит старый Фогг и глядит на него очень грозно, сами знаете его манеру, – ну, сэр, вы пришли покончить дело?» – «Да, пришел, сэр, – сказал Ремси, опуская руку в карман и вытаскивая деньги, – долг два фунта десять шиллингов да судебные издержки два фунта пять. Вот деньги, сэр», – и тяжело вздохнул, вытаскивая деньги, завернутые в промокательную бумагу. Старый Фогг посмотрел сперва на деньги, потом на него, потом кашлянул по-своему, так что я уже знал – сейчас начнется. «Должно быть, вы не знаете, что декларация но иску зарегистрирована[68], а это значительно увеличивает судебные издержки?» спросил Фогг. «Что вы говорите, сэр! – воскликнул Ремси, отшатнувшись. Срок истек только вчера вечером, сэр». – «Тем не менее, – сказал Фогг, – мой клерк как раз пошел регистрировать. Мистер Джексон пошел регистрировать декларацию по делу Булмен и Ремси, мистер Уикс?» Конечно, я сказал «да», тогда Фогг опять кашлянул и посмотрел на Ремси. «Боже мой! – воскликнул Ремси. – А я-то чуть с ума не сошел, наскребывая эти деньги, и все ни к чему!» «Совершенно ни к чему, – холодно сказал Фогг, – а посему вы лучше отправляйтесь назад, наскребите еще кое-что и принесите сюда вовремя». «Черт подери, больше не могу!» – крикнул Ремси, ударив кулаком по столу. «Не угрожайте мне, сэр», – сказал Фогг, делая вид, будто испугался. «Я вам не угрожаю, сэр», – сказал Ремси. «Угрожаете, – сказал Фогг. – Уходите, сэр, уходите из этой конторы, сэр, и возвращайтесь, сэр, когда научитесь, как себя вести». Ну, Ремси попробовал что-то сказать, но Фогг не дал ему, тогда он спрятал деньги в карман и потихоньку вышел. Едва закрылась дверь, как старый Фогг, с приятной улыбкой на лице, поворачивается ко мне и вытаскивает из кармана декларацию. «Уикс, – говорит Фогг, – наймите кэб, поезжайте как можно скорее в Темпль и зарегистрируйте это. О судебных издержках можно не беспокоиться, потому что он человек степенный, семья большая, жалованье двадцать пять шиллингов в неделю, и если он выдаст нам адвокатскую гарантию[69], – а в конце концов он должен будет это сделать, – я знаю, что его хозяева позаботятся об уплате; поэтому, мистер Уикс, мы должны

выудить у него все, что можно; это христианский поступок, мистер Уикс, ибо, имея большую семью и получая маленькое жалованье, он извлечет пользу из доброго урока и не будет делать долгов, не так ли, мистер Уикс, не так ли?» И, уходя, он с таким добродушием улыбнулся, что приятно было на него смотреть. Превосходный делец! – сказал Уикс тоном глубочайшего восхищения. Превосходный, не правда ли?

Остальные трое от души присоединились к этому мнению, рассказ доставил им беспредельное удовольствие.

– Славные здесь люди, – сказал мистер Уэллер своему хозяину, – и, нечего сказать, славное у них понятие о забаве, сэр.

Мистер Пиквик кивнул в знак согласия и кашлянул с целью привлечь внимание молодых джентльменов за перегородкой, которые, облегчив себя краткой беседой, снисходительно занялись новым клиентом.

– Быть может, Фогг уже освободился, – сказал Джексон.

– Пойду узнаю, – сказал Уикс, медленно слезая с табурета. – Как доложить о вас мистеру Фоггу?

– Пиквик, – ответил прославленный герой этих записок.

Мистер Джексон отправился с докладом наверх и немедленно вернулся с ответом, что мистер Фогг примет мистера Пиквика через пять минут. Исполнив поручение, он снова занял место за конторкой.

– Как он себя назвал? – прошептал Уикс.

– Пиквик, – сообщил Джексон, – это ответчик по делу Бардл и Пиквик.

Из-за перегородки вдруг послышалось шарканье ног и приглушенный смех.

– Они на вас глазеют, сэр, – шепнул мистер Уэллер.

– Глазеют на меня, Сэм! – повторил мистер Пиквик. – Что вы имеете в виду?

Вместо ответа мистер Уэллер указал большим пальцем через плечо, и мистер Пиквик, подняв взор, обнаружил следующий приятный факт: все четыре клерка – лица их выражали крайнюю веселость, а головы торчали над деревянной перегородкой – внимательно изучали фигуру и весь облик человека, якобы игравшего женскими сердцами и разрушившего женское счастье. Когда он поднял глаза, ряд голов мгновенно исчез, и немедленно вслед за этим раздался скрип перьев, путешествовавших с бешеной скоростью по бумаге.

Внезапный звон колокольчика, висевшего в конторе, призвал мистера Джексона в кабинет Фогга; оттуда он вернулся и сказал, что он (Фогг) готов принять мистера Пиквика, если тот поднимется наверх.

Мистер Пиквик поднялся наверх, оставив Сэма Уэллера внизу. Во втором этаже на двери комнаты, выходящей во двор, были начертаны удобочитаемыми буквами внушительные слова: «Мистер Фогг»; постучав в дверь и получив приглашение войти, Джексон ввел мистера Пиквика.

– Мистер Додсон вернулся? – осведомился мистер Фогг.

– Только что вернулся, сэр.

– Попросите его заглянуть сюда.

– Слушаю, сэр.

(Те же без Джексона.)

– Присядьте, сэр, – сказал Фогг, – не угодно ли газету, сэр? Мой компаньон сейчас придет, и мы потолкуем об этом деле, сэр.

Мистер Пиквик взял стул и газету, но вместо того чтобы читать, поглядывал поверх нее и рассматривал дельца. Это был пожилой человек, прыщеватый, сидящий на растительной диете, человек в черном фраке, темных панталонах и коротких черных гетрах, – существо,

которое, казалось, было неотъемлемой частью своей конторки и не превосходило ее ни умом, ни сердечностью.

Через несколько минут явился мистер Додсон, полный, осанистый, суровый на вид человек с громким голосом, и разговор начался.

– Это мистер Пиквик, – сказал Фогг.

– А! Вы – ответчик, сэр, по делу Бардл и Пиквик? – спросил Додсон.

– Да, сэр, – ответил мистер Пиквик.

– Итак, сэр, – сказал Додсон, – что же вы предлагаете?

– Да, – сказал Фогг, засовывая руки в карманы панталон и откидываясь на спинку стула. – Что вы предлагаете, мистер Пиквик?

– Погодите, Фогг, – сказал Додсон, – дайте мне выслушать, что хочет сказать мистер Пиквик.

– Я пришел, джентльмены, – начал мистер Пиквик, безмятежно взирая на двух компаньонов, – я пришел сюда, джентльмены, чтобы выразить изумление по поводу полученного на днях письма от вас и осведомиться, какие у вас основания для вчинения мне иска.

– Основания для... – Фогг только это и успел выговорить, когда его остановил Додсон.

– Мистер Фогг, – сказал Додсон, – говорить буду я.

– Прошу извинить меня, мистер Додсон, – сказал Фогг.

– Что касается оснований иска, сэр, – продолжал Додсон назидательным тоном, – вы должны спросить свою собственную совесть и свои собственные чувства. Мы, сэр, руководствуемся исключительно заявлением нашего клиента. Это заявление, – сэр, может быть правдивым или лживым, оно может быть достойно доверия или не достойно, но если оно правдиво и если оно достойно доверия, я, не колеблясь, скажу, сэр, что наши основания иска, сэр, серьезны и не могут быть опровергнуты. Может быть, вы, сэр, несчастный человек или, может быть, коварный человек, но если бы меня призвали в качестве присяжного, сэр, высказать мнение о вашем поведении, сэр, то заявляю, не колеблясь, – у меня имелось бы только одно мнение по этому вопросу.

Тут Додсон выпрямился с видом оскорбленной добродетели и взглянул на Фогга, который глубже засунул руки в карманы и, глубокомысленно кивнув, сказал тоном весьма убежденным:

– Несомненно.

– Так вот, сэр, – сказал мистер Пиквик, на лице которого отразилось сильное огорчение, – разрешите мне заверить вас, что я – несчастнейший человек, поскольку речь идет об этом деле.

– Надеюсь, что так, сэр, – отозвался Додсон, – хочу верить, сэр. Если вы действительно не повинны в том, что вменяется вам в вину, то вы более несчастливы, чем можете себе представить. Что скажете вы, мистер Фогг, по этому поводу?

– Скажу то же, что и вы, – с недоверчивой улыбкой ответил Фогг.

– Первоначальный приказ[70], сэр, – продолжал Додсон, – был выдан правильно. Мистер Фогг, где наша книга praecipe[71]?

– Вот она, – сказал Фогг, протягивая квадратную книгу в пергаментном переплете.

– Вот запись, – продолжал Додсон. – «Мидлсекс. Марта Бардл, вдова versus Сэмюел Пиквик. Размер убытков 1500 фунтов, Додсон и Фогг со стороны истицы. Авг. 28, 1830». Все в порядке, сэр, в полном порядке.

Додсон кашлянул и посмотрел на Фогга, который тоже сказал: «В полном». Затем оба посмотрели на мистера Пиквика.

– Должен ли я это понимать так, – сказал мистер Пиквик, – что вы действительно намерены дать ход этому делу?

– Понимать, сэр? Это вы, несомненно, можете, – отвечал Додсон, изобразив улыбку, которая не наносила бы ущерба его достоинству.

– И то, что убытки действительно исчислены в полторы тысячи фунтов? – спросил мистер Пиквик.

– К этому вы можете прибавить мое заверение, что, если бы мы могли повлиять на нашу клиентку, сумма была бы увеличена втрое, сэр, – ответил Додсон.

– Во всяком случае, мне кажется, миссис Бардл особенно настаивала, заметил Фогг, взглянув на Додсона, – что она не уступит ни одного фартинга.

– Несомненно, – сухо отозвался Додсон. – Ибо иск только что вчинен и не следовало допускать, чтобы мистер Пиквик пошел на компромисс, даже если бы он к этому склонялся.

– Поскольку вы ничего не предлагаете, сэр, – сказал Додсон, держа в правой руке кусок пергамента, а левой любовно протягивая мистеру Пиквику копию, – мне остается только вручить вам копию приказа. Оригинал остается у нас, сэр.

– Прекрасно, джентльмены, прекрасно! – сказал мистер Пиквик, вставая во весь рост и вскипая гневом. – Вы будете иметь дело с моим поверенным, джентльмены.

– Мы будем в восторге, – сказал Фогг, потирая руки.

– В восторге! – повторил Додсон, открывая дверь.

– Но раньше чем уйти, джентльмены, – начал возбужденный мистер Пиквик, останавливаясь на пороге, – разрешите мне сказать, что из всех гнусных и подлых дел...

– Погодите, сэр, погодите, – очень вежливо перебил Додсон. – Мистер Джексон! Мистер Уикс!

– Сэр? – отозвались два клерка, появляясь на нижней площадке лестницы.

– Я хочу только, чтобы вы слышали, что говорит этот джентльмен, – пояснил Додсон.

– Пожалуйста, продолжайте, сэр... Кажется, вы сказали: «Гнусные и подлые дела»?

– Сказал! – подтвердил мистер Пиквик, совершенно взбешенный. – Я сказал, сэр, что из всех гнусных и подлых дел, какие когда-либо затевались, это является самым гнусным. Я это повторяю, сэр!

– Вы слышите, мистер Уикс? – спросил Додсон.

– Вы не забудете этих выражений, мистер Джексон? – спросил Фогг.

– Быть может, вы желали бы назвать нас вымогателями, сэр? – сказал Додсон. – Пожалуйста, назовите, сэр, если вам угодно, пожалуйста, назовите, сэр.

– Назову! – сказал мистер Пиквик. – Вы – вымогатели!

– Прекрасно, – сказал Додсон. – Надеюсь, вам слышно там, внизу, мистер Уикс?

– О да, сэр! – ответил Уикс.

– Если не слышно, поднимитесь, пожалуйста, на одну-две ступеньки, – добавил мистер Фогг. – Продолжайте, сэр, продолжайте! Назовите нас ворами, сэр, или, быть может, вам угодно нанести одному из нас оскорбление действием? Сделайте одолжение, сэр, мы не окажем ни малейшего сопротивления. Сделайте одолжение, сэр!

Так как Фогг стоял на соблазнительно близком расстоянии от сжатого кулака мистера Пиквика, то вряд ли можно сомневаться, что сей джентльмен исполнил бы его настойчивую просьбу, не вмешайся в дело Сэм, который, заслышав спор, выскочил из конторы, взбежал по лестнице и схватил своего хозяина за руку.

– Уходите-ка отсюда, – сказал мистер Уэллер. – Волан – прекрасная игра, но если вы – волан, а два законника – ракетки, тогда игра чересчур возбуждает, чтобы быть приятной.

Уходите отсюда, сэр! Если вам нужно облегчить душу и вздуть кого-нибудь, выйдем на улицу и вздуйте меня, а здесь, пожалуй, это дорогая забава.

И без всяких церемоний мистер Уэллер стащил своего хозяина с лестницы, вывел его в переулок и, благополучно доставив на Корнхилл, поместился за его спиной, готовый следовать, куда бы тот ни пошел.

Мистер Пиквик рассеянно побрел вперед, перешел улицу против Меншен-Хауса[72] и направил свои стопы к Чипсайду. Сэм уже начал недоумевать, куда они идут, как вдруг его хозяин оглянулся и произнес:

– Сэм, я иду прямо к мистеру Перкеру.

– Это как раз то самое место, куда вам нужно было пойти еще вчера вечером, сэр, – ответил мистер Уэллер.

– Думаю, что так, Сэм, – сказал мистер Пиквик.

– Наверняка, – сказал мистер Уэллер.

– Хорошо, хорошо, Сэм! – отозвался мистер Пиквик. – Мы сейчас же туда пойдем, но сначала, так как я несколько вышел из себя, мне бы хотелось выпить стаканчик грога, Сэм. Где его можно было бы получить, Сэм?

Сведения мистера Уэллера о Лондоне были пространны и своеобразны. Он ответил, нимало не задумываясь:

– Второй поворот направо, предпоследний дом по той же стороне. Займите отделение у самого камина, там у столика нет средней ножки, а у других есть, и это очень неудобно.

Мистер Пиквик слепо подчинился указаниям своего слуги и, приказав Сэму идти за ним, вошел в намеченную таверну, где ему был быстро подан горячий грог, а мистер Уэллер на почтительном расстоянии, но за одним столом с хозяином, устроился за пинтой портера.

Помещение было очень простое и находилось, по-видимому, под особым покровительством кучеров пассажирских карет, ибо несколько джентльменов, которые по всем внешним признакам принадлежали к этой просвещенной профессии, пили и курили, сидя за низкими перегородками. Среди них находился тучный, краснолицый, пожилой человек, сидевший в отдалении против мистера Пиквика и привлекший его внимание. Тучный человек курил с большим увлечением, но после каждой полдюжины затяжек вынимал трубку изо рта и взглядывал сначала на мистера Уэллера, а потом на мистера Пиквика. Затем он погружал в кружку часть физиономии, какую могла вместить кружка в кварту, и снова бросал взгляд на Сэма и на мистера Пиквика. Затем он делал еще с полдюжины затяжек с видом глубоко задумчивым и взглядывал на них снова. Наконец, тучный человек, положив ноги на скамью и прислонившись спиной к стене, начал без конца дымить, разглядывая сквозь дым вновь прибывших, словно решил изучить их досконально.

Сначала маневры тучного человека ускользнули от внимания мистера Уэллера, но вскоре, видя, что взгляд мистера Пиквика то и дело устремляется в одном направлении, он также начал смотреть в ту сторону, заслоняя в то же время глаза рукой, как будто распознал находившийся перед ним объект и хотел окончательно убедиться в том, что не ошибается. Впрочем, сомнения его быстро рассеялись, ибо тучный человек извлек густое облако из своей трубки и хриплым голосом, напоминавшим голос чревовещателя и вырвавшимся из-под широких шарфов, обматывающих его шею и грудь, медленно издал следующие звуки:

– Ну да, Сэмми!

– Кто это, Сэм? – осведомился мистер Пиквик.

– Не верю своим глазам, сэр! – ответил мистер Уэллер, с изумлением вытаращив глаза. – Это старик!

– Старик! – повторил мистер Пиквик. – Какой старик?

– Мой отец, сэр! – ответил мистер Уэллер. – Как поживаете, развалина?

Выразив столь почтительно сыновнюю любовь, мистер Уэллер подвинулся, чтобы освободить место для тучного человека, который с трубкой во рту и с кружкой в руке подошел поздороваться с ним.

– Ну, Сэмми, – сказал отец, – я тебя не видал больше двух лет.

– Что и говорить, старина! – ответил сын. – Как мачеха?

– Я тебе вот что скажу, Сэмми, – начал мистер Уэллер-старший с большой торжественностью. – Не бывало на свете вдовы лучше этой моей второй суженой – славное было создание, Сэмми, а теперь скажу об ней одно: она была такая на редкость приятная вдова, и как жаль, что она изменила свое положение! Она не годится в жены, Сэмми.

– Не годится? – переспросил мистер Уэллер-младший.

Мистер Уэллер-старший покачал головой и ответил со вздохом:

– Я проделал это на один раз больше, чем следовало, – Сэмми, на один раз. Бери пример с твоего отца, мой мальчик, и всю жизнь остерегайся вдов, в особенности – если они держат трактир.

Подав с большим пафосом этот отеческий совет, мистер Уэллер-старший набил трубку табаком из жестянки, которую носил в кармане, и, раскурив новую трубку от прежней, начал весьма энергически дымить.

– Прошу прощенья, сэр, – сказал он после длительной паузы, возобновляя разговор и обращаясь к мистеру Пиквику. – Надеюсь, я вас не задел, сэр, надеюсь, вы не женаты на вдове, сэр?

– Нет, я не женат на вдове, – смеясь, ответил мистер Пиквик.

Пока мистер Пиквик смеялся, Сэм Уэллер шепотом уведомил своего родителя о том, в каких отношениях он состоит с этим джентльменом.

– Прошу прощенья, сэр! – сказал мистер Уэллер-старший, снимая шляпу. – Надеюсь, вам не в чем упрекнуть Сэмми?

– Решительно не в чем, – ответил мистер Пиквик.

– Очень рад это слышать, сэр, – заявил старик, – я отпускал его одного бегать по улицам, когда он был малышом, чтобы он сам выпутывался из беды. Это единственный способ сделать мальчика сметливым, сэр.

– Довольно опасный прием, сказал бы я, – с улыбкой заметил мистер Пиквик.

– И вдобавок не такой уж надежный, – присовокупил мистер Уэллер-младший, – на днях меня, регулярно, провели.

– Да ну! – воскликнул отец.

– Провели! – подтвердил сын и рассказал по возможности кратко, как он был одурачен Джобом Троттером.

Мистер Уэллер-старший выслушал рассказ с глубочайшим вниманием и по окончании его спросил:

– Один из этих молодцов тощий и высокий, с длинными волосами, а язык у него так и скачет в галоп?

Мистер Пиквик не совсем понял последнюю часть описания, но, уразумев первую, сказал наугад: «Да».

– А другой – черноволосый, в шелковичной ливрее и с очень большой головой?

– Да, да, это он! – с живостью воскликнул мистер Пиквик и Сэм.

– Ну, так я знаю, где они, можете не сомневаться, – объявил мистер Уэллер, – они в Ипсуиче, в целости и сохранности оба.

– Быть не может! – воскликнул мистер Пиквик.

– Факт! – сказал мистер Уэллер. – И я вам расскажу, как я это узнал. Иной раз я езжу с ипсуичской каретой вместо одного приятеля. Я работал как раз после той ночи, когда вы схватили ревматизм, и в «Черном Парне» в Чемсфорде[73] – самое подходящее для них место – они сели в мою карету, и я их повез прямо в Ипсуич, а слуга – тот, что в шелковичном, – сказал мне, что они думают остаться там надолго.

– Я еду за ним! – сказал мистер Пиквик. – Мы можем посетить Ипсуич, как и всякое другое место. Я поеду за ним.

– Вы твердо уверены, что это были они, командир? – осведомился мистер Уэллер-младший.

– Твердо, Сэмми, твердо, – отвечал отец, – потому что вид у них очень чудной, а вдобавок я подивился, что джентльмен запанибрата со своим слугой, и вот еще что: они сидели как раз позади козел, и я слышал – они смеялись и толковали о том, что обработали старую петарду.

– Старую... что? – переспросил мистер Пиквик.

– Старую петарду, сэр, и я ничуть не сомневаюсь – они говорили о вас, сэр.

Нет в сущности ничего оскорбительного или чудовищного в прозвище «старая петарда», однако оно отнюдь не является почтительным или лестным наименованием. Все обиды, нанесенные Джинглем, всплыли в памяти мистера Пиквика, как только заговорил мистер Уэллер; не хватало одного-единственного перышка, чтобы опустилась чаша весов, и таким перышком оказалась «старая петарда».

– Я догоню его! – сказал мистер Пиквик, энергически стукнув по столу.

– Послезавтра я еду в Ипсуич, сэр, – сказал мистер Уэллер-старший, – карета отправляется из «Быка» в Уайтчепле[74]. И если вы и в самом деле хотите ехать, поезжайте со мной.

– Так мы и сделаем, – сказал мистер Пиквик. – Отлично! Я могу написать в Бери и встретиться с друзьями в Ипсуиче. Мы поедем с вами. Но не торопитесь, мистер Уэллер. Не хотите ли чего-нибудь выпить?

– Вы очень добры, сэр! – сказал мистер Уэллер, тотчас же останавливаясь. – Пожалуй, стаканчик бренди за ваше здоровье, сэр, и за успехи Сэмми окажется не лишним.

– Разумеется, – отозвался мистер Пиквик. – Подайте стаканчик бренди.

Подали бренди, и мистер Уэллер, поклонившись мистеру Пиквику и кивнув Сэму, сразу опрокинул в свою поместительную глотку все содержимое стаканчика, точно тот был величиною с наперсток.

– Здорово, отец! – сказал Сэм. – старина, как бы вас опять не скрутила болезнь – подагра.

– Я нашел верное средство от нее, Сэмми, – объявил мистер Уэллер.

– Верное средство от подагры? – сказал мистер Пиквик, поспешно извлекая записную книжку. – Какое же это средство?

– Подагра, сэр, – отвечал мистер Уэллер, – это напасть, которая, приключается от слишком покойной жизни со всеми удобствами. Если когда-нибудь вас скрутит подагра, сэр, тотчас женитесь на вдове, у которое голос очень зычный и которая понимает, как им пользоваться, и у вас подагры как не бывало. Чудесное лекарство, сэр. Я принимаю его регулярно и могу поручиться, что оно прогоняет всякую болезнь, которая происходит от слишком веселой жизни.

Открыв этот бесценный секрет, мистер Уэллер осушил второй стаканчик, подмигнул, глубоко вздохнул и медленно удалился.

– Ну, какого вы мнения, Сэм, о том, что сказал ваш отец? – улыбаясь, полюбопытствовал мистер Пиквик.

– Какого я мнения, сэр? – отозвался мистер Уэллер. – Да я того мнения, что он – жертва супружеской жизни, как сказал капеллан Синей Бороды, прослезившись от жалости на его похоронах.

На это весьма уместное заключение ответить было нечего, и посему мистер Пиквик, расплатившись, снова направил свои стопы к Грейз-Инну[75]. Но когда он добрался до его уединенных садов, пробило восемь, и непрерывный поток джентльменов в грязных башмаках, испачканных светлых шляпах и порыжевших костюмах, который устремлялся к проездам, ведущим к выходу, возвестил ему, что большая часть контор уже закрыта.

Поднявшись по крутой и грязной лестнице на третий этаж, он убедился, что его предположение оправдалось. «Парадная дверь» мистера Перкера была заперта, и мертвое молчание в ответ на повторный стук Сэма свидетельствовало о том, что клерки ушли, закончив свой рабочий день.

– Досадно, Сэм, – сказал мистер Пиквик, – не хотелось бы откладывать свидание с ним, я уверен, что ночью не засну ни на секунду, если не успокоюсь на мысли, что передал это дело в руки человека опытного.

– А вот какая-то старуха поднимается по лестнице, сэр, – отозвался Сэм, – быть может, она знает, где нам кого-нибудь найти. Послушайте, старая леди, где клерки мистера Перкера?

– Клерки мистера Перкера... – повторила чахлая, жалкая на вид старуха, останавливаясь, чтобы перевести дух, – клерки мистера Перкера ушли, а я иду убирать контору.

– Вы – служанка мистера Перкера? – осведомился мистер Пиквик.

– Я – прачка у мистера Перкера, – ответила старуха.

– Подумайте! – тихо сказал Сэму мистер Пиквик. – Любопытное обстоятельство, Сэм: старух в этих домах называют прачками. Хотел бы я знать почему?

– Должно быть, потому, что они смертельно не любят что-нибудь мыть, сэр, – отозвался мистер Уэллер.

– Меня бы это не удивило, – сказал мистер Пиквик, глядя на старуху, чья внешность, равно как и вид конторы, которую она к тому времени открыла, указывали на закоренелую антипатию к применению мыла и воды. – Не знаете ли вы, моя милая, где я могу найти мистера Перкера?

– Нет, не знаю, – ответила старуха хриплым голосом, – его нет сейчас в городе.

– Досадно, – сказал мистер Пиквик. – Где его клерк? Вы не знаете?

– Да, знаю, но он меня не поблагодарит, если я вам скажу, – ответила прачка.

– У меня очень важное дело, – заметил мистер Пиквик.

– А подождать до утра нельзя? – спросила старуха.

– Не хотелось бы, – ответил мистер Пиквик.

– Ну, раз дело очень важное, – промолвила старуха, – мне приказано сказать, где он, и, значит, беды не будет, коли я вам скажу. Если вы пойдете в «Сороку и Пень» и спросите в буфетной мистера Лаутена, вас проведут к нему, а он и есть клерк мистера Перкера.

Получив эти указания и узнав также, что гостиница, о которой шла речь, расположена в переулке и пользуется двумя преимуществами – находится по соседству с Клейр-маркет и вплотную примыкает к заднему фасаду Нью-Инна, мистер Пиквик и Сэм благополучно спустились по шаткой лестнице и отправились на поиски «Сороки и Пня».

Эту излюбленную таверну, освященную вечерними оргиями мистера Лаутена и его приятелей, люди заурядные назвали бы трактиром. О склонности содержателя трактира зарабатывать деньги свидетельствовал в достаточной мере тот факт, что маленькая пристройка под окном распивочной, размером и формой слегка напоминающая портшез, была сдана башмачнику, чинившему старую обувь; а его филантропический дух проявлялся в той

протекции, какую он оказывал пирожнику, который, не опасаясь помехи, продавал свои лакомства у самой двери. В нижних окнах, украшенных занавесками шафранного цвета, висело два-три печатных объявления о девонширском сидре в данцигском пиве, а большая черная доска, возвещая белыми буквами просвещенной публике о пятистах тысячах бочек портера, находящегося в погребах заведения, поселяла в уме довольно приятные сомнения и неуверенность относительно точного направления, в каком тянется в недрах земли эта гигантская пещера. Если мы добавим, что пострадавшая от непогоды вывеска хранила полустертое подобие сороки, пристально созерцающей кривую полосу коричневой краски, которую соседи научились с детства считать «пнем», – мы скажем все, что следует сказать о внешнем виде здания.

Когда мистер Пиквик вошел в буфетную, из-за перегородки появилась пожилая особа женского пола.

– Мистер Лаутен здесь, сударыня? – осведомился у нее мистер Пиквик.

– Здесь, сэр, – ответила хозяйка. – Эй, Чарли, проводите джентльмена к мистеру Лаутену.

– Джентльмен не может войти туда сейчас, – сказал неуклюжий слуга с рыжими волосами, – потому что мистер Лаутен исполнят комические куплеты и он ему помешает. Мистер Лаутен скоро кончит, сэр.

Рыжеволосый слуга едва успел договорить, как дружные удары по столу и звон стаканов возвестили, что песня допета, и мистер Пиквик, посоветовав Сэму утешаться в буфетной, отправился вслед за слугой.

Когда было доложено о «джентльмене, который хочет говорить с вами, сэр», молодой человек с одутловатым лицом, занимавший председательское место во главе стола, досмотрел не без удивления в ту сторону, откуда раздался голос, и удивление, казалось, отнюдь не рассеялось, когда его взгляд упал на человека, которого он видел впервые.

– Прошу прощенья, сэр, – сказал мистер Пиквик, – а также очень сожалею, что помешал остальным джентльменам, но я пришел по весьма важному делу, несли вы разрешите мне отвлечь вас на пять минут, не покидая этой комнаты, я буду вам очень признателен.

Одутловатый молодой человек встал и, придвинув к мистеру Пиквику стул в темном углу комнаты, внимательно выслушал его печальный рассказ.

– О! – сказал он, когда мистер Пиквик умолк. – Додсон и Фогг ловко обделывают дела... превосходные дельцы Додсон и Фогг, сэр.

Мистер Пиквик признал ловкость Додсона и Фогга, а Лаутен продолжал:

– Перкера в городе нет и не будет до конца будущей недели, но если вы желаете поручить ему защиту ваших интересов, оставьте мне копию, и я приготовлю все, что нужно, до его возвращения.

– Для этого-то я и пришел сюда, – сказал мистер Пиквик, передавая бумагу. – Если случится что-нибудь важное, вы можете мне написать до востребования в Ипсуич.

– Отлично! – ответил клерк мистера Перкера, а затем, видя, что мистер Пиквик с любопытством перевел взгляд на стол, он добавил: – Не хотите ли присоединиться к нам на полчасика? Сегодня здесь собралась чудесная компания. Тут старший клерк Семкина и Грина, заведующий канцелярией у Смитерса и Прайса, делопроизводитель Пимкина и Томаса – он знает чудесную песню – и Джек Бембер, и много еще народу. Вы, кажется, вернулись недавно в город. Не хотите ли присоединиться к нам?

Мистер Пиквик не мог устоять перед столь соблазнительной возможностью изучения человеческой природы. Он позволил увлечь себя к столу, где его должным образом представили собранию и усадили рядом с председателем, после чего он заказал стакан своего любимого напитка.

Вопреки ожиданиям мистера Пиквика наступило глубокое молчание.

– Надеюсь, сэр, вас это не беспокоит? – осведомился его сосед справа, джентльмен с сигарой во рту и с мозаичными запонками в клетчатой рубашке.

– Нисколько, – ответил мистер Пиквик, – мне очень приятно, хотя я сам не курю.

– К сожалению, не могу сказать того же о себе, – вмешался другой джентльмен, сидевший напротив. – Для меня куренье – это и стол и квартира.

Мистер Пиквик взглянул на говорившего джентльмена и подумал, что было бы еще лучше, если бы оно служило ему также и умыванием.

Снова наступила пауза. Мистер Пиквик был человеком посторонним, и, очевидно, его приход подействовал угнетающе на собрание.

– Мистер Гранди сейчас порадует общество пением, – сказал председатель.

– Нет, не порадует, – сказал мистер Гранди.

– Почему? – спросил председатель.

– Потому что не может, – сказал мистер Гранди.

– Скажите лучше – не хочет, – возразил председатель.

– Ну, значит, не хочет, – отрезал мистер Гранди.

Категорический отказ мистера Гранди доставить удовольствие собравшимся вызвал новую паузу.

– Неужели никто нас не расшевелит? – уныло спросил председатель.

– Почему вы сами не расшевелите нас, председатель? – заметил сидевший в конце стола молодой человек с бакенбардами, косоглазый и с открытым воротом рубашки (грязным).

– Правильно! – крикнул джентльмен-курильщик с мозаичными украшениями.

– Потому что я знаю только одну песню, и я ее уже спел, а петь одно и то же дважды в один вечер – прекрасный повод уплатить штраф.

На это нечего было возразить, и снова воцарилось молчание.

– Я побывал сегодня вечером, джентльмены, – начал мистер Пиквик, надеясь затронуть тему, в обсуждении которой могут участвовать все присутствующие, – я побывал сегодня вечером в одном месте, которое вам всем, несомненно, прекрасно знакомо, но где я не бывал уже несколько лет и знаю о нем очень мало; я говорю о Грейз-Инне, джентльмены. Эти старинные Инны любопытные закоулки в таком огромном городе, как Лондон.

– Клянусь Юпитером, – прошептал председатель, обращаясь через стол к мистеру Пиквику, – вы затронули тему, на которую один из нас во всяком случае готов говорить без конца. Вы развяжете язык старому Джеку Бемберу. Никто не слыхал, чтобы он говорил о чем-либо другом, он сам жил там в полном одиночестве, пока у него не помутился рассудок.

Субъект, о котором говорил Лаутен, был маленький желтый сутулый человек, которого мистер Пиквик сначала не заметил, потому что тот имел привычку сидеть сгорбившись, когда, молчал. Но вот старик поднял сморщенное лицо и устремил на него серые глаза, проницательные и испытующие, и мистер Пиквик удивился, как могло такое незаурядное лицо ускользнуть хотя бы на секунду от его внимания. Напряженная мрачная улыбка не сходила с этого лица; человек сидел, опираясь подбородком на длинную костлявую руку с необычайно длинными ногтями; а когда он склонил голову набок и зорко посмотрел из-под косматых седых бровей, в его хитрой физиономии можно было уловить какое-то странное, дикое лукавство, которое производило отталкивающее впечатление.

Этот человек теперь встрепенулся и разразился неудержимым потоком слов. Но так как эта глава затянулась и так как старик был замечательной личностью, то будет более почтительно по отношению к нему и более удобно для нас предоставить ему говорить самому за себя в новой главе.

ГЛАВА XXI,

в которой старик обращается и излюбленной теме и рассказывает повесть о странном клиенте

– Так! – сказал старик, кратким описанием манер и внешности которого заканчивается предыдущая глава. – Кто говорит об Иннах?

– Я, сэр, – ответил мистер Пиквик. – Я упомянул о том, как своеобразны эти старые дома.

– Вы! – презрительно воскликнул старик. – Что знаете вы о том времени, когда молодые люди запирались в этих уединенных комнатах и читали, читали, час за часом и ночь за ночью, пока рассудок их не мутился от полуночных занятий, пока духовные силы не истощались, пока утренний свет не отказывал им в бодрости и здоровье, и они погибали, неразумно посвятив молодую энергию своим сухим старым книгам? Обратимся к более позднему времени и к совсем иной эпохе. Что знаете вы о медленном умирании от чахотки или о быстром угасании от нервного расстройства – об этих потрясающих результатах «жизни» и разгула, которые выпадают на долю обитателям этих самых комнат? Как вы думаете, сколько людей, тщетно моливших о милосердии, уходило с разбитым сердцем из адвокатских контор, чтобы найти успокоение в Темзе или пристанище в тюрьме? О, это не простые дома! Нет доски в этих старых, обшитых панелями стенах, которая, будь она наделена даром речи и памятью, не могла бы рассказать своей ужасной повести! Романтика жизни, сэр, романтика жизни! Быть может, теперь они и производят впечатление заурядных домов, но я вам говорю, что это странные старые дома, и я бы предпочел прослушать много легенд с устрашающими названиями, чем подлинную историю одной из этих квартир.

Было нечто столь странное в неожиданной вспышке старика и в теме, вызвавшей эту вспышку, что у мистера Пиквика не нашлось готового ответа, а старик, подавив волнение и вновь обретя хитрую усмешку, которая исчезла было во время его возбужденной речи, сказал:

– Посмотрите на них с другой точки зрения, более обыденной, и отнюдь не романтической. Какие это удивительные места, где люди подвергаются медленным пыткам! Подумайте о бедняке, растратившем все, что у него было, дошедшем до нищеты, обобравшем друзей, чтобы заняться профессией, которая не даст ему куска хлеба. Ожидание... надежда... разочарование... страх... горе... бедность... разбитые надежды и конец карьеры... быть может, самоубийство или нищета и пьянство. Разве я говорю неправду?

И старик потер руки в усмехнулся, словно радуясь, что ему удалось по-своему осветить излюбленную тему.

Мистер Пиквик с большим любопытством разглядывал старика, а остальные улыбались и помалкивали.

– Толкуют о немецких университетах, – продолжал маленький старик. – Вздор! У нас здесь романтики достаточно, даже на полмили незачем отходить, только об этом никогда не думают.

– Об этой романтике я действительно никогда еще не думал, – смеясь, сказал мистер Пиквик.

– Конечно, не думали, – отозвался маленький старик. – Как говорил мне один мой друг: «В сущности, что особенного в этих помещениях?» – «Странные старые дома», – отвечал я. «Нисколько», – говорил он. «Уединенные», продолжал я. «Ничуть не бывало», – говорил он. Как-то утром он умер от апоплексического удара, когда собирался открыть свою выходную дверь. Он упал головой на свой собственный ящик для писем и так пролежал полтора года. Все думали, что он уехал из города.

– А как же его в конце концов нашли? – полюбопытствовал мистер Пиквик.

– Старейшины[76] решили взломать дверь, потому что он два года не платил за квартиру. Так и сделали. Взломали замок, и покрытый пылью скелет в синем фраке, черных коротких штанах и шелковых чулках упад в объятия швейцара, который открыл дверь. Странно! Пожалуй, довольно странно, а?

Старичок еще ниже склонил голову к плечу и с невыразимым удовольствием потер руки.

– Я знаю другой случай, – сказал старичок, когда хихиканье его постепенно стихло. – Это произошло в Клиффордс-Инне. Жилец верхнего этажа человек дурной репутации – заперся в стенном шкафу в своей спальне и принял мышьяку. Управляющий подумал, что он сбежал, отпер его дверь и вывесил объявление. Явился другой человек, нанял квартиру, меблировал ее и переехал туда. Почему-то он не мог спать – ему было тревожно и неуютно. «Странно, – сказал он. – Устрою спальню в другой комнате, а здесь будет моя гостиная». Он произвел эту перемену в очень хорошо спал ночью, но вдруг обнаружил, что почему-то не может читать по вечерам: он начал нервничать, беспокоиться, все время снимал нагар со свечей и осматривался по сторонам. «Ничего не понимаю», – сказал он, когда вернулся как-то вечером из театра и пил холодный грог, прислонившись спиной к стене, чтобы не могло ему почудиться, будто кто-то стоит у него за спиной. «Ничего не понимаю», – сказал он, и как раз в эту секунду его взгляд упал на маленький стенной шкаф, который всегда был заперт, и дрожь пробежала по всему его телу с головы до пят. «Это странное чувство я испытывал раньше, – сказал он, – я невольно думаю о том, что с этим шкафом связано что-то неладное». Он сделал над собой усилие, собрался с духом, сбил замок двумя ударами кочерги, открыл дверцу и... да, сомнений быть не могло: в углу, выпрямившись во весь рост, стоял прежний жилец, крепко сжимая в руке маленькую бутылочку, а лицо его... ну, ладно!..

Закончив рассказ, маленький старик с мрачной торжествующей улыбкой обвел глазами внимательные лица своей изумленной аудитории.

– Какие странные вещи вы рассказываете, сэр, – заметил мистер Пиквик, пристально разглядывая сквозь очки физиономию старика.

– Странные! – повторил маленький старик. – Нисколько! Вам они кажутся странными, потому что вы ничего об этом не знаете. Они забавны, но заурядны.

– Забавны! – невольно воскликнул мистер Пиквик.

– Да, забавны, не правда ли? – с дьявольской усмешкой отозвался маленький старик, а затем, не дожидаясь ответа, продолжал:

– Я знал другого человека... Позвольте... сорок лет прошло с тех пор... он нанял старую, сырую, скверную квартиру в одном из самых старинных Иннов, которая много лет пустовала и стояла запертой. Пожилые женщины рассказывали множество историй об этой квартире, и ее, конечно, не назовешь веселой, но он был беден, а комнаты дешевы, и для него это было бы достаточным основанием, будь они в десять раз хуже. Ему пришлось купить кое-какую ветхую мебель, находившуюся в квартире, и между прочим огромный, громоздкий деревянный шкаф для бумаг с большими стеклянными дверцами, занавешенными изнутри. Совершенно бесполезная для него вещь, ибо у него не было никаких бумаг, а что касается одежды, он носил ее всю на себе, и больше никаких забот она истребовала. Итак, он перевез всю свою мебель – не набралось полной подводы – и расставил ее так, чтобы казалось, будто здесь не четыре стула, а дюжина. Вечером он сидел у камина и осушал первый стакан виски из тех двух галлонов, которые взял в кредит, и размышлял о том, будет ли когда-нибудь все это оплачено, и если будет, то через сколько лет, как вдруг глаза его остановились на стеклянных дверцах деревянного шкафа. «Эх, – сказал он, – не будь я вынужден купить эту безобразную штуку, по расценке старого маклера, я мог бы приобрести что-нибудь получше за те же деньги. Я вот что тебе скажу, старина, – продолжал он громко, обращаясь к шкафу, ибо больше ему не к кому было обратиться, – если бы стоило труда разбить твой старый остов, я бы в один момент бросил тебя в камин!» Едва произнес он эти слова, как из шкафа вырвался, казалось, какой-то звук, напоминающий слабый стон. Сначала он испугался, но ретив после недолгих размышлений, что, должно быть, это застонал какой-нибудь молодой человек в соседней комнате, который обедал не дома, он положил ноги на каминную решетку и поднял кочергу, чтобы размешать угли. В эту секунду звук повторился, и за стеклянной дверцей, медленно

приоткрывавшейся, предстал бледный, истощенный человек в запачканном и поношенном костюме, стоявший выпрямившись в шкафу. Человек был высокий и худой, на лице его отражались озабоченность и тревога; в оттенке кожи и во всей изможденной и странной фигуре было что-то такое, чего никогда не бывает у обитателей этого мира. «Кто вы такой? – спросил новый жилец, сильно побледнев, но тем не менее взвешивая в руке кочергу и целясь прямо в лицо джентльмену. – Кто вы такой?» – «Не бросайте в меня этой кочерги, – отозвался тот. – Если вы ее швырнете, даже прицелившись метко, она свободно пройдет сквозь меня, и вся сила удара обрушится на дерево за мною. Я – дух».

– «А скажите, пожалуйста, что вам здесь нужно?» – пролепетал жилец. «В этой комнате, – отвечало привидение, – свершилась моя земная гибель, здесь я и мои дети – мы нищенствовали. В этом шкафу хранились скопившиеся в течение многих лет бумаги по одному длинному-длинному судебному процессу. В этой комнате, когда я умер от горя и отчаяния, два коварных хищника поделили богатства, за которые я боролся на протяжении всей своей жалкой жизни, и ни одного фартинга не досталось моему несчастному потомству. Я их запугал и прогнал отсюда и с тех пор скитался по ночам – только по ночам я могу возвращаться на землю – в тех местах, где так долго бедствовал. Это помещение мое, – оставьте его мне.» «Если вы так твердо решили явиться сюда, – сказал жилец, который успел прийти в себя во время этой невеселой речи призрака, – я с величайшим удовольствием откажусь от своих прав, но, с вашего разрешения, мне бы хотелось задать вам один вопрос». – «Задавайте», сурово отозвалось привидение.

«Видите ли, – сказал жилец, – я не отношу этого замечания к вам лично, так как оно в равной мере относится к большинству привидений, о которых я когда-либо слышал, но я считаю нелепым, что теперь, когда у вас есть возможность посещать чудеснейшие уголки земного шара – ибо, я полагаю, пространство для вас ничто, – вы неизменно возвращаетесь как раз в те самые места, где были особенно несчастливы». – «Ей-богу, это совершенно верно, я никогда об этом не думал», – сказал призрак. «Видите ли, сэр, – продолжал жилец, – это очень неудобная комната. Судя по внешнему виду этого шкафа, я склонен предположить, что в нем водятся клопы, и, право же, я думаю, что вы могли бы найти гораздо более комфортабельное помещение, не говоря уже о лондонском климате, который чрезвычайно неприятен». – «Вы совершенно правы, сэр, – вежливо сказал призрак, – раньше мне это никогда не приходило в голову, я немедленно испробую перемену климата». И действительно, он начал испаряться в то время, как говорил; ноги его совсем уже исчезли. «И если, сэр, крикнул ему вдогонку жилей, – вы будете так добры и намекнете другим леди и джентльменам, которые в настоящее время обитают в старых пустых домах, что они могли бы устроиться гораздо удобнее в каком-нибудь другом месте, вы окажете великое благодеяние обществу». – «Я это сделаю, – ответил призрак, должно быть, мы в самом деле тупы, очень тупы. Не понимаю, как мы могли быть такими дураками». С этими словами призрак исчез. – И вот что замечательно, добавил старик, зорким взглядом окинув сидевших за столом, – с тех пор он ни разу не возвращался.

– Неплохо, если это правда, – сказал человек с мозаичными запонками, закуривая новую сигару.

– *Если*! – с чрезвычайным презрением воскликнул старик. – Пожалуй, – добавил он, обращаясь к Лаутену, он скажет, что и мой рассказ о странном клиенте, который был у нас, когда я служил у поверенного, тоже выдумки... Я бы не удивился.

– Об этом я ничего не рискну сказать, потому что никогда не слышал этого рассказа, – заметил владелец мозаичных украшений.

– Мне бы хотелось, чтобы вы рассказали эту историю, сэр, – сказал мистер Пиквик.

– Ах, расскажите! – подхватил Лаутен. – Никто ее не слышал, кроме меня, а я ее почти забыл.

Старик окинул взглядом слушателей и усмехнулся еще страшнее, чем раньше, как бы торжествуя при виде того внимания, какое отразилось на всех лицах. Затем, потирая рукой подбородок и созерцая потолок словно для того, чтобы освежить воспоминания, он начал следующий рассказ:

РАССКАЗ СТАРИКА О СТРАННОМ КЛИЕНТЕ

– Для вас не имеет значения, – начал старик, – где и когда я узнал эту краткую историю. Если бы я стал излагать ее в том порядке, в каком она до меня дошла, я должен был бы начать с середины и, рассказав до конца, вернуться к началу. Достаточно сказать, что кое-какие события произошли на моих глазах. Что же касается остальных, то мне известно, что они действительно случились и еще живы многие, кто помнит их слишком хорошо.

На Хай-стрит в Боро, близ церкви Сент Джорджа, и по той же стороне, находится, как почтя всем известно, самая маленькая, из наших долговых тюрем Маршелси. Хотя в наше время она резко отличается от той клоаки, какою некогда была, но и в усовершенствованном виде она представляет мало соблазна для людей расточительных и мало утешения для непредусмотрительных. Осужденный преступник пользуется в Ньюгете[77] таким же хорошим двором для прогулок на свежем воздухе, как и несостоятельный должник в тюрьме Маршелси.

Моя ли это фантазия, или я не могу отделить это место от старых воспоминаний, с ним связанных, но эту часть Лондона я не выношу. Улица широкая, магазины просторные, грохот проезжающих экипажей, шаги людей, движущихся непрерывным потоком, – все звуки оживленного уличного движения слышны здесь с утра до полуночи. Но прилегающие улицы грязны и узки; бедность и разврат гноятся в густо населенных переулках; нужда и несчастье загнаны в тесную тюрьму; кажется, по крайней мере мне, будто облако печали и уныния нависло над этим местом и оно стало каким-то нездоровым и убогим.

Многие из тех, чьи глаза давно уже сомкнулись в могиле, взирали на эту картину довольно легкомысленно, когда в первый раз входили в ворота старой тюрьмы Маршелси, ибо отчаяние редко сопутствует первому жестокому удару судьбы. Человек питает доверие к друзьям, еще не испытанным, он помнит многочисленные предложения услуг, столь щедро рассыпавшиеся его веселыми приятелями, когда он в этих услугах не нуждался, у него есть надежда, вызванная счастливым неведением, и как бы ни согнулся он от первого удара, она вспыхивает в его груди и расцветает на короткое время, пока не увянет под тяжестью разочарования и пренебрежения. Как скоро начинали эти самые глаза, глубоко ушедшие в орбиты, освещать лица, изможденные от голода и пожелтевшие от тюремного заключения, в те дни, когда должники гнили в тюрьме, не надеясь на освобождение и не чая свободы! Жестокость неприкрашенная больше не существует, но ее осталось достаточно, чтобы порождать события, от которых сердце обливается кровью.

Двадцать лет назад этот тротуар топтали женщина и ребенок, которые день за днем, неизменно, как наступление утра, появлялись у ворот тюрьмы; часто после ночи, проведенной в тревожном унынии и беспокойном раздумье, приходили они на целый час раньше положенного времени, и тогда молодая мать, покорно уходя, вела ребенка к старому мосту и, взяв его на руки, чтобы показать сверкающую воду, окрашенную светом утреннею солнца и оживленную теми суетливыми приготовлениями к работе, какие начинались на реке в этот ранний час, старалась занять его мысли находившимися перед ним предметами. Но скоро она опускала его на землю и, закрыв лицо платком, давала волю слезам, которые слепили ей глаза; ни любопытства, ни радости не отражалось па худом и болезненном личике ребенка. Его воспоминания были довольно скудны и однообразны, все они связаны были с бедностью и горем его родителей. Часами просиживал он у матери на коленях и с детским участием следил, как слезы катятся по ее лицу, а потом забивался тихо в какой-нибудь темный угол, сам плакал

и засыпал в слезах. Суровая реальность жизни со многими ее наихудшими лишениями голодом и жаждой, холодом и нуждой – открылась ему на заре его жизни, когда разум его только пробудился; и хотя на вид он оставался ребенком, но он не знал детской беспечности, веселого смеха, и глаза его были тусклы.

Отец и мать смотрели на него и друг на друга, не смея выразить словами мучительной мысли. Здоровый, сильный человек, который мог вынести чуть ли не любые тяготы связанные с физическим трудом, хирел в заключении в нездоровой атмосфере тюрьмы, переполненной людьми. Слабая и хрупкая женщина чахла под двойным бременем телесных и душевных страданий. Юное сердце ребенка надрывалось.

Пришла зима, и с нею – неделя холодных проливных дождей. Бедная женщина переселилась в жалкую комнату неподалеку от места заключения мужа, и хотя к этой перемене привела нищета, женщина была теперь счастлива, потому что находилась ближе к нему. В течение двух месяцев она и ее маленький спутник являлись, по обыкновению, к открытию ворот. Однажды она не пришла – в первый раз. Настал следующий день, и она пришла одна. Ребенок умер.

Мало знают те, кто хладнокровно говорит о тяжелых утратах бедняка как о счастливом освобождении от мук для умершего и благодетельном избавлении от расходов для оставшихся в живых, – повторяю, мало знают они о том, сколь мучительны такие утраты. Безмолвный взгляд, говорящий о любви и заботе, когда все остальные холодно отворачиваются, сознание, что мы владеем сочувствием и любовью одного существа, когда все остальные нас покинули, являются стержнем, опорой, утешением в глубочайшей скорби, которых не оплатят никакие сокровища и не подарит никакая власть. Ребенок просиживал часами у ног родителей, обратив к ним худое, бледное личико и терпеливо сложив маленькие ручки. Они видели, как он таял с каждым днем, и хотя его недолгая жизнь была жизнью безрадостной и теперь он обрел тот мир и покой, которых он, ребенок, никогда не ведал на земле, – они были его родителями, и его смерть глубоко ранила их души.

Тем, кто видел изменившееся лицо матери, было ясно, что смерть скоро должна положить конец ее скорби и испытаниям. Тюремные товарищи мужа не пожелали докучать ему в его страданиях и горе и предоставили ему одному маленькую камеру, которую он раньше занимал вместе с двумя заключенными. Женщина поселилась здесь с ним и, влача жизнь без боли, но и без надежды, медленно угасала.

Однажды вечером она потеряла сознание в объятиях мужа, а он перенес ее к открытому окну, чтобы воздух ее оживил, и тогда лунный свет, падавший прямо ей в лицо, открыл ему происшедшую в ней перемену, и, словно беспомощный ребенок, он зашатался под тяжестью своей ноши.

– Помоги мне сесть, Джордж, – слабым голосом сказала она.

Он повиновался, сел рядом с нею, закрыл лицо руками и заплакал.

– Очень тяжело покидать тебя, Джордж, – сказала она, – но такова воля божия, и ты должен это вынести ради меня. О, как я ему благодарна за то, что он взял нашего мальчика! Он счастлив, теперь он на небе. Что делал бы он здесь без матери!

– Ты не умрешь, Мэри, не умрешь! – вскакивая с места, воскликнул муж.

Он быстро зашагал по комнате, колотя кулаками по голове, потом снова сел рядом с ней и, поддерживая ее в своих объятиях, добавил более спокойно:

– Ободрись, моя дорогая. Прошу, умоляю тебя. Ты еще вернешься к жизни.

– Никогда, Джордж, никогда, – сказала умирающая. – Пусть только меня положат рядом с моим бедным мальчиком, но обещай мне, что, если ты когда-нибудь покинешь это ужасное место и разбогатеешь, ты перенесешь нас далеко-далеко, очень далеко отсюда, на какое-

нибудь тихое деревенское кладбище, где мы можем покоиться в мире. Дорогой Джордж, обещай мне это!

– Обещаю, обещаю! – сказал муж, в отчаянии бросаясь перед ней на колени. – Скажи мне, Мэри, еще хоть слово. Один взгляд, один только взгляд!

Он умолк, ибо рука, обвивавшая его шею, отяжелела. Глубокий вздох вырвался из обессиленного тела, губы зашевелились, и лицо озарилось улыбкой; но губы были бледны, и улыбка застыла, напряженная и страшная. Он остался один на свете.

Ночью, в молчании и уединении своей жалкой камеры, несчастный муж опустился на колени перед телом жены и призвал бога в свидетели страшной клятвы: начиная с этого часа он посвящал себя мщению за ее смерть и смерть своего ребенка, начиная с этого часа и до последнего мгновения жизни все силы его будут направлены к достижению этой единственной цели, его мщение будет длительным и ужасным, его ненависть будет вечной и неугасимой и будет гнаться за своей жертвой по всей земле.

Глубокое отчаяние и страсть, вряд ли человеческая, произвели такие ужасные изменения в его лице в фигуре, что его товарищи по несчастью в страхе отпрянули от него, когда он проходил мимо. Глаза его налились кровью, лицо было мертвенно бледно, спина сгорблена, словно от старости. В жестокой душевной муке он чуть не насквозь прокусил нижнюю губу, и кровь, хлынувшая из раны, стекла по подбородку и запятнала рубашку и шейный платок. Ни одной слезы, ни одной жалобы он не проронил; но блуждающий взгляд а суетливая торопливость, с какою он шагал взад и вперед по двору, указывали на жар, его сжигавший.

Тело его жены было приказано унести немедленно из тюрьмы. Он принял это известие с полным спокойствием и признал его целесообразность. Почти все обитатели тюрьмы собрались, чтобы присутствовать при выносе; они расступились, когда появился вдовец; он поспешно прошел вперед и остановился, один, на маленькой огороженной площадке у ворот, откуда отступила толпа, руководимая инстинктивным чувством деликатности. Дешевый гроб медленно пронесли на плечах. Толпой владело мертвое молчание, нарушаемое только сетованиями женщин и шарканьем о каменную мостовую ног носильщиков. Они достигли того места, где стоял осиротелый муж, и остановились. Он положил руку на гроб, машинально поправил пелену, покрывавшую его, и дал знак идти дальше. Тюремные сторожа сияли шапки, когда гроб поравнялся с ними, и через секунду тяжелые ворота закрылись за ним.

Муж рассеянно взглянул на толпу и рухнул на землю.

Хотя на протяжении многих последующих недель он днем и ночью бился в жесточайшей горячке и в бреду, но сознание понесенной утраты и воспоминание о данной клятве не покидали его ни на миг. Картины мелькали перед его глазами, одно место сменялось другим, и события следовали за событиями со всей быстротою горячечного бреда; но все они были так или иначе связаны с его единой великой целью. Он плыл по беспредельному морю, над ним кроваво-красное небо; сердитые волны, вздымаясь в бешенстве, вскипают и надвигаются с обеих сторон. Впереди второе судно, с трудом идет оно в ревущем шторме, его рваные паруса развеваются, как ленты, на мачтах, а на палубе теснятся люди, привязанные к поручням, через которые перекатываются каждое мгновенье гигантские волны, унося обреченных в пенящееся море. Заднее судно несется среди ревущих валов, с быстротой и силой, которым ничто не может противостоять, и, врезавшись в корму переднего судна, разбивает его своим килем. Из чудовищной воронки, образовавшейся на месте затонувшего судна, вырывается вопль, такой громкий и пронзительный, – предсмертные крики тонущих, слившиеся в неистовый вой, – что заглушает боевой клич стихии и прокатывается долгим эхом, которое, казалось, прорезает воздух, небо и океан. Но что это там – эта старая, седая голова, которая показалась над водой и бросая отчаянные взгляды и взывая о помощи, борется с волнами? Один взгляд – и он прыгает за борт судна и, сильными взмахами рук рассекая воду, плывет к ней. Он приближается к ней, настигает ее. Это – лицо того человека. Старик заметил его приближение

и тщетно пытается от него ускользнуть. Но он крепко схватывает его и влечет ко дну. Вниз, вниз вместе с ним, на глубину трехсот футов; борьба все слабее, слабее и, наконец, прекращается. Старик мертв – он убил его и сдержал свою клятву.

Босой и одинокий, идет он по раскаленным пескам необъятной пустыни. Песок душит его и слепит глаза, мелкие песчинки проникают в поры кожи и доводят почти до безумия. Гигантские массы песка, гонимые ветром и насквозь пронизанные лучами палящего солнца, вздымаются вдали, подобно огненным колоннам. Кости людей, погибших в ужасной пустыне, валяются у его ног, зловещий свет озаряет все вокруг; сколько хватает глаз, все внушает ужас и страх. В отчаянии он тщетно пытается вскрикнуть, но язык прилип к гортани, и вне себя он бросается вперед. Наделенный сверхъестественной силой, он бредет по песку, пока не падает без чувств на землю, измученный усталостью и жаждой. Какая ароматическая свежесть оживила его, что это за журчанье? Вода! Да, это источник, и чистый, прохладный ручей струится у его ног. Он пьет с жадностью, его ноющее тело отдыхает на берегу, и он погружается в блаженное забытье. Приближающиеся шаги заставляют его очнуться. Седой старик, шатаясь, идет утолить невыносимую жажду. Опять это он! Он обвивает руками тело старика и не пускает его. Тот борется и пронзительно кричит, умоляя дать воды, одну каплю воды, для спасения жизни! Но он крепко держит старика и жадно следит за его агонией, и когда голова его безжизненно поникла на грудь, он ногами отталкивает от себя труп.

Когда горячка прошла и сознание вернулось к нему, он узнал, что богат и свободен, узнал, что отец, который мог обречь его на смерть в тюрьме, – мог! – который обрек тех, кто был его сыну дороже жизни, на смерть от нищеты и той болезни сердца, какой не врачует ни одно лекарство, – отец был найден мертвым на своих пуховиках. У него хватило бы духу оставить сына нищим, но он был так горд своим здоровьем и силой, что считал преждевременным писать завещание, а теперь было слишком поздно, и в ином мире он мог скрежетать зубами, думая о богатстве, которое но его оплошности досталось сыну.

Он очнулся, чтобы узнать это, но и не только это: вспомнил цель, ради которой он жил, вспомнил, что его врагом был родной отец его жены – человек, бросивший его в тюрьму и прогнавший от своей двери дочь с ребенком, когда они у ног его молили о милосердии. О, как проклинал он слабость, которая препятствовала ему встать и немедленно приступить к мщению!

Он распорядился, чтобы его увезли из того места, которое было свидетелем его утраты и скорби, и отправили в тихий уголок на морском берегу; он не надеялся обрести душевный мир или счастье, ибо и то и другое улетело навеки, он хотел восстановить утраченные силы и обдумать лелеемый им план. И вот здесь какой-то злой дух предоставил ему случай для осуществления его первой и самой страшной мести.

Стояло лето; погруженный в мрачные мысли, он выходил в ранний вечерний час из своего уединенного жилища, пробирался узкой тропинкой под утесами к дикому в пустынному месту, которое понравилось ему во время его бесцельных прогулок, садился на какой-нибудь сорвавшийся обломок скалы и, закрыв руками лицо, просиживал здесь часами, пока не спускалась ночь и длинные тени утесов над его головой не окутывали густым черным мраком все окружающее.

Как-то в тихий вечер он сидел здесь в обычной своей позе, изредка поднимая голову, чтобы проследить полет чайки или бросить взгляд на великолепную алую тропу, которая, начинаясь на поверхности океана, уводила, казалось, к самому горизонту, где закатывалось солнце, как вдруг глубокую тишину нарушил громкий крик о помощи; он прислушался, не обманул ли его слух, но крик повторился, крик еще более громкий, чем раньше, и, вскочив, он поспешил в ту сторону, откуда неслись звуки.

С первого взгляда все стало ясно: на берегу было брошено платье, на небольшом расстоянии от берега над волнами едва виднелась голова человека, вдоль берега метался

какой-то старик, в отчаянии ломая руки и взывая о помощи. Больной, чье здоровье уже было в значительной мере восстановлено, разделся и ринулся к морю, собираясь броситься в воду и вытащить утопающего на берег.

– Поспешите, сэр, ради господа бога, помогите, помогите, сэр, во имя неба! Это мой сын, сэр, мой единственный сын! – воскликнул вне себя старик, бросаясь ему навстречу. – Мой единственный сын, сэр, и он гибнет на глазах отца.

При первом же слове старика незнакомец остановился и, скрестив руки, застыл на месте.

– О боже! – закричал старик, отпрянув. – Хейлинг!

Незнакомец улыбнулся, но не издал ни звука.

– Хейлинг! – взволнованно заговорил старик. – Хейлинг, смотрите, смотрите – мой дорогой мальчик!

Задыхаясь, несчастный отец указал на то место, где юноша вел борьбу со смертью.

– Слушайте! – сказал старик. – Он опять вскрикнул. Он еще жив. Хейлинг, спасите его, спасите!

Незнакомец снова улыбнулся и стоял неподвижный, как статуя. – Я причинил вам зло! – кричал старик, падая на колени и ломая руки. – Отомстите мне, возьмите у меня все, возьмите мою жизнь, бросьте меня в воду у ваших ног, и если человеческая природа может отказаться от борьбы, я умру, не пошевельнув ни рукой, ни ногой! Сделайте это, Хейлинг, сделайте это, но спасите моего мальчика, он так молод, Хейлинг, слишком молод, и должен умереть!

– Слушайте! – сказал Хейлинг, в бешенстве схватив старика за руку. Мне нужна жизнь за жизнь, и вот я дождался. Мой ребенок умер на глазах своего отца, и его смерть была тяжелее и мучительнее той, какую встретит сейчас, пока я говорю, этот юноша, порочивший честь своей сестры. Вы смеялись – смеялись в лицо своей дочери, когда смерть уже простерла над нею свою руку, тогда вы смеялись над нашими страданиями. Что вы о них думаете теперь? Смотрите туда!

С этими словами незнакомец указал на море. Слабый крик замер над водой; последняя отчаянная борьба утопающего взволновала зыбь на несколько секунд, и того места, где он опустился в свою безвременную могилу, нельзя было отыскать на поверхности воды.

Спустя три года какой-то джентльмен вышел из собственного экипажа у двери лондонского поверенного, который в те времена пользовался репутацией человека не слишком щепетильного в своей профессиональной практике, и потребовал свидания по важному делу. Хотя джентльмен был, по-видимому, еще не стар, но лицо у него было бледное, изможденное и мрачное, и не требовалось острой наблюдательности дельца, чтобы заметить с первого же взгляда, что болезнь или страдание изменили его внешность сильнее, чем могла бы изменить рука времени за период, вдвое превышавший его возраст.

– Я хочу поручить вам ведение дела, – сказал незнакомец.

Поверенный раболепно поклонился и взглянул на большой сверток, который был в руке джентльмена. Посетитель заметил этот взгляд и продолжал:

– Дело необычное, и эти бумаги очутились у меня в руках ценою многих хлопот и больших издержек.

Поверенный поглядел на сверток с еще большим любопытством, а посетитель, развязав веревку, показал ему пачку долговых обязательств с копиями разных документов и другие бумаги.

На этих бумагах, – сказал клиент, – человек, чье имя здесь значится, нажил, как вы увидите, много денег на протяжении нескольких лет. Существовало молчаливое соглашение между ним и теми, в чьи руки первоначально попали эти бумаги и у кого я постепенно их скупил, уплатив втрое и вчетверо больше номинальной стоимости, – существовало соглашение, сводившееся к тому, что обязательства эти будут время от времени

возобновляться в течение определенного срока. Это соглашение нигде не занесено на бумагу. За последнее время должник понес большие потери, и необходимость уплатить сразу по всем обязательствам явится для него сокрушающим ударом.

– Общая сумма равняется многим тысячам фунтов, – заметил поверенный, просматривая бумаги.

– Да, – подтвердил клиент.

– Что же мы предпримем? – осведомился делец.

– Что предпримем? – неожиданно воспламеняясь, воскликнул клиент. – Приведем в движение все колеса закона, прибегнем ко всем уловкам, какие изобретательность может придумать, а подлость – осуществить, прибегнем к средствам честным и бесчестным, к открытому нажиму на закон, подкрепленному всеми ухищрениями самых хитроумных его исполнителей. Я хочу, чтобы его смерть сопровождалась страшной и длительной агонией. Разорите его, захватите и продайте все его движимое и недвижимое имущество, выгоните его из дому и родного гнезда, заставьте нищенствовать на старости лет и умереть в тюрьме!

– Но издержки, мой дорогой сэр, связанные с этим издержки! – возразил поверенный, оправившись от изумления. – Если ответчик окажется нищим, кто оплатит издержки, сэр?

– Назовите любую сумму, – ответил незнакомец, рука у него так сильно дрожала от волнения, что он едва мог удержать перо, которое схватил, – любую сумму, и вы ее получите. Не бойтесь назвать ее. Мне она не покажется чрезмерной, если вы достигнете цели.

Поверенный назвал наугад большую сумму – аванс, необходимый для того, чтобы обеспечить себя на случай проигрыша дела, но скорее с целью удостовериться, далеко ли думает зайти его клиент, чем в надежде на то, что он удовлетворит требование. Незнакомец выписал на своего банкира чек на всю сумму и удалился.

Чек был оплачен, и поверенный, убедившись, что на странного клиента можно вполне положиться, принялся за дело всерьез. В течение следующих двух лет Хейлинг целыми днями просиживал в конторе, изучая бумаги, по мере того как они накапливались, и с глазами, сверкающими от радости, перечитывал снова и снова письма с протестами, мольбы о небольшой отсрочке, указания на неизбежное разорение, грозившее противной стороне. Письма, которые притекали потоком, когда начались тяжба за тяжбой и процесс за процессом. На все просьбы о ничтожном снисхождении ответ был один: деньги должны быть уплачены. Земля, дом, мебель – все по очереди было отобрано по многочисленным исполнительным листам, и самого старика заключили бы в тюрьму, не ускользни он от бдительности судебных исполнителей и не обратись в бегство.

Неумолимая злоба Хейлинга, отнюдь не утоленная успехом преследования, усилилась во сто крат после вызванного им разорения. Когда ему сообщили о бегстве старика, ярость его была безгранична. Он в бешенстве скрежетал зубами, рвал на себе волосы и осыпал страшными проклятиями людей, которым было поручено произвести арест. Его удалось кое-как успокоить только повторными уверениями, что беглец несомненно будет найден. Агенты были разосланы на поиски во всех направлениях, прибегли ко всем уловкам, какие только можно было изобрести с целью обнаружить его убежище, но все было тщетно. Прошло полгода, а его все еще не нашли.

Однажды поздним вечером Хейлинг, которого нигде не видно было в течение многих недель, явился на квартиру своего поверенного и приказал доложить, что джентльмен желает видеть его немедленно. Не успел поверенный, который с верхней площадки лестницы узнал его голос, распорядиться, чтобы его впустили, как он уже взбежал по лестнице и вошел в приемную, бледный и задыхающийся. Закрыв дверь, чтобы их не подслушали, он опустился на стул и сказал, понизив голос:

– Тише! Наконец-то я его нашел.

– Неужели? – воскликнул поверенный. – Прекрасно, дорогой сэр!

– Он скрывается в жалкой лачуге в Кемден-Тауне, – сказал Хейлинг. – Пожалуй, это хорошо, что мы потеряли его из виду, так как все это время он жил там один, в жестокой нищете, он беден, очень беден.

– Отлично, – сказал поверенный. – Конечно, вы хотите, чтобы его арестовали завтра?

– Да, – ответил Хейлинг. – Позвольте! Нет! Послезавтра. Вы удивляетесь, что я хочу это отложить, – добавил он с мрачной улыбкой, – но я совсем забыл. Послезавтра годовщина одного события в его жизни, пусть это совершится послезавтра.

– Отлично, – сказал поверенный. – Быть может, вы сообщите полицейскому чиновнику?

– Нет. Мы встретимся с ним здесь в восемь часов вечера, – я отправлюсь вместе с ним.

Они встретились в назначенный вечер и, наняв карету, приказали кучеру остановиться на том углу старой Пенкрес-роуд, где находится приходский работный дом. Когда они приехали туда, уже совсем стемнело; пройдя вдоль глухой стены перед Ветеринарным госпиталем, они свернули в маленькую боковую улицу, которая называется, или в то время называлась, Литтл Колледж-стрит, и какой бы ни была она теперь, но в те дни являлась довольно жалкой улицей, окруженной полями и канавами.

Надвинув на глаза дорожную шляпу и завернувшись в плащ, Хейлинг остановился перед самым жалким домом на этой улице и тихо постучал в дверь. Ее тотчас же открыла женщина, которая, узнав его, сделала реверанс, а Хейлинг, шепотом приказав полицейскому чиновнику остаться внизу, осторожно поднялся по лестнице и, открыв дверь комнаты, выходящей на улицу, быстро вошел.

Тот, кого он искал и так ненавидел – теперь это был дряхлый старик, сидел за простым сосновым столом, на котором стояла жалкая свеча. Старик вздрогнул, когда вошел незнакомец, и с трудом встал.

– Что еще? – спросил он. – Еще какая-нибудь беда? Что вам нужно.

– Сказать вам несколько слов, – ответил Хейлинг.

С этими словами он присел к другому концу стола и, сняв плащ и шляпу, повернулся лицом к старику.

Старик, казалось, мгновенно лишился дара речи. Он откинулся на спинку стула и, сжимая руки, смотрел на посетителя с отвращением и страхом.

– Сегодня, – сказал Хейлинг, – исполнилось шесть лет с тех пор, как я потребовал от вас жизнь, которую вы должны были отдать мне за жизнь моего ребенка. Старик! Над бездыханным телом вашей дочери я поклялся посвятить свою жизнь мести. Я не уклонялся от этого намерения ни на мгновенье, но если бы уклонился, одно воспоминание об ее покорном страдальческом взгляде, когда она умирала, или об изможденном лице невинного ребенка придало бы мне сил для осуществления замысла. Мой первый акт отмщения вы помните хорошо, сегодня – последний.

Старик задрожал, и руки его бессильно опустились.

– Завтра я покидаю Англию, – продолжал Хейлинг после краткой паузы. – С сегодняшней ночи вы будете заживо погребены в той самой могиле, на которую обрекли ее... в тюрьме, без надежды покинуть...

Он взглянул на старика и умолк. Поднес свечу к его лицу, осторожно поставил ее на стол и вышел из комнаты.

– Вы бы наведались к старику. – сказал он женщине и, открыв дверь, дал знак чиновнику идти вслед за ним на улицу. – Мне кажется, он болен.

Женщина закрыла дверь, быстро взбежала по лестнице и нашла старика бездыханным.

Под простой могильной плитой, на одном из самых мирных и уединенных кладбищ Кента, где полевые цветы пестреют в траве и спокойный пейзаж обрамляет прекраснейший уголок в саду Англии, покоятся останки молодой матери и ее кроткого ребенка. Но прах отца не смешался с их прахом, и, начиная с той ночи, поверенный не мог добыть никаких сведений о дальнейшей судьбе своего странного клиента.

Закончив рассказ, старик подошел к вешалке в углу, снял свою шляпу и пальто, надел их с величайшим спокойствием и, не прибавив больше ни слова, медленно удалился. Так как джентльмен с мозаичными запонками заснул, а большая часть присутствующих увлеклась веселой забавой – капала ему в грог сало с подтаявшей свечи, то мистер Пиквик вышел, никем не замеченный, и, расплатившись за себя и за мистера Уэллера, покинул вместе с этим джентльменом обитель «Сороки и Пня».

ГЛАВА XXII.

Мистер Пиквик едет в Ипсуич и наталкивается романтическое приключение с леди средних лет в желтых папильотках

– Это и есть багаж твоего хозяина, Сэмми? – осведомился мистер Уэллер у своего любящего сына, когда тот явился во двор гостиницы «Бык» в Уайтчепле, с дорожным саком и небольшим чемоданом.

– Догадка хоть куда, могла быть хуже, старина, – отвечал мистер Уэллер-младший, складывая свою ношу на дворе и усаживаясь на нее. – Сейчас прибудет и сам хозяин.

– Должно быть, едет в кэбе? – предположил отец.

– Да, две мили опасностей по восьми пенсов за милю, – дал ответ сын. Как поживает сегодня мачеха?

– Чудно, Сэмми, чудно, – с внушительной серьезностью ответил старший мистер Уэллер. – За последнее время она вроде как в методистский орден[78] записалась, Сэмми, и она на редкость благочестива, уж это верно. Она слишком хороша для меня, Сэмми. Я чувствую, что я ее не заслуживаю.

– Вот как! – сказал мистер Сэмюел. – Это очень самоотверженно с вашей стороны.

– Очень, – со вздохом подтвердил его родитель. – Она ухватилась за какую-то выдумку, будто взрослые люди рождаются снова, Сэмми; новое рождение, – так, кажется, это у них называется. Очень бы мне хотелось посмотреть, как эта система работает, Сэмми. Очень бы мне хотелось видеть новое рождение твоей мачехи. Уж я бы ее спровадил к кормилице!

– Как ты думаешь, что эти женщины устроили на днях? – продолжал мистер Уэллер после непродолжительного молчания, в течение которого он многозначительно постукивал себя указательным пальцем по носу. – Как ты думаешь, что они устроили на днях, Сэмми?

– Не знаю, – ответил Сэм. – А что?

– Собрались и устроили большое чаепитие для одного молодца, которого называют своим пастырем, – сказал мистер Уэллер. – Я стоял и глазел у нашей лавочки с картинками, вдруг вижу маленькое объявление: «Билеты полкроны. Со всеми заявлениями обращаться в комитет. Секретарь миссис Уэллер». А когда пришел домой, вижу – этот комитет заседает у нас в задней комнате. Четырнадцать женщин. Ты бы их послушал, Сэмми! Выносили резолюции, голосовали смету, и всякая такая потеха. Ну, тут твоя мачеха пристала, чтобы и я пошел, да я и сам думал, что надо идти, увижу диковинные вещи, я а записался на билет. В пятницу вечером, в шесть часов, я нарядился, и мы отправились со старухой; поднимаемся на второй этаж, там стол накрыт на тридцать человек и целая куча женщин, начинают шептаться и глазеть на меня, – словно никогда не видывали довольно плотного джентльмена лет пятидесяти восьми. Сидим. Вдруг поднимается суматоха на лестнице, вбегает долговязый парень с красным носом и в белом галстуке и кричит: «Се грядет пастырь навестить свое верное стадо!» – и входит жирный

молодец в черном, с широкой белой физиономией, улыбается – прямо циферблат. Ну, и пошла потеха, Сэмми! «Поцелуй мира», – говорит пастырь и пошел целовать женщин всех подряд, а когда кончил, за дело принялся красноносый. Только я подумал, не начать ли и мне, – нужно сказать, со мной рядом сидела очень приятная леди, – как вдруг появляется твоя мачеха с чаем, – она внизу кипятила чайник. За дело принялись не на шутку. Какой оглушительный гомон, Сэмми, пока заваривали чай, какая молитва перед едой, как ели и пили! А поглядел бы ты, как пастор набросился на ветчину и пышки! В жизни не видал такого мастера по части еды и питья... никогда не видал! Красноносый тоже был не из тех, кого выгодно нанять за харчи, но куда ему до пастыря! Ну, напились чаю, спели еще гимн, и пастырь начал проповедь, и очень хорошо проповедовал, если вспомнить, как он набил себе живот пышками. Вдруг он приосанился да как заорет: «Где грешник? Где жалкий грешник?» Тут все женщины воззрились на меня и давай стонать, точно вот-вот помрут. Довольно-таки странно, но я все-таки молчу. Вдруг он снова приосанивается, смотрит на меня во все глаза и говорит: «Где грешник? Где жалкий грешник?» А все женщины опять застонали, в десять раз громче. Я тогда малость рассвирепел, шагнул вперед и говорю: «Друг мой, говорю, это замечание вы сделали на мой счет?» Вместо того чтобы извиниться, как полагается джентльмену, он начал браниться еще пуще: назвал меня сосудом, Сэмми, сосудом гнева и всякими такими именами. Тут кровь у меня, регулярно, вскипела, и сперва я влепил две-три оплеухи ему самому, потом еще две-три для передачи красноносому, с тем и ушел. Послушал бы ты, Сэмми, как визжали женщины, когда вытаскивали пастыря из-под стола... Ба! А вот и командир, в натуральную величину!

В это время мистер Пиквик вышел из кэба и вошел во двор.

– Славное утро, сэр, – сказал мистер Уэллер-старший.

– И в самом деле прекрасное, – отозвался мистер Пиквик.

– И в самом деле прекрасное, – подхватил рыжеволосый челевек с пытливым носом и синими очками, который выкарабкался из другого кэба одновременно с мистером Пиквиком. – В Ипсуич, сэр?

– Да, – ответил мистер Пиквик.

– Необычайное совпадение. Я тоже.

Мистер Пиквик поклонился.

– Наружное место? – спросил рыжеволосый.

Мистер Пиквик снова поклонился.

– Ах, боже мой, вот удивительно – у меня тоже наружное! – сказал рыжеволосый. – Решительно мы едем вместе!

И рыжеволосый субъект внушительного вида, востроносый, обладавший привычкой загадочно выражаться и птичьей манерой вскидывать голову после каждой произнесенной фразы, улыбнулся, словно сделал одно из удивительнейших открытий, какие когда-либо выпадали на долю мудреца.

– Меня радует перспектива путешествовать в вашем обществе, сэр, – сказал мистер Пиквик.

– Ах! Это очень приятно для, нас обоих, не так ли? – отозвался вновь прибывший. – Общество, видите ли... общество – это... это совсем не то, что одиночество, не правда ли?

– Этого никак нельзя отрицать, – с приветливой улыбкой вмешался в разговор мистер Уэллер. – Это я называю истиной, не требующей доказательств, как заметил продавец собачьего корма, когда служанка сказала ему, что он не джентльмен.

– Что? – спросил рыжеволосый, высокомерно окинув взглядом мистера Уэллера с головы до ног, – Ваш друг, сэр?

– Не совсем так, – понизив голос, ответил мистер Пиквик. – Дело в том, что это мой слуга, но я ему разрешаю многие вольности, ибо, говоря между нами, мне приятно думать, что он – оригинал, и я, пожалуй, горжусь им.

– Ах так... – отозвался рыжеволосый. – Это, видите ли, дело вкуса. Я не любитель оригинального. Мне оно не нравится, не вижу никакой необходимости в нем. Ваше имя, сэр?

– Вот моя карточка, сэр, – ответил мистер Пиквик, которого очень позабавил этот неожиданный вопрос и странные манеры незнакомца.

– Так! – сказал рыжеволосый, пряча карточку в бумажник. – Пиквик. Очень хорошо. Я люблю знать фамилию человека, это избавляет от многих затруднений. Вот моя карточка, сэр. Магнус, изволите видеть, сэр. Магнус моя фамилия. Неплохая фамилия, не правда ли, сэр?

– Действительно, очень хорошая, – сказал мистер Пиквик, которому не удалось скрыть улыбку.

– Да, я тоже так думаю, – продолжал мистер Магнус. – И перед ней стоит хорошее имя, изволите видеть. Разрешите, сэр... если держать карточку слегка наклонно, вот так, свет упадет на верхнюю строку. Вот – Питер Магнус. Мне кажется, звучит хорошо, сэр.

– Очень хорошо, – согласился мистер Пиквик.

– Любопытное совпадение инициалов, сэр, – продолжал мистер Магнус. Как видите, P. M. – post meridiem. В спешных записках близким приятелям я иногда подписываюсь: «Пополудни». Это чрезвычайно забавляет моих друзей.

– Я полагаю, это доставляет им величайшее удовольствие, – заметил мистер Пиквик, позавидовав легкости, с какой можно позабавить друзей мистера Магнуса.

– Джентльмены, – сказал конюх, – карета подана, пожалуйте.

– Все ли мои вещи уложены? – осведомился мистер Магнус.

– Все в порядке, сэр.

– Красный сак уложен?

– Уложен, сэр.

– А полосатый?

– Под козлами, сэр.

– А пакет в оберточной бумаге?

– Под сиденьем, сэр.

– А кожаный футляр для шляп?

– Все уложено, сэр.

– Не пора ли садиться? – спросил мистер Пиквик.

– Простите! – отозвался мистер Магнус, стоя на колесе. – Простите, мистер Пиквик. Я не могу сесть, пока мои сомнения не рассеялись. Поведение этого человека совершенно убедило меня в том, что кожаный футляр не уложен.

Торжественные уверения конюха ни к чему не привели, и кожаный футляр пришлось извлечь из самой глубины ящика под козлами, дабы убедить мистера Магнуса и том, что футляр был надежно уложен. А когда он успокоился касательно этого пункта, у него возникло серьезное предчувствие, что красный сак положен не туда, куда следует, полосатый украден, а пакет в оберточной бумаге «развязался». Наконец, получив наглядное доказательство полной необоснованности всех этих подозрений, он согласился вскарабкаться на крышу кареты, заметив, что теперь, когда все его опасения рассеялись, он чувствует себя вполне довольным и счастливым.

– У вас нервы разошлись, сэр? – осведомился мистер Уэллер-старший, искоса поглядывая на незнакомца, когда тот занял свое место.

– Да, они у меня всегда немного пошаливают вот из-за таких мелочей, – ответил незнакомец, – но сейчас все в порядке, в полном порядке.

– Ну, и слава богу, – сказал мистер Уэллер. – Сэмми, помоги хозяину взобраться ко мне на козлы. Другую ногу, сэр, вот так, дайте нам руку, сэр. Пожалуйте наверх. Мальчиком вы были полегче, сэр.

– Совершенно верно, мистер Уэллер, – добродушно отозвался запыхавшийся мистер Пиквик, заняв место рядом с ним на козлах.

– Прыгай на переднее место, Сэмми, – сказал мистер Уэллер. – Ну, Уильям, выводи коней. Берегитесь арки, джентльмены. «Берегите головы!» – как говорит пирожник с лотком на голове. Уильям, пусти их.

И карета покатила по Уайтчеллу, к великому восторгу всех обитателей этого густо населенного квартала.

– Не очень-то красивая местность, сэр, – заметил Сэм, притронувшись к шляпе, что делал всегда, вступая в беседу с хозяином.

– Да, действительно некрасивая, – согласился мистер Пиквик, обозревая людную и грязную улицу.

– Очень замечательное обстоятельство, сэр, – сказал Сэм, – что бедность и устрицы всегда идут как будто рука об руку.

– Я вас не понимаю, Сэм, – отозвался мистер Пиквик.

– Вот что я хочу сказать, сэр, – пояснил Сэм, – чем беднее место, тем больше спрос на устриц. Посмотрите, сэр, здесь на каждые пять-шесть домов приходится лоток с устрицами. Улица завалена ими. Провалиться мне на месте, но мне кажется, когда человек очень беден, он выбегает из дому и в регулярном отчаянии поедает устрицы.

– Так и есть, – подтвердил мистер Уэллер-старший, – и точь-в-точь то же самое с маринованной лососиной!

– Это два весьма замечательных факта, над которыми я до сих пор не задумывался, – сказал мистер Пиквик. – На первой же остановке я его запишу.

К тому времени они доехали до заставы у Майль-Энда; глубокое молчание не нарушалось, пока они не проехали еще двух-трех миль, а тогда мистер Уэллер-старший неожиданно повернулся к мистеру Пиквику и сказал:

– Чудную жизнь ведет заставщик, сэр.

– Кто? – спросил мистер Пиквик.

– Заставщик.

– Кого вы называете заставщиком? – осведомился мистер Питер Магнус.

– Старик говорит о сторожах у заставы, – заметил в виде пояснения мистер Сэмюел Уэллер.

– А! – сказал мистер Пиквик. – Понимаю! Да, очень странная жизэь... Очень беспокойная.

– Все эти люди повстречались с каким-нибудь разочарованием в жизни, – сказал мистер Уэллер-старший.

– Неужели? – отозвался мистер Пиквик.

– Да. А потому они ушли от мира и заперлись в этих будках, чтобы жить в одиночестве и чтобы отомстить людям, заставляя их платить пошлину.

– Ах, боже мой! – сказал мистер Пиквик. – Я этого раньше не знал.

– Факт, сэр, – отвечал мистер Уэллер, – будь они джентльменами, вы бы их назвали мизантропами, а так они считаются только заставщиками.

Такого рода разговорами, отличавшимися неоценимым очарованием, поскольку в них приятное сочеталось с полезным, мистер Уэллер скрашивал томительное путешествие в течение доброй половины дня. В темах для разговора не было недостатка, ибо, если даже иссякала разговорчивость мистера Уэллера, ее с избытком возмещало желание мистера Магнуса познакомиться с полной биографией его попутчиков и громко выражаемое им на каждой остановке беспокойство касательно сохранности и благополучия двух саков, кожаного футляра и пакета в оберточной бумаге.

На главной улице Ипсуича, по левой стороне, – если миновать площадь перед ратушей, – находится гостиница, широко известная под названием «Большой Белый Конь», которая привлекает к себе особое внимание вознесенной над главным входом каменной статуей какого-то буйного животного с развевающимися гривой и хвостом, отдаленно напоминающего взбесившуюся ломовую лошадь. «Большой Белый Конь» славится в окрестностях – до известной степени по той же причине, что и премированный бык, или брюква, отмеченная в газете графства, или чудовищная свинья, а именно своими огромными размерами. Никогда еще не встречалось под одной крышей такого лабиринта коридоров, не покрытых коврами, такого скопления сырых и плохо освещенных комнат, такого великого множества каморок для еды или спанья, как те, что были заключены между четырьмя стенами «Большого Белого Коня» в Ипсуиче.

Перед этой-то неестественно разросшейся таверной лондонская карета останавливалась каждый вечер в один и тот же час; и с крыши этой самой лондонской кареты спустились мистер Пиквик, Сэм Уэллер и мистер Питер Магнус в тот вечер, о котором повествует настоящая глава.

– Вы здесь остановитесь, сэр? – осведомился мистер Питер Магнус, когда полосатый сак, красный сак, пакет в оберточной бумаге и кожаный футляр были перенесены в коридор. – Вы здесь остановитесь, сэр?

– Да, сэр, – ответил мистер Пиквик.

– Ах, боже мой! – воскликнул мистер Магнус. – Никогда не слышал о таких изумительных совпадениях. Да ведь я тоже здесь остановлюсь. Надеюсь, мы обедаем вместе?

– С удовольствием, – ответил мистер Пиквик. – Но, может быть, я встречу здесь кое-кого, из... своих друзей. Послушайте, милейший, нет ли здесь среди ваших постояльцев джентльмена по фамилии Тапмен?

Толстяк – под мышкой у него была салфетка, отслужившая две недели, на ногах – чулки, сверстники салфетки, – неохотно оторвался от своего занятия, заключавшегося в созерцании улицы, когда мистер Пиквик задал ему этот вопрос, и, после тщательного осмотра внешности этого джентльмена, начиная с тульи шляпы и кончая последней пуговицей на гетрах, ответил выразительно:

– Нет!

– А джентльмена по фамилии Снодграсс? – осведомился мистер Пиквик.

– Нет!

– А Уинкль?

– Нет!

– Моих друзей еще нет, сэр, – сказал мистер Пиквик. – Стало быть, мы пообедаем вдвоем. Милейший, проводите нас в отдельную комнату.

По предъявлении такого требования толстяк снизошел до того, что приказал коридорным внести багаж джентльменов, и, шествуя впереди по длинному темному коридору, ввел их в большую плохо меблированную комнату с грязным камином, в котором маленький огонек делал отчаянные попытки казаться бодрым, но быстро поникал под влиянием унылой обстановки. По прошествии часа путешественникам подали по куску рыбы и мяса, и когда с обедом было покончено, мистер Пиквик и мистер Питер Магнус придвинули свои стулья к

камину и, заказав бутылку самого скверного портвейна по самой высокой цене, на радость хозяину, принялись за грог к собственному своему удовольствию.

Мистер Питер Магнус был от природы весьма общителен, а грог творил чудеса, извлекая из его груди самые сокровенные тайны. Сообщив всяческие сведения о себе самом, своей семье, своих связях, своих друзьях, своих шутках, своей профессии и своих братьях (болтливые люди могут много порассказать о своих братьях), мистер Магнус в течение нескольких минут созерцал мистера Пиквика в голубом свете сквозь цветные стекла своих очков, а затем сказал с застенчивым видом:

– А как вы думаете, как вы думаете, мистер Пиквик, зачем я сюда приехал?

– Честное слово, – сказал мистер Пиквик, – я никак не могу угадать. Быть может, по делу.

– Отчасти вы правы, сэр, – ответил мистер Питер Магнус, – а отчасти не правы. Попытайтесь еще раз, мистер Пиквик.

Право же, – сказал мистер Пиквик, – я должен просить у вас пощады! Как вам угодно, можете не говорить, но мне не угадать, хотя бы я строил предположения всю ночь.

– Ну, в таком случае... хи-хи-хи! – начал мистер Питер Магнус, застенчиво хихикая, – что вы скажете, мистер Пиквик, если я приехал сюда сделать предложение, сэр, а? Хи-хи-хи!

– Что я скажу? Бы, по всей вероятности, достигнете цели, – ответил мистер Пиквик, посылая одну из своих лучезарных улыбок.

– Ну! – воскликнул мистер Магнус. – Но вы действительно так думайте, мистер Пиквик? Вы так думаете?

– Конечно, – сказал мистер Пиквик.

– Нет, вы шутите!

– Право же, не шучу.

– Ну, в таком случае, – сказал мистер Магнус, – открою вам маленький секрет: я тоже так думаю. Я даже скажу вам, мистер Пиквик, хотя я от природы ужасно ревнив... чудовищно ревнив: леди находится в этом доме!

С этими словами мистер Магнус снял очки, чтобы подмигнуть, и снова надел их.

– Так вот почему вы так часто выбегали из комнаты перед обедом, – лукаво заметил мистер Пиквик.

– Тес! Да, вы правы, так оно и было, а впрочем, я не так глуп, чтобы пойти повидаться с ней.

– Вот как!

– Да, не следует это делать, знаете ли, сейчас же после путешествия. Лучше подождать до завтра, сэр, шансов будет вдвое больше. Мистер Пиквик, сэр, в том саке у меня платье, а в том футляре – шляпа, от которых я жду неоценимых услуг, сэр, благодаря тому впечатлению, какое они произведут.

– В самом деле? – отозвался мистер Пиквик.

– Да, вы, вероятно, заметили, как я о них беспокоился сегодня. Я не верю, мистер Пиквик, чтобы можно было приобрести за деньги второй такой же костюм и такую же шляпу.

Мистер Пиквик поздравил с такой покупкой счастливого владельца неотразимой одежды, и мистер Питер Магнус в течение нескольких секунд был, по-видимому, погружен в размышления.

– Она – милое созданье, – сказал мистер Магнус.

– Да? – сказал мистер Пиквик.

– Очень! – сказал мистер Магнус. – Очень! Она живет милях в двадцати отсюда, мистер Пиквик. Я узнал, что она приедет сюда сегодня вечером и пробудет здесь все завтрашнее утро, и вот я приехал, чтобы воспользоваться удобным случаем. Мне кажется, мистер Пиквик,

гостиница – подходящее место для того, чтобы сделать предложение одинокой женщине. Пожалуй, она сильнее почувствует одиночество во время путешествия, чем у себя дома. Как вы думаете, мистер Пиквик?

– Считаю это весьма вероятным, – ответил сей джентльмен.

– Прошу прощенья, мистер Пиквик, – сказал мистер Питер Магнус, – но я от природы довольно любопытен: с какой целью приехали сюда вы?

– По делу, далеко не столь приятному, сэр, – ответил мистер Пиквик, краснея при одном воспоминании. – Я приехал сюда, сэр, с целью разоблачить предательство и обман одной особы, чьей правдивости и честности я слепо доверял.

– Ах, боже мой! – сказал мистер Питер Магнус. – Это очень неприятно. Полагаю, это леди? Э? А! Хитрец, мистер Пиквик, хитрец! О нет, мистер Пиквик, ни за что на свете, сэр, не стал бы я касаться ваших чувств. Это мучительная тема, сэр, весьма мучительная. Не обращайте на меня внимания, мистер Пиквик, если вам хочется излить свои чувства. Я знаю, что значит пережить измену, я сам это испытал три-четыре раза..

– Я вам весьма признателен за сочувствие, с каким вы отнеслись к тому, что считаете моим несчастьем, – сказал мистер Пиквик, заводя свои часы и кладя их на стол, – но...

– Нет, нет! – перебил мистер Питер Магнус. – Не слова больше: это мучительная тема. Я понимаю, понимаю! Который час, мистер Пиквик?

– Уже за полночь,

– Ах, боже мой, пора спать. Не следует засиживаться. Я буду бледен завтра, мистер Пиквик.

При одной мысли о такой беде мистер Питер Магнус позвонил служанке, и когда полосатый сак, красный сак, кожаный футляр и пакет в оберточной бумаге были доставлены в его спальню, он вместе с подсвечником, покрытым японским лаком, удалился в одно крыло дома, тогда как мистера Пиквика с другим подсвечником, покрытым японским лаком, проводили по бесконечным извилистым коридорам в другое крыло.

– Вот ваша комната, сэр, – сказала служанка.

– Прекрасно, – ответил мистер Пиквик, озираясь.

Это была довольно большая комната с двумя кроватями и камином; в общем, более комфортабельное помещение, чем склонен был ожидать мистер Пиквик, основываясь на кратком своем знакомстве с теми удобствами, которые можно было найти в «Большом Белом Коне».

– Надеюсь, другая кровать никем не занята? – осведомился мистер Пиквик.

– О нет, сэр.

– Прекрасно. Велите моему слуге завтра в половине девятого принести горячей воды, а сегодня он мне больше не понадобится.

– Слушаю, сэр.

И, пожелав мистеру Пиквику спокойной ночи, служанка ушла и оставила его в одиночестве.

Мистер Пиквик сел в кресло у камина и отдался потоку бессвязных мыслей. Сначала он подумал о своих друзьях и задал себе вопрос, когда же они присоединятся к нему; потом мысли его обратились к миссис Марте Бардл, а от этой леди, естественно, перекочевали к грязной конторе Додсона и Фогга. От Додсона и Фогга они по касательной поплыли к самому центру истории странного клиента, а затем вернулись к «Большому Белому Коню» в Ипсуиче, с достаточной ясностью давая понять мистеру Пиквику, что он засыпает. Поэтому он встал и начал раздеваться, как вдруг вспомнил, что оставил свои часы внизу на столе.

Часы эти пользовались особой любовью мистера Пиквика, который носил их под сенью своего жилета в течение большего числа лет, чем считаем мы себя вправе здесь указывать. Мысль о том, чтобы лечь спать, не слыша их мерного тикания под подушкой или в туфельке над головой, не вмещалась в мозгу мистера Пиквика. Так как час был поздний и ему не хотелось звонить среди ночи, то он надел фрак, который только что снял, и, взяв в руку подсвечник, покрытый японским лаком, стал потихоньку спускаться по лестнице.

Чем дальше спускался мистер Пиквик, тем больше как будто обнаруживалось лестниц, по которым предстояло спускаться, и снова и снова, когда мистер Пиквик попадал в какой-нибудь узкий коридор и начинал поздравлять себя с прибытием в нижний этаж, появлялась перед его изумленными глазами новая лестница. Наконец, он добрался до вестибюля с каменным полом, который ему запомнился при входе в дом. Он исследовал коридор за коридором; обозрел комнату за комнатой; наконец, собираясь в отчаянии отказаться от поисков, он открыл дверь той самой комнаты, где провел вечер, и увидел на столе забытые им часы.

Мистер Пиквик с торжеством схватил часы и направил свои стопы обратно в спальню. Если путешествие его в нижний этаж было сопряжено с трудностями и неуверенностью, то обратный путь оказался несравненно более сложным. Ряды дверей, украшенных башмаками всех видов, фасонов и размеров, тянулись, разветвляясь, во все стороны. Несколько раз повертывал он осторожно ручку ведущей в спальню двери, которая была похожа на его дверь, но ворчливый окрик, доносившийся из-за нее: «Кто там, черт подери?», или: «Что вам здесь нужно?» – заставлял его удаляться на цыпочках с изумительной быстротой. Он был на грани отчаяния, но тут его взгляд упал на открытую дверь. Он заглянул в комнату. Наконец-то! Здесь было две кровати – он прекрасно помнил, как они стояли, – и огонь в камине еще горел. Его свеча, не отличавшаяся величиной, когда он ее получил, оплыла от сквозняков во время его скитаний и погасла, как только он закрыл за собой дверь. «Неважно, – сказал мистер Пиквик, – я могу раздеться при свете камина».

Кровати стояли справа и слева от двери, и между каждой кроватью и стеной оставался маленький проход, в конце которого стоял стул с плетеным сиденьем, – проход такой ширины, чтобы в случае надобности взобраться стой стороны на кровать или слезть с нее. Тщательно задвинув занавески кровати с наружной стороны, мистер Пиквик уселся на стул с плетеным сиденьем и не спеша снял башмаки и гетры. Затем он снял и сложил фрак, жилет и галстук, и, медленно напялив ночной колпак с кисточкой, укрепил его на голове, завязав под подбородком тесемки, которые у него всегда были пришиты к этой принадлежности туалета. И в этот момент он вдруг представил себе всю нелепость своего недавнего блуждания. Откинувшись на спинку стула с плетеным сиденьем, мистер Пиквик засмеялся так искренне, что для всякого здравомыслящего человека было бы истинным наслаждением созерцать улыбки, расцветавшие на приветливой физиономии мистера Пиквика и сиявшие из-под ночного колпака.

«Это самая смешная вещь, – говорил самому себе мистер Пиквик, улыбаясь так, что тесемки ночного колпака могли лопнуть, – это самая смешная вещь, о какой я слышал, – заблудиться в гостинице и скитаться по лестницам. Забавно, забавно, очень забавно!»

Мистер Пиквик улыбнулся еще более широкой улыбкой и в наилучшем расположении духа хотел вновь приступить к процедуре раздевания, как вдруг его остановила весьма неожиданная помеха, а именно появление в комнате какой-то особы со свечой в руке, которая, заперев дверь, подошла к туалетному столику и поставила на него свечу.

Улыбка, игравшая на лице мистера Пиквика, мгновенно уступила место выражению безграничного изумления и недоумения. Кто-то вошел так внезапно и так бесшумно, что у мистера Пиквика не было времени окликнуть его или помешать ему войти. Кто бы это мог быть? Грабитель? Какой-нибудь злоумышленник, который видел, быть может, как он поднимался по лестнице, держа в руке красивые часы? Что же ему теперь оставалось делать?

Единственное, что мог сделать мистер Пиквик, чтобы взглянуть на таинственного посетителя, не подвергая себя опасности быть замеченным, это взобраться на кровать и выглянуть в просвет между занавесками с противоположной стороны. К этому маневру он и прибег. Осторожно придерживая рукой занавески так, что ничего не было видно, кроме его головы и ночного колпака, мистер Пиквик, надев очки, собрался с духом и выглянул.

От ужаса и смущения он едва не лишился чувств. Перед зеркалом стояла леди средних лет в желтых папильотках и старательно расчесывала волосы. Каким бы образом ни очутилась в комнате ничего не ведающая леди средних лет, было ясно, что она рассчитывала остаться здесь, ибо принесла тростниковую свечу[79] с экраном, каковую, принимая похвальные меры предосторожности против пожара, поместила в таз на полу, где она и мерцала, словно гигантский маяк на удивительно маленьком водном пространстве.

«Господи помилуй! – подумал мистер Пиквик. – Какое ужасное положение!»

– Кхе! – кашлянула леди, и мистер Пиквик с быстротой автомата втянул голову.

«Никогда я не бывал в таком безвыходном положении, – подумал бедный мистер Пиквик; капли холодного пота выступили на его ночном колпаке. Никогда! Это ужасно!»

Но слишком велико было желание видеть, что происходит в комнате. И голова мистера Пиквика высунулась снова. Положение ухудшилось. Леди средних лет привела в порядок волосы, заботливо прикрыла их муслиновым чепчиком с маленькой сборчатой каймой и задумчиво смотрела на огонь.

«Положение становится угрожающим, – рассуждал сам с собой мистер Пиквик. – Я не могу допустить дальнейшего развития этой истории. Самообладание этой леди ясно указывает, что, должно быть, я попал не в ту комнату. Если я крикну, она поднимет на ноги весь дом, но если я останусь здесь, последствия окажутся еще более устрашающими».

Нет надобности упоминать о том, что мистер Пиквик был одним из скромнейших и деликатнейших людей. Одна мысль предстать в ночном колпаке перед леди подействовала на него ошеломляюще; но он завязал узлом эти проклятые тесемки и, несмотря на все усилия, не мог спять колпак. Следовало дать знать о своем присутствии. Для этого был только один способ. Он спрятался за занавеску и издал очень громкий звук:

Кхе-хм!

В том, что леди вздрогнула, услышав этот неожиданный звук, нельзя было сомневаться, ибо она попятилась в не освещенный ночником угол комнаты; в том, что она убедила себя, будто это ей почудилось, тоже нельзя было сомневаться, ибо, когда мистер Пиквик подумал, не упала ли она от испуга в обморок, и осмелился выглянуть еще раз, она по-прежнему задумчиво смотрела в огонь.

«В высшей степени необычайная женщина», – подумал мистер Пиквик, снова исчезая за занавеской.

– Кхе-хм!

На сей раз звуки, – напоминающие те, коим, как сообщают нам легенды, свирепый великан Бландербор давал сигнал накрывать на стол, – были слишком отчетливы, чтобы можно было снова принять их за игру воображения.

– Боже мой! – воскликнула леди средних лет. – Что это?

– Это... это... только джентльмен, сударыня, – сказал мистер Пиквик из-за занавески.

– Джентльмен! – с ужасом взвизгнула леди.

«Все кончено!» – подумал мистер Пиквик.

– Чужой мужчина! – возопила леди.

Еще секунда – и весь дом всполошится. Ее юбки зашуршали, когда она мотнулась к двери.

– Сударыня! – сказал мистер Пиквик, в порыве отчаяния высовывая голову.

– Сударыня!

Хотя мистер Пиквик не преследовал никакой определенной цели, высовывая голову, однако это немедленно произвело благоприятный эффект. Леди, как мы уже заявили, находилась у двери. Ей стоило только переступить порог, чтобы выйти на лестницу, и совершенно несомненно, что в этот момент она бы это сделала, если бы внезапно появившийся ночной колпак мистера Пиквика не отогнал ее в самый дальний угол комнаты, где она и остановилась, дико взирая на мистера Пиквика, в то время как мистер Пиквик в свою очередь дико взирал на нее.

– Негодный! – сказала леди, закрывая лицо руками. – Что вам здесь нужно?

– Ничего, сударыня! Решительно ничего, сударыня, – с жаром ответил мистер Пиквик.

Ничего! – повторила леди, поднимая взор.

– Ничего, сударыня, клянусь честью! – сказал мистер Пиквик, так энергически мотая головой, что кисточка ночного колпака пустилась в пляс. – Сударыня, я готов провалиться сквозь землю от смущения, потому что принужден разговаривать с леди, не снимая ночного колпака (тут леди поспешно сорвала свой), но я не могу его снять, сударыня (при этом мистер Пиквик дернул его изо всех сил в подтверждение своих слов). Теперь мне ясно, сударыня, что я по ошибке принял эту спальню за свою. Я не провел здесь и пяти минут, сударыня, когда вы внезапно вошли.

– Если эта невероятная история действительно правдива, сэр, – сказала леди, громко всхлипывая, – вы немедленно удалитесь.

– Удаляюсь, сударыня, с величайшим удовольствием, – ответил мистер Пиквик.

– Немедленно, сэр, – сказала леди.

– Конечно, сударыня! – поспешно согласился мистер Пиквик. – Конечно, сударыня! Я... я очень сожалею, сударыня, – продолжал мистер Пиквик, появляясь из-за кровати, – что помимо своей воли был виновником этой тревоги и волнения, глубоко сожалею, сударыня.

Леди указала на дверь. Одна из превосходных черт характера мистера Пиквика великолепно проявилась в этот момент при крайне тяжелых обстоятельствах. Хотя впопыхах он надел шляпу поверх ночного колпака, на манер ночного сторожа былых времен, хотя башмаки и гетры он держал в руке, а фрак и жилет перебросил через руку, – ничто не могло сломить его природную вежливость.

– Я чрезвычайно сожалею, сударыня, – сказал мистер Пиквик, низко кланяясь.

– В таком случае вы немедленно удалитесь из этой комнаты, – сказала леди.

– Немедленно, сударыня, сию секунду, сударыня, – сказал мистер Пиквик, открывая дверь и с шумом роняя башмаки.

– Надеюсь, сударыня, – продолжал мистер Пиквик, подбирая башмаки и поворачиваясь, чтобы еще раз поклониться, – надеюсь, сударыня, что моя безупречная репутация и глубочайшее уважение, какое я питаю к вашему полу, послужат некоторым оправданием этого...

Но, раньше чем мистер Пиквик успел закончить фразу, леди вытолкнула его в коридор и заперла за ним дверь на ключ и на задвижку.

Какие бы ни были у мистера Пиквика основания поздравлять себя с таким мирным разрешением трудного дела, его положение в настоящий момент было отнюдь не завидное. Он находился один в коридоре незнакомого дома, среди ночи, полуодетый; нечего было и думать, что в полной темноте ему удастся отыскать комнату, которую он никак не мог найти со свечой; а при малейшем шуме во время своих бесплодных поисков он подвергался опасности, что какой-нибудь страдающий бессонницей обитатель гостиницы выстрелит в него и, быть может, убьет.

У него был только один выход: остаться на месте и ждать рассвета. Поэтому, пройдя ощупью несколько шагов по коридору и, к великому ужасу, задев при этом ногой за несколько пар сапог, мистер Пиквик присел в маленькой нише, чтобы ждать утра со всем философским терпением, на какое был способен.

Однако ему не суждено было подвергнуться еще и этому испытанию, ибо он недолго пребывал в своем убежище: к невыразимому его ужасу в конце коридора появился человек со свечой в руке. Его ужас вдруг уступил место радости, когда он распознал фигуру своего верного слуги. Действительно, это был мистер Сэмюел Уэллер, который не спал до столь позднего часа, беседуя с коридорным, бодрствовавшим в ожидании почты, и только теперь направлялся на покой.

– Сэм! – сказал мистер Пиквик, внезапно появляясь перед ним. – Где моя спальня?

Мистер Уэллер с красноречивым изумлением воззрился на своего хозяина, и вопрос был повторен трижды, раньше чем он повернулся и пошел по направлению к долго разыскиваемой комнате.

– Сэм, – сказал мистер Пиквик, когда улегся в постель, – этой ночью я совершил одну из самых удивительных ошибок.

– Очень может быть, сэр, – сухо ответил мистер Уэллер.

Но вот что я решил, Сэм, – продолжал мистер Пиквик: – если бы мне пришлось прожить в этом доме полгода, – я не рискнул бы ходить здесь один.

– Это самое благоразумное решение, к какому только вы могли прийти, сэр, – отозвался мистер Уэллер. – Нужно, чтобы за вами кто-нибудь присматривал, сэр, когда ваша голова отправляется делать визиты.

– Что вы хотите этим сказать, Сэм? – спросил мистер Пиквик.

Он приподнялся на кровати и вытянул руку, словно хотел еще что-то добавить, но вдруг запнулся, повернулся на другой бок и пожелал своему камердинеру «спокойной ночи».

– Спокойной ночи, сэр, – ответил мистер Уэллер.

Выйдя за дверь, он приостановился, покачал головой, сделал несколько шагов, остановился, снял нагар со свечи, снова покачал головой и, наконец, пошел не спеша в свою комнату, по-видимому погруженный в глубочайшие размышления.

ГЛАВА XXIII,

в которой мистер Сэмюел Уэллер направляет свою энергию на борьбу с мистером Троттером, чтобы добиться реванша

В ранний час того самого утра, которому предшествовало приключение мистера Пиквика с леди средних лет в желтых папильотках, в маленькой комнате по соседству с конюшнями восседал мистер Уэллер-старший, готовясь к обратному путешествию в Лондон. Он сидел в самой заманчивой для живописца позе.

Весьма возможно, что в какой-нибудь ранний период его жизненной карьеры профиль мистера Уэллера был очерчен смело и определенно. Однако его лицо расплылось благодаря хорошему питанию и замечательной склонности мириться с обстоятельствами, и смелые мясистые контуры щек вышли так далеко за пределы, первоначально им предназначенные, что трудно было различить что-нибудь, кроме кончика багрового носа. Подбородок, по той же причине, обрел степенную и внушительную форму, которую обычно обозначают, приставляя слово «двойной» к названию этой выразительной части лица; а цвет лица представлял то своеобразное пестрое сочетание оттенок, какое можно увидеть только па лицах джентльменов его профессии и на недожаренном ростбифе. Шея была у него обмотана малиновым дорожным шарфом, который столь неприметно сливался с подбородком, что трудно было отличить складки одного от складок другого. Поверх этого шарфа на нем был длинный жилет с широкими розовыми полосами, а поверх жилета широкий зеленый кафтан, декорированный

большими медными пуговицами, из коих две, украшавшие талию, отстояли так далеко друг от Друга, что никто никогда не видел обе эти пуговицы одновременно. Волосы, короткие, гладкие и черные, едва виднелись из-под пространных полей коричневой шляпы с низкой тульей. Ноги были упакованы в короткие вельветовые штаны и сапоги с цветными отворотами; медная часовая цепочка, заканчивающаяся печаткой и ключом тоже из меди, болталась у весьма обширного пояса.

Мы сказали, что мистер Уэллер был занят приготовлениями к обратному путешествию в Лондон, – и действительно, он подкреплялся. Перед ним на столе стояла кружка эля, лежал кусок холодного мяса и весьма почтенного вида каравай хлеба, между которыми он распределял свою благосклонность по очереди, с самым суровым беспристрастием. Он только что отрезал солидный ломоть хлеба, когда шаги человека, входящего в комнату, заставили его поднять голову, и он увидел своего сына.

– Доброго утра! – сказал отец.

Сын вместо ответа подошел к кружке с элем и, многозначительно кивнув головой родителю, хлебнул.

– Прекрасно умеешь присасываться, Сэмми, – заметил мистер Уэллер-старший, заглядывая в кружку, когда его первенец поставил, ее на стол, осушив до половины. – Из тебя получилась бы на редкость способная устрица, Сэмми, если бы ты родился на этом жизненном посту.

– Да, пожалуй, мне бы удалось иметь приличный доход, – ответил Сэм, принимаясь с немалым рвением за холодную говядину.

– Мне очень грустно, Сэмми, – сказал старший мистер Уэллер, взбалтывая эль, прежде чем пить его, – мне очень грустно, Сэмми, слышать из твоих уст, что ты дал себя одурачить этой-вот шелковице. До позавчерашнего дня я думал, что кличка «одураченный» никогда не прилипнет к Веллеру... никогда не прилипнет!

– Никогда, за исключением, конечно, случая со вдовой, – сказал Сэм.

– Вдовы, Сэмми, – отозвался мистер Уэллер, слегка меняясь в лице, вдовы – это исключения из любого правила. Я когда-то слыхал, сколько нужно обыкновенных женщин, чтобы так обойти человека, как обойдет одна вдова. Кажется, двадцать пять, но я хорошенько не знаю, может быть больше.

– Этого достаточно, – сказал Сэм.

– Вдобавок, – продолжал мистер Уэллер, не обращая внимания на то, что его прервали, – это совсем другое дело. Ты знаешь, Сэмми, что сказал законник, защищавший джентльмена, который колотил жену кочергой, когда бывал навеселе. «А в конце концов, милорд, – сказал он, – это любовная слабость». То же самое говорю я о вдовах, Сэмми, и то же скажешь ты, когда доживешь до моих лет.

– Знаю, мне бы следовало смотреть в оба, – сказал Сэм.

– Следовало смотреть в оба! – повторил мистер Уэллер, ударяя кулаком по столу. – Следовало смотреть в оба! Да, я знаю одного юнца, который и на половину в на четверть не был так хорошо воспитан, как ты, – не ночевал на рынках по полгода, – так он не дал бы одурачить себя таким манером, не дал бы, Сэмми.

В смятении чувств, вызванном этими мучительными размышлениями, мистер Уэллер позвонил в колокольчик и потребовал дополнительную пинту эля.

– Ну, что толку говорить об этом, – отозвался Сэм. – Дело сделано, и его не исправить, и это единственное утешение, как говорят в Турции, когда отрубят голову не тому, кому следует. Теперь мой ход, папаша, и как только я заполучу этого Троттера, я сделаю хороший ход.

– Надеюсь, Сэмми, надеюсь, – ответил мистер Уэллер. – За твое здоровье, Сэмми, и постарайся поскорее смыть позор, которым ты запятнал нашу фамилию, В ознаменование этого

тоста мистер Уэллер осушил одним духом по крайней мере две трети только что поданной пинты и передал ее сыну, дабы покончить с остатками, что тот немедленно и исполнил.

– А теперь, Сэмми, – продолжал мистер Уэллер, взглядывая на большие серебряные часы, висевшие на медной цепочке, – теперь пора мне в контору – получить список пассажиров и посмотреть, как заряжают карету, потому что карета, Сэмми, что пушка, – заряжать их нужно с большой осторожностью, прежде чем пустить в ход.

На эту родительскую и профессиональную шутку мистер Уэллер-младший ответил сыновней улыбкой. Его уважаемый родитель продолжал торжественным тоном:

– Я покидаю тебя, Сэмивел, сын мой, и неизвестно, когда я увижу тебя снова. Твоя мачеха может оказаться мне не под силу, или мало ли что может случиться к тому времени, когда ты опять услышишь о знаменитом мистере Веллере из «Прекрасной Дикарки». Честь нашей фамилии зависит во многом от тебя, Сэмивел, и, надеюсь, ты не ударишь в грязь лицом. Во всяких мелочах касательно хорошего воспитания я знаю, что могу положиться на тебя, как на самого себя. Стало быть, мне остается дать тебе только один маленький совет: если тебе когда-нибудь перевалит за пятьдесят и ты почувствуешь расположение жениться на ком-нибудь – все равно на ком, запрись в своей комнате, если она у тебя будет, и отравись не мешкая. Повеситься – пошлое дело, и потому ты этим делом не занимайся. Отравись, Сэмивел, мой мальчик, отравись, и впоследствии ты об этом не пожалеешь!

Произнеся эту трогательную речь, мистер Уэллер посмотрел пристально на сына, медленно повернулся на каблуках и скрылся из виду.

Погруженный в задумчивость, которая была вызвана этими словами, мистер Сэмюел Уэллер, расставшись с отцом, вышел из «Большого Белого Коня» и, направив свои стопы к церкви Сент-Клемента, постарался рассеять свою меланхолию прогулкой по прилегающим к церкви древним местам. Он слонялся в течение некоторого времени, пока не очутился в уединенном месте, напоминавшем двор почтенного вида, из которого, как он обнаружил, можно было выйти только тем путем, каким он туда проник. Он собирался было уже повернуть назад, как вдруг был прикован к месту внезапным явлением; к описанию природы и характера этого явления мы непосредственно и переходим.

Мистер Сэмюел Уэллер взирал вверх на старые красные кирпичные дома, изредка, в глубокой рассеянности, делая глазки какой-нибудь цветущей служанке, когда та поднимала штору или открывала окно спальни, как вдруг зеленая садовая калитка в конце двора распахнулась и из нее вышел человек, который весьма старательно закрыл ее за собой и быстро направился к тому самому месту, где стоял мистер Уэллер.

В сущности, если рассматривать этот факт, обособленный и без связи с какими бы то ни было привходящими обстоятельствами, в нем нет ничего из ряда вон выходящего, ибо во многих частях света люди выходят из сада, закрывают за собой зеленые калитки и даже удаляются быстрыми шагами, не привлекая к себе особого внимания общества. Ясно поэтому, что в человеке, в его манерах было нечто, привлекшее особое внимание мистера Уэллера. Так это или не так, предоставляется решить читателю, когда мы правдиво изобразим поведение субъекта, о котором идет речь.

Когда упомянутый нами человек закрыл за собой зеленую калитку, он пошел, как сказали мы уже дважды, быстрыми шагами по двору; но, едва заметив мистера Уэллера, он споткнулся и остановился, точно был не уверен в том, какой избрать путь. Так как зеленая калитка за ним закрылась, а идти можно было только вперед, он тотчас сообразил, что должен пройти мимо мистера Сэмюела Уэллера. Поэтому он снова пошел быстрым шагом и приближался, глядя прямо перед собой. Самым поразительным в этом человеке было то, что он уродовал свою физиономию самыми ужасными и невероятными гримасами, какие приходилось когда-либо видеть. Еще ни одно произведение природы не искажалось с таким необыкновенным искусством, с каким неустанно искажались черты лица этого человека.

«Однако! – сказал про себя мистер Уэллер, покуда человек приближался к нему. – Это очень странно. Я бы мог поклясться, что это он!»

Человек подошел, и его лицо исказилось еще более ужасной гримасой.

– Могу дать присягу, что это-вот те самые черные волосы и шелковичная пара, – сказал мистер Уэллер, – только вот лица такого никогда не видывал.

Когда мистер Уэллер произнес эти слова, лицо человека исказилось сверхъестественной гримасой, поистине омерзительной. Однако он был вынужден пройти очень близко от Сэма, и проницательный взгляд этого джентльмена помог обнаружить, несмотря на эти устрашающие гримасы, нечто слишком напоминающее маленькие глазки мистера Джоба Троттера, чтобы можно было ошибиться.

– Эй, вы, сэр! – свирепо крикнул Сэм.

Незнакомец остановился.

– Эй, вы! – повторил Сэм еще грубее.

Человек с устрашающим лицом посмотрел с величайшим удивлением в глубь двора, и в конец двора, и на окна домов – всюду, только не на Сэма Уэллера, и сделал еще шаг вперед, но был остановлен новым окликом.

– Эй, вы, сэр! – крикнул Сэм в третий раз.

Теперь уже нельзя было притвориться, будто не слышишь, откуда исходит голос, и незнакомцу оставалось только посмотреть, наконец, Сэму Уэллеру прямо в глаза.

– Это не пройдет, Джоб Троттер, – сказал Сэм. – Ну-ка! Без глупостей. Не так уж ты красив, чтобы разбрасывать свои прелести. Переставь эти-вот глаза на свое место, пока я не вышиб их из твоей башки. Слышишь?

Так как мистер Уэллер, по-видимому, был расположен действовать в духе этой речи, то мистер Троттер постепенно вернул своему лицу его естественное выражение и, радостно встрепенувшись, воскликнул:

– Кого я вижу! Мистер Уокер!

– А! – отозвался Сэм. – Вы очень рады меня видеть, не так ли?

– Рад! – воскликнул Джоб Троттер. – О мистер Уокер, если бы вы только знали, как я мечтал об этой встрече! Это слишком, мистер Уокер, я не вынесу этого, право же не вынесу!

Эти слова мистера Троттера сопровождались слезным наводнением, и, схватив мистера Уэллера за руки, он в порыве восторга крепко его обнял.

– Убирайся! – крикнул Сэм, возмущенный таким поведением и тщетно пытаясь высвободиться из объятий своего восторженного знакомого. – Проваливай, говорю тебе! Чего ради ты ревешь надо мной, пожарный насос?

– Потому что я так рад вас видеть, – отвечал Джоб Троттер, постепенно освобождая мистера Уэллера, по мере того как у Сэма исчезали первые симптомы желания вступить в драку. – О мистер Уокер, это уж слишком!

– Слишком! – повторил Сэм. – Думаю, что слишком... еще бы! Ну, что вы можете мне сказать, а?

Мистер Троттер не дал никакого ответа, ибо розовый носовой платочек был уже пущен в ход.

– Что вы можете мне сказать, прежде чем я проломлю вам череп? – повторил мистер Уэллер угрожающим тоном.

– Как? – спросил мистер Троттер с видом праведного изумления.

– Что вы можете мне сказать?

– Я, мистер Уокер?

– Не называйте меня Уокером; моя фамилия Уэллер, вы это прекрасно знаете. Что вы можете мне сказать?

– Да благословит вас бог, мистер Уокер... то есть Уэллер... очень много, только пойдемте куда-нибудь, где можно потолковать на свободе. Если бы вы знали, как я искал вас, мистер Уэллер...

– Очень старательно, должно быть? – сухо осведомился Сэм.

– Очень, очень, сэр! – отвечал мистер Троттер, и ни один мускул на его лице не дрогнул. – Но дайте пожать вашу руку, мистер Уэллер.

Сэм созерцал своего собеседника в течение нескольких секунд, а затем, словно повинуясь внезапному импульсу, исполнил его просьбу.

– Как поживаете? – начал Джоб Троттер, когда они тронулись в путь. – Как поживает ваш уважаемый, добрый хозяин? О, это достойный джентльмен, мистер Уэллер! Надеюсь, он не простудился в ту страшную ночь, сэр?

Когда Джоб Троттер произнес эти слова, в глазах его мелькнуло на мгновение крайне лукавое выражение, которое заставило крепче сжаться кулак мистера Уэллера, загоревшегося желанием пересчитать мистеру Троттеру ребра. Однако Сэм сдержался и ответил, что хозяин чувствует себя прекрасно.

– О, я так рад! – отозвался мистер Троттер. – Он здесь?

– А ваш? – вместо ответа спросил Сэм.

– О да, он здесь, и я с прискорбием должен сказать, мистер Уэллер, что он ведет себя еще хуже.

– Вот как? – сказал Сэм.

– О, возмутительно, ужасно!

– В пансионе для девиц? – спросил Сэм.

– Нет, не в пансионе, – ответил Джоб Троттер с тем лукавым взглядом, который уже уловил Сэм. – Не в пансионе.

– В доме с зеленой калиткой? – продолжал Сэм, внимательно глядя на своего спутника.

– Нет, нет, не там, – ответил Джоб с живостью, весьма ему несвойственной, – не там.

– А вы сами что там делали? – спросил Сэм, бросая на него зоркий взгляд. – Быть может, случайно вошли в калитку?

– Видите ли, мистер Уэллер, – ответил Джоб, – я не прочь открыть вам маленькую тайну, потому что мы, знаете ли, с первой встречи почувствовали влечение друг к другу. Помните, как приятно мы провели утро?

– О да, помню, – нетерпеливо сказал Сэм.

– Ну, так вот, – продолжал Джоб, понижая голос, будто открывая важную тайну, – в том доме с зеленой калиткой, мистер Уэллер, держат очень много слуг.

– Это можно угадать, взглянув на дом, – перебил Сэм.

– Вот именно, – продолжал мистер Троттер, – и там есть кухарка, которая отложила немного денег, мистер Уэллер, и желает, знаете ли, если ей удастся устроиться в жизни, завести маленькую торговлю колониальными товарами... Вы меня понимаете?

– Да.

– Вот-вот, мистер Уэллер. Так вот, сэр, я с ней встретился в церкви, которую посещаю... очень славная маленькая часовня в этом городе, мистер Уэллер, где поют гимны по сборнику номер четвертый, который я обыкновенно ношу с собой; быть может, вы видели у меня в руках маленькую книжку. И я с этой кухаркой немножко сблизился, мистер Уэллер, и мы узнали друг друга лучше, и смею сказать, мистер Уэллер, что мне предстоит быть лавочником.

– А, из вас выйдет очень симпатичный лавочник, – отозвался Сэм, искоса поглядывая на Джоба с крайней неприязнью.

– Преимущество этого решения, мистер Уэллер, – продолжал Джоб, у которого глаза в это время наполнились слезами, – заключается в том, что мне удастся оставить мою теперешнюю постыдную службу у этого дурного человека и всецело посвятить себя лучшей и более добродетельной жизни, которая больше подобала бы тому воспитанию, мистер Уэллер, которое мною было получено.

– Должно быть, вы получили очень хорошее воспитание, – заметил Сэм.

– О да, очень хорошее, мистер Уэллер, очень! – подтвердил Джоб.

При воспоминании о своем непорочном детстве мистер Троттер извлек розовый носовой платочек и незамедлительно пролил обильные слезы.

– Должно быть, на редкость приятно было учиться вместе с таким мальчиком, – сказал Сэм.

– Вы правы, сэр, – отвечал Джоб, испуская глубокий вздох. – Я был кумиром школы.

– Вот как! – сказал Сэм. – Я этому не удивляюсь. Каким утешением были вы, должно быть, для вашей счастливой маменьки!

При этих словах мистер Джоб Троттер приложил кончик розового платочка к уголку сперва одного, а потом другого глаза и пролил потоки слез.

– Что такое с этим человеком? – вознегодовал Сэм. – Водопровод в Челси[80] ничто по сравнению с вами. Почему вы сейчас расчувствовались? Раскаиваетесь в своей подлости?

– Я не могу сдержать свои чувства, мистер Уэллер, – сказал Джоб после непродолжительного молчания. – Подумать только, что мой хозяин догадался о разговоре, который я вел с вами, и увез меня в дорожной карете, и, убедив милую молодую леди сказать, что она ничего о нем не знает, и подкупив для этой же цели начальницу пансиона, покинул ее в поисках лучшею! О мистер Уэллер, я содрогаюсь при мысли об этом.

– О, так вот как обстояло дело? – сказал мистер Уэллер.

– Конечно, – ответил Джоб.

– Ну, ладно, – сказал Сэм, так как они уже подходили к гостинице, – я хочу немного потолковать с вами, Джоб; если вы не слишком заняты, я бы хотел повидаться с вами в «Большом Белом Коне» сегодня вечером, часов в восемь.

– Я непременно приду, – сказал Джоб.

– Приходите непременно, – отозвался Сэм, бросая на него многозначительный взгляд, – а не то я, пожалуй, начну наводить о вас справки по ту сторону зеленой калитки и могу, знаете ли, стать вам поперек дороги.

– Я непременно приду, сэр – сказал мистер Троттер, и, с великим жаром пожав Сэму руку, он удалился.

– Берегись, Джоб Троттер, берегись! – промолвил Сэм, глядя ему вслед. – На этот раз тебе со мной не сладить!

Произнеся этот монолог и проводив взглядом Джоба, пока тот не скрылся из виду, мистер Уэллер не замедлил отправиться в спальню своего хозяина.

– Дело на мази, сэр! – сказал Сэм.

– Что на мази, Сэм? – осведомился мистер Пиквик.

– Я их нашел, сэр, – сказал Сэм.

– Кого нашли?

– Того странного чудака и меланхоличного парня с черными волосами.

– Не может быть, Сэм! – с большим волнением воскликнул мистер Пиквик. – Где они, Сэм, где они?

– Тише, тише! – отозвался мистер Уэллер, и, помогая мистеру Пиквику одеваться, он развернул план дальнейших действий.

– Но когда это удастся сделать, Сэм? – осведомился мистер Пиквик.

– Все в свое время, сэр, – ответил Сэм.

Удалось ли это сделать в свое время, будет видно из дальнейшего.

ГЛАВА XXIV,

в которой мистер Питер Магнус становится ревнивым, а леди средних лет пугливой, вследствие чего пиквикисты попадают в тиски закона

Когда мистер Пиквик спустился в комнату, в которой провел с мистером Питером Магнусом вечер накануне, он увидел, что этот джентльмен, дабы выставить свою особу в лучшем свете, воспользовался содержимым двух саквояжей, кожаного футляра и пакета в оберточной бумаге и теперь шагал взад и вперед по комнате в состоянии крайнего возбуждения и волнения.

– Доброе утро, сэр, – сказал мистер Питер Магнус. – Как вы это находите, сэр?

– Очень эффектно! – ответил мистер Пиквик, обозревая с добродушной улыбкой костюм мистера Питера Магнуса.

– И мне так кажется, – сказал мистер Магнус. – Мистер Пиквик, сэр, я уже послал свою визитную карточку.

– Неужели? – сказал мистер Пиквик.

– Да. И лакей принес ответ, что она примет меня сегодня в одиннадцать в одиннадцать, сэр. Это значит через четверть часа.

– Да, это очень скоро, – сказал мистер Пиквик.

– О да, очень скоро! – отозвался мистер Магнус. – Пожалуй, слишком скоро, мистер Пиквик, сэр?

– Уверенность – великая вещь в таких случаях, – заметил мистер Пиквик.

– Совершенно согласен, сэр, – сказал мистер Питер Магнус. – Во мне много уверенности, сэр. В самом деле, мистер Пиквик, я не понимаю, почему мужчина испытывает страх в таких случаях, сэр? В чем суть дела, сэр? Стыдиться нечего, все основано на взаимном соглашении, и ничего больше. С одной стороны муж, с другой – жена. Таков мой взгляд на это дело, мистер Пиквик.

– Взгляд философический, – заметил мистер Пиквик. – Но завтрак уже готов, мистер Магнус. Идемте!

Они уселись за завтрак, но, несмотря на похвальбу мистера Питера Магнуса, было очевидно, что он находится в крайне нервическом состоянии, коего главными симптомами служили: потеря аппетита, наклонность опрокидывать чайную посуду, неловкие попытки шутить и неодолимая потребность смотреть каждую секунду на часы.

– Хи-хи-хи! – хихикнул мистер Магнус, напуская на себя веселость и задыхаясь от волнения. – Осталось только две минуты, мистер Пиквик. Я бледен, сэр?

– Не очень, – ответил мистер Пиквик.

Наступила Короткая пауза.

– Прошу простить, мистер Пиквик, но в былое время вы когда-нибудь предпринимали что-нибудь подобное? – спросил мистер Магнус.

– Вы разумеете, делал ли я предложение? – спросил мистер Пиквик.

– Да.

– Никогда! – ответил мистер Пиквик с великой энергией. – Никогда!

– Значит, вы не имеете понятия о том, как получше приступить к делу?

– Этого сказать нельзя, – отвечал мистер Пиквик. – Кое-какое понятие об этом предмете у меня есть, но так как я никогда не проверял его на опыте, мне бы не хотелось, чтобы вы им руководились в своих поступках.

– Я был бы крайне признателен вам, сэр, за любой совет, – сказал мистер Магнус, еще раз бросая взгляд на часы, стрелка которых приближалась к пяти минутам двенадцатого.

– Хорошо, сэр, – согласился мистер Пиквик с глубокой торжественностью, благодаря которой сей великий муж придавал, когда ему было угодно, особую выразительность своим замечаниям. – Я бы начал, сэр, с восхваления красоты леди и ее исключительных качеств; засим, сэр, я перешел бы к тому, сколь я недостоин...

– Очень хорошо, – вставил мистер Магнус.

– Недостоин, но только ее одной, заметьте, сэр, – пояснил мистер Пиквик, – но, дабы показать, что я не совсем недостоин, я сделал бы краткий обзор своей прежней жизни и своего настоящего положения. Путем сравнения я бы ей доказал, что для всякой другой женщины я был бы очень желательным объектом. Затем я бы распространился о своей горячей любви и глубокой преданности. Быть может, в этот момент я попытался бы взять ее за руку.

– Понимаю! Это очень важный пункт, – подхватил мистер Магнус.

– Затем, сэр, – продолжал мистер Пиквик, воспламеняясь по мере того, как вся картина представлялась ему в более ослепительных красках, – затем, сэр, я бы подошел к простому и ясному вопросу: «Хотите быть моей?» Мне кажется, я не ошибусь, если предположу, что после этого она отвернется.

– Вы думаете, что это случится? – спросил мистер Магнус. – Если она этого не сделает в нужный момент, это может сбить меня.

– Мне кажется, сделает, – сказал мистер Пиквик. – После сего, сэр, я бы сжал ее руку, и думаю, думаю, мистер Магнус, поступи я так, – предположим, что отказа не последовало, – я бы нежно отвел в сторону носовой платок, который, как подсказывают мне мои скромные познания человеческой натуры, леди должна в этот момент прикладывать к глазам, и запечатлел бы почтительный поцелуй. Мне кажется, я бы поцеловал ее, мистер Магнус; и я решительно утверждаю, что в этот самый момент, если леди будет склонна принять мое предложение, она стыдливо прошепчет мне на ухо о своем согласии.

Мистер Магнус вздрогнул, несколько мгновений молча смотрел на одухотворенное лицо мистера Пиквика, а затем (часы показывали десять минут двенадцатого) горячо пожал ему руку и бросился с решимостью отчаяния вон из комнаты.

Мистер Пиквик несколько раз прошелся взад и вперед по комнате; маленькая стрелка часов, подражая ему и постепенно двигаясь вперед, приблизилась к месту, обозначающему на циферблате полчаса, когда дверь внезапно распахнулась. Он обернулся, чтобы приветствовать мистера Питера Магнуса, но вместо него увидел перед собою радостное лицо мистера Тапмена, безмятежную физиономию мистера Уинкля и одухотворенные черты мистера Снодграсса.

Пока мистер Пиквик здоровался с ними, в комнату влетел мистер Питер Магнус.

– Мои друзья – мистер Магнус, джентльмен, о котором я говорил, – представил мистер Пиквик.

– Ваш покорный слуга, джентльмены, – сказал мистер Магнус, находившийся, видимо, в крайнем возбуждении. – Мистер Пиквик, разрешите мне отвлечь вас на один момент, сэр, только на момент.

Говоря это, мистер Магнус запряг указательный палец в петлю фрака мистера Пиквика и, оттащив его в оконную пишу, сказал:

– Поздравьте меня, мистер Пиквик! Я следовал вашему совету буква в букву.

– И все сошло удачно? – осведомился мистер Пиквик.

– Все. Лучше и быть не могло, – ответил мистер Магнус. – Мистер Пиквик, она – моя!

– Поздравляю вас от всего сердца, – промолвил мистер Пиквик, горячо пожимая руку своему новому другу.

– Вы должны познакомиться с нею, – сказал мистер Магнус. – Пойдемте со мной, прошу вас. Мы вернемся через секунду. Прошу прощенья, джентльмены.

И мистер Магнус поспешно увлек мистера Пиквика из комнаты. Он остановился у двери соседней комнаты и почтительно постучал.

– Войдите, – послышался женский голос. – И они вошли.

– Мисс Уитерфилд, – произнес мистер Магнус, – разрешите мне познакомить вас с близким моим другом, мистером Пиквиком. Мистер Пиквик, позвольте вас представить мисс Уитерфилд.

Леди находилась в другом конце комнаты. Раскланиваясь, мистер Пиквик извлек очки из жилетного кармана и надел их... но едва он это сделал, как вскрикнул от удивления и попятился, а леди, слегка взвизгнув, закрыла лицо руками и опустилась в кресло; мистер Питер Магнус остолбенел, переводя взгляд с одного на другого в крайнем удивлении и ужасе.

Все это казалось совершенно необъяснимым, но дело в том, что, едва мистер Пиквик надел очки, он тотчас же признал в будущей миссис Магнус ту самую леди, в комнату которой он этой ночью вторгся незваным гостем, и едва очки были водружены на носу мистера Пиквика, как леди тотчас же узнала физиономию, которая живо напомнила ей обо всех ужасах, связанных со злосчастным ночным колпаком. Леди взвизгнула, а мистер Пиквик вздрогнул.

– Мистер Пиквик! – воскликнул мистер Магнус, растерявшись от удивления.

– Что это значит, сэр? Что это значит, сэр? – грозно повторил мистер Магнус, повышая голос.

– Сэр, – сказал мистер Пиквик, приходя в возмущение от внезапного перехода мистера Питера Магнуса к повелительному тону. – Я отказываюсь отвечать на этот вопрос.

– Вы отказываетесь, сэр? – спросил мистер Магнус.

– Отказываюсь, сэр, – ответил мистер Пиквик, – без согласия и разрешения леди я считаю невозможным упоминать о том, что может компрометировать ее или пробудить в ней неприятные воспоминания.

– Мисс Уитерфилд, вы знаете этого человека? – сказал мистер Питер Магнус.

– Знаю ли я его? – нерешительно переспросила леди средних лет.

– Да, знаете ли вы его, сударыня? Я спросил, знаете ли вы его? – свирепо повторил мистер Магнус.

– Я его видела, – ответила леди средних лет.

– Где? – спросил мистер Магнус. – Где?

– Этого... – повторила леди средних лет, вставая с кресла и отворачиваясь. – Этого я не открою ни за что на свете.

– Я понимаю вас, сударыня, – сказал мистер Пиквик, – и уважаю вашу деликатность. Можете на меня положиться, я никогда этого не открою, положитесь на меня.

– Принимая во внимание положение, в которое я поставлен по отношению к вам, вы подходите к этому вопросу с удивительным спокойствием, сударыня, – сказал мистер Магнус.

– Жестокий мистер Магнус! – воскликнула леди средних лет, после чего залилась слезами.

– Обращайтесь со своими замечаниями ко мне, сэр, – прервал мистер Пиквик. – Если кто и виноват, то один я.

– О, вы один виноваты, не так ли, сэр? – сказал мистер Магнус. – Я... я... отлично понимаю. Вижу все насквозь, сэр. Теперь вы раскаиваетесь в своем решении, сэр, не так ли?

– В моем решении! – воскликнул мистер Пиквик.

– Да, в вашем решении, сэр! О! Не смотрите на меня, сэр, – сказал мистер Магнус. – Я помню ваши слова, сказанные вчера вечером, сэр. Вы явились сюда, сэр, с целью разоблачить предательство и обман одной особы, чьей правдивости и честности вы слепо доверяли, не так ли?

Тут мистер Питер Магнус позволил себе изобразить на лице саркастическую улыбку и, сняв зеленые очки, которые в припадке ревности, по-видимому, счел излишними, начал вращать маленькими глазками так, что страшно было смотреть.

– Не так ли? – сказал мистер Магнус, и улыбка его сделалась еще более саркастической. – Но вы поплатитесь за это, сэр!

– Поплачусь? За что? – спросил мистер Пиквик.

– Помалкивайте, сэр, – ответил мистер Магнус, шагая по комнате. – Помалкивайте!

Есть что-то всеобъемлющее в этом выражении «помалкивайте», ибо мы не можем вспомнить ни одной ссоры, коей мы были свидетелями, на улице, в театре, в общественном месте или где бы то ни было, которая не сопровождалась бы этим стандартным ответом на все воинственные вопросы. «Вы себя называете джентльменом, сэр?» – «Помалкивайте, сэр». – «Разве я позволю себе сказать что-нибудь обидное молодой женщине, сэр?» – «Помалкивайте, сэр». – «Вы что, хотите, чтобы я разбил вам голову об эту стенку, сэр?» «Помалкивайте, сэр». Замечательно, что в этом универсальном «помалкивайте, сэр», как будто скрывается какая-то едкая насмешка, пробуждающая в груди того, кому оно адресовано, больше негодования, чем может вызвать самая грубая брань.

Мы не будем утверждать, что эта реплика по адресу мистера Пиквика вызвала такое же негодование в душе мистера Пиквика, каковое безусловно вскипело бы в груди какой-нибудь вульгарной натуры. Мы только отмечаем факт, что мистер Пиквик открыл дверь и отрывисто крикнул:

– Тапмен, подите сюда!

Мистер Тапмен немедленно явился с выражением крайнего удивления на физиономии.

– Тапмен, – сказал мистер Пиквик, – тайна несколько деликатного свойства, касающаяся этой леди, послужила причиной столкновения между этим джентльменом и мною. Если я заверяю его, в вашем присутствии, что эта тайна не имеет никакого отношения к нему и не касается его личных дел, едва ли мне нужно просить вас иметь в виду, что если он и дальше будет настаивать на своем, тем самым он выразит сомнение в моей правдивости, и мне остается только рассматривать это как оскорбление.

И мистер Пиквик смерил взглядом мистера Питера Магнуса с ног до головы.

Почтенная и полная достоинства осанка мистера Пиквика вместе с отличавшими его силою и энергией выражений убедили бы всякого нормального человека, но, к несчастью, именно в этот момент рассудок мистера Питера Магнуса был в каком угодно состоянии, только не в нормальном. Вместо того чтобы удовлетвориться, как подобало бы ему, объяснениями мистера Пиквика, он немедленно начал раздувать в себе докрасна раскаленную, испепеляющую, всепожирающую злобу и говорить о своих чувствах и тому подобных вещах; он старался придать особую выразительность своей декларации тем, что шагал по комнате и ерошил волосы, – развлечение, которое он время от времени разнообразил, потрясая кулаком перед добродушным лицом мистера Пиквика.

В свою очередь мистер Пиквик, в сознании собственной невинности и правоты, а также раздраженный тем, что столь некстати поставил леди средних лет в неприятное положение, находился не в обычном для него мирном состоянии духа. В результате громкие слова произносились еще более громким голосом, пока, наконец, мистер Магнус не заявил мистеру Пиквику, что тот еще услышит о нем, на каковое заявление мистер Пиквик с похвальной

вежливостью ответил, что чем скорее он о нем услышит, тем лучше; вслед за сим леди средних лет в ужасе бросилась вон из комнаты, мистер Тапмен увлек мистера Пиквика, а мистер Питер Магнус был предоставлен самому себе и своим размышлениям.

Если бы леди средних лет больше общалась с деловым миром или была знакома с нравами и обычаями тех, кто составляет законы и устанавливает моды, она бы знала, что такого рода ожесточение – самая безобидная вещь в природе; но так как она почти всегда жила в провинции и никогда не читала отчетов о парламентских прениях, то была весьма мало осведомлена в подобных тонкостях цивилизованной жизни. Поэтому, когда она добралась до своей комнаты, заперлась и начала размышлять о сцене, которая сейчас произошла, в ее воображении возникли самые страшные картины кровопролития и смертоубийства; среди этих картин далеко не самой страшной был портрет в натуральную величину мистера Питера Магнуса с ружейным зарядом в груди, несомого домой четырьмя носильщиками. Чем больше размышляла леди средних лет, тем больше приходила в ужас; в конце концов она решила отправиться к главному городскому судье с просьбой безотлагательно задержать мистера Пиквика и мистера Тапмена.

К этому решению леди средних лет была приведена рядом соображений, из коих главным было то, что она тем самым даст неопровержимое доказательство своей преданности мистеру Питеру Магнусу и своих забот о его безопасности. Она слишком хорошо знала его ревнивый характер, чтобы отважиться хотя бы слегка намекнуть на истинную причину своего волнения при встрече с мистером Пиквиком, и она верила в силу своего влияния и в способность маленького человека поддаться ее убеждениям и умерить свою неистовую ревность, если мистер Пиквик будет удален и исчезнет повод к новой ссоре. Погруженная в такие мысли, леди средних лет облачилась в капор и шаль и направилась к дому мэра.

Джордж Напкинс, эсквайр, упоминаемый выше главный судья, был самой величественной особой, какую мог бы встретить самый быстрый ходок в промежуток времени от восхода до заката солнца в день двадцать первого июня, каковой день, согласно календарю, является самым длинным днем в году, что, естественно, обеспечивает ходоку наиболее продолжительный срок для поисков. В это именно утро мистер Панкине пребывал в состоянии край него возбуждения и раздражения, ибо в городе вспыхнул мятеж: приходящие воспитанники самой большой школы составили заговор с целью разбить стекла у ненавистного торговца яблоками, освистали бидла и забросали камнями констебля – пожилого джентльмена в сапогах с отворотами, вызванного для подавления мятежа, джентльмена, бывшего с юных лет и в течение полувека блюстителем порядка.

Мистер Напкинс восседал в своем удобном кресле, величественно хмурясь и кипя яростью, когда доложили о леди, пришедшей по срочному, приватному и важному делу. Мистер Напкинс принял ледяной и грозный вид и приказал впустить леди, каковое приказание, подобно всем распоряжениям монархов, судей и прочих могущественных земных владык, было немедленно исполнено, и мисс Уитерфилд, взволнованная и кокетливая, была введена.

– Мазль! – сказал судья.

Мазль был низкорослый слуга с длинным туловищем и короткими ногами.

– Мазль!

– Слушаю, ваша честь.

– Подайте кресло и удалитесь.

– Слушаю, ваша честь.

– Итак, сударыня, потрудитесь изложить ваше дело, – сказал судья.

– Это очень тягостное дело, сэр, – проговорила мисс Уитерфилд.

– Очень возможно, сударыня, – отозвался судья. Успокойтесь, сударыня! Мистер Напкинс принял милостивый вид. – И расскажите, по какому делу, подлежащему вниманию закона, вы сюда явились, сударыня.

Тут судья восторжествовал над человеком, и мистер Напкинс снова принял суровый вид.

– Мне очень неприятно, сэр, являться к вам с таким сообщением, – сказала мисс Уитерфилд, – но я боюсь, что здесь состоится дуэль.

– У нас, сударыня?! – воскликнул судья. – Где, сударыня?

– В Ипсуиче.

– В Ипсуиче, сударыня?.. Дуэль в Ипсуиче?! – снова вскричал судья, пришедший в ужас при этом сообщении. Невероятно, сударыня! Я уверен, что в нашем городе этого быть не может. Боже мой, сударыня, известна ли вам энергия наших местных властей? Может быть, вам случалось слышать, сударыня, как четвертого мая я ворвался на ринг в сопровождении только шестидесяти констеблей, с риском пасть жертвой разъяренной толпы. Я прекратил кулачное состязание между мидлсекским Дамплингом и саффокским Бентамом. Дуэль в Ипсуиче, сударыня! Я не верю... не верю, – продолжал судья, рассуждая сам с собой, – чтобы двое людей взяли на себя смелость замыслить такое нарушение мира в этом городе.

– К несчастью, то, что я сообщила, слишком верно, – сказала леди средних лет. – Я была свидетельницей ссоры.

– Это дело в высшей степени необычайное, – сказал пораженный судья. – Мазль!

– Слушаю, ваша честь.

– Пошлите сюда мистера Джинкса! Немедленно!

– Слушаю, ваша честь.

Мазль исчез, и бледный, остроносый, полуголодный, оборванный клерк средних лет вошел в комнату.

– Мистер Джинкс! – обратился к нему судья. – Мистер Джинкс!

– Сэр? – отозвался мистер Джинкс.

– Эта леди, мистер Джинкс, явилась сюда с сообщением о замышляемой у нас в городе дуэли.

Мистер Джинкс, не зная в точности, как ему поступить, раболепно улыбнулся.

– Над чем вы смеетесь, мистер Джинкс? – спросил судья.

Мистер Джинкс мгновенно принял серьезный вид.

– Мистер Джинкс, – сказал судья, – вы – болван!

Мистер Джинкс смиренно взглянул на великого мужа и закусил кончик пера.

– Вы можете, сэр, видеть в этом сообщении нечто смешное, но я должен сказать, мистер Джинкс, что смеяться тут нечего, – сказал судья.

Полуголодный Джинкс вздохнул, словно действительно удостоверился, что поводов для смеха у него было очень мало, и, получив приказание записать сообщение леди, потащился к столу и начал записывать.

– Этот Пиквик, как я понял, – дуэлянт? – спросил судья, когда заявление было записано.

– Вот именно, – сказала леди средних дет.

– А другой скандалист.... Как его имя, мистер Джинкс?

– Тапмен, сэр.

– Тапмен – секундант?

– Да.

– Второй дуэлянт, вы сказали, сударыня, скрылся?

– Да, – ответила мисс Уитерфилд, покашливая.

– Прекрасно! – заявил судья. – Эти два лондонских головореза, явившись сюда для истребления подданных его величества, воображают, что на таком расстоянии от столицы рука правосудия слаба и парализована. Они получат урок! Приготовьте ордера на арест, мистер Джинкс. Мазль!

– Слушаю, ваша честь.

– Граммер внизу?

– Да, ваша честь.

– Пошлите его сюда.

Раболепный Мазль исчез и скоро вернулся в сопровождении пожилого джентльмена в сапогах с отворотами, главными приметами которого были: распухший нос, хриплый голос, сюртук табачного цвета и блуждающий взор.

– Граммер! – обратился к нему судья.

– Ваш-шесть?

– В городе спокойно?

– Благополучно, ваш-шесть, – ответил Граммер. Народное волнение немного улеглось – мальчишки ушли играть в крикет.

– В такие времена, Граммер, нужны энергические меры, – решительно сказал судья. – Если ни во что не ставят авторитет королевских чиновников, надо прочесть во всеуслышание закон о мятеже[81]. Если гражданские власти не в состоянии защитить эти окна, Граммер, войска могут защитить и гражданскую власть и окна. Мне кажется, это – основное положение конституции, мистер Джинкс?

– Разумеется, сэр, – сказал Джинкс.

– Прекрасно, – продолжал судья, подписывая ордера. – Граммер, вы приведете этих людей ко мне сегодня же. Вы найдете их в «Большом Белом Коне». Вы помните историю с мидлсекским Дамплингом и саффокским Бентамом, Граммер?

Мистер Граммер покивал головой, давая понять, что никогда он этого не забудет. Впрочем, он и не мог забыть, поскольку об этом упоминалось ежедневно.

– А это еще более противоконституционный поступок, – продолжал судья, еще большее нарушение мира и спокойствия и грубое нарушение прерогатив его величества. Дуэль – одна из самых бесспорных прерогатив его величества, если я не ошибаюсь, не правда ли, мистер Джинкс?

– Особо оговоренная в Великой хартии[82], сэр, – ответил мистер Джинкс.

– Один из самых блестящих перлов британской короны, отторгнутый у его величества баронами, если я не ошибаюсь, не так ли, мистер Джинкс? – сказал судья.

– Совершенно верно, сэр, – ответил мистер Джинкс.

– Прекрасно! – сказал судья, горделиво приосанившись. – Прерогатива не должна быть попрана в этой части владений короля. Граммер, возьмите подкрепление я приведите эти приказы в исполнение как можно скорей. Мазль!

– Слушаю, ваша честь.

– Проводите леди.

Мисс Уитерфилд ушла, глубоко потрясенная учеными справками судьи; мистер Напкинс ушел завтракать; мистер Джинкс ушел в самого себя, ибо это было единственное место, куда он мог уйти, за исключением дивана, служившего ему постелью в маленькой общей комнате, которая днем была занята семьей его квартирной хозяйки; мистер Граммер ушел, дабы исполнением нового поручения смыть оскорбление, нанесенное ему и другому представителю его величества, бидлу, утром этого дня.

В то время как подготовлялись эти твердые и решительные меры к охранению «королевского мира», мистер Пиквик со своими друзьями, ничего не подозревая о надвигающихся великих событиях, мирно уселись за обед; все были разговорчивы и общительны. Мистер Пиквик только что начал рассказывать о своих ночных приключениях, к великому удовольствию учеников, а в особенности мистера Тапмена, как вдруг дверь открылась и какая-то противная физиономия просунулась в комнату. Глаза этой противной физиономии в течение нескольких секунд внимательно осматривали мистера Пиквика и, по всем признакам, остались вполне удовлетворены своим исследованием, ибо фигура, коей принадлежала противная физиономия, медленно втиснулась в комнату и предстала в образе пожилого субъекта в сапогах с отворотами. Чтобы не держать читателя и далее в неизвестности, скажем коротко: это были блуждающие глаза мистера Граммера, а фигура была фигурой этого же джентльмена.

Поведение мистера Граммера было профессиональным, но своеобразным. Первым его актом было запереть изнутри дверь на задвижку, вторым – тщательно вытереть голову и лицо бумажным носовым платком, третьим – положить шляпу, с бумажным носовым платком внутри, на ближайший стул, и четвертым – вытащить из внутреннего кармана сюртука короткий жезл, увенчанный медной короной, которым он, как мрачное привидение, поманил мистера Пиквика.

Мистер Снодграсс первый нарушил молчание, вызванное общим недоумением. Сначала он пристально посмотрел на мистера Граммера, а затем выразительно сказал:

– Это частное помещение, сэр... частное помещение.

Мистер Граммер покачал головой и ответил:

– Для его величества не существует частных помещений, раз мы переступили порог дома, таков закон. Воображают, будто дом англичанина – его крепость. Вздор!

Удивленные пиквикисты переглянулись.

– Кто из вас мистер Тапмен? – спросил мистер Граммер.

Интуитивно он представлял себе мистера Пиквика; его он узнал с первого взгляда.

– Мое имя Тапмен, – отозвался этот джентльмен.

– Мое имя – закон! – сказал мистер Граммер.

– Как? – задал вопрос мистер Тапмен.

– Закон! – ответил мистер Граммер. – Закон, власть гражданская и исполнительная – это мои титулы, а вот мое полномочие: «Пробел – Тапмен, пробел Пиквик[83]... против мира державного нашего государя короля[84]... и предусматривая». Все в надлежащем порядке. Вы арестованы, Пиквик и Тапмен... вышеназванные.

– Что значит эта наглость? – сказал мистер Тапмен, вскакивая с места. – Потрудитесь выйти отсюда!

– Ах, так! – крикнул мистер Граммер, быстро ретируясь к двери и приоткрывая ее на дюйм или на два, – Дабли!

– Здесь! – послышался густой низкий голос из коридора.

– Сюда, Дабли! – сказал мистер Граммер.

В ответ на команду грязнолицый мужчина ростом выше шести футов и соответственного сложения протиснулся в полуоткрытую дверь (сильно покраснев во время этой операции) и очутился в комнате.

– Другие специальные констебли за дверью, Дабли? – осведомился мистер Граммер.

Мистер Дабли, человек немногословный, утвердительно кивнул головой.

– Введите свой отряд, Дабли, – сказал мистер Граммер.

Мистер Дабли исполнил приказание, и в комнату ввалились человек шесть, снабженные дубинками с медной короной. Мистер Граммер засунул свой жезл в карман и посмотрел на

мистера Дабли, мистер Дабли засунул свой жезл в карман и посмотрел на отряд; констебли засунули свои жезлы в карман и посмотрели на мистеров Тапмена и Пиквика.

Мистер Пиквик и его ученики встали как один человек.

– Что означает это грубое вторжение в помещение, которое я занимаю? – сказал мистер Пиквик.

– Кто смеет меня арестовать? – сказал мистер Тапмен.

– Что вам здесь нужно, канальи? – сказал мистер Снодграсс.

Мистер Уинкль не сказал ничего, но уставился на Граммера и пожаловал его таким взглядом, который пронзил бы насквозь его мозг, если бы Граммер был способен что-нибудь почувствовать. Но при существующем положении вещей сколько-нибудь заметного воздействия этот взгляд не оказал.

Когда представители исполнительной власти заметили, что мистер Пиквик и его друзья склонны оказать сопротивление закону, они крайне выразительно засучили рукава, словно сшибить сперва с ног, а затем подобрать – акт чисто профессиональный; нужно было только решиться, а уж там все произойдет само собою. Эта демонстрация не ускользнула от внимания мистера Пиквика. Пошептавшись несколько секунд с мистером Тапменом, он выразил готовность отправиться в резиденцию мэра, но попросил всех прибывших и прибывающих иметь в виду его твердое намерение немедленно по освобождении протестовать против такого чудовищного нарушения его привилегий англичанина; в ответ на это все прибывшие и прибывающие очень весело расхохотались, за исключением одного мистера Граммера, который, по-видимому, считал, что малейшее сомнение в божественном праве судей есть недопустимое кощунство.

Но когда мистер Пиквик выразил готовность склониться пред законами своей страны и когда лакеи, конюхи, горничные, форейторы, которые предвкушали приятную суматоху, вытекавшую из его угрожающего упрямства, начали расходиться, разочарованные в своих ожиданиях, возникло одно непредвиденное затруднение. Несмотря на все свое почтение к законным властям, мистер Пиквик решительно возражал против появления на людных улицах в окружении и под охраной служителей правосудия, подобно простому преступнику. Мистер Граммер, принимая во внимание смятенные чувства населения (ибо день был полупраздничный и мальчишки еще не разошлись по домам), столь же решительно возражал против того, чтобы идти по другой стороне улицы, и отказывался поверить на слово мистеру Пиквику, что тот отправится прямо к судье, а мистер Пиквик и мистер Тапмен не менее энергически протестовали против расходов по найму кареты, являющейся единственным респектабельным экипажем, какой можно было получить. Спор разгорался, а дилемма оставалась неразрешимой; но как раз в тот момент, когда исполнительная власть собиралась преодолеть нежелание мистера Пиквика отправиться к судье избитым способом, заключавшимся в том, чтобы отнести его туда, кто-то вспомнил, что во дворе гостиницы стоит старый портшез[85], который, будучи первоначально сооружен для подагрического джентльмена солидных размеров, выдержит мистера Пиквика не хуже, чем современный легкий двухместный экипаж. Портшез был нанят и доставлен в вестибюль гостиницы, мистер Пиквик и мистер Тапмен втиснулись в него и опустили шторы; два носильщика были быстро найдены, и процессия тронулась в путь в торжественном порядке. Специальные констебли окружали носилки; мистер Граммер и мистер Дабли с триумфом шагали впереди; мистер Снодграсс и мистер Уинкль шли рука об руку сзади; а неумытое население Ипсуича замыкало шествие.

Для городских лавочников, – хотя они имели очень смутное представление о природе преступления, – это зрелище не могло не быть весьма назидательным и благотворным. Это была властная рука правосудия, опустившаяся с силой двадцати золотобитов на двух преступников, прибывших из самой столицы; могучей машиной руководил их собственный

судья, и ее обслуживали их собственные блюстители порядка; и благодаря их соединенным усилиям оба преступника были надежно заперты в тесном портшезе. Многочисленны были одобрительные и восторженные возгласы, приветствовавшие мистера Граммера, когда он с жезлом в руке возглавлял шествие, громки и протяжны были крики, поднятые неумытыми гражданами, и среди этих единодушных изъявлений общественного одобрения процессия подвигалась медленно и величественно вперед.

Мистер Уэллер в утренней куртке с черными коленкоровыми рукавами возвращался в довольно мрачном расположении духа после безрезультатного созерцания таинственного дома с зеленой калиткой, как вдруг, подняв глаза, узрел толпу, запрудившую улицу и окружавшую некий предмет, весьма похожий на портшез. Желая отвлечь мысли от своего неудачного предприятия, он отступил в сторону, чтобы поглазеть на толпу, и, убедившись, что она выражает восторг преимущественно для собственного своего удовольствия, немедленно начал (для поднятия своего духа) тоже орать изо всех сил.

Проследовал мистер Граммер, проследовал мистер Дабли, проследовал портшез, проследовал отряд охраны, а Сэм все еще отвечал на восторженные клики толпы и размахивал шляпой, словно был вне себя от радости (хотя, конечно, он ни малейшего представления не имел о происходящем), как вдруг его остановило неожиданное появление мистера Уинкля и мистера Снодграсса.

– Что за шум, джентльмены? – крикнул Сэм. – Кто там у них сидит в этой траурной будке?

Оба джентльмена ответили в один голос, но их слова потонули в гуле.

– Кто? – снова крикнул Сэм.

Ему еще раз в один голос был дан ответ, и хотя слов не было слышно, Сэм догадался по движению двух пар губ, что они произнесли магическое слово «Пиквик».

Этого было достаточно. В одну минуту мистер Уэллер проложил себе дорогу в толпе, остановил носильщиков и преградил путь осанистому Граммеру.

– Эй, почтенный джентльмен! – крикнул Сэм. – Кого вы запрятали в это-вот сооружение?

– Назад! – сказал мистер Граммер, у которого, как и у многих других людей, чувство собственного достоинства удивительно возросло благодаря незначительной популярности.

– Дайте ему хорошенько, чтоб не лез, – посоветовал мистер Дабли.

– Я вам очень признателен, почтенный джентльмен, – отвечал Сэм, – за вашу заботу о моих удобствах, и я еще более признателен за прекрасный совет другому джентльмену, у которого такой вид, будто он только что удрал из каравана великанов, но я бы предпочел, чтобы вы ответили на мой вопрос, если вам все равно... Как поживаете, сэр?

Это последнее замечание было адресовано покровительственным тоном мистеру Пиквику, который смотрел в переднее оконце.

Мистер Граммер, онемев от негодования, извлек из особого кармана жезл с медной короной и помахал им перед глазами Сэма.

– А! – сказал Сэм. – Очень милая вещица, особенно корона, совсем как настоящая.

– Назад! – кричал возмущенный мистер Граммер.

Чтобы придать силу своему распоряжению, он ткнул медной эмблемой королевской власти в галстук Сэма и схватил его другой рукой за шиворот любезность, на которую мистер Уэллер ответил, сбив его с ног одним ударом, предварительно и весьма заботливо уложив под него одного из носильщиков.

Был ли мистер Уинкль охвачен временным припадком того безумия, какое порождают оскорбленные чувства, или воодушевлен доблестным примером мистера Уэллера, неизвестно, но известен тот факт, что, едва узрев поверженного мистера Граммера, он храбро налетел на мальчишку, который стоял возле него, после чего мистер Снодграсс, действуя в истинно христианском духе и с целью никого не застигнуть врасплох, громко провозгласил, что намерен

приступить к действию, и с величайшей заботливостью начал снимать сюртук. Он был немедленно окружен и обезврежен; и нужно отдать справедливость как ему, так и мистеру Уинклю, – они не сделали ни малейшей попытки ни к своему освобождению, ни к освобождению мистера Уэллера, который, после самого энергического сопротивления, был сломлен численно превосходящим противником и захвачен в плен. Затем процессия перестроилась, носильщики снова заняли свои места, и шествие возобновилось.

Негодование мистера Пиквика в течение всей сцены было безгранично. Он мог видеть только, как Сэм метался и опрокидывал специальных констеблей, и больше он ничего не видел, ибо дверцы портшеза не открывались, а шторы не поднимались. Наконец, с помощью мистера Тапмена ему удалось откинуть крышку портшеза. Взобравшись на сиденье и придерживаясь за плечо этого джентльмена, чтобы не потерять равновесия, мистер Пиквик обратился к толпе с речью: он настаивал на недопустимом способе обращения с ним и призывал всех в свидетели, что его слуга первый подвергся нападению. Таким порядком приблизились они и к дому судьи, носильщики бежали рысью, арестованные следовали за ними, мистер Пиквик ораторствовал, толпа кричала.

ГЛАВА XXV,

показывающая, наряду с приятными вещами, сколь величественен и беспристрастен был мистер Напкинс и как мистер Уэллер отбил волан мистера Джоба Троттера с такою же силой, с какою тот был пущен; и повествующая еще кое о чем, что обнаружится в подлежащем месте

Велико было негодование мистера Уэллера, когда его уносили; многочисленны были намеки на наружность и манеры мистера Граммера и его спутника, и доблестны были выпады против каждого из шести державших его джентльменов, выражавшие его неудовольствие. Мистер Снодграсс и мистер Уинкль прислушивались с мрачным почтением к потоку красноречия, который изливал их учитель из портшеза и быстрое течение коего ни на мгновение не прерывалось, невзирая на самые пылкие мольбы мистера Тапмена опустить верх экипажа.

Но гнев мистера Уэллера быстро уступил место любопытству, когда шествие свернуло к тому самому двору, где он встретился со сбежавшим Джобом Троттером; а любопытство сменилось радостным изумлением, когда напыщенный мистер Граммер, приказав носильщикам остановиться, приблизился степенным и торжественным шагом к зеленой калитке, из которой не так давно выходил Джоб Троттер, и сильно дернул ручку колокольчика, висевшую у калитки. На звонок явилась очень изящная и хорошенькая служанка, которая сначала всплеснула руками, изумленная мятежным видом арестованных и страстной речью мистера Пиквика, затем вызвала мистера Мазля. Мистер Мазль открыл одну половину ворот, чтобы пропустить портшез, пленников и констеблей, и немедленно захлопнул ее перед носом толпы, которая, возмущаясь тем, что ее отстранили, и горя желанием видеть происходящее, дала исход своим чувствам и начала колотить ногами в ворота и дергать ручку колокольчика, каковое занятие продолжалось без перерыва около двух часов. Этой забаве предавались все по очереди, за исключением трех-четырех счастливцев, обнаруживших в воротах щель, через которую ничего не было видно, и смотревших сквозь нее с той неутомимой настойчивостью, с какой люди прижимаются носом к выходящим на улицу окнам аптеки, когда в задней комнате подвергается врачебному осмотру пьяный, которого опрокинула на улице двуколка.

Перед лестницей, ведущей к двери дома, которая с обеих сторон охранялась агавами в зеленых кадках, портшез остановился. Мистера Пиквика и его друзей препроводили в вестибюль, откуда, после предварительного доклада мистера Мазля и распоряжения, отданного мистером Напкинсом, их провели наверх, где они и предстали перед «его честью», посвятившим себя заботе об общественном благоденствии.

Зрелище было величественное, рассчитанное на то, чтобы поразить ужасом сердца преступников и внушить им соответствующее представление о суровом величии закона. Перед огромным книжным шкафом, в огромном кресле, за огромным столом, перед огромным фолиантом восседал мистер Панкине, казавшийся вдвое больше любого из этих предметов, как ни были они огромны. Стол был завален кипами бумаг; на дальнем его конце виднелись голова и плечи мистера Джинкса, который деловито старался принять деловитый вид. Когда все вошли, мистер Мазль старательно запер дверь и поместился за креслом своего хозяина в ожидании распоряжений. Мистер Напкинс откинулся назад с волнующей торжественностью и изучал лица своих гостей, явившихся сюда не по доброй воле.

– Граммер, кого вы привели? – спросил мистер Напкинс, указывая на мистера Пиквика, который взял на себя роль представителя своих друзей и стоял со шляпой в руке, кланяясь с величайшей учтивостью и почтением.

– Это-вот Пиквик, ваш-шесть, – сказал Граммер.

– Ну-ну, никаких «этих-вот», старый трут! – вмешался мистер Уэллер, проталкиваясь в первый ряд. – Прошу прощенья, сэр, но этот ваш чин в непромокаемых сапогах никогда не заработает на приличную жизнь, если сделается где-нибудь церемониймейстером. Это-вот, сэр, – продолжал мистер Уэллер, отстраняя Граммера и с приятной фамильярностью обращаясь к судье, это-вот мистер Пиквик, эсквайр, это-вот мистер Тапмен, это-вот мистер Снодграсс, а по другую сторону от него мистер Уинкль – все очень порядочные джентльмены, сэр, с которыми вы рады будете познакомиться; и потому, чем скорее вы отправите месяца на два этих-вот своих чинов на ступальную мельницу[86], тем скорее мы придем к приятному соглашению. Сперва дело, потом удовольствие, как говорил король Ричард Третий[87], когда заколол другого короля в Тауэре, раньше чем придушить детей.

В заключение этой речи мистер Уэллер почистил шляпу правым локтем и благосклонно кивнул головой Джинксу, который слушал все это с невыразимым ужасом.

– Кто этот человек, Граммер? – спросил судья.

– Отчаянный тип, ваш-шесть, – ответил Граммер. – Он пытался освободить арестованных и совершил нападение на констеблей, тогда мы его задержали и привели сюда.

– Вы поступили правильно, – ответствовал судья. – По-видимому, это отчаянный головорез!

– Это мой слуга, сэр, – раздраженно сказал мистер Пиквик.

– А, это ваш слуга, вот как? – переспросил мистер Панкине. – Заговор с целью противодействия правосудию и убийства его представителей. Слуга Пиквика. Мистер Джинкс, запишите.

Мистер Джинкс записал.

– Как вас зовут, любезный? – прогремел мистер Панкине.

– Веллер, – ответил Сэм.

– Прекрасное имя для Ньюгетского справочника[88], – сказал мистер Напкинс.

Это была острота; поэтому Джинкс, Граммер, Дабли, все специальные констебли и Мазль разразились смехом, длившимся пять минут.

– Запишите его имя, мистер Джинкс, – сказал судья.

– Два л, приятель, – сказал Сэм.

Тут один злополучный специальный констебль снова засмеялся, за что судья пригрозил отдать его немедленно под стражу. В таких случаях опасно смеяться некстати.

– Где вы живете? – спросил судья.

– Где придется, – ответил Сэм.

– Запишите, мистер Джинкс, – сказал судья, гнев которого быстро нарастал.

– И подчеркните, – сказал Сэм.

– Он бродяга, мистер Джинкс, – сказал судья. Бродяга, по собственному признанию. – Не так ли, мистер Джинкс?

– Разумеется, сэр.

– В таком случае я его как бродягу вверю... вверю надежной охране, – сказал мистер Напкинс.

– Вот страна беспристрастного правосудия! – сказал Сэм. – Судья вдвое больше верит другим, чем себе.

Услышав этот выпад, засмеялся еще один специальный констебль, но тотчас попытался придать себе такой неестественно торжественный вид, что судья немедленно и безошибочно открыл виновника.

– Граммер! – сказал мистер Напкинс, краснея от гнева. – Как вы посмели назначить специальным констеблем такого негодного и бесстыдного субъекта? Как вы посмели, сэр?

– Простите, ваш-шесть, – пробормотал Граммер.

– Простите! – воскликнул взбешенный судья. – Вы раскаетесь в таком небрежном отношении к своему долгу, мистер Граммер! Вы будете примерно наказаны! Отнимите жезл у этого молодца, он пьян. Вы пьяны, любезный!

– Я не пьян, ваша честь, – сказал тот.

– Вы пьяны, – возразил судья. – Как вы смеете говорить, что не пьяны, сэр, когда я говорю, что вы пьяны? От него пахнет спиртом, Граммер?

– Ужасно, ваш-шесть, – ответил Граммер, у которого было смутное впечатление, будто около него пахнет ромом.

– Я наперед знал, что он пьян, – сказал мистер Напкинс. – Как только он вошел, я по его возбужденному взгляду сразу увидел, что он пьян. Вы заметили его возбужденный взгляд, мистер Джинкс?

– Разумеется, сэр.

– Сегодня у меня во рту не было ни капли спиртного, – сказал человек, который всегда был трезвенником.

– Как вы смеете мне лгать! – воскликнул мистер Панкине. – Он пьян, мистер Джинкс?

– Разумеется, сэр, – ответил Джинкс.

– Мистер Джинкс, – сказал судья, – я арестую этого человека за неуважение к суду. Составьте акт о взятии его под стражу, мистер Джинкс.

И специального констебля взяли бы под стражу, если бы Джинкс, который был советчиком судьи (ибо получил юридическое образование, проведя три года в конторе провинциального адвоката), не шепнул судье, что, по его мнению, этого не следует делать; посему судья произнес речь и сказал, что, снисходя к семье констебля, он ограничится выговором и освобождением его от обязанностей. В соответствии с этим он в течение четверти часа горячо отчитывал специального констебля, а затем отправил его восвояси. Граммер, Дабли, Мазль и другие специальные констебли что-то бормотали, восхищаясь великодушием мистера Напкинса.

– А теперь, мистер Джинкс, – сказал судья, – снимите показания с Граммера.

Граммер тотчас же приступил к даче показаний под присягою; но так как Граммер сбивался в своих показаниях, а час обеда мистера Напкинса приближался, мистер Напкинс сократил процедуру, задавая Граммеру наводящие вопросы, на которые Граммер отвечал по мере сил удовлетворительно. Таким образом, допрос прошел очень гладко и плавно: мистеру Уэллеру было предъявлено обвинение в двух случаях применения физического насилия, мистеру Уинклю – в угрозах, а мистеру Снодграссу – в подстрекательстве. Когда все это к

удовольствию судьи закончилось, судья и мистер Джинкс приступили к совещанию, которое вели шепотом.

После совещания, длившегося минут десять, мистер Джинкс удалился к своему концу стола, а судья, предварительно откашлявшись, выпрямился в кресле и приготовился произнести речь, как вдруг вмешался мистер Пиквик.

– Простите, сэр, если я перебиваю вас, – сказал мистер Пиквик, – но, раньше чем вы начнете говорить и действовать согласно тому мнению, какое могли себе составить на основании данных здесь показаний, я должен заявить о своем праве быть выслушанным, поскольку я лично в этом заинтересован.

– Попридержите язык, сэр! – повелительно сказал судья.

– Я должен подчиниться, сэр, – сказал мистер Пиквик.

– Попридержите язык, сэр, – перебил судья, – или я прикажу вас вывести.

– Вы можете приказать своим подчиненным все, что вам угодно, сэр, – сказал мистер Пиквик. – Узнав на собственном опыте субординацию, какая ими соблюдается, я нимало не сомневаюсь, что любое ваше приказание будет исполнено, сэр, но беру на себя смелость, сэр, заявить, что я настаиваю на своем праве быть выслушанным, пока меня не выведи насильно!

– Пиквик и принцип! – воскликнул мистер Уэллер звучным голосом.

– Сэм, молчите, – сказал мистер Пиквик.

– Нем, как прорванный барабан, сэр, – ответил Сэм.

Мистер Напкинс устремил крайне изумленный взгляд на мистера Пиквика, проявившего столь необычайную смелость, и, казалось, собирался дать весьма гневную отповедь, но в это время мистер Джинкс дернул его за рукав и шепнул ему что-то на ухо. На это судья ответил вполголоса, и шепот возобновился. Джинкс, по-видимому, в чем-то его убеждал.

Наконец, судья, проглотив с кислой миной свое нежелание слушать, повернулся к мистеру Пиквику и резко спросил:

– Что вам угодно сказать?

– Во-первых, – начал мистер Пиквик, бросая сквозь очки взгляд, от которого даже Напкинс дрогнул, – во-первых, я желаю звать, на каком основании привели сюда меня и моего друга?

– Обязан я отвечать ему? – шепнул судья Джинксу.

– Я думаю, что вы лучше сделаете, если ответите, сэр, – шепнул Джинкс судье.

– Мне дана была под присягою информация, – сказал судья, – что есть основания опасаться дуэли, которую вы затеваете, а этот другой обвиняемый, Тапмен, ваш сообщник и подстрекатель. Посему... ну как, мистер Джинкс?

– Разумеется, сэр.

– Посему я постановляю вас обоих... мне кажется, я не ошибаюсь, мистер Джинкс?

– Разумеется, сэр.

– Э... э, что, мистер Джинкс? – раздражительно спросил судья.

– Найти поручителей, сэр.

– Именно. Посему я постановляю, как я уже начал говорить, когда меня перебил мой клерк... постановляю найти поручителей.

– Надежных поручителей, – прошептал Джинкс.

– Я потребую надежных поручителей, – сказал судья.

– Из жителей этого города, – прошептал Джинкс.

– Которые должны быть жителями этого города, – сказал судья.

– Пятьдесят фунтов каждый, – прошептал Джинкс, – и, конечно, домохозяева.

– Я потребую два залога по пятьдесят фунтов каждый, – сказал судья громко и с большим достоинством, – и поручители, конечно, должны быть домохозяева.

– Помилуй бог, сэр! – воскликнул мистер Пиквик, который, как и мистер Тапмен, был вне себя от изумления и негодования. – Мы совершенно чужие люди в этом городе. У меня нет ни одного знакомого среди здешних домохозяев, точно так же как нет ни малейшего намерения драться с кем бы то ни было на дуэли.

– Возможно... возможно... – промолвил судья, – не так ли, мистер Джинкс?

– Разумеется, сэр.

– Что вы имеете еще сказать? – осведомился судья.

Мистер Пиквик имел сказать многое и несомненно сказал бы, далеко не к своей выгоде и не к удовольствию судьи, если бы его в тот самый момент, когда он сделал свое заявление, не дернул за рукав мистер Уэллер, с которым он немедленно завязал столь оживленный разговор, что вовсе не слышал вопроса судьи. Мистер Напкинс не принадлежал к числу людей, способных повторять подобного рода вопросы, и посему, предварительно откашлявшись, он приступил к вынесению приговора, сопровождавшемуся почтительным и восхищенным молчанием констеблей.

Он приговаривал Уэллера уплатить штраф в два фунта за первое применение физического насилия и в три фунта за второе. Он приговаривал Уинкля к уплате штрафа в два фунта, а Снодграсса в один фунт и сверх того потребовал от них подписки в том, что они будут пребывать в мире с подданными его величества и, в частности, с его верноподданным слугой Дэниелем Граммером. Пиквика и Тапмена он уже обязал представить поручителей.

Как только судья умолк, мистер Пиквик с улыбкой, вновь засиявшей на его благодушной физиономии, шагнул вперед и сказал:

– Прошу прощенья у судьи, но не предоставит ли он мне несколько минут для конфиденциального разговора с ним по вопросу, чрезвычайно важному для него самого?

– Что? – сказал судья.

Мистер Пиквик повторил свою просьбу.

– Это в высшей степени необыкновенная просьба, – сказал судья. – Конфиденциальная беседа?

– Конфиденциальная беседа, – подтвердил мистер Пиквик, – но так как часть тех сведений, которые я желаю сообщить, получены от моего слуги, то я хотел бы, чтобы он при этом присутствовал.

Судья посмотрел на мистера Джинкса; мистер Джинкс посмотрел на судью; полицейские с изумлением посмотрели друг на друга. Мистер Напкинс вдруг побледнел. Может быть, этот Уэллер, в минуту раскаяния, желает раскрыть какой-нибудь тайный заговор, составленный против его жизни? Об этом страшно было подумать. Ведь он общественный деятель, и он побледнел еще больше, вспомнив Юлия Цезаря и мистера Персевела[89].

Судья снова посмотрел на мистера Пиквика и сделал знак мистеру Джинксу.

– Что вы думаете об этой просьбе, мистер Джинкс? – прошептал мистер Напкинс.

Мистер Джинкс, который хорошенько не знал, что о ней думать, и боялся промахнуться, нерешительно улыбнулся и, скривив губы, медленно покачал головой!

– Мистер Джинкс, вы осел! – торжественно сказал судья.

Услышав такое заключение, мистер Джинкс снова улыбнулся – улыбка вышла более бледной, чем в первый раз, – и шаг за шагом отступил в свой угол.

Мистер Напкинс в течение нескольких секунд обдумывал вопрос самостоятельно, а затем, встав с кресла и предложив мистеру Пиквику и Сэму следовать за ним, направился в маленькую комнату, которая сообщалась с камерой судьи. Предложив мистеру Пиквику удалиться в другой

конец маленькой комнаты и придерживая рукой приоткрытую дверь, дабы иметь возможность отступить немедленно при малейшем намеке на враждебные действия, он выразил готовность выслушать сообщение.

– Приступаю прямо к делу, сэр, – сказал мистер Пиквик, – оно существенно затрагивает вас и ваше доброе имя. У меня есть все основания предполагать, сэр, что вы укрываете в своем доме грубого самозванца!

– Двух! – перебил Сэм. – Шелковичная пара оскорбляет всю вселенную слезами и подлостью!

– Сэм! – сказал мистер Пиквик. – Дабы этот джентльмен меня понял, я должен просить вас сдерживать свои чувства.

– Простите, сэр, – отозвался мистер Уэллер, – но стоит мне подумать об этом-вот Джобе, и я должен приоткрыть клапан дюйма на два.

– Словом, сэр, – продолжал мистер Пиквик, – прав ли мой слуга, когда подозревает, что некий капитан Фиц-Маршалл часто бывает у вас в доме? Потому что, добавил мистер Пиквик, заметив, что мистер Напкинс готов его прервать с величайшим негодованием, – если это так, я знаю, что этот человек...

– Тише, тише, – сказал мистер Напкинс, закрывая дверь. – Вы знаете, сэр, что этот человек...

– Беспринципный авантюрист, бесчестный человек, который живет на чужой счет и делает легковерных людей своими жертвами, сэр, – нелепыми, одураченными, несчастными жертвами, сэр! – ответил взволнованный мистер Пиквик.

– Боже мой! – воскликнул мистер Напкинс, густо краснея и мгновенно меняя тон. – Боже мой, мистер...

– Пиквик, – подсказал Сэм.

– Пиквик, – повторил судья, – боже мой, мистер Пиквик... пожалуйста, присядьте... что вы говорите? Капитан Фиц-Маршалл?

– Не называйте его ни капитаном, ни Фиц-Маршаллом, – сказал Сэм, – он ни то, ни другое. Бродячий актер, вот кто он такой, а зовут его Джингль! А если есть на свете волк в шелковичной паре, так это Джоб Троттер!

– Это истинная правда, сэр, – сказал мистер Пиквик, отвечая на изумленный взгляд судьи. – В этом городе у меня есть одно только дело: разоблачить человека, о котором мы сейчас говорим.

Мистер Пиквик начал передавать в пораженное ужасом ухо мистера Напкинса краткий перечень преступлений мистера Джингля. Он рассказал, как встретился с ним впервые, как Джингль удрал с мисс Уордль, как он за денежное вознаграждение беззаботно отказался от этой леди, как он его самого заманил в женский пансион в полночь и как он (мистер Пиквик) считает теперь своим долгом уличить его в присвоении носимого им в настоящее время имени и звания.

По мере того как развертывался рассказ, вся горячая кровь в теле мистера Напкинса поднялась до самых кончиков его ушей. Он подцепил капитана на соседнем ипподроме. Очарованные длинным списком его аристократических знакомств, его путешествиями в дальние страны и изысканными манерами, миссис Напкинс и мисс Напкинс демонстрировали капитана Фиц-Маршалла, цитировали капитана Фиц-Маршалла, носились с капитаном Фиц-Маршаллом в избранном кружке своих знакомых так, что их закадычные друзья, миссис Поркенхем, и все мисс Поркенхем, и мистер Сидни Поркенхем готовы были умереть от зависти и отчаяния. А теперь узнать вдруг, что он нищий, авантюрист, бродячий комедиант, и если не мошенник, то так похож на мошенника, что разницу установить трудно! О небо! Что скажут Поркенхемы! Каково будет торжество мистера Сидни Поркенхема, когда он узнает, что его

ухаживанием пренебрегли ради такого соперника! Как встретит он, Напкинс, взгляд старого Поркенхема на ближайшей квартальной сессии судей! А какой это будет козырь для оппозиционной партии, когда эта история разгласится!

– Но в конце концов, – сказал после долгого молчания, на секунду повеселев, мистер Напкинс, – в конце концов это голословное заявление. Капитан Фиц-Маршалл – человек с обворожительными манерами, и, я думаю, у него немало врагов. Какими, скажите, пожалуйста, доказательствами вы можете подкрепить это сообщение?

– Сведите меня с ним, – сказал мистер Пиквик, – вот все, о чем я прошу и на чем настаиваю. Сведите с ним меня и моих друзей, больше никаких доказательств не понадобится.

– Ну, что ж, – сказал мистер Напкинс, – это очень не трудно сделать, так как он будет у меня сегодня вечером, а затем нет необходимости предавать это дело огласке, ради... ради, знаете ли, самого молодого человека. Но прежде всего я бы хотел обсудить с миссис Напкинс уместность такого шага. Во всяком случае, мистер Пиквик, мы должны покончить с этим судебным делом раньше, чем предпринять что-либо другое. Не угодно ли вам вернуться в соседнюю комнату?

И они вернулись в соседнюю комнату.

– Граммер! – произнес грозным голосом судья.

– Ваш-шесть? – отозвался Граммер, улыбаясь, как улыбаются фавориты.

– Пожалуйста, сэр, – сурово сказал судья, – избавьте меня от такого легкомыслия. Оно весьма неуместно, и, смею уверить, у вас мало оснований улыбаться. Показания, которые вы мне только что дали, в точности соответствуют положению вещей? Только будьте осторожны, сэр.

– Ваш-шесть, – заикаясь, начал Граммер, – я...

– Ага, вы смущены! – сказал судья. – Мистер Джинкс, вы замечаете это смущение?

– Разумеется, сэр, – ответил Джинкс.

– Повторите ваше показание, Граммер, – сказал судья, – и я еще раз предупреждаю вас: будьте осторожны. Мистер Джинкс, записывайте его слова.

Злополучный Граммер начал снова излагать свою жалобу, но, в силу того что мистер Джинкс запечатлевал его слова, а судья припечатывал их, а также из-за своей природной склонности говорить бессвязно и крайнего смущения, он меньше чем в три минуты запутался в такой паутине противоречий, что мистер Напкинс тут же заявил о том, что не верит ему. Поэтому штрафы были отменены, а мистер Джинкс мгновенно нашел двух поручителей.

Когда вся эта торжественная процедура была закончена удовлетворительным образом, мистер Граммер был позорно изгнан – устрашающий пример того, сколь неустойчиво человеческое величие и сколь ненадежно благоволение великих людей.

Миссис Напкинс была величественная дама в ярко-розовом газовом тюрбане и светло-каштановом парике. Мисс Напкинс обладала всем высокомерием мамаши, но без тюрбана, и ее злобным нравом, но без парика, и всякий раз, когда проявление этих двух милых качеств сталкивало мать и дочь с какой-нибудь неприятной проблемой, что случалось нередко, они действовали сообща, слагая вину на плечи мистера Напкинса. Поэтому, когда мистер Напкинс отыскал миссис Напкинс и передал сообщение, сделанное мистером Пикником, миссис Напкинс вдруг припомнила, что она всегда подозревала нечто в этом роде, она всегда говорила, что это случится, ее советам никогда не следовали, она поистине не знает, за кого ее принимает мистер Напкинс, и так далее и так далее.

– Подумать только! – воскликнула мисс Напкинс, выжимая из уголков глаз по слезинке весьма миниатюрных размеров. – Подумать только, что меня так одурачили!

– О! Ты можешь поблагодарить своего папашу, дорогая моя, – сказала миссис Напкинс. – Как я молила и просила этого человека разузнать о семье капитана, как я настаивала и

убеждала его сделать какой-нибудь решительный шаг! Я совершенно уверена, что никто этому не поверит... никто.

– Но, дорогая моя... – начал мистер Напкинс.

– Молчи, несносный! Молчи! – сказала миссис Напкинс.

– Милая моя, – сказал мистер Напкинс, – ты не скрывала своей глубокой симпатии к капитану Фиц-Маршаллу. Ты постоянно приглашала его к нам, моя дорогая, и не упускала случая ввести его в другие дома.

– А что я тебе говорила, Генриетта? – тоном глубоко оскорбленной женщины воскликнула миссис Напкинс, взывая к дочери. – Не говорила ли я, что твой папа вывернется и во всем будет обвинять меня? Не говорила я?

При этом миссис Напкинс расплакалась.

– О папа! – с упреком воскликнула мисс Напкинс. И тоже расплакалась.

– Это уж слишком – укорять меня, будто я виновата во всем, когда он сам поставил нас в такое позорное и смешное положение! – возопила миссис Напкинс.

– Как мы теперь покажемся в обществе! – сказала мисс Напкинс.

– Как мы встретимся с Поркенхемами! – воскликнула миссис Напкинс.

– Или с Григгами! – воскликнула мисс Напкинс.

– Или со Сламминтаукенами! – воскликнула миссис Напкинс. – Но какое до этого дело твоему папе! Ему что!

При этой ужасной мысли миссис Напкинс в отчаянии зарыдала, и мисс Напкинс последовала ее примеру.

Слезы миссис Напкинс продолжали струиться с большой стремительностью, пока она выгадывала время, чтобы обдумать создавшееся положение, и пока не решила мысленно, что наилучшим выходом будет предложить мистеру Пиквику и его друзьям остаться у них до прибытия капитана и таким образом предоставить мистеру Пиквику случай, которого он искал. Если выяснится, что он сказал правду, капитану можно будет отказать от дома, не разглашая этой истории, а Поркенхемам объяснить его исчезновение, сказав, что благодаря влиянию его семьи при дворе он назначен на пост генерал-губернатора в Сьерра-Леоне, или Соугер Пойнт, или еще в какое-нибудь из тех мест с целебным климатом, которые так очаровывают европейцев, что им редко удается, раз попав туда, вернуться на родину.

Когда миссис Панкине осушила свои слезы, то и мисс Напкинс осушила свои, и мистер Напкинс был очень рад уладить дело так, как предлагала миссис Напкинс. Таким образом, мистер Пиквик и его друзья, смывшие все следы недавнего столкновения, были приглашены к обеим леди и вскоре после этого – к обеду; а мистер Уэллер, которого судья со свойственной ему проницательностью признал по истечении получаса одним из чудеснейших малых, был препоручен заботам и попечению мистера Мазля, который уделил ему особое внимание и с превеликим удовольствием повел его вниз.

– Как вы себя чувствуете, сэр? – осведомился мистер Мазль, провожая мистера Уэллера в кухню.

– Никакой особой перемены не произошло в моем организме с тех пор, как вы торчали за креслом вашего командира в кабинете, – ответил Сэм.

– Вы простите, что я в то время не обратил на вас должного внимания, – сказал мистер Мазль. – Нас хозяин тогда еще не познакомил. Ах, как вы ему понравились, мистер Уэллер, уверяю вас!

– Да что вы! – отозвался Сэм. – Это в высшей степени любезно с его стороны.

– Не правда ли? – подхватил мистер Мазль.

– Такой шутник... – продолжал Сэм.

– И такой мастер говорить, – сказал мистер Мазль. – Как мысли-то у него текут!

– Удивительно! – ответил Сэм. – Они так и брызжут и стукаются головами так, что как будто оглушают друг друга. Трудно даже догадаться, куда он клонит!

– Да, это великое достоинство его слога, – заметил мистер Мазль. – Осторожно на этой последней ступеньке, мистер Уэллер! Не хотите ли вымыть руки, сэр, прежде чем мы явимся к леди? Вот, сэр, ушат с водой, а за дверью полотенце для общего употребления.

– Пожалуй, пополоскаться следует, – ответил мистер Уэллер, намыливая полотенце желтым мылом и растирая лицо, пока оно не заблестело. – Сколько у вас леди?

– У нас на кухне только две, – сообщил мистер Мазль, – кухарка и горничная. Для черной работы мы держим мальчишку и, кроме того, одну девицу, но они обедают в прачечной.

– О, они обедают в прачечной? – переспросил мистер Уэллер.

– Да, – ответил мистер Мазль. – Когда они поступили, мы пустили их за свой стол, но не могли выдержать. У судомойки ужасно грубые манеры, а мальчишка так сопит, когда ест, что невозможно сидеть с ним за одним столом.

– Молодой бегемот! – заметил мистер Уэллер.

– Ох, какой ужас! – подхватил мистер Мазль. – Это самая плохая сторона службы в провинции, мистер Уэллер, молодые люди – такие дикари. Сюда пожалуйте, сэр, сюда!

Опередив с величайшей вежливостью мистера Уэллера, Мазль ввел его в кухню.

– Мэри, – сказал мистер Мазль хорошенькой служанке, – это мистер Уэллер, джентльмен, которого прислал сюда хозяин и велел принять его получше.

– А ваш хозяин понимает дело и послал меня как раз в надлежащее место, – заметил мистер Уэллер, взглянув с восхищением на Мэри. – Будь я хозяином этого дома, я тоже считал бы, что получше – значит поближе к Мэри.

– Ах, мистер Уэллер! – зардевшись, сказала Мэри.

– Вот как! – воскликнула кухарка.

– Ах, боже мой, кухарка, я и забыл! – сказал мистер Мазль. – Мистер Уэллер, разрешите вас представить.

– Как поживаете, сударыня? – произнес мистер Уэллер. – Очень рад познакомиться с вами и надеюсь, что наше знакомство будет длительным, как говорил джентльмен, обращаясь к пятифунтовому билету.

Когда церемония представления была закончена, кухарка и Мэри удалились в людскую, чтобы там минут десять похихикать; потом вернулись, смеясь и краснея, и сели обедать.

Непринужденность мистера Уэллера и его красноречие возымели столь непреодолимое действие на его новых друзей, что задолго до конца обеда они уже сошлись на короткую ногу и узнали со всеми подробностями о вероломстве Джоба Троттера.

– Я всегда не выносила этого Джоба, – сказала Мэри.

– Иначе и быть не могло, моя милая, – отозвался Сэм.

– Почему? – осведомилась Мэри.

– Потому что уродство и надувательство никогда не могут подружиться с красотой и добродетелью, – ответил мистер Уэллер. – Не правда ли, мистер Мазль?

– Никоим образом, – отозвался этот джентльмен.

По этому случаю Мэри рассмеялась и сказала, что ее рассмешила кухарка, а кухарка рассмеялась и сказала, что она не смешила.

– У меня нет стакана, – сказала Мэри.

– Пейте из моего, моя прелесть, – предложил мистер Уэллер. – Приложите губки к этому-вот стакану, и тогда я могу вас поцеловать через посредника.

– Как вам не стыдно, мистер Уэллер! – сказала Мэри.

– Почему мне должно быть стыдно, моя драгоценная?

– Стыдно так говорить.

– Вздор! Никакой беды тут нет. Это натурально. Не правда ли? – обратился мистер Уэллер к кухарке.

– Не спрашивайте меня, бесстыдник, – ответила кухарка в превеликом восхищении.

По этому случаю кухарка и Мэри снова стали хохотать, пока вследствие совместного действия пива, холодного мяса и смеха последняя едва не задохнулась; это был устрашающий припадок, от коего она оправилась только благодаря похлопыванию по спине и другим необходимым услугам, которые с величайшей деликатностью оказывал мистер Сэмюел Уэллер. В самый разгар веселья и смеха раздался громкий звонок у садовой калитки; юный джентльмен, который обедал в прачечной, немедленно побежал отворять. Внимание мистера Уэллера было всецело поглощено хорошенькой горничной; мистер Мазль был занят угощением гостя, а кухарка только что перестала хохотать и подносила ко рту огромный кусок, как вдруг дверь в кухне открылась и вошел мистер Джоб Троттер.

Мы сказали – вошел мистер Джоб Троттер, но это выражение не отвечает нашему правилу строго придерживаться фактов. Дверь открылась, и появился мистер Троттер. Он хотел войти и даже собирался это сделать, как вдруг заметил минера Уэллера, невольно отступил шага на два и остановился, взирая на неожиданно открывшуюся перед ним картину и совершенно оцепенев от изумления и ужаса.

– Вот он! – воскликнул Сэм, весело вскакивая с места. – Да ведь мы только что о вас говорили! Как поживаете? Где вы были? Входите!

Возложив руку на шелковичный воротник не сопротивлявшегося Джоба, мистер Уэллер втащил его в кухню, запер дверь на ключ и передал ключ мистеру Мазлю, а тот хладнокровно опустил его в боковой карман и застегнул пуговицу.

– Вот потеха! – вскричал Сэм. – Подумать только, что мой хозяин имел удовольствие встретиться с вашим там наверху, а я радуюсь встрече с вами здесь внизу! Ну, как же вы поживаете и как подвигается дело с колониальной торговлей? Как я рад вас видеть! Какой у вас довольный вид! Истинное наслаждение повидаться с вами, не правда ли, мистер Мазль?

– Совершенно верно, – подтвердил мистер Мазль.

– Какой он веселый! – сказал Сэм.

– В каком прекрасном расположении духа! – сказал Мазль.

– И как он рад видеть нас – от этого встреча еще приятнее, – сказал Сэм. – Присаживайтесь, присаживайтесь!

Мистер Троттер не сопротивлялся и был усажен на стул возле очага. Он поднял свои маленькие глазки сперва на мистера Уэллера, потом на мистера Мазля, но ничего не сказал.

– Ну-с, а теперь, – продолжал Сэм, – в присутствии этих леди я бы хотел спросить просто так, из любопытства, считаете ли вы себя самым милым и воспитанным молодым джентльменом, который прибегает к помощи розового клетчатого платочка и сборника гимнов номер четвертый?

– И который собирается жениться на кухарке? – с возмущением объявила сия леди. – Негодяй!

– И отказаться от дурных навыков и заняться колониальной торговлей? – вставила горничная.

– А теперь я вам объясню, в чем тут дело, молодой человек, – торжественно начал мистер Мазль, распаляясь при двух последних намеках. – Вот эта леди (указывая на кухарку) водит компанию со мной, и когда вы осмеливаетесь, сэр, говорить о том, что откроете с ней

колониальную лавку, вы меня раните в самое чувствительное место, в какое только может один мужчина ранить другого. Вы меня понимаете, сэр?

Тут мистер Мазль, который, в подражание своему хозяину, был высокого мнения о своем красноречии, умолк в ожидании ответа.

Но мистер Троттер не дал никакого ответа. И мистер Мазль продолжал торжественным тоном:

– Очень возможно, сэр, что наверху вы не понадобитесь в течение нескольких минут, сэр, потому что мой хозяин в настоящее время чрезвычайно занят – сводит счеты с вашим хозяином, сэр, и, стало быть, у вас найдется свободное время, сэр, для маленького секретного разговора со мной, сэр. Вы меня понимаете, сэр?

Мистер Мазль снова умолк в ожидании ответа, и снова мистер Троттер его разочаровал.

– Ну, в таком случае, – продолжал мистер Мазль, – мне очень жаль, что приходится объясняться в присутствии леди, но дело важное, и они мне простят. В людской никого нет, сэр. Если вы пройдете туда, сэр, мистер Уэллер позаботится, чтобы все было по правилам, и мы можем получить взаимное удовлетворение, пока не зазвонит колокольчик. Следуйте за мной, сэр!

Произнеся эти слова, мистер Мазль шагнул к двери и, дабы выиграть время, начал на ходу снимать куртку.

Но как только кухарка услышала заключительные слова этого смелого вызова и увидела, что мистер Мазль собирается приступить к делу, она испустила громкий и пронзительный вопль и, бросившись на мистера Джоба Троттера, который тотчас же встал со стула, начала царапать и бить его по широкой плоской физиономии с энергией, свойственной возбужденным особам женского пола, и, запустив руки в его длинные черные волосы, выдрала примерно столько, что хватило бы на пять-шесть дюжин траурных колец самого большого размера. Совершив этот подвиг со всем пылом, какой внушила ей преданная любовь к мистеру Мазлю, она, шатаясь, отступила и, будучи леди тонко и деликатно чувствующей, немедленно свалилась под кухонный стол и лишилась чувств.

В эту минуту раздался звонок.

– Это за вами, Джоб Троттер! – сказал Сэм.

И, раньше чем мистер Троттер мог возразить или ответить, раньше даже, чем он успел остановить кровь из царапин, нанесенных лишившейся чувств леди, Сэм схватил его за одну руку, а мистер Мазль за другую; один тащил вперед, другой подталкивал сзади: так она его и препроводили по лестнице прямо в гостиную.

Их взорам открылась поразительная картина. Альфред Джингль, эсквайр, он же капитан Фиц-Маршалл, стоял у двери со шляпой в руке и улыбкой на лице, нимало не смущенный своим крайне неприятным положением. Против него стоял мистер Пиквик, который, по-видимому, внедрял в него какое-то высоконравственное поучение, ибо левая его рука покоилась под фалдами фрака, а правая была простерта в воздухе, по привычке, свойственной ему, когда он произносил торжественные речи. Неподалеку стоял с негодующей физиономией мистер Тапмен, которого заботливо удерживали двое его младших друзей; в дальнем конце комнаты находились мистер Напкинс, миссис Напкинс и мисс Напкинс, мрачно величественные и вне себя от возмущения.

– Что мешает мне, – со свойственным судье достоинством произнес мистер Напкинс, когда ввели Джоба, – что мешает мне задержать этих людей как мошенников и самозванцев? Нелепое сострадание. Что мешает мне?

– Чванство, старый приятель, чванство, – отозвался Джингль, сохраняя спокойствие. – Не задержите – не пройдет – заполучили капитана, э? Ха-ха! Очень хорошо – партия для дочери – попали впросак – предать огласке – ни за что на свете – дурацкое положение – весьма!

– Жалкий человек! – воскликнула миссис Напкинс. – Мы презираем ваши гнусные намеки!

– Я всегда его терпеть не могла, – добавила Генриетта.

– О, конечно! – продолжал Джингль. – Рослый молодой человек – старый поклонник – Сидни Поркенхем – богат – красивый малый – однако не так богат, как капитан, – выставить его – покончить с ним – все на свете ради капитана – нет равных капитану – все девицы – без ума от него – не так ли, Джоб?

Тут мистер Джингль расхохотался от всей души, а Джоб, радостно потирая руки, издал первый звук с тех пор, как вошел в дом, – тихое, чуть слышное хихиканье, которое как будто имело целью выразить, что он слишком дорожит своим смехом, чтобы позволить ему улетучиться в звуке.

– Мистер Напкинс, – сказала миссис Напкинс, – этот разговор неуместен в присутствии слуг. Прогоните этих негодяев!

– Правильно, моя дорогая, – отозвался мистер Напкинс. – Мазль!

– Ваша честь?

– Откройте парадную дверь.

– Слушаю, ваша честь.

– Оставьте этот дом! – сказал мистер Напкинс, выразительно размахивая рукой.

Джингль улыбнулся и шагнул к двери.

– Стойте! – сказал мистер Пиквик.

Джингль остановился.

– Я бы мог, – сказал мистер Пиквик, – отомстить сильнее за все, что перенес от вас и от этого вашего лицемерного друга.

Джоб Троттер поклонился с большой учтивостью и приложил руку к сердцу.

– Я говорю, – продолжал мистер Пиквик, постепенно начиная раздражаться, – что мог бы отомстить сильнее, но я довольствуюсь тем, что разоблачил вас, и это разоблачение считаю своим долгом по отношению к обществу. Это снисходительность, сэр, о которой, надеюсь, вы будете помнить.

Когда мистер Пиквик дошел до этого пункта, Джоб Троттер с шутливой важностью приставил руку к уху, словно боялся упустить хотя бы один слог.

– И я могу только добавить, сэр, – сказал мистер Пиквик, окончательно рассердившись, – что я считаю вас мошенником и... и негодяем... и... и хуже которого не видал... и не слыхал... за исключением этого святоши и бродяги в шелковичной ливрее.

– Ха-ха! – отозвался Джингль. – Славный малый Пиквик – доброе сердце – крепкий старикашка – но горячиться не следует – вредно, весьма – до свиданья – еще увидимся – не падайте духом – ну, Джоб, – трогай!

С этими словами мистер Джингль нахлобучил шляпу па свой особый лад и вышел из комнаты. Джоб Троттер помешкал, огляделся по сторонам, улыбнулся, а затем отвесив мистеру Пиквику насмешливо торжественный поклон и подмигнув мистеру Уэллеру с дерзким лукавством, которое превосходило всякое описание, последовал за своим неунывающим хозяином.

– Сэм! – сказал мистер Пиквик, когда мистер Уэллер двинулся было вслед за ними.

– Сэр?

– Останьтесь здесь.

Мистер Уэллер, казалось, колебался.

– Останьтесь здесь, – повторил мистер Пиквик.

– Нельзя ли мне отполировать Джоба в палисаднике? – спросил мистер Уэллер.

– Конечно, нет, – ответил мистер Пиквик.

– Нельзя ли мне вышвырнуть его за ворота, сэр? – спросил мистер Уэллер.

– Ни под каким видом, – ответил хозяин.

Мистер Уэллер впервые с тех пор, как поступил на службу, состроил на момент недовольную и разочарованную мину. Но его лицо мгновенно прояснилось, ибо коварный мистер Мазль, спрятавшись за парадной дверью и стремительно выскочив в надлежащий момент, с большой ловкостью спустил как мистера Джингля, так и его верного слугу с лестницы прямо в стоявшие внизу кадки с агавами.

– Исполнив свой долг, сэр, – обратился мистер Пиквик к мистеру Напкинсу, – я вместе с моими друзьями распрощаюсь с вами. Я приношу вам благодарность за то гостеприимство, с каким мы были встречены, и прошу разрешения заявить от имени всех нас, что мы бы его не приняли и не согласились на подобный выход из создавшегося положения, если бы нас не побуждало живейшее чувство долга. Завтра мы возвращаемся в Лондон. Вашу тайну мы будем хранить.

Выразив таким образом свой протест против утреннего инцидента, мистер Пиквик низко поклонился и, несмотря на уговоры всей семьи, вышел из комнаты вместе со своими друзьями.

– Наденьте шляпу, Сэм, – сказал мистер Пиквик.

– Она внизу, сэр, – ответил Сэм и побежал за нею.

В кухне не было никого, кроме хорошенькой горничной; и так как шляпы Сэма не оказалось на месте, он должен был ее искать, а хорошенькая горничная светила ему. Им пришлось осмотреть всю комнату в поисках шляпы. Хорошенькая горничная, горя желанием найти ее, опустилась на колени и перерыла все вещи, сваленные в углу за дверью. Это был неудобный угол: до него нельзя было добраться, не закрыв предварительно двери.

– Вот она! – сказала хорошенькая горничная. Это она?

– Дайте-ка, я посмотрю, – сказал Сэм.

Хорошенькая горничная поставила свечу на пол. Свет она давала очень тусклый. Сэму тоже пришлось опуститься на колени, чтобы разглядеть, действительно ли это его шляпа. Это был удивительно тесный угол, и, в этом не виноват никто, кроме человека, который строил дом, – Сэм и хорошенькая горничная поневоле очутились очень близко друг от друга.

– Да, это она, – сказал Сэм. – Прощайте.

– Прощайте, – сказала хорошенькая горничная.

– Прощайте, – сказал Сэм и с этими словами уронил шляпу, которую стоило такого труда найти.

– Какой вы неловкий! – сказала хорошенькая горничная. – Вы опять ее затеряете, если не будете осторожнее.

И только для того, чтобы шляпа снова не затерялась, она надела ее ему на голову.

Может быть, лицо хорошенькой горничной стало еще красивее, когда она обратила его к Сэму, а может быть, это было случайное следствие того, что они находились так близко друг от друга, – остается невыясненным по сей день, но только Сэм ее поцеловал.

– Ведь вы это сделали не нарочно? – краснея, сказала хорошенькая горничная.

– Ну, конечно! – сказал Сэм. – А вот теперь нарочно.

И он поцеловал ее еще раз.

– Сэм! – крикнул мистер Пиквик, перегнувшись через перила.

– Иду, сэр! – отозвался Сэм, взбегая по лестнице.

– Как долго вы возились! – заметил мистер Пиквик.

– Там было что-то за дверью, сэр, мы не могли ее сразу открыть, – ответил Сэм.

Таким был первый эпизод первой любви мистера Уэллера.

ГЛАВА XXVI,

которая содержит краткий отчет о ходе дела Бардл против Пиквика

Разоблачив Джингля и достигнув таким образом главной цели своего путешествия, мистер Пиквик решил немедленно вернуться в Лондон, чтобы ознакомиться с теми действиями, какие были за это время предприняты против него мистерами Додсоном и Фоггом. Следуя этому решению со всей энергией и настойчивостью, свойственными его характеру, он взобрался на заднее место первой же кареты, которая отходила из Ипсуича утром после памятных событий, пространно изложенных в двух предшествующих главах, и в сопровождении трех своих друзей и мистера Сэмюела Уэллера прибыл в столицу, в полном здравии и благополучии, вечером того же дня.

Здесь друзья на некоторое время расстались.

Мистеры Тапмен, Уинкль и Снодграсс разъехались по своим домам, чтобы заняться необходимыми приготовлениями к предстоящему визиту в Дингли Делл, а мистер Пиквик и Сэм нашли себе пристанище в очень хорошем старомодном и комфортабельном помещении, а именно в таверне и гостинице «Джордж и Ястреб», Джордж-Ярд на Ломберд-стрит.

Мистер Пиквик пообедал, покончил со второй пинтой превосходного портвейна, прикрыл голову шелковым носовым платком, положил ноги на каминную решетку и откинулся на спинку удобного кресла, но внезапное появление мистера Уэллера с дорожной сумкой вывело его из спокойного созерцательного состояния.

– Сэм, – сказал мистер Пиквик.

– Сэр? – откликнулся мистер Уэллер.

– Я только что думал о том, – сказал мистер Пиквик, – что у миссис Бардл на Госуэлл-стрит осталось очень много вещей и следовало бы их взять до нашего отъезда.

– Очень хорошо, сэр, – ответил мистер Уэллер.

– Я бы мог отослать их на время к мистеру Тапмену, Сэм, – продолжал мистер Пиквик, – по прежде необходимо их разобрать и уложить. Вам нужно пойти на Госуэлл-стрит, Сэм, и уладить это дело.

– Сейчас, сэр? – осведомился мистер Уэллер.

– Сейчас, – ответил мистер Пиквик. – Постойте, Сэм, – добавил мистер Пиквик, вытаскивая кошелек, – нужно уплатить за квартиру. Срок истекает на святках, но расплатитесь и покончите с этим делом. Я предупреждаю за месяц и отказываюсь от квартиры. Вот предупреждение в письменной форме. Передайте его и скажите миссис Бардл, что она может сдать комнаты, когда ей будет угодно.

– Прекрасно, сэр, – ответил мистер Уэллер. – Больше ничего?

– Больше ничего, Сэм.

Мистер Уэллер медленно пошел к двери, словно ждал еще чего-то, медленно открыл ее, медленно вышел и медленно прикрыл ее дюйма на два, когда мистер Пиквик крикнул:

– Сэм!

– Сэр? – отозвался мистер Уэллер, быстро возвращаясь и закрывая за собой дверь.

– Сэм, я отнюдь не возражаю, если вы попытаетесь узнать, как расположена ко мне сама миссис Бардл и можно ли считать вероятным, что это гнусное и ни на чем не основанное дело будет доведено до конца. Я говорю, что не возражаю против этого, если у вас есть желание разузнать, Сэм, – сказал мистер Пиквик.

Сэм слегка кивнул головой в знак понимания и вышел из комнаты. Мистер Пиквик снова накрыл голову шелковым носовым платком и приготовился вздремнуть. Мистер Уэллер быстро удалился, чтобы исполнить поручение.

Было около десяти часов, когда он добрался до Госуэлл-стрит. В маленькой гостиной, выходившей окнами на улицу, горели две свечи, и на штору падала тень от двух женских шляп. У миссис Бардл были гости.

Мистер Уэллер постучал в дверь, и после довольно длинного промежутка времени, в течение которого на улице высвистывался какой-то мотив, а в доме преодолевалось упрямство свечи, не желавшей загораться, пара маленьких башмаков затопала по коврику в передней, и появился юный Бардл.

– Ну, сорванец, – сказал Сэм, – как поживает мамаша?

– Она здорова, – ответил юный Бардл, – и я тоже.

– Какое счастье! – сказал Сэм. – Передайте ей, что я хочу с ней поговорить, слышите, юный феномен?

После такой просьбы юный Бардл поставил свечу на нижнюю ступеньку и исчез вместе со своим поручением в гостиной.

Две шляпы, бросавшие тень на штору, были головными уборами двух самых близких приятельниц миссис Бардл, которые только что пришли, чтобы мирно выпить чашку чаю и разделить с хозяйкой скромный горячий ужин, состоявший из двух порций поросячьих ножек и поджаренного сыра. Сыр восхитительно подрумянивался в маленькой голландской печке перед камином; поросячьи ножки чувствовали себя превосходно в маленькой жестяной кастрюльке, висевшей на крюке, миссис Бардл и ее две подруги также чувствовали себя прекрасно, мирно беседуя обо всех своих близких друзьях и знакомых, когда юный Бардл, выходивший к парадной двери, вернулся и передал поручение, доверенное ему мистером Сэмюелом Уэллером.

– Слуга мистера Пиквика! – сказала, бледнея, миссис Бардл.

– Ах, боже мой! – сказала миссис Клаппинс.

– Право же, я бы этому не поверила, если бы это случилось не при мне, – сказала миссис Сендерс.

Миссис Клаппинс была маленькая, живая, суетливая женщина; миссис Сендерс – большая, толстая, широколицая особа; и обе пришли в гости к миссис Бардл.

Миссис Бардл сочла уместным заволноваться; а так как ни одна из трех в сущности не знала, следует ли при данных обстоятельствах поддерживать со слугой мистера Пиквика какие бы то ни было отношения иначе, чем через Додсона и Фогга, то все они были захвачены врасплох. В таком состоянии нерешительности было ясно, что первым делом следует угостить тумаком мальчика за то, что он встретил у двери мистера Уэллера. Поэтому мать дала ему тумака, и он мелодически заревел.

– Перестань вопить... негодное создание! – сказала миссис Бардл.

– Да, не огорчай твою бедную мать, – вмешалась миссис Сендерс.

– У нее достаточно огорчений и без тебя, Томми, – с сострадательной покорностью вымолвила миссис Клаппинс.

– Ах, вот не везет бедняжке! – сказала миссис Сендерс.

От этих поучительных замечаний юный Бардл завыл еще громче.

– Что же мне делать? – обратилась миссис Бардл к миссис Клаппинс.

– Я думаю, вам следует его принять, – ответила миссис Клаппинс. – Но непременно при свидетеле.

– Мне кажется, закон предпочитает двух свидетелей, – сказала миссис Сендерс, которая, как и первая приятельница, сгорала от любопытства.

– Пожалуй, лучше всего будет впустить его сюда, – решила миссис Бардл.

– Разумеется, – ответила миссис Клаппинс, с живостью подхватывая эту мысль. – Войдите, молодой человек, и, пожалуйста, закройте сначала парадную дверь.

Мистер Уэллер мгновенно принял приглашение, и, войдя в гостиную, изложил дело миссис Бардл в следующих выражениях:

– Очень сожалею, если причиню личные неудобства, сударыня, как говорил грабитель, загоняя старую леди в растопленный камин, но так как мы с хозяином только что приехали в город и собираемся опять уехать, то уж тут, знаете ли, ничего не поделаешь.

– Конечно, молодой человек не может отвечать за грехи своего хозяина, – заметила миссис Клаппинс, на которую наружность мистера Уэллера и его умение вести разговор произвели большое впечатление.

– Несомненно! – подхватила миссис Сендерс, которая, если судить по задумчивым взглядам, устремленным на маленькую жестяную кастрюлю, казалось мысленно подсчитывала предполагаемое количество поросячьих ножек на случай, если Сэму предложат остаться к ужину.

– А пришел я сюда вот для чего, – продолжал Сэм, игнорируя эти замечания: – во-первых, передать отказ моего хозяина от квартиры – вот он; во-вторых, внести квартирную плату – вот она; в-третьих, сказать, чтобы все его вещи были собраны и переданы тому, кого мы за ними пришлем; в-четвертых, сообщить, что вы можете сдать это помещение, когда вам угодно, – вот и все.

– Что бы ни произошло, – сказала миссис Бардл, – а я всегда говорила и теперь скажу: во всех отношениях, кроме одного, мистер Пиквик держал себя как настоящий джентльмен. Деньги всегда были за ним все равно что в банке, всегда!

Говоря это, миссис Бардл приложила платок к глазам и вышла из комнаты написать расписку.

Сэм прекрасно знал, что ему нужно только помолчать, и женщины непременно начнут говорить, поэтому он в глубоком молчании рассматривал по очереди: жестяную кастрюлю, поджаренный сыр, стену и потолок.

– Бедняжка! – сказала миссис Клаппинс.

– Ах, бедное создание! – подхватила миссис Сендерс.

Сэм ничего не сказал. Было ясно, что они заговорят на тему, его интересовавшую.

– Право же, я не могу совладать с собой, – сказала миссис Клаппинс, когда подумаю о таком вероломстве. Я не хочу задеть вас, молодой человек, но ваш хозяин – старый изверг, и если бы он был здесь, я бы ему это сказала в лицо!

– Скажите! – посоветовал Сэм.

– Видеть, как ужасно она это принимает к сердцу, бредит и тоскует, ни в чем не находит удовольствия, разве что зайдут из жалости подруги посидеть с нею и утешить ее, – продолжала миссис Клаппинс, поглядывая на жестяную кастрюлю и голландскую печку, – это возмутительно!

– Бесчеловечно, – сказала миссис Сендерс.

– А ваш хозяин, молодой человек! Джентльмен со средствами, он бы и не почувствовал расходов на жену, так бы и не почувствовал! – продолжала миссис Клаппинс с большим увлечением. – Нет никакого оправдания его поведению! Почему он на ней не женится?

– А ведь правда! – сказал Сэм. – Вот в чем вопрос!

– Вот именно, вопрос! – подхватила миссис Клаппинс. – Она бы ему задала вопрос, будь у нее мой характер. Однако есть закон, защищающий нас, женщин, которых они сделали бы несчастными созданиями, если бы могли, а в этом, молодой человек, ваш хозяин убедится, поплатившись раньше, чем успеет постареть на полгода.

При этом утешительном замечании миссис Клаппинс улыбнулась миссис Сендерс, которая также ответила ей улыбкой.

«Делу дан ход, это ясно», – подумал Сэм, когда миссис Бардл вернулась с распиской.

– Вот расписка, мистер Уэллер, – сказала миссис Бардл, – а вот сдача, и, надеюсь, вы выпьете стаканчик, чтобы согреться. Выпейте хотя бы ради старого знакомства.

Сэм понял, какую можно извлечь из этого выгоду, и немедленно согласился. Миссис Бардл достала из шкафчика черную бутылку и рюмку; ее рассеянность, вызванная глубокой душевной скорбью, была так велика, что, наполнив рюмку мистера Уэллера, она извлекла еще три винных рюмки, которые тоже наполнила.

– Ах, миссис Бардл! – воскликнула миссис Клаппинс. – Посмотрите-ка, что вы сделали!

Сэм, конечно, все это смекнул и потому тотчас же сказал, что никогда не пьет до ужина, если вместе с ним не выпьет леди. Над этим весело посмеялись, и миссис Сендерс решила его потешить и пригубила из своей рюмки. Тогда Сэм заметил, что вино следует пустить вкруговую, и все пригубили. Вслед за сим маленькая миссис Клаппинс предложила тост за успех в процессе «Бардл против Пиквика», и леди, осушив рюмки под этот тост, тотчас же сделались очень разговорчивы.

– Должно быть, вы слышали о том, что происходит, мистер Уэллер? – спросила миссис Бардл.

– Слыхал кое-что, – ответил Сэм.

– Это ужасно, мистер Уэллер, если вас выставляют таким образом перед публикой! – сказала миссис Бардл. – Но теперь я понимаю: ничего другого мне не оставалось сделать, и мои адвокаты, мистер Додсон и Фогг, говорят, что с теми свидетелями, которых мы вызовем, мы должны выиграть дело. Но я не знаю, что я буду делать, мистер Уэллер, если мне не удастся его выиграть!

Одна мысль о возможности для миссис Бардл проиграть процесс так глубоко задела миссис Сендерс, что она была вынуждена сейчас же вновь наполнить и осушить свою рюмку; если бы у нее не хватило на это присутствия духа, ей сделалось бы дурно, как объяснила она вслед за этим.

– Когда будет слушаться дело? – осведомился Сэм.

– В феврале или в марте, – ответила миссис Бардл.

– А свидетелей-то сколько! – сказала миссис Клаппинс.

– О да! – подхватила миссис Сендерс.

– В какое бешенство пришли бы мистер Додсон и Фогг, если бы истец проиграл! – добавила миссис Клаппинс. – Они ведут все это дело на свой страх и риск.

– Еще бы не пришли в бешенство! – сказала миссис Сендерс.

– Но истица должна выиграть, – заключила миссис Клаппинс.

– Надеюсь, – сказала миссис Бардл.

– О, тут не может быть никаких сомнений! – подхватила миссис Сендерс.

– Прекрасно! – сказал Сэм, поднимаясь и ставя свою рюмку на стол. – Я могу только одно сказать: желаю вам не остаться в проигрыше.

– Благодарю вас, мистер Уэллер, – с жаром отозвалась миссис Бардл.

– А что до этих Додсонов и Фоггов, которые ведут такого рода дела на свой страх и риск, – продолжал мистер Уэллер, – и всех других добрых и благородных людей той же профессии, тех, что даром, без гонорара, натравливают ближних друг на друга и засаживают своих клерков за работу, чтобы выискивать у соседей и знакомых мелкие ссоры, которые потом нужно решать с помощью судебных процессов, – о них я одно могу сказать: желаю, чтобы они получили ту награду, какую я бы им дал.

– Ах, если бы получили они награду, которую готово присудить им каждое доброе и благородное сердце! – удовлетворенно воскликнула миссис Бардл.

– Аминь! – отозвался Сэм. – И после такой награды зажили бы они сытно и привольно! Желаю вам доброй ночи, леди!

К великому облегчению миссис Сендерс, Сэм удалился, не услышав от хозяйки ни единого упоминания о поросячьих ножках и поджаренном сыре. Дамы с той посильной для младенца помощью, какую мог оказать юный Бардл, щедро воздали всему этому должное – благодаря их напряженным усилиям ужин исчез.

Мистер Уэллер вернулся в «Джордж и Ястреб» и в точности изложил своему хозяину те указания на ловкие маневры Додсона и Фогга, какие ему удалось выудить во время своего визита к миссис Бардл. На следующий день свидание с мистером Перкером более чем подтвердило доклад мистера Уэллера. И мистер Пиквик вынужден был готовиться к рождественскому визиту в Дингли Делл, предвкушая, что спустя два-три месяца дело, начатое против него по возмещению убытков за нарушение брачного обещания, будет разбираться в Суде Общих Тяжб, причем на стороне истицы окажутся все преимущества, вытекающие не только из совокупности обстоятельств, но и из хитрых маневров Додсона и Фогга.

ГЛАВА XXVII.

Сэмюел Уэллер совершает паломничество в Доркинг и лицезреет свою мачеху

Так как оставалось еще двое суток до того дня, который был назначен для отъезда пиквикистов в Дингли Делл, мистер Уэллер после раннего обеда уселся в задней комнате «Джорджа и Ястреба», чтобы поразмыслить о том, как бы получше распорядиться свободным временем. День был удивительно ясный. Не прошло и десяти минут, как в нем заиграли чувства сыновней любви и нежности; он с такой силой почувствовал необходимость повидаться с отцом и засвидетельствовать свое почтение мачехе, что пришел в изумление от собственного пренебрежения моральным долгом. Загоревшись желанием безотлагательно загладить прежнее небрежение, он немедленно отправился наверх к мистеру Пикнику и попросил отпустить его для выполнения этого похвального намерения.

– Конечно, Сэм, конечно! – сказал мистер Пиквик, у которого глаза заблестели от удовольствия, вызванного этим проявлением сыновнего чувства со стороны его слуги и спутника. – Конечно, Сэм!

Мистер Уэллер отвесил благодарственный поклон.

– Я очень рад, что у вас такое высокое сознание сыновнего долга, Сэм, – сказал мистер Пиквик.

– Оно всегда у меня было, сэр, – ответил мистер Уэллер.

– Это весьма утешительная мысль, Сэм, – одобрительно сказал мистер Пиквик.

– Весьма, сэр, – ответил мистер Уэллер. – Если мне что-нибудь нужно было от отца, я всегда просил почтительно и вежливо. А когда он мне не давал, я сам брал, потому что боялся – не будет этого у меня, и я натворю чего-нибудь похуже. Таким образом, я его избавил от многих хлопот, сэр.

– Это не совсем то, что я хотел сказать, Сэм, – возразил мистер Пиквик, с легкой улыбкой покачивая головой.

– Все от добрых чувств, сэр, – с наилучшими намерениями, как говорил джентльмен, удрав от своей жены, потому что, кажется, ему неважно жилось с нею, – ответил мистер Уэллер.

– Можете идти, Сэм, – сказал мистер Пиквик.

– Благодарю вас, сэр, – ответил мистер Уэллер.

И, отвесив свой самый изящный поклон и надев самый изящный свой костюм, Сэм уселся на крыше эренделской кареты[90] и отправился в Доркинг.

«Маркиз Гренби» во времена миссис Уэллер был поистине образцом лучших придорожных постоялых дворов: он был достаточно велик, чтобы считаться удобным, но был достаточно мал, чтобы считаться уютным. На противоположной стороне дороги находилась большая вывеска на высоком столбе, изображавшая голову и плечи джентльмена с апоплексической физиономией, на нем был красный фрак с темно-синими отворотами, а над его треуголкой – мазок той же синей краски, изображавший небо. Еще выше помещались два флага; ниже последней пуговицы на его фраке помещались две пушки; а все вместе являлось выразительным и не вызывающим сомнений портретом славной памяти маркиза Гренби.

В окне буфетной красовалась превосходная коллекция гераней и блестящий ряд сосудов со спиртными напитками. На открытых ставнях виднелись различные надписи золотыми буквами, восхвалявшие мягкую постель и добрые вина; а внушительная группа поселян и конюхов, которые слонялись у дверей конюшни и возле водопойной колоды, служила показателем превосходного качества эля и горячительных напитков, продававшихся в буфетной. Спустившись с крыши кареты, Сэм Уэллер приостановился, чтобы глазом опытного путешественника отметить все эти мелочи, свидетельствовавшие о процветании заведения; обозрев всю картину, он немедленно вошел в дом, чрезвычайно довольный тем, что видел.

– Ну, что такое? – раздался пронзительный женский голос, лишь только Сэм просунул голову в дверь. – Что вам нужно, молодой человек?

Сэм посмотрел в ту сторону, откуда раздался голос. Он принадлежал довольно полной леди приятной наружности, которая сидела у камина в буфетной, раздувая огонь, чтобы вскипятить воду для чая. Она была не одна: по другую сторону камина, в кресле с высокой спинкой, сидел прямой, как жердь, человек в потертом черном костюме, с такой же длинной и негнущейся спиной, как спинка кресла, – человек, который сразу же привлек к себе особое и чрезвычайное внимание Сэма.

Это был красноносый джентльмен с длинной, худой ханжеской физиономией и глазами, напоминающими глаз гремучей змеи, – довольно острыми, но решительно неприятными. На нем были очень короткие штаны и черные бумажные чулки, которые, как и весь его костюм, заметно порыжели. Вид у него был накрахмаленный, но белый галстук накрахмален не был, и его длинные мятые концы болтались над застегнутым наглухо жилетом весьма неряшливо и неживописно. Пара поношенных толстых суконных перчаток, широкополая шляпа и полинявший зеленый зонт с пластинками из китового уса, торчащими сквозь покрышку, словно для замены отсутствующей ручки, лежали на стуле, размещенные с большой аккуратностью и заботливостью, свидетельствуя, казалось, о том, что красноносый, кто бы он ни был, не имеет ни малейшего намерения спешить с уходом.

Следует отдать справедливость красноносому: он был бы очень глуп, если бы питал подобного рода намерение, ибо, судя по всем видимостям, он должен был бы располагать весьма завидным кругом знакомств, чтобы рассчитывать на больший комфорт в другом месте. Огонь ярко пылал благодаря раздувательным мехам, а благодаря общим усилиям огня и мехов чайник весело пел. Маленький поднос с чайным прибором стоял на столе, тарелка с горячими намазанными маслом гренками тихонько шипела перед огнем, а сам красноносый был усердно занят превращением большого куска хлеба в такое же аппетитное блюдо, ибо орудовал длинной медной вилкой для поджаривания гренок. Перед ним стоял стакан горячего, дымящегося ананасного грога с ломтиками лимона; и каждый раз, когда красноносый отрывался от работы, исследуя кусок хлеба с целью установить, как подвигается дело, он отхлебывал глоток-другой горячего ананасного грога и улыбался довольной полной леди, раздувавшей огонь.

Сэм был так поглощен созерцанием этой уютной картины, что пропустил мимо ушей первый вопрос полной леди. Неприличие своего поведения он понял не раньше, чем тот же вопрос был повторен дважды, и каждый раз все более резким тоном.

– Командир дома? – осведомился Сэм в ответ на вопрос.

– Нет, – отозвалась миссис Уэллер, ибо полная леди была не кто иная, как вдова и единственная душеприказчица покойного мистера Кларка. – Нет, нету его, да я его и не жду.

– Должно быть, он сегодня поехал с каретой? – высказал предположение Сэм.

– Может быть, да, а может быть, и нет, – ответила миссис Уэллер, намазывая маслом гренок который только что поджарил красноносый. – Я не знаю, да и знать не хочу. Призовите благословение божие, мистер Стиггинс.

Красноносый исполнил ее желание и тотчас же с удивительной прожорливостью набросился на гренки.

Наружность красноносого сразу заставила Сэма заподозрить, что это и есть тот заместитель пастыря, о котором говорил его уважаемый родитель. Когда же Сэм увидел, как он ест, все сомнения по этому вопросу рассеялись, и Сэм мгновенно сообразил, что должен упрочить здесь свое положение незамедлительно, если намерен временно обосноваться там, где находится. Поэтому он приступил к действиям – перекинул руку через низенькую перегородку буфетной, спокойно отодвинул задвижку и не спеша вошел.

– Мачеха, – сказал Сэм, – как поживаете?

– Наверно, это какой-нибудь Уэллер! – воскликнула миссис Уэллер, не очень-то приветливо разглядывая лицо Сэма.

– Думаю, что так, – сказал невозмутимо Сэм, – и надеюсь, этот-вот преподобный джентльмен простит меня, если я скажу, что хотел бы я быть тем самым Уэллером, который имеет счастье называть вас своей, мачеха.

Этот комплимент был двойным зарядом. Подразумевалось, что мистер Уэллер – особа весьма приятная и что у мистера Стиггинса клерикальная наружность. Он сразу произвел впечатление, и Сэм, на этом не останавливаясь, подошел к мачехе и поцеловал ее.

– Убирайтесь! – сказала миссис Уэллер, отталкивая его.

– Стыдитесь, молодой человек! – сказал джентльмен с красным носом.

– Ничего обидного, сэр, ничего обидного! – отозвался Сэм. – Впрочем, вы совершенно правы – не годится так делать, если мачеха молода и хороша собой, не правда ли, сэр?

– Все это суета, – сказал мистер Стиггинс.

– Ах, это верно! – сказала миссис Уэллер, поправляя чепец.

Сэм тоже так думал, но промолчал.

Заместитель пастыря, казалось, был далеко не в восторге от появления Сэма, а когда рассеялось первое возбуждение, вызванное комплиментом, даже у миссис Уэллер вид был такой, словно она могла обойтись без него, не испытывая ни малейшего неудобства. Однако Сэм был здесь, и так как его нельзя было приличным образом выставить за дверь, то все трое уселись пить чай.

– А как поживает отец? – спросил Сэм.

Услышав этот вопрос, миссис Уэллер воздела руки и закатила глаза, будто тема была слишком мучительна, чтобы ее затрагивать.

Мистер Стиггинс застонал.

– Что такое с этим джентльменом? – осведомился Сэм.

– Он скорбит о пути, по которому идет ваш отец, – ответила миссис Уэллер.

– О, вот как! Неужели? – сказал Сэм.

– И у него есть на то основания, – с важностью добавила миссис Уэллер.

Мистер Стиггинс взял еще гренок и тяжко застонал.

– Он ужасный грешник, – сказала миссис Уэллер.

– Сосуд гнева! – воскликнул мистер Стиггинс.

Он откусил большой кусок гренка и снова застонал.

Сэм ощутил настоятельную потребность дать преподобному мистеру Стиггинсу какой-нибудь повод для стонов, но сдержал свои чувства и только спросил:

– Что же натворил старик?

– Натворил, вот именно! – подхватила миссис Уэллер. – О, у него каменное сердце! Каждый вечер этот превосходный человек, – не хмурьтесь, мистер Стиггинс, я не могу не сказать, что вы превосходный человек, приходит и просиживает здесь часами, а на него это не производит ни малейшего впечатления.

– Вот это странно, – сказал Сэм. – На меня это производило бы очень сильное впечатление, будь я на его месте, я в этом уверен.

– Дело в том, мой юный друг, – торжественно сказал мистер Стиггинс, что у него черствое сердце. О мой юный друг, кто бы мог противостоять мольбам шестнадцати наших любезнейших сестер и отклонить их просьбу о пожертвовании для нашего благородного общества, которое снабжает негритянских младенцев Вест-Индии фланелевыми жилетами и душеспасительными носовыми платками!

– А что такое душеспасительный носовой платок? – спросил Сэм. – Я никогда не слыхал о таких предметах.

– Платок, который соединяет удовольствие с назиданием, мой юный друг, – ответил мистер Стиггинс, – платок, на котором отпечатаны избранные изречения с картинками.

– Знаю! – сказал Сэм. – Этакие платки развешаны в бельевых магазинах, н на них напечатаны просьбы о подаянии и все такое?

Мистер Стиггинс принялся за третий гренок и утвердительно кивнул головой.

– Так он не пошел на уговоры этих леди? – спросил Сэм.

– Сидел и курил свою трубку и назвал негритянских младенцев... как он их назвал? – осведомилась миссис Уэллер.

– Маленькими мошенниками, – ответил глубоко огорченный мистер Стиггинс.

– Назвал негритянских младенцев маленькими мошенниками, – повторила миссис Уэллер.

И оба испустили стон, вызванный зверским поведением старого джентльмена.

Великое множество прегрешений подобного же рода могло бы еще обнаружиться, да только все гренки были съедены, чай стал очень жидок и Сэм не выражал ни малейшего желания уйти, а потому мистер Стиггинс вдруг вспомнил о весьма важном свидании с пастырем и удалился.

Едва была убрана чайная посуда и зола выметена из камина, как лондонская карета доставила мистера Уэллера-старшего к двери дома, ноги доставили его в буфетную, а глаза возвестили о присутствии сына.

– Эй, Сэмми! – воскликнул отец.

– А, старый греховодник! – крикнул сын.

И они обменялись крепким рукопожатием.

– Очень рад тебя видеть, Сэмми, – сказал старший мистер Уэллер, – но как ты поладил с мачехой – это для меня тайна. Дал бы ты мне этот рецепт, вот все, что я могу сказать.

– Тише, старик! – сказал Сэм. – Она дома.

– Она не услышит, – возразил мистер Уэллер, – после чаю она всегда отправляется вниз и ругается там часа два; стало быть, мы сейчас промочим горло, Сэмми.

С этими словами мистер Уэллер приготовил два стакана грогу и извлек две трубки. Отец и сын уселись друг против друга: Сэм по одну сторону камина, в кресло с высокой спинкой, а

мистер Уэллер-старший по другую, в мягкое кресло, и оба стали наслаждаться со всей подобающей серьезностью.

– Был здесь кто-нибудь, Сэмми? – бесстрастно спросил мистер Уэллер-старший после продолжительного молчания.

Сэм выразительно кивнул.

– Молодец с красным носом? – осведомился мистер Уэллер.

Сэм снова кивнул.

– Любезнейший он человек, Сэмми, – сказал мистер Уэллер, энергически дымя трубкой.

– Похоже на то, – отозвался Сэм.

– Ловкач по денежной части, – сказал мистер Уэллер.

– Вот как? – сказал Сэм.

– В понедельник берет взаймы восемнадцать пенсов, а во вторник приходит за шиллингом, чтоб для ровного счета было полкроны; в среду приходит еще за полкроной, чтобы для ровного счета вышло пять шиллингов; и все время удваивает, пока не доберется до пяти фунтов, вроде как эти расчеты в учебнике арифметики о гвоздях и лошадиных подковах, Сэмми.

Сэм кивком головы дал понять, что припоминает задачу, на которую сослался родитель.

– Вы так и не подписались на фланелевые жилеты? – спросил Сэм после новой паузы, посвященной куренью.

– Конечно, нет! – ответил мистер Уэллер. – На что нужны фланелевые жилеты юным неграм за океаном? Но вот что я тебе скажу, Сэмми, – добавил мистер Уэллер, понижая голос и перегибаясь через каминную решетку, – я бы подписался с удовольствием на смирительные рубахи кой для кого здесь, на родине.

Произнеся эти слова, мистер Уэллер медленно принял прежнюю позу и глубокомысленно подмигнул своему первенцу.

– А это и в самом деле чудная фантазия – посылать носовые платки людям, которые не знают, что делать с ними! – заметил Сэм.

– Они вечно занимаются такой чепухой, Сэмми, – отозвался его отец. – В прошлое воскресенье иду я по дороге, и кого же вижу у двери часовни? Твою мачеху с синей тарелкой в руке! И в тарелке, пожалуй, не меньше двух соверенов мелкой монетой, Сэмми, все по полпенни, а когда народ стал выходить из часовни, пенсы так и посыпались, и ты бы не поверил, что глиняная тарелка может выдержать такую тяжесть. Как ты думаешь, на что они собирали?

– Может быть, опять на чаепитие? – предположил Сэм.

– Ничуть не бывало, – ответил отец, – на пастырский счет за воду.

– Пастырский счет за воду! – повторил Сэм.

– Да, – ответил мистер Уэллер. – Накопилось за три квартала, а пастырь не заплатил ни фартинга, может быть потому, что от воды ему не очень-то много пользы, мало он потребляет этого напитка, Сэмми, очень мало. Но он проделывает фокусы и почище этого. По счету все-таки уплачено не было, ему и закрыли водопровод. Тут идет пастырь в часовню, выдает себя за гонимого праведника, говорит, что авось сердце водопроводчика, закрывшего водопровод, смягчится и он обратится на путь истины; хотя, конечно, говорит, водопроводчику уготовано не очень-то приятное местечко. Тогда женщины заводят собрание, поют гимн, выбирают твою мачеху председательницей, предлагают устроить сбор в воскресенье и все деньги передают пастырю. И если он не вытянул из них, Сэмми, столько, что на всю жизнь освободился от водопроводной компании, – сказал в заключенье мистер Уэллер, – ну, значит, и я болван, и ты болван, и не о чем больше толковать.

Мистер Уэллер несколько минут курил молча, а затем продолжал:

– Самое худшее в этих-вот пастырях, мой мальчик, что они, регулярно, сбивают здесь с толку всех молодых леди. Господи, благослови их сердечки, они думают, что все это очень хорошо, и больше ничего не смыслят; но они жертвы надувательства, Сэмивел, они – жертвы надувательства.

– Полагаю, что так, – сказал Сэм.

– Не иначе, – сказал мистер Уэллер, глубокомысленно покачивая головой, – и вот что меня раздражает, Сэмивел: видеть, как они тратят все свое время и силы, шьют платья для краснокожих, которым оно не нужно, и не обращают внимания на христиан телесного цвета, которым оно нужно. Будь моя воля, Сэмивел, я приставил бы этих-вот ленивых пастырей к тяжелой тачке да гонял бы целый день взад и вперед по доске шириной в четырнадцать дюймов. Уж что-что, а это повытрясло бы из них дурь!

Мистер Уэллер, сообщив с большой энергией этот приятный рецепт, подкрепленный разнообразными кивками и подмигиванием, осушил одним духом стакан и с прирожденным достоинством стал выбивать пепел из трубки.

Он все еще был занят этой операцией, когда в коридоре раздался пронзительный голос.

– Вот твоя дорогая родственница, Сэмми, – сказал мистер Уэллер; и миссис Уэллер ворвалась в комнату.

– О, так вы вернулись! – воскликнула миссис Уэллер.

– Да, моя милая, – ответил мистер Уэллер, снова набивая трубку.

– А мистер Стиггинс не возвращался? – спросила миссис Уэллер.

– Нет, моя милая, не возвращался, – ответил мистер Уэллер, искусно зажигая трубку с помощью взятого из камина раскаленного уголька, зажатого щипцами, – и мало того, моя милая, если он совсем не вернется, я постараюсь это пережить.

– Уф, несчастный! – сказала миссис Уэллер.

– Благодарю вас, милочка, – сказал мистер Уэллер.

– Ну-ну, отец, – сказал Сэм, – никаких любовных сцен при посторонних. Вот идет преподобный джентльмен.

Услышав это сообщение, миссис Уэллер поспешно вытерла слезы, которые только что пыталась пролить, а мистер Уэллер угрюмо отодвинул свое кресло в угол у камина.

Мистер Стиггинс легко пошел на уговоры выпить еще стакан горячего ананасного грога, и второй стакан, и третий, а затем подкрепиться легким ужином, прежде чем начать сначала. Он сидел рядом с мистером Уэллером-старшим, который всякий раз, когда ухитрялся проделать это незаметно от жены, демонстрировал сыну чувства, скрытые в его груди, потрясая кулаком над головой заместителя пастыря, – маневр, доставлявший его сыну самую неподдельную радость и удовольствие, в особенности потому, что мистер Стиггинс продолжал спокойно пить горячий ананасный грог, не подозревая о том, что происходит за его спиной.

Разговор вели преимущественно миссис Уэллер и его преподобие мистер Стиггинс; а темой, предпочтительно обсуждаемой, служили добродетели пастыря, заслуги его паствы и великие преступления и грехи всех остальных; эти рассуждения старший мистер Уэллер изредка прерывал приглушенными намеками на некоего джентльмена по фамилии Уокер и другими подобными же комментариями.

Наконец, мистер Стиггинс, который, судя по многим совершенно неоспоримым симптомам, влил в себя ананасного грогу ровно столько, сколько мог вместить, взял шляпу и распрощался; и немедленно вслед за этим отец повел Сэма к предназначенной для него постели. Почтенный старый джентльмен с жаром пожал ему руку и, казалось, собрался обратиться к сыну с каким-то замечанием, но, услышав приближение миссис Уэллер, по-видимому, отказался от своего намерения и отрывисто пожелал ему спокойной ночи.

На следующий день Сэм встал рано и, позавтракав на скорую руку, собрался обратно в Лондон. Он едва успел шагнуть за порог, как перед ним предстал отец.

– Отправляешься, Сэмми? – осведомился мистер Уэллер.

– Немедленно в путь, – ответил Сэм.

– Хорошо, если бы ты увязал его в узел, этого-вот Стиггинса, и забрал его с собой, – сказал мистер Уэллер.

– Мне стыдно за вас! – с упреком воскликнул Сэм. – Почему вы вообще позволяете ему совать свой красный нос в «Маркиза Гренби»?

Мистер Уэллер устремил серьезный взгляд на сына и ответил:

– Потому что я женатый человек, Сэмивел, потому что я женатый человек. Когда ты женишься, Сэмивел, ты поймешь многое, что сейчас не понимаешь, но стоит ли столько мучиться, чтобы узнать так мало, как сказал приютский мальчик, дойдя до конца азбуки, – это дело вкуса. Я думаю, что не стоит.

– Ну, прощайте, – сказал Сэм.

– Погоди, Сэмми, погоди! – отозвался отец.

– Я могу сказать только одно, – начал Сэм, вдруг останавливаясь: – будь я хозяином «Маркиза Гренби» и приходи этот Стиггинс и поджаривай гренки в моей буфетной, я бы...

– Что? – с большим волнением перебил мистер Уэллер. – Что?

– ...всыпал ему яду в грог, – закончил Сэм.

– Да ну! – воскликнул мистер Уэллер, тряся сына за руку. – Неужели ты бы это сделал, Сэмми, неужели бы сделал?

– Можете не сомневаться! – сказал Сэм. – Для начала я не был бы с ним слишком суров. Я окунул бы его в бочку с водой и прикрыл крышкой; а если бы я увидел, что он нечувствителен к мягкому обращению, я попробовал бы убедить его по-другому.

Старший мистер Уэллер взглянул на сына с глубоким, невыразимым восхищением и, еще раз пожав ему руку, стал медленно удаляться, перебирая в уме различные мысли, вызванные советом сына.

Сэм смотрел ему вслед, пока тот не скрылся за поворотом дороги, а затем отправился пешком в Лондон. Сначала он размышлял о возможных результатах своего совета и похоже ли на то, что отец им воспользуется. Впрочем, он отогнал эти соображения, утешившись мыслью: время покажет; эту же мысль и мы хотели бы внушить читателю.

ГЛАВА XXVIII.

Веселая рождественская глава, содержащая отчет о свадьбе, а также о некоторых других развлечениях, которые, будучи на свой лад такими же добрыми обычаями, как свадьба, не столь свято блюдутся в наше извращенное время

Оживленные, как пчелы, хотя и не столь легкие, как феи, собрались четыре пиквикиста утром двадцать второго дня декабря того благословенного года, когда они предпринимали и совершали свои похождения, добросовестно нами излагаемые. Приближались святки со всей грубоватой и простодушной их непосредственностью. Это была пора гостеприимства, забав и чистосердечных излияний; старый год готовился, подобно древнему философу, собрать вокруг себя своих друзей и в разгар пиршества и шумного веселья умереть тихо и мирно. Веселое и беззаботное было время, и веселы и беззаботны были по крайней мере четыре сердца среди множества сердец, радовавшихся его приближению.

И в самом деле, много есть сердец, которым рождество приносит краткие часы счастья и веселья. Сколько семейств, члены коих рассеяны и разбросаны повсюду в неустанной борьбе за жизнь, снова встречаются тогда и соединяются в том счастливом содружестве и взаимном доброжелательстве, которые являются источником такого чистого и неомраченного

наслаждения и столь несовместимы с мирскими заботами и скорбями, что религиозные верования самых цивилизованных народов и примитивные предания самых грубых дикарей равно относят их к первым радостям грядущего существования, уготованного для блаженных и счастливых. Сколько старых воспоминаний и сколько дремлющих чувств пробуждается святками!

Мы пишем эти слова, находясь на расстоянии многих миль от того места, где год за годом встречались в этот день в счастливом и веселом кругу. Многие сердца, что трепетали тогда так радостно, перестали биться; многие взоры, что сверкали тогда так ярко, перестали сиять; руки, что мы пожимали, стали холодными; глаза, в которые мы глядели, скрыли свой блеск в могиле, и все же старый дом, комната, веселые голоса и улыбающиеся лица, шутка, смех, самые привычные житейские мелочи, связанные с этими счастливыми встречами, теснятся в нашей памяти всякий раз, когда возвращается эта пора года, словно последнее собрание было не далее, чем вчера! Счастливые, счастливые святки, которые могут вернуть нам иллюзии наших детских дней, воскресить для старика утехи его юности и перенести моряка и путешественника, отделенного многими тысячами миль, к его родному очагу и мирному дому!

Но мы так занялись и увлеклись описанием благодатных святок, что заставляем мистера Пиквика и его друзей зябнуть на крыше магльтонской кареты, куда они только что взобрались, тепло укутанные в пальто, пледы и шарфы. Чемоданы и дорожные сумки уложены, и мистер Уэллер с кондуктором стараются втиснуть в ящик под козлами громадную треску, непомерно большую для ящика, которая заботливо уложена в длинную коричневую корзинку и прикрыта слоем соломы и каковую оставили напоследок, чтобы она могла с удобством покоиться на полдюжине бочонков с отборными устрицами собственность мистера Пиквика, – выстроенных в образцовом порядке на дне ящика. Физиономия мистера Пиквика выражает самый напряженный интерес, пока мистер Уэллер с кондуктором стараются впихнуть треску в ящик, сначала головой вперед, затем хвостом вперед, затем вверх крышкой, затем вверх дном, затем боком, затем в длину; и всем этим ухищрениям неумолимая треска стойко сопротивляется, пока кондуктор случайно не наносит ей удара в самую середину корзины, после чего она внезапно скрывается в ящике, и вместе с нею – голова и плечи самого кондуктора, который, не рассчитывая на столь внезапную уступку со стороны пассивно сопротивляющейся трески, испытывает весьма неожиданное потрясение, к неудержимому восторгу всех носильщиков и зрителей. Мистер Пиквик улыбается с большим добродушием и, вынимая из жилетного кармана шиллинг, просит кондуктора, который вылезает из-под козел, выпить за его здоровье стакан горячего грогу, причем кондуктор тоже улыбается; улыбаются заодно и мистеры Снодграсс, Уинкль и Тапмен. Кондуктор и мистер Уэллер исчезают на пять минут – по всей вероятности, выпить горячего грогу, ибо от них пахнет очень сильно, когда они возвращаются. Кучер влезает на козлы, мистер Уэллер вскакивает сзади, пиквикисты закутывают ноги в пальто, а носы в шарфы, конюхи снимают с лошадей попоны, кучер бодро выкрикивает: «Все в порядке!» – и они отъезжают.

Они громыхают по улицам, трясутся по камням и, наконец, выезжают в широкие и открытые поля. Колеса скользят по твердой промерзшей земле, а лошади, при резком щелканье бича переходя в легкий галоп, мчатся по дороге, словно весь их груз – карета, пассажиры, треска, бочонки с устрицами и все прочее – летящее за ними перышко. Они спускаются по отлогому склону и въезжают на равнину в две мили длиною, такую же твердую и сухую, как сплошная глыба мрамора. Снова щелканье бича, и они летят вперед быстрым галопом; лошади встряхивают головами и гремят сбруей, словно опьяненные стремительным бегом, а кучер, держа одной рукой бич и вожжи, другой снимает шляпу и, положив ее на колени, достает носовой платок и вытирает лоб: отчасти потому, что такая у него привычка, а отчасти потому, что не худо показать пассажирам, как он хладнокровен и какое это легкое дело – править четверкой, если есть у вас такой же навык, как у него. Проделав это неторопливо (иначе эффект был бы в значительной мере испорчен), он прячет носовой платок,

надевает шляпу, поправляет перчатки, оттопыривает локти, щелкает снова бичом, и лошади мчатся еще веселее.

Несколько домиков, разбросанных по обеим сторонам дороги, предвещают въезд в какой-то город или деревню. Веселые звуки кондукторского рожка вибрируют в прозрачном холодном воздухе и пробуждают старого джентльмена в карете, который, заботливо опуская до половины оконную раму и наблюдая погоду, выглядывает на секунду, а затем, заботливо поднимая ее снова, уведомляет другого пассажира, что сейчас будут менять лошадей. Тогда другой пассажир просыпается и решает вздремнуть позднее, уже после остановки. Снова весело звучит рожок и будит жену и детей обитателя коттеджа, те выглядывают из дверей дома и следят за каретой, пока она не заворачивает за угол, а потом снова укладываются возле пылающего в очаге огня и подбрасывают еще поленьев на случай, если сейчас вернется отец; а сам отец на расстоянии доброй мили от дома только что обменялся дружеским кивком с кучером и повернулся, чтобы долгим взглядом проводить экипаж, уносящийся вдаль.

А теперь рожок играет веселую мелодию, карета с грохотом проезжает по скверно вымощенным улицам провинциального городка, а кучер, отстегнув пряжку, скрепляющую его вожжи, готовится бросить их, как только остановит лошадей. Мистер Пиквик высовывается из воротника пальто и озирается с большим любопытством. Заметив это, кучер объявляет мистеру Пиквику название города и сообщает ему, что вчера был базарный день; и то и другое мистер Пиквик передает своим спутникам, после чего и они высовываются из воротников пальто и также озираются. Мистер Уинкль, который сидит у самого края, болтая одной ногой в воздухе, едва не вылетает на мостовую, когда карета круто поворачивает за угол возле молочной лавки и выезжает на базарную площадь; мистер Снодграсс, который сидит рядом с ним, еще не оправился от испуга, а они уже останавливаются у постоялого двора, где ждут свежие лошади с наброшенными на них попонами. Кучер бросает вожжи и слезает, другие наружные пассажиры спрыгивают, – кроме тех, которые, не слишком доверяя своей способности снова взобраться наверх, остаются на местах и, чтобы согреть ноги, колотят ими по карете, обратив тоскующие взоры и красные носы к яркому огню в буфетной гостиницы и к веткам остролистника с красными ягодами, украшающим окно.

Тем временем кондуктор доставил в лавку торговца зерном пакет в оберточной бумаге, извлеченный из маленькой сумки, висящей у него через плечо на кожаном ремне; позаботился, чтобы старательно запрягли лошадей; сбросил на мостовую седло, привезенное из Лондона на крыше кареты; принял участие в совещании кучера с конюхом о серой кобыле, повредившей себе переднюю ногу в прошлый вторник; и вот уже он с мистером Уэллером устроился сзади, а кучер устроился спереди, а старый джентльмен, сидевший в карете и все время державший окно опущенным на целых два дюйма, снова поднял его; попоны сняты, и все готовы тронуться в путь, кроме «двух полных джентльменов», о которых кучер осведомился с некоторым нетерпением. Вслед за сим кучер, и кондуктор, и Сэм Уэллер, и мистер Уинкль, и мистер Снодграсс, и все конюхи, и все до единого зеваки, превосходящие численностью всех остальных вместе взятых, призывают во всю глотку отсутствующих джентльменов. Со двора доносится заглушенный ответ, и мистер Пиквик с мистером Тапменом бегут, едва переводя дух, ибо они выпили по стакану эля и у мистера Пиквика до того окоченели пальцы, что он целых пять минут не мог выловить шесть пенсов, чтобы расплатиться. Кучер кричит предостерегающе: «Ну-с, джентльмены!» Кондуктор вторит ему; старый джентльмен в карете недоумевает, почему иные люди, зная, что нет времени спускаться с крыши, все-таки спускаются; мистер Пиквик карабкается с одной стороны, мистер Тапмен – с другой; мистер Уинкль кричит: «Все в порядке!» – и они трогаются в путь. Шарфы натянуты, воротники пальто подняты, мостовая кончается, дома исчезают, и они снова мчатся по широкой дороге, и свежий, чистый воздух обвевает им лица и радует сердца.

Так совершали свое путешествие мистер Пиквик и его друзья в «Магльтонском телеграфе» по дороге в Дингли Делл. И в три часа пополудни все они стояли в целости и сохранности,

здоровые и невредимые, веселые и довольные, на ступеньках «Синего Льва», выпив по дороге вполне достаточно эля и бренди, чтобы презирать мороз, который сковывал землю своими железными цепями и оплетал красивыми кружевами деревья и кусты.

Мистер Пиквик был чрезвычайно занят, он пересчитывал бочонки с устрицами и присматривал за выгрузкой трески, как вдруг почувствовал, что его кто-то тихонько дергает за полы пальто. Оглянувшись, он обнаружил, что человек, который воспользовался этим способом привлечь его внимание, был не кто иной, как любимый паж мистера Уордля, более известный читателям этой неприукрашенной повести под наименованием жирного парня.

– А-а! – сказал мистер Пиквик.

– А-а! – сказал жирный парень.

При этом он перевел взгляд с трески на бочонки с устрицами и радостно захихикал. Он стал еще толще.

– Ну с, вид у вас довольно цветущий, мой юный друг, – сказал мистер Никвик.

– Я спал у самого камина в буфетной, – отозвался жирный парень, который за час, проведенный в дремоте, раскраснелся, как новая дымовая труба. – Хозяин прислал меня сюда с тележкой, чтобы отвезти домой ваш багаж. Он выслал бы верховых лошадей, но решил, что день холодный и вы захотите пройтись пешком.

– Да, да, – поспешно сказал мистер Пиквик, ибо помнил о том, как они путешествовали в этих краях. – Да, мы предпочитаем пройтись. Сэм!

– Сэр? – отозвался мистер Уэллер.

– Помогите слуге мистера Уордля уложить вещи в тележку и поезжайте вместе с ним. Мы отправляемся пешком сейчас же.

Отдав это распоряжение и попрощавшись с кучером, мистер Пиквик и его три друга свернули на тропинку, пересекавшую поля, и удалились быстрым шагом, оставив мистера Уэллера и жирного парня впервые лицом к лицу.

Сэм взглянул на жирного парня с большим изумлением, но не проронил ни слова и начал быстро укладывать багаж в тележку, в то время как жирный парень спокойно стоял рядом и, казалось, считал весьма интересным занятием наблюдать, как работает мистер Уэллер.

– Вот! – сказал Сэм, бросая в тележку последний саквояж. – Вот и готово.

Да, вот и готово, – повторил жирный парень очень довольным тоном.

– Ну-с, молодая туша в двести фунтов, – сказал Сэм, – вы недурной образчик премированного юнца.

– Благодарю вас, – отозвался жирный парень.

– У вас ничего такого нет на душе, что бы вас тревожило? – осведомился Сэм.

– Ни о чем таком я не знаю, – ответил жирный парень.

– А я, глядя на вас, подумал бы, что вы страдаете от безответной любви к какой-нибудь молодой особе, – сказал Сэм.

Жирный парень отрицательно покачал головой.

– Рад это слышать, – сказал Сэм. – Вы что-нибудь пьете?

– Я больше люблю поесть, – ответил жирный парень.

– Так-так! – сказал Сэм. – Следовало бы мне догадаться. Но я вот что имею в виду: не хотите ли чего-нибудь глотнуть, чтобы согреться? А впрочем, вам, должно быть, никогда не бывает холодно с такой жирной прокладкой.

– Иногда бывает, – ответил парень, – и я не прочь чего-нибудь глотнуть, если это вкусно.

– А, так вы не прочь? – сказал Сэм. – В таком случае пожалуйте сюда.

Они тотчас заняли место в буфетной «Синего Льва», и жирный парень проглотил свой стаканчик виски, даже глазом не моргнув, – подвиг, который значительно возвысил его в глазах мистера Уэллера. Когда мистер Уэллер в свою очередь покончил с тем же делом, они сели в тележку.

– Вы умеете править? – спросил жирный парень.

– Пожалуй, справлюсь, – ответил Сэм.

– Так вот, – сказал жирный парень, вкладывая ему в руки вожжи и указывая на дорогу, – все время прямо – с дороги не собьетесь.

С этими словами жирный парень, с нежностью взглянув на треску, улегся рядом с ней и, подложив под голову устричный бочонок вместо подушки, мгновенно заснул.

– Вот так, так! – сказал Сэм. – Из всех парней, каких мне случалось видеть, этот молодой джентльмен самый хладнокровный. Эй, проснись, пузырь!

Но так как юный пузырь не проявлял никаких признаков жизни, Сэм Уэллер уселся на передок тележки, дернул вожжи, и старая лошадь, тронувшись с места, не спеша затрусила по направлению к Менор Фарм.

Тем временем мистер Пиквик и его друзья, у которых благодаря ходьбе кровь начала энергически циркулировать, весело продолжали путь. Земля отвердела; трава была тронута морозом и шуршала; в воздухе чувствовался приятный, сухой, бодрящий холодок; а быстрое приближение серых сумерек (цвет грифеля более подходит для описания их в морозную погоду) заставило пиквикистов с удовольствием предвкушать тот комфорт, который их ждал у гостеприимного хозяина. Был один из тех дней, какие могут побудить двух пожилых джентльменов в открытом поле снять пальто и начать игру в чехарду исключительно от неподдельной радости и веселья; и мы твердо убеждены, что, подставь мистер Тапмен в этот момент спину, мистер Пиквик принял бы его предложение с величайшей готовностью.

Однако Тапмен не выдвинул такого предложения, и наши друзья, весело беседуя, продолжали путь. Когда они свернули на дорогу, по которой им предстояло идти, гул голосов коснулся их слуха, и не успели они высказать предположение, кому принадлежат эти голоса, как очутились в самом центре группы, ожидавшей их прибытия, факт, возвещенный пиквикистам громким «ура», сорвавшимся с уст старого Уордля, как только они появились.

Прежде всего здесь был сам Уордль, казавшийся, пожалуй, еще жизнерадостнее, чем обычно; засим здесь была Белла со своим преданным Трандлем и, наконец, Эмили и восемь – десять юных леди, явившихся на свадьбу, назначенную на следующий день, и пребывавших в том счастливом и торжественном настроении, в каком обычно пребывают юные леди по случаю таких знаменательных событий; все они оглашали, вдоль и вширь, поля и дороги своими шутками и смехом.

Церемония представления при таких обстоятельствах совершилась очень быстро, или, вернее, с представлением было покончено вообще без всякой церемонии. Две минуты спустя мистер Пиквик шутил с молодыми леди, которые не хотели перелезать через изгородь, в то время как он на них смотрит, а равно и с теми, которые, гордясь красивыми ногами и безукоризненными лодыжками, предпочитали стоять минут пять на верхней перекладине, заявляя, будто они слишком испуганы, чтобы сдвинуться с места, – шутил с такой непринужденностью и свободою, словно знал их всю жизнь. Следует также отметить, что мистер Снодграсс помогал Эмили значительно усерднее, чем того требовал ужас перед изгородью, хотя последняя была вышиной в целых три фута и у перелаза было положено всего два камня; а некая черноглазая молодая леди в очень изящных сапожках, опушенных мехом, взвизгнула очень громко, когда мистер Уинкль предложил помочь ей перебраться.

Все это было очень мило и весело. И когда трудности, связанные с перелазом, были, наконец, преодолены и все снова вышли в открытое поле, старик Уордль сообщил мистеру Пиквику, что они все ходили осматривать обстановку в том доме, где предстояло после

рождества поселиться молодой чете; при этом сообщении Белла и Трандль раскраснелись не меньше жирного парня у камина в буфетной, а юная леди с черными глазками и меховой опушкой на сапожках шепнула что-то на ухо Эмили, а потом лукаво взглянула на мистера Снодграсса; в ответ на это Эмили назвала ее глупышкой, но тем не менее очень покраснела, а мистер Снодграсс, который отличался тою скромностью, какой обычно отличаются гении, почувствовал, как румянец заливает его до самого темени, и пламенно пожелал в глубине своего сердца, чтобы вышеупомянутая молодая леди со своими черными глазками, со своим лукавством и со своими опушенными мехом сапожками благополучно перенеслась в смежное графство.

Все были счастливы и довольны, шагая к дому, а какой радушный, теплый прием ждал их, когда они явились на ферму! Даже слуги ухмыльнулись от удовольствия при виде мистера Пиквика; а Эмма подарила мистеру Тапмену полузастенчивый, полудерзкий и очень милый взгляд, которого было бы достаточно, чтобы заставить статую Бонапарта, стоявшую в коридоре, немедленно раскрыть свои объятия и заключить ее в них.

Старая леди восседала со свойственным ей величием в парадной гостиной, но она была чрезвычайно раздражена, и поэтому глухота ее весьма усилилась. Сама она никогда не выходила из дому и, подобно очень многим старым леди такого же склада, склонна была считать изменой домашним порядкам, если кто-нибудь осмеливался сделать то, чего она не могла. И – да благословит бог ее старую душу! – она восседала, выпрямившись, насколько возможно, в своем большом кресле, и хотя вид у нее был самый гневный, но, несмотря на это, благожелательный.

– Матушка, – сказал Уордль, – вот мистер Пиквик. Вы его припоминаете?

– Какое это имеет значение! – отозвалась старая леди с большим достоинством. – Не докучайте мистеру Пиквику из-за такой старухи, как я. Теперь никому нет до меня дела, и это вполне естественно.

Тут старая леди тряхнула головой и дрожащими руками разгладила свое шелковое платье цвета лаванды.

– Что вы, сударыня! – сказал мистер Пиквик. – Я не могу допустить, чтобы вы отталкивали старого друга. Я приехал сюда специально для того, чтобы побеседовать с вами и сыграть еще роббер; и мы покажем этим юношам и девицам, как танцуют менуэт, раньше чем они успеют стать на сорок восемь часов старше.

Старая леди сдавалась, но ей не хотелось сделать это сразу; посему она сказала только:

– Ах, я не слышу!

– Вздор, матушка! – возразил Уордль. – Полно, полно, не сердитесь, пожалуйста. Вспомните о Белле: ведь вы должны подбодрить бедняжку!

Добрая старая леди расслышала эти слова, ибо губы у нее дрогнули. Но старость имеет свои маленькие слабости, и старушка была еще не совсем умиротворена. Поэтому она снова разгладила платье цвета лаванды и, повернувшись к мистеру Пиквику, сказала:

– Ах, мистер Пиквик, молодежь была совсем другой, когда я была девушкой!

– В этом нет никаких сомнений, сударыня, – отозвался мистер Пиквик. Вот почему я особенно ценю тех немногих особ, которые сохраняют следы старого закала.

С этими словами мистер Пиквик мягко притянул к себе Беллу и, поцеловав ее в лоб, предложил ей сесть на скамеечку у ног бабушки. Выражение ли ее лица, обращенного к лицу старой леди, напомнило о былых временах, или старая леди была растрогана ласковым добродушием мистера Пиквика, или почему бы там ни было, но она расчувствовалась, бросилась на шею внучке, и все ее дурное расположение духа растаяло в потоке безмолвных слез.

Счастливы были все в тот вечер. Степенно и торжественно сыграны были несколько робберов мистером Пиквиком и старой леди, шумным было веселье за круглым столом. Долго еще после того, как леди удалились, мужчин обносили снова и снова горячим глинтвейном, искусно приправленным бренди и специями; и крепок был сон, и приятны сопутствующие ему сновидения. Заслуживает внимания тот факт, что сновидения мистера Снодграсса неизменно были связаны с Эмили Уордль, а главным действующим лицом в видениях мистера Уинкля была молодая леди с черными глазками, лукавой улыбкой и парой удивительно изящных сапожков с меховой оторочкой.

Мистер Пиквик был разбужен рано утром гулом голосов и топотом, которые могли бы нарушить даже глубокий сон жирного парня. Он приподнялся в постели и прислушался. Слуги и гости женского пола неустанно бегали взад и вперед; требования горячей воды были так многочисленны, мольбы об иголках и нитках так бесконечны и так бесчисленны приглушенные просьбы: «О, будьте так добры, зашнуруйте меня», что мистер Пиквик в невинности своей начал воображать, будто произошло нечто ужасное, но, разогнав дремоту, он вспомнил о свадьбе. Так как событие было важное, он оделся с особой тщательностью и спустился к завтраку.

Все служанки в одинаковых платьях из розового муслина, с белыми бантами на чепцах метались по дому, пребывая в том суетливом и возбужденном состоянии, которое немыслимо описать. Старая леди была одета в парчовое платье, двадцать лет не видавшее дневного света, за исключением тех случайных лучей, какие проникали в щели сундука, где оно хранилось в течение всего этого времени. Мистер Трандль был в прекраснейшем расположении духа, но, впрочем, несколько нервическом. Добродушный хозяин старался быть очень веселым и беззаботным, но в этой попытке явно терпел неудачу. Все девушки были в слезах и белом муслине, за исключением двух-трех избранных, которые удостоились чести лицезреть наверху невесту и подружек. Все пиквикисты облеклись в превосходнейшие костюмы, а на лужайке перед домом раздавался ужасающий гул, производимый всеми мужчинами, юношами и неуклюжими подростками, состоявшими при ферме, из коих у каждого был белый бант в петлице, и все до единого кричали изо всех сил, подстрекаемые советом и примером мистера Сэмюела Уэллера, который уже ухитрился стать весьма популярным и чувствовал себя как дома, словно родился на этой ферме.

Свадьба – излюбленная мишень для шуток, но в конце концов в этом, право же, нет ничего смешного. Мы говорим только о церемонии и предупреждаем, что не позволим себе никаких скрытых сарказмов, направленных против супружеской жизни. С удовольствием и радостью, вызванными этим событием, связаны многие сожаления при прощании с родным домом, слезы при разлуке родителей с ребенком, сознание, что покидаешь самых дорогих друзей счастливейшей поры человеческой жизни, чтобы встретиться с ее заботами и невзгодами среди новых людей, еще не испытанных и малоизвестных, – все это естественные чувства, описанием коих мы бы не хотели омрачать эту главу и тем менее вызвать к ним насмешливое отношение.

Скажем коротко, что обряд был совершен старым священником в приходской церкви Дингли Делла и что имя мистера Пиквика занесено в книгу, хранящуюся по сей день в ризнице этой церкви; что молодая леди с черными глазками написала свое имя очень нетвердым и дрожащим почерком; что подпись Эмили, так же как и других подружек, почти нельзя прочесть; что все прошло самым изумительным образом; что молодые леди нашли все это менее страшным, чем они предполагали, и что хотя обладательница черных глазок и лукавой улыбки заявила мистеру Уинклю о своей уверенности в том, будто она никогда не могла бы согласиться на нечто столь ужасное, у нас есть все основания думать, что она ошибалась. Ко всему этому можем добавить, что мистер Пиквик был первым, кто поздравил новобрачную и при этом надел ей на шею прекрасные золотые часы с цепочкой, каких еще не видели глаза

ни единого смертного, кроме ювелира. Затем старый церковный колокол зазвонил так весело, как только мог, и все вернулись к завтраку.

– Куда поставить мясной паштет, юный потребитель опиума? – спросил мистер Уэллер жирного парня, помогая размещать на столе те яства, которые не были должным образом расставлены накануне вечером.

Жирный парень указал место, предназначенное для паштетов.

– Отлично, – сказал Сэм. – Воткните туда веточку рождественской елки. Другое блюдо напротив. Вот так! Теперь у нас вид приятный и аккуратный, как сказал отец, отрубив голову своему сынишке, чтобы излечить его от косоглазия.

Сделав такое сравнение, мистер Уэллер отступил шага на два, чтобы оценить эффект во всей его полноте, и с величайшим удовлетворением обозрел сделанные приготовления.

– Уордль, – сказал мистер Пиквик, как только все уселись, – стакан вина в честь этого счастливого события.

– С восторгом, мой друг, – ответил мистер Уордль. – Джо... несносный малый, он спит!

– Нет, я не сплю, сэр, – возразил жирный парень, выходя из дальнего угла, где, подобно святому патрону жирных мальчиков – бессмертному Хорнеру[91], пожирал рождественский пирог, не проявляя, однако, того хладнокровия и рассудительности, какие вообще характеризовали действия этого юного джентльмена.

– Налей вина мистеру Пиквику.

– Слушаю, сэр.

Жирный парень наполнил стакан мистера Пиквика и поместился за стулом своего хозяина, откуда наблюдал с какой-то мрачной и хмурой, но удивительной радостью игру ножей и вилок и путешествие лакомых кусков с тарелок к устам сотрапезников.

– Да благословит – вас бог, старина! – сказал мистер Пиквик.

– И вас также, мой друг, – отозвался Уордль, и они сердечно выпили за здоровье друг друга.

– Миссис Уордль! – сказал мистер Пиквик. – Мы, старики, должны вместе выпить винца в честь этого радостного события.

Старая леди казалась в этот момент весьма величественной, восседая в своем парчовом платье во главе стола, с новобрачной внучкой по одну руку и мистером Пиквиком, на которого была возложена обязанность резать жаркое, по другую. Мистер Пиквик говорил не очень громко, но она поняла его сразу и выпила полную рюмку вина за его здоровье и счастье. После сего достойная старушка углубилась в полный и подробный доклад о своей собственной свадьбе, присовокупив диссертацию о моде носить башмаки на высоких каблуках и некоторые детали, касающиеся жизни и приключений прекрасной леди Толлимглауэр, ныне покойной; над всем этим старая леди сама смеялась от души, смеялись и молодые леди, недоумевая, о чем в сущности толкует бабушка. Когда они смеялись, старая леди смеялась еще в десять раз веселее и объявила, что эту историю считали занимательной; это заставило всех снова расхохотаться и привело старую леди в наилучшее расположение духа. Засим разрезали и обнесли вокруг стола сладкий пирог; молодые леди припрятали по кусочку, чтобы положить под подушку и увидеть во сне своего суженого; по этому случаю они сильно раскраснелись и оживились.

– Мистер Миллер, – сказал мистер Пиквик своему старому знакомому, здравомыслящему джентльмену, – стаканчик вина?

– С большим удовольствием, мистер Пиквик, – торжественно ответил здравомыслящий джентльмен.

– Вы примете меня в компанию? – осведомился благодушный старый священник.

– И меня! – добавила его жена.

– И меня, и меня! – сказали двое бедных родственников, которые сидели на другом конце стола, ели и пили с большим увлечением и смеялись по всякому поводу.

Мистер Пиквик выражал искреннее удовольствие при каждом новом предложении; глаза у него сияли радостью и весельем.

– Леди и джентльмены! – сказал мистер Пиквик, неожиданно вставая.

– Внимание! Внимание! Внимание! – кричал от избытка чувств мистер Уэллер.

– Позовите всех слуг! – воскликнул старый Уордль, вмешиваясь, чтобы предотвратить публичный выговор, который в противном случае несомненно получил бы мистер Уэллер от своего хозяина. – Дайте каждому по стакану вина, пусть все присоединятся к тосту. Продолжайте, Пиквик!

Гости замолчали, служанки начали шептаться, слуги пребывали в неловком замешательстве. Мистер Пиквик продолжал:

– Леди и джентльмены... Нет, я не скажу – леди и джентльмены, я вас назову своими друзьями, своими дорогими друзьями, если леди разрешат мне такую вольность...

Тут леди, а за ними и джентльмены прервали мистера Пиквика оглушительными рукоплесканиями, во время которых было отчетливо слышно, как обладательница черных глазок заявила, что готова расцеловать этого милого мистера Пиквика.

Вслед за этим мистер Уинкль галантно осведомился, нельзя ли это сделать через посредника, на что юная леди с черными глазками ответила: «Отстаньте!» – и присовокупила к этому требованию взгляд, который сказал так ясно, как только может быть ясен взгляд: «Если можете».

– Мои дорогие друзья, – продолжал мистер Пиквик, – я предлагаю тост за здоровье новобрачных, да благословит их бог. (Рукоплескания и слезы.) Моего юного друга Трандля я считаю превосходнейшим и мужественным человеком; и мне известно, что его жена – очень милая и очаровательная девушка, обладающая всеми данными для того, чтобы перенести в новую сферу деятельности то счастье, какое в течение двадцати лет она изливала вокруг себя в доме своего отца. (Тут жирный парень разразился оглушительным ревом и был выведен за шиворот мистером Уэллером.) Я сожалею, – добавил мистер Пиквик, – я сожалею, что недостаточно молод, чтобы стать супругом ее сестры (рукоплескания), но раз это невозможно, я радуюсь тому, что я достаточно стар, чтобы быть ей отцом, ибо теперь меня не могут заподозрить в каких-либо тайных замыслах, если я скажу, что восхищаюсь ими обеими, уважаю их и люблю. (Рукоплескания и всхлипывания.) Отец новобрачной – наш дорогой друг, благородный человек, и я горжусь знакомством с ним. Он – человек добрый, превосходный, независимый, великодушный, гостеприимный, щедрый. (Восторженные возгласы бедных родственников, приветствовавших все эпитеты и в особенности два последних.) Да насладится его дочь тем счастьем, какое он может ей пожелать, и, созерцая ее блаженство, да обретет он то сердечное удовлетворение и тот душевный мир, которых заслуживает, – таково, в этом я убежден, наше общее желание. Итак, выпьем за их здоровье и пожелаем им долгой жизни и всяческих благ!

Мистер Пиквик умолк под гром рукоплесканий, и еще раз легкие статистов под управлением мистера Уэллера заработали быстро и энергически. Мистер Уордль провозгласил тост за мистера Пиквика; мистер Пиквик провозгласил тост за старую леди; мистер Снодграсс провозгласил тост за мистера Уордля; мистер Уордль провозгласил тост за мистера Снодграсса; один из бедных родственников провозгласил тост за мистера Тапмена, а другой бедный родственник провозгласил тост за мистера Уинкля; все были счастливы и оживлены, пока таинственное исчезновение двух бедных родственников, очутившихся под столом, не предупредило собравшихся, что пора сделать перерыв.

За обедом все встретились снова после двадцатипятимильной прогулки, предпринятой по совету Уордля, с целью избавиться от действия вина, выпитого за завтраком. Бедные родственники пролежали весь день в постели, чтобы достигнуть той же вожделенной цели, но, не добившись успеха, там и остались. Мистер Уэллер поддерживал среди слуг неумолчный смех, а жирный парень разделил свой досуг на малые доли, посвященные попеременно еде и сну.

Обед прошел так же весело, как завтрак, и столь же шумно, но без слез. Затем – десерт и новые тосты, чай и кофе, а затем бал.

Лучшая гостиная в Менор Фарм была прекрасной, длинной, обшитой темной панелью комнатой с высоким кожухом над камином и таким широким камином, что туда мог бы въехать новый патентованный кэб вместе с колесами и всем прочим. В дальнем конце комнаты сидели в тенистой беседке из остролистника и вечнозеленых растений два лучших скрипача и единственный арфист во всем Магльтоне. Во всех уголках и на всевозможных подставках стояли массивные старые серебряные канделябры о четырех свечах каждый. Ковер был убран, свечи горели ярко, огонь пылал и трещал в камине, и веселые голоса и беззаботный смех звенели в комнате. Если бы английские йомены[92] доброго старого времени превратились после смерти в эльфов, они устраивали бы свои пирушки как раз в такой комнате.

И если что-либо могло повысить интерес этого приятного вечера, то это было появление мистера Пиквика без гетр – замечательное событие, случившееся впервые на памяти его старейших друзей.

– Вы собираетесь танцевать? – спросил Уордль.

– Всенепременно! – ответил мистер Пиквик. – Разве вы не видите, что я оделся специально для этой цели?

Мистер Пиквик указал на свои шелковые чулки в крапинку и элегантно зашнурованные лакированные туфли.

– Вы в шелковых чулках! – шутливо воскликнул мистер Тапмен:

– А почему бы и нет, сэр, почему бы и нет? – с жаром воскликнул мистер Пиквик, поворачиваясь к нему.

– О, конечно, нет никаких оснований, почему бы вам их не надеть, – отозвался мистер Тапмен.

– Полагаю, что нет, сэр, полагаю, что нет, – сказал мистер Пиквик безапелляционным тоном.

Мистер Тапмен рассчитывал посмеяться, но обнаружил, что это вопрос серьезный; поэтому он сделал сосредоточенную мину и заметил, что на них красивый узор.

– Надеюсь, – отозвался мистер Пиквик, устремляя взгляд на своего друга.

– Смею думать, сэр, что вы не находите ничего удивительного в этих чулках как таковых?

– Конечно, нет. О, конечно, нет! – ответил мистер Тапмен.

Он отошел, и лицо мистера Пиквика вновь обрело свойственное ему благодушное выражение.

– Кажется, мы все готовы, – сказал мистер Пиквик, который стоял в первой паре со старой леди и уже четыре раза срывался с места невпопад в страстном желании поскорее начать.

– В таком случае начинайте, – сказал Уордль. – Ну!

Две скрипки и одна арфа заиграли, и мистер Пиквик двинулся вперед к своим vis-a-vis, как вдруг все захлопали в ладоши и закричали:

– Стойте, стойте!

– Что случилось? – спросил мистер Пиквик, который остановился только потому, что скрипки и арфа умолкли; никакая иная сила в мире не могла бы его остановить, даже если бы загорелся дом.

– Где Арабелла Эллен? – воскликнуло несколько голосов.

– И Уинкль? – добавил мистер Тапмен.

– Мы здесь! – воскликнул сей джентльмен, появляясь из угла вместе со своей хорошенькой собеседницей, причем трудно было сказать, кто из них больше покраснел – он или юная леди с черными глазками.

– Как это странно, Уинкль, – с некоторым раздражением сказал мистер Пиквик, – что вы не могли занять свое место раньше.

– Ничуть не странно, – отозвался мистер Уинкль.

– Гм... – произнес мистер Пиквик с весьма выразительной улыбкой, когда его глаза остановились на Арабелле. – Гм... пожалуй, я не знаю, так ли уж это странно.

Впрочем, размышлять об этом не было времени, ибо скрипки и арфа принялись за дело всерьез. Мистер Пиквик выступил – руки накрест; вот он на середине комнаты и несется в самый дальний угол; резкий поворот у камина, и он мчится назад к двери. Все кружатся, крестообразно взявшись за руки; наконец, громко отбивают ногами такт и уступают место следующей паре; повторяется вся фигура – опять отбивается такт, выступает следующая пара, еще одна и еще – оживление небывалое. Наконец, когда все фигуры были исполнены всеми четырнадцатью парами и когда старая леди в изнеможении вышла из круга, а ее место заняла жена священника, мистер Пиквик не переставал, хотя никакой нужды в таких упражнениях не было, отплясывать на месте в такт музыке, улыбаясь при этом своей даме с нежностью, не поддающейся никакому описанию.

Задолго до этого момента, когда мистер Пиквик устал от танцев, новобрачные удалились со сцены. Тем не менее внизу был подан превосходный ужин, после которого долго не расходились; и когда мистер Пиквик проснулся на следующее утро довольно поздно, у него сохранилось смутное воспоминание, что он пригласил, порознь и конфиденциально, человек сорок пять отобедать вместе с ним в «Джордже и Ястребе», как только они приедут в Лондон, – факт, который мистер Пиквик справедливо расценивал как несомненный показатель того, что в прошлый вечер он занимался не только танцами.

– Так, стало быть, моя милая, сегодня вечером всем домом устраиваются игры на кухне? – осведомился Сэм у Эммы.

– Да, мистер Уэллер, – ответила Эмма. – У нас заведено праздновать так каждый сочельник. Хозяин ни за что не откажется от этого.

– У вашего хозяина правильное понятие о развлечениях, – заметил мистер Уэллер. – Никогда еще я не видывал такого разумного человека и такого настоящего джентльмена.

– Вот это верно! – сказал жирный парень, вмешиваясь в разговор. – Каких он славных свиней разводит!

И жирный парень по-каннибальски подмигнул мистеру Уэллеру при мысли о жареных окороках и свином сале.

– О, наконец-то вы проснулись! – сказал Сэм.

Жирный парень кивнул.

– Вот что я вам скажу, молодой удав, – внушительно произнес мистер Уэллер. – Если вы не будете поменьше спать и побольше двигаться, вы подвергнетесь, когда станете постарше, такой же неприятности, какая случилась со старым джентльменом, носившим косицу.

– А что с ним сделали? – прерывающимся голосом осведомился жирный парень.

– А вот послушайте, – сказал мистер Уэллер. – Это был такой толстяк, какого редко встретишь, такой жирный мужчина, что за сорок пять лет ни разу не видел собственных башмаков.

– Господи! – воскликнула Эмма.

– Да, не видел, моя милая, – сказал мистер Уэллер. И если бы вы положили перед ним на обеденный стол точную модель его собственных ног, он бы их не узнал. Ну, так вот, отправляясь в свою контору, он всегда надевал красивую золотую цепочку от часов, спускавшуюся этак на фут с четвертью, и носил в брючном кармашке часы, которые стоили... боюсь сказать, сколько, но не меньше, чем могут стоить часы... большие, тяжелые, круглой фабрикации, как раз под стать такому ужасному толстяку, и с огромным циферблатом. «Вы бы лучше не носили этих часов, – говорят старому джентльмену его друзья, – их у вас украдут». – «Украдут?» – говорит он. «Да, говорят, украдут». – «Ну, говорит он, – хотел бы я посмотреть на того вора, который может вытащить часы, потому что, будь я проклят, если я сам могу их вытащить, так они тут плотно прижаты; и когда мне хочется узнать, который час, я должен, говорит, заглядывать в булочные». Тут он хохочет так, что вот-вот лопнет, и опять отправляется с напудренной головой и косицей, переваливается по Стрэнду, а цепочка свешивается ниже, чем когда бы то ни было, а огромные круглые часы чуть не разрывают серые шерстяные штаны. Не было во всем Лондоне ни одного карманника, который не дергал бы за эту цепочку, но цепочка никогда не рвалась, а часы не вылезали из кармана, и скоро воришкам надоело таскать за собой по тротуару такого грузного старого джентльмена, а он возвращался домой и хохотал так, что косица болталась, словно маятник голландских часов. Но вот однажды катится старый джентльмен по улице и видит, что карманник, которого он знал в лицо, идет под руку с маленьким мальчиком, а у того огромная голова. «Вот потеха, – говорит себе старый джентльмен, – они хотят еще разок попытаться, но это не пройдет». Тут он начинает весело смеяться, как вдруг мальчик выпускает руку карманника и бросается вперед, прямо головой в живот старого джентльмена, и тот на секунду сгибается вдвое от боли. «Убили!» – кричит старый джентльмен. «Все в порядке, сэр», – говорит ему на ухо карманник. А когда старый джентльмен опять выпрямился, часов и цепочки как не бывало, и – что еще хуже – у него пищеварение с тех пор никуда не годилось до конца жизни. Примите это к сведению, молодой человек, и позаботьтесь, чтобы не слишком растолстеть!

Когда мистер Уэллер закончил эту поучительную повесть, которая, казалось, произвела большое впечатление на жирного парня, они отправились все втроем в большую кухню, где к тому времени собрались все домочадцы согласно обычаю, связанному с сочельником и соблюдавшемуся праотцами старого Уордля с незапамятных времен.

К середине потолка в кухне старый Уордль только что подвесил собственноручно огромную ветку омелы, и эта самая ветка омелы мгновенно вызвала веселую возню и суматоху, в разгар коих мистер Пиквик с галантностью, которая сделала бы честь потомку самой леди Толлимглауэр, взял старую леди под руку, повел ее под мистическую ветку и поцеловал учтиво и благопристойно. Старая леди подчинилась этому акту вежливости со всем достоинством, какое приличествовало столь важному и серьезному обряду, но леди помоложе, не будучи в такой мере проникнуты суеверным почтением к обряду или воображая, будто прелесть поцелуя увеличивается, если он достается с некоторым трудом, визжали и сопротивлялись, разбегались по углам, угрожали и возражали – словом, делали все, только не уходили из комнаты до тех пор, пока некоторые из наименее предприимчивых джентльменов не собрались было отступить, после чего молодые леди тотчас же нашли бессмысленным сопротивляться дольше и любезно дали себя поцеловать.

Мистер Уинкль поцеловал молодую леди с черными глазками, мистер Снодграсс поцеловал Эмили, а мистер Уэллер, не придавая особого значения обряду, который требовал целовать, находясь под омелой, целовал Эмму и других служанок, как только ему удавалось их поймать. Что касается бедных родственников, то они целовали всех, не исключая даже

самых некрасивых молодых леди, гостивших в доме, которые в крайнем смущении бросились, сами того не ведая, под омелу, как только она была повешена. Уордль стоял спиной к камину, созерцая всю эту сцену с величайшим удовольствием, а жирный парень не упустил случая присвоить и уплести без промедления особенно лакомый мясной паштет, который был припасен для кого-то другого.

Затем визг затих, лица раскраснелись, кудри растрепались, и мистер Пиквик, поцеловав, как упомянуто было выше, старую леди, стоял под омелой, взирая с довольным лицом на все, что происходило вокруг, как вдруг молодая леди с черными глазками, пошептавшись с другими молодыми леди, бросилась вперед и, обвив шею мистера Пиквика, нежно поцеловала его в левую щеку, и не успел мистер Пиквик хорошенько сообразить, в чем дело, как все молодые леди его окружили, и каждая подарила его поцелуем.

Приятно было видеть в центре группы мистера Пиквика, которого тащили то в одну сторону, то в другую и целовали в подбородок, в нос, в очки, и приятно было слышать взрывы смеха, раздававшегося со всех сторон, но еще приятнее было видеть, как мистер Пиквик, которому вскоре после этого завязали глаза шелковым носовым платком, натыкался на стены, шарил по углам и проходил через все таинства жмурок, получая величайшее удовольствие от игры, пока, наконец, не поймал одного из бедных родственников, и тогда ему самому пришлось убегать от жмурки, что он делал с легкостью и проворством, вызывавшими восхищение и рукоплескания всех присутствующих. Бедные родственники ловили тех, кому, по их мнению, это должно было понравиться, а когда игра затягивалась, сами давали себя поймать. Когда всем надоели жмурки, началась славная игра в «кусающего дракона»[93], и когда пальцы были в достаточной мере обожжены, а изюминки выловлены, все уселись возле очага, где ярко пылали дрова, и подан был сытный ужин и огромная чаша уоселя, чуть-чуть поменьше медного котла из прачечной; и в ней так аппетитно на вид и так приятно для слуха шипели и пузырились горячие яблоки, что положительно нельзя было устоять.

– Вот это поистине утеха! – сказал мистер Пиквик, поглядывая вокруг.

– Таков наш неизменный обычай, – отозвался мистер Уордль. – В сочельник все садятся с нами за один стол, вот как сейчас, – слуги и все, кто находится в доме. Здесь мы ждем, пока часы не пробьют полночь, возвещая наступление рождества, и коротаем время, играя в фанты и рассказывая старые истории. Трандль, мой мальчик, расшевелите хорошенько дрова в камине.

Лишь только пошевелили дрова, как посыпались мириады сверкающих искр. Багровое пламя разлило яркий свет, который проник в самые дальние углы комнаты, и отбросило веселый отблеск на все лица.

– Теперь затянем песню, рождественскую песню, – сказал Уордль. – Я вам спою одну, если никто не предлагает лучшей.

– Браво! – воскликнул мистер Пиквик. – Налейте стаканы! – крикнул Уордль. – Пройдет добрых два часа, раньше чем вы увидите дно этой чаши сквозь темно-красный уосель. Наполните стаканы и слушайте!

Затем веселый старый джентльмен без дальнейших разговоров запел приятным, звучным, сильным голосом:

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ГИМН

Что весна мне!
Пусть под ее крылом
Расцветают цветы в полях.

Но под утро холодом и дождем
Она все их развеет в прах.
Вероломный эльф не знает себя,
Не знает, что верен часок,
Улыбается он, навек губя
Беззащитный первый цветок.
Что мне солнце!
Пусть за тучи, в свой дом
В летний день идет отдыхать.
Мне и так легко, не стану о нем
Я скорбеть и к нему взывать.
Его сын любимый – жестокий бред
По следам горячки идет.
Коль сильна любовь, недолго согрет...
Это каждый – увы! – поймет.
Лунный свет порой осенних работ,
Пронизая ночную тень,
Мне милей и больше меня влечет,
Чем бесстыдный и яркий день.
Но увижу – лист на земле лежит,
И на сердце тоска легла.
Опадают листья – сердце щемит,
Разве осень тогда мила?
Я веселым святкам гимн пою.
Золотая пришла пора!
В честь ее я чашу налил свою
И тройным встречаю «ура».
Распахнем мы дверь принять Рождество,
Старика совсем оглушим.
Пока есть вино, потешим его
И друзьями простимся с ним.
Как всегда, он горд, и к чему скрывать
Загрубелую сеть рубцов!
Не позор они – их легко сыскать
На щеках лихих моряков.
И я славлю вновь, и песня звонка –
Пусть гудит и дом и земля, –
Этой ночью славлю я старика –
Четырех времен короля.

Этой песне бурно аплодировали, ибо друзья и слуги составляют чудесную аудиторию, – в особенности бедные родственники были в подлинном экстазе. Снова подбросили дров в камин и снова наполнили стаканы уоселем.

– Какой снег! – тихо сказал один из слуг.

– Снег? – переспросил Уордль.

– Суровая, холодная ночь, – отозвался слуга. – И ветер поднялся. Он гонит снег по полю густым белым облаком.

– Что говорит Джем? – осведомилась старая леди. – Что-нибудь случилось?

– Нет матушка, – ответил Уордль. – Он говорит, что поднялась метель и ветер холодный и пронизывающий. Я бы мог догадаться об этом по тому, как он гудит в трубе.

– А! – сказала старая леди. – Помню, такой же был ветер и так же шел снег очень много лет назад – за пять лет до того, как скончался бедный ваш отец. Тогда тоже был сочельник, и помню, что в тот самый вечер он нам рассказывал историю о подземных духах, которые утащили старого Гебриела Граба.

– Какую историю? – спросил мистер Пиквик.

– О, пустяки! – отозвался Уордль. – Историю о старом пономаре, которого будто бы утащили подземные духи, как думают здешние добрые люди.

– Думают! – воскликнула старая леди. – Да разве найдется такой смельчак, который бы этому не верил? Думают! Да разве вы не слыхали с самого детства, что его похитили подземные духи, разве вы ничего не знаете об этом?

– Отлично, матушка, если вам угодно – его похитили, – смеясь, сказал Уордль. – Его похитили подземные духи, Пиквик, и конец деду.

– О нет! – возразил мистер Пиквик. – Уверяю вас, не конец, потому что я должен узнать, как и почему, вообще все подробности.

Уордль улыбнулся, видя, что все вытянули шеи, чтобы лучше слышать; щедрой рукой налив уоселя, он выпил за здоровье мистера Пиквика и начал следующий рассказ...

Но да помилует бог наше писательское сердце – в какую длинную главу дали мы себя втянуть! Заявляем торжественно: мы совсем забыли о таких пустячных ограничениях, как главы. Но так и быть, подземного духа мы выпустим в новой главе. Подземные духи – на сцену, и никакой им пощады, леди и джентльмены!

ГЛАВА XXIX.

Рассказ о том, как подземные духи похитили пономаря

«В одном старом монастырском городе, здесь, в наших краях, много-много лет назад – так много, что эта история должна быть правдивой, ибо наши прадеды верили ей слепо, – занимал место пономаря и могильщика на кладбище некто Гебриел Граб. Если человек – могильщик и постоянно окружен эмблемами смерти, из этого отнюдь не следует, что он должен быть человеком угрюмым и меланхолическим; наши могильщики – самые веселые люди в мире; а однажды я имел честь подружиться с факельщиком, который в свободное от службы время был самым забавным и шутливым молодцом из всех, кто когда-либо распевал залихватские песни, забывая все на свете, или осушал стакан доброго крепкого вина одним духом. Но, несмотря на эти примеры, доказывающие обратное, Гебриел Граб был сварливым, непокладистым, хмурым человеком – мрачным и замкнутым, который не общался ни с кем, кроме самого себя и старой плетеной фляжки, помещавшейся в большом, глубоком кармане его жилета, и бросал на каждое веселое лицо, попадавшееся ему на пути, такой злобный и сердитый взгляд, что трудно было при встрече с ним не почувствовать себя скверно.

Как-то в рождественский сочельник, незадолго до сумерек, Гебриел Граб вскинул на плечо лопату, зажег фонарь и пошел по направлению к старому кладбищу, ибо ему нужно было докончить к утру могилу, и, находясь в подавленном состоянии духа, он подумал, что, быть может, развеселится, если тотчас же возьмется за работу. Проходя по старой улице, он видел через старинные оконца яркий огонь, пылавший в каминах, и слышал громкий смех и радостные возгласы тех, что собрались возле них; он заметил суетливые приготовления к

завтрашнему пиршеству и почуял немало аппетитных запахов, которые вырывались с облаком пара из кухонных окон. Все это было – желчь и полынь для сердца Гебриела Граба; а когда дети стайками вылетали из домов, перебегали через дорогу и, не успев постучать в дверь противоположного дома, встречались с полдюжиной таких же кудрявых маленьких шалунов, толпившихся вокруг них, когда они взбирались по лестнице, чтобы провести вечер в рождественских играх, Гебриел Граб злобно усмехался и крепче сжимал рукоятку своей лопаты, размышляя о кори, скарлатине, молочнице, коклюше и многих других источниках утешения.

В таком приятном расположении духа Гебриел продолжал путь, отвечая отрывистым ворчанием на добродушные приветствия соседей, изредка попадавшихся ему навстречу, пока не свернул в темный переулок, который вел к кладбищу. А Гебриел мечтал о том, чтобы добраться до темного переулка, потому что этот переулок в общем был славным, мрачным, унылым местом, куда горожане не очень-то любили заглядывать, разве что средь бела дня и при солнечном свете; поэтому он был не на шутку возмущен, услышав, как юный пострел распевает какую-то праздничную песню о веселом рождестве в этом самом святилище, которое называлось Гробовым переулком еще в дни старого аббатства и со времен монахов с бритыми макушками. По мере того как Гебриел подвигался дальше и голос звучал ближе, он убеждался, что этот голос принадлежит мальчугану, который спешил присоединиться к одной из стаек на старой улице, и для того, чтобы составить самому себе компанию, а также приготовиться к празднеству, распевал во всю силу своих легких. Гебриел подождал, пока мальчик не поравнялся с ним, затем загнал его в угол и раз пять или шесть стукнул фонарем по голове, чтобы научить его понижать голос. Когда мальчик убежал, держась рукой за голову и распевая совсем другую песню, Гебриел Граб засмеялся от всей души и, придя на кладбище, запер за собой ворота.

Он снял куртку, поставил фонарь на землю и, спрыгнув в недоконченную могилу, работал около часа с большим рвением. Но земля промерзла, и не очень-то легким делом было разбивать ее и выгребать из ямы; и хотя светил месяц, но он был совсем молодой и проливал мало света на могилу, которая находилась в тени церкви. Во всякое другое время эти препятствия привели бы Гебриела Граба в очень мрачное и горестное расположение духа, но, положив конец пению маленького мальчика, он был так доволен, что обращал мало внимания на ничтожные результаты, и, покончив на эту ночь со своей работой, заглянул в могилу с жестоким удовлетворением и чуть слышно затянул, собирая свои вещи:

Славные дома, славные дома, Сырая земля да полная тьма.

Камень в изголовье, камень в ногах:

Жирное блюдо под ними в червях.

Сорная трава да глина кругом, В освященной земле прекрасный дом!

– Хо-хо! – засмеялся Гебриел Граб, присев на плоскую могильную плиту, которая была его излюбленным местом отдохновения, и достав плетеную фляжку.

– Гроб на рождество! Подарок к празднику. Хо-хо-хо!

– Хо-хо-хо! – повторил чей-то голос за его спиной.

Гебриел замер от испуга в тот самый момент, когда подносил к губам плетеную фляжку, и оглянулся. Самая древняя могила была не более тиха и безмолвна, чем кладбище при бледном лунном свете. Холодный иней блестел на могильных плитах и сверкал, как драгоценные камни, на резьбе старой церкви. Снег, твердый и хрустящий, лежал на земле и расстилал по земляным холмикам, теснившимся друг к другу, такой белый и гладкий покров, что казалось, будто здесь лежат трупы, окутанные только своими саванами. Ни один шорох не врывался в глубокую тишину этой торжественной картины. Сами звуки словно замерзли, так все было холодно и неподвижно.

– Это было эхо, – сказал Гебриел Граб, снова поднося бутылку к губам.

– Это было не эхо, – послышался низкий голос.

Гебриел вскочил и замер, словно пригвожденный к месту, от ужаса и изумления, ибо его глаза остановились на существе, при виде которого кровь застыла у него в жилах.

На вертикально стоявшем надгробном камне, совсем близко от него, сидело странное, сверхъестественное существо, которое – это сразу почувствовал Гебриел – не принадлежало к этому миру. Его длинные ноги – он мог бы достать ими до земли – были подогнуты и нелепо скрещены; жилистые руки обнажены, а кисти рук покоились на коленях. Его короткое круглое туловище было обтянуто узкой курткой, украшенной небольшими разрезами; короткий плащ болтался за спиной; воротник был с какими-то причудливыми зубцами, заменявшими подземному духу брыжи или галстук, а башмаки заканчивались длинными загнутыми носками. На голове у него была широкополая шляпа в форме конуса, украшенная одним пером. Шляпу покрывал иней. И вид у него был такой, словно он сидел на этом самом надгробном камне, не меняя позы, столетия два или три. Он сидел совершенно неподвижно, высунув, словно в насмешку, язык и делая Гебриелу Грабу такую гримасу, какую может состроить только подземный дух.

– Это было не эхо, – сказал подземный дух.

Гебриел Граб оцепенел и ничего не мог ответить.

– Что ты тут делаешь в рождественский сочельник? – сурово спросил подземный дух.

– Я пришел рыть могилу, сэр, – заикаясь, пробормотал Гебриел Граб.

– Кто бродит среди могил по кладбищу в такую ночь? – крикнул подземный дух.

– Гебриел Граб! Гебриел Граб! – взвизгнул дикий хор голосов, которые, казалось, заполнили кладбище.

Гебриел пугливо оглянулся – ничего не было видно.

– Что у тебя в этой бутылке? – спросил подземный Дух.

– Джин, сэр, – ответил пономарь, задрожав еще сильнее, ибо он купил его у контрабандистов, и ему пришло в голову, не служит ли существо, допрашивающее его, в акцизном департаменте подземных духов.

– Кто пьет джин в одиночестве на кладбище в такую ночь? – спросил подземный дух.

– Гебриел Граб! Гебриел Граб! – снова раздались дикие голоса.

Подземный дух злобно скосил глаза на устрашенного пономаря, а затем, повысив голос, воскликнул:

– И кто, стало быть, является нашей законной добычей?

На этот вопрос невидимый хор ответил нараспев, словно хор певчих, поющих под мощный аккомпанемент органа в старой церкви, – эти звуки, казалось, донеслись до слуха пономаря вместе с диким порывом ветра и замерли, когда он унесся вдаль; но смысл ответа был все тот же:

– Гебриел Граб, Гебриел Граб!

Подземный дух растянул рот еще шире и сказал:

– Ну-с, Гебриел, что ты на это скажешь?

Пономарь ловил воздух ртом.

– Что ты об этом думаешь, Гебриел? – спросил подземный дух, задирая ноги по обеим сторонам надгробного камня и разглядывая загнутые кверху носки с таким удовольствием, словно созерцал самую модную пару сапог, купленную на Бонд-стрит.

– Это... это... очень любопытно, сэр, – ответил пономарь, полумертвый от страха. – Очень любопытно и очень мило, но, пожалуй, я пойду и закончу свою работу, сэр, с вашего позволения.

– Работу? – повторил подземный дух. – Какую работу?

– Могилу, сэр, рытье могилы, – пробормотал пономарь.

– О, могилу, да! – сказал подземный дух. – Кто роет могилы в такое время, когда все другие люди веселятся и радуются?

Снова раздались таинственные голоса:

– Гебриел Граб! Гебриел Граб!

– Боюсь, что мои друзья требуют тебя, Гебриел, – сказал подземный дух, облизывая щеку языком – замечательный был у него язык. – Боюсь, что мои друзья требуют тебя, Гебриел, – сказал подземный дух.

– Не прогневайтесь, сэр, – отвечал пораженный ужасом пономарь, – я не думаю, чтобы это могло быть так, сэр, они меня не знают, сэр; не думаю, чтобы эти джентльмены когда-нибудь видели меня, сэр!

– Нет, видели. – возразил подземный дух. – Мы знаем человека с хмурым лицом и мрачной миной, который шел сегодня вечером по улице, бросая злобные взгляды на детей и крепко сжимая свою могильную лопату. Мы знаем человека с завистливым и недобрым сердцем, который ударил мальчика за то, что мальчик мог веселиться, а он – Гебриел – не мог. Мы его знаем, мы его знаем!

Тут подземный дух разразился громким пронзительным смехом, который эхо повторило в двадцать раз громче, и, вскинув ноги вверх, стал на голову, или, вернее, на самый кончик своей конусообразной шляпы, – стал на узком крае надгробного камня, откуда с удивительным проворством кувырнулся прямо к ногам пономаря, где и уселся в той позе, в какой обычно сидят портные на своих столах.

– Боюсь... боюсь, что я должен вас покинуть, сэр, – сказал пономарь, делая попытку пошевельнуться.

– Покинуть нас! – воскликнул подземный дух. – Гебриел Граб хочет нас покинуть. Хо-хо-хо!

Когда подземный дух захохотал, пономарь на одну секунду увидел ослепительный свет в окнах церкви, словно все здание было иллюминовано. Свет угас, орган заиграл веселую мелодию, и целые толпы подземных духов, точная копия первого, высыпали на кладбище и начали прыгать через надгробные камни, ни на секунду не останавливаясь, чтобы передохнуть, и перескакивали один за другим через самые высокие памятники с поразительной ловкостью. Первый подземный дух был самым изумительным прыгуном, и никто другой не мог с ним состязаться; несмотря на крайний испуг, пономарь невольно заметил, что, в то время как остальные довольствовались прыжками через надгробные камни обычных размеров, первый перепрыгивал через семейные склепы с их железной оградой перепрыгивал с такой легкостью, словно это были уличные тумбы.

Игра была в самом разгаре; орган играл быстрее и быстрее, и все быстрее прыгали духи, свертываясь спиралью, кувыркаясь на земле и перелетая, как футбольные мячи, через надгробные камни. Голова у пономаря кружилась от одного вида этих быстрых движений, и ноги подкашивались, когда призраки пролетали перед его глазами, как вдруг король духов, бросившись к нему, схватил его за шиворот и вместе с ним провалился сквозь землю.

Когда Гебриел Граб перевел дыхание, на секунду прервавшееся от стремительного спуска, он убедился, что находится, по-видимому, в большой пещере, наполненной толпами подземных духов, уродливых и мрачных. Посреди пещеры на возвышении восседал его кладбищенский приятель, а возле него стоял сам Гебриел Граб, который был не в силах пошевельнуться.

– Холодная ночь, – сказал король подземных духов, – очень холодная! Принесите стаканчик чего-нибудь согревающего.

Услышав такой приказ, с полдюжины вечно улыбающихся подземных духов, коих Гебриел Граб счел по этому признаку придворными, мгновенно скрылись и быстро вернулись с кубком жидкого огня, который подали королю.

– Так! – воскликнул подземный дух, у которого щеки и глотка стали прозрачными, когда он глотал пламя. – Бот это действительно хоть кого согреет. Подайте такой же кубок мистеру Грабу.

Тщетно уверял злополучный пономарь, что он не имеет обыкновения пить на ночь горячее; один из духов держал его, а другой вливал ему в глотку пылающую жидкость; все собрание визгливо смеялось, когда, проглотив огненный напиток, он кашлял, задыхался и вытирал слезы, хлынувшие из глаз.

– А теперь, – сказал король, шутливо ткнув в глаз пономарю острием своей конусообразной шляпы и причинив этим мучительную боль, – а теперь покажите человеку уныния и скорби несколько картин из нашей собственной великой сокровищницы.

Когда подземный дух произнес эти слова, густое облако, заслонявшее дальний конец пещеры, постепенно рассеялось, и появилась, как будто на большом расстоянии, маленькая и скудно меблированная, но уютная и чистая комнатка. Группа ребятишек собралась возле яркого огня, цепляясь за платье матери и прыгая вокруг ее стула. Мать изредка вставала и отодвигала занавеску на окне, словно поджидала кого-то. Скромный обед был уже подан на стол, и кресло придвинуто к камину. Раздался стук в дверь; мать открыла ее, а дети столпились вокруг и радостно захлопали в ладоши, когда вошел их отец. Он промок, устал и отряхивал снег со своей одежды. Дети вертелись вокруг него и, схватив его плащ, шляпу, палку и перчатки, мигом унесли их из комнаты. Потом, когда он сел обедать возле очага, дети взобрались к нему на колени, мать сидела подле него, и казалось, здесь все были счастливы и довольны.

Но почти незаметно произошла какая-то перемена. Сцена превратилась в маленькую спальню, где умирал самый младший и самый красивый ребенок; розы увяли на его щеках, и свет угас в его глазах; и в тот момент, когда пономарь смотрел на него с таким интересом, какого никогда еще не испытывал и не ведал, он умер. Его юные братья и сестры столпились вокруг кроватки и схватили его крохотную ручку, такую холодную и тяжелую; но они отшатнулись, прикоснувшись к ней, и с ужасом посмотрели на детское личико, ибо хотя оно было спокойным и безмятежным и прекрасный ребенок казался мирно и тихо спящим, они поняли, что он умер, и знали, что он стал ангелом, взирающим на них и благословляющим их с ясных и счастливых небес.

Снова легкое облако пронеслось перед картиной, и снова она изменилась. Теперь отец и мать были стары и беспомощны, и число их близких уменьшилось больше чем наполовину; но спокойствие и безмятежность отражались на всех лицах и сияли в глазах, когда все собрались возле очага и рассказывали или слушали старые истории о минувших днях. Тихо и мирно отец сошел в могилу, а вскоре за ним последовала в обитель покоя та, которая делила все его заботы и невзгоды. Те немногие, что пережили их, преклонили колени возле их могилы и оросили слезами зеленый дерн, ее покрывавший; потом встали и отошли печально и скорбно, но без горьких воплей и отчаянных жалоб, ибо знали, что когда-нибудь встретятся снова; затем они вернулись к своей будничной жизни, и снова воцарились среди них спокойствие и безмятежность. Облако окутало картину и скрыло ее от пономаря.

– Что ты думаешь об этом? – спросил подземный дух, повертывая широкое лицо к Гебриелу Грабу.

Гебриел пробормотал, что это очень мило, но вид у него был пристыженный, когда подземный дух устремил на него огненный взгляд.

– Ты – жалкий человек! – сказал подземный дух тоном глубокого презрения. – Ты...

Он, по-видимому, предполагал еще что-то добавить, но негодование заставило его оборвать фразу; поэтому он поднял гибкую ногу и, помахав ею над своей головой, чтобы хорошенько прицелиться, дал Гебриелу Грабу здоровый пинок; немедленно вслед за этим все приближенные духи столпились вокруг злополучного пономаря и начали лягать его немилосердно, следуя установленному и неизменному обычаю всех придворных на земле, которые лягают того, кого лягает король, и обнимают того, кого обнимает король.

– Покажите ему еще! – сказал король подземных духов.

При этих словах облако рассеялось, и открылся яркий и красивый пейзаж тот самый, какой можно видеть и по сей день на расстоянии полумили от старого монастырского города. Солнце сияло на чистом синем небе, вода искрилась в его лучах, и деревья казались зеленее и цветы пестрее благодаря его благотворному влиянию. Вода струилась с приятным журчаньем, деревья шелестели под легким ветром, шуршавшим в листве; птицы пели на ветках, и жаворонок в вышине распевал гимн утру. Да, было утро, яркое, благоухающее летнее утро. В самом крохотном листочке, в самой маленькой былинке трепетала жизнь. Муравей полз на дневную работу, бабочка порхала и грелась в теплых лучах солнца, мириады насекомых расправляли прозрачные крылья и упивались своей короткой, но счастливой жизнью. Человек шел, очарованный этой сценой, и все вокруг было ослепительно и прекрасно.

– Ты – жалкий человек! – сказал король подземных духов еще презрительнее, чем раньше.

И снова король подземных духов помахал ногой, снова она опустилась на плечи пономаря, и снова приближенные духи стали подражать своему повелителю.

Много раз облако надвигалось и рассеивалось, многому оно научило Гебриела Граба, а он, – хотя его плечи и болели от частых пинков, наносимых духами, – смотрел с неослабевающим интересом. Он видел, что люди, которые работали упорно и зарабатывали свой скудный хлеб тяжким трудом, были беззаботны и счастливы и что для самых невежественных кроткий лик природы был неизменным источником веселья и радости. Он видел, что те, кого бережно лелеяли и с нежностью воспитывали, беззаботно переносили лишения и побеждали страдание, которое раздавило бы многих людей более грубого склада, ибо первые хранили в своей груди источник веселья, довольства и мира. Он видел, что женщины – эти самые нежные и самые хрупкие божьи создания – чаще всего одерживали победу над горем, невзгодами н отчаянием, ибо они хранят в своем сердце неиссякаемый источник любви и преданности. И самое главное он видел: люди, подобные ему самому, – злобствующие против веселых, радующихся людей, – отвратительные плевелы на прекрасной земле, а взвесив все добро в мире и все зло, он пришел к тому заключению, что в конце концов это вполне пристойный и благоустроенный мир. Как только он вывел такое заключение, облако, спустившееся на последнюю картину, словно окутало его сознание и убаюкало его. Один за другим подземные духи скрывались из виду, и когда последний из них исчез, он погрузился в сон.

Уже совсем рассвело, когда Гебриел Граб проснулся и увидел, что лежит, вытянувшись во весь рост, на плоской могильной плите. Пустая плетеная фляжка лежала возле него, а его куртка, лопата и фонарь, совсем побелевшие от ночного инея, валялись на земле. Камень, где он увидел сидящего духа, торчал перед ним, и могила, которую он рыл прошлой ночью, находилась неподалеку. Сначала он усомнился в реальности своих приключений, но, когда попытался подняться, острая боль в плечах убедила его в том, что пинки подземных духов были весьма реальными. Он снова поколебался, не найдя отпечатков ног на снегу, где духи прыгали через надгробные камни, но быстро объяснил себе это обстоятельство, вспомнив, что они, будучи духами, не оставляют никаких видимых следов. Затем Гебриел Граб кое-как поднялся, чувствуя боль в спине, и смахнув иней с куртки, надел ее и направился в город.

Но он стал другим человеком, и ему невыносимо было вернуться туда, где над его раскаянием будут издеваться и его исправлению не поверят. Он колебался в течение нескольких секунд, а потом побрел куда глаза глядят, чтобы зарабатывать себе на хлеб в других краях.

Фонарь, лопата и плетеная фляжка были найдены в тот день на кладбище. Сначала строили много догадок о судьбе пономаря, но вскоре было решено, что его утащили подземные духи; не было недостатка и в надежных свидетелях, которые ясно видели, как он летел по воздуху верхом на гнедом коне, кривом на один глаз, с львиным крупом и медвежьим хвостом. В конце концов всему этому слепо поверили, и новый пономарь показывал любопытным за ничтожную мзду порядочный кусок церковного флюгера, который был случайно сбит копытом вышеупомянутого коня во время его воздушного полета и подобран на кладбище года два спустя.

К несчастью, этим рассказам несколько повредило неожиданное возвращение – лет через десять – самого Гебриела Граба, одетого в лохмотья, благодушного старика, страдающего ревматизмом. Он рассказал свою повесть священнику, а также мэру, и со временем к ней начали относиться как к историческому факту, которым она остается и по сей день. Сторонники истории с флюгером, обманутые однажды в своем доверии, не так-то легко соглашались чему-нибудь поверить, поэтому они постарались напустить на себя глубокомысленный вид, пожимали плечами, постукивали себя по лбу и толковали о том, что Гебриел Граб выпил весь джин и потом заснул на могильной плите; и они тщились объяснить все, якобы виденное им в пещере подземного духа, тем, что он видел мир и поумнел. Но это мнение, которое никогда не пользовалось большой популярностью, со временем было отвергнуто; как бы то ни было, но ввиду того, что Гебриел Граб страдал ревматизмом до конца жизни, в этой истории есть по крайней мере, за неимением ничего лучшего, одно нравоучение, а именно: если человек злобствует и пьет в полном одиночестве на святках, он может быть уверен, что ему от этого не поздоровится, хотя бы он и не увидел никаких духов, даже таких, каких видел Гебриел Граб в подземной пещере».

ГЛАВА XXX.

Как пиквикисты завязали и укрепили знакомство с двумя приятными молодыми людьми, принадлежащими к одной из свободных профессий, как они развлекались на льду и как закончился их визит

– Ну, что, Сэм, – сказал мистер Пиквик, когда в рождественское утро его фаворит принес ему горячей воды в спальню, – все еще подмораживает?

– Вода в умывальном тазу покрылась льдом, сэр, – ответил Сэм.

– Сильный мороз, Сэм, – заметил мистер Пиквик.

– Славная погода для тех, кто тепло укутан, как сказал самому себе полярный медведь, скользя по льду, – отозвался мистер Уэллер.

– Через четверть часа я сойду вниз, Сэм, – сказал мистер Пиквик, снимая ночной колпак.

– Очень хорошо, сэр, – отозвался Сэм. – Там внизу – парочка костоправов.

Парочка кого? – воскликнул мистер Пиквик, усаживаясь в постели.

– Парочка костоправов, – повторил Сэм.

– Что такое костоправы? – осведомился мистер Пиквик, не уверенный в том, живое это существо или что-нибудь съестное.

– Как? Вы не знаете, что такое костоправ, сэр? – удивился мистер Уэллер. – Я думал, все знают, что костоправ – это хирург.

Хирург? – с улыбкой переспросил мистер Пиквик.

– Он самый, сэр, – ответил Сэм. – Но эти двое там, внизу, еще не регулярные, чистокровные костоправы – они только обучаются.

– Иными словами, это, должно быть, студенты-медики, – сказал мистер Пиквик.

Сэм кивнул утвердительно.

– Я очень рад, – сказал мистер Пиквик, энергически бросая ночной колпак на одеяло. – Славные ребята, очень славные! Суждения у них зрелые, покоятся на наблюдении и размышлении, и вкусы утонченные благодаря чтению в науке. Я очень рад этому.

– Они курят сигары в кухне у очага, – сказал Сэм.

– Ах, так! – заметил мистер Пиквик, потирая руки. – Избыток жизненных сил и здоровых чувств. Это-то я в них и люблю.

– Один положил ноги на стол, – продолжал Сэм, не обращая внимания на слова своего хозяина, – и пьет бренди, не разбавляя водой, а другой, в очках, поставил бочонок с устрицами между колен, работает, как паровая машина, глотает, а раковины швыряет в молодого парня, страдающего водянкой, который спит крепким сном в углу у очага.

– Эксцентричности гения, Сэм! – сказал мистер Пиквик. – Можете идти.

Сэм удалился. Мистер Пиквик по прошествии четверти часа спустился к завтраку.

– Вот, наконец, и он! – воскликнул старый мистер Уордль. – Пиквик, это брат мисс Эллен, мистер Бенджемин Эллен. Мы его зовем Бен, так же можете звать и вы, если хотите. Этот джентльмен – его закадычный друг, мистер...

– Мистер Боб Сойер, – вмешался мистер Бенджемин Эллен, после чего мистер Боб Сойер и мистер Бенджемин Эллен дружно расхохотались.

Мистер Пиквик поклонился Бобу Сойеру, а Боб Сойер поклонился мистеру Пиквику; затем Боб и его закадычный друг принялись очень усердно за стоявшие перед ними кушанья, и мистер Пиквик получил возможность разглядеть обоих.

Мистер Бенджемин Эллен был грубоватый, плотный, коренастый молодой человек с черными волосами, довольно короткими, и белой физиономией, довольно длинной. Он был украшен очками и носил белый галстук. Из-под его однобортного черного сюртука, застегнутого до подбородка, виднелись панталоны цвета соли с перцем, заканчивавшиеся парой неважно вычищенных башмаков. Хотя рукава его сюртука были короткие, но никаких признаков манжет не обнаруживалось, и хотя шея его была достаточной длины, чтобы найти на ней место для воротничка, она не была украшена ничем, напоминающим эту принадлежность туалета. В общем, у него был слегка потрепанный вид, и вокруг него распространялся аромат удушливых кубинских сигар.

Мистер Боб Сойер был облачен в одеяние из грубой синей материи, каковое одеяние – ни пальто, ни сюртук – походило на то и другое и носило на себе отпечаток дешевого неряшливого франтовства, свойственного молодым джентльменам, которые курят на улице днем, кричат и вопят ночью, называют лакеев по имени и совершают много других поступков и подвигов столь же забавного свойства. На нем были клетчатые брюки и широкий грубый двубортный жилет. Выходя на улицу, он брал с собою толстую трость с большим набалдашником. Он избегал перчаток и, в общем, слегка смахивал на подгулявшего Робинзона Крузо.

Таковы были два достойных джентльмена, с которыми познакомился мистер Пиквик, когда уселся завтракать в рождественское утро.

– Прекрасное утро, джентльмены! – сказал мистер Пиквик.

Мистер Боб Сойер слегка кивнул в ответ на это замечание и попросил мистера Бенджемина Эллена передать горчицу.

– Издалека приехали сегодня, джентльмены? – осведомился мистер Пиквик.

– Из «Синего Льва» в Магльтоне, – коротко ответил мистер Эллен.

– Вам следовало бы присоединиться к нам вчера вечером, – заметил мистер Пиквик.

– Пожалуй, следовало бы, – отозвался Боб Сойер, – но бренди был слишком хорош, чтобы спешить. Верно, Бен?

– Разумеется, – согласился мистер Бенджемин Эллен. – И сигары были неплохи и свиные котлеты. Верно, Боб?

– Совершенно верно, – сказал Боб.

Закадычные друзья атаковали завтрак еще усерднее, словно воспоминание о вчерашнем ужине послужило новой приправой к кушаньям.

– Приналягте, Боб! – поощрительно сказал мистер Эллен своему приятелю.

– Я это и делаю, – ответил Боб Сойер.

Нужно отдать ему справедливость – он это делал.

– Ничто так не возбуждает аппетита, как препарирование трупов, – сказал мистер Боб Сойер, окидывая взглядом стол.

Мистер Пиквик слегка вздрогнул.

– Кстати, Боб, – сказал мистер Эллен, – вы уже покончили с той ногой?

– Почти, – отозвался Сойер, кладя себе на тарелку полкурицы. – Для детской ноги она очень мускулиста. – Да? – небрежно осведомился мистер Эллен.

– Очень, – отозвался Боб Сойер, набив полный рот.

– Я записался на руку, – сказал мистер Эллен. – Мы в складчину берем труп, список почти заполнен, вот только не можем найти никого, кто бы взял голову. Не хотите ли?

– Нет, – ответил Боб Сойер, – такая роскошь мне не по карману.

– Вздор! – сказал Эллен.

– Право же, не могу, – возразил Боб Сойер. – Я бы не возражал против мозга, но не могу справиться с целой головой.

– Тише, джентльмены, прошу вас! – сказал мистер Пиквик. – Я слышу, сюда идут леди.

Когда мистер Пиквик произнес эти слова, леди, галантно сопровождаемые мистерами Снодграссом, Уинклем и Тапменом, вернулись после утренней прогулки.

– Неужели это Бен? – воскликнула Арабелла тоном, выражавшим скорее удивление, чем удовольствие при виде брата.

– Приехал, чтобы увезти тебя завтра домой, – ответил Бенджемин.

Мистер Уинкль побледнел.

– Ты не узнаешь Боба Сойера, Арабелла? – укоризненно осведомился мистер Бенджемин Эллен.

Арабелла грациозно протянула ручку, заметив присутствие Боба Сойера. Жало ревности кольнуло в сердце мистера Уинкля, когда Боб Сойер крепко пожал протянутую ручку.

– Бен, милый, – краснея, сказала Арабелла, – ты... ты не знаком с мистером Уинклем?

– Не знаком, но буду очень рад познакомиться, Арабелла, – ответил с важностью брат.

Мистер Эллен мрачно поклонился мистеру Уинклю, а мистер Уинкль и мистер Боб Сойер искоса взглянули друг на друга с обоюдным недоверием.

Прибытие двух новых гостей и вследствие этого смущение, которое почувствовали мистер Уинкль и молодая леди с меховой опушкой на сапожках, оказались бы, по всей вероятности, весьма неприятной помехой для веселой компании, если бы жизнерадостность мистера Пиквика и добродушие хозяина не проявились в полной мере для всеобщего благоденствия. Мистер Уинкль постепенно снискал расположение мистера Бенджемина Эллена и даже вступил в дружескую беседу с мистером Бобом Сойером, который, подкрепившись бренди, завтраком и разговором, мало-помалу пришел в крайне веселое расположение духа и рассказал с большим увлечением приятную историю об удалении опухоли с головы некоего джентльмена, каковую

историю он иллюстрировал с помощью ножа для открывания устриц и четырехфунтового каравая, в назидание собравшемуся обществу. Затем вся компания отправилась в церковь, где мистер Бенджемин Эллен крепко заснул, а мистер Боб Сойер хитроумным способом отвлекал свои мысли от мирских дел, вырезывая свое имя на сиденье церковной скамьи гигантскими буквами длиной в четыре дюйма.

– Ну, что вы скажете о том, чтобы провести часок на катке? Времени у нас хватит, – сказал Уордль, когда воздано было должное солидному завтраку с такими приятными добавлениями, как крепкое пиво и вишневая наливка.

– Чудесно! – воскликнул Бенджемин Эллен.

– Превосходно! – подхватил мистер Боб Сойер.

– Вы, конечно, катаетесь на коньках, Уинкль? – спросил Уордль.

– Д-да... – ответил мистер Уинкль. – Я... я давно не практиковался.

– Ах, пожалуйста, мистер Уинкль, – сказала Арабелла. – Я так люблю смотреть.

– О, это так грациозно! – сказала другая молодая леди.

Третья молодая леди сказала, что это изящно, а по мнению четвертой в этом было что-то лебединое.

– Я был бы счастлив, уверяю вас, – сказал мистер Уинкль, – но у меня нет коньков.

Это возражение было тотчас же отвергнуто. У Трандля нашлось две пары, а жирный парень возвестил, что внизу есть еще с полдюжины, после чего мистер Уинкль выразил крайнее свое удовольствие, с видом, однако, крайне обеспокоенным.

Старый Уордль повел гостей на довольно большой каток, а когда жирный парень и мистер Уэллер отгребли и отмели снег, наваливший за ночь, мистер Боб Сойер приладил свои коньки с ловкостью, показавшейся мистеру Уинклю поистине чудесной, и начал описывать левой ногой круги, вырезать восьмерки, чертить по льду и, ни разу не остановившись, чтобы перевести дыхание, принялся выделывать самые красивые и поразительные вензеля, к величайшему удовольствию мистера Пиквика, мистера Тапмена и леди, которое перешло в подлинный восторг, когда старый Уордль и Бенджемин Эллен, с помощью вышеупомянутого Боба Сойера, стали совершать какие-то таинственные эволюции, названные ими шотландским танцем.

В это время мистер Уинкль, у которого лицо и руки посинели от холода, ввинчивал бурав в подошвы башмаков, надевал коньки острыми концами назад и запутывал ремни в очень сложный узел с помощью мистера Снодграсса, который разумел в коньках, пожалуй, меньше, чем индус. Однако в конце концов с помощью мистера Уэллера злополучные коньки были крепко привинчены и пристегнуты, и мистер Уинкль поднялся на ноги.

– Ну, сэр, в путь, и покажите им, как нужно браться за дело, – сказал Сэм ободряющим тоном.

– Постойте, Сэм, постойте! – воскликнул мистер Уинкль, сильно дрожа и цепляясь, словно утопающий, за руки Сэма. – Как здесь скользко, Сэм!

– Довольно обычная вещь на льду, сэр, – отозвался мистер Уэллер. – Держитесь, сэр.

Это последнее замечание мистера Уэллера непосредственно относилось к проявленному в тот момент мистером Уинклем неудержимому желанию забросить ноги к небу и удариться затылком об лед.

– Это... это... очень неуклюжие коньки, не правда ли, Сэм? – осведомился мистер Уинкль, шатаясь.

– Боюсь, сэр, что не они, а джентльмен неуклюж, – ответил Сэм.

– Ну, Уинкль, идите! – крикнул мистер Пиквик, нимало не подозревая, что дело неладно. – Леди вне себя от нетерпения.

– Сейчас... – с бледной улыбкой отозвался мистер Уинкль. – Иду.

– Представление начинается, – сказал Сэм, стараясь высвободиться. – Ну, сэр, вперед!

– Подождите минутку, Сэм, – задыхаясь, выговорил мистер Уинкль, нежно прильнув к мистеру Уэллеру. – У меня дома есть две куртки, которые мне не нужны, Сэм. Можете их взять, Сэм.

– Благодарю вас, сэр, – ответил мистер Уэллер.

– Пожалуйста, не прикладывайтесь к шляпе, Сэм, – поспешно проговорил мистер Уинкль. – Не отнимайте для этого руки. Сегодня утром, Сэм, я хотел сделать вам рождественский подарок – пять шиллингов. Вы их получите вечером, Сэм.

– Вы очень добры, сэр, – ответил мистер Уэллер.

– Вы только подержите меня сначала, Сэм, хорошо? – сказал мистер Уинкль. – Так, отлично. Скоро дело пойдет у меня на лад, Сэм. Не так быстро.

Мистер Уэллер тащил по льду мистера Уинкля, наклонившегося вперед так, что его туловище согнулось вдвое, по весьма своеобразно и совсем не по-лебединому, как вдруг мистер Пиквик невинно крикнул с другого берега:

– Сэм!

– Сэр?

– Идите сюда, вы мне нужны.

– Пустите, сэр, – сказал Сэм. – Слышите, хозяин зовет! Пустите, сэр.

Сделав энергическое усилие, мистер Уэллер вырвался из рук извивавшегося пиквикиста и при этом сообщил телу несчастного мистера Уинкля сильный толчок. С меткостью, которую не могла бы обеспечить никакая степень ловкости или практика, злосчастный джентльмен ворвался в круг конькобежцев в тот самый момент, когда мистер Боб Сойер выделывал фигуру несравненной красоты. Мистер Уинкль неистово налетел на него, и оба с грохотом рухнули. Мистер Пиквик побежал к ним. Боб Сойер поднялся на ноги, но мистер Уинкль был слишком благоразумен, чтобы проделать нечто подобное на коньках. Он сидел на льду, делая судорожные усилия улыбнуться, но каждая черта его лица выражала страдание.

– Вы ушиблись? – с тревогой осведомился мистер Бенджемин Эллен.

– Не очень, – ответил мистер Уинкль, энергически растирая спину.

– Разрешите сделать вам кровопускание! – с жаром воскликнул мистер Бенджемин.

– Нет, благодарю вас! – поспешно отозвался мистер Уинкль.

– Право же, лучше было бы сделать, – сказал Эллен.

– Благодарю вас, – ответил мистер Уинкль. – Я предпочитаю не делать.

– А вы что скажете, мистер Пиквик? – осведомился Боб Сойер.

Мистер Пиквик был взволнован и возмущен. Он подозвал мистера Уэллера и строгим голосом сказал:

– Снимите с него коньки.

– Да ведь я только что начал, – возразил мистер Уинкль.

– Снимите с него коньки! – твердо повторил мистер Пиквик.

Приказание нельзя было оставить без внимания. Мистер Уинкль молча позволил Сэму его исполнить.

– Поднимите его, – сказал мистер Пиквик.

Сэм помог ему встать.

Мистер Пиквик отошел на несколько шагов от зрителей и, поманив своего друга, устремил на него испытующий взгляд и произнес тихим голосом, но внятно и выразительно следующие знаменательные слова:

– Вы хвастун, сэр.

– Кто? – вздрогнув, переспросил мистер Уинкль.

– Хвастун, сэр! Если вам угодно, я скажу яснее: обманщик, сэр!

С этими словами мистер Пиквик медленно повернулся на каблуках и присоединился к своим друзьям.

Пока мистер Пиквик выражал мнение, только что изложенное, мистер Уэллер и жирный парень, устроив общими силами дорожку-каток, упражнялись на ней с большим мастерством и блеском. Сэм Уэллер, в частности, выделывал прекрасную фигуру замысловатого скольжения по льду, которая обычно называется «стучать в дверь сапожника» и состоит в том, чтобы скользить на одной ноге и постукивать изредка на манер почтальона другой ногой. Дорожка была славная, длинная, и в этом скольжении было нечто такое, что не могло не прельстить мистера Пиквика, которому было очень холодно стоять на одном месте.

– Это очень приятное, согревающее упражнение, не правда ли? – обратился он к Уордлю, когда сей джентльмен окончательно запыхался оттого, что, раздвинув ноги, как циркуль, неутомимо чертил сложные геометрические фигуры на льду.

– О, несомненно! – ответил Уордль. – Вы умеете скользить по льду?

– Когда-то практиковался на льду по канавам, еще в детстве, – отозвался мистер Пиквик.

– Попробуйте сейчас, – предложил Уордль.

– Ах, пожалуйста, мистер Пиквик! – воскликнули все леди.

– Я был бы счастлив доставить вам любое развлечение, – ответил мистер Пиквик, – но я такой штуки не проделывал вот уже тридцать лет.

– Ну-ну! Вздор! – воскликнул Уордль, снимая коньки с той порывистостью, какая характеризовала все его поступки. – Идем! Я вам составлю компанию, пожалуйте!

И благодушный старик помчался по скользкой дорожке с быстротой, достойной чуть ли не самого мистера Уэллера и посрамляющей жирного парня.

Мистер Пиквик помедлил, подумал, снял перчатки и положил их в шляпу; разбежался раз, другой и третий и столько же раз останавливался, затем разбежался еще раз и, расставив ноги на ярд с четвертью, медленно и торжественно начал скользить по дорожке под восторженные крики зрителей.

– Куйте железо, пока горячо, сэр! – крикнул Сэм.

И снова помчались: Уордль, за ним мистер Пиквик, за ним Сэм, за ним мистер Уинкль, за ним мистер Боб Сойер, за ним жирный парень, за ним мистер Снодграсс, – один следом за другим, с таким рвением, словно все их будущее зависело от их проворства.

Было в высшей степени интересно созерцать, как мистер Пиквик исполнял свою роль в этой церемонии; наблюдать мучительную тревогу, с какой он замечал, что человек, скользящий сзади, настигает его с неминуемым риском сбить с ног; видеть, как он постепенно умеряет скорость, сообщенную движению первоначальным разбегом, и медленно поворачивается на катке лицом к тому месту, откуда начал бег; взирать на лучезарную улыбку, которая освещала его лицо, когда он добегал до конца дорожки, и на стремительность, с какою он, проделав это, поворачивал и бежал вслед за своим предшественником. Его черные гетры красиво мелькали на снегу, а глаза сквозь очки сияли радостью и весельем. А когда его сбивали с ног (что случалось в среднем через каждые два пробега на третий), было восхитительно смотреть, как он с раскрасневшейся физиономией подбирает свою шляпу, перчатки и носовой платок и опять занимает свое место в шеренге с пылом и энтузиазмом, которых, казалось, ничто не могло бы ослабить.

Веселье было в разгаре; скользили все быстрее и быстрее, смеялись все громче и громче, как вдруг послышался громкий резкий треск. Все устремились к берегу, леди пронзительно взвизгнули, мистер Тапмен закричал. Большая глыба льда исчезла; вода булькала над нею.

Шляпа, перчатки и носовой платок мистера Пиквика плавали на поверхности, и это было все, что осталось от мистера Пиквика.

На всех лицах изобразились ужас и отчаяние, мужчины побледнели, а женщинам стало дурно; мистер Снодграсс и мистер Уинкль схватились за руки и в безумной тревоге смотрели на то место, где скрылся их учитель, в то время как мистер Тапмен, дабы оказать скорейшую помощь, а также внушить тем, кто мог находиться поблизости, ясное представление о катастрофе, мчался во всю прыть по полю, крича: «Пожар!»

В тот момент, когда старый Уордль и Сэм Уэллер осторожно приближались к месту катастрофы, а мистер Бенджемин Эллен спешно совещался с мистером Бобом Сойером, не своевременно ли теперь сделать кровопускание всей компании для некоторого усовершенствования в профессиональной практике, – в этот самый момент лицо, голова и плечи вынырнули из воды, и обнаружились черты лица и очки мистера Пиквика.

– Продержитесь одну секунду, одну только секунду! – вопил мистер Снодграсс.

– Да, пожалуйста! Заклинаю вас – ради меня! – орал мистер Уинкль, глубоко потрясенный.

Заклятье было, пожалуй, излишним, ибо можно предположить, что, не согласись мистер Пиквик продержаться ради кого-нибудь другого, у него мелькнула бы мысль, что не худо это сделать ради себя самого.

– Вы нащупываете дно, старина? – спросил Уордль. – Да, конечно, – ответил мистер Пиквик, вытирая голову и лицо и ловя воздух ртом. – Я упал на спину. Сначала я не мог подняться на ноги.

Глина на той части костюма мистера Пиквика, которая была видна, свидетельствовала о правдивости этих слов, и опасения зрителей в значительной мере рассеялись, когда жирный парень вдруг вспомнил, что глубина нигде не превышает пяти футов; вслед за тем были совершены чудеса храбрости, чтобы его извлечь. Плеск, треск, барахтанье – и, наконец, мистер Пиквик был благополучно избавлен от дальнейших неприятностей и снова очутился на суше.

– Ах, он простудится насмерть! – сказала Эмили.

– Бедняжка! – воскликнула Арабелла. – Позвольте мне закутать вас в шаль, мистер Пиквик.

– И это лучшее, что вы можете сделать, – сказал Уордль. – а потом бегите поскорее домой и немедленно укладывайтесь в постель.

Десяток шалей был предложен в тот же момент. Выбрали три-четыре самых толстых, завернули в них мистера Пиквика, и он тронулся в путь под присмотром мистера Уэллера, являя собою странное зрелище: пожилой джентльмен, насквозь мокрый и без шляпы, с руками, притянутыми шалью к бокам, мчался вперед без всякой видимой цели со скоростью добрых шести английских миль в час.

Но в такой критический момент мистер Пиквик не заботился о приличиях и, понукаемый Сэмом Уэллером, продолжал бежать во всю прыть, пока не добежал до двери Менор Фарм, куда мистер Тапмен прибыл минут на пять раньше и напугал старую леди до сердцебиения, внушив ей непоколебимую уверенность в том, что загорелось в кухонном дымоходе, – бедствие, всегда рисовавшееся в огненных красках воображению старой леди, если кто-либо проявлял малейшие признаки волнения.

Мистер Пиквик, не медля ни секунды, забрался в постель. Сэм Уэллер развел яркий огонь в камине и подал ему обед; позднее принесли чашу пунша и устроили грандиозную пирушку по случаю его спасения. Старик Уордль слышать не хотел о том, чтобы он встал, поэтому кровать превратили в председательское кресло, и мистер Пиквик председательствовал. Потребовали вторую и третью чашу. И когда мистер Пиквик проснулся на следующее утро, у него не наблюдалось ни малейших симптомов ревматизма – факт, доказывающий, как заметил весьма справедливо мистер Боб Сойер, что в таких случаях нет ничего лучше горячего пунша,

а если иной раз горячий пунш оказывается недействительным, это объясняется только тем, что пациент допустил грубую ошибку, выпив слишком мало.

Веселое общество разъехалось на следующее утро. Разъезжаться по домам восхитительно в наши школьные годы, но в последующей жизни расставания бывают довольно мучительны. Смерть, эгоистические поступки, перемена фортуны ежедневно разбивают много счастливых компаний и разбрасывают их по свету; и мальчики и девочки не возвращаются назад. Мы не хотим сказать, что именно так произошло в данном случае. Нам желательно только уведомить читателя, что гости отправились восвояси, что мистер Пиквик и его друзья снова заняли места на крыше маглтонской кареты и что Арабелла Эллен уехала к месту своего назначения, где бы оно ни находилось, – мы смеем думать, что мистер Уинкль знал, где оно находится, но признаемся, что мы этого не знаем, – под охраной и присмотром своего брата Бенджемина и его весьма близкого и закадычного друга, мистера Боба Сойера.

При расставании этот последний джентльмен и мистер Бенджемин Эллен с таинственным видом отвели мистера Пиквика в сторонку, и мистер Боб Сойер, ткнув указательным пальцем между ребер мистера Пиквика и тем самым проявив свою природную шутливость и в то же время знание анатомии человеческого тела, осведомился:

– Послушайте, старина, где вы угнездились?

Мистер Пиквик отвечал, что в настоящее время он проживает в гостинице «Джордж и Ястреб».

– Я хочу, чтобы вы ко мне заглянули, – сказал Боб Сойер.

– Ничто не может мне доставить большего удовольствия, – ответил мистер Пиквик.

– Вот моя квартира, – сказал мистер Боб Сойер, доставая визитную карточку, – Лент-стрит, Боро; это, знаете ли, для меня удобно, близко от Гайя[94]. Когда вы пройдете мимо церкви Сент-Джорджа, сверните с Хай-стрит направо, первая улица.

– Я найду, – отозвался мистер Пиквик.

– Приходите в четверг вечером через две педели и приводите своих приятелей, – сказал мистер Боб Сойер. – У меня соберется несколько товарищей медиков.

Мистер Пиквик заявил, что ему доставит удовольствие встреча с медиками, и, после того как мистер Боб Сойер уведомил его, что он намерен очень приятно провести время и что его друг Бен тоже придет, они пожали друг другу руки и расстались.

Мы чувствуем, что в этом месте нам могут задать вопрос, нашептывал ли что-нибудь мистер Уинкль Арабелле Эллен во время этого краткого разговора, и если да, то что он сказал, и далее, беседовал ли мистер Снодграсс конфиденциально с Эмили Уордль, и если да, то что сказал он. На это мы отвечаем, что, о чем бы они ни говорили с леди, они ровно ничего не сказали мистеру Пиквику или мистеру Тапмену на протяжении двадцати восьми миль и что они часто вздыхали, отказывались от эля и бренди и вид у них был мрачный. Если наши наблюдательные читательницы могут вывести какие-либо заключения из этих фактов, мы просим их сделать эти выводы во что бы то ни стало.

ГЛАВА XXXI,

которая целиком посвящена юриспруденции и различным великим знатокам, ее изучившим

В разных углах и закоулках Темпля разбросаны темные и грязные комнаты, где во время судебных вакаций можно видеть в течение целого утра, – а во время сессий также и до вечера, – почти непрерывный поток адвокатских клерков, входящих и выходящих со связками бумаг, торчащими под мышкой и из карманов. Есть несколько рангов адвокатских клерков. Есть клерк-учащийся, который платит за ученье и сам станет когда-нибудь поверенным, который имеет открытый счет у портного, получает приглашения на вечеринки, знаком с одним семейством на Гауэр-стрит и с другим на Тэвисток-сквер; который уезжает из города на

каникулы повидаться с отцом, имеющим всегда наготове лошадей; этот клерк является, короче говоря, аристократом среди клерков. Есть клерк на жалованье, – живущий или приходящий, как случится, – который тратит большую часть своих тридцати шиллингов в неделю на свои прихоти, ходит за полцены в театр Эдельфи[95] по крайней мере три раза в неделю, величественно развлекается после этого в погребках, где торгуют сидром, и является скверной карикатурой на моду, выдохшуюся полгода назад. Есть клерк-писец средних лет с большой семьей, всегда оборванный и часто пьяный. И есть конторские мальчики, впервые надевшие сюртуки, которые питают надлежащее презрение, к школьникам и, расходясь вечером по домам, угощаются в складчину копченой колбасой и портером, полагая, что это и есть «жизнь». Есть другие разновидности, слишком многочисленные, чтобы их перечислять, но, как бы многочисленны они ни были, всех этих клерков можно увидеть в определенные служебные часы, когда они торопливо входят в только что упомянутые места или покидают их.

В этих изолированных уголках помещаются официальные конторы адвокатов, где выдают судебные приказы, заверяют судебные решения, подшивают жалобы истцов и приводят в действие многие другие хитроумные приспособления, изобретенные для мук и терзаний подданных его величества и для утешения и обогащения служителей закона. В большинстве случаев это низкие, затхлые комнаты, где бесчисленные свитки пергамента, которые прели под спудом в течение прошлого века, распространяют приятный аромат, смешивающийся в дневное время с запахом тления, а в ночное – с различными испарениями, какие исходят от сырых плащей, мокрых зонтов и дрянных сальных свечей.

Вечером, около половины восьмого, дней через десять или недели через две после возвращения мистера Пиквика и его друзей в Лондон, в одну из этих контор торопливо вошел человек в коричневом сюртуке с медными пуговицами. Концы его длинных волос были старательно закручены вверх и цеплялись за края потертой шляпы, а запачканные темно-серые панталоны так туго натянуты на блюхеровские башмаки, что колени его грозили каждый момент вырваться наружу. Он извлек из кармана сюртука длинную и узкую полосу пергамента, на которой дежурный чиновник поставил неразборчивый черный штемпель. Потом он вытащил четыре листка бумаги того же размера, составлявшие печатные копии пергамента с пробелами для фамилий, и, заполнив пробелы, спрятал все пять документов в карман и торопливо вышел.

Человек в коричневом сюртуке с каббалистическими документами в кармане был не кто иной, как наш старый знакомый – мистер Джексон из конторы Додсона и Фогга, Фрименс-Корт, Корнхилл.

Однако, вместо того чтобы вернуться в контору, откуда он пришел, он направил свои стопы к Сан-Корту и, войдя в гостиницу «Джордж и Ястреб», пожелал узнать, дома ли некий мистер Пиквик.

– Позовите слугу мистера Пиквика, Том, – сказала буфетчица «Джорджа и Ястреба».

– Не трудитесь, – сказал мистер Джексон, – я пришел по делу. Если вы мне покажете комнату мистера Пиквика, я и один дойду.

– Ваша фамилия, сэр? – спросил лакей.

– Джексон, – ответил клерк.

Лакей поднялся наверх, чтобы доложить о мистере Джексоне, но мистер Джексон избавил его от труда, последовав за ним по пятам и войдя в комнату раньше, чем тот успел издать членораздельный звук.

В этот день мистер Пиквик пригласил своих трех друзей к обеду. Все сидели у камина и пили вино, когда мистер Джексон появился, как было описано выше.

– Здравствуйте, сэр, – сказал мистер Джексон, кивая мистеру Пиквику.

Сей джентльмен поклонился и казался слегка изумленным, ибо физиономии мистера Джексона он не помнил.

– Я от Додсона и Фогга, – сказал мистер Джексон в виде пояснения.

Мистер Пиквик встрепенулся при этом имени.

– Обратитесь к моему поверенному, сэр, мистеру Перкеру в Грейз-Инне, – сказал он. – Проводите этого джентльмена, – обратился он к лакею.

– Прошу прощенья, мистер Пиквик, – сказал Джексон, спокойно кладя шляпу на пол и доставая из кармана кусок пергамента, – но в таких случаях вручение через клерка или агента... вы понимаете, мистер Пиквик?.. Простая предосторожность, сэр, в соблюдении юридических форм. – Тут мистер Джексон бросил взгляд на пергамент и, положив руки на стол и озираясь с приятной и вкрадчивой улыбкой, сказал: – Послушайте, не будем спорить из-за такого пустяка. Джентльмены, кто из вас Снодграсс?

При этом вопросе мистер Снодграсс вздрогнул так заметно, что другого ответа не потребовалось.

– А-а-а... я так и думал, – сказал Джексон еще любезнее. – Мне придется слегка обеспокоить вас, сэр.

– Меня?! – воскликнул мистер Снодграсс.

– Это только повестка по делу Бардл против Пиквика со стороны истицы, – ответил Джексон, выбирая один из листков бумаги и доставая из жилетного кармана шиллинг. – Дело будет слушаться в самом начале сессии, четырнадцатого февраля, по нашему предположению. Мы признали это дело подлежащим специальному жюри[96], и в списке значится только десять присяжных. Это вам, мистер Снодграсс.

С этими словами Джексон показал пергамент мистеру Снодграссу и сунул ему в руку бумажку и шиллинг.

Мистер Тапмен следил за этой процедурой в безмолвном удивлении, как вдруг Джексон повернулся к нему и сказал:

– Если я не ошибаюсь, ваша фамилия Тапмен?

Мистер Тапмен взглянул на мистера Пиквика, но, не усмотрев в широко раскрытых глазах сего джентльмена совета отречься от своего имени, ответил:

– Да, моя фамилия Тапмен, сэр.

– Полагаю, вот этот другой джентльмен – мистер Уинкль? – сказал Джексон.

Мистер Уинкль пробормотал утвердительный ответ, и оба джентльмена немедленно получили от проворного мистера Джексона по листу бумаги и по шиллингу.

– Боюсь, – сказал Джексон, – что вы меня сочтете довольно надоедливым, но мне нужен еще кое-кто. У меня здесь значится имя Сэмюела Уэллера, мистер Пиквик.

– Пошлите сюда моего слугу, – сказал мистер Пиквик лакею.

Лакей удалился, чрезвычайно удивленный, а мистер Пиквик предложил Джексону присесть.

Наступило тягостное молчание, которое в конце концов было нарушено ни в чем не повинным ответчиком.

– Полагаю, сэр, – сказал мистер Пиквик с негодованием, возраставшим по мере того, как он говорил, – полагаю, сэр, что намерения ваших патронов заключаются в том, чтобы попытаться меня обвинить на основании показаний моих же собственных друзей?

Мистер Джексон несколько раз похлопал указательным пальцем по левой стороне своего носа, давая понять, что здесь он находится не для того, чтобы открывать тайны тюремного двора, и шутливо ответил:

– Не знаю. Не могу сказать.

– Для чего же, сэр, – продолжал мистер Пиквик, – если не для этой цели, были вручены им эти повестки?

– Прекрасная уловка, мистер Пиквик, – отозвался Джексон, медленно покачивая головой, – но она ни к чему не приведет. Попытайтесь, беды в этом нет, но из меня мало удастся вытянуть.

Тут мистер Джексон снова улыбнулся присутствующим и, приставив большой палец левой руки к кончику носа, правой рукой привел в движение воображаемую кофейную мельницу, показав таким образом изящную пантомиму (в те времена очень популярную, но теперь, к сожалению, устаревшую), смысл коей был таков: «Меня не надуешь».

– Нет, мистер Пиквик, – сказал в заключение Джексон, – пусть у Перкера поломают головы над тем, для чего мы вручили эти повестки. Если не угадают, пусть подождут суда и тогда узнают.

Мистер Пиквик бросил на непрошеного гостя взгляд, выражавший крайнее омерзение, и, можно думать, обрушил бы страшные проклятья на голову мистеров Додсона и Фогга, если бы в этот момент его не остановило появление Сэма.

– Сэмюел Уэллер? – вопросительным тоном сказал мистер Джексон.

– Самые правдивые слова, какие вы произнесли за много лет, – ответил Сэм с величайшим спокойствием.

– Вот вам повестка, мистер Уэллер, – сказал Джексон.

– Что это значит? – осведомился Сэм.

– Вот оригинал, – продолжал Джексон, уклоняясь от требуемого объяснения.

– Где? – спросил Сэм.

– Вот! – ответил Джексон, потрясая пергаментом.

– О, так это оригинал? – сказал Сэм. – Ну, я очень рад, что видел оригинал, потому что это очень приятное зрелище, которое веселит душу человека.

– А вот шиллинг, – продолжал Джексон. – Это от Додсона и Фогга.

– Как мило со стороны Додсона и Фогга, которые так мало меня знают, а преподносят подарок! – сказал Сэм. – Иначе не могу рассматривать как большую любезность, сэр. Очень похвально, что они умеют вознаграждать добродетель, где бы ее ни повстречали. И вдобавок от этого можно растрогаться.

С этими словами мистер Уэллер слегка потер рукавом куртки веко правого глаза, следуя весьма похвальной манере актеров, изображающих семейные патетические сцены.

Мистер Джексон был как будто сбит с толку поведением Сэма, но так как повестку он вручил и больше ничего не имел сказать, то сделал вид, будто надевает единственную перчатку, которую обычно носил в руке ради соблюдения приличий, и вернулся в контору доложить о ходе дела.

В ту ночь мистер Пиквик спал плохо. Ему все время вспоминалось весьма неприятное дело миссис Бардл. На следующее, утро он позавтракал очень рано и, предложив Сэму сопровождать его, отправился к Грейз-Инн-сквер.

– Сэм, – оглядываясь, сказал мистер Пиквик, когда они дошли до конца Чипсайда.

– Сэр? – отозвался Сэм, подходя к своему хозяину.

– Куда идти?

– По Ньюгет-стрит.

Мистер Пиквик продолжал путь не сразу – он в течение нескольких секунд смотрел рассеянно в лицо Сэму и испустил глубокий вздох.

– Что случилось, сэр? – осведомился Сэм.

– Сэм, полагают, что это дело будет разбираться четырнадцатого числа будущего месяца, – произнес мистер Пиквик.

– Замечательное совпадение, сэр, – отозвался Сэм.

– Чем оно замечательно, Сэм? – полюбопытствовал мистер Пиквик.

– Валентинов день[97], сэр, – отвечал Сэм. – Весьма удачный день, день разбора дела о нарушении брачного обещания.

Улыбка мистера Уэллера не вызвала проблеска веселья на физиономии его хозяина. Мистер Пиквик круто повернул и продолжал путь молча.

Они прошли несколько десятков шагов. Мистер Пиквик трусил впереди, погруженный в глубокие размышления, а сзади, изображая на своей физиономии самое завидное и непринужденное пренебрежение ко всем и ко всему, следовал Сэм, как вдруг этот последний, всегда стремясь поделиться с своим хозяином исключительными познаниями, ускорял шаг, пока не очутился за спиной мистера Пиквика, и, указывая на дом, мимо которого они проходили, сказал:

– Очень недурная колбасная, сэр.

– Да, кажется, – отозвался мистер Пиквик.

– Знаменитая фабрика сосисок, – добавил Сэм.

– Вот как? – сказал мистер Пиквик.

– Вот как! – с некоторым негодованием повторил Сэм. – Ну еще бы не так! Да благословит бог вашу невинную голову, сэр: ведь здесь четыре года назад произошло таинственное исчезновение почтенного торговца.

– Неужели вы хотите сказать, что с ним расправились по способу Берка[98]? – воскликнул мистер Пиквик, поспешно оглядываясь.

– Нет, не хочу, сэр, – ответил мистер Уэллер. Хотя это было бы лучше. Но тут дело посерьезнее. Он был хозяином этой вот лавки, сэр, и изобрел патентованную паровую машину для непрерывного изготовления сосисок. Ну так вот, эта самая машина проглотила бы и булыжник, положи вы его близко, и перемолола бы в сосиски, как нежного младенца. Натурально, он гордился машиной и, бывало, простаивал в погребе, глядя на нее, когда она работала, пока не впадал от радости в меланхолию. Очень счастливым человеком был бы он, сэр, имея эту вот машину да еще двух милых малюток в придачу, не будь у него жены, самой злющей ведьмы. Она всегда ходила за ним по пятам и жужжала ему в уши, пока, наконец, он не выбился из сил. «Я тебе вот что скажу, моя милая, – говорит он, – если ты будешь упорствовать в этом вот развлечении, будь я проклят, если не уеду в Америку, и конец делу». – «Ты лентяй, говорит она, – поздравляю американцев с такой находкой». После этого она ругается еще с полчаса, а потом бежит в маленькую комнату позади лавки, принимается визжать, говорит, что он ее в гроб вгонит, и устраивает припадок, который продолжается добрых три часа, и все эти три часа она визжит и брыкается. Ну, а на следующее утро муж пропал. Ничего из кассы он не взял и даже пальто не надел – стало быть, ясно, что не в Америку поехал. Не вернулся на следующий день, не вернулся через неделю. Хозяйка напечатала объявление – если, говорит, вернется, она все простит (и очень это было великодушно, потому что он ничего плохого не сделал). Обыскали все каналы, и с тех пор в течение двух месяцев, как только окажется где мертвое тело, регулярно тащат его прямехонько в колбасную лавку. Но ни одно не подошло. Тогда распустили слух, что он сбежал, и она стала сама вести дело. Как-то в субботний вечер входит в лавку маленький худенький старый джентльмен в большом волнении и говорит ей: «Вы хозяйка этой лавки?» – «Да, говорит, я». – «Так вот, сударыня, – говорит он, – я пришел сказать, что ни я, ни моя семья не желаем подавиться ни с того ни с сего. И это, говорит, еще не все, сударыня: разрешите мне сказать, что поскольку вы для производства сосисок не пользуетесь мясом первого сорта, то, думаю, вы согласитесь, что оно должно обходиться вам почти так же дешево, как и пуговицы». «Какие пуговицы, сэр?» – говорит она. «Пуговицы, сударыня, – говорит маленький старый джентльмен, развертывая клочок бумаги и показывая два-три десятка пуговичных обломков. –

Славная приправа к сосискам – брючные пуговицы, сударыня!» «Это пуговицы моего мужа!» – говорит вдова, собираясь лишиться чувств. «Как!» – взвизгивает маленький старый джентльмен, сильно побледнев. «Теперь я все понимаю, – говорит вдова. – В припадке временного умопомешательства он сгоряча превратил себя в сосиски». Так оно и было, сэр, – добавил мистер Уэллер, глядя пристально в лицо устрашенному мистеру Пиквику, – а может быть, его втянуло в машину; но так или иначе, а маленький старый Джентльмен, который всю жизнь питал удивительное пристрастие к сосискам, выбежал из лавки, как сумасшедший, и с той поры никто о нем не слышал.

Конец рассказа о трогательном происшествии в семейной жизни застал хозяина и слугу у двери мистера Перкера. – Лаутен, приоткрыв дверь, беседовал с жалким на вид человеком в порыжевшем костюме, в продранных башмаках и перчатках. Нужда и страдания – чуть ли не отчаяние – оставили следы на его худой и изможденной физиономии. Он стыдился своей бедности, ибо, когда подошел мистер Пиквик, отступил в темный угол.

– Очень печально, – со вздохом сказал незнакомец.

– Очень, – отозвался Лаутен, нацарапав свою фамилию пером на дверном косяке и стирая ее другим концом пера. – Может быть, передать ему что-нибудь?

– Как вы думаете, когда он вернется? – осведомился незнакомец.

– Понятия не имею, – ответил Лаутен, подмигнув мистеру Пиквику, когда незнакомец опустил глаза.

– Вы не думаете, что имело бы смысл его подождать? – спросил незнакомец, задумчиво заглядывая в контору.

– О нет, конечно нет! – отозвался клерк, слегка заслонив собой дверь. – Он, разумеется, не вернется на этой неделе, и неизвестно, вернется ли на будущей, ибо, если Перкер уезжает из города, он никогда не торопится вернуться.

– Уехал из города! – воскликнул мистер Пиквик. – Боже мой, какая неудача!

– Не уходите, мистер Пиквик, – сказал Лаутен. – У меня есть письмо для вас.

Незнакомец, по-видимому, не знал, что делать. Он снова опустил глаза, а клерк хитро подмигнул мистеру Пиквику, словно давая понять, что происходит нечто весьма забавное, хотя в чем тут дело – мистер Пиквик не мог угадать ни за какие блага.

– Войдите, мистер Пиквик, – сказал Лаутен. – Ну-с, мистер Уотти, вы передадите мне все, что имеете сказать, или зайдете еще раз?

– Попросите его – может быть, он будет так любезен и сообщит, что предпринято по моему делу, – сказал тот. – Ради бога, не забудьте, мистер Лаутен.

– Нет, нет, я не забуду, – отозвался клерк. – Пожалуйте, мистер Пиквик. До свиданья, мистер Уотти. Славный день для прогулки, не правда ли?

Он предложил Сэму Уэллеру войти вслед за своим хозяином и, видя, что незнакомец все еще мешкает, захлопнул дверь у него перед носом.

– Такого назойливого банкрота не было с сотворения мира, в этом я уверен! – воскликнул Лаутен, с видом оскорбленного человека швыряя свое перо. – Не прошло и четырех лет, как его дело поступило в Канцлерский суд, но будь я проклят, если он не приходит надоедать нам два раза в неделю! Пожалуйте сюда, мистер Пиквик, – Перкер здесь; я знаю, что он вас примет. Чертовски холодно, – добавил он раздражительно, – стоять у двери и терять время на таких жалких бродяг.

Энергически помешав маленькой кочергой угли в большом камине, клерк отправился в кабинет своего принципала и доложил о мистере Пиквике.

– А, уважаемый сэр! – сказал маленький мистер Перкер, вставая с кресла.

– Ну-с, уважаемый сэр, какие новости касательно вашего дела? Еще что-нибудь о наших приятелях из Фрименс-Корта? Они не дремали, мне это известно. Очень ловкие ребята, очень ловкие!

В заключение маленький джентльмен взял внушительную понюшку табаку, воздавая должное ловкости мистеров Додсона и Фогга.

– Они – величайшие негодяи, – сказал мистер Пиквик.

– Да, – сказал маленький человек, – это, знаете ли, зависит от точки зрения, и мы не будем спорить о словах, ибо, разумеется, нельзя, ожидать, чтобы вы судили об этих вещах с профессиональной точки зрения. Ну-с, нами сделано все, что нужно. Я пригласил королевского юрисконсульта[99] Снаббина. ..

– Хороший ли он человек? – осведомился мистер Пиквик.

– Хороший ли он человек! – воскликнул мистер Перкер. – Ах, боже мой! Снаббин – украшение своей профессии. Практика у него втрое больше, чем у кого бы то ни было в суде, – занят в каждом процессе. Пусть это останется между нами, но мы говорим, что королевский юрисконсульт Снаббин вертит судом как хочет.

Сделав такое сообщение, маленький человек взял вторую понюшку табаку и таинственно кивнул мистеру Пиквику.

– Они вручили моим трем друзьям повестки, – сказал мистер Пиквик.

– А! Ну конечно! – ответил мистер Перкер. – Важные свидетели: видели вас в щекотливом положении.

– Но она упала в обморок по собственному желанию, – сказал мистер Пиквик. – Она сама бросилась мне в объятия.

– Очень возможно, уважаемый сэр, – отозвался Перкер. – Очень возможно и весьма натурально! Иначе и быть не может, уважаемый сэр. Но как это доказать?

– Они вручили повестку также моему слуге, – сказал мистер Пиквик, меняя тему, ибо вопрос мистера Перкера слегка ошеломил его.

– Сэму? – спросил Перкер.

Мистер Пиквик отвечал утвердительно.

– Разумеется, уважаемый сэр, разумеется. Я знал, что они так поступят. Я бы мог сказать это вам месяц назад. Видите ли, уважаемый сэр, если вы берете ведение дела в собственные руки, после того как доверили его своему адвокату, вы должны отвечать и за последствия.

Тут мистер Перкер выпрямился с чувством собственного достоинства и смахнул с жабо несколько крошек табаку.

– А зачем им понадобились его показания? – спросил мистер Пиквик после минутного молчания.

– Затем, что вы посылали его к истице с предложением некоторого компромисса, так я полагаю, – отозвался Перкер. – Впрочем, большого значения это не имеет: не думаю, чтобы какой-нибудь адвокат многого добился от него.

– Я тоже так думаю, – сказал мистер Пиквик, улыбаясь, несмотря на свою досаду, при мысли о Сэме в роли свидетеля. – Какой же план действия мы изберем?

– Нам остается только один план, уважаемый сэр, – ответил Перкер, – подвергнуть свидетелей перекрестному допросу, довериться красноречию Снаббина, пустить пыль в глаза судье, надеяться на присяжных.

– А что, если решение будет не в мою пользу? – осведомился мистер Пиквик.

Мистер Перкер улыбнулся, взял понюшку табаку, помешал угли в камине, пожал плечами и выразительно промолчал.

– Вы хотите сказать, что в таком случае я должен платить возмещение убытков? – спросил мистер Пиквик, следивший с некоторой строгостью за этим мимическим ответом.

Перкер еще раз помешал угли, что было совершенно излишне, и ответил:

– Боюсь, что так.

– В таком случае я заявляю вам о своем непоколебимом решении не платить ничего, – весьма внушительно произнес мистер Пиквик. – Ничего, Перкер! Ни один фунт, ни один пенни из моих денег не перейдет в карманы Додсона и Фогга. Это мое непреложное и обдуманное решение!

Мистер Пиквик с силой ударил по столу, подтверждая непреложность своего намерения.

– Прекрасно, уважаемый сэр, прекрасно, – сказал Перкер. – Конечно, вам лучше знать.

– Разумеется, – поспешно отозвался мистер Пиквик. – Где живет королевский юрисконсульт Снаббин?

– Линкольнс-Инн, Олд-сквер, – ответил Перкер.

– Я бы хотел его повидать, – сказал мистер Пиквик.

– Повидать королевского юрисконсульта Снаббина, уважаемый сэр! – с крайним изумлением воскликнул Перкер. – Нет, нет, уважаемый сэр, невозможно! Повидать Снаббина! Бог с вами, уважаемый сэр, слыханное ли это дело, если предварительно не внесена плата за консультацию и не назначен час консультации! Это никак невозможно, уважаемый сэр!

Однако мистер Пиквик заявил, что это не только возможно, но и необходимо, и в результате через десять минут после того, как он выслушал заверение, что это сделать невозможно, поверенный ввел его в контору великого Снаббина.

Это была довольно просторная комната без ковра, с большим письменным столом, придвинутым к камину. Сукно, покрывавшее стол, давно отказалось от всяких претензий на свой первоначальный зеленый цвет и постепенно посерело от пыли и времени, за исключением тех мест, где все следы его натурального цвета были уничтожены чернильными пятнами. На столе лежали многочисленные пачки бумаг, перевязанные красной тесьмой, а за столом сидел пожилой клерк, чей прилизанный вид и массивная золотая цепочка от часов служили внушительным показателем большой и прибыльной практики королевского юрисконсульта Снаббина.

– Королевский юрисконсульт у себя в кабинете, мистер Моллерд? – осведомился Перкер, с величайшей учтивостью предлагая свою табакерку.

– Да, он у себя, но очень занят, – последовал ответ. – Посмотрите-ка сюда: еще не дано ни одного заключения по всем этим делам, а гонорар за каждое уплачен.

При этом клерк улыбнулся и втянул понюшку табаку с увлечением, которое, казалось, вызвано было как любовью к табаку, так и пристрастием к гонорарам.

– Вот это называется практикой! – сказал Перкер.

– Да, – отозвался адвокатский клерк, доставая собственную табакерку и предлагая ее с величайшей любезностью. – А лучше всего то, что никто на свете, кроме меня, не разбирает почерка королевского юрисконсульта, и, следовательно, все должны ждать заключения, которое он уже дал, до тех пор, пока я не перепишу. Ха-ха-ха!

– И от этого выигрывает... Мы знаем, кто выигрывает, кроме королевского юрисконсульта... И таким способом вытягивает из клиентов еще кое-что, а? – добавил Перкер. – Ха-ха-ха!

Тут клерк королевского юрисконсульта засмеялся снова – не громким, раскатистым смехом, а тихим, внутренним смешком, который неприятно было слышать мистеру Пиквику. Когда у человека бывает внутреннее кровоизлияние, это опасно для него самого, но когда он смеется внутренним смешком, это не предвещает добра другим.

– Вы не составили для меня счетика гонораров, которые я вам должен? – спросил Перкер.

– Нет, не составил, – ответил клерк.

– Я бы вас попросил составить, – сказал Перкер. – Дайте мне его, и я вам пришлю чек. Но вы, должно быть, слишком заняты получением наличных денег, чтобы думать о должниках. Ха-ха-ха!

Эта шутка, казалось, польстила клерку, и он еще раз засмеялся тихим смешком.

– Но, мистер Моллерд, уважаемый друг, – сказал Перкер, вдруг обретая всю свою серьезность и увлекая великого клерка великого королевского юрисконсульта за отворот сюртука в угол, – вы должны уговорить королевского юрисконсульта принять меня и моего клиента.

– Что вы, что вы! – воскликнул клерк. – Вот это недурно! Увидеть королевского юрисконсульта! Нет, это слишком нелепо!

Впрочем, несмотря на нелепость предложения, клерк позволил увлечь себя потихоньку в сторону от мистера Пиквика и после краткой беседы шепотом вышел неслышными шагами в темный коридорчик и скрылся в святилище юридического светила, откуда вскоре вернулся на цыпочках и уведомил мистера Перкера и мистера Пиквика, что ему удалось уговорить королевского юрисконсульта, вопреки всем установленным правилам и обычаям, принять их немедленно.

Королевский юрисконсульт Снаббин был человек со впалыми щеками и желтоватым цветом лица, лет сорока пяти, или, как говорится в романах, ему могло быть и пятьдесят. У него были те тусклые, осовелые глаза, какие часто можно увидеть на лицах людей, предающихся в течение многих лет утомительным и тягостным кабинетным занятиям, и какие могли и без добавления лорнета, висевшего на широкой черной ленте, обвивавшей шею, предупредить посетителя о том, что он очень близорук. Волосы у него были тонкие и редкие, что отчасти объяснялось постоянным отсутствием досуга для ухода за ними, а отчасти ношением в течение двадцати пяти лет адвокатского парика, который в настоящее время висел перед ним на подставке. Следы пудры на воротнике фрака, плохо выстиранный и еще хуже повязанный галстук свидетельствовали о том, что у него не было времени, вернувшись из суда, произвести какие-нибудь изменения в своем туалете. Впрочем, неопрятный вид остальных принадлежностей его костюма наводил на мысль, что внешность его не улучшилась бы в значительной степени, если бы у него и было свободное время. Юридические книги, кипы бумаг и распечатанные письма валялись на столе в полном беспорядке; мебель в комнате была старая и расшатанная; дверцы книжного шкафа подгнили на петлях; при каждом шаге пыль взлетала маленькими облачками над ковром; шторы пожелтели от времени и грязи; вид всех предметов в комнате доказывал с несомненной ясностью, что королевский юрисконсульт Снаббин слишком занят своими профессиональными делами, чтобы обращать внимание на личные удобства или заботиться о них.

Королевский юрисконсульт писал, когда вошли его клиенты. Он рассеянно поклонился мистеру Пиквику, представленному поверенным, а затем, предложив им сесть, заботливо опустил ручку в чернильницу, покачал левой ногой и приготовился слушать.

– Мистер Пиквик – ответчик по делу Бардл и Пиквик, королевский юрисконсульт Снаббин, – сказал Перкер.

– Я выступаю по этому делу? – спросил королевский юрисконсульт.

– Да, сэр, – ответил Перкер.

Королевский юрисконсульт кивнул и ждал продолжения.

– Мистер Пиквик горячо желал повидаться с вами, королевский юрисконсульт Снаббин, – продолжал Перкер, – чтобы заявить, раньше чем вы займетесь этим процессом, что он отрицает наличие каких бы то ни было данных или основания для возбуждения иска против

него; и если бы он не мог явиться в суд с чистой совестью и с полнейшей уверенностью в том, что он прав, отвергая требования истицы, он бы вовсе туда не явился. Мне кажется, я правильно излагаю ваши взгляды, не так ли, уважаемый сэр? – добавил маленький человек, обращаясь к мистеру Пиквику.

– Вполне, – отвечал сей джентльмен.

Королевский юрисконсульт Снаббин раскрыл лорнет, поднес его к глазам и, поглядев в течение нескольких секунд с любопытством на мистера Пиквика, повернулся к мистеру Перкеру и сказал, слегка улыбаясь при этом:

– У мистера Пиквика хорошие шансы?

Поверенный пожал плечами.

– Намерены ли вы вызвать свидетелей?

– Нет.

Улыбка на лице королевского юрисконсульта обрисовалась ясней. Он с удвоенной силой качнул ногою и, откинувшись на спинку кресла, с сомненьем кашлянул.

Эти признаки дурных предчувствий королевского юрисконсульта, как ни были они мимолетны, не ускользнули от мистера Пиквика. Он крепче утвердил па носу очки, сквозь которые внимательно наблюдал те проявления чувств адвоката, которые тот позволил себе обнаружить, и сказал с большой энергией и решительно пренебрегая предостерегающим подмигиванием и нахмуренными бровями мистера Перкера:

– Желание нанести вам визит с такою целью, как у меня, сэр, несомненно, покажется весьма необычным джентльмену, перед глазами которого проходит столько дел подобного рода.

Королевский юрисконсульт старался серьезно глядеть на огонь в камине, но улыбка снова появилась на его устах.

– Джентльмены вашей профессии, сэр, – продолжал мистер Пиквик, – видят наихудшую сторону человеческой природы. Все споры, все недоброжелательство, вся злоба обнаруживаются перед вами. Вы знаете по опыту, изучив присяжных (я отнюдь не осуждаю ни вас, ни их), сколь многое зависит от «эффекта», и вы склонны приписывать другим желание воспользоваться в целях обмана, а также в целях эгоистических теми самыми средствами, характер и целесообразность коих так хорошо вам известны, ибо вы сами постоянно ими пользуетесь с совершенно честными и почтенными намерениями и с похвальным желанием сделать все возможное для своего клиента. Право же, я думаю, именно этому обстоятельству следует приписать вульгарное, но весьма распространенное мнение, что люди вашей профессии подозрительны, недоверчивы и чересчур осторожны. Хотя я и сознаю, сэр, сколь невыгодно заявлять это при данных обстоятельствах, я явился сюда, ибо хочу, чтобы вы отчетливо поняли, что, как сказал мой друг мистер Перкер, я не повинен в той лжи, в какой меня обвиняют, и, хотя я прекрасно сознаю неоценимое значение вашей помощи, сэр, я должен добавить, что, если вы мне не верите, я готов скорее лишить себя вашей высокоталантливой помощи, чем воспользоваться ею.

Задолго до окончания этой речи, весьма прозаической для мистера Пиквика, – мы вынуждены это отметить, – королевский юрисконсульт снова впал в рассеянность. Впрочем, спустя несколько минут, вновь взявшись за перо, он как будто вспомнил о присутствии своих клиентов. Оторвавшись от бумаг, он сказал довольно раздражительно:

– Кто со мной в этом деле?

– Мистер Фанки, королевский юрисконсульт Снаббин, – ответил поверенный.

– Фанки, Фанки... – повторил королевский юрисконсульт. – Никогда не слышал этой фамилии. Должно быть, очень молодой человек.

– Да, он очень молод, – отозвался поверенный. – Он допущен совсем недавно. Позвольте припомнить... он не состоит при суде и восьми дет.

– А, я так и думал! – сказал королевский юрисконсульт тем сострадательным тоном, каким простые смертные говорят о беспомощном младенце. – Мистер Моллерд, пошлите за мистером... мистером...

– Фанки, Холборн-Корт, Грейз-Инн – вмешался Перкер (кстати, Холборн-Корт переименован теперь в Саут-сквер). – Скажите, я буду рад, если он зайдет сюда.

Мистер Моллерд отправился исполнять поручение, а королевский юрисконсульт Снаббин снова впал в рассеянность, продолжавшуюся до появления мистера Фанки.

Этот младенец-адвокат был вполне зрелым человеком. Он отличался большой нервозностью и мучительно запинался, когда говорил. По-видимому, это не был природный дефект, а скорее результат застенчивости, возникшей от сознания того, что его «затирают» вследствие отсутствия у него средств, или влияний, или связей, или наглости. Он был преисполнен благоговения к королевскому юрисконсульту и изысканно любезен.

– Я не имел удовольствия видеть вас раньше, мистер Фанки, – сказал королевский юрисконсульт Снаббин с высокомерной снисходительностью.

Мистер Фанки поклонился. Он имел удовольствие видеть королевского юрисконсульта; и он, бедняк, завидовал ему на протяжении восьми лет и трех месяцев.

– Вы выступаете со мной в этом деле, насколько я понимаю? – сказал королевский юрисконсульт.

Будь мистер Фанки человеком богатым, он немедленно послал бы за своим клерком, чтобы тот ему напомнил; будь он человеком ловким, он приложил бы указательный палец ко лбу и постарался вспомнить, имеется ли среди множества взятых им на себя обязательств также и это дело; но, не будучи ни богатым, ни ловким (в этом смысле, во всяком случае), он покраснел и поклонился.

– Вы познакомились с документами, мистер Фанки? – осведомился королевский юрисконсульт.

Опять-таки мистеру Фанки следовало притвориться, будто он забыл обо всем, что касается этого дела, но так как он читал те бумаги, какие доставлялись ему по мере развития процесса, и только об этом и думал во сне и наяву в течение двух месяцев с той поры, когда его наняли помощником мистера королевского юрисконсульта Снаббина, то он покраснел еще гуще и поклонился снова.

– Вот это мистер Пиквик, – сказал королевский юрисконсульт, помахивая пером в ту сторону, где стоял сей джентльмен.

Мистер Фанки поклонился мистеру Пиквику с почтением, которое всегда внушает первый клиент, и снова обратил лицо к своему руководителю.

– Быть может, вы проводите мистера Пиквика, – сказал королевский юрисконсульт, – и... и... и... выслушаете все, что мистер Пиквик пожелает сообщить. Мы, конечно, устроим совещание.

Намекнув таким образом на то, что у него отняли достаточно времени, мистер королевский юрисконсульт Снаббин, который постепенно делался все более и более рассеянным, приложил на секунду лорнет к глазам, слегка поклонился и снова погрузился в лежавшее перед ним дело, которое выросло из нескончаемого судебного процесса, порожденного поступком некоего субъекта, скончавшегося лет сто назад и в свое время загородившего тропинку, ведущую из какого-то места, откуда никто никогда не выходил, к какому-то месту, куда никто никогда не входил.

Мистер Фанки не соглашался пройти ни в одну дверь раньше мистера Пиквика и его поверенного, так что потребовалось немало времени, прежде чем они попали на Олд-сквер.

Придя туда, они стали шагать взад и вперед и устроили длительное совещание, в результате которого выяснилось, что весьма трудно сказать, каково будет решение; что никто не может предугадать исход дела; что было большой удачей предупредить противную сторону и заручиться участием королевского юрисконсульта Снаббина, – словом, ряд заключений утешительных и выражающих сомнения, обычных при таком положении дел.

Затем мистер Уэллер был пробужден хозяином от сладкого сна, в который он погрузился на целый час, и, распрощавшись с Лаутеном, они вернулись в Сити.

ГЛАВА XXXII

описывает гораздо подробнее, чем судебный репортер, холостую вечеринку, устроенную мистером Бобом Сойером в его квартире в Боро

Покой витает над Лент-стрит, в Боро, окутывая нежной меланхолией душу. На этой улице всегда сдается внаем много домов. Это пустынная улица, и ее скука успокоительна. Дом на Лент-стрит нельзя почитать первоклассной резиденцией в точном смысле этого слова, но тем не менее это завидное местечко. Если человеку захотелось извлечь себя из мира, уйти за пределы искушения, поставить себя вне всякого соблазна выглянуть из окна, он должен во что бы то ни стало отправиться на Лент-стрит.

Это счастливое убежище заселяют несколько прачек, кучка поденных переплетчиков, два-три тюремных агента при Суде по делам о несостоятельности, мелкие квартирохозяева, служащие в доках, горсточка портних с приправою портных, работающих сдельно. Большинство обитателей либо направляет свою энергию на сдачу меблированных комнат, либо посвящает свои силы здоровому и полезному занятию – катанью белья. Характерные черты мертвой природы на этой улице: зеленые ставни, билетики о сдаче комнат, медные дощечки на дверях и ручки колокольчиков; главные образчики одушевленной природы: мальчишка из портерной, юноша, торгующий пытками, и мужчина, продающий печеный картофель. Население здесь кочевое, обычно исчезающее накануне взноса квартирной платы за квартал, и притом всегда в ночные часы. Доходы его величества редко пополняются в этой счастливой юдоли; арендная плата ненадежна, и водопровод часто бывает закрыт.

В тот вечер, на который был приглашен мистер Пиквик, мистер Боб Сойер украшал своей особой один угол у камина в комнате второго этажа, выходящей окнами на улицу, а мистер Бен Эллен – другой. Приготовление к приему гостей, видимо, закончилось. Зонты в коридоре были свалены в угол за дверью задней комнаты, шляпа и платок служанки убраны с перил лестницы, не больше двух пар патен[100] оставалось на циновке у парадной двери, и кухонная свеча с очень длинным нагаром весело горела на подоконнике лестничного окна. Мистер Боб Сойер самолично купил спиртные напитки в винном погребке на Хай-стрит и вернулся домой, шествуя впереди того, кто их нес, дабы их не доставили по ошибке в другое место. Пунш был приготовлен в красной кастрюле и стоял в спальне; столик, покрытый зеленой байкой, был взят на время из гостиной и приготовлен для игры в карты; стаканы, имевшиеся в квартире, и стаканы, позаимствованные ради такого случая в трактире, выстроились на подносе, поставленном на площадке за дверью.

Несмотря на весьма удовлетворительный характер всех этих приготовлений, темное облако омрачало физиономию мистера Боба Сойера, сидевшего у камина. Лицо мистера Вена Эллена, пристально смотревшего на угли, выражало сожаление, и в его голосе звучали меланхолические ноты, когда он после долгого молчания произнес:

– Да, действительно, какая неудача, что ей взбрело в голову скиснуть как раз в такой день! Могла бы подождать по крайней мере до завтра.

– Это ее зловредная натура, зловредная натура! – с жаром отозвался мистер Боб Сойер. – Она говорит, что если у меня есть деньги на вечеринку, значит они должны у меня быть и на уплату по ее проклятому «счетику».

– А много там набежало? – осведомился мистер Бен Эллен.

Кстати сказать, счет – самый необыкновенный локомотив, какой был изобретен человеческим гением. Он не переставая бежит в течение самой долгой человеческой жизни, никогда не останавливаясь по собственному почину.

– Месяца четыре всего-навсего, – ответил мистер Боб Сойер.

Бен Эллен безнадежно закашлялся и устремил испытующий взгляд на верхние прутья камина.

– Будет чертовски неприятно, если ей взбредет в голову расшуметься, когда все соберутся, не правда ли? – сказал, наконец, мистер Бен Эллен.

– Ужасно, – отозвался Боб Сойер, – ужасно!

Послышался тихий стук в дверь. Мистер Боб Сойер выразительно посмотрел на друга и попросил стучавшего войти; вслед за тем грязная, неряшливо одетая девушка в черных бумажных чулках, которую можно было принять за нелюбимую дочь престарелого мусорщика, находящегося в бедственном положении, просунула голову в дверь и сказала:

– С вашего позволения, мистер Сойер, миссис Редль хочет поговорить с вами.

Не успел Боб Сойер дать какой-нибудь ответ, как девушка вдруг исчезла, словно кто-то сильно дернул ее сзади. Едва совершилось это таинственное исчезновение, как раздался снова стук в дверь – резкий, отчетливый стук, казалось, говоривший: «Я здесь, и я войду».

Мистер Боб Сойер бросил на своего друга взгляд, выражавший смертельный страх, и крикнул:

– Войдите!

В разрешении не было никакой необходимости, ибо, раньше чем мистер Боб Сойер произнес это слово, в комнату ворвалась маленькая свирепая женщина, дрожащая от негодования и бледная от бешенства.

– Ну-с, мистер Сойер, – сказала маленькая свирепая женщина, стараясь казаться очень спокойной, – если вы будете так добры и уплатите мне по этому счетику, я буду вам благодарна, потому что я должна платить сегодня за квартиру, и хозяин ждет сейчас внизу.

Маленькая женщина потерла руки и пристально посмотрела поверх головы Боба Сойера на стену за его спиной.

– Мне очень жаль, что я причиняю вам беспокойство, миссис Редль, – почтительно начал Боб Сойер, – но...

– О, тут нет никакого беспокойства, – отозвалась маленькая женщина, пронзительно захихикав. – Особой нужды в этих деньгах у меня не было до сегодняшнего дня. Во всяком случае, пока мне не нужно было платить их домохозяину, все равно, у кого они были – у вас или у меня. Вы обещали мне, мистер Сойер, заплатить сегодня, и все джентльмены, которые здесь жили, всегда держали свое слово, как и полагается, конечно, всякому, кто называет себя джентльменом.

Миссис Редль качнула головой, закусила губы, крепче потерла руки и воззрилась на стену еще пристальнее. Было совершенно ясно, как выразился впоследствии мистер Боб Сойер, в стиле восточной аллегории, что она «разводила пары».

– Я очень сожалею, миссис Редль, – начал Боб Сойер с крайним смирением, – но факт тот, что сегодня в Сити я обманулся в своих надеждах!

Замечательное место это Сити. Поразительное количество людей всегда обманывается там в своих надеждах.

– Пусть так, мистер Сойер, – сказала миссис Редль, прочно укрепляясь на пурпурной цветной капусте кидерминстерского ковра[101], – а мне какое до этого дело, сэр?

– Я... я... не сомневаюсь, миссис Редль, – сказал Боб Сойер, увиливая от последнего вопроса, – что в начале будущей недели нам удастся уладить все наши счеты и в дальнейшем завести другой порядок.

Этого-то и добивалась миссис Редль. Она ворвалась в апартаменты злополучного Боба Сойера с таким страстным желанием устроить сцену, что, по всей вероятности, была бы разочарована в случае уплаты денег. Она была прекрасно подготовлена к такого рода маленькому развлечению, ибо только что обменялась в кухне несколькими предварительными любезностями с мистером Редлем.

– Вы полагаете, мистер Сойер, – сказала миссис Редль, повышая голос в назидание соседям, – вы полагаете, что я буду по-прежнему держать в своей квартире человека, который и не помышляет платить за комнату, не платит даже за свежее масло и колотый сахар к завтраку и даже за молоко, которое подвозят к дверям? Вы полагаете, что работящей и трудолюбивой женщине, которая живет на этой улице вот уже двадцать лет (десять лет в доме напротив и девять лет и девять месяцев в этом самом доме), только и дела, что работать до изнеможения на шайку ленивых бездельников, которые вечно курят, и пьют, и шляются, вместо того чтобы приняться за какую-нибудь работу и оплатить счета? Вы полагаете...

– Милая моя! – начал мистер Бенджемин Эллен умиротворяющим тоном.

– Будьте добры, оставьте свои замечания при себе, сэр, прошу вас, – сказала миссис Редль, вдруг обрывая стремительный поток слов и обращаясь с внушительной важностью и медлительностью к посреднику. – Я не уверена, сэр, что вы имеете право вмешиваться в разговор. Мне кажется, я сдаю эти комнаты не вам, сэр.

– Правильно. Не мне, – сказал мистер Бенджемин Эллен.

– Очень хорошо, сэр! – ответствовала миссис Редль с высокомерной вежливостью. – Тогда, сэр, вы, может быть, ограничитесь тем, что будете ломать руки и ноги бедным людям в больницах, и придержите свой язык, иначе здесь найдется кто-нибудь, кто заставит вас это сделать, сэр!

– Но вы такая непонятливая женщина, – увещевал мистер Бенджемин Эллен.

– Прошу прощения, молодой человек! – сказала миссис Редль, от злости покрываясь холодным потом. – Не будете ли вы столь добры назвать меня так еще раз?

– Я употребил это выражение совсем не в обидном смысле, сударыня, – отозвался мистер Бенджемин Эллен, начиная опасаться уже за себя.

– Прошу прощения, молодой человек, – повторила миссис Редль еще громче и еще повелительнее, – но кого вы назвали женщиной? Вы обратились с этим замечанием ко мне, сэр?

– Господи помилуй! – воскликнул мистер Бенджемин Эллен.

– Я вас спрашиваю, сэр: это выражение относилось ко мне? – с бешенством прервала миссис Редль, распахивая дверь настежь.

– Ну да, конечно, – ответил мистер Бенджемин Эллен.

– Да, конечно! – подхватила миссис Редль, постепенно пятясь к двери и повышая голос до крайнего предела специально для мистера Редля, находившегося в кухне. – Да, конечно. И все знают, что меня можно оскорблять безнаказанно в моем собственном доме, а мой муж дрыхнет внизу, а на меня обращает внимания не больше, чем на бездомную собаку. Как он не постыдится самого себя! (Тут миссис Редль всхлипнула.) Он допускает, чтобы его жену обижала шайка молодцов, которые режут и кромсают тела живых людей и позорят мой дом (снова всхлипывание), а он оставляет ее беззащитной лицом к лицу с обидчиками! Низкий, трусливый, жалкий негодяй, который боится родниться наверх и расправиться с грубиянами!.. Боится... боится подняться!

Миссис Редль приостановилась, чтобы послушать, разбудил ли этот повторный вызов ее лучшую половину. Убедившись, что он не возымел успеха, она начала с бесконечными всхлипываниями спускаться по лестнице, как вдруг у входной двери раздался громкий двойной стук; в ответ на него миссис Редль впала в истерику, сопровождающуюся горестными стонами, которая не прерывалась до тех пор, пока стук не повторился шесть раз; тогда, в припадке душевной муки, она швырнула вниз все зонты и скрылась в задней комнате, с оглушительным шумом захлопнув за собой дверь.

– Здесь живет мистер Сойер? – спросил мистер Пиквик, когда дверь была открыта.

– Да, – сказала служанка, – во втором этаже. Дверь прямо перед вами, когда вы подниметесь по лестнице.

Дав сие наставление, девушка, которая была воспитана среди аборигенов Саутуорка, скрылась, унося свечу вниз, в кухню, совершенно уверенная в том, что она удовлетворила всем требованиям, какие можно было ей предъявить при данных обстоятельствах.

Мистер Снодграсс, который вошел последним, после многих неудачных попыток заложить засов запер, наконец, парадную дверь, и друзья, спотыкаясь, поднялись наверх, где были встречены мистером Бобом Сойером, который не спускался вниз, опасаясь быть перехваченным миссис Редль.

– Здравствуйте! – сказал расстроенный студент. Рад вас видеть. Осторожнее – здесь стаканы.

Это предостережение предназначалось для мистера Пиквика, который положил свою шляпу на поднос.

– Ах, боже мой! – сказал мистер Пиквик. – Простите!

– Не стоит об этом говорить, – отозвался Боб Сойер. – Я здесь живу тесновато, но с этим вы должны примириться, раз пришли в гости к молодому холостяку. Входите. С этим джентльменом вы, кажется, уже встречались?

Мистер Пиквик пожал руку мистеру Бенджемину Эллену, и друзья последовали его примеру. Едва они успели усесться, как снова раздался двойной стук в дверь.

– Надеюсь, это Джек Хопкинс! – воскликнул мистер Боб Сойер. – Те... Да, это он. Входите, Джек, входите!

На лестнице послышались тяжелые шаги, и появился Джек Хопкинс. На нем был черный бархатный жилет с ослепительными пуговицами и синяя полосатая рубашка с пристегнутым воротничком.

– Что так поздно, Джек? – спросил Бенджемин Эллен.

– Задержался в больнице Барта[102], – ответил Хопкинс.

– Что-нибудь новенькое?

– Нет, ничего особенного. Довольно интересный пациент в палате несчастных случаев.

– А в чем дело, сэр? – полюбопытствовал мистер Пиквик.

– Да знаете ли, человек вывалился из окна четвертого этажа, но очень удачно... очень удачно.

– Вы хотите сказать, что больной находится на пути к выздоровлению? – осведомился мистер Пиквик.

– О нет! – беспечно отозвался Хопкинс. – Я скорее сказал бы обратное. Впрочем, на завтра назначена замечательная операция... великолепное зрелище, если оперировать будет Слешер.

– Вы считаете мистера Слешера хорошим хирургом? – поинтересовался мистер Пиквик.

– Лучшим в мире! – ответил Хопкинс. – На прошлой неделе он ампутировал ногу у мальчика... мальчик съел пять яблок и имбирный пряник... Ровно через две минуты, когда все

было кончено, мальчик сказал, что не желает больше тут лежать, чтобы над ним потешались, и пожалуется матери, если они не приступят к делу.

– Да неужели?! – воскликнул пораженный мистер Пиквик.

– Ну, это пустяки, – сказал Джек Хопкинс. – Не так ли, Боб?

– Разумеется, пустяки, – ответил мистер Боб Сойер.

– Кстати, Боб, – сказал Хопкинс, украдкой бросив взгляд на мистера Пиквика, слушавшего весьма внимательно, – вчера вечером у нас был любопытный случай. Привели ребенка, который проглотил бусы.

– Что он проглотил, сэр? – перебил мистер Пиквик.

– Бусы, – ответил Джек Хопкинс. – Не все сразу, знаете ли, это было бы уже слишком; даже вы не могли бы этого проглотить, не говоря о ребенке... Не так ли, мистер Пиквик? Ха-ха-ха!

Мистер Хопкинс, казалось, был весьма доволен собственной шуткой и продолжал:

– Послушайте, как было дело. Родители ребенка – бедные люди, живут в переулочке. Старшая сестра купила бусы, дешевые бусы из больших черных деревянных бусин. Ребенок прельстился игрушкой, утащил бусы, спрятал их, забавлялся ими, перерезал шнурок и проглотил бусину. Ему это показалось ужасно забавным. На следующий день он проглотил еще одну бусину.

– Помилуй бог! – воскликнул мистер Пиквик. – Какая ужасная история! Прошу прощения, сэр. Продолжайте.

– На следующий день ребенок проглотил две бусины; еще через день угостился тремя и так далее и, наконец, через неделю покончил с бусами, всего было двадцать пять бусин. Сестра, которая была работящей девушкой и редко покупала какие-нибудь украшения, глаза себе выплакала, потеряв бусы, искала их повсюду, но, разумеется, не нашла. Спустя несколько дней семья сидела за обедом – жареная баранья лопатка и картофель; ребенок, который не был голоден, играл тут же в комнате, как вдруг раздался чертовский стук, словно посыпался град. «Не делай этого, мой мальчик», – сказал отец. «Я ничего не делаю», – ответил ребенок. «Ну, хорошо, только больше этого не делай», – сказал отец. Наступила тишина, а затем снова раздался стук, еще громче. «Если ты меня не будешь слушать, то и пикнуть не успеешь, как очутиться в постели!» Он хорошенько встряхнул ребенка, чтобы научить его послушанию, и тут так затарахтело, что поистине никто ничего подобного не слыхивал. «Ах, черт подери, да ведь это у него внутри! – воскликнул отец. У него крупозный кашель, только не в надлежащем месте!» – «У меня нет никакого крупозного кашля, отец, – сказал ребенок, расплакавшись. – Это бусы, я их проглотил». Отец схватил ребенка на руки и побежал с ним в больницу. Бусины в желудке у мальчика тарахтели всю дорогу от тряски, и люди смотрели на небо и заглядывали в погреба, чтобы узнать, откуда доносятся эти необыкновенные звуки. Теперь ребенок в больнице и такой поднимает шум, когда двигается, что пришлось завернуть его в куртку сторожа, чтобы он не будил больных!

– Это самый удивительный случай, о котором мне когда-либо приходилось слышать, – заявил мистер Пиквик, выразительно ударив кулаком по столу.

– О, это пустяки! – сказал Джек Хопкинс. – Не так ли, Боб?

– Конечно, пустяки, – ответил мистер Боб Сойер.

– Очень странные вещи случаются в нашей профессии, уверяю вас, сэр, – сказал Хопкинс.

– Охотно верю, – ответил мистер Пиквик.

Стук в дверь возвестил о прибытии большеголового молодого человека в черном парике, который привел с собой цинготного юношу, украшенного широким жестким галстуком. Следующим гостем был джентльмен в рубашке, разукрашенной розовыми якорями, а немедленно вслед за ним явился бледный юноша с часовой цепочкой из накладного золота.

По прибытии жеманного субъекта в безукоризненном белье и прюнелевых ботинках общество оказалось в полном составе. Столик, покрытый зеленой байкой, был выдвинут, первая порция пунша в белом кувшине подана, и последующие три часа посвящены игре в vingt-et-un по шесть пенсов за дюжину фишек, прерванной только один раз легким спором между цинготным юношей и джентльменом с розовыми якорями, когда цинготный юноша изъявил пламенное желание дернуть за нос джентльмена с эмблемами надежды, в ответ на что этот последний выразил решительное нежелание принимать какие бы то ни было «угощения» безвозмездно как от вспыльчивого молодого джентльмена с цинготной физиономией, так и от любого индивида, украшенного головой.

Когда были открыты последние «натуральные»[103] и подсчитаны ко всеобщему удовольствию все выигранные и проигранные фишки и шестипенсовики, мистер Боб Сойер позвонил, чтобы подавали ужин, и, пока шли приготовления к нему, гости толпились по углам комнаты.

Подать ужин было не так легко, как можно предположить. Прежде всего пришлось разбудить служанку, которая крепко заснула, уронив голову на кухонный стол; это заняло некоторое время, а когда, наконец, она явилась на звонок, еще четверть часа ушло на бесплодные попытки раздуть в ней слабую и тусклую искру разума. Торговца, которому заказали устрицы, не предупредили, чтобы он их открыл. Открыть устрицу обыкновенным ножом или вилкой о двух зубцах – дело нелегкое, и устриц съедено было немного. Мало было подано мяса, а также и ветчины (взятой вместе с мясом в немецком колбасном магазине за углом). Зато портеру в оловянном сосуде было много; большое внимание уделили сыру, благо он оказался острым. В общем, ужин вышел не хуже, чем бывают обычно такие ужины.

После ужина на стол был подан второй кувшин пунша вместе с пачкой сигар и двумя бутылками спиртного. Затем наступил мучительный перерыв; этот мучительный перерыв был вызван весьма обычным обстоятельством в такого рода обстановке, но тем не менее он был очень стеснителен.

Дело в том, что служанка мыла стаканы. В доме их было четыре; мы отнюдь не считаем это унизительным для миссис Редль, но не существует еще таких меблированных комнат, где бы хватало стаканов. Хозяйские стаканы были маленькие, из тонкого стекла, а позаимствованные в трактире – большие, раздутые и распухшие стопы на толстых подагрических ножках. Этот факт сам по себе мог открыть обществу истинное положение дел; но молодая служанка предупредила возможность возникновения по этому поводу ложных представлений в уме кого-нибудь из джентльменов, насильно выхватив у каждого стакан задолго до того, как был выпит портер, и заявив во всеуслышание, несмотря на подмигивания и предостережения мистера Боба Сойера, что их следует отнести вниз и немедленно вымыть.

Только очень дурной ветер никому не приносит добра. Жеманный джентльмен в прюнелевых ботинках, который безуспешно пытался острить во время игры, увидел, что ему представляется удобный случай, и воспользовался им. В тот момент, когда исчезли стаканы, он начал длинный рассказ о великом политическом деятеле, чье имя он позабыл, давшем исключительно удачный ответ другому выдающемуся и знаменитому индивиду, чью личность он никогда не мог установить. Он распространялся довольно долго и с большой добросовестностью о различных побочных обстоятельствах, имеющих некоторое отношение к данному анекдоту, но ни за какие блага в мире не мог припомнить именно в этот момент, в чем соль анекдота, хотя он и имел обыкновение рассказывать его с весьма большим успехом в течение последних десяти дет.

– Ах, боже мой! – сказал жеманный джентльмен в прюнелевых ботинках. – Какой поразительный случай!

– Жаль, что вы забыли, – заметил мистер Боб Сойер, нетерпеливо посматривая на дверь, ибо ему послышался звон стаканов. – Очень жаль!

– Мне тоже жаль, – отвечал жеманный джентльмен, – потому что я знаю, как бы это всех позабавило. Ну, ничего, надеюсь, мне удастся припомнить этак через полчаса.

Жеманный джентльмен пришел к такому выводу в момент появления стаканов, а мистер Боб Сойер, который все время напряженно прислушивался, заявил, что ему очень хотелось бы услышать конец рассказа, ибо, если судить по тому, что было сказано, это наилучший анекдот, какой он когда-либо слышал.

Вид стаканов вернул Бобу Сойеру то душевное равновесие, которое он утратил после свидания со своей квартирной хозяйкой. Его лицо просияло, и он готов был окончательно развеселиться.

– А теперь, Бетси... – весьма учтиво сказал мистер Боб Сойер, распределяя в то же время шумную маленькую группу стаканов, которые девушка поместила в центре стола, – а теперь, Бетси, горячей воды, будьте добры, поскорее.

– Никакой горячей воды вы не получите, – ответила Бетси.

– Не получим? – воскликнул мистер Боб Сойер.

– Да! – сказала девушка, покачав головой, что свидетельствовало об отказе более решительном, чем может выразить самый красноречивый язык. Миссис Редль не велела давать вам никакой воды.

Изумление, написанное на лицах гостей, вдохнуло новое мужество в хозяина.

– Сейчас же принесите горячей воды, сейчас же! – с отчаянием приказал мистер Боб Сойер.

– Не могу, – ответила девушка. – Миссис Редль выгребла угли из печки перед тем как лечь спать и заперла котелок.

– О, неважно, неважно! Пожалуйста, не волнуйтесь из-за такого пустяка, – сказал мистер Пиквик, наблюдая борьбу противоречивых чувств, отражавшихся на физиономии Боба Сойера. – Мы прекрасно обойдемся холодной водой.

– О, превосходно! – подхватил мистер Бенджемин Эллен.

– Моя квартирная хозяйка подвержена легким припадкам умственного расстройства, – заметил Боб Сойер с бледной улыбкой. – Боюсь, что придется заявить ей об отказе от помещения.

– Ну, нет! К чему же! – возразил Бен Эллен.

– Боюсь, что придется! – сказал Боб с героической решимостью. – Я ей заплачу то, что должен, и завтра же утром предупрежу.

Бедный малый! Как страстно желал он это сделать!

Мучительные условия мистера Боба Сойера оправиться от этого последнего удара подействовали угнетающе на гостей, большая часть которых с целью поднятия духа проявила чрезмерное пристрастие к холодному грогу, первое заметное действие коего сказалось в возобновлении вражды между цинготным юношей и джентльменом в рубашке. Сначала воюющие стороны выражали взаимное презрение хмурыми взглядами и сопением, пока, наконец, цинготный юноша не счел нужным перейти к более ясным объяснениям, и тогда произошел следующий вразумительный разговор:

– Сойер! – громко сказал цинготный юноша.

– В чем дело, Нодди? – отозвался мистер Боб Сойер.

– Мне бы очень не хотелось, Сойер, – сказал мистер Нодди, – говорить неприятные вещи за столом у кого-либо из друзей, и в особенности за вашим столом, Сойер, но я должен воспользоваться случаем и сообщить мистеру Гантеру, что он не джентльмен.

– А мне бы очень не хотелось, Сойер, устраивать беспорядок на улице, где вы живете, – сказал мистер Гантер, – но, боюсь, я буду вынужден потревожить соседей и вышвырнуть из окна субъекта, который только что говорил.

– Что вы хотите этим сказать, сэр? – осведомился мистер Нодди.

– То, что я сказал, сэр, – ответил мистер Гантер.

– Хотел бы я посмотреть, как бы вы это сделали, сэр, – заметил мистер Нодди.

– Вы почувствуете, как я это сделаю, через полминуты, сэр, – отозвался мистер Гантер.

– Я требую, чтобы вы дали мне вашу визитную карточку, сэр, – сказал мистер Нодди.

– Я этого не сделаю, сэр, – возразил мистер Гантер.

– Почему, сэр? – осведомился мистер Нодди.

– Потому что вы поставите ее на камине и будете вводить в заблуждение своих гостей, которые подумают, что у вас был с визитом, джентльмен, сэр, – ответил мистер Гантер.

– Сэр, один из моих друзей навестит вас завтра утром, – сказал мистер Нодди.

– Сэр, я весьма признателен вам за предупреждение, и мною будет отдано специальное распоряжение прислуге спрятать под замок ложки.

В этот момент вмешались остальные гости и стали доказывать обеим сторонам неприличие их поведения, после чего мистер Нодди попросил запомнить, что его отец был такой же почтенный человек, как и отец мистера Гантера; мистер Гантер ответил, что его отец был такой же почтенный человек, как отец мистера Нодди, и что в любой день недели сын его отца был не хуже мистера Нодди. Так как это заявление, казалось, предвещало возобновление спора, последовало новое вмешательство остальных гостей; со всех сторон послышались возгласы и крики, после чего мистер Нодди постепенно уступил наплыву чувств и признался, что он всегда питал горячую привязанность к мистеру Гантеру. На это мистер Гантер ответил, что, в общем, для него мистер Нодди дороже родного брата; услышав такое признание, мистер Нодди великодушно поднялся со стула и протянул руку мистеру Гантеру. Мистер Гантер пожал ее с трогательной горячностью, и присутствующие единодушно заявили, что весь спор был проведен обеими сторонами в благороднейшем стиле.

– А теперь, – сказал Джек Хопкинс, – не худо было бы спеть что-нибудь, Боб, для поднятия духа.

И Хопкинс, побуждаемый бурными рукоплесканиями, немедленно и громко затянул «Бог да благословит короля» на новый мотив, сложенный из двух других: «Бискайского залива» и «Лягушки»[104].

Хор играл существенную роль в пении, а так как каждый джентльмен пел на тот мотив, который лучше знал, эффект получался поистине потрясающий.

В конце припева к первому куплету мистер Пиквик поднял руку, как бы прислушиваясь, и сказал, как только наступило молчание:

– Тише! Прошу прощения. Мне почудилось, будто кто-то кричит с верхней площадки лестницы.

Немедленно воцарилась глубокая тишина. Было замечено, что мистер Боб Сойер сильно побледнел.

– Кажется, опять кричат, – сказал мистер Пиквик. – Будьте добры открыть дверь.

Как только дверь была открыта, все сомнения по этому поводу рассеялись.

– Мистер Сойер! Мистер Сойер! – визжал голос с площадки третьего этажа.

– Это моя квартирная хозяйка, – сказал Боб Сойер, озираясь в великом смятении. – Слушаю, миссис Редль.

– Что это значит, мистер Сойер? – продолжал голос весьма пронзительно и скоропалительно. – Мало вам того, что вы денег за квартиру не платите и вдобавок долгов не

возвращаете, а ваши приятели, которые осмеливаются называть себя мужчинами, ругают меня и оскорбляют, вам надо еще весь дом перевернуть вверх дном и в два часа ночи поднимать такой шум, что вот-вот приедет пожарная команда? Гоните этих негодяев!;

– Как вам не стыдно! – изрек голос мистера Редля, доносившийся, казалось, из-под одеяла.

– Тебе стыдно! – подхватила миссис Редль. – Почему ты не спустишься вниз и не сбросишь их с лестницы всех до единого? Ты бы это сделал, будь ты мужчиной.

– Я бы это сделал, будь я десятком мужчин, моя милая, – миролюбиво отозвался мистер Редль, – но на их стороне численный перевес, моя милая.

– Тьфу, трус! – отвечала миссис Редль с величайшим презрением. – Намерены вы прогнать этих негодяев, мистер Сойер, или нет?

– Они уходят, миссис Редль, они уходят, – сказал несчастный Боб. Пожалуй, лучше разойтись, – сообщил мистер Боб Сойер своим друзьям. – Мне кажется, мы слишком шумели.

– Это очень печально, – сказал жеманный джентльмен. – А мы как раз развеселились!

У жеманного джентльмена только что мелькнул проблеск воспоминания об анекдоте, который он забыл.

– С этим трудно примириться, – озираясь, сказал жеманный джентльмен. – Трудно примириться, не правда ли?

– Не следует мириться, – отозвался Джек Хопкинс. – Споем следующий куплет, Боб. Ну-ка!

– Нет, нет, Джек, не нужно, – перебил Боб Сойер. Это чудесная песня, но лучше нам не петь второго куплета. Очень вспыльчивые люди – жильцы этого дома.

– Может быть, мне подняться наверх и поколотить хозяина? – осведомился Хопкинс. – А может быть, потрезвонить в колокольчик или завыть на лестнице? Вы можете располагать мною. Боб.

– Я глубоко признателен вам, Хопкинс, за вашу дружбу и доброту, – сказал злополучный мистер Боб Сойер, – но, мне кажется, во избежание дальнейших споров мы должны разойтись немедленно.

– Ну, что, мистер Сойер? – раздался пронзительный голос миссис Редль. – Уходят эти грубияны?

– Они ищут свои шляпы, миссис Редль, – ответил Боб. – Сейчас уйдут.

– Уйдут? – повторила миссис Редль, выставляя из-за перил свой ночной чепец как раз в тот момент, когда мистер Пиквик в сопровождении мистера Тапмена вышел из комнаты. – Уйдут! А зачем им было приходить?

– Сударыня... – начал мистер Пиквик, поднимая голову.

– Проваливайте, старый бездельник! – ответила миссис Редль, поспешно сдергивая ночной чепец. – Вы ему в дедушки годитесь, несчастный! Вы хуже их всех!

Мистер Пиквик убедился, что доказывать свою невиновность бессмысленно, и посему поспешно спустился с лестницы и выбежал на улицу, где к нему присоединились мистер Тапмен, мистер Уинкль и мистер Снодграсс. Мистер Бен Эллен, на которого угнетающе подействовали грог и тревога, проводил их до Лондонского моста и во время прогулки поведал мистеру Уинклю, как лицу наиболее подходящему, что он решил перерезать горло любому джентльмену, за исключением мистера Боба Сойера, который осмелится посягать на любовь его сестры Арабеллы. Высказав с подобающей твердостью свое решение исполнить сей мучительный долг брата, он расплакался, надвинул шляпу на глаза и, сделав попытку вернуться домой, стал стучать в дверь конторы рынка Боро, изредка задремывая на

ступеньках, и стучал до рассвета в твердой уверенности, что он живет здесь, но позабыл свой ключ.

Когда все гости ушли согласно настойчивой просьбе миссис Редль, злополучный мистер Боб Сойер остался один, чтобы поразмыслить о возможных событиях завтрашнего дня и увеселениях этого вечера.

ГЛАВА XXXIII.

Мистер Уэллер-старший высказывает некоторые критические замечания, касающиеся литературного стиля, и с помощью своего сына Сэмюела уплачивает частицу долга преподобному джентльмену с красным носом

Утро тринадцатого февраля, которое, – читатели сего правдивого повествования знают это не хуже, чем мы, – было кануном дня, назначенного для слушания дела миссис Бардл, оказалось беспокойным для мистера Сэмюела Уэллера, непрерывно путешествовавшего от «Джорджа и Ястреба» к дому мистера Перкера и обратно с девяти часов утра и до двух часов дня включительно. Нельзя сказать, чтобы это могло содействовать ходу дела, ибо консультация уже состоялась и план действия, который следовало избрать, был окончательно выработан; но мистер Пиквик, находясь в состоянии крайнего возбуждения, непрестанно посылал записочки своему поверенному, содержащие один только вопрос: «Дорогой Перкер, все ли идет хорошо?» – на что мистер Перкер неизменно отвечал: «Дорогой Пиквик, все идет хорошо, насколько это возможно». В действительности же, как мы уже намекали, идти было решительно нечему ни хорошо, ни худо, вплоть до судебного заседания, назначенного на следующее утро.

Но людям, которые добровольно обращаются к правосудию или насильственно и впервые привлекаются к суду, можно простить некоторое временное раздражение и беспокойство, и Сэм с подобающим снисхождением к слабостям человеческой природы исполнял все приказания своего хозяина с невозмутимым добродушием и нерушимым спокойствием, обнаруживая тем самым поразительнейшие и приятнейшие свойства своей натуры.

Сэм утешился весьма недурным обедом и ждал у буфетной стойки стакана горячей смеси, в которой мистер Пиквик посоветовал ему утопить усталость, вызванную утренними прогулками, когда юнец ростом около трех футов, в мохнатой шапке и бумазейных штанах, каковой костюм свидетельствовал о похвальном стремлении его владельца занять в будущем высокий пост конюха, вошел в коридор «Джорджа и Ястреба» и оглядел сначала лестницу, затем коридор, а затем заглянул в буфетную, словно отыскивая кого-то для передачи поручения, вслед за сим буфетчица, считая вероятным, что упомянутое поручение может коснуться чайных или столовых ложек гостиницы, обратилась к юнцу:

– Эй, молодой человек, что вам здесь нужно?

– Есть здесь кто-нибудь по имени Сэм? – осведомился юнец громким дискантом.

– А как фамилия? – спросил Сэм Уэллер, оглянувшись.

– Откуда мне знать? – живо откликнулся молодой джентльмен под мохнатой шапкой.

– Вы парень смышленый, – сказал мистер Уэллер, – но, будь я на вашем месте, я бы эту самую смышленость не слишком показывал, – вдруг кто-нибудь ее утащит. Что это значит? Почему вы являетесь в отель и спрашиваете Сэма с такой вежливостью, как будто вы дикий индеец?

– Потому что мне приказал старый джентльмен, – ответил мальчик.

– Какой старый джентльмен? – с глубоким презрением осведомился Сэм.

– Тот, который ездит с ипсуичской каретой и останавливается у нас, – отозвался мальчик. – Вчера утром он мне сказал, чтобы я пошел сегодня к «Джорджу и Ястребу» и спросил Сэма.

– Это мой отец, моя милая, – пояснил мистер Уэллер, обращаясь к молодой леди за буфетной стойкой. – Черт побери! Пожалуй, он и в самом деле забыл мою фамилию. Ну-с, молодой барсук, что дальше?

– А дальше то, – сказал юнец, – что вы должны прийти к нему в шесть часов в нашу гостиницу, потому что он хочет вас видеть, – «Синий Боров», Леднхоллский рынок. Сказать ему, что вы придете?

– Рискните сообщить ему это, сэр, – ответил Сэм.

Получив такие полномочия, юный джентльмен удалился и разбудил при этом все эхо во дворе «Джорджа», изобразив несколько раз, с удивительной чистотою и точностью, свист погонщика скота голосом, отличавшимся своеобразной полнотой и звучностью.

Мистер Уэллер, получив отпуск у мистера Пиквика, который, находясь в возбужденном и тревожном состоянии, был отнюдь не прочь остаться один, отправился в путь задолго до назначенного часа и, имея в своем распоряжении много времени, добрел до Меншен-Хауса, где остановился и с философическим спокойствием стал созерцать многочисленных омнибусных кондукторов и кучеров, которые собираются около этого знаменитого и людного места к великому ужасу и смятению старых леди, населяющих эти края. Прослонявшись здесь около получаса, мистер Уэллер повернул и направил свои стопы к Леднхоллскому рынку, пробираясь боковыми улицами и переулками. Так как он слонялся, чтобы убить время, и разглядывал чуть ли не каждый предмет, попадавшийся ему на глаза, то ничего нет удивительного в том, что он остановился перед маленькой витриной торговца канцелярскими принадлежностями и картинками; но без дальнейших объяснений покажется странным, что едва взгляд его упал на кое-какие картинки, выставленные на продажу, как он вдруг встрепенулся, хлопнул себя очень сильно по правой ляжке и энергически воскликнул:

– Не будь здесь этого, я бы так ни о чем и не вспомнил, а потом было бы слишком поздно!

Картинка, с которой не спускал глаз Сэм Уэллер, произнося эти слова, была весьма красочным изображением двух человеческих сердец, скрепленных вместе стрелой и поджаривавшихся на ярком огне, в то время как чета людоедов в современных костюмах – джентльмен в синей куртке и белых брюках, а леди в темно-красной шубе, с зонтом того же цвета – приближались с голодным видом к жаркому по извилистой песчаной дорожке. Явно нескромный молодой джентльмен, одеянием которого служила только пара крыльев, был изображен в качестве надзирающего за стряпней; шпиль церкви на Ленгхем-плейс, Лондон, виднелся вдали, а все вместе было «валентинкой»[105], и таких «валентинок», как гласило объявление, в лавке имелся большой выбор, причем торговец обещал продавать их своим соотечественникам по пониженной цене – полтора шиллинга за штуку.

– Я бы забыл об этом! Конечно, я бы забыл об этом! – сказал Сэм; и с этими словами он немедленно вошел в лавку канцелярских принадлежностей и потребовал, чтобы ему дали лист лучшей писчей бумаги с золотым обрезом и твердо очиненное перо, с ручательством, что оно не будет брызгать. Быстро получив эти предметы, он пошел прямо к Леднхоллскому рынку энергическим ровным шагом, резко отличавшимся от его недавних медлительных шагов. Оглянувшись, он увидел вывеску, на которой талантливый живописец изобразил нечто отдаленно напоминающее небесно-голубого слона с горбатым носом вместо хобота. Правильно заключив, что это и есть «Синий Боров», он вошел и осведомился о своем родителе.

– Он здесь будет не раньше, чем через три четверти часа, – сказала молодая леди, которая ведала домашним хозяйством «Синего Борова».

– Отлично, моя дорогая, – ответил Сэм. – Будьте добры, мисс, дайте мне на девять пенсов тепловатого грогу и чернильницу.

Когда теплый грог и чернильница были доставлены в маленькую гостиную и молодая леди старательно выровняла угли, чтобы они не пылали, и унесла кочергу, дабы нельзя было их размешивать без ведома «Синего Борова» и без предварительного его разрешения, Сэм Уэллер

уселся за перегородку у печки и вынул лист писчей бумаги с золотым обрезом и остро очиненное перо. Затем, посмотрев внимательно, нет ли на пере волоска, и вытерев стол, дабы не оказалось хлебных крошек под бумагой, Сэм засучил обшлага куртки, раздвинул локти и приготовился писать.

Для леди и джентльменов, которые не имеют привычки посвящать себя искусству каллиграфии, написать письмо – нелегкая задача; в таких случаях всегда признается необходимым для пишущего склонить голову к левому плечу так, чтобы глаза находились по возможности на одном уровне с бумагой, и, поглядывая сбоку на буквы, какие он сооружает, одновременно выводить языком соответствующие воображаемые письмена. Хотя такие движения бесспорно благоприятствуют в высокой степени оригинальному творчеству, однако они в некоторой мере замедляют процесс писания; и Сэм, сам того не ведая, добрых полтора часа выписывал слова мелким почерком, стирал мизинцем неудавшиеся буквы и вписывал новые, которые нужно было обводить по нескольку раз, чтобы разглядеть их сквозь старые кляксы, как вдруг его внимание было отвлечено распахнувшейся дверью и появлением родителя.

– Здорово, Сэмми! – сказал отец.

– Здорово, мой лазоревый! – отозвался сын, кладя перо. – Каков последний бюллетень о мачехе?

– Миссис Веллер очень хорошо провела ночь, но на редкость несговорчива и неприятна сегодня утром. Это клятвенно удостоверяет Т. Веллер – старший, эсквайр. Вот последний бюллетень, Сэмми, – ответил мистер Уэллер, разматывая шарф.

– И никакого улучшения? – осведомился Сэм.

– Все симптомы угрожающие, – отозвался мистер Уэллер, покачивая головой. – Ну, а ты что тут поделываешь? Туговато дается наука, Сэмми?

– Я уже кончил, – сказал Сэм с легким замешательством. – Я писал.

– Это я вижу, – отозвался мистер Уэллер. – Надеюсь, не молодой женщине, Сэмми?

– Что толку отрицать! – сказал Сэм. – Это валентинка.

– Что? – воскликнул мистер Уэллер, явно устрашенный этим словом.

– Валентинка, – повторил Сэм.

– Сэмивел, Сэмивел! – сказал мистер Уэллер укоризненным тоном. – Не думал я, что ты способен на это! После того, как у тебя перед глазами был пример твоего отца, отдавшегося дурным наклонностям, после всего, что я тебе говорил об этом деле, после того, как ты повидал свою собственную мачеху и побывал в ее обществе! А я-то полагал, что это такой нравственный урок, которого человек не забудет до своего смертного часа! Не думал, что ты можешь это сделать, Сэмми, не думал, что ты можешь это сделать!

Такие размышления оказались не под силу доброму старику. Он поднес ко рту стакан Сэма и выпил залпом.

– Что, полегчало? – спросил Сэм.

– Как будто, Сэмми, – отозвался мистер Уэллер. – Мучительное это будет испытание для меня в мои годы, но я довольно-таки жилист, а это единственное утешение, как заметил очень старый индюк, когда фермер сказал, как бы не пришлось его зарезать для Лондонского рынка.

– Какое испытание? – полюбопытствовал Сэм.

– Видеть тебя женатым, Сэмми, видеть тебя одураченной жертвой, воображающей по наивности, будто все очень хорошо, – объявил мистер Уэллер.

– Это жестокое испытание для отцовских чувств, Сэмми, вот оно что.

– Вздор! – сказал Сэм. – Я не намерен жениться... Не расстраивайтесь. Вы, кажется, знаток в таких делах. Потребуйте свою трубку, и я вам прочту письмо. Вот!

Мы не можем сказать определенно, предвкушение ли трубки, или утешительное соображение, что фатальная склонность к женитьбе была фамильной чертой, успокоило чувства мистера Уэллера и утишило его скорбь. Мы скорее склонны предположить, что этот результат был достигнут благодаря обоим источникам утешения, ибо о втором он твердил тихим голосом, звоня тем временем в колокольчик, чтобы потребовать первый. Затем он освободился от верхней одежды и, закурив трубку и расположившись спиной к камину, чтобы пользоваться всем его теплом и в то же время прислоняться к каминной полке, повернулся к Сэму и с физиономией, значительно смягчившейся от благотворного действия табака, предложил ему «катать».

Сэм окунул перо в чернила, приготовляясь вносить поправки, и начал с весьма театральным видом:

– «Милое...»

– Стоп! – сказал мистер Уэллер, звоня в колокольчик. – Двойной стакан, как всегда, моя милая.

– Очень хорошо, сэр, – отвечала девушка, которая с удивительным проворством появилась, исчезла, вернулась и снова скрылась.

– Здесь как будто знают ваши привычки, – заметил Сэм.

– Да, – отозвался отец. – Я здесь бывал в свое время. Продолжай, Сэмми.

– «Милое создание...» – повторил Сэм.

– Уж не стихи ли это? – перебил отец.

– Нет, – ответил Сэм.

– Очень рад это слышать, – сказал мистер Уэллер. – Стихи ненатуральная вещь. Никто не говорит стихами, разве что приходский сторож, когда он является за святочным ящичком[106], или уорреновская вакса[107] да ролендовское масло[108], а не то какой-нибудь плаксивый парень. Никогда не опускайся до поэзии, мой мальчик! Начинай сначала, Сэмми!

Мистер Уэллер взял трубку с видом критическим и глубокомысленным, а Сэм начал снова и прочитал следующее:

– «Милое создание, я чувствую себя обмоченным...»

– Это неприлично, – сказал мистер Уэллер, вынимая изо рта трубку.

– Нет, это не «обмоченный», – заметил Сэм, поднося письмо к свечке, – это «озабоченный», но тут клякса. «Я чувствую себя озабоченным».

– Очень хорошо, – сказал мистер Уэллер. – Валяй дальше.

– «Я чувствую себя озабоченным и совершенно одур...» Забыл, какое тут стоит слово, – сказал Сэм, почесывая голову пером и тщетно пытаясь припомнить.

– Так почему же ты не посмотришь, что там написано? – полюбопытствовал мистер Уэллер.

– Да я и смотрю, – ответил Сэм, – но тут еще одна клякса. Вот «о», а вот «д» и «р».

– Должно быть, «одураченным», – сказал мистер Уэллер.

– Нет, это не то, – сказал Сэм, – «одурманенным» – вот оно что.

– Это слово не так подходит, как «одураченный», – серьезно заметил мистер Уэллер.

– Вы думаете? – осведомился Сэм.

– Куда уж там! – откликнулся отец.

– А вам не кажется, что в нем смысла больше? – спросил Сэм.

– Ну, пожалуй, оно понежней будет, – подумав, сказал мистер Уэллер. – Валяй дальше, Сэмми.

– «...чувствую себя озабоченным и совершенно одурманенным, обращаясь к вам, потому что вы славная девушка, и конец делу».

– Это очень красивая мысль, – сказал мистер Уэллер-старший, вынимая трубку изо рта, чтобы сделать это замечание.

– Да, мне тоже кажется, что оно неплохо вышло, – заметил Сэм, весьма польщенный.

– Что мне больше всего нравится в таком вот слоге, – продолжал мистер Уэллер-старший, – так это то, что тут нет никаких непристойных прозвищ, никаких Венер или чего-нибудь в этом роде. Что толку называть молодую женщину Венерой или ангелом, Сэмми?

– Вот именно! – согласился Сэм.

– Ты можешь называть ее грифоном, или единорогом, или уж сразу королевским гербом, потому что, как всем известно, это коллекция диковинных зверей, – добавил мистер Уэллер.

– Правильно, – подтвердил Сэм.

– Кати дальше, Сэмми, – сказал мистер Уэллер.

Сэм исполнил просьбу и стал читать, а его отец продолжал курить с видом глубокомысленным и благодушным, что было весьма назидательно.

– «Пока я вас не увидел, я думал, что все женщины одинаковы».

– Так оно и есть, – заметил в скобках мистер Уэллер-старший.

– «Но теперь», – продолжал Сэм, – «теперь я понял, какой я был регулярно безмозглый осел, потому что никто не походит на вас, хотя вы подходите мне больше всех...». Мне хотелось выразиться тут посильнее, – сказал Сэм, поднимая голову.

Мистер Уэллер кивнул одобрительно, и Сэм продолжал:

– «И вот я пользуюсь привилегией этого дня, моя милая Мэри, – как сказал джентльмен по уши в долгах, выходя из дома в воскресенье, – чтобы сказать вам, что в первый и единственный раз, когда я вас видел, ваш портрет отпечатался в моем сердце куда скорее и красивее, чем делает портрет профильная машина (о которой вы, может быть, слыхали, моя милая Мэри), хотя она его заканчивает и вставляет в рамку под стеклом с готовым крючком, чтобы повесить, и все это в две с четвертью минуты».

– Боюсь, что тут пахнет стихами, Сэмми, – подозрительно сказал мистер Уэллер.

– Нет, не пахнет, – ответил Сэм и продолжал читать очень быстро, чтобы ускользнуть от обсуждения этого пункта: – «Возьмите меня, моя милая Мэри, своим Валентином и подумайте о том, что я сказал. Моя милая Мэри, а теперь я кончаю». Это все, – сказал Сэм.

– Что-то очень уж неожиданно затормозил, а, Сэмми? – осведомился мистер Уэллер.

– Ничуть не бывало, – возразил Сэм. – Тут ей и захочется, чтобы еще что-нибудь было, а это и есть большое умение писать письма.

– Пожалуй, оно верно, – согласился мистер Уэллер, – и хотел бы я, чтобы твоя мачеха следовала при разговоре такому славному правилу. А разве ты не подпишешься?

– Вот тут-то и загвоздка! – сказал Сэм. – Не знаю, как подписаться.

– Подпишись – Веллер, – посоветовал старейший представитель этой фамилии.

– Не годится, – возразил Сэм. – Никогда не подписывают валентинку своей настоящей фамилией.

– Ну, тогда подпиши «Пиквик», – сказал мистер Уэллер. – Это очень хорошее имя и легко пишется.

– Вот это дело, – согласился Сэм. – Я бы мог закончить стишком, как вы думаете?

– Мне это не нравится, Сэм, – возразил мистер Уэллер. – Я не знавал ни одного почтенного кучера, который бы писал стихи. Вот только один написал трогательные стишки

накануне того дня, когда его должны были повесить за грабеж на большой дороге; ну, да он был из Кемберуэла, так что это не в счет.

Но Сэм не хотел отказаться от поэтической идеи, пришедшей ему в голову, и подписал письмо:

«Полюбил вас в миг Ваш Пиквик».

Сложив его весьма замысловато, ой нацарапал наискось адрес в углу: «Мэри, горничной у мистера Напкинса, мэра, Ипсуич, Саффок», запечатал облаткой и сунул его в карман, готовое для сдачи на почтамт. Когда покончено было с этим важным вопросом, мистер Уэллер-старший приступил к тому, ради чего вызвал сына.

– Первое дело о твоем хозяине, Сэмми, – сказал мистер Уэллер. – Завтра его будут судить.

– Будут судить, – подтвердил Сэм.

– Ну, так вот, – продолжал мистер Уэллер, – я полагаю, что ему понадобится вызвать свидетелей, чтобы те потолковали о его репутации или, может быть, доказали алиби. Я это дело обмозговал, так что он может не беспокоиться, Сэмми. Есть у меня приятели, которые сделают для него и то и другое, но мой совет такой: наплевать на репутацию и держаться за алиби. Нет ничего лучше алиби, Сэмми, ничего.

У мистера Уэллера был весьма глубокомысленный вид, когда он высказывал это юридическое соображение; и, погрузив нос в стакан, он подмигнул поверх него изумленному сыну.

– Да вы о чем толкуете? – спросил Сэм. – Уж не думаете ли вы, что его будут судить в Олд-Бейли?

– Наших обсуждений это не касается, Сэмми, – возразил мистер Уэллер. Где бы его не судили, мой мальчик, алиби – как раз такая штука, которая поможет ему выпутаться. С алиби мы выручили Тома Уайльдспарка, которого судили за смертоубийство, а длинные парики все до единого сказали, что его ничто не спасет. И вот мое мнение, Сэмми: если твой хозяин не докажет алиби, придется ему, как говорят итальянцы, регулярно влопаться, и конец делу.

Так как мистер Уэллер-старший придерживался твердого и непоколебимого убеждения, что Олд-Бейли является высшей судебной инстанцией в стране и что его правила и процедура регулируют и контролируют делопроизводство всех других судов, то он решительно пренебрег уверениями и доводами сына, пытавшегося объяснить, что алиби неприемлемо, и энергически заявил, что мистера Пиквика «сделают жертвой». Убедившись, сколь бессмысленно продолжать разговор на эту тему, Сэм заговорил о другом и спросил, что это за второе дело, о котором его почтенный родитель хотел потолковать с ним.

– Это уже пункт семейной политики, – сообщил мистер Уэллер. – Этот-вот Стиггинс...

– Красноносый? – осведомился Сэм.

– Он самый, – отвечал мистер Уэллер. – Так вот этот красноносый парень, Сэмми, навещает твою мачеху с такой любезностью и постоянством, каких я еще не видывал. Он такой друг дома, Сэмми, что когда он от нас уходит, у него на душе неспокойно, если не прихватит чего-нибудь на память о нас.

– А будь я на вашем месте, я бы что-нибудь такое ему дал, чтоб оно наскипидарило и навощило ему память на десять лет, – перебил Сэм.

– Подожди минутку, – продолжал мистер Уэллер. – Я хотел сказать, что теперь он всегда приносит плоскую флягу, в которую вмещается пинты полторы, и наполняет ее ананасным ромом, перед тем как уйти.

– И, должно быть, выпивает ее перед тем, как вернуться? – предположил Сэм.

– До дна! – ответил мистер Уэллер. – Никогда не оставляет в ней ничего, кроме пробки и запаха, уж можешь на него положиться, Сэмми. Так вот эти самые ребята, мой мальчик, устраивают сегодня вечером месячное собрание Бриклейнского отделения Объединенного

великого Эбенизерского общества трезвости. Твоя мачеха хотела пойти, Сэмми, да схватила ревматизм и не пойдет, а я, Сэмми... я забрал два билета, которые были присланы ей.

Мистер Уэллер сообщил секрет с большим удовольствием и при этом подмигивал столь неутомимо, что Сэм предположил, не начинается ли у него в веке правого глаза tic douloureux.

– Ну и что? – спросил молодой джентльмен.

– Так вот, – продолжал его родитель, осторожно озираясь, – мы вместе отправляемся и попадем туда пунктуально к сроку, а заместитель пастыря не попадет, Сэмми, заместитель пастыря не попадет.

Тут с мистером Уэллером начался припадок сдавленного смеха, который постепенно перешел в приступ удушья, небезопасный для пожилого джентльмена.

– За всю свою жизнь никогда не видел такого старого чудака! – воскликнул Сэм, растирая спину пожилого джентльмена с такой силой, что тот мог воспламениться от трения. – Чего вы так хохочете, толстяк вы этакий?

– Тише, Сэмми! – сказал мистер Уэллер, озираясь с сугубой осторожностью и говоря шепотом. – Двое моих приятелей, что работают на Оксфордской дороге и готовы на всякую штуку, взяли заместителя на буксир, Сэмми, а когда он придет в Эбенизерское общество (а он наверняка придет, потому что они доведут его до двери и впихнут, если понадобится), он будет так наполнен ромом, как никогда не бывал у «Маркиза Гренби» в Доркинге, а это дело нешуточное.

И мистер Уэллер снова неудержимо захохотал, в результате чего снова едва не задохся.

Ничто не могло больше прийтись по вкусу Сэму Уэллеру, чем задуманное разоблачение подлинных склонностей и качеств красноносого, а так как приближалось время, назначенное для собрания, то отец и сын немедленно отправились в Брик-лейн. По дороге Сэм не забыл занести свое письмо в почтовую контору.

Ежемесячные собрания Бриклейнского отделения Объединенного великого Эбенизерского общества трезвости происходили в большой комнате, приятно и удобно расположившейся в конце надежной и удобной лестницы. Председателем был «ровной дорогой идущий» мистер Энтони Хамм, обращенный пожарный, а ныне школьный учитель и при случае странствующий проповедник, а секретарем – мистер Джонес Мадж, мелочной торговец, сосуд энтузиазма и бескорыстия, продававший чай членам. Явившись заблаговременно, леди сидели на скамьях и пили чай вплоть до того момента, когда считали целесообразным прекратить это занятие. На видном месте, на зеленом сукне письменного стола, помещался большой деревянный ящик для денег; секретарь стоял за столом и благодарил милостивой улыбкой за каждое добавление к богатым залежам меди, таившимся внутри.

На этот раз леди пили чай в устрашающем количестве, к великому ужасу мистера Уэллера-старшего, который, не обращая ни малейшего внимания на предостерегающие толчки Сэма, озирался по сторонам с самым откровенным изумлением.

– Сэмми! – прошептал мистер Уэллер. – Если кое-кого из этих людей не придется лечить завтра от водянки, я не отец тебе, помяни мое слово. Вот эта старая леди рядом со мной хочет утопиться в чае.

– Неужели вы не можете помолчать? – тихо отозвался Сэм.

– Сэм, – прошептал через секунду мистер Уэллер глубоко взволнованным голосом, – запомни мои слова, мой мальчик: если этот-вот секретарь не остановится через пять минут, он лопнет от гренков и воды.

– Ну что ж, пусть лопнет, если ему это нравится, – ответил Сэм. – Это не ваше дело.

– Если это протянется еще дольше, Сэмми, – сказал мистер Уэллер все так же тихо, – я сочту своим долгом, долгом человеческого существа, встать и обратиться к председателю. Вон

та молодая женщина, через две скамьи, выпила девять с половиной чайных чашек; она пухнет на моих глазах.

Можно не сомневаться в том, что мистер Уэллер не замедлил бы осуществить свое благое намерение, если бы оглушительный шум, вызванный стуком чашек и блюдец, не возвестил весьма кстати об окончании чаепития. Посуду унесли, стол, покрытый зеленым сукном, выдвинули на середину комнаты, и деловая часть заседания была открыта темпераментным человечком с лысой головой, в темно-серых коротких штанах, который внезапно взбежал по лестнице, неминуемо рискуя сломать ноги, облаченные в темно-серые штанишки, и сказал:

– Леди и джентльмены, я предлагаю выбрать председателем нашего славного брата, мистера Хамма!

При этом предложении леди начали размахивать изысканной коллекцией носовых платков, и стремительный человечек буквально потащил мистера Хамма к креслу, взяв его за плечи и толкнув к остову из красного дерева, некогда являвшемуся вышеупомянутым предметом обстановки. Размахиванье носовыми платками возобновилось, и мистер Хамм, прилизанный человек с бледным, всегда потным лицом, смиренно поклонился – к великому восторгу особ женского пола и церемонно занял свое место. Затем человечек в темно-серых штанишках потребовал тишины, а мистер Хамм поднялся и сказал, что с разрешения братьев и сестер Бриклейнского отделения, ныне здесь присутствующих, секретарь прочитает отчет комитета Бриклейнского отделения. Предложение было встречено новой демонстрацией носовых платков.

После того как секретарь весьма внушительно чихнул, а кашель, который неизменно овладевает собранием, когда предстоит что-нибудь интересное, в надлежащее время прекратился, был прочитан следующий документ:

«ОТЧЕТ КОМИТЕТА БРИКЛЕЙНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ОБЪЕДИНЕННОГО ВЕЛИКОГО ЭБЕНИЗЕРСКОГО ОБЩЕСТВА ТРЕЗВОСТИ»

В течение истекшего месяца наш Комитет продолжал свои благородные труды и с невыразимым удовольствием имеет сообщить о следующих новых случаях обращения на путь трезвости:

Г. Уокер, портной, жена и двое детей. Признается, что, находясь в лучшем материальном положении, имел привычку пить эль и пиво; говорит, что не уверен в том, не случалось ли ему на протяжении двадцати лет отведывать аккуратно два раза в неделю «песьего носа», каковое питье, по наведенным нашим Комитетом справкам, состоит из теплого портера, сахара, джина и мускатного ореха. (Стон и восклицание пожилой особы женского пола: «Правильно!») В настоящее время без работы и без денег; думает, что в этом виноват портер (рукоплескания) или частичная потеря трудоспособности повреждение правой руки; не уверен, какая из этих причин подлинная, но считает весьма возможным, что если бы он всю жизнь пил только воду, его товарищ по работе не воткнул бы ему в руку заржавленной иглы, что и послужило непосредственной причиной несчастного случая. (Восторженные возгласы.) В настоящее время у него для питья нет ничего, кроме холодной воды, и он никогда не испытывает жажды. (Оглушительные рукоплескания.) Бетой Мартин, вдова, один ребенок, один глаз. Занимается поденной работой и стиркой; об одном глазе – от рождения, но знает, что ее мать пила портер, и не удивилась бы, если бы оказалось, что это послужило причиной ее одноглазия. (Восторженные возгласы.) Не исключает возможности, что если бы сама всегда воздерживалась от спиртных напитков, у нее могло бы быть в настоящее время два глаза.

(Громкие рукоплескания.) Прежде получала за работу восемнадцать пенсов в день, пинту портера и стакан водки, но с той поры, как стала членом Бриклейнского отделения, требует вместо этого три шиллинга и шесть пенсов. (Сообщение об этом весьма интересном факте было принято с бурным энтузиазмом.) Генри Беллер много лет был провозглашателем тостов на общественных обедах и в течение этого времени пил в большом количестве заграничные вина; нередко уносил с собой одну-две бутылки; не совсем уверен в этом, но не сомневается, что выпивал содержимое бутылок, когда уносил их. Состояние духа у него всегда меланхолическое, у него постоянный жар и вследствие этого – непрерывная жажда; думает, что в этом виновато вино, которое он имел обыкновение пить. (Рукоплескания.) В настоящее время без места и никогда в рот не берет ни капли заграничных вин. (Оглушительные рукоплескания.) Томас Бартон – поставщик конины для кошек лорд-мэра, шерифов и многих членов городского совета. (Упоминание об этом джентльмене встречено было с глубочайшим вниманием.) У него деревянная нога; находит, что деревянная нога обходится дорого вследствие необходимости ходить по камням; всегда приобретал подержанные деревянные ноги и аккуратно каждый вечер выпивал стакан горячего джина с водой, иногда два. (Глубокие вздохи.) Нашел, что подержанные деревянные ноги расщепляются и гниют очень быстро; твердо убежден, что на них вредно отражается джин с водою. (Длительные рукоплескания.) Теперь покупает новые деревянные ноги и не пьет ничего, кроме воды и жидкого чая. Новые ноги служат вдвое дольше, и он объясняет это исключительно своим «воздержным образом жизни». (Торжествующие возгласы.) Затем Энтони Хамм предложил собранию развлечься пением. С целью доставить членам разумное и духовное наслаждение, брат Мордлин приспособил прекрасные слова «Кто не слышал о юном веселом гребце?» к мотиву Сотого псалма, каковые он и предлагал собранию пропеть вместе с ним. (Громкие рукоплескания.) Он мог воспользоваться случаем и высказать твердое свое убеждение, что покойный мистер Дибдин[109], признав прежние свои ошибки, написал эту балладу с целью показать преимущества воздержания. Это – гимн трезвости. (Буря рукоплесканий.) Опрятная одежда молодого человека, его умение грести, завидное состояние духа, которое позволяло ему, выражаясь прекрасными словами поэта,

И не думать, а только грести, –

все это вместе взятое доказывало, что он пил одну воду. (Рукоплескания.) О, какое добродетельное, веселое расположение духа! (Восторженные возгласы.) А какова награда, полученная молодым человеком? Пусть все присутствующие здесь молодые люди заметят следующее:

И сбегались все девушки к лодке его.

(Громкие возгласы, подхваченные леди.) Какой блестящий пример! Сестры, девушки, сбегающиеся к молодому гребцу и побуждающие его плыть по течению долга и трезвости. Но одни ли только девушки скромных семейств утешали, успокаивали и поддерживали его? Нет!

Он был первым гребцом горожанок-красавиц.

(Оглушительные рукоплескания.) Слабый пол, все до единого мужчины... – он просит прощения, – до единой женщины... – сплотился вокруг молодого гребца и отвернулся с отвращением от пьющего спиртные напитки. (Рукоплескания.) Братья Бриклейнского

отделения – гребцы. (Рукоплескания и смех.) Эта комната – их лодка, аудитория – прекрасные девушки, и он (мистер Энтони Хамм), хотя и не достоин такой чести, – «первый гребец». (Взрыв рукоплесканий.)

– Кого он разумеет под слабым полом, Сэмми? – шепотом осведомился мистер Уэллер.

– Женщин, – сказал Сэм тоже шепотом.

– Тут он не ошибается, – заметил мистер Уэллер. – Должно быть, они и в самом деле слабый пол, очень даже слабый пол, если дают себя одурачивать таким молодцам, как этот.

Дальнейшие замечания возмущенного старого джентльмена были прерваны пением, причем мистер Энтони Хамм прочитывал предварительно по два стиха для сведения тех своих слушателей, которые были незнакомы с песней. Во время пения человечек в темно-серых штанишках исчез; он вернулся, как только пение было закончено, и с весьма многозначительным видом шепнул что-то мистеру Энтони Хамму.

– Друзья мои, – сказал мистер Хамм, умоляюще поднимая руку, дабы призвать к молчанию тех полных старых леди, которые отстали на один-два стиха, – делегат от Доркингского отделения нашего общества, брат Стиггинс, ждет внизу.

Снова заволновались носовые платки – и с еще большим энтузиазмом, ибо мистер Стиггинс был исключительно популярен среди женского населения Брик-лейна.

– Я думаю, он может войти, – сказал мистер Хамм, озираясь с довольной улыбкой. – Брат Теджер, введите его, он передаст нам свои приветствия.

Человечек в темно-серых штанишках, который откликался на имя «брат Теджер», стремительно сбежал по лестнице, и тотчас же вслед за этим в зале услышали, как он поднимается с преподобным мистером Стиггинсом.

– Он идет, Сэмми, – прошептал мистер Уэллер, багровый от сдерживаемого смеха.

– Не говорите мне ни слова, – отозвался Сэм, – потому что я этого не выдержу. Он уже у самой двери. Я слышу, как он бьется головой об доски и штукатурку...

Сэм Уэллер не успел закончить фразу, как маленькая дверь распахнулась, и появился брат Теджер в сопровождении преподобного мистера Стиггинса, который едва успел войти, как начались оглушительные рукоплескания, топот и размахивание носовыми платками. На все эти проявления восторга брат Стиггинс не ответил ничем, кроме напряженной улыбки и дикого взгляда, устремленного на кончик свечи, стоявшей на столе, при этом он всем телом раскачивался из стороны в сторону, весьма неровно и неуверенно.

– Вы нездоровы, брат Стиггинс? – прошептал мистер Энтони Хамм.

– Я в полном порядке, сэр, – ответил мистер Стиггинс голосом свирепым и чрезвычайно хриплым. – Я в полном порядке, сэр.

– О, очень приятно, – отозвался мистер Энтони Хамм, отступая на несколько шагов.

– Надеюсь, никто здесь не посмеет сказать, что я не в порядке, сэр? – сказал мистер Стиггинс.

– О, конечно, никто, – согласился мистер Хамм.

– И не советую говорить, сэр! И не советую! – воскликнул мистер Стиггинс.

Тем временем в комнате наступила полная тишина, все ждали с некоторой тревогой возобновления прерванных занятий.

– Не желаете ли вы обратиться с речью к собранию, брат? – с любезной улыбкой осведомился мистер Хамм.

– Нет, сэр, – возразил мистер Стиггинс. – Нет, сэр, не желаю, сэр.

Присутствующие широко раскрытыми глазами посмотрели друг на друга, и шепот изумления пробежал по комнате.

– По моему мнению, сэр, – сказал мистер Стиггинс, расстегивая сюртук и говоря очень громко, – по моему мнению, сэр, все здесь пьяны, сэр. Брат Теджер, сэр! – сказал мистер Стиггинс, вдруг свирепея и круто поворачиваясь к человечку в темно-серых штанишках. – Вы пьяны, сэр!

С этими словами мистер Стиггинс, побуждаемый похвальным желанием повысить трезвость собрания и исключить из него всех недостойных членов, ударил брата Теджера в нос столь метко, что темно-серые штанишки исчезли с молниеносной быстротой. Брат Теджер полетел вниз головой с лестницы.

Вслед за этим женщины разразились громкими и жалобными воплями и, бросившись к своим возлюбленным братьям, обхватили их руками, чтобы защитить от опасности. Образец привязанности, едва не оказавшейся фатальной для Хамма, который благодаря своей популярности был почти удушен толпой ханжей женского пола, висевших у него на шее и осыпавших его ласками. Большая часть свечей погасла, и в зале воцарились шум и смятение.

– Ну, Сэмми, – сказал мистер Уэллер, неторопливо снимая пальто, – ступай и приведи сторожа.

– А вы что будете тем временем делать? – осведомился Сэм.

– Не беспокойся обо мне, Сэмми, – ответил старый джентльмен. – Я сведу маленькие счеты с этим-вот Стиггинсом!

Не успел Сэм вмешаться, как его героический родитель пробился в дальний угол комнаты и с ловкостью боксера атаковал преподобного мистера Стиггинса.

– Проваливайте! – воскликнул Сэм.

– Выходите! – крикнул мистер Уэллер и, не повторяя приглашения, хлопнул мистера Стиггинса предварительно по голове и начал весело приплясывать вокруг него, как пробковый бакан на волнах, что было поистине чудом для джентльмена его возраста.

Убедившись, что все возражения не достигают цели, Сэм нахлобучил шапку, перекинул через руку отцовское пальто я, схватив старика за талию, насильно стащил его с лестницы и вывел на улицу, не отпуская его и не позволяя ему останавливаться, пика они не дошли до угла. Добравшись туда, они услышали крики толпы, наблюдавшей, как преподобного мистера Стиггинса препровождают на ночь в надежное помещение, и до них донесся шум, вызванный рассыпавшимися во все стороны членами Бриклейнского отделения Объединенного великого Эбенизерского общества трезвости.

ГЛАВА XXXIV

целиком, посвящена полному и правдивому отчету о памятном судебном процессе Бардл против Пиквика

– Хотел бы я знать, что ел сегодня за завтраком старшина присяжных, кто бы он ни был, – сказал мистер Снодграсс с целью поддержать разговор в чреватое последствиями утро четырнадцатого февраля.

– Да, – ответил Перкер, – надеюсь, он хорошо позавтракал.

– Почему это вас интересует? – осведомился мистер Пиквик.

– Чрезвычайно важно. Очень важно, уважаемый сэр, – отвечал Перкер. – Благодушный, удовлетворенный, плотно позавтракавший присяжный – факт капитальный, которым нехудо заручиться. Недовольные или голодные присяжные, уважаемый сэр, всегда решают в пользу истца.

– Помилуй бог, – сказал мистер Пиквик с растерянным видом, – почему же это так?

– Право, не знаю, – хладнокровно отозвался маленький человечек. – Полагаю, для сбережения времени. Как только приближается час обеда, когда присяжные удаляются на совещание, старшина присяжных вынимает часы и говорит: «Ах, боже мой, джентльмены, объявляю, что уже без десяти пять! Я обедаю в пять, джентльмены». – «Я тоже», – говорят остальные, за исключением двоих, которым полагалось обедать в три, и поэтому они еще больше торопятся домой. Старшина улыбается и прячет часы. «Ну-с, джентльмены, так как же мы решим – истец или ответчик, джентльмены? Я склонен думать, насколько я могу судить, джентльмены, – повторяю, я склонен думать, – пусть это не влияет на ваше мнение, – я склонен думать, что прав истец», – на что двое или трое несомненно скажут, что они тоже так думают, – и, конечно, они так и думают, – а затем они уже действуют единодушно и быстро. Однако десять минут десятого! – воскликнул маленький джентльмен, взглянув на часы. Пора отправляться, уважаемый сэр, – когда слушается дело о нарушении брачного обещания, зал суда обычно переполнен. Вы бы вызвали карету, уважаемый сэр, а не то мы опоздаем.

Мистер Пиквик немедленно позвонил в колокольчик, и когда карета была подана, четверо пиквикистов и мистер Перкер разместились в ней и поехали к Гилдхоллу[110].

Сэм Уэллер, мистер Лаутен и синий мешок последовали за ними в кэбе.

– Лаутен, – сказал Перкер, когда они вошли в вестибюль суда, – усадите друзей мистера Пиквика на места для юристов; сам мистер Пиквик пусть сядет рядом со мной. Сюда, уважаемый сэр, сюда.

Взяв мистера Пиквика за рукав, маленький джентльмен повел его к нижней скамье, находящейся перед пюпитрами королевских юрисконсультов и сооруженной для удобства поверенных, которые имеют возможность шептать с этой скамьи на ухо выступающему королевскому юрисконсульту те сведения, какие могут оказаться необходимыми по ходу дела. Занимающие это место невидимы большинству зрителей, ибо помещаются на значительно более низком уровне, чем адвокаты и публика, чьи скамьи находятся на возвышении. Поверенные, таким образом, сидят спиной и к тем и к другим и обращены лицом к судье.

– Должно быть, это место для свидетелей? – осведомился мистер Пиквик, указывая на нечто вроде кафедры с медными перилами по левую руку от него.

– Место для свидетелей, уважаемый сэр, – подтвердил Перкер, извлекая кипу бумаг из синего мешка, только что положенного Лаутеном у его ног.

– А там, – продолжал мистер Пиквик, указывая на две скамьи за перилами справа от пего, – там сидят присяжные, не правда ли?

– Вот именно, уважаемый сэр, – отозвался Перкер, постукивая по крышке своей табакерки.

Мистер Пиквик встал в крайнем волнении и окинул взглядом зал суда. На галерее уже собралось немало зрителей, а на скамьях для адвокатов – солидное количество джентльменов в париках, представлявших в целом приятную и разнообразную коллекцию носов и бакенбард, каковыми справедливо прославилось адвокатское сословие Англии. Те из джентльменов, у которых были при себе папки с бумагами, держали их по возможности на виду и время от времени почесывали ими нос, чтобы с особенной силой запечатлеть их в памяти зрителей. У других джентльменов, которые не могли демонстрировать такие папки, торчали под мышкою солидные фолианты с красными ярлыками на корешке и в переплете цвета подгоревшей хлебной корки, для коего существует технический термин «адвокатский переплет». Те, у кого не было ни папок, ни книг, засовывали руки в карманы и принимали по возможности глубокомысленный вид; остальные разгуливали с большим беспокойством и энергией, возбуждая этим восхищение и изумление непосвященных зрителей. Все, к великому удивлению мистера Пиквика, разделившись на маленькие группы, болтали и обсуждали новости дня без малейшего волнения, словно и не предвиделось никакого разбирательства.

Поклон мистера Фанки, который вошел и занял свое место за скамьей, предназначенной для королевских юрисконсультов, привлек внимание мистера Пиквика, и едва он успел ответить на поклон, как появился королевский юрисконсульт Снаббин в сопровождении мистера Моллерда, который наполовину заслонил королевского юрисконсульта, положив перед ним на стол большой красный мешок, и, пожав руку Перкеру, удалился. Затеи вошли еще два-три королевских юрисконсульта, и среди них – один толстяк с красным лицом, который дружески кивнул королевскому юрисконсульту Снаббину и сообщил, что сегодня прекрасное утро.

– Кто этот краснолицый человек, который сказал, что сегодня прекрасное утро, и поклонился нашему адвокату? – шепотом спросил мистер Пиквик.

– Королевский юрисконсульт Базфаз, – ответил Перкер. – Выступает против нас; он представляет интересы истицы. Джентльмен за ним – мистер Скимпин, его помощник.

Мистер Пиквик, преисполненный отвращения к хладнокровной подлости этого человека, хотел было осведомиться, как смеет королевский юрисконсульт Базфаз являясь представителем противной стороны, говорить королевскому юрисконсульту Снаббину, который был адвокатом мистера Пиквика, что сегодня прекрасное утро, но тут все адвокаты встали и судебные приставы провозгласили: «Тише!» Оглянувшись, он обнаружил, что это было вызвано появлением судьи.

Судья Стейрли (который заменял главного судью, отсутствующего по болезни) был чрезвычайно маленького роста и такой толстый, что казалось, весь состоял из лица и жилета. Он вкатился на двух маленьких кривых ножках и, важно кивнув адвокатам, которые так же важно кивнули ему, поместил маленькие ноги под стол, а свою треуголку – на стол; и когда судья Стейрли покончил с этим, от всей его особы остались видны только два маленьких подозрительных глаза, широкая розовая физиономии и примерно половина большого и очень курьезного на вид парика.

Как только судья занял свое место, судебный пристав в зале повелительно крикнул: «Тише!» – после чего другой пристав на галерее возгласил гневно: «Тише!», – а вслед за этим еще три-четыре курьера подхватили негодующими голосами: «Тише!» Когда это было выполнено, джентльмен в черном, сидевший ниже судьи, начал выкрикивать фамилии присяжных, и после долгих выкриков обнаружилось, что налицо только десять специальных присяжных. Тогда мистер королевский юрисконсульт Базфаз попросил о включении обыкновенных присяжных в специальное жюри, и джентльмен в черном тут же стал вербовать двух обыкновенных присяжных, немедленно уловив для этой цели зеленщика и аптекаря.

– Откликайтесь на свои фамилии, джентльмены, вы будете приведены к присяге, – сказал джентльмен в черном. – Ричард Апуич.

– Здесь, – сказал зеленщик.

– Томас Гроффин.

– Здесь, – сказал аптекарь.

– Возьмите книгу, джентльмены. Вы должны судить по правде и совести...

– Прошу прощения у суда, – сказал аптекарь, высокий, худой и желтолицый человек, – но я надеюсь, что суд освободит меня.

– На каком основании, сэр? – спросил судья Стейрли.

– У меня нет помощника, милорд, – ответил аптекарь.

– Ничем не могу вам помочь, сэр, – возразил судья Стейрли. – Вы должны были нанять помощника.

– Мне это не по средствам, милорд, – объявил аптекарь.

– Значит, вы должны были сделать так, чтобы это было вам по средствам, сэр, – сказал судья, багровея, ибо судья Стейрли был раздражительного нрава и не терпел противоречий.

– Знаю, что должен, если бы мои дела шли хорошо, как я того заслуживаю, но они идут плохо, милорд, – отвечал аптекарь.

– Приведите джентльмена к присяге! – повелительным тоном сказал судья.

Пристав успел произнести только: «Вы должны судить по правде и совести», – как его снова перебил аптекарь.

– Я все-таки должен принести присягу, милорд? – спросил аптекарь.

– Разумеется, сэр, – ответил желчный маленький судья.

– Очень хорошо, милорд, – с покорным видом отозвался аптекарь. – Значит, будет совершено убийство раньше, чем закончится это судебное заседание, вот и все! Приводите меня к присяге, если вам угодно, сэр.

И аптекарь был приведен к присяге раньше, чем судья нашелся что сказать.

– Я хотел только сообщить, милорд, – проговорил аптекарь с большим хладнокровием, усаживаясь на свое место, – что в аптеке я не оставил никого, кроме рассыльного. Он очень славный мальчик, милорд, но не знаком с лекарствами, и, насколько мне известно, он твердо убежден в том, что английской солью называется щавелевая кислота, а александрийским листом настойка из опия. Вот и все, милорд.

С этими словами долговязый аптекарь принял удобную позу и, состроив любезную мину, казалось, приготовился к худшему.

Мистер Пиквик смотрел на аптекаря с глубоким ужасом, в зале суда произошло легкое волнение, и немедленно вслед да этим была введена миссис Бардл, опиравшаяся на миссис Клаппинс, и в состоянии полного изнеможения водворена на другом конце той же скамьи, где сидел мистер Пиквик. Затем мистером Додсоном был передан огромный зонт, а мистером Фоггом – пара патен, причем каждый из них заготовил для этого случая сочувственную и меланхолическую мину. Затем появилась миссис Сендерс, которая вела юного Бардла.

При виде своего дитяти миссис Бардл встрепенулась; опомнившись вдруг, она поцеловала его с безумным видом, затем, снова впав в состояние истерического слабоумия, добрая леди пожелала узнать, где она находится. В ответ на это миссис Клаппинс и миссис Сендерс отвернулись и залились слезами, в то время как мистеры Додсон и Фогг умоляли истицу успокоиться. Королевский юрисконсульт Базфаз усердно тер глаза большим белым носовым платком и бросал умоляющий взгляд на присяжных, а судья был заметно растроган. Многие зрители старались кашлем подавить свое волнение.

– Прекрасная мысль! – шепнул Перкер мистеру Пиквику. – Замечательные ребята – эти Додсон и Фогг. Превосходно рассчитано на эффект, уважаемый сэр, превосходно!

Пока Перкер говорил, миссис Бардл начала медленно приходить в себя, а миссис Клаппинс, заботливо осмотрев пуговицы юного Бардла и петли, им соответствующие, поставила его перед матерью, – выгодная позиция, где он не мог не пробудить сострадания и симпатии как судьи, так и присяжных. Это было сделано после серьезного сопротивления и горьких слез со стороны юного джентльмена, у которого мелькало тайное опасение, что, выдвигая его пред очи судьи, соблюдают только предварительную формальность, после чего ему тотчас же прикажут удалиться по меньшей мере для немедленной экзекуции или для отправки за океан на все дни его жизни.

– Бардл и Пиквик! – выкрикнул джентльмен в черном, называя дело, стоявшее первым в списке.

– Я – со стороны истицы, милорд, – сказал королевский юрисконсульт Базфаз.

– Кто с вами, коллега Базфаз? – спросил судья.

Мистер Скимпин поклонился, давая понять, что это именно он.

– Я – со стороны ответчика, милорд, – сказал королевский юрисконсульт Снаббин.

– А с вами кто, коллега Снаббин? – осведомился судья.

– Мистер Фанки, милорд, – ответил королевский юрисконсульт Снаббин.

– Королевский юрисконсульт Базфаз и мистер Скимпин – со стороны истицы, – сказал судья, записывая фамилии в записную книжку и повторяя вслух. – Со стороны ответчика – королевский юрисконсульт Снаббин и мистер Банки.

– Прошу прощения, милорд, – Фанки.

– Очень хорошо! – сказал судья. – Я еще не имел удовольствия слышать фамилию джентльмена.

Мистер Фанки поклонился и улыбнулся, и судья тоже поклонился и улыбнулся; затем мистер Фанки, покраснев до самых белков глаз, постарался принять такой вид, словно он не подозревает, что все на него смотрят, – задача, с которой никогда еще не мог справиться ни один смертный и, по всей вероятности, никогда и не справится.

– Продолжайте, – сказал судья.

Судебные приставы снова призвали соблюдать тишину, и мистер Скимпин «открыл дело»[111]; но когда дело открылось, то оказалось, что в нем почти ничего нет, ибо мистер Скимпин оставил при себе все обстоятельства, какие были ему известны, и сел по истечении трех минут, оставив присяжных в той же стадии осведомленности, в какой они пребывали раньше.

Затем поднялся королевский юрисконсульт Базфаз со всем величием и достоинством, каких требовало существо дела, шепнул что-то Додсону и, кратко переговорив с Фоггом, натянул мантию на плечи, поправил парик и обратился к присяжным.

Королевский юрисконсульт Базфаз начал с заявления, что никогда на протяжении всей своей профессиональной карьеры, никогда с той минуты, как он посвятил себя юридической науке и практике, не приступал он к делу с чувством такого глубокого волнения или с таким тяжелым сознанием ответственности, на него возложенной, – ответственности, сказал бы он, которую он не мог бы принять на себя, если бы его не вдохновляло и не поддерживало убеждение столь сильное, что оно равно подлинной уверенности в том, что дело правды и справедливости, или, иными словами, дело его жестоко оскорбленной и угнетенной клиентки, должно воздействовать на двенадцать высоконравственных и проницательных людей, которых он видит сейчас перед собой на этой скамье.

Адвокаты обычно начинают в этом стиле, ибо он создает у присяжных наилучшие отношения с самими собой и заставляет их думать о том, какие они, должно быть, умные люди. Явные результаты сказались немедленно: многие присяжные с большим рвением начали делать пространные записи.

– Вы узнали от моего высокоученого друга, джентльмены, – продолжал королевский юрисконсульт Базфаз прекрасно понимая, что из намеков ученого друга джентльмены присяжные не узнали решительно ничего, – вы узнали от моего высокоученого друга, джентльмены, что перед нами дело о нарушении брачного обещания, возмещение убытков по каковому делу исчисляется в сумме тысяча пятьсот фунтов! Но вы не узнали от моего высокоученого друга, поскольку в задачи моего высокоученого друга не входило говорить об этом, каковы факты и обстоятельства дела. Об этих фактах и обстоятельствах, джентльмены, вы услышите со всеми подробностями от меня, и они будут подтверждены свидетельницами, заслуживающими безусловного доверия, которых я представлю вам на этой свидетельской трибуне.

Тут королевский юрисконсульт Базфаз, сделав устрашающее ударение на слове «трибуна», громко хлопнул рукой по столу и взглянул на Додсона и Фогга, которые кивнули, выражая свое восхищение королевским юрисконсультом и негодующее презрение к ответчику.

– Истица, джентльмены, – продолжал королевский юрисконсульт Базфаз мягким и меланхолическим голосом, – истица – вдова. Да, джентльмены, вдова! Покойный мистер Бардл, пользовавшийся в течение многих лет уважением и доверием своего монарха, чьи королевские доходы он охранял, ушел почти безболезненно из этого мира, дабы обрести в ином месте то отдохновение и покой, каких никогда не может предоставить таможня.

При этом патетическом описании кончины мистера Бардла которому кружкой вместимостью в кварту прошибли голову в каком-то погребке, голос высокоученого королевского юрисконсульта дрогнул, и он продолжал с волнением:

– Незадолго до смерти он запечатлел свой образ и подобие в младенце-сыне. С этим младенцем, единственным залогом любви покойного таможенного чиновника, миссис Бардл укрылась от мира и коротала свои дни на тихой и спокойной Госуэлл-стрит и здесь в окне своей гостиной она вывесила билет с надписью: «Меблированные комнаты для холостого джентльмена. Справиться в доме».

Тут королевский юрисконсульт Базфаз приостановился, а некоторые джентльмены присяжные записали это сообщение.

– Имеется ли на нем дата, сэр? – осведомился один присяжный.

– Даты на нем нет, джентльмены, – ответил королевский юрисконсульт Базфаз, – но я уполномочен сообщить, что он был вывешен в окне гостиной истицы ровно три года назад. Я обращаю внимание присяжных на формулировку этого документа: «Меблированные комнаты для холостого джентльмена». Представления миссис Бардл о мужчинах, джентльмены, вытекали из долгого созерцания неоценимых качеств ее покойного супруга. У нее не было страха, у нее не было сомнений, у нее не было подозрений – только полное доверие и надежда. «Мистер Бардл, – говорила вдова, – мистер Бардл был человек чести, мистер Бардл был человек своего слова, мистер Бардл не был обманщиком; мистер Бардл сам был когда-то холостым джентльменом; у холостого джентльмена я ищу защиты, помощи, успокоения и утешения; в холостом джентльмене я постоянно буду видеть нечто, напоминающее мне о том, кем был мистер Бардл, когда только что завоевал мою юную и неискушенную любовь; поэтому мои комнаты будут сданы холостому джентльмену». Увлекаемая этим прекрасным и трогательным побуждением (одним из лучших побуждений нашей несовершенной природы, джентльмены), одинокая и безутешная вдова осушила слезы, меблировала второй этаж, привлекла невинного мальчика к своей материнской груди и вывесила билетик в окне гостиной. Долго ли оставался он там? Нет! Змей был на страже, фитиль приготовлен, мина закладывалась, сапер и минер делали свое дело. Не провисел билетик в окне гостиной и трех дней – трех дней, джентльмены! – как некое существо, передвигающееся на двух ногах и внешне похожее на человека, а не на чудовище, постучалось в дверь дома миссис Бардл. Оно навело справки в доме, оно сняло помещение, и на следующий же день оно вступило во владение им. Этот человек был Пиквик – Пиквик, ответчик.

Королевский юрисконсульт Базфаз, говоривший с такой стремительностью, что лицо у него стало совсем малиновым, остановился, чтобы перевести дух. Молчание разбудило судью Стейрли, который немедленно записал что-то пером, не обмакнув его в чернила, и принял необычайно сосредоточенный вид, чтобы внушить присяжным уверенность, будто он всегда размышляет особенно глубокомысленно, когда у него закрыты глаза. Королевский юрисконсульт Базфаз продолжал:

– Об этом человеке, Пиквике, я не буду много говорить: этот сюжет мало привлекателен, а я, джентльмены, не такой человек, и вы, джентльмены, не такие люди, чтобы наслаждаться созерцанием возмутительного бессердечия и систематического злодейства.

При этих словах мистер Пиквик, который корчился молча в течение некоторого времени, сильно вздрогнул, словно в его голове мелькнула туманная мысль броситься на королевского юрисконсульта Базфаза пред священным лицом судьи и закона. Предостерегающий жест

Перкера остановил его, и он стал слушать продолжение речи высокоученого джентльмена с негодующим видом, который составлял резкий контраст с восторженными лицами миссис Клаппинс и миссис Сендерс.

– Я говорю: «систематическое злодейство», джентльмены, – продолжал королевский юрисконсульт Базфаз, пронизывая взглядом мистера Пиквика и обращаясь к нему, – а когда я говорю: «систематическое злодейство», разрешите мне сказать ответчику Пиквику, буде он присутствует в суде, – а, как мне сообщили, он здесь присутствует, – что он поступил бы приличнее, пристойнее, умнее и тактичнее, если бы не явился сюда. Разрешите мне сказать ему, джентльмены, что любые жесты, выражающие несогласие или неодобрение, какие он может себе позволить здесь, в суде, не возымеют у вас успеха; что вы знаете, как нужно их понимать и расценивать; и разрешите мне сказать ему далее, как подтвердит вам, джентльмены, милорд судья, что адвоката, исполняющего свой долг по отношению к своему клиенту, нельзя ни запугивать, ни прерывать и что всякая попытка сделать то или другое, первое или последнее обратится против виновного, будь он истец или ответчик, называйся он Пикником, или Ноксом, или Стоксом, или Стайльсом, или Брауном, или Томсоном.

Это маленькое уклонение от основной темы возымело, конечно, желаемое действие, ибо взоры всех устремились на мистера Пиквика. Королевский юрисконсульт Базфаз, слегка успокоившись после взрыва морального негодования, до которого он сам себя довел, продолжал:

– Я вам докажу, джентльмены, что в продолжение двух лет Пиквик проживал постоянно, непрерывно и безвыездно в доме миссис Бардл. Я вам докажу, что миссис Бардл на протяжении всего этого времени прислуживала ему, заботилась об его удобствах, стряпала для него, отдавала белье прачке, штопала, проветривала и приготовляла белье для носки, когда оно возвращалось из стирки, и, короче, пользовалась полным доверием жильца. Я докажу вам, что много раз он давал полпенни, а иногда даже шесть пенсов ее сынишке, и я докажу вам, опираясь на свидетеля, чье показание не удастся моему высокоученому другу ни опорочить, ни опровергнуть, что один раз он погладил мальчика по головке и, осведомившись, выиграл ли он за последнее время что-нибудь в «отборные» или «обыкновенные» шарики (и то и другое означает, насколько мне известно, особый сорт камешков, высоко ценимых нашими подростками), употребил следующее знаменательное выражение: «Хотел бы ты иметь другого отца?» Я докажу вам, джентльмены, что около года назад Пиквик вдруг начал отлучаться из дому на длительные сроки, как бы с намерением постепенно порвать с моей клиенткой; но я упомяну также, что его решение в то время не было достаточно твердым, или что лучшие его чувства (если у него имеются лучшие чувства) тогда еще брали верх, или что очарование и совершенства моей клиентки преодолевали его трусливые намерения, ибо я докажу вам, что однажды, вернувшись из провинции, он недвусмысленно и формально предложил ей заключить брачный союз, хотя позаботился предварительно о том, чтобы не было ни одного свидетеля их торжественного договора; и я имею возможность доказать вам, опираясь на свидетельские показания трех его собственных друзей, дающих свои показания весьма неохотно, джентльмены, весьма неохотно, что в то утро он был застигнут ими в тот момент, когда держал истицу в объятиях и успокаивал ее взволнованные чувства ласками и нежными словами.

Эта часть речи высокоученого королевского юрисконсульта произвела явное впечатление на аудиторию. Вынув два крохотных клочка бумаги, он продолжал:

– А теперь, джентльмены, еще одно только слово. Два письма фигурируют в этом деле, два письма, которые, как установлено, написаны рукой ответчика и которые стоят многих томов. Эти письма разоблачают также нравственный облик этого человека. Это не откровенные, пылкие, красноречивые послания, которые дышат нежной привязанностью, это скрытые, лукавые, двусмысленные сообщения, но, к счастью, они гораздо более убедительны, чем если бы они содержали самые пламенные фразы и самые поэтические образы, – письма,

которые, по-видимому, писал в то время Пиквик с целью сбить с толку и ввести в заблуждение постороннего человека, в чьи руки они могли попасть. Разрешите мне прочесть первое: «У Гереуэя[112], двенадцать часов. Дорогая миссис Б. Отбивные котлеты и томатный соус. Ваш Пиквик». Джентльмены, что это значит? Отбивные котлеты и томатный соус! Ваш Пиквик! Отбивные котлеты! Боже милостивый! И томатный соус! Джентльмены, неужели счастье чувствительной и доверчивой женщины может быть разбито мелкими уловками? Во втором письме нет никакой даты, что уже само по себе подозрительно. «Дорогая миссис Б., я буду дома только завтра. Подвигаемся медленно». А далее следует весьма замечательное выражение: «О грелке не беспокойтесь». О грелке! Но, джентльмены, кто же беспокоится о грелке? Было ли душевное спокойствие мужчины или женщины когда-нибудь нарушено, или смущено грелкой, которая сама по себе является безобидным, полезным и, я могу добавить, джентльмены, удобным предметом домашнего обихода? Почему нужно было столь горячо умолять миссис Бардл не волноваться по поводу грелки, если не служит это слово (а оно несомненно служит) лишь покровом для некоего скрытого огня – простой заменой какого-нибудь ласкательного слова или обещания, согласно установленной системе переписки, хитро задуманной Пиквиком, замышлявшим отступление, – системе, которую я не в состоянии объяснить? А что значит этот намек: «Подвигаемся медленно»? Карста подвигается медленно? Насколько я понимаю, это относится к самому Пиквику, который, конечно, преступно запаздывал во всем этом деле, но чья скорость теперь неожиданно возрастет и чьи колеса, джентльмены, как он убедится себе во вред, будут весьма скоро смазаны вами!

Королевский юрисконсульт Базфаз сделал в этом месте паузу, чтобы посмотреть, улыбнутся ли присяжные на его шутку; но так как никто ее не понял, кроме зеленщика, чья восприимчивость в данном случае была, вероятно, вызвана тем, что в это самое утро он над собственной тележкой проделал упомянутую операцию смазывания колес, то высокоученый королевский юрисконсульт счет уместным, заканчивая свою речь, снова впасть в унылый тон.

– Но довольно об этом, джентльмены, – продолжал королевский юрисконсульт Базфаз, – Трудно улыбаться, когда ноет сердце, не подобает шутить, когда затронуты наши глубочайшие чувства. Надежды на будущее моей клиентки разбиты; и отнюдь не будет преувеличением сказать, что она осталась ни с чем. Билетик снят, но жильца нет. Подходящие жильцы – холостые джентльмены – проходят мимо, но никто не приглашает их навести справки в доме или вне дома. Уныние и тишина в нем, замолк даже голос ребенка; его младенческие игры заброшены, когда мать плачет; он забыл о своих «отборных» и «обыкновенных» шариках; он забывает давно знакомый возглас: «Запускай!» и не играет в чижи и чет или нечет. Но Пиквик, джентльмены... Пиквик, безжалостный разрушитель этого мирного оазиса в пустыне Госуэлл-стрит... Пиквик, который засорил источник и загрязнил чистую мураву... Пиквик, представший сегодня перед вами с его бездушным томатным соусом и грелками... Пиквик все еще поднимает голову с бесстыдной наглостью и взирает без единого вздоха на произведенное им разрушение. Возмещение убытков, джентльмены, солидное возмещение убытков – вот единственное наказание, какое вы можете на него возложить, единственная компенсация, какую вы можете предоставить моей клиентке. И с просьбой о возмещении убытков она обращается теперь к просвещенному, высоконравственному, справедливому, добросовестному, беспристрастному, сочувствующему, вдумчивому жюри, составленному из ее цивилизованных соотечественников.

Закончив речь этой блестящей тирадой, королевский юрисконсульт Базфаз сел, а мистер Стейрли проснулся.

– Вызовите Элизабет Клаппинс! – сказал королевский юрисконсульт Базфаз, вставая через минуту, с новой энергией.

Ближайший судебный пристав вызвал Элизабет Таппинс, другой, стоявший немного дальше, потребовал Элизабет Джапкинс, а третий выбежал задыхаясь на Кинг-стрит и взывал к Элизабет Маффинс, пока не охрип.

Между тем миссис Клаппинс соединенными усилиями миссис Бардл, миссис Сендерс, мистера Додсона и мистера Фогга была поставлена на место для свидетелей; и когда она благополучно утвердилась на верхней ступени, миссис Бардл расположилась на нижней, с носовым платком и патенами в одной руке и стеклянной бутылкой, содержащей не менее четверти пинты нюхательной соли, в другой, готовая ко всяким случайностям. Миссис Сендерс, чьи глаза были пристально устремлены на лицо судьи, поместилась рядом, с огромным зонтом, держа большой палец правой руки на пружине с таким серьезным видом, словно приготовилась раскрыть зонт по первому знаку.

– Миссис Клаппинс, – сказал королевский юрисконсульт Базфаз, – пожалуйста, успокойтесь, сударыня.

Разумеется, как только миссис Клаппинс предложили успокоиться, она зарыдала с удвоенным рвением и проявила различные тревожные симптомы приближающегося обморока, или, как выразилась она впоследствии, наплыва чувств.

– Припоминаете ли вы, сударыня, – сказал королевский юрисконсульт Базфаз после нескольких несущественных вопросов, – что в одно памятное июльское утро прошлого года вы находились у миссис Бардл в задней комнате второго этажа, когда она убирала помещение Пиквика?

– Да, милорд и присяжные, помню, – ответила миссис Клаппинс.

– Кажется, гостиная мистера Пиквика находилась во втором этаже, окнами на улицу?

– Да, сэр, – отвечала миссис Клаппинс.

– Что вы делали в задней комнате, сударыня? – осведомился маленький судья.

– Милорд и присяжные, – сказала миссис Клаппинс с волнением, – я не буду вас обманывать.

– И хорошо сделаете, сударыня, – сказал маленький судья.

– Я была там, – продолжала миссис Клаппинс, – без ведома миссис Бардл; я вышла из дому с корзиночкой, джентльмены, чтобы купить три фунта красного продолговатого картофеля, который стоит два с половиной пенса за три фунта, когда увидела, что парадная дверь миссис Бардл не приперта.

– Не... что?! – воскликнул маленький судья.

– Приоткрыта, милорд, – объяснил королевский юрисконсульт Снаббин.

– Она сказала – не... приперта, – возразил с проницательным видом маленький судья.

– Это одно и то же, милорд, – сказал королевский юрисконсульт Снаббин.

Маленький судья посмотрел на него недоверчиво и сказал, что он это запишет. Миссис Клаппинс продолжала:

– Я вошла, джентльмены, только для того, чтобы поздороваться, и поднялась невзначай по лестнице в заднюю комнату. Джентльмены, в передней комнате слышались голоса, и...

– И, кажется, вы стали прислушиваться, миссис Клаппинс? – спросил королевский юрисконсульт Базфаз – Прошу прощения, сэр! – с величественным видом возразила миссис Клаппинс. – Я бы не позволила себе такого поступка. Голоса были очень громкие, сэр, и они сами проникали мне в уши.

– Отлично, миссис Клаппинс, вы не прислушивались, но тем не менее слышали голоса. Не был ли один из них голос Пиквика?

– Да, сэр.

И миссис Клаппинс, точно установив, что мистер Пиквик обращался к миссис Бардл, воспроизвела с помощью многочисленных вопросов разговор, о котором наши читатели уже осведомлены.

Присяжные насторожились – это видно было по их лицам, – а королевский юрисконсульт Базфаз улыбнулся и сел. Их лица стали поистине угрожающими, когда королевский юрисконсульт Снаббин сообщил, что он не будет допрашивать свидетельницу, ибо мистер Пиквик считает своим долгом по отношению к ней заявить, что ее показания в основном правильны.

Миссис Клаппинс, раз пробив лед, нашла, что ей представляется удобный случай войти в краткое рассуждение о собственных домашних делах; поэтому она немедленно начала сообщать суду, что в момент настоящего заседания она мать восьмерых детей и что она питает тайную надежду подарить мистера Клаппинса девятым через каких-нибудь шесть месяцев, считая от сегодняшнего дня. На этом интересном месте маленький судья с большим раздражением прервал ее, вследствие чего достойная леди и миссис Сендерс были без дальнейших разговоров вежливо выведены из суда под эскортом мистера Джексона.

– Натэниел Уинкль! – провозгласил мистер Скимпин.

– Здесь! – отозвался слабый голос.

Мистер Уинкль занял место для свидетелей и, принеся должным образом присягу, поклонился судье с большим почтением.

– Смотрите не на меня, сэр! – резко сказал судья в ответ на поклон. Смотрите на присяжных.

Мистер Уинкль исполнил приказание и стал смотреть на то место, где, по его предположениям, с наибольшей вероятностью должны были находиться присяжные, ибо видеть что-нибудь в его состоянии душевного смятения было невозможно.

Мистер Уинкль был затем допрошен мистером Скимпином, который, будучи подающим надежды молодым человеком лет сорока двух или сорока трех, старался, конечно, по мере своих сил смутить свидетеля, явно расположенного в пользу противной стороны.

– Итак, сэр, – сказал мистер Скимпин, – не будете ли вы столь любезны сообщить его лордству и присяжным свою фамилию?

И мистер Скимпин склонил голову набок, дабы выслушать с большим вниманием ответ, и взглянул в то же время на присяжных, как бы предупреждая, что он не будет удивлен, если прирожденная склонность мистера Уинкля к лжесвидетельству побудит его назвать фамилию, ему не принадлежащую.

– Уинкль, – ответил свидетель.

– Как ваше имя, сэр? – сердито спросил маленький судья.

– Натэниел, сэр – Дениэл... второе имя есть?

– Натэниел, сэр... то есть милорд.

– Натэниел-Дэниел или Дэниел-Натэниел.

– Нет, милорд, только Натэниел, Дэниела совсем нет.

– В таком случае зачем же вы сказали Дэниел? – осведомился судья.

– Я не говорил, милорд, – отвечал мистер Уинкль.

– Вы сказали, сэр! – возразил судья, сурово нахмурившись. – Как бы я мог записать Дэниел, если вы мне не говорили этого, сэр?

Довод был, конечно, неоспорим.

– У мистера Уинкля довольно короткая память, милорд, – вмешался мистер Скимпин, снова взглянув на присяжных. – Надеюсь, мы найдем средства освежить ее, раньше чем покончим с ним.

– Советую вам быть осторожнее, сэр! – сказал маленький судья, бросив зловещий взгляд на свидетеля.

Бедный мистер Уинкль поклонился и старался держать себя развязно, но он был взволнован, и эта развязность придавала ему сходство с застигнутым врасплох воришкой.

– Итак, мистер Уинкль, – сказал мистер Скимпин, – пожалуйста, слушайте меня внимательно, сэр, и разрешите мне посоветовать вам, в ваших же интересах, хранить в памяти предостережение его лордства. Если я не ошибаюсь, вы близкий друг Пиквика, ответчика, не так ли?

– Я знаю мистера Пиквика, насколько я сейчас могу припомнить, почти...

– Пожалуйста, мистер Уинкль, не уклоняйтесь от ответа. Вы близкий друг ответчика или нет?

– Я только хотел сказать, что...

– Ответите вы или не ответите на мой вопрос, сэр?

– Если вы не ответите на вопрос, вы будете арестованы, сэр, – вмешался маленький судья, отрываясь от своей записной книжки.

– Итак, сэр, – сказал мистер Скимпин, – будьте любезны: да или нет?

– Да, – ответил мистер Уинкль.

– Итак, вы его друг. А почему же вы не могли сказать это сразу, сэр? Быть может, вы знакомы также с истицей? Не так ли, мистер Уинкль?

– Я с нею не знаком, я ее видел.

– О, вы с нею не знакомы, но вы ее видели? А теперь будьте добры сообщить джентльменам присяжным, что вы хотите сказать этим, мистер Уинкль?

– Хочу сказать, что я с нею близко не знаком, но видел ее, когда бывал у мистера Пиквика на Госуэлл-стрит.

– Сколько раз вы ее видели, сэр?

– Сколько раз?

– Да, мистер Уинкль, сколько раз? Я могу повторить этот вопрос двенадцать раз, если вы пожелаете, сэр.

И ученый джентльмен, решительно и сурово сдвинув брови, подбоченился и многозначительно улыбнулся присяжным.

По этому вопросу возникли поучительные пререкания, обычные в подобных случаях. Прежде всего мистер Уинкль заявил, что решительно не может припомнить, сколько раз он видел миссис Бардл. Тогда его спросили, видел ли он ее раз двадцать, на что он ответил: «Конечно... больше двадцати раз». Тогда его спросили, видел ли он ее сто раз, – может ли он под присягой утверждать, что видел ее не больше пятидесяти раз, – признает ли он, что видел ее по крайней мере семьдесят пять раз, – и так далее; в конце концов пришли к удовлетворительному заключению, что ему следует быть осторожнее и думать, о чем он говорит. Когда свидетель был доведен таким образом до желаемого состояния нервного расстройства, допрос продолжался:

– Скажите, пожалуйста, мистер Уинкль, помните ли вы, что посетили ответчика Пиквика у него на квартире, в доме истицы на Госуэлл-стрит, в упомянутое утро в июле прошлого года?

– Да, помню.

– Сопровождали вас в тот день приятель по фамилии Тапмен и другой по фамилии Снодграсс?

– Да, сопровождали.

– Они здесь?

– Да, здесь, – ответил мистер Уинкль, пристально глядя в ту сторону, где сидели его друзья.

– Пожалуйста, слушайте меня, мистер Уинкль, и не занимайтесь вашими друзьями, – сказал мистер Скимпин, бросив еще один выразительный взгляд на присяжных. – Они должны дать свои показания без всякой предварительной консультации с вами, если таковая еще не имела места (снова взгляд в сторону присяжных). Итак, сэр, скажите джентльменам присяжным, что вы увидели в то утро, войдя в комнату ответчика. Ну, говорите же, сэр. Рано или поздно, но мы заставим вас говорить!

– Ответчик, мистер Пиквик, держал истицу в своих объятиях, обхватив ее руками за талию, – ответил мистер Уинкль с понятной нерешительностью, – а истица, по-видимому, была в обмороке.

– Вы слышали, говорил что-нибудь ответчик?

– Я слышал, как он назвал миссис Бардл «дорогая моя», и слышал, как он просил ее успокоиться, указывая на положение, в которое они попадут, если кто-нибудь войдет, или что-то в этом роде.

– Теперь, мистер Уинкль, мне остается задать вам только один вопрос, и я прошу вас помнить о предостережении, сделанном милордом. Можете ли вы под присягой показать, что Пиквик, ответчик, не сказал тогда: «Моя дорогая миссис Бардл, привыкайте к мысли об этом положении, ибо оно вас ждет» или что-то в этом роде?

– Я... я, конечно, понял его не так, – сказал мистер Уинкль, потрясенный этим остроумным истолкованием тех немногих слов, какие он слышал. – Я был на лестнице и не мог ясно расслышать... у меня создалось такое впечатление...

– Джентльмены присяжные не нуждаются, мистер Уинкль, в создавшихся у вас впечатлениях, от которых, боюсь, мало будет пользы честным, прямым людям, – перебил мистер Скимпир. – Вы были на лестнице и слышали не ясно; но вы не можете присягнуть, что Пиквик не воспользовался теми выражениями, которые я цитировал? Так ли я понимаю?

– Да, не могу, – ответил мистер Уинкль.

И мистер Скимпин с торжествующим видом сел на место.

Дело мистера Пиквика развивалось до сих пор так неудачно, что следовало избегать новых поводов для обвинения. Надлежало дать делу более благоприятный поворот, и мистер Фанки встал, желая добиться чего-нибудь существенного от мистера Уинкля при перекрестном допросе. Добился ли он чего-нибудь существенного, обнаружится немедленно.

– По-видимому, мистер Уинкль, – сказал Фанки, – мистер Пиквик уже не молодой человек?

– Да, – ответил мистер Уинкль, – он мог бы быть моим отцом.

– Вы сказали моему высокоученому другу, что знаете мистера Пиквика много лет. Были у вас какие-нибудь основания предполагать или думать, что он собирается жениться?

– О нет, конечно нет! – ответил мистер Уинкль с таким жаром, что мистеру Фанки следовало бы как можно скорее удалить его с места для свидетелей. Адвокаты утверждают, что есть два вида особенно неприятных свидетелей: сопротивляющийся свидетель и слишком рьяный свидетель: мистеру Уинклю было суждено выступить в обеих ролях.

– Я пойду еще дальше, мистер Уинкль, – продолжал мистер Фанки с весьма любезным и самодовольным видом. – Замечали вы в манерах мистера Пиквика и в его поведении по отношению к другому полу нечто такое, что побуждало вас думать, будто он помышлял о женитьбе, по крайней мере в последние годы?

– О нет, конечно нет! – ответил мистер Уинкль.

– Всегда ли его поведение по отношению к женщинам было поведением человека, который, будучи уже не молод и вполне удовлетворен своими занятиями и развлечениями, относится к ним, как мог бы отец относиться к своим дочерям?

– В этом не приходится сомневаться, – ответил мистер Уинкль от всей души, – то есть... да, о да... конечно! ..

– Вы никогда не замечали в его отношениях к миссис Бардл или какой-либо другой женщине ничего хоть сколько-нибудь подозрительного? – спросил мистер Фанки, приготовляясь сесть на свое место, так как королевский юрисконсульт Снаббин делал ему знаки.

– Н-н-нет, – ответил мистер Уинкль, – за исключением одного незначительного случая, который, я нимало не сомневаюсь, можно легко объяснить.

Если бы злополучный мистер Фанки сел, когда королевский юрисконсульт Снаббин ему подмигнул, или если бы королевский юрисконсульт Базфаз прекратил этот неправильный перекрестный допрос в самом начале (от чего он, разумеется, воздержался, заметив волнение мистера Уинкля и прекрасно зная, что оно, по всем вероятиям, послужит ему, Базфазу, на пользу), это неуместное признание не было бы сделано. Как только эти слова сорвались с языка мистера Уинкля, мистер Фанки сел, а королевский юрисконсульт Снаббин с несколько излишней поспешностью предложил мистеру Уинклю покинуть место для свидетелей, что мистер Уинкль приготовился сделать с большой охотой, королевский юрисконсульт Базфаз остановил его.

– Постойте, мистер Уинкль, постойте! – сказал королевский юрисконсульт Базфаз. – Не угодно ли милорду спросить его, что это за единственный пример подозрительного поведения по отношению к женщинам со стороны джентльмена, который по своим годам мог бы быть ему отцом!

– Вы слышите, что говорит высокоученый адвокат, сэр? – заметил судья, обращаясь к жалкому и измученному мистеру Уинклю. – Изложите обстоятельство, о котором вы упомянули.

– Милорд, – сказал мистер Уинкль, дрожа от волнения, – я... я предпочел бы воздержаться.

– Возможно, – отозвался маленький судья, – но вы должны говорить.

Среди глубокого молчания всего суда мистер Уинкль, заикаясь, рассказал о случае, внушавшем подозрение и заключавшемся в том, что мистер Пиквик очутился в полночь в спальне одной леди, каковой случай, как полагал мистер Уинкль, закончился разрывом упомянутой леди с ее женихом и привел, как ему было известно, к тому, что всю компанию насильно повели к Джорджу Напкинсу, эсквайру, мэру и мировому судье города Ипсуича.

– Вы можете удалиться, сэр, – сказал королевский юрисконсульт Снаббин.

Мистер Уинкль удалился и с горячечной поспешностью устремился к «Джорджу и Ястребу», где спустя несколько часов его обнаружил лакей: зарывшись в диванные подушки, он глухо и жалобно стонал.

Треси Тапмен и Огастес Снодграсс были вызваны поочередно для допроса, оба подтвердили показания своего несчастного друга, и каждый был доведен до грани отчаяния перекрестным допросом.

Затем была вызвана Сьюзен Сендерс и допрошена королевским юрисконсультом Базфазом и королевским юрисконсультом Снаббином. Она всегда говорила, что Пиквик женится на миссис Бардл. Знала, что после июльского обморока помолвка миссис Бардл с Пиквиком служила очередной темой разговоров среди соседей; она сама слышала об этом от миссис Мадберри, которая держит каток для белья, и от миссис Банкин, которая крахмалит белье, но она не видит в зале суда ни миссис Мадберри, ни миссис Банкин. Слышала, как Пиквик спрашивал маленького мальчика, хочет ли он иметь другого отца. Не знает, водила ли миссис Бардл знакомство с булочником, но знает, что булочник тогда был холост, а теперь женат. Не могла бы показать под присягой, что миссис Бардл не была очень расположена к булочнику, но склонна думать, что булочник был не очень расположен к миссис Бардл, иначе он не женился бы на ком-то другом. Думает, что миссис Бардл упала в обморок утром в июле, потому что Пиквик просил ее назначить день. Помнит, что она (свидетельница) сама упала замертво, когда мистер Сендерс просил ее назначить день, и считает, что каждая женщина, которая

называет себя леди, сделала бы при подобных обстоятельствах то же самое. Слышала, как Пиквик задал мальчику вопрос о шариках, но может показать под присягой, что ни за что не смогла бы установить разницу между шариком отборным и обыкновенным.

На вопрос судьи ответила: в период своего знакомства с мистером Сендерсом получала любовные письма, подобно другим леди. В письмах мистер Сендерс часто называл ее «уточкой», но никогда не называл ни «отбивной котлетой», ни «томатным соусом». Он был большим любителем уток. Может быть, если бы он также любил отбивные котлеты и томатный соус, он воспользовался бы этими словами как ласкательными.

Затем встал королевский юрисконсульт Базфаз с таким внушительным видом, какого он еще не демонстрировал, и провозгласил:

– Вызовите Сэмюела Уэллера.

Вызывать Сэмюела Уэллера было совершенно незачем, ибо Сэмюел Уэллер проворно поднялся на возвышение, как только было произнесено его имя, и, положив шляпу на пол, а локти на перила, обозрел суд с высоты птичьего полета и одним взглядом окинул присяжных с удивительно беззаботным и веселым видом.

– Как ваше имя, сэр? – осведомился судья.

– Сэм Уэллер, милорд, – ответил этот джентльмен.

– Вы пишете свою фамилию через «В» или через «У»? – спросил судья.

– Это зависит от вкуса и каприза пишущего, милорд, – отвечал Сэм. – Мне не случалось подписываться чаще одного-двух раз в жизни, но я ее пишу через «В».

В этот момент с галереи послышался громкий голос:

– И правильно, Сэмивел, совершенно правильно! Пишите «В», милорд, пишите «В»!

– Кто это осмелился обращаться к суду? – воскликнул маленький судья, поднимая голову. – Пристав!

– Слушаю, милорд.

– Немедленно привести сюда этого человека.

– Слушаю, милорд.

Но так как пристав не нашел этого человека, то он и не привел его, и когда улеглась суматоха, все вставшие посмотреть на виновного уселись снова. Маленький судья повернулся к свидетелю, как только его негодование рассеялось в достаточной мере, чтобы не мешать ему говорить, и сказал:

– Вы знаете, кто это, сэр?

– Подозреваю, что это мой отец, милорд, – ответил Сэм.

– Вы его сейчас здесь видите? – спросил судья.

– Нет, не вижу, милорд, – отозвался Сэм, глядя вверх, на застекленный потолок зала.

– Если бы вы могли указать его, я бы арестовал его немедленно, – сообщил судья.

Сэм поклонился в знак признательности и повернулся с невозмутимо благодушным видом к королевскому юрисконсульту Базфазу.

– Итак, мистер Уэллер? – сказал королевский юрисконсульт Базфаз.

– Итак, сэр? – отозвался Сэм.

– Кажется, вы состоите на службе у мистера Пиквика, ответчика по этому делу? Говорите смелее, мистер Уэллер.

– Я собираюсь говорить смело, сэр, – отозвался Сэм. – Я состою на службе у этого-вот джентльмена, и у меня место очень хорошее.

– Работы мало, а получаете, кажется, много, – шутливо заметил королевский юрисконсульт Базфаз.

– О, получаю вполне достаточно, сэр, как сказал солдат, когда его приговорили к тремстам пятидесяти ударам плетью, – отвечал Сэм.

– Вам незачем сообщать нам, сэр, что сказал солдат или кто-то другой, перебил судья. – Это не относится к свидетельским показаниям.

– Очень хорошо, милорд, – ответил Сэм.

– Не припомните ли вы чего-нибудь исключительного в то утро, когда вы только что поступили на службу к ответчику, мистер Уэллер? – спросил королевский юрисконсульт Базфаз.

– Да, припоминаю, сэр, – ответил Сэм.

– Будьте добры сообщить присяжным, что произошло.

– В то утро я получил, регулярно, новый костюм, джентльмены присяжные, и это было совсем исключительное и необычайное обстоятельство для меня в то время, – заявил Сэм.

В ответ раздался общий хохот, а маленький судья поднял глаза, сердито посмотрел и сказал:

– Советую вам быть осторожнее, сэр!

– Вот это самое сказал мне тогда и мистер Пиквик, милорд, – отвечал Сэм. – И я был очень осторожен с этим-вот костюмом; право же, очень осторожен, милорд.

Судья сурово смотрел на Сэма в течение добрых, двух минут, но физиономия Сэма оставалась столь невозмутимо спокойной и безмятежной, что судья не сказал ни слова и жестом предложил королевскому юрисконсульту Базфазу продолжать.

– Вы хотите сказать, мистер Уэллер, – произнес королевский юрисконсульт Базфаз, внушительно складывая на груди руки и поворачиваясь вполоборота к присяжным, словно давая немое заверение, что еще допечет свидетеля, – вы хотите сказать, мистер Уэллер, что вы не видели этого обморока истицы в объятиях ответчика – обморока, о котором, как вы слышали, говорили свидетели?

– Конечно, не видел, – ответил Сэм. – Я был в коридоре, пока меня не позвали наверх, а тогда старой леди там уже не было.

– Но позвольте, мистер Уэллер, – сказал королевский юрисконсульт Базфаз, опуская большое перо в стоявшую перед ним чернильницу в расчете запугать Сэма тем, что записывает его ответ. – Вы были в коридоре и тем не менее не видели решительно ничего, что происходило. Есть у вас глаза, мистер Уэллер?

– Да, у меня есть глаза, – ответил Сэм, – и в этом-то все дело. Будь у меня вместо них пара патентованных газовых микроскопов[113] особой силы, увеличивающих в два миллиона раз, может быть я и увидел бы сквозь лестницу и сосновую дверь, но коли у меня есть только глаза, то, понимаете ли, зрение мое ограничено.

Услышав такой ответ, который был дан без малейшего раздражения и с величайшим простодушием и хладнокровием, зрители захихикали, маленький судья улыбнулся, – вид у королевского юрисконсульта Базфаза был отменно глупый. После краткой консультации с Додсоном и Фоггом высокоученый королевский юрисконсульт снова обратился к Сэму и сказал, усиленно стараясь скрыть досаду.

– Теперь, мистер Уэллер, с вашего разрешения, я задам еще один вопрос по другому пункту.

– К вашим услугам, сэр, – отозвался Сэм с беспредельным добродушием.

– Припоминаете ли вы, что как-то вечером, в ноябре прошлого года, вы зашли к миссис Бардл?

– О да, прекрасно помню.

– А, вы это помните, мистер Уэллер! – сказал королевский юрисконсульт Базфаз, воспрянув духом. – Я так и думал, что в конце концов мы до чего-нибудь договоримся.

– Я тоже так думал, сэр, – ответил Сэм, и слушатели снова захихикали.

– Так вот, я полагаю, вы зашли побеседовать об этом процессе, не так ли, мистер Уэллер? – сказал королевский юрисконсульт Базфаз, многозначительно взглядывая на присяжных.

– Я зашел, чтобы уплатить за квартиру, но мы и в самом деле побеседовали о процессе, – ответил Сэм.

– О, так вы побеседовали о процессе! – подхватил королевский юрисконсульт Базфаз, с удовольствием предвкушая важное разоблачение. – Ну, так что же вы говорили о процессе, не будете ли вы так добры сообщить нам, мистер Уэллер?

– С величайшим удовольствием, сэр, – отозвался Сэм. – После нескольких незначительных замечаний, сделанных двумя добродетельными женщинами, которых допрашивали здесь сегодня, леди выразили большой восторг по случаю достойного поведения мистеров Додсона и Фогга – вон тех двух джентльменов, что сидят сейчас возле вас.

Эти слова, разумеется, привлекли всеобщее внимание к Додсону и Фоггу, которые приняли по возможности добродетельный вид.

– Поверенные истицы, – пояснил королевский юрисконсульт Базфаз. – Прекрасно! Они высказались с большой похвалой о достойном поведении мистеров Додсона и Фогга, поверенных истицы, не так ли?

– Да, – подтвердил Сэм, – они говорили о том, как это великодушно со стороны джентльменов принять это дело на свой риск и не требовать уплаты судебных издержек, если им ничего не удастся вытянуть из мистера Пиквика.

При этом весьма неожиданном ответе зрители снова захихикали, а Додсон и Фогг, сильно покраснев, наклонились к королевскому юрисконсульту Базфазу и торопливо стали шептать ему что-то на ухо.

– Вы совершенно правы, – громко сказал королевский юрисконсульт Базфаз с притворным спокойствием. – Совершенно бесполезно, милорд, пытаться пробить непроницаемую тупость этого свидетеля. Не буду утруждать суд дальнейшими вопросами. Можете удалиться, сэр.

– Не желает ли еще какой-нибудь джентльмен спросить меня о чем-нибудь? – осведомился Сэм, беря свою шляпу и озираясь с большим спокойствием.

– Мне не нужно, мистер Уэллер, благодарю вас, – смеясь, сказал королевский юрисконсульт Снаббин.

– Вы можете удалиться сэр, – сказал королевский юрисконсульт Базфаз, нетерпеливо махнув рукой.

Сэм удалился, нанеся делу мистеров Додсона и Фогга такой ущерб, какой мог нанести, не нарушая приличий и почти ничего не сообщив о мистере Пиквике, что и было целью, которую он преследовал.

– Я не буду отрицать, милорд, – сказал королевский юрисконсульт Снаббин, – если это избавит нас от допроса других свидетелей, – не буду отрицать того, что мистер Пиквик удалился от дел и имеет значительное и независимое состояние.

– Очень хорошо! – сказал королевский юрисконсульт Базфаз, предъявляя обе записки мистера Пиквика. – Больше мне нечего добавить, милорд.

Засим королевский юрисконсульт Снаббин обратился к присяжным с речью в защиту ответчика и произнес очень длинную, очень выразительную речь, в которой осыпал величайшими похвалами поведение и характер мистера Пиквика; но так как наши читатели могут составить более правильное представление о заслугах и качествах этого джентльмена, чем королевский юрисконсульт Снаббин, то мы считаем излишним излагать сколько-нибудь

подробно наблюдения высокоученого джентльмена.. Он пытался доказать, что предъявленные суду письма относились только к обеду мистера Пиквика или к приготовлению для приема в занимаемой им квартире по случаю его возвращения из какой-то загородной экскурсии. Достаточно добавить в общих словах, что он сделал все возможное для мистера Пиквика, а больше того, что можно сделать, не сделаешь, как гласит старая истина.

Судья Стейрли сказал напутственное слово по давно установленной и самой испытанной форме. Он прочел присяжным столько своих заметок, сколько успел расшифровать за такой короткий срок, и попутно дал беглые комментарии к свидетельским показаниям. Если миссис Бардл права, то совершенно ясно, что мистер Пиквик не прав, и если присяжные считают показания миссис Клаппинс достойными доверия, то они им поверят, а если не считают – они им, конечно, не поверят. Если они убеждены, что нарушение брачного обещания имело место, они решат дело в пользу истицы, с возмещением убытков, какое сочтут подобающим, а если, с другой стороны, они найдут, что никакого брачного обещания не было дано, то решат дело в пользу ответчика, без всякого возмещения убытков.

Затем присяжные удалились в совещательную комнату, чтобы обсудить дело, а судья удалился в отведенную для него комнату, чтобы подкрепиться бараньей котлетой и рюмкой хереса.

Прошло тревожных четверть часа; присяжные вернулись, и был вызван судья. Мистер Пиквик надел очки и с возбужденным видом и сильно бьющимся сердцем смотрел на старшину присяжных.

– Джентльмены, – сказал субъект в черном, – ваш вердикт вынесен единогласно?

– Да, – ответил старшина.

– Дело решено в пользу истицы, джентльмены, или в пользу ответчика?

– В пользу истицы.

– В какой сумме выражаются убытки, джентльмены?

– Семьсот пятьдесят фунтов.

Мистер Пиквик снял очки, старательно протер стекла, уложил очки в футляр и спрятал в карман; затем, натянув с большой аккуратностью перчатки и не спуская при этом глаз со старшины, он машинально вышел из суда вслед за мистером Перкером и его синим мешком.

Они задержались в боковой комнате, пока Перкер делал полагающиеся судебные взносы; здесь к мистеру Пиквику присоединились его друзья. И здесь же он встретил мистеров Додсона и Фогга, потиравших руки, не скрывая удовольствия.

– Ну, как, джентльмены? – сказал мистер Пиквик.

– Ну, как сэр? – сказал Додсон за себя и за партнера.

– Вы воображаете, что получите свои издержки, не так ли, джентльмены? – сказал мистер Пиквик.

Фогг сказал, что они считают это довольно вероятным. Додсон улыбнулся и сказал, что они постараются.

– Вы можете стараться, стараться и еще раз стараться, мистеры Додсон и Фогг! – с жаром воскликнул мистер Пиквик. – Но ни единого фартинга издержек и вознаграждения за убытки вы от меня не получите, хотя бы мне пришлось провести конец жизни в долговой тюрьме! – Ха-ха! – рассмеялся Додсон. – Вы еще передумаете, прежде чем начнется следующая сессия, мистер Пиквик.

– Хи-хи-хи! Скоро мы это увидим, мистер Пиквик! – осклабился Фогг.

Онемев от негодования, мистер Пиквик позволил увести себя своему поверенному и друзьям и усадить в карету, которую нанял всегда бдительный Сэм Уэллер.

Сэм закрепил подножку и уже собирался вскочить на козлы, когда почувствовал, что кто-то дотронулся до его плеча, и, оглянувшись, увидел перед собою отца. Физиономия старого джентльмена выражала уныние, он серьезно покачал головой и сказал укоризненным тоном:

– Я так и знал, что выйдет из такого способа вести дела. О Сэмми, Сэмми, почему не было алиби!

ГЛАВА XXXV,

в которой мистер Пиквик убеждается, что лучше всего ему отправиться в Бат, и поступает соответственно

– Разумеется, уважаемый сэр, вы не предполагаете в самом деле и всерьез – оставим раздражение в стороне – не платить судебных издержек и вознаграждения за убытки? – сказал маленький Перкер, явившись к мистеру Пиквику на следующее утро после суда.

– Ни полпенни, – твердо сказал мистер Пиквик. – Ни полпенни!

– Ура! Да здравствует принцип, как сказал ростовщик, когда не хотел переписать вексель, – заметил мистер Уэллер, который убирал со стола после завтрака.

– Сэм, – сказал мистер Пиквик, – будьте так добры, ступайте вниз.

– Есть, сэр, – ответил мистер Уэллер и, повинуясь деликатному намеку мистера Пиквика, удалился.

– Нет, Перкер, – сказал мистер Пиквик весьма серьезно, – мои друзья, здесь присутствующие, пытались отговорить меня от этого решения, но безуспешно. Я буду жить по-старому, пока противная сторона не получит полномочия привести в исполнение постановление суда; если они окажутся настолько подлы, что воспользуются этим и арестуют меня, я подчинюсь с полным спокойствием и безропотно. Когда они могут добиться этого?

– Они могут получить исполнительное решение, уважаемый сэр, на сумму вознаграждения за убытки и судебных издержек в следующую сессию, – ответил Перкер, – ровно через два месяца, уважаемый сэр.

– Очень хорошо, – сказал мистер Пиквик. – До тех пор, дорогой мой, не заговаривайте со мной об этом деле. А теперь, – продолжал мистер Пиквик, оглядывая своих друзей с добродушной улыбкой и поблескивая глазами, и этого блеска не могли ни затуманить, ни скрыть никакие очки, – единственный вопрос сводится к тому, куда нам направиться прежде всего?

Мистер Тапмен и мистер Снодграсс были слишком потрясены героизмом своего друга, чтобы дать какой-нибудь ответ; мистер Уинкль еще не настолько справился с воспоминанием о своих показаниях на суде, чтобы сделать какое бы то ни было замечание по какому бы то ни было поводу, и мистер Пиквик тщетно ждал ответа.

– Ну, что ж, – сказал сей джентльмен, – если вы предоставляете мне выбрать место, я предлагаю Бат[114]. Мне кажется, никто из нас там никогда не бывал.

Никто там не бывал; и так как эта идея была горячо поддержана Перкером, который считал весьма вероятным, что перемена обстановки и развлечение побудят мистера Пиквика изменить свое решение на лучшее и свое мнение о долговой тюрьме на худшее, то предложение было принято единогласно, и Сэм немедленно отправился в «Погреб Белого Коня» заказать пять мест в карете, отходившей в половине восьмого следующего утра.

Оставалось два внутренних места и три на крыше; поэтому Сэм Уэллер взял билеты на все места и, обменявшись с клерком билетной кассы несколькими комплиментами по поводу оловянной полукроны, которую ему предложили в счет сдачи, вернулся в «Джордж и Ястреб», где был не на шутку занят до ночи, стараясь компактнее уложить одежду и белье и изощряя свои способности в области механики на изобретение различных хитроумных способов приладить крышки к ящикам, не имеющим ни замков, ни петель.

Следующее утро было весьма неблагоприятно для путешествия – туманное, сырое и дождливое. Лошади, запряженные в пассажирские кареты, проехав по городу, окутаны были таким облаком пара, что наружные пассажиры стали невидимками. Газетчики промокли, и от них пахло плесенью; вода стекала со шляп торговцев апельсинами, когда они просовывали головы в окна кареты и освежали пассажиров струей воды. Евреи, торговавшие перочинными ножами с пятьюдесятью лезвиями, в отчаянии закрыли их. Продавцы карманных записных книжек спрятали их в карманы. Цепочки от часов и вилки для поджаривания гренков продавались по пониженной цене, а на пеналы и губки спроса вовсе не было.

Предоставив Сэму Уэллеру спасать багаж от семи-восьми носильщиков, которые неистово на него набросились, как только карета остановилась, и убедившись, что они приехали минут на двадцать раньше, чем следовало, мистер Пиквик и его друзья нашли приют в зале для пассажиров – последнем пристанище человеческой скорби.

Зал для пассажиров в «Погребе Белого Коня», конечно, не комфортабелен, иначе он не был бы залом для пассажиров. Комната эта расположена направо от входа, и в нее как будто ввалился честолюбивый кухонный очаг в сопровождении мятежной кочерги, щипцов и совка. Она разбита на отделения для одиночного заключения пассажиров и снабжена часами, зеркалом и живым сервантом, каковой предмет обстановки содержится в маленькой конуре для мытья стаканов, в углу комнаты.

Одно из отделений было занято на сей раз человеком лет сорока пяти, с сердитыми глазами, блестящей лысиной, обрамленной довольно густыми черными волосами, и с большими черными бакенбардами. Его коричневый сюртук был застегнут до подбородка, а большая дорожная шапка из тюленьей кожи, пальто и плащ лежали на скамье подле него. Когда вошел мистер Пиквик, он оторвался от своего завтрака со свирепым и решительным видом, преисполненным достоинства; осмотрев критически этого джентльмена и его спутников, к своему полному удовлетворению, он начал сквозь зубы напевать какой-то мотив, как бы желая выразить подозрение, что его хотят задеть, но из этого ничего не выйдет.

– Лакей! – крикнул джентльмен с бакенбардами.

– Сэр? – отозвался человек с грязным лицом и таким же полотенцем, вылезая из вышеупомянутой конуры.

– Еще гренков.

– Слушаю, сэр. – С маслом, не забудьте, – свирепо сказал джентльмен.

– Сию минуту, сэр, – ответил лакей.

Джентльмен с бакенбардами продолжал напевать себе под нос и в ожидании прибытия гренков подошел к очагу и, заложив под мышки фалды сюртука, посмотрел на свои башмаки и задумался.

– Интересно, где останавливается в Бате эта карета, – тихо сказал мистер Пиквик, обращаясь к мистеру Уинклю.

– Гм... э... что такое? – проговорил незнакомец.

– Я обратился к своему другу, сэр, – ответил мистер Пиквик, всегда готовый вступить в разговор. – Я хотел бы знать, у какой гостиницы в Бате останавливается карета? Быть может, вы мне сообщите?

– Вы едете в Бат? – спросил незнакомец.

– Да, сэр, – отозвался мистер Пиквик.

– И эти джентльмены?

– И они также, – сказал мистер Пиквик.

– Не внутри, надеюсь? Будь я проклят, если вы собираетесь ехать внутри! – воскликнул незнакомец.

– Не все, – сказал мистер Пиквик.

– Надеюсь, не все! – выразительно произнес незнакомец. – Я занял два места. Если они попробуют всунуть шестерых в этот адский ящик, который вмещает только четверых, я найму дорожную карету и подам в суд. Я заплатил за проезд. Это не пройдет. Я сказал клерку, когда брал места, что это не пройдет. Я знаю, как это у них делается... Я знаю, что они проделывают это ежедневно, но со мной они этого никогда не проделают. Тем, кто меня знает, это хорошо известно, черт побери!

Свирепый джентльмен неистово позвонил в колокольчик и объявил лакею, чтобы тот подал гренки через пять секунд, иначе ему придется плохо.

– Мой дорогой сэр, – сказал мистер Пиквик, – разрешите мне заметить, что такое волнение совершенно излишне. Я взял только два места внутри кареты.

– Рад это слышать, – отозвался свирепый человек. – Беру назад свои слова. Прошу извинения. Вот моя карточка. Разрешите познакомиться.

– С большим удовольствием, сэр, – ответил мистер Пиквик. – Нам предстоит быть попутчиками, и, надеюсь, мы будем довольны обществом друг друга.

– Надеюсь, – сказал свирепый джентльмен. – Уверен, что будем. Мне нравятся ваши лица, они приятны. Джентльмены, ваши руки и фамилии. Познакомимся.

Разумеется, за этой любезной речью последовал обмен дружескими приветствиями, и свирепый джентльмен тотчас же начал сообщать друзьям теми же короткими, резкими, отрывистыми фразами, что его фамилия Даулер, что он едет в Бат для развлечения, что прежде он служил в армии, что теперь он занялся коммерцией, как подобает джентльмену, что он живет на получаемые от этого доходы и что лицо, для которого заказано второе место, – не более и не менее как миссис Даулер, его законная супруга.

– Она прекрасная женщина, – сказал мистер Даулер. – Я горжусь ею. У меня есть для этого основания.

– Надеюсь, я буду иметь удовольствие судить об этом, – с улыбкой заметил мистер Пиквик.

– Будете, – отозвался Даулер. – Она познакомится с вами... она оценит вас. Я ухаживал за ней при своеобразных обстоятельствах. Я добился ее, дав опрометчивую клятву. Я ее увидел; я ее полюбил; я сделал предложение, она мне отказала. «Вы любите другого?» – «Пощадите мою стыдливость». – «Я его знаю?» – «Знаете». «Очень хорошо; если он не уедет отсюда, я сдеру с него кожу».

– Помилуй бог! – невольно воскликнул мистер Пиквик.

– Вы содрали кожу с этого джентльмена, сэр? – осведомился мистер Уинкль, сильно побледнев.

– Я написал ему записку. Я сказал, что это мучительная вещь. И это так.

– Несомненно, – вставил мистер Уинкль.

– Я сказал, что дал слово джентльмена содрать с него кожу. Моя репутация была поставлена на карту. У меня не было иного выхода. Как офицер службы его величества, я был обязан содрать с него кожу. Я жалел о такой необходимости, но я должен был это сделать. Он внял убеждениям, он понял, что законы службы выше всего. Он бежал. Я женился на ней. Вот и карета. Это ее голова.

Тут мистер Даулер указал на только что подъехавшую карету, из открытого окна которой выглядывала довольно хорошенькая особа в ярко-синей шляпе, отыскивавшая глазами кого-то в толпе на тротуаре, – должно быть, этого неистового человека.

Мистер Даулер расплатился и выбежал со своей дорожной шапкой, пальто и плащом; мистер Пиквик и его друзья последовали за ним, чтобы занять места.

Мистер Тапмен и мистер Снодграсс уселись на задних наружных местах кареты; мистер Уинкль расположился внутри, и мистер Пиквик готовился последовать за ним, как вдруг Сэм Уэллер подошел к своему хозяину и, шепча ему на ухо с видом глубоко таинственным, попросил разрешения поговорить с ним.

– Ну, Сэм, – сказал мистер Пиквик, – что случилось?

– Чудные дела делаются, сэр, – ответил Сэм.

– Что такое? – осведомился мистер Пиквик.

– А вот что, сэр, – отозвался Сэм. – Я очень боюсь, сэр, что владелец этой-вот кареты хочет сыграть с нами дерзкую штуку.

– В чем дело, Сэм? – спросил мистер Пиквик. Наши фамилии не занесены в список пассажиров?

– Фамилии не только занесены в список пассажиров, сэр, – отозвался Сэм, – но одну из них они вдобавок еще написали на дверце кареты.

С этими словами Сэм указал на ту часть каретной дверцы, на которой обычно значится фамилия владельца; а там и в самом деле золотыми буквами внушительных размеров была начертана магическая фамилия «*Пиквик*».

– Ах, боже мой! – воскликнул мистер Пиквик, совершенно потрясенный таким совпадением. – Какая изумительная вещь!

– Да, но это не все, – сказал Сэм, снова привлекая внимание своего хозяина к дверце кареты. – Им мало было написать «Пиквик», они еще поставили перед ним «Мозес», а это уж я называю прибавлять к обиде оскорбление, как сказал попугай, когда его не только увезли из родной страны, но заставили еще потом говорить по-английски.

– Конечно, это довольно странно, Сэм, – сказал мистер Пиквик, – но если мы будем стоять тут и разговаривать, мы останемся без мест.

– Как! Да разве ничего не нужно сделать поэтому случаю, сэр? – воскликнул Сэм, совершенно ошеломленный тем хладнокровием, с каким мистер Пиквик собирался лезть в карету.

– Сделать? – повторил мистер Пиквик. – А что же можно сделать?

– Разве никого не нужно вздуть за такую вольность, сэр? – спросил мистер Уэллер, который надеялся, что ему будет поручено по меньшей мере вызвать тут же кучера и кондуктора на кулачный бой.

– Конечно, нет! – с живостью ответил мистер Пиквик. – Ни под каким видом! Немедленно полезайте на свое место.

– Я очень боюсь, – бормотал про себя Сэм, удаляясь, – что с хозяином случилось что-то неладное, иначе он никогда бы не снес этого так спокойно. Надеюсь, этот-вот процесс не пришиб его, но похоже, что дело дрянь, совсем дрянь!

Мистер Уэллер задумчиво покачал головой; и следует отметить для иллюстрации того, сколь близко к сердцу он принял это обстоятельство, что он не произнес больше ни слова, пока карета не остановилась у Кенсингтонской заставы. Для Сэма такой промежуток времени, проведенный в безмолвии, был столь длителен, что этот факт можно рассматривать как не имеющий прецедентов.

Ничего заслуживающего особого упоминания за время путешествия не случилось. Мистер Даулер рассказывал различные анекдоты, иллюстрирующие его собственную удаль и неустрашимость, и обращался к миссис Даулер за подтверждением своих слов; миссис Даулер неизменно сообщала, в виде приложения, какой-нибудь замечательный факт или обстоятельство, которые были забыты мистером Даулером или пропущены им из скромности; эти добавления, в каждом отдельном случае, должны были доказать, что мистер Даулер был еще большим молодцом, чем он сам себя изображал. Мистер Пиквик и мистер Уинкль слушали

с большим восторгом, а в промежутках беседовали с миссис Даулер, весьма приятной и очаровательной особой. Итак, благодаря рассказам мистера Даулера, чарам миссис Даулер, добродушию мистера Пиквика и умению слушать мистера Уинкля пассажиры в карете коротали время самым дружественным образом.

Наружные пассажиры вели себя так, как всегда ведут себя наружные пассажиры. Они были очень беззаботны и болтливы после каждой остановки, и очень хмуры и сонливы на полпути, и снова очень веселы и оживленны перед остановкой. Один молодой джентльмен в резиновом плаще курил все время сигары; другой молодой джентльмен, облаченный в пародию на пальто, закуривал их в огромном количестве и, чувствуя себя явно не по себе после второй затяжки, выбрасывал их, когда ему казалось, что никто на него не смотрит. Третий молодой человек, который интересовался скотоводством, сидел на козлах, а сзади помещался пожилой джентльмен, хорошо знакомый с сельским хозяйством. Постоянно сменялись рабочие блузы и белые куртки, которые получали от кондуктора предложение «подвезти» их и знали каждую лошадь и каждого конюха на этой дороге и в стороне от нее. Обед по полкроны с едока был бы дешев, если бы умеренное количество едоков могло поглотить его во время краткой остановки. В семь часов пополудни мистер Пиквик со своими друзьями и мистер Даулер с супругой разошлись по своим комнатам в гостинице «Белый Олень» против Большой галереи минеральных вод Бата, где лакеев можно принять по костюму за учеников Вестминстерской школы, если бы они не нарушали иллюзии тем, что держат себя гораздо учтивее.

На следующее утро, едва был убран со стола завтрак, лакей подал визитную карточку (мистера Даулера, который просил разрешения представить своего друга. Немедленно вслед за визитной карточкой явился собственной персоной мистер Даулер со своим другом.

Друг оказался очаровательным молодым человеком, не старше пятидесяти лет, одетым в очень яркий синий фрак с ослепительными пуговицами, черные панталоны и пару тончайших и безукоризненно вычищенных башмаков. Золотой лорнет висел на короткой черной ленте; золотая табакерка зажата в левой руке; бесчисленные золотые кольца блестели на пальцах, и булавка с большим бриллиантом в золотой оправе сверкала у него в жабо. На нем были золотые часы и золотая цепочка с массивными золотыми печатями; в руке гибкая трость черного дерева[115] с тяжелым золотым набалдашником. Белье у него было самое белоснежное, тонкое и туго накрахмаленное; парик самый глянцевитый, самый черный и самый кудрявый. Его нюхательный табак назывался «Смесью принца»; его духи – «Bouquet du roi». На лице его всегда сияла улыбка, а его зубы были в таком безупречном порядке, что на небольшом расстоянии не удалось бы отличить настоящие от вставных.

– Мистер Пиквик, – сказал мистер Даудер, – это мой друг Энджело-Сайрес Бентам, эсквайр, церемониймейстер Бентам; мистер Пиквик, познакомьтесь.

– Добро пожаловать в Ба-ат, сэр. Вот это поистине приобретение. Еще раз добро пожаловать в Ба-ат, сэр. Давно, очень давно, мистер Пиквик, вы не бывали на здешних водах. Кажется, будто целый век прошел, мистер Пиквик. За-амечательно.

С этими словами Энджело-Сайрес Бентам, эсквайр, церемониймейстер, взяв руку мистера Пиквика и задержав в своей руке, приподнял плечи и, не переставая, кланялся, словно для него было мучительным испытанием выпустить ее.

– Несомненно, очень много времени прошло с тех пор, как я не бывал на водах, – отозвался мистер Пиквик, – ибо, насколько мне известно, я никогда здесь не бывал.

– Не бывали в Ба-ате, мистер Пиквик? – воскликнул церемониймейстер, в изумлении выпуская его руку. – Не бывали в Ба-ате? Хи-хи! Мистер Пиквик, вы шутник. Недурно, недурно! Хорошо! Хи-хи-хи! За-амечательно!

– К стыду своему, должен сказать, что я не шучу, – возразил мистер Пиквик. – Я действительно никогда не бывал здесь раньше.

– О, понимаю! – воскликнул церемониймейстер с чрезвычайно довольным видом. – Да, да... хорошо, хорошо... все лучше и лучше. Вы тот самый джентльмен, о котором мы столько слышали. Да, мы вас знаем, мистер Пиквик, мы вас знаем!

«Судебные отчеты в этих проклятых газетах, – подумал мистер Пиквик. Здесь все обо мне знают!»

– Вы – джентльмен, проживающий в Клепхем-Грине[116], – продолжал Бентам, – у вас отнялись руки и ноги оттого, что вы по неосторожности простудились после портвейна. Вас нельзя было перевозить вследствие острых болей, вы приказали наполнить бутылки водой в сто три градуса из королевского источника и доставить целую фуру в вашу спальню в Лондоне, где вы выкупались, чихнули и в тот же день выздоровели! За-амечательно!

Мистер Пиквик поблагодарил за комплимент, заключавшийся в таком предположении, но у него хватило скромности отклонить его; и, воспользовавшись минутным молчанием церемониймейстера, он попросил разрешения представить своих друзей, мистера Тапмена, мистера Уинкля и мистера Снодграсса, знакомство с коими преисполнило церемониймейстера радостью и гордостью.

– Бентам, – сказал мистер Даулер, – мистер Пиквик и его друзья – приезжие. Они должны вписать свои фамилии. Где книга?

– Регистрационная книга знатных посетителей Ба-ата будет в галерее сегодня в два часа, – ответил церемониймейстер. – Быть может, вы приведете наших друзей в это роскошное помещение и предоставите мне возможность получить их автографы?

– Хорошо, – отозвался Даулер. – Мы засиделись. Пора идти. Я вернусь через час. Идемте.

– Сегодня вечером будет бал, – сказал церемониймейстер и, вставая, чтобы удалиться, снова завладел рукой мистера Пиквика. – Балы в Ба-ате минуты, похищенные из рая; им придает очарование музыка, красота, элегантность, мода, этикет и... и прежде всего отсутствие торговцев, которые совершенно несовместимы с раем и которые устраивают свои собственные собрания в Гилд-холле каждые две недели – собрания, по меньшей мере, замечательные. До свиданья, до свиданья!

И, уверяя все время, пока спускался по лестнице, что он в высшей степени доволен, и в высшей степени восхищен, и в высшей степени потрясен, и в высшей степени польщен, Энджело-Сайрес Бентам, эсквайр, церемониймейстер, уселся в элегантный экипаж, который дожидался его, и укатил.

В назначенный час мистер Пиквик и его друзья, эскортируемые Даулером, отправились в Залы ассамблей и записали свои имена в книге – любезность, которая привела Энджело Бентама в еще большее восхищение. Так как всем нужно было запастись билетами на вечернее собрание и так как они еще не были готовы, мистер Пиквик решил, несмотря на все протесты Энджело Бентама, послать за ними Сэма в четыре часа дня на квартиру церемониймейстера на Квин-сквер. Совершив небольшую прогулку по городу и придя к единогласному заключению, что Парк-стрит очень напоминает те перпендикулярные улицы, которые случается видеть во сне, но по которым ни за какие блага в мире не удается пройти, они вернулись к «Белому Оленю» и послали Сэма с поручением, которое передал ему хозяин.

Сэм Уэллер надел шляпу весьма небрежно и элегантно и, засунув руки в карманы жилета, отправился не спеша к Квин-сквер, насвистывая при этом самые популярные мотивы, аранжированные совершенно по-новому для такого благородного инструмента, как шарманка или губная гармоника. Дойдя до того дома на Квин-сквер, куда его послали, он перестал свистеть и беззаботно постучался в дверь; на стук немедленно вышел лакей с напудренной головой, в превосходной ливрее и симметрического телосложения.

– Здесь живет мистер Бентам, старина? – осведомился Сэм Уэллер, нимало не смущенный тем ослепительным великолепием, какое явилось перед ним в лице напудренного лакея, облаченного в превосходную ливрею.

– Что нужно, молодой человек? – последовал высокомерный вопрос напудренного лакея.

– Если он живет здесь, то ступайте к нему с этой-вот карточкой и скажите, что мистер Уэллер ждет, понимаете? – сказал Сэм.

С этими словами он хладнокровно вошел в вестибюль и уселся.

Напудренный лакей очень громко хлопнул дверью и очень величественно нахмурился: но ни хлопанье, ни хмурый вид не произвели впечатления на Сэма, который разглядывал с критическим одобрением стойку красного дерева для зонтов.

По-видимому, отношение хозяина к визитной карточке расположило напудренного лакея в пользу Сэма, ибо, когда он передал ее и вернулся, он улыбался дружелюбно и сказал, что ответ сейчас будет готов.

– Очень хорошо, – отозвался Сэм. – Скажите старому джентльмену, чтобы он не вгонял себя в пот. Дело не к спеху, приятель, ну и верзила же вы... Я уже пообедал.

– Вы обедаете рано, сэр, – сказал напудренный лакей.

– Я нахожу, что лучше справляюсь с ужином, если обедаю рано, – ответил Сэм.

– Давно ли вы в Бате, сэр? – осведомился напудренный лакей. – Я не имел удовольствия слышать о вас раньше.

– Я пока еще не произвел здесь поразительной сенсации, – пояснил Сэм, – потому что я и другие модные джентльмены приехали только вчера вечером.

– Славное местечко, сэр, – сказал напудренный лакей.

– Похоже на то, – заметил Сэм.

– Хорошее общество, сэр, – продолжал напудренный лакей. – Лучшая прислуга, сэр.

– Я бы тоже так сказал, – отозвался Сэм. – Приветливые, простые ребята, слова из них не вытянешь.

– О, совершенно верно, вот именно, сэр! – подтвердил напудренный лакей, истолковав замечание Сэма как величайший комплимент. – Вот именно. Вы это употребляете, сэр? – осведомился рослый лакей, извлекая маленькую табакерку с лисьей головой, на крышке.

– Да, но чихаю, – ответил Сэм.

– Признаюсь, это нелегко, сэр, – согласился рослый лакей. – К этому нужно привыкать постепенно, сэр. Лучше всего практиковаться на кофе. Я долго носил с собой кофе. Он очень напоминает рапе[117], сэр.

Резкий звонок поставил напудренного лакея перед постыдной необходимостью спрятать лисью голову в карман и поспешить со смиренной физиономией в «рабочий кабинет» мистера Бентама. Кстати, знал ли кто человека, который ничего не читает и ничего не пишет, но у которого не было бы маленькой задней комнаты, именуемой «рабочим кабинетом»?

– Вот ответ, сэр, – сказал напудренный лакей. Боюсь, что он покажется вам обременительным по величине.

– Не стоит об этом говорить, – отозвался Сэм, беря письмо в самодельном конвертике. – Есть надежда, что мое истощенное тело как-нибудь выдержит.

– Надеюсь, мы еще встретимся, сэр, – сказал напудренный лакей, потирая руки и провожая Сэма до порога.

– Благодарю вас, сэр, – отозвался Сэм, – но не трудитесь, не утомляйтесь чрезмерно; вы очень любезны. Подумайте, как вы нужны обществу, и не допускайте, чтобы вам повредила непосильная работа. Ради ваших ближних берегите свое спокойствие; вы только подумайте, какая бы это была потеря!

С такими патетическими словами Сэм Уэллер удалился. – Это очень странный молодой человек, – сказал напудренный лакей, глядя в след мистеру Уэллеру; физиономия лакея явно выражала, что он не может его раскусить.

Сэм ничего не сказал. Он подмигнул, тряхнул головой, снова подмигнул и весело удалился; лицо его, казалось, свидетельствовало о том, что он весьма позабавился.

Вечером, ровно в восемь часов без двадцати минут, Энджело-Сайрес Бентам, эсквайр, церемониймейстер, вышел из своего экипажа у входа в Залы ассамблей, все в том же парике, с теми же зубами, с тем же лорнетом, с теми же часами и печатками, с теми же кольцами, с той же булавкой, с тою же тростью.

Единственным заметным изменением в его внешности было то, что он надел более яркий синий фрак на белой шелковой подкладке, черные туго натянутые панталоны, черные шелковые чулки и бальные туфли, белый жилет и, если это только возможно, чуть-чуть сильнее надушился.

В этом наряде церемониймейстер, приступая к исполнению важных обязанностей, возлагаемых на него ответственной должностью, занял место в зале, чтобы принимать гостей.

В Бате был съезд, гости и шестипенсовики за чай вливались потоком. В бальном зале, в длинном игорном зале, в восьмиугольном игорном зале, на лестницах и в коридорах гул многочисленных голосов и шарканье многочисленных ног буквально оглушали. Платья шелестели, перья развевались, огни сияли, драгоценные камни сверкали. Слышалась музыка – не оркестра, ибо кадриль еще не началась, – а музыка тихих, легких шагов, в которую врывался чистый веселый смех – мягкий и нежный женский смех, очень приятный для слуха в Бате, так же как и в других местах. Блестящие глаза, разгоревшиеся от предвкушаемого удовольствия, сияли, и куда бы вы ни взглянули, какая-нибудь очаровательная фигура грациозно скользила в толпе и не успевала скрыться, как ее уже заменяла другая, такая же изысканная и обольстительная.

В чайном зале и вокруг карточных столов толпилось основательное количество чудных старых леди и дряхлых старых джентльменов, обсуждавших все мелкие сплетни и скандалы истекшего дня с таким вкусом и смаком, которые в достаточной мере свидетельствовали о степени удовольствия, извлекаемого ими из этого занятия. К этим группам примыкали три-четыре охотящиеся за женихами мамаши, делая вид, будто всецело поглощены разговором, но не забывая время от времени поглядывать искоса и с тревогой на своих дочерей, которые, помня материнский наказ использовать свою молодость наилучшим образом, уже начали предварительный флирт, теряя шарфы, путая перчатки, опрокидывая чашки и так далее, – все это как будто мелочи, но опытные особы добиваются благодаря им поразительно успешных результатов.

У дверей и в дальних углах расположились группами глупые юноши, демонстрирующие разнообразные виды фатовства и тупости, забавляя всех разумных людей, находившихся поблизости, своим шутовством и самодовольством и пребывая в блаженной уверенности, что они – предмет всеобщего восхищения. Таково мудрое и милосердное распределение даров провидением, против которого не будет возражать ни один добрый человек.

И, наконец, на задних скамьях, где они уже заняли места на весь вечер, сидели различные незамужние леди, перешагнувшие критический возраст, которые не танцевали, ибо кавалеров для них не было, и не играли в карты из боязни прослыть безнадежными старыми, девами, а потому занимали выгодную позицию, имея возможность злословить обо всех и самим оставаться в тени. И они злословили обо всех, ибо здесь были все. Зрелище было веселое, блестящее и пышное: роскошные наряды, прекрасные зеркала, натертые до блеска полы, жирандоли и восковые свечи; и всюду, молчаливо скользя с места на место, кланяясь подобострастно одной группе, кивая фамильярно другой и улыбаясь самодовольно всем, двигалась элегантно одетая фигура Энджело-Сайреса Бентама, эсквайра, церемониймейстера.

– Зайдите в чайный зал, приготовьте шестипенсовики. Они наливают горячей воды и называют это чаем. Отведайте! – произнес мистер Даулер громким голосом, ведя мистера Пиквика, который шел во главе своей маленькой группы под руку с миссис Даулер.

Мистер Пиквик повернул в чайный зал, и, завидев его, мистер Бентам штопором ввинтился в толпу и восторженно приветствовал его:

– Дорогой мой сэр, я весьма польщен, Ба-ат осчастливлен. Миссис Даулер, вы – украшение зала. Поздравляю вас – какие перья! За-амечательно!

– Кто-нибудь есть здесь? – подозрительно осведомился Даулер.

– Кто-нибудь?! Сливки Ба-ата! Мистер Пиквик, видите вы эту леди в газовом тюрбане?

– Полную пожилую леди? – простодушно спросил мистер Пиквик.

– Тес, дорогой мой сэр! В Ба-ате нет ни полных, ни пожилых. Это вдовствующая леди Снафенаф.

– Вот как! – сказал мистер Пиквик.

– Она самая, уверяю вас, – подтвердил церемониймейстер. – Тише! Подойдите ближе, мистер Пиквик. Видите, сюда идет великолепно одетый молодой человек?

– Вот этот, с длинными волосами и удивительно маленьким лбом? – осведомился мистер Пиквик.

– Да. В настоящее время самый богатый молодой человек в Ба-ате. Молодой лорд Мютенхед.

– Что вы говорите? – откликнулся мистер Пиквик.

– Да. Через секунду вы услышите его голос, мистер Пиквик. Он заговорит со мной. Другой джентльмен, в красном жилете и с темными усами, – почтенный мистер Краштон, его закадычный друг. Как поживаете, милорд?

– Очень жарко, Бентам, – сказал его лордство.

– Действительно, очень жарко, милорд, – ответил церемониймейстер.

– Чертовски! – подтвердил почтенный мистер Краштон.

– Видели ли вы колясочку его лордства, Бентам? – осведомился почтенный мистер Краштон после недолгого молчания, пока молодой лорд Мютенхед пытался смутить своим взором мистера Пиквика, а мистер Краштон размышлял о том, на какую тему предпочтительно мог бы поговорить милорд.

– Ах, боже мой! – воскликнул церемониймейстер. Колясочка! Какая превосходная идея! За-амечательно!

– Милосегдное небо! – сказал милорд. – Я думал, что все видели новую колясочку. Это пгостейшая, кгасивейшая, элегантнейшая вещь, котогая когда-либо двигалась на колесах. Выкгашена в кгасный цвет, лошадь молочно-пегая.

– Настоящий ящик для писем, и все на месте, – сказал почтенный мистер Краштон.

– И маленькое сиденье впегеди, с железной пегекладиной для кучега, – добавил его лордство. – На днях я ездил в Бгистоль, в ягко-кгасном фгаке, а двое слуг ехали сзади на гасстоянии четвегти мили. И будь я пгоклят, если нагод не выбегал из коттеджей, останавливал меня и спгашивал, не почтальон ли я! Чудесно, чудесно!

Рассказав этот анекдот, милорд рассмеялся от души, что, конечно, сделали и слушатели. Затем, продев свою руку под руку подобострастного мистера Краштона, лорд Мютенхед удалился.

– Очаровательный молодой человек милорд, – сказал церемониймейстер.

– Да, как будто, – сухо отозвался мистер Пиквик.

Когда начались танцы, и со всеми необходимыми официальными представлениями было покончено, и все приготовления сделаны, Энджело Бентам вернулся к мистеру Пиквику и повел его в игорный зал.

В тот самый момент, когда они вошли, вдовствующая леди Снафенаф и еще две леди, на вид очень древние и преданные висту, бродили вокруг ломберного стола. Завидев мистера Пиквика под конвоем Энджело Бентама, они переглянулись и решили, что это как раз то лицо, которого недоставало для роббера.

– Дорогой мой Бентам, – ласково сказала леди Снафенаф, – найдите нам какого-нибудь приятного человека, чтобы составить партию, будьте так любезны.

В этот момент мистер Пиквик смотрел в другую сторону, и миледи кивнула головой, указывая на него и выразительно сдвигая брови.

– Мой друг, мистер Пиквик, миледи, будет очень счастлив, я уверен, весьма-а счастлив, – сказал церемониймейстер, поняв намек.

– Мистер Пиквик, леди Снафенаф, полковница Уагсби, мисс Боло.

Мистер Пиквик поклонился каждой из этих леди и, убедившись, что ускользнуть нельзя, взял колоду карт и снял. Мистер Пиквик и мисс Боло против леди Снафенаф и полковницы Уагсби.

В начале второй сдачи, лишь только был открыт козырь, две молоденькие леди вбежали в комнату и стали по обе стороны полковницы Уагсби, терпеливо выжидая окончания партии.

– Ну, Джейн, в чем дело? – спросила полковница Уагсби, обращаясь к одной из девушек.

– Я пришла спросить, мама, можно ли мне танцевать с мистером Кроули, – прошептала младшая и более миловидная.

– Боже мой, Джейн, как ты могла об этом подумать? – с негодованием отозвалась мама. – Разве ты не слышала много раз, что у его отца всего восемьсот фунтов ежегодного дохода, который прекращается с его смертью? Мне стыдно за тебя. Ни под каким видом!

– Мама! – прошептала другая, которая была гораздо старше своей сестры, очень вялая и чопорная. – Мне был представлен лорд Мютенхед. Я сказала, что, кажется, я еще не ангажирована.

– Ты умница, моя милая, – ответила полковница Уагсби, прикасаясь веером к щеке дочери, – и на тебя всегда можно положиться. Он чрезвычайно богат, моя дорогая. Да благословит тебя бог!

С этими словами полковница Уагсби ласково поцеловала старшую дочь и, бросив в виде предостережения хмурый взгляд на младшую, принялась разбирать карты.

Бедный мистер Пиквик! Он никогда не играл с тремя искусными игроками женского пола. Они были так сообразительны, что совсем запугали его. Если он ходил не с той карты, мисс Боло пронзала его взглядом, словно целым арсеналом кинжалов; если он медлил, обдумывая, с какой карты пойти, леди Снафенаф откидывалась на спинку стула и улыбалась с нетерпением и жалостью полковнице Уагсби; в ответ на это полковница Уагсби пожимала плечами и кашляла, как будто хотела намекнуть, что не уверена, пойдет ли он вообще когда-нибудь. В конце каждой игры мисс Боло осведомлялась с печальной миной и укоризненным вздохом, почему мистер Пиквик не повторял бубен или треф, или пропустил, или не прорезал червей, или не проводил онера, или не снес туза, или не ходил под короля, или еще что-нибудь; и в ответ на все эти серьезные обвинения мистер Пиквик решительно ничего не мог сказать в свое оправдание, забыв за это время все правила игры. Вдобавок публика подходила и глазела, что действовало мистеру Пиквику на нервы. Наконец, очень отвлекали разговоры, которые велись близ стола между Энджело Бентамом и двумя мисс Метинтерс, незамужними и капризными девами, которые очень ухаживали за церемониймейстером в надежда заполучить случайного кавалера. Все это вместе взятое, а также шум и непрерывная ходьба привели к тому, что мистер Пиквик играл неважно; вдобавок ему не везло; и когда в десять минут двенадцатого игра была закончена, мисс Боло поднялась из-за стола заметно взволнованная и отправилась прямо домой в слезах и в портшезе.

Соединившись со своими друзьями, которые все до единого заявили, что вряд ли они могли провести вечер с большим удовольствием, мистер Пиквик направился вместе с ними к «Белому Оленю» и, успокоив свои чувства каким-то горячим напитком, лег в постель и заснул почти мгновенно.

ГЛАВА XXXVI,

содержанием коей главным образом является правдивое изложение легенды о принце Блейдаде и в высшей степени необычайное бедствие, постигшее мистера Уинкля

Предполагая остаться в Бате по крайней мере два месяца, мистер Пиквик счел за лучшее нанять на это время частную квартиру для себя и друзей, и так как им представился случай за умеренную цену снять на Ройел-Кроссент верхний этаж дома, который был просторнее, чем им требовалось, мистер и миссис Даулер предложили занять у них спальню и гостиную.

Это предложение мистера и миссис Даулер было тотчас же принято, и через три дня все разместились в новой квартире, после чего мистер Пиквик начал пить воды с величайшим усердием. Мистер Пиквик пил их систематически. Он выпивал четверть пинты перед завтраком и затем поднимался на холм, еще четверть пинты выпивал после завтрака и спускался с холма; после каждой новой четверти пинты мистер Пиквик объявлял в самых торжественных и энергических выражениях, что чувствует себя значительно лучше, чему его друзья очень радовались, хотя до сей поры не знали, что у него не все обстоит благополучно.

Большая галерея – поместительный зал, декорированный коринфскими колоннами, эстрадой для оркестра, томпионовскими часами[118], статуей Нэша[119] и золотою надписью, на которую должны обращать внимание все пьющие воду, ибо она взывает к их милосердию. Здесь находится большой бювет с мраморной вазой, из которой служитель черпает воду, и множество желтоватых стаканов, из которых гости пьют ее. В высшей степени поучительно и приятно наблюдать ту настойчивость и серьезность, с какими они ее поглощают. Поблизости находятся ванны, в которых купается часть гостей; а после этого играет оркестр, чтобы поздравить их с окончанием купанья. Есть еще одна галерея, куда привозят больных леди и джентльменов на стульях и в креслах в таком изумительном количестве, что любой предприимчивый индивид, который входит сюда с нормальным числом пальцев на ногах, неминуемо рискует выйти без них; есть и третья галерея, где собираются люди тихие, ибо там менее шумно. Тьма народу прогуливается на костылях и без них, с палками и без палок, и всюду говор, оживление, веселье.

Каждое утро лица, регулярно пившие воду, в том числе мистер Пиквик, встречались в галерее, выпивали свою четверть пинты и совершали моцион. Во время послеполуденной прогулки лорд Мютенхед и почтенный мистер Краштон, вдовствующая леди Снафенаф, полковница Уагсби, и все великие особы, и все пьющие по утрам воду встречались в большом обществе. После этого они отправлялись на прогулку пешком, или верхом, или передвигались в батских креслах[120] и встречались снова. После этого джентльмены шли в читальные залы и встречались отдельными группами. После этого они шли домой. Если бывал вечерний спектакль, они могли встретиться в театре; если бывало вечернее собрание, они встречались в залах, а если не бывало ни того, ни другого, они встречались на следующий день. Очень приятная рутина, не лишенная, быть может, легкого привкуса однообразия.

Мистер Пиквик сидел в одиночестве после дня, проведенного таким образом, и делал заметки в дневнике, когда его друзья уже улеглись спать; вдруг он услышал тихий стук в дверь.

– Прошу прощенья, сэр, – сказала миссис Креддок, квартирная хозяйка, заглядывая в комнату. – Вам больше ничего не понадобится, сэр?

– Больше ничего, сударыня, – ответил мистер Пиквик.

– Моя служанка легла спать, сэр, – сказала миссис Креддок, – а мистер Даулер был так любезен, что обещал посидеть до прихода миссис Даулер, так как она вернется домой не очень

поздно, вот я и подумала, что, если вам больше ничего не нужно, мистер Пиквик, я могу идти спать.

– Безусловно, сударыня, – ответил мистер Пиквик.

– Желаю вам спокойной ночи, сэр, – сказала миссис Креддок.

– Спокойной ночи, сударыня, – отозвался мистер Пиквик.

Миссис Креддок закрыла дверь, и мистер Пиквик продолжал писать.

Через полчаса записи были закончены. Мистер Пиквик старательно приложил к последней странице пропускную бумагу, закрыл тетрадь, вытер перо о фалду фрака с изнанки и открыл ящик письменного стола, чтобы аккуратно спрятать чернильницу. Там, в ящике, лежало несколько листков писчей бумаги, мелко исписанных и сложенных таким образом, что заглавие, написанное разборчивым, круглым почерком, было ясно ему видно. Убедившись по заглавию, что это не частный документ, а какая-то рукопись, по-видимому относящаяся к Бату, и притом очень короткая, мистер Пиквик развернул ее, оправил ночник, чтобы он получше горел во время чтения, и, придвинув стул ближе к огню, стал читать ниже следующее:

ПРАВДИВАЯ ЛЕГЕНДА О ПРИНЦЕ БЛЕЙДАДЕ

«Не более двухсот лет назад на одной из общественных купален нашего города красовалась надпись в честь его могущественного основателя, прославленного принца Блейдада. Эта надпись ныне стерта.

За много столетий до той эпохи из века в век передавалась старая легенда о знаменитом принце, который, будучи поражен проказой по возвращении своем из Афин, где собрал богатую жатву знаний, покинул двор своего царственного отца и, погруженный в печаль, общался с землепашцами и свиньями. В стаде (так повествует легенда) была свинья с глубокомысленной и важной физиономией, к которой принц питал приятельские чувства, – ибо он тоже был мудр, – свинья степенного и сдержанного поведения, животное, стоявшее выше своих собратьев, животное, чье хрюканье было ужасно и чьи укусы болезненны. Молодой принц глубоко вздыхал, взирая на физиономию величественной свиньи; он думал о своем царственном отце, и его глаза заволакивались слезами.

Эта премудрая свинья любила купаться в жирной н жидкой грязи. Не в летнюю пору, как простые свинья купаются теперь, чтобы освежиться, и купались даже в те далекие века (свидетельство того, что свет цивилизации уже начал загораться, хотя и слабо), но в холодные зимние дни. Ее щетина всегда была такой гладкой, а кожа такой светлой, что принц решил испробовать очистительное действие воды, к которой прибегала его приятельница. Он сделал эту пробу. Под черной грязью были горячие источники Бата. Он выкупался и исцелился. Поспешив ко двору своего отца, он засвидетельствовал ему свое глубочайшее почтение и, скоро вернувшись сюда, основал этот город с его знаменитыми целебными купаньями.

Он разыскивал свинью со всем пылом прежней дружбы, но – увы! – воды были причиной ее смерти. Она приняла по неосторожности слишком горячую ванну и прирожденного философа не стало. По ее стопам следовал Плиний[121], который также пал жертвой своей жажды знаний.

Такова легенда. Теперь выслушайте правдивую историю.

Очень много веков назад жил во славе и благоденствии великий и знаменитый Лад Гудибрас, король Британии. Это был могущественный монарх. Земля тряслась, когда он ходил, – такой он был толстый. Его народ грелся в лучах его физиономии – такая она была красная и блестящая. Он был поистине королем до последнего дюйма. А у него было очень много дюймов, ибо хотя он не отличался высоким ростом, зато был замечателен своим объемом, и дюймы, которых ему не хватало в вышину, он восполнял в ширину. Если какой-

либо выродившийся монарх новейших времен может выдержать какое бы то ни было сравнение с ним, то, на мой взгляд, только высокочтимый король Коль мог бы быть этим славным властелином.

У этого доброго короля была королева, восемнадцать лет назад родившая сына, которого назвали Блейдадом. Он был отправлен в приготовительную школу во владениях своего отца, а когда ему исполнилось десять лет, послан под охраной верного слуги в высшую школу в Афины; а так как там за время каникул не взималось никакой добавочной платы и не требовалось предупреждать заранее об уходе ученика, то он пробыл там восемь долгих лет, а по истечении этого срока король, его отец, послал туда лорда камергера уплатить по счету и привезти его домой; исполнив это поручение, лорд камергер был встречен торжественными кликами и награжден пенсией.

Когда король Лад увидел принца, своего сына, и нашел, что он стал очень красивым молодым человеком, он сразу сообразил, как хорошо было бы женить его без промедления, дабы его дети могли стать орудием продления славного рода короля вплоть до последнего дня существования мира. С этой целью он отправил специальное посольство, составленное из знатных дворян, не имевших никакого определенного дела и нуждавшихся в прибыльном занятии, к соседнему королю и потребовал его прекрасную дочь в жены своему сыну, заявляя в то же время, что он желает быть в наидружественнейших отношениях со своим братом и другом, но что, если они не придут к соглашению касательно этого брака, он вынужден будет подчиниться неприятной необходимости – вторгнуться в его королевство и выколоть ему глаза. На это другой король (он был слабее соседа) ответил, что он весьма признателен своему другу и брату за всю его доброту и великодушие и что дочь его готова выйти замуж, как только принц Блейдад пожелает приехать и взять се.

Едва этот ответ дошел до Британии, как весь народ преисполнился радости. Со всех сторон слышался гул празднеств и пирушек, а также звон монет, уплачиваемых народом сборщику королевской казны на покрытие расходов, связанных со счастливой церемонией. И вот по этому-то случаю король Лад, восседавший на троне в зале совета, встал под наплывом чувств и приказал лорду верховному судье распорядиться, чтобы подали лучшие вина и привели придворных менестрелей: акт снисхождения, который, по неведению легендарных историков, был приписан королю Колю в тех знаменитых строках, где о его величестве сказано, что он *Потребовал трубку, потребовал кружку, Потребовал трех скрипачей,* – что являются явной несправедливостью по отношению к памяти короля Лада и бесчестным преувеличением добродетелей короля Коля.

Но в разгар всех этих празднеств и веселья был здесь один человек, который не пил, когда рекой лились искристые вина, и не плясал, когда играли менестрели. Это был не кто иной, как сам принц Блейдад, ради счастья которого весь народ в это самое время надрывал глотки и завязки кошельков. Дело в том, что принц, забыв о неоспоримом праве министра иностранных дел влюбляться за него, уже влюбился сам за себя, вопреки всем прецедентам в политике и дипломатии, и тайно обручился с прекрасной дочерью благородного афинянина.

Здесь мы имеем поразительный пример одного из многих преимуществ цивилизации и утонченности. Живи принц в позднейшее время, он мог бы немедленно жениться на той, кого выбрал его отец, а затем всерьез взяться за дело, чтобы освободиться от бремени, которое его тяготило. Он мог бы попытаться разбить ей сердце систематическими оскорблениями и пренебрежением; если же дух ее пола и гордое сознание многих перенесенных обид дали бы ей силу выдержать это дурное обращение, он мог бы лишить ее жизни и таким образом избавиться от нее окончательно. Но ни один из этих способов освобождения не пришел в голову принцу Блейдаду; поэтому он добился частной аудиенции и открылся своему отцу.

Такова старая прерогатива королей – управлять всем, кроме своих страстей. Король Лад пришел в страшную ярость, подбросил свою корону к потолку и снова ее поймал, – ибо в те времена короли хранили свои короны на голове, а не в Тауэре, – топнул о землю, хлопнул себя

по лбу, изумился, что его собственная плоть и кровь восстала против него, и, наконец, призвав стражу, приговорил принца к немедленному заключению в высокой башне: метод обхождения, к которому обычно прибегали короли старых времен по отношению к своим сыновьям, если матримониальные устремления последних случайно не совпадали с отцовскими.

Когда принц Блейдад провел в заключении в высокой башне больше полугода, не имея перед телесными своими очами ничего, кроме каменной стены, а перед духовными – ничего, кроме длительного заточения, он, естественно, начал обдумывать план бегства, который после многих месяцев, посвященных приготовлениям, он и осуществил, предусмотрительно оставив свой обеденный нож в сердце тюремщика, чтобы бедняга (который имел семью) не был заподозрен в пособничестве и соответствующим образом наказан взбешенным королем.

Монарх был вне себя, лишившись сына. Он не знал, на ком сорвать свою скорбь и гнев, пока не вспомнил, по счастью, о лорде камергере, который привез его сына, и не лишил камергера одновременно и пенсии и головы.

В это время молодой принц, искусно замаскированный, скитался пешком по владениям отца, находя утешение и поддержку в своих страданиях при мысли об афинской девушке, которая была невинной причиной его тяжелых испытаний. Однажды он остановился на отдых в деревне и, увидев веселые пляски, устроенные на лугу, и веселые лица, мелькавшие всюду, осмелился спросить у одного из пирующих, стоявшего подле него, о причине такого веселья.

– Разве не знаете вы, о странник, – последовал ответ, – о последнем воззвания нашего милостивейшего короля?

– О воззвании? Нет. Какое воззвание? – спросил принц, ибо он путешествовал по глухим и пустынным тропам и ничего не знал о том, что происходило на больших дорогах.

– Да неужто не знаете? – воскликнул крестьянин. Чужеземная леди, на которой хотел жениться наш принц, вышла замуж за знатного иностранца, своего соотечественника, и король объявляет об этом, а также о большом народном празднестве, ибо теперь, конечно, принц Блейдад вернется и женится на леди, избранной для него отцом, которая, говорят, так же прекрасна, как полуденное солнце. Будьте здоровы, сэр! Боже, храни короля!

Принц не стал слушать дальше. Он бежал оттуда и углубился в чащу соседнего леса. Он шел все дальше и дальше днем и ночью, под палящим солнцем и холодной, бледной луной, в сухой жаркий полдень и сырою холодною ночью, в серых лучах рассвета и в красном зареве заката. Так мало думал он о времени и цели, что, держа путь на Афины, забрел в Бат.

В те времена там, где находится Бат, не было города. Не было никаких признаков человеческого жилья, ничего, что заслуживало бы название города. Но это был все тот же благодатный край, те же бесконечные холмы и долины, тот же прекрасный пролив[122], видневшийся вдали, те же высокие горы, которые, подобно житейским невзгодам, созерцаемые на расстоянии и отчасти затемненные яркой утренней дымкой, теряют свою суровость и резкость и кажутся мягкими и приятными. Растроганный мягкой красотой этого пейзажа, принц опустился, на зеленый дерн и омыл слезами свои распухшие ноги.

– О! – воскликнул несчастный Блейдад, сжимая руки и горестно возводя очи к небу. – О, если бы мои скитания смогли окончиться здесь! О, если бы эти тихие слезы, которыми я ныне оплакиваю обманутую надежду и оскорбленную любовь, могли вечно струиться в покое!

Его желание было услышано. Это было во времена языческих богов, которые иной раз ловили людей на слове с быстротой, в некоторых случаях чрезвычайно неуместной. Земля разверзлась под ногами принца, он провалился в пропасть, и мгновенно земля сомкнулась над его головой навеки, но его горячие слезы пробивались сквозь нее и с тех пор продолжают струиться.

Замечено, что и по сей день многие пожилые леди и джентльмены; которым не посчастливилось найти спутников, – и почти столько же молодых леди и джентльменов, стремящихся найти их, посещают ежегодно Бат, чтобы пить воды, дарующие им силу и

утешение. Это делает честь добродетельным слезам принца и подтверждает правдивость легенды».

Мистер Пиквик зевнул несколько раз, когда дочитывал эту маленькую рукопись, заботливо свернул ее и снова спрятал в ящик с письменными принадлежностями, а затем, с лицом, выражающим крайнюю усталость, зажег свечу и пошел наверх в спальню.

Он остановился, по заведенному обычаю, у двери мистера Даулера и постучался, чтобы пожелать ему спокойной ночи.

– А! – сказал Даулер. – Ложитесь спать? Хотел бы и я лечь. Скверная ночь. Ветрено, не правда ли?

– Очень ветрено, – согласился мистер Пиквик. – Спокойной ночи!

– Спокойной ночи!

Мистер Пиквик ушел в свою спальню, а мистер Даулер снова занял место у камина, исполняя опрометчиво данное обещание бодрствовать, пока не вернется жена.

Мало на свете вещей более неприятных, чем ожидание кого-нибудь, в особенности если этот кто-нибудь где-то развлекается. Вы невольно думаете о том, как быстро летит для него время, которое столь томительно тянется для вас; и чем больше вы об этом думаете, тем слабее становится у вас надежда на его скорое возвращение. Громко тикают часы, когда вы бодрствуете в одиночестве, и вам кажется, будто вы окутываетесь паутиной. Сначала что-то щекочет вам правое колено, потом такое же ощущение начинается в левом. Не успели вы изменить позу, как то же самое происходит с руками. Когда вы вывернули руки и ноги самым фантастическим образом, вы неожиданно ощущаете рецидив зуда в носу, который вы трете, словно хотите его оторвать, – что несомненно вы бы и сделали, если бы только могли. Глаза тоже причиняют одни неприятности, а фитиль одной свечи вырастает в полтора дюйма, пока вы снимаете нагар с другой. Эти и другие мелкие раздражающие неудобства превращают долгое бодрствование, когда все остальные улеглись спать, в развлечение отнюдь не из приятных.

Именно таково было мнение мистера Даулера, когда он сидел у камина и справедливо негодовал на бесчеловечных участников вечеринки, которые заставляли его бодрствовать. Его расположение духа не улучшилось при мысли, что ему взбрело в голову в начале вечера пожаловаться на головную боль и в результате остаться дома. Наконец, после того как он несколько раз задремывал, падая вперед на каминную решетку и откидываясь назад как раз вовремя, чтобы не выжечь клейма на лице, мистер Даулер решил, что он приляжет на кровать в задней комнате и будет думать, но, конечно, не спать.

– Я сплю крепко, – сказал мистер Даулер, бросаясь на кровать. – Надо думать, здесь я услышу стук. Да. Несомненно. Я слышу шаги сторожа. Вот он! Сейчас слышно глуше. Он заворачивает за угол. А!

Когда мистер Даулер дошел до этого пункта, он тоже завернул за угол, на котором долго топтался, и крепко заснул.

В тот момент, когда часы пробили три, на Крессент показался портшез с миссис Даулер внутри, подгоняемый ветром и несомый одним низкорослым и толстым носильщиком и одним длинноногим и худым, которым большого труда стоило удержать в перпендикулярном положении свои тела, не говоря уже о портшезе. А здесь, на высоком месте, и притом расположенном в виде полумесяца, где ветер носился по кругу, словно собирался вырвать булыжники из мостовой, бешенство ветра было беспредельно. Они с радостью поставили портшез и раза два громко ударили в парадную дверь.

Некоторое время они подождали, но никто не выходил.

– Должно быть, слуги в объятиях Морфа, – сказал низкорослый носильщик, грея руки у факела ночного проводника, сопровождавшего их.

– Хотел бы я, чтобы он их ущипнул и разбудил, – заметил долговязый.

– Постучите, пожалуйста, еще раз! – крикнула миссис Даулер из портшеза.

– Постучите, пожалуйста, несколько раз.

Низкорослому не терпелось развязаться со всем этим делом, а потому он поднялся на ступеньку и раз пять или шесть оглушительно постучал в дверь; тем временем долговязый стоял на мостовой и смотрел, не покажется ли свет в окнах.

Никто не подошел к двери; во всем доме было тихо и темно по-прежнему.

– Боже мой! – сказала миссис Даулер. – Постучите еще раз, будьте так добры!

– А колокольчика здесь нет, сударыня? – спросил низкорослый носильщик.

– Есть, – вмешался мальчишка с факелом. – Я все время его дергаю.

– Это только ручка, – отозвалась миссис Даулер. – Проволока оборвана.

– Жаль, что не головы слуг! – проворчал долговязый.

– Я попрошу вас постучать снова, будьте так добры! – сказала миссис Даулер с величайшей вежливостью.

Низкорослый постучал еще несколько раз, не добившись никаких результатов. Затем долговязый, потеряв терпение, сменил его и начал без устали колотить двойными ударами, словно сошедший с ума почтальон.

В это время мистеру Уинклю снилось, будто он находится в клубе, и так как члены его громко пререкаются, то председатель должен все время стучать молоточком, чтобы поддерживать порядок; затем у него мелькнула туманная мысль об аукционе, на котором никто не предлагает цен, и аукционер сам все скупает; и, наконец, он начал допускать возможность, что кто-то стучится в парадную дверь. Впрочем, дабы убедиться в этом, он спокойно пролежал в постели минут десять и прислушивался; насчитав тридцать два или тридцать три удара, он остался вполне удовлетворен чуткостью своего сна и поздравил себя с такой бдительностью.

Тук, тук-тук, тук-тук, тук-ту-ту, ту-ту-ту, ту-ту-тук! – продолжал стучать молоток.

Мистер Уинкль вскочил с постели, недоумевая, что бы это могло быть, и, поспешно надев чулки и туфли, завернулся в халат, зажег свечу от ночника, горевшего в камине, и побежал вниз.

– Наконец-то кто-то идет, сударыня, – сообщил низкорослый носильщик.

– Хотел бы я идти за ним с шилом, – проворчал долговязый.

– Кто там? – крикнул мистер Уинкль, снимая дверную цепочку.

– Нечего задавать вопросы, чугунная башка! – с великим презрением отозвался долговязый, вполне уверенный в том, что говорит с лакеем. – Открой!

– Ну-ка, поживее, соня! – поощрительно добавил второй.

Мистер Уинкль спросонья машинально исполнил приказание, приоткрыл дверь и выглянул. Первое, что он увидел, был красный огонь факела. Испуганный внезапной мыслью, что в доме пожар, он широко распахнул дверь и, держа свечу над головой, стал напряженно всматриваться, не совсем уверенный в том, видит он портшез или пожарную машину. В этот момент налетел неистовый порыв ветра; свечу задуло; мистер Уинкль почувствовал, что его с непреодолимой силой вытолкнуло на ступеньки подъезда, и вслед за ним захлопнулась с оглушительным треском дверь.

– Ну-с, молодой человек, наделали вы дел! – сказал низкорослый носильщик.

Мистер Уинкль, увидав лицо леди в окне портшеза, поспешно повернулся, и изо всех сил стал стучать молотком, в отчаянии взывая к носильщику, чтобы тот унес портшез.

– Унесите его, унесите его! – кричал мистер Уинкль: – Вот кто-то выходит из соседнего дома! Посадите меня в портшез! Спрячьте меня... Сделайте со мной что-нибудь!

Он дрожал от холода, и , каждый раз, когда поднимал руку к молотку, ветер развевал полы халата самым непристойным образом.

– Теперь кто-то переходит площадь. И с ними леди! Прикройте меня чем-нибудь! Заслоните меня! – вопил мистер Уинкль.

Но носильщики слишком изнемогли от смеха, чтобы оказать ему хоть какую-нибудь помощь, а леди с каждой секундой приближались.

Мистер Уинкль в полном отчаянии еще раз застучал: леди были всего за несколько домов. Тогда он отшвырнул потухшую свечу, которую все время держал над головой, и бросился прямо в портшез, в котором находилась миссис Даулер.

Наконец, миссис Креддок услышала стук и голоса и, задержавшись только для того, чтобы прикрыть голову чем-нибудь получше ночного чепца, выбежала в гостиную, выходившую окнами на улицу, удостовериться, что вернулись свои. Подняв оконную раму в тот момент, когда мистер Уинкль рванулся к портшезу, и едва успев разглядеть, что происходит внизу, она подняла дикий и отчаянный визг, умоляя мистера Даулера проснуться немедленно, ибо его жена убегает с другим джентльменом.

Услышав это, мистер Даулер соскочил с кровати, как резиновый мяч, и, выскочив в гостиную, очутился у одного окна в тот момент, когда мистер Пиквик открыл другое; и первое, что они увидели, был мистер Уинкль, ныряющий в портшез.

– Сторож! – неистово завопил Даулер. – Остановите его, не пускайте его... держите крепко... под замок его, пока я не спущусь. Я ему горло перережу... Дайте мне нож... от уха до уха... Миссис Креддок, я вам говорю!..

И возмущенный супруг, вырвавшись из рук квартирной хозяйки и мистера Пиквика, схватил десертный нож и выбежал на улицу.

Но мистер Уинкль не ждал его. Едва услышав страшную угрозу доблестного Даулера, он выскочил из портшеза с такой же быстротой, с какой вскочил в него, и, швырнув туфли на мостовую, обратился в бегство и помчался по изгибу Крессента, бешено преследуемый Даулером и сторожем. Он не дал себя догнать: когда он вторично обегал дугу Крессента, наружная дверь была открыта; он влетел, захлопнув ее перед носом Даулера, поднялся в свою спальню, запер дверь, загородив ее умывальником, комодом и столом, и уложил кое-какие необходимые вещи, приготовившись бежать с первым лучом рассвета.

Даулер подошел к запертой двери и клятвенно повторил в замочную скважину свое непреклонное решение перерезать на следующий день горло мистеру Уинклю. И когда в гостиной умолк гул многих голосов, среди которых ясно слышался голос мистера Пиквика, пытавшегося водворить мир, жильцы разошлись по своим спальням, и в доме снова наступила тишина. Не исключена возможность, что кто-нибудь задаст вопрос, где же был все это время мистер Уэллер? О том, где он был, мы сообщим в следующей главе.

ГЛАВА XXXVII

правдиво объясняет отсутствие мистера Уэллера, описывая soiree, на которое он был приглашен и отправился; а также повествует о том, как мистер Пиквик дал ему секретное поручение, деликатное и важное

– Мистер Уэллер, вам письмо, – сказала миссис Креддок утром этого чреватого событиями дня.

– Это очень странно, – отозвался Сэм, – боюсь, не случилось ли чего-нибудь, потому что я что-то не припоминаю, чтобы какой-нибудь джентльмен из моих знакомых был в состоянии написать письмо.

– Может быть, случилось что-нибудь необыкновенное, – заметила миссис Креддок.

– Должно быть, и в самом деле что-нибудь очень необыкновенное, раз оно заставило одного из моих друзей написать письмо, – ответил Сэм, раздумчиво покачивая головой. – Не иначе как натуральная конвульсия, как заметил молодой джентльмен, когда с ним случился припадок. Оно не может быть от папаши, – продолжал Сэм, рассматривая адрес. – Он, я знаю, всегда пишет печатными буквами, потому что учился писать по объявлениям, развешанным в конторе пассажирских карет. Это очень странная штука. Откуда могло бы появиться это-вот письмо?

Рассуждая таким образом, Сэм проделал то, что делают очень многие, когда не знают автора записки, – посмотрел на печать, посмотрел на лицевую сторону, потом на оборотную, потом сбоку, потом на адрес и, наконец, вспомнил о последнем средстве, находившемся в его распоряжении, – решил, что, пожалуй, нужно заглянуть внутрь и, таким образом, извлечь какое-нибудь указание.

– Написано на бумаге с золотым обрезом, – сказал Сэм, развертывая письмо, – и запечатано бронзовым сургучом, к которому приложен конец ключа. Ну, посмотрим!

И с очень серьезной физиономией мистер Уэллер медленно прочел следующее:

«Избранное общество служителей Бата свидетельствует свое почтение мистеру Уэллеру и просит его почтить своим обществом сегодня вечером дружеское сваре, состоящее из вареной бараньей ноги с обычным гарниром. Сваре будет на столе в половине десятого точно».

Это приглашение было вложено в другую записку, гласившую:

«Мистер Джон Смаукер, джентльмен, который имел удовольствие встретиться с мистером Уэллером в доме их общего знакомого, мистера Бентама, несколько дней назад, имеет честь препроводить при сем приглашение мистеру Уэллеру. Если мистер Уэллер навестит мистера Джона Смаукера в девять часов, мистер Джон Смаукер будет иметь удовольствие представить мистера Уэллера.

(Подписано) Джон Смаукер».

Конверт был адресован: (пробел) «Уэллеру, эсквайру, у мистера Пиквика»; а в скобках в левом углу было написано: «Черный ход» – в качестве инструкции письмоносцу.

– Да-а... – произнес Сэм. – Это довольно-таки важно сказано, я еще не слыхал, чтобы вареную баранью ногу называли «сваре». Интересно, как они называют жареную.

Однако, не теряя времени на обсуждение этого пункта, Сэм немедленно предстал перед лицом мистера Пиквика и попросил разрешения отлучиться на этот вечер, каковое разрешение было тотчас же дано. С этим разрешением и ключом от парадной двери Сэм Уэллер отправился в путь немного раньше назначенного часа и пошел не спеша к Квин-сквер, где немедленно по прибытии имел удовольствие узреть на небольшом расстоянии мистера Джона Смаукера, прислонившего свою напудренную голову к фонарному столбу и курившего сигару в янтарном мундштуке.

– Как поживаете, мистер Уэллер? – спросил мистер Джон Смаукер, грациозно приподнимая шляпу одной рукой и слегка помахивая другой со снисходительным видом. – Как поживаете, сэр?

– Недурно, поправляюсь, как полагается, – отвечал Сэм. – Ну, а вы как себя чувствуете, приятель?

– Так себе, – сказал мистер Джон Смаукер.

– А, вы работали слишком много! – заметил Сэм. – Вот этого я и боялся. Так, знаете ли, не годится, вы не должны уступать своему непреклонному духу.

– Тут дело не столько в этом, мистер Уэллер, – отозвался мистер Джон Смаукер, – сколько в плохом вине; кажется, слишком кутнул.

– О, вот оно что! – сказал Сэм. – Это очень тяжелая болезнь.

– Но каков соблазн, мистер Уэллер! – заметил мистер Джон Смаукер.

– Что и говорить, – отозвался Сэм.

– Брошен, знаете ли, в самый вихрь общества, мистер Уэллер, – сказал со вздохом мистер Джон Смаукер.

– В самом деле, это ужасно! – согласился Сэм.

– Но так всегда бывает, – сказал мистер Джон Смаукер. – Если судьба толкает вас к общественной жизни и общественному положению, вы должны ждать встречи с соблазнами, которых не знают другие люди, мистер Уэллер.

– Точь-в-точь то же самое говорил мой дядя, когда пошел по общественной линии, открыв питейное заведение, – заметил Сэм, – и прав был старый джентльмен, потому что он допился до смерти меньше чем в три месяца.

Мистер Джон Смаукер казался глубоко возмущенным этой параллелью, проведенной между ним и упомянутым покойным джентльменом; но так как лицо Сэма было невозмутимо, то он настроился на другой лад и снова стал приветливым.

– Пожалуй, нам не мешает отправиться в путь, – сказал мистер Смаукер, взглянув на медный аппарат, который пребывал на дне глубокого кармана для часов и был извлечен на поверхность посредством черного шнурка с медным ключом на конце.

– Пожалуй, не мешает, – ответил Сэм, – иначе они переварят сваре и испортят ее.

– Вы пили воды, мистер Уэллер? – осведомился его спутник, когда они шли по направлению к Хай-стрит,

– Один раз, – отвечал Сэм.

– Как вы их нашли, сэр?

– Я нашел, что они на редкость противные, – отозвался Сэм.

– Ах, вот что! – сказал мистер Джон Смаукер. – Может быть, вам не понравился кальцониевый привкус?

– В этом-вот я мало понимаю, – отвечал Сэм. Я нашел, что они очень сильно пахнут горячим утюгом.

– Это и есть кальцониевый привкус, мистер Уэллер, – презрительно сказал мистер Джон Смаукер.

– Ну, если так, то это очень невразумительное слово, вот и все, – сказал Сэм. – Может быть, и так, но я сам не очень силен в химической науке, стало быть не могу судить.

И тут, к великому ужасу мистера Джона Смаукера, Сэм Уэллер начал насвистывать.

– Прошу прощенья, мистер Уэллер! – сказал мистер Джон Смаукер, доведенный до отчаяния неподобающими звуками. – Не возьмете ли меня под руку?

– Благодарю, вы очень любезны, но я не хочу лишать вас руки, – ответил Сэм. – У меня, собственно, есть привычка класть руки в карманы, если вы не возражаете.

При этом Сэм привел сказанное в исполнение и засвистал еще громче.

– Вот сюда! – сказал его новый приятель, который, по-видимому, почувствовал большое облегчение, когда они свернули в боковую улицу. – Скоро придем.

– Вот как? – отозвался Сэм, нисколько не взволнованный сообщением, что он находится неподалеку от избранных служителей Бата.

– Да, – сказал мистер Джон Смаукер. – Не робейте, мистер Уэллер.

– О нет! – сказал Сэм.

– Вы увидите очень красивые форменные одеяния, мистер Уэллер, – продолжал мистер Джон Смаукер, – и, может быть, некоторые джентльмены покажутся вам сначала несколько, знаете ли, высокомерными, но они скоро смягчатся.

– Очень любезно с их стороны, – отвечал Сэм. – И знаете ли, – продолжал мистер Джон Смаукер с покровительственным видом, – знаете ли, так как вы здесь чужой человек, пожалуй они сначала будут немного суровы с вами.

– Но они не будут слишком жестоки, не правда ли? – осведомился Сэм.

– О нет! – ответил мистер Джон Смаукер, вытаскивая лисью голову и, как подобает джентльмену, беря понюшку. – Есть среди нас веселые ребята, и они любят, знаете ли, пошутить. Но вы не должны обижаться на них, вы не должны обижаться на них.

– Я постараюсь и как-нибудь перенесу такие сокрушительные таланты, – отозвался Сэм.

– Вот и отлично! – сказал мистер Джон Смаукер, пряча лисью голову и задирая собственную. – Я вас поддержу.

В это время они подошли к маленькой зеленной лавке, куда вступил сначала мистер Джон Смаукер, а затем Сэм, который, очутившись за его спиной, начал строить ряд забавных неподражаемых гримас и проявлять другие симптомы, свидетельствовавшие о том, что он находится в завидном расположении духа.

Перешагнув порог зеленной лавки и оставив свои шляпы на лестнице в маленьком заднем коридоре, они вошли в небольшую комнату. Здесь взорам мистера Уэллера открылась великолепная картина.

Посредине комнаты были сдвинуты два стола, накрытые тремя-четырьмя скатертями разных возрастов и в разное время побывавших в стирке, разостланными так, чтобы они сошли за одну, насколько это было возможно при данных обстоятельствах. На них лежали ножи и вилки на семь-восемь персон. У одних ножей ручки были зеленые, у Других – красные, у третьих – желтые, а так как все вилки были черные, то комбинация красок производила потрясающее впечатление. Тарелки для соответствующего количества гостей согревались за каминной решеткой, а перед нею согревались сами гости, из коих главным и самым важным был, по-видимому, довольно полный джентльмен в ярко-малиновом фраке с длинными фалдами, в ослепительно красных коротких штанах и в треуголке, который стоял спиной к камину и, вероятно, только что вошел, ибо не только не сиял шляпы, но и держал в руке длинную палицу, какую джентльмены его профессии обычно поднимают наклонно над крышами экипажей.

– Смаукер, дружище, вашу лапу! – сказал джентльмен в треуголке.

Мистер Смаукер вложил кончик мизинца правой руки в руку джентльмена в треуголке и выразил свое удовольствие по поводу того, что у него такой прекрасный вид.

– Да, говорят, что вид у меня цветущий, – сказал джентльмен в треуголке, – и это удивительно. Последние две недели я хожу за нашей старухой по два часа в день, а если постоянного созерцания застежки на спине ее проклятого старого платья цвета лаванды мало для того, чтобы на всю жизнь впасть в уныние, пусть мне не платят жалованья три месяца.

В ответ избранное общество расхохоталось от всей души, а один джентльмен в желтом жилете с кучерской обшивкой шепнул соседу в зеленоватых штанах, что Такль сегодня в духе.

– Кстати, – сказал мистер Такль, – Смаукер, друг мой, вы... – Конец фразы был сообщен мистеру Джону Смаукеру на ухо шепотом.

– Ах, боже мой, я совсем забыл! – сказал мистер Джон Смаукер. – Джентльмены, мой друг, мистер Уэллер.

– Простите, что заслонил от вас огонь, Уэллер, – сказал мистер Такль с фамильярным кивком. – Надеюсь, вам не холодно, Уэллер?

– Ничуть, – отвечал Сэм. – Нужно быть очень зябким, чтоб чувствовать холод, когда стоишь перед таким адским пламенем. Вы сберегли бы немало угля, если бы вас посадили за каминную решетку в приемной какого-нибудь общественного учреждения.

Так как этот выпад, по-видимому, таил в себе намек на малиновую ливрею мистера Такля, то сей джентльмен на несколько секунд принял величественный вид, но потом, отодвинувшись от камина, принужденно улыбнулся и заметил, что это было сказано неплохо.

– Очень признателен за ваше доброе мнение, сэр, – отозвался Сэм. – Будем подвигаться не спеша. Дойдем постепенно и до лучшего.

На этом месте разговор был прерван прибытием джентльмена в оранжевом плисе, в сопровождении другого субъекта, в пурпурном костюме и чрезвычайно длинных чулках. Когда вновь прибывшие выслушали приветствия остальных, мистер Такль внес предложение потребовать немедленно ужин, что и было принято единогласно.

Тогда зеленщик и его жена поставили на стол вареную баранью ногу, соус из каперсов, брюкву и картофель. Мистер Такль занял председательское место, а против него за другим концом расположился джентльмен в оранжевом плисе. Зеленщик надел пару замшевых перчаток и поместился за стулом мистера Такля.

– Харрис! – произнес мистер Такль повелительным тоном.

– Сэр? – сказал зеленщик.

– Вы надели перчатки?

– Да, сэр.

– В таком случае снимите крышку.

– Слушаю, сэр.

Зеленщик со смиренным видом исполнил приказание и подобострастно вручил мистеру Таклю нож для разрезывания мяса; при этом он случайно зевнул.

– Что это значит, сэр? – сурово спросил мистер Такль.

– Прошу прощенья, сэр! – ответил смутившийся зеленщик. – Я нечаянно, сэр. Вчера я поздно лег спать, сэр.

– Я вам скажу, каково мое мнение о вас, Харрис, – произнес мистер Такль, принимая внушительный вид. Вы – грубая скотина.

– Надеюсь, джентльмены, – сказал Харрис, – что вы не будете строги ко мне, джентльмены. Я очень признателен вам, джентльмены, за ваше покровительство, а также за ваши рекомендации, джентльмены, если где-нибудь требуется лишний человек прислуживать за столом. Надеюсь, джентльмены, вы довольны мною?

– Нет, не довольны, сэр, – сказал мистер Такль, – отнюдь не довольны, сэр.

– Мы считаем вас нерадивым бездельником, – сказал джентльмен в оранжевом плисе.

– И гнусным плутом! – добавил джентльмен в коротких зеленых штанах.

– И неисправимым лентяем! – присовокупил джентльмен в пурпуре.

Бедный зеленщик кланялся самым униженным образом, пока на него сыпались эти эпитеты, порожденные духом самого низкого деспотизма, а когда каждый сказал что-нибудь, долженствовавшее свидетельствовать о собственном его превосходстве, мистер Такль начал резать баранью ногу и угощать гостей.

Едва было приступлено к этому важному делу, как дверь настежь распахнулась и появился еще один джентльмен, в голубом костюме с оловянными пуговицами.

– Против правил! – заявил мистер Такль. – Слишком поздно. Слишком поздно.

– Право же, я ничего не мог поделать, – сказал джентльмен в голубом. – Я взываю к собранию. Долг вежливости, свидание в театре.

– О, конечно, если так! – сказал джентльмен в оранжевом плисе.

– Право же, клянусь честью! – продолжал человек в голубом. – Я обещал зайти за нашей младшей дочерью в половине одиннадцатого, а она такая на редкость милая девушка, что у меня, право же, духу не хватало ее огорчать. Не хочу обижать присутствующую компанию, сэр, но женский пол, сэр, женский пол, сэр, неотразим!

– Я начинаю подозревать, что тут что-то есть, – сказал Такль, когда вновь прибывший занял место рядом с Сэмом. – Я заметил раз или два, что она сильно опирается на ваше плечо, когда садится в экипаж или выходит из него.

– О, право же, право же, Такль, вы не должны так говорить! – воскликнул человек в голубом. – Это нехорошо. Быть может, я сказал одному-двум приятелям, что она очень божественное создание и ответила отказом на одно-два предложения без всякой видимой причины, но... нет, нет, нет, Такль... да еще при посторонних... это не годится, вы не должны. Деликатность, мой милый друг, деликатность!

И человек в голубом, подтянув выше галстук и поправив обшлага куртки, кивнул и нахмурился, словно тут крылось что-то, о чем бы он мог поговорить, если бы захотел, но чувство чести обязывает его молчать.

Человек в голубом, белокурый, развязный лакей, своим чванным видом, негнущейся шеей и дерзкой физиономией сразу привлек особое внимание мистера Уэллера, и когда он начал свой рассуждения, Сэм решил поддерживать с ним знакомство; поэтому он вступил в разговор немедленно, с присущей ему независимостью.

– За ваше здоровье, сэр! – сказал Сэм. – Ваш разговор мне очень нравится. Я его нахожу очень приятным.

Человек в голубом улыбнулся, как будто выслушивать комплименты было для него делом привычным, но в то же время одобрительно посмотрел на Сэма и выразил надежду, что они познакомятся ближе, ибо, без всякой лести, у Сэма, по-видимому, задатки очень славного парня... как раз ему по душе.

– Вы очень добры, сэр, – сказал Сэм. – Ну и счастливчик же вы!

– Что вы хотите этим сказать? – осведомился джентльмен в голубом.

– Эта-вот молодая леди! – отозвался Сэм. – Уж она-то понимает толк. Ого, я все вижу!

Мистер Уэллер закрыл один глаз и помотал головой с видом, который в высшей степени удовлетворил тщеславие джентльмена в голубом.

– Боюсь, что вы хитрый малый, мистер Уэллер, – сказал этот субъект.

– Ничуть не бывало, – возразил Сэм. – Всю эту хитрость предоставляю вам. Это касается гораздо больше вас, чем меня, как сказал находившийся за оградой в саду джентльмен человеку, на которого несся по улице бешеный бык.

– Ну что вы, мистер Уэллер! – сказал джентльмен в голубом. – Впрочем, полагаю, что она заметила мою наружность и манеры, мистер Уэллер.

– По-моему, никак нельзя не заметить, – отозвался Сэм.

– У вас есть какая-нибудь интрижка в таком же роде, сэр? – осведомился осчастливленный джентльмен в голубом, доставая зубочистку из жилетного кармана.

– Не совсем, – ответил Сэм. – Там, где я служу, никаких дочерей нет, иначе я бы уж, конечно, поухаживал за одной из них. Ну, а так, пожалуй, нет смысла иметь дело с женщиной ниже маркизы. Впрочем, я еще мог бы поладить с молодой особой, очень богатой, но не титулованной, если бы она была от меня без ума. Не иначе.

– Ну, конечно, мистер Уэллер, – сказал джентльмен в голубом, – иначе, знаете ли, и хлопотать незачем. Мы знаем, мистер Уэллер, – мы, светские люди, – что красивая форменная

одежда должна рано или поздно подействовать на женщину. В сущности, говоря между нами, только ради этого и стоит поступать на службу.

– Вот именно, – сказал Сэм. – Разумеется.

Когда этот конфиденциальный диалог закончился, были поданы стаканы, и, прежде чем ближайший трактир закрылся, каждый из джентльменов заказал себе любимый напиток. Джентльмен в голубом и человек в оранжевом, которые были первыми щеголями в этой компании, заказали холодный сладкий грог, а любимым напитком остальных был, по-видимому, подслащенный джин с водой. Сэм назвал зеленщика «отъявленным негодяем» и заказал большую чашу пунша; и то и другое, казалось, весьма повысило его во мнении избранного общества.

– Джентльмены, – сказал джентльмен в голубом с видом заправского денди, – я предлагаю тост за леди!

– Правильно, правильно! – крикнул Сэм. – За здоровье молодых хозяек!

Тут раздался громкий крик: «К порядку!» – и мистер Джон Смаукер, как джентльмен, который ввел мистера Уэллера в общество, попросил его принять к сведению, что слово, только что им произнесенное, не парламентарно.

– Какое слово, сэр? – осведомился Сэм.

– Хозяйка, сэр! – ответил мистер Джон Смаукер, грозно нахмурившись. Здесь мы не признаем таких различий.

– Очень хорошо, – сказал Сэм. – Тогда я сделаю поправку и назову их милыми созданиями, если Адское пламя мне разрешит.

В уме джентльмена в коротких зеленых штанах, по-видимому, возникло некоторое сомнение по поводу того, допустимо ли называть председателя «адским пламенем», но так как общество, казалось, было более расположено отстаивать свои права, чем его, то этот вопрос не обсуждался. Человек в треуголке засопел и пристально посмотрел на Сэма, но, по-видимому, решил промолчать, опасаясь попасть впросак.

После краткого молчания джентльмен в вышитой ливрее, доходившей ему до пят, и в таком же жилете, согревавшем верхнюю половину ног, размешал с большой энергией свой джин с водой и вдруг, сделав усилие, встал и заявил, что желает обратиться с несколькими словами к собранию, после чего треуголка выразила уверенность, что общество будет счастливо услышать любые слова, с какими длинная ливрея пожелает обратиться.

– Я чувствительно волнуюсь, джентльмены, выдвигаясь вперед, – сказал человек в длинной ливрее, – потому что на мое несчастье я кучер и допущен сюда только как почетный член этих приятных сваре, но я вынужден – прямо до зарезу, если можно так сказать, – объявить о прискорбном обстоятельстве, которое дошло до моего сведения, которое случилось, так сказать, на моих глазах. Джентльмены, наш друг, мистер Уифферс (все посмотрели на субъекта в оранжевом), наш друг мистер Уифферс подал в отставку.

Изумление овладело слушателями. Каждый джентльмен заглянул в лицо соседу, а затем перевел взгляд на вставшего кучера.

– Не чудо, что вы удивлены, джентльмены, – сказал кучер. – Я не берусь излагать причины этой невознаградимой потери для службы, но прошу, чтоб мистер Уифферс изложил их сам для назидания и подражания своим восхищенным друзьям, здесь присутствующим.

Так как это предложение было встречено шумным одобрением, то мистер Уифферс дал объяснение. Он сказал, что, конечно, у него могло быть желание сохранить за собой то место, от которого он отказался. Форменное платье было чрезвычайно пышное и дорогое, женская половина дома очень приятная, а служба – он вынужден это признать – не слишком тяжелая; основная обязанность, какую на него возлагали, заключалась в том, чтобы он только и делал, что глазел из окна вестибюля в компании с другим джентльменом, который также подал в

отставку. Он желал бы избавить общество от тех прискорбных и отвратительных деталей, о коих он собирается упомянуть, но раз от него потребовали объяснения, ему ничего иного не остается, как заявить смело и открыто, что его хотели заставить есть холодное мясо.

Немыслимо представить себе то негодование, какое было вызвано в сердцах слушателей этим признанием. Громкие возгласы: «Позор!», сливаясь с ревом и свистками, не прекращались в течение четверти часа.

Мистер Уифферс выразил опасение, что эту обиду можно до известной степени объяснить его собственной снисходительностью и покладистым нравом. Он отчетливо припоминает, что однажды согласился есть соленое масло, и, мало того, по случаю внезапной болезни, посетившей члена семьи, он настолько забылся, что отнес ведро углей на третий этаж. Он надеется, что не уронил себя во мнении друзей этим откровенным признанием своих ошибок, и выражает надежду, что стремительность, с какою он ответил на это последнее бесчеловечное оскорбление, нанесенное его чувствам, восстановит его в их мнении, если он себя уронил.

На речь мистера Уифферса ответили восторженными возгласами и за здоровье мученика, вызвавшего всеобщее участие, выпили с величайшим энтузиазмом. Со своей стороны, мученик выразил благодарность и предложил выпить за здоровье их гостя, мистера Уэллера, джентльмена, с которым он не имел удовольствия быть близко знакомым, но который был другом мистера Джона Смаукера, что является достаточной рекомендацией для любого джентльменского общества, какого бы то ни было и где бы то ни было. По этому случаю он был бы склонен выпить за здоровье мистера Уэллера по всем правилам, если бы его друзья пили вино; но так как они пьют для разнообразия грог и так как, пожалуй, неудобно осушать стакан при каждом тосте, то он предлагает считать, что все правила соблюдены.

В конце этого спича все выпили по глотку за здоровье Сэма, а Сэм, черпая из чаши и осушив два стакана пунша за свое собственное здоровье, выразил благодарность в изящном спиче.

– Очень признателен вам, друзья, – сказал Сэм, с самым независимым видом поглощая пунш, – за этот-вот комплимент, который, исходя из такого общества, прямо ошеломляет. Я слышал много обо всех вас вместе взятых, но, признаюсь, я никогда не думал, что вы такие на редкость славные люди. Я надеюсь только, что вы будете о себе заботиться и никак не уроните собственного достоинства, которое так приятно видеть, когда выйдешь на прогулку, и для меня было всегда большой радостью его видеть еще в те времена, когда я был мальчиком вдвое ниже палицы с медным набалдашником моего весьма почтенного друга, Адского пламени. Что касается жертвы угнетения в костюме цвета серы, то о нем я могу сказать одно: надеюсь, он найдет как раз такое хорошее место, какого заслуживает, и впредь ему редко придется беспокоиться из-за холодной сваре.

Тут Сэм сел с приятной улыбкой, и когда шумные одобрения, которыми была встречена его речь, затихли, гости начали расходиться.

– Как, неужели вы всерьез хотите уйти, старина? – спросил Сэм Уэллер своего друга, мистера Джона Смаукера.

– Да, я должен уйти, – сказал мистер Смаукер. Я обещал Бентаму.

– Очень хорошо, – заметил Сэм, – это другое дело. А то как бы он не попросил расчета, если вы его обманете. Но вы-то не уходите, Адское пламя?

– Ухожу, – ответил человек в треуголке.

– Как! И оставляете чашу с пуншем на три четверти недопитой! – воскликнул Сэм. – Вздор! Садитесь!

Мистер Такль был не в состоянии отказаться от такого приглашения. Он отложил в сторону треуголку и палицу, которую только что взял, и заявил, что выпьет стаканчик – за доброе товарищество.

Так как джентльмену в голубом было по пути с мистером Таклем, то его тоже уговорили остаться.

Когда пунш был наполовину выпит, Сэм потребовал устриц из зеленной лавки: эффект, произведенный пуншем и поведением Сэма, оказался столь зажигательным, что мистер Такль в треуголке и с палицей исполнил матросский танец среди устричных раковин на столе, а джентльмен в голубом аккомпанировал на хитроумном музыкальном инструменте, сделанном из гребенки и папильотки. Наконец, когда пунш пришел к концу и ночь приблизилась к нему же, они отправились провожать друг друга. Мистер Такль, едва выйдя на свежий воздух, внезапно почувствовал желание улечься на мостовой. Сэм, находя, что было бы безжалостно противодействовать, предоставил ему осуществить свое желание. Так как шляпа могла пострадать, если бы оставалась при нем, Сэм заботливо нахлобучил ее на голову джентльмену в голубом и, вложив ему в руку большую палицу, прислонил его к его же собственной парадной двери, позвонил в колокольчик и спокойно отправился домой.

На следующее утро, встав значительно раньше, чем имел обыкновение вставать, мистер Пиквик спустился по лестнице совсем одетый и позвонил.

– Сэм, – сказал мистер Пиквик, когда мистер Уэллер явился на зов, – закройте дверь.

Мистер Уэллер повиновался.

– Прошлой ночью, Сэм, здесь произошел неприятный инцидент, – сказал мистер Пиквик, – инцидент, который дал мистеру Уинклю основания опасаться нанесения оскорблений со стороны мистера Даулера.

– Да, я слышал об этом внизу, от старой леди, сэр, – ответил Сэм.

– И я, к сожалению, должен добавить, Сэм, – продолжал мистер Пиквик с весьма озадаченной физиономией, – что, опасаясь этого насилия, мистер Уинкль уехал.

– Уехал! – воскликнул Сэм.

– Покинул дом рано утром, не переговорив предварительно со мной, – ответил мистер Пиквик. – И уехал – не знаю куда.

– Он должен был остаться и решить дело дракой, сэр, – презрительно отозвался Сэм. – Не так уж трудно было бы справиться с этим-вот Даулером, сэр.

– Да, Сэм, – сказал мистер Пиквик, – и у меня самого есть основания сомневаться в его великой храбрости и решимости. Но как бы то ни было, а мистер Уинкль уехал. Его нужно найти, Сэм. Найти и доставить сюда, ко мне.

– А если он не захочет вернуться, сэр? – спросил Сэм.

– Нужно его заставить, Сэм, – сказал мистер Пиквик.

– А кто это сделает, сэр? – с улыбкой осведомился Сэм.

– Вы, – ответил мистер Пиквик.

– Очень хорошо, сэр.

С такими словами мистер Уэллер вышел из комнаты, и немедленно вслед за этим услышали, как захлопнулась парадная дверь.

Через два часа он вернулся с таким хладнокровным видом, словно его посылали с самым обыкновенным поручением, и принес весть, что субъект, во всех отношениях отвечающий описанию мистера Уинкля, уехал сегодня утром в Бристоль из отеля «Ройел» с каретой прямого сообщения.

– Сэм, – сказал мистер Пиквик, пожимая ему руку, – вы – превосходный человек, незаменимый человек. Вы должны ехать за ним, Сэм.

– Слушаю сэр, – отвечал мистер Уэллер.

– Как только вы его отыщете, немедленно напишите мне, Сэм, – сказал мистер Пиквик. – Если он попытается от вас удрать, поколотите его или заприте. Я вам даю широкие полномочия, Сэм.

– Будьте покойны, сэр, – отозвался Сэм.

– Вы ему скажете, – продолжал мистер Пиквик, – что я очень взволнован, очень недоволен и, конечно, возмущен чрезвычайно странной линией поведения, которую он счел уместным избрать.

– Скажу, сэр, – отвечал Сэм.

– Вы ему скажете, – продолжал мистер Пиквик, – что, если он не вернется сюда, в этот самый дом, вместе с вами, он вернется со мной, ибо я приеду и увезу его.

– Об этом-вот я передам ему, сэр, – ответил Сэм.

– Как вы думаете, удастся вам найти его, Сэм? – спросил мистер Пиквик с озабоченным видом, заглядывая ему в лицо.

– О, я его найду, где бы он ни был! – ответил Сэм с большой уверенностью.

– Отлично, – сказал мистер Пиквик. – В таком случае, чем скорее вы отправитесь, тем лучше.

Вместе с этими инструкциями мистер Пиквик вручил своему верному слуге некоторую сумму денег и приказал немедленно отправляться в Бристоль, в погоню за беглецом.

Сэм уложил в дорожный мешок кое-какие необходимые вещи и собрался в путь. Дойдя до конца коридора, он остановился и, потихоньку вернувшись, просунул голову в дверь гостиной.

– Сэр! – прошептал Сэм.

– Что, Сэм? – спросил мистер Пиквик.

– Хорошо ли я понял указания, сэр? – осведомился Сэм.

– Надеюсь, – сказал мистер Пиквик.

– Насчет того, чтобы поколотить, это надо понимать регулярно, сэр? – спросил Сэм.

– Вполне, – отвечал мистер Пиквик. – Безусловно. Поступайте, как найдете нужным. Вы действуете по моему распоряжению.

Сэм кивнул в знак понимания, запер дверь и с легким сердцем отправился в путь.

ГЛАВА XXXVIII.

О том, как мистер Уинкль, сойдя со сковороды, тихо и мирно вошел в огонь

Незадачливый джентльмен, который был злополучным виновником необычного шума и суматохи, всполошивших население на Ройел-Кроссент при обстоятельствах, описанных выше, провел ночь в великом смятении и тревоге, после чего покинул кров, под коим еще почивали его друзья, и сам не зная, куда направиться. Превосходные и деликатные чувства, которые побудили мистера Уинкля сделать этот шаг, были таковы, что их трудно переоценить и не воздать им должного.

«Если этот Даулер, – рассуждал мистер Уинкль сам с собой, – вздумает (а я не сомневаюсь в этом) привести в исполнение свои угрозы и нанесет мне оскорбление действием, на мне будет лежать обязанность вызвать его на дуэль. У него есть жена, эта жена привязана к нему и от него зависит. О небо! Если я убью его, ослепленный гневом, каково будет после этого у меня на душе!»

Эти мучительные мысли подействовали столь сильно на гуманного молодого человека, что колени его заколотились друг о дружку, а на физиономии отразилось ужасное внутреннее волнение. Побуждаемый такими соображениями, он схватил свой дорожный мешок и, спустившись на цыпочках по лестнице, как можно тише запер за собой ненавистную парадную дверь и удалился. Направив свои шаги к отелю «Ройел», он застал карету в момент ее отправки

в Бристоль, и, думая, что Бристоль отвечает его целям не хуже всякого другого места, куда бы он мог поехать, он влез на козлы и прибыл к месту своего назначения с той быстротой, какой можно было ждать от пары лошадей, совершавших путешествие туда и обратно два раза в день, если не чаще.

Он остановился в гостинице «Кустарник» и, решив отложить всякие сношения в письменной форме с мистером Пиквиком до того момента, когда можно будет предположить, что гнев мистера Даулера до известной степени испарился, вышел обозреть город и нашел его чуть грязнее, чем все другие, когда-либо им виденные города. Освидетельствовав док и суда и обозрев собор, он осведомился, как пройти в Клифтон[123], и, получив ответ, пошел в указанном направлении. Но тротуары Бристоля отнюдь не являются самыми широкими или самыми чистыми на земном шаре, а его улицы, пожалуй, не самые прямые или наименее запутанные; посему мистер Уинкль, сбитый с толку их многочисленными изгибами и поворотами, стал озираться, отыскивая какую-нибудь приличную лавочку, куда бы он мог снова обратиться за советом и указанием.

Его взгляд упал на заново выкрашенное помещение, недавно превращенное в нечто среднее между магазином и жилым домом; красный фонарь, выступавший над полукруглым окном парадной двери, достаточно ясно оповещал о том, что здесь находится резиденция практикующего врача, даже если бы слова «Врачебный кабинет» не были начертаны золотыми литерами на панельной обшивке над окном комнаты, которая в прежнее время служила парадной комнатой. Считая, что это подходящее место для наведения справок, мистер Уинкль вошел в маленькую лавочку, которая была заставлена ящиками с золочеными ярлычками и пузырьками, и, не обнаружив там никого, постучал полукроною о прилавок, чтобы привлечь внимание того, кто, быть может, находился в задней комнате, которую он признал сокровенным и особым святилищем, ибо те же слова: «Врачебный кабинет» – повторялись на двери, начертанные на этот раз, во избежание однообразия, белыми буквами.

При первом же стуке монеты шум, вызванный, казалось, фехтованием каминными щипцами и до этой минуты весьма громкий, вдруг прекратился; при втором стуке молодой джентльмен, на вид трудолюбивый, в зеленых очках и с очень большой книгой в руках, тихо проскользнул в лавку и, зайдя за прилавок, осведомился, что угодно посетителю.

– Простите, что обеспокоил вас, сэр, – сказал мистер Уинкль, – но не будете ли вы так любезны указать...

– Ха-ха-ха! – заревел трудолюбивый молодой джентльмен, подбрасывая огромную книгу и с величайшей ловкостью подхватывая ее в тот самый момент, когда она грозила расколоть на атомы все пузырьки на прилавке. – Вот так сюрприз!

Это был, несомненно, сюрприз, ибо мистер Уинкль столь изумился необычайному поведению джентльмена медика, что невольно отступил к двери, видимо смущенный таким странным приемом.

– Как, вы меня не узнаете? – сказал джентльмен медик.

Мистер Уинкль пробормотал в ответ, что не имел чести.

– Ну, если так, – сказал джентльмен медик, – то у меня еще есть надежда, что, если мне повезет, я могу обслужить половину бристольских старух. К черту этого заплесневелого, старого негодяя, к черту!

С таким заклятием, обращенным к огромной книге, джентльмен медик с замечательной ловкостью отшвырнул ее ногой в дальний конец лавки и, сняв зеленые очки, обнаружил подлинную ухмыляющуюся физиономию Роберта Сойера, эсквайра, бывшего студента Гайевского госпиталя в Боро, проживавшего на Лент-стрит.

– Не вздумайте отрицать, что зашли навестить меня! – воскликнул мистер Боб Сойер, с дружеской горячностью пожимая руку мистеру Уинклю.

– Право же, нет, – заявил мистер Уинкль, отвечая на рукопожатие.

– Странно, что вы не видели фамилии, – сказал Боб Сойер, привлекая внимание своего друга к наружной двери, на которой тою же белой краской были начертаны слова: «Сойер, преемник Нокморфа».

– Я ее не заметил, – признался мистер Уинкль.

– Господи, если бы я знал, что это вы, я бы бросился навстречу и заключил вас в свои объятия! – сказал Боб Сойер. – Но, клянусь честью, я думал, что вы – Королевские налоги.

– Да неужели? – сказал мистер Уинкль.

– Уверяю вас, – подтвердил Боб Сойер. – И я только что собирался сказать, что меня нет дома, но если вам угодно передать какое-нибудь поручение мне, я обязательно передам его! Дело в том, что он меня не знает; и Освещение и Мостовые тоже не знают. Подозреваю, Церковный налог догадывается, кто я такой, и знаю, что Водопроводу это известно, – я ему вырвал зуб, как только приехал сюда. Но входите же, входите!

Болтая таким образом, мистер Боб Сойер втолкнул мистера Уинкля в заднюю комнату, где, забавляясь просверливанием раскаленной докрасна кочергой маленьких круглых ямок в каминном кожухе, сидел не кто иной, как мистер Бенджемин Эллен.

– А! – воскликнул мистер Уинкль. – Вот неожиданный сюрприз. Какое у вас здесь славное помещение!

– Недурно, недурно, – отозвался Боб Сойер. – Я «выдержал» вскоре после того замечательного вечера, и мои друзья собрали сколько нужно на открытие этого дела. Я надел черную пару, очки и явился сюда в этом торжественном виде.

– И у вас, несомненно, очень прибыльное дело? – проницательно заметил мистер Уинкль.

– Очень, – отвечал Боб Сойер. – Такое прибыльное, что через несколько лет вы можете положить все доходы в рюмку и прикрыть их листом крыжовника.

– Вы шутите, – сказал мистер Уинкль. – Одни лекарства...

– Подделка, дорогой друг, – отозвался Боб Сойер, – в одних ящиках ничего нет, другие не открываются.

– Вздор! – воскликнул мистер Уинкль.

– Факт! Честное слово! – возразил Боб Сойер, выйдя в лавку и в подтверждение своих слов энергически дергая за маленькие позолоченные шишечки поддельных ящиков. – Вряд ли есть что-нибудь настоящее в этой лавке, кроме пиявок, да и те подержанные.

– Никогда бы я этого не подумал! – воскликнул мистер Уинкль, весьма изумленный.

– Надеюсь, – отозвался Боб Сойер, – иначе какая была бы польза от видимости, а? Но не хотите ли подкрепиться? Последуете нашему примеру? Правильно, Бен, дружище, засуньте руку в буфет и достаньте патентованное пищеварительное.

Мистер Бенджемин Эллен улыбнулся в знак готовности и извлек из буфета, находившегося по соседству, бутылку, до половины наполненную бренди.

– Вода нам не нужна, конечно? – спросил Боб Сойер.

– Да как сказать, – отозвался мистер Уинкль. – Час, собственно говоря, ранний. Я бы предпочел разбавить, если вы не возражаете.

– Нимало, если ваша совесть; может примириться с этим, – ответил Боб Сойер, со смаком осушая одним глотком рюмку бренди. – Бен, миску!

Мистер Бенджемин Эллен извлек из того же потайного местечка маленькую медную миску, причем Боб Сойер заметил, что особенно гордится ею, ибо у нее весьма деловой вид. Когда вода в профессиональной миске своевременно закипела благодаря нескольким лопаткам угля, который мистер Боб Сойер достал из ящика под окном с табличкой: «Содовая вода», мистер Уинкль осквернил свой бренди. Разговор принял оживленный характер, как вдруг был прерван

прибытием в лавку мальчика в скромной серой ливрее и в шляпе, обшитой золотым галуном, с маленькой закрытой корзинкой в руке. Этого мальчика мистер Боб Сойер немедленно приветствовал:

– Том, бездельник, иди сюда!

Мальчик явился на зов.

– Сознайся, прыгал через каждую тумбу в Бристоле, молодой лодырь? – спросил мистер Боб Сойер.

– Нет, сэр, не прыгал, – ответил мальчик.

– И не советую, – заявил мистер Боб Сойер с угрожающим видом. – Как ты полагаешь, кто прибегнет к помощи врача, чей мальчишка только и делает, что играет в шарики на тротуаре или в чехарду на мостовой? Или ты не питаешь никакого уважения к своей профессии, бездельник? Ты доставил все лекарства?

– Да, сэр.

– Порошки для ребенка в большой дом, куда въехали новые жильцы, а пилюли для приема четыре раза в день сварливому старому джентльмену с подагрической ногой?

– Да, сэр.

– В таком случае закрой дверь и присматривай за аптекой.

– Послушайте, – сказал мистер Уинкль, когда мальчик удалился, – дела совсем не так плохи, как вы меня уверяли. Кое-какие лекарства вы все-таки рассылаете.

Мистер Боб Сойер выглянул в аптеку, дабы убедиться, что поблизости нет посторонних людей, и, наклонившись к мистеру Уинклю, сообщил тихим голосом:

– Он доставляет их не в тот дом.

У мистера Уинкля был недоумевающий вид, а Боб Сойер и его друг расхохотались.

– Как же вы не понимаете, – сказал Боб. – Он подходит к какому-нибудь дому, звонит у парадной двери, сует без всяких объяснений сверток с лекарствами в руку слуге и уходит. Слуга несет его в столовую, хозяин развертывает пакет и читает наклейку: «Микстуру принимать перед сном; пилюли – как и раньше; полоскание – употребление известно; порошок. От Сойера, преемника Нокморфа. Аккуратно приготовлено по рецепту врача» и так далее. Он показывает жене, она читает наклейку; сверток передают слугам, они читают наклейку.

На следующий день является мальчик: «Прошу прощенья, ошибся, столько дела, столько пакетов для доставки, привет от мистера Сойера, преемника Нокморфа». Фамилия запоминается, а в этом-то все дело, друг мой, в медицинской практике. Это лучше любой рекламы, старина! У нас есть одна бутылка в четыре унции, которая побывала в доброй половине домов Бристоля, и мы с ней еще не покончили.

– Ах, вот оно что! – воскликнул мистер Уинкль. – Какой превосходный план!

– О, мы с Беном придумали десяток таких планов, – отвечал Боб Сойер с большим воодушевлением. – Фонарщик получает восемнадцать пенсов в неделю за то, что звонит нам в ночной звонок в течение десяти минут каждый раз, как проходит мимо; а мой мальчишка врывается в церковь как раз перед пением псалмов, когда у людей только и дела, что глазеть по сторонам, и вызывает меня, изображая на своей физиономии ужас и скорбь. «Ах, боже мой, – говорят вокруг, – кто-то внезапно заболел! Послали за Сойером, преемником Нокморфа. Какая большая практика у этого молодого человека!»

После этого разоблачения некоторых тайн медицины мистер Боб Сойер и его друг Бен Эллен откинулись на спинки стульев и неудержимо расхохотались. Когда они насладились шуткой в полное свое удовольствие, разговор перешел на темы, которыми мистер Уинкль интересовался более непосредственно.

Кажется, мы уже упомянули, что мистер Бенджемин Эллен делался сентиментальным после бренди. Это обстоятельство не является исключительным, что мы сами можем подтвердить, ибо нам приходилось изредка иметь дело с пациентами, проявлявшими те же симптомы. В этот период своего существования мистер Бенджемин Эллен отличался, пожалуй, более сильным предрасположением к сентиментальности, чем когда бы то ни было, а причина сей болезни состояла вкратце в следующем: он уже около трех недель гостил у мистера Боба Сойера; мистер Боб Сойер не мог похвалиться воздержанностью, так же как не мог мистер Бенджемин Эллен похвалиться очень крепкой головой; результат был тот, что в течение вышеуказанного промежутка времени мистер Бенджемин Эллен все время переходил от опьянения частичного к опьянению полному.

– Мой дорогой друг, я очень несчастен! – сказал мистер Бен Эллен, воспользовавшись временным отсутствием мистера Боба Сойера, удалившегося за прилавок для того, чтобы отпустить несколько подержанных пиявок, о коих было упомянуто выше.

Мистер Уинкль выразил свое искреннее сожаление по поводу сказанного и спросил, не может ли он как-нибудь облегчить скорбь страдающего студента.

– Никак, старина, никак! – сказал Бен. – Вы помните Арабеллу, Уинкль? Мою сестру Арабеллу – девчонку с черными глазками, – она гостила у Уордля? Не знаю, заметили ли вы ее; славная девочка, Уинкль. Может быть, черты моей физиономии помогут вам вспомнить ее лицо?

Мистер Уинкль не нуждался ни в каких средствах, чтобы вызвать в памяти очаровательную Арабеллу, и, пожалуй, это было к счастью, ибо черты физиономии ее брата Бенджемина, бесспорно, не могли в достаточной мере освежить в его памяти ее образ. Он отвечал со всем возможным самообладанием, что превосходно помнит молодую леди, о которой идет речь, и от души надеется, что она в добром здоровье.

– Наш друг Боб – чудесный парень, Уинкль! – был единственный ответ мистера Бена Эллена.

– Конечно, – сказал мистер Уинкль, не очень обрадованный этим близким сопоставлением двух имен.

– Я предназначил их друг для друга, они созданы друг для друга, посланы в мир друг для друга, рождены друг для друга, Уинкль! – сказал мистер Бен Эллен, энергически ставя на стол свой стакан. – Тут особое предназначение: разницы между ними всего пять лет, и оба празднуют день рождения в августе.

Мистеру Уинклю так хотелось услышать продолжение, что он не очень удивился такому необычайному совпадению, сколь ни было оно чудесно. Тогда мистер Бен Эллен, пролив несколько слезинок, стал говорить о том, что, невзирая на все его уважение, почтение и благоговение к другу, Арабелла беспричинно и неблагодарно проявила самую определенную антипатию к его особе.

– И я думаю, что загвоздка в какой-то более ранней привязанности, – сказал в заключение мистер Бен Эллен.

– Есть у вас какие-нибудь предположения, кто может быть предметом ее любви? – спросил мистер Уинкль с великим трепетом.

Мистер Бен Эллен схватил кочергу, воинственно взмахнул ею над головой, нанес сокрушительный удар по воображаемому черепу и, наконец, заявил очень выразительным тоном, что он хотел бы только угадать, кто это, – вот и все.

– Я бы ему показал, что я о нем думаю, – сказал мистер Бен Эллен.

И кочерга снова описала круг еще более неистово.

Все это действовало, конечно, весьма успокоительно на чувства мистера Уинкля, который безмолвствовал в течение нескольких минут, но в конце концов собрался с духом, чтобы спросить, находится ли мисс Эллен в Кенте.

– Нет! – ответил мистер Бен Эллен с хитрой миной и опустил кочергу. – Я считаю, что дом Уордля не вполне подходящее место для упрямой девушки, поэтому, раз я являюсь ее естественным защитником и опекуном, ибо наши родители умерли, я привез ее в эти края, чтобы она провела несколько месяцев у старой тетки в славном, скучном, глухом месте. Думаю, это ее излечит, старина. А если не излечит, я ее повезу ненадолго за границу и посмотрю, как это подействует.

– А тетка живет в Бристоле? – запинаясь, спросил мистер Уинкль.

– Нет, не в Бристоле, – ответил мистер Бен Эллен, указав большим пальцем через левое плечо, – в той стороне, вон там. Но тише, вот Боб! Ни слова, мой дорогой друг, ни слова!

Как ни был краток этот разговор, он пробудил в мистере Уинкле величайшее волнение и тревогу. Мысль о том, что у нее была привязанность, не давала ему покоя. Не он ли объект ее? Не из-за него ли прекрасная Арабелла взирала с презрением на веселого Боба Сойера, или у него был счастливый соперник? Он решил увидеть ее во что бы то ни стало, но тут возникло непреодолимое препятствие, ибо он никак не мог угадать, означают ли пояснительные слова мистера Вена Эллена «в той стороне» и «вон там» расстояние в три, в тридцать или в триста миль.

Но в настоящее время ему не представилось случая поразмыслить о своей любви, так как возвращение Боба Сойера непосредственно предшествовало появлению мясного паштета из булочной, для уничтожения которого этот джентльмен настоятельно предложил мистеру Уинклю остаться. Скатерть была разостлана поденщицей, которая занимала место экономки мистера Боба Сойера; а когда третий нож и вилку позаимствовали у матери мальчика в серой ливрее (ибо домашнее хозяйство мистера Сойера было поставлено на скромную ногу), они уселись за обед, к которому было подано пиво «в самой подходящей для него оловянной посуде», как заметил мистер Сойер.

После обеда мистер Боб Сойер потребовал самую большую ступку из находившихся в лавке и начал приготовлять в ней ароматический ромовый пунш, уверенно и с ловкостью аптекаря размешивая и растирая пестиком соответствующие составные части. Мистер Сойер, будучи холостяком, владел одним-единственным стаканом, который был предоставлен мистеру Уинклю как гостю, мистер Бей Эллен приспособил себе воронку, заткнув пробкой узкий конец ее, а Боб Сойер воспользовался одним из тех стеклянных сосудов с широким отверстием и различными каббалистическими знаками, в которых аптекари обыкновенно отмеряют жидкие лекарства при изготовлении своих микстур. Когда с предварительными приготовлениями было покончено, пунш отведали, объявили превосходным, и, условившись, что Боб Сойер и Бей Эллен имеют право наполнять свои сосуды дважды на каждый стакан мистера Уинкля, они честно принялись за дело с большим удовольствием и в добром согласии.

Пением не развлекались, ибо мистер Боб Сойер сказал, что это было бы непрофессионально; но в награду за такое лишение говорили и хохотали так громко, что, по всей вероятности, их слышали на другом конце улицы. Эти разговоры существенно помогли скоротать время и развить ум подручного Боба Сойера, каковой подручный, вместо того чтобы посвятить вечер обычному занятию – писанию собственного имени на прилавке, а затем стиранию его, прильнул к стеклянной двери, и в одно и то же время мог и слышать и видеть.

Веселье мистера Боба Сойера стремительно переходило в буйство, мистер Бен Эллен быстро впадал в сентиментальность, и от пунша почти ничего не оставалось, когда мальчик, вбежав в комнату, объявил, что некая молодая женщина приглашает Сойера, преемника Нокморфа, немедленно прибыть на одну из ближайших улиц. Это положило конец пирушке. Мистер Боб Сойер, уразумев сообщение после двадцатикратных повторений, обвязал голову

мокрым полотенцем, чтобы протрезвиться, и добившись этого только отчасти, надел зеленые очки и отправился в путь. Не поддаваясь ни на какие уговоры подождать возвращения Боба и убедившись в полной невозможности завязать с мистером Беном Элленом хоть сколько-нибудь разумный разговор на тему, особенно близкую его сердцу или на какую бы то ни было другую, мистер Уинкль попрощался и вернулся в «Кустарник».

Душевное смятение и непрерывные размышления, пробужденные Арабеллой, воспрепятствовали пуншу, который пришелся на его долю, произвести на него то впечатление, какое он произвел бы при иных обстоятельствах. Посему, выпив стакан содовой воды с бренди в буфетной, мистер Уинкль прошел в общую столовую скорее угнетенный, чем возбужденный событиями этого дня.

Перед камином, спиной к мистеру Уинклю, сидел довольно высокий джентльмен в пальто; кроме него, в комнате никого не было. Ветер был довольно холодный для этого времени года, и джентльмен отодвинул свой стул в сторону, чтобы дать возможность вновь прибывшему созерцать камин. Что же должен был почувствовать Уинкль, когда при этом обнаружились лицо и фигура мстительного и кровожадного Даулера!

Первым побуждением мистера Уинкля было ухватиться за ручку ближайшего колокольчика, но таковая, к несчастью, находилась за головой мистера Даулера. Он шагнул было к ней, раньше чем одумался. Это движение заставило мистера Даулера поспешно отодвинуться.

– Мистер Уинкль, сэр! Успокойтесь. Не бейте меня! Я этого не стерплю. Побои! Никогда! – сказал мистер Даулер мягче, чем мистер Уинкль ожидал от столь свирепого джентльмена.

– Побои, сэр? – заикаясь, выговорил мистер Уинкль.

– Побои, сэр, – отозвался Даулер. – Не волнуйтесь. Сядьте. Выслушайте меня.

– Сэр, – сказал мистер Уинкль, дрожа всем телом, – раньше чем я соглашусь сесть рядом с вами или против вас, мне нужна гарантия в виде некоторого объяснения. Прошлой ночью вы бросили угрозу, направленную против меня, сэр, страшную угрозу, сэр.

Тут мистер Уинкль сильно побледнел и умолк.

– Да, – сказал Даулер с лицом почти таким же бледным, как у мистера Уинкля. – Обстоятельства внушали подозрение. Были даны объяснения. Я уважаю ваше мужество. Ваши чувства благородны. Сознание невинности. Вот моя рука. Пожмите ее.

– Право же, сэр, – начал мистер Уинкль, не решаясь подать ему руку из опасения подвергнуться неожиданному нападению, – право же, сэр, я...

– Я знаю, что вы хотите сказать, – перебил Даулер. – Вы чувствуете себя обиженным. Вполне естественно. Так было и со мной. Я был не прав. Прошу прощенья. Будем друзьями. Простите меня.

С этими словами Даулер почти насильно завладел рукой мистера Уинкля и, пожав ее с величайшим жаром, заявил, что считает его человеком чрезвычайно смелым и уважает его больше, чем когда-либо.

– Теперь садитесь, – сказал Даулер. – Расскажите все. Как вы нашли меня? Когда вы за мной погнались? Будьте откровенны. Скажите мне.

– Это произошло совершенно случайно, – ответил мистер Уинкль, весьма озадаченный странными и неожиданными вопросами. – Совершенно.

– Рад этому, – сказал Даулер. – Я проснулся. Забил об угрозе. Я смеялся над происшествием. Я был расположен к вам дружелюбно. Я так и сказал.

– Кому? – осведомился мистер Уинкль.

– Миссис Даулер. «Вы дали клятву», – сказала она. «Дал», – сказал я. «Это была опрометчивая клятва», – сказала она. «Да, – сказал я. – Я принесу извинения. Где он?» .

– Кто? – спросил мистер Уинкль.

– Вы! – отвечал Даулер. – Я спустился вниз. Вас не было. Пиквик был мрачен. Он покачал головой. Выразил надежду, что до насилия не дойдет. Я понял все. Вы считали себя обиженным. Вы вышли... быть может, за другом; может быть, за пистолетами. «Благородное мужество, – сказал я. – Я восхищаюсь им».

Мистер Уинкль откашлялся и, начиная соображать, откуда ветер дует, приосанился.

– Я оставил вам записку, – продолжал Даулер. – Написал, что сожалею. И это верно. По срочному делу меня вызвали сюда. Вы были не удовлетворены. Вы последовали за мной. Вы потребовали устного объяснения. Вы правы. Теперь все выяснено. С моими делами покончено. Завтра я возвращаюсь. Едем вместе.

По мере того как Даулер давал свои объяснения, мистер Уинкль принимал все более внушительную осанку. Тайна, окутывавшая начало их разговора, рассеялась; мистер Даулер питал такое же сильное отвращение к дуэли, как и он сам; короче, этот задорный и страшный субъект был одним из отъявленных трусов и, истолковав отсутствие мистера Уинкля в духе, соответствовавшем его собственным опасениям, поступил так же, как он: благоразумно уехал, пока не уляжется смятение чувств.

Когда подлинное положение дел открылось мистеру Уинклю, он принял очень грозный вид и сказал, что вполне удовлетворен, но сказал таким тоном, который не оставлял у мистера Даулера никаких сомнений в том, что, не будь он удовлетворен, неизбежно должно было бы произойти нечто в высшей степени ужасное и смертоносное. У мистера Даулера, по-видимому, создалось подобающее впечатление от великодушия и снисходительности мистера Уинкля; и обе воюющие стороны расстались на ночь после многократных заверений в вечной дружбе.

Около половины первого, когда мистер Уинкль уже минут двадцать вкушал всю сладость первого сна, его неожиданно разбудил громкий стук в дверь; этот стук, будучи повторен с сугубой настойчивостью, заставил его сесть в постели и осведомиться, кто там и что случилось.

– Сэр! Тут какой-то молодой человек говорит, что должен видеть вас немедленно, – отозвался голос служанки.

– Молодой человек? – воскликнул мистер Уинкль:

– Никакой ошибки нет, сэр, – отвечал другой голос в замочную скважину, – и если этот интересный юноша не будет впущен без промедления, весьма возможно, что его ноги войдут раньше, чем его физиономия.

Высказав такое предположение, молодой человек слегка ударил ногой по одной из нижних филенок двери, словно для того, чтобы придать больше силы и веса своему замечанию.

– Это вы, Сэм? – осведомился мистер Уинкль, вскакивая с постели.

– Совершенно невозможно установить личность джентльмена и получить нравственное удовлетворение, не взглянув на него, сэр, – поучительно ответил голос.

Мистер Уинкль, не сомневаясь больше в том, кто был этот молодой человек, отпер дверь. Едва он это сделал, как мистер Сэмюел Уэллер вошел с большой поспешностью, заботливо запер снова дверь с внутренней стороны, преспокойно положил ключ в жилетный карман и, окинув взглядом мистера Уинкля с головы до ног, сказал:

– Вы очень забавный молодой джентльмен, вот вы кто такой, сэр!

– Что означает это поведение, Сэм? – с негодованием спросил мистер Уинкль. – Убирайтесь, сэр, сию же минуту! Что это означает, сэр?

– Что это означает? – спросил Сэм. – Послушайте, сэр, пожалуй, это слишком жирно, как сказала молодая леди, упрекая пирожника, продавшего ей свиной паштет, в котором ничего не было внутри, кроме сала. Что это означает? Это недурно, совсем недурно!

– Отоприте дверь и немедленно удалитесь из этой комнаты, сэр! – сказал мистер Уинкль.

– Я удалюсь из этой-вот комнаты, сэр, как раз в тот самый момент, когда и вы из нее удалитесь, – весьма убедительным тоном возразил Сэм, степенно усаживаясь. – Если мне придется унести вас на спине, – ну, тогда, конечно, я удалюсь на самую крохотную секунду раньше вас; но разрешите выразить надежду, что вы не доведете меня до крайности. Говоря это, я только повторяю то, что сказал благородный джентльмен упрямой съедобной улитке, которая не вылезала из раковины, невзирая на булавку, и он боялся, что придется раздавить ее дверью.

В заключение этой речи, которая отличалась необычным для него многословием, мистер Уэллер положил руки на колени и посмотрел прямо в лицо мистеру Уинклю, выражая всей своей физиономией твердое намерение не допускать никаких шуток.

– Нечего сказать, сэр, – продолжал мистер Уэллер тоном морального осуждения, – вы очень любезны, молодой человек, если впутываете нашего драгоценного хозяина во всякие фантазии, когда он твердо решил перенести все для принципа. Вы куда хуже Додсона, сэр, а что касается Фогга, то его я считаю сущим ангелом по сравнению с вами!

Мистер Уэллер, сопровождая эту последнюю фразу выразительным шлепком по коленям, скрестил руки с видом глубокого отвращения и откинулся на спинку стула, как бы дожидаясь защитительной речи преступника.

– Мой добрый Сэм! – сказал Уинкль, протягивая руку; зубы его стучали все время, пока он говорил, ибо он стоял на протяжении всей лекции мистера Уэллера в своем ночном одеянии. – Я уважаю вашу привязанность к моему превосходному другу и, право же, очень сожалею, что доставил ему еще новый повод для беспокойства. Полно, Сэм, полно!

– Правильно. Вы и должны сожалеть, – сказал Сэм довольно хмуро, но в то же время почтительно пожимая протянутую руку, – и я очень рад, что убедился в этом, и если только это от меня зависит, я никому не позволю его дурачить, и конец делу.

– Конечно, Сэм, – согласился мистер Уинкль. – Так! Теперь ложитесь спать, Сэм, а утром мы об этом еще потолкуем.

– Очень сожалею, – сказал Сэм, – но я не могу лечь спать.

– Не можете лечь спать? – повторил мистер Уинкль.

– Нет, – сказал Сэм, покачивая головой. – Это невозможно.

– Неужели вы хотите сказать, что немедленно отправляетесь обратно, Сэм? – осведомился мистер Уинкль, крайне изумленный.

– Нет, если только вы не пожелаете, – ответил Сэм, – но я не могу покинуть эту-вот комнату. Хозяин дал строгий приказ.

– Вздор, Сэм! – сказал мистер Уинкль. – Мне нужно остаться здесь два-три дня. И мало того, Сэм, вы должны остаться здесь, чтобы помочь мне добиться свидания с молодой леди, мисс Эллен, Сэм, – вы ее помните, которую я должен и хочу видеть раньше, чем покину Бристоль.

Но в ответ на каждый из этих пунктов Сэм качал головой с большой твердостью и энергически отвечал:

– Невозможно!

Однако после многих доводов и уговоров со стороны мистера Уинкля и полного разоблачения того, что произошло при встрече с Даулером, Сэм начал колебаться, и, наконец, порешили на компромиссе, главные и основные условия коего были следующие: Сэм удаляется и предоставляет комнату в полное распоряжение мистера Уинкля, если ему будет разрешено запереть дверь снаружи и унести ключ, обязавшись в случае пожара или другой непредвиденной опасности немедленно отпереть; рано утром будет написано и отправлено с Даулером письмо мистеру Пиквику с просьбою о его согласии на пребывание Сэма и мистера Уинкля в Бристоле для достижения целей, уже изложенных, и об ответе с ближайшей каретой;

в случае благоприятного ответа вышеуказанные лица остаются, а в случае неблагоприятного возвращаются в Бат немедленно по получении оного; и, наконец, мистер Уинкль категорически обязуется в течение этого времени не делать попыток к тайному бегству ни через окно, ни через камин, ни каким-либо иным путем.

Когда договор был заключен, Сэм запер дверь и удалился.

Он уже почти добрался до нижней площадки лестницы, как вдруг остановился и вытащил из кармана ключ.

– Я совсем забыл о том, что нужно было его поколотить, – сказал Сэм, поворачивая было назад. – Хозяин ясно сказал, что нужно это сделать. Удивительно глупо с моей стороны! Не беда! – добавил он, просияв. – Это легко будет сделать и завтра.

Утешившись, по-видимому, таким соображением, мистер Уэллер снова сунул ключ в карман, спустился с последних ступенек, не испытывая новых угрызений совести, и вскоре погрузился, вместе с другими обитателями дома, в глубокий сон.

ГЛАВА XXXIX.

Мистер Сэмюел Уэллер, удостоившись романическою поручения, приступает к его исполнению; с каким успехом – обнаружится дальше

В течение следующего дня Сэм упорно не упускал мистера Уинкля из виду, твердо решив не сводить с него глаз ни на секунду, пока не получит определенных инструкций из первоисточника. Хотя мистеру Уинклю неприятны были строгий надзор и великая бдительность Сэма, он предпочитал мириться с этим, чем идти на явное сопротивление и подвергнуть себя опасности быть увезенным силою; мистер Уэллер не раз внушительно намекал, что избрать именно эту линию поведения его побуждает суровое чувство долга. Нет причин сомневаться в том, что Сэм очень быстро успокоил бы свою совесть, доставив мистера Уинкля в Бат, связанного по рукам и по ногам, если бы немедленный ответ мистера Пиквика на записку, которую Даулер взялся передать, не предупредил подобного акта. Говоря коротко, в восемь часов вечера мистер Пиквик самолично вошел в общую столовую «Кустарника» и с улыбкой сказал Сэму, к великому его облегчению, что он поступил совершенно правильно и больше нет необходимости стоять на страже.

– Я решил приехать сам, – сказал мистер Пиквик, обращаясь к мистеру Уинклю, когда Сэм освободил его от пальто и дорожного шарфа, – чтобы убедиться, раньше чем я дам свое согласие на участие Сэма в этом деле, что ваше чувство к этой молодой леди вполне честно и серьезно.

– От всего сердца и от всей души говорю, что серьезно! – воскликнул мистер Уинкль с большой энергией.

– Помните, Уинкль, – сказал мистер Пиквик с сияющими глазами, – мы ее встретили в доме нашего превосходного и гостеприимного друга. Плохо бы вы отблагодарили его, если бы стали добиваться привязанности этой молодой леди из одного легкомыслия и без серьезных намерений. Я этого не допущу, сэр. Я этого не допущу!

– Конечно, у меня и в помыслах этого нет! – с жаром воскликнул мистер Уинкль. – Я об этом много думал и чувствую, что все мое счастье в ней.

– Это то, что мы называем – завязать все в один узелок, сэр, – вмешался мистер Уэллер с приятной улыбкой.

Мистер Уинкль отнесся несколько сурово к этому замечанию, а мистер Пиквик сердито приказал своему слуге не шутить с одним из лучших чувств нашей натуры, на что Сэм ответил, что он не стал бы шутить, если бы разбирался в этом; но столько есть этих лучших чувств, что он не может угадать, какое из них действительно лучшее.

Затем мистер Уинкль рассказал о разговоре, который был у него с мистером Беном Элленом относительно Арабеллы; сообщил, что его целью было добиться свиданья с молодой

леди и формально признаться ей в своей страсти; и заявил о своей уверенности, основанной на некоторых туманных намеках и бормотанье вышеупомянутого Бена, что где бы ни была она заточена в настоящее время – место это находится где-то поблизости от Холмов. Таков был весь запас сведений или догадок по этому вопросу.

Было решено, что с этой весьма ненадежной нитью для руководства мистер Уэллер отправится на следующее утро на разведку; было условлено также, что мистер Пиквик и мистер Уинкль, будучи менее уверены в своих силах, совершат прогулку по городу и мимоходом заглянут в течение дня к мистеру Бобу Сойеру в надежде увидеть молодую леди или услышать что-либо о ее местопребывании.

Итак, на следующее утро Сэм Уэллер вышел на поиски, отнюдь не устрашенный весьма обескураживающей перспективой; он побрел по одной улице, побрел по другой (мы готовы были бы сказать: в гору и под гору, но в сторону Клифтона мы все время идем в гору), не встретив никого и ничего, что могло пролить хотя бы слабый свет на предмет его поисков. Сэм много раз вступал в разговоры с грумами, прогуливавшими лошадей на улицах, и с няньками, гулявшими с детьми в переулках; но Сэм не мог извлечь ни из первых, ни из последних ничего, что имело бы хотя малейшее отношение к объекту искусно проводимого дознания. В очень многих домах было очень много молодых леди, большую часть коих проницательные слуги мужского и женского пола подозревали в глубокой привязанности к кому-то или в полной готовности привязаться, если представится случай. Но поскольку ни одна из этих молодых леди не была мисс Арабеллой Эллен, Сэм по получении информации оставался не более осведомленным, чем был до нее.

Сэм оставил позади Холмы, борясь с сильным ветром и задаваясь вопросом, неужели в этих краях всегда приходится держать шляпу обеими руками, и добрел до тенистого местечка, где было разбросано несколько маленьких вилл, казавшихся тихими и уединенными.

Перед дверью конюшни в конце длинного переулка-тупика грум в рабочем костюме бездельничал, по-видимому убеждая себя в том, что он что-то делает с помощью лопаты и тачки. Мы можем отметить здесь, что нам вряд ли случалось когда-нибудь видеть грума около его конюшни, который в минуту досуга не пребывал бы, в большей или меньшей степени, жертвой этого странного заблуждения.

Сэм подумал, что он может с таким же успехом поговорить с этим грумом, как и со всяким другим, в особенности потому, что он очень устал от ходьбы, а как раз против тачки находился прекрасный большой камень; поэтому он свернул в переулок и, усевшись на камень, начал разговор с присущей ему легкостью и развязностью.

– Доброе утро, старина, – сказал Сэм.

– Вы хотите сказать – день, – отозвался грум, бросив угрюмый взгляд на Сэма.

– Вы совершенно правы, старина, – согласился Сэм, – я именно хочу сказать – день. Как поживаете?

– Ну, я себя чувствую не лучше оттого, что вас вижу, – отвечал сердитый грум.

– Это очень странно, – сказал Сэм, – а вид у вас такой беззаботный, и кажетесь вы таким добрым, что глядеть на вас – одно удовольствие.

Угрюмый грум стал еще угрюмее, однако же это не произвело никакого впечатления на Сэма, который немедленно осведомился с весьма озабоченным видом, не Уокер ли фамилия его хозяина.

– Нет, не так, – ответил грум.

– Не Браун ли? – спросил Сэм.

– Нет, не так. – И не Уилсон?

– Нет, тоже не так, – сказал грум.

– Ну, значит, я ошибся, – продолжал Сэм, – и он не имеет чести быть со мною знакомым, как я полагал. Не задерживайтесь здесь из любезности ко мне, – добавил Сэм, когда грум вкатил тачку и приготовился закрыть ворота. Удобства выше церемоний, старина, я не буду в обиде.

– Я бы вам голову проломил за полкроны! – сказал угрюмый грум, захлопывая одну створку ворот.

– На таких условиях не согласен! – возразил Сэм. – За это вам бы дали стол и квартиру до конца жизни, да и этого было бы мало. Передайте там, в доме, привет от меня. Скажите, чтобы меня не ждали к обеду и не оставляли для меня, потому что все остынет раньше, чем я приду.

В ответ на это грум, распалясь гневом, выразил желание отколотить кого-нибудь, но скрылся, не приведя его в исполнение, и сердито захлопнул за собой дверь, не обратив ни малейшего внимания на покорнейшую просьбу Сэма оставить ему прядь своих волос.

Сэм продолжал сидеть на большом камне, размышляя о том, что предпринять, и обдумывая план, сводившийся к тому, чтобы стучать во все двери в пределах пяти миль от Бристоля, считая в среднем по сто пятьдесят или двести дверей в день, и попытаться таким путем отыскать мисс Арабеллу, как вдруг благодаря счастливой случайности произошло нечто такое, чего он мог бы не дождаться, хотя бы просидел здесь целый год.

В переулок, где он сидел, выходило три-четыре калитки, ведущие к домам, которые хотя и были обособлены друг от друга, но разделялись только садами. Так как сады были большие, длинные и тенистые, дома находились на некотором расстоянии от переулка, и большая часть их оставалась почти невидимой. Сэм сидел, устремив взгляд на мусорную кучу перед калиткой, следующей за той, куда вошел грум, и глубокомысленно размышлял о трудностях своего предприятия, как вдруг калитка открылась и в переулок вышла служанка, чтобы выколотить ковры.

Сэм был столь поглощен своими мыслями, что, пожалуй, не обратил бы особого внимания на молодую женщину, а только поднял бы голову и одобрил ее изящную и красивую фигуру, если бы в нем не вспыхнуло чувство галантности, когда он увидел, что ей некому помочь, а ковры, по-видимому, слишком тяжелы и работа ей не под силу. Мистер Уэллер был джентльменом, на свой лад чрезвычайно галантным, и едва он успел обратить внимание на упомянутое обстоятельство, как поспешно поднялся с большого камня и направился к ней.

– Моя милая, – сказал Сэм, подходя с очень почтительным видом, – вы испортите все пропорции такой хорошенькой фигуры, если сами будете выколачивать эти-вот ковры. Позвольте вам помочь.

Молодая леди, стыдливо притворявшаяся, будто не заметила находившегося вблизи джентльмена, оглянулась, когда Сэм заговорил, – несомненно (она утверждала это впоследствии) с целью отклонить предложение совершенно незнакомого человека, – как вдруг вместо ответа отпрянула и слегка взвизгнула. Сэм был ошеломлен, пожалуй, не меньше, ибо в чертах лица хорошо сложенной служанки узнал подлинные черты своей «Валентины», миловидной горничной мистера Напкинса.

– Мэри, дорогая моя! – сказал Сэм.

– О господи, мистер Уэллер, – воскликнула Мэри, – как вы пугаете людей!

Сэм не дал никакого словесного ответа на эту жалобу, и точно мы не можем сказать, какой именно ответ он дал. Мы знаем только, что после короткого молчания Мэри сказала: «Ах, перестаньте, мистер Уэллер!» – и что шляпа слетела с него за несколько секунд до этого. На основании этих двух признаков мы склонны предположить, что стороны обменялись одним или несколькими поцелуями.

– Да как же вы сюда попали? – спросила Мэри, когда разговор, таким образом прерванный, возобновился.

– Конечно, я пришел посмотреть на вас, моя милочка, – отвечал мистер Уэллер, на этот раз позволяя страсти одержать верх над правдивостью.

– А как вы узнали, что я здесь? – осведомилась Мэри. – Кто мог вам это сказать, что я поступила на другое место в Ипсуиче, а потом они переехали сюда? Кто мог вам это сказать, мистер Уэллер?

– Совершенно верно, – отозвался Сэм с лукавой миной, – в этом вся штука. В этом вся штука. Кто бы мог мне сказать?

– Не мистер Мазль, не правда ли? – спросила Мэри.

– О нет! – ответил Сэм, серьезно покачав головой. – Не он.

– Должно быть, кухарка? – сказала Мэри.

– Должно быть, она, – сказал Сэм.

– Никогда я еще такого не слыхала! – воскликнула Мэри.

– И я не слыхал, – сказал Сэм. – Но, Мэри, моя дорогая, – тут голос Сэма стал чрезвычайно нежен, – Мэри, моя дорогая, у меня есть еще одно дело, очень спешное. Один из друзей моего хозяина... мистер Уинкль, вы его помните?

– Тот, что в зеленой куртке? – спросила Мэри. – О да, я его помню.

– Так вот, – продолжал Сэм, – он в ужасном состоянии от любви... регулярно запутался и потерял голову.

– Ах, боже мой! – воскликнула Мэри.

– Да, – сказал Сэм, – но это пустяки, если только нам удастся найти молодую особу.

И Сэм, со многими отступлениями на тему о красоте Мэри и невыразимых муках, какие он испытывал с тех пор, как в последний раз ее видел, дал правдивый отчет о бедственном положении мистера Уинкля.

– Ну, никогда бы не подумала! – сказала Мэри.

– Конечно, и никто бы не подумал и впредь не подумает, – сказал Сэм, а я странствую, как вечный жид, – может, вы слыхали, Мэри, моя дорогая, был такой спортивный тип: непременно хотел обставить время и никогда не спал, и отыскиваю эту-вот мисс Арабеллу Эллен.

– Мисс... как? – с великим изумлением спросила Мэри.

– Мисс Арабеллу Эллен, – повторил Сэм.

– Боже милостивый! – воскликнула Мэри, указывая на калитку сада, которую запер за собой угрюмый грум. – Вот он, этот дом! Она тут живет вот уже полтора месяца. Их старшая горничная, которая состоит также при леди, все мне рассказала однажды утром через решетку прачечной, когда в доме все еще спали.

– Как? В соседнем доме? – воскликнул Сэм.

– Да, в соседнем, – ответила Мэри.

Мистер Уэллер был так глубоко потрясен этим сообщением, что счел совершенно необходимым искать поддержки у своей прелестной собеседницы, и между ними произошел обмен маленькими любезностями, раньше чем он оправился в достаточной мере для того, чтобы продолжать разговор.

– Ну, если это возможно, – произнес, наконец, Сэм, – то на свете нет ничего невозможного, как сказал лорд-мэр, когда главный министр предложил выпить после обеда за здоровье хозяйки, в соседнем доме! Да ведь у меня есть к ней поручение, которое я целый день стараюсь передать.

– Ах! – сказала Мэри. – Сейчас вы не можете его передать, потому что она гуляет в саду только по вечерам, да и то очень недолго, а из дому никогда не выходит без старой леди.

Сэм несколько секунд размышлял, наконец придумал следующий план действий: он вернется в сумерки – как раз к тому времени, когда Арабелла неизменно совершает прогулку; Мэри впустит его в сад своего дома, а он постарается вскарабкаться на забор под нависшими ветвями большой груши, которая в достаточной мере скроет его; затем передаст поручение, и, если возможно, устроит свидание для мистера Уинкля на следующий вечер, в тот же час. Быстро набросав перед Мэри план действий, он помог ей в давно откладываемой работе – в выколачивании ковров.

Далеко не такое невинное занятие, каким оно кажется, – это выколачивание ковриков; быть может, самое выколачивание и не грозит большой бедой, но складывание – очень коварный процесс. Пока длится выколачивание и оба участника находятся на расстоянии, равном длине ковра, это самая невинная забава, какую только можно придумать; но когда начинается складывание и расстояние между ними уменьшается постепенно с половины его прежней длины до одной четверти, а затем до одной восьмой, а затем до одной шестнадцатой, а затем до одной тридцать второй, если ковер достаточно длинен, – забава становится опасной. Мы точно не знаем, сколько ковриков было сложено в данном случае, но смеем сказать, что, сколько бы их ни было, ровно столько раз Сэм поцеловал хорошенькую горничную.

Мистер Уэллер скромно закусывал в ближайшей таверне, пока не надвинулись сумерки, а затем вернулся в переулок. Как только Мэри впустила его в сад и он получил от этой леди различные предостережения, касающиеся целости его рук, ног и шеи, Сэм влез на грушу и стал ждать появления Арабеллы.

Ждать пришлось так долго, что он начал сомневаться, наступит ли вообще когда-нибудь это с тревогой ожидаемое событие, как вдруг послышались легкие шаги по песку, и немедленно вслед за этим он увидел Арабеллу, задумчиво идущую по саду. Едва она приблизилась к дереву, Сэм, дабы деликатно уведомить о своем присутствии, начал издавать чудовищные звуки, которые, пожалуй, были бы естественны для пожилой особы, страдающей с младенческих лет воспалением горла, крупом и коклюшем одновременно.

Молодая леди поспешно устремила взор к тому месту, откуда исходили ужасные звуки; а так как первая ее тревога отнюдь не улеглась, когда она увидела на дереве мужчину, весьма возможно, что она бы убежала и подняла на ноги весь дом, если бы страх, по счастью, не лишил ее способности двигаться и не заставил опуститься на садовую скамью, которая весьма кстати находилась поблизости.

– Она падает в обморок, – рассуждал сам с собой Сэм в большом замешательстве. – И почему только эти молодые создания устраивают обмороки как раз в тот момент, когда не следовало бы это делать! Послушайте, молодая девица, мисс костоправка, миссис Уинкль, не надо!

Оживило ли Арабеллу магическое имя мистера Уинкля, или прохладный, свежий воздух, или смутное воспоминание о голосе мистера Уэллера, значения не имеет. Она подняла голову и томно спросила:

– Кто вы и что вам нужно?

– Тише! – сказал Сэм, перемахнув на забор и съежившись, чтобы занимать как можно меньше места. – Это только я, мисс, только я.

– Так это слуга мистера Пиквика? – с живостью воскликнула Арабелла.

– Он самый, мисс, – ответил Сэм. – А мистер Уинкль, регулярно, извелся от отчаяния, мисс!

– Ах! – воскликнула Арабелла, подходя к забору.

– Вот именно ах, – подтвердил Сэм. – Прошлой ночью мы думали, что нам придется надеть на него смирительную рубашку; он бесновался целый день и говорит, что если не увидит вас до завтрашней ночи, с ним приключится что-нибудь очень неприятное или он раньше утопится.

– Ах, не может быть, мистер Уэллер! – воскликнула Арабелла, сжимая руки.

– Он так именно и говорит, мисс, – возразил Сэм. – Он человек своего слова, и, по моему мнению, он это сделает, мисс. Он все узнал о вас от костоправа в очках.

– От брата! – воскликнула Арабелла, смутно распознавая его в изображении Сэма.

– Я хорошенько не знаю, который из двух ваш брат, мисс, – отвечал Сэм.

– Тот, что погрязнее?

– Да, да, мистер Уэллер, – сказала Арабелла. – Продолжайте. Пожалуйста, поторопитесь.

– Так вот, мисс, он обо всем узнал от него, – сказал Сэм. – И, по мнению хозяина, если вы с ним не повидаетесь очень скоро, – костоправ, о котором мы говорили, всадит ему столько свинца в голову, что повредит развитию этого органа, даже если его положат потом в спирт.

– Ах, что мне делать! Как предотвратить эту ужасную ссору! – воскликнула Арабелла.

– Подозревают, что тут виной более ранняя привязанность, – вот в чем дело, – отвечал Сэм. – Вы бы лучше повидались с ним, мисс.

– Но как? Где? – вскричала Арабелла. – Я не смею уходить из дому одна. Мой брат такой недобрый, такой сумасброд! Я знаю, каким странным может показаться мой разговор с вами, мистер Уэллер, но, можете мне поверить, я очень, очень несчастна...

И бедная Арабелла заплакала так горько, что у Сэма проснулись рыцарские чувства.

– Может показаться очень странным, что вы со мной разговариваете об этих-вот делах, мисс, – сказал Сэм с большим жаром, – но я одно могу сказать: я не только готов, но с удовольствием сделаю что угодно, только бы все уладилось. И если для этого нужно вышвырнуть из окна любого из костоправов, я готов!

С этими словами Сэм Уэллер, подвергая себя неминуемой опасности слететь с забора, засучил рукава, чтобы продемонстрировать свою готовность немедленно приступить к делу.

Как ни лестно было такое проявление доброго чувства, Арабелла решительно не захотела (неведомо почему, как подумал Сэм) воспользоваться им. Сначала она настойчиво отказывалась подарить мистеру Уинклю свидание, которого Сэм так трогательно добивался; но в конце концов, боясь, как бы их беседу не прервало нежелательное появление третьего лица, она быстро дала ему понять, несколько раз выразив свою благодарность, что такая возможность не исключена и она, быть может, придет в сад завтра вечером, часом позже. Сэм прекрасно это понял, и Арабелла, подарив его одною из обворожительнейших своих улыбок, грациозно удалилась, оставив мистера Уэллера весьма восхищенным ее чарами, как телесными, так и духовными.

Спустившись благополучно с забора и не забыв посвятить несколько минут своим личным делам по тому же департаменту, мистер Уэллер, не теряя времени, вернулся в гостиницу «Кустарник», где его длительное отсутствие вызывало различные предположения и некоторую тревогу.

– Мы должны быть осторожны, – сказал мистер Пиквик, внимательно выслушав рассказ Сэма, – не ради нас самих, но ради молодой леди. Мы должны быть очень осторожны.

– Мы? – повторил мистер Уинкль с подчеркнутым ударением.

Негодующий взгляд мистера Пиквика, вызванный тоном этого замечания, мгновенно смягчился, и на лице его появилось свойственное ему благодушное выражение, когда он ответил:

– Мы, сэр! Я буду вас сопровождать.

– Вы? – воскликнул мистер Уинкль.

– Я! – кротко ответил мистер Пиквик. – Согласившись на это свидание с вами, молодая леди сделала естественный, быть может, но все-таки очень неосторожный шаг. Если присутствовать при встрече буду я – ваш общий друг, который настолько стар, что может быть отцом обоих, – голос клеветы никогда не посмеет коснуться ее имени!

Глаза мистера Пиквика сияли чистой радостью, вызванной его собственной предусмотрительностью, когда он произносил эти слова. Мистер Уинкль был растроган таким деликатным уважением к молоденькой protegee своего друга и пожал ему руку с чувством почтения, граничившего с благоговением.

– Вы должны идти, – сказал мистер Уинкль.

– И я пойду, – сказал мистер Пиквик. – Сэм, приготовьте мне пальто и шарф и распорядитесь, чтобы завтра вечером экипаж был подан заблаговременно; мы должны быть там вовремя.

Мистер Уэллер притронулся к шляпе в знак повиновения и удалился, чтобы сделать все необходимые приготовления к экспедиции.

Карета явилась пунктуально в назначенный час, и мистер Уэллер, усадив должным образом мистера Пиквика и мистера Уинкля, занял место рядом с кучером.

Они вышли из экипажа, как было условлено, за четверть мили до места свидания и, распорядившись, чтобы карета ждала их возвращения, решили пройти оставшееся расстояние пешком.

Именно на этой стадии их предприятия мистер Пиквик, улыбаясь с весьма самодовольным видом, извлек из кармана пальто потайной фонарь, который он приобрел специально для этого случая и великие достоинства которого он начал объяснять мистеру Уинклю, пока они шли по дороге, к большому изумлению немногих встречных прохожих.

– Я бы себя лучше чувствовал, если бы у меня было что-нибудь в этом роде во время моей последней ночной экспедиции в саду, правда, Сэм? – добродушно сказал мистер Пиквик, поворачиваясь к своему слуге, который шел сзади.

– Славные штуки, если уметь ими пользоваться, сэр, – отвечал мистер Уэллер, – но если вы не хотите, чтобы вас видели, мне кажется, что от них больше пользы, когда свечку потушишь.

Мистер Пиквик, по-видимому, был озадачен замечаниями Сэма, ибо он снова спрятал фонарь в карман, и они продолжали путь молча.

– Сюда, сэр! – сказал Сэм. – Позвольте, я пойду вперед. Вот этот переулок, сэр.

Они вошли в переулок, где было довольно темно. Мистер Пиквик раза два вынимал фонарь, который бросал перед собою яркий короткий сноп лучей шириной около фута. На него очень приятно было смотреть, но, казалось, он отличался способностью делать окружающие предметы темнее, чем они были раньше.

Наконец, они добрались до большого камня. Тут Сэм предложил хозяину и мистеру Уинклю посидеть, пока он пойдет на разведку и убедится, что Мэри их ждет.

Пробыв в отсутствии минут пять – десять, Сэм вернулся и доложил, что калитка открыта и все спокойно. Следуя за ним крадущимися шагами, мистер Пиквик и мистер Уинкль вскоре очутились в саду. Здесь каждый произнес по нескольку раз: «Тсс!..» – но никто из них, казалось, не имел сколько-нибудь ясного представления о том, что делать дальше.

– Мисс Эллен в саду, Мэри? – осведомился мистер Уинкль, приходя в волнение.

– Не знаю, сэр, – отвечала хорошенькая служанка. – Лучше всего, сэр, если мистер Уэллер поможет вам влезть на дерево, а мистер Пиквик будет так любезен и посмотрит, не идет ли кто-нибудь по переулку, я же буду сторожить в другом конце сада. Господи помилуй, что это такое?

– Этот-вот окаянный фонарь всех погубит! – раздраженно воскликнул Сэм.

– Смотрите, что вы делаете, сэр! Вы направляете луч прямо в окно их дома!

– Ах, боже мой! – произнес мистер Пиквик, поспешно поворачиваясь. – Это я нечаянно.

– Теперь он на соседнем доме, сэр, – заявил Сэм.

– Помилуй бог! – воскликнул мистер Пиквик, поворачиваясь снова.

– Теперь он на крыше конюшни, и подумают, что там пожар, – сказал Сэм.

– Закройте его, сэр. Что вам стоит закрыть?

– Самый необычайный фонарь, с каким мне приходилось встречаться! – воскликнул мистер Пиквик, крайне озадаченный тем эффектом, какой он столь неумышленно производил. – Никогда не видывал такого сильного рефлектора.

– Для нас он окажется слишком сильным, если вы будете светить таким манером, сэр, – отвечал Сэм, когда мистер Пиквик после многих неудачных попыток ухитрился задвинуть заслонку. – Вот шаги молодой леди. Ну, мистер Уинкль, полезайте, сэр.

– Постойте, постойте! – вмешался мистер Пиквик. – Сначала я должен переговорить с нею. Помогите мне влезть, Сэм.

– Осторожнее, сэр, – сказал Сэм, упираясь головой в забор и превращая свою спину в площадку. – Станьте на эту-вот цветочную кадку, сэр. Ну, теперь полезайте!

– Боюсь, как бы не ушибить вас, Сэм, – заметил мистер Пиквик.

– Не беспокойтесь обо мне, сэр, – отвечал Сэм. Протяните ему руку, мистер Уинкль. Смелее, сэр, смелее! Вот и готово!

Пока Сэм говорил, мистер Пиквик, делая усилия, почти сверхъестественные для джентльмена его возраста и веса, умудрился стать на спину Сэма; Сэм осторожно выпрямился, а мистер Пиквик уцепился за край забора, в то время как мистер Уинкль крепко держал его за ноги, и таким путем они добились того, что очки мистера Пиквика очутились как раз над забором.

– Милая моя, – сказал мистер Пиквик, взглянув через забор и увидев по другую сторону Арабеллу, – не пугайтесь, это только я.

– О, пожалуйста, уходите, мистер Пиквик! – воскликнула Арабелла. – Скажите им, чтобы они все ушли. Я так ужасно боюсь. Милый, милый мистер Пиквик, не оставайтесь здесь. Вы упадете и расшибетесь! Я знаю, вы расшибетесь!

– Прошу вас, не тревожьтесь, моя дорогая, – успокоительно сказал мистер Пиквик. – Нет ни малейшей причины бояться, – уверяю вас. Стойте твердо, Сэм, – добавил мистер Пиквик, поглядев вниз.

– Слушаю, сэр, – отвечал мистер Уэллер. – Не – задерживайтесь дольше, чем нужно, сэр. Вы довольно-таки тяжеловаты.

– Еще одну секунду, Сэм! – отозвался мистер Пиквик. – Я хотел только сообщить вам, моя дорогая, что я бы не разрешил моему молодому другу видеть вас тайком, если бы положение, в каком вы находитесь, позволило ему поступить иначе; и если этот шаг покажется вам неподобающим и вызовет у вас тревогу, милая моя, вы можете быть спокойны, зная, что я здесь. Вот и все, моя дорогая!

– Уверяю вас, мистер Пиквик, я очень благодарна вам за вашу доброту и заботливость, – отвечала Арабелла, вытирая слезы носовым платком.

Вероятно, она сказала бы значительно больше, если бы голова мистера Пиквика не исчезла с большой поспешностью, вследствие неверного шага, сделанного им на плече Сэма, каковой шаг неожиданно поверг его на землю. Однако он через секунду уже стоял на ногах и, попросив мистера Уинкля торопиться и поскорее закончить свидание, побежал караулить в переулке со всей отвагой и пылом юноши. Мистер Уинкль, воодушевленный близостью

свидания, в одно мгновение очутился на заборе, задержавшись только для того, чтобы попросить Сэма позаботиться о своем хозяине.

– Я о нем позабочусь, сэр, – отозвался Сэм. – Предоставьте его мне.

– Где он? Что он делает, Сэм? – осведомился мистер Уинкль.

– Да благословит бог его старые гетры! – отвечал Сэм, посматривая в сторону калитки. – Он караулит в переулке с потайным фонарем, словно живой Гай Фокс[134]. В жизни не видал такого доброго создания. Будь я проклят, если не думаю, что его сердце родилось по крайней мере на двадцать пять лет позже, чем его тело!

Мистер Уинкль не стал слушать панегирик своему другу. Он спрыгнул с забора, бросился к ногам Арабеллы и стал клясться в искренности своих чувств с красноречием, достойным самого мистера Пиквика.

Пока происходили эти события на открытом воздухе, некий пожилой джентльмен, обремененный ученостью, сидел в своей библиотеке за два-три дома оттуда и писал философический трактат, то и дело увлажняя свою земную оболочку и свои труды рюмкой кларета из почтенной на вид бутылки, которая стояла подле него. В муках творчества пожилой джентльмен смотрел то на ковер, то на потолок, то на стену; а когда ни ковер, ни потолок, ни стена не вдохновляли в должной мере, он выглядывал из окна.

Во время одной из таких творческих пауз ученый джентльмен рассеянно Смотрел в густой мрак за окном, как вдруг с удивлением заметил очень яркий луч, скользнувший в воздухе невысоко над землей и почти мгновенно исчезнувший. Несколько минут спустя феномен повторился не один и не два, а несколько раз; наконец, ученый джентльмен положил перо и начал размышлять о том, каким естественным причинам могли быть приписаны эти явления.

Это не метеоры – они вспыхивали слишком низко. Это не светлячки – они вспыхивали слишком высоко. Это не блуждающие огоньки; это не фосфоресцирующие мухи; это не фейерверк. Что бы это могло быть? Какой-то необычайный и удивительный феномен природы, которого не видел доселе ни один натуралист; нечто такое, что удалось открыть ему одному и чем он обессмертит свое имя, написав труд для блага потомства. Одержимый этой мыслью, ученый джентльмен снова схватил перо и занес на бумагу различные данные об этих беспримерных явлениях, указывая дату, день, час, минуту и даже секунду, когда они наблюдались; все это долженствовало служить материалом для объемистого трактата, исследовательского и глубоко ученого, которому суждено было изумить всех метеорологов во всех цивилизованных уголках земного шара.

Он откинулся на спинку кресла, погруженный в размышления о своем грядущем величии. Таинственный свет вспыхнул еще ярче; он как будто плясал по переулку, переходил с одной стороны на другую и двигался по орбите, не менее эксцентрической, чем орбиты самих комет.

Ученый джентльмен был холост. У него не было жены, которую он мог бы позвать и удивить; поэтому он позвонил слуге.

– Прафль, – сказал ученый джентльмен, – сегодня в атмосфере происходит нечто весьма необычайное. Вы видели это? – добавил ученый джентльмен, указывая на окно, когда свет появился снова.

– Видел, сэр.

– Что вы об этом думаете, Прафль?

– Что я думаю, сэр?

– Да. Вы выросли в этих краях. Что бы вы сказали, какова причина этих вспышек?

Ученый джентльмен, улыбаясь, предугадывал ответ Прафля, что он никакой причины найти не может. Прафль размышлял.

– Я думаю, что это воры, сэр, – ответил, наконец, Прафль.

– Вы – дурень и можете идти вниз, – сказал ученый джентльмен.

– Благодарю вас, сэр, – сказал Прафль и ушел.

Но ученый джентльмен не мог примириться с мыслью, что гениальный трактат, который он задумал, погибнет для мира, а это неизбежно случится, если соображение гениального мистера Прафля не будет задушено в зародыше. Он надел шляпу и поспешно вышел в сад, решив исследовать вопрос самым основательным образом.

Незадолго до того как ученый джентльмен вышел в сад, мистер Пиквик со всею быстротой, на какую был способен, пробежал по переулку, чтобы поднять ложную тревогу, будто кто-то сюда идет, и время от времени отодвигал заслонку потайного фонаря, дабы не попасть в канаву. Едва поднята была тревога, как мистер Уинкль перелез назад через забор, а Арабелла побежала домой; калитку заперли, и три искателя приключений быстро зашагали по переулку, но тут ученый джентльмен отпер свою калитку.

– Держитесь! – прошептал Сэм, который, конечно, шагал впереди. – Откройте фонарь ровно на один момент, сэр.

Мистер Пиквик исполнил просьбу, и Сэм увидел, что на расстоянии полуярда от его головы мужчина осторожно высовывает из-за калитки голову; немедленно он нанес ей легкий удар кулаком, после чего голова гулко ударилась об калитку. Совершив этот подвиг с большой стремительностью и легкостью, мистер Уэллер взвалил себе на спину мистера Пиквика и побежал по переулку вслед за мистером Уинклем с быстротой совершенно изумительной, если принять во внимание тяжесть его ноши.

– Отдышались ли вы, сэр? – осведомился Сэм, когда они добрались до конца переулка.

– Вполне. Теперь вполне, – отвечал мистер Пиквик.

– Тогда идемте, сэр, – сказал Сэм, спуская своего хозяина на землю. – Идите между нами, сэр. Осталось пробежать меньше полумили. Вообразите, что вам надо выиграть кубок, сэр. Вперед!

После такого поощрения мистер Пиквик заставил поработать свои ноги. Можно с уверенностью сказать, что ни одна пара черных гетр не летела быстрее, чем гетры мистера Пиквика в тот достопамятный день.

Карета ждала, лошади отдохнули, дорога была хорошая, и кучер в ударе. Вся компания благополучно прибила в гостиницу «Кустарник», раньше чем мистер Пиквик успел отдышаться.

– Скорей входите в дом, сэр! – сказал Сэм, высаживая своего хозяина из кареты. – Ни секунды не стойте на улице после таких упражнений. Прошу прощения, сэр, – продолжал Сэм, прикасаясь к шляпе, когда мистер Уинкль вышел из экипажа, – надеюсь, никакой прежней привязанности не было, сэр?

Мистер Уинкль пожал руку своему скромному другу и прошептал ему на ухо:

– Все в порядке, Сэм, в полном порядке!

После сего мистер Уэллер трижды хлопнул себя по носу в знак понимания, улыбнулся, подмигнул и стал убирать подножку экипажа, причем его физиономия выражала живейшее удовлетворение.

Что касается ученого джентльмена, то он в мастерски составленном трактате установил, что этот чудесный свет был вызван электрическим разрядом, и он ясно доказал это, обстоятельно изложив, как перед его глазами возникла ослепительная искра, когда он высунул голову из калитки, и как он испытал шок, который оглушил его на четверть часа; это доказательство восхитило все научные общества и привело к тому, что он стал светилом науки.

ГЛАВА XL

знакомит мистера Пиквика с новой и небезынтересной сценой в великой драме жизни

Остаток времени, которое мистер Пиквик отвел пребыванию в Бате, прошел без каких-либо серьезных происшествий. Началась летняя сессия суда. К концу первой недели мистер

Пиквик и его друзья вернулись в Лондон; мистер Пиквик, разумеется в сопровождении Сэма, отправился прямо на свою старую квартиру в «Джордже и Ястребе».

На третье утро после приезда, как раз в тот момент, когда все часы в городе порознь выбивали девять ударов, а все вместе – около девятисот девяноста девяти, и Сэм прогуливался в переулочке «Джорджа», подъехал какой-то странный свежевыкрашенный экипаж, из коего выскочил с большим проворством, бросив вожжи сидевшему рядом с ним толстому человеку, какой-то странный джентльмен, который, казалось, был создан для экипажа, как экипаж для него.

Этот экипаж не был в точном смысле гигом, не был и стенхопом. Он не походил на охотничью[124] или на фермерскую двуколку, не был похож на двуколку для прогулок или на кабриолет без верха, и тем не менее у него было некоторое сходство с каждым из этих сооружений. Он был окрашен в ярко-желтый цвет, с черными оглоблями и колесами; кучер имел ортодоксально спортивный вид, сидя на подушках, нагроможденных на два фута выше перил. Лошадь была гнедая, довольно красивая, но в ней безусловно чувствовалось нечто вульгарное, что хорошо гармонировало как с экипажем, так и с ее хозяином.

Сам хозяин оказался человеком лет сорока, с черными волосами и тщательно расчесанными бакенбардами. Он был одет чрезвычайно щеголевато, носил множество драгоценных вещей – каждая в три раза крупнее, чем принято носить джентльменам, – и в довершение всего толстое пальто. В один карман этого пальто он засунул левую руку, как только вышел из экипажа, а из другого вытащил правой рукой яркий и ослепительный шелковый носовой платок, которым смахнул две-три пылинки с башмаков, а затем, скомкав его в руке, важно прошел по переулку.

От внимания Сэма не ускользнуло, что оборванный человек в коричневом пальто, лишенном многих пуговиц, который до сей поры слонялся по другой стороне улицы, перешел улицу, когда эта особа вышла из экипажа, и остановился поблизости. Почти угадывая цель визита этого джентльмена, Сэм опередил его на пути к «Джорджу и Ястребу» и, круто повернувшись, загородил ему вход.

– Ну-ка, любезный! – повелительным тоном сказал человек в толстом пальто, пытаясь оттолкнуть Сэма.

– В чем дело, сэр? – отозвался Сэм, возвращая толчок со сложными процентами.

– Бросьте эти штуки, любезный: со мной не пройдет! – сказал владелец толстого пальто, повышая голос и бледнея. – Сюда, Смауч!

– Ну, что такое? – проворчал человек в коричневом пальто, который, крадучись, прошел по переулку во время этого короткого диалога.

– Да вот этот молодой человек обнаглел, – отвечал его начальник, снова толкая Сэма.

– Без глупостей! – буркнул Смауч, толкнув Сэма еще раз и посильнее.

Этот последний толчок произвел эффект, на который рассчитывал опытный мистер Смауч, ибо, пока Сэм, горя желанием ответить на любезность, притиснул этого джентльмена к косяку двери, владелец толстого пальто прошмыгнул мимо и направился в буфетную. Сэм последовал за ним, предварительно обменявшись некоторыми эпитетами с мистером Смаучем.

– Доброе утро, моя милая, – сказал владелец толстого пальто, обращаясь к молодой леди за стойкой с развязностью, присущей обитателям Ботени-Бей[125] и с аристократическими замашками, свойственными жителям Нового Южного Уэльса.

– Где комната мистера Пиквика, моя милая?

– Проводите его наверх, – сказала буфетчица лакею в ответ на этот вопрос, не подарив взглядом щеголя.

Лакей пошел наверх, как было ему приказано, а за ним следовал человек в толстом пальто и сзади – Сэм, который, поднимаясь по лестнице, делал разнообразные жесты, выражавшие

крайнее презрение и возмущение, к неописуемому удовольствию служанок и прочих зрителей. Мистер Смауч, терзаемый отчаянным кашлем, остался внизу и отхаркивался в коридоре.

Мистер Пиквик крепко спал, когда ранний гость, а за ним Сэм вошли в комнату. Шум, какой они при этом подняли, разбудил его.

– Воды для бритья, Сэм! – сказал мистер Пиквик из-за занавесок. ..

– Брейтесь сейчас же, мистер Пиквик, – сказал гость, отдергивая занавеску у изголовья кровати. – Мне поручено привести в исполнение постановление суда по иску Бардл. Вот распоряжение. Суд Общих Тяжб. Вот моя визитная карточка. Полагаю, вы отправитесь ко мне?

Дружески хлопнув мистера Пиквика по плечу, представитель шерифа (ибо это был он) бросил свою визитную карточку на одеяло и достал из жилетного кармана золотую зубочистку.

– Моя фамилия Немби, – сказал представитель шерифа, когда мистер Пиквик вытащил очки из-под подушки и надел их, чтобы прочесть карточку. – Немби, Белл Аллей, Кольмен-стрит.

Тут Сэм Уэллер, который все время не спускал глаз с блестящей касторовой шляпы мистера Немби, вмешался.

– Вы – квакер[126]? – спросил Сэм.

– Вы узнаете, кто я, раньше, чем я расстанусь с вами, – отвечал возмущенный чиновник. – В один из ближайших дней я вас научу хорошим манерам, любезный.

– Благодарю вас, – сказал Сэм. – А пока что я вас буду учить. Снимите шляпу.

С этими словами мистер Уэллер ловко отшвырнул шляпу мистера Немби в другой конец комнаты с такою силою, что тот чуть было не проглотил свою золотую зубочистку.

– Прошу это заметить, мистер Пиквик, – сказал потрясенный чиновник, едва переводя дух. – Я подвергся нападению вашего слуги в вашей комнате при исполнении служебных обязанностей. Мне нанесено личное оскорбление. Я призываю вас в свидетели!

– Ничего не свидетельствуйте, сэр, – перебил Сэм. – Хорошенько закройте глаза, сэр. Я бы его вышвырнул в окно, если бы ему было куда лететь, но под окном крыша.

– Сэм! – сердито сказал мистер Пиквик, пока его слуга всячески демонстрировал свои враждебные намерения. – Если вы скажете еще слово или причините этому человеку хотя бы малейшее беспокойство, я сейчас же откажу вам от места.

– Но... сэр... – возразил Сэм.

– Молчите! – перебил мистер Пиквик. – Поднимите шляпу.

Но Сэм категорически и наотрез отказался это сделать, и, после того как он получил строгий выговор от своего хозяина, чиновник, очень спешивший, согласился поднять ее сам, изливая при этом на Сэма поток самых разнообразных угроз, которые сей джентльмен принял с полным спокойствием, заметив, что, если мистеру Немби будет угодно снова надеть шляпу, он ее отправит на край света. Мистер Немби, считая, быть может, что подобная операция чревата для него неудобствами, предпочел не давать повода для соблазна и поспешил призвать наверх Смауча. Уведомив его, что все формальности выполнены и что он должен ждать, пока арестованный закончит свой туалет, Немби важно вышел из комнаты и уехал.

Смауч угрюмо предложил мистеру Пиквику «поторапливаться, ибо дело не терпит», придвинул стул к двери и стал ждать, пока мистер Пиквик одевался. Затем Сэм был послан за каретой, в которой все три мужа отправились на Кольмен-стрит. Расстояние было небольшое, – к счастью, ибо мистер Смауч, будучи отнюдь не блестящим собеседником, оказался к тому же решительно неприятным компаньоном в таком тесном помещении вследствие физического недуга, о котором мы упоминали выше.

Карета, свернув в очень узкую и темную улицу, остановилась перед домом с железными решетками во всех окнах; дверь этого дома была украшена именем и званиям: «„Немби,

чиновник при лондонских шерифах“; внутренние ворота открыл джентльмен, которого можно было принять за пребывающего в ничтожестве брата-близнеца мистера Смауча и который был вооружен огромным ключом от ворот, и мистера Пиквика ввели в общую столовую».

Эта комната выходила окнами на улицу; отличительными ее признаками был свежий песок и затхлый запах табака. Мистер Пиквик поклонился трем индивидам, которые находились в комнате, куда он вошел, и, послав Сэма за Перкером, удалился в темный угол и оттуда стал рассматривать с некоторым любопытством новых сотоварищей.

Хотя еще не было десяти часов, один из них, почти мальчик, лет девятнадцати-двадцати, пил джин с водой и курил сигару – развлечения, коим, судя по его воспаленной физиономии, он в течение последних двух лет предавался довольно упорно. Против него, занимаясь размешиванием углей в камине носком правого башмака, находился грубый, вульгарный молодой человек лет тридцати, с испитым лицом и резким голосом, по-видимому обладавший тем знанием жизни и той чарующей развязностью, которые приобретаются в трактирах и дрянных бильярдных. Третий из находившихся в комнате был человек средних лет, в очень старом сером костюме, бледный и изможденный; он неустанно шагал взад и вперед по комнате, то и дело останавливаясь, чтобы тревожно поглядеть в окно, словно кого-то ждал, а затем снова начиная бродить.

– Вы могли бы воспользоваться сегодня моей бритвой, мистер Эйрсли, – сказал человек, который размешивал угли, украдкой подмигивая своему приятелю, юноше.

– Нет, благодарю вас, она мне не понадобится; через час или два я рассчитываю выйти отсюда, – торопливо ответил тот.

Потом он еще раз подошел к окну, снова возвратился ни с чем, глубоко вздохнул и вышел из комнаты; двое других громко расхохотались.

– Никогда не видел такой потехи, – сказал джентльмен, предлагавший бритву и чья фамилия, как оказалось, была Прайс. – Никогда!

Мистер Прайс подкрепил эти слова ругательством и снова захохотал, а юноша (который считал своего приятеля одним из чудеснейших людей), конечно, вторил ему.

– Подумайте только! – продолжал Прайс, обращаясь к мистеру Пиквику. – Вчера исполнилась неделя, как этот человек сидит здесь, и он ни разу не брился; уверен, что его выпустят через полчаса, так что бритье можно отложить до возвращения домой.

– Бедняга! – воскликнул мистер Пиквик. – И у него действительно есть шансы выпутаться из затруднения?

– Какие к черту шансы! – отозвался Прайс. – У него и намека нет на них. Я бы вот этого не дал за его шансы разгуливать по улицам через десять лет.

С этими словами мистер Прайс презрительно щелкнул пальцами и позвонил.

– Дайте мне лист бумаги, Круки, – приказал мистер Прайс слуге, который костюмом и внешностью напоминал нечто среднее между обанкротившимся скотоводом и разорившимся погонщиком, – и стакан грогу, слышите, Круки? Я хочу написать отцу, и мне нужно возбудительное, иначе не удастся напасть на старика с достаточной энергией.

Вряд ли следует упоминать о том, что, услышав эту остроумную речь, юноша расхохотался чуть ли не до судорог.

– Правильно! – согласился мистер Прайс. – Никогда не падайте духом. Все на свете вздор, не так ли?

– Великолепно! – воскликнул молодой джентльмен.

– У вас есть бодрость, что и говорить, – сказал Прайс. – Вы видели жизнь.

– Еще бы не видел! – отозвался юноша.

Он видел ее сквозь грязные стекла трактира.

Мистер Пиквик, чувствуя немалое отвращение к этому диалогу, а также к тону и манерам тех, которые его вели, только хотел было спросить, не может ли он получить отдельную комнату, как к ним вошли три человека вполне приличного вида, заметив которых мальчик бросил свою сигару в камин и, шепнув мистеру Прайсу, что они пришли «улаживать его дело», уселся вместе с ними за стол в другом конце комнаты.

Оказалось, однако, что уладить дело далеко не так легко, как предполагал молодой джентльмен, ибо последовал очень длинный разговор, и мистер Пиквик невольно услышал гневные фразы, касающиеся распущенной жизни и не раз дарованного прощения. Затем последовало очень ясное упоминание, сделанное старшим из джентльменов, об Уайткросс-стрит[127], после чего молодой джентльмен, невзирая на свой апломб и свою бодрость и на свое знание жизни в придачу, опустил голову на стол и горестно разрыдался.

Весьма довольный тем, что юноша столь внезапно забыл о своей доблести и столь основательно сбавил тон, мистер Пиквик позвонил и был переведен, по его просьбе, в отдельную комнату, снабженную ковром, столом, стульями, буфетом, диваном и украшенную зеркалом и старыми гравюрами. Сидя в ожидании завтрака, он имел удовольствие слушать над своей головой игру миссис Немби на рояле. Вместе с завтраком явился и мистер Перкер.

– Так... пригвождены, наконец, уважаемый сэр? – сказал маленький поверенный. – Ну что ж, я об этом не жалею, потому что теперь вы поймете нелепость такого поведения. Я подсчитал все расходы – судебные издержки и возмещение убытков, словом всю сумму, на которую выдан исполнительный лист, и лучше мы уладим дело сейчас же, не теряя времени. Полагаю, Немби уже вернулся домой. Что скажете, уважаемый сэр? Я выдам чек или вы сами это сделаете?

Говоря это, маленький поверенный потирал руки с притворной беззаботностью, но, посмотрев на физиономию мистера Пиквика, не мог не бросить унылого взгляда в сторону Сэма Уэллера.

– Перкер, прошу вас больше со мной об этом не говорить, – сказал мистер Пиквик. – Я не вижу оснований оставаться здесь и сегодня же вечером отправлюсь в тюрьму.

– Но нельзя же вам ехать на Уайткросс-стрит, уважаемый сэр! – воскликнул Перкер. – Это немыслимо! Там шестьдесят кроватей в каждой камере и дверь на засове шестнадцать часов в сутки.

– Я бы предпочел какое-нибудь другое место заключения, если это возможно, – сказал мистер Пиквик. – Если же нельзя, то я должен с этим примириться.

– Вы можете отправиться во Флит[128], уважаемый сэр, раз уж вы решили сидеть в тюрьме, – предложил Перкер.

– Хорошо, – сказал мистер Пиквик. – Я туда и отправлюсь, как только позавтракаю.

– Постойте, уважаемый сэр. Совершенно незачем так спешить, чтобы попасть туда, откуда большинство людей так стремится вырваться, – сказал добродушный маленький поверенный. – Нам еще нужно получить habeas corpus[129]. До четырех часов дня ни одного судьи не застать в судебных камерах. Вам придется подождать.

– Прекрасно, – сказал мистер Пиквик спокойно и твердо. – В таком случае в два часа мы еще съедим здесь отбивные котлеты. Позаботьтесь об этом, Сэм, и распорядитесь, чтобы они были поданы вовремя.

Мистер Пиквик, несмотря на все увещания и доводы Перкера, остался непоколебим. Котлеты появились и исчезли своевременно; затем его усадили в наемную карету и повезли в Чансери-Лейн, но лишь после того, как он около получаса ждал мистера Немби, которого никак нельзя было потревожить раньше, ибо он пригласил к обеду избранное общество.

В Сарджентс-Инне[130] дежурили двое судей – Суда Королевской Скамьи и Суда Общих Тяжб – и дела у них было по горло, если судить по количеству адвокатских клерков, шнырявших взад и вперед с кипами бумаг. Когда они подъехали к низкой арке, которая служит

входом в Сарджентс-Инн, Перкера задержали на несколько минут переговоры с извозчиком о плате и сдаче, а мистер Пиквик, отойдя в сторону от потока людей, входивших и выходивших, стал спокойно и не без любопытства наблюдать.

Особое его внимание привлекли три-четыре человека потрепанно-элегантного вида, которые кланялись многим проходившим поверенным и, казалось, явились сюда по какому-то делу, характер коего мистер Пиквик не мог угадать. Странная была внешность у этих людей. Один – тощий и слегка прихрамывавший, в порыжевшем черном костюме с белым галстуком; другой – плотный, массивный, в таком же костюме, с большим красновато-черным платком вокруг шеи; третий маленький, сморщенный, на вид пьяный, с прыщеватым лицом. Они бродили, заложив руки за спину, и время от времени взволнованно шептали что-то на ухо кому-нибудь из джентльменов, пробегавших мимо с бумагами. Мистер Пиквик припомнил, что очень часто видел их слоняющимися под аркой, когда ему случалось здесь проходить, и воспылал желанием узнать, в чем же, собственно, состоит профессия этих грязных проходимцев.

Он собирался задать этот вопрос Немби, который стоял неотступно за его спиной, посасывая толстое золотое кольцо на мизинце, но к ним подбежал Перкер и, заметив, что не к чему терять время, вошел в здание Инна. Когда мистер Пиквик двинулся вслед за ним, к нему подошел хромой субъект и, вежливо прикоснувшись к шляпе, протянул написанную от руки визитную карточку, которую мистер Пиквик, не желая его обидеть отказом, учтиво принял и спрятал в жилетный карман.

– Сюда! – сказал Перкер у входа в одну из контор, оглядываясь, следуют ли за ним его спутники. – Входите, уважаемый сэр. А вам что нужно?

Этот вопрос был обращен к хромому, который незаметно для мистера Пиквика присоединился к компании. В ответ на это хромой снова с величайшей учтивостью притронулся к шляпе и указал на мистера Пиквика.

– Пет, вы нам не нужны, мой друг, вы нам не нужны, – с улыбкой сказал Перкер.

– Прошу прощенья, сэр, – возразил хромой, – джентльмен взял мою карточку. Надеюсь, вы воспользуетесь моими услугами, сэр. Джентльмен мне кивнул. Пусть решает сам джентльмен. Вы мне кивнули, сэр?

– Вздор! Вы никому не кивали, Пиквик? Ошибка, ошибка, – сказал Перкер.

– Джентльмен вручил мне свою визитную карточку, – отвечал мистер Пиквик, извлекая ее из жилетного кармана. – Я ее взял, потому что таково было, по-видимому, желание джентльмена – в сущности мне любопытно было взглянуть на нее на досуге. Я...

Маленький поверенный громко расхохотался и, возвращая карточку хромому, уведомил его, что произошла ошибка, а когда тот с негодованием удалился, шепнул мистеру Пиквику, что это всего-навсего поручитель.

– Кто? – переспросил мистер Пиквик.

– Поручитель, – повторил Перкер.

– Поручитель?

– Да, уважаемый сэр, их здесь с полдюжины. Поручатся за вас, какова бы ни была сумма, и возьмут только полкроны. Любопытный промысел, не правда ли? – сказал Перкер, угощаясь понюшкой табаку.

– Что? Так ли я вас понимаю? Эти люди зарабатывают себе на жизнь тем, что ждут здесь и лжесвидетельствуют перед судьями этой страны, беря полкроны за преступление! – воскликнул мистер Пиквик, потрясенный таким разоблачением.

– Ну, я в сущности ничего не знаю о лжесвидетельстве, уважаемый сэр, – отвечал маленький джентльмен. – Резкое слово, уважаемый сэр, очень резкое слово. Это юридическая фикция, уважаемый сэр, и только.

Он пожал плечами, улыбнулся, взял вторую понюшку табаку и вошел в канцелярию, где находился клерк судьи.

Это была на редкость грязная комната с очень низким потолком и старой панелью на стенах и так плохо освещенная, что хотя дело происходило средь бела дня, на конторках горели большие сальные свечи. В одном конце находилась дверь, ведущая в кабинет судьи, у которой собралась толпа поверенных и старших клерков; их вызывали по очереди, в порядке записи. Каждый раз, когда эта дверь открывалась, выпуская выходившую группу, следующая группа неистово бросалась вперед, чтобы войти; а так как в добавление к многочисленным диалогам, происходившим между джентльменами, которые желали видеть судью, возникали всевозможные ссоры между теми, кто его уже видел, то шум был такой, какой только можно поднять в столь тесном помещении.

Однако разговоры этих джентльменов были не единственными звуками, поражавшими слух. За деревянными ширмами в другом конце комнаты стоял на ящике клерк в очках, отбиравший письменные показания под присягой, пачки которых другой клерк время от времени относил на подпись судье. Нужно было привести к присяге большое количество адвокатских клерков, а так как, по моральным основаниям, приводить всех сразу нельзя, то усилия этих джентльменов добраться до клерка в очках напоминали усилия толпы ворваться в театр, когда его всемилостивейшее величество удостаивает последний своим посещением. Третий чиновник время от времени упражнял свои легкие, выкрикивая фамилии принявших присягу, чтобы вернуть им показания, уже подписанные судьей, что служило поводом для новых драк; все это происходило одновременно и вызывало суматоху, которая могла доставить удовольствие самому энергическому и беспокойному человеку. Была здесь еще одна категория лиц: они ждали вызова своих отсутствующих патронов по тем делам, по которым присутствие поверенного противной стороны было необязательно; их занятие состояло в том, что они выкрикивали время от времени фамилию поверенного противной стороны, чтобы удостовериться, находится ли он здесь – вопреки ожиданию.

Так, например, прислонясь к стене, за стулом, который занял мистер Пиквик, стоял конторский мальчик лет четырнадцати, говоривший тенором, а рядом с ним – гражданский клерк, говоривший басом.

Вбежал клерк со связкой бумаг и осмотрелся вокруг.

– Снигль и Бдинк! – крикнул тенор.

– Поркин и Сноб! – зарычал бас.

– Стампи и Дикон! – провозгласил вновь прибывший.

Никто не ответил. Следующего вошедшего клерка окликнули все трое, а он в свою очередь назвал другую фирму; затем еще кто-то заревел очень громко, называя новую фирму, и так далее.

В это время человек в очках работал неустанно, приводя к присяге клерков; привод к присяге неизменно звучал без знаков препинания и обычно в таком виде:

– Возьмите книгу в правую руку это ваша фамилия и подпись вы клянетесь что содержание этого вашего показания истинно да поможет вам бог с вас шиллинг разменяйте нет сдачи...

– Ну, Сэм, – сказал мистер Пиквик, – надеюсь, habeas corpus для меня уже получен?

– Он-то получен, – отозвался Сэм, – но я хотел бы, чтобы они вынесли сюда этот корпус. Очень невежливо заставлять нас ждать. За это время я бы приготовил и упаковал полдюжины таких корпусов.

Каким громоздким и неудобным сооружением Сэм Уэллер представлял себе приказ habeas corpus, не выяснено, ибо в этот момент подошел Перкер и увел мистера Пиквика.

После обычных формальностей особа Сэмюела Пиквика была сдана под охрану представителя шерифа, для тоге чтобы тот доставил его начальнику Флитской тюрьмы, в которой мистеру Пиквику надлежало оставаться до тех пор, пока возмещение убытков и судебные издержки по делу Бардл против Пиквика не будут полностью оплачены.

– А это случится очень не скоро, – улыбаясь, сказал мистер Пиквик. – Сэм, наймите карету. Перкер, дорогой друг, прощайте.

– Я поеду с вами и позабочусь, чтобы все было в порядке, – сказал Перкер.

– Нет, – возразил мистер Пиквик, – я бы предпочел ехать только с Сэмом. Когда я там устроюсь, я сейчас же вам напишу и буду вас ждать. А пока до свиданья!

С этими словами мистер Пиквик в сопровождении представителя шерифа уселся в карету, которую уже подали. Сэм поместился на козлах, и карета укатила.

– Необыкновенный человек! – воскликнул Перкер, останавливаясь, чтобы надеть перчатки.

– Какой банкрот вышел бы из него! – заметил мистер Лаутен, стоявший поблизости. – Как бы он досадил уполномоченным! Он бы их в тупик поставил, если бы они заговорили об аресте, сэр.

Поверенному, по-видимому, не понравилось профессиональное мнение его клерка о характере мистера Пиквика, ибо он удалился, не удостоив его ответом.

Наемная карета тряслась по Флит-стрит, по примеру всех наемных карет. Лошади «шли лучше», по словам извозчика, когда что-нибудь двигалось впереди (должно быть, они развивали исключительную скорость, когда перед ними не было ничего), и на этом основании карета тащилась за фургоном: когда фургон останавливался, она тоже останавливалась; когда фургон трогался с места, она следовала его примеру. Мистер Пиквик сидел против представителя шерифа; полисмен, поместив шляпу меж колен, сидел, насвистывая какой-то мотив и глядя в окно кареты.

Время творит чудеса. С помощью этого всемогущего старого джентльмена даже наемная карета преодолевает расстояние в полмили. Наконец, они остановились, и мистер Пиквик вышел у ворот Флитской тюрьмы.

Представитель шерифа, оглянувшись через плечо, дабы убедиться, что арестованный следует за ним по пятам, ввел мистера Пиквика в тюрьму; повернув налево, они через открытую дверь прошли в караульню, откуда тяжелые ворота, находившиеся прямо против тех, через которые они прошли, и охраняемые дородным тюремщиком с ключом в руке, вели во внутреннее помещение тюрьмы.

Тут они замешкались, пока представитель шерифа сдавал свои бумаги, и мистер Пиквик узнал, что здесь он и останется, пройдя предварительно через процедуру, известную посвященным под названием «позировать для портрета».

– Позировать для портрета! – воскликнул мистер Пиквик.

– С вас снимут портрет, сэр, – отвечал дородный тюремщик. – Мы здесь мастера по портретам. Снимаем в один момент и всегда точно. Входите, сэр, и располагайтесь здесь, как дома.

Мистер Пиквик принял приглашение и сел, а мистер Уэллер, поместившись за спинкой кресла, шепнул, что позировать – значит подвергнуться осмотру различных тюремщиков, чтобы те могли отличать арестантов от посетителей.

– Все это прекрасно, Сэм, – сказал мистер Пиквик, – только бы поскорее явились эти художники. Здесь слишком людное место.

– Я думаю, они не замешкаются, – отвечал Сэм. – Взгляните, здесь голландские часы, сэр.

– Вижу, – отозвался мистер Пиквик,

– И клетка для птиц, сэр, – продолжал Сэм. – Колесо в колесе, тюрьма в тюрьме. Не правда ли, сэр?

Когда мистер Уэллер сделал это философское замечание, мистер Пиквик обнаружил, что сеанс начался. Дородный тюремщик, которого сменили, уселся и время от временя досматривал на него небрежно, а долговязый худой субъект, сменивший первого, заложил руки под фалды сюртука и, поместившись напротив, разглядывал его очень внимательно. Третий, – довольно угрюмый джентльмен, которого, по-видимому, оторвали от чаепития, ибо он доедал корку хлеба с маслом, когда вошел в комнату, – расположился рядом с мистером Пиквиком и, подбоченившись, пристально созерцал его. Еще двое присоединились к группе и с глубокомысленными физиономиями изучали черты его лица. Мистер Пиквик сильно морщился во время этой процедуры и, казалось, чувствовал себя неловко, но, пока она длилась, он не сделал ни одного замечания никому, даже Сэму, который облокотился на спинку кресла, размышляя отчасти о положении своего хозяина, а отчасти о том огромном удовольствии, с каким он набросился бы на всех тюремщиков, здесь собравшихся, если бы это было дозволено законом и порядками.

Наконец, «портрет» был закончен, и мистера Пиквика уведомили, что теперь он может отправиться в тюрьму.

– Где я буду спать эту ночь? – полюбопытствовал мистер Пиквик.

– Насчет этой ночи я ничего не могу сказать, – ответил дородный тюремщик. – Завтра вам найдут сожителей, и тогда вам будет уютно и удобно. Первая ночь обыкновенно бывает неважной, а завтра вы будете устроены как следует.

После переговоров выяснилось, что один из тюремщиков «сдает» кровать, которой мистер Пиквик может воспользоваться на эту ночь. Он охотно согласился «снять» ее.

– Пойдемте со мною, я вам сейчас же ее покажу, – сказал тюремщик. – Она невелика, но спится на ней необыкновенно хорошо. Сюда, сэр!

Они вошли во внутренние ворота и спустились по небольшой лестнице. Ключ повернулся за ними, и мистер Пиквик впервые в жизни очутился в стенах долговой тюрьмы.

ГЛАВА XLI.

Что произошло с мистером Пиквиком, когда он попал во Флит, каких заключенных он там увидел и как он провел ночь

Мистер Том Рокер, джентльмен, который ввел мистера Пиквика в тюрьму, спустившись по небольшой лестнице, круто повернул направо и, пройдя железные ворота, открытые настежь, поднялся по другой небольшой лестнице и вошел в длинную узкую галерею[131], грязную и низкую, с каменным полом и двумя окнами в противоположных концах, пропускавшими тусклый свет.

– Вот! – сказал джентльмен, засовывая руки в карманы и небрежно оглядываясь на мистера Пиквика, – Вот это лестница в подвал.

– О! – отозвался мистер Пиквик, посмотрев вниз на темную грязную лестницу, которая, казалось, вела в сырые и мрачные каменные склепы под землею. – А там, вероятно, находятся маленькие погреба, где заключенные хранят свой скудный запас угля? Неприятные закоулки, когда приходится туда спускаться, но, надо думать, очень удобные.

– Еще бы не удобные, – отвечал джентльмен, – когда видишь, сколько народу там живет, и довольно уютно. Это и есть Ярмарка.

– Мой друг, – спросил мистер Пиквик, – неужели вы хотите сказать, что в этих отвратительных подземельях живут люди?

– Хочу ли я это сказать? – отвечал мистер Рокер удивленно и негодующе.

– А почему бы мне не хотеть?

– Живут! Живут там, внизу! – воскликнул мистер Пиквик.

– Да, живут там, внизу! А также умирают там, внизу, очень часто, – отвечал мистер Рокер. – Что же тут такого? Кто может против этого возражать? Живут там, внизу? Да разве это не прекрасное место для жилья?

Так как Рокер при этих словах повернулся к мистеру Пиквику и вдобавок возбужденно пробормотал несколько невнятных ругательств, сей последний джентльмен счел уместным не продолжать беседы. Затем мистер Рокер начал подниматься по другой лестнице, такой же грязной, как и та, что вела в помещение, только что служившее предметом разговора. Мистер Пиквик и Сэм неотступно следовали за ним.

– Вот... – сказал мистер Рокер, останавливаясь, чтобы отдышаться, когда они добрались до следующей галереи таких же размеров, как и нижняя. – На этом этаже находится общая столовая, выше будет третий этаж, а за ним – еще один. А вы переночуете сегодня в комнате смотрителя, вот здесь, идемте.

Изложив все это одним духом, мистер Рокер стал подниматься еще на один этаж, мистер Пиквик и Сэм Уэллер следовали за ним по пятам. На эти лестницы проникал свет из нескольких окон, находившихся невысоко над полом и выходивших во двор, усыпанный гравием и обнесенный высокой кирпичной стеной с железными рогатками наверху. Как выяснилось из слов мистера Рокера, это был двор для игры в мяч, и далее выяснилось из показаний того же джентльмена, что был еще один двор, поменьше, в той части тюремных владений, которая примыкала к Феррингдон-стрит, прозванный и именуемый «Живописным двором», ибо его стены некогда были покрыты изображениями различных кораблей, идущих на всех парусах, и другими художественными изображениями, исполненными в былые времена каким-то заключенным в тюрьму рисовальщиком в часы досуга.

Сообщив эти важные сведения, скорее с целью от них освободиться, чем с намерением просветить мистера Пиквика, проводник добрался, наконец, до следующей галереи, свернул в маленький коридор в дальнем конце, открыл дверь и обнаружил помещение на вид отнюдь не привлекательное, где стояло восемь или девять железных кроватей.

– Вот комната! – сказал мистер Рокер, придерживая дверь и с торжеством взирая на мистера Пиквика.

Однако лицо мистера Пиквика выражало столь мало удовольствия при виде этого помещения, что мистер Рокер стал искать сочувствия на физиономии Сэмюела Уэллера, который до сей поры хранил величественное молчание.

– Вот комната, молодой человек, – повторил мистер Рокер.

– Вижу, – отвечал Сэм, безмятежно кивнув головой.

– Вы не предполагали найти такую комнату в Феррингдонском отеле[132], а? – осведомился мистер Рокер с самодовольной улыбкой.

В ответ мистер Уэллер ловко и непринужденно закрыл один глаз; это можно было толковать в зависимости от фантазии наблюдателя: то ли он так думает, то ли не думает, то ли вообще об этом не задумывался. Показав этот фокус и снова открыв глаз, мистер Уэллер пожелал узнать, к какой именно кровати относится лестное мнение мистера Рокера, будто на ней необыкновенно хорошо спится.

– Вот она, – ответил мистер Рокер, указывая на сильно заржавленную кровать в углу. – Она любого заставит заснуть, хочет он того или нет, – вот какая это кровать.

– Пожалуй, – заметил Сэм, с крайним отвращением созерцая вышеупомянутый предмет обстановки, – я бы сказал, что опиум ничего не стоит по сравнению с нею.

– Ровно ничего! – подтвердил мистер Рокер.

– И надо думать, – продолжал Сэм, искоса взглянув на своего хозяина, словно в надежде удостовериться, что все происходящее поколебало его решимость, – и, надо думать, другие джентльмены, которые спят здесь, настоящие джентльмены?

– Самые настоящие, – отвечал мистер Рокер. – Один из них выпивает двенадцать пинт эля ежедневно и не перестает курить даже за едой.

– Должно быть, это первоклассный джентльмен, – сказал Сэм.

– Первый сорт, – отозвался мистер Рокер.

Отнюдь не устрашенный даже такими сведениями, мистер Пиквик, улыбаясь, объявил о своем решении испытать в течение этой ночи действие наркотической кровати, и мистер Рокер, уведомив его, что он может лечь спать, когда ему вздумается, без дальнейших предупреждений и формальностей, удалился, оставив его с Сэмом в галерее.

Темнело; это означало, что здесь, где никогда не бывает светло, зажглось несколько газовых рожков, как бы в знак приветствия наступавшему вечеру. Так как было довольно жарко, кое-кто из обитателей многочисленных каморок, расположенных по обеим сторонам галереи, приоткрыл свою дверь. Проходя мимо, мистер Пиквик заглядывал в них с большим интересом и любопытством.

В одной из камер четверо или пятеро рослых неуклюжих молодцов, которых едва можно было разглядеть сквозь облако табачного дыма, шумно беседовали за недопитыми кружками пива или играли во «все четыре» колодой засаленных карт. В смежной камере какой-то одинокий жилец, склонившийся при свете жалкой сальной свечи над пачкой грязных, изорванных бумаг, пожелтевших от пыли и полусгнивших от времени, писал в сотый раз какую-то бесконечную жалобу какому-то великому человеку, чьи глаза никогда ее не увидят и чье сердце она никогда не тронет. В третьей камере можно было видеть мужа с женой и целой оравой детей, устраивавших на полу или на стульях убогую постель, чтобы уложить самых маленьких. И в четвертой, и в пятой, и в шестой, и в седьмой все тот же шум, и пиво, и табачный дым, и карты.

В галереях, и в особенности по лестницам, слонялось множество людей, которые пришли сюда: одни – потому, что их камеры были пусты и неуютны, другие – потому, что их камеры битком набиты и жарки; большинство – потому, что не находило тишины и покоя и не знало, чем себя занять. Здесь было очень много людей самых разнообразных категорий – от рабочего в бумазейной куртке до разорившегося кутилы в халате, разумеется с продранными локтями; но у всех было нечто общее – вялое тюремное беспечное чванство, наглый, заносчивый вид, который немыслимо описать словами, но который мгновенно уловит всякий, пусть только зайдет в ближайшую долговую тюрьму и присмотрится к первой попавшейся группе ее обитателей с тем же интересом, с каким смотрел мистер Пиквик.

– Меня удивляет, Сэм, – сказал мистер Пиквик, перегнувшись через перила на площадке лестницы, – что заключение в тюрьму за долги в сущности не является наказанием.

– Вы так думаете, сэр? – спросил мистер Уэллер.

– Вы видите, как эти молодцы пьют, курят, кричат, – отвечал мистер Пиквик. – Быть не может, чтобы пребывание здесь их огорчало.

– А, вот в том-то и дело, сэр, – подхватил Сэм, – их это не огорчает, для них это самый что ни на есть праздник – портер и кегли. Но кое-кто страдает от такого дела: те, кто и пивом не могут накачиваться и в кегли не играют и кто заплатил бы, если бы мог, – такие впадают в отчаяние, когда их сажают в тюрьму. Я вам скажу, в чем тут дело, сэр: на того, кто привык бездельничать по трактирам, это наказание совсем не действует, а на того, кто работает когда может, оно действует слишком сильно. Получается неровно, как говорил мой отец, когда ему приготовляли грог и воды было больше, чем джина, получается неровно, вот в чем беда.

– Мне кажется, вы правы, Сэм, – подумав, сказал мистер Пиквик, – совершенно правы.

– Пожалуй, можно встретить иной раз и честных людей, которым это по вкусу, – задумчиво продолжал мистер Уэллер, – но я что-то не слыхал о них, если не считать одного

маленького грязнолицего человечка в коричневой куртке, да и у того это было делом привычки.

– А кто он такой? – осведомился мистер Пиквик.

– А, вот этого-то никто не знал, – отвечал Сэм.

– Но что он сделал?

– Да то же, что в свое время делали многие люди, гораздо более известные, сэр, – сказал Сэм. – Он попробовал перепрыгнуть через самого себя.

– Иными словами, – сказал мистер Пиквик, – он, должно быть, жил выше средств и наделал долгов.

– Именно так, сэр, – отозвался Сэм, – и в результате попал сюда. Долгов было немного – фунтов девять, да впятеро больше на покрытие судебных издержек; но как бы там ни было, а здесь он застрял на семнадцать лет. Появились, правда, у него на лице морщины, но они были замазаны грязью, потому-то и грязное лицо и коричневая куртка остались к концу этого срока такими же, какими были вначале. Он был смирным, безобидным маленьким созданием, всегда за кого-нибудь хлопотал или играл в мяч и никогда не выигрывал; в конце концов тюремщики его полюбили, и каждый вечер он приходил к ним в комнату, болтал с ними, рассказывал разные небылицы и всякую всячину. Как-то вечером сидел он, по обыкновению, с одним своим старым другом, который был дежурным, и вдруг говорит: «Билл, я не видел рынка по ту сторону стены, – говорит (а в ту пору здесь был Флитский рынок), – Билл, я не видел рынка по ту сторону стены вот уже семнадцать лет». – «Знаю, что не видел», – говорит тюремщик, покуривая свою трубку. «Я бы хотел поглядеть на него одну минутку, Билл», – говорит он. «Очень возможно», – говорит тюремщик, сильно затягиваясь трубкой и притворяясь, будто он не понимает, куда клонит тот человек. «Билл, – говорит он с еще большим волнением, – мне в голову пришла фантазия. Позвольте мне поглядеть на людные улицы еще разок перед смертью, и если меня не хватит апоплексический удар, я вернусь через пять минут по часам». «А что со мной будет, если вас хватит апоплексический удар?» – спросил тюремщик. «Ну, – говорит маленькое создание, – кто бы ни нашел меня, Билл, тот наверняка принесет меня домой, потому что моя карточка у меня в кармане, – номер двадцатый, этаж столовой», – и правда, так оно и было, потому что, когда ему хотелось познакомиться с каким-нибудь новичком, он, бывало, вынимал маленькую памятную карточку, а на ней были написаны эти слова, и больше ничего, и потому-то его всегда звали «Номер двадцатый». Тюремщик смотрит на него в упор и, наконец, торжественно заявляет: «Двадцатый, говорит, я вам верю; вы не подведете старого друга». – «Нет, старина, надеюсь, что-то хорошее у меня здесь еще осталось!» – говорит маленький человечек и с этими словами изо всех сил хлопает себя по курточке, и потом из обоих глаз У него вытекает по слезинке, а это было очень удивительно – все думали, что вода никогда не орошала его лица. Он пожал руку тюремщику и ушел...

– И так и не вернулся, – вставил мистер Пиквик.

– На этот раз вы ошиблись, сэр, – возразил мистер Уэллер. – Он возвращается на две минуты раньше назначенного времени и вне себя от злости; рассказывает, как его чуть было не раздавила карета, что он к этому не привык, и будь он проклят, если не напишет лорд-мэру. Наконец, его утихомирили, и с той поры он в течение пяти лет даже не выглядывал за ворота.

– По прошествии этого времени он, вероятно, умер, – сказал мистер Пиквик.

– Нет, не умер, сэр, – отвечал Сэм. – Ему пришла (фантазия пойти отведать пива в новом трактире через улицу, и там был такой уютный кабинетик, что ему взбрело в голову ходить туда каждый вечер; так он и делал долгое время и всегда возвращался регулярно за четверть часа до закрытия ворот; стало быть, все шло очень хорошо и приятно. Наконец, он так разошелся, что начал забывать о времени или вовсе о нем не думал и возвращался все позже и позже; и вот как-то вечером его старый друг как раз запирал ворота – даже ключ уже повернул, когда он является. «Подождите, Билл», – говорит он. «Как, вы еще не вернулись

домой, Двадцатый? – говорит тюремщик. – Я думал, вы давным-давно дома». «Нет еще», – улыбаясь, говорит маленький человечек. «Ну, так вот что я вам скажу, мой друг, – говорит тюремщик, очень медленно и неохотно открывая ворота, – по моему мнению, вы попали в дурную компанию, и мне очень грустно это видеть. Я не хочу вас обижать, но если вы не можете довольствоваться порядочным обществом и приходить домой в положенное время, я вас вовсе не впущу сюда, и это так же верно, как то, что вы сейчас здесь стоите!» Маленький человечек так весь и затрясся и с тех пор никогда не выходил за тюремные стены.

Когда Сэм закончил свой рассказ, мистер Пиквик начал медленно спускаться по лестнице. Задумчиво пройдясь несколько раз по Живописному двору, где почти никого не было, так как уже стемнело, он уведомил мистера Уэллера, что, по его мнению, тому давно пора удалиться на ночь, и попросил его найти пристанище в одном из соседних трактиров и вернуться рано утром, чтобы условиться, как перевезти вещи своего хозяина из «Джорджа и Ястреба». Этому приказанию мистер Сэмюел Уэллер приготовился подчиниться со всей любезностью, на какую был способен, но тем не менее очень явно обнаружил свою неохоту. Он даже безуспешно пытался заговорите, несколько раз о том, как удобно было бы провести эту ночь, растянувшись здесь, на песке, но, убедившись, что мистер Пиквик заупрямился и останется глух к таким намекам, в конце концов удалился.

Нельзя скрыть того факта, что на душе у мистера Пиквика было очень грустно и тревожно – не от недостатка в людях, ибо тюрьма была переполнена, а бутылка вина немедленно, без формальных церемоний знакомства, снискала бы самое дружеское расположение немногих избранных. Но он был одинок в этой грубой, вульгарной толпе и чувствовал уныние и тоску, естественно вытекающие из размышлений о том, что он посажен в клетку и лишен надежды на освобождение. Однако решение освободиться ценой потворства мошенникам Додсону и Фоггу ни на секунду у него не возникало.

В таком расположении духа он вернулся в галерею, где была столовая, и стал медленно прогуливаться. Помещение было нестерпимо грязное, а запах табачного дыма буквально удушливый. Беспрестанно захлопывались с шумом и стуком двери, когда люди входили и выходили, и гул голосов и шагов неумолчно звучал в коридорах. Молодая женщина с ребенком на руках, которая, казалось, едва могла передвигать ноги от истощения и нищеты, бродила по коридору, беседуя со своим мужем, которому больше негде было ее принять. Когда они проходили мимо мистера Пиквика, он слышал, как женщина плакала, а один раз она отдалась такому приступу отчаяния, что должна была прислониться к стене, чтобы не упасть, и мужчина взял на руки ребенка, стараясь ее успокоить.

Мистер Пиквик был так расстроен, что не мог этого вынести и пошел наверх спать.

Хотя комната смотрителя была весьма некомфортабельна (по обстановке и удобствам она занимала место на несколько сот ступеней ниже обыкновенной больничной палаты в провинциальной тюрьме), но в данный момент она отличалась тем преимуществом, что в ней не было никого, кроме самого мистера Пиквика. Поэтому он присел на маленькую железную кровать и задумался над тем, сколько денег смотритель извлекает за год из этой грязной комнаты. Убедившись посредством математических вычислений, что это помещение приносит примерно такой же годовой доход, как улочка в предместьях Лондона, он начал размышлять о том, какой соблазн мог привести грязноватую муху, которая ползала по его панталонам, в эту душную тюрьму, когда она могла выбрать любое приятное помещение. Эти размышления привели его к выводу, что насекомое помешалось. Разрешив этот вопрос, он заметил, что его клонит ко сну, после чего он вытащил ночной колпак из кармана, куда предусмотрительно сунул его утром, не спеша разделся, лег в постель и заснул.

– Браво! Пяткой кверху... режь и скользи... отбивайте, Зефир! Будь я проклят, если балет не ваша стихия! Валяйте дальше! Ура!

Эти неистовые восклицания, сопровождаемые оглушительным смехом, пробудили мистера Пиквика от того крепкого сна, который продолжается около получаса, но спящему кажется растянувшимся на три недели или месяц.

Едва умолк голос, как все в комнате задрожало с такой силой, что задребезжали оконные стекла, а кровати затряслись. Мистер Пиквик привскочил, сел и в течение нескольких минут смотрел в немом изумлении на разыгрывавшуюся перед ним сцену.

Посреди комнаты человек в зеленой куртке с широкими фалдами, в полосатых коротких штанах и серых бумажных чулках выделывал популярнейшие па матросского танца с вульгарной и шутовской пародией на грацию и легкость, что в соединении с его костюмом производило крайне нелепое впечатление. Другой, по-видимому очень пьяный, которого, должно быть, уложили в постель его товарищи, сидел, прикрытый одеялом, распевая с большим чувством и выразительностью куплеты какой-то комической песни; третий, присев на одну из кроватей, аплодировал обоим с видом глубокого знатока и поощрял их тем пылким проявлением чувств, которое и разбудило мистера Пиквика.

Этот человек был превосходным образчиком той породы людей, которую можно увидеть во всем ее блеске только в таких местах. Пожалуй, иной раз встретишь их не во всем блеске по соседству с конюшнями и трактирами, но полного расцвета они достигают только в этих теплицах, которые как будто заботливо созданы законодательной властью с единственной целью их выращивать.

Это был рослый человек с оливковым цветом лица, длинными темными волосами и очень густыми бакенбардами, сходившимися под подбородком; галстука на нем не было, так как он весь день играл в мяч, и открытый ворот рубахи позволял видеть бакенбарды во всем их великолепии. На голове у него торчала простая восемнадцатипенсовая французская шапочка с болтающейся яркой кисточкой, которая прекрасно гармонировала с простой бумазейной курткой. Его ноги, длинные и тощие, были украшены штанами цвета перца с солью, скроенными так, чтобы подчеркнуть полную симметрию упомянутых конечностей. Однако, будучи довольно небрежно подтянуты и вдобавок кое-как застегнуты, они спускались не слишком изящными складками на пару башмаков, в достаточной мере стоптанных, чтобы обнаружить пару очень грязных белых носков. Было во всем облике этого человека нечто непристойно франтовское и какая-то хвастливая наглость, стоившая золотого слитка.

Этот субъект первый заметил, что мистер Пиквик на них смотрит. Он подмигнул Зефиру и с насмешливой серьезностью попросил его не будить джентльмена.

– Как! Да благословит бог честное сердце и душу джентльмена! – воскликнул Зефир, оглядываясь и притворяясь крайне изумленным. – А ведь джентльмен не спит. Эй, Шекспир!.. Как поживаете, сэр? Как поживают Мэри и Сара, сэр? Как поживает милая старая леди у себя дома, сэр? Не будете ли вы столь любезны уложить мои поклоны в первый же маленький пакет, какой вы пошлете туда, сэр, и сказать, что я бы их раньше прислал, да только боялся, как бы они не разбились в повозке, сэр?

– Не надоедайте джентльмену банальными любезностями, когда вы видите, что ему не терпится выпить, – игриво сказал джентльмен с бакенбардами. – Почему вы не спросите джентльмена, что он будет пить?

– Ах, боже мой, я совсем забыл, – отозвался тот. – Что вы будете пить, сэр? Желаете ли вы портвейну, сэр, или хересу, сэр? Я порекомендовал бы эль, сэр, или, может быть, вы хотите отведать портеру, сэр? Осчастливьте меня разрешением повесить ваш ночвой колпак, сэр.

С этими словами говоривший сорвал сей предмет туалета с головы мистера Пиквика и мгновенно напялил его на голову пьяного, который, твердо убедившись в том, что услаждает многочисленную аудиторию, продолжал меланхолически распевать комические куплеты.

Насильно сорвать ночной колпак со лба человека и водрузить его на голову неизвестному джентльмену неопрятной внешности – такой остроумный поступок, как бы он ни был

оригинален сам по себе, относится бесспорно к разряду тех, которые именуются издевательством. Оценив его именно так, мистер Пиквик, отнюдь не предупреждая о своем намерении, энергически спрыгнул с постели и нанес Зефиру такой ловкий удар в грудь, что в значительной мере лишил его той легкости дыхания, которая связывается иногда с именем Зефира; после сего, снова завладев своим ночным колпаком, он смело принял оборонительную позицию.

– А теперь выходите, оба... оба! – воскликнул мистер Пиквик, задыхаясь как от волнения, так и от потери некоторого запаса энергии.

После такого смелого приглашения достойный джентльмен придал своим кулакам вращательное движение, дабы устрашить противников научными приемами.

Храбрость ли мистера Пиквика, весьма неожиданная, или сложный маневр, проделанный им, когда он вскочил с постели и набросился на человека, отплясывающего матросский танец, произвели впечатление на его противников неведомо, но впечатление было произведено, ибо, вместо того чтобы немедленно покуситься на человекоубийство, – а мистер Пиквик твердо верил, что они это сделают, – они приостановились, поглядели друг на друга и, наконец, от души расхохотались.

– Ну, вы молодчина, и теперь вы мне еще больше нравитесь! – объявил Зефир. – Прыгайте скорее в постель, пока не схватили ревматизма. Надеюсь, не сердитесь? – добавил он, протягивая руку величиною с желтую гроздь пальцев, которая раскачивается иной раз над дверью перчаточника.

– Нисколько! – отвечал мистер Пиквик с большой поспешностью, ибо теперь, когда возбуждение улеглось, он почувствовал, что у него зябнут ноги.

– Удостойте чести и меня, – сказал с вульгарным акцентом джентльмен, украшенный бакенбардами, подавая правую руку.

– С большим удовольствием, сэр, – сказал мистер Пиквик и после продолжительного и торжественного рукопожатия снова забрался в постель.

– Меня зовут Сменгль, сэр, – сказал человек с бакенбардами.

– О! – сказал мистер Пиквик. – Меня – Майвинс, – сказал человек в чулках.

– Очень рад слышать, сэр, – сказал мистер Пиквик.

– Кхе, – кашлянул мистер Сменгль.

– Вы что-то сказали, сэр? – осведомился мистер Пиквик.

– Нет, я ничего не говорил, сэр, – отвечал мистер Сменгль.

– Мне послышалось, будто вы что-то сказали, сэр, – пояснил мистер Пиквик.

Все это было очень изысканно и вежливо, и в довершение удовольствия мистер Сменгль многократно заверил мистера Пиквика в том, что питает величайшее уважение к чувствам джентльмена, каковое заявление несомненно делало ему честь, ибо отнюдь нельзя было предположить, чтобы он знал, каковы эти чувства.

– Проходили через суд, сэр? – полюбопытствовал мистер Сменгль.

– Как? – переспросил мистер Пиквик.

– Через суд... на Портюгел-стрит[133]... Суд для освобождения от... Ну, да вы знаете.

– О нет, – отвечал мистер Пиквик. – Нет!

– Надеетесь скоро выйти? – предположил Майвинс.

– Боюсь, что нет, – ответил мистер Пиквик. – Я отказался уплатить возмещение убытков и в результате очутился здесь.

– А меня погубила бумага, – сказал мистер Сменгль.

– Вероятно, торговали писчебумажными товарами, сэр? – наивно осведомился мистер Пиквик.

– Торговал писчебумажными товарами? Нет, черт бы меня подрал! Так низко я никогда не опускался. Никакой торговли. Под «бумагой» я подразумеваю расписки.

– О, вы употребляете это слове в таком смысле? Понимаю, – сказал мистер Пиквик.

– Черт возьми! Джентльмен должен быть готов к превратностям судьбы, – продолжал Сменгль. – В чем же дело? Вот я сижу во Флитской тюрьме. Так. Прекрасно. Ну, так что же? От этого мне не хуже, правда?

– Еще бы! – отвечал мистер Майвинс.

И он был совершенно прав, ибо мистеру Сменглю отнюдь не стало хуже, ему стало даже лучше, ибо для того, чтобы попасть в тюрьму, он без затрат приобрел некоторые драгоценности, давным-давно заложенные ростовщику.

– Да, но послушайте, – сказал мистер Сменгль, – во рту пересохло. Давайте прополощем горло каплей горячего хереса. Новичок ставит, Майвинс доставляет, я помогу распить. Это во всяком случае справедливое и достойное джентльмена разделение труда, будь я проклят!

Не желая затевать новую ссору, мистер Пиквик охотно согласился на это предложение и вручил деньги мистеру Майвинсу, который немедленно отправился в столовую исполнять поручение.

– Послушайте, – шепнул Сменгль, как только его друг вышел из комнаты, сколько вы ему дали?

– Полсоверена, – сказал мистер Пиквик.

– Он чертовски приятный джентльмен, – сообщил мистер Сменгль, – дьявольски приятный. Другого такого я не знаю, но...

Тут мистер Сменгль запнулся и с сомнением покачал головой.

– Вы допускаете возможность, что он присвоит эти деньги? – осведомился мистер Пиквик.

– О нет! Заметьте – я этого не говорю, я подчеркиваю, что он чертовски приятный джентльмен, – сказал мистер Сменгль. – Но, пожалуй, если бы кто-нибудь сбегал вниз посмотреть, не сунул ли он случайно носа в кувшин или как-нибудь по ошибке не потерял денег, когда будет возвращаться сюда, это было бы неплохо. Эй, вы, сэр, сбегайте-ка вниз да присмотрите за джентльменом, слышите?

Эта просьба была адресована робкому нервному человечку, чья внешность свидетельствовала о большой бедности который все время сидел съежившись на кровати, по-видимому ошеломленный новизной своего положения.

– Вы знаете, где столовая, – сказал Сменгль. – Сбегайте туда и скажите джентльмену, что вы пришли по мочь ему нести кувшин. Или нет... постойте... вот что я вам скажу... я вам скажу, как мы его надуем, – сообщил Сменгль с лукавой миной.

– Как? – полюбопытствовал мистер Пиквик.

– Передайте ему, чтобы он истратил сдачу на сигары. Блестящая мысль! Бегите и скажите ему, слышите? Не пропадут! – обратился Сменгль к мистеру Пиквику. – Я их выкурю.

Этот маневр был столь остроумен и вдобавок проведен с таким невозмутимым спокойствием и хладнокровием, что мистер Пиквик не имел ни малейшего желания ему препятствовать, даже если бы это было в его власти.

Вскоре мистер Майвинс вернулся с хересом, который мистер Сменгль налил в две маленькие надтреснутые кружки, предварительно заметив, – имея в виду самого себя, – что джентльмен не должен привередничать при таких обстоятельствах и что он лично не считает для себя унизительным пить прямо из кувшина. В доказательство своей искренности он немедленно выпил половину залпом за здоровье всей компании.

Когда таким путем была достигнута полная гармония, мистер Сменгль начал занимать своих слушателей рассказом о различных романических похождениях, которым он время от

времени предавался, включая в свой рассказ интересные анекдоты о чистокровной лошади и великолепной еврейке – обе отличались исключительной красотой и обеих домогались аристократы и дворяне Соединенного королевства.

Задолго до того, как закончилось сообщение этих занимательных подробностей из биографии джентльмена, мистер Майвинс улегся в постель и захрапел, предоставив робкому незнакомцу и мистеру Пиквику извлекать пользу из жизненного опыта мистера Сменгля.

Но и эти два упомянутых джентльмена получили меньше пользы от трогательных повествований, чем могли бы получить. Мистер Пиквик некоторое время пребывал в дремотном состоянии, как вдруг ему смутно почудилось, будто пьяный возобновил свои комические куплеты, а мистер Сменгль с помощью кувшина воды деликатно намекнул ему о нежелании присутствующих слушать пение. Затем мистер Пиквик опять погрузился в сон, неясно сознавая, что мистер Сменгль все еще рассказывает историю, суть коей, по-видимому, сводилась к детальному разъяснению вопроса о том, как он одновременно подделал расписку и поддел джентльмена.

ГЛАВА XLII,

доказывающая, подобно предыдущей, справедливость старой истины, что несчастье сводит человека со странными сожителями, а также содержащая невероятное и поразительное заявление мистера Пиквика мистеру Сэмюелу Уэллеру

На следующее утро, когда мистер Пиквик открыл глаза, первое, на чем они остановились, был Сэмюел Уэллер, который восседал на маленьком черном чемодане и, пребывая, по-видимому, в глубокой рассеянности, пристально смотрел на величавую фигуру бойкого мистера Сменгля, тогда как сам мистер Сменгль, полуодетый, сидел на своей кровати, занимаясь совершенно безнадежной попыткой заставить мистера Уэллера опустить глаза. Мы сказали совершенно безнадежной, ибо Сэм, одним взглядом окинув одновременно шапочку, башмаки, голову, лицо, ноги и бакенбарды мистера Сменгля, продолжал смотреть на него в упор, явно выражая живейшее удовольствие, но проявляя к чувствам мистера Сменгля не больше внимания, чем проявил бы, созерцая деревянную статую или набитое соломой чучело Гая Фокса[134].

– Ну, что? Узнаете меня теперь? – нахмурившись, спросил мистер Сменгль.

– Готов показать под присягой, – весело ответил Сэм.

– Не говорите дерзостей джентльмену, сэр, – сказал мистер Сменгль.

– Ни под каким видом, – отвечал Сэм. – Если вы мне сообщите, когда он проснется, я буду держать себя самым экстра-наилучшим образом.

Это замечание, включавшее туманный намек на то, что мистер Сменгль не джентльмен, разожгло его гнев.

– Майвинс! – с раздражением сказал мистер Сменгль.

– Что прикажете? – откликнулся этот джентльмен со своего ложа.

– Кто этот парень, черт бы его подрал?

– Ей-богу, об этом я вас должен спросить, – сказал мистер Майвинс, лениво выглядывая из-под одеяла. – Он здесь по какому-нибудь делу?

– Нет, – отвечал мистер Сменгль.

– Так спустите его с лестницы и скажите, чтобы не смел подниматься, пока я не приду и не попотчую его, – заявил мистер Майвинс.

Быстро дав такой совет, сей превосходный джентльмен погрузился в сон.

Судя по этим недвусмысленным симптомам, разговор грозил перейти «на личности», и мистер Пиквик счел своевременным вмешаться.

– Сэм! – сказал мистер Пиквик.

– Сэр? – откликнулся сей джентльмен.

– Ничего нового не случилось со вчерашнего дня?

– Особенного ничего, сэр, – отвечал Сэм, взглянув на бакенбарды мистера Сменгля. – Избыток спертого воздуха в тюрьме помог произрастанию сорной травы самого низкого сорта, но за исключением этого все обстоит благополучно.

– Я встану, – сказал мистер Пиквик. – Дайте мне чистое белье.

Какие бы враждебные замыслы ни лелеял мистер Сменгль, он быстро от них отвлекся при распаковке чемодана, содержимое которого, казалось, побудило его немедленно составить наилучшее мнение не только о мистере Пиквике, но и о Сэме, каковой был самым чистокровным оригиналом, стало быть как раз ему по душе, – об этом мистер Сменгль поспешил заявить достаточно громко, чтобы этот эксцентрический субъект мог услышать. Что же касается мистера Пиквика, то любовь, которой мистер Сменгль воспылал к нему, не знала границ.

– Не могу ли я что-нибудь для вас сделать, дорогой сэр? – осведомился Сменгль.

– Ничего, насколько мне известно. Очень вам признателен, – отвечал мистер Пиквик.

– Нет ли у вас белья, которое нужно отдать в стирку? Я знаю прекрасную прачку, которая два раза в неделю приходит за моим бельем, и... – ей-богу, какая чертовская удача!.. – как раз сегодня она должна зайти. Не уложить ли мне кое-что из этих вещей вместе с моим бельем? К чему упоминать о беспокойстве? Черт побери! Если один джентльмен, попавший в беду, не побеспокоится немного, чтобы помочь другому джентльмену, находящемуся в таком же положении, чего стоит человеческая природа!

Так говорил мистер Сменгль, бочком пробираясь как можно ближе к чемодану и бросая взгляды, выражающие самую пламенную и бескорыстную дружбу.

– Может быть, вам, любезнейший, нужно выколотить платье? – продолжал Сменгль.

– Не нужно, приятель, – отозвался Сэм, беря ответ на себя. – Если бы можно было кого-нибудь отколотить, не беспокоя слуг, это, пожалуй, было бы приятнее обеим сторонам, как сказал учитель, когда молодой джентльмен возражал против того, чтобы его высек дворецкий.

– И не найдется ничего, что можно было бы отослать в моей корзине в стирку? – спросил Сменгль, с обескураженным видом переводя взгляд с Сэма на мистера Пиквика.

– Решительно ничего, сэр, – отрезал Сэм. – Боюсь, что ваша корзина и без того набита доверху вашим собственным бельем.

Эта реплика сопровождалась таким выразительным взглядом, устремленным на ту часть туалета мистера Сменгля, которая обычно свидетельствует об искусстве прачек стирать джентльменское белье, что Сменглю оставалось только повернуться на каблуках и хотя бы на время отказаться от всяких притязаний на кошелек и гардероб мистера Пиквика. Поэтому он мрачно удалился во двор для игры в мяч, где позавтракал достаточно легко, но с пользой для здоровья парой сигар, купленных накануне вечером.

Мистер Майвинс, который не курил и чей счет за мелкие продукты также спустился до конца доски и «перебрался» на другую сторону, остался в постели и, по его собственным словам, «решил закусить во сне».

Позавтракав в маленьком чулане рядом со столовой, который носил громкое название «кабинета» и временный обитатель коего пользовался, принимая во внимание ничтожную доплату, великим преимуществом подслушивать все разговоры в упомянутой столовой, мистер Пиквик послал мистера Уэллера с неотложными поручениями и отправился в комнату дежурного посоветоваться с мистером Рокером по вопросу о своем будущем помещении.

– Помещение? – переспросил этот джентльмен, заглянув в большую книгу. – Сколько угодно, мистер Пиквик. Ваш сожительский билетик будет в двадцать седьмом на третьем.

– О! – отозвался мистер Пиквик. – Как вы сказали, какой билетик?

– Ваш сожительский билетик, – повторил мистер Рокер. – Сообразили?

– Не совсем, – улыбаясь, ответил мистер Пиквик.

– Да ведь это ясно, как день, – сказал мистер Рокер. – Вы получите сожительский билет в двадцать седьмой номер на третьем этаже, и живущие в этой камере будут вашими сожителями.

– А сколько их? – нерешительно осведомился мистер Пиквик.

– Трое, – сообщил мистер Рокер.

Мистер Пиквик кашлянул.

– Один из них священник, – продолжал мистер Рокер, записывая что-то на клочке бумаги, – другой мясник.

– Как? – переспросил мистер Пиквик.

– Мясник, – повторил мистер Рокер, постукивая кончиком пера но конторке, чтобы излечить его от нежелания писать. – Каким он был когда-то молодчиной! Вы помните Тома Мартина, Недди? – добавил Рокер, обращаясь к другому стражу, который соскабливал грязь со своих башмаков складным ножом о двадцати пяти лезвиях.

– Еще бы я не помнил! – отозвался тот, к кому был обращен вопрос, делая ударение на личном местоимении.

– О, господи! – сказал мистер Рокер, медленно покачивая головой и рассеянно глядя прямо перед собой в зарешеченное окно; казалось, будто он любовно припоминал какую-то мирную сцену из ранней молодости. Кажется мне, не дальше чем вчера он огрел грузчика возле пристани, в «Лисе под холмом». Я как сейчас его вижу: идет по Стренду между двух сторожей, малость протрезвился от синяков, над правым глазом уксусный пластырь, а этот миленький бульдог, который потом искусал мальчика, бежит за ним по пятам. Занятная штука – время, правда, Недди?

Джентльмен, к которому были обращены эти замечания, принадлежал, казалось, к разряду молчаливых и задумчивых и только повторил вопрос. Мистер Рокер, оборвав поэтически-меланхолическую нить размышлений, которым он предавался, вернулся к повседневной жизни и снова взялся за перо.

– Вам известно, кто третий джентльмен? – полюбопытствовал мистер Пиквик, не слишком очарованный описанием своих будущих сожителей.

– Кто такой этот Симпсон, Недди? – спросил мистер Рокер, обращаясь к своему приятелю.

– Какой Симпсон? – сказал Недди.

– Да тот, что в двадцать седьмом номере на третьем, с которым будет жить этот джентльмен.

– Ах, тот! – отозвался Недди. – Он, собственно, никто. Был лошадиным барышником, теперь шулер.

– Я так и думал! – подхватил мистер Рокер, закрывая книгу и вручая мистеру Пиквику клочок бумаги. – Вот билет, сэр.

Весьма озадаченный таким быстрым разрешением вопроса о своей особе, мистер Пиквик вернулся в тюрьму, размышляя о том, что ему делать. Убедившись, однако, что разумнее будет не предпринимать дальнейших шагов до встречи и беседы с тремя джентльменами – его предполагаемыми сожителями, он отправился прямо на третий этаж.

Проблуждав некоторое время по галерее и пытаясь разобрать при тусклом свете цифры на дверях, он, наконец, обратился за помощью к слуге, которого застал за его утренним занятием – собиранием оловянной посуды.

– Где номер двадцать седьмой, любезный? – спросил мистер Пиквик.

– Дальше, шестая дверь, – ответил слуга. – Там на двери нарисован мелом человек на виселице, с трубкой во рту.

Руководствуясь этим указанием, мистер Пиквик медленно пошел по галерее, пока не встретился с вышеупомянутым «портретом джентльмена», по чьей физиономии он постучал согнутым указательным пальцем – сначала осторожно, а потом громко. Повторив эту операцию несколько раз безуспешно, он решился открыть дверь и заглянуть. В камере был всего один человек, да и тот высунулся из окна ровно настолько, чтобы не потерять равновесия, и настойчиво старался плюнуть на шляпу своего друга, стоявшего внизу по дворе. Так-так слова, кашель, чиханье, стук и все прочие обычные способы привлечь внимание не подействовали на этого субъекта, не замечавшего гостя, мистер Пиквик после некоторого колебания подошел к окну и тихонько дернул обитателя камеры за фалду.

Субъект с большим проворством отпрянул от окна – и, оглядев мистера Пиквика с головы до пят, грубо спросил, какого... черта... ему здесь нужно.

– Мне кажется, – сказал мистер Пиквик, взглянув на свой билет, – мне кажется, это номер двадцать седьмой на третьем?

– Ну так что же? – отозвался джентльмен.

– Я пришел сюда, потому что получил этот клочок бумаги, – сообщил мистер Пиквик.

– Покажите, – сказал джентльмен.

Мистер Пиквик повиновался.

– Рокер мог бы поместить вас с кем-нибудь другим, – сказал мистер Симпсон (он-то и был шулер) после паузы, выражавшей большое неудовольствие.

Мистер Пиквик думал то же самое, но при данных обстоятельствах счел целесообразным промолчать.

Мистер Симпсон размышлял несколько секунд, а затем, высунувшись из окна, пронзительно свистнул и несколько раз выкрикнул какое-то слово. Что это было за слово, мистер Пиквик не мог разобрать, но он предположил, что это, должно быть, прозвище мистера Мартина, ибо несколько джентльменов внизу на дворе немедленно начали кричать: «Мясник!» – имитируя возглас, которым достойные представители этой полезной для общества профессии ежедневно возвещают кухаркам о своем прибытии.

Последующие события подтвердили догадку мистера Пиквика, ибо через несколько секунд джентльмен, слишком полный для своих лет, в профессиональной синей тиковой куртке и в сапогах с отворотами и круглыми носками, ввалился, запыхавшись, в комнату в сопровождении другого джентльмена в очень поношенном черном костюме и в котиковой шапке. У этого последнего джентльмена, сюртук которого был застегнут до самого подбородка булавками и пуговицами вперемежку, было грубое красное лицо, и походил он на спившегося священника, каковым и был в действительности.

Когда оба джентльмена по очереди взглянули на билет мистера Пиквика, один высказал мнение, что это «плутня», а другой – убеждение, что это «подвох». Изложив свою точку зрения в столь вразумительных выражениях, они посмотрели на мистера Пиквика и друг на друга в неловком молчании.

– Это неприятная история, и как раз когда мы устроили себе такие уютные постели, – сказал священник, посматривая на три грязных тюфяка, завернутых на день в одеяло и сложенных в углу комнаты в виде своеобразной подставки для старого, надбитого таза, кувшина и мыльницы из грубого желтого фаянса с синими цветами. – Очень неприятная!

Мистер Мартин высказал такое же мнение в более энергических выражениях; мистер Симпсон, выпалив ряд дополнительных прилагательных без какого бы то ни было существительного, засучил рукава и начал мыть овощи к обеду. Во время переговоров мистер Пиквик обозревал камеру, омерзительно грязную и нестерпимо затхлую. В ней не было ни

малейших признаков ковра, занавесок или штор. Не было даже стенного шкафа. Правда, здесь нашлось бы мало вещей, которые можно убрать в шкаф, но, как бы незначительны по размерам ни были все эти остатки хлеба, корки сыра и все эти объедки, как бы мало ни было мокрых полотенец, рваного платья, изувеченной посуды, раздувальных мехов без сопла, сломанных вилок для поджаривания гренков, – они производят довольно неприятное впечатление, когда разбросаны по полу маленькой комнаты, которая служит общей гостиной и спальней трем бездельникам.

– Мне кажется, это можно как-нибудь уладить, – сказал мясник после довольно продолжительного молчания. – Сколько вы возьмете отступного?

– Простите, – отозвался мистер Пиквик. – Что вы сказали? Я не совсем понимаю.

– За сколько можно от вас откупиться? – повторил мясник. – По правилам сожительства – два шиллинга шесть пенсов. Хотите три боба?

– И бендер, – добавил джентльмен духовного звания.

– Ладно, не возражаю, это выйдет еще по два пенса на брата, – сказал мистер Мартин. – Ну, что вы теперь скажете? Мы откупаемся от вас за три шиллинга шесть пенсов в неделю. Согласны?

– И ставьте галлон пива, – вмешался мистер Симпсон. – Вот как!

– И разопьем его немедленно! – подхватил священник. – Ну?

– Право же, я столь не сведущ в здешних правилах, – отвечал мистер Пиквик, – что все еще не понимаю вас. Разве я могу поселиться где-нибудь в другом месте? Я думал, что не могу.

Услышав такой вопрос, мистер Мартин с крайним изумлением посмотрел на обоих своих друзей, а затем каждый из этих джентльменов указал большим пальцем правой руки через левое плечо. Этот жест, который весьма неточно принято называть «понимай наоборот», производит очень приятное впечатление, если его делают леди или джентльмены, привыкшие действовать дружно: он выражает легкий и игривый сарказм.

– Неужто не можете? – сказал мистер Мартин с сострадательной улыбкой.

– Ну, если бы я так мало знал жизнь, я бы взял да утопился, – заметила духовная особа.

– Я тоже, – торжественно добавил джентльмен спортивного вида.

После такого вступления три приятеля в один голос сообщили мистеру Пиквику, что во Флите деньги играют точь-в-точь такую же роль, как и за его стенами; что они немедленно доставят ему чуть ли не все, чего бы он ни пожелал; и что если они у него имеются и он готов их истратить, – достаточно ему выразить желание, и он может получить отдельную камеру, меблированную и в полном порядке, через полчаса.

После этого заинтересованные стороны расстались к обоюдному удовольствию: мистер Пиквик снова направил свои стопы в дежурную комнату, а три приятеля отбыли в столовую истратить пять шиллингов, которые духовная особа с поразительным благоразумием и предусмотрительностью позаимствовала для этой цели у мистера Пиквика.

– Я так и знал, – усмехнувшись, заявил мистер Рокер, когда мистер Пиквик сообщил о цели своего вторичного прихода. – Не говорил ли я вам этого, Недди?

Философический владелец универсального перочинного ножа промычал утвердительный ответ.

– Я знал, что вам понадобится отдельная камера, – сказал мистер Рокер.

– Но позвольте, вам нужна и мебель! Вы можете взять у меня напрокат. Это уж так заведено.

– С большим удовольствием, – отвечал мистер Пиквик.

– В столовом этаже есть чудесная камера, которая принадлежит канцлерскому арестанту, – сказал мистер Рокер. – Она будет стоить вам фунт в неделю. Думаю, вы против этого не возражаете?

– Нимало, – отвечал мистер Пиквик.

– Пойдемте-ка со мной, – сказал Рокер, с большим проворством берясь за шляпу. – Дело будет сделано в пять минут. Ах, боже мой, почему же вы сразу не сказали, что хотите устроиться со всеми удобствами?

Дело было быстро улажено, как и предсказывал тюремщик. Арестант Канцлерского суда пробыл здесь так долго, что лишился друзей, состояния, семьи и счастья и получил право на отдельную камеру. Но так как он частенько нуждался в куске хлеба, то с восторгом выслушал предложение мистера Пиквика нанять помещение и с готовностью уступил ему полные и нерушимые права на него за двадцать шиллингов в неделю, из каковой суммы обязался платить за выселение всех и каждого, кто еще мог бы попасть сожителем в эту камеру.

Когда заключали договор, мистер Пиквик с горестным любопытством рассматривал арестанта. Это был высокий, худой, мертвенно-бледный человек в старом пальто и туфлях, со впалыми щеками и лихорадочным взглядом. Губы у него были бескровные, а пальцы тонкие и острые. Да поможет ему бог! Железные клыки тюрьмы и нищеты медленно подтачивали его на протяжении двадцати лет.

– Где же вы будете жить теперь, сэр? – спросил мистер Пикник, кладя на расшатанный стол деньги за первую неделю.

Тот взял деньги дрожащей рукой и ответил, что он еще не знает, ибо должен пойти и посмотреть, куда можно перенести кровать.

– Боюсь, сэр, – сказал мистер Пиквик, ласково и сочувственно положив руку ему на плечо, – боюсь, что вам придется жить в каком-нибудь шумном, густо населенном помещении. Прошу вас, считайте эту камеру своей собственной, когда вам нужен будет покой или кто-нибудь из ваших друзей придет вас навестить.

– Друзья! – хриплым голосом воскликнул арестант. – Если бы я находился на дне глубочайшего колодца, лежал в завинченном и запаянном гробу, гнил в темной и грязной канаве, которая тянется под фундаментом этой тюрьмы, я бы не мог быть более заброшенным и забытым, чем здесь. Я – мертвец! Я умер для общества, не увидев того сострадания, какое даруется тем, чьи души предстали пред страшным судом. Друзья придут навестить меня! Боже мой! Я пришел сюда в расцвете сил и состарился в этой тюрьме, и нет ни одного человека, который воздел бы руку над моим ложем, когда я умру, и сказал: «Слава богу, он успокоился».

Возбуждение, которое залило непривычным румянцем лицо человека, улеглось, когда он умолк; с тоской сжимая иссохшие руки и волоча ноги, он вышел из комнаты.

– Как его прорвало! – с улыбкой сказал мистер Рокер. – Ах, они – как слоны. Иной раз заденет их за живое, и они приходят в бешенство.

Сделав это глубоко сочувственное замечание, мистер Рокер принялся за работу с такой энергией, что скоро в камере появились ковер, шесть стульев, стол, диван, служивший кроватью, чайник и разные необходимые вещи, взятые напрокат за весьма умеренную плату – двадцать семь шиллингов шесть пенсов в неделю.

– Ну, что еще можем мы для вас сделать? – осведомился мистер Рокер, с большим удовлетворением озираясь и весело позвякивая зажатыми в руке монетами – платой за первую неделю.

– Погодите... – отвечал мистер Пиквик, который а чем-то сосредоточенно размышлял. – Нет ли здесь человека, которого можно было бы посылать с поручениями?

– То есть посылать в город? Вы говорите о тех, кто на свободе? – спросил Рокер.

– Да. Я имею в виду тех, кто мог бы выходить из тюрьмы. Не арестантов.

– Да, такие найдутся, – отвечал Рокер. – Есть один злополучный шут, у него друг сидит на «бедной стороне», он с радостью на это согласится. Последние два месяца он исполняет разные поручения. Послать его к вам?

– Будьте так добры, – попросил мистер Пиквик. Постойте, не надо. Вы говорите – «бедная сторона»? Я бы очень хотел заглянуть туда. Я сам к нему пойду.

«Бедная сторона» в долговой тюрьме, как показывает название, – место заключения самых жалких и несчастных должников. Заключенный, поступающий в отделение для бедняков, не платит ни за отдельную камеру, ни за сожительство. Его взносы при вступлении в тюрьму и при выходе из нее – самые ничтожные, и он получает только право на скудный тюремный паек; для обеспечения им заключенных некоторые благотворители оставляли по завещанию незначительные пожертвования. Еще свежо в памяти то время, когда в стену Флитской тюрьмы была вделана железная клетка, в которой помещался голодный на вид человек и, побрякивая время от времени кружкою с деньгами, заунывно восклицал: «Не забывайте нищих должников, не забывайте нищих должников!» Сбор из этой кружки, – если таковой был, – делился между нищими заключенными, и заключенные «бедной стороны» исполняли по очереди эту унизительную обязанность.

Хотя этот обычай отменен и клетка убрана, но несчастные люди по-прежнему влачат жалкое, нищенское существование. Мы больше не позволяем им взывать у ворот тюрьмы к милосердию и состраданию прохожих, но, дабы заслужить уважение и восхищение грядущих веков, оставляем в нашем своде законов тот справедливый и благотворный закон, согласно которому закоренелого преступника кормят и одевают, а неимущему должнику предоставляют умирать от голода и холода. Это не выдумка. Не проходит недели, чтобы в любой из наших долговых тюрем не погиб кто-нибудь из этих людей, умирающих медленной голодной смертью, если им не придут на помощь их товарищи по тюрьме.

Поднимаясь по узкой лестнице, на нижней площадке которой он расстался с Рокером, мистер Пиквик размышлял об этих предметах и постепенно довел себя до точки кипения; он был так взволнован своими размышлениями на эту тему, что ворвался в указанную ему камеру, почти забыв о месте, где находится, и о цели своего визита.

Общий вид камеры тотчас же заставил его опомниться, но едва его взгляд упал на фигуру человека, мрачно сидевшего перед запыленным камином, как он уронил шляпу на пол и в изумлении остановился, неподвижный и безмолвный.

Да, в лохмотьях и без куртки, в простой и изодранной желтой коленкоровой рубашке сидел мистер Альфред Джингль; волосы спускались ему на лоб, лицо изменилось от страданий и исказилось от голода; голову он подпирал рукой, его взгляд был устремлен на камни, и весь его вид говорил о нищете и унынии.

Подле него, устало прислонившись к стене, стоял коренастый помещик, похлопывая старым охотничьим хлыстом по сапогу с отворотом, украшавшему его правую ногу; левая (он одевался в несколько приемов) была засунута в старую туфлю. Лошади, собаки и вино – вот что привело его сюда. На одиноком сапоге торчала заржавленная шпора, которою он изредка рассекал воздух, ловко щелкая при этом хлыстом по сапогу и бормоча слова, какими наездник понукает свою лошадь. В этот момент он воображал, будто участвует в скачках с препятствиями. Бедняга! На самой быстрой лошади из своей прекрасной конюшни он никогда не скакал с такой стремительностью, с какой промчался по дороге, обрывающейся во Флите.

У противоположной стены на маленьком деревянном ящике сидел какой-то старик. Взгляд его был прикован к полу, а на лице застыло выражение глубокого и безнадежного отчаяния. Маленькая девочка – его внучка – суетилась около него, стараясь с помощью сотни детских уловок привлечь его внимание, но старик не видел и не слышал ее. Голос, когда-то звучавший для него, как музыка, и глаза, заменявшие ему свет, не пробуждали его сознания. Руки и ноги у него тряслись от недуга, и паралич сковал его душу.

В камере находились еще два-три человека, которые собрались в кружок и громко разговаривали. Была здесь также женщина, худая и изможденная, – жена заключенного. Она очень заботливо поливала жалкое, засохшее, увядшее растение, которое – это было сразу видно – никогда не даст зеленых побегов; это занятие было, пожалуй, символом тех обязанностей, какие женщина выполняла здесь.

Таковы были люди, представившиеся взорам мистера Пиквика, когда он с изумлением осматривался вокруг. Шаги человека, поспешно вошедшего в комнату, заставили его очнуться. Повернувшись к двери, он встретился глазами с вновь прибывшим; и в нем, несмотря на его лохмотья, грязь и нищету, он узнал знакомые черты мистера Джоба Троттера.

– Мистер Пиквик! – громко воскликнул Джоб.

– Как? – сказал Джингль, вскочив со стула. – Мистер... Совершенно верно – диковинное место – странная история – поделом мне – да!

Мистер Джингль засунул руки в прорехи, где когда-то были карманы его брюк, и, свесив голову на грудь, снова опустился на стул.

Мистер Пиквик был растроган: эти двое казались такими несчастными. Зоркий взгляд, невольно брошенный Джинглем на кусочек сырой баранины, который принес Джоб, объяснил их бедственное положение красноречивее, чем могли бы это сделать двухчасовые разговоры. Мистер Пиквик кротко посмотрел на Джингля и сказал:

– Мне бы хотелось поговорить с вами наедине. Не выйдите ли вы на минутку?

– Разумеется! – отвечал Джингль, поспешно вставая. – Далеко не могу пойти – здесь не переутомишься от ходьбы – вокруг парка колючая изгородь – место красивое – романтическое, но не обширное – открыто для публики – семья всегда в городе – экономка весьма заботлива – весьма!

– Вы забыли надеть куртку, – сказал мистер Пиквик, когда они вышли на площадку лестницы и закрыли за собою дверь.

– Как? – отозвался Джингль. – В закладе – у дорогого родственника – дяди Тома – ничего не поделаешь – должен питаться – потребность организма – и все такое прочее...

– Что вы хотите этим сказать?

– Пропала, мой дорогой сэр, – последняя куртка – ничего не мог поделать. Питался парой башмаков – целых две недели. Шелковый зонт – ручка из слоновой кости – неделя – факт – честное слово – Джоб свидетель.

– Питались в течение трех недель парой башмаков и шелковым зонтом с ручкой из слоновой кости! – воскликнул мистер Пиквик, который слышал о том, что бывают такие случаи при кораблекрушениях, или читал о них в «Miscellanea» Констебля[135].

– Вот-вот, – кивнув, сказал Джингль. – Все заложено – квитанция здесь – ничтожная сумма – сущие пустяки – все мерзавцы.

– О! – сказал мистер Пиквик, успокоенный таким объяснением. – Я вас понимаю: вы заложили свой гардероб.

– Все – свое и Джоба – до последней рубашки – неважно – экономия на стирке – скоро ничего не останется – лечь в постель – голодать – умереть – дознание – арестант – обычная вещь – замять дело – джентльмены присяжные – тюремные поставщики – все улажено – естественная смерть – заключение коронера[136] – похороны за счет работного дома – поделом ему – все кончено – давайте занавес.

Джингль подвел этот странный итог своих видов на будущее со свойственной ему стремительностью и всевозможными гримасами, имитирующими улыбку. Мистер Пиквик сразу понял, что его беспечность была напускной, и, ласково посмотрев ему в лицо, заметил у него на глазах слезы.

– Добрый человек! – сказал Джингль, пожимая ему руку и отворачиваясь. Неблагодарный пес – ребячество плакать – ничего не могу поделать – скверная лихорадка – слаб – болен – голоден. Все заслужил – но страдал много – да.

Не в силах дальше притворяться и, быть может, ослабев от этой попытки, удрученный бродячий актер сел на ступеньку лестницы и, закрыв лицо руками, разрыдался, как ребенок.

– Перестаньте! Перестаньте! – сказал мистер Пиквик, явно растроганный.

– Мы подумаем, что можно сделать, когда я во всем разберусь. Джоб! Где он?

– Здесь, сэр, – отвечал Джоб, появляясь на лестнице.

Описывая выше его наружность, мы, между прочим, упомянули, что даже в лучшие времена у него были глубоко запавшие глаза. Теперь – во дни нужды и горя – у него был такой вид, как будто они провалились бог весть куда.

– Здесь, сэр! – крикнул Джоб.

– Пожалуйте сюда, сэр, – сказал мистер Пиквик, стараясь принять суровый вид, в то время как четыре крупные слезы скатились на его жилет. – Получите, сэр.

Получить что? Обычно после этих слов должен последовать удар. По всем правилам нужно было ждать здоровой, звонкой пощечины, ибо мистер Пиквик был одурачен, обманут и оскорблен этим жалким отщепенцем, который находился теперь всецело в его власти. Сказать ли правду? Из жилетного кармана мистера Пиквика что-то извлечено; оно звякнуло, когда перешло в руку Джоба, и это даяние почему-то зажгло свет в глазах и наполнило радостью сердце нашего превосходного старого друга, когда он поспешно удалился.

Вернувшись в свою камеру, мистер Пиквик застал там Сэма, обозревавшего все сделанное для удобства его хозяина с мрачным удовлетворением, которое очень забавно было наблюдать. Решительно возражая против того, чтобы хозяин оставался здесь, мистер Уэллер, казалось, считал высоким моральным долгом не обнаруживать слишком большого удовольствия по поводу того, что делалось, говорилось, предлагалось или предполагалось.

– Ну, как, Сэм? – сказал мистер Пиквик.

– Ну, как, сэр? – отвечал мистер Уэллер.

– Довольно комфортабельно теперь, Сэм?

– Довольно хорошо, сэр, – отозвался Сэм, презрительно осматриваясь вокруг.

– Видели вы мистера Тапмена и остальных наших друзей?

– Да, я их видел, сэр, и они придут завтра. Они очень удивились, узнав, что сегодня им нельзя прийти, – ответил Сэм.

– Вы принесли вещи, которые мне нужны?

Мистер Уэллер вместо ответа указал на различные свертки, которые уложил как можно аккуратнее в углу комнаты.

– Прекрасно, Сэм, – сказал мистер Пиквик после минутного колебания. – Выслушайте то, что я хочу вам сказать, Сэм.

– Выкладывайте, сэр, – отвечал мистер Уэллер.

– С самого начала я чувствовал, Сэм, – торжественно заговорил мистер Пиквик, – что здесь не подходящее место для молодого человека.

– Да и для старого, сэр, – заметил мистер Уэллер.

– Вы совершенно правы, Сэм, – согласился мистер Пиквик. – Но старики могут попасть сюда вследствие своей собственной неосторожности и доверчивости, а молодых может привести сюда эгоизм тех, кому они служат. Для молодых людей во всех отношениях лучше не оставаться здесь. Вы меня понимаете, Сэм?

– Нет, сэр, не понимаю, – упрямо ответил мистер Уэллер.

– Постарайтесь понять, Сэм, – сказал мистер Пиквик.

– Хорошо, сэр, – помолчав, начал Сэм. – Кажется, я вижу, куда вы клоните; а если я вижу, куда вы клоните, то, по моему мнению, что-то слишком закручено, как сказал кучер почтовой кареты, когда его настигла метель.

– Вижу, что вы меня поняли, Сэм, – сказал мистер Пиквик. – Помимо моего нежелания, чтобы вы слонялись без дела в таком месте в течение, может быть, нескольких лет, я считаю чудовищной нелепостью со стороны должника, сидящего во Флите, держать при себе слугу, Сэм, – сказал мистер Пиквик. – Вы должны расстаться со мною на время.

– На время, сэр, вот как? – саркастически заметил мистер Уэллер.

– Да, на время, пока я останусь здесь, – отвечал мистер Пиквик. – Жалованье вы будете получать по-прежнему. Любой из моих друзей с радостью возьмет вас к себе, хотя бы только из уважения ко мне. А если я когда-нибудь выйду отсюда, Сэм, – добавил мистер Пиквик с притворной веселостью, – если это случится, даю вам слово, что вы немедленно вернетесь ко мне.

– Ну, а теперь я вам тоже кое-что скажу, сэр, – произнес мистер Уэллер невозмутимым и торжественным тоном. – Это дело такого сорта, что оно не пройдет совсем, а стало быть, нечего и толковать.

– Я говорю серьезно, я твердо решил, Сэм, – сказал мистер Пиквик.

– Вы решили, сэр? – упрямо переспросил мистер Уэллер. – Очень хорошо, сэр. Я тоже решил.

С этими словами мистер Уэллер старательно надел шляпу и быстро вышел из комнаты.

– Сэм! – крикнул ему вслед мистер Пиквик. – Сэм! Вернитесь!

Но в длинной галерее уже не отдавалось эхо его шагов. Сэм Уэллер ушел.

ГЛАВА XLIII,

повествующая о том, как мистер Сэмюел Уэллер попал в затруднительное положение

В высокой комнате, плохо освещенной и еще хуже проветриваемой, расположенной на Портюгел-стрит, Линкольнс-Инн-Филдс, заседают почти круглый год один, два, три или – в зависимости от обстоятельств – четыре джентльмена в париках за маленькими конторками, сооруженными наподобие тех, какими пользуются во всех английских судах, но только не покрытыми французским лаком. Справа от них находятся скамьи адвокатов, слева – отгороженное место для несостоятельных должников, а прямо перед ними, пониже, – чрезвычайно грязные физиономии. Названные джентльмены – уполномоченные Суда по делам о несостоятельности, а место, где они заседают, и есть Суд по делам о несостоятельности.

Замечательна судьба этого суда, который в настоящее время и с незапамятных времен считается и признан с общего согласия всех оборванцев Лондона, скрывающих свою нищету, их приютом и ежедневным пристанищем. Он всегда переполнен. Пивные и спиртные испарения постоянно поднимаются к потолку и, коснувшись его, стекают струями по стенам; старого платья увидишь здесь за один раз больше, чем выставляется на продажу на всем Хаундсдиче[137] в течение года, и больше немытых лиц и седеющих бород, чем могут привести в порядок все насосы и цирюльники между Тайбурном и Уайтчеплом от восхода до заката солнца.

Не следует предполагать, что здесь у кого-нибудь из этих людей есть хотя бы тень какого-то дела в том месте, которое он столь неутомимо посещает. Будь это так, нечему было бы удивляться, и в этом не было бы ничего странного. Одни из них спят почти все время, пока длится заседание, другие приносят крохотный портативный обед, завернутый в носовой платок или торчащий из потертого кармана, и жуют и слушают с одинаковым удовольствием, но никогда не бывало среди них ни одного, кто был лично заинтересован в каком-нибудь деле,

которое когда-либо здесь разбиралось. Однако, чем бы они ни занимались, здесь они сидят с первой минуты и до последней. В дождливую погоду они приходят промокшие насквозь, и в такие дни в зале суда пахнет плесенью.

Случайный посетитель может предположить, что это место служит храмом, посвященным Духу Нищеты. Здесь нет ни одного служителя и ни одного курьера, который бы носил одежду, сшитую по мерке; ни одного более или менее свежего или здорового на вид человека во всем учреждении, если не считать маленького седовласого констебля с лицом, как яблоко, да и тот, подобно злополучной вишне, законсервированной в спирту, кажется высушенным благодаря искусственному процессу, который не имеет никакого отношения к его природе. Даже парики адвокатов плохо напудрены и букли плохо завиты.

Но наиболее любопытный предмет для наблюдений – поверенные, которые сидят за большим, ничем не покрытым столом ниже места для уполномоченных. Профессиональное хозяйство самого богатого из этих джентльменов ограничивается синим мешком и мальчиком – обычно юношей иудейского вероисповедания.

У них нет постоянных контор, свои юридические сделки они совершают или в трактирах, или в тюремных дворах, куда отправляются толпой и отбивают друг у друга клиентов на манер омнибусных кондукторов. Вид у них засаленный и заплесневелый, а если можно заподозрить их в каких-нибудь пороках, то, пожалуй, пьянство и мошенничество занимают самое видное место. Обычно они проживают на окраине «тюремных границ»[138], не дальше мили от обелиска на Сент-Джордж-Филдс. Их внешность непривлекательна, их манеры своеобразны.

Мистер Соломон Пелл, один из представителей этой ученой корпорации, был толстый, дряблый, бледный человек в сюртуке, который казался то зеленым, то коричневым, с бархатным воротником той же меняющейся окраски. Лоб у него был узкий, лицо широкое, голова большая, а нос своротен на сторону, словно Природа, возмущенная наклонностями, подмеченными ею в момент его рождения, дала ему сердитый щелчок, от которого нос так и не оправился. Однако наделенный короткой шеей и астмой, мистер Пелл пользовался для дыхания преимущественно этим органом, который, быть может, возмещал приносимой им пользой то, чего не хватало ему как украшению.

– Я уверен, что помогу ему выпутаться, – сказал мистер Пелл.

– В самом деле? – отозвался человек, которому было дано такое заверение.

– Совершенно уверен! – отвечал мистер Пелл. Но заметьте, если бы он обратился к какому-нибудь сомнительному ходатаю по делам, я бы не поручился за последствия.

– Ну-у! – разинув рот, сказал собеседник.

– Да, ни за что не поручился бы! – сказал мистер Пелл, сжал губы, нахмурился и таинственно покачал головой.

Беседа эта велась в трактире, как раз против Суда по делам о несостоятельности, а человек, с которым ее вели, был не кто иной, как старший Уэллер, явившийся сюда, чтобы утешить и поддержать друга, чье прошение о признании его несостоятельным должно было сегодня слушаться и с чьим поверенным он в данный момент совещался.

– А где Джордж? – осведомился старый джентльмен.

Мистер Пелл мотнул головой в сторону задней комнаты, где мистер Уэллер, немедленно отправившийся туда, был тотчас же встречен самыми горячими и лестными приветствиями полудюжины своих профессиональных собратьев, выражавших удовольствие по поводу его прибытия. Несостоятельный джентльмен, заразившийся спекулятивной, но неосторожной страстью поставлять лошадей на большие перегоны, каковая страсть и довела его до беды, имел цветущий вид и успокаивал свои чувства креветками и портером.

Обмен приветствиями между мистером Уэллером и его друзьями строго отвечал масонским правилам ремесла, предписывавшим выворачивать кисть правой руки и в то же

время подергивать мизинцем. Мы знавали двух знаменитых кучеров (бедняги, их уже нет в живых), которые были близнецами и питали друг к другу искреннюю и преданную любовь. Ежедневно на протяжении двадцати четырех лет они встречались на Дуврской дороге, обмениваясь одним только этим приветствием; и вот когда один из них умер, другой начал чахнуть и вскоре последовал за первым.

– Ну, Джордж, – сказал мистер Уэллер-старший, снимая пальто и усаживаясь с присущей ему важностью, – как дела? Все в порядке на крыше и полно внутри?

– Все в порядке, старина, – отвечал джентльмен, попавший в затруднительное положение.

– Передана ли кому-нибудь серая кобыла? – заботливо осведомился мистер Уэллер.

Джордж кивнул утвердительно.

– Ну вот и прекрасно, – сказал мистер Уэллер. – О карете тоже позаботились?

– Препровождена в надежное место, – отвечал Джордж, свертывая головы полудюжине креветок и проглатывая их без дальнейших церемоний.

– Очень хорошо! – сказал мистер Уэллер. – Надо всегда смотреть за тормозом, когда едешь под гору. Список седоков выправлен по всем правилам?

– Опись, сэр? – спросил Пелл, угадывая мысль мистера Уэллера. – Опись такова, что лучше не сделаешь пером и чернилами.

Мистер Уэллер кивнул, выражая свое одобрение по поводу принятых мер, а затем, повернувшись к мистеру Пеллу, спросил, указывая на своего друга Джорджа:

– И скоро вы снимете с него хомут?

– Он стоит третьим в списке, – отвечал мистер Пелл, – и я бы сказал, что до него очередь дойдет через полчаса. Я распорядился, чтобы мой клерк пришел и предупредил нас вовремя.

Мистер Уэллер с нескрываемым восхищением осмотрел законоведа с головы до ног и выразительно сказал:

– А что вы будете пить, сэр?

– Право же, вы очень... – отозвался мистер Пелл. – Клянусь честью, я не имею обыкновения... Сейчас так рано, что в сущности я почти... Пожалуй, принесите мне на три пенса рому, моя милая.

Прислуживающая девица, которая угадала требование раньше, чем оно было высказано, поставила перед Пеллом стакан рому и удалилась.

– Джентльмены! – сказал мистер Пелл, окидывая взглядом присутствующих.

– За успех вашего друга! Я не люблю хвастаться, джентльмены, у меня нет этой привычки, но я не могу не сказать, что если бы вашему другу не посчастливилось попасть в руки, которые... но я не скажу того, что собирался сказать. За ваше здоровье!

Мигом осушив стакан, мистер Пелл причмокнул и самодовольно обвел глазами собравшихся кучеров, которые, очевидно, относились к нему, как к некоему божеству.

– Позвольте-ка, – сказал юридический авторитет, – о чем я говорил, джентльмены?

– Кажется, вы заметили, что не стали бы возражать против второго стакана, сэр, – сказал мистер Уэллер с шутливой серьезностью.

– Ха-ха! – засмеялся мистер Пелл. – Недурно, недурно. Ведь вы тоже деловой человек! В такой ранний час это было бы, пожалуй, слишком... Право, не знаю, моя милая... ну, да уж повторите, будьте так добры. Кхе!

Этот последний звук был важным и внушительным покашливанием, каковое мистер Пелл счел должным себе позволить, заметив неподобающую склонность к смеху у некоторых своих слушателей.

– Покойный лорд-канцлер, джентльмены, очень меня любил, – сообщил мистер Пелл.

– И это делает ему честь, – вставил мистер Уэллер.

– Правильно! – воскликнул клиент мистера Пелла. – А почему бы ему вас не любить?

– В самом деле, почему? – повторил весьма краснолицый человек, который до сей поры не проронил ни слова и, казалось, вряд ли мог еще что-нибудь сказать. Почему бы нет, хотел бы я знать?

Шепот, выражающий одобрение, пробежал по собранию.

– Помню, джентльмены, – начал мистер Пелл, – обедал я однажды вместе с ним – нас было только двое, но все так шикарно, как будто ждали двадцать человек к обеду: государственная печать на столике справа от него, и человек в парике с кошельком и в латах охраняет жезл, сабля наголо и шелковые чулки... Так всегда делается, джентльмены, и днем и ночью... как вдруг он мне говорит: «Пелл, говорит, без ложной скромности, Пелл. Вы человек талантливый. Вы любого можете протащить через Суд по делам о несостоятельности, Пелл, и наша страна должна гордиться вами». Таковы были его подлинные слова. «Милорд, – сказал я, – вы мне льстите». – «Пелл, – сказал он, – будь я проклят, если вам льщу».

– Он так и сказал? – осведомился мистер Уэллер.

– Так и сказал, – отвечал Пелл.

– Ну, коли так, – заявил мистер Уэллер, – то парламент должен был бы приструнить его за это, и, будь он бедняком, они бы его приструнили.

– Но, дорогой мой друг, – возразил мистер Пелл, – это было сказано конфиденциально.

– Как? – переспросил мистер Уэллер.

– Конфиденциально.

– Ну, тогда... – подумав, – сказал мистер Уэллер, – если он выругал самого себя конфиденциально, то, конечно, это совсем другое дело.

– Конечно! – подтвердил мистер Пелл. – Разница, как вы замечаете, бросается в глаза.

– Меняет все дело, – согласился мистер Уэллер. – Продолжайте, сэр.

– Нет, я не буду продолжать, сэр, – сказал мистер Пелл тихо и серьезно.

– Вы мне напомнили, сэр, что это был частный разговор – частный и конфиденциальный, джентльмены. Джентльмены, я юрист... Быть может, как юрист я пользуюсь большим уважением; быть может, не пользуюсь. Очень многим это известно. Я уже не скажу ни слова. Здесь, в этой комнате, уже были сделаны замечания, порочащие репутацию моего благородного друга. Вы должны простить меня, джентльмены, – я был неосторожен. Я чувствую, что никакого права не имею упоминать об этом случае без его согласия. Благодарю вас, сэр.

Произнося такую речь, мистер Пелл засунул руки в карманы, нахмурился, мрачно озираясь, и звякнул тремя пенсами.

Только-только стало известно столь благородное решение, как в комнату неистово ворвались мальчик и синий мешок – два неразлучных товарища – и доложили (собственно говоря, доложил мальчик, ибо синий мешок не принимал никакого участия в докладе), что дело сейчас будет разбираться. Услышав это, вся компания перебежала через улицу и стала пробивать себе дорогу в суд: подготовительная церемония, которая, по расчетам, должна была занять в обычных условиях от двадцати пяти до тридцати минут.

Мистер Уэллер, человек тучный, бросился сразу в толпу в отчаянной надежде пробиться в каком-нибудь удобном месте. Успех не вполне оправдал его ожидания, ибо шляпа, которую он забыл сиять, была нахлобучена ему на глаза каким-то субъектом, на чью ногу он наступил довольно тяжело. По-видимому, этот индивид немедленно раскаялся в своей горячности, ибо, пробормотав какие-то невнятные слова, выражающие изумление, он увлек старика в вестибюль и после энергической борьбы стащил с него нахлобученную шляпу.

– Сэмивел! – воскликнул мистер Уэллер, когда получил возможность лицезреть своего спасителя.

Сэм кивнул головой.

– Ты почтительный и любящий сынок, что и говорить, – заметил мистер Уэллер. – Нахлобучиваешь шапку старику отцу!

– Как я мог знать, что это вы? – возразил сын. – Или вы думаете, что я должен был угадать, кто вы такой, по тяжести вашей ноги?

– Пожалуй, это верно, Сэмми, – отвечал мистер Уэллер, тотчас же смягчившись. – Но что ты тут делаешь? Твой хозяин ничего тут не добьется, Сэмми. Они не вынесут такого вредика, ни за что не вынесут, Сэмми.

И мистер Уэллер с торжественной миной законоведа покачал головой.

– Ну и вздорный старик! – воскликнул Сэм. – Вечно толкует о вредиках и алиби и всякой всячине. Кто вам говорил о вредике?

Мистер Уэллер ни слова не ответил, но еще раз покачал головой с весьма ученым видом.

– Бросьте вы трясти башкой, если не хотите, чтобы пружины лопнули, – нетерпеливо сказал Сэм, – ведите себя благоразумно. Вчера вечером я таскался к «Маркизу Гренби», разыскивая вас.

– А маркизу Гренби видал, Сэмми? – со вздохом осведомился мистер Уэллер.

– Видал, – отвечал Сэм.

– Как поживает милое создание?

– Подозрительно, – сказал Сэм. – Мне кажется, она помаленьку себя разрушает, злоупотребляет этим-вот ананасным ромом и подобными сильно действующими лекарствами.

– Ты это всерьез говоришь, Сэмми? – глубокомысленно осведомился старший.

– О да, всерьез, – отвечал младший.

Мистер Уэллер схватил сына за руку, пожал ее и выпустил. При этом физиономия его выражала не уныние или опасение, а скорее сладкую и робкую надежду. Луч примиренности и даже довольства осветил его лицо, когда он медленно проговорил:

– Я не совсем уверен, Сэмми, я не говорю, что окончательно убедился ну, как придется разочароваться? – но мне кажется, мой мальчик, мне кажется, что у пастыря печень не в порядке.

– Разве у него скверный вид? – полюбопытствовал Сэм.

– Он на редкость бледен, – отвечал отец, – вот только нос стал краснее. Аппетит у него неважный, а ром сосет здорово.

Казалось, воспоминание о роме вторглось в голову мистера Уэллера, когда он произнес эти слова, ибо он стал мрачен и задумчив, но очень быстро оправился, о чем свидетельствовала целая азбука подмигиваний, которыми он имел обыкновение услаждать себя, когда бывал особенно доволен.

– Ну, а теперь поговорим о моем деле, – начал Сэм. – Навострите уши и молчите до тех пор, пока я не кончу.

После такого краткого предисловия Сэм передал, по возможности сжато, последний знаменательный разговор с мистером Пиквиком.

– Остался там один, бедняга! – воскликнул старший мистер Уэллер. – И никто за него не заступится, Сэмивел! Этак не годится.

– Конечно, не годится, – согласился Сэм. – Я это знал раньше, чем пришел сюда.

– Да ведь они его живьем съедят, Сэмми! – возопил мистер Уэллер.

Сэм кивнул в знак того, что разделяет эту точку зрения.

– Он вошел туда совсем сырой, Сэмми, – сказал мистер Уэллер, выражаясь метафорически, – а там его так поджарят, что самые близкие друзья не узнают. Жареный голубь – ничто по сравнению с этим, Сэмми!

Сэм Уэллер еще раз кивнул.

– Этого не должно быть, Сэмивел, – торжественно сказал мистер Уэллер.

– Этого не будет, – сказал Сэм.

– Разумеется, – подтвердил мистер Уэллер.

– Ну, ладно! – сказал Сэм. – Напророчествовали вы очень хорошо, совсем как красноносый Никсон[139] в шестипенсовых книжках с его портретом.

– А кто он такой, Сэмми? – полюбопытствовал мистер Уэллер.

– Не все ли вам равно? – отрезал Сэм. – Хватит с вас того, что он не был кучером.

– Я знал одного конюха с такой фамилией, – задумчиво сказал мистер Уэллер.

– Не тот, – возразил Сэм. – Мой джентльмен был пророк.

– Какой пророк? – осведомился мистер Уэллер, строго взглянув на сына.

– Человек, который предсказывает, что случится, – объяснил Сэм.

– Хотел бы я познакомиться с ним, Сэмми, – сказал мистер Уэллер. – Может быть, он бросил бы луч света на ту самую болезнь, о которой мы только что говорили. Ну, что поделать, а если он умер и никому не передал своей лавочки, стало быть и толковать не о чем. Продолжай, Сэмми, – со вздохом добавил мистер Уэллер.

– Так вот, вы тут пророчествовали, что случится с хозяином, если он там останется, – продолжал Сэм. – Не придумаете ли вы какого-нибудь этакого-подходящего способа о нем позаботиться?

– Нет, не придумаю, Сэмми, – с глубокомысленным видом ответил мистер Уэллер.

– Так-таки ни единого способа? – осведомился Сэм.

– Ни единого, – отвечал мистер Уэллер, – вот разве... – И луч прозрения осветил его физиономию, когда он понизил голос до шепота и приложил губы к уху сына. – Вот разве вынести его в складной кровати потихоньку от тюремщиков, Сэмми, или нарядить старухой под зеленой вуалью.

Сэм Уэллер неожиданно принял с презрением оба предложения и повторил свой вопрос.

– Нет! – сказал старый джентльмен. – Если он не хочет, чтобы ты там остался, я никакого выхода не вижу. Нет проезда, Сэмми, нет проезда.

– Ну, так я вам скажу, как проехать, – объявил Сэм. – Я вас попрошу ссудить мне двадцать пять фунтов.

– А какой от этого будет прок? – полюбопытствовал мистер Уэллер.

– Что будет, то будет, – отозвался Сэм. – Может быть, вы их потребуете обратно через пять минут; может быть, я скажу, что не хочу отдавать, и выругаюсь. Не придет ли вам в голову арестовать родного сына из-за этих-вот денег и отправить его во Флит? Что скажете, бессердечный бродяга?

После ответа Сэма отец и сын обменялись полным телеграфическим кодом кивков и знаков, а затем старший мистер Уэллер сел на каменную ступеньку и принялся хохотать так, что побагровел.

– Что за старая образина! – воскликнул Сэм, возмущенный такой потерей времени. – Ну, ради чего вы сидите здесь и превращаете свою физиономию в дверной молоток, когда впереди столько дела? Где у вас деньги?

– Под козлами, Сэмми, под козлами, – отвечал мистер Уэллер, расправляя морщины. – Подержи мою шляпу, Сэмми.

Освободившись от этого бремени, мистер Уэллер резко вывернул туловище на одну сторону и, ловко изогнувшись, ухитрился запустить правую руку в чрезвычайно поместительный карман, откуда после долгих усилий и пыхтенья извлек бумажник in octavo[140], перетянутый широким ремешком. Из этого хранилища он вытащил пару ремешков для кнута, три-четыре пряжки, мешочек с образчиками овса и, наконец, небольшую пачку очень грязных банковых билетов, из которой отсчитал требуемую сумму и вручил ее Сэму.

– А теперь, Сэмми, – сказал старый джентльмен, когда ремешки, пряжки и образчики снова были спрятаны и бумажник опущен в недра того же кармана, – а теперь, Сэмми, я тут знаю одного джентльмена, который обделает для нас это дело в одну секунду, – блюститель закона, Сэмми, а мозги у него, как у лягушки, разбросаны по всему телу до самых кончиков пальцев; друг лорд-канцлера, Сэмивел, так что стоит ему только сказать, чего он хочет, и тот посадит тебя под замок на всю жизнь.

– Ну нет, этого ничего не нужно, – сказал Сэм.

– Чего не нужно? – осведомился мистер Уэллер.

– Ничего такого против конституции, – отрезал Сэм. – После перпетум мобиле – хабис корпус – самая расчудесная выдумка. Я частенько читал об этом в газетах.

– Да какое же она имеет отношение к делу? – спросил мистер Уэллер.

– А такое, – сказал Сэм, – что я буду стоять горой за это изобретение и соответственно поступать. Нечего там шептать лорд-канцлеру, мне это не нравится! А вдруг это повредит делу, когда нужно будет выйти из тюрьмы!

Уступив по этому пункту желаниям своего сына, мистер Уэллер тотчас же отыскал высокоученого Соломона Пелла и сообщил ему о своем намерении немедленно получить приказ о взыскании двадцати пяти фунтов и судебных издержек, с тем чтобы приказ был направлен против «личности» некоего Сэмюела Уэллера. Связанные с этим расходы выплачиваются Соломону Пеллу авансом.

Поверенный был в прекраснейшем расположении духа, ибо попавший в беду поставщик лошадей был освобожден от ответственности по приговору суда. Он весьма одобрил привязанность Сэма к своему хозяину, заявил, что она очень напоминает ему его собственное чувство преданности к его другу канцлеру, и немедленно повел старшего мистера Уэллера в Темпль скрепить присягой показание о долге, которое мальчик с помощью синего мешка написал тут же на месте.

Тем временем Сэм, будучи официально представлен обеленному джентльмену и его друзьям как отпрыск мистера Уэллера из «Прекрасной Дикарки», был встречен с подчеркнутым уважением и любезно приглашен участвовать в пирушке в ознаменование упомянутого события, каковое приглашение он не замедлил принять.

Увеселения джентльменов этой профессии обычно носят торжественный и мирный характер, но в данном случае празднество было из ряда вон выходящее, и они соответственно этому дали себе волю. После довольно бурных тостов в честь главного уполномоченного и мистера Соломона Пелла, который проявил в тот день такие несравненные способности, джентльмен с пятнистым лицом и в синем шарфе предложил кому-нибудь спеть. Сам собой напрашивался вывод, что пятнистый джентльмен, жаждавший пения, должен сам спеть, но пятнистый джентльмен упрямо и слегка обиженно уклонился; за этим, как бывает нередко в подобных случаях, последовали довольно сердитые препирательства.

– Джентльмены, – сказал, наконец, поставщик лошадей, – чтобы не нарушать гармонии этого чудесного празднества, быть может, мистер Сэмюел Уэллер согласится усладить общество?

– Право же, джентльмены, у меня нет привычки петь без инструмента, – отвечал Сэм, – но все за спокойную жизнь, как сказал человек, заняв место смотрителя на маяке.

После такой прелюдии мистер Сэмюел Уэллер сразу запел следующую неистовую и прекрасную песню, которую мы позволяем себе привести, предполагая, что она не всем известна. Мы попросили бы обратить особое внимание на междометия в конце вторых и четвертых строк, которые не только дают возможность певцу перевести дух в этом месте, но я чрезвычайно благоприятствуют размеру.

РОМАНС

Наш Терпин[141] вскачь по Хаунсло-Хит[142]
Погнал кобылу Бесе – эх!
Вдруг видит он – епископ мчит
Ему наперерез – эх!
Он догоняет лошадей,
В карету он глядит.
«Ведь это Терпин, ей-ясе-ей!»
Епископ говорит.
Хор
«Ведь это Терпин, ей-ясе-ей!»
Епископ говорит.

А Терпин: «Свой лихой привет
Ты с соусом глотай-ай!»
И прямо в глотку-пистолет,
И отправляет в рай-ай!
А кучер был не очень рад,
Погнал что было сил.
Но Дик, влепив в башку заряд,
Его остановил.

Хор (саркастически)
Но Дик, влепив в башку заряд,
Его остановил.

– Я утверждаю, что эта песня задевает профессию, – перебил пятнистый джентльмен. – Я спрашиваю: как звали кучера?

– Никто не знает, – отвечал Сэм. – У него не было визитной карточки в кармане.

– Я возражаю против политики, – продолжал пятнистый джентльмен. – Я заявляю, что в нашем обществе эта песня – политическая и, что почти то же самое, лживая! Я заявляю, что тот кучер не удрал, он умер храбро – храбро, как герой, и я не потерплю никаких возражений!

Так как пятнистый джентльмен говорил с большой энергией и решимостью и так как мнения по этому вопросу, казалось, разделились, то грозили возникнуть новые препирательства, но тут весьма кстати появились мистер Уэллер и мистер Пелл.

– Все в порядке, Сэмми! – сказал мистер Уэллер.

– Исполнитель придет сюда в четыре часа, – добавил мистер Пелл. – полагаю, вы за это время не убежите, а? Ха-ха!

– Может быть, мой жестокий папаша к тому времени смягчится, – улыбаясь во весь рот, сказал Сэм.

– Э, нет! – возразил мистер Уэллер-старший.

– Прошу вас! – настаивал Сэм.

– Ни за что на свете! – заявил неумолимый кредитор.

– Я дам расписки на эту сумму, по шести пенсов в месяц, – сказал Сэм.

– Я их не возьму, – ответил мистер Уэллер.

– Ха-ха-ха! Прекрасно, прекрасно! – одобрил мистер Соломон Пелл, выписывая свой счетец. – Очень забавный случай! Бенджемин, перепишите.

И мистер Пелл, улыбаясь, показал итог мистеру Уэллеру.

– Благодарю вас, – продолжал джентльмен юрист, принимая засаленные банковые билеты, извлеченные мистером Уэллером из бумажника. – Три фунта десять шиллингов и один фунт десять шиллингов – итого пять фунтов. Очень вам признателен, мистер Уэллер. Ваш сын – достойный молодой человек, весьма достойный, сэр. Это очень приятная черта в характере молодого человека, весьма приятная, – добавил мистер Пелл, озираясь с любезной улыбкой и пряча деньги.

– Вот так потеха! – усмехнувшись, сказал старший мистер Уэллер. – Регулярно, блудящий сын!

– Блудный, блудный сын, сэр, – мягко подсказал мистер Пелл.

– Не беспокойтесь, сэр, – с достоинством возразил мистер Уэллер. – Я знаю, который час, сэр. Когда не буду знать, спрошу вас, сэр.

К приходу исполнителя Сэм завоевал такую популярность, что присутствующие джентльмены решили проводить его всей компанией в тюрьму. Они тронулись в путь в таком порядке: истец и ответчик шли рука об руку; исполнитель впереди, а восемь дюжих кучеров замыкали шествие. У кофейни Сарджентс-Инна все остановились, чтобы освежиться, и когда было покончено с юридическими формальностями, процессия двинулась дальше.

Затея восьми джентльменов, продолжавших идти по четыре человека в ряд, вызвала на Флит-стрит легкое смятение; затем пришлось покинуть пятнистого джентльмена, вступившего в драку с носильщиком. Было условлено, что его друзья зайдут за ним на обратном пути. Кроме этих маленьких инцидентов, ничего не случилось в пути. Дойдя до ворот Флита, компания по знаку истца трижды прокричала оглушительно «ура» в честь ответчика и, обменявшись рукопожатиями, рассталась с ним.

Когда Сэм был официально доставлен в дежурную комнату, – к крайнему изумлению Рокера и явному недоумению самого флегматического Недди, – и тотчас же отведен в тюрьму, он направился прямо к камере своего хозяина и постучался к нему в дверь.

– Войдите, – отозвался мистер Пиквик.

Сэм вошел, снял шляпу и улыбнулся.

– А, это вы, милый Сэм! – воскликнул мистер Пиквик, явно обрадовавшись при виде своего скромного друга. – Вчера я отнюдь не хотел оскорбить ваши чувства, мой верный друг. Положите шляпу, Сэм, и я вам подробно растолкую, что я имел в виду.

– Нельзя ли немного позже, сэр? – спросил Сэм.

– Конечно, – сказал мистер Пиквик, – но почему не сейчас?

– Лучше бы потом, сэр, – отвечал Сэм.

– Почему? – осведомился мистер Пиквик.

– Потому что... – запинаясь, начал Сэм.

– Потому что... – повторил мистер Пиквик, встревоженный поведением своего слуги.

– Потому что, – продолжал Сэм, – есть у меня одно дельце, с которым я бы хотел покончить.

– Какое дело? – полюбопытствовал мистер Пиквик, удивленный смущенным видом Сэма.

– Так, ничего особенного, сэр, – отвечал Сэм.

– Ну, если ничего особенного, то сначала вы можете поговорить со мной, – улыбаясь, сказал мистер Пиквик.

– Пожалуй, следовало бы мне позаботиться об этом сейчас же, – отозвался Сэм, все еще колеблясь.

Мистер Пиквик был удивлен, но ничего не сказал.

– Дело в том... – начал Сэм и запнулся.

– Ну, – воскликнул мистер Пиквик, – говорите, Сэм!

– Дело в том, – сказал Сэм, выжимая из себя слова, – что, пожалуй, следовало бы мне прежде всего позаботиться о своей постели.

– О постели? – с изумлением воскликнул мистер Пиквик.

– Да, о моей постели, сэр, – отвечал Сэм. – Я арестант. Сегодня после полудня меня арестовали за долги.

– Вы арестованы за долги? – вскричал мистер Пиквик, откидываясь на спинку кресла.

– Да, за долги, сэр, – подтвердил Сэм. – А человек, который меня засадил, ни за что меня отсюда не выпустит, пока вы сами не выйдете.

– Боже мой! – воскликнул мистер Пиквик. – Что вы хотите этим сказать?

– То, что я говорю, сэр, – ответил Сэм. – Я буду сидеть хоть сорок лет, и очень этому рад, и будь это Ньюгет, было бы то же самое. Ну, черт возьми, секрет раскрыт, и конец делу!

С этими словами, которые он повторил очень энергически и выразительно, Сэм Уэллер, находясь в необычайно возбужденном состоянии, швырнул шляпу на пол, а затем, скрестив руки, посмотрел решительно и твердо в лицо своему хозяину.

ГЛАВА XLIV

повествует о разных мелких событиях, происшедших во Флите, и о таинственном поведении мистера Уинкля и рассказывает о том, как бедный арестант Канцлерского суда был, наконец, освобожден

Мистер Пиквик был так глубоко растроган горячей привязанностью Сэма, что не проявил никаких признаков гнева или неудовольствия по поводу той стремительности, с какой Сэм добровольно попал в долговую тюрьму на неопределенный срок. Единственным пунктом, по которому он упорно требовал объяснения, была фамилия кредитора, но ее мистер Уэллер не менее упорно скрывал.

– От нее никакого толку не будет, сэр, – снова и снова повторял Сэм. – Это существо злобное, недоброжелательное, неуступчивое, коварное и мстительное, с жестоким сердцем, которого ничем не смягчить, как заметил добродетельный священник об одном старом джентльмене, страдавшем водянкой, когда тот сказал, что, поразмыслив, он предпочитает оставить деньги своей жене, а не на сооружение церкви.

– Но подумайте, Сэм, – убеждал мистер Пиквик, – сумма так невелика, что ее легко можно уплатить; а теперь, когда я решил оставить вас у себя, не забывайте, что вы гораздо больше принесете пользы, имея возможность выходить из тюрьмы.

– Очень вам признателен, сэр, – серьезно ответил мистер Уэллер, – но мне бы не хотелось.

– Чего не хотелось бы, Сэм?

– Не хотелось бы унижаться и просить милости у такого бессовестного врага.

– Но вы никакой милости не просите, отдавая ему его деньги, Сэм, – доказывал мистер Пиквик.

– Прошу прощенья, сэр, – возразил Сэм, – но это была бы очень большая милость – заплатить ему деньги, а он ее не заслуживает. Вот в чем тут дело, сэр.

Заметив, что мистер Пиквик с некоторым раздражением потирает нос, мистер Уэллер счел благоразумным переменить тему разговора.

– Я принимаю свое решение из принципа, сэр, – заметил Сэм, – так же, как вы принимаете свое, и тут мне приходит на ум человек, который покончил с собой из принципа. О нем вы, конечно, слыхали, сэр.

Мистер Уэллер умолк и искоса бросил лукавый взгляд на своего хозяина.

– Никакого «конечно» тут быть не может, Сэм, – сказал мистер Пиквик, начиная улыбаться, несмотря на тревогу, вызванную упрямством Сэма. – Молва о вышеупомянутом джентльмене не дошла до моих ушей.

– Неужели, сэр? – воскликнул мистер Уэллер. – Вы меня удивляете, сэр. Он был государственный чиновник.

– Вот как? – сказал мистер Пиквик.

– Да, сэр, – подтвердил мистер Уэллер, – и был очень приятный джентльмен – один из тех точных и аккуратных людей, которые засовывают ноги в маленькие пожарные ведра из резины, если погода дождливая, и прижимают к сердцу только одного друга – нагрудник из заячьих шкурок; он копил деньги из принципа, менял сорочку каждый день из принципа; никогда не разговаривал с родственниками из принципа, опасаясь, как бы они не попросили у него взаймы, и вообще был на редкость приятный тип. Он стригся из принципа раз в две недели и договорился покупать костюмы из экономического принципа – три костюма в год, с тем чтобы старые принимали назад. Как очень регулярный джентльмен, он обедал всегда в одном и том же месте, где брали шиллинг девять пенсов с человека, и, бывало, съедал на добрый шиллинг девять пенсов, как частенько замечал хозяин, заливаясь слезами, не говоря уже о том, что он раздувал зимой огонь в камине, а это обходилось ровно в четыре с половиной пенса ежедневно, и досадно было смотреть на него при этом. А держал он себя на редкость важно! «Дайте Пост, когда прочтет этот джентльмен, – покрикивал он ежедневно, входя в комнату. – Позаботьтесь о Таймсе, Томас, дайте мне посмотреть Морнинг Геральд, когда он освободится, не забудьте занять очередь на Кроникл и принесите-ка Адвертайзер». А потом он сидел, не сводя глаз с часов, и выбегал ровно за четверть минуты, чтобы подкараулить мальчика, приносившего вечернюю газету, которую он читал с таким интересом и упорством, что все прочие посетители доходили до отчаяния и сумасшествия, в особенности один раздражительный старый джентльмен; в таких случаях лакею всегда приходилось за джентльменом присматривать, чтобы он не поддался искушению и не пустил в дело нож для разрезания жаркого. Ну-с, так вот, сэр, приходил он сюда и занимал лучшее место в течение трех часов, и после обеда никогда ничего не пил, а только спал, и потом шел в кофейню на одной из ближайших улиц и выпивал маленький кофейник кофе с четырьмя сдобными пышками, после этого он шел домой в Кенсингтон[143] и ложился спать. Как-то вечером он очень заболел; посылает за доктором. Доктор приезжает в зеленой карете с приставной лестницей на манер изделий Робинзона Крузо, которую он сам мог опускать, вылезая из кареты, убирать за собой, чтобы кучеру не нужно было слезать с козел; таким образом, кучер дурачил публику, показывал ей только свою ливрею, а штаны на нем были не под стать ей. «В чем дело?» спрашивает доктор. «Очень болен», – говорит пациент. «Что вы сегодня ели?» спрашивает доктор. «Жареную телятину», – отвечает пациент. «А самое последнее что вы съели?» – говорит доктор. «Сдобные пышки», – говорит пациент. «А, вот оно что! – говорит доктор. – Я вам сейчас же пришлю коробку пилюль, и больше вы к ним никогда, говорит, не

прикасайтесь». – «К чему не прикасаться? – спрашивает пациент. – К пилюлям?» – «Нет, к сдобным пышкам», – говорит доктор. «Как! – говорит пациент, подпрыгнув в постели. – Каждый вечер в течение пятнадцати лет я съедал из принципа четыре сдобных пышки!» «Ну, так вы откажитесь от них из принципа», – говорит доктор. «Сдобные пышки очень полезны, сэр», – говорит пациент. «Сдобные пышки очень вредны, сэр», сердито говорит доктор. «Но они так дешевы, – говорит пациент, сбавляя тон, – и очень сытны, если принять во внимание цену». – «Вам они обойдутся во всяком случае слишком дорого, даже если вам будут платить за то, чтобы вы их ели, – говорит доктор. – Четыре пышки каждый вечер убьют, говорит, вас в полгода». Пациент смотрит ему прямо в лицо, долго думает и, наконец, говорит: «Вы уверены в этом, сэр?» – «Могу поставить на карту свою репутацию врача», – говорит доктор. «Как вы думаете, сколько сдобных пышек прикончили бы меня сразу?» – спрашивает пациент. «Не знаю», – говорит доктор. «Как вы думаете, если купить на полкроны, этого хватит?» – спрашивает пациент. «Пожалуй, хватит», – говорит доктор. «А на три шиллинга наверняка хватит?» говорит пациент. «Несомненно», – говорит доктор. «Очень хорошо, – говорит пациент, – спокойной ночи». Утром он встает, растапливает камин, велит принести на три шиллинга пышек, поджаривает их, съедает все и пускает себе пулю в лоб.

– Зачем же он это сделал? – быстро спросил мистер Пиквик, ибо был весьма потрясен трагической развязкой этой истории.

– Зачем он это сделал? – повторил Сэм. – Да хотел подкрепить свой великий принцип, будто пышки полезны, и доказать, что он никому не позволит вмешиваться в его дела!

Такого рода уловками и увертками отвечал мистер Уэллер на вопросы своего хозяина в тот вечер, когда водворился во Флите. Убедившись, наконец, что все уговоры бесполезны, мистер Пиквик скрепя сердце разрешил ему снять угол у лысого сапожника, который арендовал маленькую камеру в одной из верхних галерей. В это скромное помещение мистер Уэллер перенес тюфяк и подушку, взятые напрокат у мистера Рокера, и, расположившись здесь на ночь, почувствовал себя, как дома, словно родился в тюрьме и вся его семья прозябала в ней на протяжении трех поколений.

– Вы всегда курите перед сном, старый петух? – осведомился мистер Уэллер у своего квартирохозяина, когда они оба расположились на ночь.

– Да, курю, молодой бентамский петушок[144], – ответил сапожник.

– Разрешите полюбопытствовать, почему вы стелете себе постель под этим-вот еловым столом? – спросил Сэм.

– Потому что я привык к кровати с четырьмя столбиками для балдахина раньше, чем попал сюда, а потом убедился, что ножки стола ничуть не хуже, – ответил сапожник.

– У вас чудной характер, сэр, – сказал Сэм.

– Такого добра у меня нет, – возразил сапожник, покачав головой, – и если вам оно понадобилось, боюсь, что вы не так-то легко найдете себе что-нибудь в здешней канцелярии.

Вышеприведенный короткий диалог начался, когда мистер Уэллер лежал, растянувшись, на своем тюфяке в одном конце камеры, а сапожник – на своем в другом конце. Камера освещалась тростниковой свечой и трубкой сапожника, которая вспыхивала под столом, как раскаленный уголек.

Разговор, как ни был он краток, чрезвычайно расположил мистера Уэллера в пользу квартирохозяина, и, приподнявшись на локте, он начал внимательно его разглядывать, на что у него до сей поры не было ни времени, ни охоты.

Это был человек с землистым цветом лица, как у всех сапожников, и с жесткой взъерошенной бородой, тоже как у всех сапожников. Его лицо странная, добродушная, уродливая маска – украшалось парой глаз, должно быть очень веселых в прежние времена, ибо они все еще блестели. Ему было шестьдесят лет, и одному богу известно, на сколько лет

он состарился от пребывания в тюрьме, а потому странным казалось, что вид у него довольный и лицо почти веселое. Он был маленького роста, и теперь, скрючившись в постели, производил такое впечатление, будто у него нет ног. Во рту у него торчала большая красная трубка; он курил и смотрел на свечу с завидным благодушием.

– Давно вы здесь? – спросил Сэм, нарушая молчание, длившееся довольно долго.

– Двенадцать лет, – ответил сапожник, покусывая конец трубки.

– Неуважение к суду? – осведомился Сэм.

Сапожник кивнул головой.

– Ну, так зачем же вы продолжаете упрямиться, – сказал Сэм сурово, – и губите свою драгоценную жизнь в этом-вот загоне для скота? Почему не уступите и не попросите прощения у лорд-канцлера, что из-за вас его суд покрыл себя позором, не скажете ему, что вы теперь очень раскаиваетесь и больше не будете так делать?

Сапожник засунул трубку в угол рта, улыбнулся, опять передвинул ее на старое место, но ничего не сказал.

– Почему вы так не поступите? – настойчиво повторил Сэм.

– Что? – откликнулся сапожник. – Вы плохо понимаете эти дела. Ну что, по-вашему, меня погубило?

– По-моему, – сказал Сэм, снимая нагар со свечи, – началось с того, что вы залезли в долги, да?

– Никогда не был должен ни единого фартинга, – отозвался сапожник. – Придумайте еще что-нибудь.

– Ну, может быть, – сказал Сэм, – вы скупали дома, что, выражаясь деликатно, значит свихнуться, или вздумали их строить, что, выражаясь по-медицинскому, значит потерять надежду на выздоровление.

Сапожник покачал головой и сказал:

– Придумайте еще что-нибудь.

– Надеюсь, вы не затевали тяжбы? – подозрительно спросил Сэм.

– Никогда в жизни, – отвечал сапожник. – Дело в том, что меня погубили деньги, оставленные мне по завещанию.

– Бросьте! – сказал Сэм. – Кто этому поверит! Хотел бы я, чтобы какой-нибудь богатый враг вздумал погубить меня этим-вот способом. Я бы ему не помешал.

– О, я вижу, вы мне не верите, – сказал сапожник, мирно покуривая трубку. – На вашем месте я бы и сам не поверил. А все-таки это правда.

– Как это случилось? – спросил Сэм, склоняясь к тому, чтобы поверить, такое сильное впечатление произвел на него сапожник.

– А вот как, – отвечал сапожник. – С одним старым джентльменом – я на него работал в провинции и был женат на его бедной родственнице (она умерла, да благословит ее бог, и возблагодарим его за это) – случился удар, и он отошел.

– Куда? – осведомился Сэм, которого клонило ко сну после многочисленных событий этого дня.

– Как я могу знать куда? – возразил сапожник, который, наслаждаясь своей трубкой, говорил в нос. – Отошел к усопшим.

– А, понимаю! – сказал Сэм. – Что же дальше?

– Ну, так вот, – продолжал сапожник, – он оставил пять тысяч фунтов.

– Очень благородно с его стороны, – вставил Сэм.

– Одну из них, – сообщил сапожник, – он оставил мне, потому что я был, понимаете ли, женат на его родственнице.

– Очень хорошо, – пробормотал Сэм.

– А так как он был окружен множеством племянниц и племянников, которые вечно ссорились и дрались между собой из-за денег, то меня он назначил своим душеприказчиком и оставил мне остальные тысячи по доверию[145], чтобы разделить между ними, как сказано в завещании.

– Что значит – по доверию? – осведомился Сэм, очнувшись от дремоты. Если это не наличные, то какой от них прок?

– Это юридический термин, вот и все, – пояснил сапожник.

– Не думаю, – сказал Сэм, покачав головой. – Какое уж там доверие в этой лавочке? А впрочем, продолжайте.

– Так вот, – сказал сапожник, – когда я хотел утвердить завещание, племянницы и племянники, которые были ужасно огорчены, что не все деньги достались им, вошли с caveat[146].

– Что такое? – переспросил Сэм.

– Юридическая штука – все равно что сказать: «Стоп!», – ответил сапожник.

– Понимаю, – сказал Сэм, – зять хабис корпус. Ну?

– Но, убедившись, что они не могут между собой договориться, – продолжал сапожник, – и, стало быть, не могут оспорить завещание, они взяли назад свое caveat, и я распределил наследство. Едва я успел это сделать, как один племянник возбуждает дело об отмене завещания. Спустя несколько месяцев дело разбирается у старого, глупого джентльмена в задней комнате где-то в переулке собора св. Павла; четыре адвоката взяли себе каждый по одному дню, чтобы надоедать ему по очереди, а потом он недели две размышляет и читает показания в шести томах и, наконец, выносит решение, что завещатель был не в своем уме и, стало быть, я должен вернуть все деньги и уплатить издержки. Я обжаловал решение; дело переходит к трем или четырем очень сонным джентльменам, которые уже слушали его в первом суде, при котором они состоят законниками, но определенной работы у них нет, – разница только в том, что там их называли докторами, а здесь – делегатами, – не знаю, понятно ли вам это; и они очень вежливо утвердили решение старого джентльмена. После этого мы перешли в Канцлерский суд, где дело находится и по сей день и где навсегда останется. Вся моя тысяча фунтов давным-давно перешла к моим адвокатам, а имущество, как они это называют, и издержки оцениваются в десять тысяч фунтов, и вот из-за них я здесь сижу и буду сидеть до самой смерти и чинить сапоги. Кое-кто из джентльменов поговаривал о том; чтобы поднять вопрос в парламенте, и, вероятно, так бы они и сделали, да только у них не было времени приходить ко мне, а я не мог идти к ним; мои длинные письма им надоели, и они бросили это дело. Вот вам святая истина, без всяких недомолвок или преувеличений, и ее прекрасно знают пятьдесят человек как в этой тюрьме, так и за ее стенами.

Сапожник приостановился, чтобы удостовериться, какое впечатление произвел его рассказ на Сэма, но убедившись, что тот погрузился в сон, вытряхнул пепел из трубки, вздохнул, положил трубку, натянул на голову одеяло и заснул.

На следующее утро мистер Пиквик в одиночестве сидел за завтраком (Сэм в комнате сапожника усердно занимался приведением в порядок башмаков и черных гетр своего хозяина), когда раздался стук в дверь, и не успел мистер Пиквик крикнуть: «Войдите!» – как появилась голова, украшенная шевелюрой и вельветовой шапочкой, каковые головные уборы мистер Пиквик без труда признал личной собственностью мистера Сменгля.

– Как поживаете? – осведомилась эта достойная личность, сопровождая вопрос несколькими десятками кивков. – Послушайте, вы никого не ждете сегодня утром? Трое каких-

то дьявольски элегантных джентльменов спрашивали вас внизу и стучались во все двери нижнего этажа. За это им чертовски влетело от постояльцев, потрудившихся открыть дверь.

– Ах, боже мой! Как глупо! – вставая, воскликнул мистер Пиквик. – Да, не сомневаюсь, что это кое-кто из моих друзей, которых я ждал вчера.

– Ваши друзья! – вскричал Сменгль, схватив мистера Пиквика за руку. Больше ни слова! Будь я проклят, но с этой минуты они – мои друзья, а также друзья Майвинса. Чертовски симпатичный джентльмен эта скотина Майвинс, не правда ли? – добавил Сменгль с большим чувством.

– Я так мало знаю этого джентльмена, – нерешительно начал мистер Пиквик, – что я...

– Понимаю, понимаю! – перебил Сменгль, схватив мистера Пиквика за плечо. – Вы познакомитесь с ним ближе. Вы будете в восторге от него. Этот человек, сэр, – с торжественной миной присовокупил Сменгль, – наделен комическим талантом, который сделал бы честь Друрилейнскому театру[147].

– В самом деле? – сказал мистер Пиквик.

– Ей-богу правда! – воскликнул Сменгль. – Вы бы послушали, как он изображает четырех котов в тачке – четырех котов, сэр, клянусь честью! Вы понимаете, как это чертовски остроумно? Будь я проклят, если вы не полюбите этого человека, когда узнаете его качества! У него один только недостаток, маленькая слабость, о которой я, знаете ли, уже упоминал.

Так как мистер Сменгль покачал при этом головой конфиденциально и сочувственно, мистер Пиквик понял, что должен что-то сказать, и посему сказал: «А!» – и с нетерпением взглянул на дверь.

– А! – подхватил мистер Сменгль, с важным видом вздохнув. – Это чудесный товарищ, вот кто он такой, сэр. Лучшего товарища не найти. Но есть у него один недостаток. Если бы явилась ему сию минуту тень его деда, сэр, он взял бы у нее деньги под вексель.

– Неужели? – воскликнул мистер Пиквик.

– Да, – подтвердил мистер Сменгль. – И будь в его власти вызвать ее еще раз, он бы это сделал через два месяца и три дня, чтобы переписать вексель.

– Это весьма замечательные черты, – сказал мистер Пиквик, – но боюсь, что, пока мы тут беседуем, мои друзья разыскивают меня и не знают, что делать.

– Я их провожу, – предложил Сменгль, направляясь к двери. – Всего хорошего. Я, знаете ли, не потревожу вас, пока они будут здесь. До свиданья...

Произнеся последние два слова, Сменгль вдруг остановился, снова закрыл дверь, которую успел открыть, и, потихоньку приближаясь к мистеру Пиквику, на цыпочках подошел к нему вплотную и спросил чуть слышным шепотом:

– Не могли бы вы мне ссудить полкроны до конца будущей недели?

Мистер Пиквик, едва удерживаясь от улыбки, но тем не менее храня серьезный вид, достал монету и положил ее в руку мистеру Сменглю, после чего этот джентльмен с многочисленными кивками и подмигиваниями, намекающими на великую тайну, отправился на поиски трех посетителей, которых вскоре и привел. Кашлянув трижды и столько же раз кивнув, чтобы заверить мистера Пиквика в том, что не забудет заплатить, он очень любезно пожал всем руки и, наконец, удалился.

– Дорогие мои друзья! – сказал мистер Пиквик, пожимая по очереди руку мистеру Тапмену, мистеру Уинклю и мистеру Снодграссу, ибо это были именно они. – Как я рад вас видеть!

Триумвират был очень растроган. Мистер Тапмен скорбно покачал головой, мистер Снодграсс с нескрываемым волнением извлек носовой платок, а мистер Уинкль отошел к окну и громко засопел.

– С добрым утром, джентльмены! – провозгласил Сэм, появляясь в этот момент с башмаками и гетрами. – Долой меланхолию, как сказал малыш, когда его учительница умерла. Добро пожаловать в колледж, джентльмены!

– Этот безумный человек, – сообщил мистер Пиквик, похлопывая Сэма по голове, когда тот опустился на колени, чтобы застегнуть своему хозяину гетры, – этот безумный человек, чтобы остаться со мной, заставил арестовать себя.

– Что такое? – воскликнули трое друзей.

– Да, джентльмены, – подтвердил Сэм, – я... пожалуйста, стойте смирно, сэр... я – арестант, джентльмены. Схватило, как сказала леди, собираясь рожать.

– Арестант! – с непонятным волнением воскликнул мистер Уинкль.

– Что такое, сэр! – отозвался Сэм, поднимая голову. – В чем дело, сэр?

– Я надеялся, Сэм, что... ничего, ничего, – стремительно сорвалось с языка у мистера Уинкля.

Было нечто столь резкое и беспокойное в манерах мистера Уинкля, что мистер Пиквик невольно взглянул на своих двух друзей, ожидая объяснения.

– Мы не знаем, – ответил вслух мистер Тапмен на этот немой вопрос. – Последние два дня он был очень возбужден и сам на себя не похож. Мы опасались, не случилось ли чего-нибудь, но он категорически это отрицает.

– Нет, нет, – вмешался мистер Уинкль, краснея под взглядом мистера Пиквика, – право же, ничего не случилось. Уверяю вас, ничего не случилось, дорогой сэр. Мне придется уехать ненадолго из города по личному делу, и я надеялся упросить вас, чтобы вы разрешили Сэму меня сопровождать.

Физиономия мистера Пиквика выразила еще большее удивление.

– Я... я... думаю, – запинаясь, продолжал мистер Уинкль, – что Сэм не стал бы возражать, по теперь, конечно, это невозможно, раз он арестован. Придется ехать мне одному.

Когда мистер Уинкль произнес эти слова, мистер Пиквик с некоторым изумлением почувствовал, что пальцы Сэма, застегивавшего гетры, задрожали, словно он был удивлен или испуган. Сэм посмотрел на мистера Уинкля, когда тот умолк, и хотя они обменялись только мимолетным взглядом, но, по-видимому, поняли друг друга.

– Сэм, вы что-нибудь об этом знаете? – быстро спросил мистер Пиквик.

– Нет, не знаю, сэр, – отозвался мистер Уэллер, начиная с большим усердием застегивать гетры.

– Вы уверены, Сэм? – настаивал мистер Пиквик.

– Видите ли, сэр, – отвечал мистер Уэллер, – я уверен в том, что раньше ни разу об этом не слышал. Если у меня есть какие-то догадки, – добавил Сэм, взглянув на мистера Уинкля, – я не имею никакого права о них говорить, потому что боюсь, знаете ли, ошибиться.

– А я не имею никакого права вмешиваться в личные дела друга, как бы он ни был мне близок, – помолчав, сказал мистер Пиквик. – Разрешите только сказать, что я ровно ничего во всем этом не понимаю. Довольно! Больше мы к этому возвращаться не будем.

Выразив таким образом свою мысль, мистер Пиквик перевел разговор на другие темы, а мистер Уинкль начал постепенно приходить в себя, хотя все еще был очень далек от полного спокойствия. Столько вопросов нужно было им обсудить, что утро пролетело быстро. В три часа, когда Сэм водрузил на маленький обеденный стол жареную баранью ногу и огромный паштет, а блюдо с овощами и кувшины с портером разместил на стульях, на диване и где придется, все почувствовали, что могут отдать должное обеду, хотя мясо было куплено и зажарено, а паштет приготовлен и испечен по соседству, в тюремной кухне.

После этого выпили одну-две бутылки очень хорошего вина, за которым мистер Пиквик послал в кофейню «Кубок» близ Докторс-Коммонс. Пожалуй, вместо «одну-две» правильнее было бы сказать «полдюжины», ибо к тому времени, когда вино было выпито, а чай убран, зазвонил колокол, возвещавший, что настало время расходиться по домам.

Если днем поведение мистера Уинкля казалось необъяснимым, то сейчас, когда под наплывом чувств и своей доли вина – одной из шести бутылок – он начал прощаться с другом, оно стало романтическим и торжественным. Он выждал, пока удалились мистер Тапмен и мистер Снодграсс, схватил руку мистера Пиквика и горячо пожал, выражая всей своей физиономией твердую и непреложную решимость, зловеще сочетавшуюся с глубоким унынием.

– Спокойной ночи, дорогой сэр, – сквозь стиснутые зубы проговорил мистер Уинкль.

– Да благословит вас бог, дорогой мой! – промолвил мягкосердечный мистер Пиквик, отвечая на рукопожатие молодого друга.

– Пора! – крикнул мистер Тапмен из галереи.

– Да, да, сию минуту, – отозвался мистер Уинкль. Спокойной ночи!

– Спокойной ночи, – сказал мистер Пиквик.

Затем последовала еще одна «спокойная ночь», и еще одна, и еще с полдюжины, а мистер Уинкль продолжал пожимать руку своему другу и с тем же странным выражением смотреть ему в лицо.

– Что случилось? – спросил, наконец, мистер Пиквик, когда рука у него заныла от рукопожатий.

– Ничего, – отвечал мистер Уинкль.

– Ну, спокойной ночи, – сказал мистер Пиквик, пытаясь выдернуть руку.

– Мой друг, мой благодетель, мой высокоуважаемый спутник! – пробормотал мистер Уинкль, уцепившись за его руку. – Не судите меня строго, не судите, когда узнаете, что я, доведенный до крайности непреодолимыми препятствиями...

– Ну, что же вы! – воскликнул мистер Тапмен, появляясь в дверях. – Идите, а не то нас тут запрут!

– Да, да, иду! – ответил мистер Уинкль.

И, собравшись с силами, он выбежал из камеры.

В то время как мистер Пиквик с немым удивлением смотрел им вслед, пока они шли по коридору, на площадке лестницы появился Сэм и шепнул что-то на ухо мистеру Уинклю.

– О, разумеется, положитесь на меня! – громко ответил этот джентльмен.

– Благодарю вас! Вы не забудете, сэр? – осведомился Сэм.

– Конечно, не забуду, – отозвался мистер Уинкль.

– Желаю вам удачи, сэр, – сказал Сэм, притронувшись к шляпе. – Мне бы очень хотелось отправиться с вами, сэр, но, конечно, хозяин – прежде всего.

– Вы остаетесь, и этот поступок делает вам честь, – сказал мистер Уинкль.

С этими словами они расстались внизу лестницы.

– Чрезвычайно странно, – заметил мистер Пиквик, возвращаясь в камеру и задумчиво присаживаясь к столу. – Что мог затеять этот молодой человек?

Он сидел, обдумывая этот вопрос, как вдруг раздался голос тюремщика Рокера, осведомлявшегося, можно ли войти.

– Войдите, – отвечал мистер Пиквик.

– Я вам принес подушку помягче, сэр, – сообщил Рокер, – вместо той временной, какая была у вас прошлой ночью.

– Благодарю вас, – сказал мистер Пиквик. – Не хотите ли стаканчик вина?

– Вы очень добры, сэр, – отвечал мистер Рокер, принимая предложенный стакан. – За ваше здоровье, сэр.

– Благодарю вас, – отозвался мистер Пиквик.

– С сожаленьем должен вам сообщить, сэр, что вашему квартирохозяину сделалось очень худо этой ночью, – сказал Рокер, поставил стакан и стал разглядывать подкладку своей шляпы, приготовляясь вновь ее надеть.

– Как? Арестант Канцлерского суда? – воскликнул мистер Пиквик.

– Ему недолго оставаться арестантом Канцлерского суда, сэр, – отвечал Рокер, поворачивая свою шляпу так, чтобы можно было прочесть имя мастера.

– Вы меня пугаете! – промолвил мистер Пиквик. Что вы хотите сказать?

– У него уже давно чахотка, – пояснил мистер Рокер, – а с ночи он стал задыхаться. Доктор уже полгода назад сказал, что спасти его может только перемена климата.

– Ах, боже мой! – воскликнул мистер Пиквик. – Неужели закон в течение полугода медленно убивал этого человека?

– Насчет этого я ничего не знаю, – отвечал Рокер, обеими руками приподнимая шляпу за поля. – Вероятно, с ним случилось бы то же самое, где бы он ни был. Сегодня утром его перевели в больницу; доктор говорит, что нужно во что бы то ни стало поддерживать его силы, и начальник прислал ему со своего стола вина, бульону и всякой всячины. Начальник в этом не виноват, сэр.

– Да, конечно, – поспешил согласиться мистер Пиквик.

– А все-таки боюсь, что его песенка спета, – продолжал Рокер, покачивая годовой. – Я только что предлагал Недди держать пари на два шестипенсовика против одного, но он не согласился и был прав. Покорнейше благодарю, сэр. Спокойной ночи, сэр.

– Постойте, – с волнением сказал мистер Пиквик. Где больница?

– Как раз над вашей камерой, сэр, – отвечал Рокер. – Если хотите, я вас провожу.

Мистер Пиквик, не говоря ни слова, схватил шляпу и тотчас же вышел.

Тюремщик молча шел впереди; осторожно приподняв щеколду, он знаком предложил мистеру Пиквику войти. Эта была большая унылая палата с несколькими железными кроватями; на одной из них, вытянувшись, лежал человек, похожий на тень: иссохший, бледный, страшный. У изголовья его сидел старичок в сапожничьем переднике и, вооружившись роговыми очками, читал вслух библию. Это был счастливый наследник.

Больной опустил руку на плечо своему товарищу, прося прекратить чтение. Тот послушно закрыл книгу и положил ее на кровать.

– Откройте окно, – сказал больной.

Сапожник повиновался. Стук экипажей и повозок, дребезжание колес, крики взрослых и детей – все звуки большого города, возвещавшие о жизни и деятельности, сливаясь в глухой шум, ворвались в комнату. Из этого хриплого гула выделялся время от времени неудержимый смех или обрывок какой-то звонкой песни, распеваемой кем-то в беспокойной толпе, на секунду задевал слух, а потом тонул в реве голосов и топоте ног, – разбивались волны бурного житейского моря, тяжело катившего свои воды за окном. Печальны эти звуки для задумчивого слушателя в любое время. Какими же печальными кажутся они тому, кто бодрствует у смертного одра!

– Здесь нет воздуха, – прошептал больной. – Эти стены отравляют его. За ними, когда я бродил там много лет назад, воздух был свежий; проникая в тюрьму, он делается горячим и тяжелым. Я не могу им дышать.

– Мы оба дышали им долгие годы, – сказал старик. – Ободритесь!

Наступило короткое молчание, и оба посетителя приблизились к кровати. Больной притянул к себе руку старого товарища по тюрьме и, ласково сжав ее обеими руками, не выпускал.

– Надеюсь, – прошептал он немного спустя так тихо, что они должны были наклониться к кровати, чтобы расслышать невнятные звуки, срывавшиеся с его бледных губ, – надеюсь, милосердный судья вспомнит о моем тяжелом наказании на земле. Двадцать лет, мой друг, двадцать лет в этой отвратительной могиле! У меня разрывалось сердце, когда умер мой ребенок, а я не мог даже поцеловать его в гробике. С тех пор среди этого шума и разгула мое одиночество стало ужасным. Да простит меня бог! Он видел мою одинокую, томительную смерть.

Он сложил руки и, прошептав еще что-то, чего никто не расслышал, погрузился в сон – сперва это был только сон, потому что они видели, как он улыбался.

Они разговаривали шепотом, потом тюремщик, наклонившись к подушке, отшатнулся.

– Клянусь богом, он получил свободу! – воскликнул тюремщик.

Да, получил. Но при жизни он стал так похож на мертвеца, что они не заметили, когда он умер.

ГЛАВА XLV,

повествующая о свидании мистера Сэмюела Уэллера со своим семейством. Мистер Пиквик совершает осмотр маленького мира, в котором обитает, и принимает решение как можно меньше соприкасаться с ним в будущем

Как-то утром, спустя несколько дней после своего заточения, мистер Сэмюел Уэллер с величайшей заботливостью привел в порядок камеру хозяина и, убедившись, что он комфортабельно расположился со своими книгами и бумагами, удалился, чтобы провести час-другой с наибольшей приятностью. Утро было прекрасное, и Сэмюелу пришло в голову, что пинта портера на свежем воздухе поможет скоротать ему ближайшие четверть часа не хуже, чем всякое другое развлечение, какое он мог себе позволить.

Придя к такому выводу, он отправился в буфетную. Купив пиво и получив вдобавок газету трехдневной давности, он пошел к кегельбану и, сев на скамью, начал развлекаться очень степенно и методически.

Прежде всего он освежился глотком пива, а потом поднял взор к окну и платонически подмигнул молодой леди, которая чистила там картофель, Затем он развернул газету, сложил ее так, чтобы судебная хроника была сверху, а поскольку это дело очень трудное и раздражающее, если дует хотя бы легкий ветерок, то Сэм, покончив с ним, снова хлебнул пива. Затем он прочел две строки и оторвался от газеты, чтобы взглянуть на двух субъектов, игравших тут же партию в мяч, по окончании которой он одобрительно крикнул: «Очень хорошо!» – и окинул взглядом зрителей, чтобы узнать, согласны ли они с ним. Это повлекло за собой необходимость взглянуть также и на окно; а так как молодая леди все еще была там, то простая вежливость требовала подмигнуть снова и, прибегнув к пантомиме, выпить за ее здоровье еще глоток пива, что Сэм и проделал. Состроив свирепую гримасу мальчугану, который, широко раскрыв глаза, следил за этой процедурой, он положил ногу на ногу и, держа обеими руками газету, начал читать всерьез.

Едва успел он сосредоточиться в надлежащей степени, как вдруг ему почудилось, что где-то в коридоре выкрикивают его имя. И он не ошибся, ибо оно быстро передавалось из уст в уста, и вскоре воздух огласился криками: «Уэллер!»

– Здесь! – громовым голосом гаркнул Сэм. – В чем дело? Кто его спрашивает? Или прислали нарочного сказать, что его дача горит?

– Кто-то спрашивает вас в прихожей, – объяснил стоявший поблизости человек.

– Пожалуйста, присмотрите, старина, за этой-вот газетой и кружкой, – попросил Сэм. – Я сейчас приду. Ей-богу, если бы меня вызывали в суд, так и то не могли бы поднять больше шума!

Сопровождая эти слова деликатным щелчком по голове вышеупомянутого молодого джентльмена, который, не подозревая о своем близком соседстве с разыскиваемой особой, вопил во всю глотку: «Уэллер!» – Сэм поспешно прошел по двору и взбежал по ступеням в прихожую. Здесь первое, что он увидел, был его возлюбленный родитель, сидящий со шляпой в руке на нижней ступеньке внутренней лестницы и через каждые полминуты оравший во все горло: «Веллер!»

– Ну, чего вы орете? – быстро спросил Сэм, когда старый джентльмен испустил еще один вопль. – Раскраснелся так, что смахивает на сердитого стеклодува. В чем дело?

– Ага! А то я уже начал побаиваться, Сэмми, – отозвался старый джентльмен, – не отправился ли ты на прогулку в Риджենси-парк.

– Бросьте, – сказал Сэм, – нечего поддразнивать жертву скупости, слезайте-ка со ступеньки. Чего вы тут расселись? Я здесь не живу.

– Я тебе покажу такую потеху, Сэмми, – начал старший мистер Уэллер, вставая.

– Постойте минутку, – перебил Сэм, – вы весь белый сзади.

– Правильно, Сэмми, сотри это, – сказал мистер Уэллер, когда сын стал его чистить. – Здесь могут принять за личное оскорбление, если человек будет разгуливать обеленным, а, Сэмми?

Тут мистер Уэллер проявил столь недвусмысленные симптомы сдавленного смеха, что Сэм поспешил положить этому конец.

– Да успокойтесь! – сказал Сэм. – Отроду не видывал такого старого чудака. Ну, чего вы надрываетесь?

– Сэмми, – сказал мистер Уэллер, вытирая лоб, – боюсь, как бы мне не дохохотаться до апоплексического удара, мой мальчик.

– Ну, так для чего же вы это делаете? – полюбопытствовал Сэм. – Что вы можете на это ответить?

– Как ты думаешь, Сэмивел, кто приехал сюда вместе со мной? – спросил мистер Уэллер, отступая шага на два, сжимая губы и поднимая брови.

– Пелл? – предположил Сэм.

Мистер Уэллер покачал головой, и его румяные щеки раздулись от смеха, который пытался вырваться на велю.

– Может быть, человек с пятнистым лицом? – высказал догадку Сэм.

Снова мистер Уэллер покачал головой.

– Ну так кто же? – спросил Сэм.

– Твоя мачеха! – сказал мистер Уэллер, и хорошо, что он это сказал, иначе щеки неизбежно лопнули бы от неестественного растяжения.

– Твоя мачеха, Сэмми! – повторил мистер Уэллер. – И красноносый, сын мой, и красноносый! Хо-хо-хо!

Тут с мистером Уэллером начались конвульсии от смеха. Сэм созерцал его с широкой улыбкой, постепенно расплывшейся по всей физиономии.

– Они пришли серьезно потолковать с тобой, Сэмми, – сообщил мистер Уэллер, вытирая глаза. – Ни слова не говори им о бессердечном кредиторе, Сэмми.

– Как, разве они не знают, кто он такой? – осведомился Сэм.

– Понятия не имеют, – отвечал отец.

– Где они? – спросил Сэм, на чьей физиономии отражались все гримасы старого джентльмена.

– В уютном местечке, – сообщил мистер Уэллер. Попробуй залучить красноносого в такое место, где нет спиртного! Не удастся, Сэмивел, не удастся! Мы сегодня очень приятно прокатились сюда от «Маркиза», Сэмми, – продолжал мистер Уэллер, когда почувствовал себя способным изъясняться членораздельно. Я запряг старую пегую в эту повозку, что осталась от первого муженька твоей мачехи, поставили кресло для пастыря, и будь я проклят, – с глубоким презрением добавил мистер Уэллер, – и будь я проклят, если не вынесли на дорогу перед нашей дверью лесенку, чтобы по ней взобраться.

– Да вы шутите! – воскликнул Сэм.

– Я не шучу, Сэмми, – возразил отец, – жаль, что ты не видел, как он цеплялся за край экипажа, словно боялся рухнуть с высоты шести футов и разбиться на миллион частиц. Наконец, все-таки вскарабкался, и мы поехали, и мне сдается, – я повторяю: мне сдается, Сэмми, – что его малость потряхивало на поворотах.

– А не налетали вы случайно разок-другой на столбы? – предположил Сэм.

– Боюсь, Сэмми, – отвечал мистер Уэллер, подмигивая с наслаждением, – боюсь, что я разок-другой за них зацепил; он всю дорогу вылетал из кресла.

Тут старый джентльмен покачал головой и испустил хриплое, сдавленное бурчание, сопровождавшееся сильным распуханием физиономии и растяжением всех черт лица, каковые симптомы не на шутку встревожили его сына.

– Не пугайся, Сэмми, не пугайся, – сказал старый джентльмен, когда после многих усилий и судорожного топанья ногой вновь обрел голос. – Это я стараюсь смеяться потише.

– Ну, если так, – отвечал Сэм, – то лучше не старайтесь. Сами увидите, что это довольно опасная штука.

– Тебе не нравится, Сэмми? – полюбопытствовал старый джентльмен.

– Совсем не нравится, – отвечал Сэм.

– А все-таки эта штука, – сказал мистер Уэллер, а слезы все еще струились у него по щекам, – была бы очень большим подспорьем для меня, если бы я к ней привык, а иной раз сберегла бы немало слов для твоей мачехи н для меня, но боюсь, что ты прав, Сэмми: она слишком сильно клонит к апоплексии, слишком сильно, Сэмивел.

Этот разговор привел их к двери «уютного местечка», куда Сэм, приостановившись на секунду, чтобы бросить лукавый взгляд на почтенного родителя, который все еще хихикал за его спиной, вошел сразу.

– Мачеха, – сказал Сэм, вежливо приветствуя сию леди, – очень вам благодарен за это посещение. Пастырь, как поживаете?

– О Сэмюел! – возопила миссис Уэллер. – Это ужасно!

– Ничуть не бывало, мамаша, – отвечал Сэм. – Не правда ли, пастырь?

Мистер Стиггинс воздел руки и возвел очи горе, показывая одни белки вернее, желтки, – но не дал никакого словесного ответа.

– Не страдает ли этот-вот джентльмен каким-нибудь мучительным недугом? – спросил Сэм, обращаясь за объяснением к мачехе.

– Добрый человек скорбит, видя вас здесь, Сэмюел, – пояснила миссис Уэллер.

– О, вот оно что! – отозвался Сэм. – А я боялся, на него глядя, не забыл ли он поперчить последний съеденный им огурец. Садитесь, сэр, посидите – мы этого ни в коем случае не поставим вам в упрек, как заметил король, когда разгонял своих министров.

– Молодой человек, – торжественно произнес мистер Стиггинс, – боюсь, что вас не смягчило заключение.

– Прошу прощенья, сэр, – откликнулся Сэм. – Что вы изволили заметить?

– Я опасаюсь, молодой человек, что ваша натура нисколько не смягчилась от этого наказания, – повысив голос, сказал Стиггинс.

– Сэр, – отвечал Сэм, – вы очень любезны. Надеюсь, моя натура не из мягких, сэр. Очень вам признателен за доброе мнение, сэр.

Тут какой-то звук, до неприличия напоминающий смех, донесся с того места, где восседал мистер Уэллер-старший, в ответ на что миссис Уэллер, быстро взвесив все обстоятельства дела, сочла своим непреложным долгом обнаружить склонность к истерике.

– Уэллер, – сказала миссис Уэллер (старый джентльмен сидел в углу),

– Уэллер! А ну-ка поди сюда!

– Очень тебе благодарен, моя милая, – отвечал мистер Уэллер, – но мне и здесь хорошо.

Миссис Уэллер залилась слезами.

– Что случилось, мамаша? – осведомился Сэм.

– О Сэмюел, – отвечала миссис Уэллер, – ваш отец приводит меня в отчаяние. Неужели ничто не пойдет ему на пользу?

– Вы слышите? – спросил Сэм. – Леди желает знать, неужели ничто не пойдет вам на пользу?

– Очень признателен миссис Уэллер за ее заботливость, Сэмми, – отвечал старый джентльмен. – Я думаю, что трубка очень пошла бы мне на пользу. Нельзя ли это как-нибудь наладить, Сэмми?

Миссис Уэллер уронила еще несколько слезинок, а мистер Стиггинс застонал.

– Эх! Этот злополучный джентльмен опять расхворался, – оглянувшись, сказал Сэм. – Что у вас болит, сэр? – Все то же, молодой человек, – отвечал мистер Стиггинс. – Все то же.

– Что бы оно могло быть, сэр? – с величайшим простодушием осведомился Сэм.

– Боль у меня в груди, молодой человек, – пояснил мистер Стиггинс, прижимая зонтик к жилету.

Услыхав такой чувствительный ответ, миссис Уэллер, будучи не в силах подавить волнение, громко разрыдалась и высказала уверенность, что красноносый – святой человек, в ответ на что мистер Уэллер-старший осмелился намекнуть вполголоса, что, должно быть, он представитель двух приходов, снаружи – святого Симона, а внутри – святого Враля[148].

– Боюсь, мамаша, – сказал Сэм, – что у этого джентльмена потому такая кривая физиономия, что он чувствует жажду при виде печального зрелища. Верно, мамаша?

Достойная леди вопросительно посмотрела на мистера Стиггинса. Сей джентльмен закатил глаза, сжал себе горло правой рукой и силился что-то проглотить, давая понять, что его томит жажда.

– Боюсь, Сэмюел, что на него подействовало волнение, – горестно заметила миссис Уэллер.

– Какой напиток вы предпочитаете, сэр? – спросил Сэм.

– О мой милый молодой друг, – отвечал мистер Стиггинс, – все напитки суета сует!

– Святая истина, святая истина, – изрекла миссис Уэллер, подавляя стон и одобрительно покачивая головой.

– Пожалуй, это верно, сэр, – отвечал Сэм, – но какую суету вы предпочитаете? Какая суета вам больше пришлась по вкусу, сэр?

– О мой молодой друг! – отозвался мистер Стиггинс. – Я презираю их все. Если есть среди них одна менее ненавистная, чем все остальные, то это напиток, именуемый ромом. Горячий ром, мой милый молодой друг, и три кусочка сахару на стакан.

– Очень печально, сэр, – сказал Сэм, – но как раз эту суету не разрешают продавать в этом учреждении.

– О, жестокосердие этих черствых людей! – возопил мистер Стиггинс. – О, нечестивая жестокость бесчеловечных гонителей!

С этими словами мистер Стиггинс снова закатил глаза и ударил себя в грудь зонтом; и нужно отдать справедливость преподобному джентльмену – его негодование казалось очень искренним и непритворным.

Когда миссис Уэллер и красноносый джентльмен выразили самое резкое осуждение этому бесчеловечному правилу и осыпали множеством благочестивых проклятий того, кто его придумал, красноносый высказался в пользу бутылки портвейна, подогретого с небольшим количеством воды, пряностями и сахаром как средства, благотворного для желудка и менее суетного, чем многие другие смеси. Соответствующее распоряжение было дано. Пока шли приготовления, красноносый и миссис Уэллер смотрели на Уэллера-старшего и стонали.

– Ну, Сэмми, – сказал этот джентльмен, – надеюсь, ты приободришься после такого веселенького визита. Очень живой и назидательный разговор, правда, Сэмми?

– Вы закоснели в грехе, – отвечал Сэм, – и я бы хотел, чтобы вы больше не обращались ко мне с такими неподобающими замечаниями.

Отнюдь не умудренный этой уместной отповедью, мистер Уэллер тотчас же расплылся в широкую улыбку, а так как это возмутительное поведение заставило и леди и мистера Стиггинса смежить веки и в смятении раскачиваться, сидя на стульях, то он позволил себе еще несколько мимических жестов, выражающих желание поколотить упомянутого Стиггинса и дернуть его за нос, каковая пантомима, казалось, принесла ему великое облегчение. При этом старый джентльмен едва не попался, ибо мистер Стиггинс встрепенулся, когда принесли вино, и коснулся головой кулака, которым мистер Уэллер в течение нескольких минут изображал в воздухе фейерверк на расстоянии двух дюймов от его уха.

– Что это вы набрасываетесь на стаканы? – воскликнул Сэм, проявляя удивительную сообразительность. – Вы не видите, что ударили джентльмена?

– Я это сделал нечаянно, Сэмми, – сказал мистер Уэллер, слегка смущенный таким неожиданным инцидентом.

– Попробуйте принять лекарство внутрь, сэр, – посоветовал Сэм красноносому джентльмену, который мрачно потирал голову. – Как вы находите эту горячую суету, сэр?

Мистер Стиггинс не дал словесного ответа, но его поведение говорило само за себя. Он отведал содержимое стакана, который подал ему Сэм, положил зонт на пол, отведал еще раз, благодушно поглаживая рукой живот, затем выпил все залпом, причмокнул и протянул стакан за новой порцией.

Да и миссис Уэллер не замедлила воздать должное смеси. Сначала славная леди заявила, что не может проглотить ни капли, потом проглотила маленькую капельку, потом большую каплю, потом великое множество капель: а так как ее чувства отличались свойством тех веществ, на которые сильно действует спирт, то каждую каплю горячего вина она провожала слезой и таяла до тех пор, пока не прибыла, наконец, в юдоль печали и плача.

Мистер Уэллер-старший наблюдал эти признаки и симптомы с явным неудовольствием, а когда после второго кувшина того же напитка мистер Стиггинс начал печально вздыхать, мистер Уэллер дал знать о своем недоброжелательном отношении ко всему происходящему, сердито забормотав невнятные фразы, в которых можно было разобрать одно только слова «кривляние», повторявшееся несколько раз.

– Я тебе скажу, в чем тут дело, Сэмивел, мой мальчик, – прошептал на ухо своему сыну старый джентльмен после долгого и упорного созерцания своей супруги и мистера Стиггинса. – Мне кажется, у твоей мачехи во внутренностях что-то неладно, да и у красноносого также.

– Что вы хотите сказать? – спросил Сэм.

– А вот что, Сэмми, – отвечал старый джентльмен, – они пьют, а это не дает им питания, и все превращается в теплую воду и вытекает у них из глаз. Можешь поверить мне на слово, Сэмми, в нутре у них неладно.

Мистер Уэллер подкрепил эту научную теорию многочисленными кивками и хмурыми взглядами, которые заметила миссис Уэллер и, заключив, что они выражают порицание ей самой, или мистеру Стиггинсу, или им обоим, уже собралась почувствовать себя еще хуже, как вдруг мистер Стиггинс, кое-как поднявшись со стула, начал произносить поучительную речь в назидание присутствующим и в особенности мистеру Сэмюелу, коего он в трогательных выражениях заклинал быть на страже в этом вертепе, куда он брошен, воздерживаться от лицемерия и гордыни сердца и строго следовать во всем его (Стиггинса) примеру. В таком случае он может рано или поздно прийти к утешительному заключению, что, подобно мистеру Стиггинсу, он будет самым почтенным и безупречным человеком, а все его знакомые и друзья останутся безнадежно заблудшими и распутными негодяями, каковая мысль, добавил мистер Стиггинс, не может не доставить ему живейшего удовлетворения.

Далее он заклинал его избегать прежде всего пьянства, и сей порок сравнил с мерзкими привычками свиньи и с пристрастьем к тем ядовитым снадобьям, о которых говорят, что они, будучи съедены, отбивают память. В этом месте своей речи преподобный и красноносый джентльмен начал выражаться на редкость бессвязно и, возбужденный собственным красноречием, пошатнулся и рад был ухватиться за спинку стула, чтобы сохранить вертикальное положение.

Мистер Стиггинс не предостерегал своих слушателей против тех лжепророков и жалких плутов от религии, которые, не обладая ни умом, чтобы излагать первоначальные доктрины, ни сердцем, чтобы их почувствовать, являются более опасными членами общества, чем заурядные преступники, ибо, конечно, они влияют на самых слабых и несведущих, вызывают гневное презрение к тому, что должно считаться самым священным, и до известной степени дискредитируют множество добродетельных и почтенных людей, возглавляющих многие превосходные секты. Но так как мистер Стиггинс долго стоял, перегнувшись через спинку стула, и, закрыв один глаз, упорно подмигивал другим, то следует предположить, что он обо всем этом думал, но хранил про себя.

Во время этой речи миссис Уэллер всхлипывала и проливала слезы после каждой фразы, а Сэм, усевшись верхом на стул и облокотившись о верхнюю перекладину спинки, очень учтиво и любезно взирал на оратора, изредка бросая многозначительный взгляд на старого джентльмена, который сначала был в восторге, но на середине речи заснул.

– Браво, очень мило! – воскликнул Сэм, когда красноносый, закончив речь, натянул рваные перчатки, причем так далеко просунул пальцы в дыры, что показались суставы. – Очень мило!

– Надеюсь, это принесет вам пользу, Сэмюел, – торжественно произнесла миссис Уэллер.

– Думаю, что принесет, мамаша, – отвечал Сэм.

– О, если бы я могла надеяться, что это принесет пользу вашему отцу! – промолвила миссис Уэллер.

– Благодарю тебя, моя дорогая, – отозвался мистер Уэллер-старший. – А как ты себя чувствуешь, моя милая?

– Зубоскал! – воскликнула миссис Уэллер.

– Во мраке пребывающий, – добавил преподобный мистер Стиггинс.

– Достойное создание! – сказал мистер Уэллер-старший. – Если я не увижу другого света, кроме ночного мрака этой-вот болтовни, то похоже, что я так и останусь ночной каретой, пока окончательно не уберусь с дороги. Ну-с, миссис Уэллер, если пегий долго будет стоять на

извозчичьем дворе, он на обратном пути ни за что не остановится, и как бы это кресло с пастырем в придачу не перелетело через изгородь.

Услышав о такой возможности, преподобный мистер Стиггинс с нескрываемым ужасом подхватил свою шляпу и зонт и предложил отправиться в путь немедленно, на что миссис Уэллер дала согласие. Сэм проводил их до ворот и почтительно распрощался.

– Адью, Сэмивел, – сказал старый джентльмен.

– Что это за адью? – осведомился Сэмми.

– Ну, тогда до свиданья, – сказал старый джентльмен.

– А, так вот вы куда целитесь! – сообразил Сэм. – Ну, до свиданья.

– Сэмми! – прошептал мистер Уэллер, осторожно озираясь. – Поклон твоему хозяину, и скажи ему, чтобы он дал мне знать, если что-нибудь затеет насчет этого-вот дела. Мы с одним хорошим столяром придумали план, как его отсюда вытащить. Пьяно, Сэмивел, пьяно! – добавил мистер Уэллер, хлопнув сына в грудь и отступая шага на два.

– Что это значит? – спросил Сэм.

– Фортепьяно, Сэмивел! – отвечал мистер Уэллер с сугубой таинственностью. – Его можно взять напрокат, по играть на нем нельзя будет, Сэмми.

– А какой же тогда прок от него? – полюбопытствовал Сэм.

– Пусть он пошлет за моим приятелем столяром, чтобы тот взял его обратно, Сэмми, – отвечал мистер Уэллер. – Теперь смекаешь?

– Нет, – сказал Сэм.

– В нем нет никакой машины, – зашептал отец. Он там свободно поместится и в шляпе и в башмаках, а дышать будет через ножки, они внутри выдолбленные. Нужно запастись билетами в Америку. Американское правительство ни за что не выдаст его, когда узнает, что он при деньгах, Сэмми. Пусть хозяин живет там, пока не помрет миссис Бардл иди пока не повесят Додсона и Фогга (мне кажется, Сэмми, что это случится раньше), а тогда пусть возвращается и пишет книгу про американцев. Это окупит все расходы с излишком, если он им хорошенько всыплет!

Мистер Уэллер с большим возбуждением изложил шепотом суть заговора, затем, словно из боязни ослабить дальнейшими речами эффект потрясающего сообщения, по-кучерски отсалютовал и скрылся.

Сэм едва успел обрести свое обычное спокойствие, которое было в значительной мере нарушено секретным сообщением почтенного родителя, как к нему обратился мистер Пиквик.

– Сэм! – сказал сей джентльмен.

– Сэр? – откликнулся мистер Уэллер.

– Я собираюсь прогуляться по тюрьме и хочу, чтобы вы меня сопровождали. А вон идет сюда арестант, которого мы знаем, Сэм, – добавил мистер Пиквик.

– Который, сэр? – осведомился мистер Уэллер. – Джентльмен с копной волос на голове или чудной узник в чулках?

– Ни тот, ни другой, – отвечал мистер Пиквик. – Это один из ваших более старых друзей, Сэм.

– Моих, сэр? – воскликнул мистер Уэллер.

– Думаю, что вы прекрасно помните этого джентльмена, Сэм, – отозвался мистер Пиквик, – если память на старых знакомых у вас не хуже, чем я предполагал. Тише! Ни слова, Сэм, ни звука. Вот он.

Во время этого разговора подошел Джингль. В поношенном костюме, выкупленном с помощью мистера Пиквика у ростовщика, он казался не таким жалким, как раньше. Мистер Джингль надел чистое белье и подстриг волосы. Однако он был очень бледен и худ, а когда

медленно плелся, опираясь на палку, легко было заметить, что он жестоко пострадал от болезни и нищеты и до сих пор еще не набрался сил. Джингль снял шляпу, когда мистер Пиквик с ним поздоровался, и казался очень смущенным и взволнованным при виде Сэма Уэллера.

За ним по пятам шел мистер Джоб Троттер, в списке пороков которого во всяком случае не значилось отсутствие верности и дружеской привязанности. Он был по-прежнему ободран и грязен, но лицо его слегка пополнело за несколько дней, прошедших после первой встречи с мистером Пиквиком. Кланяясь нашему мягкосердечному старому другу, он пролепетал какие-то отрывистые слова благодарности и что-то забормотал о том, что он спасен от голодной смерти.

– Хорошо, хорошо! – нетерпеливо перебил мистер Пиквик. – Ступайте с Сэмом. Я хочу поговорить с вами, мистер Джингль. Можете вы идти, не опираясь на его руку?

– Конечно, сэр, – к вашим услугам – не очень быстро – ноги ненадежны – – в голове неладно – все кружится – похоже на землетрясение – весьма.

– Возьмите-ка меня под руку, – сказал мистер Пиквик.

– Нет, нет, – возразил Джингль, – право же, не надо – нет.

– Вздор! – сказал мистер Пиквик. – Обопритесь на мою руку, прошу вас, сэр.

Видя, что он смущен, взволнован и не знает, что делать, мистер Пиквик быстро разрешил вопрос, взяв больного актера под руку, и увел его с собою без дальнейших разговоров.

Все это время физиономия мистера Сэмюела Уэллера выражала самое безграничное и неописуемое изумление, какое только можно вообразить. В глубоком молчании переводя взгляд с Джоба на Джингля и с Джингля на Джоба, он мог выговорить только: «Ах, черт побери!» Эти слова он повторил по крайней мере раз двадцать, и после этого усилия, казалось, окончательно лишился дара речи, а затем снова стал смотреть сперва на одного, потом на другого в безмолвном замешательстве и недоумении.

– Где вы, Сэм? – оглянувшись, сказал мистер Пиквик.

– Иду, сэр, – отозвался мистер Уэллер, машинально следуя за своим хозяином.

Он все еще не сводил глаз с мистера Джоба Троттера, который молча шел рядом.

Джоб сначала не поднимал глаз. Сэм, будучи не в силах оторваться от физиономии Джоба, налетал на проходивших мимо людей, падал на маленьких детей, цеплялся за ступеньки и перила, казалось вовсе этого не замечая, пока Джоб, украдкой взглянув на него, не сказал:

– Как поживаете, мистер Уэллер?

– Это он! – воскликнул Сэм; он окончательно установил личность Джоба, хлопнул себя по ляжке и пронзительно свистнул, давая исход своим чувствам.

– Мои обстоятельства изменились, сэр, – заметил Джоб.

– Похоже на то, что изменились, – подхватил мистер Уэллер, с нескрываемым удивлением созерцая лохмотья своего спутника. – Изменение, пожалуй, к худшему, мистер Троттер, как сказал джентльмен, когда ему разменяли полкроны на два фальшивых шиллинга и шесть пенсов.

– Совершенно верно, – согласился Джоб, покачивая головой. – Теперь уже без обмана, мистер Уэллер. Слезы, – добавил Джоб с мимолетно блеснувшим лукавством, – слезы – не единственный показатель несчастья, да и не самый лучший.

– Что правда, то правда, – выразительно произнес Сэм.

– Они могут быть притворными, мистер Уэллер, – добавил Джоб.

– Знаю, что могут, – согласился Сэм. – Есть люди, у которых они всегда наготове, нужно только вытащить пробку.

– Вот именно! – подтвердил Джоб. – Но эти вещи не так легко подделать, мистер Уэллер, операция мучительная, пока их получишь.

Тут он указал на свои желтые, впалые щеки и, засучив рукав куртки, обнажил руку: кость могла переломиться от одного прикосновения – такой тонкой и хрупкой казалась она под тонким покровом мускулов.

– Что это вы с собой сделали? – отшатнувшись, воскликнул Сэм.

– Ничего, – отвечал Джоб. – Вот уже много недель я ничего не делаю, пояснил он, – а ем и пью почти столько же.

Сэм выразительным взглядом окинул худое лицо и жалкую одежду мистера Троттера, потом схватил его за руку и потащил за собой.

– Куда вы, мистер Уэллер? – спросил Джоб, тщетно пытаясь вырваться из могучих рук своего бывшего врага.

– Идем! – сказал Сэм. – Идем!

Он не удостоил его дальнейших объяснений, пока они не добрались до буфетной, где он потребовал кружку портера.

– Ну, выпейте все до последней капли, а потом опрокиньте крышку вверх дном, – сказал Сэм, – я хочу посмотреть, как вы приняли лекарство.

– Но, право же, дорогой мистер Уэллер... – начал Джоб.

– До дна! – повелительно сказал Сэм.

После такого увещания мистер Троттер поднес кружку к губам и постепенно, почти незаметно, перевернул вверх дном. Один-единственный раз он приостановился, чтобы перевести дыхание, но не отрывал кружки от губ, а через несколько секунд уже держал ее перевернутою в вытянутой руке. Ничего не вылилось, только клочья пены отрывались от края и лениво падали на пол.

– Чистая работа! – одобрил Сэм. – Ну, как вы себя чувствуете теперь?

– Лучше, сэр. Как будто лучше, – ответил Джоб.

– Ну, конечно, – внушительно произнес Сэм. – Это все равно, что накачать газу в воздушный шар. Я простым глазом вижу, что вы потолстели после этой операции. Что скажете о второй кружке таких же размеров?

– Я бы отказался, очень вам признателен, сэр, – отвечал Джоб, – я бы предпочел отказаться.

– Ну, а что вы скажете о чем-нибудь более существенном? – осведомился Сэм.

– Благодаря вашему достойному хозяину, сэр, – сообщил мистер Троттер, – в три часа без четверти мы получили половину бараньей ноги, зажаренной вместе с картофелем.

– Как! Это он о вас позаботился? – с ударением спросил Сэм.

– Да, сэр, – ответил Джоб. – Больше того, мистер Уэллер: мой хозяин был очень болен, а он дал нам камеру – раньше мы жили в конуре – и заплатил за нее, сэр, и приходил ночью к нам, когда его никто не мог видеть. Мистер Уэллер, – сказал Джоб, на этот раз с непритворными слезами на глазах, – я готов служить этому джентльмену до тех пор, пока не свалюсь мертвый к его ногам.

– Вот как! – воскликнул Сэм. – Я вас должен огорчить, мой друг. Это не пройдет.

У Джоба Троттера был недоумевающий вид.

– Молодой человек, говорю вам: это не пройдет! – решительно повторил Сэм. – Никто не будет ему служить, кроме меня. И раз уж мы об этом заговорили, я вам открою еще один секрет, – добавил Сэм, расплачиваясь за портер. Я никогда не слыхал, заметьте это, и в книжках не читал и на картинках не видал ни одного ангела в коротких штанах и гетрах – и, насколько я помню, ни одного в очках, хотя, может быть, такие и бывают, – но заметьте мои слова, Джоб Троттер: несмотря на все это, он – чистокровный ангел, и пусть кто-нибудь посмеет мне сказать, что знает другого такого ангела!

Бросив этот вызов, мистер Уэллер спрятал сдачу в боковой карман и, подкрепив свои слова многочисленными кивками и жестами, немедленно отправился разыскивать того, о ком говорил.

Они нашли мистера Пиквика в обществе Джингля, с которым тот очень серьезно беседовал, не обращая внимания на людей, собравшихся для игры в мяч во дворе. Это были весьма разношерстные люди, и на них стоило посмотреть хотя бы из праздного любопытства.

– Хорошо, – говорил мистер Пиквик, когда Сэм со своим спутником подошел ближе, – подождите, пока поправитесь, а теперь подумайте об этом. Скажите мне свое решение, когда окрепнете, и мы обсудим это дело. А сейчас идите в свою комнату. Вы устали и слишком слабы, чтобы долго оставаться на воздухе.

Мистер Альфред Джингль, утративший последние проблески своего прежнего оживления и даже ту мрачную веселость, какую он на себя напустил, когда мистер Пиквик впервые увидел его в бедственном положении, молча отвесил низкий поклон и, знаком приказав Джобу не следовать за ним, медленно поплелся прочь.

– Любопытная сцена, не правда ли, Сэм? – сказал мистер Пиквик, добродушно оглядываясь.

– Очень даже любопытная, сэр, – отвечал Сэм. – Чудесам никогда конца не будет, – добавил он, разговаривая сам с собою, – я жестоко ошибаюсь, если этот-вот Джингль не прибег к помощи чего-нибудь вроде водокачки.

Пространство, обнесенное стеною в той части Флита, где стоял мистер Пиквик, было достаточно велико и служило хорошей площадкой для игры в мяч; с одной стороны возвышалась, конечно, стека, а с другой – та часть тюрьмы, окна которой смотрели на собор св. Павла или, вернее, должны были смотреть, не будь здесь стены. Во всевозможных позах, усталые и праздные, сидели или слонялись многочисленные должники; большинство ожидало в тюрьме вызова в Суд по делам о несостоятельности, тогда как другие отбывали свои сроки и по мере сил старались убить время. Одни были ободраны, другие хорошо одеты, многие грязны, очень немногие опрятны, но все они шатались, слонялись и бродили здесь так же вяло и бесцельно, как дикие звери в зверинце.

Из окон, выходивших во двор, высовывались люди, которые громко разговаривали со своими знакомыми внизу, или перебрасывались мячом с предприимчивыми игроками на дворе, или наблюдали за игрою в мяч, или следили за мальчишками, выкрикивавшими результаты игры. Грязные женщины в стоптанных башмаках сновали взад и вперед, направляясь в кухню, находившуюся в углу двора; дети кричали, дрались и играли в другом углу. Стук кеглей и возгласы игроков сливались с сотней других звуков, везде шум и суета – везде, за исключением маленького, жалкого сарая в нескольких ярдах от этого места, где в ожидании пародии на следствие лежало неподвижное и посиневшее тело канцлерского арестанта, который умер прошлой ночью! Тело! Таков юридический термин для обозначения беспокойного, мятущегося клубка забот и тревог, привязанностей, надежд и огорчений, из которых создан живой человек. Закон получил его тело, и здесь лежало оно, облаченное в саван, – жуткий свидетель милосердия закона.

– Не желаете ли заглянуть в свистушку, сэр? – осведомился Джоб Троттер.

– Что вы имеете в виду? – в свою очередь спросил мистер Пиквик.

– Свистушка – там свищут, сэр, – вмешался мистер Уэллер.

– Что это такое, Сэм? Там продают птиц? – полюбопытствовал мистер Пиквик.

– Что вы, сэр, господь с вами! – сказал Джоб. – В свистушке продают спиртные напитки, сэр.

Мистер Джоб Троттер кратко объяснил, что под угрозой большого штрафа запрещено проносить в долговую тюрьму спиртные напитки, а так как этот товар высоко ценится леди и

джентльменами, здесь заключенными, то некоторые расчетливые тюремщики решили из корыстных побуждений смотреть сквозь пальцы на двух-трех арестантов, получающих прибыль от розничной торговли излюбленным напитком – джином.

– Такой порядок, сэр, постепенно ввели во всех долговых тюрьмах, – добавил мистер Троттер.

– И он имеет одно большое преимущество, – вставил Сэм, – тюремщики изо всех сил стараются поймать контрабандистов, кроме тех, кто им платит, а когда об этом печатается в газетах, их хвалят за бдительность. Отсюда две выгоды: прочим неповадно заниматься торговлей, а тюремщики пользуются хорошей репутацией.

– Совершенно верно, мистер Уэллер, – подтвердил Джоб.

– Но разве никогда не обыскивают этих камер, чтобы узнать, не спрятан ли там спирт? – спросил мистер Пиквик.

– Конечно, обыскивают, сэр, – отвечал Сэм, – но тюремщики узнают заранее и предупреждают свистунов, а потом можете свистеть сколько угодно все равно ничего не найдете.

Тем временем Джоб постучался в дверь, которую открыл джентльмен с растрепанной шевелюрой; он запер ее, как только они вошли, и ухмыльнулся; в ответ ухмыльнулся Джоб, а также Сэм; мистер Пиквик, предполагая, что этого ждут и от него, не переставал улыбаться до конца свидания.

Джентльмен с растрепанной шевелюрой был, казалось, вполне удовлетворен такой молчаливой манерой вести дела и, достав из-под кровати плоскую глиняную флягу, вмещавшую около двух кварт, наполнил три стакана джином, с которым Джоб Троттер и Сэм расправились мастерски.

– Еще? – спросил джентльмен-свистун.

– Хватит! – ответил Джоб Троттер.

Мистер Пиквик расплатился, дверь открылась, и они вышли; растрепанный джентльмен дружески кивнул мистеру Рокеру, случайно проходившему мимо.

Затем мистер Пиквик отправился бродить по всем галереям и лестницам и еще раз обошел весь двор. Большинство обитателей тюрьмы, казалось, состояло из Майвинсов, Сменглей, священников, мясников и шулеров, встречавшихся снова, и снова, и снова. Во всех закоулках, и лучших и худших, была все та же грязь, та же суета и шум. Вся тюрьма как будто была охвачена беспокойством и тревогой, а люди толпились и шныряли, как тени в тревожном сне.

– Я видел достаточно, – сказал мистер Пиквик, бросаясь в кресло в своей маленькой камере. – У меня голова болит от этих сцен и сердце тоже болит. Отныне я буду пленником в своей собственной камере.

И мистер Пиквик твердо держался этого решения. В течение трех долгих месяцев он целыми днями сидел взаперти, выходя подышать воздухом только ночью, когда большинство его товарищей по тюрьме спали или пьянствовали в своих камерах. Его здоровье начало страдать от такого сурового заключения. Но, несмотря на непрерывные мольбы Перкера и друзей и еще более неотступные предостережения и увещания мистера Сэмюела Уэллера, он ни на йоту не изменил своего непоколебимого решения.

ГЛАВА XLVI

сообщает о трогательном и деликатном поступке, не лишенном остроумия, задуманном и совершенном фирмою «Додсон и Фогг»

За неделю до конца июля на Госуэлл-стрит показался быстро катившийся наемный кабриолет, номер которого остался нам неизвестен. В него были втиснуты трое, кроме кэбмена, сидевшего на собственном отдельном сиденье сбоку. Поверх фартука экипажа свисали две шали, принадлежавшие, по всей вероятности, двум маленьким сварливым на вид леди,

прикрытым фартуком; между ними, сжатый как только возможно, вдвинут был джентльмен, неповоротливый и смиренный, которого резко обрывали то одна, то другая из упомянутых сварливых леди при любой его попытке сделать какое-либо замечание. Две сварливые леди и неповоротливый джентльмен давали кэбмену противоречивые указания, преследующие одну общую цель, а именно: он должен был остановиться у подъезда миссис Бардл, причем неповоротливый джентльмен, явно бросая вызов сварливым леди, утверждал, что дверь зеленая, а не желтая.

– Кучер, остановитесь у дома с зеленой дверью, – сказал неповоротливый джентльмен.

– Вот несносное создание! – воскликнула одна из сварливых леди. Кучер, остановитесь вон там, у дома с желтой дверью.

Кэбмен, собиравшийся остановиться у дома с зеленой дверью, так резко дернул лошадь, что она едва не въехала задом в кабриолет, после чего он позволил ей снова опустить передние ноги на землю и затормозил.

– Ну, где же мне остановиться? – спросил кэбмен. Решайте. Я только хочу знать – где?

Спор возобновился с новым пылом, а так как лошади досаждала муха, садившаяся ей на нос, то кэбмен, воспользовавшись досугом, хлестал ее по голове, руководствуясь принципом противоположных раздражений.

– Решает большинство голосов, – сказала, наконец, одна из сварливых леди. – Кучер, дом с желтой дверью!

Но когда кабриолет с шиком подъехал к дому с желтой дверью, «произведя больше шуму, чем собственный экипаж», как заметила с торжеством одна из сварливых леди, и когда кэбмен соскочил, чтобы помочь дамам выйти из экипажа, маленькая круглая голова юного Томаса Бардла высунулась из окна дома с красной дверью, расположенного дальше.

– Возмутительно! – воскликнула только что упомянутая сварливая леди, бросив уничтожающий взгляд на неповоротливого джентльмена.

– Моя милая, я не виноват, – сказал неповоротливый джентльмен.

– Молчи, болван! – отрезала леди. – Кучер, к дому с красной дверью! О, если случалось когда-нибудь женщине иметь дело с грубияном, которому приятно оскорблять свою жену при каждом удобном случае в присутствии посторонних, то эта женщина – я!

– Вы бы постыдились, Редль, – сказала вторая маленькая женщина – не кто иная, как миссис Клаппинс.

– Что же я сделал? – осведомился мистер Редль.

– Молчи, болван, молчи, или я забуду, что я женщина, и поколочу тебя! – воскликнула миссис Редль.

Пока длился этот диалог, кэбмен весьма позорно вел лошадь под уздцы к дому с красной дверью, которую уже открыл юный Бардл. Поистине это был недостойный и унизительный способ подъезжать к дому друзей! Рысак не подкатил бешено к подъезду, кэбмен не соскочил с козел и не забарабанил в дверь, не откинул фартука в самый последний момент, дабы леди не сидели на ветру, и не передал им шалей, как это делает кучер «собственного экипажа»! Никакого шика; это было вульгарнее, чем прийти пешком.

– Ну, Томми, – сказала миссис Клаппинс, – как здоровье твоей бедной мамочки?

– Она совсем здорова, – отвечал юный Бардл. – Она готова и ждет в гостиной. И я тоже готов.

Тут юный Бардл засунул руки в карманы и начал прыгать с нижней ступеньки подъезда на тротуар и обратно.

– А еще кто-нибудь едет с нами, Томми? – спросила миссис Клаппинс, поправляя пелерину.

– Миссис Сендерс едет, – отвечал Томми. – И я тоже еду.

– Дрянной мальчишка, – пробормотала миссис Клаппинс. – Он только о себе и думает. Послушай, милый Томми...

– Что? – отозвался юный Бардл.

– Еще кто-нибудь едет, миленький? – вкрадчиво осведомилась миссис Клаппинс. – Миссис Роджерс едет, – отвечал юный Бардл, тараща глаза.

– Как! Леди, которая сняла комнату? – воскликнула миссис Клаппинс.

Юный Бардл глубже засунул руки в карманы и кивнул ровно тридцать пять раз, давая понять, что речь идет о леди жилице и ни о ком другом.

– Ах, боже мой, – сказала миссис Клаппинс, – да это настоящий пикник.

– А если бы вы знали, что припрятано в буфете! – подхватил юный Бардл.

– А что там, Томми? – ласково спросила миссис Клаппинс. – Я уверена, что мне ты скажешь, Томми.

– Нет, не скажу, – возразил юный Бардл, покачав головой и снова взбираясь на нижнюю ступеньку. – Противный ребенок! – пробормотала миссис Клаппинс. – Какой упрямый, скверный мальчишка! Ну, Томми, скажи же своей дорогой Клаппи.

– Мама запретила говорить! – ответил юный Бардл. – И мне тоже дадут, и мне тоже!

Вдохновленный такой перспективой, скороспелый ребенок с удвоенным рвением занялся своей утомительной игрой.

Вышеприведенный допрос невинного младенца происходил, пока мистер и миссис Редль и кэбмен препирались из-за денег. Когда спор окончился в пользу кэбмена, миссис Редль подошла нетвердыми шагами к миссис Клаппинс.

– Ах, Мэри-Энн! Что случилось? – спросила миссис Клаппинс.

– Я вся дрожу, Бетси, – отвечала миссис Редль. – Редль – не мужчина, он все взваливает на меня.

Вряд ли это было справедливо по отношению к злосчастному мистеру Редлю, ибо добрая супруга отстранила его в самом начале спора и властно приказала держать язык за зубами. Впрочем, он не имел возможности оправдаться, так как у миссис Редль обнаружились недвусмысленные симптомы приближающегося обморока. Заметив это из окна гостиной, миссис Бардл, миссис Сендерс, жилица и служанка жилицы поспешно вышли и проводили ее в дом, болтая без умолку и всемерно выражая жалость и сострадание, словно она была несчастнейшей из смертных. В гостиной ее уложили на диван, и жилица со второго этажа, сбегав к себе, вернулась с флаконом нашатырного спирта, каковой она, крепко обняв миссис Редль за шею, прижимала со всей женственной заботливостью и жалостью к ее носу до тех пор, пока эта леди, долго отбивавшаяся, не вынуждена была заявить, что чувствует себя гораздо лучше.

– Ах, бедняжка! – воскликнула миссис Роджерс. – Я слишком хорошо понимаю ее чувства.

– Ах, бедняжка! Я тоже! – подхватила миссис Сендерс.

И тогда все леди застонали хором и объявили, что они-то понимают, в чем тут дело, и жалеют ее от всего сердца. Даже маленькая служанка жилицы, тринадцати лет и трех футов росту, выразила шепотом сочувствие.

– Но что же случилось? – спросила миссис Бардл.

– Вот именно! Что расстроило вас, сударыня? – осведомилась миссис Роджерс.

– Меня сильно взволновали, – укоризненным тоном произнесла миссис Редль.

В ответ на это леди устремили негодующий взгляд на мистера Редля.

– Дело вот в чем, – сказал злополучный джентльмен, выступая вперед. – Когда мы сошли у подъезда, начался спор с кучером кабриоле...

Громкий вопль его жены, вызванный этим последним словом, заглушил дальнейшие объяснения.

– Вы бы лучше нас оставили, Редль, пока мы не приведем ее в чувство, – сказала миссис Клаппинс. – В вашем присутствии она никогда не оправится.

Все леди были того же мнения. Поэтому мистера Редля вытолкали из комнаты и предложили ему прогуляться по двору.

Он прогуливался около четверти часа, после чего миссис Бардл с торжественным видом объявила ему, что теперь он может войти, но должен быть очень осторожен в обращении с женой. Миссис Бардл знает, что у него не было дурных намерений, но Мэри-Энн очень слаба, и если он не остережется, то может потерять ее, когда меньше всего этого ждет, что впоследствии явится для него весьма мучительным воспоминанием, и так далее. Мистер Редль выслушивал все это с большим смирением и вскоре вернулся в гостиную сущей овечкой.

– Ах, миссис Роджерс, сударыня! – воскликнула миссис Бардл. – Да ведь я вас еще не познакомила! Мистер Редль, сударыня, миссис Клаппинс, сударыня, миссис Редль, сударыня.

– Сестра миссис Клаппинс, – добавила миссис Сендерс.

– О, в самом деле! – благосклонно сказала миссис Роджерс, ибо она была жилицей и прислуживала всем ее служанка, и потому, по своему положению, она держала себя скорее благосклонно, чем непринужденно. – В самом деле?

Миссис Редль сладко улыбнулась, мистер Редль поклонился, а миссис Клаппинс заявила, что «она радуется случаю познакомиться с такой леди, как миссис Роджерс, о которой она слышала столько хорошего». Этот комплимент был принят вышеупомянутой леди с изысканным благоволением.

– Знаете, мистер Редль, – сказала миссис Бардл, – вам должно быть очень лестно: вы и Томми – единственные джентльмены, которые будут сопровождать леди к «Испанцу» в Хэмстед. Не правда ли, миссис Роджерс, не правда ли, сударыня?

– О, конечно, сударыня! – отозвалась миссис Роджерс, после чего все остальные леди ответили:

– О, конечно!

– Разумеется, я это чувствую, – сказал мистер Редль, потирая руки и обнаруживая поползновение развеселиться. – Сказать вам правду, я говорил, когда мы ехали сюда в кабриоле...

При этих словах, пробуждавших столько мучительных воспоминаний, миссис Редль снова приложила носовой платок к глазам и испустила приглушенный вопль, после чего миссис Бардл грозно посмотрела на мистера Редля, давая понять, что лучше бы он помолчал, и с достоинством попросила служанку миссис Роджерс «подать вино».

Это послужило сигналом для извлечения сокровищ, скрытых в буфете, откуда появилось несколько тарелок с апельсинами и бисквитами, бутылка доброго старого портвейна за шиллинг десять пенсов и бутылка прославленного хереса из Ост-Индии за четырнадцать пенсов. Все это было подано в честь жилицы и доставило беспредельное удовольствие всем присутствовавшим. К великому ужасу миссис Клаппинс, Томми сделал попытку рассказать, как его допрашивали по поводу буфета (к счастью, попытка была пресечена в корне рюмочкой старого портвейна, который попал ему «не в то горло» и на секунду подверг опасности его жизнь), после чего компания отправилась на поиски хэмстедской кареты. Она была вскоре найдена, и часа через два они благополучно прибыли в «Испанские сады», где первый же поступок злосчастного мистера Редля едва не вызвал нового обморока у его дражайшей супруги, ибо он ни больше ни меньше как заказал чай на семерых, тогда как (это мнение высказывали все леди) проще всего было, чтобы Томми пил из чьей-нибудь чашки или из всех

чашек, когда официант отвернется, что сэкономило бы порцию чаю, и от этого чай был бы ничуть не хуже!

Однако делать было нечего, и поднос появился с семью чашками и блюдцами, а также с хлебом и маслом на семерых. Миссис Бардл единогласно была избрана председательницей, миссис Роджерс поместилась по правую руку от нее, а миссис Редль – по левую, и пиршество началось очень весело.

– Как очаровательна деревня! – вздохнула миссис Роджерс. – Мне бы хотелось всегда там жить.

– О, вам бы не понравилось, сударыня! – с некоторой поспешностью отозвалась миссис Бардл, ибо, принимая во внимание сдаваемую ею квартиру, отнюдь не следовало поощрять подобное расположение духа. – Вам бы не понравилось, сударыня.

– Мне кажется, вы не удовольствовались бы деревней, сударыня; вы такая веселая, все ищут знакомства с вами, – подхватила маленькая миссис Клаппинс.

– Быть может, сударыня, быть может, – прошептала жилица бельэтажа.

– Для одиноких людей, у которых нет никого, кто бы их любил и о них заботился, или для тех, кто изведал горе или что-нибудь в этом роде, – для них хороша деревня, – заметил мистер Редль, слегка приободряясь и поглядывая вокруг. – Деревня, как говорится, приют для раненой души...

Из всех замечаний, какие мог сделать злополучный человек, это было наименее удачным. Конечно, миссис Бардл залилась слезами и попросила позволения тотчас же встать из-за стола; вслед за нею не преминул жалобно зареветь и ее чувствительный отпрыск.

– Кто бы поверил, сударыня, – гневно воскликнула миссис Редль, обращаясь к жилице бельэтажа, – что женщина может выйти замуж за такое бесчеловечное существо, которое ежеминутно оскорбляет женские чувства, сударыня!

– Милая моя! – запротестовал мистер Редль. – Милая моя, у меня и в мыслях этого не было!

– У тебя в мыслях не было, – сердито и презрительно повторила миссис Редль. – Уйди! Видеть тебя не могу, чудовище!

– Тебе не следует волноваться, Мэри-Энн, – вмешалась миссис Клаппинс. – Право же, ты должна беречь себя, моя дорогая, а этого ты никогда не делаешь. Да уйдите же, Редль, будьте так добры, ведь вы ее только раздражаете!

– В самом деле, сэр, вы бы лучше взяли свой чай и удалились, – сказала миссис Роджерс, снова прибегая к своему флакону.

Миссис Сендерс, которая, по обыкновению, приналегала на хлеб с маслом, высказала то же мнение, и мистер Редль потихоньку удалился.

Затем юный Бардл, хотя он был уже несколько велик для таких объятий, торжественно был водружен на колени матери, во время каковой процедуры его башмаки очутились на чайном подносе, произведя некоторый беспорядок среди чашек и блюдец. Так как истерические припадки, заразительные в дамском обществе, редко затягиваются, то, расцеловав юного Бардла и немножко всплакнув над ним, миссис Бардл оправилась, спустила его с колен, подивилась, как это она могла быть такой глупышкой, и налила себе еще чаю.

В этот самый момент раздался стук подъезжающего экипажа, и леди, подняв глаза, увидели наемную карету, остановившуюся у ворот сада.

– Еще кто-то приехал, – заметила миссис Сендерс.

– Это джентльмен, – сказала миссис Редль.

– Как! Да ведь это мистер Джексон, молодой человек из конторы Додсона и Фогга! – воскликнула миссис Бардл. – Ах, боже мой! Неужели мистер Пиквик уплатил убытки?

– Или согласился на брак! – подхватила миссис Клаппинс.

– Ах, какой медлительный джентльмен! – воскликнула миссис Роджерс. – Почему он не поторопится?

Когда леди произнесла эти слова, мистер Джексон отошел от кареты, сделав предварительно какое-то замечание обтрепанному человеку в черных гамашах и с толстой ясеневой палкой, только что вышедшему из экипажа, и, закручивая при этом волосы под полями шляпы, направился к тому месту, где сидели леди.

– В чем дело? Что-нибудь случилось, мистер Джексон? – взволнованно осведомилась миссис Бардл.

– Решительно ничего, сударыня, – ответил мистер Джексон. – Как поживаете, леди? Я должен просить прощения за то, что вторгаюсь в вашу компанию, но закон, леди... закон.

Принеся извинения, мистер Джексон улыбнулся, отвесил общий поклон и снова закрутил волосы. Миссис Роджерс шепнула миссис Редль, что он очень элегантный молодой человек.

– Я зашел на Госуэлл-стрит, – продолжал Джексон, – и, узнав от служанки, что вы здесь, нанял карету и приехал. Нам нужно видеть вас в городе, миссис Бардл.

– Ах! – воскликнула эта леди, встрепенувшись от неожиданного сообщения.

– Да, – подтвердил Джексон, покусывая губы. – Это очень важное и срочное дело, не терпящее отлагательства. Именно так выразился Додсон, а также и Фогг. Я задержал карету, чтобы отвезти вас назад.

– Как странно! – удивилась миссис Бардл.

По мнению всех леди, это было действительно очень странно, но они единогласно пришли к тому заключению, что дело, должно быть, очень важное, иначе Додсон и Фогг не прислали бы за нею, и что дело это срочное, а посему следует немедленно ехать к Додсону и Фоггу.

Есть основания гордиться и важничать, когда тебя с такой чудовищной поспешностью вызывают твои адвокаты, и миссис Бардл испытывала некоторое удовольствие, главным образом потому, что это должно было повысить ей цену в глазах жилицы бельэтажа. Она как-то глупо улыбнулась, притворилась очень недовольной и колеблющейся и, наконец, пришла к тому заключению, что, кажется, нужно ехать.

– Не хотите ли освежиться после поездки, мистер Джексон? – предложила миссис Бардл.

– Право же, нельзя терять время, – ответил Джексон. – И я здесь с приятелем, – добавил он, посмотрев на человека с ясеневой палкой.

– Попросите своего приятеля пожаловать сюда, сэр, – сказала миссис Бардл. – Пожалуйста, пригласите своего приятеля.

– Благодарю вас, не стоит, – возразил мистер Джексон, слегка замявшись.

– Он не привык к обществу леди и будет стесняться. Если вы прикажете лакею подать ему стаканчик чего-нибудь покрепче, вряд ли он откажется выпить – можете его испытать!

Мистер Джексон игриво покрутил пальцами вокруг носа, давая понять слушателям, что он говорит иронически.

Лакей был немедленно отправлен к застенчивому джентльмену, и застенчивый джентльмен выпил, мистер Джексон тоже выпил, и леди выпили – за компанию. Затем мистер Джексон объявил, что пора ехать, после чего миссис Сендерс, миссис Клаппинс и Томми (которые должны были сопровождать миссис Бардл, тогда как прочие остались на попечении мистера Редля) разместились в карете.

– Айзек, – сказал Джексон, когда миссис Бардл собиралась последовать за ними, и посмотрел на человека с ясеневой палкой, сидевшего на козлах и курившего сигару.

– Что?

– Это миссис Бардл.

– Я давным-давно догадался, – ответил тот.

Миссис Бардл влезла в карету, мистер Джексон влез вслед за ней, и они уехали. Миссис Бардл невольно призадумалась над тем, что сказал приятель мистера Джексона. Ну, и проницательный народ эти джентльмены законники! Господи помилуй, как они знают людей.!

– Печальная история с издержками нашей фирмы, не правда ли? – сказал мистер Джексон, когда миссис Сендерс и миссис Клаппинс заснули. – Я имею в виду ваш счет.

– Очень жаль, что они не получили по счету, – отозвалась миссис Бардл.

– Но если вы, господа юристы, ведете такие дела на свой риск, приходится, знаете ли, терпеть иногда убытки.

– Мне говорили, что после процесса вы выдали им обязательство на сумму издержек по вашему делу? – осведомился Джексон.

– Да. Пустая формальность, – ответила миссис Бардл.

– Разумеется, – сухо подтвердил Джексон. – Только пустая формальность.

Они продолжали путь, и миссис Бардл заснула. Спустя немного она проснулась, когда остановилась карета.

– Ах, боже мой! – воскликнула эта леди. – Мы уже приехали в Фрименс-Корт?

– Нам не нужно было ехать так далеко, – возразил Джексон. – Будьте добры, выходите.

Миссис Бардл, еще не успев хорошенько проснуться, повиновалась. Это было странное место: высокая стена, посередине ворота, за которыми был виден свет газового фонаря.

– Ну-с, леди! – крикнул человек с ясеневой палкой, заглядывая в карету и встряхивая миссис Сендерс, чтобы ее разбудить. – Пожалуйте!

Растормошив свою приятельницу, миссис Сендерс вышла из экипажа. Миссис Бардл, опираясь на руку Джексона и ведя Томми, уже вошла в ворота. Приятельницы последовали за ней.

Комната, в которой они очутились, показалась еще более странной. Сколько здесь толпилось мужчин! И как они таращили глаза!

– Где мы? – останавливаясь, спросила миссис Бардл.

– В одном из наших общественных учреждений, – ответил Джексон, поспешно увлекая ее к двери и оглядываясь, чтобы узнать, следуют ли за ним остальные. Смотрите в оба, Айзек.

– Будьте благонадежны, – отозвался человек с ясеневой палкой.

Дверь тяжело захлопнулась за ними, и они спустились с нескольких ступенек.

– Ну, вот мы и прибыли. Все в порядке и все на месте, миссис Бардл! – воскликнул Джексон, с торжеством озираясь вокруг.

– Что это значит? – осведомилась миссис Бардл, у которой замерло сердце.

– Узнаете! – отвечал Джексон, отводя ее в сторону. – Не пугайтесь, миссис Бардл. Не бывало еще на свете человека более деликатного, чем Додсон, сударыня, и более гуманного, чем Фогг. С деловой точки зрения они обязаны были задержать вас в обеспечение своих издержек, но они хотели щадить по мере сил ваши чувства. Сколь утешительно будет для вас подумать о том, как это было сделано! Это Флит, сударыня. Желаю вам спокойной ночи, миссис Бардл. Спокойной ночи, Томми!

Когда Джексон убежал в сопровождении человека с ясеневой палкой, другой человек с ключом в руке, наблюдавший эту сцену, повел ошеломленную женщину ко второй короткой лестнице, ведущей к двери. Миссис Бардл пронзительно взвизгнула, Томми заревел, миссис Клаппинс съежилась, а миссис Сендерс молча обратилась в бегство, ибо перед ними стоял оклеветанный мистер Пиквик, совершавший вечернюю прогулку, и за ним – Сэмюел Уэллер, который при виде миссис Бардл насмешливо снял шляпу, в то время как его хозяин с негодованием повернулся на каблуках.

– Не надоедайте этой женщине, – сказал тюремщик Уэллеру, – она только что доставлена.

– Арестована! – воскликнул Сэм, быстро надевая шляпу. – Кто истец? По какому делу? Да говорите же, старина!

– Додсон и Фогг, – ответил тот. – Арестована на основании обязательства уплатить все их издержки.

– Джоб, сюда, Джоб! – кричал Сэм, бросаясь в коридор. – Бегите к мистеру Перкеру, Джоб! Он нужен мне немедленно. От этого нам будет прок. Вот так потеха! Ура! Где командир?

Но никакого ответа не последовало, ибо Джоб, получив поручение, мгновенно бросился бежать сломя голову, а миссис Бардл упала в обморок, на этот раз по-настоящему.

ГЛАВА XLVII

посвящена преимущественно деловым вопросам и временной победе Додсона и Фогга.

Мистер Уинкль появляется вновь при необычайных обстоятельствах.

Доброта мистера Пиквика одерживает верх над его упрямством

Джоб Троттер, не замедляя шага, мчался по Холборну то посреди мостовой, то по тротуару, то по водосточной канаве – в зависимости от того, где легче было проскользнуть среди мужчин, женщин, детей и экипажей, двигавшихся по этой улице; преодолевая все препятствия, он ни на секунду не останавливался, пока не добежал до ворот Грейз-Инна. Но, несмотря на развитую им скорость, он опоздал: ворота были заперты за полчаса до его прихода; а когда он отыскал прачку мистера Перкера, которая проживала с замужней дочерью, удостоившей своей руки приходящего лакея, обитавшего в каком-то доме на какой-то улице по соседству с каким-то пивоваренным заводом где-то за Грейз-Инн-лейном, осталось не больше четверти часа до закрытия тюрьмы на ночь. Затем пришлось извлекать мистера Лаутена из задней комнаты «Сороки и Пня». Едва Джоб успел справиться с этой задачей и передать поручение Сэма Уэллера, как пробило десять часов.

– Ну вот, – сказал Лаутен, – теперь уже слишком поздно. Вы не попадете сегодня в тюрьму. Придется вам ночевать на улице, приятель.

– Обо мне не беспокойтесь, – сказал Джоб. – Я могу спать где угодно. Но не лучше ли повидать мистера Перкера сегодня, чтобы завтра утром отправиться первым делом в тюрьму?

– Ну, что ж, – подумав, отвечал Лаутен, – если бы речь шла о ком-нибудь другом, мистер Перкер был бы не в восторге, явись я к нему на дом, но раз это касается мистера Пиквика, я, пожалуй, могу нанять кэб за счет конторы.

Избрав такую линию поведения, мистер Лаутен надел шляпу и, попросив собравшуюся компанию выбрать заместителя председателя на время его отсутствия, отправился к ближайшей стоянке экипажей. Наняв наилучший кэб, он приказал ехать к Рассел-скверу, Монтегю-плейс.

У мистера Перкера был в этот день званый обед, о чем свидетельствовали освещенные окна гостиной, доносившиеся оттуда звуки настроенного большого рояля и не поддающегося настройке маленького голоса, а также одуряющий запах жаркого на лестнице и в вестибюле. Дело в том, что два превосходных провинциальных агентства приехали в город одновременно, и по этому случаю собралось приятное маленькое общество, в состав которого входили мистер Сникс, глава общества страхования жизни, мистер Прози, известный адвокат, три поверенных, один уполномоченный конкурсного управления по имуществу каких-то банкротов, юрист из Темпля, его ученик – самоуверенный молодой джентльмен с маленькими глазками, написавший увлекательную книжку о праве передачи имущества с великим множеством примечаний и сносок, и еще несколько именитых и важных особ. От этой-то высокопросвещенной компании и оторвался маленький Перкер, когда ему шепотом доложили о приходе его клерка.

В столовой он застал мистера Лаутена и Джоба Троттера, казавшихся очень тусклыми и призрачными при свете кухонной свечи, которую поставил на стол джентльмен, снизошедший до того, чтобы появляться в коротких плюшевых штанах и бумажных чулках, за жалованье, выплачиваемое по третям, и соответственно своему положению презиравший клерка и все, что имело отношение к «конторам».

– Ну, Лаутен, что случилось? – сказал маленький мистер Перкер, закрывая дверь. – Получено какое-нибудь важное письмо? – Нет, сэр, – ответил Лаутен.

– Вот посланный от мистера Пиквика, сэр.

– От мистера Пиквика? – переспросил маленький человек, быстро поворачиваясь к Джобу. – В чем дело?

– Додсон и Фогг засадили миссис Бардл за неуплату судебных издержек, – сообщил Джоб.

– Не может быть! – воскликнул Перкер, засовывая руки в карманы и прислоняясь к буфету.

– Верно, – подтвердил Джоб. – Кажется, они выудили у нее сейчас же после суда обязательство уплатить все их издержки.

– Здорово! – заявил Перкер, вынимая руки из карманов и выразительно постукивая суставами правой руки по ладони левой. – Самые хитрые мерзавцы, с какими я когда-либо имел дело.

– Умнейшие дельцы, каких я только знаю, сэр, – заметил Лаутен.

– Умнейшие! – подтвердил Перкер. – Не знаешь, куда нырнут.

– Совершенно верно, сэр, не знаешь, – согласился Лаутен.

Засим оба – и патрон и клерк – погрузились на несколько секунд в размышления, и лица у них были такие оживленные, словно дело касалось какого-нибудь прекрасного и гениального открытия в умозрительной сфере.

Когда они несколько оправились от восторженного транса, Джоб Троттер изложил вторую половину данного ему поручения. Перкер задумчиво кивнул головой и достал часы.

– Ровно в десять я буду там, – сказал маленький человек. – Сэм совершенно прав. Так и передайте ему. Не хотите ли стакан вина, Лаутен?

– Нет, благодарю, сэр.

– Кажется, вы хотели сказать «да», – возразил маленький человек, доставая из буфета графин и стаканы.

Так как Лаутен действительно хотел сказать «да», то больше он ничего по этому поводу не говорил и, обратившись к Джобу, спросил театральным шепотом, не отличается ли портрет Перкера, висевший против камина, поразительным сходством с оригиналом, на что Джоб, конечно, ответил утвердительно. Стаканы были наполнены, Лаутен выпил за здоровье миссис Перкер и деток, а Джоб – за здоровье Перкера. Джентльмен в коротких плюшевых штанах и бумажных чулках, считая, что в его обязанности отнюдь не входит провожать людей, приходящих из конторы, упорно не являлся на звонок, и они обошлись без провожатого. Поверенный направился к своим гостям, клерк – в «Сороку и Пень», а Джоб – на Ковент-Гарденский рынок, несомненно с целью переночевать в какой-нибудь корзине из-под овощей.

На следующее утро, ровно в назначенный час, добродушный маленький поверенный постучался в дверь к мистеру Пиквику, которую Сэм Уэллер тотчас поспешно распахнул перед ним.

– Мистер Перкер, сэр, – сказал Сэм, докладывая о посетителе мистеру Пиквику, сидевшему в задумчивой позе у окна. – Очень рад, что вы случайно заглянули к нам, сэр. Кажется, хозяин хочет кое о чем с вами поговорить, сэр.

Перкер бросил многозначительный взгляд на Сэма, давая понять, что не заикнется о вызове, и, поманив его к себе, шепнул ему что-то на ухо.

– Может ли это быть, сэр? – воскликнул Сэм, попятившись от изумления.

Перкер кивнул и улыбнулся.

Мистер Сэмюел Уэллер посмотрел на маленького адвоката, потом снова на мистера Пиквика, потом на потолок, потом снова на Перкера, ухмыльнулся, расхохотался и, наконец, схватив свою шляпу, лежавшую на ковре, исчез без лишних слов.

– Что это значит? – осведомился мистер Пиквик, глядя с удивлением на Перкера. – Почему Сэм пришел в такое необычайное состояние?

– Ничего, ничего! – отозвался Перкер. – Итак, уважаемый сэр, придвиньте кресло к столу. Я должен сообщить вам кое-что.

– Что это за бумаги? – полюбопытствовал мистер Пиквик, когда маленький поверенный положил пачку документов, перевязанных красной тесьмой.

– Бумаги по делу Бардл – Пиквик, – ответил Перкер, развязывая узелок зубами.

Мистер Пиквик с шумом отодвинул кресло и, откинувшись на спинку, скрестил на груди руки и посмотрел сурово – насколько мистер Пиквик мог смотреть сурово – на своего приятеля юриста.

– Вам неприятно слышать об этом деле? – спросил Перкер, все еще распутывая узелок.

– Да, неприятно, – заявил мистер Пиквик.

– Очень печально, – продолжал Перкер, – ибо оно послужит предметом нашего разговора.

– Я бы хотел, Перкер, чтобы об этом предмете никогда не было между нами речи, – с живостью перебил мистер Пиквик.

– Ну, что вы, что вы, уважаемый сэр! – сказал маленький поверенный, развязывая сверток и искоса бросая зоркий взгляд на мистера Пиквика. – О нём-то и пойдет речь. С этой целью я пришел сюда. Ну-с, готовы вы слушать то, что я имею сказать, уважаемый сэр? Дело не к спеху, если не готовы – я могу подождать. Я захватил с собой утреннюю газету. Можете располагать моим временем. Я к вашим услугам.

С этими словами маленький поверенный положил ногу на ногу и сделал вид, будто принялся за чтение с великим спокойствием и вниманием.

– Ну хорошо, – сказал мистер Пиквик, вздыхая, но в то же время расплываясь в улыбку. – Говорите то, что хотели сказать. Должно быть, старая история?

– С некоторыми изменениями, уважаемый сэр, с некоторыми изменениями, – возразил Перкер, спокойно сложив газету и снова спрятав ее в карман. – Миссис Бардл, истица по нашему делу, находится в этих стенах, сэр.

– Я это знаю, – произнес мистер Пиквик.

– Отлично, – сказал Перкер. – И, вероятно, вам известно, как она сюда попала, то есть на каком основании?

– Да. Во всяком случае, я слышал доклад Сэма, – отозвался мистер Пиквик с напускным равнодушием.

– Смею сказать, что доклад Сэма был совершенно правильный, – заметил Перкер. – Теперь, уважаемый сэр, я вам задам первый вопрос: останется эта женщина здесь?

– Останется ли здесь? – повторил мистер Пиквик.

– Останется ли здесь, уважаемый сэр? – подтвердил Перкер, откидываясь на спинку стула и пристально глядя на своего клиента.

– Почему вы мне задаете такой вопрос? – сказал сей джентльмен. – Все зависит от Додсона и Фогга, вы это прекрасно знаете.

– Этого я отнюдь не знаю, – решительно возразил Перкер. – Это не зависит от Додсона и Фогга: вы знаете их обоих не хуже, чем я, уважаемый сэр. Это зависит полностью, всецело и исключительно от вас.

– От меня? – воскликнул мистер Пиквик, нервически привстав с кресла и тотчас же усевшись снова.

Маленький поверенный дважды щелкнул по крышке своей табакерки, открыл ее, взял солидную понюшку, закрыл табакерку и повторил:

– От вас. Я говорю, уважаемый сэр, – сказал маленький поверенный, которому понюшка как будто придала решимости, – я говорю, что скорое ее освобождение или пожизненное заключение зависит от вас, и только от вас. Выслушайте меня, пожалуйста, уважаемый сэр, и не расходуйте столько энергии, потому что пользы от этого никакой нет и вы только вспотеете. Я говорю, – продолжал Перкер, отсчитывая свои доводы по пальцам, – я говорю, что никто, кроме вас, не может освободить ее из этого гнусного притона, и только вы можете это сделать, уплатив судебные издержки – и за истца и за ответчика – этим акулам из Фрименс-Корта. Будьте добры, не волнуйтесь, уважаемый сэр!

Во время этой речи мистер Пиквик самым изумительным образом менялся в лице и, казалось, готов был взорваться от негодования, но по мере сил обуздывал свой гнев. Перкер, подкрепив свои ораторские способности новой понюшкой табаку, продолжал:

– Я видел эту женщину сегодня утром. Уплатив судебные издержки, вы можете полностью освободить себя от уплаты вознаграждения за убытки, и далее – знаю, уважаемый сэр, для вас это имеет гораздо большее значение – вы получаете добровольное, за ее подписью, показание в форме письма ко мне, что с самого начала это дело было затеяно, раздуто и проведено этими субъектами Додсоном и Фоггом, что она глубоко сожалеет о причиненном вам беспокойстве и взведенной на вас клевете и просит меня ходатайствовать перед вами и вымолить у вас прощение.

– Если я заплачу за нее издержки! – с негодованием воскликнул мистер Пиквик. – Нечего сказать ценный документ!

– В данном случае нет никаких «если», уважаемый сэр, – с торжеством заявил Перкер. – Вот то самое письмо, о котором я говорю. Какая-то женщина принесла его мне в контору сегодня в девять часов – клянусь честью, раньше, чем я пришел сюда или имел возможность переговорить с миссис Бардл.

Отыскав письмо в пачке бумаг, маленький законовед положил его перед мистером Пиквиком и в продолжение двух минут угощался табаком, даже глазом не моргнув.

– Это все, что вы имеете мне сказать? – спокойно осведомился мистер Пиквик.

– Не совсем, – возразил Перкер. – В данный момент я не берусь утверждать, что текст признания издержек, природа подразумеваемого основания сделки и доказательства, какие нам удастся собрать об обстоятельствах этого дела, покажут наличие сговора. Боюсь, что нет, уважаемый сэр, мне кажется, они слишком хитры для этого. Однако я утверждаю, что всех этих фактов, вместе взятых, будет вполне достаточно, чтобы оправдать вас в глазах здравомыслящих людей. А теперь, уважаемый сэр, рассудите сами. Эти сто пятьдесят фунтов или сколько бы там ни было – возьмем круглую цифру – для вас ничто. Присяжные решили не в вашу пользу. Их приговор несправедлив – не спорю, но, вынося его, они считали, что судят по совести, и обвинили вас. Сейчас вам представляется случай без труда занять весьма выгодную позицию, какой вы никогда не займете, оставаясь здесь, ибо, останься вы здесь, люди, вас знающие, припишут это тупому, злостному, жестокому упрямству – поверьте мне, уважаемый сэр. Как можете вы колебаться, когда речь идет о том, чтобы вернуться к вашим друзьям, вашим прежним занятиям и развлечениям, позаботиться о здоровье, а также освободить верного и преданного слугу, которого вы в противном случае обрекаете на пожизненное заключение, и – что важнее всего – вы получаете возможность отомстить

великодушно, – знаю, уважаемый сэр, такая месть вам по душе, – отомстить, избавив женщину от зрелища нищеты и разврата, на которое, будь моя воля, не обрекали бы и мужчин, а такая кара является для женщины еще более страшной и варварской. Теперь я вас спрашиваю, уважаемый сэр, не только как ваш поверенный, но как преданный друг: неужели вы упустите случай достигнуть всех этих целей и сделать столько добра? Неужели вас остановит мысль, что эти жалкие несколько десятков фунтов перейдут в карманы двух негодяев; для которых эта сумма может сыграть одну только роль: чем больше они заработают, тем большего будут домогаться и, стало быть, тем скорее совершат какую-нибудь мошенническую проделку, которая неизбежно приведет к катастрофе. Я представил вам эти доводы, уважаемый сэр, очень туманно и неискусно, но тем не менее я вас прошу обсудить их. Подумайте и, пожалуйста, не спешите. Я буду терпеливо ждать вашего ответа.

Не успел мистер Пиквик ответить, не успел Перкер угоститься одной двадцатой той понюшки, какую настоятельно требовала столь пространная речь, как в коридоре послышались тихие голоса, а затем нерешительный стук в дверь.

– Ах, боже мой! – воскликнул мистер Пиквик, который был явно возбужден речью своего друга. – Как раздражают эти стуки! Кто там?

– Я, сэр! – откликнулся Сэм Уэллер, заглядывая в дверь.

– Сейчас мне некогда разговаривать с вами, Сэм, – сказал мистер Пиквик.

– Я занят, Сэм.

– Прошу прощенья, сэр, – возразил мистер Уэллер, – но тут одна леди, сэр, говорит, что должна сообщить что-то очень важнее.

– Я не могу принять никакой леди, – заявил мистер Пиквик, перед которым встал образ миссис Бардл.

– Не очень-то я в этом уверен, сэр, – настаивал мистер Уэллер, покачивая головой. – Знай вы, кто тут находится поблизости, сэр, я думаю, вы запели бы другую песенку, как сказал, посмеиваясь, ястреб, услышав, как малиновка распевает за углом.

– Кто же это? – осведомился мистер Пиквик.

– Угодно вам принять ее, сэр? – спросил мистер Уэллер, придерживая дверь рукой, словно за этой дверью скрывалось какое-то диковинное животное.

– Пожалуй, придется принять, – сказал мистер Пиквик, посматривая на Перкера.

– Ну, значит, все – на сцену, начинается! – крикнул Сэм. – Гонг! Занавес поднимается, входят два заговорщика.

С этими словами Сэм Уэллер распахнул дверь, и в комнату стремительно ворвался мистер Натэниел Уинкль, ведя за руку ту самую молодую леди, которая в бытность свою в Дингли Делле носила сапожки, опушенные мехом, а сейчас, очаровательно раскрасневшаяся и смущенная, в лиловом шелке, изящной шляпе и нарядном кружевном вуале была прелестнее, чем когда бы то ни было.

– Мисс Арабелла Эллен! – воскликнул мистер Пиквик, вставая с кресла.

– Нет! – отвечал мистер Уинкль, падая на колени. – Это миссис Уинкль! Простите, дорогой друг, простите!

Мистер Пиквик глазам своим не верил и, быть может, так и не поверил бы, если бы их свидетельство не подтверждалось улыбающейся физиономией Перкера и присутствием на заднем плане Сэма с хорошенькой горничной, которые, казалось, созерцали эту сцену с живейшим удовольствием.

– О мистер Пиквик! – тихим голосом сказала Арабелла, как будто встревоженная его молчанием. – Можете ли вы простить мой опрометчивый поступок?

Мистер Пиквик не дал никакого словесного ответа на эту мольбу, но с большой поспешностью снял очки и, взяв молодую леди за обе руки, поцеловал ее много раз – больше, пожалуй, чем было необходимо, а затем, все еще удерживая одну ее руку в своей, назвал мистера Уинкля дерзким сорванцом и предложил ему встать. Мистер Уинкль, который вот уже несколько секунд сокрушенно тер себе нос полями своей шляпы, повиновался, после чего мистер Пиквик похлопал его по спине и горячо пожал руку Перкеру. Тот, дабы не запоздать с поздравлениями, приветствовал от всего сердца и новобрачную и хорошенькую горничную, дружески пожал руку мистеру Уинклю и закончил изъявления своей радости понюшкой, от которой расчихались бы на всю жизнь полдюжины человек с заурядными носами.

– Дорогая моя, – начал мистер Пиквик, – как же это произошло? Присаживайтесь и расскажите мне все. Какая она хорошенькая, не правда ли, Перкер? – добавил мистер Пиквик, с такой гордостью и восхищением всматриваясь в лицо Арабеллы, словно она была его дочерью.

– Очаровательна, уважаемый сэр! – отвечал маленький поверенный. – Не будь я женат, я бы мог позавидовать вам, счастливчик.

Сделав такое заявление, маленький законовед ткнул мистера Уинкля пальцем в грудь, сей джентльмен ответил тем же, и оба расхохотались очень громко, хотя и не так громко, как мистер Сэмюел Уэллер, который только что успокоил свои чувства, поцеловал миловидную горничную под прикрытием дверцы шкафа.

– Не знаю, как благодарить вас, Сэм, – сказала Арабелла с обворожительнейшей улыбкой. – Я никогда не забуду услуг, которые вы нам оказали в саду в Клифтоне.

– Не стоит говорить об этом, сударыня, – отвечал Сэм. – Я только помогал природе, сударыня, как сказал доктор матери одного мальчика, которого уморил кровопусканием.

– Мэри, милая, присядьте, – сказал мистер Пиквик, прерывая обмен любезностями. – Ну, теперь рассказывайте, давно вы сочетались браком?

Арабелла застенчиво посмотрела на своего господина и повелителя, а тот ответил:

– Всего три дня.

– Всего три дня? – повторил мистер Пиквик. – Да что же вы делали целых три месяца?

– Совершенно верно! – подхватил Перкер. – Ну-ка, чем вы объясните такую проволочку? Видите, Пиквик удивляется только тому, что это не случилось давным-давно.

– Дело вот в чем, – начал мистер Уинкль, посматривая на свою зардевшуюся молодую жену, – я долго не мог уговорить Беллу бежать со мной. А когда я ее уговорил, пришлось долго ждать удобного случая. Мэри должна была предупредить за месяц о своем уходе семейство, где она служила по соседству, а без ее помощи мы никак не могли обойтись.

– Честное слово, вы действовали как будто по плану! – воскликнул мистер Пиквик, который к тому времени надел очки и переводил взгляд с Арабеллы на Уинкля, а с Уинкля на Арабеллу, причем на его физиономии отражалась такая радость, – какую может почувствовать только добрый и сердечный человек. А ваш брат знает о свершившемся факте, моя дорогая?

– О нет! – отвечала Арабелла, меняясь в лице. Милый мистер Пиквик, он должен узнать об этом только от вас, только из ваших уст. Он так вспыльчив, так предубежден и... и так хлопотал за своего друга, мистера Сойера, – потупившись, добавила Арабелла, – что я ужасно боюсь последствий.

– Да, это верно, – серьезно заметил Перкер. – Ради них вы должны уладить это дело, уважаемый сэр. К вам молодые люди отнесутся с почтением, тогда как никого другого не станут слушать. Вы должны предотвратить несчастье, уважаемый сэр. Горячая кровь, горячая кровь.

И маленький законовед подкрепил свое предостережение новой понюшкой и опасливо покачал головой.

– Вы забываете, моя милочка, что я под арестом, – мягко сказал мистер Пиквик.

– Нет, об этом я всегда помню, дорогой сэр, – возразила Арабелла. – Я этого никогда не забывала. Я постоянно думала о том, как вы должны страдать в таком ужасном месте. Но я надеялась, что забота о нашем счастье побудит вас сделать то, чего бы вы никогда не сделали ради самого себя. Если мой брат узнает об этом от вас, я не сомневаюсь, что мы с ним помиримся. Он единственный в мире близкий мне родственник, мистер Пиквик, и если вы за меня не заступитесь, я могу его потерять. Я поступила нехорошо, очень, очень нехорошо, я это знаю!

Бедная Арабелла закрыла лицо носовым платком и горько расплакалась.

На мистера Пиквика сильно подействовали эти слезы, а когда миссис Уинкль вытерла глаза и принялась умолять его и улещивать самым нежным тоном, он пришел в сильнейшее волнение и, явно не зная, как поступить, начал нервически потирать очки, нос, штаны, голову и гетры.

Воспользовавшись этими симптомами нерешительности, мистер Перкер (к которому, как выяснилось, молодая чета заезжала утром) начал доказывать с юридической точностью и проницательностью, что мистер Уинкль-старший до сих пор не знает о том важном шаге, какой сделал его сын на жизненной стезе; что будущность вышеупомянутого сына зависит всецело от того, чтобы вышеупомянутый Уинкль-старший продолжал относиться к нему с прежней любовью и симпатией, а это весьма сомнительно, если от него будут скрывать великое событие; что мистер Пиквик, отправляясь в Бристоль на свидание с мистером Элленом, мог бы с таким же основанием отправиться в Бирмингем к мистеру Уинклю-старшему и, наконец, что мистер Уинкль-старший имеет все права и основания считать мистера Пиквика как бы опекуном и наставником своего сына, и, стало быть, долг и обязанность мистера Пиквика – познакомить вышеупомянутого Уинкля-старшего при личном свидании со всеми обстоятельствами дела и с тою ролью, какую он сам сыграл.

Мистер Тапмен и мистер Снодграсс явились весьма кстати на этой стадии увещаний, и так как необходимо было объяснить им все происходящее вместе с различными доводами за и против, то все рассуждения были повторены с начала до конца, после чего каждый из присутствующих начал развивать каждый довод по-своему и на свой лад. Наконец, мистер Пиквик, который от доводов и увещаний растерял все свои решения и подвергался неминуемой опасности потерять рассудок, заключил Арабеллу в объятия и заявил, что она – очаровательное создание, что он полюбил ее с первого взгляда, что у него не хватит духу препятствовать счастью молодых людей и они могут делать с ним все, что им угодно.

Услыхав об этой уступке, мистер Уэллер первым делом направил Джоба Троттера к блистательному мистеру Пеллу с просьбой выдать посланному заверенную расписку об уплате долга, которую его осторожный родитель предусмотрительно оставил у этого ученого джентльмена на случай, если она вдруг понадобится. Вслед за сим он незамедлительно вложил весь свой наличный капитал в приобретение двадцати пяти галлонов легкого портера, который он самолично распределил во дворе между всеми желающими. Покончив с этим, он стал кричать «ура» во всех отделениях тюрьмы и кричал, пока не охрип; но затем постепенно обрел свое привычное спокойствие и философическое расположение духа.

В три часа дня мистер Пиквик в последний раз окинул взглядом свою маленькую камеру и начал пробираться сквозь толпу должников, которые теснились вокруг, стараясь пожать ему руку, и провожали его до привратницкой. Здесь он остановился, чтобы обозреть окруживших его, и лицо его просияло: в этой толпе бледных, изнуренных людей не было ни одного человека, чьей участи не облегчил бы он своим сочувствием и помощью.

– Перкер, вот это мистер Джингль, о котором я вам говорил, – сказал мистер Пиквик, поманив из толпы молодого человека.

– Прекрасно, уважаемый сэр, – отозвался Перкер, пристально всматриваясь в Джингля. – Завтра мы с вами увидимся, молодой человек. Надеюсь, вы запомните и оцените то, что я имею вам сообщить, сэр.

Джингль почтительно поклонился, задрожал, пожимая протянутую руку мистера Пиквика, и удалился.

– Джоба вы, кажется, знаете? – осведомился мистер Пиквик, представляя этого джентльмена Перкеру.

– Знаю мошенника! – добродушно отозвался Перкер. – Позаботьтесь о своем друге и будьте готовы завтра в час, слышите? Ну-с, остались еще какие-нибудь дела?

– Никаких, – сказал мистер Пиквик. – Сэм, вы передали вашему старому сожителю маленький сверток, который я вам оставил?

– Передал, сэр, – отвечал Сэм. – Он расплакался, сэр, говорит о том, какой вы добрый и щедрый, и жалеет только, что вы не могли привить ему скоротечную чахотку, потому что его старый друг, который так долго здесь жил, теперь помер и ему негде искать другого.

– Бедняга! – вздохнул мистер Пиквик. – Да благословит вас бог, друзья мои!

Когда мистер Пиквик произнес эти прощальные слова, толпа разразилась громкими криками. Многие проталкивались вперед, чтобы еще раз пожать ему руку. Потом он взял под руку Перкера и поспешно вышел из тюрьмы; в этот момент он был гораздо пасмурнее и меланхоличнее, чем в тот день, когда впервые вступил в нее. Увы, сколько страждущих и несчастных оставалось в ее стенах!

Счастливый выдался вечер, по крайней мере для одной компании в «Джордже и Ястребе», и веселы и беззаботны были два человека, вышедшие на следующее утро из гостеприимной гостиницы. Эти двое были мистер Пиквик и Сэм Уэллер. Первого быстро усадили в удобную дорожную карету с маленьким сиденьем сзади, на которое проворно взобрался второй.

– Сэр! – окликнул мистер Уэллер своего хозяина.

– Что, Сэм? – отозвался мистер Пиквик, высовываясь из окна.

– Хотел бы я, сэр, чтобы эти лошади три с лишним месяца просидели во Флите.

– Зачем же, Сэм? – полюбопытствовал мистер Пиквик.

– А как же, сэр! – воскликнул мистер Уэллер, потирая руки. – Ну уж и помчались бы они теперь!

ГЛАВА XLVIII,

повествующая о том, как мистер Пиквик с помощью Сэмюела Уэллера пытался смягчить сердце мистера, Бенджемина Эллена и укротить гнев мистера Роберта Сойера

Мистер Бен Эллен и мистер Боб Сойер сидели в маленьком кабинете за аптекой, занимаясь рубленой телятиной и видами на будущее, и, наконец, их разговор коснулся практики вышеупомянутого Боба и имеющихся у него шансов добиться независимого положения с помощью почтенной профессии, которой он себя посвятил.

– И мне кажется, – заметил мистер Боб Сойер, обсуждая предмет беседы, – мне кажется, Бен, что они довольно-таки сомнительны!

– Что сомнительно? – осведомился мистер Бен Эллен, прочищая свои мозги солидным глотком пива. – Что сомнительно?

– Да мои шансы, – ответил мистер Боб Сойер.

– А я и забыл о них, – сказал мистер Бен Эллен. – Пиво мне напомнило об этом, Боб. Да, что и говорить, они сомнительны.

– Удивительно, как обо мне пекутся бедняки, – задумчиво продолжал мистер Боб Сойер. – Они стучатся ко мне во все часы ночи; лекарства принимают в невероятном количестве; мушки

и пиявки они ставят с упорством, достойным лучшего применения; прибавления семейства поистине устрашающие. Шесть вызовов в один и тот же день, Бен, и все обращаются ко мне!

– Это чрезвычайно приятно, – изрек мистер Бен Эллен, пододвигая тарелку к рубленой телятине.

– О, чрезвычайно! – отозвался Боб. – Но было бы еще приятнее, если бы мне доверяли пациенты, которые могут уделить один-два шиллинга. Эта лавочка была превосходно изображена в объявлении, Бен: практика, обширная практика и больше ничего.

– Боб! – сказал мистер Бен Эллен, опуская нож и вилку и устремляя взор на своего друга. – Боб, я вам скажу, что надо делать.

– А что? – полюбопытствовал мистер Боб Сойер.

– Вы должны как можно скорее сделаться обладателем тысячи фунтов Арабеллы.

– Трехпроцентные консоли, занесенные на ее имя в книгах Управляющего и Компании Английского банка, – добавил Боб Сойер, обращаясь к юридической терминологии.

– Вот именно, – подтвердил Бен. – Она получит этот капитал, как только достигнет совершеннолетия или выйдет замуж. До совершеннолетия ей остается год, а если вы смело возьметесь за дело – не пройдет и месяца, как она будет замужем.

– Она – очаровательное, прелестное созданье, – отчеканил мистер Роберт Сойер. – Насколько мне известно, у нее есть один только недостаток. К сожалению, этим единственным недостатком является отсутствие вкуса. Я ей не нравлюсь, Бен.

– По-моему, она сама не знает, что ей нравится, – презрительно заметил мистер Бен Эллен.

– Возможно, – согласился мистер Боб Сойер. – Но, по-моему, она знает, что ей не нравится, а это куда важнее.

– Хотел бы я знать, – начал мистер Бен Эллен, сжимая зубы и напоминая скорее дикаря, пожирающего сырое волчье мясо, которое он разрывает руками, чем миролюбивого молодого джентльмена, приступающего с ножом и вилкой к рубленой телятине, – хотел бы я знать, не замешался ли тут какой-нибудь негодяй и не добивается ли он ее расположения. Мне кажется, я бы его убил, Боб!

– Я бы всадил в него пулю, попадись он мне только! – добавил мистер Сойер, прихлебывая пиво и злобно выглядывая из-за кружки. – А если бы это на него не подействовало, я бы ее извлек так, чтобы он умер при операции.

Мистер Бенджемин Эллен молча и задумчиво созерцал своего друга в течение нескольких минут и затем спросил:

– Боб, вы никогда не делали ей предложения?

– Нет. Видел, что все равно никакого толку не будет, – ответил мистер Роберт Сойер.

– Вы его сделаете не позже, чем через двадцать четыре часа, – объявил Бен с убийственным хладнокровием. – Она его примет, или я узнаю причину отказа. Я воспользуюсь своим правом.

– Ладно, – сказал мистер Боб Сойер, – посмотрим.

– Да, посмотрим, мой друг! – грозно ответил мистер Бен Эллен. Он помолчал, потом снова заговорил голосом, прерывающимся от волнения: – Мой друг, вы с детства ее любили. Любили, когда мы вместе ходили в школу, и уже тогда она капризничала и оскорбляла ваше юное чувство. Помните, как вы в порыве детской любви просили ее принять два маленьких бисквита с тмином и сладкое яблоко – круглый пакетик, аккуратно завернутый в листок из тетради?

– Помню, – отозвался Боб Сойер.

– Кажется, она это отвергла? – спросил Бен Эллен.

– Отвергла! – подтвердил Боб. – Она сказала, что я очень долго таскал сверток в кармане штанов и яблоко согрелось, а это неприятно.

– Припоминаю, – мрачно сказал мистер Эллен. – После этого мы сами его съели, откусывая по очереди.

Боб Сойер меланхолически нахмурился, давая понять, что не забыл этого последнего обстоятельства, и оба друга на время погрузились в размышления.

Пока происходила эта беседа между мистером Бобом Сойером и мистером Бенджемином Элленом и пока мальчик в серой ливрее, удивляясь, почему так затянулся обед, тревожно посматривал на стеклянную дверь, томимый мрачными предчувствиями относительно того количества телятины, которое в конце концов уцелеет для удовлетворения его аппетита, – по улицам Бристоля степенно катил собственный одноконный экипаж темно-зеленого цвета, влекомый откормленной бурой лошадью и управляемый хмурым человеком, который ниже пояса напоминал своим костюмом грума, а выше – кучера. Такого вида экипажи обычно принадлежат старым леди, склонным к экономии; и в этом экипаже действительно сидела старая леди, его хозяйка и владелица.

– Мартин! – крикнула из переднего окошка старая леди, обращаясь к хмурому человеку.

– Что прикажете? – отозвался хмурый человек, притронувшись к шляпе.

– К мистеру Сойеру, – сказала старая леди.

– Туда я и еду, – ответил хмурый человек.

Старая леди кивнула, очень довольная такай сообразительностью хмурого человека, а хмурый человек хлестнул бичом раскормленную лошадь, и они направились к мистеру Бобу Сойеру.

– Мартин! – сказала старая леди, когда экипаж остановился у двери мистера Роберта Сойера, преемника Нокморфа.

– Что прикажете? – отозвался Мартин.

– Попросите мальчика выйти и присмотреть за лошадью.

– Я и сам за ней присмотрю, – сказал Мартин, положив свой бич на крышу экипажа.

– Я этого никак не могу разрешить, – возразила старая леди. – Ваши показания совершенно необходимы, и вы должны войти в дом вместе со мной. Вы ни на шаг не должны отходить от меня, пока я буду разговаривать. Слышите?

– Слышу, – отозвался Мартин.

– Ну, так о чем же выдумаете?

– Ни о чем, – ответил Мартин.

С этими словами хмурый человек спустился с колеса, на котором стоял на пальцах правой ноги, окликнул мальчика в серой ливрее, распахнул дверцу экипажа, откинул подножку и, просунув руку в темной замшевой перчатке, вытащил старую леди с такой бесцеремонностью, словно это была картонка для шляпы.

– Ах, боже мой, Мартин! – воскликнула старая леди. – Теперь, когда мы здесь, я так волнуюсь, что вся дрожу.

Мистер Мартин кашлянул, прикрывшись темной замшевой перчаткой, но не выразил никакого сочувствия.. Старая леди, успокоившись, засеменила к двери мистера Боба Сойера, а мистер Мартин последовал за ней.

Как только старая леди вошла в аптеку, мистер Бенджемин Эллен и мистер Боб Сойер, которые поспешили спрятать виски и воду и разлить вонючее лекарство, чтобы заглушить запах табачного дыма, бросились к ней навстречу с изъявлениями радости и любви.

– Дорогая тетушка! – воскликнул мистер Бен Эллен. – Как мило с вашей стороны, что вы заглянули к нам! Мистер Сойер, тетушка; мой друг мистер Боб. Сойер, о котором я вам говорил по поводу... вы знаете, тетушка, по какому поводу.

Тут мистер Бен Эллен, бывший в данный момент не слишком трезвым, добавил одно слово: «Арабелла», воображая, будто говорит шепотом, но этот шепот был таким громким и таким внятным, что при всем желании невозможно было его не расслышать.

– Милый Бенджемин... – сказала старая леди, стараясь отдышаться и дрожа с головы до пят. – Не пугайтесь, мой милый, но я хотела бы поговорить минуту наедине с мистером Сойером. Только одну минуту.

– Боб, – сказал мистер Бен Эллен, – не проводите ли вы мою тетушку в кабинет?

– Разумеется, – отвечал Боб профессиональным тоном. – Пожалуйте сюда, сударыня. Не волнуйтесь, сударыня. В самый короткий срок мы все приведем в порядок, нимало в этом не сомневаюсь. Ну-с, сударыня, я вас слушаю.

С этими словами мистер Боб Сойер, усадив старую леди в кресло, закрыл дверь, придвинул свой стул к креслу и приготовился слушать о симптомах недуга, из которого надеялся извлечь великие выгоды и доходы.

Первым делом старая леди начала качать головой и плакать.

– Нервы! – снисходительно заметил Боб Сойер. – Камфара три раза в день и успокоительное на ночь.

– Не знаю, как начать, мистер Сойер, – сказала старая леди. – Это так мучительно, так ужасно.

– Незачем начинать, сударыня, – возразил мистер Боб Сойер. – Я заранее знаю все, что вы скажете. С головой делается что-то неладное.

– Мне очень грустно было бы думать, что с сердцем неладно, – слабо простонав, проговорила старая леди.

– О, с этой стороны опасность вам не грозит, сударыня, – отвечал Боб Сойер. – Желудок – вот первопричина.

– Мистер Сойер! – вздрогнув, воскликнула старая леди.

– Никаких сомнений быть не может, сударыня, – продолжал Боб с глубокомысленной миной. – Своевременно принятое лекарство могло бы все это предотвратить.

– Мистер Сойер, – сказала старая леди, волнуясь еще сильнее, чем раньше, – либо ваше поведение – величайшая дерзость по отношению к человеку, очутившемуся в таком положении, как я, либо оно вызвано непониманием цели моего визита. Если бы какие-нибудь лекарства или предусмотрительность могли предотвратить то, что произошло, – я не преминула бы ими воспользоваться. Поговорю-ка я лучше с племянником, – добавила старая леди, с негодованием теребя свой ридикюль и приподнимаясь с кресла.

– Подождите минутку, сударыня! – сказал Боб Сойер. – Боюсь, что вас не понял. Что случилось, сударыня?

– Моя племянница, мистер Сойер, – ответила старая леди, – сестра вашего друга...

– Ну, а дальше, сударыня? – нетерпеливо понукал Боб, ибо хотя старая леди и была очень взволнована, но говорила с мучительной медлительностью, подобно многим старым леди. – Ну, а дальше что?

– Три дня назад она покинула мой дом, мистер Сойер, под предлогом навестить мою сестру, другую свою тетку, которая держит большой пансион как раз за третьим придорожным столбом, там, где большая ракита и дубовые ворота, – сказала старая леди, делая паузу, чтобы вытереть слезы.

– К черту ракиту, сударыня! – воскликнул Боб, забыв от волнения о своем профессиональном достоинстве. – Говорите скорее! Подбавьте пару, сударыня, прошу вас!

– Сегодня утром, – медленно произнесла старая леди, – сегодня утром она...

– Должно быть, вернулась домой, сударыня, – с живостью подсказал Боб. – Она вернулась?

– Нет, не вернулась. Она прислала письмо, – возразила старая леди.

– Что же она пишет? – нетерпеливо спросил Боб.

– Она пишет, мистер Сойер, – отвечала старая леди, – и я как раз хочу, чтобы вы подготовили к этому Бенджемина осторожно и постепенно... она пишет, что... письмо у меня в кармане, мистер Сойер, но очки остались в экипаже, а без них мы только время потеряем, если я буду отыскивать для вас это место... короче говоря, мистер Сойер, она пишет, что вышла замуж...

– Что?! – сказал, или, вернее, завопил мистер Боб Сойер.

– Вышла замуж, – повторила старая леди.

Мистер Боб Сойер не слушал дальше. Выбежав из кабинета в лавку, он заорал зычным голосом:

– Бен, дружище, она сбежала!

Едва мистер Бен Эллен, дремавший за прилавком, свесив голову примерно на полфута ниже колен, услыхал эту потрясающую новость, как набросился на мистера Мартина и, вцепившись рукой в горло этому молчаливому слуге, выразил намерение тут же его задушить. С быстротой, продиктованной отчаянием, он начал приводить это намерение в исполнение, проявляя большую энергию и хирургическую сноровку.

Мистер Мартин, человек немногословный и обладающий весьма незначительным даром красноречия, в течение нескольких секунд переносил эту операцию с очень спокойным и любезным выражением лица; убедившись, однако, что она в недалеком будущем грозит лишить его на вечные времена возможности притязать на какое бы то ни было жалование, харчи и прочее, он нечленораздельным бормотанием выразил свой протест и повалил мистера Вена Эллена на пол. Так как этот джентльмен уцепился руками за его шарф, то мистеру Мартину ничего не оставалось, как последовать за ним. Оба барахтались на полу, как вдруг дверь распахнулась настежь и появились еще двое нежданных-негаданных гостей, а именно мистер Пиквик и мистер Сэмюел Уэллер.

При виде разыгравшейся сцены мистер Уэллер тотчас вообразил, будто мистер Мартин нанят заведением Сойера, преемника Нокморфа, и должен принимать сильно действующие лекарства, устраивать припадки и быть объектом экспериментов или глотать время от времени яд, дабы испытать силу новых противоядий, – словом, проделывать нечто такое, что способствует прогрессу великой науки – медицины – и удовлетворяет неукротимый дух любознательности, пылающий в груди двух молодых ее служителей. Посему, не делая попытки вмешаться, Сэм преспокойно стоял и смотрел, словно был чрезвычайно заинтересован результатами происходящего эксперимента. Иначе вел себя мистер Пиквик. С присущей ему энергией он мгновенно бросился к борцам и громко воззвал к зрителям, требуя их вмешательства.

Это привело в себя мистера Боба Сойера, который до сей поры был совершенно парализован буйным припадком своего приятеля. С помощью этого джентльмена мистер Пиквик поставил на ноги Вена Эллена. Мистер Мартин, оставшись на полу один, встал сам и начал озираться.

– Мистер Эллен! – сказал мистер Пиквик. – Что с вами, сэр?

– Ничего, сэр, – отвечал с высокомерным презрением мистер Эллен.

– Что с ним такое? – осведомился мистер Пиквик, обращаясь к Бобу Сойеру. – Он нездоров?

Не успел Боб ответить, как мистер Бей Эллен схватил мистера Пиквика за руку и горестно прошептал: – Моя сестра, дорогой сэр, моя сестра...

– Ах, вот что! – воскликнул мистер Пиквик. – Надеюсь, мы это дело легко уладим. Ваша сестра прекрасно себя чувствует, и я явился сюда с целью...

– Очень жаль, что приходится прерывать такие приятные разговоры, как сказал король, распуская парламент, – вмешался мистер Уэллер, поглядев в стеклянную дверь, – но тут случился еще один эксперимент, сэр. Какая-то почтенная старая леди лежит на ковре и ждет вскрытия, или гальванизации, или еще какой-нибудь живительной и научной операции.

– Я совсем забыл! – воскликнул мистер Бей Эллен. – Это моя тетушка.

– Ах, боже мой! – воскликнул мистер. Пиквик. – Бедная леди! Осторожнее,

– Сэм, осторожнее!

– Странное положение для члена семьи, – заметил Сэм Уэллер, водворяя тетушку в кресло. – Эй, помощник костоправов, тащи нюхательное!

Это последнее замечание относилось к мальчику в сером, который, поручив экипаж заботам сторожа, пришел узнать о причине суматохи.. С помощью мальчика в сером, мистера Боба Сойера и мистера Бенджемина Эллена (который, напугав свою тетушку до обморока, трогательно хлопотал о приведении ее в чувство) старая леди, наконец, очнулась. Тогда мистер Бен Эллен с недоумевающим видом спросил мистера Пиквика, о чем он начал говорить, когда его столь трагически прервали.

– Надеюсь, здесь все свои? – осведомился мистер Пиквик, откашливаясь и посматривая на молчаливого человека с хмурой физиономией, который незадолго до этого правил раскормленной лошадью.

Это напомнило мистеру Бобу Сойеру, что мальчишка все еще стоит тут же, вытаращив глаза и навострив уши. Начинающий фармацевт был поднят за шиворот и выброшен за дверь, после чего Боб Сойер уведомил мистера Пиквика, что можно говорить не стесняясь.

– Ваша сестра, дорогой мой сэр, находится в Лондоне, – сообщил мистер Пиквик, обращаясь к Бенджемину Эллену. – Она здорова и счастлива.

– Мне нет дела до ее счастья, – сказал мистер Бенджемин Эллен, махнув рукой.

– А мне есть дело до ее мужа, сэр! – вмешался Боб Сойер. – Он будет иметь дело со мной, сэр, на расстоянии двадцати шагов, и я разделаюсь с ним так, сэр, с этим гнусным негодяем, что на него будет страшно смотреть!

Это был прекрасный вызов и вдобавок великодушный, но мистер Боб Сойер несколько ослабил эффект, присовокупив замечание общего порядка по поводу проломленных голов и подбитых глаз, каковые дополнения казались вульгарными по сравнению с началом речи.

– Позвольте, сэр, – сказал мистер Пиквик, – раньше, чем применять эти эпитеты к упомянутому джентльмену, рассудите хладнокровно, велика ли его вина, а главное вспомните, что он принадлежит к числу моих друзей.

– Как! – удивился Боб Сойер.

– Его имя? – крикнул Бен Эллен. – Его имя!

– Мистер Натэниел Уинкль, – ответил мистер Пиквик.

Мистер Бенджемин Эллен неторопливо раздавил каблуком свои очки, подобрал осколки и, рассовав их по трем карманам, скрестил руки, закусил губы и устремил грозный взгляд на кроткую физиономию мистера Пиквика.

– Так это вы, сэр, покровительствовали и способствовали этому браку? – осведомился, наконец, мистер Бенджемин Эллен.

– А слуга этого джентльмена, – перебила старая леди, – шнырял вокруг моего дома и старался втянуть моих слуг в заговор против их хозяйки. Мартин!

– Что прикажете? – откликнулся хмурый человек, шагнув вперед.

– Это тот самый человек, которого вы видели в переулке? О нем вы говорили мне сегодня утром?

Мистер Мартин, человек, как известно, немногословный, посмотрел на Сэма Уэллера, кивнул головой и пробурчал:

– Он самый.

Мистер Уэллер, не страдающий гордыней, дружески улыбнулся, встретив взгляд хмурого грума, и вежливо сообщил, что «встречался с ним раньше».

– И этого преданного человека я чуть было не задушил! – воскликнул мистер Бен Эллен. – Мистер Пиквик, как вы смели разрешить вашему парню принимать участие в похищении моей сестры? Я требую у вас объяснения, сэр.

– Объяснитесь, сэр! – гневно возопил Боб Сойер.

– Это заговор, – слазал Бен Эллен.

– Форменное мошенничество, – добавил мистер Боб Сойер.

– Низкий обман, – вставила старая леди.

– Надувательство, – заметил Мартин.

– Прошу вас, выслушайте меня, – заговорил мистер Пиквик, когда мистер Бен Эллен упал в кресло, в котором пускали кровь пациентам, и оросил слезами свой носовой платок. – В этом деле я никакой помощи не оказывал и только однажды присутствовал при свидании молодых людей, которого не мог предотвратить. Я считал, что мое присутствие пресечет все подозрения, какие могли бы возникнуть. Этим ограничивается мое участие, и я понятия не имел о том, что они задумали немедленно вступить в брак. Впрочем, заметьте, поспешил поправиться мистер Пиквик, – заметьте, я не говорю, что помешал бы этому браку, знай я о нем заблаговременно.

– Вы слышите, слышите? – обратился мистер Бенджемин Эллен к присутствующим.

– Надеюсь, они слышат, – кротко сказал мистер Пиквик, озираясь вокруг.

– И надеюсь, – добавил сей джентльмен, причем его лицо раскраснелось, – они будут слушать и дальше. На основании того, что было доведено до моего сведения, сэр, я утверждаю, что вы никакого права не имели насиловать чувства своей сестры, как пытались это сделать. Скорее вам следовало бы прибегнуть к нежности и терпению, чтобы заступить место более близких родных, которых она утратила в детстве. Что же касается моего молодого друга, то о нем я могу сказать следующее: с точки зрения материальных благ он занимает такое же если не лучшее – положение, как и вы, и если вы не желаете обсуждать этот вопрос с подобающей сдержанностью, я уклоняюсь от дальнейших разговоров на эту тему.

– Я бы хотел сделать несколько коротеньких замечаний в добавление к тому, что было сказано почтенным джентльменом, который только что замолчал, – произнес мистер Уэллер, выступив вперед, – а именно: один из присутствующих назвал меня парнем.

– Это не имеет ни малейшего отношения к делу, Сэм, – перебил мистер Пиквик. – Пожалуйста, замолчите.

– По этому пункту я и не собираюсь говорить, сэр, – возразил Сэм, – а речь идет вот о чем: может быть, этот джентльмен думает, что тут была какая-то старая привязанность, но ничего такого на самом деле не было. Молодая леди в самом начале знакомства сказала, что терпеть его не может. Никто ему дороги не перебивал, и дело кончилось бы для него точь-в-точь так же, даже если бы молодая леди никогда в глаза не видела мистера Уинкля. Вот что я хотел сказать, сэр, и надеюсь, что теперь я успокоил этого джентльмена.

После утешительных замечаний мистера Уэллера наступила короткая пауза. Затем мистер Бен Эллен, встав со стула, объявил, что никогда больше не увидит Арабеллы, а мистер Боб Сойер, презирая лестные заверения Сэма, поклялся жестоко отомстить счастливому супругу.

Но как раз в тот момент, когда страсти разгорелись и грозили остаться в таком состоянии, мистер Пиквик обрел могущественную союзницу в лице старой леди, которая, – по-видимому, весьма потрясенная той речью, какую он произнес в защиту ее племянницы, – рискнула высказать мистеру Бенджемину Эллену несколько утешительных мыслей в таком духе: пожалуй, в конце концов хорошо, что не случилось чего-нибудь похуже; чем меньше об этом говорить, тем скорее все уладится, и, честное слово, она не уверена, так ли уж это плохо; что сделано, того не переделаешь, и если горю ничем не поможешь, значит надо терпеть – и добавила еще немало таких же оригинальных и ободряющих доводов. На все это мистер Бенджемин Эллен отвечал, что он отнюдь не намерен оказать неуважение тетушке или кому бы то ни было из присутствующих, но если им все равно и они позволят ему поступать по-своему, то он предпочитает безумно ненавидеть свою сестру до самой смерти и даже после оной.

Наконец, когда об этом решении было заявлено раз пятьдесят, старая леди, внезапно выпрямившись и приняв величественную осанку, пожелала узнать, за какие такие провинности ей не оказывают уважения, подобающего ее возрасту и достоинству; и почему она должна просить и умолять своего собственного племянника, которого она помнит лет за двадцать пять до его рождения и знала лично, когда у него во рту не было ни единого зуба, не говоря уже о том, что она присутствовала при первой его стрижке и принимала участие во многих других чрезвычайно важных церемониях, и одно это дает ей право требовать от него любви, послушания и сочувствия до конца жизни.

Пока добрая леди распекала мистера Бена Эллена, Боб Сойер и мистер Пиквик удалились для конфиденциального разговора в соседнюю комнату, и там мистер Сойер, как было замечено мистером Пиквиком, прикладывался несколько раз к горлышку черной бутылки, под влиянием которой на его физиономии появилось беззаботное и даже веселое выражение. Наконец, он с бутылкой в руке вышел из комнаты и, выразив сожаление по поводу того, что свалял дурака, предложил тост за здоровье и благополучие мистера и миссис Уинкль, коих он, чуждый всякой зависти, готов поздравить.

Услышав эти слова, мистер Бен Эллен вдруг вскочил со стула и, схватив бутылку, откликнулся с такой готовностью на тост, что лицо у него почернело, как сама бутылка, ибо напиток отличался крепостью. Затем черная бутылка стала переходить из рук в руки, пока не опустела, вызвав столько рукопожатий и поздравлений, что даже металлическая физиономия мистера Мартина расплылась в улыбку.

– А теперь, – сказал Боб Сойер, потирая руки, – мы чудесно проведем вечер.

– Как ни досадно, но я должен вернуться в гостиницу, – возразил мистер Пиквик. – За последнее время я отвык от путешествий, и поездка чрезвычайно утомила меня.

– Не выпьете ли вы чаю, мистер Пиквик? – с покоряющей любезностью предложила старая леди.

– Благодарю вас, никак не могу, – отвечал сей джентльмен.

Дело в том, что возрастающее расположение старой леди и послужило главной причиной, побудившей мистера Пиквика удалиться. Он вспомнил миссис Бардл, и от каждого взгляда старой леди его бросало в холодный пот.

Так как мистер Пиквик решительно отказался остаться, то условились, по его инициативе, что мистер Бенджемин Эллен поедет вместе с ним к мистеру Уинклю-старшему и карета будет подана завтра к девяти часам утра. Затем мистер Пиквик распрощался и в сопровождении Сэмюела Уэллера отправился в гостиницу «Кустарник». Следует отметить, что физиономия мистера Мартина судорожно исказилась, когда он прощался с Сэмом и пожимал ему руку, и

что он выжал из себя улыбку и ругательство одновременно. На основании таких симптомов те, кто был близко знаком со странностями этого джентльмена, заключили, что он чрезвычайно доволен обществом мистера Уэллера и добивается чести более близкого с ним знакомства.

– Прикажете занять для вас отдельный кабинет, сэр? – осведомился Сэм, когда они прибыли в «Кустарник».

– Нет, не стоит, Сэм, – отвечал мистер Пиквик. Я уже пообедал в ресторане и скоро лягу спать. Посмотрите, Сэм, есть ли кто-нибудь в комнате для торговых агентов.

Мистер Уэллер отправился исполнять поручение и вскоре доложил, что там никого нет, кроме одноглазого джентльмена, который распивает подслащенный портвейн с лимоном вместе с хозяином гостиницы.

– Я присоединюсь к ним, – сказал мистер Пиквик.

– Чудной парень этот одноглазый, сэр, – сообщил мистер Уэллер, шагая впереди. – Такой чепухи наболтал хозяину, что тот хорошенько не знает, на ногах он стоит или на голове.

Когда мистер Пиквик вошел, человек, к которому относилось это замечание, сидел в дальнем углу комнаты и курил большую голландскую трубку, не спуская единственного глаза с круглолицего хозяина, жизнерадостного на вид старика. Ему он только что рассказал какую-то поразительную историю, о чем свидетельствовали отрывистые восклицания вроде: «Ну, ни за что бы не поверил! Да слыханное ли это дело! В голову бы не пришло, что такие вещи случаются!», и другие возгласы изумления, невольно вырывавшиеся у хозяина, когда он встречал пристальный взгляд одноглазого.

– Здравствуйте, сэр, – сказал одноглазый мистеру Пиквику. – Прекрасный вечер, сэр.

– О да! – отозвался мистер Пиквик, когда слуга поставил перед ним графинчик бренди и горячую воду.

Пока мистер Пиквик разбавлял бренди водой, одноглазый зорко посматривал на него и, наконец, сказал:

– Как будто я с вами уже встречался.

– Что-то не припоминаю, – отвечал мистер Пиквик.

– Ну, конечно! – сказал одноглазый. – Вы меня не знаете, а я знал двух ваших друзей, которые останавливались в итенсуиллском «Павлине» во время выборов.

– Ах, вот как! – воскликнул мистер Пиквик.

– Вот-вот, – подтвердил одноглазый. – Я рассказал им одну историю о своем приятеле Томе Смарте. Быть может, они вам говорили об этом.

– Частенько, – улыбаясь, ответил мистер Пиквик. – Кажется, это был ваш дядя?

– Нет, только друг моего дяди, – возразил одноглазый.

– А все-таки удивительный человек был этот ваш дядя, – заметил хозяин гостиницы, покачивая головой.

– Да, пожалуй, что так, – согласился одноглазый. Об этом самом дяде, джентльмены, я могу вам рассказать историю, которая вас удивит.

– Неужели? – воскликнул мистер Пиквик. – Непременно расскажите.

Одноглазый торговый агент зачерпнул стакан портвейна из чаши, выпил, затянулся голландской трубкой, крикнул Сэму Уэллеру, топтавшемуся у двери, чтобы он не уходил, если ему хочется послушать, ибо эта история отнюдь не секрет, и, уставившись единственным глазом в лицо хозяина, поведал историю, которую мы изложим в следующей главе.

ГЛАВА XLIX,

содержащая историю дяди торговою агента

«Мой дядя, джентльмены, – начал торговый агент, – был один из самых жизнерадостных, приятных и остроумных людей. Жаль, что вы его не знали, джентльмены. А впрочем, нет,

джентльмены, не жаль! Если бы вы его знали, то по законам природы были бы вы все теперь или в могиле, или во всяком случае так близко от нее, что сидели бы по домам и не показывались в обществе, а, значит, я бы лишился бесценного удовольствия беседовать сейчас с вами. Джентльмены, жаль, что ваши отцы и матери не знали моего дяди – они были бы в восторге от него – в особенности ваши почтенные маменьки, это я наверняка знаю. Если бы из многочисленных добродетелей, его украшавших, надлежало выбрать две, превосходящие все остальные, то я бы сказал, что это было искусство приготовлять пунш и петь после ужина. Простите, что я останавливаюсь на этих печальных воспоминаниях о почтенном покойнике, – не каждый день встретишь такого человека, как мой дядя.

Джентльмены, я всегда считал весьма существенным для характеристики дяди то обстоятельство, что он был близким другом и приятелем Тома Смарта, агента большой торговой фирмы „Билсон и Сдам", Кейтетон-стрит, Сити. Дядя работал у Тиггина и Уэллса, но долгое время разъезжал по тем же дорогам, что и Том. И в первый же вечер, когда они встретились, дяде по душе пришелся Том, а Тому по душе пришелся дядя. Не прошло и получаса, как они уже побились об заклад на новую шляпу, кто из них лучше приготовит кварту пунша и кто скорее ее выпьет. Дяде досталось первенство по части приготовления, но Том Смарт на половину чайной ложечки обставил дядю. Они выпили еще по кварте на брата за здоровье друг друга и с тех пор стали закадычными друзьями. Судьба делает свое дело, джентльмены, от нее не уйдешь.

На вид мой дядя был чуточку ниже среднего роста, малость потолще обыкновенной породы людей, с румянцем немножко ярче. Симпатичнейшее лицо было у него, джентльмены, похож на Панча, но подбородок и нос благообразнее. Глаза у него всегда добродушно подмигивали и поблескивали, а улыбка – не какая-нибудь бессмысленная деревянная усмешка, а настоящая веселая, открытая, благодушная улыбка – никогда не сходила с его лица. Однажды он вылетел из своей двуколки и ударился головой о придорожный столб. Он свалился, оглушенный ударом, и лицо у него было так исцарапано гравием, насыпанным возле столба, что, по собственному выражению дяди, родная мать не узнала бы его, вернись она снова на землю. И в самом деле, джентльмены, поразмыслив об этом, я тоже считаю, что она бы его не узнала: дяде было два года семь месяцев, когда она умерла, и очень возможно, что, не будь даже гравия, его сапоги с отворотами не на шутку озадачили бы добрую леди, не говоря уже о его веселой красной физиономии. Как бы там ни было, а он свалился у столба, и я не раз слыхал от дяди, что, по словам человека, который его подобрал, он и тут улыбался так весело, словно упал для собственного удовольствия, а когда ему пустили кровь и у него обнаружились слабые проблески сознания, он первым делом уселся в постели, захохотал во все горло, поцеловал молодую женщину, державшую таз, и потребовал баранью котлету с маринованными грецкими орехами. Джентльмены, он был большим любителем маринованных грецких орехов. Всегда говорил, что они придают вкус пиву, если поданы без уксуса.

В пору листопада мой дядя совершал большое путешествие, собирая долги и принимая заказы на севере: из Лондона он ездил в Эдинбург, из Эдинбурга в Глазго, из Глазго опять в Эдинбург, а оттуда на рыболовном судне в Лондон. Да будет вам известно, что вторую поездку в Эдинбург он совершал для собственного удовольствия. Бывало, отправлялся туда на неделю повидать старых друзей; позавтракает с одним, закусит с другим, пообедает с третьим, а поужинает с четвертым, и, стало быть, всю неделю занят. Не знаю, случалось ли кому из вас, джентльмены, отведать настоящий сытный шотландский завтрак, а потом среди дня закусите, бушелем устриц и выпить этак дюжину бутылок эля и один-два стаканчика виски. Если случалось, то вы согласитесь со мной, что нужна очень крепкая голова, чтобы после этого еще пообедать и поужинать.

Но, да помилует бог ваши души, дяде моему все это было нипочем! Он себя так приучил, что для него это была детская забава. Я слыхал от него, что в любой день он мог перепить уроженцев Данди и вернуться после того домой, даже не шатаясь; однако же, джентльмены, у

дандийцев такие крепкие головы и такой крепкий пунш, что крепче вряд ли вы найдете между двумя полюсами. Я слыхал, как житель Глазго и житель Данди старались перепить друг друга и пили пятнадцать часов, не вставая с места. Оба задохлись в один и тот же момент, насколько это удалось установить, и все-таки, джентльмены, если не считать этого, они были в полном порядке.

Как-то вечером, ровно за двадцать четыре часа до отплытия в Лондон, мой дядя ужинал у своего старого друга, члена городского совета Мак – имярек и еще четыре слога, – который проживал в старом Эдинбурге. Тут была жена члена городского совета, и три дочки члена городского совета, и взрослый сын члена городского совета, и трое-четверо дюжих хитрых старых шотландцев с косматыми бровями – член городского совета позвал их, чтобы почтить моего дядю и повеселиться. Ужин был превосходный. Подали копченую лососину, копченую треску, баранью голову, фаршированный бараний желудок – знаменитое шотландское блюдо, джентльмены, – о нем мой дядя говаривал, что, поданное на стол, оно всегда напоминает ему живот купидона, – и еще много разных вещей, очень вкусных, хотя я и позабыл, как они называются. Девицы были хорошенькие и симпатичные, жена члена городского совета – чудеснейшее создание в мире, а мой дядя был в прекраснейшем расположении духа. И вот весь вечер молодые леди хихикали и визжали, старая леди громко смеялась, а член городского совета и другие старики непрерывно хохотали так, что даже побагровели. Что-то не припоминаю, сколько стаканов тодди[149] выпил каждый после ужина, но мне известно, что около часу ночи взрослый сын члена городского совета затянул было первый куплет „Вот Уилли пива наварил", но впал в беспамятство, а так как за последние полчаса только он да дядя были видны над столом красного дерева, то дяде моему пришло в голову, что пора подумать и об уходе – ведь пить-то начали с семи часов вечера, чтобы дядя мог вовремя попасть домой. Но, рассудив, что невежливо будет уйти внезапно, дядя сам себя выбрал в председатели, приготовил еще стаканчик тодди, встал, чтобы произнести тост за свое собственное здоровье, обратился к самому себе с блестящей хвалебной речью и выпил с большим энтузиазмом. Однако никто не проснулся. Тогда мой дядя пропустил еще стаканчик, на этот раз не разбавляя водой, чтоб тодди ему не повредило, и, схватив шляпу, вышел на улицу.

Ночь была ненастная. Захлопнув за собой дверь, дядя покрепче нахлобучил шляпу, чтобы не сорвало ветром, засунул руки в карманы и воззрился на небо, желая определить, какова погода. Облака неслись с головокружительной быстротой, то застилая луну, то позволяя ей красоваться во всем великолепии и заливать светом окрестности, то с возрастающей быстротой заволакивая ее снова и окутывая мраком все вокруг. „Этак не годится, – сказал мой дядя, обращаясь к непогоде, словно она нанесла ему личное оскорбление. – Такая погода не годится для моего путешествия. Никак не годится", – внушительно сказал дядя. Повторив это несколько раз, он не без труда восстановил равновесие – так долго он глазел на небо, что у него голова закружилась, – и весело тронулся в путь.

Дом члена городского совета был в Кенонгете, а дядя направился в дальний конец Лит-уока, за милю с лишним. По обеим сторонам дороги были разбросаны поднимавшиеся к темному небу высокие хмурые дома, с потемневшими фасадами и окнами, которые как будто разделяли участь человеческих глаз и, казалось, потускнели и запали от старости. Дома были в шесть, семь, восемь этажей; этаж громоздился на этаж, – так дети строят карточные домики, – отбрасывая темные тени на неровную мостовую и сгущая мрак черной ночи. Несколько фонарей горело на большом расстоянии друг от друга, но они служили только для того, чтобы освещать грязный проход в какой-нибудь узкий тупик или общую лестницу с крытыми и извилистыми поворотами, ведущую в верхние этажи. Равнодушно посматривая вокруг, как человек, который не раз все это видел и не считает достойным особого внимания, дядя шагал посреди улицы, засунув большие пальцы в карманы жилета, и, услаждая себя обрывками разных песен, распевал с таким жаром и воодушевлением, что мирные честные обыватели пробуждались от первого сна и дрожали в своих постелях, пока звуки не замирали

вдали. Затем, решив, что это какой-нибудь пьяный бездельник возвращается домой, они укутывались потеплее и снова погружались в сон.

Джентльмены, я описываю с такими подробностями, как мой дядя шествовал посреди улицы, засунув пальцы в жилетные карманы, ибо, как он сам частенько говаривал (и не без оснований), в этой истории нет ничего поразительного, если вы сразу не усвоите, что дядя отнюдь не был в мечтательном или романтическом расположении духа.

Итак, засунув пальцы в жилетные карманы, шествовал дядя посреди улицы, распевая то любовную, то застольную песню, а когда это ему надоедало, он мелодически насвистывал, пока не дошел до Северного моста, который соединяет старый Эдинбург с новым. Тут он на минуту остановился, чтобы полюбоваться странными, беспорядочными скоплениями огоньков, нагроможденных друг на друга и мерцавших высоко в воздухе, словно звезды, со стен замка с одной стороны и с высот Колтон-хилла – с другой, как будто они освещали подлинные воздушные замки. Внизу, в глубоком мраке, спал тяжелым сном старый живописный город, Холирудский дворец и часовня, охраняемые днем и ночью, как говаривал один приятель дяди, Троном старого Артура, мрачным и темным, вздымающимся, как хмурый гений, над древним городом, который он так долго сторожит. Повторяю, джентльмены, дядя остановился здесь на минуту, чтобы осмотреться, а затем, отпустив комплимент погоде, которая начала проясняться, хотя луна уже заходила, продолжал путь все так же величественно: держался с большим достоинством середины дороги и, казалось, весьма не прочь был встретить кого-нибудь, кто бы вздумал оспаривать его права на эту дорогу. Однако случилось так, что никто не расположен был затевать спор, и дядя, засунув пальцы в жилетные карманы, шел мирно, как ягненок.

Дойдя до конца Лит-уока, он должен был миновать большой пустырь, отделявший его от переулка, куда ему предстояло свернуть, чтобы добраться до дому. В ту пору этот пустырь был огорожен и принадлежал какому-то колесному мастеру, который заключил контракт с почтовым ведомством на покупку старых, поломанных почтовых карет. Дяде моему – большому любителю карет старых, молодых и среднего возраста – вдруг взбрело в голову свернуть с дороги только для того, чтобы поглазеть на эти кареты сквозь щель в заборе. Он помнил, что их там было штук десять – двенадцать, ветхих и разваливающихся. Джентльмены, мой дядя был человек восторженный и впечатлительный; убедившись, что в щель плохо видно, он перелез через забор и, преспокойно усевшись на старую ось, начал задумчиво разглядывать почтовые кареты.

Их было не меньше дюжины, – дядя хорошенько не помнил и никогда не называл точной цифры, ибо был он на редкость аккуратен по части цифр. Как бы там ни было, но они стояли тут, сбитые в кучу, и находились в самом жалком состоянии. Дверцы были сняты с петель и унесены; обивка содрана, лишь кое-где сохранились обрывки, державшиеся на ржавых гвоздях; фонарей не было, дышла давным-давно исчезли, железо заржавело, краска облезла; ветер свистел сквозь щели в деревянных остовах, а вода, скопившаяся на крышах, стекал внутрь, и капли падали с глухим меланхолическим стуком. Это были гниющие скелеты умерших карет, и в безлюдном месте, в ночное время, они производили тяжелое, гнетущее впечатление.

Дядя опустил голову на руки и задумался о тех энергических торопившихся куда-то людях, которые в былые времена разъезжали в этих старых каретах, а теперь изменились так же, как они. Думал о тех, кому эти дряхлые, разрушающиеся экипажи привозили в течение многих лет изо дня в день, во всякую погоду ожидаемую весточку, желанный денежный перевод, сведения о здоровье и благополучии, нежданное сообщение о болезни и смерти. Купец, влюбленный, жена, вдова, мать, школьник, даже маленький ребенок, бежавший к двери на стук почтальона, – с каким нетерпением ждали они прибытия старой кареты! А где они теперь?

По уверению дяди, джентльмены, он обо всем этом успел тогда подумать, но я подозреваю, что он это вычитал позднее из какой-нибудь книжки. Он сам говорил, что задремал, сидя на старой колесной оси и глядя на развалившиеся почтовые кареты, а

проснулся, когда церковный колокол глухо ударил два раза. А ведь дядя всегда был тугодумом, и если б он успел обо всем поразмыслить, я не сомневаюсь, он думал бы по меньшей мере до половины третьего. Вот почему, джентльмены, я решительно придерживаюсь того мнения, что дядя задремал, ровно ни о чем не думая.

Как бы там ни было, а на церковной колокольне пробило два часа. Дядя проснулся, протер глаза и в изумлении вскочил.

Как только пробили часы, на этом безлюдном, тихом пустыре закипела жизнь и поднялась суматоха. Дверцы старых карет снова висели на петлях, появилась обивка, железные части блестели, как новые, краска вернулась на свое место, фонари были зажжены, подушки и плащи лежали на козлах, носильщики совали пакеты в ящики, кондуктора прятали почтовые сумки, конюхи поливали водой починенные колеса, какие-то люди суетились, прилаживая дышла к каретам; появились пассажиры, привязывали чемоданы, впрягали лошадей, короче, было совершенно ясно, что все эти почтовые кареты вот-вот тронутся в путь. Джентльмены, дядя так широко раскрыл глаза, что до последней минуты своей жизни не переставал удивляться, как ему удалось снова их закрыть.

– Ну, что же вы стоите? – раздался голос, и дядя почувствовал, как чья-то рука опустилась ему на плечо. – Для вас оставлено одно место внутри. Полезайте.

– Для меня? – оглядываясь, воскликнул дядя.

– Да, конечно.

Джентльмены, дядя не нашелся что ответить – так он был изумлен. А самым диковинным было то, что хотя здесь собралась целая толпа и каждую секунду появлялись новые лица, но немыслимо было сказать, откуда они взялись. Казалось, они каким-то чудесным образом выскакивали из-под земли или возникали из воздуха и так же точно исчезали. Носильщик, положив вещи в карету и получив плату, поворачивался и скрывался из виду, и не успевал дядя поразмыслить о том, куда он делся, как уже появлялось с полдюжины носильщиков, сгибавшихся под тяжестью тюков, которые, казалось, вот-вот их раздавят. А как чудно были одеты пассажиры! В длинных широкополых кафтанах с широкими манжетами и без воротничков, и в париках, джентльмены, в настоящих больших париках с бантом на косичках. Дядя ровно ничего не понимал.

– Ну, что же, вы намерены садиться? – спросил человек, который уже обращался к дяде. Он был в костюме кондуктора почтовой кареты, в парике и в кафтане с большущими манжетами. В одной руке он держал фонарь, а в другой огромный мушкет, который собирался спрятать в ящик. – Намерены вы садиться, Джек Мартин? – повторил кондуктор, поднося фонарь к лицу дяди.

– Что?! – попятившись, воскликнул дядя. – Это еще что за фамильярность?

– Так значится в списке пассажиров, – отвечал кондуктор.

– А не значится ли там еще „мистер“? – осведомился дядя.

Джентльмены, он считал, что называть его Джеком Мартином было со стороны незнакомого кондуктора дерзостью, которой не допустила бы почтовая контора, если бы она была об этом осведомлена.

– Нет там мистера, – холодно отвечал кондуктор.

– А за билет заплачено? – полюбопытствовал дядя.

– Конечно, – ответил кондуктор.

– Ах, вот оно что! – сказал дядя. – Ну, значит, в путь. Которая карета?

– Вот она, – отозвался кондуктор, указывая на старомодную карету Эдинбург – Лондон со спущенной подножкой и открытой дверцей. – Постойте! Еще пассажиры! Пропустите их.

Едва кондуктор выговорил эти слова, как перед самым носом дяди появился молодой джентльмен в напудренном парике и небесно-голубом кафтане с серебряными галунами и

очень широкими фалдами на холщовой подкладке. Тиггин и Уэллс, джентльмены, торговали набивными тканями и жилетами, и, стало быть, мой дядя сразу разобрался во всех этих материях. На нем были короткие штаны, какие-то странные гамаши, подвернутые над шелковыми чулками, туфли с пряжками, кружевные манжеты, на голове треуголка, а сбоку длинная шпага, суживающаяся к концу. Жилет спускался ему на бедра, а концы галстука доходили до пояса. Он торжественно приблизился к дверце кареты, снял шляпу и держал ее над головой в вытянутой руке, оттопырив мизинец, как это делают иные жеманные люди, поднося к губам чашку чаю; затем он щелкнул каблуками, важно отвесил низкий поклон и протянул левую руку. Дядя хотел было шагнуть вперед и крепко пожать ее, как вдруг заметил, что эти знаки внимания относились не к нему, а к молодой леди в старомодном зеленом бархатном платье с длинной талией и корсажем, внезапно появившейся у подножки кареты. Вместо шляпы, джентльмены, ее голову покрывал черный шелковый капюшон. Собираясь сесть в карету, она на секунду оглянулась, и такого красивого личика, как у нее, дядя никогда не видывал даже на картинках. Она села в карету, придерживая одной рукой платье; и, – как говаривал мой дядя, подкрепляя свои слова ругательством, когда рассказывал эту историю, – он ни за что бы не поверил, что могут быть на свете такие прелестные ножки, если бы не видел их собственными глазами. Но когда мелькнуло передним это прекрасное лицо, дядя заметил, что молодая леди бросила на него умоляющий взгляд и казалась испуганной и огорченной. Увидел он также, что молодой человек в напудренном парике, несмотря на всю свою показную галантность, весьма утонченную и благородную, крепко схватил молодую леди за руку, когда она садилась в карету, и влез тотчас же вслед за ней. С ними отправлялся на редкость безобразный человек в прилизанном коричневом парике, в лиловом костюме, в сапогах, доходивших до бедер, и с очень большим палашом. А когда он уселся рядом с молодой леди, которая забилась в угол, подальше от него, дядя утвердился в первоначальной своей догадке, что тут происходит нечто мрачное и таинственное, или, как он сам говаривал: тут что-то развинтилось. Остается только удивляться, с какой быстротой он принял решение в случае опасности помочь молодой леди, если она будет нуждаться в помощи.

– Смерть и молния! – воскликнул молодой джентльмен, хватаясь за шпагу, когда дядя влез в карету.

– Кровь и гром! – заревел другой джентльмен.

С этими словами он выхватил свой палаш и без лишних церемоний сделал выпад против дяди. У дяди не было при себе оружия, но он очень ловко сорвал с головы безобразного джентльмена треуголку и, насадив ее на кончик его палаша, крепко зажал руками и не отпускал.

– Проколите его сзади! – крикнул безобразный джентльмен своему спутнику, пытаясь высвободить палаш.

– Не советую! – отозвался дядя, грозно поднимая ногу. – Я мозги у него вышибу или голову ему проломлю, если мозгов у него нет.

Понатужившись, мой дядя вырвал палаш из рук безобразного джентльмена и вышвырнул его в окно кареты, после чего джентльмен помоложе снова провозгласил: „Смерть и молния!“ – я очень грозно опустил руку на эфес шпаги, однако не вытащил ее из ножен. Быть может, – как говорил с улыбкой дядя, – быть может, он боялся испугать леди.

– Ну-с, джентльмены, – сказал дядя, преспокойно усаживаясь, – в присутствии леди я не хочу никакой смерти, ни с молнией, ни без нее, а крови и грома хватит с нас на одно путешествие. Поэтому, если вам угодно, будем сидеть на своих местах, как мирные путешественники. Эй, кондуктор, подайте этому джентльмену его нож!

Как только дядя выговорил эти слова, кондуктор появился у окна кареты, держа в руке палаш. Он поднял фонарь, протягивая палаш, внимательно посмотрел в лицо моему дяде, а дядя при свете фонаря увидел, к большому своему удивлению, великое множество

кондукторов, столпившихся у окна, – и все до единого смотрели на него очень внимательно. Он отроду не видывал такого величества бледных лиц, красных кафтанов и зорких глаз.

„Такой диковинной штуки никогда еще со мной не бывало‟, – подумал дядя.

– Разрешите вернуть вам вашу шляпу, сэр.

Безобразный джентльмен молча взял свою треуголку, вопросительно посмотрел на продырявленную тулью и, наконец, водрузил ее на макушку своего парика с большой торжественностью, хотя эффект был слегка испорчен тем, что в этот момент он оглушительно чихнул, и шляпа снова слетела.

– В дорогу! – крикнул кондуктор с фонарем, влезая на маленькое заднее сиденье.

И они тронулись в путь. Когда они выехали со двора, дядя посмотрел в окно и увидел, что остальные кареты с кучерами, кондукторами, лошадьми и пассажирами в полном составе разъезжают по кругу со скоростью примерно пяти миль в час. Дядя пришел в бешенство, джентльмены. Как человек, занимавшийся коммерцией, он знал, что мешки с почтой – не игрушка, и решил уведомить об этом почтамт, как только прибудет в Лондон.

Впрочем, в данный момент его мысли были заняты молодой леди, которая сидела в дальнем углу кареты, надвинув на лицо капюшон. Джентльмен в небесно-голубом кафтане сидел против нее, а человек в лиловом костюме рядом с ней, и оба не спускали с нее глаз. Стоило зашелестеть складкам капюшона, и дядя слышал, как безобразный человек хватается за палаш, а по громкому дыханию другого джентльмена угадывал (в темноте он не видел его лица), как тот пыжится, словно хочет ее проглотить. Это раздражало дядю все больше и больше, и будь что будет, а он решил разузнать, в чем тут дело. Он был восторженным поклонником блестящих глаз, красивых лиц и хорошеньких ножек, короче говоря – питал слабость к прекрасному полу. Это у нас в роду, джентльмены, – я и сам таков.

Дядя прибегал к разным уловкам, чтобы привлечь внимание леди или хотя бы завязать разговор с таинственными джентльменами. Все было тщетно: джентльмены не желали разговаривать, а леди не осмеливалась. Он не раз высовывался из окна кареты и кричал во всю глотку, осведомляясь, почему они так медленно едут. Но он мог орать до хрипоты – никто не обращал на него ни малейшего внимания. Тогда он откинулся на спинку сиденья и задумался о красивом лице и хорошеньких ножках. Дело пошло на лад: он не замечал, как летит время, и не задавал себе вопросов, куда он едет и каким образом очутился в таком странном положении. Впрочем, это и не могло особенно его беспокоить – он был широкой натурой, бродягой, бесшабашным малым. Да, таков он был, джентльмены.

Вдруг карета остановилась.

– Эй! – воскликнул дядя. – Это еще что за новости?

– Вылезайте здесь, – сказал кондуктор, откидывая подножку.

– Здесь? – вскричал дядя.

– Здесь, – подтвердил кондуктор.

– Я и не подумаю вылезать, – заявил дядя.

– Ладно, оставайтесь, – сказал кондуктор.

– Останусь, – объявил дядя.

– Дело ваше, – сказал кондуктор.

Остальные пассажиры внимательно прислушивались к этому диалогу. Убедившись, что дядя решил не выходить, молодой джентльмен протиснулся мимо него, намереваясь высадить леди. В это время безобразный человек созерцал дыру в тулье своей треуголки. Проходя мимо дяди, молодая леди уронила ему на руку перчатку и, наклонившись к нему так близко, что он почувствовал на своем носу ее горячее дыхание, шепнула одно только слово: „Помогите!‟ Джентльмены! Дядя тотчас же выскочил из кареты с таким азартом, что она подпрыгнула на рессорах.

– А, так, значит, вы передумали, – сказал кондуктор, увидев, что дядя стоит перед ним.

Дядя несколько секунд смотрел на кондуктора, подумывая о том, что, пожалуй, не худо было бы вырвать у него мушкет, выстрелить в лицо человеку с большим палашом, другого ударить прикладом по голове, схватить молодую леди и, воспользовавшись суматохой, удрать. Но, поразмыслив, он отверг этот план, показавшийся ему слишком мелодраматическим, и последовал за двумя таинственными джентльменами, входившими в старый дом, перед которым остановилась карета. Шагая по обе стороны молодой леди, они свернули в коридор, и дядя пошел за ними.

Такого ветхого унылого дома дядя никогда еще не видывал. Вероятно, здесь была когда-то большая гостиница, но теперь крыша во многих местах провалилась, а лестницы были крутые, со стертыми и сбитыми ступенями. В комнате, куда они вошли, находился большой камин, почерневший от дыма, но не пылал в нем яркий огонь. Зола еще лежала белыми хлопьями в очаге, но камин был холодный, а все вокруг казалось унылым и мрачным.

– Недурно! – сказал дядя, озираясь по сторонам. – Почтовая карета подвигается со скоростью шести с половиной миль в час и останавливается неведомо на какой срок в такой дыре. Это не по правилам. Об этом будет сообщено. Я напишу в газеты.

Дядя говорил довольно громко и непринужденно, желая втянуть в разговор двух незнакомцев. Но те не обращали на него внимания и только перешептывались и хмуро косились в его сторону. Леди находилась в другом конце комнаты и один раз осмелилась сделать ему знак рукой, словно взывая о помощи.

Наконец, двое незнакомцев подошли к дяде, и разговор завязался всерьез.

– Должно быть, любезный, вам неизвестно, что этот кабинет заказан? – начал джентльмен в небесно-голубом.

– Да, любезный, неизвестно, – отвечал дядя. – Но если таков отдельный кабинет, специально заказанный, то могу себе представить, сколь комфортабелен общий зал.

С этими словами дядя уселся на стул с высокой спинкой и смерил глазами джентльмена так, что Тиггин и Уэллс могли бы снабдить его по этой мерке набивной материей на костюм и не ошиблись бы ни на дюйм.

– Убирайтесь вон! – сказали в один голос незнакомцы, хватаясь за шпаги.

– Что такое? – откликнулся дядя, притворяясь, будто ровно ничего не понимает.

– Убирайтесь отсюда, пока живы! – крикнул безобразный человек, выхватывая свой огромный палаш из ножен и рассекая им воздух.

– Смерть ему! – провозгласил джентльмен в небесно-голубом, также выхватывая шпагу и отступая на два-три шага. – Смерть ему!

Леди громко вскрикнула.

Дядя мой всегда отличался большой храбростью и присутствием духа. Притворясь равнодушным к тому, что здесь происходит, он украдкой огляделся, отыскивая какой-нибудь метательный снаряд или оружие для зашиты, и в тот самый момент, когда были обнажены шпаги, заметил в углу у камина старую рапиру в заржавленных ножнах. Одним прыжком дядя очутился возле нее, выхватил ее из ножен, молодецки взмахнул ею над головой, попросил молодую леди отойти в сторону, швырнул стул в небесно-голубого джентльмена, а ножны – в лилового и, воспользовавшись смятением, напал на обоих сразу.

Джентльмены! В одном старом анекдоте – совсем не плохом, хотя и правдоподобном, юный ирландский джентльмен на вопрос, умеет ли он играть на скрипке, ответил, что нимало в этом не сомневается, но утверждать не смеет, ибо ни разу не пробовал. Это можно применить к моему дяде и его фехтованию. До сей поры он держал шпагу в руках один только раз, когда играл Ричарда Третьего в любительском спектакле, но тогда он условился с Ричмондом, что тот, даже и не пытаясь драться, даст проколоть себя сзади. А сейчас он вступил в бой с двумя

опытными фехтовальщиками: рубил, парировал, колол и проявлял замечательное мужество и ловкость, хотя до сего дня даже и не подозревал, что имеет какое-то представление об этой науке. Джентльмены, это только доказывает справедливость старого правила: человек никогда не знает, на что он способен, до тех пор, пока не проверит на деле.

Шум битвы был ужасный: все три бойца ругались, как кавалеристы, а шпаги скрещивались с таким звоном, словно все ножи и все стальные орудия Ньюпортского рынка ударялись друг о друга. В разгар боя леди (несомненно с целью воодушевить дядю) откинула капюшон и открыла такое ослепительно прекрасное лицо, что дядя готов был драться с пятьюдесятью противниками только бы заслужить ее улыбку, а потом умереть. Он и до этого момента совершал чудеса храбрости, а теперь начал сражаться, как взбешенный великан.

В этот самый момент джентльмен в небесно-голубом оглянулся, увидел лицо молодой леди, не прикрытое капюшоном, вскрикнул от злобы и ревности и, направив оружие в ее прекрасную грудь, сделал выпад, целясь ей в сердце. Тут мой дядя испустил такой отчаянный вопль, что дом задрожал. Леди проворно отскочила в сторону, и не успел молодой человек обрести потерянное равновесие, как она уже выхватила у него оружие, оттеснила его к стене и, вонзив шпагу по самую рукоятку, пригвоздила его крепко-накрепко к стене.

Это был подвиг доселе невиданный. С торжествующим криком дядя, обнаруживая непомерную силу, заставил своего противника отступить к той же стене и, вонзив старую рапиру в самый центр большого красного цветка на его жилете, пригвоздил его рядом с другом. Так они оба и стояли, джентльмены, болтая в агонии руками и ногами, словно игрушечные паяцы, которых дергают за веревочку. Впоследствии дядя говаривал, что это наивернейший способ избавиться от врага; против этого способа можно привести только одно возражение: он вводит в расходы, ибо на каждом выведенном из строя противнике теряешь по шпаге.

– Карету, карету! – закричала леди, подбегая к дяде и обвивая его шею прекрасными руками. – Мы можем еще ускользнуть.

– Можем? – повторил дядя. – Дорогая моя, но ведь и убивать-то больше некого!

Дядя был слегка разочарован, джентльмены: он находил, что тихая любовная сцена после ратоборства была бы весьма приятна, хотя бы для разнообразия.

– Мы не можем медлить ни секунды, – возразила молодая леди. – Он (она указала на молодого джентльмена в небесно-голубом) – единственный сын могущественного маркиза Филтувилля.

– В таком случае, дорогая моя, боюсь, что он никогда не наследует титула, – заявил мой дядя, хладнокровно посматривая на молодого джентльмена, который, как я уже сказал, стоял пришпиленный к стене, словно майский жук. Вы пресекли этот род, моя милая.

– Эти негодяи насильно увезли меня от родных и друзей, – сказала молодая леди, раскрасневшись от негодования. – Через час этот злодей женился бы на мне против моей воли.

– Какая наглость! – воскликнул дядя, бросая презрительный взгляд на умирающего наследника Филтувилля.

– На основании того, что вы видели, – продолжала молодая леди, – вы могли догадаться, что они сговорились меня убить, если я обращусь к кому-нибудь за помощью. Если их сообщники найдут нас здесь, мы погибли! Быть может, еще две минуты – и будет поздно. Карету!

От волнения и чрезмерного усилия, которое потребовалось для пригвождения маркиза, она упала без чувств в объятия дяди. Он подхватил ее и понес к выходу. У подъезда стояла карета, запряженная четверкой вороных коней с длинными хвостами и развевающимися гривами, но не было ни кучера, ни кондуктора, ни конюха.

Джентльмены! Надеюсь, я не опорочу памяти дяди, если скажу, что, хотя он был холостяком, ему и раньше случалось держать в своих объятиях леди. Я уверен даже, что у него

была привычка целовать трактирных служанок, а один-два раза свидетели, достойные доверия, видели, как он, на глазах у всех, обнимал хозяйку трактира. Я упоминаю об этом факте, дабы пояснить, каким удивительным созданием была эта прекрасная молодая леди, если она произвела такое впечатление на дядю. Он говорил, что почувствовал странное волнение и ноги у него задрожали, когда ее длинные черные волосы свесились через его руку, а прекрасные темные глаза остановились на его лице, как только она очнулась. Но кто может смотреть в кроткие, нежные темные глаза и не почувствовать волнения? Я лично не могу, джентльмены. Я знаю такие глаза, в которые боюсь смотреть, и это сущая правда.

– Вы меня никогда не покинете? – прошептала молодая леди.

– Никогда, – сказал дядя. И говорил он искренне.

– Мой милый защитник! – воскликнула молодая леди. – Мой милый, добрый, храбрый защитник!

– Не говорите так, – перебил дядя.

– Почему? – спросила молодая леди.

– Потому что у вас такие прелестные губки, когда вы это говорите, – отвечал дядя. – Боюсь, что у меня хватит дерзости поцеловать их.

Молодая леди подняла руку, словно предостерегая дядю от такого поступка, и сказала... Нет, она – ничего не сказала, она улыбнулась. Когда вы смотрите на очаровательнейшие губки в мире и видите, как они складываются в лукавую улыбку, видите их близко, и никого нет при этом, вы наилучшим образом можете доказать свое восхищение их безукоризненной формой и цветом, если тотчас же их поцелуете. Дядя так и сделал, и за это я его уважаю.

– Слушайте! – встрепенувшись, воскликнула молодая леди. – Стук колес и топот лошадей!

– Так и есть! – прислушиваясь, согласился мой дядя.

Он привык различать стук колес и копыт, но сейчас приближалось к ним издалека такое множество лошадей и экипажей, что немыслимо было угадать их количество. Судя но грохоту, катило пятьдесят карет, запряженных каждая шестеркой превосходных коней.

– Нас преследуют! – воскликнула молодая леди, заламывая руки. – Нас преследуют! Одна надежда на вас.

На ее прекрасном лице отразился такой испуг, что дядя немедленно принял решение. Он посадил ее в карету, попросил ничего не бояться, еще раз прижался губами к ее губкам, а затем, посоветовав ей поднять оконную раму, так как было холодно, взобрался на козлы.

– Милый, подождите! – крикнула молодая леди.

– Что случилось? – осведомился дядя с козел.

– Мне нужно сказать вам кое-что, – пояснила молодая леди. – Одно слово! Только одно слово, дорогой мой.

– Не слезть ли мне? – спросил дядя.

Молодая леди ничего не ответила, но снова улыбнулась. И как улыбнулась, джентльмены! По сравнению с этой улыбкой первая никуда не годилась. Мой дядя по мгновение ока спрыгнул со своего насеста.

– В чем дело, милочка? – спросил оп, заглядывая в окно кареты.

Случилось так, что в то же самое время леди наклонилась к окну, и моему дяде она показалась еще красивее, чем раньше. Они находились очень близко друг от друга, джентльмены, и, стало быть, он никак не мог ошибиться.

– В чем дело, милочка? – спросил мой дядя.

– Вы не будете любить никого, кроме меня, вы не женитесь на другой? – спросила молодая леди.

Дядя торжественно поклялся, что никогда ни на ком другом не женится. Тогда молодая леди откинулась назад и подняла окно. Дядя вскочил на козлы, расставил локти, подхватил вожжи, схватил с крыши кареты длинный бич, хлестнул переднюю лошадь, и вороные кони с длинными хвостами и развевающимися гривами помчались, покрывая пятнадцать добрых английских миль в час и увлекая за собой почтовую карету. Ого! Ну и летели же они!

Грохот позади усиливался. Чем быстрее катилась старая карета, тем быстрее мчались преследователи. Люди, лошади, собаки участвовали в погоне. Шум был оглушительный, но еще громче звенел голос молодой леди, понукавшей дядю и кричавшей: „Скорей, скорей!"

Они неслись мимо темных деревьев, словно перышки, подхваченные ураганом. Мимо домов, ворот, церквей, стогов сена они летели с быстротой и грохотом бурного потока, вырвавшегося на волю. Но шум погони нарастал, и дядя все еще слышал дикие вопли молодой леди: „Скорей, скорей!"

Мой дядя не жалел бича, лошади рвались вперед и побелели от пены, а погоня все приближалась, и молодая леди кричала: „Скорей, скорей!" В этот критический момент дядя изо всех сил ударил ногой по ящику под козлами и... увидел, что настало серое утро, а он сидит во дворе колесного мастера, на козлах старой эдинбургской почтовой кареты, дрожит от холода и сырости и топает ногами, чтобы согреться. Он слез с козел и нетерпеливо заглянул в карету, отыскивая прекрасную молодую леди. Увы! У кареты не было ни дверцы, ни сиденья. Остался один остов.

Конечно, дядя прекрасно понимал, что тут кроется какая-то тайна и все произошло именно так, как он рассказывал. Он остался верен великой клятве, которую дал прекрасной молодой леди, – отказался ради нее от нескольких трактирщиц, очень выгодных партий, и в конце концов умер холостяком. Он всегда вспоминал, как чудно это вышло, когда он, совершенно случайно перемахнув через забор, узнал, что призраки старых почтовых карет, лошадей, кондукторов, кучеров и пассажиров имеют обыкновение путешествовать каждую ночь. К этому он присовокупил, что, по его мнению, он был единственным живым существом, которому довелось участвовать как пассажиру в одной из таких поездок. И мне кажется, он был прав, джентльмены, – по крайней мере я ни о ком другом никогда не слышал».

– Хотел бы я знать, что возят в почтовых сумках эти призраки карет? – промолвил хозяин гостиницы, который с большим вниманием слушал рассказ.

– Конечно, мертвые письма[150], – ответил торговый агент.

– Ах, вот оно что! – воскликнул хозяин. – Мне это не приходило в голову.

ГЛАВА L.

Как мистер Пиквик отправился исполнять поручение и как он с самого начала нашел поддержку у весьма неожиданного союзника

На следующее утро лошади были поданы ровно без четверти девять, мистер Пиквик и Сэм Уэллер заняли свои места – первый внутри кареты, а второй снаружи, – и форейтор получил приказание ехать к дому мистера Боба Сойера, чтобы захватить мистера Бенджемина Эллена.

Когда экипаж остановился у подъезда с красным фонарем и очень четкой надписью «Сойер, преемник Нокморфа», мистер Пиквик, высунувшись из окна кареты, немало удивился, заметив, что мальчик в серой ливрее старательно закрывает ставни. Столь необычайная и отнюдь не деловая процедура в этот ранний утренний час немедленно побудила его построить две догадки: либо какой-нибудь добрый друг и пациент мистера Боба Сойера скончался, либо сам мистер Боб Сойер обанкротился.

– Что случилось? – обратился мистер Пиквик к мальчику.

– Ничего не случилось, сэр, – отозвался мальчик, осклабившись до ушей.

– Все в порядке! – крикнул Боб Сойер, неожиданно появляясь в дверях с маленькой кожаной сумкой, грязной и тощей, в одной руке, и с теплым пальто и шалью, перекинутыми через другую. – Я тоже еду, старина.

– Вы? – воскликнул мистер Пиквик.

– Я, – подтвердил Боб Сойер. – Это будет настоящая экспедиция. Эй, Сэм, не зевайте!

Обратив на себя внимание мистера Уэллера, мистер Боб Сойер швырнул ему кожаную сумку, которая была немедленно спрятана под сиденье Сэмом, явно восторгавшимся всей этой сценой. Покончив с сумкой, мистер Боб Сойер с помощью мальчика кое-как натянул на себя теплое пальто, которое было на несколько номеров меньше, чем следовало, а затем, подойдя к карете, просунул голову в окно и оглушительно захохотал.

– Каков сюрприз! – воскликнул Боб, вытирая слезы обшлагом теплого пальто.

– Мой дорогой сэр, – с некоторым замешательством промолвил мистер Пиквик, – я не подозревал, что вы будете нас сопровождать.

– Ну, конечно, не подозревали, – отвечал Боб, схватив мистера Пиквика за отворот пальто. – В этом вся соль.

– В этом вся соль? – переспросил мистер Пиквик.

– Разумеется, – подтвердил Боб. – Это, знаете ли, и есть сюрприз, а моя практика пусть сама о себе позаботится, раз она решила не заботиться обо мне.

Объяснив таким образом, почему закрыты ставни, мистер Боб Сойер указал на аптеку и снова залился неудержимым смехом.

– Помилуй бог, ведь вы безумец! Как можно оставлять больных без всякой помощи? – серьезно заметил мистер Пиквик.

– Что же тут такого? – возразил Боб. – Я, знаете ли, на этом заработаю. Ни один из них не платит. И вдобавок, – продолжал Боб, понизив голос до конфиденциального шепота, – они тоже не останутся в убытке. Дело в том, что мои лекарства на исходе, а денег сейчас нет, значит мне пришлось бы давать всем поголовно каломель, и кое-кому это несомненно принесло бы вред. Итак, все к лучшему.

Ответ был философический и весьма разумный, и к этому мистер Пиквик оказался неподготовленным. Он помолчал, а затем сказал уже не столь решительным тоном:

– Друг мой, ведь карета двухместная, а я сговорился с мистером Элленом.

– Обо мне не беспокойтесь, – отвечал Боб, – я все улажу. Мы с Сэмом поместимся вдвоем на запятках. Посмотрите-ка, эта записка будет приклеена к двери: «Сойер, преемник Нокморфа. Справиться напротив, у миссис Крипс». Миссис Крипс – мать моего слуги. «Мистер Сойер очень сожалеет, – скажет миссис Крипс, – но он ничего не мог поделать: рано утром его увезли на консилиум с известнейшими хирургами... Не могли обойтись без него... Настаивали, чтобы он во что бы то ни стало приехал... Труднейшая операция». Дело в том, – прибавил в заключение Боб, – что я рассчитываю извлечь из этой поездки пользу. Если о ней напечатают в одной из местных газет, моя карьера обеспечена. А вот и Бен! Ну, полезайте!

Торопливо бросив эти слова, мистер Боб Сойер отстранил форейтора, впихнул своего друга в карету, захлопнул дверцу, поднял подножку, приклеил записку к двери, запер дверь, ключ положила карман, вскочил на запятки, отдал приказ трогаться в путь, – и все это проделал с такой необычайной стремительностью, что не успел мистер Пиквик хорошенько обсудить, следует ли мистеру Бобу Сойеру ехать с ними, как они уже отправились в дорогу, и мистер Боб Сойер окончательно и бесповоротно утвердился на своем месте.

Пока они ехали по улицам Бристоля, шутник Боб не снимал своих профессиональных зеленых очков и держал себя с подобающей важностью и солидностью, ограничиваясь остротами исключительно для увеселения мистера Сэмюела Уэллера. Но когда они выехали на дорогу, он спрятал зеленые очки, а вместе с ними солидность и начал выкидывать разные

фокусы, рассчитанные на то, чтобы привлечь внимание прохожих и сделать экипаж и пассажиров объектами, достойными повышенного интереса. Самыми невинными из этих шуточек были весьма звучное подражание корнет-а-пистону и демонстрирование малинового шелкового носового платка, привязанного к трости, которою Боб размахивал с вызывающим видом и с сознанием собственного превосходства.

– Хотел бы я знать, – сказал мистер Пиквик, прерывая спокойную беседу с Беном Элленом на тему о добродетелях его сестры и мистера Уинкля, – хотел бы я знать, почему все прохожие глазеют на нас?

– Выезд очень хорош, – не без гордости отозвался Бен Эллен. – Полагаю, им не каждый день приходится видеть такую карету.

– Возможно, – отвечал мистер Пиквик, – быть может, и так. Очень может быть. По всей вероятности, мистер Пиквик убедил бы себя в справедливости такого предположения, не выгляни он случайно из окна и не обрати внимания на то, что взгляды прохожих меньше всего выражают почтительное изумление и что между прохожими и кем-то, находившимся на крышке экипажа, наладились телеграфические переговоры. Тогда у него мелькнула мысль, что это может иметь некоторое отношение к проказам мистера Роберта Сойера.

– Надеюсь, наш легкомысленный друг никакими глупостями не занимается там, на запятках? – осведомился мистер Пиквик.

– Что вы! Конечно, нет, – успокоил его Бен Эллен. Боб – смирнейшее создание в мире, если он не навеселе.

Тут послышались протяжные звуки корнет-а-пистона, а затем восторженные крики и вопли, явно вырывавшиеся из глотки и легких смирнейшего создания в мире, или, выражаясь проще, самого мистера Боба Сойера.

Мистер Пиквик и мистер Бен Эллен многозначительно переглянулись, и первый джентльмен, сняв шапку и высунувшись из окна кареты так далеко, что чуть ли не весь его жилет очутился за окном, ухитрился, наконец, увидеть своего веселого друга.

Мистер Боб Сойер сидел не на запятках, а на крыше кареты, широко раздвинув ноги, надев набекрень шляпу Сэмюела Уэллера и держа в одной руке огромный сандвич, а в другой – солидных размеров фляжку, к которым он прикладывался по очереди с величайшим наслаждением, и для разнообразия испускал вопли и обменивался веселыми шутками с каждым встречным. Трость с малиновым флагом была привязана вертикально к перилам заднего сиденья, на коем восседал мистер Сэмюел Уэллер, щеголявший в шляпе Боба Сойера и также уплетавший двойной сандвич, причем его оживленная физиономия явно выражала полное и безоговорочное одобрение всему происходящему.

Этого было достаточно, чтобы рассердить любого джентльмена, наделенного, подобно мистеру Пиквику, чувством приличия, но положение ухудшилось еще благодаря тому, что как раз в этот момент они повстречались с пассажирской каретой, битком набитой внутри и снаружи, пассажиры которой явно выражали свое удивление. Вдобавок восторженные возгласы ирландской семьи, бежавшей за каретой мистера Пиквика и клянчившей милостыню, не отличались сдержанностью. Особенно изощрялся глава семьи, вообразивший, будто видит перед собой неотъемлемую часть политической или какой-нибудь иной торжественной процессии.

– Мистер Сойер! – крикнул мистер Пиквик в крайнем возбуждении. – Мистер Сойер! Сэр!

– Что? – откликнулся этот джентльмен, с величайшим хладнокровием свешиваясь с крыши кареты.

– Вы с ума сошли, сэр? – вопросил мистер Пиквик.

– Ничуть не бывало, – ответил Боб. – Я просто веселюсь.

– Веселитесь, сэр? – воскликнул мистер Пиквик. Я прошу вас убрать этот скандальный красный платок. Я настаиваю, сэр. Сэм, уберите!

Не успел Сэм вмешаться в дело, как мистер Боб Сойер грациозно сорвал свое знамя, сунул его в карман, учтиво поклонился мистеру Пиквику, вытер горлышко бутылки и начал переливать ее содержимое себе в глотку; тем самым, не тратя лишних слов, он дал ему пенять, что пьет за его счастье и благополучие. Покончив с этим делом, Боб заботливо заткнул бутылку пробкой и, бросив благосклонный взгляд на мистера Пиквика, откусил солидный кусок сандвича и улыбнулся.

– Послушайте, – сказал мистер Пиквик, чей мимолетный гнев не мог устоять перед непоколебимым самообладанием Боба, – прошу вас, бросьте эти глупости.

– Ладно! – согласился Боб, обменявшись шляпами с мистером Уэллером. – Мне бы это и в голову не пришло, но я так оживился от езды, что ничего не мог поделать.

– Подумайте, на что это похоже, – увещевал его мистер Пиквик. – Позаботьтесь о приличиях.

– Согласен! – отвечал Боб. – Это ни на что не похоже. Конец делу, командир! Успокоенный такими уверениями, мистер Пиквик снова спрятал голову в карету и поднял раму; но едва он возобновил разговор, прерванный мистером Бобом Сойером, как с некоторым испугом заметил какой-то маленький продолговатый темный предмет, появившийся за одном и нетерпеливо в него постукивавший, словно он добивался, чтобы его впустили.

– Что это такое? – воскликнул мистер Пиквик.

– Похоже на фляжку, – заметил Бен Эллен, с любопытством разглядывая упомянутый предмет сквозь очки. – Кажется, это фляжка Боба.

Догадка была совершенно правильная. Мистер Боб Сойер, привязав фляжку к концу трости, барабанил ею в окно, выражая желание, чтобы его друзья в карете отведали ее содержимое в добром согласии.

– Что же нам делать? – осведомился мистер Пиквик, посматривая на фляжку. – Эта выходка еще глупее прежних. – Пожалуй, лучше всего взять фляжку в карету, – ответил мистер Бен Эллен. – Поделом ему, если мы ее возьмем и оставим здесь, не правда ли?

– Пожалуй, – согласился мистер Пиквик. – Взять? – Мне кажется, это наилучший выход, – сказал Бен.

Так как этот совет вполне совпадал с точкой зрения самого мистера Пиквика, он осторожно опустил раму и отвязал фляжку от трости, после чего трость исчезла и послышался громкий смех мистера Боба Сойера.

– Какой веселый малый! – сказал мистер Пиквик, с фляжкой в руке оглядываясь на своего спутника.

– О да! – согласился мистер Эллен.

– Совершенно немыслимо сердиться на него, – заметил мистер Пиквик.

– Об этом и речи быть не может, – отвечал Бенджемин Эллен.

Пока происходил этот краткий диалог, мистер Пиквик по рассеянности откупорил фляжку.

– Что это? – равнодушно осведомился Бен Эллен.

– Не знаю, – столь же равнодушно отозвался мистер Пиквик. – Пахнет как будто молочным пуншем.

– Вот как? – сказал Бен.

– Мне так кажется, – отвечал мистер Пиквик, остерегаясь уклониться от истины. – Конечно, не отведав напитка, я не берусь его определить.

– А вы бы отведали, – посоветовал Бен. – Не мешает знать, что это такое.

– Вы думаете? – отозвался мистер Пиквик. – Ну что ж, если вам любопытно это знать, конечно я не возражаю.

Мистер Пиквик, всегда готовый жертвовать своими интересами ради друзей, тотчас же отведал напитка.

– Что это? – полюбопытствовал Бен Эллен, нетерпеливо отвлекая его от такого занятия.

– Странно! – причмокивая, сказал мистер Пиквик. – Я еще не могу определить. О да! – присовокупил он после второй пробы. – Это пунш.

Мистер Бен Эллен посмотрел на мистера Пиквика, мистер Пиквик посмотрел на мистера Бена Эллена; мистер Бей Эллен улыбнулся, мистер Пиквик был серьезен.

– Поделом ему будет, – с некоторой суровостью начал сей джентльмен, – поделом ему будет, если мы выпьем все до последней капли.

– То же самое и я подумал! – подхватил Бен Эллен.

– Неужели? – сказал мистер Пиквик. – В таком случае за его здоровье.

С этими словами сей превосходный джентльмен энергически хлебнул из фляжки и передал ее Бену Эллену, который не замедлил последовать его примеру. Теперь оба улыбались, и с молочным пуншем постепенно было покончено.

– В конце концов, – заметил мистер Пиквик, допив последние капли, – его проделки очень забавны. О да, очень смешны!

– Ну, еще бы! – согласился мистер Бей Эллен.

В доказательство того, что Боб Сойер был одним из уморительнейших ребят, он начал развлекать мистера Пиквика длинным и обстоятельным рассказом о том, как этот джентльмен однажды допился до белой горячки и ему пришлось обрить голову. Это приятное и занимательное повествование было прервано, когда карета остановилась перед гостиницей «Колокол» на Берклиевской пустоши для смены лошадей.

– Послушайте, мы здесь дообедаем? – осведомился Боб, заглядывая в окно.

– Пообедаем? – удивился мистер Пиквик. – Да ведь мы проехали только двенадцать миль, а нам остается еще восемьдесят семь с половиной.

– Вот потому-то мы и должны закусить перед утомительным путешествием, – доказывал мистер Боб Сойер.

– Мыслимое ли дело – обедать в половине двенадцатого? – возразил мистер Пиквик, взглянув на часы.

– Вы правы, – согласился Боб, – самое подходящее время для завтрака. Эй вы, сэр! Завтрак на троих, немедленно, а экипаж подождет четверть часа. Распорядитесь, чтобы подали все холодные закуски, какие тут есть, несколько бутылок эля и лучшей мадеры.

Поспешно, но с превеликой важностью отдав этот приказ, мистер Боб Сойер тотчас же устремился в дом, дабы надзирать за приготовлениями. Пяти минут не прошло, как он уже вернулся и объявил, что все идет прекрасно.

Завтрак вполне оправдал похвалу, высказанную Бобом, и не только этот последний, но и мистер Бей Эллен с мистером Пиквиком отдали ему должное. При благосклонном участии всех троих эль и мадера бистро исчезли; а когда лошади были поданы и путешественники заняли свои места, предварительно наполним фляжку наилучшим суррогатом молочного пунша, какой только можно было получить за такое короткое время, клорнет-пистон звучал, и красный флаг развевался, не вызывая ни малейшего протеста со стороны мистера Пиквика.

В гостинице «Хмелевая Жердь» в Тьюксбери они остановились пообедать. По этому случаю было выпито еще некоторое количество эля, еще некоторое количество мадеры и вдобавок некоторое количество портвейна, а фляжку наполнили в четвертый раз. От совместного действия этих возбудителей мистер Пиквик и мистер Бен Эллен спали крепким

сном на протяжении тридцати миль, а Боб и мистер Уэллер распевали на запятках дуэты. Было совсем темно, когда мистер Пиквик очнулся и выглянул из окна.

Разбросанные вдоль дороги коттеджи, грязноватая окраска всех предметов, тяжелый воздух, тропинки, усыпанные золой и кирпичной пылью, багровое зарево доменных печей вдали, густые клубы дыма, медленно выползавшие из высоких труб и заволакивавшие окрестность, отблеск далеких огней, громоздкие возы, тащившиеся по дороге и нагруженные звенящими железными прутьями или тяжелыми тюками, – все указывало на быстрое приближение к большому фабричному городу, Бирмингему.

Когда они с грохотом проезжали по узким улицам, ведущим к деловому центру, шум и суета, вызванные напряженной работой, становились все назойливее. Улицы были запружены рабочим людом. Гул, сопровождавший работу, вырывался из каждого дома, в верхних этажах все окна были освещены, а от шума колес и стука машин дрожали стены. Огни печей – их багровый отблеск был виден за много миль – ярко пылали в больших мастерских и на фабриках. Удары молота, свист пара, глухой, тяжелый грохот машин казались варварской музыкой, доносившейся из всех кварталов.

Форейтор гнал лошадей по широким улицам, мимо красивых, залитых светом магазинов, расположенных по дороге к «Старой королевской гостинице», а мистер Пиквик все еще не успел обдумать весьма трудное и щекотливое поручение, которое привело его сюда.

Щекотливость этого поручения и трудности, связанные с удовлетворительным его выполнением, отнюдь не уменьшались благодаря добровольной поддержке мистера Боба Сойера. По правде говоря, мистер Пиквик сознавал, что в данном случае не стал бы искать его общества, как бы ни было оно приятно. Мало того, он охотно отдал бы порядочную сумму за то, чтобы мистера Боба Сойера немедленно препроводили куда-нибудь подальше, этак миль за пятьдесят.

Мистер Пиквик не был лично знаком с мистером Уинклем-старшим, но раза два обменялся с ним письмами, посылая утешительные сведения в ответ на его запросы относительно нравственности и поведения его сына. Он волновался, понимая, что первый визит в сопровождении Боба Сойера и Вена Эллена, слегка подвыпивших, отнюдь не является надежнейшим и вернейшим средством снискать расположение мистера Уинкля-старшего...

«А впрочем, – размышлял мистер Пиквик, успокаивая самого себя, – я сделаю все, что в моих силах. Я должен повидаться с ним сегодня же вечером, как я твердо обещал. Если они во что бы то ни стало пожелают меня сопровождать, я по возможности сокращу свидание и буду надеяться, что они ради собственного блага постараются держать себя прилично».

Пока он утешал себя такими соображениями, карета остановилась у двери «Старой королевской гостиницы». Бена Эллена, погруженного в мертвый сон, кое-как растолкал и вытащил за шиворот мистер Сэмюел Уэллер, после чего мистер Пиквик получил возможность выйти из кареты. Их ввели в комфортабельную комнату, и мистер Пиквик поспешил осведомиться у лакея, где находится резиденция мистера Уинкля.

– Совсем близко, сэр, – ответил лакей, – ярдах в пятистах, не больше, сэр. Мистер Уинкль – владелец пристани на канале, сэр. А дом, где он проживает... Да что я говорю, сэр! И пятисот ярдов не будет, сэр!

Лакей задул свечу и сделал вид, будто хочет снова зажечь ее, чтобы предоставить мистеру Пиквику возможность задать еще какой-нибудь вопрос, буде он того пожелает.

– Не хотите ли закусить, сэр? – спросил лакей, зажигая свечу и приходя в уныние от молчания мистера Пиквика. – Чаю или кофе, сэр? Обед, сэр?

– Сейчас ничего не надо.

– Слушаю, сэр. Прикажете заказать ужин, сэр?

– Нет, не сейчас.

– Слушаю, сэр.

Неслышными шагами он направился к двери, но затем остановился, оглянулся и вкрадчиво спросил:

– Не прикажете ли прислать вам горничную, джентльмены?

– Пришлите, если вам угодно, – отвечал мистер Пиквик.

– Если вам угодно, сэр.

– И принесите содовой воды, – сказал Боб Сойер.

– Содовой воды, сэр? Слушаю, сэр.

Получив, наконец, какое-то приказание, по-видимому снявшее с него непосильное бремя, лакей незаметно испарился. Лакеи никогда не ходят и не бегают. Они отличаются своеобразной и таинственной способностью, неведомой остальным смертным, улетучиваться из комнаты.

Содовая вода пробудила легкие признаки жизни в мистере Бене Эллене, после чего, уступив уговорам, он вымыл лицо и руки и позволил Сэму почистить платье. Мистер Пиквик и Боб Сойер тоже привели себя в порядок после путешествия, и все трое, взявшись под руки, отправились к мистеру Уинклю. Боб Сойер, шагая по улице, отравлял воздух табачным дымом.

На расстоянии четверти мили, в тихой, солидной на вид улице, стоял старый кирпичный дом с тремя ступеньками, ведущими к двери с медной табличкой, на которой жирным прямым шрифтом было начертано: «М-р Уинкль». Ступеньки были очень белые, кирпичи очень красные, а дом очень чистый. Мистер Пиквик, мистер Бенджемин Эллен и мистер Боб Сойер остановились перед ним, когда часы пробили десять.

На стук вышла опрятная служанка и выпучила глаза, увидев трех незнакомцев.

– Мистер Уинкль дома, моя милая? – осведомился мистер Пиквик.

– Он собирается ужинать, сэр, – ответила девушка.

– Пожалуйста, передайте ему эту карточку, – попросил мистер Пиквик. – Скажите, что мне совестно беспокоить его в такой поздний час, но я во что бы то ни стало должен повидаться с ним сегодня, а я только что приехал.

Девушка пугливо посмотрела на мистера Боба Сойера, который строил удивительные гримасы, выражая свое восхищение ее красотой, затем, покосившись на шляпы и пальто, висевшие в коридоре, вызвала другую девушку и попросила ее посторожить у входа, пока она сбегает наверх. Впрочем, часового быстро сменили: девушка тотчас же вернулась, попросила извинения у джентльменов, что заставила их ждать на улице, и ввела их в комнату, напоминавшую не то контору, не то гардеробную. Главными предметами обстановки, полезными и декоративными, служили: конторка, умывальник, зеркало для бритья, стойка для сапог и приспособление для снимания их, высокий табурет, четыре стула, стол и старые часы к недельным заводом. Над каминной доской виднелись дверцы несгораемого шкафа, а две висячие полки для книг, календарь и несколько пыльных регистраторов для бумаг красовались на стенах.

– Простите, сэр, что я заставила вас дожидаться на крыльце, – сказала девушка, зажигая лампу и приветливо улыбаясь мистеру Пиквику. – Но я вас совсем не знала, а здесь столько бродяг шляется, которые так и норовят что-нибудь стянуть...

– Никаких извинений не требуется, моя милая, – добродушно отозвался мистер Пиквик.

– Решительно никаких, мое сокровище! – подхватил Боб Сойер, шутливо протягивая руки и прыгая перед дверью, словно для того, чтобы воспрепятствовать молодой леди выйти из комнаты.

Молодую леди отнюдь не смягчило такое заигрывание, и она тут же высказала свое мнение, что мистер Боб Сойер – «несносный человек». А когда он начал приставать со своими

любезностями, она оставила на его физиономии отпечаток хорошенькой ручки и выбежала из комнаты, красноречиво выражая слое презрение и отвращение к нему.

Лишившись общества «молодой леди, мистер Боб Сойер придумал новые развлечения: заглядывал в конторку, выдвигал ящики стола, делал вид, будто взламывает несгораемый шкаф, повернул календарь лицом к стене, натягивал сапоги мистера Уинкля-старшего поверх собственных и проделывал различные забавные эксперимента с мебелью, что привело мистера Пиквика в невыразимый ужас и смятение, а мистеру Бобу Сойеру доставило наслаждение.

Наконец, дверь открылась, и маленький пожилой джентльмен в костюме табачного цвета, представлявший собой точную копию мистера Уинкля-младшего, с той только разницей, что пожилой джентльмен был лыс, проворно вошел в комнату, держа в одной руке визитную карточку мистера Пиквика, а в другой серебряный подсвечник.

– Мистер Пиквик, как поживаете, сэр? – осведомился Уинкль-старший, поставив подсвечник и протягивая руку. – Надеюсь, в добром здоровье, сэр? Рад вас видеть. Присаживайтесь, мистер Пиквик, прошу вас, сэр. А этот джентльмен...

– Мой друг мистер Сойер, – сказал мистер Пиквик. – Друг вашего сына.

– О! – сказал мистер Уинкль-старший, довольно хмуро посматривая на Боба. – Надеюсь, и вы здоровы, сэр?

– В полном порядке, сэр, – отвечал Боб Сойер.

– А другой джентльмен, – продолжал мистер Пиквик, – как вы узнаете из письма, которое мне поручено передать вам, – очень близкий родственник или, пожалуй, следовало бы сказать – очень близкий друг вашего сына. Его фамилия Эллен.

– Вой тот джентльмен? – спросил мистер Уинкль, указывая визитной карточкой на Бена Эллена, который заснул в такой позе, что видны были только его спина и воротник пальто.

Мистер Пиквик хотел было ответить на этот вопрос, назвать полностью имя и фамилию мистера Бенджемина Эллена и распространиться на тему о его похвальных качествах, но в этот момент резвый Боб Сойер, дабы вернуть своего приятеля к жизни, неожиданно ущипнул его за руку, после чего тот с воплем вскочил. Сообразив, что находится в присутствии незнакомого человека, мистер Бей Эллен приблизился к мистеру Уинклю и, минут пять горячо пожимая ему обе руки, бормотал какие-то невнятные фразы, выражая восторг по случаю знакомства с ним и гостеприимно осведомляясь, не желает ли он подкрепиться после прогулки или предпочитает подождать „до обеденного часа“, после чего сел, глупо озираясь по сторонам, словно не имел понятия о том, где находится, – да так оно и было в действительности.

Все это весьма смущало мистера Пиквика, тем более что мистер Уинкль-старший был явно поражен эксцентрическим – чтобы не сказать чудовищным – поведением его спутника. Желая поскорее покончить с этим, он вынул письмо из кармана и, протягивая его мистеру Уинклю-старшему, сказал:

– Сэр, это письмо от вашего сына. Ознакомившись с его содержанием, вы узнаете, что на вашем благосклонном и отеческом отношении зиждется все его счастье и благополучие. Сделайте одолжение, прочтите, его спокойно и хладнокровно, а затем обсудите этот вопрос со мной в том духе и в тех выражениях, в каких надлежит его обсуждать. Сколь важно ваше решение для вашего сына и как он волнуется, дожидаясь его, вы можете судить по тому, что я явился к вам без предупреждения в такой поздний час и, – добавил мистер Пиквик, покосившись на своих спутников, – при таких неблагоприятных обстоятельствах.

После этой прелюдии мистер Пиквик вручил потрясенному мистеру Уинклю-старшему покаянное письмо на превосходнейшей веленевой бумаге четыре страницы, исписанные мелким почерком. Затем, снова усевшись на стул, он стал следить за выражением лица мистера Уинкля, – по правде говоря, с некоторой тревогой, но в то же время с чистой совестью сознавая, что ему не в чем себя винить или упрекать.

Пожилой владелец пристани повертел письмо в руках, посмотрел на него спереди, сзади и сбоку, тщательно исследовал пухлого мальчугана на печати, бросил взгляд на мистера Пиквика, а затем, взобравшись на высокий табурет и придвинув к себе лампу, сломал печать, развернул послание и, приблизив его к лампе, приготовился читать.

Как раз в этот момент мистер Боб Сойер, чей острый ум был в течение нескольких минут погружен в спячку, состроил гримасу, подражая покойному мистеру Гримальди[151] в роли клоуна, как он изображен на портрете. Случилось так, что мистер Уинкль-старший, который, вопреки предположениям мистера Боба Сойера, еще не успел погрузиться в чтение, посмотрел поверх письма не на кого иного, как на самого мистера Боба Сойера. Справедливо заключив, что вышеупомянутая гримаса адресована ему с целью высмеять его собственную особу, он устремил строгий взгляд на Боба, а на лице покойного мистера Гримальди появилось весьма приятное выражение робости и замешательства.

– Вы что-то сказали, сэр? – осведомился мистер Уинкль-старший, нарушая зловещее молчание.

– Нет, сэр, – отвечал Боб, в котором ничего не осталось от клоуна, кроме чрезвычайно яркого румянца на щеках.

– Вы в этом уверены, сэр? – допытываются мистер Уинкль-старший.

– Ах, боже мой, конечно, сэр, совершение уверен! – отвечал Боб.

– Мне послышалось, будто вы что-то сказали, сэр, – негодующим тоном продолжал старый джентльмен. – Быть может, вы смотрели на меня, сэр?

– О нет, сэр, и не думал смотреть, – весьма учтиво отвечал Боб.

– Очень рад это слышать, сэр, – сказал мистер Уинкль-старший.

Величественно бросив хмурый взгляд на посрамленного Боба, старый джентльмен снова поднес письмо к свету и на этот раз действительно начал читать.

Мистер Пиквик внимательно следил за ним, когда он переводил взгляд с последней строки первой страницы на верхнюю строку второй, с последней строки второй на верхнюю третьей и с последней строки третьей на верхнюю четвертой, но по его неподвижному лицу нельзя было угадать, как он принял сообщение о женитьбе сына, хотя мистеру Пиквику было известно, что оно заключалось в первых же нескольких строках.

Он прочел письмо до конца, сложил его со всей заботливостью и аккуратностью, свойственной деловому человеку, и как раз в тот момент, когда мистер Пиквик ждал сильного выражения чувств, обмакнул перо в чернила и сказал с таким спокойствием, словно обсуждал самый простой бухгалтерский вопрос:

– Вы знаете адрес Натэниела, мистер Пиквик?

– В настоящее время – гостиница „Джордж и Ястреб“, – ответил сей джентльмен.

– „Джордж и Ястреб“. Где это?

– Джордж-ярд, Ломберд-стрит.

– В Сити?

– Да.

Старый джентльмен старательно записал адрес на обратной стороне письма, затем спрятал письмо в конторку, запер на ключ, встал с табурета и сказал, пряча в карман связку ключей:

– Полагаю, больше нам обсуждать нечего, сэр?

– Нечего, дорогой сэр? – с удивлением и негодованием воскликнул сей мягкосердечный человек. – Нечего? Неужели вы не выскажете своего мнения о столь знаменательном событии в жизни нашего молодого друга? Неужели не поручите мне заверить его от вашего имени в вашей неизменной любви к нему и заботливом отношении? Неужели не скажете ничего, что

могло бы воодушевить и успокоить и его и пребывающую в волнении молодую женщину, которая ищет у него утешения и поддержки? Подумайте, мой дорогой сэр!

– Я подумаю, – ответил старый джентльмен. – В данный, момент я ничего сказать не могу. Мистер Пиквик, я – человек деловой. Ни за какие дела я не принимаюсь второпях, а что касается этого дела, то мне оно отнюдь не нравится. Тысяча фунтов – небольшая сумма, мистер Пиквик.

– Вы совершенно правы, сэр, – вмешался Бон Эллен, сквозь сон припоминая, что свою тысячу он спустил без малейших затруднений. – Вот умный человек! Боб, это очень смышленый малый.

– Очень рад, что именно вы отдаете мне должное, сэр, – сказал мистер Уинкль-старший, презрительно взглянув на мистера Бена Эллена, который глубокомысленно покачивал головой. – Мистер Пиквик, дело вот в чем: разрешив моему сыну год побродяжничать, повидать белый свет (что он и сделал под вашим руководством), чтобы в жизнь он вступил не беспомощным школьником, я отнюдь не ждал таких результатов. Ему это очень хорошо известно, и если я лишу его теперь своей поддержки, у него нет никаких оснований удивляться. Я его извещу, мистер Пиквик. Спокойной ночи, сэр. Маргарет, откройте дверь.

Тем временем Боб Сойер подталкивал мистера Бона Эллена, понукая его сказать что-нибудь в защиту, и Бен без всяких предупреждений разразился краткой, но сильной речью.

– Сэр! – сказал мистер Бен Эллен, глядя на старого джентльмена очень тусклыми и томными глазами и энергически размахивая правой рукой. – Вы... вы бы постыдились самого себя.

– Как брат молодой леди, вы несомненно являетесь судьей в этом деле, – отрезал мистер Уинкль-старший. – Довольно! Пожалуйста, ни слова больше, мистер Пиквик. Спокойной ночи, джентльмены. С этими словами старик взял свечу и, открыв дверь, вежливо указал по направлению к выходу.

– Вы пожалеете об этом, сэр, – произнес мистер Пиквик, стискивая зубы, чтобы сдержать раздражение, ибо понимал, насколько важными могут оказаться последствия этого раздражения для его молодого друга.

– В настоящий момент я придерживаюсь другого мнения, – спокойно отозвался мистер Уинкль-старший. – Джентльмены, позвольте еще раз пожелать вам спокойной ночи.

Мистер Пиквик в гневе вышел на улицу. Мистер Боб Сойер, совершенно обескураженный решительными мерами старого джентльмена, последовал его примеру. Немедленно вслед за этим шляпа мистера Бена Эллена скатилась по ступенькам лестницы, а ее примеру последовал и сам мистер Бон Эллен. По дороге все трое молчали и, не поужинав, улеглись в постель. Засыпая, мистер Пиквик размышлял о том, что, знай он, какой кремень мистер Уинкль-старший, вряд ли он рискнул бы отправиться к нему с таким поручением.

ГЛАВА LI,

в которой мистер Пиквик встречает старого знакомого, и этому счастливому обстоятельству читатель обязан интереснейшими фактами, здесь изложенными, о двух великих общественных деятелях, облеченных властью

Утро, приветствовавшее мистера Пиквика ровно в восемь часов, отнюдь не могло улучшить его расположение духа или развеять уныние, вызванное непредвиденными результатами его миссии. Небо было темное и хмурое, воздух сырой и холодный, улицы мокрые и грязные. Дым лениво стлался над трубами, словно у него не хватало мужества подняться, а дождь моросил медленно и вяло, точно ему лень было лить по-настоящему. Бойцовый петух во дворе, утратив последние проблески привычного оживления, мрачно балансировал на одной ноге; осел, понурив голову, хандрил под навесом и, судя по его задумчивому и жалкому

виду, размышлял о самоубийстве. На улице ничего не видно было, кроме зонтов, и ничего не слышно, кроме стука патен и журчания дождя.

За завтраком разговаривали очень мало. Даже Боб Сойер ощущал влияние погоды и треволнений вчерашнего дня. Пользуясь его собственным образным выражением, он был „пришиблен". То же можно сказать и о мистере Бене Эллене. То же самое – и о мистере Пиквике.

Томительно выжидая, когда погода прояснится, они читали и перечитывали последний вечерний номер лондонской газеты с тем напряженным интересом, какой можно наблюдать только в часы беспредельной скуки; с такою же настойчивостью истоптали каждый дюйм ковра; так часто выглядывали на улицу, что давали основание к обложению окон добавочными налогами; перебрали и истощили все темы разговора; наконец, когда полдень не принес никакой перемены к лучшему, мистер Пиквик решительно позвонил в колокольчик и заказал карету.

Хотя дороги были грязные, а дождь моросил все упорнее и хотя комья грязи и брызги залетали в открытые окна кареты, причиняя внутренним пассажирам чуть ли не такое же беспокойство, как и пассажирам наружным, – все-таки ехать и ощущать какое-то движение было бесконечно приятнее, чем сидеть безвыходно в скучной комнате и смотреть, как скучный дождь поливает скучную улицу, а потому, едва тронувшись в путь, все в один голос признали, что произошла перемена к лучшему, и недоумевали, как могли они так долго откладывать свой отъезд.

Когда они остановились в Ковентри[152], от лошадей валил такой густой пар, что конюх был совершенно невидим и слышался только его голос, когда он из тумана заявил о своих надеждах получить при следующей раздаче наград первую золотую медаль от Филантропического общества за то, что снял с форейтора шляпу. По словам невидимого джентльмена, он (форейтор) неизбежно утонул бы в воде, стекающей с полей шляпы, если бы конюх, проявив удивительное присутствие духа, не сорвал ее с его головы и не вытер лицо захлебывающегося человека пучком сена.

– Приятно! – заметил Боб Сойер, поднимая воротник пальто и прикрывая рот, чтобы концентрировать пары только что выпитого стаканчика бренди.

– Очень, – безмятежно отозвался Сэм.

– А вам как будто все равно? – спросил Боб.

– А что толку, сэр, если бы мне и не было все равно? – изрек Сэм.

– Это неоспоримый довод, – согласился Боб.

– Вот именно, сэр, – подтвердил мистер Уэллер. Все к лучшему, как заметил кротко один молодой аристократ, когда ему дали пенсию за то, что дед жены дяди его матери подал королю трут, чтобы раскурить трубку.

– Мысль недурна, Сэм, – одобрил мистер Боб Сойер.

– То же самое говорил до конца своей жизни молодой аристократ в дни выдачи пенсии, – сообщил мистер Уэллер.

– Случалось ли вам, – помолчав, продолжал Сэм, посматривая на форейтора и говоря таинственным шепотом, – случалось ли вам, когда вы учились у костоправов, навещать больного форейтора?

– Что-то не припоминаю, – ответил Боб Сойер.

– А когда вы появились (так говорится о привидениях) в больнице, вам никогда не случалось видеть там форейтора?

– Нет, – отвечал Боб, – не случалось.

– И никогда не бывали на таком кладбище, где бы стоял памятник форейтору, и мертвого форейтора вы никогда не видели? – допытывался Сэм.

– Никогда, – заявил Боб.

– Правильно! – в торжеством воскликнул Сэм. – И никогда не увидите. И еще кое-чего никто и никогда не увидит – мертвого осла. Ни один человек не видел мертвого осла[153], кроме джентльмена в коротких черных шелковых штанах, знакомого молодой женщины, которая пасла козу; но то был французский осел и, стало быть, не регулярной породы.

– Какое же это имеет отношение к форейторам? – полюбопытствовал Боб Сойер.

– А вот послушайте, – отвечал Сэм. – Кое-кто из очень умных людей утверждает, что и форейторы и ослы бессмертны, но я так далеко не пойду, а скажу вот что: как только они почувствуют, что подходит старость и работа им не под силу, они все вместе куда-то отправляются, обычным порядком, по одному форейтору на пару ослов. Что с ними затем происходит – никто не ведает, но, по всей вероятности, они забавляются в каком-нибудь другом мире, потому что ни одному человеку не доводилось видеть, чтобы осел или форейтор забавлялись на этом свете!

Излагая эту изумительную научную теорию и подкрепляя ее любопытными статистическими и иными данными, Сэм Уэллер коротал время, пока не доехали до Данчерча, где получили сухого форейтора и свежих лошадей. Следующая остановка была в Девентри, а затем в Таустере, и в конце каждого перегона дождь лил сильнее, чем вначале.

– Послушайте, – взмолился Боб Сойер, заглядывая в окно кареты, когда они остановились у гостиницы „Голова Сарацина" в Таустере, – этак, знаете ли, продолжаться не может.

– Ах, боже мой! – воскликнул мистер Пиквик, очнувшись от дремоты. – Боюсь, как бы вы не промокли.

– Как бы я не промок? – повторил Боб. – Пожалуй, это уже случилось. Кажется, я отсырел.

Боб действительно отсырел: вода струилась у него с шеи, локтей, обшлагов и колен, и весь его костюм так блестел от воды, что можно было принять его за клеенчатый.

– Я немножко промок, – продолжал Боб, отряхиваясь и разбрызгивая воду, словно ньюфаундлендская собака, только что выбравшаяся на сушу.

– Мне кажется, сегодня немыслимо ехать дальше, – вмешался Бен.

– Об этом и речи быть не может, сэр, – заявил Сэм Уэллер, решив принять участие в совещании. – Было бы жестоко принуждать к этому лошадей, сэр. Здесь есть постели, сэр, – Продолжал Сэм, обращаясь к своему хозяину, – чистота и комфорт. В полчаса приготовят прекрасный обед, сэр: куры и телячьи котлеты, сэр; французские бобы, картофель, торт и полный порядок. Разрешите вам посоветовать, сэр, – оставайтесь-ка вы здесь. Следуйте моим предписаниям, как сказал доктор.

В этот момент, весьма кстати, подоспел хозяин „Головы Сарацина", дабы подтвердить слова мистера Уэллера касательно удобств этой гостиницы и подкрепить его мольбы мрачными предположениями о состоянии дорог я об отсутствии свежих лошадей на следующей станции, а также непоколебимой уверенностью в том, что дождь будет лить всю ночь, а к утру погода прояснится, и другими заманчивыми доводами, известными содержателям гостиниц.

– Все это верно, – сказал мистер Пиквик, – но я должен как-нибудь отправить в Лондон письмо, чтобы оно было доставлено завтра рано утром, иначе придется во что бы то ни стало рискнуть и ехать дальше.

Хозяин просиял от восторга. Ничего не может быть легче, стоит только джентльмену завернуть письмо в оберточную бумагу и отправить его либо с почтовой, либо с пассажирской ночной каретой из Бирмингема. Если джентльмен желает, чтобы письмо было доставлено как можно скорее, ему стоит только написать на обертке: „доставить немедленно" – это верный способ, – или „уплатить подателю сего лишних полкроны за немедленную доставку" – этот способ еще вернее.

– Прекрасно, – сказал мистер Пиквик, – в таком случае мы остановимся здесь.

– Джон! – крикнул хозяин. – Зажгите свечи в „Солнце“, разведите огонь в камине, джентльмены промокли! Пожалуйте сюда, джентльмены. Не беспокойтесь о форейторе, сэр, я его пришлю, когда вы позвоните. Джон, свечи!

Свечи были принесены, огонь разведен и дрова подброшены. Спустя десять минут лакей накрывал на стол, занавески были спущены, огонь ярко пылал, и все вокруг имело такой вид (как всегда бывает во всех приличных английских гостиницах), словно путешественников ждали и заблаговременно позаботились об их комфорте.

Мистер Пиквик уселся за отдельный столик и поспешно написал записку мистеру Уинклю, сообщая, что задержался по случаю плохой погоды, по завтра несомненно прибудет в Лондон. Эта записка была быстро завернута в бумагу и вручена мистеру Сэмюелу Уэллеру для передачи в буфетную.

Сэм оставил ее у хозяйки гостиницы и, обсушившись возле кухонного очага, возвращался, чтобы снять башмаки со своего хозяина, как вдруг, заглянув в приоткрытую дверь, увидел рыжеватого джентльмена, сидевшего за столом над кипой газет и с такой саркастической улыбкой читавшего передовую статью в одной из них, что нос у него искривился, а лицо дышало величественным презрением.

– Эге! – сказал Сэм. – Это лицо мне как будто знакомо, а также очки и широкополая шляпа! Будь я проклят, если тут не пахнет Итенсуиллом.

Сэм отчаянно закашлялся, чтобы привлечь внимание джентльмена. Джентльмен вздрогнул, поднял голову и очки, и Сэм увидел глубокомысленную и вдумчивую физиономию мистера Потта, редактора „Итенсуиллской газеты“.

– Прошу прощенья, сэр, – сказал Сэм, приближаясь к нему с поклоном, – мой хозяин здесь, мистер Потт.

– Тише! Тише! – крикнул Потт и, втащив Сэма в комнату, закрыл за ним дверь, всей своей физиономией неведомо почему выражая испуг.

– Что случилось, сэр? – осведомился Сэм, с недоумением озираясь вокруг.

– Даже шепотом не произносите моего имени! – отвечал Потт. – Это Желтый округ. Если раздраженное население узнает, что я здесь, меня разорвут в клочья!

– Да неужели, сэр? – удивился Сэм.

– Я паду жертвой их бешенства, – ответствовал Потт. – Ну-с, молодой человек, что скажете о вашем хозяине?

– Он с двумя приятелями остановился здесь на ночь по дороге в Лондон, – сообщил Сэм.

– И мистер Уинкль с ним? – насупившись, спросил Потт.

– Нет, сэр. Мистер Уинкль остался дома, – ответил Сэм. – Он женился.

– Женился! – с жаром воскликнул Потт. Он помолчал, мрачно улыбнулся и добавил глухим зловещим голосом: – Поделом ему!

Выразив таким образом свою смертельную ненависть и холодное торжество над поверженным врагом, мистер Потт осведомился, принадлежат ли друзья мистера Пиквика к сторонникам Синих. Получив весьма удовлетворительный ответ от Сэма, который знал об этом не больше, чем сам Потт, он согласился последовать за ним в комнату мистера Пиквика, где его ждал сердечный прием. Тотчас же было выдвинуто и принято предложение пообедать всем вместе.

– Как идут дела в Итенсуилле? – полюбопытствовал мистер Пиквик, когда Потт подсел к камину и все сняли мокрые сапоги и надели сухие туфли. – „Независимый“ еще существует?

– „Независимый“, сэр, – отвечал Потт, – все еще влачит свое жалкое, ничтожное существование. Ненавидимый и презираемый даже теми немногими, которые знают о его презренном и гнусном прозябании, захлебываясь потоками грязи, какие сам же изливает,

оглушенный и ослепленный испарениями своей же собственной гнили, непристойный орган печати, не подозревая о своем падении, быстро погружается в предательскую трясину, которая как будто служит ему твердой опорой среди низких классов общества, но тем не менее смыкается над его головой и скоро поглотит его навеки.

Выразительно отчеканив этот приговор (заимствованный из его последней передовой статьи), редактор остановился, чтобы передохнуть, и устремил величественный взор на Боба Сойера.

– Вы еще молоды, – сказал Потт.

Мистер Боб Сойер кивнул головой.

– И вы также, сэр, – сказал Потт, обращаясь к Вену Эллену.

Бон признал справедливость этого обвинения.

– И, надеюсь, вы оба впитали те Синие принципы, какие я обязался перед народом Соединенного королевства защищать и проводить до конца жизни, – продолжал Потт.

– Видите ли, я, собственно говоря, в этом не разбираюсь, – отозвался Боб Сойер. – Я...

– Уж не Желтый ли он, мистер Пиквик? – перебил Потт, отодвигая стул. Ваш друг не Желтый, сэр?

– Нисколько! – возразил Боб. – В настоящее время я похож на шотландскую материю –, смесь всех цветов.

– Колеблющийся, – торжественно определил Потт, – колеблющийся! Сэр, я бы хотел показать вам восемь передовых статей, появившихся в „Итенсуиллской газете‟. Мне кажется, я вправе утверждать, что вы не замедлите после этого обосновать свои мнения на твердом н незыблемом Синем фундаменте, сэр.

– Пожалуй, я совсем посинею задолго до того, как дочитаю их до конца, – отвечал Боб.

Мистер Потт подозрительно посмотрел на Боба Сойера ж, повернувшись к мистеру Пиквику, сказал:

– Вы читали литературные статьи, которые появляясь за последние три месяца в „Итенсуиллской газете‟ вызвали всеобщее восхищение? Я бы осмелился сказать – всеобщее изумление и восхищение?

– Видите ли, – отозвался мистер Пиквик, слегка смущенный таким вопросом, – я был очень занят другими делами и буквально не имел возможности их прочесть.

– А следовало бы это сделать, сэр, – с сердитой гримасой сказал Потт.

– Я прочту, – обещал мистер Пиквик.

– Они написаны в форме пространного отзыва о книге, трактующей о китайской метафизике, сэр, – сообщил Потт.

– О! – отозвался мистер Пиквик. – Произведение вашего пера?

– Одного из моих сотрудников, сэр, – с достоинством ответил Потт.

– Трудный предмет, сказал бы я, – заметил мистер Пиквик.

– Чрезвычайно трудный, сэр! – с глубокомысленным видом изрек Почт. – Для этого он „натаскивался‟, пользуясь техническим, но выразительным термином. По моему совету он читал Британскую энциклопедию.

– В самом деде? – сказал мистер Пиквик. – Я и не подозревал, что этот ценный труд содержит какие-нибудь сведения о китайской метафизике.

– Сэр! – продолжал Потт, положив руку на колено мистера Пиквика и улыбаясь с сознанием собственного умственного превосходства. – Сэр, о метафизике он прочел под буквой „М‟, а о Китае – под буквой „К‟ и затем совокупил полученные сведения.

Физиономия мистера Потта выражала такое необычайное величие при воспоминании о сокровищах науки, вошедших в упомянутые статьи, что мистер Пиквик не сразу осмелился возобновить разговор. Наконец, когда лицо редактора постепенно разгладилось и обрело свойственное ему высокомерное выражение морального превосходства, мистер Пиквик рискнул продолжить беседу и задал вопрос:

– Могу ли я осведомиться, какая великая цель увела вас так далеко от родного города?

– Та цель, которая побуждает и вдохновляет меня во всех моих гигантских трудах, сэр, – с кроткой улыбкой ответил Потт, – благо моей родины!

– Вероятно, какая-нибудь общественная миссия, – заметил мистер Пиквик.

– Да, сэр, – подтвердил Потт, – вы правы. – И, наклонившись к мистеру Пиквику, глухо прошептал: – Завтра вечером будет Желтый бал в Бирмингеме.

– Ах, боже мой! – воскликнул мистер Пиквик.

– Да, сэр, и ужин, – добавил Потт.

– Да что вы говорите! – удивился мистер Пиквик.

Потт торжественно кивнул головой.

Хотя мистер Пиквик и сделал вид, будто потрясен этим сообщением, но он был столь мало сведущ в местной политике, что не мог в полной мере уразуметь все значение упомянутого гнусного заговора. Заметив это, мистер Потт извлек последний номер „Итенсуиллской газеты" и прочел следующую заметку:

„ТАЙНЫЕ КОЗНИ ЖЕЛТЫХ"

Наш подлый противник не так давно изрыгнул свой черный яд в тщетной и безнадежной попытке загрязнить славное имя нашего знаменитого и достойного представителя, почтенного мистера Сламки – того Сламки, которому мы задолго до того, как он занял свой теперешний ответственный и высокий пост, предсказывали, что настанет день – и этот день настал, – когда страна будет чествовать его и гордиться им, ее доблестным защитником и украшением. Наш подлый противник, – говорим мы, – вздумал посмеяться над превосходным луженым ведром для угля, которое было преподнесено этому великому человеку его восторженными избирателями и по случаю покупки коего негодяй, скрывший свое имя, инсинуирует, будто сам почтенный мистер Сламки внес более трех четвертей подписной суммы через близкого друга своего дворецкого. Неужели эта рептилия не понимает, что, даже буде это правда, почтенный мистер Сламки предстает перед нами – если только сие возможно – в еще более ярком и ослепительном свете? Неужели этот Тупица не постигает, что такое любезное и трогательное желание исполнить волю избирателей должно навеки покорить сердца и души тех, которые еще не стали хуже свиней или, иначе говоря, которые не так низко пали, как этот упомянутый наш собрат? Но таковы гнусные уловки злокозненных Желтых! Этим не ограничиваются их интриги. Здесь пахнет предательством. Заявляем смело – теперь, когда мы вынуждены сделать это разоблачение, а затем искать защиты у страны и ее констеблей, заявляем смело: в настоящее время идут тайные приготовления к Желтому балу, каковой будет дан в Желтом городе в самом сердце Желтого населения, под руководством Желтого церемониймейстера; на этом балу будут присутствовать четверо Ультражелтых членов парламента, и вход будет производиться только по Желтым билетам! Не содрогается ли наш дьявольский собрат? Пусть корчится в бессильной злобе, когда мы начертаем слова: „Мы там будем".

– Вот, сэр! – добавил Потт, в изнеможении складывая газету. – Таково положение дел.

Так как в эту минуту хозяин гостиницы и лакей принесли обед, мистер Потт приложил палец к губам, давая понять, что его жизнь находится в руках мистера Пиквика и он

рассчитывает на его осторожность. Мистеры Боб Сойер и Бенджемин Эллен, непочтительно заснувшие во время чтения заметки из „Итенсуиллской газеты‟, проснулись от одного магического слова „обед‟, произнесенного шепотом. Они сели за обед; к услугам их аппетита было хорошее пищеварение, здоровье – к услугам аппетита, и пищеварения, и лакей – к услугам всех этих трех свойств.

За обедом и во время последовавшей беседы мистер Потт, снизойдя до житейских тем, сообщил мистеру Пиквику, что итенсуиллский климат оказался вреден для его супруги, и она решила побывать на различных модных курортах, чтобы восстановить здоровье и душевные силы. Этими словами он деликатно маскировал тот факт, что миссис Потт, приводя в исполнение часто повторяемую угрозу о разводе, уехала навсегда вместе с верным телохранителем и, благодаря договору, заключенному ее братом лейтенантом с мистером Поттом, обеспечила себе половину редакторского жалованья и годовой, прибыли от „Итенсуиллской газеты‟.

Пока великий мистер Потт распространялся на эту и другие темы, время от времени, освежая беседу цитатами из своих собственных произведений, какой-то угрюмый на вид незнакомец, выглянув из окна кареты, направлявшейся в Бирмингем и остановившейся перед гостиницей, чтобы сдать пакеты, пожелал узнать, может ли он рассчитывать, на такие удобства, как кровать и постель, если вздумает здесь переночевать.

– Разумеется, сэр, – ответил хозяин гостиницы.

– Могу? В самом деле? – спросил незнакомец, которому, судя по тону и манере, была свойственна подозрительность.

– Несомненно, сэр, – ответил хозяин.

– Хорошо, – сказал незнакомец. – Кучер, я здесь выхожу. Кондуктор, мой саквояж!

Отрывисто пожелав остальным пассажирам спокойной ночи, незнакомец вылез из кареты. Это был невысокий джентльмен с очень жесткими черными волосами, остриженными под дикобраза или под сапожную щетку и стоявшими дыбом. Он держал себя сурово и величаво; манеры были повелительные, глаза, зоркие, а вся осанка свидетельствовала о безграничной самоуверенности; и сознании неизмеримого превосходства над остальными смертными.

Этого джентльмена ввели в комнату, первоначально предназначенную для патриотически настроенного мистера Потта, и лакей с немым изумлением отметил странное совпадение: едва он зажег свечи, как незнакомец, запустив руку в свою шляпу, вытащил оттуда газету и начал читать ее с тем же негодующим презрением, какое час назад, отражаясь на величавой физиономии Потта, парализовало энергию лакея. Он заметил также, что презрение мистера Потта было вызвано газетой, называвшейся „Итенсуиллский независимый‟, тогда как возмущение этого джентльмена пробудила „Итенсуиллская газета‟.

– Позовите хозяина! – приказал незнакомец.

– Слушаю, сэр, – ответил лакей.

Хозяина позвали, и он явился.

– Вы хозяин? – осведомился джентльмен.

– Я, сэр, – отвечал хозяин.

– Вы меня знаете? – спросил джентльмен.

– Не имею этого удовольствия, сэр, – ответил хозяин.

– Моя фамилия Слерк, – сообщил джентльмен.

Хозяин слегка поклонился.

– Слерк, сэр! – высокомерно повторил джентльмен. – Теперь, любезный, вы знаете, кто я такой?

Хозяин почесал в затылке, посмотрел на потолок, на незнакомца и слегка улыбнулся.

– Любезный, вы знаете, кто я такой? – сердито повторил незнакомец.

Хозяин тщетно напрягал память и, наконец, ответил:

– Не знаю, сэр.

О небо! – воскликнул незнакомец, ударяя кулаком по столу. – Вот она, слава!

Хозяин попятился к двери. Незнакомец, не спуская с него глаз, продолжал:

– Вот она – благодарность за годы упорного труда на благо народа! Я не вижу ликующих толп, которые стекаются, чтобы приветствовать своего вождя. Не слышу колокольного звона. И даже имя мое не вызывает ни малейшего отклика в бесчувственных сердцах! От этого могут замерзнуть чернила, – говорил мистер Слерк, шагая взад и вперед, и хочется навеки уйти от трудов.

– Вы заказали грог, сэр? – робко осведомился хозяин.

– Ром! – заявил мистер Слерк, грозно поворачиваясь к нему. – Топится у вас где-нибудь камин?

– Можно сейчас же растопить, сэр, – сказал хозяин.

– А комната, конечно, до ночи не согреется, – перебил мистер Слерк. – Есть кто-нибудь в кухне?

Там не было ни души. Огонь пылал. Все разошлись, и дверь была заперта на ночь.

– Я буду пить ром у кухонного очага, – объявил мистер Слерк.

Взяв шляпу и газету, он торжественно последовал за хозяином в это скромное помещение и, опустившись на скамью возле очага, состроил презрительную гримасу и молча, с достоинством начал читать и пить.

Случилось так, что в этот самый момент над „Головой Сарацина" пролетал некий демон раздора и, посмотрев из праздного любопытства вниз, узрел Слерка, комфортабельно расположившегося у кухонного очага, – а в другой комнате – Потта, слегка возбужденного вином. Злобный демон, ворвавшись с непостижимой быстротой в упомянутую комнату, тотчас же проник в голову мистера Боба Сойера и, преследуя свои пагубные цели, побудил его сказать следующие слова:

– А ведь мы позабыли о камине, и огонь потух. Как холодно стало после дождя!

– Совершенно верно, – зябко ежась, отозвался мистер Пиквик.

– Не худо было бы выкурить сигару возле кухонного очага, – предложил Боб Сойер, все еще подстрекаемый вышеупомянутым демоном.

– Мне кажется, это будет чрезвычайно приятно, – ответил мистер Пиквик.

– А вы что скажете, мистер Потт?

Мистер Потт охотно согласился, и четверо путешественников, каждый со стаканом в руке, немедленно прошествовали в кухню под предводительством Сэма Уэллера, показывавшего им дорогу.

Незнакомец все еще читал. Он поднял голову и вздрогнул. Мистер Потт тоже вздрогнул.

– Что случилось? – шепотом спросил мистер Пиквик.

– Этот гад! – ответил Потт.

– Какой гад? – спросил мистер Пиквик, пугливо озираясь, как бы не наступить на какого-нибудь гигантского таракана или чудовищного паука.

– Этот гад... – прошептал Потт, хватая мистера Пиквика за рукав и указывая на незнакомца. – Этот гад... Слерк из „Независимого"!

– Не лучше ли нам уйти? – шепнул мистер Пиквик.

– Ни за что на свете, сэр! – возразил храбрый во хмелю Потт. – Ни за что на свете!

С этими словами мистер Потт расположился на противоположной скамье и, выбрав один номер из пачки газет, начал читать, повернувшись лицом к своему врагу.

Мистер Потт, конечно, читал „Независимого“, а мистер Слерк, конечно, читал „Итенсуиллскую газету“, и каждый джентльмен выражал свое презрение к творчеству другого горьким смехом и саркастическим фырканьем. Затем они начали высказывать свои мнения более открыто, пользуясь такими критическими замечаниями, как „нелепо“, „гнусно“, „возмутительно“, „вздор“, „мошенничество“, „мерзость“, „грязь“, „гниль“, „помои“.

И мистер Боб Сойер и мистер Бей Эллен наблюдали эти симптомы, показательные для соперничества и ненависти, с большим восторгом, придававшим особый смак их сигарам, которыми они энергически затягивались. Когда противники начали выдыхаться, проказник Боб Сойер весьма учтиво обратился к Слерку:

– Разрешите посмотреть вашу газету, сэр, когда вы ее прочтете.

– Вы найдете очень мало стоящего в этом презренном листке, сэр, – отвечал Слерк, бросая сатанинский взгляд на Потта.

– Сейчас я вам передам вот эту, – сказал Потт, поднимая голову; он побледнел от бешенства, и голос у него дрожал по той же причине. – Ха-ха! Вас позабавит наглость этого субъекта.

Слова „листок“ и „субъект“ были произнесены с резким ударением, и лица обоих редакторов раскраснелись от гнева.

– Сквернословие этого презренного – человека гнусно и отвратительно, – сказал Потт, якобы обращаясь к Бобу Сойеру, но устремляя грозный взгляд на Слерка.

Тут мистер Слерк громко захохотал и, складывая газету так, чтобы перейти к чтению следующего столбца, заявил, что этот болван, право же, его забавляет.

– Какой бесстыдный враль этот субъект! – продолжал Потт, из красного делаясь багровым.

– Случалось ли вам, сэр, читать дурацкую болтовню этого человека? – осведомился Слерк у Боба Сойера.

– Нет, – отвечал Боб. – А что, очень плохо?

– О, ужасно, ужасно! – воскликнул Слерк.

– Ах, боже мой, это просто чудовищно! – возопил в этот момент Потт, все еще делая вид, будто поглощен чтением.

– Если вам удастся одолеть эти фразы, пропитанные желчью, подлостью, фальшью, обманом, предательством и ханжеством, – сказал Слерк, протягивая газету Бобу, – вы, быть может, получите некоторое удовольствие, посмеявшись над стилем этого безграмотного болтуна.

– Что вы сказали, сэр? – осведомился Потт, поднимая голову и дрожа от ярости.

– А вам какое дело, сэр? – отозвался Слерк.

– Безграмотный болтун, не так ли, сэр? – продолжал Потт.

– Да, сэр, именно так, – отвечал Слерк, – и „синяя скука“, сэр, если это вам больше по вкусу. Ха-ха!

Мистер Потт не ответил ни слова на эту оскорбительную остроту. Он медленно сложил номер „Независимого“, бросил его на пол, придавил ногой, плюнул на него весьма торжественно и препроводил в огонь.

– Вот, сэр! – сказал Потт, отступая от очага. – И точно так же я проучил бы ехидну, породившую эту газету, если бы, к счастью для нее, меня не удерживали законы моей страны.

– Так проучите же ее, сэр! – вскочив, крикнул Слерк. – В такого рода делах она никогда не прибегнет к защите закона. Проучите ее, сэр!

– Правильно! Правильно! – провозгласил Боб Сойер.

– Вызов по всем правилам, – заметил мистер Бен Эллен.

– Проучите ее, сэр! – повысив голос, крикнул Слерк.

Мистер Потт бросил презрительный взгляд, который мог бы испепелить якорь.

– Проучите ее, сэр! – еще громче крикнул Слерк.

– Не желаю, сэр! – отвечал Потт.

– О, вот как, вы не желаете, сэр? – насмешливо переспросил Слерк. – Вы слышите, джентльмены? Он не желает? Он не боится, – о нет, он не желает!. Ха-ха!

– Сэр! – сказал Потт, задетый этим саркастическим замечанием. – Сэр, я считаю вас ехидной. Я смотрю на вас, сэр, как на человека, который благодаря своему дерзкому, позорному и отвратительному поведению потерял свое место в обществе. Я считаю вас, сэр, как человека и политика, самой настоящей ехидной.

Возмущенный „независимый" не ждал конца этой обличительной речи. Схватив свой саквояж, туго набитый движимым имуществом, он замахнулся им в тот момент, когда. Потт отвернулся, и, описав полукруг, опустил саквояж ему на голову как раз тем углом, где лежала большая щетка. Треск разнесся по всей кухне, и Потт был немедленно повержен на пол.

– Джентльмены! – закричал мистер Пиквик, когда Потт, вскочив, схватил совок. – Джентльмены! Опомнитесь, ради бога!.. Сэм!.. Прошу вас, джентльмены!.. Да разнимите же их!

Выкрикивая эти бессвязные слова, мистер Пиквик бросился между взбешенными бойцами как раз вовремя, чтобы получить с одной стороны удар саквояжем, а с другой – удар совком. То ли представители общественного мнения Итенсуилла были ослеплены ненавистью, то ли они учли, сколь выгодно им иметь между собой третье лицо, принимающее на себя все удары, – как бы то ни было, но они не обратили ни малейшего внимания на мистера Пиквика и, с большим воодушевлением вызывая друг друга на бой, бесстрашно орудовали саквояжем и совком. Несомненно, мистер Пиквик жестоко поплатился бы за свое человеколюбивое вмешательство, если бы не мистер Уэллер, который, заслышав вопли хозяина, ворвался в кухню, схватил мешок из-под муки и положил конец драке, набросив мешок на голову могущественному Потту и крепко обхватив его за плечи.

– Отнимите саквояж у другого сумасшедшего! – крикнул Сэм Бену Эллену и Бобу Сойеру, которые ровно ничего не делали и только приплясывали вокруг, вооруженные ланцетами с черепаховой ручкой и готовые пустить кровь первому, кто будет оглушен ударом. – Отдайте саквояж, негодник вы этакий, или я вас самого туда запрячу!

Устрашенный этой угрозой и совсем запыхавшийся „независимый" дал себя обезоружить, а мистер Уэллер, сняв гасильник с Потта, освободил его с таким предостережением: – Сейчас же отправляйтесь спать, или я вас обоих уложу в одну постель, завяжу вам рты, деритесь сколько угодно. Я справлюсь с дюжиной таких, как вы, если они полезут в драку. А вы сэр, будьте добры, пожалуйте сюда.

Обратившись с такими словами к мистеру Пиквику, Сэм взял его под руку и увел, а хозяин гостиницы под наблюдением мистера Боба Сойера и мистера Бенджемина Эллена препроводил обоих враждующих редакторов в их комнаты. Уходя, они выкрикивали свирепые угрозы и в туманных выражениях договаривались выйти завтра на смертный бой. Впрочем, поразмыслив, они пришли к тому заключению, что гораздо разумнее будет продолжать бой в печати. Поэтому они вскоре возобновили враждебные действия, и весь Итенсуилл был потрясен их храбростью – на бумаге.

На следующее утро они уехали спозаранку в разных каретах, пока остальные путешественники еще спали. А так как погода прояснилась, то мистер Пиквик со своими спутниками устремился в Лондон.

ГЛАВА LII,

повествующая о важном событии в семействе Уэллера и о безвременном падении красноносого мистера Стиггинса

Считая неделикатным представить молодой чете Боба Сойера или Бена Эллена, не предупредив ее об их прибытии, и желая щадить по мере сил чувства Арабеллы, мистер Пиквик сказал, что он с Сэмом поедет в гостиницу „Джордж и Ястреб", а молодые люди временно остановятся где-нибудь в другом месте. На это они охотно согласились, и план был приведен в исполнение: мистер Бен Эллен и мистер Боб Сойер отправились на окраину Боро в уединенный трактир, где в былые дни их имена частенько красовались за дверью буфетной, возглавляя написанные мелом длинные и запутанные вычисления.

– Ах, боже мой, мистер Уэллер! – воскликнула хорошенькая горничная, встретив Сэма у двери.

– Лучше бы вы сказали: „Ах, Сэмми мой", милочка, – отвечал Сэм, отставая от своего хозяина, чтобы тот не слышал их беседы. – Мэри, какая вы красотка!

– Ах, мистер Уэллер, какие глупости вы говорите! – сказала Мэри. – Ах, мистер Уэллер, не надо!

– Чего не надо, моя милая? – осведомился Сэм.

– Вот этого, – отвечала хорошенькая горничная. Да отстаньте вы от меня!

После такого увещания хорошенькая горничная оттолкнула Сэма к стене, заявив, что он измял ей чепчик и растрепал локоны.

– И вдобавок помешали мне сказать то, что я хотела, – сказала Мэри. – Вас уже четыре дня ждет письмо. Получаса не прошло после вашего отъезда, как оно было получено, а на обертке написано: „Спешно".

– Где оно, моя милочка? – спросил Сэм.

– Я его припрятала для вас, а то бы оно давным-давно пропало, – отвечала Мэри. – Вот оно, берите, хотя вы этого не заслуживаете.

С этими словами, мило кокетничая и выражая сомнения и опасения, не потерялось ли письмо, Мэри извлекла его из-под изящнейшей муслиновой пелеринки и протянула Сэму, который тотчас же поцеловал его с превеликой галантностью и нежностью.

– Ах, боже мой! – воскликнула Мэри, поправляя пелеринку и притворяясь ничего не понимающей. – Почему вы так его полюбили?

На это Сэм ответил одним только подмигиванием, глубочайший смысл коего не поддается никаким описаниям, и, усевшись рядом с Мэри на подоконник, распечатал письмо и заглянул в его содержимое.

– Вот те на! – воскликнул Сэм. – Что это значит?

– Надеюсь, ничего не случилось? – осведомилась Мэри, заглядывая ему через плечо.

– Да благословит бог ваши глазки! – сказал Сэм, поднимая голову..

– Забудьте о моих глазах, читайте-ка лучше письмо, – посоветовала хорошенькая горничная, и при этом глаза у нее смотрели так лукаво и чарующе, что перед ними никак нельзя было устоять.

Сэм освежился поцелуем и прочел следующее:

„Маркиз Грен" в Доркин середа

Мой дорогой Сэмми!

Мне очень жалко что имею удовольствие доставить тебе дурные новости твоя мачеха схватила простуду по случаю легкомысленово сидения слишком долго на мокрой траве под дождем слушая пастыря а тот не мог убратся до позней ночи потому как накачался грогом и

не мог заткнуть глотку пока малость не очухался а на это понадобилось много времени дохтор гаварит что ежлибы она глатнула теплового грогу не доэтого а после она былаб теперь здоровехонка тотже час ей подмазали колеса и все сделали чтоб она опять покатила ваш отец надеялся что она выкрутится но заворачивая за угол сынок она попала не на ту дорогу и покатила пот гору сломя голову и хоть медицына тотже час схватилась затормас все было без толку и проехала последним заставу без двадцати шесть вчера вечером прикатиф на место гораздо раньше регулярново часу может потому как при ней было очень мало поклажы ваш отец говорит если вы прябудете и навестите меня Сэмми он будет очен рат потому как я очен одинок Сэмивел примечание он говорит нужно писать это так а я говорю нетак и потому как нужно порешить всякие дела он уверен что хазяин вас одпустит конешно одпустит потому как я его хорошо знаю, и опять же он кланяеться и я тож и остаюс Сэмивел преданный тебе

Тони Веллер».

– Что за бестолковое письмо! – воскликнул Сэм. Как тут разобрать, что оно значит, со всеми этими «он» да «я»! И почерк не отцовский, вот только подпись печатными буквами – это его рука.

– Должно быть, он попросил кого-нибудь написать за него, а сам подписался, – предположила хорошенькая горничная.

– Подождите минутку, – сказал Сэм, снова пробегая письмо и останавливаясь, чтобы обдумать некоторые места. – Вы угадали. Джентльмен, который это писал, изложил все, как полагается, о случившейся беде, а потом мой отец заглянул ему через плечо, сунул свой нос и запутал все дело. Это очень на него похоже. Вы правы, Мэри, милочка.

Уяснив себе этот пункт, Сэм еще раз прочел послание от начала и до конца и, как будто только теперь уразумев его содержание, задумчиво сложил письмо и воскликнул:

– Стало быть, бедняжка умерла! Мне ее жаль. Она была бы неплохой женщиной, если бы эти пастыри оставили ее в покое. Мне ее очень жаль.

Мистер Уэллер с такой серьезностью произнес эти слова, что хорошенькая горничная опустила глазки и призадумалась.

– А впрочем, – продолжал Сэм, со вздохом пряча письмо в карман, сделанного не переделаешь, как сказала старая леди, выйдя замуж за лакея. Теперь уж не исправишь дела, – не правда ли, Мэри?

Мэри покачала головой и тоже вздохнула.

– Придется попросить отпуск у командира, – сказал Сэм. Мэри еще раз вздохнула. Письмо было такое трогательное.

– До свиданья, – сказал Сэм.

– До свиданья, – отозвалась хорошенькая служанка и отвернулась.

– Позвольте пожать вашу ручку, – сказал Сэм.

Мэри протянула руку – очень маленькую, хотя это и была рука горничной, – и встала, собираясь уйти.

– Я скоро вернусь, – проговорил Сэм.

– Вы всегда в разъездах, – сказала Мэри, чуть заметно качнув головой. Не успеете приехать и опять уезжаете.

Мистер Уэллер привлек к себе красавицу и начал ей что-то нашептывать. Через минуту она повернулась и нему и соблаговолила на него взглянуть. Когда они расстались, оказалось, что ей необходимо зайти в свою комнату и поправить чепчик и локоны, раньше чем явиться к хозяйке. Поднимаясь по лестнице, чтобы совершить эту предварительную процедуру, она кивала Сэму через перила и расточала ему улыбки.

– Я вернусь не позже чем через два дня, сэр, – сказал Сэм, сообщив мистеру Пиквику о несчастье, постигшем его отца.

– Оставайтесь, сколько понадобится, Сэм, – отвечал мистер Пиквик, – я вам разрешаю.

Сэм поклонился.

– Скажите отцу, Сэм, что, если я могу быть чем-нибудь полезен, я с величайшей готовностью сделаю для него все, что в моих силах.

– Благодарю вас, сэр, – отвечал Сэм. – Я передам.

И, заверив друг друга во взаимном расположении, хозяин и слуга расстались.

Было ровно семь часов, когда Сэмюел Уэллер, спустившись с козел пассажирской кареты, проезжавшей через Доркинг, очутился на расстоянии нескольких сот ярдов от «Маркиза Гренби». Был холодный, пасмурный вечер, маленькая улица производила гнетущее впечатление, а красная физиономия благородного и доблестного Маркиза, качавшегося и скрипевшего на ветру, казалась еще более печальной и меланхолической, чем обычно. Шторы были опущены и ставни прикрыты. Никого не виднелось у входа, где всегда собирались гуляки. Было тихо и безлюдно.

Не встретив никого, к кому бы он мог обратиться за сведениями, Сэм не спеша вошел в дом; оглянувшись, он тотчас заметил своего родителя.

Вдовец сидел за круглым столиком в комнате за буфетной и курил трубку, пристально глядя на огонь. Похороны состоялись, по-видимому, сегодня, ибо к его шляпе, которую он почему-то не снял, была прикреплена лента длиной ярда в полтора, небрежно переброшенная через спинку стула и спускавшаяся до полу. Мистер Уэллер был погружен в свои мысли и настроен созерцательно, ибо, несмотря на то, что Сэм окликнул его несколько раз, он продолжал курить все так же задумчиво и спокойно и очнулся только тогда, когда сын положил руку ему на плечо.

– Сэмми, – сказал мистер Уэллер, – добро пожаловать.

– Я несколько раз вас окликал, а вы не слыхали, – сообщил Сэм, вешая шляпу на гвоздь.

– Совершенно верно, Сэмми, – отозвался мистер Уэллер, снова устремив задумчивый взгляд на огонь, – я был в мечтательности, Сэмми.

– В чем? – осведомился Сэм, подсаживаясь к камину.

– В мечтательности, Сэмми, – повторил мистер Уэллер-старший. – Я думал о ней, Сэмивел.

Тут мистер Уэллер мотнул головой в сторону Доркингского кладбища, поясняя, что его слова относятся к усопшей миссис Уэллер.

– Я вот о чем думал, Сэмми, – продолжал мистер Уэллер, с большой серьезностью взирая на сына поверх своей трубки, словно заверяя его, что, каким бы удивительным и невероятным ни показалось такое признание, оно тем не менее высказано спокойно и обдуманно. – Я вот о чем думал, Сэмми: в общем, мне очень жаль что она померла.

– Ну что ж, так оно и должно быть, – отозвался Сэм.

Мистер Уэллер кивнул в знак согласия и, снова уставившись на огонь, скрылся в облаке табачного дыма и глубоко задумался.

– Очень разумные слова она мне сказала, Сэмми, – произнес мистер Уэллер после долгого молчания, отгоняя дым рукой.

– Какие слова? – полюбопытствовал Сэм.

– Которые она говорила, когда расхворалась, – отвечал старый джентльмен.

– Что же она говорила?

– А вот что: «Веллер, говорит, боюсь, что я с тобою обходилась не так, как бы оно полагалось. Ты человек очень добрый, и я могла бы позаботиться о том, чтобы тебе было хорошо у себя дома. Теперь, говорит, когда уже поздно, я начинаю понимать, что, если

замужняя женщина хочет быть религиозной, она прежде всего должна подумать о своих домашних обязанностях и позаботиться, чтобы вокруг нее все были довольны и счастливы. А если она ходит в церковь, в часовню или еще куда-нибудь, то пусть остерегается, чтобы не прикрывать этим лень и не потакать своим слабостям. А я, говорит, это делала и тратила время и деньги на людей, которые жили еще хуже моего. Но, надеюсь, Веллер, когда я умру, ты меня будешь поминать такой, какой я была, пока не сошлась с этими людьми, и какая я есть на самом деле». – «Сьюзен, – говорю я: она меня врасплох застала, Сэмивел, сказать по правде, мой мальчик, – Сьюзен, говорю, ты мне была хорошей женой, нечего толковать об этом. Держись, моя милая, и ты еще увидишь, как я расправлюсь с этим-вот Стиггинсом». Тут она улыбнулась, Сэмивел, – добавил старый джентльмен, затягиваясь трубкой, чтобы подавить вздох, – а потом все-таки померла.

– Да, папаша... – начал Сэм, решив высказать простое и утешительное соображение, после того как старый джентльмен минуты три-четыре покачивал головой и задумчиво курил. – Да, папаша, рано или поздно все мы туда отправимся.

– Отправимся, Сэмми, – подтвердил мистер Уэллер-старший.

– Так угодно провидению, – продолжал Сэм.

– Разумеется, – согласился отец, одобрительно кивнув головой. – Не будь этого, что оставалось бы делать гробовщикам, Сэмми?

Растерявшись среди бесконечных выводов, вытекающих из такого соображения, мистер Уэллер-старший положил трубку на стол и с задумчивой физиономией начал размешивать угли в камине.

Пока старый джентльмен занимался этими делами, смазливая кухарка, одетая в траур и суетившаяся у буфета, прошмыгнула в комнату, несколько раз ухмыльнулась Сэму в знак того, что узнает его, и, молча поместившись за стулом его отца, возвестила о своем присутствии тихим покашливанием. Так как оно осталось без внимания, она кашлянула громче.

– В чем дело? – воскликнул мистер Уэллер-старший, роняя кочергу, и, оглянувшись, быстро отодвинул стул. Что случилось?

– Миленький, выпейте чашку чаю, – медовым голосом предложила смазливая особа.

– Не хочу! – грубо отрезал мистер Уэллер. – Проваливайте к... – Он спохватился и добавил вполголоса: – Подальше отсюда.

– Ах, боже мой, как человек меняется в несчастье! – воскликнула леди, закатывая глаза.

– Кроме доктора и смерти, только это и может изменить мое положение, – буркнул мистер Уэллер.

– Никогда еще не видывала такого сердитого человека, – сказала смазливая особа.

– Не беспокойтесь. Все это мне на пользу, как утешал себя один раскаявшийся школьник, когда его высекли, – отвечал старый джентльмен.

Смазливая особа сочувственно и соболезнующе покачала головой и обратилась к Сэму за поддержкой: не правда ли, отец должен взять себя в руки и не предаваться унынию?

– Видите ли, мистер Сэмюел, – говорила смазливая особа, – я его еще вчера предупреждала, что он почувствует себя одиноким, и тут уж ничего не поделаешь, но он должен приободриться. Ах, боже мой, ведь мы все сочувствуем его горю и готовы все для него сделать, и нет такого печального положения, мистер Сэмюел, которого нельзя было бы изменить. Это самое говорил мне один очень достойный джентльмен, когда умер мой муж.

Тут красноречивая особа, прикрыв рот рукой, кашлянула снова и бросила нежный взгляд на мистера Уэллера-старшего.

– Так как я сейчас не нуждаюсь в вашем разговоре, сударыня, то, будьте добры, уйдите, – произнес мистер Уэллер серьезным и внушительным тоном.

– Послушайте, мистер Уэллер, – возразила смазливая особа, – ведь я только по доброте сердечной разговариваю с вами.

– Очень возможно, сударыня, – отвечал мистер Уэллер. – Сэмивел, проводи эту леди и запри за ней дверь.

Намек достиг цели: смазливая особа немедленно вышла из комнаты и захлопнула за собой дверь, после чего мистер Уэллер-старший весь в поту откинулся на спинку стула и сказал:

– Сэмми, если я пробуду здесь неделю – одну только неделю, мой мальчик, – я оглянуться не успею, как эта женщина насильно женит меня на себе.

– Вот как! Неужели она так влюблена? – осведомился Сэм.

– Влюблена! – воскликнул отец. – Я не могу от нее отделаться. Если бы меня посадили в несгораемый шкаф с брамовским замком[154], она все равно добралась бы до меня, Сэмми.

– Вот здорово, когда человека так добиваются! – улыбаясь, сказал Сэм.

– Я этим не горжусь, Сэмми, – возразил мистер Уэллер, энергически размешивая угли. – Это ужасная ситивация. Меня положительно выгоняют из дому. Не успела твоя бедная мачеха испустить дух, как уж одна старуха присылает мне банку варенья, другая – банку желе, а третья заваривает ромашку и собственноручно приносит мне огромную кружку.

Мистер Уэллер умолк, всем своим видом выражая крайнее отвращение, потом добавил вполголоса:

– И все они – вдовы, Сэмми, все, кроме той, что с ромашкой, а она – незамужняя леди пятидесяти трех лет.

Сэм ответил на это забавным подмигиванием, а старый джентльмен, разбив упрямую головешку с таким рвением и злобой, словно это была голова одной из упомянутых вдов, продолжал:

– Короче говоря, Сэмми, я чувствую себя в безопасности только на козлах.

– Почему же там лучше, чем в другом месте? – перебил Сэм.

– А потому, что кучер – особа с привилегией, – пояснил мистер Уэллер, пристально глядя на сына. – Потому, что кучер может делать то, чего другие не могут, и никто его не заподозрит. Потому, что кучер может быть в очень дружеских отношениях хоть с восемью – десятью тысячами женщин, но никому и в голову не придет, что он подумывает жениться на одной из них. А кто другой, кроме кучера, может сказать то же самое, Сэмми?

– Пожалуй, это похоже на правду, – согласился Сэм.

– Будь твой хозяин кучером, – рассуждал мистер Уэллер, – неужели ты думаешь, что присяжные осудили бы его? Никогда бы они этого не сделали, даже если бы дело дошло до суда.

– А почему? – недоверчиво спросил Сэм.

– А потому, – ответил мистер Уэллер, – что они не пошли бы против своей совести. Регулярный кучер – все равно, что дорожка между холостяцкой жизнью и супружеством, и всякий порядочный человек это знает.

– Вот как! Вы, кажется, хотите сказать, что кучера – общие любимцы и никто их не обидит? – осведомился Сэм.

Его отец кивнул головой.

– Почему так случилось, – продолжал родитель, – я и сам не знаю. Понятия не имею, почему кучера карет дальнего следования так умеют всем угодить и почему за ними бегает, можно сказать – обожает их, прекрасный пол в каждом городе, через который они проезжают. Знаю, что так оно и есть на самом деле. Это от природы так – диспансер, как говаривала ваша бедная мачеха.

– Диспансация[155], – поправил Сэм старого джентльмена.

– Хорошо, Сэмивел, пусть будет диспансация, если тебе это больше по вкусу, – отвечал мистер Уэллер. – Я это называю диспансер, и так всегда пишется в тех местах, где тебе отпускают даром лекарства, если только ты приносишь свою посуду, вот и все.

С этими словами мистер Уэллер снова набил и раскурил трубку и, опять придав чертам своего лица задумчивое выражение, продолжал:

– Так вот, мой мальчик, незачем мне оставаться здесь только для того, чтобы меня женили, хочу я этого или не хочу, а так как нет у меня желания совсем отгородиться от интересных членов общества, то я порешил отправиться туда, где безопаснее, и снова повернуть оглобли к «Прекрасной Дикарке». Там все мне родное, Сэмми.

– А как быть с трактиром? – осведомился Сэм.

– Трактир, Сэмивел, – отвечал старый джентльмен, – со всем добром, запасами и обстановкой будет перепродан. И твоя мачеха незадолго до смерти пожелала, чтобы двести фунтов из этих денег были помещены на твое имя в эти штуки... как они называются?

– Какие штуки? – спросил Сэм.

– Да те штучки, что в Сити постоянно идут то выше, то ниже.

– Омнибусы? – подсказал Сэм.

– Ну и сморозил! – возразил мистер Уэллер. – Они всегда качаются и почему-то путаются с государственным долгом и банковыми чеками и всякой всячиной.

– Облигации! – догадался Сэм.

– Совершенно верно, оболгации, – согласился мистер Уэллер. – Так вот, двести фунтов из этих денег будут помещены на твое имя, Сэмивел, в оболгации по четыре с половиной процента, Сэмми.

– Очень мило, что старая леди обо мне подумала, – сказал Сэм, – и я ей весьма признателен.

– Остальные деньги будут положены на мое имя, – продолжал мистер Уэллер-старший, – а когда я проеду последнюю заставу, они перейдут к тебе. Смотри, мой мальчик, не промотай их и берегись, чтобы какая-нибудь вдова не пронюхала о твоем богатстве, а не то твоя песенка спета.

Высказав такое предостережение, мистер Уэллер с прояснившейся физиономией взялся за трубку; по-видимому, этот деловой разговор принес ему значительное облегчение.

– Кто-то стучится, – сказал Сэм.

– Пускай стучится, – с достоинством отозвался его отец.

Поэтому Сэм не двинулся с места. Стук повторился снова и снова, затем раздались энергические удары, после чего Сэм осведомился, почему бы не впустить стучавшего.

– Тише! – опасливо прошептал мистер Уэллер. – Не обращай никакого внимания. Может быть, это одна из вдов.

Так как стуки были оставлены без внимания, невидимый посетитель после краткой паузы рискнул открыть дверь и заглянуть в комнату. В полуоткрытую дверь просунулась не женская голова, а длинные черные космы и красная физиономия мистера Стиггинса. Трубка выпала из рук мистера Уэллера.

Преподобный джентльмен потихоньку открывал дверь все шире и шире, а когда, наконец, образовалась такая щель, в которую могло проскользнуть его тощее тело, он шмыгнул в комнату и очень старательно и бесшумно прикрыл за собой дверь. Повернувшись к Сэму, он воздел руки и закатил глаза в знак безграничной скорби, вызванной несчастьем, какое постигло семью, после чего перенес кресло с высокой спинкой в свой старый уголок у камина и, присев на самый краешек, вытащил из кармана коричневый носовой платок и прижал его к своим органам зрения.

Пока разыгрывалась эта сцена, мистер Уэллер-старший сидел, откинувшись на спинку кресла, выпучив глаза и положив руки на колени, всем своим видом выражая безграничное изумление. Сэм, храня глубокое молчание, сидел против него и с живейшим любопытством ждал развязки.

Мистер Стиггинс несколько минут прижимал к глазам коричневый носовой платок и благопристойно стонал, а затем, овладев собой, спрятал его в карман и застегнулся. После этого он помешал угли, а потом потер руки и посмотрел на Сэма.

– О мой юный друг, – тихим голосом сказал мистер Стиггинс, нарушая молчание, – какое великое горе!

Сэм слегка кивнул.

– И для сосуда гнева это тоже великое горе, – добавил мистер Стиггинс.

– Сердце у сосуда благодати обливается кровью.

Сын услыхал, как мистер Уэллер пробормотал что-то о том, как бы и нос сосуда благодати не облился кровью, но мистер Стиггинс этого не слышал.

– Не знаете ли вы, молодой человек, – прошептал мистер Стиггинс, придвигая свой стул ближе к Сэму, – не оставила ли она что-нибудь Эммануилу?

– Кто он такой? – спросил Сэм.

– Наша часовня, – пояснил мистер Стиггинс, – наша паства, мистер Сэмюел.

– Она ничего не оставила ни пастве, ни пастырю, ни стаду, – отрезал Сэм, – даже собакам ничего!

Мистер Стиггинс хитро посмотрел на Сэма, бросил взгляд на старого джентльмена, который сидел с закрытыми глазами и казался спящим, потом придвинул стул еще ближе и спросил:

– И мне ничего, мистер Сэмюел?

Сэм покачал головой.

– Я думаю, что она что-нибудь да оставила, – сказал мистер Стиггинс, бледнея, насколько мог он побледнеть. – Вспомните, мистер Сэмюел! Может быть, какой-нибудь маленький сувенир?

– На то, что она вам оставила, не купишь даже такого старого зонта, как ваш, – отвечал Сэм.

– Может быть, – нерешительно начал мистер Стиггинс после глубокого раздумья, – может быть, она поручила меня заботам этого сосуда гнева, мистер Сэмюел?

– Вот это похоже на правду, судя по тому, что он мне сказал, – ответил Сэм. – Он только что говорил о вас.

– Да что вы! – просияв, воскликнул мистер Стиггинс. – А! Нужно думать, что он изменился. Мы с ним чудесно заживем теперь, мистер Сэмюел. Когда вы уедете, я возьму на себя заботу об его имуществе... я позабочусь, вот увидите.

Глубоко вздохнув, мистер Стиггинс умолк в ожидании ответа. Сэм кивнул головой, а мистер Уэллер-старший издал какой-то необычайный звук, – это было нечто среднее между стоном, хрюканьем, вздохом и ворчаньем.

Мистер Стиггинс, ободренный этим звуком, который, по его мнению, выражал угрызения совести или раскаяние, огляделся, потер руки, всплакнул, улыбнулся, опять всплакнул, а затем, тихонько приблизившись к хорошо знакомой полке в углу, взял стакан и, не торопясь, положил в него четыре куска сахару. Затем он снова огляделся и горестно вздохнул, затем прокрался в буфетную, налил в стакан ананасного рому и, вернувшись, подошел к камину, где весело пел чайник, долил стакан водой, размещал грог, отведал его, уселся и, сделав большой глоток, остановился, чтобы перевести дух.

Мистер Уэллер-старший, все еще делая странные и неумелые попытки казаться спящим, не промолвил ни слова в продолжение этой сцены, но когда Стиггинс оторвался от стакана, чтобы перевести дух, он бросился к нему, вырвал из рук стакан, выплеснул ему в лицо остатки грога, а стакан швырнул в камин. Потом, крепко схватив преподобного джентльмена за шиворот, он начал энергически колотить его ногами, сопровождая каждый удар сапогом по особе мистера Стиггинса замысловатыми и бессвязными проклятиями, направленными против его рук, ног, глаз и туловища.

– Сэмми! – крикнул мистер Уэллер. – Напяль на меня шляпу.

Сэм послушно укрепил на голове отца шляпу с длинной лентой, и старый джентльмен, брыкаясь еще ловчее, поволок мистера Стиггинса через буфетную в коридор и на улицу. Пинки не прекращались всю дорогу, а сила ударов скорее увеличивалась, чем уменьшалась.

Это было великолепное и веселящее душу зрелище: преподобный джентльмен корчился в руках мистера Уэллера и дрожал всем телом под градом пинков. Еще интереснее было наблюдать, как мистер Уэллер, победив отчаянное сопротивление, погрузил голову мистера Стиггинса в колоду с водой для лошадей и держал ее там, пока тот чуть было не захлебнулся.

– Ну вот! – сказал мистер Уэллер, позволив, наконец, мистеру Стиггинсу извлечь голову из колоды и вкладывая всю свою энергию в последний замысловатый пинок. – Присылайте сюда любого из этих лентяев-пастырей, сначала я из него студень сделаю, а потом утоплю! Сэмми, помоги мне войти в дом, дай мне руку и налей стаканчик бренди. Я запыхался, сынок.

ГЛАВА LIII,

которая повествует об уходе со сцены мистера Джингля и Джоба Троттера, о знаменательном деловом утре в Грейз-Инн-сквер и которая заканчивается стуком в дверь к мистеру Перкеру

Когда мистер Пиквик, осторожно подготовив Арабеллу и многократно заверив ее, что нет оснований впадать в уныние, сообщил ей, наконец, о своем неудачном визите в Бирмингем, Арабелла залилась слезами и, громко всхлипывая, стала жалобно сетовать на то, что она послужила причиной размолвки между отцом и сыном.

– Дорогая моя, вы совсем не виноваты, – ласково сказал ей мистер Пиквик. – Разве можно было предвидеть, что старому джентльмену покажется столь нежелательным брак его сына? Я уверен, – добавил мистер Пиквик, взглянув на ее хорошенькое личико, – что он понятия не имеет о том, какого удовольствия лишает себя.

– Ах, милый мистер Пиквик! – воскликнула Арабелла. – Что нам делать, если он не перестанет на нас сердиться?

– Ждать терпеливо, моя дорогая, пока он одумается, – весело отвечал мистер Пиквик.

– Но, милый мистер Пиквик, что будет делать Натэниел, если он лишится поддержки отца? – спросила Арабелла.

– В таком случае, милочка, – отозвался мистер Пиквик, – я смело предсказываю, что он найдет друга, который охотно окажет ему поддержку на жизненном пути.

Намек мистера Пиквика был настолько прозрачен, что Арабелла не могла не понять его. Обняв его за шею и нежно поцеловав, она зарыдала еще громче.

– Полно, полно, – сказал мистер Пиквик, беря ее за руку. – Подождем еще несколько дней, может быть он напишет или как-нибудь откликнется на сообщение вашего мужа. Если же он ничего не ответит, я уже придумал с полдюжины планов, и любой из них вас утешит. Не плачьте, моя дорогая!

С этими словами мистер Пиквик нежно пожал руку Арабелле и попросил ее осушить слезы и не огорчать мужа. Арабелла – самое кроткое создание в мире спрятала носовой платок в ридикюль, и к приходу мистера Уинкля она уже улыбалась и сверкала глазками, как в тот день, когда впервые его пленила.

«Печальное положение создается для этих молодых людей, – размышлял мистер Пиквик, одеваясь на следующее утро. – Пойду-ка я к Перкеру и попрошу его совета».

Мистер Пиквик стремился в Грейз-Инн-сквер еще и потому, что хотел покончить денежные расчеты с добродушным маленьким поверенным. Позавтракав на скорую руку, он так быстро привел свое намерение в исполнение, что не было еще десяти часов, когда он очутился у Грейз-Инна.

Когда он поднялся на площадку лестницы перед конторой Перкера, оставалось еще десять минут до прихода клерков, и мистер Пиквик коротал время, глядя в окно.

В это ясное октябрьское утро даже грязные старые дома как будто повеселели: пыльные окна, казалось, сверкали, когда на них падали солнечные лучи. Клерки один за другим стекались к подъездам и, взглянув на большие часы, ускоряли или замедляли шаг в зависимости от того, в котором часу открывались конторы. Те, чья контора открывалась в половине десятого, пускались вдруг чуть ли не рысью, а джентльмены, которым надлежало прийти к десяти, начинали шагать с аристократической медлительностью. Пробило десять, клерки развили небывалую скорость, и каждый из них, обливаясь потом, мчался быстрее, чем его предшественник. Со всех сторон доносился стук открывавшихся и захлопывавшихся дверей; словно по волшебству, во всех окнах появились головы; привратники заняли свои посты; прачки в стоптанных туфлях выбегали из контор; почтальон шнырял из дома в дом, и весь юридический улей загудел.

– Раненько к нам пожаловали, мистер Пиквик, – раздался голос за его спиной.

– А, мистер Лаутен! – отозвался сей джентльмен, оглянувшись и узнав старого знакомого.

– Довольно-таки жарко, – сказал Лаутен, вынимая из кармана брамовский ключ с затычкой, чтобы в него не забивалась пыль.

– Вы как будто разгорячились, – заметил мистер Пиквик, улыбаясь клерку, который был красен как рак.

– Я шел довольно быстро, – сообщил Лаутен. – Была половина десятого, когда я проходил по Полигону. Да это неважно, раз я пришел раньше его.

Утешившись таким соображением, мистер Лаутен извлек затычку из ключа, отпер дверь, снова вставил затычку и, спрятав брамовский ключ в карман, вынул из ящика письма, оставленные почтальоном. Затем он пригласил мистера Пиквика в контору. Здесь он в одно мгновение снял сюртук, надел поношенную куртку, которую достал из конторки, повесил шляпу, вытащил несколько листков толстой шероховатой бумаги, переложенных листами пропускной, и, заложив за ухо перо, с довольным видом потер руки.

– Ну-с, мистер Пиквик, – сказал он, – теперь у меня все в порядке. Рабочий костюм надет, бумага на столе... он может явиться хоть сейчас. Нет ли у вас понюшки табачку?

– Нет, – отвечал мистер Пиквик.

– Очень жаль, – заявил Лаутен, – а впрочем, не беда. Я мигом сбегаю и добуду бутылку содовой воды. Мистер Пиквик, вы ничего странного не замечаете в моих глазах?

Джентльмен, к коему был обращен этот вопрос, посмотрел в глаза мистеру Лаутену и сообщил, что не замечает в них ничего странного.

– Очень рад, – сказал Лаутен. – Вчера вечером мы здорово выпили в «Пне», и сегодня мне не по себе. Кстати, Перкер уже занялся вашим делом.

– Каким делом? – осведомился мистер Пиквик. – Судебными издержками миссис Бардл?

– Нет, не то, – отвечал Лаутен, – я говорю о том клиенте, чьи обязательства, по вашему поручению, мы выкупили по десяти шиллингов за фунт, чтобы освободить его из Флита и отправить в Демерару[156].

– А! Вы говорите о мистере Джингле! – воскликнул мистер Пиквик. – Ну, так как же?

– Все улажено, – сказал Лаутен, начиная чинить перо. – Ливерпульский агент сообщил, что вы оказали ему много услуг, пока не удалились от дел, и теперь он охотно берет его по вашей рекомендации.

– Отлично, – сказал мистер Пиквик. – Очень рад это слышать.

– А знаете ли, – продолжал Лаутен, поскабливая перо и готовясь сделать новый разрез, – тот, другой – совсем придурковатый парень!

– Какой другой?

– Да его слуга, приятель или как он там ему приходится. Да вы его знаете – Троттер.

– Вот как! – с улыбкой сказал мистер Пиквик. А я всегда был как раз противоположного мнения о нем.

– Признаться, и я так же судил по первому впечатлению, – отозвался Лаутен. – Это доказывает, как легко обмануться. Как вам понравится – ведь он тоже едет в Демерару!

– Как! Он отказывается от того, что ему было здесь предложено? – удивился мистер Пиквик.

– Когда Перкер предложил ему восемнадцать шиллингов в неделю и посулил прибавку, если он будет хорошо себя вести, он и слушать не стал, – сообщил Лаутен. – Заявил, что хочет отправиться с тем, другим. Вдвоем они убедили Перкера написать второе письмо, и теперь ему подыскали место там же, где будет его приятель. Перкер говорит, что даже каторжник в Новом Южном Уэльсе может рассчитывать на лучшее место, если предстанет перед судом в новом платье.

– Безумный человек! – сказал мистер Пиквик, и глаза его сияли. – Безумный человек!

– О, это хуже безумия, это, знаете ли, какое-то раболепство, – отозвался Лаутен, с презрительной миной занимаясь своим пером. – Он говорит, что это его единственный друг и он к нему привязан и так далее, в том же духе. Ну что ж, дружба – дело хорошее; вот, например, в «Пне» все мы – друзья-приятели за нашим грогом, когда каждый сам за себя платит, но жертвовать своими интересами для другого – как бы не так! У человека должны быть только две привязанности: первая – к своей собственной особе, вторая – к женскому полу. Вот как я на это смотрю, ха-ха-ха!

Мистер Лаутен закончил свою речь веселым саркастическим смехом, но смех этот преждевременно оборвался, когда на лестнице раздались шаги Перкера. Едва услышав их, Лаутен с поразительным проворством взлетел на свой табурет и начал усердно писать.

Приветствия, которыми обменялись мистер Пиквик и его поверенный, были дружескими и сердечными, но не успел клиент опуститься в кресло, как послышался стук в дверь и чей-то голос осведомился, здесь ли мистер Перкер.

– Эге! – воскликнул Перкер. – Это один из наших приятелей бродяг Джингль, собственной персоной, уважаемый сэр. Желаете его повидать?

– А как вы думаете? – нерешительно спросил мистер Пиквик.

– Я бы советовал вам повидаться с ним. Эй, сэр, как вас там зовут, пожалуйте!

Повинуясь этому бесцеремонному приглашению, Джингль и Джоб вошли в комнату, но увидев мистера Пиквика, остановились в некотором смущении.

– Ну, разве вы не знаете этого джентльмена? – сказал Перкер.

– Еще бы не знать, – ответил мистер Джингль, шагнув вперед. – Мистер Пиквик – глубоко вам благодарен – спасли жизнь – человеком меня сделали – никогда не раскаетесь, сэр.

– Очень рад это слышать, – отозвался мистер Пиквик. – Вид у вас теперь гораздо лучше.

– Благодаря вам, сэр, – большая перемена – Флит его величества – нездоровое место – весьма, – сказал Джингль, покачивая головой.

Он был одет прилично и опрятно, так же как и Джоб, который стоял за его спиной, прямой, как палка, смотрел на мистера Пиквика, и лицо у него было каменное.

– Когда они едут в Ливерпуль? – обратился мистер Пиквик к Перкеру.

– Сегодня вечером, сэр, в семь часов, – сказал Джоб, выступив вперед, – с городской каретой, сэр.

– Места заказаны?

– Заказаны, сэр.

– Вы твердо решили ехать?

– Да, сэр, – ответил Джоб.

– Что касается экипировки, необходимой для Джингля, – сказал Перкер, обращаясь к мистеру Пиквику, – я договорился, чтобы каждую четверть года вычитали небольшую сумму из его жалованья, и при аккуратных вычетах расходы будут покрыты в течение года. Я решительно возражаю, мой дорогой сэр, против того, чтобы вы что-либо для него делали, если он не постарается заплатить долг, а это зависит от желания работать и хорошего поведения.

– Правильно, – с твердой решимостью заявил Джингль. – Ясная – голова – человек – видавший виды – совершенно справедливо – вполне.

– Договорившись с его кредитором, выкупив его одежду у ростовщика, содержа его в тюрьме и уплатив за проезд, – продолжал Перкер, игнорируя замечание Джингля, – вы уже выбросили свыше пятидесяти фунтов.

– Не выбросили, – быстро перебил Джингль. – Все будет – выплачено – усердная – работа – накоплю – до последнего фартинга. Быть может, желтая лихорадка – ничего не поделаешь – если не...

Тут мистер Джингль запнулся, ударил кулаком по тулье своей шляпы, провел рукой по глазам и сел.

– Он хочет сказать, – вмешался Джоб, подойдя ближе, – он хочет сказать, что, если желтая лихорадка не отправит его на тот свет, он вернет эти деньги. Если уцелеет, он их вернет, мистер Пиквик. Я позабочусь об этом. Я знаю, что вернет, сэр, – твердил Джоб. – Я даже поклясться могу... Вот увидите, могу поклясться.

– Хорошо, хорошо! – перебил мистер Пиквик, который, желая оборвать перечень благодеяний, давно уже бросал грозные взгляды на Перкера, но тот не обращал на них никакого внимания. – Будьте осторожны, мистер Джингль, не участвуйте в отчаянных крикетных матчах, не возобновляйте знакомства с сэром Томасом Блезо, и я не сомневаюсь, что ваше здоровье окрепнет.

В ответ на эту шутку мистер Джингль улыбнулся, но вид у него был сконфуженный, и мистер Пиквик заговорил на другую тему:

– Не знаете ли вы случайно, что сталось с одним из ваших приятелей довольно скромным человеком, с которым я познакомился в Рочестере?

– Мрачный Джимми? – спросил Джингль.

– Да.

Джингль покачал головой.

– Ловкий парень – чудак, талантливый шарлатан – брат Джоба.

– Брат Джоба? – воскликнул мистер Пиквик. – А ведь и в самом деле, если присмотреться, замечаешь сходство.

– Все находили, что мы похожи, сэр, – сказал Джоб, а в уголках его глаз как будто притаилось лукавство, – но я был всегда серьезнее его. Он эмигрировал в Америку, сэр, потому что здесь ему было не по себе – слишком много внимания на него обращали, – и с тех пор мы ничего о нем не слышали.

– Должно быть, этим объясняется, почему я так и не получил «Страничку повести из жизни», которую он мне обещал прислать в то утро на Рочестерском мосту, когда как будто подумывал о самоубийстве, – с улыбкой сказал мистер Пиквик. – Кажется, можно не спрашивать о том, был ли его мрачный вид естественным или напускным.

– Он мог притвориться кем угодно, сэр, – сообщил Джоб. – Вы должны почитать себя счастливым, что так легко от него ускользнули. При близком знакомстве он мог бы оказаться еще опаснее, чем... – Джоб посмотрел на Джингля, запнулся и, наконец, закончил: чем даже я сам.

– Многообещающая у вас семейка, мистер Троттер, – сказал Перкер, запечатывая письмо, которое только что написал.

– Да, сэр, – согласился Джоб. – Совершенно верно.

– Надеюсь, – со смехом продолжал маленький законовед, – что вы не оправдаете ее надежд. Когда прибудете в Ливерпуль, передайте это письмо агенту и разрешите мне, джентльмены, дать вам совет: ведите себя скромно в Вест-Индии. Если вы упустите этот случай, вы оба заслуживаете виселицы, и она вас не минует – в этом я не сомневаюсь. Теперь оставьте нас. Нам с мистером Пиквиком надо поговорить о других делах, а время дорого.

С этими словами мистер Перкер взглянул на дверь, явно желая сократить процедуру прощания.

И мистер Джингль ее сократил. В нескольких словах он поблагодарил маленького поверенного за доброту и столь быстро оказанную помощь, потом, повернувшись к своему благодетелю, несколько секунд молчал, словно не знал, что сказать и как поступить. Джоб Троттер помог ему выйти из затруднительного положения: отвесив смиренный и благодарственный поклон мистеру Пиквику, он ласково взял своего приятеля под руку и вывел его из комнаты.

– Достойная парочка! – сказал Перкер, когда дверь за ними закрылась.

– Надеюсь, они действительно будут достойными людьми, – отозвался мистер Пиквик. – Как вы думаете, есть шансы на их исправление?

Перкер скептически пожал плечами, но, заметив встревоженное и расстроенное лицо мистера Пиквика, сказал:

– Конечно, шансы есть. Надеюсь, что так оно и будет. Сейчас они несомненно раскаиваются, но ведь у них еще свежо воспоминание о недавно пережитых страданиях. Что будет дальше, когда оно поблекнет, – этой проблемы не разрешить ни вам, ни мне. А впрочем, сэр, – добавил Перкер, положив руку на плечо мистеру Пиквику, – ваш поступок достоин уважения, каковы бы ни были результаты. Я предоставлю людям поумнее меня решать, можно ли назвать милосердием или же светским лицемерием ту осторожную и дальновидную благотворительность, которую человек проявляет редко, так как боится, что его обманут или оскорбят его самолюбие. Если эта пара завтра же совершит кражу со взломом, моя оценка вашего поступка нисколько не изменится.

Высказав такие соображения более взволнованно и серьезно, чем это свойственно юристам, Перкер придвинул свой стул к конторке и выслушал рассказ мистера Пиквика о непреклонности старого мистера Уинкля.

– Дайте ему неделю сроку, – сказал Перкер, с пророческим видом покачивая головой.

– Вы думаете, он изменит свое решение? – осведомился мистер Пиквик.

– Думаю, что изменит, – отвечал Перкер. – Если же этого не случится, мы должны воздействовать на него с помощью молодой леди. С этого надо было и начать на вашем месте.

Перкер взял понюшку табаку и удивительными гримасами начал выражать свой восторг перед силой убеждения, присущей молодой леди, но в это время в первой комнате послышались голоса. Лаутен постучал в дверь.

– Войдите! – крикнул маленький поверенный.

Клерк вошел и с таинственным видом закрыл за собой дверь.

– В чем дело? – спросил Перкер.

– Вас спрашивают, сэр.

– Кто меня спрашивает?

Лаутен покосился на мистера Пиквика и кашлянул.

– Кто спрашивает? Что же вы не отвечаете, мистер Лаутен?

– Видите ли, сэр, – проговорил Лаутен, – это Додсон, а с ним Фогг.

– Ах, боже мой! – воскликнул маленький поверенный, взглянув на часы. – Я им назначил здесь свидание в половине двенадцатого, чтобы покончить с вашим делом, Пиквик. Я поручился за вас, и на этом основании вы были освобождены. Очень затруднительное положение, уважаемый сэр. Что же нам делать? Не хотите ли пройти в соседнюю комнату?

Но как раз в соседней комнате находились мистеры Додсон и Фогг, и мистер Пиквик выразил желание не трогаться с места, тем более что не ему, а мистерам Додсону и Фоггу должно быть стыдно смотреть ему в лицо. На это последнее обстоятельство мистер Пиквик, краснея и явно выражая свое возмущение, попросил мистера Перкера обратить особое внимание.

– Отлично, уважаемый сэр, – отвечал Перкер. – Но если вы воображаете, будто Додсон и Фогг почувствуют стыд и смущение при встрече с вами или с кем бы то ни было, то могу вам сказать, что такого оптимиста, как вы, я еще не видывал. Попросите их войти, мистер Лаутен.

Мистер Лаутен, ухмыляясь, вышел и тотчас же ввел, соблюдая очередь, представителей фирмы: сперва Додсона, а потом Фогга.

– Вы, кажется, встречались с мистером Пиквиком, – сказал Перкер Додсону, указывая пером в ту сторону, где сидел сей джентльмен.

– Как поживаете, мистер Пиквик? – громко приветствовал его Додсон.

– А, мистер Пиквик! – воскликнул Фогг. – Как поживаете? Надеюсь, вы в добром здоровье, сэр? Ваше лицо сразу показалось мне знакомым, – добавил Фогг, с улыбкой придвигая стул и озираясь вокруг.

Мистер Пиквик чуть заметно наклонил голову в ответ на эти приветствия и, увидев, что Фогг вытащил из кармана связку бумаг, встал и отошел к окну.

– Мистеру Пиквику незачем уходить, мистер Перкер, – сказал Фогг, развязывая красную тесьму, стягивавшую маленький сверток, и улыбаясь еще любезнее. – Мистеру Пиквику хорошо известны эти дела. Мне кажется, у нас нет секретов, хи-хи-хи!

– Да, конечно, – подхватил Додсон. – Ха-ха-ха!

Оба компаньона дружно засмеялись веселым и беззаботным смехом, как смеются люди, когда получают деньги.

– Мы заставим мистера Пиквика заплатить за любопытство, – со свойственным ему юмором заметил Фогг, разбирая бумаги. – Счет судебных издержек сто тридцать три фунта шесть шиллингов четыре пенса, мистер Перкер.

После этого заявления о прибылях и убытках Фогг и Перкер занялись сличением и перелистыванием бумаг, а Додсон, ухмыляясь, обратился к мистеру Пиквику:

– Вы как будто похудели, мистер Пиквик, с тех пор как я имел удовольствие видеть вас в последний раз.

– Очень возможно, сэр, – отвечал мистер Пиквик, давно уже метавший негодующие взгляды, которые не производили ни малейшего впечатления на ловких дельцов. – Думаю, что я похудел, сэр. Последнее время, сэр, некий мошенники изводили и преследовали меня.

Перкер громко закашлялся и спросил мистера Пиквика, не хочет ли он посмотреть утреннюю газету. На это предложение мистер Пиквик ответил решительным отказом.

– Совершенно верно, – сказал Додсон. – Я не сомневаюсь, что вас изводили во Флите. Там попадаются странные людишки. Какие апартаменты вы занимали, – мистер Пиквик?

– У меня была одна камера в том этаже, где находится общая столовая, – отвечал глубоко оскорбленный джентльмен.

– Вот как! – сказал Додсон. – Кажется, это очень удобное отделение тюрьмы.

– Очень удобное. – сухо отозвался мистер Пиквик.

При данных обстоятельствах хладнокровие Додсона могло взбесить любого джентльмена с пылким темпераментом. Мистер Пиквик делал гигантские усилия, чтобы обуздать свой гнев, но когда мистер Перкер выписал чек на всю сумму, а на прыщеватом лице Фогга, спрятавшего чек в бумажник, засияла торжествующая улыбка, которая отразилась и на суровой физиономии Додсона, мистер Пиквик почувствовал, что щеки у него запылали от негодования.

– Ну-с, мистер Додсон, я к вашим услугам, – сказал Фогг, пряча бумажник и натягивая перчатки.

– Отлично, – сказал Додсон, вставая, – я готов.

– Я счастлив, – начал Фогг, растаяв по получении чека, – что имел удовольствие познакомиться с мистером Пиквиком. Надеюсь, мистер Пиквик, теперь вы не такого плохого мнения о нас, как в тот день, когда мы впервые имели удовольствие вас видеть.

– Надеюсь, – произнес Додсон тоном оскорбленной добродетели. – Смею думать, мистер Пиквик теперь знает нас лучше. Каково бы ни было ваше мнение о джентльменах нашей профессии, я могу заверить вас, сэр, что не питаю к вам недоброжелательства или злобы за те чувства, какие вы пожелали выразить в нашей конторе во Фрименс-Корт, Корнхилл, в тот день, о котором упомянул мой компаньон.

– О, разумеется, я также! – подхватил Фогг тоном всепрощения.

– Наше поведение, сэр, – продолжал Додсон, – говорит само за себя и неизменно себя оправдывает. Этой профессией мы занимаемся много лет, мистер Пиквик, и многие превосходные клиенты почтили нас своим доверием. Желаю вам всего хорошего, сэр.

– Всего хорошего, мистер Пиквик, – сказал Фогг.

С этими словами он сунул зонт под мышку, снял правую перчатку и в знак примирения протянул руку крайне возмущенному джентльмену, но тот заложил руки за фалды фрака и с презрительным изумлением воззрился на законоведа.

– Лаутен! – крикнул Перкер. – Откройте дверь!

– Подождите один момент! – произнес мистер Пиквик. – Перкер, я скажу несколько слов.

– Уважаемый сэр, не стоит поднимать снова этот вопрос, – сказал маленький поверенный, которого терзали мрачные предчувствия, пока длилось свидание. – Мистер Пиквик, прошу вас!

– Не мешайте мне говорить, сэр! – с живостью перебил мистер Пиквик. – Мистер Додсон, вы обратились ко мне с некоторыми замечаниями.

Додсон повернулся к нему, покорно опустил голову и улыбнулся.

– Вы обратились ко мне с некоторыми замечаниями, – повторил мистер Пиквик, начиная задыхаться, – а ваш компаньон протянул мне руку, и вы оба усвоили себе тон снисходительный, высокомерный и столь бесстыдный, что я его не ждал даже от вас.

– Что такое, сэр? – воскликнул Додсон.

– Что такое, сэр? – вторил ему Фогг.

– Вам известно, что я стал жертвой ваших интриг и козней? – продолжал мистер Пиквик. – Вам известно, что я – тот самый человек, которого вы засадили в тюрьму и ограбили? Вам известно, что вы были поверенными истицы в деле Бардл – Пиквик?

– Да, сэр, нам это известно, – отвечал Додсон.

– Конечно, известно, сэр, – подхватил Фогг, хлопнув себя по карману, быть может случайно.

– Вижу, что вы вспоминаете об этом с удовольствием, – сказал мистер Пиквик, впервые в жизни попытавшись насмешливо улыбнуться и явно потерпев неудачу. – Хотя мне давно уже хотелось высказать вам напрямик мое мнение о вас, но из уважения к моему другу Перкеру я бы не воспользовался представившимся мне случаем, если бы не ваш недопустимый тон в разговоре со мной и не эта наглая фамильярность, сэр, – провозгласил мистер Пиквик, с таким возмущением поворачиваясь к Фоггу, что тот без дальнейших размышлений с удивительным проворством попятился к двери.

– Берегитесь, сэр! – крикнул Додсон, который хотя и был самым рослым в этой компании, но предусмотрительно спрятался за спину Фогга и, сильно побледнев, объяснялся через его голову. – Пусть он осмелится оскорбить вас действием, мистер Фогг! Не отвечайте тем же.

– Нет, нет, не отвечу! – сказал Фогг, снова попятившись, к явному облегчению своего компаньона, который воспользовался этим маневром, чтобы постепенно отступить в соседнюю комнату.

– Вы... вы, – продолжал мистер Пиквик прерванную речь, – вы – достойная пара подлых гнусных кляузников и грабителей!

– Ну, как? – вмешался Перкер. – Теперь все сказано?

– В эти слова вложено все! – отвечал мистер Пиквик. – Они подлые и гнусные кляузники и грабители!

– Ну, вот! – примирительным тоном произнес Перкер. – Уважаемые сэры, он сказал все, что хотел сказать. Прошу вас, уйдите. Лаутен, дверь открыта?

Мистер Лаутен, хихикавший поодаль, дал утвердительный ответ.

– Отлично... всего хорошего... прошу вас, уважаемые сэры... Мистер Лаутен, дверь! – крикнул маленький поверенный, поспешно выпроваживая Додсона и Фогга из конторы. – Пожалуйте сюда, уважаемые сэры... прошу вас, не задерживайтесь... Ах, боже мой!.. Мистер Лаутен... дверь, сэр... что же вы зеваете?

– Сэр, если есть в Англии правосудие, – сказал Додсон, надевая шляпу и поворачиваясь к мистеру Пиквику, – вы за это поплатитесь!

– Вы – пара подлых...

– Помните, сэр, вы за это дорого заплатите, – сказал Фогг.

– ...гнусных кляузников и грабителей! – продолжал мистер Пиквик, не обращая ни малейшего внимания на угрозы.

– Грабители! – крикнул мистер Пиквик, выбегая на площадку, когда законоведы уже спускались с лестницы.

– Грабители! – вопил мистер Пиквик, вырываясь из рук Лаутена и Перкера и высовываясь из окна на площадке лестницы.

Когда мистер Пиквик отвернулся от окна, лицо у него было улыбающееся и безмятежное. Спокойно вернувшись в контору, он объявил, что избавился от тяжкого бремени, угнетавшего его душу, и теперь чувствует себя довольным и счастливым.

Перкер не сказал ни слова, пока не опустошил своей табакерки и не послал Лаутена наполнить ее, а вслед за этим у него начался приступ смеха, длившийся пять минут, после чего он объявил, что, пожалуй, ему следовало бы рассердиться, но сейчас он еще не может отнестись к делу серьезно – позднее он непременно рассердится.

– А теперь, – сказал мистер Пиквик, – я хочу свести счеты с вами.

– Так же, как вы их только что сводили? – осведомился Перкер, снова расхохотавшись.

– Не совсем, – возразил мистер Пиквик, извлекая бумажник и дружески пожимая руку маленькому законоведу. – Я имею в виду только денежные счеты. За ваше доброе ко мне отношение я не могу вам заплатить, да и желания не имею, потому что предпочитаю оставаться вашим должником.

После такого предисловия двое друзей погрузились в весьма сложные расчеты, которые были тщательно просмотрены Перкером; и мистер Пиквик расплатился немедленно, заверяя его в своем уважении и дружбе.

Не успели они кончить свои расчеты, как раздался отчаянный стук в дверь. Это был не обычный двойной удар, а непрерывная серия оглушительных ударов, словно дверной молоток приобрел способность perpetuum mobile или человек, стучавший в дверь, забыл прервать это занятие.

– Черт возьми! Что это такое? – вздрогнув, воскликнул Перкер.

– Кажется, стучат в дверь, – отозвался мистер Пиквик, словно можно было сомневаться в этом.

Молоток дал более энергический ответ, чем любые слова, ибо забарабанил с удивительной силой и грохотом, ни на секунду не останавливаясь.

– Боже мой! – воскликнул Перкер, позвонив в колокольчик. – Мы переполошим весь Инн. Лаутен, да разве вы не слышите?

– Сию минуту я открою дверь, сэр, – откликнулся клерк.

Молоток как будто услышал этот ответ и заявил, что решительно отказывается ждать так долго. Он поднял невообразимый грохот.

– Это ужасно! – сказал мистер Пиквик, затыкая уши.

– Поторопитесь, мистер Лаутен! – крикнул Перкер. – Он прошибет филенку!

Мистер Лаутен, мывший руки в темном чулане, бросился к двери, повернул ручку и узрел существо, которое будет описано в следующей главе.

ГЛАВА LIV,

содержащая некоторые подробности о стуке в дверь и другие события; среди них интересное разоблачение, касающееся мистера Снодграсса и молодой леди, отнюдь нельзя назвать неуместным в этом повествовании

Существо, представшее взорам пораженного клерка, был парень – очень жирный парень в ливрее, который с закрытыми глазами стоял на циновке и как будто спал. Такого жирного парня клерк никогда не видывал даже в странствующих балаганах. Это обстоятельство, а также полное спокойствие и безмятежность парня, столь не вязавшиеся с представлением о человеке, поднявшем такой шум, произвели ошеломляющее впечатление на клерка.

– Что случилось? – осведомился он.

Удивительный парень не ответил ни слова, только клюнул носом, и клерку почудилось, будто он похрапывает.

– Откуда вы взялись? – полюбопытствовал клерк.

Парень безмолвствовал. Он тяжело дышал, но не подавал других признаков жизни.

Клерк трижды повторил вопрос и, не получив ответа, хотел было захлопнуть дверь, как вдруг парень открыл глаза, несколько раз моргнул, один раз чихнул и поднял руку, словно собираясь снова взяться за молоток. Заметив, что дверь открыта, он с изумлением огляделся и, наконец, уставился на мистера Лаутена.

– Какого черта вы так стучите? – сердито спросил клерк.

– Как? – медленно, сонным голосом промолвил парень.

– Как сорок извозчиков! – пояснил клерк.

– Хозяин приказал мне стучать, пока не откроют дверь. Он боялся, что я засну, – сообщил парень.

– А зачем вас сюда прислали? – полюбопытствовал клерк.

– Он внизу, – сказал парень.

– Кто?

– Хозяин. Он хочет знать, дома ли вы.

Тут мистер Лаутен сообразил, что можно посмотреть в окно. Увидев открытую коляску, а в ней – дородного пожилого джентльмена, нетерпеливо поглядывавшего вверх, он решил поманить его, после чего пожилой джентльмен тотчас же вышел из коляски.

– Это ваш хозяин там, в коляске? – спросил Лаутен.

Парень кивнул головой.

Дальнейшие расспросы были прерваны появлением старого Уордля, который, взбежав по лестнице и поздоровавшись с Лаутеном, прошел прямо к мистеру Перкеру.

– Пиквик! – воскликнул старый джентльмен. – Вашу руку, приятель! Ведь я только третьего дня узнал, что вы позволили засадить себя в тюрьму! Как вы это допустили, Перкер?

– Я ничего не мог поделать, сэр, – отвечал Перкер, улыбаясь и беря понюшку табаку. – Вы знаете, как он упрям.

– Еще бы не знать! – подхватил пожилой джентльмен. – А все-таки я очень рад его видеть. Ну теперь-то уж я не спущу с него глаз.

С этими словами Уордль еще раз пожал руку мистеру Пиквику и, проделав то же самое с рукой Перкера, бросился в кресло: его веселая красная физиономия сияла улыбками и здоровьем.

– Ну-с, – сказал Уордль, – веселенькие разыгрываются истории... угостите табачком, приятель Перкер... Ну, и времена!

– О чем вы говорите? – осведомился мистер Пиквик.

– О чем говорю? – повторил Уордль. – Да о том, что все девицы с ума сошли. Вы скажете – это не новость? Пожалуй, по тем не менее это правда.

– Уважаемый сэр, неужели вы приехали в Лондон для того только, чтобы сообщить нам об этом? – полюбопытствовал Перкер.

– Не совсем, – отвечал Уордль, – хотя это и явилось причиной моего приезда. Как поживает Арабелла?

– Прекрасно, – ответил мистер Пиквик. – Не сомневаюсь, что она будет очень рада вас видеть.

– Черноглазая кокетка! – воскликнул мистер Уордль. – Я сам подумывал на ней жениться как можно скорей. Но все-таки я рад, очень рад.

– Как дошла до вас эта весть? – спросил мистер Пиквик.

– Разумеется, она дошла до моих девиц, – отвечал Уордль. – Арабелла написала им третьего дня, что она вышла замуж без ведома отца своего мужа, а вы поехали добиваться его согласия, когда отказ уже не мог воспрепятствовать браку, ну и так далее. Я решил, что в такой благоприятный момент не мешает поговорить серьезно с моими девицами; поэтому я им объяснил, как это ужасно, когда дети вступают в брак, не получив согласия родителей, и дальше в том же духе. Но – да помилует нас бог! – на них это не произвело ни малейшего впечатления. По их мнению, куда хуже, что свадьба была без подружек, и, стало быть, я с таким же успехом мог бы поучать Джо.

Тут старый джентльмен умолк, чтобы посмеяться, и, нахохотавшись вдоволь, продолжал:

– Но, по-видимому, дело этим не кончится. Это только половина всех любовных интриг и заговоров, которые сейчас затеваются. Оказывается, мы вот уже полгода расхаживаем по минам, и, наконец, они взорвались.

– Что вы говорите! – бледнея, воскликнул мистер Пиквик. – Неужели еще один тайный брак!

– Нет, – отвечал старик Уордль. – Дела еще не так плохи.

– Так что же? – спросил мистер Пиквик. – Это касается меня?

– Отвечать ли мне на этот вопрос, Перкер? – осведомился Уордль.

– Отвечайте, мой дорогой сэр, если вас это не компрометирует.

– В таком случае – да, касается, – объявил Уордль.

– Как? – встревожился мистер Пиквик. – Каким образом?

– Право же, вы такой вспыльчивый юноша, что я побаиваюсь вам говорить, – отвечал Уордль. – Но если Перкер ради безопасности сядет между нами, я, так и быть, рискну.

Закрыв дверь и подкрепившись второй понюшкой из табакерки Перкера, старый джентльмен приступил к важному разоблачению.

– Дело в том, что моя дочь Белла... знаете Беллу, ту, что замужем за молодым Трандлем?..

– Знаю, знаю! – нетерпеливо перебил мистер Пиквик.

– Не запугивайте меня с самого начала. Так вот, моя дочь Белла... (Эмили ушла спать с головной болью, прочитав мне письмо Арабеллы...) Белла подсела ко мне вечерком и начала толковать об этой свадьбе. «Что вы об этом думаете, папа?» – спрашивает она меня. «Что ж, моя милая, – говорю я, пожалуй, это неплохо. Надеюсь, все к лучшему». Я сидел у камина, мечтательно попивал грог и знал, что достаточно мне изредка вставлять какое-нибудь неопределенное замечание, а уж она будет щебетать, вот почему я ей так и ответил. Обе мои девочки – вылитый портрет своей матери, и теперь, когда старость подошла, я люблю видеть их возле себя. Их голоса и лица напоминают мне счастливейшую пору моей жизни, и на секунду я чувствую себя таким же молодым, как в те времена, хотя и не таким беззаботным. «Это настоящий брак по любви, папа», – помолчав, говорит Белла. «Да, моя милая, – отвечаю я, но такие браки не всегда бывают самыми счастливыми».

– Заметьте, я с этим не согласен! – с жаром воскликнул мистер Пиквик.

– Прекрасно, – сказал Уордль. – Можете не соглашаться с чем угодно, когда придет ваш черед говорить, – а сейчас не перебивайте меня.

– Прошу прошения, – сказал мистер Пиквик.

– Прощаю, – отвечал Уордль. – «Мне жаль, – покраснев, говорит Белла, что вы, папа, настроены против браков по любви». – «Я был неправ, мне не следовало так говорить, моя милая, – отвечаю я и поглаживаю ее по щеке так нежно, как только может погладить такой грубый старик. – Твоя мать вышла замуж по любви, да и ты тоже». – «Я не об этом думала, папа, – говорит Белла. Дело в том, что я хотела поговорить с вами об Эмили».

Мистер Пиквик вздрогнул.

– Что случилось? – осведомился Уордль, прерывая свой рассказ.

– Ничего, – отвечал мистер Пиквик. – Пожалуйста, продолжайте.

– Я никогда не умел рассказывать длинные истории, – объявил Уордль. Но рано или поздно все откроется, так уж лучше не терять времени и сразу выложить суть дела. Короче говоря, Белла, наконец, собралась с духом и сообщила мне, что Эмили очень несчастна: она и ваш молодой друг Снодграсс состояли в переписке еще с прошлого рождества, и Эмили – делать нечего – решила бежать с ним, следуя похвальному примеру своей старой школьной подруги, но так как я всегда был расположен к ним обеим, она почувствовала некоторые угрызения совести, и вот они решили сначала оказать мне честь и спросить, имею ли я какие-

нибудь возражения против того, чтобы они сочетались самым обыкновенным прозаическим браком. А теперь, мистер Пиквик, если вы постараетесь не таращить глаза и сообщите мне, что мы, по вашему мнению, должны делать, я буду вам весьма признателен.

Для недовольного тона, коим веселый старый джентльмен произнес эту последнюю фразу, были некоторые основания, ибо физиономия мистера Пиквика выражала тупое изумление и замешательство, не лишенные комизма.

– Снодграсс! С прошлого рождества! – были первые отрывистые слова, сорвавшиеся с уст потрясенного джентльмена.

– С прошлого рождества, – подтвердил Уордль, – это совершенно ясно; должно быть, у нас были очень плохие очки, если мы до сих пор ничего не заметили.

– Не понимаю, – задумчиво промолвил мистер Пиквик. – Решительно ничего не понимаю.

– Понять нетрудно, – возразил вспыльчивый старый джентльмен. – Будь вы помоложе, вы бы давным-давно открыли этот секрет. А кроме того, нерешительно добавил Уордль, – уж коли говорить правду, я последние четыре-пять месяцев уговаривал Эмили (если она не прочь, потому что я ни за что не стал бы насиловать девичьи чувства) принять ухаживанье одного молодого джентльмена, живущего по соседству. Я нимало не сомневаюсь, что она, как и полагается любой девице, раздула эту историю, чтобы повысить себе цену и распалить страсть мистера Снодграсса. Конечно, оба пришли к тому заключению, что они несчастнейшие и гонимые существа и нет у них другого выхода, кроме тайного брака или жаровни с углем. Спрашивается, что нам делать?

– А что вы сделали? – осведомился мистер Пиквик.

– Я?

– Да, я хочу сказать, что вы сделали, когда узнали об этом от замужней дочери?

– Ну, конечно, я повел себя как последний дурак, – отвечал Уордль.

– Вот именно, – вмешался Перкер, который на протяжении этого диалога теребил цепочку от часов, сердито потирал нос и проявлял другие признаки нетерпения. Это вполне естественно. Что же вы сделали?

– Я страшно вспылил и напугал мать так, что с ней случился припадок, – сказал Уордль.

– Очень благоразумно, – заметил Перкер, – а еще что?

– Я бесновался весь следующий день и всех переполошил, – отвечал старый джентльмен. – Наконец, мне надоело отравлять существование себе и другим. Я нанял экипаж в Маглтоне, приказал запрячь моих лошадей и поехал в Лондон под предлогом, что Эмили должна навестить Арабеллу.

– Значит, мисс Уордль с вами? – осведомился мистер Пиквик.

– Ну, конечно, – отвечал Уордль. – В настоящее время она находится в гостинице Осборна в Эдельфи, если только ваш предприимчивый друг не удрал с нею, пока я здесь сижу.

– Значит, вы помирились? – спросил Перкер.

– Ничуть не бывало, – возразил Уордль. – Она все время плакала и хныкала и сделала передышку только вчера вечером между чаем и ужином; тогда она очень важно уселась писать письмо, а я сделал вид, будто ничего не замечаю.

– Полагаю, вы нуждаетесь в моем совете? – спросил Перкер, переводя взгляд с глубокомысленного лица мистера Пиквика на взволнованную физиономию Уордля; при этом он угостился несколькими щедрыми понюшками своего любимого возбуждающего средства.

– Полагаю, что так, – сказал Уордль, взглянув на мистера Пиквика.

– Разумеется, – подтвердил сей джентльмен.

– Ну, так слушайте, – сказал Перкер, вставая и отодвигая стул. – Вот вам мой совет: отправляйтесь вы оба пешком, в экипаже или как хотите, потому что вы меня утомили, и

обсудите этот вопрос между собой. Если вы его не решите к тому времени, когда мы снова встретимся, я вам скажу, что надо делать.

– Вот это здорово! – заметил Уордль, не зная, смеяться ему или обижаться.

– Вздор, мой дорогой сэр! – заявил Перкер. – Я вас обоих знаю гораздо лучше, чем вы сами себя знаете. Этот вопрос вами уже решен.

Высказав свое мнение, маленький джентльмен ткнул табакеркой сперва в грудь мистеру Пиквику, а потом в жилет мистеру Уордлю, после чего все трое расхохотались, в особенности два последних джентльмена, которые без всякой видимой причины или повода обменялись рукопожатием.

– Сегодня вы обедаете у меня, – сказал Уордль провожавшему их Перкеру.

– Не обещаю, мой дорогой сэр, не обещаю, – отвечал Перкер. – Во всяком случае, я загляну вечерком.

– Жду вас к пяти, – сказал Уордль. – Эй, Джо!

Когда удалось, наконец, разбудить Джо, двое друзей уехали в коляске мистера Уордля, к которой, из человеколюбивых соображений, было приделано сзади сиденье для жирного парня, ибо, помещайся Джо просто на запятках, он неминуемо свалился бы и разбился насмерть при первом же погружении в сон.

Приехав в гостиницу «Джордж и Ястреб», они узнали, что Арабелла, получив от Эмили записку, извещавшую об ее прибытии, немедленно послала за наемной каретой и вместе со своей горничной отправилась в Эдельфи. Так как у Уордля были дела в Сити, то он отослал коляску с жирным парнем в свою гостиницу, дабы предупредить, что он с мистером Пиквиком приедет к пяти часам обедать.

Получив такое приказание, жирный парень отправился в путь, и пока коляска катилась по камням, он мирно спал на заднем сиденье, словно покоился на пуховике и пружинном матраце. Когда экипаж остановился, он чудесным образом проснулся без посторонней помощи и, хорошенько встряхнувшись, чтобы расшевелить все силы ума, пошел наверх исполнять поручение.

Повредила ли встряска умственным способностям жирного парня, вместо того чтобы привести их в порядок, или пробудила в нем столько новых идей, что он забыл самые обыкновенные правила вежливости, или, наконец (не исключена и эта возможность), не помешала ему заснуть, пока он поднимался по лестнице, как бы там ни было, но факт не подлежит сомнению: он вошел в гостиную, не постучав предварительно в дверь, и увидел джентльмена, сидевшего на диване рядом с его молодой хозяйкой и очень нежно обнимавшего ее за талию, в то время как Арабелла со своей хорошенькой горничной находилась в другом конце комнаты, делая вид, будто пристально смотрит в окно. При виде такой сцены жирный парень издал какое-то восклицание, леди испустила вопль, джентльмен проклятье, – все произошло почти одновременно.

– Бездельник, что вам здесь нужно? – вопросил джентльмен.

Вряд ли стоит говорить, что это был мистер Снодграсс.

На это жирный парень, весьма устрашенный, ответил коротко:

– Хозяйку.

– Зачем я вам нужна? – отворачиваясь, спросила Эмили. – Вот глупый!

– Хозяин с мистером Пиквиком приедут обедать к пяти часам, – отвечал жирный парень.

– Убирайтесь вон! – крикнул мистер Снодграсс, грозно взирая на ошеломленного юношу.

– Нет, нет, нет! – стремительно прервала Эмили. – Белла, дорогая, мне нужно посоветоваться с тобой!

Вслед за этим Эмили, мистер Снодграсс. Арабелла и Мэри удалились в угол и в течение нескольких минут взволнованно перешептывались; жирный парень успел за это время преспокойно вздремнуть.

– Джо! – сказала, наконец, Арабелла, оглядываясь и обворожительно улыбаясь. – Как поживаете, Джо?

– Джо! – сказала Эмили. – Вы добрый юноша. Я вас не забуду, Джо!

– Джо! – сказал мистер Снодграсс, подходя к изумленному юноше и хватая его за руку. – Я вас не узнал. Вот вам пять шиллингов, Джо.

– А за мной еще пять, Джо! – сказала Арабелла. – В память старого знакомства.

И она подарила толстяка, явившегося столь некстати, еще одной прелестной улыбкой.

Жирный парень соображал туго. Сначала он был сбит с толку такими неожиданными милостями и с тревогой озирался вокруг. Затем его широкая физиономия начала расплываться в не менее широкую улыбку, и, наконец, засунув в карманы по полукроне и обе руки, он разразился хриплым хохотом – в первый и единственный раз в своей жизни.

– Кажется, он нас понимает, – сказала Арабелла.

– Нужно поскорее дать ему что-нибудь поесть, – заметила Эмили.

Услыхав эти слова, жирный парень чуть было не захохотал снова. Мэри, еще немного пошептавшись, отделилась от группы и сказала:

– Я пообедаю с вами, сэр, если вы ничего не имеете против.

– Идемте! – засуетился жирный парень. – Там такой чудесный мясной паштет!

С этими словами жирный парень стал спускаться по лестнице, а его хорошенькая спутница, следуя за ним в столовую, приковывала взгляды всех лакеев и вызывала досаду у всех горничных.

В столовой оказался не только паштет, о котором с таким чувством говорил юноша, но вдобавок еще кусок мяса, блюдо картофеля и кувшин портера.

– Садитесь, – сказал жирный парень. – Вот здорово! Как я проголодался!

Восторженно повторив эти слова раз пять или шесть подряд, юноша уселся за небольшой стол, а Мэри заняла место против него.

– Хотите этого? – спросил жирный парень, вонзив в паштет нож и вилку по самую рукоятку.

– Маленький кусочек, пожалуй, – отвечала Мэри.

Жирный парень положил Мэри маленький кусочек, а себе – большой, и только что собрался приступить к еде, как вдруг наклонился вперед и, положив руки на колени, не выпуская ножа и вилки, очень медленно проговорил:

– Послушайте, какая вы аппетитная!

Это было сказано восторженным тоном и могло показаться лестным, но глаза молодого джентльмена смотрели по-каннибальски, и комплимент звучал двусмысленно.

– Ах, боже мой, Джозеф! – воскликнула Мэри, притворяясь смущенной. – Что это вы говорите!

Жирный парень постепенно выпрямился и ответил тяжелым вздохом, затем несколько секунд пребывал в задумчивости и, наконец, отхлебнул портеру. Совершив этот подвиг, он снова вздохнул и усердно приналег на паштет.

– Какая милая молодая леди мисс Эмили! – сказала Мэри после долгого молчания.

Жирный парень успел за это время прикончить паштет. Он посмотрел на Мэри и ответил:

– Я знаю кое-кого получше.

– Вот как! – сказала Мэри.

– Да! – подтвердил жирный парень с необычайным для него оживлением.

– Как ее зовут? – полюбопытствовала Мэри.

– А вас как?

– Мэри.

– И ее точно так же, – объявил жирный парень. Она – это вы.

Парень ухмыльнулся, чтобы подчеркнуть свой комплимент, и не то скосил глаза, не то прищурился; есть основания предполагать, что он хотел сделать глазки.

– Не говорите так, – сказала Мэри, – ведь вы этого не думаете.

– Не думаю? – возразил жирный парень. – Думаю. Послушайте!

– Что?

– Вы всегда будете сюда приходить?

– Нет, – отвечала Мэри, покачав головой. – Я здесь только сегодня до вечера. А почему вы спрашиваете?

– Ах, как бы мы чудесно обедали вместе, если бы вы здесь остались! – с чувством сказал жирный парень.

– Пожалуй, я бы изредка забегала сюда – повидаться с вами, – сказала Мэри, с притворным смущением теребя скатерть, – если вы мне окажете одну услугу.

Жирный парень перевел взгляд с пустого блюда из-под паштета на жаркое, словно считал, что всякая услуга должна иметь какое-то отношение к еде, затем вытащил из кармана полукрону и с беспокойством взглянул на нее.

– Вы меня понимаете? – спросила Мэри, лукаво посматривая на его одутловатое лицо.

Он снова взглянул на полукрону и чуть слышно ответил:

– Нет.

– Леди не хотят, чтобы вы говорили старому джентльмену о молодом джентльмене в гостиной, и я вас тоже очень прошу.

– И это все? – с явным облегчением осведомился жирный парень, пряча в карман полукрону. – Ни слова не скажу.

– Видите ли, – пояснила Мэри, – мистер Снодграсс очень любит мисс Эмили, а мисс Эмили очень любит мистера Снодграсса, и если вы расскажете об этом старому джентльмену, он вас всех увезет далеко отсюда, в деревню, и там вы никого не будете видеть.

– Нет, я ни за что не скажу! – решительно заявил жирный парень.

– Пожалуйста, не говорите, – просила Мэри. – А теперь пора мне идти наверх – переодеть мою хозяйку к обеду.

– Не уходите, – взмолился жирный парень.

– Нужно идти, – возразила Мэри. – Ну, а пока до скорого свидания!

Жирный парень с игривостью слоненка растопырил руки, надеясь сорвать поцелуй, во так как не требовалось большой ловкости, чтобы от него ускользнуть, то покорительница его сердца скрылась раньше, чем он успел ее обнять. После этого апатичный юноша уплел с сентиментальным видом около фунта мяса и крепко заснул.

Столько нужно было обсудить вопросов и столько обдумать планов, касавшихся побега и бракосочетания в том случае, если старик Уордль не смягчится, что до обеда оставалось не больше получаса, когда мистер Снодграсс окончательно распрощался. Леди побежали в спальню Эмили переодеваться, а влюбленный, взяв шляпу, вышел из комнаты. Не успел он закрыть за собой дверь, как раздался громкий голос Уордля, и, перегнувшись через перила, мистер Снодграсс увидел его самого, – он поднимался по лестнице с какими-то джентльменами. Понятия не имея о расположении комнат, мистер Снодграсс в смятении

поспешил вернуться туда, откуда только что вышел, а затем, перейдя в соседнюю комнату (спальню мистера Уордля), тихо притворил за собой дверь как раз в тот момент, когда джентльмены, увиденные им мельком, входили в гостиную. Это были мистер Уордль, мистер Пиквик, мистер Натэниел Уинкль и мистер Бенджемин Эллен, которых он без труда узнал по голосам.

«Какое счастье, что у меня хватило присутствия духа избежать встречи с ним! – с улыбкой подумал мистер Снодграсс, направляясь на цыпочках к другой двери, по соседству с кроватью. – Эта дверь выходит в тот же коридор, и я могу удалиться тихо и мирно».

Обнаружилось только одно препятствие, которое помешало ему удалиться тихо и мирно: оно состояло в том, что дверь была заперта на ключ, а ключа не было.

– Подайте нам сегодня, любезный, самое лучшее вино, какое у вас есть, – сказал старик Уордль, потирая руки.

– Вы получите самое лучшее, сэр, – отвечал лакей.

– Доложите леди, что мы пришли.

– Слушаю, сэр.

Мистер Снодграсс страстно и пламенно мечтал о том, чтобы леди было доложено о его прибытии. Он даже рискнул прошептать в замочную скважину: «Лакей!» – но у него мелькнула мысль, что на выручку может явиться какой-нибудь другой лакей, и вдобавок он обнаружил удивительное сходство между своим положением и тем, в каком недавно очутился один джентльмен в соседней гостинице (отчет о злоключениях последнего появился в утреннем номере сегодняшней газеты, в рубрике «Происшествия»). Мистер Снодграсс уселся на чемодан и задрожал всем телом.

– Перкера не будем ждать, – сказал Уордль. – Он всегда аккуратен. Он будет вовремя, если рассчитывает приехать. А если нет, ждать бесполезно. Вот и Арабелла!

– Сестра! – вскричал мистер Бенджемин Эллен, романтически сжимая ее в своих объятиях.

– Ах, милый Бен, как от тебя пахнет табаком! – сказала Арабелла, слегка ошеломленная таким проявлением любви.

– Разве? – удивился мистер Бенджемин Эллен. – Разве, Белла? Ну, что ж, может быть.

Да, это действительно могло быть, ибо он только что покинул приятную компанию, которая состояла из двенадцати студентов-медиков, куривших в маленькой комнате с большим камином.

– Но я очень рад тебя видеть, – продолжал мистер Бен Эллен. – Да благословит тебя бог, Белла!

– Милый. Бен, – сказала Арабелла, целуя брата, – больше не обнимай меня, ты мне все платье изомнешь.

Когда примирение достигло этой стадии, мистер Бен Эллен от избытка чувств, сигар и портера прослезился и сквозь помутневшие стекла очков окинул взглядом присутствующих.

– А мне вы ничего не скажете? – воскликнул Уордль, раскрывая объятия.

– Очень много скажу, – прошептала Арабелла, отвечая на ласки и поздравления старика. – Вы – бессердечное, бесчувственное, жестокое чудовище!

– А вы – маленькая мятежница, – так же вполголоса ответил Уордль, – боюсь, что придется отказать вам от дома. Таких особ, как вы, которые выходят замуж, ни с кем не считаясь, опасно принимать в обществе. Но позвольте-ка, громко добавил старый джентльмен, – вот и обед. Вы сядете рядом со мной. Джо! Черт возьми, он не спит!

К великому огорчению своего хозяина, жирный парень пребывал в состоянии бодрствования; глаза его были широко раскрыты и как будто не собирались закрыться. И в

манерах ею обнаружилось какое-то проворство, равным образом необъяснимое; встречаясь глазами с Эмили или Арабеллой, он ухмылялся и скалил зубы; один раз Уордль готов был поклясться, что он им подмигнул.

Эта перемена в поведении жирного парня проистекала из сознания собственной важности и чувства собственного достоинства, какое он обрел, заслужив доверие молодых леди, а своими гримасами и подмигиванием он снисходительно давал понять, что они могут положиться на его преданность. Так как эта мимика скорее могла пробудить подозрения, чем успокоить их, то Арабелла время от времени отвечала ему, сердито хмуря брови или покачивая головой, а жирный парень, рассматривая это как приказание быть начеку, начинал гримасничать, ухмыляться и подмигивать с особым усердием в доказательство того, что все понял.

– Джо! – сказал Уордль, после безуспешных поисков в карманах. – Нет ли там на диване моей табакерки?

– Нет, сэр, – ответил жирный парень.

– Вспомнил! Сегодня утром я ее оставил на туалетном столике, – сказал Уордль. – Принеси из соседней комнаты.

Жирный парень пошел в соседнюю комнату и спустя минуту вернулся с табакеркой и с таким бледным лицом, какого еще не видывали у жирного парня.

– Что случилось с мальчишкой? – воскликнул Уордль.

– Ничего со мной не случилось, – испуганно ответил Джо.

– Уж не встретился ли ты там с каким-нибудь духом? – осведомился старый джентльмен.

– Или в тебе самом сидит дух? – добавил Бен Эллен.

– Пожалуй, вы правы, – шепнул через стол Уордль. – Я уверен, что он пьян.

Бен Эллен высказал то же предположение, а так как этот джентльмен был знатоком упомянутого недуга, то Уордль укрепился в своей догадке, которая тревожила его уже с полчаса, и окончательно решил, что жирный парень пьян.

– Не спускайте с него глаз, – прошептал Уордль. – Скоро мы узнаем, пьян он или нет.

Злополучный юноша едва успел обменяться несколькими словами с мистером Снодграссом: этот джентльмен умолял Джо попросить кого-нибудь из друзей освободить его из заключения, а затем вытолкал из комнаты вместе с табакеркой, опасаясь, как бы его долгое отсутствие не показалось подозрительным. Сначала Джо размышлял, и физиономия у него была очень встревоженная, а затем отправился на поиски Мэри.

Но Мэри, переодев свою хозяйку, ушла домой, и жирный парень вернулся в полном смятении.

Уордль и мистер Бен Эллен переглянулись.

– Джо! – сказал Уордль.

– Слушаю, сэр!

– Зачем ты выходил?

Жирный парень беспомощно окинул взглядом сидевших за столом и пробормотал, что он этого не знает.

– А, так ты не знаешь? – сказал Уордль. – Передай сыр мистеру Пиквику.

Тем временем мистер Пиквик, находившийся в самом бодром и превосходном расположении духа, развлекал всех за обедом и в данный момент вел оживленный разговор с Эмили и мистером Уинклем; в пылу беседы он учтиво наклонил голову, грациозно размахивал левой рукой, чтобы подчеркнуть свои реплики, и излучал безмятежные улыбки. Взяв ломтик сыра с блюда, он хотел было повернуться к своим слушателям и возобновить разговор, как вдруг жирный парень, нагнувшись к самой его голове, ткнул большим пальцем через плечо и

состроил такую страшную и омерзительную гримасу, какую можно увидеть только в рождественской пантомиме.

– Ах, боже мой! – вздрогнув, воскликнул мистер Пиквик. – Что же это такое?

Он запнулся, ибо жирный парень уже успел выпрямиться и заснуть или притвориться крепко спящим.

– Что случилось? – спросил Уордль.

– Это удивительный мальчик! – отвечал мистер Пиквик, боязливо посматривая на парня. – Как ни странно, но, честное слово, я боюсь – у него в голове не все в порядке.

– Ох, мистер Пиквик, что вы говорите! – в один голос воскликнули Эмили и Арабелла.

– Конечно, я в этом не уверен, – продолжал мистер Пиквик, когда воцарилось глубокое молчание и все с испугом переглядывались, – но его поведение поистине устрашающее. Ой! – взвизгнул мистер Пиквик, подпрыгнув на стуле. Прошу прощения, леди, но он вонзил мне в ногу какой-то острый инструмент. Право же, он опасен.

– Он пьян! – в бешенстве заревел старик Уордль. Позвоните в колокольчик! Позовите лакеев! Он пьян!

– Я не пьян! – завопил жирный парень, падая на колени, когда хозяин схватил его за шиворот.

– Значит, ты сумасшедший, это еще хуже. Позовите лакеев! – повторил старый джентльмен.

– Я не сумасшедший, я в своем уме, – захныкал жирный парень.

– Тогда зачем же ты, черт бы тебя побрал, втыкаешь мистеру Пиквику в ногу какие-то острые инструменты? – сердито спросил Уордль.

– Он не смотрит на меня, – отвечал парень, – а мне нужно ему что-то сказать.

– Что ты хотел сказать? – раздались голоса.

Жирный парень разинул было рот, посмотрел на дверь спальни, снова разинул рот и согнутыми указательными пальцами вытер две слезинки.

– Что ты хотел сказать? – встряхнув его, спросил Уордль.

– Постойте! – вмешался мистер Пиквик. – Позвольте, я с ним поговорю. Что вы хотели мне сообщить, бедный мальчик?

– Я хотел шепнуть вам на ухо, – отвечал жирный парень.

– Чего доброго, ты хотел откусить ему ухо, – сказал Уордль. – Не подходите к нему. Он с норовом. Позвоните, чтоб его отвели вниз.

Мистер Уинкль уже схватился было за сонетку, но тут его остановили изумленные возгласы: влюбленный пленник, раскрасневшись от смущения, внезапно вышел из спальни и отвесил общий поклон присутствующим.

– Ох! – попятившись, воскликнул Уордль, отпуская на свободу жирного парня. – Это еще что такое?

– Я прятался в соседней комнате, сэр, с тех пор как вы пришли, – пояснил мистер Снодграсс.

– Эмили, моя девочка, – укоризненно сказал Уордль, – я ненавижу обман и ложь. – Это в высшей степени неделикатно и нечестно. Право же, я этого не заслужил, Эмили!

– Дорогой папа! – воскликнула Эмили. – Арабелла знает... все знают... и Джо знает, что я понятия не имела, где он прячется. Огастес, да объясните же все, ради бога!

Мистер Снодграсс, который только и ждал случая заговорить, тотчас же начал рассказывать, как он очутился в таком отчаянном положении; страх вызвать раздор в семье побудил его уклониться от встречи с мистером Уордлем; он хотел выйти в другую дверь, но

так как она оказалась запертой, он поневоле вынужден был остаться. Положение было тягостное, но теперь он меньше об этом жалеет, ибо получил возможность заявить, в присутствии общих друзей, как глубоко и искренне любит дочь мистера Уордля, и с гордостью говорит, что это чувство взаимно, и если бы между ними пролегли тысячи миль или разлились воды океана, – все равно он ни на секунду не забудет тех счастливых дней, когда впервые... и так далее.

После такого торжественного заявления мистер Снодграсс снова отвесил поклон, заглянул в свою шляпу и направился к двери.

– Постойте! – заревел Уордль. Почему... чтоб вас побрали...

– ...небесные силы, – кротко подсказал мистер Пиквик, опасавшийся худшего.

– Ладно – небесные силы, – повторил Уордль, не возражая против такой замены, – почему вы мне сразу этого не сказали?

– Или не доверились мне? – прибавил мистер Пиквик.

– Ах, боже мой! – воскликнула Арабелла, спеша на выручку. – Какой смысл задавать сейчас все эти вопросы, когда вы из корысти хотели иметь зятя побогаче, и сами это знаете, а вдобавок вы такой вспыльчивый и жестокий, что вас боятся все, кроме меня! Пожмите ему руку и ради господа бога прикажите, чтобы ему принесли пообедать: у него такой вид, как будто он умирает с голоду. И пускай вам сейчас же подадут вина, потому что с вами сладу нет, пока вы не выпьете по крайней мере двух бутылок.

Достойный старый джентльмен ущипнул Арабеллу за ухо, расцеловал ее без всяких стеснений, очень нежно поцеловал свою дочь и горячо пожал руку мистеру Снодграссу.

– Она права по крайней мере в одном пункте, – весело сказал старый джентльмен. – Позвоните, чтобы нам дали вина.

Явилось вино, и в ту же секунду появился и Перкер. Мистеру Снодграссу накрыли за отдельным столиком, и, пообедав, он придвинул свой стул к Эмили, не вызывая ни малейшего протеста со стороны пожилого джентльмена.

Вечер прошел чудесно. Маленький мистер Перкер удивительно разошелся, рассказал несколько смешных историй и спел печальный романс, который оказался таким же забавным, как и его анекдоты. Арабелла была очень мила, мистер Уордль – очень весел, мистер Пиквик – очень приветлив, мистер Бен Эллен очень буен, влюбленные – очень молчаливы, мистер Уинкль – очень разговорчив, а все – очень счастливы.

ГЛАВА LV.

Мистер Соломон Пелл с помощью выборного комитета кучеров улаживает дела мистера Уэллера-старшего

– Сэмивел, – сказал мистер Уэллер, обращаясь к своему сыну утром после похорон, – я нашел его, Сэмми. Я так и думал, что оно там.

– Что вы нашли и где? – осведомился Сэм.

– Завещание твоей мачехи, Сэмми, – отвечал мистер Уэллер. – В нем сделаны распоряжения насчет оболгаций, о которых я тебе говорил вчера.

– А разве она вам не сказала, где оно лежит? – спросил Сэм.

– Ни словечком не обмолвилась, Сэмми, – отвечал мистер Уэллер. – Мы улаживали наши маленькие свары, а я старался ее подбодрить и совсем забыл спросить о завещании. И, пожалуй, я бы и спрашивать не стал, даже если бы вспомнил, – добавил мистер Уэллер. – Нехорошее это дело, Сэмми, надоедать больному вопросами об его деньгах, когда ухаживаешь за ним. Это все равно, что усаживать в карету наружного пассажира, слетевшего с крыши, вздыхать и спрашивать, как он себя чувствует, и в то же время запустить ему руку в карман.

Иллюстрировав свою мысль таким примером, мистер Уэллер достал из бумажника грязный лист почтовой бумаги, исписанный каракулями, беспорядочно лепившимися друг к другу.

– Вот он – документ, Сэмми, – сказал мистер Уэллер. – Я нашел его в маленьком чайнике на верхней полке буфета. Бывало, еще до замужества, она хранила там свои банковые билеты, Сэмивел. Я много раз видел, как она снимала крышку с чайника, когда нужно было платить по счетам. Бедняжка! Она могла бы наполнить своими завещаниями все чайники в доме и не почувствовала бы никакого неудобства, потому что последнее время почти не интересовалась этим напитком, вот только в вечера трезвости они закладывали фундамент чаем, чтобы залить его спиртным.

– Что же тут сказано? – спросил Сэм.

– Точь-в-точь то самое, что я тебе говорил, сын мой, – отвечал родитель. – «Двести фунтов оболгациями моему пасынку Сэмивелу, а все остальное мое имущество, какое бы оно ни было, моему мужу Тони Вэллеру, которого я назначаю моим единственным душеприказчиком».

– И это все? – осведомился Сэм.

– Все, – сказал мистер Уэллер. – А так как только мы с тобой заинтересованы и для нас все ясно и понятно, то мы преспокойно можем бросить эту бумажку в огонь.

– Что вы делаете, сумасшедший! – закричал Сэм, выхватывая бумагу, когда его родитель в простоте душевной начал разгребать угли, чтобы перейти от слов к делу. – Нечего сказать, хорош душеприказчик!

– А чем плох? – осведомился мистер Уэллер, сердито оглядываясь, с кочергой в руке.

– Чем плох! – воскликнул Сэм. – Да тем, что ее нужно сперва заверить, утвердить и присягу принести и всякие формальности проделать.

– Ты это не шутя говоришь? – спросил мистер Уэллер, опуская кочергу.

Сэм старательно спрятал завещание в боковой карман и взглядом дал понять, что не только не шутит, но говорит очень серьезно.

– Тогда я вот что скажу, – объявил мистер Уэллер после недолгих размышлений, – с этим делом надо идти к закадычному другу лорд-канцлера. Пелл должен обмозговать его, Сэмми. Он мастер разбираться в трудных юридических вопросах. Эту самую штуку мы сейчас же предъявим в Суд состоятельных, Сэмивел.

– Никогда еще я не видывал такого безмозглого старика! – вспылил Сэм. – Олд-Бейли, Суд состоятельных, алиби и всякая чепуха забили ему башку! Надели бы вы лучше парадный костюм да отправились бы по этому делу в город, вместо того чтобы проповедовать о том, чего не понимаете.

– Очень хорошо, Сэмми, – отвечал мистер Уэллер, – я на все готов, чтобы покончить с этим делом. Но заметь, мой мальчик, никто, кроме Пелла, не годится в юридические советчики.

– Я никого другого и не хочу, – отозвался Сэм. – Ну что, готовы?

– Подожди минутку, Сэмми, – сказал мистер Уэллер, который повязывал шарф перед маленьким зеркалом у окна, а затем с превеликим трудом начал напяливать верхнюю одежду. – Подожди минутку, Сэмми. Когда доживешь до моих лет, сын мой, тебе не так просто будет влезть в жилет.

– Если мне такого труда будет стоить в него влезать, будь я проклят, коли стану носить жилет, – отвечал сын.

– Это тебе теперь так кажется, – возразил отец с важностью, соответствующей его возрасту, – а вот подожди: начнешь толстеть – начнешь умнеть. Толщина и мудрость, Сэмми, всегда произрастают вместе.

Произнеся эту непогрешимую сентенцию – результат многолетнего опыта и наблюдений, – мистер Уэллер, ловко изогнувшись, заставил нижнюю пуговицу сюртука исполнять свои обязанности. Отдышавшись, он почистил локтем шляпу и объявил, что готов.

– Два ума хорошо, а четыре еще лучше, Сэмми, – сказал мистер Уэллер, когда они в охотничьей двуколке катили по лондонской дороге, – это-вот имущество – лакомый кусок для юридического джентльмена, а потому мы прихватим с собой двух моих приятелей, которые на него напустятся, если он позволит себе что-нибудь... не тово... Возьмем тех двоих, которые провожали нас тогда во Флит. Они – первейшие знатоки, – вполголоса добавил мистер Уэллер, – первейшие знатоки в лошадях.

– И в юристах? – полюбопытствовал Сэм.

– Кто знает толк в животных, тот знает толк во всем, – отвечал отец таким авторитетным тоном, что Сэм не посмел опровергать его замечание.

Во исполнение этого важного решения они обратились за помощью к джентльмену с пятнистым лицом и еще к двум очень толстым кучерам, которых мистер Уэллер выбрал, должно быть, за их толщину и соответствующую ей мудрость. Заручившись их согласием, они отправились в трактир на Портюгел-стрит, откуда и направили посланца в Суд по делам о несостоятельности, находившийся через дорогу, с приказанием немедленно вызвать мистера Соломона Пелла.

К счастью, посланец нашел мистера Соломона Пелла в суде; по случаю затишья в делах он подкреплялся холодной закуской: эбернетиевским бисквитом[157] и колбасой. Лишь только приглашение было ему передано, он сунул остатки колбасы в карман, где лежали различные юридические документы, и перебежал улицу с таким проворством, что явился в трактир раньше, чем посланный успел выбраться из суда.

– Джентльмены, – сказал Пелл, приподняв шляпу, – я весь к вашим услугам. Я отнюдь не намерен вам льстить, джентльмены, но нет на свете ни единого человека, кроме вас пятерых, для которого я бы ушел сегодня из суда.

– Так много дел? – осведомился Сэм.

– Пропасть! – отвечал Пелл. – Дела у меня по горло, как не раз говаривал мне, джентльмены, мой друг, покойный лорд-канцлер, выходя из палаты лордов после рассмотрения апелляций. Бедняга! Он быстро уставал, ему очень тяжело приходилось от этих апелляций. Уверяю вас, я частенько думал, что они его доконают.

Тут мистер Пелл покачал головой и умолк, после чего старший мистер Уэллер, подтолкнув локтем соседа, словно предлагая ему обратить внимание на связи законоведа с высокими особами, спросил, не отразились ли вышеупомянутые обязанности пагубно на здоровье его благородного друга.

– Мне кажется, он так и не мог оправиться, – ответил Пелл, – да, я в этом уверен. «Пелл, – говорил он мне не раз, – для меня остается тайной, как, черт побери, вы справляетесь с таким умственным трудом». – «Да, – бывало, отвечал я, – честное слово, я и сам не знаю, как я это делаю». – «Пелл, – со вздохом прибавлял он и посматривал на меня с завистью – с дружелюбной завистью, джентльмены, с самой дружелюбной, – Пелл, вы изумительны, изумительны!» Ах, как бы он вам понравился, джентльмены, если бы вы его знали! Принесите мне на три пенса рому, моя милая.

Горестным тоном обратившись с этой просьбой к служанке, мистер Пелл вздохнул, посмотрел на свои башмаки, а затем на потолок; тем временем ром был подан и выпит.

– А впрочем, – сказал Пелл, придвигая стул к столу, – человек моей профессии не имеет права размышлять о своих друзьях, когда к нему обращаются за юридической помощью. Кстати, джентльмены, с тех пор как мы с вами в последний раз виделись, произошло одно прискорбное событие, заставившее нас проливать слезы.

Произнося слова «проливать слезы», мистер Пелл достал носовой платок, но воспользовался им только для того, чтобы вытереть каплю рома, повисшую на верхней губе.

– Я прочел объявление в «Адвертайзерс», мистер Уэллер, – продолжал Пелл. – Подумать только, что ей было всего пятьдесят два года! Ах, боже мой!

Эти вдумчивые замечания были обращены к человеку с пятнистым лицом, с которым мистер Пелл случайно встретился глазами, после чего пятнистый джентльмен, не отличавшийся живым умом, беспокойно заерзал на стуле и высказался в том смысле, что оно, конечно, не разберешь, почему такие дела на свете делаются, – такую сентенцию, выражавшую весьма тонкую мысль, трудно было оспаривать, и никто против нее не возражал.

– Я слыхал, что она была очень красивой женщиной, мистер Уэллер, – соболезнующим тоном сказал Пелл.

– Да, сэр, – отозвался мистер Уэллер-старший, которому был не особенно приятен этот разговор; однако он полагал, что законовед, состоявший в близких отношениях с покойным лорд-канцлером, должен прекрасно знать правила хорошего тона. – Она была очень красивой женщиной, сэр, когда я с ней познакомился; в ту пору, сэр, она была вдовой.

– Как странно! – сказал Пелл, с горестной улыбкой осматриваясь вокруг.

– И миссис Пелл была вдовой.

– Поразительно! – вставил пятнистый джентльмен.

– Да, любопытное совпадение, – заметил Пелл.

– Ничуть, – проворчал старший мистер Уэллер. – Вдовы выходят замуж чаще, чем девицы.

– Совершенно верно, – согласился Пелл, – вы правы, мистер Уэллер. Миссис Пелл была очень элегантной и образованной женщиной, ее манеры вызывали всеобщее восхищение в нашем кругу. Я с гордостью смотрел, как эта женщина танцевала; в ее движениях было что-то смелое, величественное и в то же время непринужденное. Она держала себя, джентльмены, удивительно просто. Да! Простите, что задаю вам такой вопрос, мистер Сэмюел, – понизив голос, добавил законовед, – ваша мачеха была, высокого роста?

– Не очень, – отвечал Сэм.

– А миссис Пелл была рослая, – сказал Пелл. – Великолепная женщина с благородной осанкой, джентльмены, с гордым носом, которая как будто создана была для того, чтобы повелевать. Она была привязана ко мне, очень привязана, и происходила из прекрасной семьи. Брат ее матери, джентльмены, обанкротился на восемьсот фунтов, когда держал магазин судебных канцелярских принадлежностей.

– А не заняться ли нам делом? – промолвил мистер Уэллер, который проявлял признаки нетерпения во время этого разговора.

Для Пелла его слова прозвучали как музыка. Он долго старался угадать, будет ли ему поручено какое-нибудь дело, или его пригласили только для того, чтобы предложить стакан грога, бокал пунша или какое-нибудь, другое профессиональное угощение, и вот теперь все сомнения рассеялись без малейших усилий с его стороны. Глаза у него заблестели, он положил на стол свою шляпу и спросил:

– Какое же дело предстоит решить? Быть может, один из джентльменов желает предстать перед судом? Мы настаиваем на аресте; понимаете – дружеский арест. Полагаю, мы здесь все друзья?

– Дай мне бумагу, Сэмми, – сказал мистер Уэллер, беря завещание у сына, который явно наслаждался всем происходящим. – Нам требуется, сэр, затвердить это-вот.

– Утвердить, дорогой сэр, – поправил Пелл.

– Ладно, сэр, – резко отвечал мистер Уэллер, – затвердить и утвердить это одно и то же, а если вы не понимаете, что я имею в виду, сэр, так авось я найду более понятливого человека.

– Прошу вас, не обижайтесь, мистер Уэллер, – смиренно отвечал Пелл. Вы, я вижу, душеприказчик, – добавил он, просмотрев бумагу.

– Да, сэр, – сказал мистер Уэллер.

– А эти джентльмены, полагаю, наследники? – осведомился Пелл с праздничной улыбкой.

– Сэмми – наследник, – возразил мистер Уэллер, – а эти джентльмены мои друзья, пришли посмотреть, чтобы дело было чисто сделано: вроде как бы третейские судьи.

– О! – сказал Пелл. – Прекрасно.. Разумеется, я не возражаю. Но, раньше чем приступить к делу, мне понадобится от вас пять фунтов, ха-ха-ха!

Комитет постановил уплатить вперед пять фунтов, и мистер Уэллер выдал эту сумму, после чего началось длительное совещание неведомо о чем, в течение которого мистер Пелл, к полному удовольствию джентльменов, следивших, чтобы все было чисто сделано, доказал, что будь это дело поручено кому-нибудь другому, оно не привело бы к добру по причинам, изложенным туманно, но, несомненно, убедительным. Выяснив этот важный пункт, мистер Пелл подкрепился тремя отбивными котлетами и напитками, как содовыми, так и спиртными, за счет наследника, а затем вся компания отправилась в Докторс-Коммонс.

На следующий день снова пришлось нанести визит в Докторс-Коммонс; на этот раз дело осложнилось по вине конюха-свидетеля, который был пьян и отказывался говорить что бы то ни было, а только кощунственно ругался, к великому возмущению проктора и представителя церкви.

На следующей неделе было сделано еще несколько визитов в Докторс-Коммонс и один визит в Контору по оплате наследственных пошлин, кроме того писались договоры по передаче арендных прав и торгового предприятия, утверждались договоры, составлялись описи имущества, устраивались завтраки и обеды, обделывалось так много выгодных дел, и накопилось так много бумаг, что мистер Соломон Пелл, его мальчик и синий мешок в придачу чрезвычайно растолстели, и вряд ли кто признал бы в них того самого человека, мальчика и меток, которые слонялись по Портюгел-стрит несколько дней назад.

Наконец, со всеми этими важными делами было покончено, и назначен день продажи, передачи имущества и посещения маклера Уилкинса Флешера, эсквайра, проживавшего где-то недалеко от банка и рекомендованного для этой цели мистером Соломоном Пеллом.

Событие было знаменательное, и вся компания вырядилась по-праздничному. Сапоги мистера Уэллера были вычищены, туалет совершен с особой тщательностью; у пятнистого джентльмена торчала в петлице большая далия с листьями, а сюртуки двух его друзей были украшены бутоньерками из лавра и других вечнозеленых растений. Все трое щеголяли в праздничных костюмах иными словами, были закутаны по самый подбородок и напялили на себя всю имеющуюся верхнюю одежду, что соответствует и всегда соответствовало представлению кучеров о полном параде – с той поры, как были изобретены пассажирские кареты.

В назначенный час мистер Пелл поджидал их в обычном месте их сборищ. Даже мистер Пелл надел перчатки и чистую рубашку, которая от частой стирки была весьма потерта у ворота и манжет.

– Без четверти два, – сказал Пелл, взглянув на стенные часы. – Если мы явимся к мистеру Флешеру в четверть третьего, это будет как раз вовремя.

– Что скажете, джентльмены, не подкрепиться ли нам пивом? – предложил человек с пятнистым лицом.

– И холодным ростбифом, – сказал второй кучер.

– Или устрицами, – добавил третий – джентльмен с хриплым голосом и очень толстыми ногами.

– Правильно! – подхватил Пелл. – Надо поздравить мистера Уэллера с введением в права наследства, ха-ха-ха!

– Я согласен, джентльмены, – отвечал мистер Уэллер. – Сэмми, позвони.

Сэм повиновался. Портер, холодный ростбиф и устрицы появились немедленно, и все отдали должное завтраку. Каждый принимал в нем такое горячее участие, что кажется почти непристойным отдать кому-либо предпочтение, но если кто и проявил большие способности, чем все остальные, то это был кучер с хриплым голосом, проглотивший как ни в чем не бывало пинту уксуса со своей порцией устриц.

– Мистер Пелл! – начал мистер Уэллер, размешивая свой грог, когда были убраны устричные раковины и всем джентльменам подали по стакану грога. – Мистер Пелл, сэр! У меня было намерение провозгласить по этому случаю тост за оболгации, но Сэмивел шепнул мне...

Тут мистер Сэмюел Уэллер, который до этого молчал, безмятежно улыбаясь и глотая устрицы, громко крикнул:

– Правильно!

– ...шепнул мне, – продолжал его отец, – что лучше посвятить этот напиток вам, выпить за ваш успех и благополучие и поблагодарить вас за окончание этого самого дела. За ваше здоровье, сэр!

– Эй, затормозите! – вмешался пятнистый джентльмен, неожиданно проявив энергию. – Смотрите на меня, джентльмены!

С этими словами пятнистый джентльмен встал, а за ним и все остальные. Пятнистый джентльмен обозрел присутствующих и медленно поднял руку, после чего все (не исключая и пятнистого) перевели дух и поднесли бокалы к губам. Спустя секунду пятнистый джентльмен опустил руку, и все поставили на стол осушенные до дна бокалы. Поразительный эффект этой замечательной церемонии не поддается описанию. Благородная, торжественная и внушительная, она потрясала своим величием.

– Джентльмены! – начал мистер Пелл. – Я одно могу сказать: такие знаки доверия весьма лестны для джентльмена моей профессии. Я бы не хотел, чтобы вы меня заподозрили в эгоизме, джентльмены, но я очень рад, имея в виду ваши интересы, что вы обратились именно ко мне, вот и все. Пригласи вы какого-нибудь недостойного представителя нашей профессии, я глубоко убежден и могу вас в этом уверить, вы давным-давно попали бы в беду. Хотел бы я, чтобы мой благородный друг был среди нас и видел, как я справился с этим делом. Говорю так не из тщеславия, по считаю... а впрочем, джентльмены, не буду вас утруждать такими рассуждениями. Джентльмены, меня всегда можно застать здесь, но если случайно меня не найдут ни здесь, ни напротив, то вот мой адрес. Как вы сами убедились, мои требования очень скромны и разумны, никто не уделяет своим клиентам больше внимания, чем я, и льщу себя надеждой, что и в профессии своей я кое-что смыслю. Джентльмены, если вам представится случай рекомендовать меня кому-нибудь из ваших друзей, я буду вам весьма признателен, да и они также, когда узнают меня ближе. За ваше здоровье, джентльмены!

Излив таким образом свои чувства, мистер Соломон Пелл положил перед друзьями мистера Уэллера три маленьких визитных карточки, написанных от руки, и, снова взглянув на часы, заявил, уже пора трогаться в путь. После такого замечания мистер Уэллер расплатился по счету, и душеприказчик, наследник, законовед и третейские судьи направили свои стопы в Сити.

Контора биржевого маклера Уилкинса Флешера, эсквайра, находилась на втором этаже, во дворе за государственным банком; дом Уилкинса Флешера, эсквайра, находился в Брикстоне, по ту сторону Темзы; лошадь и фаэтон Уилкинса Флешера, эсквайра, находились на соседнем извозчичьем дворе; грум Уилкинса Флешера, эсквайра, находился на пути в Вест-Энд по какому-то делу; клерк Уилкинса Флешера, эсквайра, ушел обедать, а потому сам

Уилкинс Флешер, эсквайр, крикнул, «Войдите!» – когда мистер Пелл и его спутники постучались в дверь конторы.

– Здравствуйте, сэр, – сказал Пелл с подобострастным поклоном. – С вашего разрешения, мистер Флешер, мы пришли по одному дельцу.

– О, входите! Присядьте на минутку. Сейчас я вами займусь!

– Благодарю вас, сэр, – ответил Пелл. – Нам не к спеху. Садитесь, мистер Уэллер.

Мистер Уэллер сел на стул, Сэм сел на ящик, остальные сели где попало и принялись созерцать с таким благоговением календарь и две-три бумаги, приклеенные к стене, словно это были лучшие картины старых мастеров.

– Ну-с, я готов держать с вами пари на полдюжины кларета! – объявил Уилкинс Флешер, эсквайр, возобновляя разговор, прерванный на секунду появлением мистера Пелла.

Эти слова относились к франтоватому молодому джентльмену, который сдвинул шляпу на правый бакенбард и вертелся у конторки, убивая мух линейкой. Уилкинс Флешер, эсквайр, балансировал на двух ножках конторского табурета, целясь перочинным ножом в коробку для облаток и с большой ловкостью попадая в самый центр маленькой красной облатки, наклеенной сверху. У обоих джентльменов были очень открытые жилеты и очень отложные воротнички, очень миниатюрные ботинки и очень большие кольца, очень маленькие часы и очень толстые цепочки, хорошо сшитые невыразимые и надушенные носовые платки.

– Я никогда не держал пари на полдюжины, – возразил молодой джентльмен.

– Согласны на дюжину?

– Идет, Симери! – воскликнул Уилкинс Флешер, эсквайр.

– Первого сорта, – заметил тот.

– Разумеется, – отвечал Уилкинс Флешер, эсквайр.

Уилкинс Флешер, эсквайр, занес пари в записную книжечку золотым карандашиком, а другой джентльмен записал его в другую книжечку другим золотым карандашиком.

– Сегодня утром была заметка о Бофере, – сообщил; мистер Симери. – Бедняга, его выгоняют из дому!

– Держу пари на десять гиней против пяти, что он перережет себе горло, – сказал Уилкинс Флешер, эсквайр.

– Идет, – отвечал мистер Симери.

– Постойте. Я вношу оговорку, – задумчиво произнес Уилкинс Флешер, эсквайр. – Пожалуй, он может повеситься.

– Отлично, – отозвался мистер Симери, снова вынимая золотой карандаш. Я не возражаю. Скажем – покончит с собой.

– Лишит себя жизни, – сказал Уилкинс Флешер, эсквайр.

– Вот именно, – подтвердил мистер Симери, записывая пари.

– «Флешер, десять гиней против пяти, что Бофер лишит себя жизни». Какой мы назначим срок?

– Две недели, – предложил Уилкинс Флешер, эсквайр.

– К черту! Не согласен, – возразил мистер Симери, отрываясь на секунду, чтобы убить муху. – Назначим неделю.

– Возьмем среднее, – сказал Уилкинс Флешер, эсквайр. – Пусть будет десять дней.

– Ладно, десять дней, – согласился мистер Симери.

И в книжечках было записано, что Бофер должен лишить себя жизни в течение десяти дней, в противном случае Уилкинс Флешер, эсквайр, должен уплатить Френку. Симери,

эсквайру, десять гиней, а если Бофер покончит с собой в указанный срок, Френк Симери, эсквайр, должен уплатить Уилкинсу Флешеру, эсквайру, пять гиней.

– Мне очень жаль, что он обанкротился, – сказал Уилкинс Флешер, эсквайр. – Чудесные он давал обеды!

– И портвейн у него был превосходный, – заметил мистер Симери. – Мы посылаем завтра дворецкого на аукцион, пусть купит несколько бутылок шестьдесят четвертого.

– Черт возьми, как бы не так! – воскликнул Уилкинс Флешер, эсквайр. – Я тоже посылаю человека. Держу пари на пять гиней, что мой перебьет цену вашему.

– Идет.

Новая запись была занесена золотыми карандашами и книжечки, и мистер Симери, истребив к тому времени всех мух и заключив все мыслимые пари, отправился на биржу посмотреть, что там делается.

Уилкинс Флешер, эсквайр, соблаговолил, наконец, выслушать инструкции мистера Соломона Пелла и, заполнив несколько бланков, предложил всей компании отправиться вместе с ним в банк, что и было исполнено. Мистер Уэллер и его трое друзей взирали с безграничным изумлением на все, что попадалось им на пути, тогда как Сэм относился ко всему происходившему с невозмутимым хладнокровием.

Пройдя через двор, где было шумно и людно, и миновав двух привратников, одетых, казалось, под стать красному пожарному насосу в конце двора, они вошли в контору, где предстояло закончить дело, и здесь Пелл и мистер Флешер покинули их на несколько секунд, а сами поднялись наверх в отдел завещаний.

– Это что за место? – прошептал пятнистый джентльмен, обращаясь к мистеру Уэллеру-старшему.

– Контора юрисконсолей, – шепотом ответил душеприказчик.

– А что это за джентльмены, которые сидят за прилавками? – спросил кучер хриплым голосом.

– Должно быть, консоли, которые пониже, – отвечал мистер Уэллер. – Сэмивел, это консоли чином пониже?

– Неужели вы думаете, что пониженные консоли – живые люди? – с презрением осведомился Сэм.

– А я, почем знаю! – возразил мистер Уэллер. – Я думал, что они такими и должны быть. Ну, а кто же эти люди?

– Клерки, – отвечал Сэм.

– Почему они все едят сандвичи с ветчиной? – спросил его отец.

– Должно быть, это входит в их обязанности, – ответил Сэм. – Такая, знаете ли, у них здесь система. Они только это и делают весь день.

Мистер Уэллер и его друзья едва успели обдумать это своеобразное правило, связанное с финансовой системой страны, как к ним уже присоединились Пелл и Уилкинс Флешер, эсквайр, и повели их к той части прилавка, над которой висела круглая черная доска с большой буквой «У».

– А это что значит, сэр? – осведомился мистер Уэллер, привлекая внимание Пелла к вышеупомянутой мишени.

– Первая буква фамилии покойной, – пояснил Пелл.

– Послушайте, – сказал мистер Уэллер, обращаясь к третейским судьям, – тут что-то неладно. Ведь наша буква – «В»! Э, нет! Это не пройдет!

Третейские судьи тотчас же и решительно высказались в том смысле, что дело не может быть законно проведено под буквой «У», и, по всей вероятности, произошла бы заминка еще

на один день, если бы не стремительное, хотя на первый взгляд и непочтительное вмешательство Сэма, который, схватив отца за фалду сюртука, подтащил его к прилавку и удерживал здесь до тех пор, пока тот не скрепил своей подписью двух-трех документов, а так как мистер Уэллер имел обыкновение писать печатными буквами, то на это потребовалось столько усилий и времени, что дежурный клерк успел очистить и съесть три рибстонских ранета.

Так как мистер Уэллер-старший настаивал на том, чтобы немедленно продать свою часть, то из банка они отправились к воротам биржи, и Уилкинс Флешер, эсквайр, ненадолго удалившись, вернулся с чеком на пятьсот тридцать фунтов на Смита, Пейна и Смита; эта сумма причиталась мистеру Уэллеру по курсу дня за помещенные в акции сбережения миссис Уэллер-второй. Двести фунтов Сэма были положены на его имя, а Уилкинс Флешер, эсквайр, получив комиссионные, небрежно положил деньги в карман и вернулся в свою контору.

Сначала мистер Уэллер упрямо не хотел брать по чеку ничего, кроме соверенов, но когда третейские судьи доказали ему, что придется раскошелиться на покупку мешка, чтобы донести деньги до дому, он согласился получить пятифунтовыми билетами.

– У моего сына, – начал мистер Уэллер, когда они вышли из банка, – у моего сына и у меня остается на сегодня одно важное дело, и я бы хотел поскорее покончить с ним, а потому пойдемте прямехонько в такое место, где можно свести все счеты.

Вскоре они отыскали тихую комнату, и счета были предъявлены и проверены. Счет мистера Пелла был взят под подозрение Сэмом, и некоторые издержки не получили утверждения третейских судей; но, несмотря на заявление мистера Пелла, скрепленное торжественными клятвами, будто с ним обошлись слишком сурово, эта операция оказалась самой выгодной из всех его юридических операций и на полгода обеспечила ему стол, квартиру и стирку белья.

Третейские судьи, пропустив по рюмочке, пожали всем руку и удалились, так как им в тот же вечер предстояло уехать из города. Мистер Соломон Пелл, убедившись, что больше ничего не предвидится по части закуски или выпивки, дружески распрощался и ушел, оставив сына наедине с отцом.

– Ну вот! – сказал мистер Уэллер, пряча бумажник в боковой карман. – Тут у меня тысяча сто восемьдесят фунтов вместе с деньгами, полученными за продажу арендных прав. А теперь, Сэмми, мой мальчик, правь к «Джорджу и Ястребу».

ГЛАВА LVI.

Мистер Пиквик и Сэмюел Уэллер ведут серьезную беседу, в которой участвует родитель последнего. Неожиданно является старый джентльмен в костюме табачного цвета

Мистер Пиквик сидел в одиночестве, размышляя о разнообразных предметах и, между прочим, о том, как ему обеспечить молодую чету, чье неопределенное положение внушало ему жалость и вызывало беспокойство, как вдруг в комнату вошла легкой походкой Мэри и, приблизившись к столу, быстро проговорила:

– Простите, сэр, Сэмюел ждет внизу и спрашивает, может ли его отец повидаться с вами.

– Разумеется, – отвечал мистер Пиквик.

– Благодарю вас, сэр, – сказала Мэри, скользнув к двери.

– Сэм давно ждет? – осведомился мистер Пиквик.

– О нет, сэр! – с живостью отвечала Мэри. – Он только что вернулся. Он говорит, что больше не будет проситься у вас в отпуск.

Быть может, Мэри поняла, что эту последнюю новость она сообщила более выразительно, чем было необходимо, или, может быть, она заметила добродушную улыбку, с какой взглянул на нее мистер Пиквик, когда она умолкла, Как бы то ни было, она опустила голову и начала

рассматривать уголок своего нарядного передника с таким вниманием, какое, казалось, ничем не было вызвано.

– Передайте им, чтобы они сейчас же шли сюда, – распорядился мистер Пиквик.

Мэри с явным облегчением побежала исполнять приказание.

Мистер Пиквик два раза прошелся по комнату, потирая подбородок левой рукой и, по-видимому, о чем-то размышляя.

– Ну, что ж, – сказал, наконец, мистер Пиквик кротким, но меланхолическим тоном, – это наилучший способ вознаградить его за преданность и любовь... Бог с ним, пусть так и будет. Такова участь одинокого старика: люди, его окружающие, находят новых людей, милых их сердцу, и покидают его. Я не имею права надеяться, что моя судьба будет иной. Да, да, – добавил мистер Пиквик, повеселев, – это было бы эгоистически и неблагородно. Я должен почитать себя счастливым,, что имею возможность позаботиться о нем. И я счастлив. Конечно, счастлив.

Мистер Пиквик был так поглощен этими мыслями, что стук в дверь повторился раза три-четыре, прежде чем он его услышал. Поспешно усевшись и вновь обретя свой обычный благодушный вид, он дал разрешение войти, и в комнату вошел Сэм Уэллер в сопровождении отца.

– Рад вас видеть, Сэм, – сказал мистер Пиквик. – Как поживаете, мистер Уэллер?

– Здоровехонек, благодарю вас, сэр, – ответил вдовец. – Надеюсь, и вы в добром здоровье, сэр?

– Да, благодарю вас, – отозвался мистер Пиквик.

– Я хотел маленько потолковать с вами, сэр, если вы можете мне уделить минут пять, сэр, – сказал мистер Уэллер.

– Конечно, – ответил мистер Пиквик. – Сэм, подайте стул отцу.

– Спасибо, Сэмивел, я уже раздобыл себе, – сказал мистер Уэллер, придвигая стул. – На редкость прекрасная погода, сэр, – добавил старый джентльмен, усаживаясь и кладя шляпу на пол.

– Действительно, превосходная, – подтвердил мистер Пиквик. – Как раз по сезону.

– Самая сезонистая погода, сэр, – подхватил мистер Уэллер.

Тут у старого джентльмена начался жестокий приступ кашля, по окончании коего он кивнул головой, подмигнул и стал проделывать целый ряд умоляющих и угрожающих жестов, которые Сэм Уэллер упорно старался не замечать.

Мистер Пиквик, заметив некоторое замешательство, обнаруженное старым джентльменом, разрезал лист лежавшей перед ним книги и терпеливо ждал, когда мистер Уэллер заговорит о цели своего посещения.

– Я никогда не видывал такого противного сына, как ты, – Сэмивел, – сказал мистер Уэллер, с негодованием взирая на Сэма. – Отроду не видывал.

– Что он сделал, мистер Уэллер? – полюбопытствовал мистер Пиквик.

– Не хочет начать, сэр, – отвечал мистер Уэллер. Он знает, что я не мастер объясняться по таким особенным делам, и, однако, стоит и глазеет на меня, как я тут сижу, отнимаю ваше драгоценное время и из себя делаю регулярное зрелище. Нет чтобы помочь мне хоть одним словечком! Это не сыновнее поведение, Сэмивел, – добавил мистер Уэллер, вытирая лоб, – совсем даже не сыновнее.

– Вы сказали, что говорить будете вы, – возразил Сэм. – Откуда же мне знать, что вы сплоховали в самом начале?

– Ты должен был видеть, что я не могу сняться с места, – перебил отец.

– Я сбился с дороги и наткнулся на забор, и всякие неприятности со мной происходят, а ты даже не хочешь протянуть мне руку помощи. Мне стыдно за тебя, Сэмивел.

– Дело в том, сэр, – начал Сэм, слегка поклонившись, – что родитель получил деньги...

– Очень хорошо, Сэмивел, очень хорошо! – одобрил мистер Уэллер, кивая с довольным видом. – Я не хотел тебя бранить, Сэмми. Очень хорошо. С этого и нужно начинать. Прямо к делу. Прекрасно, Сэмивел!

В знак полного своего удовлетворения мистер Уэллер кивнул несчетное число раз и в позе внимательного слушателя ждал, чтобы Сэм продолжал речь.

– Присядьте-ка, Сэм, – сказал мистер Пиквик, убедившись, что визит протянется дольше, чем он предполагал.

Сэм снова поклонился и сел. Поймав на себе взгляд отца, он продолжал:

– Родитель, сэр, получил пятьсот тридцать фунтов.

– В пониженных консолях, – вполголоса присовокупил мистер Уэллер-старший.

– Не все ля равно – в пониженных консолях или как-нибудь иначе? – возразил Сэм. – Получено пятьсот тридцать фунтов, да?

– Правильно, Сэмивел, – подтвердил мистер Уэллер.

– К этой сумме он прибавил то, что получил за дом и торговое дело...

– Арендные права, фирма, инвентарь, обстановка, – вставил мистер Уэллер.

– И всего получилось тысяча сто восемьдесят фунтов, – продолжал Сэм.

– Вот как! – сказал мистер Пиквик. – Я очень рад. Поздравляю вас, мистер Уэллер, с такой удачей.

– Подождите минутку, сэр, – возразил мистер Уэллер, умоляюще поднимая руку. – Продолжай, Сэмивел.

– Эти-вот самые деньги, – нерешительно заговорил Сэм, – он хочет положить в какое-нибудь надежное место, и я тоже этого хочу, потому что, останься они у него, он их будет раздавать взаймы, или поместит капитал в лошадей, или потеряет бумажник, – словом, что-нибудь выкинет.

– Очень хорошо, Сэмивел, – одобрительно заметил мистер Уэллер, словно Сэм воспевал его осторожность и предусмотрительность. – Очень хорошо.

– И по этим самым причинам, – продолжал Сэм, нервически теребя поля своей шляпы, – по этим самым причинам он и взял сегодня все деньги и пришел сюда вместе со мной, чтобы сказать, или нет, предложить, или, иначе говоря...

– Сказать, что деньги эти мне ни к чему! – нетерпеливо перебил мистер Уэллер. – Я регулярно езжу с каретой, и мне негде их прятать, и, стало быть, придется платить кондуктору, чтобы он о них позаботился, или положить в одну из сумок на стенке кареты, а это будет соблазн для внутренних пассажиров. Если вы их припрячете для меня, сэр, я вам буду премного благодарен. Может быть, – добавил мистер Уэллер, наклонясь к мистеру Пиквику и шепча ему на ухо, – может быть, они вам понадобятся на расходы по этому-вот присуждению. А я вам одно скажу: держите их у себя, пока я за ними не приду!

С этими словами мистер Уэллер сунул бумажник в руки мистеру Пиквику, схватил шляпу и выбежал из комнаты с проворством, удивительным для такого тучного субъекта.

– Остановите его, Сэм! – с беспокойством воскликнул мистер Пиквик. – Догоните его, сейчас же приведите назад! Мистер Уэллер, постойте, вернитесь!

Сэм понял, что приказание хозяина должно быть исполнено. Схватив за рукав отца, спускавшегося по лестнице, он потащил его назад.

– Мой добрый друг, – сказал мистер Пиквик, беря за руку старика, – ваше доверие трогает меня, но я очень смущен.

– Не о чем беспокоиться, сэр, – упрямо отвечал мистер Уэллер.

– Уверяю вас, мой добрый друг, денег у меня больше, чем мне нужно, гораздо больше, чем успеет истратить человек моих лет.

– Никто не знает, сколько он может истратить, если сначала не попробует, – заметил мистер Уэллер.

– Быть может, вы правы, – отвечал мистер Пиквик, – но так как у меня нет желания проделывать такие опыты, то вряд ли мне грозит нищета. Очень прошу вас, мистер Уэллер, возьмите эти деньги.

– Очень хорошо! – мрачно сказал мистер Уэллер. – Сэмми, запомни мои слова: я выкину какую-нибудь отчаянную штуку с этими-вот деньгами, отчаянную!

– Лучше не надо, – отозвался Сэм.

Мистер Уэллер призадумался, а затем, решительно застегнув сюртук, объявил:

– Я буду держать заставу.

– Что такое? – вскричал Сэм.

– Заставу! – повторил мистер Уэллер сквозь стиснутые зубы. – Буду держать заставу. Можешь попрощаться с отцом, Сэмивел. Остаток своих дней я посвящу заставе.

Эта угроза была столь ужасна, а мистер Уэллер, по-видимому твердо решивший привести ее в исполнение, был так глубоко задет отказом мистера Пиквика, что сей джентльмен после недолгих размышлений сказал ему:

– Хорошо, мистер Уэллер, я оставлю у себя деньги. Надеюсь, мне удастся пристроить их значительно лучше, чем это сделали бы вы.

– Совершенно верно, сущая правда! – просияв, воскликнул мистер Уэллер. Конечно, вы их пристроите, сэр.

– Не будем больше говорить об этом, – сказал мистер Пиквик, запирая бумажник в письменный стол. Я вам глубоко признателен, мой добрый друг. Присаживайтесь. Я хочу с вами посоветоваться.

Тихий смех, вызванный блестящим успехом визита и не только исказивший физиономию мистера Уэллера, но и сотрясавший его туловище, руки и ноги, пока мистер Пиквик прятал бумажник, мгновенно уступил место величавой серьезности, когда он услышал эти слова.

– Сэм, пожалуйста, выйдите на несколько минут, – сказал мистер Пиквик, Сэм немедленно удалился.

Мистер Уэллер принял необычайно глубокомысленный вид и был весьма изумлен, когда мистер Пиквик начал речь такими словами:

– Вы, кажется, не сторонник брака, мистер Уэллер?

Мистер Уэллер покачал головой. Он не мог выговорить ни слова: смутная догадка, что какой-то коварной вдове удалось завладеть мистером Пиквиком, сковала ему язык.

– Может быть, вы случайно заметили молодую девушку там, внизу, когда пришли сюда вместе с вашим сыном? – осведомился мистер Пиквик.

– Да. Я заметил молодую девушку, – лаконически ответил мистер Уэллер.

– Какого вы о ней мнения? Скажите откровенно, мистер Уэллер, какого вы о ней мнения?

– Мне она показалась пухленькой, и фигура аккуратная, – критическим тоном сообщил мистер Уэллер.

– Совершенно верно, – сказал мистер Пиквик. – Совершенно верно. А что вы скажете о ее манерах?

– Очень приятные, – отвечал мистер Уэллер. – Очень приятные и соответственные.

Точный смысл, вложенный мистером Уэллером в это последнее прилагательное, остался невыясненным, но, судя по тону, оно выражало благоприятный отзыв, и мистер Пиквик был вполне удовлетворен, словно получил исчерпывающий ответ.

– Я принимаю в ней большое участие, мистер Уэллер, – сказал мистер Пиквик.

Мистер Уэллер кашлянул.

– Я хочу сказать, что принимаю участие в ее судьбе, – продолжал мистер Пиквик. – Мне хочется, чтобы она была счастлива и обеспечена, понимаете?

– Прекрасно понимаю, – отвечал мистер Уэллер, решительно ничего не понимавший.

– Эта молодая особа, – сказал мистер Пиквик, – привязана к вашему сыну.

– К Сэмивелу Веллеру! – вскрикнул родитель.

– Да, – подтвердил Пиквик.

– Это натурально, – подумав, промолвил мистер Уэллер, – натурально, но небезопасно. Пусть Сэм остерегается.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил мистер Пиквик.

– Пусть остерегается, как бы чего-нибудь ей не сболтнуть, – пояснил мистер Уэллер. – Как-нибудь в простоте душевной скажет словечко, а потом, чего доброго, пожалуйте в суд за то, что нарушил брачное обещание. От них не убережешься, мистер Пиквик, если уж они имеют на вас виды. И не угадаешь, что у них на уме, а пока сидишь да раздумываешь – они тебя и сцапают. Я и сам женился в первый раз, сэр, и от этой самой уловки произошел Сэм.

– Вы не очень-то поощряете меня закончить то, что я начал говорить, заметил мистер Пиквик, – но лучше уж сказать все сразу. Не только этой молодой особе нравится ваш сын, но и вашему сыну она нравится, мистер Уэллер.

– Однако! – воскликнул мистер Уэллер. – Вот это приятная новость для родительских ушей!

– Мне приходилось наблюдать за ними, – продолжал мистер Пиквик, не отвечая на последнее замечание мистера Уэллера, – и я в этом совершенно уверен. Допустим, что я помог бы им устроиться, если они поженятся, помог бы заняться каким-нибудь делом, которое дало бы им возможность жить безбедно, что бы вы на это сказали, мистер Уэллер?

Сначала мистер Уэллер принял с кислой миной такое предложение, связанное с женитьбой человека, в чьей судьбе он был заинтересован, но когда мистер Пиквик стал его убеждать и особенно подчеркивал тот факт, что Мэри не вдова, он начал понемножку сдаваться. Мистер Пиквик имел на него большое влияние, а наружность Мэри ему очень понравилась: по правде говоря, он уже успел подмигнуть ей несколько раз отнюдь не по-отцовски. Наконец, он объявил, что не ему противиться желаниям мистера Пиквика и он будет счастлив последовать его совету, после чего мистер Пиквик с удовольствием поймал его на слове и призвал Сэма.

– Сэм! – откашлявшись, сказал мистер Пиквик. – Мы с вашим отцом беседовали о вас.

– О тебе, Сэмивел, – подтвердил мистер Уэллер покровительственным и внушительным тоном.

– Я не слепой, Сэм, я давно уже заметил, что вы питаете более чем дружеские чувства к горничной миссис Уинкль, – продолжал мистер Пиквик.

– Ты слышишь, Сэмивел? – осведомился мистер Уэллер тем же поучительным тоном.

– Надеюсь, сэр, – сказал Сэм, обращаясь к своему хозяину, – надеюсь, сэр, ничего предосудительного нет в том, что молодой человек обращает внимание на молодую женщину, бесспорно хорошенькую и примерного поведения.

– Разумеется, – отвечал мистер Пиквик.

– Ясное дело, – согласился мистер Уэллер ласково, но с важностью.

– Я не только не вижу ничего предосудительного в таком поведении, которое считаю вполне естественным, – продолжал мистер Пиквик, – но я бы хотел вам помочь и пойти навстречу вашим желаниям. Вот потому-то я и имел разговор с вашим отцом и, убедившись, что он разделяет мое мнение...

– Раз эта особа не вдова, – вставил мистер Уэллер в виде пояснения.

– Раз эта особа не вдова, – с улыбкой повторил мистер Пиквик, – я хочу освободить вас от тех обязанностей, которые в настоящее время вас связывают, и доказать вам свою благодарность за вашу преданность и многие прекрасные качества. Я хочу помочь вам жениться немедленно на этой девушке и обеспечу заработок, достаточный для вас и вашей семьи. Я буду горд, Сэм, – добавил мистер Пиквик, сначала говоривший дрожащим голосом, но постепенно овладевший собой, – горд и счастлив, если помогу вам устроиться в жизни.

На несколько мгновений воцарилось глубокое молчание, потом Сэм сказал тихо и хриплым голосом, но тем не менее очень твердо:

– Я вам премного благодарен, сэр, за вашу доброту, она как раз в вашей натуре, но этому не бывать.

– Не бывать?! – воскликнул изумленный мистер Пиквик.

– Сэмивел! – степенно произнес мистер Уэллер.

– Я говорю, что этому не бывать, – повысив голос, повторил Сэм. – А как вы без меня обойдетесь, сэр?

– Мой друг, – отвечал мистер Пиквик, – перемены, происшедшие в жизни моих друзей, отразятся также и на моей жизни. Вдобавок я старею и нуждаюсь в отдыхе и покое. Мои скитания кончились, Сэм.

– Как знать, сэр! – возразил Сэм. – Сейчас вы думаете так, а вдруг ваши желания изменятся, и это очень возможно, потому что у вас душа двадцатипятилетнего. Как вы тогда обойдетесь без меня? Этому не бывать, сэр.

– Очень хорошо, Сэмивел, в твоих словах много истины, – поощрительно заметил мистер Уэллер.

– Я принял такое решение после долгих размышлений, Сэм, и, конечно, не изменю его, – покачав головой, сказал мистер Пиквик. – Для меня настали новые времена. Конец скитаниям!

– Прекрасно, сэр, – отвечал Сэм, – но по этой-то причине вы и должны держать при себе человека, который нас понимает и позаботится о ваших удобствах. Если вам нужен парень более вылощенный, чем я, ладно, берите его, но за жалованье или без жалованья, с предупреждением об увольнении или без предупреждения, со столом или без стола, с квартирой или без квартиры, а Сэм Уэллер, которого вы подобрали в старой гостинице в Боро, от вас не отойдет, что бы ни случилось. И пусть кто хочет старается, все равно никто этому помешать не может!

По окончании этой декларации, которую Сэм произнес с большим чувством, старший мистер Уэллер встал и, забыв о времени, месте и приличиях, замахал шляпой над головой и оглушительно крикнул три раза «ура».

– Мой друг! – сказал мистер Пиквик, когда мистер Уэллер снова сел, слегка сконфуженный собственным энтузиазмом. – Вы должны подумать и о молодой женщине.

– Я думаю о молодой женщине, сэр, – отвечал Сэм. – Я подумал о молодой женщине. Я с ней поговорил. Я ей объяснил свою ситивацию. Она готова ждать, пока все не наладится, и мне кажется, она так и сделает. А если нет, то, стало быть, она не та женщина, за какую я ее принимаю, и я готов от нее отказаться. Вы меня не первый день знаете, сэр. Я принял решение, и ничто не может его изменить.

Кто бы стал возражать против такого заявления? Во всяком случае не мистер Пиквик. В этот момент он чувствовал такую гордость и испытывал такую радость при виде бескорыстной

привязанности своих скромных друзей, какой не пробудили бы в его сердце десятки тысяч заверений в дружбе самых великих людей.

Пока в комнате мистера Пиквика шла такая беседа, в гостиницу явился маленький старый джентльмен в костюме табачного цвета, сопровождаемый носильщиком с небольшим чемоданом. Условившись относительно ночлега, он осведомился у лакея, здесь ли остановилась некая миссис Уинкль, на что лакей отвечал, разумеется, утвердительно.

– Она сейчас одна? – спросил старый джентльмен.

– Кажется, одна, сэр, – ответил лакей. – Я могу позвать ее горничную, сэр, если вы...

– Нет, она мне не нужна, – быстро перебил старый джентльмен. – Проводите меня в комнату леди без доклада.

– Как же так, сэр? – переспросил лакей.

– Вы оглохли? – спросил маленький старый джентльмен.

– Нет, сэр.

– Ну, так слушайте. Сейчас вы меня хорошо слышите?

– Да, сэр.

– Прекрасно. Проводите меня в комнату миссис Уинкль без доклада.

Давая такое распоряжение, старый джентльмен сунул в руку лакея пять шиллингов и пристально посмотрел на него.

– Право, сэр, – начал лакей, – я не знаю, сэр, можно ли...

– А, понимаю, вы согласны, – перебил маленький старый джентльмен. – Ну, так сделайте это сейчас же. Незачем терять время.

Джентльмен держал себя столь уверенно и спокойно, что лакей сунул пять шиллингов в карман и повел его наверх, не проронив ни слова.

– Вот эта комната? – спросил джентльмен. – Можете идти.

Лакей повиновался, недоумевая, кто бы мог быть этот джентльмен и что ему нужно. Старый джентльмен выждал, пока он не скрылся из виду, а затем постучал.

– Войдите, – сказала Арабелла.

– Гм... голос во всяком случае приятный, – пробормотал старый джентльмен, – а впрочем, это ничего не значит.

С этими словами он открыл дверь и вошел. При виде незнакомца Арабелла, сидевшая за рукодельем, встала и слегка смутилась, но в этом смущении была грация.

– Пожалуйста, не вставайте, сударыня, – сказал неизвестный, войдя и прикрыв за собой дверь. – Если не ошибаюсь, миссис Уинкль?

Арабелла наклонила голову.

– Миссис Натэниел Уинкль, которая вышла замуж за сына старика из Бирмингема? – продолжал незнакомец, с явным любопытством разглядывая Арабеллу.

Арабелла снова наклонила голову и с беспокойством огляделась, словно раздумывая, не позвать ли на помощь.

– Вы, кажется, удивлены, сударыня, – заметил старый джентльмен.

– Да, признаюсь, – отвечала Арабелла, недоумевая еще больше.

– Если вы разрешите, сударыня, я сяду, – сказал незнакомец.

Он уселся и, достав из кармана футляр, не спеша извлек из него очки, которые водрузил на нос.

– Вы меня не знаете, сударыня? – спросил он, так пристально глядя на Арабеллу, что та начала волноваться.

– Не знаю, сэр, – робко отозвалась она.

– Ну, конечно, – сказал джентльмен, обхватив руками левую ногу. – Откуда вам меня знать? Но моя фамилия вам известна, сударыня.

– Неужели? – промолвила Арабелла и задрожала, сама не зная почему. – Может быть, вы ее назовете?

– Успеется, успеется, – отвечал незнакомец, не сводя глаз с ее лица. – Вы недавно вышли замуж, сударыня?

– Да, недавно, – чуть слышно сказала Арабелла, откладывая рукоделье и начиная все сильнее волноваться от одной мысли, которая уже мелькнула у нее раньше, а сейчас снова пришла ей в голову.

– Вышли замуж, не объяснив своему мужу, что следовало бы сначала посоветоваться с его отцом, от которого он, кажется, зависит?

Арабелла прижала носовой платок к глазам.

– Вышли замуж, даже не попытавшись как-нибудь стороной узнать, каково отношение старика к этому вопросу, которым он, само собой разумеется, должен интересоваться? – настаивал незнакомец.

– Я этого не отрицаю, сэр, – сказала Арабелла.

– Вышли замуж, не имея своего собственного приличного состояния, чтобы оказывать мужу поддержку, взамен тех мирских благ, которые, как вам известно, были бы ему предоставлены, если бы он женился, считаясь с волей отца? – продолжал старый джентльмен. – Мальчики и девочки называют это бескорыстной любовью, пока не обзаведутся своими собственными мальчиками и девочками, а тогда они совсем иначе и более трезво смотрят на это дело.

Арабелла залилась слезами и сказала в свое оправдание, что она молода и неопытна, что только любовь побудила ее совершить этот шаг и что она чуть ли не с самого детства была лишена родительских советов и руководства.

– Это плохо, – заявил старый джентльмен более мягким тоном, – очень плохо. Глупо, романтически и легкомысленно.

– Это я виновата, я одна, сэр! – плача, отозвалась бедная Арабелла.

– Вздор! – сказал старый джентльмен. – Полагаю, вы не виноваты в том, что он в вас влюбился. А впрочем, – добавил он, лукаво посмотрев на Арабеллу, – вы и в самом деле виноваты. Как было ему не влюбиться?

Этот маленький комплимент, или странная манера, с какой он был сделан, или изменившееся обращение старого джентльмена, или, наконец, и то, и другое, и третье заставили Арабеллу улыбнуться сквозь слезы.

– Где ваш муж? – резко спросил старый джентльмен, прогнав улыбку, осветившую и его физиономию.

– Я его жду с минуты на минуту, сэр, – отвечала Арабелла. – Я его уговорила пойти погулять. Он не получает никаких известий от отца и очень удручен.

– Удручен, вот как! – сказал старый джентльмен. – Поделом ему.

– Боюсь, что он страдает за меня, – добавила Арабелла, – а я, сэр, глубоко страдаю за него. Ведь я навлекла на него это несчастье.

– Не беспокойтесь о нем, моя дорогая, – сказал старый джентльмен. – Поделом ему. Я очень рад, чрезвычайно рад – поскольку это его касается.

Едва эти слова сорвались с уст старого джентльмена, как на лестнице послышались шаги, которые показались знакомыми и ему и Арабелле. Когда мистер Уинкль вошел в комнату, маленький джентльмен побледнел и, пытаясь сделать вид, будто овладел собой, встал.

– Отец! – воскликнул мистер Уинкль, попятившись от изумления.

– Он самый, сэр, – отозвался маленький старый джентльмен. – Ну, сэр, что вы имеете мне сказать?

Мистер Уинкль молчал.

– Надеюсь, вам стыдно самого себя, сэр? – спросил старый джентльмен.

Мистер Уинкль все еще молчал.

– Стыдитесь вы себя, сэр, или не стыдитесь? – осведомился старый джентльмен.

– Нет, сэр, – отвечал мистер Уинкль, беря под руку Арабеллу, – я не стыжусь ни себя, ни своей жены.

– Вот как! – иронически воскликнул старый джентльмен.

– Я очень сожалею, если мой поступок повлиял на вашу любовь ко мне, сэр, – сказал мистер Уинкль, – но должен сказать, что нет оснований стыдиться, если я могу называть эту леди своей женой, а вы – своей дочерью.

– Твою руку, Нат! – воскликнул старый джентльмен изменившимся голосом.

– Поцелуйте меня, моя милочка. Что и говорить, вы очаровательная невестка!

Спустя несколько минут мистер Уинкль отправился отыскивать мистера Пиквика и, вернувшись с этим джентльменом, представил его своему отцу, после чего они без устали пожимали друг другу руки в течение пяти минут.

– Мистер Пиквик, я вам глубоко признателен за вашу доброту к моему сыну, – сказал мистер Уинкль с грубоватой прямолинейностью. – Я человек вспыльчивый, а когда мы в последний раз с вами виделись, я был раздражен и застигнут врасплох. Теперь я сам все проверил и больше чем удовлетворен. Нужно приносить еще какие-нибудь извинения, мистер Пиквик?

– Никаких, – отвечал сей джентльмен. – Вы сделали как раз то, чего мне не хватало для полноты моего счастья.

После этого начались новые рукопожатия, затянувшиеся на пять минут и сопровождавшиеся многочисленными комплиментами, каковые, впрочем, отличались тем доселе невиданным преимуществом, что были вполне искренни.

Сэм, исполняя сыновий долг, проводил своего отца до «Прекрасной Дикарки» и, вернувшись оттуда, встретил в переулке жирного парня, которому Эмили Уордль поручила отнести какую-то записку.

– Послушайте, – сказал Джо с непривычной для него болтливостью, – какая хорошенькая девушка Мэри! Я от нее без ума!

Мистер Уэллер не дал никакого словесного ответа, но, ошеломленный такой самонадеянностью жирного парня, воззрился на него, затем взял за шиворот, довел до угла и на прощание угостил его безболезненным, церемонным пинком, после чего, насвистывая, пошел домой.

ГЛАВА LVII,

в которой Пиквикский клуб прекращает свое существование и все заканчивается ко всеобщему удовольствию

В течение целой недели после счастливого прибытия мистера Уинкля из Бирмингема мистер Пиквик и Сэм Уэллер отсутствовали с утра до вечера, возвращаясь только к обеду, и имели вид таинственный и многозначительный, совершенно несвойственный их натурам. Было ясно, что надвигаются весьма серьезные и знаменательные события, но различные догадки касательно характера этих событий ни к чему не приводили. Иные (в том числе мистер Тапмен) готовы были предположить, что мистер Пиквик помышляет о супружеских узах, но леди энергически отвергали такую догадку. Другие склонялись к тому, что он хочет отправиться в

далекое путешествие и в настоящее время занят приготовлениями, но и это предположение было категорически опровергнуто самим Сэмом, который на вопрос Мэри решительно заявил, что никаких новых путешествий больше не предвидится. Наконец, когда у всех помутилось в голове от шестидневных бесплодных размышлений, было единогласно решено потребовать от мистера Пиквика, чтобы он объяснил свое поведение и ясно изложил, почему он не появляется в кругу своих преданных друзей.

С этой целью мистер Уордль пригласил всю компанию на обед в Эдельфи, и когда графины дважды обошли вокруг стола, приступил к делу.

– Все мы горим желанием узнать, – начал пожилой джентльмен, – чем мы вас обидели и почему вы нас покидаете и предаетесь уединенным прогулкам?

– Как странно! – сказал мистер Пиквик. – Как раз сегодня я собирался вам все объяснить. Если вы мне нальете еще стаканчик вина, я удовлетворю ваше любопытство.

Графины с необычайной поспешностью двинулись дальше из рук в руки, а мистер Пиквик, весело улыбнувшись, окинул взглядом своих друзей и приступил к объяснениям.

– События, происшедшие в нашем кругу, – начал мистер Пиквик, – я имею в виду брак уже заключенный и брак еще предстоящий, – и перемены, с ними связанные, побудили меня обдумать трезво и без промедления мои планы на будущее. Я решил удалиться в какое-нибудь тихое и живописное местечко в окрестностях Лондона. Я нашел дом, отвечающий всем моим требованиям, нанял его и меблировал. Сейчас все приготовления закончены, и я намерен переехать туда немедленно в надежде прожить еще много лет в мирном уединении, скрашивая свои дни обществом друзей и лелея надежду остаться в их памяти после смерти.

Тут мистер Пиквик сделал паузу, и вокруг стола пронесся тихий шепот.

– Дом, который я нанял, – продолжал мистер Пиквик, – находится в Даличе. При нем небольшой сад, а расположен он в одном из очаровательнейших уголков близ Лондона. Он обставлен вполне комфортабельно и, пожалуй, даже изящно, но об этом вы будете судить сами. Сэм переезжает туда вместе со мной. По рекомендации Перкера, я нанял экономку – очень старую – и тех слуг, какие, по ее мнению, мне нужны. Я хотел бы освятить свое маленькое убежище, предоставив его для совершения одной церемонии, к которой я отношусь с глубоким интересом. Если мой друг Уордль не возражает, мне бы хотелось, чтобы свадьба его дочери была отпразднована в моем новом доме в тот день, когда я туда перееду. Счастье молодежи, – с чувством добавил мистер Пиквик, – всегда доставляло мне величайшую радость. Весело будет у меня на сердце, когда я под собственной кровлей буду свидетелем счастья самых дорогих для меня друзей.

Мистер Пиквик снова сделал паузу. Эмили и Арабелла громко всхлипывали.

– О своем намерении я известил членов клуба лично и письменно, – продолжал мистер Пиквик. – За время нашего длительного отсутствия в клубе возникли разногласия, а мой уход в связи с некоторыми другими обстоятельствами привел к его роспуску. Пиквикский клуб больше не существует. Я никогда не стану жалеть, – тихим голосом добавил мистер Пиквик, – о том, что посвятил почти два года общению с самыми разнообразными людьми, хотя мои поиски новых впечатлений могут многим показаться легкомысленными. Чуть ли не вся моя жизнь была посвящена делам и погоне за богатством, а теперь передо мной открылось нечто, о чем я до сей поры не имел понятия и что поведет, надеюсь, к просвещению моего ума и к его совершенствованию. Если я мало сделал добра, то смею думать, что зла я причинил еще меньше, и все мои приключения послужат источником занимательных и приятных воспоминаний на склоне моей жизни. Бог да благословит всех вас!

С этими словами мистер Пиквик, дрожащей рукой наполнив свой бокал, осушил его и прослезился, а его друзья разом встали и с воодушевлением провозгласили тост за его здоровье.

К свадьбе мистера Снодграсса не требовалось почти никаких приготовлений. Так как у него не было ни отца, ни матери и до своего совершеннолетия он находился под опекой мистера Пиквика, то сей джентльмен прекрасно знал его материальное положение и виды на будущее. Сделанный мистером Пиквиком отчет касательно обоих пунктов вполне удовлетворил мистера Уордля, – как, впрочем, удовлетворил бы его любой отчет, ибо добрый старый джентльмен находился в чрезвычайно веселом и благодушном расположении духа, а когда Эмили было выдано хорошее приданое, свадьбу назначили через три дня, и такая поспешность довела чуть ли не до сумасшествия трех портних и одного портного.

Заложив почтовых лошадей в свой экипаж, старик Уордль уехал на следующий же день, чтобы привезти свою мать в город. Когда он со свойственной ему стремительностью сообщил новость старой леди, та мгновенно упала в обморок, но быстро ожила и, приказав немедленно уложить парчовое платье, принялась рассказывать о некоторых подобных же обстоятельствах, связанных со свадьбой старшей дочери покойной леди Толлимглауэр, причем рассказ ее длился три часа и не был доведен до середины.

Нужно было уведомить миссис Трандль о великих приготовлениях, происходивших в Лондоне, а так как она находилась в деликатном положении, то мистер Трандль сам сделал это сообщение, опасаясь, как бы новости не слишком на нее повлияли. Но они не слишком на нее повлияли, ибо она тотчас же послала в Магльтон за новой шляпкой и черным атласным платьем и вдобавок заявила о своем решении присутствовать при церемонии. Тогда мистер Трандль призвал доктора, а доктор сказал, что миссис Трандль сама должна знать лучше всех, как она себя чувствует. На это миссис Трандль ответила, что она чувствует себя прекрасно, и решила ехать. Тогда доктор, который был человек мудрый и рассудительный и умел блюсти не только чужие интересы, но и свои собственные, сказал, что, если миссис Трандль останется дома, она будет волноваться и, пожалуй, еще больше себе повредит, а стало быть, пусть она едет. И она поехала. А доктор очень заботливо прислал с полдюжины микстур и предписания принимать их в дороге.

В разгар всей этой суматохи Уордлю было поручено передать два письмеца двум молодым леди, которых просили быть подружками. По получении этих писем обе молодые леди пришли в отчаяние, ибо у них не было «вещей», подходящих для столь важного события, и не хватало времени запастись ими, обстоятельство, казалось, доставившее двум достойным папашам двух молодых леди скорее удовольствие, чем неудовольствие. Впрочем, старые платья переделали, купили новые шляпки, и молодые леди были так очаровательны, как только можно было от них ожидать. А так как при совершении обряда они плакали в подобающих местах и трепетали в надлежащее время, то приведи в восторг всех зрителей.

Как добрались до Лондона двое бедных родственников, – притащились ли они пешком, поместились ли на запятках, подвезли ли их на телеге, или они по очереди несли друг друга на руках, – остается невыясненным. Как бы там ни было, но они опередили Уордля. И в день свадьбы первыми гостями, стучавшимися в дверь мистера Пиквика, были двое бедных родственников, сиявших улыбками и воротничками.

Впрочем, их приняли радушно, ибо бедность или богатство не имели значения в глазах мистера Пиквика. Новые слуги были расторопны и усердны, Сэм удивительно весел и оживлен, а Мэри блистала красотой и яркими лентами.

Жених, который последние два-три дня проживал в доме мистера Пиквика, галантно выехал навстречу невесте в даличскую церковь, сопровождаемый мистером Пиквиком, Беном Элленом, Бобом Сойером и мистером Тапменом; Сэм Уэллер, помещавшийся на запятках, был одет в новую великолепную ливрею, сшитую специально для этого дня, с белой ленточкой в петлице – подарком его дамы сердца. Их встретили Уордли, Уинкли, невеста, подружки и Трандли, а по окончании церемонии кареты покатили обратно к дому мистера Пиквика, где был приготовлен завтрак и где их уже ждал маленький мистер Перкер.

Здесь рассеялись легкие облачка, навеянные торжественной церемонией: все лица просияли, и ничего не слышно было, кроме поздравлений и комплиментов. Все казалось таким красивым: лужайка перед окнами, сад позади дома, миниатюрная оранжерея, столовая, гостиная, спальни, курительная комната, а в особенности кабинет с картинами, креслами, старинными шкатулками, оригинальными столиками и множеством книг, с большим светлым окном, откуда открывался вид на веселую лужайку, а вдали разбросаны были домики, полускрытые деревьями, – кабинет с портретами, коврами, креслами и диванами! Все было так очаровательно, так изящно, так уютно, все свидетельствовало о таком изысканном вкусе, что, по мнению присутствовавших, трудно было решить, чем следует больше восхищаться.

А посреди этой комнаты стоял мистер Пиквик. Лицо его сияло улыбкой, перед которой не могло бы устоять ни сердце мужчины, ни сердце женщины, ни сердце ребенка. Сам он был счастливейшим в этой компании, снова и снова пожимал руки все тем же гостям, а когда его собственные руки были свободны, с удовольствием их потирал; он без конца озирался по сторонам, откуда то и дело раздавались восклицания, выражавшие восторг или любопытство, и всех заражал своим весельем.

Завтрак подан. Мистер Пиквик усаживает старую леди (которая очень красноречиво повествовала о леди Толлимглауэр) во главе стола; Уордль занимает место против нее; друзья размещаются по обе стороны стола; Сэм становится за стулом своего хозяина. Смех и болтовня стихают. Мистер Пиквик, прочитав молитву, умолкает на секунду и осматривается вокруг. От избытка счастья слезы струятся у него по щекам.

Расстанемся же с нашим старым другом в одну из тех минут неомраченного счастья, которые, если мы будем их искать, скрашивают иногда нашу преходящую жизнь. Есть темные тени на земле, но тем ярче кажется свет. Иные люди, подобно летучим мышам или совам, лучше видят в темноте, чем при свете. Мы, не наделенные такими органами зрения, предпочитаем бросить последний прощальный взгляд на воображаемых товарищей многих часов нашего одиночества в тот момент, когда на них падает яркий солнечный свет.

Такова участь большинства людей, которые входят в общение с другими людьми, – в расцвете лет они приобретают истинных друзей и теряют их, повинуясь законам природы. Такова участь всех писателей и летописцев, – они создают воображаемых друзей и теряют их, повинуясь законам творчества. Но этого мало: от них требуется отчет о дальнейшей судьбе воображаемых друзей.

Подчиняясь этому обычаю – бесспорно тягостному, – мы приводим кое-какие биографические сведения о лицах, собравшихся в доме мистера Пиквика.

Мистер и миссис Уинкль, окончательно завоевав расположение мистера Уинкля-старшего, вскоре поселились в новом доме на расстоянии полумили от мистера Пиквика. Мистер Уинкль работал в Сити как представитель или агент своего отца и заменил свое прежнее платье костюмом рядового англичанина, и с той поры обрел внешность цивилизованного христианина.

Мистер и миссис Снодграсс обосновались в Дингли Делле, где купили маленькую ферму и занялись хозяйством скорее для развлечения, чем с целью наживы. Мистер Снодграсс, предаваясь иногда мечтательности и меланхолии, слывет и по сей день великим поэтом среди своих друзей и знакомых, хотя нам неизвестно, чтобы он хоть какими-нибудь творениями давал основание для такой уверенности. Репутация многих знаменитых людей, литераторов, философов и так далее, зиждется на таком же точно фундаменте.

Мистер Тапмен нанял квартиру в Ричмонде[158], где проживает с тех пор, как его друзья поженились, а мистер Пиквик избрал оседлый образ жизни. В летние месяцы он постоянно прогуливается по Террасе, и вид у него юношеский и игривый, чем он завоевал восхищение многих пожилых и одиноких леди, обитающих в этих краях. Больше он никогда и никому не делал предложения.

Мистер Боб Сойер, попав предварительно в «Газету»[159], попал затем в Бенгалию в сопровождении мистера Бенджемина Эллена; оба джентльмена были приняты Ост-Индской компанией на должность хирургов. Они четырнадцать раз переболели желтой лихорадкой, а затем решили испробовать метод воздержания от спиртных напитков, и с тех пор зажили благополучно.

Миссис Бардл сдает комнаты многим приятным холостым джентльменам с большой для себя выгодой, но никого не привлекает к суду за нарушение брачного обещания. Ее поверенные, мистеры Додсон и Фогг, по-прежнему занимаются своей профессией, получая солидные барыши и пользуясь репутацией самых ловких людей.

Сэм Уэллер сдержал свое слово и оставался холостым два года. По прошествии сего времени умерла старая экономка, и мистер Пиквик назначил на ее место Мэри при условии, чтобы она немедленно вышла замуж за мистера Уэллера, что она и исполнила безропотно. Судя по тому, что у калитки сада постоянно вертятся два толстых мальчугана, можно предположить, что Сэм обзавелся семьей.

Мистер Уэллер-старший в течение года ездил с каретой, но, заболев подагрой, вынужден был подать в отставку. Впрочем, содержимое бумажника было так удачно помещено мистером Пиквиком, что он имеет теперь независимое состояние и живет в превосходном дворе около Шутерс-Хилла, где его почитают как оракула, а он хвастается своей дружбой с мистером Пиквиком и по-прежнему питает непреодолимое отвращение к вдовам.

Мистер Пиквик живет в своем новом доме, посвящая часы досуга приведению в порядок своих записок, – впоследствии он презентовал их секретарю некогда знаменитого клуба, – или слушая, как Сэм Уэллер читает вслух и сопровождает чтение приходящими ему на ум замечаниями, которые неизменно доставляют мистеру Пиквику величайшее удовольствие. Сначала его весьма беспокоили мистер Снодграсс, мистер Уинкль и мистер Трандль, неустанно обращавшиеся к нему с просьбой крестить их отпрысков, но теперь он привык к этому и относится к своим обязанностям, как к делу самому обыкновенному. Ему ни разу не пришлось пожалеть о благодеяниях, оказанных Джинглю, ибо и этот субъект и Джоб Троттер сделались со временем достойными членами общества, хотя упорно отказывались вернуться в те места, где некогда подвизались, уступая искушениям. Мистер Пиквик начал прихварывать; впрочем, он сохраняет юношескую бодрость духа, и нередко можно видеть, как он любуется картинами в даличской галерее[160] или прогуливается в ясный день по живописным окрестностям. Его знают все местные бедняки, которые всегда с глубоким почтением снимают шапки, когда он проходит мимо. Дети его боготворят; впрочем, так же относится к нему и все местное население. Каждый год он отправляется на торжественное семейное празднество к мистеру Уордлю, и, куда бы он ни ездил, его неизменно сопровождает верный Сэм, связанный со своим хозяином крепкой взаимной любовью, конец которой может положить только смерть.

Конец

Приложение.
ЧАСЫ МИСТЕРА ХАМФРИ
Вступление

Выпустив в свет в течение четырех лет (1836-1839) четыре книги («Очерки Боза», «Посмертные записки Пиквикского клуба», «Приключения Оливера Твиста», «Жизнь и приключения Николаса Никльби»), Диккенс в 1840 году приступил к новому произведению. Но эта книга задумана была не как цельный роман, а как серия новелл, очерков, путевых приключений, объединенных только внешне сюжетной линией. По замыслу Диккенса, постоянные гости некоего мистера Хамфри располагались вокруг старинных «стоячих» часов и, доставая из футляра этих часов рукописи, читали упомянутые новеллы и очерки в своем кругу. Так возникло произведение, названное писателем «Часы мистера Хамфри», которого он наименовал по-старинному «мастер». Подобно предшествующим книгам, «Часы» должны были

выходить выпусками. Но читающая публика, с нетерпением ожидавшая нового цельного произведения Диккенса, сдержанно отнеслась к его затее, и Диккенс тотчас же изменил первоначальный план, начав вскоре печатать в «Часах» роман «Лавка древностей». Трижды он прерывал роман, вводя вставные эпизоды с участием мистера Пиквика, мистера Уэллера и Сэма.

Мы печатаем эти пять эпизодов, в которых мистер Пиквик, Сэм и мистер Уэллер появляются вновь после прощания с ними автора в конце «Посмертных записок Пиквикского клуба».

I. Гость мистера Хамфри

Когда я бываю в меланхолическом расположении духа, мне часто удается отвести поток печальных мыслей, вызывая ряд фантастических картин, связанных с окружающими предметами, и размышляя о сценах и действующих лицах, подсказываемых ими.

Эта привычка привела к тому, что каждая комната в моем доме и каждый старый портрет, взирающий со стены, возбуждают во мне особый интерес. Например, я убежден, что величавая, устрашающая своей суровой благопристойностью дама, которая висит над камином в моей спальне, была некогда владелицей этого дома. Во дворе внизу находится высеченное из камня лицо, исключительно уродливое, в котором я почему-то, – боюсь, в силу своеобразной ревности, вижу лицо ее супруга. Над моим кабинетом расположена маленькая комнатка, где сквозь переплет окна пробивается плющ; из этой комнаты выходит их дочь, очаровательная девушка лет восемнадцати – девятнадцати, всегда покорная и послушная, за исключением тех случаев, когда затрагивают ее глубокую привязанность к молодому джентльмену на лестнице, чья бабушка (которую спровадили в заброшенную прачечную в саду) кичится старой семейной ссорой и является неумолимым врагом их любви. Пользуясь подобным же материалом, я сочиняю немало маленьких драм, главное достоинство коих заключается в том, что я могу по собственному желанию привести их к благополучной развязке. Столько их у меня в голове, что, если бы я, вернувшись вечером домой, застал какого-нибудь грубоватого старца, насчитывающего двести лет и комфортабельно расположившегося в моем кресле, и страдающую от несчастной любви девицу, тщетно взывающую к его жестокому сердцу и опирающуюся белой рукою на мои часы, я уверен, что выразил бы только изумление, почему они заставили меня ждать так долго и до сей поры не удостаивали своим посещением.

В таком расположении духа я сидел вчера утром в своем саду, в тени цветущего любимого дерева, упиваясь очарованием, разлитым вокруг меня, и чувствуя, как оживают надежды и радость благодаря прекраснейшей поре года весне, как вдруг мои размышления были прерваны неожиданным появлением в конце аллеи моего цирюльника, который – и я тотчас же это заметил – направлялся ко мне быстрым шагом, предвещавшим нечто знаменательное.

Мой цирюльник – очень живой, суетливый, проворный человечек, – он весь кругленький, однако не толстый и не громоздкий, – но вчера его стремительность была столь необычна, что повергла меня в изумление. Не мог я также не заметить, когда он подошел ко мне, что его серые глаза поблескивали в высшей степени странно, что красный носик пылал необычайно, что каждая черточка его круглого веселого лица сократилась и как бы закруглилась, выражая приятное изумление, а вся его физиономия сияла от удовольствия. Я удивился еще больше, заметив, что моя экономка, которая всегда сохраняет весьма степенный вид и боится уронить собственное достоинство, выглядывала из-за изгороди в конце аллеи и обменивалась кивками и улыбками с цирюльником, который раза два или три оглянулся. Я не понимал, о чем может возвещать подобное поведение, разве что в то утро цирюльник и экономка заключили брачный союз.

Вот почему я был слегка разочарован, когда обнаружилось всего-навсего, что пришел какой-то джентльмен, который желает со мной поговорить.

– А кто он такой? – спросил я.

Цирюльник, еще туже подвинтив свою физиономию, ответил, что джентльмен не пожелал себя назвать, но хочет меня видеть. Я на секунду призадумался, недоумевая, кто бы мог быть этот посетитель, и заметил, что цирюльник, воспользовавшись случаем, обменялся еще одним кивком с экономкой, которая не двигалась с места.

– Ну, что ж! – сказал я. – Просите джентльмена пожаловать сюда.

Эти слова как будто увенчали надежды цирюльника, ибо он круто повернулся и пустился бегом.

Дальнозоркостью я не отличаюсь, и когда джентльмен только что появился в конце аллеи, я не мог его разглядеть и не знал, знаком я с ним или нет. Это был пожилой джентльмен, но шел он легко и быстро, отличался приятнейшими манерами, ловко обходил садовый каток и бордюры клумб, пробираясь между цветочными горшками и улыбаясь с невыразимым добродушием. Не успел он дойти до середины аллеи, как уже начал приветствовать меня; тогда мне показалось, что я его знаю; но когда он приблизился ко мне с шляпой в руке и солнце осветило его лысую голову, кроткое лицо, блестящие очки, светло-коричневые, плотно облегающие панталоны и черные гетры, – вот тогда меня потянуло к нему, и я окончательно убедился в том, что это – мистер Пиквик.

– Дорогой сэр, – сказал джентльмен, когда я встал, чтобы приветствовать его, – прошу вас, сядьте. Пожалуйста, садитесь. Не стойте из-за меня. Право же, я настаиваю на этом.

С этими словами мистер Пиквик деликатно принудил меня сесть и, взяв за руку, потряс ее еще и еще раз с сердечностью, поистине покоряющей. Я постарался выразить в своем приветствии радость, которую вызвало его появление, и усадил рядом. Он то выпускал, то снова хватал мою руку, смотрел на меня сквозь очки, и такой сияющей физиономии я никогда не видывал.

– Вы меня сразу узнали! – воскликнул мистер Пиквик. – Как приятно, что вы меня сразу узнали!

Я ответил, что частенько перечитывал историю его приключений, а его лицо хорошо знакомо мне по портретам. Я выразил ему свое соболезнование, считая, что случай благоприятствует упоминанию об этом, – по поводу разных пасквилей на его особу, появлявшихся в печати. Мистер Пиквик покачал головой и на секунду как будто рассердился, но тотчас же улыбнулся снова и заявил, что я, конечно, знаком с прологом Сервантеса ко второй части «Дон-Кихота», а сей пролог вполне выражает его отношение к данному вопросу.

– Но, послушайте, – сказал мистер Пиквик, – неужели вас не интересует, как я вас отыскал?

– Я не буду интересоваться этим, и, с вашего разрешения, пусть это останется для меня тайной, – сказал я, улыбаясь в свою очередь. – Достаточно, что вы доставили мне это удовольствие. Я отнюдь не хочу, чтобы вы мне сообщили, каким путем я его получил.

– Вы очень любезны, – отвечал мистер Пиквик, снова пожимая мне руку, – таким я вас себе и представлял! Но как вы думаете, с какой целью я вас отыскал, дорогой сэр? Ну как вы думаете, зачем я пришел?

Мистер Пиквик задал этот вопрос с таким видом, словно не допускал возможности, чтобы я каким бы то ни было образом угадал тайную цель его посещения, которая должна быть сокрыта от всего человечества. Поэтому хотя я и радовался тому, что предугадал его намерение, но притворился, будто понятия о нем не имею, и, после недолгого раздумья, безнадежно покачал годовой.

– А что бы вы сказали, – начал мистер Пиквик, прикасаясь указательным пальцем левой руки к моему рукаву, и посмотрел на меня, откинув назад голову и слегка склонив се набок, – что бы вы сказали, если бы я признался, что, прочитав ваш отчет о вас самих и вашем

маленьком обществе, я пришел сюда в качестве скромного кандидата на одно из свободных мест?

– Я бы сказал, – отвечал я, – что только одно событие могло бы сделать для меня еще милее это маленькое общество, а именно – вступление в него моего старого друга... – разрешите мне называть вас так – моего старого друга, мистера Пиквика.

Когда я дал ему такой ответ, лицо мистера Пиквика расплылось, выражая полнейший восторг. Сердечно пожав мне обе руки сразу, он легонько похлопал меня по спине, а затем – причина была мне понятна – покраснел до самых глаз и с величайшей серьезностью выразил надежду, что он не причинил мне боли.

Если бы даже мне было больно, я предпочел бы, чтобы он совершил такое преступление сто раз, только бы не волновался; но так как никакого вреда он мне не причинил, я без труда переменил тему разговора, задав вопрос, который уже раз двадцать вертелся у меня на языке.

– Вы мне ни слова не сказали о Сэме Уэллере, – заметил я.

– О! – воскликнул мистер Пиквик. – Сэм ничуть не изменился. Все тот же верный, преданный Друг, каким был раньше. Что сказать вам о Сэме, дорогой сэр, кроме того, что с каждым днем он становится все более необходимым для моего счастья и благополучия?

– А мистер Уэллер-старший? – спросил я.

– Старый мистер Уэллер, – отвечал мистер Пиквик, – изменился отнюдь не больше, чем Сэм, – пожалуй, стал только чуточку более самоуверенным, чем был прежде, и иной раз бывает более болтлив. Теперь он проводит много времени в наших краях и определил себя в штат моих телохранителей, и если я попрошу для Сэма местечка в вашей кухне в «вечера часов» (предположим, что ваши трое друзей сочтут меня достойным занять место среди них), то боюсь, что мне придется частенько приводить и мистера Уэллера.

Я с большой охотой обязался предоставить как Сэму, так и его отцу свободный доступ в мой дом в любой час дня и в любую пору года; покончив с этим пунктом, мы завели длинный разговор, который поддерживался обеими сторонами с такой непринужденностью, словно мы были близкими друзьями с юных лет, разговор, укрепивший во мне приятную уверенность в том, что бодрый дух мистера Пиквика, равно как и прежний его жизнерадостный характер нимало не изменились. Так как он выразил сомнение, дадут ли согласие мои друзья, я заверил его, что его предложение будет, несомненно, принято ими с величайшим удовольствием, и несколько раз просил разрешения представить его без дальнейших церемоний Джеку Редберну и мистеру Майлсу (которые находились поблизости).

Однако деликатность мистера Пиквика категорически воспрещала ему пойти на это предложение, ибо он утверждал, что вопрос о его избрании должен быть обсужден формально, и пока это не будет сделано, он не может и помышлять о том, чтобы навязывать свою особу. Мне удалось добиться от него только обещания присутствовать на следующем нашем вечернем собрании, чтобы я тотчас же после избрания имел удовольствие его представить.

Мистер Пиквик, раскрасневшись, вручил мне свернутую в трубку бумагу, которую он назвал своей «квалификацией», и задал великое множество вопросов касательно моих друзей, а в особенности Джека Редберна, которого он называл «чудесным человеком» и в чью пользу был, по-видимому, весьма расположен. Удовлетворив его любопытство, я повел его к себе, чтобы он мог ознакомиться со старой комнатой, где происходят наши собрания.

– А вот и часы! – воскликнул мистер Пиквик, останавливаясь как вкопанный. – Ах, боже мой! Это те самые старинные часы!

Я думал, что он никогда от них не оторвется. Тихонько подойдя и прикоснувшись к ним с таким почтением и так приветливо, словно они живые, он принялся исследовать их решительно со всех сторон, – то взбирался на стул, чтобы взглянуть на верхушку, то опускался на колени, чтобы осмотреть низ, то обозревал их с боков, причем очки его почти касались футляра, то

старался заглянуть в щель между ними и стеной, чтобы рассмотреть их сзади. Затем он отступал шага на два и взглядывал на циферблат, дабы удостовериться, что они идут, а затем приближался снова и стоял, склонив голову набок, чтобы послушать тиканье, не забывая при этом посматривать на меня через каждые несколько секунд и кивать головой с таким благодушием, какое я положительно не в силах описать. Его восхищение не ограничилось часами, а распространилось на все вещи в комнате, и, право же, после того как он исследовал их одну за другой и в конце концов посидел на всех шести стульях по очереди, чтобы испытать, удобны ли они, я никогда не видывал такого олицетворения добродушия и счастья, какое он являл собой, начиная с блестящей макушки и кончая последней пуговицей на гетрах.

Я был бы чрезвычайно доволен и получил бы величайшее наслаждение от его общества, останься он со мной на целый день, но мои возлюбленные часы, начав бить, напомнили ему, что он должен откланяться. Я не мог удержаться, чтобы не сказать ему еще раз, как он меня порадовал, и мы пожимали друг другу руки все время, пока спускались с лестницы.

Не успели мы войти в вестибюль, как моя экономка, выскользнув из своей комнаты (я заметил, что она надела другое платье и чепчик), приветствовала мистера Пиквика приятнейшей из своих улыбок и реверансом, а цирюльник, притворившись, будто очутился здесь случайно, отвесил ему множество поклонов. Когда экономка приседала, мистер Пиквик раскланивался с величайшей вежливостью, а когда он раскланивался, экономка приседала снова; должен сказать, что, очутившись между экономкой и цирюльником, мистер Пиквик повертывался и раскланивался раз пятьдесят по крайней мере.

Я проводил его до двери; в этот момент за углом переулка проезжал омнибус, и мистер Пиквик окликнул его и побежал с удивительным проворством. На полпути он оглянулся и, видя, что я все еще смотрю ему вслед, остановился, помахивая рукой, – по-видимому, колеблясь, вернуться ли назад и еще раз пожать руку, или бежать дальше. Кондуктор закричал, и мистер Пиквик пробежал несколько шагов по направлению к нему; потом он оглянулся в мою сторону и пробежал несколько шагов назад. Снова окрик, и он опять повернулся и побежал. После ряда таких колебаний кондуктор разрешил вопрос, схватив мистера Пиквика за руку и втащив его в омнибус, но последнее, что мистер Пиквик успел сделать, это опустить окно и, отъезжая, помахать мне шляпой. . . . .

II. Еще кое-какие сведения о госте мистера Хамфри

Нетрудно догадаться, что я, памятуя о заявлении мистера Пиквика и весьма польщенный оказанной мне честью, сообщил об этом своим трем друзьям, которые единогласно высказались за его принятие в наше общество. Все мы ждали с нетерпением того дня, когда он вступит в число его членов, но я жестоко ошибусь, если скажу, что Джек Редберн и я сам оказались наиболее терпеливыми.

Наконец, настал этот вечер, и в начале одиннадцатого раздался стук мистера Пиквика в парадную дверь. Его провели в комнату нижнего этажа, а я тотчас же взял свой костыль и пошел, чтобы проводить гостя наверх и представить его со всеми почестями и соблюдениями формальностей.

– Мистер Пиквик, – сказал я, входя в комнату, – я рад вас видеть, я радуюсь при мысли о том, что это лишь первый из длинной серии визитов в мой дом и лишь начало близкой и прочной дружбы.

Сей джентльмен дал подобающий ответ с присущей ему сердечностью и искренностью и посмотрел с улыбкой на двух человек, стоявших за дверью, которых я сначала не заметил; тотчас же я признал в них мистера Сэмюела Уэллера и его отца.

Вечер был теплый, однако старший мистер Уэллер был одет в широчайшее пальто, а подбородок закутал большим крапчатым шарфом, какой обычно носят кучера пассажирских карет, находясь при исполнении своих обязанностей. Он был очень румян и очень толст; особенно толстым казались ноги, по-видимому не без труда втиснутые в сапоги с отворотами.

Широкополую шляпу он держал под мышкой левой руки, а указательным пальцем правой прикоснулся великое множество раз ко лбу, приветствуя мою особу.

– Очень рад вас видеть в добром здоровье, мистер Уэллер, – сказал я.

– Благодарю вас, сэр, – отвечал мистер Уэллер, – ось еще не поломалась. Мы подвигаемся ровным шагом – не слишком налегаем, но помаленьку тормозим, и оно так и выходит, что мы еще бежим и прибудем регулярно к сроку... А это мой сын Сэмивел, сэр, как вы, должно быть, читали в историческом сочинении, – добавил мистер Уэллер, представляя своего первенца.

Я привял Сэма очень ласково, но не успел он сказать слово, как отец его снова заговорил.

– Сэмивел Веллер, сэр, – начал старый джентльмен, – преподнес мне древний титул деда, который давно уже захирел, и похоже на то, что чуть было совсем не угас в вашей фамилии. Сэмми, расскажи-ка историйку об одном из мальчишек – этот-вот анекдотец о маленьком Тони: о том, как он сказал, что обязательно выкурит трубку потихоньку от матери.

– Не можете вы, что ли, помолчать! – сказал Сэм. – Никогда еще я не видывал такой старой сороки!

– Этот-вот Тони – расчудеснейший мальчишка, – продолжал мистер Уэллер, не обращая внимания на Сэма, – такого расчудеснейшего мальчишки я на своем веку не видывал! Слыхал я о прелестнейших младенцах, которых похоронили малиновки, когда они совершили самоубийство, поев ежевики, но не было еще на свете такого, как этот-вот маленький Тони. Он всегда играет с кружкой, вмещающей кварту, – вот чем он занимается! Сидит на пороге и делает вид, будто пьет из нее, а потом вздыхает глубоко, курит щепку и говорит: «Теперь я дедушка», – и это он проделывает двух лет от роду, а такие штуки будут позанятней любой комедии. «Теперь я дедушка!» Он не возьмет кружки в пинту, если бы вы ее вздумали подарить ему, – нет, он берет свою кварту, а потом говорит: «Теперь я дедушка!»

Мистер Уэллер был столь потрясен этой картиной, что с ним тут же приключился устрашающий припадок кашля, каковой несомненно привел бы к каким-нибудь роковым последствиям, если бы не ловкость и расторопность Сэма, который, крепко ухватившись за шарф как раз под отцовским подбородком, начал раскачивать старика с большой энергией, нанося ему в то же время ловкие удары между лопаток. Благодаря такому любопытному способу лечения мистер Уэллер в конце концов совершенно оправился после припадка, но очень раскраснелся и, казалось, совсем обессилел.

– Теперь он отойдет, Сэм, – сказал мистер Пиквик, который и сам встревожился.

– Отойдет, сэр! – подхватил Сэм, укоризненно глядя на родителя. – Да, он отойдет очень скоро, отойдет окончательно и тогда пожалеет, что это сделал. Ну, видывал ли кто-нибудь такого легкомысленного старикана? Хохочет до судорог перед всем обществом и топочет по полу, словно принес с собой собственный ковер и побился об заклад, что сотрет на нем узор к положенному сроку! Через минутку он опять начнет. Ну вот... закатился... Я так и знал!

Действительно, мистер Уэллер, чьи мысли все еще были заняты его скороспелым внуком, начал покачивать головой из стороны в сторону, а смех, действуя, как землетрясение в глубоких недрах, вызвал ряд поразительных явлений, отразившихся у него на лице, груди и плечах, – явлений тем более устрашающих, что они не сопровождались ни единым звуком. Впрочем, это волнение постепенно улеглось, и после трех-четырех коротких приступов он вытер глаза обшлагом пальто и более или менее спокойно огляделся по сторонам.

– Прежде чем командир удалится, – сказал мистер Уэллер, – Сэмми хочет задать вопрос насчет одного пункта. Покуда тут этот вопрос разберут, быть может джентльмены разрешат мне удалиться?

– Чего ради вы уходите? – крикнул Сэм, хватая отца за фалды пальто.

– Я никогда еще не видывал такого непочтительного мальчика, как ты, Сэмивел, – ответил мистер Уэллер. Разве ты не дал торжественного обещания, можно сказать – клятвы, что сам задашь этот-вот вопрос за меня?

– Ну, что ж, я согласен, – сказал Сэм, – но только если вы не будете меня шпынять, как заметил кротко бык, поворачиваясь к погонщику, когда тот подгонял его стрекалом к двери мясника. Дело в том, сэр, – продолжал Сэм, обращаясь ко мне, – что он хочет узнать кое-что об этой леди, которая состоит у вас экономкой.

– А что именно?

– Видите ли, сэр, – сказал Сэм, ухмыляясь еще веселее, – он желает знать, не...

– Короче говоря, – решительно вмешался старый мистер Уэллер, у которого пот выступил на лбу, – это-вот старое созданье – вдова или не вдова?

Мистер Пиквик от души расхохотался, и я последовал его примеру, заявив решительно, что «моя экономка целомудренная девица».

– Ну вот! – воскликнул Сэм. – Теперь вы удовлетворены. Вы слышите – она целомудренная.

– Она что? – с глубоким презрением переспросил его отец.

– Целомудренная, – повторил Сэм.

Минуты две мистер Уэллер смотрел очень пристально на сына, а затем сказал:

– Не все ли равно, мудреная она или нет, это неважно. А я хочу знать, вдова она или не вдова?

– Почему вы заговорили о том, что она мудреная? – спросил Сэм, совершенно ошеломленный речью своего родителя.

– Неважно, Сэмивел, – серьезно отвечал мистер Уэллер, – мудреность может быть очень хорошей или может быть очень плохой, и женщина может быть ничуть не лучше и ничуть не хуже от того, что она мудреная, но это не имеет никакого отношения к вдовам.

– Подумайте, – обернувшись, сказал Сэм, – ну, поверит ли хоть кто-нибудь, что человек в его годы может вбить себе в голову, что целомудренная и мудреная – одно и то же?

– Между ними нет разницы ни на соломинку, – объявил мистер Уэллер. – Твой отец, Сэмми, так долго правил каретой, что уж он-то знает свой родной язык, коли речь идет об этом.

Оставив в стороне вопрос этимологический, который не вызывал у старого джентльмена никаких сомнений, его уверили, что экономка никогда замужем не была. Услышав это, он выразил большое удовольствие и просил простить заданный им вопрос, добавив, что не так давно его чрезвычайно напугала вдова, а в результате природная его робость усилилась.

– Это было на железной дороге, – с пафосом сказал мистер Уэллер. – Я ехал в Бирмингем по железной дороге, и меня заперли в закрытом вагоне с живой вдовой. Мы были одни – вдова и я, мы были одни. И думаю я, только потому, что мы были одни и ни одного священника не было, – только потому эта-вот вдова и не вышла за меня замуж, прежде чем мы доехали до ближайшей станции. Подумать только, как она начала визжать, когда мы проезжали в темноте в этих туннелях, как она падала в обморок и цеплялась за меня и как я старался открыть дверь, а дверь была крепко заперта, бежать некуда! Ах, какой это был ужас, какой ужас!

Мистер Уэллер был столь удручен этим воспоминанием, что, пока не вытер несколько раз лба, не мог ответить на вопрос, одобряет ли он железнодорожное сообщение, хотя об этом предмете он составил себе вполне определенное мнение, что явствует из ответа, который он в конце концов дал.

– Я так полагаю, – сказал мистер Уэллер, – железная дорога – это привилегия беззаконная и против конституции, и очень хотелось бы мне знать, что сказала бы эта-вот

старая Хартия, которая защищала когда-то наши вольности и добилась своего, – хотелось бы мне знать, какого она была бы мнения, живи она сейчас на свете, о том, что англичан запирают вместе с вдовами или с кем бы там ни было против их желания. А то, что сказала бы старая Хартия, может сказать и старый кучер, и я так полагаю, что с этой точки зрения железная дорога – беззаконна. Если говорить об удобствах, то где они – эти удобства, когда вы сидите в кресле, глядите на кирпичные стены и кучи грязи, никогда у трактира не останавливаетесь, никогда стакана эля не видите, никогда заставы не проезжаете, никогда никакой перемены не встретите (и лошадей не меняете), и всегда приезжаете в такое место, если вообще куда-нибудь приезжаете, которое в точности похоже на предыдущее: те же полисмены стоят, тот же проклятый старый колокол звонит, тот же несчастный народ стоит за перилами, ждет, чтобы его впустили; и все то же самое, кроме названия, которое написано той же величины буквами, как и предыдущее название, и теми же красками. А какой тебе будет почет и уважение, коли путешествуешь без кучера? А что такое железная дорога для кучеров и кондукторов, которым иной раз приходится по ним ездить? Надругательство и оскорбление – вот что оно такое! А что до скорости, то как по-вашему, с какою скоростью я, Тони Веллер, прокатил бы карету за пятьсот тысяч фунтов с мили, – плата вперед, прежде чем карета выехала на дорогу? А что до машины – какая она грязная, всегда сопит, скрипит, хрипит, пыхтит, ну и чудовище, всегда задыхается, спина у нее блестящая, зеленая с золотым, как у противного жука в этом-вот увеличительном стекле! Ночью она выплевывает горячие красные угли, а днем – черный дым, и, сдается мне, самое разумное, что она делает, это когда попадется ей что-нибудь на дороге, и она издает страшный вопль, как будто говорит: «Здесь вот двести сорок пассажиров в самой ужасной опасности, а это-вот их двести сорок воплей в одном!»

Тем временем я начал опасаться, что мои друзья потеряют терпение, недовольные моим долгим отсутствием. Поэтому я попросил мистера Пиквика идти со мною наверх, а обоих Уэллеров оставил на попечение экономки, дав ей строгое предписание оказать им самый радушный прием.

III. Часы

Когда мы поднимались по лестнице, мистер Пиквик надел очки, которые до сей минуты держал в руке, поправил галстук, одернул жилет и проделал ряд других операций, о которых обычно вспоминают люди, когда должны впервые появиться в незнакомом обществе и хотят произвести благоприятное впечатление. Видя, что я улыбаюсь, он тоже улыбнулся и сказал, что, несомненно, явился бы в лакированных туфлях и шелковых чулках, если бы эта мысль пришла ему в голову прежде, чем он вышел из дому.

– Я бы непременно это сделал, дорогой сэр, – сказал он очень серьезно, – если бы я не надел гетр. Я бы выразил тем самым свое уважение обществу.

– Можете быть уверены, – сказал я, – что мои друзья пожалели бы об этом, очень пожалели бы, так как они им очень нравятся.

– Да неужели! – воскликнул мистер Пиквик с явным удовольствием. – Вы думаете, что им нравятся мои гетры? Вы всерьез думаете, что при мысли обо мне они вспоминают и мои гетры?

– Я в этом уверен, – ответил я.

– В таком случае, – сказал мистер Пиквик, – это одно из очаровательнейших и приятнейших открытий, какое я только мог сделать!

Я бы не стал записывать этот короткий разговор, если бы он не осветил маленькой черточки в характере мистера Пиквика, с которой я до сей поры не был знаком. Втайне он гордился своими ногами. Тон, каким он говорил, и взгляд, брошенный им на свои панталоны, убеждают меня в том, что мистер Пиквик взирает на свои ноги с весьма невинным тщеславием.

– Но вот и наши друзья, – сказал я, открывая дверь и беря его под руку, – пусть они говорят сами за себя. Джентльмены, позвольте вам представить мистера Пиквика!

Должно быть, в этот момент мистер Пиквик и я являли резкий контраст: я спокойно опирался на свой костыль с видом несколько изнеможенным и терпеливым, а он взял меня под руку и раскланивался направо и налево с грациозной учтивостью, выражая всей своей жизнерадостной физиономией добродушие, которое казалось безграничным. Разница между нами, должно быть, обнаружилась еще резче, когда мы приблизились к столу и любезный джентльмен, приноравливая свой бодрый шаг к моей неуверенной походке, старался относиться с величайшим вниманием к моим немощам и в то же время делал вид, будто нисколько не подозревает, что я в этом крайне нуждаюсь.

Я познакомил его с каждым из моих друзей по очереди. Прежде всего с глухим джентльменом, которого он рассматривал с большим интересом и приветствовал с величайшей искренностью и сердечностью. По-видимому, у него мелькнуло в тот момент какое-то туманное подозрение, что мой друг, будучи глух, должен быть также и нем, ибо когда последний раскрыл рот, чтобы выразить то удовольствие, какое ему доставила встреча с джентльменом, о котором он столько слышал, мистер Пиквик пришел в такое замешательство, что я поспешил ему на выручку.

Истинным наслаждением было наблюдать его встречу с Джеком Редберном. Мистер Пиквик улыбнулся, пожал ему руку, посмотрел на него сквозь очки и из-под очков и поверх очков, одобрительно покивал головой, а затем кивнул мне, словно говоря: «Это тот самый – вы были совершенно правы», – а потом повернулся к Джеку и сказал несколько задушевных слов, а потом проделал и повторил все сначала с неподражаемой живостью. Что же касается самого Джека, то он был в таком же восторге от мистера Пиквика, в какой пришел от него мистер Пиквик. Никогда с сотворения мира не встречались двое людей, которые могли бы обменяться более горячими и восторженными приветствиями.

Занятно было наблюдать разницу между этой встречей и последовавшей за ней встречей мистера Пиквика с мистером Майлсом. Было ясно, что сей последний джентльмен рассматривал нашего нового члена как некоего соперника, заслужившего расположение Джека Редберна, а кроме того, он не раз намекал мне конфиденциально, что хотя он нимало не сомневается в достоинствах мистера Пиквика, однако считает некоторые его подвиги неподобающими джентльмену солидному и в летах. Не говоря уже об этих основаниях для недоверия, одно из его непоколебимых убеждений заключается в том, что правосудие никогда и ни при каких обстоятельствах не может допустить никакой ошибки; он, стало быть, смотрит на мистера Пиквика как на человека, который справедливо поплатился деньгами и покоем за нарушение обещания, данного беззащитной женщине, и утверждает, что вследствие этого он обязан относиться к нему с некоторым подозрением. Эти причины привели к довольно холодному и официальному приветствию, на которое мистер Пиквик отвечал с тем же достоинством и подчеркнутой вежливостью, какие были проявлены другой стороной. Действительно, он принял столь величавую и вызывающую осанку, что я испугался, как бы он не разразился каким-нибудь торжественным протестом или декларацией, а посему усадил его, не теряя ни секунды, в кресло.

Этот маневр вполне удался. Едва усевшись, мистер Пиквик обозрел всех нас с самым благожелательным видом и в течение целых пяти минут не переставал улыбаться. Наши церемонии интересовали его чрезвычайно. Они не очень многочисленны и не сложны, и описать их можно в нескольких словах. Так как о нашем церемониале уже упоминалось на этих страницах, а равно и впредь должно упоминаться, то он не требует детального описания.

Собравшись все вместе, мы прежде всего обмениваемся рукопожатиями и весело друг друга приветствуем. Памятуя о том, что мы собираемся не только для того, чтобы способствовать личному нашему благополучию, но с целью внести что-нибудь в общий фонд, мы отнеслись бы к вялому и равнодушному виду кого-либо из членов нашего общества как к своего рода измене. У нас никогда не бывало таких преступников, но если бы таковой оказался, несомненно ему был бы сделан очень строгий выговор.

По окончании приветствий мы молча заводим почтенную древность, у которой заимствуем свое название. Эту операцию всегда совершает сам мистер Хамфри (да будет мне позволено прибегать в повествовании о клубе к стилю исторических сочинений и говорить о самом себе в третьем лице), который, вооружившись большим ключом, влезает для этой цели на стул. Пока длится эта процедура, Джек Редберн должен находиться в дальнем конце комнаты под охраной мистера Майлса, ибо он, как известно, лелеет некоторые честолюбивые и кощунственные замыслы, связанные с часами, и даже позволил себе однажды заявить, что если бы он мог на день или два вынуть механизм, то, по его мнению, ему удалось бы его усовершенствовать. Мы прощаем ему такую самонадеянность, принимая во внимание добрые его намерения в соблюдение им почтительного расстояния; на этой последней мере мы настаиваем, опасаясь, как бы он, стремясь усовершенствовать предмет нашего внимания, не повредил тайком какой-нибудь чувствительной его части и не поверг нас всех в смятение и ужас.

Эта процедура доставила мистеру Пикнику величайшее удовольствие и, если это только возможно, возвысила Джека в его добром мнении.

Следующая операция заключается в том, что мы открываем футляр от часов (ключ от коего находится опять-таки у мистера Хамфри), вынимаем оттуда столько рукописей, сколько может понадобиться для нашего вечернего чтения, и прячем туда те новые вклады, какие были доставлены со времени нашего последнего собрания. Это мы делаем всегда с особой торжественностью. Затем глухой джентльмен набивает и раскуривает свою трубку, и мы снова занимаем свои места вокруг вышеупомянутого стола, мистер Хамфри исполняет обязанности председателя, – если можно говорить о председателе там, где все находятся на одной и той же ступени социальной лестницы, – а Джек – секретаря. Теперь наши приготовления закончены, и мы начинаем беседу на любую тему, какая придет в голову, или же приступаем немедленно к одному из наших чтений. Во втором случае выбранная рукопись вручается мистеру Хамфри, который тщательно разглаживает ее на столе и загибает уголки каждой страницы, чтобы легче было перелистывать; Джек Редберн снимает нагар с фитиля лампы маленькой машинкой собственного изобретения, которая обычно ее гасит; тем не менее мистер Майлс взирает на это с полным одобрением; глухой джентльмен придвигает свое кресло, чтобы следить за чтением по рукописи или по губам мистера Хамфри, как ему вздумается; а сам мистер Хамфри с величайшим удовольствием, бросив взгляд на присутствующих и на свои старые часы, приступает к чтению.

Лицо мистера Пиквика во время чтения его рассказа привлекло бы внимание самого тупого человека. Блаженное покачивание головой и указательным пальцем, когда он потихоньку отбивал такт и подчеркивал ритм воображаемыми паузами, улыбка, расплывавшаяся на его лице при каждом шутливом замечании, и лукавый взгляд, который он бросал исподтишка, наблюдая произведенное впечатление, спокойствие, с каким он закрывал глаза и слушал какое-нибудь описание, живая мимика, которой он мысленно сопровождал диалог, желание, чтобы глухой джентльмен понял, о чем идет речь, и страстная потребность исправлять чтеца, если тот запинался на каком-нибудь слове в рукописи или заменял его другим, – все это было равно достойно внимания. Когда же, наконец, после неудачной попытки объясниться с глухим джентльменом посредством ручной азбуки, с помощью которой он составлял слова, не существующие ни на едином языке цивилизованных или первобытных народов, он взял грифельную доску и написал крупным шрифтом, по одному слову в строке, вопрос: «Как – вам – это нравится?» – когда он это написал и, протянув доску через стол, ждал ответа, с физиономией, просиявшей и похорошевшей от сильного волнения, тогда даже мистер Майлс смягчился и не мог не взглянуть на него внимательно и благосклонно.

– Мне пришло в голову, – сказал глухой джентльмен, который следил за мистером Пиквиком и за всеми остальными с любопытством, – мне пришло в голову, – сказал глухой

джентльмен, вынимая изо рта трубку, – что теперь настал момент занять наше единственное пустующее кресло.

Так как наш разговор, естественно, перешел на вакантное место, то мы охотно прислушались к этому замечанию и вопросительно взглянули на нашего друга.

– Я уверен, – продолжал он, – что мистер Пиквик знаком с кем-нибудь, кто явился бы для нас приобретением; он должен знать человека, который нам нужен. Прошу вас, не будем терять времени и покончим с этим вопросом. Не так ли, мистер Пиквик?

Джентльмен, к которому был обращен сей вопрос, хотел было дать устный ответ, но, вспомнив о дефекте нашего друга, заменил такого рода ответ пятьюдесятью кивками. Затем, взяв доску и начертав на ней печатными буквами гигантское «да», он протянул ее через стол и, потирая руки и всматриваясь в наши лица, объявил, что он и глухой джентльмен прекрасно понимают друг друга.

– Человек, которого я имею в виду, – сказал мистер Пиквик, – и которого в настоящее время я бы не осмелился еще назвать, если бы вы не представили мне такой возможности, – очень странный старик. Его фамилия – Бембер.

– Бембер! – воскликнул Джек. – Я уверен, что уже слышал это имя.

– В таком случае я не сомневаюсь, – отвечал мистер Пиквик, – что вы помните его по истории моих приключений (я говорю о посмертных записках нашего старого клуба), хотя о нем упоминается лить вскользь, и, если я не ошибаюсь, он появляется только один раз.

– Совершенно верно! – сказал Джек. – Позвольте-ка... Это – тот человек, который питает исключительный интерес к старым, заплесневелым комнатам и Иннам, рассказывает какие-то истории, имеющие отношение к его излюбленной теме... и рассказал странную повесть о привидениях... это он?

– Он самый. Так вот, – продолжал мистер Пиквик, понизив голос и говоря таинственным и конфиденциальным тоном, – это весьма необыкновенный и замечательный человек; живет, и говорит, и взирает, словно какой-то странный призрак, которому доставляет наслаждение обитать в старых домах; и до такой степени поглощен этой одной темой, о коей вы только что упомянули, что это поистине вызывает изумление. Удалившись в частную жизнь, я разыскал его, и, смею вас уверить, чем чаще я его вижу, тем сильнее воздействует на меня странное и мечтательное расположение его духа.

– Где он живет? – осведомился я.

– Он живет, – отвечал мистер Пиквик, – в одном из этих скучных, заброшенных, старых домов, с которыми связаны все его помыслы и рассказы; живет в полном одиночестве и часто проводит взаперти несколько недель подряд. В таком уединении он предается тем фантазиям, которым давно потворствовал, а когда появляется на людях или кто-нибудь из внешнего мира приходит навестить его, эти фантазии по-прежнему занимают его мысли и остаются его любимой темой. Пожалуй, я могу сказать, что он начал относиться с уважением ко мне и с интересом к моим визитам – я уверен, что эти чувства он перенесет и на Часы мистера Хамфри, если он хоть раз появится среди нас. Я хочу только объяснить вам, что он – странный, одинокий мечтатель – в мире, но не от мира, – и не похож ни на кого из здесь присутствующих, так же как не похож ни на кого из людей, которых я когда-либо встречал или знал.

Мистер Майлс выслушал этот отзыв о предлагаемом члене вашего общества с довольно кислой физиономией и, пробурчав, что, пожалуй, старик немножко тронулся, пожелал узнать, богат ли он.

– Я его никогда не спрашивал, – сказал мистер Пиквик.

– Тем не менее вы могли бы это знать, сэр, – резко возразил мистер Майлс.

– Быть может, сэр, – сказал мистер Пиквик не менее резко, чем тот, – но я не знаю. Да и в самом деле, – добавил он, вновь обретая обычную свою мягкость, – я не имею возможности

судить. Он живет бедно, но это, по-видимому, соответствует его характеру. Я никогда не слышал, чтобы он заговаривал о своем материальном положении, и никогда не встречал никого, кто бы имел об этом хоть малейшее представление. Право же, я сообщил вам все, что о нем знаю, и от вас зависит решить, желаете ли вы узнать больше, или уже знаете вполне достаточно.

Мы единогласно пришли к тому заключению, что нам хотелось бы знать больше; и, в виде компромисса с мистером Майлсом (который хотя и сказал: да... о, разумеется... он не прочь знать больше об этом джентльмене... Он не имеет никакого права восставать против воли всех и так далее, однако же с сомнением покачал головой и несколько раз произнес «гм!» с особой выразительностью), было условлено, что мистер Пиквик отправится вместе со мной с вечерним визитом к объекту нашей дискуссии; для этой цели сей джентльмен и я немедленно сговорились встретиться в ближайшее время, причем было указано, что ответственность будет лежать на мне, и либо я предложу старику присоединиться к нам, либо не предложу, в зависимости от того, что покажется мне более уместным. Когда был разрешен этот важный вопрос, мы вернулись к часовому футляру (читатель нас уже опередил), и благодаря находящимся в нем рукописям и разговору, ими вызванному, время пролетело быстро.

Когда мы распустили собрание, мистер Пиквик отвел меня в сторону и объявил, что провел чудеснейший и приятнейший вечер. Сделав это сообщение с видом в высшей степени таинственным, он отвел Джека Редберна в другой угол, чтобы сказать ему то же самое, а затем удалился в третий угол с глухим джентльменом и грифельной доской, чтобы повторить свое заверение. Забавно было наблюдать происходившую в нем борьбу, выразить ли и мистеру Майлсу свое дружеское расположение, или обойтись с ним со сдержанным достоинством. Несколько раз он с дружелюбным видом подходил к нему сзади и столько же раз отступал, не произнеся ни слова; наконец, когда он наклонился к самому уху этого джентльмена и готов был шепнуть что-то умиротворяющее и приятное, мистер Майлс случайно оглянулся, после чего мистер Пиквик отскочил и сказал с некоторой запальчивостью: «Спокойной ночи, сэр... я хотел бы пожелать спокойной ночи, сэр... и больше ничего», – и при этом поклонился и отошел от него.

– Ну как, Сэм? – сказал мистер Пиквик, спустившись вниз.

– Все в порядке, сэр, – отвечал мистер Уэллер. – Держитесь крепко, сэр. Сперва правая рука... потом левая... потом нужно хорошенько встряхнуться, и пальто надето, сэр.

Мистер Пиквик последовал этим указаниям и, пользуясь и в дальнейшем помощью Сэма, который дернул его за один конец воротника, и мистера Уэллера-старшего, который сильно дернул за другой конец, был быстро облачен. Мистер Уэллер-старший извлек затем большой конюшенный фонарь, который он по прибытии заботливо поставил в дальний угол, и осведомился, желает ли мистер Пиквик, чтобы «фонари были зажжены».

– Пожалуй, сегодня не надо, – отвечал мистер Пиквик.

– Тогда, с разрешения этой-вот леди, – сказал мистер Уэллер, – мы оставим его здесь до следующего путешествия. Этот-вот фонарь, сударыня, – продолжал мистер Уэллер, протягивая его экономке, – когда-то принадлежал знаменитому Билю Блайндеру, который ныне усопший, как и все мы уснем в свою очередь. Биль, сударыня, был конюхом и ходил за двумя всем известными пегими кобылами, которые возили бристольскую скорую карету и только под одну песенку и соглашались бежать – о южном ветре и облачном небе, – ее-то и играл кондуктор без передышки всякий раз, как их впрягали. Несколько недель Биль держался на ногах, а потом потерял аппетит, а потом почувствовал себя очень плохо; вот он и говорит своему приятелю: «Мейти, говорит, сдается мне, что я подхожу к столбу не с того боку и скоро мне крышка. Не отрицай, говорит, я-то знаю, что это так, и позаботься, чтобы мне не мешали, говорит, потому, что я отложил немножко денег и иду теперь в конюшню писать свою последнюю волю и завещание». – «Я позабочусь, чтобы никто не мешал, – говорит его приятель, – а ты держи

только голову выше, тряхни малость ушами и еще двадцать лет проживешь». Биль Блайндер ничего ему не отвечает, идет в конюшню и там немного погодя ложится между двумя пегими и умирает, написав сперва на крышке ящика для овса: «Это последняя воля и завещание Биля Блайндера». Все натурально очень удивились и стали искать в соломе и на сеновале, и где только не искали, а потом открывают ящик и видят, что он взял да и написал мелом свою волю изнутри на крышке; крышку пришлось снять с петель и отправить в Докторс-Коммонс на утверждение, и по этому-вот самому документу этот фонарь перешел к Тони Веллеру, и вот почему, сударыня, он для меня сокровище, и я прошу, если вы будете так добры, о нем особенно позаботиться.

Экономка любезно обещала хранить дорогой мистеру Уэллеру фонарь в надежнейшем месте, и мистер Пиквик, смеясь, удалился. Телохранители следовали бок о бок: мистер Уэллер-старший был застегнут и закутан от подбородка до сапог, а Сэм, засунув руки в карманы и заломив шляпу набекрень, упрекал на ходу своего отца за крайнее многословие.

Я был немало удивлен, когда, повернувшись, чтобы идти наверх, встретил в коридоре цирюльника в такое позднее время; ибо его присутствие ограничивается каким-нибудь получасом, и то по утрам. Но Джек Редберн, который узнает (чутьем, я думаю) обо всех домашних событиях, очень весело сообщил мне о том, что в этот вечер было основано в кухне общество в подражание нашему, названное «Часы мистера Уэллера», членом коего стал цирюльник, и что он, Джек, обязуется найти способ знакомить меня со всеми его будущими трудами, после чего я попросил его как в собственных интересах, так и в интересах моих читателей сделать это во что бы то ни стало.

IV. Часы мистера Уэллера

Оказывается, как только экономка была оставлена в обществе двух мистеров Уэллеров в первый день знакомства, она тотчас же призвала на помощь цирюльника, мистера Слитерса, который прятался в кухне, ожидая ее зова; не переставая слащаво улыбаться, она представила его как человека, который поможет ей исполнить общественную обязанность – принять почтенных гостей.

– Право же, – сказала она, – без мистера Слитерса я была бы поставлена в очень неловкое положение.

– О неловкости не может быть разговора, сударыня, – сказал мистер Уэллер-старший с величайшей вежливостью, – решительно никакого разговора! Леди, – добавил старый джентльмен, оглядываясь вокруг с видом человека, который устанавливает неопровержимый факт, – леди не может быть неловкой. Натура об этом позаботилась.

Экономка наклонила голову и улыбнулась еще слащавее. Цирюльник, который суетился вокруг мистера Уэллера и Сэма, страстно желая познакомиться с ними ближе, потер руки и воскликнул: «Правильно! Весьма справедливо, сэр!» – после чего Сэм повернулся и молча смотрел на него в упор, в течение нескольких секунд.

– Я знавал только одного из вашей профессии, – сказал Сэм, задумчиво устремив взгляд на краснеющего цирюльника, – но он стоил дюжины и был прямо-таки предан своему делу!

– Он был известен мягкой манерой брить, сэр, – осведомился мистер Слитерс, – или стрижкой и завивкой?

– И тем и другим, – отвечал Сэм. – Мягкое бритье было его натурой, а стрижка и завивка – его гордостью и славой. Все свои радости он получал от своей профессии. Он тратил все деньги на медведей и вдобавок еще влез из-за них в долги, и медведи по целым дням рычали внизу в переднем погребе и бессильно скрежетали зубами, а жир их родственников и друзей продавался в розницу в аптекарских банках в цирюльне наверху, и окно первого этажа было украшено их головами, не говоря уже о том, каким для них было ужасным огорчением видеть, как человек шагает целый день взад и вперед по тротуару с портретом Медведя в предсмертной агонии, а внизу написано крупными буквами: «Еще одно прекрасное животное

было убито вчера у Джинкинсона!» Как бы то ни было, а они там жили, и Джинкинсон там жил, пока очень сильно не заболел каким-то внутренним расстройством, у него отнялись ноги, и он был прикован к постели и пролежал очень долго; но даже и в ту пору он так гордился своей профессией, что, как только ему сделалось хуже, доктор, бывало, спускался вниз и говорил: «Сегодня утром Джинкинсон очень плох, нужно расшевелить медведей»); и в самом деле, как только их расшевелят и они поднимут рев, Джинкинсон, как бы он ни был плох, открывает глаза, кричит: «А вот медведи!» – и оживает снова[161].

– Поразительно! – воскликнул цирюльник.

– Ни капельки, – сказал Сэм. – Ничего нет хитрее человеческой природы. Однажды доктор сказал ему: «Завтра я, по обыкновению, наведаюсь утром», – а Джинкинсон хватает его за руку и говорит: «Доктор, говорит, сделайте мне одно одолжение!» – «С удовольствием, Джинкинсон», – говорит доктор. «В таком случае, доктор, – говорит Джинкинсон, – приходите небритым и разрешите мне вас побрить!» – «Согласен», – говорит доктор. «Да благословит вас бог!» – говорит Джинкинсон. На следующий день приходит доктор, а когда Джинкинсон отменно его побрил, он и говорит: «Джинкинсон, говорит, совершенно ясно, что вам это идет на пользу. Так вот, говорит, есть у меня кучер с такой бородой, что у вас на сердце легко станет, когда вы над ней поработаете, и хотя, говорит, выездной лакей не может похвастаться бородой, однако он пробует отпустить такие бакенбарды, что бритва будет для них божеской милостью. Если, говорит, они будут по очереди смотреть за экипажем, когда он ждет внизу, что вам мешает делать им операции каждый день так же, как и мне? У вас, говорит, шестеро ребят, что вам мешает обрить им всем головы и всегда их подбривать? У вас есть два помощника в цирюльне внизу, что вам мешает стричь и завивать их, когда вздумается? Сделайте, говорит, это, и вы опять будете человеком». Джинкинсон стиснул доктору руку и в тот же день принялся за дело; инструменты он держал у себя на постели, и как только чувствовал, что ему становится хуже, брал одного из ребят, которые носились по всему дому, а головы у них были похожи на чистейшие голландские сыры, и снова его брил. Однажды приходит к нему законник писать завещание, и все время, пока он писал, Джинкинсон потихоньку стриг ему волосы большими ножницами. «Что это за щелканье? – нет-нет да и скажет законник. – Похоже на то, что человеку стригут волосы». – «Очень похоже на то, что человеку стригут волосы», – с самым невинным видом говорит Джинкинсон и прячет ножницы. К тому времени, когда законник узнал, в чем дело, он распрощался с последними волосами. Таким манером Джинкинсон держался очень долго, но вот однажды зовет он всех детей одного за другим, бреет каждого наголо и целует в макушку; потом зовет двух помощников, всех их подстригает и завивает в самом элегантном стиле, а потом говорит, что ему хотелось бы услышать голос самого жирного медведя, и эту его просьбу немедленно исполняют; потом он говорит, что чувствует себя очень хорошо и желает остаться один, а потом умирает, но сначала самому себе подстригает волосы и делает один завиток на самой середине лба.

Эта история произвела огромное впечатление не только на мистера Слитерса, но и на экономку, которая проявляла такое желание всем угодить и такое благодушие, что мистер Уэллер со встревоженным видом осведомился шепотом у сына, не зашел ли он слишком далеко.

– Что это значит – «слишком далеко»? – спросил Сэм.

– Да этот-вот комплиментик, Сэмми, насчет неловкости, которой нет и в помине у леди, – пояснил его отец.

– Уж не думаете ли вы, что она влюбилась в вас по этому случаю? – воскликнул Сэм.

– Случались и более чудные вещи, мой мальчик, – хриплым шепотом отвечал мистер Уэллер, – я всегда боюсь влюбить в себя, Сэмми. Знай я, как сделать себя безобразным или неприятным, я бы это сделал, Сэмивел, это лучше, чем жить в постоянном страхе!

В тот момент мистер Уэллер не имел возможности останавливаться на тех опасениях, какие его осаждали, ибо непосредственная причина его страхов проследовала вниз по

лестнице, извиняясь при этом, что ведет его в кухню, которую, однако, она вынуждена предложить ему предпочтительно перед своей собственной маленькой комнатой еще и потому, что в кухне удобнее будет курить и она находится в ближайшем соседстве с пивным погребом. Сделанные приготовления в достаточной мере свидетельствовали о том, что это были не пустые слова, ибо на сосновом столе находились солидный кувшин эля и стаканы, подле них лежали чистые трубки и обильный запас табаку для старого джентльмена и его сына, а на кухонном шкафу поблизости – большой кусок холодной говядины и всякая другая снедь. При виде этой сервировки мистер Уэллер сначала разрывался между своей склонностью к общительности и предположением, не следует ли рассматривать эту сервировку как признак того, что в него уже влюбились, но вскоре он уступил своим природным побуждениям и не спеша с веселым лицом уселся за стол.

– Что касается, сударыня, поглощения этой-вот сорной травы в присутствии леди, – сказал мистер Уэллер, беря трубку и снова кладя ее на стол, – то это не годится. Сэмивел, полное воздержание!

– Но я это очень люблю, – сказала экономка.

– Нет! – возразил мистер Уэллер, качая головой. Нет!

– Честное слово, люблю, – сказала экономка. – Мистер Слитерс знает. .

Мистер Уэллер кашлянул и, несмотря на подтверждение цирюльника, снова сказал: «Нет», но менее энергически, чем раньше. Экономка зажгла кусок бумаги и настояла на том, чтобы своими прекрасными руками поднести его к трубке. Мистер Уэллер сопротивлялся; экономка кричала, что обожжет пальцы; мистер Уэллер уступил. Трубка была зажжена, мистер Уэллер сделал хорошую затяжку и, поймав себя на том, что улыбается экономке, тотчас же изменил выражение лица и строго посмотрел на свечку с непреклонным решением никого не влюблять в себя и у других не поощрять мыслей о влюбленности. В этом твердом решении он укрепился, как вдруг услышал голос сына.

– Мне кажется, – сказал Сэм, который курил хладнокровно и с большим удовольствием, – если леди согласна, было бы для нас четверых очень кстати основать наш собственный клуб, вроде того, который командиры устроили наверху, и пусть он, – Сэм указал мундштуком трубки на своего родителя, – будет председателем.

Экономка любезно заявила, что эта самая мысль уже приходила ей в голову. Цирюльник сказал то же самое. Мистер Уэллер ничего не сказал, но положил свою трубку, словно в припадке вдохновения, и приступил к следующим маневрам.

Расстегнув три нижних пуговицы жилета и приостановившись на секунду, чтобы насладиться свободным притоком воздуха, вызванным этой процедурой, он энергически ухватился за свою часовую цепочку и медленно и с величайшим трудом извлек из кармана огромные серебряные часы с двойной крышкой, которые вылезли вместе с подкладкой кармана, а для того чтобы их отцепить, мистер Уэллер затратил много сил и очень раскраснелся. Вытащив их, наконец, благополучно, он открыл крышку и завел их ключом соответствующих размеров, затем снова закрыл крышку и, приложив к уху часы с целью убедиться, что они идут, сильно ударил ими несколько раз по столу, чтобы улучшить ход.

– Вот! – сказал мистер Уэллер, кладя их на стол циферблатом вверх. – Вот название и вывеска этого-вот общества. Сэмми, придвинь сюда те два табурета вместо тех незанятых кресел! Леди и джентльмены, часы мистера Уэллера заведены и сейчас идут. К порядку!

Дабы придать силу этому воззванию, мистер Уэллер, пользуясь часами как председательским молоточком и заметив с большой гордостью, что повредить им ничто не может, а всякого рода падения значительно повышают качество механизма и помогают регулятору, стукнул по столу несколько раз и объявил общество формально учрежденным.

– И чтобы никто у нас не подсмеивался над председателем, Сэмивел, – сказал мистер Уэллер своему сыну, – а не то я запру тебя в погреб, и тогда мы можем очутиться в таком положении, которое американцы называют «тупик», а англичане – вопросом привилегий.

Сделав это дружеское предостережение, председатель с большим достоинством расположился в своем кресле и предложил мистеру Сэмюелу рассказать какую-нибудь историю.

– Я одну уже рассказал, – отвечал Сэм.

– Очень хорошо, сэр, расскажите другую, – возразил председатель.

– Мы только что рассуждали, сэр, – сказал Сэм, поворачиваясь к мистеру Слитерсу, – о цирюльниках. На эту-вот плодотворную тему я вам коротко расскажу романическую историйку еще об одном цирюльнике, которой вы, может быть, никогда не слышали.

– Сэмивел, – сказал мистер Уэллер, снова приводя часы в резкое столкновение со столом, – обращайтесь со всеми своими замечаниями только к председателю, сэр, а не к частным личностям.

– А если мне разрешат сказать к порядку заседания, – сказал кротким голосом цирюльник и, оглядываясь вокруг с примирительной улыбкой, перегнулся через стол, опираясь на него суставами левой руки, – если мне разрешат сказать к порядку заседания, я бы заметил, что «цирюльники» не совсем соответствуют тому выражению, которое приятно и успокоительно для наших чувств. Вы, сэр, поправьте меня, если я ошибаюсь, но мне кажется, что есть в словаре такое слово, как «парикмахеры».

– Да, но предположите, что он не был парикмахером, – вставил Сэм.

– А ты, Сэм, будь парламентарным и называй его парикмахером, – возразил его отец. – В каком-нибудь другом месте каждого джентльмена зовут «почтенный», а здесь каждый цирюльник – парикмахер. Когда вы читаете речи в газетах и видите, что один джентльмен говорит о другом: «Почтенный член, если он разрешит мне назвать его так», – вы понимаете, сэр, что это значит: «Если он разрешит мне поддерживать эту-вот приятную и общую ложь».

Отметим факт, подтвержденный историей и опытом: великие люди возвышаются сообразно с тем положением, какое занимают. Мистер Уэллер в роли председателя проявил такую одаренность, что Сэм сначала не мог говорить и только ухмылялся от изумления, которое сковало его умственные способности, а затем издал протяжный и монотонный свист. Мало того, старый джентльмен как будто даже сам себя крайне изумил, о чем свидетельствовал тихий и сдавленный смех, которым он услаждал себя после того, как высказал сию правильную мысль.

– А вот и история, – начал Сэм. – Жид когда-то молодой парикмахер, который открыл славную маленькую лавку с четырьмя восковыми куклами в витрине – два джентльмена и две леди; у джентльменов синие точки вместо бороды, большие бакенбарды, пышная шевелюра, необыкновенно светлые глаза и удивительно розовые ноздри, у обеих леди – голова, склоненная к плечу, правый указательный палец прижат к губам, а формы прекрасно развиты, и в этом последнем отношении леди пользовались преимуществом перед джентльменами, которым разрешено было иметь только очень маленькие плечи, а дальше они неожиданно заканчивались замысловатой драпировкой. Было у парикмахера также много головных и зубных щеток, выставленных в витрине, аккуратные стеклянные ящики на прилавке, наверху комната для стрижки и весы в лавке, как раз против двери; но главной приманкой и украшением были куклы, и этот-вот молодой парикмахер постоянно выбегал на улицу поглядеть на них и постоянно подбегал к ним, чтобы навести лоск; короче говоря, он так гордился ими, что, когда наступало воскресенье, он всегда грустил и печалился, думая о том, что они закрыты ставнями, и по этому случаю с нетерпением ждал понедельника. Одна из этих кукол была его любимицей предпочтительно перед другими, а когда его спрашивали, почему он не женится, – особенно часто спрашивали знакомые молодые леди, – он, бывало, говорил:

«Ни за что! Никогда! Я, говорит, не свяжу себя узами брака, пока не встречусь с молодой женщиной, которая будет такой, как моя мечта, эта-вот прекрасная кукла с белокурыми волосами. Тогда, но не раньше, я, говорит, соглашусь пойти к алтарю!» Все его знакомые молодые леди, у которых были темные волосы, говорили ему, что это грешно и что он поклоняется идолу, а те, которые хоть чуточку походили цветом на куклу, очень сильно краснели и, как было замечено, считали его очень милым молодым человеком.

– Сэмивел! – важно сказал мистер Уэллер. – Один из членов этого общества принадлежит к нежному полу, о котором только что упоминалось, и потому я должен просить, чтобы ты не делал никаких замечаний.

– А разве я их делаю? – осведомился Сэм.

– К порядку, сэр! – возразил мистер Уэллер с достоинством; затем отец заслонил в нем председателя, и он добавил обычным своим тоном: – Сэмивел, погоняй!

Сэм обменялся улыбками с экономкой и продолжал:

– Молодой парикмахер заявлял об этом в течение полугода, а потом встретил молодую леди, которая была точной копией прекрасной куклы. «Ну, говорит он, – все кончено. Я – раб!» Молодая леди оказалась не только копией прекрасной куклы, она была очень романтична, так же как молодой парикмахер, и он сказал: «О! Какое сродство душ! Какое излияние чувств! Какое взаимное понимание!» Молодая леди, конечно, говорила не много, но выражалась приятно, и вскоре после этого пришла навестить его с их общим другом. Парикмахер бежит ей навстречу, но она, увидев кукол, меняется в лице и начинает ужасно дрожать. «Посмотрите, моя милая, – говорит парикмахер, – вот еще изображение в моем окне, но здесь оно не лучше, чем в моем сердце!» – «Мое изображение!» – говорит она. «Ваше!» – отвечает парикмахер. «Ну, а это чье изображение?» спрашивает она, показывая на одного из джентльменов. «Ничье, моя милая, говорит он, – это только мечта». – «Мечта! – кричит она. – Это портрет, я чувствую, что это портрет, и это-вот благородное лицо должно принадлежать военному!». «Что я слышу!» – восклицает он, взъерошивая свои кудри. «Уильям Гибс, – говорит она очень твердо, – об этом больше ни слова! Я, говорит, уважаю вас, как друга, но мои чувства направлены на это мужественное чело». «Это, – говорит парикмахер, – полный крах, и в нем я вижу перст судьбы. Прощайте!» С этими словами он врывается в лавку, отбивает кукле нос щипцами для завивки, растапливает ее в камине и с тех пор не улыбается.

– А молодая леди, мистер Уэллер? – осведомилась экономка.

– Видите ли, сударыня, – отвечал Сэм, – убедившись, что судьба питала злобу против нее и всех, с кем она вмела дело, они тоже никогда не улыбалась, а читала много поэзии и чахла – довольно медленно, потому что она до сих пор не умерла. Понадобилось очень много поэзии, чтобы убить парикмахера, а кое-кто и сейчас говорит, что он попал под колеса больше по вине джина с водой; может быть, виноваты тут обе причины, и произошло это от смешения того и другого.

Цирюльник заявил, что мистер Уэллер рассказал одну из интереснейших историй, какую ему когда-либо приходилось слышать, и это мнение вполне разделила экономка.

– Вы женатый человек, сэр? – осведомился Сэм.

Цирюльник ответил, что он не удостоился этой чести.

– Вероятно, собираетесь жениться? – спросил Сэм.

– Право, не знаю, – отвечал цирюльник, потирая руки и ухмыляясь, – мне это кажется маловероятным.

– Плохой знак, – заявил Сэм. – Если бы вы сказали, что намерены на днях жениться, я бы считал, что вы находитесь в безопасности. Ваше положение очень ненадежное.

– Во всяком случае, я понятия не имею об опасности, – возразил цирюльник.

– И я не имел, сэр, – вмешался мистер Уэллер-старший. – У меня были точь-в-точь такие же признаки. Этак я дважды попался. Будьте настороже, мой друг, иначе вы пропали.

Было нечто столь внушительное не только в этом предостережении, но также в тоне и в пристальном взгляде, какой устремил мистер Уэллер на ничего не подозревавшую жертву, что сначала никому не хотелось говорить и, быть может, захотелось бы не скоро, если бы экономка случайно не вздохнула; вздох отвлек внимание старого джентльмена и вызвал галантный вопрос: «Нет ли какой-нибудь острой занозы в этом-вот маленьком сердечке?»

– Ах, боже мой, мистер Уэллер! – смеясь, воскликнула экономка.

– А может быть, что-нибудь волнует его? – продолжал старый джентльмен.

– Всегда ли оно было суровым, всегда ли противилось счастью человеческих существ? А? Что?

В этот критический момент, вызвавший у нее румянец и смущение, экономка обнаружила, что нет больше эля, и поспешила отправиться за ним в погреб в сопровождении цирюльника, который настоял на том, чтобы нести свечу. Посмотрев ей вслед с весьма самодовольной миной, а ему вслед – с некоторым презрением, мистер Уэллер начал медленно обводить глазами кухню, пока, наконец, они не остановились на сыне.

– Сэмми, – сказал мистер Уэллер, – я не доверяю этому цирюльнику.

– Почему? – спросил Сэм. – Какое вам до него дело? Нечего сказать – хороши вы! – сначала выдумываете всякие ужасы, а потом отпускаете комплименты и говорите о сердцах и занозах!

Обвинение в галантности, по-видимому, доставило мистеру Уэллеру величайшее удовольствие, ибо голос его, когда он отвечал, прерывался от сдавленного смеха, так что слезы выступили у него на глазах.

– А разве я говорил о сердцах и занозах, разве я говорил, Сэмми, а?

– Не говорили? Ну, конечно, говорили.

– Ей это невдомек, беды в этом нет, никакой опасности нет, Сэмми, она только мудреная. А она как будто осталась довольна, верно? Ну, конечно, она осталась довольна, это натурально, очень натурально.

– Он этим чванится! – воскликнул Сэм, веселясь вместе с отцом. – Он и в самом деле чванится!

– Те!.. – отозвался мистер Уэллер, перестав смеяться. – Они возвращаются, маленькое сердечко возвращается! Но обрати внимание на мои слова и вспомни их, когда твой отец скажет, что он говорил: Сэмивел, я не доверяю этому-вот плутоватому цирюльнику!

V. Мистер Хамфри в своем углу с часами у камина

На третий или четвертый вечер после учреждения «Часов мистера Уэллера» мне послышался, когда я гулял по саду, голос самого мистера Уэллера где-то неподалеку; и, приостановившись раза два, чтобы прислушаться внимательнее, я убедился, что звуки доносятся из маленькой комнаты моей экономки в задней половине дома. В то время я не обратил внимания на это обстоятельство, но на следующее утро оно послужило темой для разговора между мной и моим другом Джеком Редберном, и я убедился, что мой слух меня не обманул. Джек сообщил мне нижеследующие подробности, и так как он, по-видимому, повествовал о них с необычайным удовольствием, то я попросил его на будущее время записывать те домашние сценки или происшествия, какие его позабавят, чтобы они были изложены в свойственном ему стиле. Должен признаться, что так как мистер Пиквик и он постоянно бывают вместе, то я, обращаясь к нему с этой просьбой, руководствовался тайным желанием узнать что-нибудь об их встречах.

В тот вечер, о котором идет речь, комната экономки была приведена в порядок с особенным старанием, а сама экономка оделась очень нарядно. Эти приготовления были,

однако, рассчитаны не только на внешний эффект, ибо вдобавок был приготовлен чай на три персоны и устроена маленькая выставка варенья и сладкого печенья, возвещавшая о каком-то исключительном событии. Мисс Бентон (моя экономка носит эту фамилию) находилась в сильном волнении, часто подходила к парадной двери, с беспокойством выглядывала в переулок и несколько раз сообщала служанке, что ждет гостей и боится, как бы их что-нибудь случайно не задержало.

Наконец, тихий звонок рассеял ее опасения, и мисс Бентон убежала в свою комнату, захлопнула за собой дверь, чтобы иметь такой вид, будто ее застигли врасплох, что является столь необходимым для вежливого приема гостей, и, улыбаясь, ждала их появления.

– Добрый вечер, сударыня, – сказал мистер Уэллер-старший, постучав, а затем заглянув в дверь, – боюсь, что мы пришли с маленьким опозданием, но этот молодой жеребенок показал свой норов, закусывал удила, бросался в сторону и путался в постромках столько раз, что, если его скоро не объездят, он разобьет мне сердце, а тогда его будут выводить на прогулку только для того, чтобы он обучался азбуке по надписи на могильной плите своего деда.

С такими патетическими словами, – обращенными к чему-то находившемуся за дверью и поднимавшемуся на два фута шесть дюймов от земли, мистер Уэллер представил очень маленького мальчика, твердо стоявшего на крепких ножках, которого, казалось, ничто не могло свалить. Не говоря уже о круглом лице, сильно напоминавшем лицо мистера Уэллера, и толстенькой фигурке точь-в-точь такого же сложения, как у него, этот юный джентльмен, стоя с широко раздвинутыми ногами, как будто привыкшими к сапогам с отворотами, подмигнул экономке младенческим глазом, подражая деду.

– Вот он, дрянной мальчишка! – сказал мистер Уэллер, приходя в восторг.

– Вот он, беспутный Тони! Видал ли кто-нибудь маленького мальчугана четырех лет и восьми месяцев от роду, который бы подмигивал незнакомой леди? – Так же мало тронутый этим замечанием, как и первым призывом к его чувствам, юный Уэллер поднял руку, в которой держал миниатюрный кучерской бич, и, обратившись к экономке с пронзительным: «Ия-хок!» – осведомился, «собралась ли она в путь». Наблюдая, как его внук воспользовался уроком, преподанным ему еще во младенчестве, мистер Уэллер не мог сдерживать дольше свои чувства и тут же подарил ему два пенса.

– Что толку отрицать, сударыня, – сказал мистер Уэллер. – Этот-вот мальчишка пришелся по сердцу своему деду и перегнал всех мальчишек, какие были или будут. Хотя в то же время, сударыня, – добавил мистер Уэллер, стараясь глядеть сурово на своего любимца, – это было очень нехорошо, когда он пытался перелезать через все тумбы, мимо которых мы проходили, и очень жестоко – поджимать ноги и заставлять дедушку переносить его через каждую тумбу. Он ни одной тумбы не пропустил, сударыня, а в этом переулке их стоит сорок семь в ряд и очень близко одна от другой.

Тут мистер Уэллер, чье горделивое чувство, внушаемое ему подвигами внука, постоянно враждовало с сознанием его собственной ответственности и необходимости внедрять в него правила морали, разразился приступом смеха, но, вдруг сдержавшись, заметил суровым тоном, что маленькие мальчики, которые заставляют своих дедушек переносить их через тумбы, никогда и ни за что на свете не попадут на небо.

Тем временем экономка приготовила чай, и маленький Тони, сидевший рядом с ней на стуле, – причем глаза его находились почти на одном уровне со столом, – получил разные вкусные вещи, доставившие ему большое удовольствие. Экономка (которая как будто побаивалась ребенка, хотя и ласкала его) погладила его по головке и объявила, что это самый чудесный мальчик, какого ей случалось видеть.

– Что правда, то правда, сударыня, – сказал мистер Уэллер, – вряд ли вы много таких увидите. Но если бы мой сын Сэмивел сделал по-моему, сударыня, и снял с него... как бы это... могу я сказать это слово?

– Какое слово, мистер Уэллер? – спросила экономка, слегка краснея.

– Юбку, сударыня, – отвечал этот джентльмен, кладя руку на платье своего внука. – Если бы только мой сын Сэмивел снял с него вот это, вы бы увидели такую перемену, какую и вообразить невозможно.

– А как бы вы хотели одеть ребенка, мистер Уэллер? – спросила экономка.

– Я несколько раз предлагал моему сыну Сэмивелу, сударыня, – сказал старый джентльмен, – приобрести за мой собственный счет костюм, который бы сделал из него человека и с младенческих лет образовал его ум для тех занятий, которым, надеюсь, семейство Веллеров всегда будет предано. Тони, мой мальчик, расскажи леди, какой это костюм отец должен тебе купить, как советует дедушка.

– Белая шапочка и жилетик с разводами и короткие полосатые штанишки и сапожки с отворотами и зеленая курточка с блестящими пуговичками и бархатным воротничком! – ответил Тони залпом и с большой готовностью.

– Вот какой костюм, сударыня, – сказал мистер Уэллер, с гордостью взирая на экономку. – Сделайте из него такую модель, и вы скажете, что он ангел!

Быть может, экономка подумала, что в таком наряде юный Тони будет похож скорее на ангела в Ислингтоне[162], чем на какого бы там ни было другого ангела, или, может быть, она смутилась, убедившись, что все прежние ее понятия поколебались, ибо ангелов не принято изображать в сапогах с отворотами и в жилетах с разводами. Она недоверчиво кашлянула и ничего не сказала.

– Сколько у тебя братьев и сестер, мой милый? – спросила она, помолчав.

– Один брат и ни одной сестры, – ответил Тони. Его зовут Сэм, и так же зовут моего папу. Вы знаете моего папу?

– О да, я его знаю, – ласково сказала экономка.

– Мой папа вас любит? – продолжал Тони.

– Надеюсь, – ответила, улыбаясь, экономка.

Тони секунду подумал, а потом спросил:

– А мой дедушка вас любит?

Казалось бы, на этот вопрос очень легко ответить, но, вместо того чтобы так и поступить, экономка в большом смущении улыбнулась и сказала, что, право же, дети задают удивительные вопросы и с ними чрезвычайно трудно разговаривать. Мистер Уэллер ответил за нее, что он очень любит леди, но когда экономка взмолилась, чтобы он не вбивал ребенку в голову таких вещей, мистер Уэллер покачал своей собственной головой, пока экономка смотрела в другую сторону, и, казалось, был встревожен предчувствием, что пленение уже не вызывает сомнений. Быть может, потому-то он и переменил вдруг разговор.

– Очень нехорошо, когда маленькие мальчики потешаются над своими дедушками, не правда ли, сударыня? – сказал мистер Уэллер, шутливо качая головой, пока Тони не взглянул на него, после чего он изобразил, на своем лице скорбь и глубочайшее уныние.

– О, очень печально! – согласилась экономка. – Но, я надеюсь, ни один мальчик этого не делает?

– Есть один негодный мальчишка, сударыня, – сказал мистер Уэллер, – который, увидев, как его дедушка выпил лишнее по случаю дня рожденья друга, начал расхаживать по дому, пошатываясь и спотыкаясь и делая вид, будто он и есть этот старый джентльмен.

– Ах, какой стыд! – воскликнула экономка.

– Вот именно, сударыня! – подтвердил мистер Уэллер. – А прежде чем это проделать, этот-вот маленький предатель, о котором я рассказываю, щиплет себя за носик, чтобы он

покраснел, а потом икает и говорит: «Все в порядке, спойте-ка нам еще!» Ха-ха! «Спойте-ка, говорит, нам еще!» Ха-ха-ха!

Вне себя от восторга мистер Уэллер совсем позабыл о своей моральной ответственности, пока маленький Тони не начал болтать ногами и не воскликнул, заливаясь хохотом: «Это был я, это был я!» – после чего дедушка, с трудом овладев собою, стал опять чрезвычайно серьезен.

– Нет, Тони, не ты! – сказал мистер Уэллер. – Надеюсь, это был не ты, Тони. Должно быть, это был тот дрянной мальчишка, который выходит иной раз из пустой караульной будки за углом, – тот самый мальчишка, которого поймали, когда он стоял на столе перед зеркалом и делал вид, будто бреется ножом для открывания устриц.

– Надеюсь, он не порезался? – осведомилась экономка.

– Он-то порежется, сударыня! – гордо отвечал мистер Уэллер. – Господь с вами! Этому мальчугану вы можете доверить чуть ли не паровую машину, такой он смышленый малыш...

Но вдруг, опомнившись и заметив, что Тони прекрасно понял и оценил комплимент, старый джентльмен застонал и объявил, что «все это было очень, очень скверно».

– Да, он дрянной, – продолжал мистер Уэллер, – этот-вот мальчишка из караульной будки, он поднимает такой шум и возню во дворе, поит деревянных лошадей и кормит их травой, вечно вываливает своего братца из тачки и до смерти пугает свою мать, а она-то как раз собирается подарить ему на счастье еще одного товарища для игр. О, он очень дрянной! Он даже до того дошел, что заставил своего отца сделать ему бумажные очки, надел их и разгуливает по саду, заложив руки за спину, – изображает мистера Пиквика, – но Тони таких вещей не делает, о нет!

– О нет! – подхватил Тони.

– Уж он-то не так глуп, – продолжал мистер Уэллер, – он знает, что если он вздумает заниматься такими играми, никто не будет его любить, и дедушка совсем разлюбит, даже смотреть на него не захочет. Вот почему Тони всегда хороший.

– Всегда хороший! – подхватил Тони, а дедушка тотчас же посадил его к себе на колени, поцеловал и в то же время, кивая и подмигивая, лукаво указал большим пальцем на голову ребенка, чтобы экономка, которая в противном случае могла быть введена в заблуждение прекрасным мастерством, с каким он (мистер Уэллер) провел свою роль, не предположила, будто речь идет о каком-то другом юном джентльмене, и ясно поняла, что мальчик из караульной будки является лишь плодом воображения и двойником самого Тони, придуманным для его усовершенствования и исправления.

Не ограничившись одним только словесным описанием способностей своего внука, мистер Уэллер, по окончании чаепития, подстрекнул его, с помощью нескольких пенсов и полпенни, курить воображаемую трубку, пить несуществующее пиво из настоящей кружки, без стеснения изображать дедушку и – что самое главное – в пьяном виде, а это привело старого джентльмена в восторг и преисполнило экономку изумлением. Но даже таким спектаклем гордость мистера Уэллера не была удовлетворена, ибо он, распрощавшись, понес ребенка, словно какую-то редкую и изумительную диковинку, сначала к цирюльнику, а потом к табачнику, и у того и у другого повторил свое представление, произведя чрезвычайное впечатление на аплодирующих и восхищенных зрителей. В половине десятого можно было наблюдать, как мистер Уэллер нес его домой на плече, и даже пошел слух, что в это время младенец Тони был слегка под хмельком.

Комментарии

1

Предисловие написано Диккенсом к так называемому «дешевому» изданию Посмертных Записок Пиквикского Клуба, 1847 года. (Прим. ред.)

2

«Пуритане» – роман В. Скотта «Old Mortality», изданный в 1816 году; исторический фон романа – события 1685 года в Шотландии.

3

Экстер-Холл – большой лондонский зал, предназначенный для устройства политических, религиозных и т. п. собраний. Здание построено в 1831 году.

4

Эбенезер Чепл – один из молитвенных домов, принадлежащих какой-нибудь из многочисленных протестантских сект.

5

Эсквайр – звание, которое в эпоху феодализма получали оруженосцы рыцарей; с течением времени оно было присвоено чиновникам, занимающим должности, связанные с доверием правительства (например, мировым судьям, адвокатам, имеющим право выступать в Суде Королевской Скамьи, и др.), но в эпоху Диккенса это значение было уже утрачено и в обиходе присваивалось состоятельным буржуа; в настоящее время вышло из обихода.

6

Хорнси, Хайгет, Брикстон, Кемберуэл – окрестности Лондона; первые два к северу, вторые – к югу; в настоящее время вошли в черту города.

7

Похвала людей для него – угроза поджога... – Диккенс прибегает к исторической идиоме «Суинг», означающей «угроза»; этим вымышленным именем «капитан Суинг» в Англии нередко подписывались письма с угрозой поджога имений; письма рассылались помещикам от имени сельскохозяйственных рабочих во время аграрных волнений. Эта идиома – пример анахронизма в романе, так как протокол Пиквикского клуба помечен 1827 годом, а «суинговские» письма относятся к более позднему времени – к началу 30-х годов.

8

Пассажирские кареты. – В эпоху Диккенса междугородные пассажирские кареты вмещали четыре «внутренних» пассажира и, если багажа было мало, десять-двенадцать «наружных» на плоской крыше; один из них мог сидеть впереди на козлах, рядом с кучером, и другой – позади, с кондуктором.

9

Уотермен – специальный слуга па стоянке пассажирских и почтовых карет; на его обязанности – поить лошадей («уотер» – вода) и следить за очередностью посадки пассажиров; наименование пришлось сохранить, ибо у нас в прошлом на почтовых станциях не было слуг с таким кругом обязанностей.

10

Боб – шиллинг на лондонском диалекте.

11

Пентонвилл – лондонский пригород, в который вливалась Госуэлл-стрит, где жил мистер Пиквик.

12

Шпион – так лондонские горожане называют полицейского осведомителя.

13

Грог – ром, разбавленный наполовину водой; происхождение этого наименования относится к середине XVIII века, когда адмирал Вернон отдал приказ выдавать матросам разбавленный ром. Верхней одеждой Вернона обычно служил грубый шерстяной плащ (грогрэм); моряки прозвали Вернона «Старый грог» и перенесли эту кличку на напиток.

14

Комодор – звание в английском военном флоте, среднее между капитаном 1-го ранга и контр-адмиралом. В эпоху Диккенса пассажирские кареты, в отличие от почтовых, часто носили это название.

15

Брамеджемские пуговицы – фальшивые серебряные монеты, искаженное «бирмингемские», названные так потому, что во времена Диккенса город Бирмингем, центр металлообрабатывающей промышленности, еще с XVII века пользовался дурной славой поставщика фальшивой монеты.

16

Рочестер – древний городок на правом берегу реки Медуэй, впадающей в Темзу.

17

Уайтхолл – улица, ведущая от Чаринг-Кросс, главной площади Сити, центрального района Лондона; Джингль намекает на короля Карла I, которого вывели на эшафот из окна дворца, находившегося на этой улице и называемого также Уайтхолл; дворец сгорел в XVII веке и отстроен только в части, сохранившейся до нашего времени.

18

Замечательный пример пророческой силы отличавшей воображение мистера Джингля. Этот диалог происходил в 1827 году, а революция – в 1830 году. (*Прим. автора.)*

19

Саксонские двери – двери так называемого «саксонского» стиля, которым характеризуется архитектура Англии до завоевания ее в XI веке нормандцами.

20

Кент – графство, граничащее на северо-западе с Мидлсексом, включающим Лондон.

21

Дракон – то есть изображение дракона, поверженного наземь св. Георгием, на одной из сторон соверена (английской золотой монеты в один фунт стерлингов – 20 шиллингов или 240 пенсов); в игре в орлянку эта сторона монеты называется также «женщина»; происхождение этого жаргонного английского названия неизвестно, почему Диккенс и предположил, что Джингль так называл дракона «из любезности».

22

Александр Селькирк – английский матрос, шотландец, проживавший в одиночестве на необитаемом острове Хуан Фернандец в Тихом океане; на этот остров, в четырехстах километрах от берегов Чили, он был высажен в виде наказания капитаном корабля «Пять портов» во время плаванья и прожил на острове с 1704 по 1709 год, когда был снят с острова проходившим кораблем. Судовой журнал Вудса Роджерса, капитана этого корабля, опубликованный в 1712 году, послужил основой для «Робинзона Крузо» Дефо и для романа французского беллетриста Х. Сентина «Один!» (1857).

23

Нигес – напиток, названный так по имени составителя его: портвейн с сахаром и лимоном.

24

Форт Питта – одно из укреплений города Четема (на правом берегу впадающей в Темзу реки Медуэй), где находится и в настоящее время одна из главных военных баз Англии.

25

Двухпенсовый письмоносец – почтальон, разносивший в лондонском Сити городские письма, доставка которых во времена Диккенса оплачивалась двумя пенсами (8 копеек).

26

Черноокая Сьюзен – героиня баллады Джона Гея (XVIII век), автора известной «Оперы нищего».

27

Сарийская, сторона – лондонский приречный район, к югу от Темзы, называемый также Саутуорк.

28

Нью-Риверский водоем – резервуар для снабжения водой северного Лондона.

29

Менор Фари, Дингли Делл – измышленные Диккенсом названия поместья (первое название) и городского поселка (второе); в литературе о Диккенсе можно найти множество догадок о том, какую реальную помещичью усадьбу Диккенс избрал для прославленного описания святок н приключений мистера Пиквика в английском поместье, но единого мнения у диккенсоведов нет.

30

Рипстонский ранет – поздно созревающий сорт яблок.

31

Юный Лемберт – Дэниел Лемберт, феноменальный толстяк, весом около двадцати пудов; он выступал в балаганах в самом начале прошлого века, умер сорока лет, в 1809 году.

32

Магльтон – корпоративный город – название города вымышлено Диккенсом; эпитет города «корпоративный» указывает на то, что этот город некогда получил от короля право на самоуправление и тем самым не был подчинен властям графства.

33

Фримены – полноправные граждане, сохранившие в ту эпоху, к которой Диккенс приурочил события «Пиквика» (то есть в 1827 году), всю полноту политических прав с добавлением некоторых фактических привилегий, являвшихся историческим пережитком (например, фактическая монополия выборов в органы городского управления). После избирательной реформы 1832 года и муниципальной реформы 1835 года различие между фрименами и остальными гражданами, имевшими, в пределах новых законов, избирательные права, сгладилось.

34

Боулер, скаут – название игроков в старинной английской игре крикет; боулер бросает мяч, скаут останавливает летящий мяч, которым противник пытается сбить перекладину ворот.

35

Лицензия – разрешение на заключение брака без предварительного тройного оглашения в приходской церкви; в эпоху Диккенса (то есть до введения гражданской регистрации брака) эти разрешения в Англии можно было купить в канцеляриях викариев (заместителей) епископов англиканской церкви, а в Лондоне – в канцелярии генерального викария, где побывал Джингль.

36

Боро – второе название лондонского приречного района к югу от Темзы Саутуорка; нарицательное имя «боро» (бург) превратилось в собственное, хотя для того же Лондона боро сохраняет и нарицательное значение: так называется в Англии город или местечко, иногда имеющее корпоративное устройство (см. выше) и всегда – право парламентского представительства; в Лондоне около трех десятков таких боро – то есть районы приравниваются к пунктам, имеющим право представительства в парламент.

37

Джек Кеч – лондонский палач Джон Кеч (жил во второй половине XVII века, после реставрации Стюартов), чье имя и фамилия («Джек» – уменьшительное от «Джон») стали нарицательными для палача.

38

Вакса Дэя и Мартина – Дэй и Мартин – лондонская популярная фирма по производству ваксы; конкурировала с фирмой Уоррена, где Диккенс работал мальчиком, завертывая баночки с ваксой и наклеивая на них ярлыки.

39

Докторс-Коммонс – ряд зданий, некогда принадлежавших корпорации юристов, которые вели дела клиентов в церковном суде; этому суду, находившемуся в одном из таких зданий, подсудны были дела семейные, наследственные и по делам адмиралтейства; суду также присвоено было название Докторс-Коммонс, а во всех зданиях, расположенных вокруг него, разместились многочисленные конторы адвокатов при церковном суде; в зданиях Докторс-Коммонс находилась также канцелярия генерального викария (заместителя лондонского епископа), выдававшая упоминаемую Диккенсом лицензию – свидетельство об освобождении вступающих в брак от оглашения в церкви о предстоящем браке.

40

Проктор – адвокат при суде Докторе Коммонс (см. предыдущее прим.), судопроизводство в котором сильно отличалось от судопроизводства в общих судах, но было таким же сложным и запутанным и сопровождалось такой же чудовищной волокитой; поскольку ведение процесса в Докторс-Коммонс требовало от адвокатов знания канонического права и прецедентов в этой области, прокторы были выделены в особую корпорацию, и кандидаты в прокторы проходили специальную подготовку, описанную Диккенсом в романе «Дэвид Копперфилд». После ликвидации суда Докторс-Коммонс в 1857 году прокторы вошли в корпорацию солиситоров (см. «*поверенный*»).

41

Одд-Бейли – лондонский уголовный суд, на который перенесено было название улицы Олд-Бейли, где суд находился.

42

Приход – район, входящий в состав графства или города; церковно-историческое происхождение такого административного деления обнаруживается в названиях «приходов», связанных с какой-либо церковью.

43

Amicus curiae – «Друг суда», то есть советник, консультирующий при ведении судебного дела, но не выступающий официально.

44

Аргумент ad captandum – юридический термин (*лат.*) – довод, цель которого завладеть чем-либо. Перкер, уснащая свою речь юридическими терминами, хочет сказать здесь, что полгинеи, предлагаемые Пиквиком Сэму, есть довод для получения необходимых сведений, и таким «доводом» Пиквик вторгается в компетенцию Перкера.

45

Не тревожьте Джорджа Барнуэла... – Джорж Барнуэл – герой известной буржуазной драмы Джорджа Лилло «Лондонский купец, или История Джорджа Барнуэла» (1731), очень популярной в Европе в течение целого столетия. Сэм Уэллер имеет в виду именно этого героя, но Перкер пытается сослаться на книгу юриста Р. Барнуэла, посвященную разбору дел, слушавшихся в Суде Королевской Скамьи.

46

Поверенный – Диккенс в данном случае, как и во многих своих произведениях, употребляет термин «атторни». Таково было звание английского юриста, выступавшего в процессе как должностное лицо вплоть до начала XIX века. В эпоху, к которой относится время действия «Пиквика», это звание было уже пережитком – оно вытеснилось званием «солиситор», существовавшим параллельно со званием атторни еще с XVII века, но в конце концов заменившим последнее.

47

Таблицы А и Б – перечень английских городов, приложенный к закону 1832 года о выборах в парламент; в эти таблицы вошли города и населенные пункты, которым закон впервые предоставил право выбора членов парламента либо лишил этого права.

48

Синие и Желтые – в «Пиквике» синие – тори (позднее – партия консерваторов), желтые – виги (позднее – партия либералов) – две основные партии господствующих классов Англии.

49

Сламки-Холл, Физкин-Лодж – названия поместий кандидатов двух партий, конкурировавших на выборах; следует отметить, что Диккенс не обмолвился ни одним намеком на различие политических программ двух провинциальных помещиков, выступавших соперниками на выборах; это не является ошибкой Диккенса: если в политических программах тори и вигов его эпохи и было некоторое различие, то оно нисколько не влияло на ход избирательной «борьбы» в английской провинции. Близкое знакомство Диккенса с обстановкой и методами такой борьбы (в бытность его разъездным газетным корреспондентом) убедили его в том, что в провинции во время выборов никакой идейной борьбы между тори и вигами нет и в помине, а происходит драка между двумя политическими кликами, борющимися за теплые местечки. Потому-то классическое описание «итенсуиллских выборов» является отнюдь не карикатурой на политическую жизнь Англии времен Диккенса, но образцом реалистической сатиры.

50

Констебли – полицейские, состоявшие на службе в полиции до реформы ее в 1839 году. «Специальные констебли» на службе не состояли, вербовались из «благонамеренных» граждан и были обязаны дать присягу в том, что будут оказывать поддержку полиции в охране порядка.

51

Мальборо – меловые возвышенности по дороге из Лондона на запад к Бату известному курорту с горячими минеральными источниками.

52

Полдюжины львов – ироническая кличка группы литераторов и других гостей миссис Хантер, мнящих себя «знаменитостями», перекликается с ее фамилией (хантер – охотник, –ца) и именем ее супруга (лио – лев), которым, по английскому обычаю, нередко заменяется собственное имя замужней женщины.

53

Большой парик – длинный парик, по традиции носимый в Англии государственными судьями и адвокатами при исполнении обязанностей; гротескный иностранец, гость миссис Хантер, спутал, по созвучию, фамилию «Пиквик» и Big Wig – большой парик – и счел Пиквика профессиональным юристом.

54

Бери-Сент-Эдмондс – городок на западе графства Саффок, известный развалинами огромного монастыря, построенного в XI веке.

55

Уокер – фамилия, которой Сэм отрекомендовался, имеет несколько значений: она может значить «пешеход», а также «шутишь?», «ой ли?!» и др. Смысл его остроты раскрывается только в связи со значением фамилии, которой отрекомендовался незнакомец: «Троттер» – рысак.

56

Суд Общих Тяжб – гражданский суд, в котором назначено было слушание дела Бардл против Пиквика, относился к разряду так называемых «судов общего права», которые руководствовались нормами обычного права (в Англии не было и нет кодекса законов), а также судебными прецедентами. Английские юристы, которые испокон веку являлись верными слугами господствующих классов, создали из системы судопроизводства надежный оплот для защиты интересов своих хозяев. Пользуясь отсутствием кодекса законов, они невероятно усложнили судопроизводство; для сторон в судебном процессе они выработали не только детализированные правила представления судебных доказательств, но и предварительного обмена письменными заявлениями, что, разумеется, лишало тяжущихся возможности разобраться в обычаях и судебных прецедентах при заслушании дела в «судах общего права» и закрепляло за юристами монополию по ведению любого, даже самого несложного, процесса. Если прибавить, что функции адвоката были искусственно разделены между юристами разных категорий (см. «*Грейз-Инн*»[75]), то станет очевидно большое прогрессивное значение возмущенного протеста Диккенса против правопорядка и организации судебного дела в Англии. С этим возмущением Диккенса читатель встретится во многих его произведениях и, в первую очередь, в «Пиквике», где Диккенс дал сатирическое, но очень точное, описание процесса Бардл против Пиквика в Суде Общих Тяжб.

57

Тайбурн – место, где казнили в Лондоне преступников вплоть до 1783 года; еще в конце XVIII века оно находилось в двух-трех километрах за чертой города, в настоящее время – в западном конце Оксфорд-стрит.

58

Пороховые ловушки – капканы со взрывчатыми веществами, применяемые землевладельцами для охраны своих полей от браконьерства.

59

Бидл – низшее должностное лицо в приходе (районе), избираемое общим собранием налогоплательщиков, живущих в приходе. Сперва бидл был курьером приходских собраний, затем в его руки перешел надзор за судьбой бедняков нуждающихся в помощи или помещенных к «работный дом» (см. роман «Оливер Твист»), и за «порядком» в церквах при богослужениях.

60

Поверенный – Диккенс в данном случае употребляет термин «солиситор» звание юриста низшего разряда с компетенцией ходатая по делам (to solicit – ходатайствовать), обнаруживающее разделение английской адвокатуры на разряды. Это разделение является иллюстрацией кастовой организации адвокатуры. Такая организация, по замыслу господствующих классов Англии, преследовала двойную цель: с одной стороны, расширить компетенцию адвокатов, вышедших из кругов аристократии и крупной буржуазии, а с другой – усложнить судопроизводство и лишить трудовой народ возможности защищать свои права судебным порядком, так как ведение дела связано было для трудящихся с непомерными расходами. Диккенс, обучавшийся в течение четырех лет юриспруденции (в должности клерка) в конторах солиситоров, превосходно это знал, и никто из английских писателей не разоблачил с таким знанием дела и с такой силой, как он, уродливость английского «правосудия», немаловажным элементом которого является организация адвокатуры. В

процессе исторического развития института адвокатов более привилегированные слои господствующих классов оттесняли менее привилегированные и, наконец, исключили их из Иннов. Таким образом, лица, принадлежавшие к менее имущим слоям буржуазии, должны были проходить подготовку в качестве клерков в конторах практикующих юристов – своих старших собратьев по профессии солиситора. В отличие от полноправных юристов (баристеров, см. «*Грейз-Инн*»[75]) солиситор и в наше время должен прослужить в учении клерком от трех до пяти лет, посещать в течение года какую-нибудь юридическую школу, избираемую Юридическим обществом (объединяющим солиситоров), и сдать экзамен; после этого он допускается к выступлению только в судах графств и в мировых судах, но все остальные суды для него закрыты; он ведет только внесудебные дела и является посредником между клиентом и баристером, которому подготавливает материалы для выступления в любой из многочисленных судебных инстанций Англии.

61

Суд Королевской Скамьи – один из трех высших судов общего права (два другие: вышеупомянутый Суд Общих Тяжб и Суд Государственного Казначейства), функции которого менялись на протяжении столетий со дня его возникновения. В эпоху Диккенса это был высший суд по делам о преступлениях должностных лиц, от государственной измены до маловажного проступка, – разбор важнейших уголовных дел и апелляций на решения мировых судов и проч. Несмотря на то, что это суд уголовный, его ведению подлежали также и гражданские иски, основанные на нормах обычного права.

62

Канцлерский суд – высший суд, не входящий в систему судов общего права и созданный в раннюю эпоху феодализма как дополнение к системе судов, опиравшихся на королевские указы, нормы обычного права и судебные прецеденты. Председателем его является канцлер (министр юстиции), который формально не связан ни парламентским законом, ни обычаем, ни прецедентом и должен руководствоваться «справедливостью» и издавать «приказы» для удовлетворения возникающих новых правоотношений. Такая практика Канцлерского суда и «приказы» канцлера привели очень скоро к неустранимым противоречиям «суда справедливости» и «судов общего права», создав необычайные трудности применения и толкования законов. Различие в судопроизводстве двух систем суда еще более углубило эти противоречия, а право судей применять по своему выбору либо «общее право», либо «право справедливости» открыло полный простор судейскому произволу. Вместе с тем с течением времени совершенно исказился принцип, лежавший в основе Канцлерского суда, который превратился в еще более уродливый орган «правосудия», чем «суды общего права». Не удивительно поэтому, что Диккенс с особенным возмущением относится к Канцлерскому суду; описанию чудовищной волокиты, связанной с судопроизводством в этом суде, он уделил немало места в романе «Холодный дом», а в «Пиквике» вывел двух жертв этого суда: заключенного в тюрьме Флит «канцлерского арестанта», просидевшего в ней двадцать лет и умершего там, не дождавшись решения суда, а также другого заключенного той же тюрьмы сапожника, двенадцать лет дожидавшегося решения суда по своему делу.

63

Зейдлицкий порошок – смесь соды и винно-каменной кислоты; из него приготовляется освежающий напиток, являющийся вместе с тем легким слабительным.

64

Блюхеровские башмаки – высокие зашнурованные ботинки.

65

Сомерс-Таун – район Лондона к северо-западу от Сити, бывший еще пригородом в годы детства Диккенса.

66

Судебный приказ – в данном случае распоряжение суда, соответствующее нашему исполнительному листу.

67

Кемберуэл – заречный район Лондона к югу от района Боро.

68

Декларация по иску зарегистрирована – то есть занесена в список в одной из канцелярий, где, по закону, должны регистрироваться все судебные документы; такая регистрация связана с уплатой судебных издержек, чем и запугивает недобросовестный Фогг бедняка Ремси.

69

Адвокатская гарантия – обязательство, выдаваемое должником (Ремси) поверенному кредитора (Фоггу), уплатить сумму долга, но с оговоркой, что эта сумма не взыскивается немедленно, если уплата долга не вызывает сомнений. Фогг мог всякими уловками отодвигать получение долга и таким образом увеличивать судебные издержки Ремси, а значит, и свой адвокатский гонорар; как видно из «Пиквика», он был уверен, что хозяева бедняка Ремси вынуждены будут уплатить все сполна.

70

Первоначальный приказ – соответствует, с некоторыми отклонениями, нашей повестке о вызове в суд ответчика по иску.

71

Книга praecipe – книга у адвокатов, в которой регистрировались документы их клиентов; называлась так потому, что один из «первоначальных приказов» начинался со слов: «Уведомляю, что...» (praecipe quod...).

72

Меншен-Хаус – здание, в котором живет лорд-мэр Лондона.

73

Чемсфорд – городок в тридцати милях к северо-востоку от Лондона.

74

Уайтчепл – северо-восточный район Лондона, населенный беднотой; по количеству трущоб Уайтчепл превосходит остальные рабочие районы Лондона; в частности, здесь проживают бедняки-иммигранты.

75

Грейз-Инн – один из Иннов, расположенных в пределах лондонского района Темпль. Судебные Инны (названия которых распространялись на дома, где жили члены Иннов) являются лишним доказательством классовой организации английской адвокатуры. Основанные еще в XIII веке корпорации юристов – так называемые «Инны» – монополизировали право подготовки полноправных юристов баристеров, уполномоченных выступать во всех судах Англии (слово «баристер» – произошло от слова «bar» – суд). В прошлом судебные Инны были строго аристократическими корпорациями; они управлялись бесконтрольно своими старейшинами (бенчерами), издавна организовавшими юридические школы, студенты которых проживали в общежитиях при этих Иннах и подчинялись распорядку, установленному бенчерами. С течением времени доступ в эти школы, обучение в которых стоило недешево, получили и выходцы из буржуазии, но замкнутый характер корпораций не изменился: юристы (атторни), получившие практическую подготовку в адвокатских конторах и являвшиеся в большинстве выходцами из кругов мелкой буржуазии, не имели доступа в корпорации судебных Иннов. При этом корпорациям Иннов удалось сохранить монополию на выступления своих членов в любом английском суде, а потому атторни, переименованные, как мы указали, в солиситоров, должны были довольствоваться в основном ролью поверенных. С

другой стороны, замкнутость корпораций баристеров имела своим последствием укоренившийся обычай: баристеры входили в общение с клиентами только через посредство солиситоров, которые вели до суда сложную подготовительную работу. В среде баристеров была группа привилегированных юристов, королевских юрисконсультов (king's council); это звание присваивалось правительством немногим ученым адвокатам, называвшимся также «сарджентами», что соответствовало в далеком прошлом ученой степени «доктор прав». Именно такой королевский юрисконсульт, помимо баристера, как увидит читатель, принимал участие в процессе Пиквика. Хотя эти королевские юрисконсульты формально являются и теперь должностными лицами, но подчиняются руководству судебных Иннов, прием в которые обставлен был во времена Диккенса, как и теперь, такими правилами: кандидат после вступительного экзамена должен пройти трехлетний курс обучения в юридической школе и помимо высокой платы за обучение внести крупную сумму за право держать выпускной экзамен (в настоящее время до двухсот фунтов); после экзамена кандидат становится членом судебного Инна, баристером. Но доступ в юридическую школу судебного Инна открыт кандидату при одном условии: он должен представить рекомендации о своем «добром имени». Совершенно очевидно, что это условие и в эпоху Диккенса и в настоящее время еще более подчеркивало классовый характер членского состава Иннов, так как руководители их являлись и являются самыми преуспевающими адвокатами – верными защитниками современного социального строя Англии. Такой порядок существует и существовал в главных четырех судебных Иннах – в Грейз-Инне, в Линкольн-Инне, в Мидл Темпле и в Иннер Темпле, а также и в девяти подчиненных им менее крупных Иннах.

76

Старейшины – см. прим. «Грейз-Инн».

77

Ньюгет – центральная лондонская тюрьма для уголовных преступников. Эта тюрьма находилась в районе собора св. Павла, была частью разрушена во время беспорядков 1780 года, вызванных антикатолической агитацией (так называемый «мятеж лорда Гордона», описанный Диккенсом в романе «Барнеби Радж»), после чего вновь была восстановлена. В 80-х годах прошлого века закрыта.

78

Методистский орден – Уэллер-старший называет методистскую секту «орденом» в насмешку. Диккенс дал в «Пиквике» остро сатирические портреты пастырей и членов методистской «церкви», основанной в середине XVIII века англичанином Джоном Уэсли для борьбы с рационализмом и для поднятия авторитета св. писания. Эта секта сразу же стала оплотом ханжества и вызывала резко отрицательную оценку передовых писателей Запада.

79

Тростниковая свеча – сальная свеча с фитилем из сердцевины камыша; такая свеча горела очень тускло.

80

Челси – в эпоху Диккенса большой лондонский пригород на северном берегу Темзы.

81

Прочесть закон о мятеже – старинное предписание английским мировым судьям, при возникновении уличных беспорядков, прочесть перед толпой установленную законом формулу «о мятеже», после чего властям разрешалось применять вооруженную силу для восстановления «порядка». Это предписание утратило свое значение и не применялось задолго до эпохи Диккенса, и эти слова судьи Граммера еще более подчеркивают его глупость.

82

Великая хартия – закон короля Англии Иоанна Безземельного 1215 года, обеспечивающий английским баронам неприкосновенность их феодальных прав. Этот закон, включающий некоторые гарантии против произвола королевской власти, сохранял за королем ряд прерогатив и, в частности, запрещение поединков без королевского разрешения.

83

Пробел – в ордере на арест, по английскому праву, должно быть проставлено имя того, кто подлежит аресту, и одной фамилии недостаточно; если властям имя неизвестно, то оно заменяется точным описанием подлежащего аресту лица. Поэтому «пробел», оставленный в ордере на арест Пиквика и Тапмена, послужил для Пиквика основанием оказать сопротивление.

84

Против мира державного нашего государя короля – нарушение старинного королевского указа о соблюдении общественного «порядка» считается по английским законам преступлением против «личности» короля, чем и объясняется это выражение.

85

Портшез – закрытое, переносное на шестах кресло с оконцами; появилось в середине XVII века и вышло из употребления в середине XIX века.

86

Ступальная, мельница – дощатый круг, по которому ходит человек (или лошадь), вращая ось колеса для передачи механической энергии; применялась на каторжных работах, что имеет в виду Сэм Уэллер.

87

...как говорил король Ричард Третий – одна из присказок Сэма, который имеет в виду героя хроник Шекспира; убитый Ричардом король – Генрих VI, а «дети» – сыновья умершего Эдуарда IV.

88

Ньюгетский справочник – шеститомное издание, включающее биографии важнейших преступников, заключенных в центральной лондонской тюрьме Ньюгет с 1770 года.

89

Мистер Персевел – английский премьер-министр, убитый в 1812 году в кулуарах парламента психически больным.

90

Эренделская карета – карета, курсировавшая между Лондоном и Эренделом, городком в графстве Сассекс.

91

Хорнер – герой детской сказки, лакомый до рождественского пирога, как и толстяк Джо.

92

Йомен – название свободных от крепостной зависимости зажиточных крестьян в эпоху феодализма, являвшихся земельными собственниками; с течением времени иомен превратился в арендатора разных видов, и в XVIII веке класс крестьян-собственников в Англии исчез.

93

«Кусающий дракон» – игра, сущность которой состоит в том, что из чаши с горящим коньяком играющие вылавливают пальцами изюм; уосель – напиток, подаваемый, по английской традиции, в торжественных случаях, – подслащенное пиво с яблоками, сахаром, мускатным орехом.

94

...близко от Гайя – то есть лондонской больницы, основанной в начале XVIII века купцом Томасом Гайем.

95

...ходит за, полцены в театр Эдельфи... – то есть после начала спектакля, часов около девяти, когда билеты продавались значительно дешевле; Эдельфи – театр, в котором главным образом ставились мелодрамы.

96

Специальное жюри – то есть специальный состав присяжных по ряду гражданских дел в отличие от обычного состава (в Англии ряд гражданских дел подсуден суду присяжных).

97

Валентинов день – 14 февраля, когда, по английскому обычаю, юноши избирают возлюбленных.

98

...по способу Берка – удушен (по имени преступника, продававшего трупы удушенных им жертв в анатомический театр).

99

Королевский юрисконсульт – звание (почетное) крупных юристов (иначе сарджент), в прошлом соответствовало званию «доктор права».

100

Патены – деревянные подошвы, подкованные низким железным кольцом и прикрепляемые к башмакам ремешком; заменяли калоши вплоть до их появления.

101

Кидерминстерский ковер – дешевый ковер особой выделки; производился в Англии, в городе Кидермипстере.

102

Больница Барта – больница Сент-Бартоломьюз (св. Варфоломея), которая является самой старинной лондонской больницей.

103

...открыты последние «натуральные»... – комбинация карт в игре «двадцать одно».

104

...мотив, сложенный из двух других... – музыка популярной песенки «Бискайский залив» была написана Дж. Дэви; старинная баллада, начинавшаяся словами: «Лягушка хотела бы посвататься», известна была еще в XVII веке, мотив ее менялся.

105

Валентинка – анонимные письма молодых людей своим избранницам в Валентинов день.

106

Святочный ящичек – ящичек, в который вкладывались деньги, вручаемый поздравлявшему со святками.

107

Уорреновская вакса – вакса фирмы Уоррена, в предприятии которого Диккенс работал мальчиком.

108

Ролендовское масло – растительное масло для волос, изготовляемое фирмой Роленд.

109

Дибдин (1745-1814) – популярный английский композитор и автор песенок.

110

Гилдхолл – ратуша лондонского Сити; в ней слушалось дело Пиквика, так как заседания Суда общих тяжб по делам лондонского Сити происходили в ратуше, а не в здании Уэстминстер, где в этом же суде разбирались дела жителей графства Мидлсекс, из которого Лондон был выделен.

111

«Открыл дело» – юридический термин, которым пользуется Диккенс для игры слов, означающий краткое изложение сущности дела и оснований судебного иска. Читатель, приступающий к чтению глав о процессе Бардл против Пиквика, сразу встречается с тремя разрядами адвокатов. Вот перед нами юрист Перкер. Он ведет своего клиента, Пиквика, ко второму юристу – знаменитому адвокату, королевскому юрисконсульту (сардженту). Этот второй юрист обращается к первому с вопросом: «Кто еще участвует в деле?» Перкер называет, и посылают за третьим юристом. Наступает день суда. Первый юрист молчит, третий юрист только допрашивает свидетелей, выступает перед судьей и присяжными лишь второй. Первый и третий юристы должны участвовать в деле: первый всегда, а третий с сарджентом. Но ни второй юрист, ни третий не имеют права входить в непосредственное отношение с клиентом, а могут это делать только через первого, который значительно ниже их рангом. Но еще раньше (в гл. XXXI) выясняется, что третий юрист (его зовут Фанки) был юниором, то есть «младшим» в процессе, а юниор (или плидер) не есть полноправный барристер – он ведет до судебного заседания всю письменную подготовку дела, совместно с солиситором пишет заявления в суд и возражения на заявления противника, но выступать в суде не имеет права. Почему же Фанки выступал, хотя бы допрашивая свидетелей? Потому что он сам был барристером и, ввиду отсутствия клиентов, взял на себя обязанности юниора, хотя был рангом выше, чем юниор. Судебное заседание, сатирически нарисованное Диккенсом, дает читателю ясное представление о том, как организована английская адвокатура и какие препятствия стоят в этом отношении перед бедняком, вынужденным обращаться к суду для защиты своих прав.

112

...у Гереуэя... – в кафе, основанном Томасом Гереуэем в XVII веке.

113

Газовый микроскоп – проекционный фонарь, освещавшийся газом и дававший на экране увеличенное изображение предмета. Этот фонарь, названный «газовым микроскопом», широко рекламировался и даже был выставлен для демонстрации в Лондоне на Стренде в «Галерее практических наук» (на экране, например, демонстрировалось изображение блохи). Шарлатанство рекламы заключалось в том, что сообщались фантастические данные об увеличении предмета в миллион раз, чем и объясняется упоминание Сэма о «газовых микроскопах особой силы, увеличивающих в два миллиона раз».

114

Бат – популярнейший английский курорт на западе Англии с целебными минеральными источниками.

115

...гибкая трость черного дерева... – Диккенс допустил ошибку, полагая, будто трость черного дерева может быть гибкой.

116

Клепхем-Грин – юго-западное предместье Лондона.

117

Рапе – французский крепкий нюхательный табак.

118

Томпионовские – стенные или стоячие часы часы работы известного английского часовщика конца XVII века Томпиона (ум. в 1713 г.); его часы славились затейливым боем и точностью.

119

Статуя Нэша – статуя Ричарда Нэша (род. в 1674 г.), игрока, искателя приключений, который в конце концов избрал своей профессией устройство публичных увеселений для «светского» общества и прославился своей деятельностью на посту «церемониймейстера» Бата.

120

Батское кресло – кресло на трех колесах для больных, подталкиваемое сзади слугой.

121

Плиний (старший) – римский историк и натуралист 1 в. н. э., погибший при извержении Везувия.

122

Пролив – Диккенс имеет в виду Бристольский пролив между полуостровами Уэллс и Корнуолл на западе Англии.

123

Клифтон – живописный пригород Бристоля, известный своими минеральными источниками.

124

Гиг, стенхоп, охотничья – виды двуколок; гиг – напоминает ящик, стенхоп – с одним сиденьем на высоких колесах, в охотничьей двуколке пассажиры сидят спиной друг к другу, а собака помещается под ними в ящике.

125

Ботени-Бей – порт на восточном берегу Австралии, куда впервые в 1788 году были сосланы английские каторжники; превращен был в место ссылки преступников на каторжные работы и вошел в состав колонии Новый Южный Уэллс, чем и объясняется ироническая характеристика манер Джингля.

126

Вы – квакер? – Иронический вопрос Сэма вызван тем, что чиновник шерифа, войдя в комнату, не снял шляпы; члены религиозной секты квакеров отказывались снимать шляпу перед кем бы то ни было, усматривая в этой норме общежития нарушение начал равенства между людьми.

127

Уайткросс-стрит – улица, на которой находилась одна из долговых тюрем с тяжелым режимом.

128

Флит – одна из древнейших лондонских тюрем, в которую с XVII века заключали только неисправных должников; была снесена в 1845 году.

129

Habeas corpus – указ, который король Карл II Стюарт вынужден был издать в 1879 году в связи со злоупотреблением властью министров и чиновников, вызвавшим народные волнения; указ должен был обеспечить жителям Англии наличие законных оснований для лишения свободы, и действие его приостанавливалось постановлением парламента. К этой мере господствующие классы Англии прибегали не раз, приостанавливая действие habeas corpus при возникновении народных волнений; так, например, с 1715 до 1818 года действие указа приостанавливалось сроком до одного года тринадцать раз.

130

Сарджентс-Инн – одна из юридических корпораций на Флит-стрит.

131

Галерея – так назывался каждый этаж четырехэтажной тюрьмы Флит; подвал тюрьмы назывался «Ярмарка».

132

Феррингдонский отель – то есть тюрьма Флит, которая находилась на Феррингдон-стрит, пересекающей Флитстрит.

133

Суд на Портюгел-стрит – лондонский суд по делам о несостоятельности.

134

Чучело Гая Фокса – гротескное чучело с фонарем и в огромных белых перчатках, изображающее одного из участников так называемого «порохового заговора» 1605 года, организованного католической оппозицией против Иакова 1 Стюарта. По замыслу вожаков католической партии в подвалы парламента были помещены бочки с порохом, поджог поручен был *Гаю Фоксу* и был назначен на день выступления короля с обычной тронной речью. Благодаря случайности взрыв был предотвращен, заговор раскрыт, главные зачинщики и среди них Гай Фокс погибли на эшафоте, а чучело с изображением Гая Фокса лондонцы ежегодно – в годовщину покушения, 5 ноября – носили по улицам и торжественно сжигали. Этот обычай, о котором Диккенс часто упоминает в своих романах, сохранялся в течение двух с половиной столетий.

135

«Miscellanea» Констебля – «Смесь» Констебля – серия дешевых книг разнообразного содержания, издаваемых известным книгоиздателем Констеблем с 20-х годов прошлого века.

136

Коронер – чиновник, главной обязанностью которого является осмотр трупов, обнаруженных с признаками внезапной или насильственной смерти, и производство дознания по этому вопросу. Решения выносятся так называемым «судом коронера» – 15-18 присяжными, призываемыми на место нахождения трупа (пережиток XIII века). Также с участием присяжных коронер производит дознание о причинах пожаров, если есть предположения о поджоге, о причинах кораблекрушений и пр..

137

Хаундсдич – улица в Лондоне, являвшаяся в эпоху Диккенса центром торговли поношенным платьем.

138

«Тюремные границы» – район вокруг тюрьмы Флит, в пределах которого заключенным несостоятельным должникам разрешалось проживать. Такие же «границы» были вокруг других тюрем, и существовала такса, определяющая плату за право проживания.

139

Красноносый Никсон – автор дешевых бульварных книжек с прорицаниями.

140

Бумажник in octavo – то есть размером в восьмую долю листа – гиперболизм Диккенса.

141

Дик Терпин – известный разбойник XVII века, герой многочисленных баллад и повестей.

142

Хаунсло-Хит – вересковая пустошь к западу от городка Хаунсло, где Терпин совершал грабежи чаще, чем на других больших дорогах.

143

Кенсингтон – в эпоху Диккенса лондонское предместье с большим парком, вошедшее позже в черту города. В парке находится один из дворцов, где жил король до середины XVIII века.

144

Бентамский петушок – порода бойцовых петухов, известных своей драчливостью, на что намекает сапожник.

145

...тысячи по доверию... – то есть поручили в завещании душеприказчику распределить имущество между наследниками.

146

Caveat (берегись!) – юридический термин, который сапожник переводит «стоп!»; так называется заявление заинтересованных лиц в суд о том, что завещание не должно приводиться в исполнение, так как они намерены его оспаривать.

147

Друрилейнский театр – один из двух главных лондонских театров, открытый во второй половине XVII века; на его сцене ставились все классические английские пьесы.

148

...снаружи – святого Симона, а внутри – святого Враля – Уэллер-старший намекает на то, что ханжа Стиггинс внешне похож на волхва Симона, который, по библии, для вящей убедительности своего сана священнослужителя предлагал апостолам купить у них власть «подавать» дух святой через возложение рук.

149

Тодди – любимый напиток шотландцев – водка, разбавленная подслащенной горячей водой.

150

Мертвые письма – так называются в Англии не доставленные адресату или невостребованные письма.

151

Гримальди – знаменитый английский клоун Джозеф Гримальди (1779-1837), мемуары которого Диккенс редактировал в 1838 году.

152

Ковентри – городок в ста пятидесяти километрах к северо-западу от Лондона, в графстве Уорвик.

153

Ни один человек не видел мертвого осла... – намек на эпизод из романа Стерна «Сентиментальное путешествие» (1768).

154

Брамовский замок – замок, изобретенный инженером Брама, напоминающий современные автоматические замки.

155

Диспансация – в богословии: порядок, установление свыше.

156

Демерара – область в английской колонии Британская Гвиана, в Южной Америке.

157

Эбернетиевский бисквит – Диккенс в шутку называет так хлеб; Джон Эбернети, лондонский врач конца XVIII и начала XIX века, занимался вопросами пищеварения и рационального питания.

158

Ричмонд – городок к югу от Лондона на правом берегу Темзы.

159

«Газета» – «Лондонская газета», официальный орган английского правительства; в нем печатаются правительственные распоряжения, назначения и перемещения чиновников, судебные решения по делам о банкротстве и т.д..

160

Даличская галерея – собрание картин, находящееся в городке Даличе, живописном пригороде Лондона; галерея помещается в колледже, основанном актером Оллейном, современником Шекспира, и включает свыше трехсот картин европейского искусства, начиная с XVI века; колледжу галерея завещана художником П. Буржуа, получившим ее также по завещанию от Озанфана, торговца картинами.

161

«А вот медведи!» и оживает снова – в основе анекдота Сэма лежит объявление в газете «Таймс» за 1793 год; в объявлении сообщалось, что некий парикмахер Росс держит у себя медведей и на днях им был убит «жирный русский медведь», сало которого он продает по 46 шиллингов за фунт. Упоминание об этом «историческом факте» мы находим также в романе «Жизнь и приключения Николаса Никльби», гл. 35.

162

Ангел в Ислингтоне – популярная лондонская харчевня, в районе Ислингтон, на вывеске которой был изображен ангел.